This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07855856 0

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ XXXVII — ТОМЪ CCXIV. — 1/13 МАРТА 1873.

Digitized by Google

Digitized by Google

.NUEXEM

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

СОРОКОВОЙ ТОМЪ

ВОСЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста, № 30.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
253690
ASTOR LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 190 L

Digitized by Google

ПОСЛѢДНЯЯ ПОЛОСА

Посв. С. А. Юрьеву.

Клонится къ западу солнце прекрасное,
Прячетъ лучи за свинцовою тучею—
Словно грозу обѣщаетъ гремучую,
Или на утро погоду ненастную.
— Солнце румяное, солнышко лживое!
Дай старику сжать послѣднюю пóлосу! —
Грудью склонившись надъ тощею жнивою,
Съ пѣсней идетъ онъ отъ колоса къ колосу:
Жнивка, жнивка,
Отдай мою силку!...

* * *

Вспомнилъ онъ время, вдругъ, старое, грозное:
Малымъ парнишкою, съ дѣдомъ и съ мамою,
Съ пѣснею дѣтскою, съ пѣсенкой слёзною,
Жалъ онъ полóсыньку эту же самую.
Хлопая громко ременной нагайкою,
Пó полю несся бурмистеръ безжалостный;
Грозно прикрикнулъ онъ дѣдушкѣ съ мамкою,
Мимо промчавшись,—довольный и радостный!..
Жнивка-травка,
Отдай дѣда съ мамкой!..

Digitized by Google

Съ любой женой, молодою, болѣзною,
Дружно жалъ полосу онъ золотистую;
Падала рожь подъ серпами желѣзными,
Быстро снопы выростали волнистые.
Трудно имъ было сжать эту полосыньку!—
Солнце палило лучомъ сожигающимъ...
Выбилась женина русая косынька,
Градомъ катился съ нихъ потъ изнуряющій...
Жнивка, жнивка,
Отдай мою жинку!..

* * *

Всѣхъ-то онъ, всѣхъ схоронилъ безо-времени,
Вырылъ своими руками могилушки!..
Сталъ бобылемъ онъ безъ роду, безъ племени,—
Нѣтъ ему радостей, прежней нѣтъ силушки.
—Солнце прекрасное, солнышко лживое,
Дай старику сжать послѣднюю полосу!—
Горькую пѣснь допѣвая надъ жнивою,
Тихо идетъ онъ отъ колоса къ колосу:
Жнивка, жнивка,
Отдай нашу силку!..

Ив. Якунинъ.

Digitized by Google

ПРЕДАНІЯ

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ

РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ

XIII *).

Преданіе о Владимирѣ до крещенія.

Въ извѣстіяхъ, касающихся этого времени, надобно отличать преданія народныя отъ книжныхъ, естественно образовавшихся вслѣдствіе принятія христіанской вѣры и вмѣстѣ съ нею появленія житій и легендъ, по образцу византійскихъ. Всѣ извѣстія, относящіяся не только къ событію принятія христіанства, но и къ чертамъ жизни Владимира, очевидно, состоявшимъ въ тѣсной связи съ этимъ принятіемъ, мы считаемъ вполнѣ основательнымъ причислить къ книжнымъ преданіямъ какъ по ихъ тону и составу, такъ и потому, что самъ лѣтописецъ проговаривается о скудости, невѣрности и разнорѣчіи преданій народныхъ. Такимъ образомъ, изложивъ всю исторію крещенія, книжникъ замѣчаетъ: «Другіе, не вѣдая правды, говорятъ, будто онъ крестился въ Кіевѣ, другіе въ Василевѣ, а иные говорятъ еще иначе». Представляя событіе въ томъ видѣ, въ какомъ считаютъ его на самомъ дѣлѣ происходившимъ, намъ прямо даютъ знать, что въ народѣ ходили совсѣмъ иныя преданія, которыя къ сожалѣнію не излагаютъ въ подробности.

---

*) См. выше: янв. 5; февр. 570 стр.

Digitized by Google

Къ народнымъ преданіямъ этого времени принадлежатъ короткія воспоминанія о походахъ Владимира. Такимъ образомъ сообщаютъ, что (по лѣтописной хронологіи въ 980-мъ г.) Владиміръ завоевалъ у ляховъ города: Перемышль, Червенъ и другіе— то-есть страну извѣстную впослѣдствіи подъ именемъ Червоной Руси. Въ тотъ же годъ Владиміръ побѣждаетъ вятичей, налагаетъ на нихъ дань, а въ слѣдующемъ году, такъ какъ они отпали и не хотѣли повиноваться, то принудилъ ихъ къ покорности оружіемъ, въ другой разъ. Въ 983-мъ г. онъ ходилъ на ятвяговъ и побѣдилъ ихъ, но вслѣдъ затѣмъ у лѣтописца помѣщенъ разсказъ о мученикахъ-варягахъ, отцѣ и сынѣ, пострадавшихъ вслѣдствіе того, что на сына палъ жребій принести его въ жертву богамъ—уже чисто христіанская, книжная легенда. Подъ 984-мъ и 985-мъ годами помѣщаются преданія о походѣ на радимичей и о походѣ на болгаръ волжскихъ: оба замѣчательны тѣмъ, что носятъ на себѣ черты народной поэзіи. Относительно разсказа объ усмиреніи радимичей мы имѣемъ странное совпаденіе. Въ лѣтописномъ повѣствованіи говорится, что Владиміровъ воевода Волчій-Хвостъ побѣдилъ радимичей на рѣкѣ Пищанѣ и оттого произошла пословица: «пищанцы волчья хвоста бѣгаютъ». Мы слышали одну малорусскую весеннюю пѣсню такого рода:

Пищано, Пищанино,
По березі ходило;...
Ишовъ вовкъ мила дівокъ,
Усімъ дівкамъ шапку знявъ,
А парубкамъ хвістъ піднявъ.

Что́ такое «Пищано, Пищанино» — непонятно, да поющіе эту пѣсню могли только сказать, что такъ поется и болѣе ничего. Между тѣмъ до крайности поразительно совпаденіе неизвѣстныхъ словъ «Пищано, Пищанино», съ рѣкою Пищанкою въ лѣтописи, и волка поднимающаго хвостъ, въ той же пѣсни съ Волчьимъ-Хвостомъ, побѣждающимъ пищанцевъ и оставляющимъ по себѣ поговорку: «пищанцы волчья хвоста бѣгаютъ». Предполагать, что въ народной пѣсни осталось воспоминаніе о томъ событіи, какое разсказываетъ лѣтопись, было бы совершенно неумѣстно, потому что остаться такому черезъ-чуръ отдаленному и притомъ черезъчуръ мѣстному событію въ памяти народа, притомъ въ краяхъ, удаленныхъ отъ сцены самаго событія — рѣшительная невозможность. Но намъ кажется, что связь между приведенною нами пѣснею и лѣтописнымъ сказаніемъ дѣйствительно существуетъ, только никакъ не путемъ какого-нибудь воспоминанія о событіи. Должно быть въ древнихъ миѳологическихъ преданіяхъ и сказаніяхъ болѣе

Digitized by Google

или менѣе общихъ, болѣе или менѣе въ свое время повсемѣстныхъ, было что-то такое, выражавшееся именемъ похожимъ на слова: Пищано, Пищанино, Пищана, Пищанцы, и состояло въ какой-то связи съ представленіемъ о волкѣ и волчьемъ хвостѣ, а народное преданіе въ оное время примѣнило его къ событію о радимичахъ, какъ вообще часто бываетъ, что какой-нибудь общій миѳъ, видоизмѣняясь, примѣняется къ опредѣленному событію и данной мѣстности, но это не мѣшаетъ ему распространяться и развиваться и наконецъ разлагаться независимо отъ такой локализаціи. Только такимъ путемъ объяснимо странное совпаденіе малорусской обрядной пѣсни (записанной въ Старобѣльскомъ уѣздѣ) и разсказа стараго кіевскаго лѣтописца о событіяхъ, случившихся въ X-мъ вѣкѣ въ странѣ близко береговъ Сожи.

Въ извѣстіи о походѣ на болгаровъ также ощутителенъ элементъ народной поэзіи. Способъ выраженія присяги, влагаемой болгарамъ: «толи не будеть межю нами мира, оли камень почнеть плавати а хмель тонути», есть не что иное, какъ эпическое пѣсенное выраженіе идеи невозможности, повторяемое и теперь въ малорусскихъ пѣсняхъ, въ разныхъ видоизмѣненіяхъ. Казакъ, прощаясь съ семьею, говоритъ сестрѣ (въ иномъ варіантѣ, матери), что когда мельничный камень будетъ плавать, а перо (въ однихъ варіантахъ «павянье», то-есть павлиное, въ другихъ «легкое», въ третьихъ «хмельевое») или хмѣль («тонка хмелина») будетъ тонуть, тогда онъ пріѣдетъ въ гости къ своимъ роднымъ. Народный тонъ слышенъ также и въ томъ, что послѣ побѣды надъ болгарами Добрыня, осмотрѣвъ плѣнныхъ, говоритъ Владимиру: «съглядахъ колодникъ, а суть вси въ сапозѣхъ, симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ». Здѣсь слышна иронія надъ князьями и дружиною, которые не въ силахъ обложить данью народовъ зажиточныхъ и болѣе образованныхъ, а единственно способны обирать бѣдняковъ, что́ и на самомъ дѣлѣ было. Очень знаменательно здѣсь выраженіе о дани: народное міросозерцаніе представляетъ себѣ взиманіе дани главнымъ и единственнымъ побужденіемъ походовъ своихъ князей и дружинъ. Собственно по отношенію къ исторической достовѣрности, это извѣстіе, подобно почти всѣмъ, сколько-нибудь съ подробностями описаннымъ (если ихъ источникомъ было народное преданіе), имѣетъ мало значенія, когда здѣсь Владимиръ идетъ на болгаръ съ своимъ дядею Добрынею на ладьяхъ, а берегомъ слѣдуютъ на тѣхъ же болгаръ конные торки; между тѣмъ, изъ этого же лѣтописца мы узнаемъ, что торки появляются только въ половинѣ XI-го вѣка.

Digitized by Google

XIV.

Принятіе христіанства Владиміромъ и крещеніе Руси.

Мы считаемъ большимъ недостаткомъ нашей исторіи, что такое важнѣйшее событіе какъ водвореніе христіанства при Владимирѣ, намъ извѣстно только по источникамъ мутнымъ и заключающимъ въ себѣ рядъ несообразностей, по источникамъ, составленнымъ книжными людьми. Конечно, въ общихъ чертахъ и въ нихъ есть справедливость, но мы все-таки были бы гораздо богаче, если бы вмѣсто того, что въ нихъ есть вымышленнаго книжниками, до насъ дошли тѣ народныя преданія объ этой эпохѣ, о которыхъ въ лѣтописи есть слабые намеки; все-таки они сообщили бы намъ, какимъ образомъ отпечатлѣлась эта великая эпоха въ народныхъ воспоминаніяхъ. Теперь, лишенные этого, мы остаемся постоянно въ возможности впадать въ капитальныя ошибки, признавая дѣйствительно совершившимся то, въ чемъ при строгомъ критическомъ взглядѣ мы никакъ не можемъ быть увѣренными.

Не только самая исторія принятія христіанства, но и описанія языческаго нрава Владимира до крещенія есть очевидно книжное измышленіе. Повѣствователь съ цѣлію возвысить сильнѣе дѣйствіе измѣняющей человѣка благодати крещенія, умышленно наложилъ на этого князя черныхъ красокъ. Мы не можемъ сказать, въ такихъ ли мрачныхъ чертахъ происходило, напримѣръ, на самомъ дѣлѣ избіеніе полоцкихъ князей и убійство Ярополка, но не имѣемъ никакихъ доводовъ и отрицать справедливость этихъ преданій; что же касается до грекини, жены Ярополка, то считаемъ повѣствованіе о ней баснею, сочиненною впослѣдствіи, чтобъ очернить Святополка и наложить печать отверженія на его рожденіе. Владиміръ представляется чрезвычайнымъ женолюбцемъ, и быть можетъ мы бы не имѣли права не вѣрить этому, если бы его женолюбіе не изображалось красками черезъ-чуръ уже библейскими и чуждыми тогдашней русской жизни. У него кромѣ женъ «водимыхъ» (настоящихъ супругъ) было триста наложницъ въ Вышгородѣ, триста въ Бѣлгородѣ, и двѣсти въ Берестовѣ. Сразу видно, что это подражаніе извѣстіямъ книги царствъ о Соломонѣ, и самъ книжникъ проговаривается, проводя параллель между Владиміромъ и Соломономъ: у Владимира двумя стами женъ было однако менѣе, чѣмъ у Соломона, по сказанію книжника. Но что, быть можетъ удобно было для Соломона, то совсѣмъ неудобно

Digitized by Google

было для Владимира, и что было въ нравахъ востока, то едва-ли было въ нравахъ и обычаяхъ славянскаго сѣвера. Для того, чтобъ содержать такіе гаремы, необходимы были крѣпкія, обширныя, приспособленныя къ этому зданія, которыхъ постройка совсѣмъ не была въ обычаѣ у нашего народа, стоявшаго слишкомъ близко къ природѣ, нужны были евнухи. Не варяги же стерегли этихъ женъ. Мы ни тѣни подобнаго не видимъ у насъ прежде, да и склонности къ этому не было вообще у европейскихъ племенъ; одинъ Владиміръ вдругъ составляетъ исключеніе и среди бродячаго, въ высшей степени подвижного общества, довольствовавшагося самою простою и незатѣйливою обстановкою, является какимъ-то вавилонскимъ или персидскимъ царемъ. Но вѣдь такія условія быта возникаютъ не вдругъ, а выработываются разомъ со многими другими явленіями, принадлежащими къ цѣлой сложной области той культуры, которая господствовала на востокѣ. Чтобъ у князя кіевскаго могли быть такіе гаремы, нужно было, чтобы цѣлый строй общественной жизни подвластной ему страны соотвѣтствовалъ этому. Только воображенію монаха, забывшаго жизнь и углубившагося въ палею и житія, могло казаться возможнымъ, чтобъ Владиміръ былъ нѣсколько искаженнымъ портретомъ Соломона. А что книжникъ рисовалъ его по Соломону, это чувствуется и изъ того что онъ далъ Владиміру женъ разныхъ націй: грекиню, чехиню, болгарыню, подобно тому какъ о Соломонѣ онъ читалъ, что у него были и дщерь Фараоня и моавитяныни, аммонитяныни, сиріяныни, идумеяныни, хеттеяныни, аморреяныни.

Въ лѣтописи разсказывается, что Владиміръ, внѣ своего теремнаго двора, на холмѣ поставилъ кумиры Перуна, Хърса, Дажъбога, Стрибога, Сима, Регла и Мокоши. Изъ нѣсколькихъ мѣстъ нашей лѣтописи мы вправѣ заключить, что на этомъ холмѣ стоялъ только одинъ кумиръ—Перуна, и Владиміръ первый придалъ ему въ товарищи шестерыхъ подобныхъ ему болвановъ. Названія божествъ, изображаемыхъ этими болванами, не выдуманы, такъ какъ мы встрѣчаемъ эти названія и въ другихъ памятникахъ (въ Ипатск. сп. кіевск. лѣт., въ Словѣ о П. Иг., въ Словѣ христолюбца и друг. поучит. словахъ), поэтому не могло бы, казалось, возникать сомнѣнія въ справедливости извѣстія о поставленіи Владиміромъ этихъ шестерыхъ кумировъ на перуновомъ холмѣ; однако, всматриваясь поглубже въ этотъ вопросъ, мы увидимъ нѣкоторыя несообразности, ведущія если не къ отрицанію факта, то къ сомнѣнію въ его историчности, по крайней мѣрѣ при извѣстныхъ намъ условіяхъ. Отчего никто изъ прежнихъ князей не думалъ ставить этихъ кумировъ на холмѣ, который — какъ слѣдуетъ заключить

Digitized by Google

на основаніи этой же лѣтописи — обходился около цѣлаго столѣтія съ однимъ Перуномъ? Отчего не сдѣлалъ этого никакой другой князь, жившій и умершій въ нѣдрѣ язычества, а сдѣлалъ это именно такой князь, который черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того изрубилъ, сжегъ и потопилъ поставленныхъ имъ же болвановъ? Не дѣйствовало ли, при составленіи этого извѣстія, тоже побужденіе представить сколько возможно болѣе противоположности между Владиміромъ язычникомъ и Владиміромъ христіаниномъ, съ цѣлью выставить блистательное торжество благодати? Если Владиміръ былъ прежде ревностнымъ язычникомъ, а потомъ скоро сдѣлался ревностнымъ христіаниномъ, то, не прибѣгая къ объясненіямъ дѣйствія наитія свыше, можно объяснить такое явленіе тѣмъ, что это была одна изъ тѣхъ легкихъ, впечатлительныхъ, увлекающихся, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мелкихъ натуръ, которыя быстро перебѣгаютъ отъ одного къ другому, не имѣютъ никакого твердаго убѣжденія въ жизни и не могутъ имѣть его. Но Владиміръ, послѣ крещенія, представляется намъ (разумѣется, насколько позволяетъ намъ наблюдать эту личность окружающій ее туманъ) не только ревностнымъ, но и постояннымъ въ теченіе довольно долгаго періода времени христіаниномъ, распространителемъ христіанства и вообще человѣкомъ мудрымъ, какимъ и считали его современники и близкіе потомки его современниковъ. Можно вообще признать за истину, что чѣмъ тверже, постояннѣе и долговременнѣе люди слѣдуютъ избранному направленію, тѣмъ болѣе прежде было у нихъ условій и задатковъ къ воспринятію этого направленія и тѣмъ менѣе было такихъ условій и задатковъ, которые бы ихъ располагали къ сохраненію противнаго направленія. Несравненно правдоподобнѣе допустить, что обращенію Владиміра къ христіанству помогло именно то, что онъ не былъ ревностнымъ язычникомъ, къ чему должны были подготовить его и дѣтскія воспоминанія, и вліяніе христіанъ, умножавшихся въ Кіевѣ, и болѣе всего природный умъ его, вѣроятно, дававшій ему превосходство предъ другими бывшими до него князьями.

Но вопросъ о поставленіи болвановъ можетъ приводить только къ сомнѣніямъ; отрицать вполнѣ и рѣшительно этого извѣстія, не зная обстоятельствъ того времени, мы не считаемъ себя вправѣ, но не такъ можно отнестись къ слѣдующему затѣмъ извѣстію о человѣческихъ жертвахъ: «жряху имъ нарицающе я боги, привожаху сыны своя, и дщери и жряху бѣсомъ, оскверняху землю требами своими, и осквернися кровьми земли русска и холмъ-отъ». Здѣсь повѣствователь просто перефразировалъ въ 105 псалмѣ слова: «И проліяша кровь неповинную, кровь сыновъ своихъ и

Digitized by Google

дщерей, яже пожреша истуканнымъ ханаанскимъ и убіена бысть земля ихъ кровьми и осквернися въ дѣлѣхъ ихъ....» Что нашъ книжникъ несомнѣнно разумѣлъ человѣческія жертвы также точно, какъ и псалмопѣвецъ, послужившій образцомъ для его краснорѣчія, это поясняется разсказомъ объ убійствѣ крещенаго варяга и сына его. Старцы и боляре, по возвращеніи Владимира изъ похода на ятвяговъ, сказали: «мечемъ жребій на отрока и дѣвицу, на него же падетъ жребій того зарѣжемъ богамъ!» Человѣческія жертвы (въ собственномъ смыслѣ этого слова) появлялись тамъ, гдѣ жертвоприношеніе имѣло смыслъ лишенія себя чего-нибудь цѣннаго и дорогого для умилостивленія божества и очищенія своего отъ поступковъ, которые могли разгнѣвать божество. У русскихъ славянъ, да и вообще у большей части славянъ, жертвы имѣли значеніе угощенія, какъ это ясно выражается въ извѣстномъ старо-чешскомъ произведеніи «Забой, Славой и Людекъ», въ которомъ изображается борьба язычества съ христіанствомъ въ Чехіи. «Не смѣютъ уже бить челомъ передъ богами и въ сумерки давать имъ ѣсть; куда батюшка ходилъ давать богамъ кормъ, куда ходилъ глашать съ нимъ, тамъ порубили всѣ деревья и ниспровергли всѣхъ боговъ». Но, въ сущности, такъ какъ боги ѣсть не могли, то ѣли за нихъ люди, воображая, что и боги ѣдятъ съ ними, такъ какъ и теперь малоруссы, отправляя поминки по умершимъ, ѣдятъ и пьютъ въ память ихъ, воображая, что и они участвуютъ въ пиршествѣ, и это выражается словами: «нехай се буде передъ его душею!» Ѣсть и пить въ честь предковъ или, выражаясь стариннымъ способомъ, ѣсть и пить предкамъ и при этомъ воображать, что предки невидимо наслаждаются отъ той же трапезы—обычай глубоко-языческій: на него указываютъ извѣстія о поклоненіи роду и рожаницамъ *). Тотъ же смыслъ имѣетъ и тризна, только уже болѣе или менѣе съ общественнымъ, а не съ однимъ семейнымъ значеніемъ. Слѣды всего этого живо остаются въ нашихъ поминкахъ, особенно въ тѣхъ, которыя отправляются въ извѣстные дни года на могилахъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохраняется еще обычай отливать вино на могилу; смыслъ здѣсь тотъ, что усопшій дѣлается участникомъ торжества. То же въ сущности было и по отношенію къ воображаемымъ божествамъ. Въ древнемъ поучительномъ словѣ укоряютъ придерживающихся язычества въ томъ, что они «кумир-

*) Изъ всѣхъ толкователей этихъ миѳологическихъ наименованій справедливѣе всѣхъ Соловьевъ, считающій ихъ предками. Мы думаемъ, что подъ „Родомъ“ разумѣлась совокупность предковъ—мужескаго пола, а подъ „Рожаницами“—женскаго.

Digitized by Google

скую жертву ѣдятъ»: это-то яденіе жертвы и составляетъ суть жертвоприношенія. Точно то же и о питьѣ: «вѣруютъ въ Стрибога, Дажъ-бога и Переплута, иже вертячися ему піютъ въ розѣхъ». Что жертвоприношеніе отправлялось божествамъ — это именно тѣмъ выражалось, что ѣли и пили имъ (то-есть въ честь ихъ, по нашему способу выражаться). Оттого-то и всѣ извѣстія, какія только сохранились о жертвоприношеніяхъ, начиная отъ Прокопія до тѣхъ поучительныхъ словъ, которыя раздавались у насъ противъ медленно исчезавшаго язычества, состоятъ въ томъ, что приносились въ жертву быки, овцы, разная птица, особенно куры, медъ, сыръ, хлѣбы, короваи, вино, то-есть все, что было съѣдомымъ для людей и составляло матеріалъ для ихъ пира. У прибалтійскихъ славянъ религія была гораздо развитѣе, чѣмъ у другихъ; тамъ, по извѣстію Гельмольда, приносили въ жертву богамъ нѣмецкихъ плѣнниковъ; но, во-первыхъ, прибалтійскіе славяне, у которыхъ были жрецы и священные храмы, не могутъ служить образцомъ для насъ; во-вторыхъ, закланіе плѣнниковъ предъ истуканами боговъ скорѣе можно понимать, какъ мщеніе надъ врагами, приходившими истреблять ихъ боговъ и порабощать ихъ страну. За то обычное жертвоприношеніе по окончаніи жатвы, описанное у Саксона Грамматика и происходившее въ Арконѣ, имѣетъ значеніе пира. У русскихъ, у которыхъ жрецовъ не было, естественно жертвоприношеніе всегда имѣло смыслъ пира: приносившій жертву богамъ не отдавалъ ее какимъ-либо облеченнымъ особымъ достоинствомъ или святостію особамъ, а употреблялъ ее прямо на пиръ съ своими близкими, сохраняя представленіе, что это дѣлается богамъ. Наши братчины и складчины есть непосредственное продолженіе языческихъ жертвоприношеній, очень легко и при христіанствѣ сохранившихъ свой способъ отправленія: и теперь еще въ деревняхъ въ извѣстные дни собираются крестьяне міромъ, рѣжутъ быка, барановъ, варятъ браги и призываютъ священника благословить трапезу, а иногда носятъ и въ церковь часть съѣдомаго для освященія.

Относительно поклоненія водѣ можно, дѣйствительно, встрѣтить черты, способныя навести на мысль о чемъ-то похожемъ на человѣческія жертвы. Левъ Діаконъ, повѣствуя о войнѣ со Святославомъ, разсказываетъ, что «послѣ битвы, когда наступила ночь и всошла на небѣ полная луна, русскіе вышли въ поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ стѣнѣ и на разложенныхъ кострахъ сожгли, заколовъ надъ ними множество плѣнныхъ и женщинъ. Совершивъ эту кровавую жертву, они погрузили въ струи Истра младенцевъ и пѣтуховъ и такимъ образомъ задушили». Допустимъ,

Digitized by Google

что все это сущая правда какъ фактъ. Но правда ли то, что все это была жертва, какъ увѣряетъ византійскій историкъ? Это окажется изъ оцѣнки того основанія, по которому онъ признаетъ такія убійства жертвою. «Уважая эллинскія таинства, которымъ они научились или отъ философовъ своихъ, Анахарсиса и Замолксиса, или отъ товарищей Ахилла, они всегда совершали надъ умершими жертвы и возліянія (русск. перев. 93). Если нельзя намъ было принять такого объясненія, то нельзя не сомнѣваться, чтобы описываемыя убійства плѣнныхъ были дѣйствительно жертвоприношеніями. Русскіе отличались варварствомъ и плѣнниковъ убивали часто; даже во времена христіанскія мы встрѣчаемъ такіе случаи. Въ 1153 году, князь кіевскій Изяславъ Мстиславичъ, «видя множество многое колодниковъ галичанъ вязячи и тако повелѣ сѣчи». Если, чуть не черезъ двѣсти лѣтъ послѣ Святослава, поступилъ такъ кіевскій князь,—и притомъ изъ самыхъ любимыхъ народомъ,—съ плѣнниками русскаго происхожденія, единовѣрцами, то естественно было жестоко поступать свирѣпому предку его притомъ съ греками, которые пришли его выгонять изъ страны, которая ему такъ нравилась, и болгарами, которые на него подвели грековъ. Нѣтъ ничего естественнѣе, если тотъ же Святославъ, который по извѣстію самого же византійскаго историка такъ свирѣпствовалъ надъ болгарами за то, что они не хотѣли ему покоряться, умерщвлялъ ихъ теперь съ женами и младенцами, подозрѣвая, а можетъ быть и уличая въ содѣйствіи его врагамъ, и притомъ въ такое время, когда онъ былъ въ крайне стѣсненномъ положеніи, способномъ внушить жестокость отчаянія и личности болѣе образованной и болѣе человѣколюбивой. Очень могло быть, что византійскій историкъ смѣшалъ воедино и далъ одинъ смыслъ двумъ различнымъ фактамъ—топленію младенцевъ, которое было выраженіемъ мщенія врагамъ не только надъ ними самими, но и надъ ихъ потомствомъ, и бросанію въ Дунай пѣтуховъ—дѣйствительно жертвою водѣ. По извѣстію Козьмы Пражскаго, чехи весною приносили въ жертву черныхъ куръ и пѣтуховъ при водѣ, однако о младенцахъ при этомъ нѣтъ помина. Но если, наконецъ, допустить, что это утопленіе младенцевъ и было сдѣлано вслѣдствіе какого-нибудь суевѣрія, то и это еще не даетъ права непремѣнно признавать, что суевѣріе это имѣло прямой смыслъ обычной человѣческой жертвы. Въ крайнемъ, опасномъ положеніи человѣкъ рѣшается на то, что́ вовсе не составляетъ признака его обычной жизни, и тогда онъ создаетъ себѣ исключительныя суевѣрія. Приведемъ въ примѣръ слѣдующій фактъ: существовало суевѣріе (восточнаго происхожденія), что въ нѣкоторыхъ

Digitized by Google

рѣдкихъ и неподдающихся человѣческой мудрости болѣзняхъ можетъ пособить кровь зарѣзаннаго младенца; бывали и случаи злодѣяній вслѣдствіе такого суевѣрія; но все-таки это было только суевѣріе, а не жертвоприношенія. Въ нашихъ пѣсняхъ есть кое-какія черты, изъ которыхъ можно заключить, что въ случаѣ крайней общей опасности на водѣ, ради спасенія всѣхъ, бросали въ волны одного съ цѣлью утишить волненіе. Черты эти распространены въ преданіяхъ чуть ли не всего міра и хорошо усвоены во всѣхъ христіанскихъ странахъ библейскою исторіею Іоны и приключеніемъ апостола Петра на морскомъ пути въ Италію. Кромѣ былины о Садкѣ, богатомъ гостѣ, брошенномъ по жребію разыгравшемуся морскому царю, мы укажемъ на малорусскую думу объ Алексѣѣ Поповичѣ, который самъ себя обрекалъ на ввержение въ бурное море за свои грѣхи, и (по одному только варіанту, но старому) когда отъ его раскаянія море стало утихать, отдалъ свой палецъ на отрубленіе, съ цѣлью выпустить изъ него крови въ море. Дума объ Олексіѣ чрезвычайно важна, потому что при совершенно христіанской идеѣ въ ней ясно видны и слѣды стараго языческаго міросозерцанія, именно въ томъ, что море представляется мыслящимъ и справедливымъ существомъ: не только Богу, кошовому и всему войску, но и морю слѣдуетъ исповѣдываться; оно взволновалось не потому, что бы требовало жертвы; оно утихаетъ, когда преступникъ приноситъ покаяніе; а отрубленный палецъ и спущеніе крови въ море знаменуетъ все-таки скорѣе не жертву, а малое наказаніе, вмѣсто большого, которое ожидало бы его, если бы онъ не раскаялся и не далъ обѣщанія вести себя иначе. Былина о Садкѣ, какъ и многія великорусскія былины, черезъ-чуръ захватила въ себя сказочнаго элемента, и потому ею можно пользоваться съ осторожностью тамъ, гдѣ идетъ дѣло о подтвержденіи такого или другого явленія древняго быта и вѣрованій. Но о томъ же Садкѣ сохранилась другая черта, которую уже смѣло мы имѣемъ право считать источникомъ въ этомъ отношеніи. Тотъ же Садко послѣ счастливаго плаванія по Волгѣ въ благодарность кидаетъ въ ея волны большой укрой хлѣба, посыпаннаго солью. До поздняго времени оставался у русскихъ дѣйствительно обычай бросать что-нибудь въ воду въ благодарность за благополучное плаваніе, а въ Сибири существуетъ обычай кидать въ воду именно кусокъ хлѣба съ солью во время освобожденія водъ отъ ледяной коры. Это даетъ вѣроятіе, что и въ древности въ качествѣ жертвы бросали въ воду что-нибудь подобное. До насъ дошло нѣсколько отрывочныхъ извѣстій о поклоненіи водѣ; изъ нихъ мы узнаемъ, что озерамъ, рѣ-

Digitized by Google

камъ, колодцамъ приносились жертвы; есть выраженія «въ воду мечютъ», но нигдѣ въ древнихъ свидѣтельствахъ не говорится, чтобъ метали въ воду людей. Напротивъ, въ старинномъ поучительномъ словѣ противъ язычества приводится черта, свидѣтельствующая о томъ, что жертвоприношенія водѣ по своей сущности были пиры, отправляемые при водѣ. «Надъ источники свѣщи вжигающе и кумирьскую жертву ядять». Если при этомъ происходило и метаніе части пиршества въ воду, то также точно, какъ чешскіе язычники ходили въ лѣсъ кормить своихъ боговъ, а нынѣшніе русскіе, совершая поминки на кладбищѣ, отливаютъ часть напитка на могильную землю.

Въ одной изъ позднихъ передѣлокъ нашей первоначальной лѣтописи, изданной подъ именемъ Густынской, мы находимъ прямое указаніе на человѣческія жертвы именно, какъ должно думать, водяному божеству. «Отъ сихъ единому нѣкоему богу на жертву людей топяху, ему же до нынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память творятъ во день Воскресенія Христова собравшеся юніи и играюще вметаютъ человѣка въ воду, и бываетъ иногда дѣйствомъ тыхъ боговъ си есть бѣсовъ, яко пометаемыи въ воду или о древо, или о камень въ водѣ разбивается и умираютъ или утопаютъ, во иныхъ же странахъ не скидаютъ въ воду, но токмо водою обливаютъ, но единаче тому же бѣсу жертву сотворяютъ». Это мѣсто для насъ имѣетъ большую важность, но никакъ не потому, чтобы мы могли искуситься къ признанію человѣческихъ жертвъ, а потому что лѣтописецъ привелъ ту причину, которая побудила его сообщить извѣстіе о человѣческой жертвѣ, какъ что-то несомнѣнное. Его соблазнилъ извѣстный малорусскій обычай «волочиньня», еще и до сихъ поръ, какъ увѣряютъ, кое-гдѣ не пропавшій въ западной Малороссіи. Молодежь, играя, обливаетъ другъ друга водою, а иногда и пихаетъ въ воду, разумѣется мелкую; конечно, при этомъ могутъ происходить и непріятные случаи, но нечаянно.

Книжникъ XVII-го вѣка, зная объ этомъ обычаѣ, тотчасъ вывелъ заключеніе, что онъ есть остатокъ древняго языческаго приношенія людей въ жертву. Само собою разумѣется, къ этому заключенію не было надлежащаго основанія. Если этотъ обычай дѣйствительно былъ языческаго происхожденія, то никакъ не слѣдовало, чтобы въ язычествѣ онъ былъ топленіемъ людей въ угоду нѣкоему богу; онъ и въ тѣ времена могъ быть только игрою молодежи въ угоду этому нѣкоему богу, и могъ встарину отправляться точно также какъ и въ болѣе позднія времена, только съ большею свѣжестью языческихъ воззрѣній. Въ заключеніе, мы

Digitized by Google

скажемъ, что убѣжденіе наше въ ложности извѣстія о человѣческихъ жертвахъ, совершавшихся будто бы на перуновомъ холмѣ, подтверждается, во-первыхъ, тѣмъ, что въ описаніи языческихъ нравовъ русско-славянскихъ племенъ (находящемся при нашей лѣтописи какъ-бы предисловіемъ вмѣстѣ съ космографіею) при всѣхъ черныхъ краскахъ, наложенныхъ авторомъ на нѣкоторыя изъ этихъ племенъ, нѣтъ намека на человѣческія жертвы, а это бы непремѣнно было, еслибы въ самомъ дѣлѣ такія жертвы совершались. Во-вторыхъ, тотъ же образъ языческаго поклоненія богамъ, приведенный выше изъ мѣста нашей лѣтописи, непосредственно слѣдующаго за извѣстіемъ о поставленіи кумировъ, повторяется ниже, но уже не отъ лѣтописца, а въ рѣчи философа, будто бы произнесенной Владимиру: «по семъ же дьяволъ въ большее прельщеніе вверже человѣки и начаша кумиры ставити ови древяны, ови мѣдяны, а другіе мраморяны, а иные златы и сребрены, кланяхуся имъ и привожаху сыны своя и дьщери и закалаху предъ ними и бѣ вся земля осквернена» (Лаврент. 89). На это сходство двухъ мѣстъ указалъ г. Соловьевъ (Ист. Рос. I, прим. 115), но тѣмъ не менѣе онъ признаетъ человѣческія жертвы. Намъ непонятно, какъ этотъ достопочтенный ученый, при неоспоримой своей проницательности, не видѣлъ крайней несостоятельности свидѣтельствъ въ пользу этого признанія. Онъ полагаетъ, что обычай приносить человѣческія жертвы повсемѣстенъ, и доказательства существованія его у славянъ видитъ въ извѣстіяхъ о закланіи плѣнниковъ предъ истуканами прибалтійскихъ славянъ.

Нельзя, повторяемъ мы, признавать такіе случаи непремѣнно жертвами: это была месть, кара: плѣнники эти, христіане, приходили въ славянскій край затѣмъ, чтобъ ниспровергнуть боговъ, и передъ истуканами этихъ самыхъ боговъ ихъ, какъ враговъ и оскорбителей, казнили. Вотъ, какъ у семитическихъ народовъ родители приносили сами своего младенца и клали на раскаленныя руки металлическаго истукана, или отецъ заносилъ ножъ надъ своимъ отрокомъ вмѣсто барана, воображая что такъ повелѣло ему божество, либо умерщвлялъ дочь свою въ благодарность за одержанную побѣду: вотъ настоящія жертвы! Если же признавать жертвою закланіе предъ кумиромъ нѣмца-христіанина, хотѣвшаго ниспровергнуть этотъ кумиръ, то придется признать жертвами и сожженія еретиковъ, покушавшихся ниспровергнуть догматы и уставы церкви, а идя далѣе, можно жертвами считать и наши ссылки въ Сибирь за богохульство; наконецъ, можно дойти до того, что всякое уголовное наказаніе за преступленіе, противное

Digitized by Google

ученію евангелія, будетъ жертвою и станетъ въ одной категоріи съ жертвоприношеніями дѣтей Молоху.

Признавая недостовѣрнымъ сказаніе о человѣческихъ жертвахъ, совершавшихся на перуновомъ холмѣ, мы естественно должны признать вымысломъ книжника и легенду о жребіи, павшемъ на молодого варяга.

Изобразивъ Владимира женолюбцемъ по образу Соломона и кровавымъ жертвоприносителемъ по подобію разныхъ нечестивыхъ израильскихъ царей, книжникъ описываетъ намъ длинную исторію обращенія. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что съ точки зрѣнія книжника мы имѣемъ дѣло съ ярымъ язычникомъ.

Въ 986-мъ году пришли къ Владиміру представители разныхъ вѣръ, одни за другими, предложить принять ихъ вѣру. Что это такое? Какъ могъ сложиться такой фактъ, чтобы вдругъ разомъ изъ отдаленныхъ странъ приходили къ кіевскому князю съ одинакимъ предложеніемъ и притомъ непремѣнно въ послѣдовательномъ порядкѣ, не сталкиваясь другъ съ другомъ? Положимъ, миссіонеры всѣхъ показанныхъ въ лѣтописи вѣръ могли въ тотъ вѣкъ дѣлать попытки къ обращенію русскихъ, но почему же именно вмѣстѣ въ одинъ годъ; и притомъ у лѣтописца они являются здѣсь какъ-бы первый разъ, потому что Владиміръ кажется въ нѣкоторыхъ пунктахъ незнакомымъ съ ними въ такой степени, въ какой могъ быть только въ первый разъ ихъ встрѣтившій. Уже эти черты обличаютъ сочиненность и искусственность.

Прежде всѣхъ явились къ нему болгары (волжскіе) мухамеданской вѣры, и говорятъ ему: «ты князь хорошій, только идоламъ кланяешься, прими нашу вѣру». Казалось бы, Владиміръ, какъ ярый язычникъ, прежде всего долженъ былъ заступиться бы за своихъ идоловъ. Нѣтъ; онъ любопытствуетъ узнать, что́ это у нихъ за вѣра, о которой повидимому не слыхивалъ, хотя, конечно, могъ бы и прежде что-нибудь услышать (даже отъ тѣхъ «колодниковъ», которыхъ велъ Добрыня). Извѣстно, что мухамедане въ своемъ проповѣданіи вѣры на первый планъ ставили единобожіе со всѣмъ его величіемъ; здѣсь не то: проповѣдники, хотя и замѣтили вскользь, что вѣруютъ Богу, но главными признаками своего закона поставили: не ѣсть свинины, обрѣзаться, не пить вина, за то, творить блудъ сколько угодно и надѣяться, что по смерти Мухамедъ дастъ каждому по семидесяти женъ, то-есть все то, что бросалось въ глаза иновѣрцу при поверхностномъ соприкосновеніи съ мусульманствомъ. Женолюбивый Владиміръ очень прельщается позволеніемъ творить блудъ, но не нравится ему все прочее, особенно запрещеніе вина. «Руси веселіе пити, не можетъ безъ того быти»,

Digitized by Google

влагаетъ книжникъ Владимиру отвѣтъ, вѣроятно заимствовавъ эти слова изъ пословицы. Съ этими словами Владимиръ прогналъ мусульманскихъ проповѣдниковъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что если онъ не склонился къ мухамеданамъ, то главнымъ образомъ потому, что принявши мухамеданство, нельзя уже было пить вино. Но вѣдь къ блуду онъ былъ болѣе склоненъ; чѣмъ къ вину, и однако это не воспрепятствовало ему принять христіанство, которое воспрещало блудъ.

За мухамеданами приходятъ нѣмцы, т.-е. западные христіане. Они представляются посланными отъ папы. Сказавши общее мѣсто о единомъ Богѣ Творцѣ, но столько же, сколько могли сказать и мухамедане, и евреи, на вопросъ въ чемъ ихъ вѣра, нѣмцы сказали такъ: «пощенье по силѣ, а кто что ѣстъ или пьетъ, тотъ все творитъ во славу Божію, такъ говоритъ намъ нашъ учитель Павелъ?» И только всего! Возможно ли, чтобы въ самомъ дѣлѣ папскіе миссіонеры изложили такимъ образомъ ученіе церкви? Ясное дѣло, что это сочинялъ монахъ, у котораго не хватало ни познаній, ни ума, чтобы представить что-нибудь похожее на правду. Что отвѣчаетъ Владимиръ? «Идите отъ насъ, отцы наши не приняли этого!» — Да вѣдь отцы не принимали ничего и другого. Такой отвѣтъ могъ дать Владимиръ всѣмъ и со всѣми покончить дѣло. Но какъ такой отвѣтъ обращенъ только къ западнымъ католикамъ, то тутъ ясно обличаетъ себя и свое время книжникъ келейный, слагатель всей это небывалой исторіи. Такъ отвѣчать могъ бы князь XII-го вѣка на попытки западной церкви склонить Русь къ папѣ и отклонить отъ Востока. Такія слова возможны были послѣ окончательнаго раздѣленія церквей, когда уже на западныхъ католиковъ стали рѣшительно смотрѣть, какъ на иновѣрцевъ. Владимиръ и послѣ, получивъ крещеніе съ Востока, не имѣлъ такого взгляда на западное христіанство, что доказывается пріемомъ, какой онъ оказалъ западному миссіонеру Бруно.

За нимъ пришли къ Владимиру «жидове хазарскіе».—Мы слышали — говорятъ они — что къ тебѣ приходили христіане, но знаешь ли, что предки наши распяли ихъ Бога. Разумѣется, что здѣсь идетъ рѣчь о тѣхъ нѣмцахъ, которые передъ тѣмъ только приходили къ Владимиру. Но почему приходъ нѣмцевъ могъ оставить такое вліяніе, что извѣстіе о немъ довольно скоро передано было въ Козарію и тамъ придали этому событію такую важность, что тотчасъ же послали миссіонеровъ, какъ будто перебивать у нѣмцевъ Русь для себя? Если туда дошло извѣстіе о приходѣ нѣмцевъ, то должно было дойти извѣстіе и о томъ, что Владимиръ прогналъ этихъ нѣмцевъ, слѣдовательно опасаться и торопиться

Digitized by Google

было незачѣмъ. «Гдѣ ваша земля?» спрашиваетъ Владиміръ.—Въ Іерусалимѣ, — отвѣчаютъ ему.—«Вы тамъ живете?»—Нѣтъ; Богъ разгнѣвался на отцовъ нашихъ и разсѣялъ насъ за наши грѣхи по всѣмъ странамъ, а земля наша предана христіанамъ.—«Чтожъ вы другихъ учите, когда сами отвержены отъ Бога? Еслибъ Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, то вы бы не были разсѣяны по чужимъ землямъ! Развѣ и намъ того же хотите?» — Слишкомъ много нужно легковѣрія, чтобы здѣсь искать хотя тѣни объективной правды. Книжникъ измыслилъ эту бесѣду для того, чтобы имѣть возможность поставить противныхъ ему іудеевъ въ самое глупое положеніе и излить надъ ними или свою собственную, или имъ перенятую у современниковъ остроту, вложивъ ее въ уста Владиміра. Зачѣмъ Владиміру съ языческимъ невѣдѣніемъ спрашивать у нихъ гдѣ ихъ земля, когда для него достаточно было, когда онъ зналъ, что они пришли изъ Козаріи. Чтобъ задать такой вопросъ, нужно было, чтобъ онъ зналъ напередъ, что́ іудеи должны будутъ ему отвѣтить, а онъ бы имѣлъ поводъ поострить надъ ними. Надобно было, чтобъ Владиміръ зналъ прежде исторію и судьбы іудейскаго народа настолько, насколько знали грамотѣи уже послѣ распространенія христіанства, онъ же въ другихъ пунктахъ въ этомъ же сказаніи представляется круглымъ невѣждою. Книжникъ заставилъ жидовъ козарскихъ сказать, что земля ихъ, то-есть Палестина, предана христіанамъ. Но въ X-мъ вѣкѣ, когда происходить слѣдовало этому событію, Палестина не была въ рукахъ христіанъ, а досталась имъ только въ концѣ XI-го. Ясно, что сказатель писалъ эти строки послѣ того, какъ крестоносцы овладѣли Іерусалимомъ и слыхалъ объ этомъ отъ поклонниковъ, ходившихъ изъ Руси на поклоненіе св. мѣстамъ.

Напослѣдокъ является представитель грековъ философъ; его должно было приложить въ концѣ, такъ какъ онъ одинъ имѣлъ успѣхъ въ томъ, чего домогались другіе безуспѣшно. Оказывается, что греки, подобно хазарамъ, знали, что къ Владиміру приходили проповѣдники иныхъ странъ, точно какъ будто въ то время, какъ онъ по-добру по-здорову спрашивалъ этихъ проповѣдниковъ, какіе-то курьеры бѣгали въ разныя страны съ извѣстіями. Впрочемъ, греческому философу вѣдомо было только о мухамеданахъ и о западныхъ христіанахъ, о «козарахъ» же онъ не зналъ; но оказывается, что такъ нужно было для эффекта, чтобъ была возможность отъ лица Владиміра сообщить объ этомъ философу и вызвать его на приличную по такому поводу рѣчь. Философъ о мухамеданахъ наговорилъ Владиміру такихъ непристойностей, что тотъ даже плюнулъ; о западныхъ же христіанахъ ска-

Digitized by Google

залъ единственно то, что они ѣдятъ опрѣсноки. Вопросъ объ опрѣснокахъ развился уже въ XI-мъ вѣкѣ, когда онъ игралъ важную роль въ окончательномъ раздѣленіи церквей, послѣ чего и у насъ появились сочиненія объ опрѣснокахъ съ цѣлію вооружить русскихъ противъ Запада. Это поставленіе опрѣсноковъ главнымъ и единственнымъ признакомъ «развращенія» западной церкви показываетъ только, что слагатель скропалъ свое сказаніе тогда уже, когда толки и сочиненія объ опрѣснокахъ пошли въ ходъ. Съ какой стати философу было говорить объ опрѣснокахъ и только объ нихъ? Если для того, чтобъ отклонить Владимира отъ Запада, то для Владимира въ этомъ отношеніи были совершенно безразличны какъ опрѣсноки, такъ и хлѣбъ; если же онъ хотѣлъ указать на отличія церквей, то указалъ бы еще на что-нибудь, тѣмъ болѣе когда преданія и воспоминанія о первомъ спорѣ по поводу различія церквей привели бы этому философу на память иные вопросы.

Когда Владимиръ сообщилъ философу, что къ нему приходили іудеи и говорили, что нѣмцы и греки вѣруютъ въ того Бога, котораго они распяли, философъ какъ-бы ухватился за идею распятія и началъ свое поученіе, состоящее въ изложеніи, не только по Библіи, но и со включеніемъ бредней изъ палеи и отреченныхъ книгъ, исторіи Ветхаго, а потомъ Новаго Завѣта и закончилъ тѣмъ, что показалъ Владимиру картину (запону) страшнаго суда, которая вызвала у русскаго князя восклицаніе, что хорошо тѣмъ, которые нарисованы на правой сторонѣ (идущіе въ рай), и горе тѣмъ, которые на лѣвой сторонѣ. «Крестись, сказалъ грекъ, и будешь съ праведниками!»—Подожду немного, отвѣчалъ Владимиръ.—Это показаніе изображенія страшнаго суда перенесено на Владимира цѣликомъ съ исторіи обращенія болгарскаго царя Бориса, котораго воображеніе также тронулъ Меѳодій картиною страшнаго суда.

Владимиръ созываетъ боляръ и городскихъ старцевъ и объявляетъ, что приходили такіе-то и такіе, напирая на то, что греки говорятъ очень хитро, обѣщаютъ безсмертіе для тѣхъ, кто вступитъ въ ихъ вѣру, и горѣніе въ огнѣ вступившимъ въ другой законъ. — Ему дается отъ лица боляръ и старцовъ такой отвѣтъ: «всякъ свое хвалитъ, а не хулитъ; испытай, пошли мужей узнать, какъ они Богу служатъ». Отвѣтъ мудрый, но боляре и старцы не могли такъ сказать въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находились. Надобно напередъ предположить, что они пошатнулись въ своей языческой вѣрѣ, иначе бы прямо заявили, что ихъ вѣра лучше всѣхъ и никакой другой имъ ненадобно; но если они уже по-

Digitized by Google

шатнулись въ своей прежней вѣрѣ, то это могло случиться только подъ вліяніемъ греческаго христіанства, давно уже бросившаго свои корни на русской землѣ; и тогда бы они сразу дали предпочтеніе греческой вѣрѣ и заговорили бы такъ, какъ впослѣдствіи и заставилъ ихъ говорить книжникъ. Какъ бы то ни было, только Владиміръ послѣ этого отправляетъ своихъ мужей для узнанія вѣръ въ Грецію, къ нѣмцамъ, болгарамъ, но не къ козарамъ, съ которыми онъ, какъ видно, покончилъ сношенія, рѣшившись не принимать іудейской вѣры. Но зачѣмъ, когда такъ, онъ посылаетъ къ мухамеданамъ, когда по отвѣту, какой онъ далъ имъ, можно думать, что и ихъ вѣру принимать онъ уже призналъ неумѣстнымъ. Самая посылка для узнанія вѣръ есть уже несообразность: предполагается, что люди вдругъ стали недовольны вѣрою, полученною отъ отцевъ и дѣдовъ, видятъ нужду принять какую-нибудь иную вѣру, и сами не знаютъ какую имъ принимать. Есть большое вѣроятіе, что разсказъ о посылкѣ для узнанія вѣръ есть видоизмѣненіе существовавшаго уже прежде въ Византіи разсказа о крещеніи русскаго князя, послѣдовавшемъ послѣ извѣстнаго чуда Влахернской ризы Богоматери и разсѣяніи русскаго флота подъ Константинополемъ. Разсказъ этотъ изложенъ въ такъ-называемомъ анонимѣ Бандури, рукописи греческой, хранящейся въ парижской библіотекѣ. Сцена происходитъ при Василіѣ Македонянинѣ, къ царствованію котораго нѣкоторые византійскіе историки относятъ самое крещеніе, случившееся спустя нѣсколько времени послѣ пораженія ихъ флота. Русскій князь отправилъ четырехъ мужей для узнанія богослуженія въ Римъ и Константинополь. Пребываніе въ Константинополѣ пословъ этого князя описано сходно съ пребываніемъ тамъ же мужей Владиміра. И для тѣхъ и другихъ устроивается великолѣпное праздничное богослуженіе въ Софійскомъ храмѣ. И тѣ и другіе приходятъ въ неожиданный восторгъ, съ тою только разницею, что послы князя при Василіѣ Македонянинѣ увидали ангеловъ, а послы Владиміра ангеловъ не видѣли, а узрѣли только такую красоту, что сами не знали: на землѣ ли они или на небѣ. Мы не думаемъ, чтобы нашему составителю сказанія извѣстенъ былъ греческій разсказъ въ той редакціи, въ какой онъ былъ изложенъ въ анонимѣ Бандури, иначе бы онъ не упустилъ сказать о явленіи ангеловъ. Но самая эта легенда дошла до него или въ иной редакціи, или даже въ изустномъ пересказѣ преданія; это тѣмъ вѣроятнѣе, что у насъ въ воспоминаніи смѣшивались обстоятельства двухъ принятій крещенія, и въ самой исто-

Digitized by Google

ріи крещенія Владимира являлся дѣйствующимъ лицомъ патріархъ Фотій (Соф. Лѣт. II. С. Л. V. 121).

По возвращеніи пословъ, Владимиръ опять совѣщался съ боярами и старцами, которые на этотъ разъ ему сказали: «еслибъ дуренъ былъ законъ греческій, то не приняла бы его бабка твоя, Ольга, мудрѣйшая всѣхъ человѣковъ». Изъ всего до сихъ поръ сообщеннаго сказаніемъ только въ этомъ отвѣтѣ можно признавать несомнѣнную истину, именно — въ такомъ смыслѣ должны были отвѣчать Владимиру кіевляне. По естественному обычному ходу человѣческихъ дѣлъ, обращеніе Владимира къ христіанству, а затѣмъ и крещеніе Руси, совершилось подъ вліяніемъ христіанскаго элемента, пришедшаго изъ Греціи еще въ половинѣ IX-го вѣка, постепенно возраставшаго и усиленнаго крещеніемъ Ольги; вмѣстѣ съ нимъ Русь сближалась съ Греціею. Это сближеніе было причиною, что какъ скоро у язычника рождалось недовольство своими богами, то такое ощущеніе происходило вслѣдствіе знакомства съ христіанскимъ и греческимъ міромъ, и слѣдовательно перемѣна вѣры могла выразиться только принятіемъ христіанской вѣры изъ Греціи. Поэтому, Владимиру, желавшему оставить язычество, не было нужды да и нравственно невозможно было отправлять пословъ въ разныя страны, чтобъ узнать: какая вѣра лучше, чтобъ изъ нихъ принять одну; желаніе оставить язычество только и могло въ немъ возбудиться желаніемъ принять греческую вѣру, которую приняла его бабка мудрѣйшая.

Самое событіе крещенія русскаго князя изображается съ явными несообразностями. Рѣшившись принять отъ грековъ крещеніе, Владимиръ начинаетъ тѣмъ, что идетъ войною на грековъ. Какъ! идетъ драться съ тѣми, отъ которыхъ хочетъ принять вѣру! Неужели это съ чѣмъ-нибудь сообразно? Старались у насъ объяснить это желаніемъ придать бо́льшую торжественность крещенію, но для торжественности совсѣмъ не нужно было заводить драку. Говорили, что Владимиръ хотѣлъ завоевать вѣру и проч. Но это въ сущности не болѣе какъ фразы. Было бы на что-нибудь похоже, еслибы Владимиръ сватался на той самой царевнѣ, которую потомъ получилъ женою, и раздраженный отказомъ, пошелъ принудить оружіемъ уважать себя и заставить волею-неволею вступить съ собою въ родственный союзъ. Но сказаніе намъ говоритъ, что предложеніе о сватовствѣ послѣдовало уже послѣ взятія греческаго города Корсуня, а желаніе креститься отъ грековъ выразилось ранѣе. Рѣшившись на совѣщаніи съ боярами и старцами принять греческую вѣру, онъ спрашиваетъ ихъ: «гдѣ крещеніе пріимемъ?» —Они отвѣчаютъ—гдѣ ти любо?—Послѣ этого

Digitized by Google

тотчасъ въ лѣтописи говорится: «И минувшу лѣту (спустя годъ) иде Володимеръ съ вои на Корсунь градъ греческій.» Въ византійскихъ источникахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на войну Владимира съ греками и на взятіе Корсуня, но есть извѣстіе вскользь о томъ, что Владимиръ былъ женатъ на сестрѣ императоровъ Василія и Константина и посылалъ своимъ шурьямъ помощь противъ мятежниковъ Фоки и Калокира. Въ византійскихъ источникахъ не найдено также современныхъ извѣстій о крещеніи Владимира, но если только мы отложимъ въ сторону разсказъ нашей лѣтописи, то такое молчаніе дѣлается объяснимымъ. Дѣло крещенія Владимира само по себѣ было событіемъ исторіи русской, а не византійской. О крещеніи русскихъ въ половинѣ IX-го вѣка упоминалось, потому что оно связано было съ теченіемъ дѣлъ въ самой имперіи и притомъ тогда въ глазахъ грековъ было положено начало русской церкви, зависимой отъ патріарха. Впослѣдствіи, языческіе князья и ихъ хищническія дружины задерживали успѣхъ благовѣствованія и расширенія этой церкви, но самая церковь не переставала существовать и принятіе однимъ изъ князей вѣры христіанской былъ фактъ дѣйствительно очень важный, но важный для мѣстной русской церкви, а не для византійской имперіи, тѣмъ болѣе, что тогда еще не видѣли всѣхъ громадныхъ послѣдствій этого факта. Если у византійскихъ историковъ есть упоминовеніе о крещеніи Ольги, то единственно по поводу пріѣзда ея въ Константинополь и милостыни, поданной тамошнимъ церквамъ; безъ этого фактъ этотъ остался бы незамѣченнымъ. Византійскіе историки очень скупы относительно событій въ другихъ странахъ и даютъ имъ цѣну только по ближайшему ихъ отношенію къ имперіи. Крещеніе Владимира, какъ фактъ, относящійся къ Руси, и притомъ не представлявшій еще всего того, что онъ повлекъ за собою и для Византіи и для цѣлаго міра, легко былъ пропущенъ, коль-скоро онъ совершился спокойно; но едвали бы онъ остался незамѣченнымъ, если бы сопровождался войною и покореніемъ Корсуня. Для объясненія того, что говорится объ этой войнѣ въ нашей лѣтописи, для которой до сихъ поръ постоянно народныя преданія были главнымъ источникомъ, всего умѣстнѣе обратиться къ духу нашей народной поэзіи. Что Владимиръ былъ одною изъ самыхъ любимѣйшихъ личностей нашей народной поэзіи — въ этомъ, кажется, и спора быть не можетъ: это доказывается поэтическими сказаніями о его княженіи уже послѣ крещенія, помѣщенными въ нашей первоначальной лѣтописи; на это указываетъ его имя, постоянно сопровождающее до сихъ поръ великорусскія былины даже и такого содержанія, ко-

Digitized by Google

торое ничего общаго не представляетъ съ дѣйствительною эпохою Владимира. Вглядываясь въ складъ и духъ сказанія о походѣ Владимира подъ Корсунь, о взятіи этого города, о сватовствѣ Владимира вслѣдъ затѣмъ, мы увидимъ, что оно составлено подъ вліяніемъ того же присущаго народной поэзіи образа молодца, добывающаго городъ, наводящаго страхъ на враговъ и заставляющаго давать себѣ дары, изъ которыхъ одни вслѣдъ за другими отвергая, онъ выбираетъ самое дорогое, обыкновенно красавицу. Вліяніе этого глубоко народнаго пѣсеннаго образа, отражаясь на вымыслахъ о подвигахъ Олега и Святослава разными своими признаками, отразилось и на Владимирѣ и притомъ самымъ общелюбимымъ народною поэзіею признакомъ. Побѣдитель Владимиръ требуетъ себѣ именно того, чѣмъ удовлетворяется обыкновенно герой нашихъ колядокъ—дѣвицы: «се градъ ваю славный взяхъ, слышю же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему якоже и сему створихъ». Объявленіе, сдѣланное Владимиромъ корсунцамъ: «если не сдадитесь, буду стоять три года» (аще ся не вдасте имамъ стояти и за три лѣта), сразу отзывается народною поэзіею уже и потому, что здѣсь число три выступаетъ на первый планъ. Пущеніе стрѣлы съ надписью о перерывѣ воды есть такой, можно сказать, избитый образъ, который легко найти и прежде и послѣ Владимира: въ Солуни, напримѣръ, совершенно то же разсказывается о монахѣ, который турецкому султану пустилъ изъ города стрѣлу съ надписью о перерывѣ воды. Мы объясняемъ себѣ дѣло такимъ образомъ. Изъ самой лѣтописи положительно видно, что о крещеніи Владимира ходили различныя сказанія въ народѣ, видно, что въ концѣ XI-го и началѣ XII-го вѣка Владимиръ былъ уже эпическимъ лицомъ народной поэзіи. Книжники познакомили насъ кое-съ-чѣмъ изъ того, что ходило въ народныхъ разсказахъ и пѣсняхъ о его временахъ, но о крещеніи подставили намъ свои измышленія, однако, прилѣпили къ нимъ и народное преданіе: это преданіе, обличающее себя сразу произведеніемъ живой, народной, а не келейной фантазіи, и есть походъ на Корсунь, завоеваніе народа и женитьба. Владимиръ, любимый народною поэзіею, естественно представился тѣмъ молодцомъ, котораго идеальный образъ давно уже созданъ былъ въ воображеніи народа и примѣнялся легко то къ тому, то другому герою старины.

Принимая все это во вниманіе, мы считаемъ весь разсказъ о взятіи Корсуня чисто пѣсеннымъ вымысломъ. Можетъ быть вопросъ только о мѣстѣ крещенія Владимира, но никакъ не о войнѣ его за крещеніе. Слова лѣтописныя «несвѣдуще право глаголютъ яко

Digitized by Google

крестилъ ся есть въ Киевѣ, иніи же рѣша Василеве, друзии же инако скажють», ясно даютъ знать, что черезъ столѣтіе послѣ крещенія на Руси уже не сохранялось единообразной памяти о мѣстѣ крещенія Владимира, хотя и существовало нѣсколько различныхъ объ этомъ сказаній. Не зная этихъ всѣхъ сказаній, не зная, на чемъ опирались представленія о его крещеніи въ Кіевѣ или въ Василевѣ, невозможно произнести такого рѣшенія, которое по совѣсти можно было бы считать непогрѣшимымъ. Но мы видимъ, однако, черты, побуждающія насъ придать болѣе всего вѣроятности тому, что онъ крестился въ Корсуни. На это указываетъ извѣстіе о вещественныхъ памятникахъ, свидѣтельствовавшихъ о славномъ событіи. Въ лѣтописи говорится, что Владиміръ поставилъ въ Корсуни церковь, которая стоитъ «и до сего дне». Слѣдовательно, въ Корсуни была церковь, которой построеніе приписывалось Владиміру. Въ Кіевѣ за святою Богородицею стояли двѣ какихъ-то статуи и четыре мѣдныхъ коня, которые считались привезенными изъ Корсуня. Наконецъ, особы Анастаса Корсунянина и поповъ корсунскихъ, о которыхъ говорится въ лѣтописи,—не вымышленныя, и такъ какъ Херсонесъ былъ самымъ близкимъ къ Кіеву греческимъ городомъ, то и естественно, что оттуда взятъ былъ необходимый на первый разъ запасъ духовенства. То обстоятельство, что о крещеніи Владиміра образовались у народа различныя преданія, вполнѣ согласуется съ фактомъ дѣйствительнаго его крещенія въ Корсунѣ. Изъ всей нашей лѣтописи можно замѣтить, что заимствованныя ею наиболѣе типичныя и подробныя преданія относятся къ тѣмъ событіямъ, которыя совершались на глазахъ у кіевлянъ или имѣли къ нимъ непосредственно близкое отношеніе, когда свидѣтелями ихъ все-таки были въ значительной степени обитатели кіевской Руси. О прочихъ же, далекихъ, обыкновенно лѣтописецъ ограничивается упоминовеніями. Свидѣтелями крещенія собственно Владиміра въ Корсуни могли быть немногіе; для большинства оставалось только то представленіе, что князь выѣзжалъ въ Корсунь и оттуда воротился крещенымъ; но какъ яснаго образа о фактѣ крещенія не было въ воображеніи, поэтому представленіе о Корсуни въ послѣдующихъ поколѣніяхъ стало стираться; воображеніе созидало другія мѣстности, прилагая ихъ къ созидаемымъ различнымъ образамъ одного и того же факта. Противъ всего нами приводимаго могутъ сдѣлать одно вѣское возраженіе, что Владиміръ можетъ быть и ѣздилъ въ Корсунь, но уже крещенымъ, ѣздилъ встрѣчать свою невѣсту и тамъ сочетался съ нею. Противъ такого возраженія свидѣтельство вещественныхъ памятниковъ, напоминающихъ сношеніе Владиміра

Digitized by Google

съ Корсунью, почти не можетъ служить доказательствомъ его крещенія въ этомъ мѣстѣ, и это событіе останется не болѣе какъ вѣроятнымъ; несомнѣнно же только то, что Владиміръ дѣйствительно принялъ крещеніе и женился на греческой царевнѣ.

Изъ письменныхъ извѣстій, касающихся крещенія Владиміра, насъ поражаетъ своею историчностію свидѣтельство одного араба, приводимое д'Оссономъ (Les peuples de Caucase): «Два сына Романа, Василій и Константинъ, императоры константинопольскіе, просили у русскаго государя помощи противъ непріятелей, и отдавали ему свою сестру въ супружество, но она не хотѣла выходить замужъ за государя чужой религіи; онъ сталъ христіаниномъ и такимъ образомъ христіанская вѣра распространилась между русскими. Когда онъ принялъ христіанство, она вышла за него, а было это въ 375 году геджры (985 — 986)».

Мы не касаемся легенды о томъ, что Владиміръ предъ крещеніемъ заболѣлъ глазною болѣзнію до того, что ничего не видѣлъ, но по настоянію своей невѣсты крестился и тотчасъ сталъ видѣть хорошо. Она принадлежитъ къ тѣмъ явленіямъ внутренняго благочестія, которыя, взяты будучи отдѣльно, не подлежатъ исторической критикѣ, тѣмъ болѣе, что наши духовные ученые давали ей духовное значеніе. Все прочее въ исторіи крещенія Владиміра, дѣтей его и народа большею частію представляетъ амплификацію того, чего содержаніе (хотя подробности и были измѣняемы и вымышляемы) было историческою правдою; представляя въ себѣ черты общія и неизбѣжныя въ явленіяхъ такого рода, мы не затруднимся признать вполнѣ естественнымъ и достовѣрнымъ то извѣстіе, что кіевляне покорно и безропотно пошли креститься по приказанію князя, говоря: «если бы это не было хорошо, князь и боляре не приняли бы этого». При тогдашнемъ способѣ міровоззрѣнія народа, незнавшаго ни храмовъ, ни жрецовъ, ни строгой религіозно-общественной системы догматовъ и обрядовъ, не руководимаго къ противодѣйствію особымъ классомъ, привыкшимъ внушать уваженіе къ своему голосу, приказаніе Владиміра не было собственно тѣмъ, чѣмъ оно кажется намъ. Для толпы оно было только приказаніемъ исполнить обрядъ, который сочтенъ хорошимъ; народъ не видѣлъ въ этомъ обрядѣ ничего ужаснаго: онъ шелъ просто купаться въ Днѣпрѣ, только съ соблюденіемъ по оженныхъ и ему неизвѣстныхъ правилъ. Такъ, безъ сомнѣнія, долго было вездѣ на Руси. Противодѣйствіе со стороны древняго языческаго быта происходило не за введеніе новаго, а за насильственное истребленіе стараго; разсматривая этотъ вопросъ съ такой точки, мы вполнѣ поймемъ, почему русскіе вездѣ крестились

Digitized by Google

легко, но оставляли свои языческія вѣрованія и привычки очень туго. Поэтому, если можетъ возникать вопросъ, требующій разсмотрѣнія, то именно вопросъ о томъ, какъ могло совершиться въ Кіевѣ безъ всякаго противодѣйствія истребленіе идоловъ? Это можетъ объясниться только тѣмъ, что или въ Кіевѣ христіанская партія такъ была значительна, что могла поставить противовѣсъ языческой, или же что сами язычники смотрѣли на болвановъ, поставленныхъ княземъ и вообще поставленныхъ въ значеніи общественныхъ истукановъ, совсѣмъ не такъ, какъ мы о нихъ думаемъ, и истребленіе ихъ фигуръ не заключало въ себѣ въ такой степени оскорбленія святыни для каждаго въ отдѣльности, какъ можно полагать: незнаніе обстоятельствъ оставляетъ для насъ этотъ вопросъ темнымъ. Несомнѣнно только, что исторія низверженія Перуна и прочихъ идоловъ (вообще сомнительныхъ) въ томъ видѣ, въ какомъ она разсказывается въ лѣтописи, есть чистый вымыселъ. Владимиръ приказалъ однихъ идоловъ изрубить, другихъ сжечь, а Перуна привязать лошади къ хвосту и двѣнадцати человѣкамъ бить палками, таща съ горы, потомъ бросить въ Днѣпръ. Приказали-было людямъ съ берега отпихать его пока пройдетъ пороги, а тогда оставить его. Перунъ прошелъ чрезъ пороги, и вѣтеръ выбросилъ его на рѣнь (мель), которая съ того времени прозвалась Перунова рѣнь. Если у истукана была серебряная голова, то какъ онъ могъ плыть? Если же съ него голова была снята, то что за безуміе было бросать его въ воду и разставлять людей на берегу и слѣдить за чурбаномъ нѣсколько сотъ верстъ? Само собою разумѣется, что удобнѣе было его сжечь. И что это за различіе, что однихъ болвановъ жгли, другихъ рубили, третьяго по водѣ пустили! Все это несообразности, показывающія, что всѣ эти разсказы не болѣе какъ фантазіи, родившіяся въ воспоминаніяхъ объ эпохѣ Владимира.

Извѣстія о построеніи церквей, о разосланіи священниковъ, объ основаніи школъ, о взятіи дѣтей у родителей для обученія и о плачѣ матерей, у которыхъ для этой цѣли брали дѣтей—слѣдуетъ признать за несомнѣнныя достовѣрныя событія, прямыя и законныя послѣдствія принятія христіанства. Заботы о книжномъ обученіи показываютъ свѣтлый умъ Владимира.

Digitized by Google

XV.

Преданія о княженіи Владиміра послѣ крещенія его.

Къ этому періоду въ нашей лѣтописи отнесенъ разсказъ о единоборствѣ молодца съ печенѣжскимъ богатыремъ; безъ сомнѣнія, основаніемъ его было народное сказаніе, а можетъ быть и пѣсня. Разсказъ этотъ намъ чрезвычайно важенъ въ томъ отношеніи, что служитъ образчикомъ того способа, какимъ древніе общечеловѣческіе миѳы, видоизмѣняясь, прилегаютъ къ мѣстностямъ, историческимъ условіямъ и данному времени. Разсказъ этотъ, въ своей сущности, подставленный лѣтописцемъ подъ 992-й годъ и связанный съ основаніемъ Переяславля, есть не что иное какъ видоизмѣненный локализованный глубоко-древній миѳъ о борьбѣ съ чудовищемъ и объ освобожденіи отъ него угнетенныхъ существъ, миѳъ, воплощавшійся у древнихъ грековъ въ исторіи Тезея, Персея, Беллерофона, и у насъ преимущественно связавшійся съ легендой о Егоріи Храбромъ. Въ запискахъ о Южной Руси Кулиша онъ является въ сказкѣ о Кириллѣ Кожемякѣ, пріуроченной къ Кіеву (т. II. 27). Богатырь-силачъ, разрывающій въ досадѣ разомъ двѣнадцать воловьихъ шкуръ, по княжескому приглашенію, обматываетъ себя насмоленною коноплёю и въ виду всего Кіева вступаетъ въ битву съ змѣемъ, съ цѣлію освободить княжескую дочь отъ плѣна и страну свою отъ постыдной дани. Змѣй, разбѣсившись, вырываетъ нѣсколько разъ кусками насмоленную коноплю, но все-таки не можетъ одолѣть своего противника и погибаетъ, а изъ его трупа нарождаются мошки и комары. Въ разсказѣ, внесенномъ въ лѣтопись, вмѣсто змѣя, фантастическаго образа враждебной силы, является дѣйствительно существовавшая для Руси враждебная сила — печенѣги, предлагающіе устроить единоборство между двумя богатырями, выбранными съ той и съ другой стороны по одному. Условія побѣды вполнѣ пѣсенныя съ завѣтнымъ числомъ трехъ лѣтъ: побѣдитъ печенѣгъ — его соотечественникамъ воевать три года, а побѣдитъ русскій — печенѣгамъ не воевать три года. По княжескому призыву, отецъ выставляетъ меньшого изъ сыновей своихъ, силача, который, подобно Кириллѣ Кожемякѣ, въ припадкѣ досады разрываетъ воловьи кожи. Русскій силачъ вступаетъ въ бой съ печенѣжскимъ. Въ сказкѣ о Кожемякѣ змѣй вырываетъ насмоленную коноплю, которою обмотанъ былъ Кирилла Кожемяка; въ лѣтописномъ разсказѣ сохранился тотъ же образъ вырыванія, но совсѣмъ

Digitized by Google

иначе; русскій силачъ, чтобъ показать передъ своимъ княземъ свою силу, вырываетъ кусокъ кожи съ мясомъ у быка, нарочно разъяреннаго прикосновеніемъ раскаленнаго желѣза. Битва съ печенѣжскимъ богатыремъ происходитъ при глазахъ обоихъ враждующихъ полчищъ, такъ какъ битва Кирилла съ змѣемъ въ виду кіевлянъ. Русскій силачъ одолѣваетъ и убиваетъ печенѣжина, какъ Кирилло змѣя, и въ лѣтописномъ разсказѣ враги разбѣгаются врознь подобно тому, какъ мошки и комары разлетаются изъ трупа убитаго чудовища. На мѣстѣ, гдѣ произошла побѣда, Владиміръ закладываетъ городъ Переяславль, потому что молодецъ тамъ «переялъ славу»: уже забылось, что Переяславль помянутъ въ числѣ городовъ русскихъ еще при Олегѣ.

Другой, несомнѣнно народный, разсказъ о киселѣ и медѣ въ Бѣлгородѣ принадлежитъ къ типическимъ способамъ изображенія глупости народа, которую считаетъ его прирожденнымъ свойствомъ другой народъ. Въ разсказѣ, приведенномъ выше, въ которомъ дѣйствуетъ воевода Прѣтичъ, видно уже, что русскіе печенѣговъ считали крайними глупцами. Въ этомъ разсказѣ мысль эта проявляется еще рѣзче. Осажденные бѣлгородцы, по совѣту мудраго старца, копаютъ двѣ ямы и одну изъ нихъ наливаютъ растворомъ киселя, другую медовою сытой, и увѣряютъ приглашенныхъ печенѣговъ въ числѣ цѣлаго десятка, что земля здѣсь такова, что сама родитъ кисель и медъ, а потому невозможно ихъ взять осадою. Печенѣги, по своей глупости, повѣрили, никакъ не въ состояніи будучи отгадать, что русскіе нарочно выкопали ямы и налили туда меда и киселя; печенѣги удалились прочь. Разсказъ этотъ принадлежитъ къ ряду безчисленныхъ въ подобномъ родѣ, существующихъ въ настоящее время и особенно любимыхъ малоруссами, у которыхъ комизмъ смѣшного анекдота чаще всего вертится на готовности простака повѣрить, въ силу подготовленнаго искусно подобія, такому явленію, которое, по здравому уму, невозможно, напр.: является живая рыба, и простака увѣряютъ, что ее поймали въ травѣ; плуты продаютъ мужику лошадь, а когда хозяинъ, купивъ ее, повелъ домой, не оглядываясь, одинъ изъ плутовъ вынулъ голову лошади изъ оброти, и вложилъ свою и потомъ увѣрилъ мужика, что онъ былъ заклятъ въ лошадь за грѣхи; мужикъ повѣрилъ, отпустилъ его; впослѣдствіи же, увидѣвъ купленную имъ лошадь опять на рынкѣ, нагнулся къ ней на ухо и сказалъ: вѣрно опять согрѣшилъ, нимало не подозрѣвая, что его дурачатъ. Къ этому же разряду относится анекдотъ о томъ, какъ москали (солдаты) надуваютъ малорусскихъ поселянъ, въ родѣ, напримѣръ, того, какъ москаль отвлекаетъ

Digitized by Google

чумаковъ отъ ихъ возовъ, увѣряя ихъ, что онъ ловитъ долотомъ рыбу, и въ то время когда простодушные чумаки отправились смотрѣть на это диво, другіе москали выбрали у нихъ съ воза рыбу.

Извѣстія о пирахъ Владимира, о его милосердіи, щедрости, заботахъ объ устроеніи земли и защитѣ ея отъ внѣшнихъ враговъ совсѣмъ отличны отъ тѣхъ банальныхъ похвалъ, которыя расточаютъ лѣтописи разнымъ князьямъ за такія же качества, въ общихъ риторическихъ выраженіяхъ. Извѣстія, касающіяся Владимира живы, образны и конечно перешли въ первоначальную лѣтопись изъ преданій и воспоминаній, переходившихъ отъ современниковъ Владимира къ ихъ потомкамъ. На нихъ-то сложился тотъ типическій образъ этого князя, который, воспринимая въ себя черты послѣдующихъ временъ, дошелъ, наконецъ, до великорусскихъ былинъ. Согласно съ тѣмъ закономъ, по которому вообще скопляются около любимыхъ лицъ разныя прежде бывшія въ воображеніи народа представленія, мы не думаемъ, чтобы эти преданія были прямымъ исключительнымъ воспоминаніемъ историческаго былого. Это не просто только память о Владимирѣ дѣйствительномъ, историческомъ, это народный идеалъ князя, и если онъ соединился съ именемъ Владимира, то потому, что во Владимирѣ были черты, удовлетворявшія этому идеалу, хотя быть можетъ черты эти вовсе были не главными въ историческомъ лицѣ, и самимъ пребываніемъ его имени въ памяти послѣдующихъ вѣковъ онъ одолженъ не этимъ чертамъ, которыя въ народной фантазіи выдвинулись на первый планъ. Если Владиміръ ярче всѣхъ князей остался въ поэтической памяти народа, то, конечно, оттого, что онъ былъ великій преобразователь земли и народа, просвѣтитель свѣтомъ христіанства; но уважая въ немъ эти высокія заслуги, народъ, относясь къ нему съ любовью, болѣе всего плѣнялся въ немъ такими качествами, которыя, по понятію народа составляли и носили образъ добраго, любимаго князя: образъ князя гостепріимнаго, радушнаго, милостиваго, и главное устраивающаго пиры и кормящаго всѣхъ, и знатныхъ и незнатныхъ, и за этимъ образомъ потускнѣли уже самыя тѣ черты, которыя составили историческую славу Владимира. Народу отрадно было, что такой князь, который совершилъ такія великія перемѣны въ его судьбѣ, былъ князь добрый, милостивый и любилъ творить пиры и праздники, и всякаго кормить и поить. Всякую недѣлю—гласитъ преданіе, передаваемое лѣтописцемъ—у Владимира былъ пиръ въ гридницѣ: къ нему приходили, по его распоряженію, боляры, гриди, сотскіе, десятскіе нарочитые мужи, былъ ли самъ князь лично на пиру или не было, всегда

Digitized by Google

было изобильно, мяса, звѣрины, скота, бѣдные смѣло приходили въ княжескій дворъ, брали все что имъ нужно было: и яденье, и питье, и деньгами имъ давали; мало этого, князь заботился о тѣхъ, которые были немощны и не въ силахъ были придти въ княжій дворъ; для тѣхъ приказалъ онъ возить по городу хлѣбъ, рыбу, мясо, овощь, медъ и квасъ. Какъ не видѣть въ этихъ чертахъ простодушнаго идеала князя въ воображеніи народа. Владиміръ не ограничивался обычными каждонедѣльными пирами: въ большіе праздники, особенно въ случаѣ освященія церквей, Владиміръ устроивалъ пиры на самую широкую ногу. Такой пиръ остался въ народной памяти, занесенный въ лѣтописи подъ 996 годомъ, по поводу освященія церкви Преображенія въ Василевѣ, построенной по обѣту въ память избавленія отъ печенѣговъ. Пиръ продолжался восемь дней, а возвратившись въ Кіевъ къ успенію Богородицы, князь устроилъ тамъ другой праздничный пиръ. На такія особыя торжественныя празднества созывались гости изъ другихъ городовъ. При этомъ всегда раздавалась щедрою рукою милостыня убогимъ. Такимъ образомъ, по народному представленію, князь Владиміръ не только не похожъ былъ на отцовъ и дѣдовъ, но составлялъ имъ противоположность. Прежніе князья только и знали, что брали съ людей, да накладывали дани; Владиміръ, напротивъ, представляется болѣе дающимъ народу, чѣмъ берущимъ отъ него. Это уже князь не дружинный, а земскій. Вмѣсто того, чтобъ примучивать подданныхъ да вымучивать изъ нихъ послѣднее, Владиміръ до того добродушенъ, что боится даже казнить разбойниковъ, которые, по замѣчанію лѣтописца, очень умножились въ тѣ времена. Мы думаемъ однако, что эти жалобы на умноженіе разбойниковъ были скорѣе сознаніемъ, возникшимъ при вѣяніи новой христіанской жизни, необходимости безопасности и мѣръ къ недопущенію своевольства, къ положенію предѣла дикимъ страстямъ. Разбой, по смыслу, какой давался этому слову, не значилъ исключительно того, что мы, въ строгомъ значеніи его, понимаемъ теперь; но обнималъ собою и всякое своевольство, не щадившее правъ личности и собственности, свойственное дикому языческому обществу, но возбуждавшее негодованіе христіанъ. Епископы требовали казнить разбойниковъ, но скоро туземныя понятія взяли верхъ; вмѣстѣ съ епископами и старцами рѣшено было наказывать ихъ вирою, которую употреблять на средства къ защитѣ страны. Съ принятіемъ Христовой вѣры измѣнялось значеніе князя и вмѣстѣ съ тѣмъ его дружины. Если князь по прежнему бралъ дань, то уже на него также ложились и обязанности; онъ дѣлался

Digitized by Google

охранителемъ страны, блюстителемъ правды внутри и безопасности извнѣ, онъ долженъ былъ строить церкви, заботиться о распространеніи вѣры, о благосостояніи края, о просвѣщеніи жителей, кормить голодныхъ, призрѣвать убогихъ и сирыхъ; уже то, что онъ получалъ со страны не дѣлалось его исключительною собственностью, но значительная часть взятаго должна была возвращаться въ нѣдра страны для общей пользы. Его дружина переставала быть отрѣзанною отъ земства шайкою, служащею только князю и собственнымъ выгодамъ, но вмѣстѣ съ своимъ княземъ она должна была служить землѣ. Еще и прежде Владимира дружина не могла удержать значенія корпораціи, противоположной и враждебной земству, какою она вѣроятно была при своемъ зародышѣ, такъ какъ изъ земскихъ людей поступали въ дружинники, оставаясь мимо своей воли въ связи съ землею. Походы князей на иноплеменниковъ и возможность наживы на счетъ сосѣднихъ, отвлекали дружину отъ грабежей въ русскихъ земляхъ, и тѣмъ привлекали къ ней болѣе людей изъ этихъ земель. Съ принятіемъ христіанства интересы дружины болѣе или менѣе стали совпадать съ интересами земства, и дружина дѣлалась собственно только выборомъ изъ того же земства, окружавшимъ князя и вмѣстѣ съ нимъ долженствовавшимъ охранять землю и работать для ея пользы. Такія условія выработывались разумѣется не вдругъ, но преданіе уже на времена Владимира относитъ ихъ, какъ видно изъ сказанія, что дружина Владимира, подпивши, стала жаловаться, что ей даютъ ѣсть деревянными, а не серебряными ложками, и Владимиръ, исполняя такую прихоть своей дружины, сказалъ: «сребромъ и златомъ я не куплю дружины, а дружиною достану сребро и золото». На этомъ пирѣ, на которомъ по преданію дружина обмѣнялась съ княземъ такими замѣчаніями, по извѣстію лѣтописца, была не одна дружина, въ тѣсномъ смыслѣ, но всякіе люди нарочитые, да и слова Владимира, что онъ не можетъ купить сребромъ и золотомъ дружины, показываютъ, что князь представленъ здѣсь понимающимъ дружину въ смыслѣ широкомъ, въ значеніи людей близкихъ къ себѣ, совѣтниковъ. Въ Софійскомъ спискѣ эта дружина называется просто «люди».—Въ этихъ преданіяхъ видно уже начало иного строя, который неизбѣжно возникалъ подъ вліяніемъ великаго преобразованія Владимирова времени.

Преданіе о населеніи городовъ по Деснѣ, Острѣ, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, куда набраны были поселенцы изъ (новгородскихъ) славянъ, вятичей, кривичей и чуди, носитъ на себѣ несомнѣнную печать достовѣрности. Понятно, что черезъ восемьдесятъ

Digitized by Google

и даже черезъ сто лѣтъ, живы были воспоминанія такого рода, и потомки поселенцевъ помнили свое происхожденіе. Также вполнѣ исторично, кажется намъ, извѣстіе о заведеніи училищъ, разомъ съ построеніемъ церквей и назначеніе при нихъ духовенства (и нача ставити по градомъ церкви, и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ. Посла нача поимати у нарочитое чади дѣти и даяти нача на ученье книжное, матере же чадъ своихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но аки по мертвеце плакахуся). Такое извѣстіе не могло возникнуть путемъ составленія поэтическихъ преданій, когда готовые въ воображеніи народа представленія примыкаютъ къ данному лицу, событію и мѣсту, на основаніи какихъ-нибудь сходныхъ признаковъ дѣйствительности съ идеальнымъ образомъ. У народа не могло быть прежде такого представленія о князѣ обучающемъ народъ грамотѣ, какъ о князѣ задающемъ веселые пиры, раздающемъ щедро дары или охраняющемъ край отъ враговъ. Извѣстіе это могло быть только прямымъ воспоминаніемъ объ историческомъ фактѣ, поддерживаемымъ продолженіемъ его въ послѣдующее время. У насъ въ наукѣ возникалъ вопросъ о томъ, какъ понимать это обученіе: какъ необходимую подготовку духовныхъ, которые становились нужными при распространеніи вѣры, или же какъ намѣреніе вообще распространить въ народѣ книжное просвѣщеніе. Судя, съ одной стороны, по смыслу, въ какомъ передается это извѣстіе въ лѣтописи, а съ другой, по замѣчательно быстрому, хотя и короткому процвѣтанію умственной дѣятельности въ кіевскій періодъ, надобно полагать, что предпріятіе Владимира имѣло и ту и другую цѣль. Восторженный тонъ, съ какимъ говоритъ лѣтописецъ объ этомъ (симъ же раздаяномъ на ученье книгамъ събыстася пророчество на русстѣй земли глаголющее: во оны дни услышать глусіи словеса книжная и яснъ будетъ языкъ гугнивыхъ. Си бо не бѣша преди слышали словесе книжнаго, но по божію строю и по милости своей, помилова Богъ) показываетъ, что по воззрѣнію писавшаго извѣстіе объ обученіи народа, это обученіе было въ широкомъ размѣрѣ, что̀ вполнѣ возможно, такъ какъ и въ Византіи, откуда онъ принялъ крещеніе, грамотность была значительно распространена въ народѣ. Владимиръ понялъ, что для утвержденія новой вѣры, а съ ней вмѣстѣ и христіанскихъ порядковъ, первое и важнѣйшее средство было обученіе народа. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній, которыя способствовали бы намъ получить отвѣтъ на нѣкоторые вопросы первой важности, которые возникаютъ для насъ по этому поводу. Заведеніе училищъ требовало учителей,

Digitized by Google

которыми вѣроятно были болгары, знавшіе славянскій языкъ. Какъ бы то ни было, какъ ни скудны данныя, которыя бы могли дать намъ болѣе ясный образъ Владимира и его эпохи, самыхъ тусклыхъ представленій достаточно, чтобы признать, что эпоха его была эпохою великаго внутренняго преобразованія, и личность Владимира, хотя видимая нами сквозь призму народныхъ преданій, все-таки настолько кажется высокою, громадною, что въ нашей исторіи, одна только личность можетъ стать съ нимъ въ уровень — личность Петра Великаго. Послѣдствія говорятъ за него. Онъ былъ также истиннымъ творцемъ гражданственности и политическаго бытія Руси, какъ и ея просвѣтителемъ въ религіозномъ отношеніи.

XVI.

Полоцкія преданія о Рогнѣдѣ.

Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1128 годомъ занесены преданія, относящіяся ко времени Владимира, изъ которыхъ одно съ измѣненіями вошло въ первоначальную лѣтопись, а другое не только не вошло въ нее, но противно ей по главнымъ чертамъ содержанія. Это преданіе о Роговолодѣ и Рогнѣдѣ. Сватовство Владимира на Рогнѣдѣ и его трагическая развязка приписываются здѣсь не прямо Владимиру, какъ въ первоначальной лѣтописи, а Добрынѣ, самъ же Владимиръ былъ еще очень юнъ. Добрыня называется не дядею Владимира, какъ въ первоначальной лѣтописи, а только его воеводою (Володимиру сущю Новѣгородѣ дѣтьску сущю еще и погану, и бѣ у него Добрына воевода и храборъ и наряденъ мужъ и сь посла къ Роговолоду и проси у него дщере за Владимира). Отвѣтъ Рогнѣды тотъ же, что и въ первоначальной лѣтописи, но въ описаніи убійства Роговолода есть отличія и несходства. Въ первоначальной лѣтописи говорится, что когда хотѣли Рогнѣду отдавать замужъ (вести) за Ярополка, пришелъ Владимиръ съ войскомъ, состоящимъ изъ варягъ, словѣнъ, чуди и кривичей, убилъ Роговолода и двоихъ сыновей его, а дочь взялъ себѣ женою. Въ Лаврентьевской—Добрыня съ Владимиромъ набираетъ войско, но не говорится изъ кого оно состоитъ. Роговолодъ вступаетъ въ битву и побѣжденный убѣгаетъ въ городъ. Добрыня съ Владимиромъ приступаютъ къ городу; городъ взятъ, Роговолодъ съ женою и дочерью попадаютъ въ плѣнъ. Тогда Добрыня поругался надъ отцомъ и дочерью. О двоихъ сыновьяхъ, о ко-

Digitized by Google

торыхъ сообщаетъ первоначальная лѣтопись, здѣсь нѣтъ и помина (Добрыня поноси ему и дщери его, нарекъ ей робичица, и повелѣ Владимиру быти съ нею предъ отцемъ ея и матерью). Потомъ отца убили, а дочь Владимиръ взялъ себѣ въ жену и нарекли ей имя Гориславa. Она родила Изяслава. Этотъ разсказъ приводитъ лѣтописецъ вообще по поводу полоцкихъ князей и ихъ родовыхъ отношеній и ссылается, что такъ говорили вѣдущіе (о сихъ же Всеславичахъ сице есть, яко сказаша вѣдущіи преже). Преданіе, очевидно, въ сущности одно и то же, что и въ первоначальной лѣтописи, однако въ Лаврентьевской оно взято изъ иного варіанта. Но при крупныхъ отличіяхъ и несходствахъ этихъ варіантовъ, какъ въ первоначальной лѣтописи, такъ и въ Лаврентьевской, мы встрѣчаемъ буквально однѣ и тѣ же выраженія, а именно: «Онъ же (Роговолодъ) рече дчери своей: хощеши ли за Володимира. Она же рече: не хочу разути робичича, но Ярополка хочю. Бѣ бо Роговолодъ пришелъ изъ заморья имѣяше волость свою Полтескъ (въ первоначальной лѣтописи: имѣяше власть свою въ Полтскѣ). Такая одинаковость нѣсколькихъ выраженій, при различіи разсказа, могла произойти оттого, что оба лѣтописца заимствовали изъ разныхъ варіантовъ одного и того же сказанія, существовавшаго, вѣроятно, въ формѣ думы или пѣсеннаго повѣствованія, причемъ всегда бываетъ, что въ различныхъ варіантахъ сохраняются постоянно одинакія типическія выраженія. Мы не можемъ допустить, чтобы занесшій это сказаніе въ Лаврентьевскую лѣтопись умышленно старался согласовать его съ повѣствованіемъ первоначальной лѣтописи. Если во фразѣ о Всеславичахъ (о сихъ Всеславичахъ сице есть яко сказаша вѣдущи преже) слово «преже» понимать какъ намекъ на записанное въ первоначальной лѣтописи (что, однако, можетъ имѣть совсѣмъ иной смыслъ, что прежде сказывали знающіе люди), то и тогда слѣдуетъ принять во вниманіе, что этого слова въ нѣкоторыхъ спискахъ (Радзивилловскомъ и Троицкомъ) Лаврентьевской лѣтописи совсѣмъ нѣтъ, а это скорѣе можетъ повести къ догадкѣ, что слово «преже» не составляетъ существенной части рѣчи.

Второе преданіе, какъ видно, неизвѣстно было первоначальному лѣтописцу. Оно очевидно исключительно полоцкое. У Рогнѣды—иначе Гориславы—отъ Владимира былъ сынъ Изяславъ. Владимиръ взялъ себѣ иныхъ многихъ женъ и не взлюбилъ Рогнѣду. Однажды онъ пришелъ къ ней и уснулъ. Рогнѣда хотѣла зарѣзать его соннаго, но онъ въ это время проснулся и схватилъ ее за руку. «Горько мнѣ стало—сказала она—ты убилъ моего отца и полонилъ его землю, все за меня, а теперь не лю-

Digitized by Google

бишь меня съ этимъ ребенкомъ». Владимиръ приказалъ ей одѣться, какъ въ день свадьбы, понаряднѣе, и сѣсть на постелѣ въ украшенномъ покоѣ: туда придетъ онъ и тамъ убьетъ ее. Но Гориславa научила своего сына Изяслава взявъ мечъ, выступить на встрѣчу отцу и сказать: «ты думаешь, что ты здѣсь одинъ». Когда сдѣлалось такъ, Владимиръ бросилъ свой мечъ, которымъ хотѣлъ умертвить Рогнѣду, созвалъ бояръ и передалъ имъ на обсужденіе свое семейное дѣло. Боляры сказали: «не убивай ее, ради этого ребенка, но возстанови ея отчину и отдай ей вмѣстѣ съ сыномъ». Владимиръ построилъ Рогнѣдѣ и ея сыну городъ и назвалъ его Изяславль. Лѣтописецъ оканчиваетъ свой разсказъ замѣчаніемъ, которое поясняетъ и смыслъ разсказа и его происхожденіе. «И оттолѣ—говоритъ онъ—мечь взимаютъ внуки Роговоложи противу Ярославовымъ внукомъ». Такимъ образомъ, это преданіе ставится въ тѣсную связь съ тою враждою, какую дѣйствительно мы видимъ въ продолженіи многихъ поколѣній между родомъ Изяслава, княжившимъ въ Полоцкѣ и развѣтвившимся по всей Кривской и Дреговицкой землѣ, и родомъ Ярослава, развѣтвившимся по остальной Руси. Должно быть, въ этой враждѣ принимали участіе не однѣ родовыя причины, но и земскія; во всякомъ случаѣ такое преданіе, какъ смерть Роговолода, трагическая судьба Гориславы—праматери полоцкаго княжескаго рода, должно было нравственно поддерживать и освящать враждебныя побужденія общимъ родовымъ воспоминаніемъ. Весь родъ полоцкихъ князей помнилъ свое происхожденіе по женской линіи, болѣе чѣмъ по мужеской. Ихъ лѣтописецъ называетъ общимъ именемъ внуковъ Роговолода и, дѣйствительно, имя Роговолода не умирало въ потомкахъ его дочери; многіе изъ послѣднихъ полоцкихъ князей носили это имя.

Второе преданіе о Рогнѣдѣ, записанное въ Лаврентьевской лѣтописи, діаметрально противоположно первоначальной лѣтописи, главнымъ образомъ потому, что по Лаврентьевской выходитъ, что у Рогнѣды отъ Владимира былъ одинъ только сынъ Изяславъ. Съ нимъ съ однимъ онъ удалилъ ее отъ себя и, слѣдовательно, онъ не могъ уже имѣть отъ нея другихъ дѣтей. Но въ первоначальной лѣтописи сыновьями Рогнѣды называются, кромѣ старшаго Изяслава, въ такомъ порядкѣ еще три князя: Мстиславъ, Ярославъ и Всеволодъ, и такъ какъ самъ Ярославъ, родоначальникъ тѣхъ всѣхъ русскихъ князей, съ которыми въ родовой враждѣ находились потомки Рогнѣды, былъ самъ сыномъ Рогнѣды, то здѣсь уже нѣтъ мѣста связи между этой враждой и исторіею Рогнѣды, да и самое преданіе, записанное въ Лаврентьевской

Digitized by Google

лѣтописи, дѣлается невозможнымъ въ соглашеніи съ первоначальною лѣтописью. Но въ первоначальной лѣтописи по этому поводу возникаетъ противорѣчіе и нелѣпость. Ярославъ, какъ сказано подъ 1054 годомъ, скончался 76-ти лѣтъ отъ роду (жилъ же всѣхъ лѣтъ 70 и 6). Но если такъ, то значитъ онъ долженъ былъ родиться въ 978 году, и это выходитъ за два года до брака его отца съ его матерью! Все это наглядно показываетъ, что въ лѣтописные своды входили разнородныя и противорѣчивыя извѣстія, и сводчики мало обращали вниманія на то, чтобъ соглашать ихъ, а часто помѣщали какъ попало то, что слышали. Разность представленій о Рогнѣдѣ и ея потомствѣ служитъ для насъ образчикомъ и разительнымъ доказательствомъ того, что преданія, занесенныя въ лѣтописи, ходили (какъ и слѣдовало ожидать сообразно общему свойству преданій) въ разныхъ варіантахъ, а намъ большая часть ихъ досталась только въ одномъ, и потому основываться на нихъ и считать за ними фактическую правду въ томъ видѣ, въ какомъ они занесены въ лѣтописи, будетъ до крайности опрометчиво. Изъ двухъ извѣстій о Рогнѣдѣ и ея потомствѣ можно скорѣе считать ближе къ фактической правдѣ преданіе полоцкое, по крайней мѣрѣ потому, что съ нимъ соединяли понятіе о причинѣ вражды полоцкихъ князей къ князьямъ Ярославова дома, факта несомнѣннаго. У полоцкихъ князей, такимъ образомъ, было убѣжденіе, что они по происхожденію отличны отъ Ярославичей; они одни считали себя внуками Роговолода; у нихъ однихъ было въ употребленіи предковское имя. Что касается до самой личности Роговолода, то надобно думать, что пѣсенная фантазія сдѣлала его пришельцемъ изъ-за моря, по общему свойству преданій выводить героевъ и предковъ издалека. Имя Роговолода чисто славянское. Вѣроятнѣе всего, онъ былъ природный мѣстный князь Полоцкій, и оттого-то имя его такъ прильнуло къ роду князей мѣстныхъ, происходившихъ отъ него только по женской линіи. Народъ видѣлъ въ своихъ князьяхъ близкій себѣ мѣстный, а не прихожій, не завоевательный элементъ.

Digitized by Google

XVII.

Преданія о Владимирѣ и его эпохѣ въ Никоновскомъ сводѣ лѣтописныхъ сказаній.

Въ строю нашихъ историческихъ источниковъ вообще, а въ особенности по отношенію къ эпохѣ Владимира, есть вопросъ, еще не установившійся и нерѣшенный безповоротно,—это вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ понимать тѣ сказанія о разсматриваемой нами эпохѣ, которыя, не находясь въ спискахъ болѣе древнихъ нашей первоначальной лѣтописи, встрѣчаются въ такъ-называемой Никоновской лѣтописи, сводѣ списковъ, составленномъ въ XVI-мъ вѣкѣ и напечатанномъ по разнымъ спискамъ этого свода подъ именемъ патріаршей или Никоновой лѣтописи въ 9-мъ томѣ полнаго собранія лѣтописей, изданныхъ археографическою коммиссіею. Карамзинъ положительно отвергалъ фактическую достовѣрность этихъ сказаній, но позднѣйшіе историки и изслѣдователи, вполнѣ почтенные и авторитетные, смотрѣли на нихъ иначе, руководствуясь вообще довольно легкимъ критическимъ правиломъ допускать за вѣрное то, что̀ кажется правдоподобнымъ.

Для насъ вопросъ о фактической достовѣрности хотя самъ по себѣ очень важенъ, не составляетъ, однако, главнаго достоинства сказанія. Изъ того, что̀ вошло въ первоначальную лѣтопись, мы только за немногимъ и то больше въ общихъ чертахъ, признаёмъ фактическую достовѣрность, однако тѣмъ не менѣе считаемъ большою историческою драгоцѣнностію все содержаніе этой лѣтописи. Что̀ нужды, что походъ Святослава на грековъ происходилъ совсѣмъ не такъ, какъ описанъ въ лѣтописи, очевидно, на основаніи народнаго сказанія, или народной думы? Все равно, остается тотъ фактъ, что именно такъ сложилось о немъ представленіе у народа, а такого рода факты мы считаемъ столько же важными, какъ и то, какимъ образомъ происходило на самомъ дѣлѣ сообщаемое событіе; иногда же фактическая достовѣрность, по незначительности самаго факта, бываетъ въ особенности важною только потому, что служитъ мѣриломъ важности сообщаемыхъ въ данномъ источникѣ вымысловъ, въ смыслѣ признанія такихъ вымысловъ народнымъ произведеніемъ цѣлыхъ массъ и поколѣній, а не личности какого-нибудь писателя. Нельзя признавать вообще недостовѣрными и неважными извѣстія, встрѣчаемыя въ позднѣйшихъ спискахъ единственно на

Digitized by Google

томъ основаніи, что ихъ нѣтъ въ болѣе старыхъ спискахъ, такъ какъ у насъ нѣтъ такихъ списковъ первоначальной лѣтописи, которые бы мы могли хотя приблизительно назвать современными ея составленію. Самый сравнительно-древній списокъ, Лаврентьевскій, двумястами семидесятью годами моложе извѣстной намъ ранней редакціи первональной лѣтописи, указываемой подъ 1110-мъ годомъ. Если мы видимъ въ болѣе позднихъ спискахъ то, чего не находимъ въ извѣстныхъ намъ болѣе старыхъ, то въ послѣднихъ могло быть упущено то, что находилось въ тѣхъ болѣе древнихъ, которые не дошли до насъ, и въ позднѣйшіе списки могли заноситься извѣстія изъ этихъ неизвѣстныхъ для насъ древнѣйшихъ списковъ. Вѣроятность этого подтверждается нѣкоторыми примѣрами, показывающими, что въ позднѣйшихъ спискахъ встрѣчаются и опущенія того, что́ находится въ болѣе старыхъ. Напр., въ Софійскомъ спискѣ первоначальной лѣтописи, который позднѣе Лаврентьевскаго, при исчисленіи событій временъ Владимира, опущены кое-какія извѣстія, находящіяся въ Лаврентьевскомъ, какъ-то: подъ 6506—6519-мъ годами мы не видимъ преставленія Мальфрѣди, Рогнѣды, Всеслава, перенесенія святыхъ въ церковь Богородицы, также подъ 6524-мъ о сгорѣніи церквей въ Кіевѣ, подъ 6537-мъ годомъ о мирѣ, подъ 6545 о построеніи церкви Ирины, о любви Ярослава къ книгамъ; подъ 6559-мъ нѣтъ пространнаго сказанія объ основаніи Печерскаго монастыря. Въ патріаршей или Никоновой лѣтописи многіе разсказы, подробно изложенные въ старыхъ спискахъ, сокращены, напр.: о мести Ольги надъ древлянами; а о распоряженіяхъ Ольги въ Древлянской землѣ вовсе нѣтъ ничего; въ повѣствованіи о Владимирѣ нѣтъ ничего о низверженіи Перуна въ Днѣпръ, о пирѣ, устроенномъ въ Василевѣ, о возобновленіи виры и проч.; такимъ же образомъ, по аналогіи, можно допускать, что и въ Лаврентьевскомъ упущено что-нибудь такое, что находилось въ болѣе древнихъ спискахъ; наоборотъ, могли быть и несомнѣнно были такія извѣстія, которыя не входили въ первую редакцію первоначальной лѣтописи, и включены въ нее послѣ, и которыя однако́ имѣютъ одинакое значеніе съ вписанными первымъ составителемъ лѣтописнаго свода. Таковы извѣстія, касающіяся Новгорода, очевидно вписанныя новгородцами, знавшими свои мѣстныя событія и преданія лучше другихъ. Въ числѣ ихъ бросается намъ въ глаза преданіе о низверженіи Перуна въ Волховъ. Когда этого идола бросили въ Волховъ, то вошелъ въ него бѣсъ; и сталъ идолъ кричать, и бросилъ на мостъ палицу свою и сказалъ: поминайте меня новгородскіе дѣти! оттого новгородцы такъ и дерутся между собою. Преданіе это выдумано въ

Digitized by Google

Новгородѣ въ качествѣ остроты надъ новгородскими драками, часто происходившими на волховскомъ мосту. Другой анекдотъ о Пидьблянинѣ, который, ѣдучи въ городъ съ горшками, увидѣлъ Перуна приплывшаго къ берегу и оттолкнулъ его, сказавши: «довольно ты, Перунище, ѣлъ и пилъ, теперь плыви прочь!» также носитъ насмѣшливый колоритъ. Можно принять за вѣрное, что оба преданія первоначально сочинены были книжными людьми, потому что въ нихъ видѣнъ взглядъ автора, какъ-бы стоящаго внѣ массы и наблюдающаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и насмѣхающагося надъ свойствами этой массы. Но преданія эти таковы, что, бывъ сочинены отдѣльными лицами, могли легко разойтись въ народѣ; до какой степени они въ свое время онародились, мы не знаемъ, но если только съ ними это случилось, то конечно въ тѣ времена, когда уже христіанство восторжествовало, и воспоминанія о язычествѣ, теряя его признаки, возбуждавшіе прежде живую злобу, облекались насмѣшкою. Новгородскіе книжники занесли это преданіе въ первоначальную лѣтопись. Подобнымъ путемъ входило въ лѣтопись и многое другое по мѣрѣ того, какъ лѣтопись распространялась по русскимъ землямъ. Какъ легко и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ вполнѣ законно появлялись такія вставки, показываетъ мѣсто подъ 6527-мъ годомъ, гдѣ описывается, какъ Ярославъ бился съ Святополкомъ окаяннымъ. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ разсказывается, какъ кіевляне издѣвались надъ новгородцами, называли ихъ плотниками и грозили приставить ихъ строить себѣ хоромы. Новгородцы раздражились, кричали, что терпѣть болѣе не станутъ и непремѣнно перевезутся утромъ черезъ Днѣпръ. Святополкъ стоялъ между озерами и всю ночь пилъ съ своею дружиною. Утромъ Ярославъ съ новгородцами переправился и началась сѣча. Но новгородецъ, списывавшій это извѣстіе, прибавилъ такія черты, которыя были извѣстны ему изъ мѣстныхъ новгородскихъ преданій и были неизвѣстны кіевскому описателю тѣхъ же событій. У Святополка былъ мужъ, расположенный къ Ярославу; къ нему послалъ Ярославъ отрока своего сказать ему: «Оньси! что ты тому велишь творити? Меду мало, а дружины много». На это мужъ, находившійся въ противномъ станѣ, отвѣчалъ: «Рчи Ярославу: да че меду мало, а дружины много, а къ вечеру вдати!» Ярославъ изъ этихъ неясныхъ словъ уразумѣлъ, что надобно сдѣлать нападеніе въ ночь и тотчасъ, вечеромъ—а не утромъ, какъ поставилъ кіевлянинъ, описывавшій это событіе — переправился черезъ Днѣпръ и приказалъ своей дружинѣ въ знакъ отличія отъ враговъ обвивать головы платками, а послѣ одержанной побѣды раздавалъ своимъ воинамъ деньги. Эти извѣстія вставлены, но, какъ мѣстныя

Digitized by Google

преданія, они не портятъ, а поправляютъ первоначальную редакцію и дополняютъ ее. Понятно, что подобныя мѣстныя преданія, вписанныя въ тѣ списки, которые попали въ тѣ земли, откуда эти преданія могли быть заносимы, или которые составлялись въ этихъ земляхъ съ прежнихъ списковъ, не попадали въ другіе списки, миновавшіе эти земли. Бывало, какъ видно, и наоборотъ. Переписчикъ, по своему вкусу и понятіямъ, находилъ неважнымъ сказаніе и сокращалъ его, другое находилъ непонятнымъ и выпускалъ, либо измѣнялъ. Этимъ можно объяснить сокращенныя извѣстія о мести Ольги въ патріаршей лѣтописи, а равно и то, какимъ образомъ цѣрь измѣнялась въ сѣру, капища въ болваны, ладья (оноя страны въ разсказѣ о нападеніи печенѣговъ на Кіевъ при Святославѣ) въ людей, усніе въ кожу сыромятную, провары въ берковски и проч. и проч. Иныя извѣстія показывались переписчикамъ требующими тутъ же поясненій. Напр., извѣстіе первоначальной лѣтописи о томъ, что Владимиръ, строя города въ русской землѣ, населялъ ихъ словѣнами и кривичами, у послѣдующаго переписчика потребовали пояснительныхъ словъ, и въ Никоновой лѣтописи мы встрѣчамъ фразу: «словѣни сирѣчь новгородци, кривичи сирѣчь смольняни». Были и такія измѣненія, относительно которыхъ теперь намъ уже трудно рѣшить: какая редакція древнѣе и правильнѣе, напр., въ извѣстіи о томъ, что Владимиръ совѣтовался съ близкими себѣ людьми о строеніи земли; въ Лаврентьевскомъ спискѣ эти близкіе названы дружиною, а въ Софійскомъ они названы просто люди, и послѣднее быть можетъ точнѣе, такъ какъ и по Лаврентьевскому списку смыслъ предшествовавшихъ словъ не даетъ намъ права заключать, чтобы здѣсь рѣчь шла о дружинѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого названія. Подобныхъ примѣровъ можно представить довольно, но подробный анализъ лѣтописныхъ текстовъ не составляетъ цѣли настоящаго сочиненія, котораго кругъ указывается его названіемъ. Мы хотимъ только указать, что ненахожденіе извѣстія въ спискахъ, которые въ нашихъ глазахъ имѣютъ сравнительно авторитетъ древности, а равно и измѣненія въ изложеніи и выраженіи этихъ извѣстій не могутъ такое извѣстіе или измѣненіе лишать права на историческое значеніе. Подновленный языкъ, хотя вообще служитъ качествомъ ослабляющимъ достовѣрность, самъ по себѣ не можетъ уничтожать этого права, если при этомъ не измѣняетъ смыслъ рѣчи. За то не слѣдуетъ, опираясь на это, быть легковѣрнымъ и успокоиваться на правдоподобіи, какъ у насъ именно бывало. Правдоподобіе хотя всегда будетъ важнѣйшимъ признакомъ, ведущимъ къ признанію историческаго значенія за даннымъ

Digitized by Google

извѣстіемъ, не можетъ однако и не должно быть исключительною и единственною нашею опорою въ этомъ отношеніи. Если очень часто выдумки обличаютъ себя неправдоподобіемъ и неловкостію сочиненія, то можетъ быть и ложь правдоподобная. Съ другой стороны, наше незнакомство съ разными подробностями прошедшаго стариннаго быта можетъ привести насъ къ искушенію признать неправдоподобнымъ, по нашимъ соображеніямъ, то, что въ свое время по прежнимъ условіямъ было вполнѣ естественно. Вообще въ такихъ случаяхъ, кромѣ того чутья, которое составляетъ душу исторической критики и которымъ въ замѣчательной степени обладалъ Карамзинъ, мы должны смотрѣть на характеръ источника, и если онъ окажется безспорно мутнымъ, исполненнымъ очевидной лжи, то самое правдоподобное извѣстіе, имъ передаваемое, нельзя принимать за достовѣрное, если это извѣстіе не подтверждается другимъ источникомъ, заслуживающимъ болѣе вѣры. Такое извѣстіе ни въ какомъ отношеніи не можетъ имѣть исторической важности, кромѣ только для характеристики самаго источника. Приложеніе этихъ правилъ къ нашимъ лѣтописнымъ спискамъ представляетъ большое затрудненіе именно потому, что всякій изъ этихъ списковъ не есть произведеніе одной личности или одной эпохи, и потому явныя черты, дающія тексту въ одномъ мѣстѣ характеръ недостовѣрности и незначительности по отношенію къ исторической важности, въ другомъ не могутъ всегда служить опорою, такъ какъ переписчикъ, списывая чужое, могъ списать и правду и ложь, сочиненную прежними книжниками, или же могъ въ одномъ мѣстѣ по своему вкусу исказить текстъ переписываемаго, а въ другомъ оставить его неискаженнымъ. Отъ этого при самыхъ счастливыхъ для насъ сочетаніяхъ признаковъ, дающихъ право на соображенія, необходимо должны будутъ оставаться такія извѣстія, о которыхъ придется ограничиться однимъ сомнѣніемъ.

Предъ нами патріаршая или Никонова лѣтопись съ ея воспроизведеніемъ первоначальной Сильвестровой лѣтописи и съ ея прибавками. Такъ какъ разсмотрѣніе ея въ цѣлости не составляетъ въ настоящее время нашей цѣли, то мы ограничимся тѣмъ періодомъ, который насъ занимаетъ въ данную минуту, періодомъ княженія Владимира отъ его крещенія до смерти.

Кромѣ такихъ извѣстій, которыхъ и самаго предмета вовсе нѣтъ въ Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ спискахъ, мы встрѣчаемъ здѣсь такія описанія, которыя явно взяты изъ того же текста, какой находится въ означенныхъ нами двухъ раннихъ спискахъ, но съ такою амплификаціею, которая показываетъ, что книжникъ,

Digitized by Google

передавшій эти описанія своду патріаршей лѣтописи, не слишкомъ застѣнчиво обращался съ тѣмъ, что переписывалъ, а находя кое-что по своему вкусу недостаточнымъ, дополнялъ собственными измышленіями.

Вотъ битва силача съ печенѣжаниномъ. Разсказъ въ сокращенномъ видѣ противъ извѣстнаго намъ болѣе древняго текста; онъ лишенъ здѣсь прелести народнаго сказанія, за то есть свои прибавки и измѣненія, но такого свойства, что никакъ нельзя растолковать ихъ тѣмъ, что книжникъ внесъ ихъ потому что узналъ какія-нибудь подробности, которыхъ не зналъ записавшій сказаніе прежде. Ничего подобнаго не выказывается. Вмѣсто современнаго, естественнаго по своему строю, извѣстія о томъ, что послѣ вызова со стороны печенѣговъ Владиміръ послалъ биричей (или вирича, по Ипатскому) «по товаромъ», то-есть по войсковому обозу, въ Никоновскомъ сводѣ «по всей русской землѣ пославъ взыскати такова человѣка»: замѣненіе русскою землею «товаровъ», конечно, позднѣйшее и не могло основываться на какой-нибудь поправкѣ другою древнею редакціею, потому что посольство «по товарамъ» вяжется со всѣмъ тономъ сказанія, а посольство по всей русской землѣ никакъ съ нимъ не вяжется. Далѣе, въ старинныхъ спискахъ отецъ говоритъ Владиміру, что сынъ его мялъ кожу, а въ патріаршей лѣтописи что онъ кроилъ кожу, да еще прибавлено «сыромятную» великаго вола «аргичнаго» (обознаго); очевидно, книжникъ по собственному соображенію добавилъ то, чего не было въ текстѣ и уже измѣнилъ нѣсколько смыслъ разсказа. Далѣе въ текстѣ старинныхъ списковъ сказано только, что печенѣжанинъ, увидя русскаго силача, посмѣялся, но книжнику, котораго передѣлка вошла въ Никоновскій сводъ, этого показалось недостаточно; онъ вообразилъ себѣ, какъ печенѣжанинъ посмѣялся, что̀ именно печенѣжанинъ тогда сказалъ въ насмѣшку и привелъ слова, которыя вложилъ ему въ уста: «како сей худый грядетъ противъ мене братися?» Мы увѣрены, что если бы въ первоначальной редакціи вмѣсто словъ «посмѣявся» было выражено какими словами посмѣялся печанѣжанинъ надъ русскимъ, то вышло бы что-нибудь позамысловатѣе; напротивъ, неприведеніе точныхъ словъ насмѣшки печенѣга вполнѣ естественно: печенѣгъ этотъ не зналъ по-русски и русскіе могли только замѣтить, что онъ смѣялся или издѣвался надъ русскимъ силачомъ, но не понимали словъ его; предшествовавшіе переговоры могли происходить черезъ тѣхъ немногихъ, которые умѣли по-русски, а вся рать не знала чужого языка. Такъ всегда бываетъ, и если самая битва есть локализованный сказочный вымыселъ, то нельзя не признать естественности и стройности за его изло-

Digitized by Google

женіемъ въ старинныхъ спискахъ. Въ этихъ спискахъ битва изображается просто, но образно и естественно: «и размѣривши меже обѣими полками, пустиша я къ собѣ, и ястася, почаста ся крѣпко держати, и удави печенѣжанинъ въ руку до смерти и удари имъ о землю»;—въ Никоновской лѣтописи, вмѣсто этого, напыщенная книжная риторика съ религіознымъ колоритомъ, показывающая, что духовное книжное лицо нашло простое описаніе слишкомъ недостойнымъ своего пера и замѣнило его своимъ: «И поиде ко отроку яростно дыша яко левъ и гордостію вздымаяся яко демонъ, и крича и въпіа на отрока; отрокъ же, надежу имѣя на Бога и на пречистую Богородицу, не бояся, противу его идяше и одолѣвъ уби богатыря печенѣжьскаго».

Посмотримъ на другое сказаніе. Въ старинныхъ спискахъ подъ 6504, а въ Никоновой подъ 6506 г., разсказывается о свершеніи церкви Десятинной (замѣтимъ, что въ первыхъ спискахъ это происходитъ до приключенія въ Василевѣ, а въ Никоновской послѣ). Въ старинныхъ спискахъ послѣ молитвы Владимира говорится отъ его имени просто: «даю церкви сей святѣй Богородици отъ имѣнія моего и отъ градъ моихъ десятую часть». Въ Никоновскомъ эти слова уже и сами по себѣ измѣнены, да еще прибавленъ «отецъ митрополитъ» (объ этомъ предметѣ скажемъ ниже). Владимиръ произноситъ эти слова «восплакавъ и прослезився»—опять прибавка очевидно риторичная. Далѣе, въ старинныхъ спискахъ сообщается только, что Владимиръ далъ десятину Настасу Корсунянину, а въ Никоновскомъ, собственно безъ всякаго существенно новаго извѣстія (кромѣ присутствія митрополита), это выражается уже рѣчью Владимира и самая должность Анастаса для поясненія расширяется. «И рече ко Анастасу Корсунянину: да будетъ въ покореніи и послушаніи всяцемъ о Господи отцемъ нашимъ митрополитомъ, и вдаде десятиномъ и инымъ вещемъ хранителя Анастаса Корсунянина». Извѣстіе о томъ, что Владимиръ боялся казнить разбойниковъ, выражено въ старинныхъ спискахъ просто: «и умножишася разбоеве и рѣша епископи Володимеру: се умножишася разбойници, почто не казниши ихъ? онъ же рече имъ: боюся грѣха. Они же рѣша ему: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье, достоитъ ти казнити разбойника, но со испытомъ. Володимеръ же отвергъ виры нача казнити разбойниковъ». Все это въ Никоновской лѣтописи выражено съ амплификаціей, измѣняющей значительно смыслъ; вмѣсто «умножишася разбоеве» говорится «ненавидяй же добра діаволъ сотвори въ людехъ лукавство и братъ брата и другъ другъ лихоимствоваша и сице умножишася разбои въ землѣ руссѣй». Епископы не прямо

Digitized by Google

обращаются къ Владимиру, а къ митрополиту съ жалобой на великую кротость и тихость Владимира; митрополитъ посылаетъ ихъ же ко князю съ нравоученіемъ: «идите и рцыте ему, да воспрещаетъ злымъ и да казнитъ разбойники по божественному закону, со испытаніемъ и разсмотрѣніемъ, писано бо есть: овѣхъ милуйте разсужающе, овѣхъ же страхомъ спасайте, тако бо есть воля Божія, рече апостолъ: благотворящимъ обуздовати безумныхъ человѣкъ неразуміе и яко власти не суть боязнь благымъ дѣломъ но злымъ, аще ли кто хощетъ власти небоятися, благое да творить, и имать похвалу отъ нея». Епископы идутъ къ Владимиру и начинаютъ вести рѣчь не отъ себя, а отъ лица митрополита: «отецъ твой Леонтъ, митрополитъ всея Руси, посла насъ къ тебѣ сице глаголя»; однако затѣмъ передается не то, что прежде влагалось въ уста митрополиту, а слѣдующее: «яко умножишася разбойници въ земли нашей и почто не воспрещаеши и не казниши ихъ?» Зачѣмъ явился здѣсь митрополитъ? Очевидно, это придумано было тогда, когда возникла мысль о безусловномъ іерархическомъ подчиненіи духовенства митрополиту, на что, какъ извѣстно, упирали особенно митрополиты въ XIV и XV вѣкахъ по отношенію къ Новгороду. Епископы сами не смѣютъ идти ко князю Владимиру мимо своей верховной церковной власти, чтó въ сущности нелѣпо, потому что вопросъ былъ не прямо церковный. Если митрополитъ былъ ближе ко князю, то почему же митрополитъ самъ не сказалъ ему того, чтó передаетъ епископамъ? Далѣе: вмѣсто простого отвѣта Владимирова «боюся грѣха», въ Никоновской лѣтописи Владимиръ упражняется въ риторикѣ: «боюся Господа Бога; кто бо есмь азъ, яко много согрѣшихъ и беззаконновахъ паче всѣхъ человѣкъ подъ солнцемъ»; и епископы, вмѣсто простого, но благоразумнаго совѣта Владимиру казнить преступниковъ съ разсмотрѣніемъ—читаютъ ему проповѣдь объ обязанностяхъ князя въ самыхъ избитыхъ выраженіяхъ (поставленъ еси отъ Христа Бога на воспрещеніе и на обузданіе и на казнь злодѣйствующимъ, а добрымъ на милованіе и подобаетъ ти со испытаніемъ и разсмотрѣніемъ злыхъ казнити, по закону божественному, а добрыхъ миловати, понеже власть въ обоихъ сихъ послушныхъ окормляетъ еже есть страхомъ и милостію, безъ нихъ бо власть никакоже пребываетъ). Владимира, послѣ того, заставляютъ произнести такое рѣшеніе: «да творю тако, якоже учитъ отецъ нашъ и ваша святость наказуетъ». Все это выдумано, очевидно, для того, чтобъ изобразить похвальное смиреніе Владимира и покорность духовной власти въ примѣръ другимъ свѣтскимъ властямъ; митрополитъ, какъ средоточіе духовной

Digitized by Google

власти, стоитъ на первомъ планѣ. Въ старинныхъ спискахъ Владимиръ измѣняетъ систему правосудія по совѣту епископовъ и старцевъ и возобновляетъ виры, прежде отмѣненныя; сами епископы увидали, что смертная казнь не въ духѣ народа и сообразили, что виры могутъ быть допущены, тѣмъ болѣе, что составляютъ доходъ, обращаемый на защиту страны. Въ Никоновскомъ сводѣ совсѣмъ нѣтъ ничего о возобновленіи виръ, и понятно почему: не слѣдовало представлять духовную власть такою измѣнчивою, да и съ достоинствомъ святого мужа въ особѣ Владимира сообразнѣе будетъ удержать тотъ способъ правосудія, какой принятъ въ благочестивой Византіи, чѣмъ допустить его предпочесть тотъ способъ, который соблюдался въ язычествѣ.

Въ старинныхъ спискахъ подъ 6508 годомъ сказано: «преставися Малъфрѣдь», очевидно лицо женскаго пола. Но позднѣйшій книжникъ, не понимая этого, и относя событіе къ 6510 г., вообразилъ, что идетъ рѣчь о мужчинѣ, передѣлалъ «Малъфрѣдь» въ «Малъврѣдъ» и прибавилъ эпитетъ «сильный», вѣроятно, соображая, что если смерть этого Малъврѣда заслужила упоминанія, то стало быть онъ отличался чѣмъ-то необыкновеннымъ, и потому позволительно прибавить къ нему «сильный». Подъ 6509 годомъ въ старинныхъ спискахъ говорится: «преставися Изяславъ, отецъ Брячиславовъ, сынъ Володимиръ». И только. Но въ Никоновскомъ сводѣ подъ 6511 годомъ этотъ преставившійся князь является съ такими добродѣтелями, какими вообще привыкли украшать память князей, то-есть къ нему приложены избитыя фразы, подходящія къ кому угодно: «бысть же сей князь тихъ и кротокъ и смиренъ и милостивъ, и любя зѣло и почитая священническый чинъ, и иноческый, и прилежаше прочитанію божественныхъ писаній и отвращаяся отъ суетныхъ глумленій, и слезенъ и умиленъ и долготерпѣливъ». Такимъ образомъ, здѣсь риторическая амплификація смѣло создаетъ историческое лицо такимъ, какимъ, быть можетъ, оно вовсе не было.

Замѣчательно, однако, что подобныя прикрасы и прибавки, показывающія недобросовѣстное обращеніе съ источниками, не систематически и не повсемѣстно вошли въ Никоновскій сводъ. Подъ 6523 годомъ, уже одновременно съ годомъ, указываемымъ въ старинныхъ спискахъ, разсказывается смерть Владимира, сходно съ описаніемъ въ Лаврентьевскомъ и въ Ипатскомъ спискахъ, и если бы гдѣ, то здѣсь кстати привести было митрополита, но его здѣсь именно нѣтъ. Такимъ образомъ, оказывается, что тогда какъ нѣкоторыя мѣста подвергнуты измѣненіямъ, прибавкамъ, выпускамъ и вставкамъ, другія остались въ томъ видѣ, въ какомъ

Digitized by Google

мы застаемъ ихъ въ спискахъ XIV-го и XV-го вѣка, съ небольшими перемѣнами въ языкѣ. Само собою разумѣется, что такимъ образомъ въ Никоновской сводъ могло войти нетронутое позднѣйшими переписчиками и такое мѣсто изъ стариннаго списка, которое намъ является въ первый разъ въ позднемъ спискѣ, но которое все-таки принадлежитъ старинѣ. Но это предположеніе не должно насъ слишкомъ увлекать къ довѣрчивости, какъ только мы критически разсмотримъ правдивость и древность нѣкоторыхъ извѣстій, ненаходящихся въ старинныхъ спискахъ и сохранившихся въ Никоновскомъ сводѣ. Въ настоящемъ изслѣдованіи мы имѣемъ дѣло только съ народными преданіями, а потому будемъ касаться всего того, что, принадлежа къ своеобразнымъ извѣстіямъ Никоновскаго свода, не входитъ непосредственно въ кругъ народныхъ преданій, настолько, насколько обзоръ такихъ извѣстій нуженъ намъ для опредѣленія цѣнности того, что мы вправѣ были бы отнести къ области разсматриваемаго нами предмета.

Въ прибавкахъ Никоновскаго свода, относящихся къ періоду Владимира послѣ крещенія, первое мѣсто по значенію занимаетъ исторія митрополитовъ, съ явнымъ желаніемъ указать на ихъ силу и вліяніе. Подъ годомъ крещенія говорится, что Владимиръ посылалъ въ Грецію къ преосвященному патріарху Фотію и взялъ отъ него перваго русскаго митрополита Михаила. Очевидно, невѣжда, выдумавшій это, слыхалъ о крещеніи русскихъ при Фотіѣ въ половинѣ IX-го вѣка и перенесъ это событіе на времена Владимира, а переписчики свода не задавали себѣ вопроса о томъ, какъ это Фотій, о которомъ они сами списывали извѣстіе по случаю похода Оскольда и Дира, могъ дѣйствовать въ концѣ X-го вѣка, или же воображали себѣ другого Фотія цареградскимъ патріархомъ во времена Владимира. Самый митрополитъ, присланный Фотіемъ, былъ родомъ сирянинъ; его очертили, какъ слѣдуетъ, качествами, подходящими къ званію: «учителенъ зѣло и премудръ премного, и житіемъ великъ и крѣпокъ зѣло, родомъ Сиринъ, тихъ убо бѣ, и кротокъ и смиренъ, и милостивъ премного, иногда же страшенъ и свирѣпъ, егда время требоваше».

Уже самое назначеніе въ русскіе митрополиты сирянина вещь странная: почему не прислали славянина, которому легче было привыкнуть обращаться съ своею паствою?

Но вотъ, послѣ этого извѣстія, которое могло быть взято изъ источника совершенно независимаго отъ первоначальной лѣтописи, этого митрополита, такъ сказать, суютъ повсюду въ текстъ лѣто-

Digitized by Google

писи, гдѣ только пригодно. Въ старинныхъ спискахъ отъѣздъ Владимира изъ Корсуня описывается такъ: «Володимеръ же поемъ царицю и Настаса и попы корсунскіе съ мощми святого Климента и Фифа ученика его, поима съсуды церковныя иконы на благословеніе себѣ». Въ Никоновскомъ сводѣ это самое мѣсто преобразилось уже въ такой видъ: «Поиде Володимеръ съ отцемъ своимъ митрополитомъ къ Кіеву и взятъ съ собою мощи святаго Климента и Фива ученика его и святыя кресты и святыя иконы и священныя сосуды церковныя и отъ пресвитеровъ корсунскихъ многихъ избравъ взятъ и Онастаса» и пр.

Митрополитъ креститъ дѣтей Владимира, присутствуетъ при крещеніи народа, тогда какъ въ старинныхъ спискахъ при этомъ событіи упоминаются только «попы царицыны и попы корсунскіе»; съ митрополитомъ совѣтуется Владимиръ о заведеніи училищъ. Подъ 990 годомъ Михаилъ съ шестью епископами идетъ въ Новгородъ, сокрушаетъ идоловъ, строитъ церкви, поставляетъ пресвитеровъ по городамъ и селамъ; на слѣдующій затѣмъ годъ онъ идетъ до Ростова съ четырьмя епископами, о которыхъ какъ и о шести сопровождавшихъ митрополита въ Новгородъ, сдѣлано замѣчаніе, что ихъ далъ ему патріархъ, Фотій; и въ Ростовѣ митрополитъ креститъ людей, строитъ церкви. На слѣдующій годъ— Владимиръ идетъ въ Суздальскую землю, уже безъ митрополита, съ двумя епископами патріарха Фотія, креститъ людей и строитъ городъ Владиміръ на Клязьмѣ. Между тѣмъ митрополитъ Михаилъ умираетъ. «Владимиръ о немъ поскорбѣ и прослезися», и едва утѣшили его отъ такой потери епископы Фотія. Немедленно тотъ же Фотій присылаетъ другого митрополита Леонта, который ставитъ въ Новгородъ епископа Іоакима Корсунянина, который разорилъ достальныя требища, сокрушилъ идоловъ, разсѣкъ Перуна и бросилъ въ Волховъ. Самъ Леонтъ ставитъ епископовъ въ Черниговъ, Ростовъ, Владиміръ, Бѣлградъ. Но въ 1008 году вмѣсто ихъ другой уже митрополитъ, Іоаннъ, строитъ каменную церковь Петра и Павла въ Кіевѣ.

Все это очень правдоподобно и въ сущности согласуется съ короткимъ извѣстіемъ старинныхъ списковъ: «и нача (Владимиръ) ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ», но тѣмъ не менѣе эти правдоподобныя извѣстія не что иное, какъ правдоподобныя выдумки. Въ старинныхъ спискахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на существованіе митрополитовъ въ Руси до самаго Ярослава, а между тѣмъ встрѣчаются мѣста, гдѣ бы неизбѣжно было упомянуто о митрополитѣ, еслибъ онъ былъ въ Руси на самомъ дѣлѣ.

Digitized by Google

Изъ этихъ списковъ видно, что Владиміръ, отъѣзжая изъ Корсуня, взялъ съ собою поповъ, которыхъ было два рода: попы царицыны, то-есть прибывшіе изъ Константинополя вмѣстѣ съ царевною Анною, которая, какъ видно, по выходѣ замужъ за русскаго князя носила титулъ царицы, и попы корсунскіе, то-есть взятые изъ Корсуня отъ тамошняго архіерея. При описаніи крещенія народа въ Кіевѣ являются тѣ же самые попы царицыны и корсунскіе, которыхъ привезъ съ собою Владиміръ изъ Херсонеса. Еслибы при такомъ великомъ, торжественномъ и вѣчнопамятномъ событіи были епископы и тѣмъ болѣе митрополитъ, то возможно ли, чтобъ лѣтописецъ не упомянулъ о нихъ, упомянувши о попахъ? Да и переписчики именно въ этомъ мѣстѣ едвали бы сдѣлали такое опущеніе, возможное при описаніи другихъ событій, менѣе бросающихся въ глаза своею крупностію! Но епископское достоинство не замедлило явиться въ Руси, какъ только стали умножаться церкви и начала распространяться вѣра. Въ 996-мъ году, слѣдовательно, черезъ восемь лѣтъ послѣ крещенія, мы встрѣчаемъ указаніе уже не на епископа, но на епископовъ: о нихъ упоминается по поводу разсказа объ умноженіи разбоевъ и о нежеланіи Владимира, изъ боязни грѣха, казнить разбойниковъ. По поводу построенія Десятинной церкви (которой окончаніе отнесено также къ 996 году) въ Лаврентьевскомъ спискѣ говорится (подъ годомъ 996): «И наченшу же здати и яко сконча зижа украси ю иконами и поручи Настасу Корсунянину и попы корсуньскыя пристави служити въ ней вдавъ ту еже бѣ взялъ въ Корсуни иконы и съсуды и кресты». Но въ Новгородскомъ спискѣ (Новикова Продолж. Вивліоф. II. 319) это мѣсто выражено такъ: «и наченшу ему ставити, яко сконча церковь и украси ю святыми и честными иконами и поручивъ ю Ерею Анастасу Корсунянину, епископы Корсунскія пристави служити в ней, и вда ту все еже бѣ въ Корсунѣ взялъ, иконы, съсуды и кресты». Намъ кажется, что здѣсь епископы—не плодъ праздного измышленія позднѣйшихъ книжниковъ. Мы дозволяемъ себѣ догадываться, что въ древней редакціи были епископы и попы корсунскіе, и переписчики впослѣдствіи въ этомъ мѣстѣ случайно опускали то епископовъ, то поповъ, и большинство списковъ намъ досталось съ одними попами безъ епископовъ. Мы опираемся не на правдоподобіи, а на неизбѣжности такого извѣстія. Такъ какъ въ старинныхъ спискахъ нашей первоначальной лѣтописи именно подъ тѣмъ же годомъ (996) являются епископы по поводу вопроса о казни разбойниковъ, то само собою разумѣется, что эти епископы должны были отправлять богослуженіе

Digitized by Google

въ главной церкви, которою была Десятинная; слѣдовательно, какъ скоро въ Кіевѣ около Владимира допускаются епископы, то уже извѣстіе объ отправленіи богослуженія въ Десятинной церкви посредствомъ однихъ только корсунскихъ поповъ представляется недостаточнымъ. А что эти епископы были корсунскіе, то это вполнѣ естественно, и показываетъ, что юная русская церковь находилась подъ непосредственною зависимостію отъ архіепископа или митрополита корсунскаго. Въ старыхъ спискахъ, которые имѣлъ подъ рукою Длугошъ, также, вѣроятно, были указанія, давшія польскому историку право положительно сообщить, что корсунскій владыка ставилъ въ Руси духовныхъ [1]) и слѣдовательно тѣмъ самымъ Русь принадлежала къ его діэцезіи. Что духовные въ Кіевѣ, помѣщенные при новопостроенныхъ храмахъ, были корсунскіе, слѣдовательно ставленики тамошняго владыки, это говорится ясно во всѣхъ спискахъ нашей лѣтописи; и пока не было на Руси архіерея, то естественно отъ корсунскаго владыки они зависѣли; но очень вѣроятно, какъ указываетъ новгородскій лѣтописецъ, что и епископы, водворившіеся на Руси уже въ 996 году, были корсунскіе, то-есть зависимые отъ тамошняго архіепископа. Вполнѣ естественно было на первыхъ порахъ именно корсунскому владыкѣ завѣдывать юною и немногочисленною русскою церковью, во-первыхъ, потому, что его мѣстопребываніе было относительно самое близкое къ Кіеву, и во-вторыхъ — что всего важнѣе, — у него въ епархіи крестился русскій князь, отъ него получилъ первыхъ духовныхъ для распространенія вѣры въ своей странѣ. Десятинная церковь, главная въ Кіевѣ, нигдѣ не называется митрополіею, какъ это названіе дается послѣ св. Софіи. Въ 1037-мъ году мы встрѣчаемъ извѣстіе: «заложи же (Ярославъ) и церковь святыя Софья митрополью»; здѣсь въ первый разъ является намъ названіе «митрополья». Намъ кажется яснымъ, что лѣтописецъ, сообщая извѣстіе о заложеніи св. Софіи, имѣлъ мысль указать, что Ярославъ закладывалъ и строилъ эту церковь какъ митрополію — то-есть, какъ храмъ и сѣдалище митрополита, первопрестольника русской церкви. Въ Софійскомъ Временникѣ къ этому извѣстію (церковь св. Софіи представляется уже не заложенною, но оконченною), присоединяется слѣдующее: «Того же лѣта великій князь Ярославъ митрополію устави». Еслибъ эта фраза была и позднѣй-

---

[1]) Aedificat alteram (послѣ церкви св. Василія) ecclesiam b. Mariae Virgini in Kyjow et ornat eam vasis aureis et preciosa suppelectili, et tam in ea quam in aliis ecclesiis Russiae aedificatis corsunensis episcopus ministros et sacerdotes instituit.

Digitized by Google

шею прибавкою, то она не измѣняетъ сущности дѣла, потому что извѣстіе старинныхъ списковъ о заложеніи Софіи, какъ митрополіи, въ то время, какъ никакая другая церковь до того не называлась митрополіею, уже само собою указываетъ, что, по взгляду лѣтописца, митрополія установлена была во время Ярослава. Все это совпадаетъ съ извѣстіемъ о томъ, что въ это время христіанская вѣра начала особенно распространяться въ Руси (присемъ нача вѣра христіанская плодитися и расширяти). Съ этихъ-то поръ мы начинаемъ встрѣчаться съ митрополитами въ старинныхъ спискахъ лѣтописи: подъ 1039-мъ годомъ читаемъ объ освященіи Десятинной церкви, совершенномъ митрополитомъ Ѳеопемптомъ. (Въ лѣто 6547-го священа бысть церква Святыя Богородицы юже созда Влодимерь отецъ Ярославль митрополитомъ Ѳеопемптомъ). Это первое упоминовеніе о митрополитѣ; затѣмъ уже подъ 1051-мъ годомъ говорится о поставленіи митрополита Иларіона (постави Ярославъ Ларіона митрополитомъ рускимъ въ святѣй Софьи, собравъ епископы). Мы не знаемъ навѣрно, что́ такое былъ митрополитъ Ѳеопемптъ: слѣдуетъ ли его считать предшественникомъ Иларіона, или же быть можетъ (какъ мы готовы предпочтительнѣе признать) это былъ пріѣзжій изъ Греціи или изъ Корсуня митрополитъ; но объ Иларіонѣ мы имѣемъ уже ясное и положительное извѣстіе, что онъ былъ поставленъ у св. Софіи, созданной нарочно для того, чтобы быть митрополіею, и не могъ быть никакимъ другимъ митрополитомъ, какъ только русскимъ: онъ несомнѣнно открылъ собою рядъ кіевскихъ іерарховъ съ титуломъ митрополита. На основаніи этихъ извѣстій, почерпнутыхъ изъ старѣйшихъ по времени списковъ первоначальной лѣтописи, открывается намъ естественный ходъ исторіи церковнаго строя. Сначала, когда шло дѣло о первомъ крещеніи погруженной въ язычество массы, Владимиръ привезъ съ собой только священниковъ отъ корсунскаго архіепископа, потомъ вѣра христіанская стала распространяться; этому распространенію способствовало, вѣроятно, то, что посреди язычества уже существовала христіанская община, зависимая, въ духовномъ отношеніи, отъ того же корсунскаго архіепископа, какъ отъ ближайшаго; понадобились епископы, и они пришли изъ того же Корсуня, гдѣ князь русскій принялъ крещеніе, отъ того же корсунскаго архіепископа, отъ котораго этотъ князь взялъ на первый разъ необходимый запасъ духовенства и церковныхъ вещей. Но вотъ выросло другое поколѣніе, воспитанное въ христіанской вѣрѣ, оно изъ своей среды выпустило въ значительномъ числѣ людей книжныхъ, твердыхъ въ вѣрѣ и знающихъ науку вѣры: это тѣ, которыхъ

Digitized by Google

Владимиръ еще дѣтьми отдавалъ въ ученье; тогда новая вѣра расширилась и возникла потребность верховной іерархіи надъ епископами, и въ Кіевѣ явился митрополитъ, главный между русскими архіереями. Поставленіе Иларіона очень замѣчательно. Ярославъ не посылаетъ его для посвященія къ цареградскому патріарху, а повелѣваетъ избрать епископскимъ соборомъ, и притомъ выборъ падаетъ не на грека, какъ послѣ бывало, а на русина. Книжники, которыхъ мудрованія, приплетенныя къ тексту первоначальной лѣтописи, вошли въ Никоновскій сводъ, передавая это извѣстіе, приложили отъ себя такое приличное объясненіе: «Ярославу, сыну Володимирову, внуку Святославлю съ греки брань и нестроенія быша и сице Ярославъ съ епископы своими русскими съвѣщавшеся умыслиша по священному правилу и уставу апостольскому сице: правило св. апостолъ 1-е: два или тріе епископа да поставляютъ единаго епископа; и посему священному правилу и уставу божественныхъ апостолъ съшедшеся русскіе епископы поставиша Иларіона русина митрополита Кіеву и всей русской землѣ, не отлучающеся отъ православныхъ патріархъ и благочестія греческаго закона, ни гордящеся отъ нихъ поставлятися, но съблюдающеся отъ вражды и лукавства, якоже бѣша тогда». По наружности — ловкое объясненіе, но совсѣмъ не впопадъ. Брань и нестроеніе съ греками происходили въ 1043-мъ году, а черезъ три года, какъ повѣствуетъ лѣтописецъ, заключенъ былъ миръ съ греками, то-есть въ 1046-мъ году; избраніе же Иларіона происходило въ 1051-мъ году; слѣдовательно, лѣтописецъ, такимъ образомъ распредѣляющій событія, никакъ не могъ имѣть повода приписывать фактъ избранія митрополита посредствомъ русскихъ епископовъ брани и нестроенію съ греками. Вѣроятнѣе, это событіе произошло по другимъ причинамъ, именно отъ желанія отрѣшиться отъ той зависимости, въ какой находилась до того времени русская церковь отъ корсунской архіепископіи и въ исполненіи этого предпріятія встрѣчались какія-нибудь задержки со стороны грековъ, оттого Ярославъ и прибѣгнулъ къ рѣшительному и самостоятельному средству.

Какъ бы то ни было, но всѣ приведенныя нами заключенія могутъ вести къ тому, чтобъ лишить исторической важности выдумки о митрополитахъ до Ярослава, внесенныя въ Никоновскій сводъ. Замѣчательно, что сами выдумщики разногласятъ въ своихъ показаніяхъ. Въ Софійскомъ спискѣ (въ Воскресенскомъ тожъ) первымъ митрополитомъ показанъ Леонтъ, за нимъ слѣдуютъ Михаилъ, Іоаннъ, Ѳеопемптъ, Иларіонъ. Въ Никоновскомъ сводѣ—

Digitized by Google

Михаилъ, Леонтій, Іоаннъ, Ѳеопемптъ, Кириллъ, Иларіонъ. Карамзинъ отвергалъ всѣхъ митрополитовъ до Иларіона, за исключеніемъ Ѳеопемпта, а Михаилу, котораго мощи почиваютъ въ лаврѣ, благоразумно отвелъ мѣсто въ IX-мъ вѣкѣ. Но послѣдующіе наши историки и изслѣдователи, искушаясь правдоподобіемъ нѣкоторыхъ сторонъ въ позднѣйшихъ выдумкахъ, опять повѣрили въ существованіе этихъ митрополитовъ, тогда какъ одно правдоподобіе не всегда можетъ служить поводомъ допускать извѣстіе, передаваемое слишкомъ поздними источниками о временахъ отдаленныхъ. Намъ придется въ этомъ случаѣ возвратиться къ той основной точкѣ зрѣнія на Никоновскую лѣтопись, какую имѣлъ Карамзинъ, къ чести его ума и прозорливости.

Такое же значеніе, какъ извѣстія о митрополитахъ, имѣютъ извѣстія Никонова свода о монастыряхъ и инокахъ до Ярослава. Вмѣсто словъ «и се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ идѣже стояху кумиры, и постави церковь святаго Василія на холмѣ»; мы читаемъ въ Никоновскомъ сводѣ: «и повелѣ въздвизати церкви и съставляти честныя монастыри и постави церковь святого Василія на холмѣ». Ниже этого, вмѣсто словъ старинныхъ списковъ: «нача ставити по градомъ церкви», въ Никоновскомъ прибавлено «сице же и по всѣмъ градомъ воздвизахуся церкви и монастыри»; также при описаніи пира, даннаго Владиміромъ по поводу свершенія Десятинной церкви, слова Лаврентьевскаго списка: «створи праздникъ великъ, въ ту день боляромъ и старцемъ людскимъ и убогимъ раздая имѣнье много», въ Никоновскомъ сводѣ передаются такъ: «И сотвори пированіе свѣтло съ отцомъ своимъ митрополитомъ въ той день и съвсѣми бояры и вельможи своими, таже недѣлю всю пиры творя, веселяся съзывая отъ многихъ странъ люди и раздая имѣнія многа убогимъ и нищимъ и страннимъ, и по церквамъ и по монастыремъ». Подъ 1006 годомъ въ Никоновскомъ сводѣ опять извѣстіе: «сътвори празднованіе свѣтлое милостиню многу раздаде по церквамъ и по монастыремъ». Все это противорѣчитъ извѣстію старинныхъ списковъ, указывающихъ на время Ярослава, какъ на эпоху водворенія монастырскаго житія на Руси: «черноризьцы почаша множитися и монастыреве починаху быти». Если до того времени были начатки монашества, то, вѣроятно, въ такой незначительной степени, что фраза «разсылалъ большую милостыню по монастырямъ» есть перенесеніе признака быта послѣдующихъ временъ на болѣе раннюю эпоху Владимира.

Мы не станемъ разбирать сказаній Никоновскаго свода о крещеніи болгарскихъ и печенѣжскихъ князей, но остановимся

Digitized by Google

на сношеніяхъ съ Римомъ. Онѣ бросаются въ глаза. Послы отъ папы приходятъ къ Владимиру во время его крещенія и приносятъ ему мощи святыхъ. Подъ 6499 годомъ опять встрѣчаемъ извѣстіе, что пришли послы отъ папы съ честію и любовію. Въ 6502 г. возвратились послы Владимира отъ папы. Въ 6508 г. снова приходятъ послы въ Римъ, а другихъ въ Іерусалимъ, въ Египетъ и въ Вавилонъ (?!). Доброе отношеніе Владимира къ западному христіанству подтверждается прибытіемъ къ нему Бруно, получившаго у русскаго князя радушный пріемъ, но едвали вѣроятно такое частое сношеніе, какое показывается въ Никоновскомъ сводѣ. Зачѣмъ оно? Это представляется намъ будто измышленнымъ позднѣйшими сторонниками подчиненія восточной церкви папѣ, вообще старавшимся проводить мысль, что въ древности русская церковь была близка къ латинской.

Въ Никоновской лѣтописи, наконецъ, есть объ этомъ времени такія извѣстія, которыя по ихъ качеству легко принять за народныя преданія. Таковы извѣстія объ Александрѣ Поповичѣ, богатырѣ [1]) Владимира. Подъ 6508 (1000) годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что къ Кіеву подступилъ съ половцами какой-то Володарь. Владимиръ былъ тогда въ Переяславцѣ на Дунаѣ. На встрѣчу Володаря выступилъ Александръ Поповичъ, убилъ Володаря, брата его и множество половцевъ, а остальныхъ прогналъ въ поле. По этому поводу Владимиръ возложилъ на него златую гривну и сдѣлалъ его большимъ человѣкомъ въ своей палатѣ. Подъ слѣдующимъ затѣмъ годомъ другой подвигъ того же Александра Поповича: вмѣстѣ съ Яномъ Усмошвецомъ, убившимъ печенѣжскаго силача, онъ разбилъ печенѣговъ, взялъ въ плѣнъ и привелъ къ Владимиру въ Кіевъ князя ихъ Родмана съ тремя сыновьями. По этому поводу Владимиръ устроилъ праздникъ и раздавалъ милостыню по церквамъ, по монастырямъ и убогимъ. Подъ 1004 г. мы встрѣчаемъ того же Александра Поповича, вмѣстѣ съ Яномъ Усмошвецомъ отбивающихъ и прогоняющихъ печенѣговъ отъ Бѣлграда.

Это имя Александра Поповича—мы встрѣчаемъ также въ особѣ богатыря въ XIII-мъ вѣкѣ и притомъ на разныхъ мѣстахъ. Въ описаніи битвы Мстислава Удалого на Авдовой горѣ (1216 г.) по позднѣйшимъ спискамъ говорится: «пріиде на него (на Мстислава) Александръ Поповичъ имѣя мечь нагъ хотя разсѣщи его, бѣ бо силенъ и славенъ богатырь. Онъ же возопи глаголя: азъ есмь

---

[1]) Самое слово богатырь позднее и не могло быть на Руси въ до-татарскія времена.

Digitized by Google

князь Мстиславъ. И рече ему Поповичъ: «То ти не дерзай, но стой и смотри. Егда убо ты глава убіенъ будеши, камо другимъ дѣти (Карамз. прим. 168, 3 тома)?» Въ тверской лѣтописи объ этомъ событіи мы встрѣчаемъ такое извѣстіе: «у князя Константина (Ростовскаго) тогда бяше въ полку два человѣка храбрыхъ Олешка Поповичъ и человѣкъ его Торопъ и Тимоня Золотой Поясъ». Такимъ образомъ, этотъ Александръ Поповичъ представляется ростовскимъ витяземъ. Карамзинъ говоритъ, что Никоновскій лѣтописецъ упоминаетъ о витязяхъ ростовскихъ: Александрѣ Поповичѣ, слугѣ его Торопѣ, Добрынѣ Резаничѣ Златомъ Поясѣ и Нефедіѣ Дикунѣ. Александръ Поповичъ является въ битвѣ при Калкѣ (и Александръ Поповичъ убіенъ ту бысть со инѣми 70 храбрыхъ). Нѣтъ основанія принимать, чтобы этотъ послѣдній Александръ Поповичъ было историческое лицо одно и то же съ Александромъ Поповичемъ, богатыремъ ростовскимъ. На Калкѣ участвовали только южнорусскіе князья съ ихъ дружинами и ратью; но если даже допустить, что ростовскій витязь перешелъ на югъ, то все-таки останется тотъ важный фактъ, что имя его упоминается только въ позднѣйшихъ спискахъ, а въ болѣе раннихъ его нѣтъ. Въ отношеніи же извѣстій XIII-го вѣка мы должны прилагать уже нѣсколько иные пріемы критики источниковъ, чѣмъ по отношенію къ извѣстіямъ X-го вѣка, такъ какъ въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ мы постоянно замѣчаемъ, что событія записывались уже не изъ преданій, дошедшихъ отъ прежнихъ поколѣній, а современниками, стоявшими болѣе или менѣе близко къ тому, что они описывали; а потому, какъ скоро мы не встрѣчаемъ извѣстія въ старыхъ лѣтописяхъ, а находимъ его въ позднѣйшихъ и не видимъ откуда позднѣйшія его заимствовали, и если притомъ позднѣйшія таковы, что есть основаніе сомнѣваться въ ихъ достовѣрности, то это можетъ служить достаточнымъ основаніемъ, чтобы выбросить такое извѣстіе изъ исторіи. За то Александръ Поповичъ ростовскій богатырь одно и то же лицо съ Алёшою Поповичемъ великорусскихъ былинъ; это видно, во-первыхъ, изъ того, что въ Тверской лѣтописи тотъ же Александръ называется Алёшкою, а во-вторыхъ, въ былинахъ—Алёша Поповичъ уроженецъ Ростова, сынъ ростовскаго попа. Но какъ въ Никоновскомъ спискѣ Александръ Поповичъ, такъ и въ великорусскихъ былинахъ Алёша Поповичъ переходятъ къ эпохѣ Владимира. Такимъ образомъ, это лицо является намъ лицомъ преданія, лицомъ миѳическимъ, прилагаемымъ къ разнымъ временамъ. Нѣтъ основанія утверждать, чтобъ это лицо первоначально принадлежало временамъ Владимира, а потомъ уже прилагалось къ позднѣйшимъ временамъ.

Digitized by Google

Скорѣе можно полагать обратное, такъ какъ онъ является только въ позднихъ спискахъ лѣтописей, и какъ въ былинѣ такъ и въ лѣтописи представляется ростовцемъ, сыномъ попа, а въ близкія къ Владимиру времена едвали могло сложиться представленіе о сынѣ ростовскаго попа, когда въ Ростовѣ едва только возникали начатки христіанства и не успѣло еще вырости второе поколѣніе христіанское. Вѣроятнѣе допустить, что такъ какъ память о Владимирѣ передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе и все болѣе и болѣе соединялась съ разными посторонними представленіями, то и миѳическій образъ Александра Поповича, составившійся позже, облекаясь въ обычныя народной поэзіи формы какъ самородныя, такъ и заимствованныя, въ воображеніи народа примкнулъ къ эпохѣ Владимира. Во всякомъ случаѣ, книжникъ, занеся его въ рядъ извѣстій о Владимирѣ и его временахъ, не выдумалъ его самъ, и не самъ первый отнесъ его къ эпохѣ Владимира, а сдѣлалъ это потому, что уже существовалъ въ народномъ преданіи образъ богатыря временъ Владимира подъ такимъ названіемъ. Что же касается до тѣхъ событій, въ которыхъ, по Никоновскому списку, участвуетъ Александръ Поповичъ, то онѣ вымышлены книжникомъ. Половцы, которыхъ *) привелъ какой-то Володарь, по всѣмъ извѣстнымъ намъ другимъ древнѣйшимъ спискамъ, пришли и столкнулись съ русскими уже гораздо позже, и едвали могли находиться въ древнемъ спискѣ во времена Владимира, а тѣмъ болѣе не было подручно Владимиру находиться въ Переяславцѣ на Дунаѣ. Быть можетъ что-нибудь и существовало въ народныхъ сказаніяхъ о подвигахъ Александра или Алёши Поповича, аналогичное извѣстной намъ по былинамъ его побѣдѣ, одержанной надъ Тугариномъ Змѣевичемъ; быть можетъ, это подало книжнику поводъ, передѣлавъ такое сказаніе по-своему, представить то, что онъ представилъ, но такая передѣлка имѣла бы для исторіи преданій о Владимирѣ такое же значеніе, какъ и чистая выдумка. Что касается до Яна Усмошвеца, то онъ здѣсь не болѣе какъ выдумка книжника, вздумавшаго дать собственное имя силачу, побѣдившему печенѣга; онъ сочинилъ это имя на основаніи извѣстнаго ему занятія силача; сверхъ того, книжнику хотѣлось продолжить его богатырскую дѣятельность, такъ какъ онъ зналъ, что Владимиръ сдѣлалъ большимъ человѣкомъ побѣдителя печенѣга, а потому прилично этому большому человѣку совершать богатырскіе подвиги и послѣ своего возвышенія. Еще съ большею вѣроятностію мы вправѣ сдѣлать подобное заключеніе о Рагдаѣ Уда-

*) По Никоновскому списку.

Digitized by Google

ломъ, который, по словамъ Никоновскаго списка, «наѣзжаше на триста воинъ», и котораго кончину оплакивалъ Владимиръ, погребая его «съ отцомъ своимъ, митрополитомъ Леонтомъ». Во-первыхъ, здѣсь является отецъ митрополитъ — чисто книжное измышленіе; во-вторыхъ, имя Рагдай, по своему окончанію, напоминаетъ имена татарскихъ богатырей — Угадай, Себядяй, Ногай, Рамзай, Алчедай, Беркай, Бурундай, Кутлубай; въ-третьихъ, образъ наѣзжанія на трехсотъ воиновъ своею гиперболичностію не подходитъ къ тону старыхъ преданій, а потому, на основаніи этихъ признаковъ, мы съ полною увѣренностію думаемъ, что это позднее измышленіе. Подъ 1008 годомъ мы встрѣчаемъ извѣстіе о разбойникѣ Могутѣ, который, будучи взятъ хитростію, испросилъ милости у Владимира, обѣщавъ пребывать въ покаяніи, былъ отосланъ къ митрополиту Ивану, и съ тѣхъ поръ, не выходя изъ митрополичьяго дома, жилъ крѣпкимъ и жестокимъ житіемъ и, «провидѣвъ свою смерть, съ миромъ почи о Господи». Присутствіе митрополита сразу побуждаетъ отнести это сказаніе къ разряду выдумокъ, составленныхъ тѣми, которые измыслили и небывалыхъ до Ярослава митрополитовъ. Самый образъ кающагося разбойника—обычный въ христіанскихъ легендахъ, имѣвшихъ своимъ прототипомъ евангельскаго разбойника. Нашъ разбойникъ Могута представляетъ подобіе въ нѣкоторыхъ чертахъ съ св. Варваромъ, который былъ злѣйшимъ разбойникомъ, принесъ покаяніе и былъ взятъ въ домъ пастыря, у котораго проводилъ крѣпкое и жестокое житіе. Самое имя Могута, впрочемъ, быть можетъ, взято изъ какого-нибудь сравнительно болѣе поздняго преданія о разбойникѣ, такъ какъ на Волгѣ въ Жегуляхъ, въ классической странѣ разбоевъ, есть горы, называемыя Могутовыми.

Мы не касаемся болѣе мелкихъ извѣстій Никоновской лѣтописи, отнесенныхъ къ эпохѣ Владиміра, въ родѣ отравленія какого-то храбраго Андриха Добрянкова, или замѣчаній о погодѣ и небесныхъ знаменіяхъ. Разобраннаго нами достаточно, чтобы въ извѣстіяхъ Никоновской лѣтописи о Владимирѣ, невошедшихъ въ болѣе старые списки первоначальной лѣтописи, не искать ничего ни для исторіи событій временъ Владимира, ни для древнихъ преданій о немъ и о его временахъ.

Digitized by Google

Изъ всего сдѣланнаго нами обзора преданій нашей *первоначальной лѣтописи* о древнихъ временахъ,—преданій, изъ которыхъ большая часть по своимъ основамъ, строю или пріемамъ, имѣетъ соотвѣтственныя черты въ уцѣлѣвшихъ памятникахъ народной русской поэзіи, легко можно видѣть, какъ мало намъ доставляютъ эти преданія исторической фактической правды. Но это нисколько не отнимаетъ у нихъ высокаго историческаго значенія правды того образа, въ какомъ эти времена съ своими событіями и дѣйствовавшими лицами явились въ народномъ воззрѣніи, по крайней мѣрѣ настолько, насколько изъ многихъ еще неизвѣстныхъ намъ варіантовъ одинъ можетъ служить образчикомъ, и кромѣ того, настолько, насколько при передачѣ ихъ лѣтописцами свѣжесть ихъ и правдивость могли уцѣлѣть отъ книжныхъ пріемовъ выраженія и отъ смѣси съ книжными измышленіями. За исключеніемъ немногаго, что почерпнуто изъ письменныхъ источниковъ, все повѣствованіе о временахъ древнихъ включительно до смерти Владимира взято изъ народныхъ преданій, сказаній, пѣсенъ и пересказовъ въ томъ видѣ, въ какомъ эти древнія времена отражались въ нихъ во второй половинѣ XI-го и въ началѣ XII-го вѣка. Только не теряя изъ вида этой основной точки зрѣнія, мы можемъ относиться сознательно и справедливо къ нашей древней исторіи.

Н. Костомаровъ.

Digitized by Google

АЛЕКСѢЙ СЛОБОДИНЪ

Семейная исторія.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I *).

...На югѣ Россіи существовала старинная, построенная еще турками крѣпость. Она давно уже утратила стратегическое значеніе и вовсе не отличалась грознымъ, неприступнымъ видомъ; хотя ея прошлое знаменито потоками пролитой крови, но въ началѣ пятидесятыхъ годовъ она была похожа на дряхлаго инвалида, который, повѣсивъ на гвоздь заслуженную шинель съ медалями, мелетъ табакъ и брюжжитъ на плохія времена. По зеленымъ бастіонамъ чугунныя пушки на неуклюжихъ кривыхъ станкахъ непробудно спятъ, уткнувши въ землю свои заржавѣвшія жерла; по обвалившимся эскарпамъ и въ заросшихъ бурьяномъ рвахъ протоптаны тропинки,—тамъ мирно пасутся бѣлыя козы... За то внутри крѣпости видѣнъ строгій порядокъ, чистота, дисциплина: дорожки и площадь вокругъ церкви обсажены молодыми деревцами, выметены, посыпаны песочкомъ, столбики и барьеры подкрашены, низенькія зданія, вытянутыя фронтомъ, подштукатурены, снабжены надписями и нумерами — тутъ помѣщаются власти: комендантское управленіе, госпиталь и разныя команды; провіантскій магазинъ съ черными ставнями въ прорѣзахъ оконъ, словно слѣпой и скучный старикъ, сторонится отъ жилыхъ зданій; въ дальнемъ углу шагаетъ часовой у порохового погреба, а у

---

*) См. выше фев.: 481 стр.

Digitized by Google

главныхъ воротъ исправно бодрствуетъ гауптвахта и тутъ же въ куртинѣ рядъ казематовъ, приспособленныхъ для помѣщенія арестантской роты, — отсюда порой слышатся и хохотъ, и брань, и цѣпи, и пѣсни.... За крѣпостною эспланадой съ одной стороны большая рѣка плавно катитъ между камышей свои желтовато-мутныя воды, а съ другой, въ полуверстѣ на степи виднѣются убогія хатки, сначала рѣдкія въ одиночку, дальше стѣснившіяся въ сѣрое стадо, которое во всѣхъ календаряхъ именуется однако городомъ.

Лѣтнее солнце безжалостно опаляетъ эту пустынную мѣстность; дойдя до своего зенита, оно даже какъ будто останавливается, чтобы основательнѣе припечь потрескавшуюся почву. Рѣдѣющіе обрывки бѣлыхъ облачковъ иногда потянутся откуда-то издалека, да такъ и повиснутъ надъ степью, будто изнемогая въ раскаленномъ воздухѣ. Въ городѣ на улицахъ и пустыряхъ нѣтъ ни души, въ домикахъ тихо; въ полдень все населеніе уже пообѣдало и спитъ, притворивъ ставни; и какіе же интересы, какія-такія экстренныя дѣла могутъ тутъ появиться, чтобы добрый человѣкъ рѣшился одѣться и подъ сорокаградуснымъ солнопекомъ потащиться къ сосѣду?

Безконечное лѣто смѣняется осенью, которая исправляетъ должность зимы; мѣсяца три-четыре льются безпрерывные дожди и превращаютъ всю окрестность въ сплошную грязную хлябь, надъ которой стоитъ гнилой туманъ, застилая скудный свѣтъ сѣренькаго дня. Великолѣпныя лихорадки, знаменитыя горячки выбѣгаютъ изъ лѣса камышей и привольно разгуливаютъ среди бѣднаго населенія.

Нельзя не согласиться, что это уголокъ не особенно веселый.

По крѣпостному валу, какъ только отхлынетъ лѣтній зной, часто бродилъ молодой человѣкъ въ солдатской шинели; бродилъ онъ какъ-то зря, какъ бродятъ люди, перенесшіе тяжелую болѣзнь, иногда ложился на траву, свертывалъ папироску, чертилъ карандашомъ на лоскуткахъ бумаги, потомъ перечитывалъ какія-то старыя записочки, пожелтѣлыя отъ времени, какъ набожно-сбереженныя листья давно минувшей милой весны; пересмотрѣвъ свой портативный архивъ, молодой человѣкъ улыбался и, зажмуривъ глаза, раскидывался навзничь на зеленой травкѣ съ какимъ-то дѣтскимъ эпикуреизмомъ. Въ эти минуты онъ непремѣнно соображалъ, что вотъ какъ мнѣ теперь хорошо живется, могу оставаться одинъ, могу лежать, ходить, какъ мнѣ вздумается,—какое это счастье!...

По цѣлымъ часамъ глядѣлъ онъ на едва видимыя, волнистыя

Digitized by Google

линіи далекихъ чужихъ горъ, на широкую полосу рѣки; по ней раза два въ недѣлю пробѣгали пароходы, унося пеструю толпу веселыхъ пассажировъ къ другимъ берегамъ, оживленнымъ, чудесно-красивымъ — и тревога охватывала молодого человѣка; онъ хоть на мигъ сознавалъ, что *та жизнь*, мелькнувшая передъ нимъ на пароходѣ, не совсѣмъ еще ему чужая, а это сознаніе воскрешало яркія надежды, наперекоръ всей убогой дѣйствительности.

«Не вѣчно же, не вѣчно!—повторялъ онъ.—Ахъ, хоть-бы на минуту остановился пароходъ у нашего берега! Нѣтъ, все мимо, всегда мимо... да кому нуженъ этотъ скучный берегъ...»

И онъ чуть не плакалъ, какъ ребенокъ, — и какъ ребенокъ, Морицъ бѣжалъ встрѣчать слѣдующій рейсъ.

Да, это былъ онъ, нашъ знакомый мечтатель Морицъ; — но какъ похудѣлъ онъ, постарѣлъ! Миловидное лицо погрубѣло, потемнѣло; усы отросли и придали его физіономіи какую-то слишкомъ солдатскую мужественность; сохранился только взглядъ свѣтлыхъ глазъ, взглядъ — если можно такъ сказать — вѣчно-уповающій.... да естественная грація походки и движеній, не пропавшая даже подъ тяжелыми складками сѣрой шинели.

Признано, что мечтатели легко уживаются съ праздностью; но когда праздность вмѣняется какъ извѣстный режимъ, когда она становится основнымъ закономъ всей окружающей насъ жизни, тогда самый чистокровный мечтатель готовъ руки на себя наложить, лишь-бы дать имъ какую-нибудь работу. Въ крѣпости все населеніе постоянно томилось праздностью: эти мирные люди ѣли, пили, спали (и очень много), играли въ преферансъ и выдумывали какія-нибудь совершенно безполезныя затѣи въ формѣ служебныхъ обязанностей. За всѣхъ и про всѣхъ работали одни арестанты, но если всмотрѣться въ ихъ работу, оказывалось, что и эта работа — просто вялыя мускульныя упражненія, въ которыхъ гнѣздится самая мучительная праздность — праздность по неволѣ. Отъ восхода до заката солнца эти сѣрые люди все что-то дѣлаютъ, копошатся, перетаскиваютъ съ мѣста на мѣсто,—а здоровый вольный парень смѣется надъ ихъ работой. Да они сами такъ ужъ и говорятъ: «наша работа самимъ Богомъ проклята; хошь ты старайся, хошь нѣтъ—все одно, ея никогда не убудетъ; стало, и спѣшить не къ чему, ни у кого отъ нея животы не болятъ,—сдѣлана ли, нѣтъ ли, кому корысть?» Морицъ теперь часа по три въ день сидѣлъ въ канцеляріи, переписывая строевые рапорты, да матеріальныя вѣдомости, — слѣдовательно былъ совершенно празденъ; но и прежде, еще недавно, когда онъ въ сер-

Digitized by Google

мяжной курткѣ не совсѣмъ элегантнаго покроя подметалъ площадь, или косилъ эту самую травку, на которой теперь валялся,— и тогда онъ былъ не менѣе празденъ.

Конвойный въ сторонкѣ дремлетъ, опершись на ружье, а онъ старательно и неумѣло размахиваетъ косою; обильный потъ струится съ выбритаго лба, руки терпнутъ, онъ остановится, осмотритъ натертый на ладони пузырь, и вдругъ, словно какой-то чужой голосъ его окликнетъ: «Что это ты дѣлаешь? Зачѣмъ, для чего, кому это нужно?» Бѣднякъ готовъ бы засмѣяться, если-бъ ему не хотѣлось плакать...

Какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ обстоятельствахъ, вся дѣятельность человѣка уходитъ внутрь, перебираетъ на всѣ лады небольшой матеріалъ, данный прошлою жизнію и строитъ смѣлыя иллюзіи будущаго; въ томъ и другомъ направленіи, конечно, является много фантастичности. Практическая жизнь Морица была очень скудна мотивами, она сосредоточивалась на строгомъ выполненіи обязанностей нижняго чина; и надобно сказать, тутъ онъ былъ строгъ до педантизма и, кажется, даже этимъ немного кокетничалъ, былъ — какъ выражаются старые служаки — «всегда на своемъ мѣстѣ», не искалъ никакихъ льготъ и облегченій своего положенія.

Единственное утѣшеніе нашелъ себѣ Морицъ въ перепискѣ. Сначала онъ до такой степени былъ не увѣренъ въ неприкосновенности своихъ писемъ, что писалъ только къ родственникамъ, подавалъ письма черезъ кого слѣдуетъ незапечатанными, само собой и содержаніе ихъ было, что называется, ни рыба, ни мясо. Наконецъ, явилась возможность писать и къ сестрѣ Слободина, Алёнушкѣ.

II.

По части корреспонденціи помогъ ему нѣкто штабсъ-капитанъ Шабашенко, съ виду угрюмый старый драбантъ, съ поконъ-вѣку служившій въ крѣпости. Сближеніе ихъ произошло нѣсколько страннымъ образомъ: сначала Шабашенко избѣгалъ Морица, какъ будто чего-то стыдился, и при неизбѣжномъ служебномъ разговорѣ даже не смотрѣлъ ему въ лицо; потомъ педантическая исполнительность юноши раздражала и бѣсила штабсъ-капитана,—въ ней онъ видѣлъ какую-то очень тонкую насмѣшку и ворчалъ сквозь зубы: «Фанаберія и больше ничего!» Бѣдный Андрюша Морицъ

Digitized by Google

опасливо посматривалъ на суроваго начальника и долго питалъ къ нему какую-то дѣтскую боязнь.

Разъ онъ заболѣлъ лихорадкой и лежалъ въ лазаретѣ; Шабашенко будто нечаянно заходитъ часто въ лазаретъ и всякій разъ останавливается у койки Морица, разспрашивая, не нужно ли чего больному; тотъ отказывался отъ всего. Штабсъ-капитанъ не выдержалъ и разразился:

— Что-жъ это, чортъ подери, — вы брезгуете, что ли? — За людей не считаете?—Я въ отцы вамъ гожусь...

— Извините, ваше благородіе... я не думалъ, что вы это такъ примете...

— Ну—«ваше благородіе, ваше благородіе!»—ворчалъ Шабашенко;—я двадцать лѣтъ знаю, что я «ваше благородіе»,—а супу все-таки вамъ пришлю.

Въ другой разъ Шабашенко, отдавая ему полученное съ почты письмо, спросилъ:

— Это вамъ родители пишутъ?

— Тётка; родителей я лишился еще въ дѣтствѣ.

Шабашенко покряхтѣлъ. — Славно вы поете, я ужъ давно подслушалъ; чудесно поете.—Приходите-ко мнѣ вечеркомъ, у меня гитара есть.

Оригинальная нѣжность штабсъ-капитана заинтересовала и даже тронула впечатлительнаго юношу, онъ сталъ заходить довольно часто къ старому холостяку. Надо пожить хоть недолгое время въ казармѣ, чтобы понять всю привлекательность самаго убогаго домашняго жилья: голыя грязныя стѣны, ничѣмъ незащищенное мѣсто на нарахъ, какой-нибудь сундучишко съ горемычнымъ добромъ и полнѣйшая невозможность остаться одному, не видѣть и не слышать окружающей жизни — все это изнуряетъ и подчасъ ожесточаетъ человѣка, и когда оттуда онъ попадетъ въ *комнату*, гдѣ все кругомъ говоритъ, что здѣсь хозяинъ у себя дома, устроился сообразно своимъ привычкамъ, вкусамъ и достаткамъ, что тутъ можно запереться отъ докучныхъ посѣтителей,— то обитатель казармы даже вчужѣ чувствуетъ теплоту какого-то необыкновеннаго благополучія...

Было въ крѣпости человѣка два, что называется, образованныхъ офицеровъ, но эти господа почему-то боялись сближенія съ Морицомъ. Они свое участіе къ нему ограничивали только тѣмъ, что давали ему читать газеты и журналы; а потому нисколько неудивительно, что общительный Морицъ сталъ часто посѣщать Шабашенку, съ которымъ, по отсутствію общихъ живыхъ интересовъ, разговоры не всегда клеились, и въ этихъ случаяхъ выручала

Digitized by Google

гитара; угрюмый штабсъ-капитанъ самъ мурлыкалъ съ комическою задушевностью унылыя малороссійскія пѣсни. Мало-по-малу они незамѣтно договорились до семейныхъ дѣлъ,—оказалось, что Шабашенко вовсе не холостякъ, а что называется «соломенный вдовецъ» — супруга его лѣтъ восемь тому назадъ сбѣжала съ какимъ-то заѣзжимъ коммиссаріатскимъ чиновникомъ—онъ махнулъ рукою и даже не знаетъ, гдѣ она теперь и жива ли. Морицъ разсказалъ, что въ Петербургѣ у него осталась невѣста.

— Зачѣмъ же дѣло стало?—равнодушно замѣтилъ старикъ.— Сюда ее тащите. Вотъ ей и проба будетъ; коли она не какая нибудь модная франтиха, такъ нехай съ нами поживетъ, всего отвѣдаетъ; а сбѣжитъ отсюда, значитъ и жалѣть нечего.—Чего вы улыбаетесь?

— Она не изъ такихъ... любитъ меня...

— То-то я и говорю, — коли любитъ, нехай не побрезгуетъ солдатскимъ положеніемъ.—А ужъ я пожалуй похлопочу, особый *кутокъ* вамъ устрою... Оно вамъ веселѣй будетъ, совѣтую выписать, право совѣтую.

— Да вотъ, Богданъ Ѳедорычъ, я не знаю какъ на счетъ писемъ-то...

— Эка важность!—строчите ихъ здѣсь у меня, безъ церемоніи, да чтобъ и къ вамъ адресовали тоже на мое имя — Богдану Хведоровичу Шабашенкѣ, да съ какой-нибудь тамъ особой отмѣтинкой, чтобы я зналъ что это къ вамъ. Эхъ вы—«правило вѣры и образъ кротости!»—другой ужъ давно бы придумалъ этакую штучку, а вы все щегольнуть предъ нами хотите... ха — ха!—Напрасно, сударь мой, насъ этимъ удивить невозможно.

Морицъ воспользовался удобствами капитанскаго предложенія, да и совѣтъ Шабашенки показался нашему пріятелю весьма исполнимымъ.—Почему-жъ бы ей въ самомъ дѣлѣ и не пріѣхать?— раздумывалъ Морицъ.—Вѣдь сначала сама этого желала, просилась... Люди здѣсь простые, но добрые,—жить можно!

И его прыткому воображенію уже представлялась маленькая квартирка, въ которой хозяйничаетъ Алёнушка, а все крѣпостное общество не налюбуется на молодую чету, которая весело переноситъ житейскія невзгоды и являетъ примѣръ высокой героической любви...

Въ видѣ предположенія и вмѣстѣ самаго горячаго желанія написалъ Морицъ объ этомъ своей Алёнушкѣ—и съ замираніемъ сердца ждалъ отвѣта.

Отвѣта долго не было.

Digitized by Google

— Морицъ!—окликнулъ его однажды Шабашенко изъ окна своей квартиры.

— Чего изволите, ваше благородіе?

— Зайдите сюда. — Это вамъ? — сказалъ капитанъ и подалъ запечатанное письмо изъ Петербурга, адресованное «его благородію Богдану Ѳедоровичу господину Шабашенкѣ» — коли написано *господину*, значитъ это вамъ; кажись, такой былъ уговоръ? — Андрюша вспыхнулъ, руки его задрожали, онъ едва могъ выговорить:—Ахъ, Богданъ Ѳедорычъ, какъ мнѣ благодарить васъ...

— А ну тебя и съ благодарностью!—Садись и читай!

— Не могу, Богданъ Ѳедорычъ... извините!—И Морицъ, забывъ подчиненность, кинулся на шею капитану—и выбѣжалъ.

Шабашенко, какъ старый котъ, задергалъ усами и даже улыбнулся ему вслѣдъ.

— Экой счастливецъ, чортъ тебя подери!—ворчалъ онъ, набивая трубку... Однако, побачимъ, може и та сбѣжитъ...

Морицъ прибѣжалъ на свое любимое мѣсто на валу; онъ еще не читалъ письма, не могъ читать его, а только взглядывался въ знакомый почеркъ. Едва ли былъ онъ въ состояніи понять то, что́ перечитывалъ разъ десять.

Письмо было слѣдующаго содержанія.

«Наконецъ-то, наконецъ явилась возможность наговориться свободно за всѣ три года разлуки... Милый мой Андрей Николаевичъ! вы пишете, что нисколько не измѣнились въ своихъ убѣжденіяхъ и любите меня попрежнему, да я въ этомъ и не сомнѣвалась ни на минуту. — Милый мой, и вы для меня все тотъ же... Постараюсь отвѣчать на всѣ ваши вопросы по порядку. Право не знаю, какъ начать. — Въ эти три года я вдоволь надумалась,—казалось, всѣ мысли мои такъ хорошо, такъ крѣпко сложились въ головѣ, а теперь, какъ приходится ихъ высказать, я и словъ не нахожу... Не умѣю, боюсь, вы не такъ поймете меня, а это было бы для меня большое горе...

«Вы вспоминаете ту ужасную ночь, когда братъ Алёша, нѣсколько друзей, вы и я разставались на долгую разлуку безъ надеждъ, безъ цѣлей, даже безъ всякихъ обѣщаній; вы помните, что одинъ только братъ былъ ясенъ, да Рудковскій шутилъ по обыкновенію, — но эта ясность и эти шутки больно рѣзали мнѣ сердце... Вы всѣ были еще подъ вліяніемъ того неестественнаго настроенія, которое держало васъ въ теченіе долгихъ восьми мѣсяцевъ. — Это все я теперь соображаю, а тогда до того ли мнѣ было? Несчастье было слишкомъ горячо, я сознавала только одинъ ужасъ моего круглаго одиночества... Но помните ли вы,

Digitized by Google

о чемъ я умоляла брата и васъ, милый Андрей? Конечно, помните,—но вамъ было не до слезъ и просьбъ маленькой дѣвочки... На дворѣ стоялъ морозъ трескучій, скрипѣли полозья почтовыхъ саней, васъ ждали, время было отмѣрено и бѣжало ужасно скоро... Разумѣется, вы не могли вдуматься въ мою просьбу, къ тому же вѣроятно и высказана она была очень спутанно... Я просила позволить мнѣ ѣхать за вами—за братомъ, или за вами — кому я болѣе нужна; а вы оба указывали мнѣ на спокойную, обезпеченную жизнь въ Петербургѣ. «До лучшихъ дней» твердили вы, и доказывали ненужность моей жертвы... Какъ будто вы никогда не слыхали, что бываютъ женщины, которыя готовы не только раздѣлять роковыя несчастія ихъ мужей и братьевъ, но умѣютъ даже стать ихъ ангелами-хранителями, поддержать ихъ энергію, ихъ вѣру въ себя, ихъ упованіе въ будущее. Вотъ о какой завидной долѣ я мечтала, вотъ о какой великой милости просила, — а вы это назвали экзальтаціей и толкнули меня въ душную коморку на Васильевскомъ острову, въ которой тепло и сыто, но до крайности пошло и скучно... Повторяю, я никого не виню и не упрекаю, но такъ оно случилось.

«Не помню, какъ привезъ меня домой Купянцовъ. Для меня началась жизнь, точно, покойная, но этотъ покой едва не свелъ меня съума... Я благодарила Бога, что судьба пощадила Купянцова, онъ для меня все это время былъ защитникомъ, другомъ, нянькой. Вѣдь вы знаете доброту его; онъ забывалъ, кажется, самого себя, окружая меня самою нѣжною заботливостью, самою преданною дружбой. Я все это видѣла, старалась быть ему благодарною и—побраните меня хорошенько—только и помышляла, какъ бы избавиться отъ его попеченій... Придетъ онъ, заговоритъ объ васъ, о братѣ, обо всемъ нашемъ прошломъ — и я рада, мнѣ хорошо, чувствую, что это подлѣ меня сидитъ близкій человѣкъ; а останусь одна, и начинаю мучиться самыми злыми и неблагодарными мыслями... Такъ я провела полгода въ моей маленькой квартиркѣ, меня убивало бездѣйствіе, безцѣльность, ненужность моего существованія... Я жила какъ глупая птица, потерявшая гнѣздо. Не добившись лучшей цѣли жизни, я нечаянно натолкнулась на другія маленькія цѣли,—сидѣть сложа руки было невыносимо, убійственно,—стала я искать занятій. Разумѣется, выбора большого мнѣ не представлялось: быть гувернаткой, учительницей—больше и выдумать нечего. Но куда я ни являлась, всюду встрѣчала отказъ. Сперва какъ будто дѣло и ладилось, но едва только узнавали, кто я такая — и тонъ, и даже физіономіи чадолюбивыхъ родителей мигомъ измѣнялись. «Такъ вы — сестра-а-а»! Раза два я не

Digitized by Google

вытерпѣла, замѣтила неосновательность подобнаго обвиненія,—но тѣмъ не менѣе видѣла, что дѣло мое проиграно.

«Досада на эти нелѣпыя неудачи еще больше разжигала мои стремленія,—и въ одно утро я очутилась швеей въ модномъ магазинѣ madame S. Купянцова поразилъ такой рѣшительный шагъ; я ему объ этомъ ни слова не говорила. Добрякъ даже надулся на меня, а за что? Нетрудно было разбить всѣ его доводы, и мы помирились. Къ дѣдушкѣ написала, что я отлично устроилась, и прошу обратить всѣ его избытки на помощь Алёшѣ, мнѣ ничего не нужно; даже адреса своего не дала. Купянцовъ отнесъ это письмо Ѳедосѣеву, тѣмъ дѣло и кончилось. И вотъ третій годъ живу я у madame S., сдѣлалась первою закройщицей, надѣюсь современемъ быть associée нашего магазина и своимъ положеніемъ пока совершенно довольна. Хозяйка моя женщина хорошая, немножко избалмошная, немножко торговка, но въ интимныхъ отношеніяхъ это самая преданная и смѣлая душа. Благодаря ей, я теперь совершенно владѣю французскимъ языкомъ и понимаю, ка́къ женщина можетъ вести свои дѣла самостоятельно. Живемъ мы очень тихо, работы много, такъ что скучать некогда; въ свободное время читаемъ, изрѣдка бываемъ въ Михайловскомъ театрѣ. Купянцовъ навѣщаетъ меня очень часто. Больше, кажется, о моей жизни и сказать нечего; для васъ должно быть ясно какъ на ладони мое настоящее положеніе. Поговоримъ о вашихъ планахъ.

«Вотъ тутъ-то и страхъ меня беретъ... И рада я, что разговаривать мы можемъ только на письмѣ за двѣ тысячи верстъ... Взглянувъ въ ваше лицо, услыхавъ вашъ голосъ, не знаю нашла ли бы я довольно силы, чтобы сказать то, что́ непремѣнно нужно сказать... Умоляю васъ, не давайте воли никакимъ догадкамъ, не ищите ничего между строками, читайте такъ-же просто и искренно, какъ я пишу...

«Ваши предположенія, хотя въ выраженіяхъ очень нерѣшительныхъ, я поняла какъ прямой вызовъ. Но какъ же это будетъ? Я люблю васъ попрежнему и сохраняю святость даннаго слова, никакія обстоятельства не поколебали моего убѣжденія, что съ вами я была бы счастлива, но какъ же все это устроится? Научите. Меня ничто не пугаетъ, по первому вашему слову брошу все и пріѣду, — хотя, не скрою, что теперь мнѣ сдѣлать это гораздо труднѣе, чѣмъ было прежде. Подумайте хорошенько, не буду ли я вамъ въ тягость, не свяжу ли вамъ руки и не свяжу ли руки себѣ—что́ я тамъ стану дѣлать? Простите меня за эти вопросы, но на мой взглядъ они очень важны для нашего счастія. Право, боюсь, что вы не такъ поймете меня, и готова

Digitized by Google

разорвать это письмо, еслибы дѣло шло не о такомъ важномъ вопросѣ... Вините мою искренность, которой сами вы, бывало, такъ горячо поклонялись... Итакъ, дорогой мой Андрей, жду вашего рѣшенія. Помните только, что я ужъ не ребенокъ, котораго можно утѣшить красивыми картинками; чѣмъ правдивѣе представите вы то, что́ меня ожидаетъ, тѣмъ лучше будетъ для насъ обоихъ...

«Отъ брата получаю самыя коротенькія извѣстія, онъ въ О. и жизнь его нисколько не измѣнилась. «Здоровъ и бодръ» — больше этого сказать о себѣ ничего не можетъ. Моимъ рѣшительнымъ шагомъ онъ, повидимому, доволенъ. Ахъ, если бы онъ былъ съ нами! Простите сестрѣ маленькое пристрастіе—и согласитесь, что Алексѣй умѣлъ какъ-то просто рѣшать всякія задачи; худо ли хорошо ли рѣшалъ онъ, а его слову какъ-то вѣрилось,— почему?—я ужъ не знаю. Купянцовъ пишетъ вамъ особо; въ это письмо я не хочу пускать никого посторонняго. Брата нѣтъ, а другихъ посредниковъ между нами быть не должно. Считаю малодушіемъ совѣтоваться съ кѣмъ бы то ни было; жду всего отъ васъ.

«Пишите же скорѣе, и вѣрьте, что васъ попрежнему любитъ ваша —

«Елена Слободина».

Это письмо совершенно опрокинуло мечтанія и планы бѣднаго Морица. Избалованный съ-молода легкимъ господствомъ надъ петербургскими барышнями, — не только въ родѣ Наденьки, но и покрупнѣе — онъ теперь впервые остановился передъ голосомъ, намекавшимъ на какую-то самостоятельность; въ письмѣ Алёнушки сквозь выраженія любви слышались и другія нотки, серьезныя, трезвыя. Морицъ ихъ не могъ понять; сперва онъ все твердилъ: «Нѣтъ, она меня не любитъ, не любитъ»!... Потомъ, анализируя каждую строчку письма, онъ сталъ находить противорѣчія и докапывался, не внушенъ ли ей кѣмъ-нибудь этотъ осмотрительный, осторожный отвѣтъ на его восторженный призывъ. Но кѣмъ? Ему уже грезилось коварство Купянцова, дурное вліяніе торговки-француженки, — но затѣмъ, въ слѣдующую же минуту эти пошленькія подозрѣнія уже казались ему нелѣпостью.

Онъ ходилъ разстроенный, потерянный; Шабашенко это замѣтилъ, и хотя проворчалъ про себя: «Эге, *вино* не выгорѣло!»—но не покусился вмѣшаться съ непрошеннымъ участіемъ; онъ собственнымъ опытомъ зналъ, какъ сладко подобное положеніе. Старый штабсъ-капитанъ однако не могъ оставить безъ посильной

Digitized by Google

помощи полюбившагося ему юношу, и придумалъ незамысловатый пріемъ утѣшенія; онъ началъ ожесточенно бранить «собачье житье» въ этомъ глухомъ захолустьи.

— И на какого бѣса-дикаго мы тутъ живемъ? Утромъ, напримѣръ, просыпаешься, а зачѣмъ просыпаешься?—чтобъ надѣть сапоги да и маршъ ругаться. Ужъ лучше-бы спать... Спать да жевать—вотъ наше самое любезное дѣло. Не дай Богъ попасть сюда никому, — врагу не пожелаю. Эхъ, кабы Господь вынесъ васъ скорѣе изъ этой провалины! Да ужъ потерпимъ, авось скоро смилуются... Даже этотъ топорный маневръ подѣйствовалъ примирительно на Андрея, до такой степени онъ былъ сбитъ съ толку.

Прислушиваясь къ брюжжанію капитана и оглянувшись внимательно вокругъ себя, Морицъ съ горечью долженъ былъ сознаться, что Алёнушка права, что съ его стороны было бы непростительнымъ эгоизмомъ закабалить ее въ эту провалину. Затѣмъ всѣ болѣзненныя фантазіи его, взрощенныя въ отчужденности отъ практической жизни, свернулись, поблекли, какъ оранжерейные цвѣты подъ дыханіемъ утренняго холода, — и этотъ особый *кутокъ*, т.-е. просто убогая комнатка подлѣ канцеляріи, эти ласки и поцѣлуи среди бѣдности и мертваго застоя жизни, наконецъ, вся эта идиллія въ казарменной обстановкѣ, показалась Морицу мизернѣйшею пародіею на давно-осмѣянный романтизмъ.

Онъ медлилъ отвѣтомъ Алёнушкѣ; между тѣмъ подоспѣли событія, которымъ суждено было рѣшить не одинъ только миніатюрный вопросъ личнаго счастія нашихъ молодыхъ людей.

III.

Съ конца августа въ крѣпость стали являться какіе-то небывалые инспекторы и военные спеціалисты, надѣлавшіе много хлопотъ крѣпостному начальству. Вниманіе было обращено уже не на чисто выметенныя площадки да подкрашенные столбики; принялись насыпать новыя передовыя укрѣпленія, углублять рвы, вбивать палисады, перетаскивать пушки. Вся эта непривычная суматоха велась нѣсколько безтолково, будто съ просонья,—и, правду сказать, присланные спеціалисты сами глядѣли на возню съ негодными пушками довольно безпечно и даже не безъ ироніи. Изъ ихъ частныхъ разговоровъ можно было понять, что приготовленія эти дѣлаются на всякій случай,—вѣрнѣе, что въ нихъ не будетъ никакой надобности; если и дойдетъ до дѣла, то не

Digitized by Google

здѣсь, а гдѣ-нибудь подальше.... и многозначительные взгляды устремлялись въ даль, на чуть-видные силуэты чужихъ горъ...

Два экземпляра «Русскаго Инвалида», получавшіеся въ крѣпости, зачитывались до конечнаго истребленія и поселяли въ умахъ читателей самыя смутныя предположенія объ исходѣ дипломатической войны; одни глубокомысленно заключали: «Больно грозно кричатъ, значитъ ничего не будетъ»; другіе, потирая руки, увѣряли, что сорокатысячный дессантъ надняхъ займетъ Константинополь—и войнѣ конецъ!

Однако событія шли наперекоръ всѣмъ предсказаніямъ домашнихъ политиковъ; военныя распоряженія, дѣлавшіяся негласно, подъ рукой, напоминали о близости грозы. Въ городъ явился дивизіонный штабъ, и вмѣсто прежняго батальона пришелъ цѣлый пѣхотный полкъ; къ провіантскому магазину въ крѣпости стали подходить воловьи подводы, около нихъ усердно хлопотали расторопные чиновники, словно ихъ праздникъ насталъ.

На базарѣ все вздорожало, особенно волы и лошади. Какой-то смышленый еврей открылъ на главной улицѣ новую ресторацію «Царьградъ», снабженную кислыми винами, нѣсколькими арфянками сомнительнаго качества и особой комнатой для господъ, желающихъ срѣзаться въ штосикъ. Словомъ, все проснулось, задвигалось и чутко насторожило вниманіе; а въ военной массѣ началась та особенная жизнь, для которой завтрашній день не составляетъ предмета особенныхъ заботъ. Это не жизнь на бивуакахъ между двумя сраженіями, отмѣченная всегда серьезнымъ колоритомъ и спокойнымъ, часто трогательнымъ юморомъ; тутъ происходитъ нѣчто совсѣмъ другое. Квартиры у жителей удобныя, лишеній никакихъ; войны еще нѣтъ, но завтра она можетъ быть, а можетъ и вовсе не быть; между тѣмъ «мирное положеніе» нарушено, военный человѣкъ глядитъ развязнѣе, бросаетъ мелкую щепетильность внѣшней формалистики, въ карманѣ его явились лишнія деньги, а въ темпераментѣ проснулись всѣ придавленные до сихъ поръ инстинкты—пожить на распашку, забыть эту нужду копѣечную, показать, что и мы молъ люди не лыкомъ шитые. Завѣтнаго ничего нѣтъ—все продается, покупается, мѣняется, ставится на червонную семерку, оставляется въ трактирѣ; тутъ раздолье добрымъ широкимъ натурамъ и пожива хищникамъ.

Издали, съ оффиціальной точки зрѣнія, эту походную возбужденность часто смѣшиваютъ съ проявленіемъ патріотическаго духа, но едва-ли оно вполнѣ безошибочно. Патріотизму, какъ движенію сознательному, глубокому, слѣдуетъ отвести болѣе почетное мѣсто, а это шумливое, безпорядочное настроеніе въ ожи-

Digitized by Google

данія дѣла скорѣе можно отнести къ тѣмъ явленіямъ, которыя плѣняли воображеніе русскаго человѣка въ старинномъ казачествѣ: домъ, семья, будничные интересы и постылыя невзгоды мирной жизни — если не совсѣмъ брошены и забыты, по крайней мѣрѣ отошли далеко на задній планъ; на ихъ мѣсто выдвинулась гульливая безпечность, отвага и удача поставлены выше кропотливаго скопидомства; семья, которая проситъ ѣсть, замѣняется товариществомъ, которое обопьетъ, обереть, да за то всегда пріютитъ, накормитъ и въ прогорѣвшемъ товарищѣ признаетъ молодца...

Морицъ съ тревожнымъ любопытствомъ присматривался къ этой жизни, и хотя нѣкоторыя ея частности поселяли въ немъ чувство брезгливости и сожалѣнія, но общій строй неотразимо охватывалъ его своею повальною возбужденностью. Ему уже мерещились опасности войны, подвиги, отличія, — и какъ всѣ несильные люди, онъ былъ радъ, что общее положеніе дѣлъ выводитъ его изъ лабиринта личныхъ затрудненій.

Вотъ что́ писалъ онъ къ Алёнушкѣ:

«Ждемъ каждый день объявленія войны. Хлопочу о зачисленіи меня въ дѣйствующія войска. Милая моя, дорогая!—опять приходится сказать вамъ: «до лучшихъ дней».... Но я твердо вѣрю, что эти лучшіе дни настанутъ. Ваша любовь поддерживала меня до сихъ поръ въ самыя тяжкія минуты унынія и безнадежности, она же дастъ мнѣ силу завоевать (буквально) мое будущее. Кто знаетъ, что́ найду я въ этой войнѣ? О смерти говорить нечего, потому что ею все кончается; но если?!... я даже трушу передъ возможностью счастья.... Не вините меня, я слишкомъ угнетенъ несчастьемъ не по силамъ; вслѣдствіе какой-то безжалостной ироніи обстоятельствъ, я вынужденъ былъ играть роль, которая совершенно не въ моихъ средствахъ. Это я теперь вполнѣ сознаю, и сознаніе это меня убиваетъ... Зачѣмъ, зачѣмъ? Вѣдь я совсѣмъ не то, за что́ меня приняли...

«Надѣюсь, что вы не перестали видѣть во мнѣ прежняго Андрея, который ставилъ впереди всего искренность; зачѣмъ же вы пишете о «святости даннаго слова?» мнѣ это показалось очень страннымъ; въ любви вѣрность слову имѣетъ не совсѣмъ утѣшительный смыслъ. Вообще, письма ваши возбуждаютъ во мнѣ много серьёзныхъ недоумѣній. Выброшенный изъ правильнаго теченія жизни, я можетъ быть уже отсталъ, разучился понимать условія дѣйствительности; но вы, моя дорогая, — не слишкомъ ли увлекаетесь практическими цѣлями? Madame S. дозволительно успокоиться на процвѣтаніи своего магазина, а для васъ такой исходъ равнялся бы нравственному самоубійству.... Удивляюсь, какъ Алек-

Digitized by Google

сѣй одобряетъ ваше положеніе. Судя по тому, чѣмъ пробавляется современная литература (вѣдь и мы здѣсь кое-что читаемъ), я замѣчаю, что уровень нравственныхъ стремленій общества какъ будто понизился: многихъ знакомыхъ голосовъ уже не слышно, словно имъ и сказать нечего; другіе запѣли на иной ладъ... Все это неутѣшительно, — и я радуюсь, что стою въ сторонѣ отъ всякаго переливанья изъ пустого въ порожнее. Скажу больше, я радъ наступающей войнѣ, не потому только, что вижу въ ней возможность возстановить мое положеніе, а потому, что тутъ кипитъ дѣло, серьёзное дѣло, которое способно закалить характеръ человѣка, вызвать наружу всю его энергію, обогатить новыми, свѣжими впечатлѣніями»...

IV.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ Морицъ, подъ вліяніемъ новыхъ свѣжихъ впечатлѣній, уже почти ни однимъ словомъ не упомянулъ о своей любви, о своихъ личныхъ надеждахъ и печаляхъ.

«Сегодня мы хоронили первыхъ павшихъ товарищей (писалъ онъ). Вы вѣрно прочли въ газетахъ объ отважномъ дѣлѣ нашихъ пароходовъ и канонерскихъ лодокъ, прошедшихъ подъ самыми батареями Исакчи. Разумѣется, мы—мелкотравчатые—ничего не знали о предполагавшейся экспедиціи, и только наканунѣ вечеромъ Шабашенко пригласилъ меня ѣхать утромъ вмѣстѣ съ нимъ къ Ѳерапонтовской церкви, посмотрѣть что будетъ. Я побѣжалъ въ канцелярію узнать, нельзя ли пойти охотникомъ, но встрѣтилъ сухой и положительный отказъ; а мой капитанъ еще посмѣялся надо мною: «Экой горяченькій! чего торопиться, еще надоѣстъ!— Да завтра врядъ ли что и будетъ». И прибавилъ въ видѣ зарока старый военный афоризмъ: «На службу не напрашивайся, отъ службы не отказывайся». Мнѣ стало досадно и грустно, я никакъ не предполагалъ, что *мнѣ* откажутъ, и скрѣпя сердце, поѣхалъ съ капитаномъ въ телѣжкѣ точно на прогулку. Шабашенко взялъ съ собою фляжку водки, кусокъ ветчины и долго хлопоталъ о складномъ ножѣ и маленькой помадной баночкѣ для горчицы. Ужасный чудакъ! у него во всякомъ дѣлѣ первая забота выпить и закусить; для основательности, говоритъ онъ, хоть на смертную казнь идти, а «пожевать» человѣку необходимо. И онъ жуетъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

«Маленькая церковь св. Ѳерапонта, у селенія Сатуново, построена въ память перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай въ

Digitized by Google

1828-мъ году; отъ Сатунова до рѣки и потомъ вдоль берега идетъ дорога, точно аллея, обсаженная ивами. Мы пошли пѣшкомъ и остановились на берегу недалеко отъ нашей батареи; позади въ камышахъ лежалъ батальонъ, составлявшій прикрытіе. Утро было чудесное,—тихое и ясное. Мой капитанъ прилегъ подъ деревомъ, хлебнулъ изъ фляжки и началъ жевать ветчину. Артиллеристы молча сидѣли возлѣ заряженныхъ пушекъ; въ воздухѣ носился особенный, пріятный запахъ горящаго фитиля. Къ избушкѣ пограничнаго кордона начали собираться штабные офицеры, элегантные, чистенькіе, точно на парадъ вышли. Они разговаривали о предметахъ совершенно постороннихъ, однако частенько взглядывали на часы и направляли бинокли внизъ по Дунаю. Мнѣ казалось, что у всѣхъ въ глубинѣ души шевелился одинъ вопросъ—«будутъ ли стрѣлять съ турецкихъ батарей?» но заговорить объ этомъ всѣ почему-то избѣгали.... Война еще не объявлена, но судя по всѣмъ приготовленіямъ съ нашей стороны, видно было, что дѣло не пройдетъ благополучно. Показался дымокъ передового парохода «Прутъ», всѣ какъ-то особенно встрепенулись, прислуга при орудіяхъ поднялась, разговоры смолкли. Роковой вопросъ висѣлъ на волоскѣ.... Изъ кордона вышелъ генералъ; мы съ капитаномъ прилегли въ прибрежныхъ кустахъ, какъ школьники; особенно онъ старался, чтобы не замѣтили меня, какъ самую запрещенную контрабанду. Уже слышно было торопливое шлепетанье пароходныхъ колесъ; Шабашенко пытливо посмотрѣлъ на Исакчинскія батареи: «Ишь шельмы!» прошипѣлъ онъ, и крякнувъ какъ-то значительно, сталъ засовывать ветчину въ задній карманъ. Только-что я хотѣлъ его спросить о чемъ-то, какъ грянулъ первый выстрѣлъ съ Исакчи, и по гладкому стеклу облитой солнцемъ рѣки далеко-далеко зачеркали красивые рикошеты ядра на встрѣчу флотиліи.

«Господи благослови!»—прошепталъ капитанъ и перекрестился. «Прутъ» съ канонерками на буксирѣ, стройно приближался, держась ближе къ непріятельскому берегу.—Ахъ, Алёнушка, какъ передать ощущеніе, которое я испытывалъ въ эти мгновенія! Духъ захватывало, на глазахъ слезы выступали.... Объ опасности и въ голову не приходило; я сознавалъ только одно, что пароходы *наши* и страстно трепеталъ за успѣхъ *нашего* дѣла.... Это чувство солидарности, чувство *общаго дѣла*, съ особенной силой сказывается подъ непріятельскими выстрѣлами. Никого я не знаю изъ тѣхъ, что на флотиліи, а готовъ былъ вплавь броситься на выручку *нашимъ*....

«Съ Ѳерапонтовской колокольни доносился рѣдкій, унылый

Digitized by Google

благовѣстъ къ обѣднѣ и скоро потерялся; выстрѣлы зачастили и слились въ порывистый гулъ и трескъ. Я не сводилъ глазъ съ массы дыма, вспыхивавшей струйками огня; за нею ничего нельзя было разобрать. Кто-то ударилъ меня по плечу, я очнулся; слышу гдѣ-то далеко на рѣкѣ кричать «ура». «Одинъ проскочилъ!» захлебываясь шепталъ капитанъ. Въ промежуткѣ, пока подходилъ другой пароходъ «Ординарецъ», съ нашей береговой батареи открыли огонь. Турки тоже начали жарить по берегу. Шагахъ въ шести отъ меня затрещало дерево, на насъ полетѣли щепки; капитанъ повернулся на другой бокъ и взглянулъ на меня съ благосклонною улыбкой. Гранаты съ особымъ сквернымъ шуршаньемъ пролетали надъ нами и ложились далеко въ камышй. Тамъ въ батальонѣ произошла какая-то мгновенная суматоха; слышенъ былъ крикъ «носилки!» но вниманіе наше снова обратилось къ Дунаю. «Ординарецъ» шелъ какъ будто скорѣе и подвергся уже не такому адскому огню, какъ его предшественникъ, но капитанъ увѣрялъ, что это такъ мнѣ показалось,—повторенное впечатлѣніе всегда слабѣе. Опять громъ канонады, трескъ, дымъ и крики. Пройдя Исакчу, «Ординарецъ» еще долго осыпалъ непріятельскій берегъ выстрѣлами. Исакчинскія батареи отвѣчали вяло, и скоро совсѣмъ прекратили огонь. Когда все кончилось, капитанъ мой поднялся,—«ну, теперь время и до борща»,—сказалъ онъ, съ ужасомъ вспомнивъ, что болѣе часа ничего не жевалъ.

Пріѣхавъ домой, мы только къ вечеру узнали о нашихъ потеряхъ. И вотъ, вчерашніе обыкновенные люди, сегодня лежатъ передъ нами, какъ герои... А вѣдь странное дѣло—смерть иногда придаетъ совсѣмъ новый, особый смыслъ нашей жизни. Въ числѣ убитыхъ оказался, напримѣръ, юнкеръ N. Онъ сдѣлалъ такую штуку: на палубу канонерской лодки упала граната, нашъ юнкеръ схватилъ ее и понесъ выбросить за бортъ; но не донесъ—гранату разорвало въ его рукахъ, онъ упалъ навзничь.... Теперь стали припоминать разные случаи изъ его жизни, и всѣ они оказались замѣчательными: этотъ добрый товарищъ, великодушный силачъ, гроза трактировъ и мелкихъ плутишекъ — сталъ пригоденъ въ герои какой-нибудь легенды; даже то, что три дня тому назадъ онъ выигралъ въ трактирѣ на билліардѣ 24 рюмки водки—и то передается съ какимъ-то необыкновеннымъ паѳосомъ. А умри онъ на госпитальной койкѣ, никто бы и не замѣтилъ, что однимъ забулдыгой на свѣтѣ стало меньше. Тяжело мнѣ было смотрѣть на одну молодую женщину, вдову убитаго капитана В., но я не скажу вамъ, о чемъ я думалъ. Догадайтесь! Простите, моя дорогая, что занимаю васъ вещами, быть можетъ, мало для

Digitized by Google

васъ интересными; но я такъ радъ этой военной тревогѣ... Надѣюсь скоро подѣлиться съ вами новостями, въ которыхъ ужъ не буду простымъ зрителемъ. Дѣло только-что начинается»...

Но въ слѣдующихъ письмахъ горячее нетерпѣніе необстрѣленнаго новичка постепенно остывало: онъ былъ зачисленъ въ команду, которая заготовляла пловучіе мосты для будущей переправы войскъ за Дунай. Война началась, газеты были наполнены подробностями о Синопскомъ погромѣ, о стычкахъ на Дунаѣ, а онъ ходилъ на темную скучную работу и по вечерамъ игралъ съ Шабашенкой въ преферансъ по десятой копѣйки.

V.

Комнатка, въ которой читались и перечитывались воинственныя письма Морица, была маленькимъ, уютнымъ уголкомъ позади великолѣпнаго магазина madame S. на Невскомъ проспектѣ. Тутъ помѣщалось рѣшительно все хозяйство Алёнушки Слободиной, — хозяйство, конечно, миніатюрное, обличавшее скудныя средства и неприхотливые вкусы хозяйки; но на немъ — на всякой мелочи лежалъ отпечатокъ строгой порядочности и женскаго мастерства красиво сгруппировать самыя незамысловатыя вещицы.— Недалеко отъ кровати, задернутой пологомъ, стоялъ письменный столикъ, какъ видно, предметъ особой сердечной заботливости хозяйки; на немъ, среди принадлежностей письма, самое видное мѣсто занимали портреты брата Алёши и Морица.—Въ углу этажерка съ книгами, дальше диванчикъ и низенькое мягкое кресло, на которомъ Алёнушка любила отдыхать послѣ дневной работы, скрестивъ на груди руки и откинувъ назадъ голову, задумчивая, едва слушающая болтовню снисходительнаго друга и единственнаго гостя Ивана Дмитрича Купянцова. Нельзя не замѣтить еще одну особенность въ комнатѣ Алёнушки, это—отсутствіе того жертвенника, на которомъ вокругъ овальнаго зеркала располагается выставка разныхъ красивыхъ флакончиковъ, баночекъ, душистыхъ баульчиковъ, статуэтокъ и всякихъ фривольныхъ бездѣлушекъ,— жертвенника, играющаго весьма важную роль въ жизни большинства женщинъ хорошенькихъ и безобразныхъ, юныхъ и престарѣлыхъ. У Алёнушки было какое-то складное зеркальце, передъ которымъ, конечно, она не засиживалась—недосугъ было, а между тѣмъ въ своемъ вѣчно черномъ платьѣ и съ гладко причесанной головкой, Алёнушка была очень граціозная, хорошенькая дѣвушка.

Digitized by Google

Обыкновенно около 8-ми часовъ вечера въ эту комнатку являлся Купянцовъ, и если Алёнушка была еще занята въ мастерской, онъ спокойно располагался на диванѣ и закуривалъ папироску. Онъ приносилъ ей свѣжія новости, свѣжія книги и свѣжія конфекты отъ вѣчнаго Балле́, до которыхъ грѣшная Алёнушка была большая охотница. Если случались въ тотъ день письма отъ брата или Морица, то прочитывались вслухъ — и бесѣда незамѣтно уходила къ воспоминаніямъ о недавней старинѣ.

До трагической катастрофы счастливая невѣста Морица совсѣмъ не замѣчала его двоюроднаго брата Купянцова, всегда скромнаго и застѣнчиваго даже въ кругу товарищей. Бывало, тѣ сцѣпятся въ азартномъ спорѣ, шумятъ, хохочутъ, а онъ сидитъ себѣ съ карандашикомъ и втихомолку испестритъ листъ бумаги прихотливыми фантазіями, полными юмора и бойкости. Его всѣ любили и не было человѣка, который бы не радовался сердечно, что судьба пощадила милаго Ваню. — Во все время долгаго заточенія друзей, онъ и Алёнушка, да еще деньщикъ Иванъ жили не своею жизнію—они вмѣстѣ бѣгали, хлопотали—и счастливы были, если удавалось доставить имъ какое-нибудь удобство: книжку, папиросы, чай и сахаръ, или фунтикъ бобковаго табаку для Рудковскаго. Впослѣдствіи эта заботливая любовь, сосредоточенная на однѣхъ и тѣхъ же лицахъ, уже исчезнувшихъ, далекихъ, связала ихъ братскою дружбой. Молодые люди не могли опомниться, когда это они стали другъ къ другу въ такія близкія отношенія, — будто выросли подъ одной крышей... и ни разу не оглянулись на исключительность своего положенія...

Поступленіе Алёнушки въ магазинъ озадачило Купянцова. Съ этого момента онъ созналъ, что эта дѣвушка для него слишкомъ дорога... Прежде всего онъ испугался возможности потерять ее, а потомъ ужъ ему пришли въ голову соображенія о неприличности и даже опасности подобнаго шага. Если еще и теперь, двадцать лѣтъ спустя, наше общество смотритъ недовѣрчиво и подозрительно на всякую попытку женской самостоятельности, то что же было тогда?—Впрочемъ, юный художникъ, успокоившійся по первому пункту, отъ котораго больно забилось его сердце, скоро и легко помирился съ неудобствами второго, гдѣ слышалась только рутина ходячихъ разсудочныхъ мнѣній...

Сама же Алёнушка рискнула на этотъ шагъ вовсе не въ силу какихъ-нибудь предвзятыхъ теорій (тогда опять-таки и теорій-то женскаго труда еще не было), а просто по личнымъ побужденіямъ и интересамъ: она видѣла въ этомъ прежде всего

Digitized by Google

единственно-возможный для себя выходъ изъ положенія—какъ она выражалась—китайской мандаринши, состоящей на хлѣбахъ у какого-то сказочнаго дѣдушки, о которомъ самъ Алёша не любилъ распространяться опредѣлительно... Потомъ она видѣла передъ собой занятіе, которое ей нравилось, настоящее дѣло, къ которому отнеслась серьёзно, не какъ барышня-бѣлоручка,— уроки-то брата, какъ видно, не пропали даромъ. Она вышла на работу и вмѣстѣ — на волю.

Купянцовъ по темпераменту былъ человѣкъ способный на всякую пассивную добродѣтель, на глубокую самоотверженную преданность, но трусилъ передъ тѣмъ, что́ требовало риска, энергіи. Такія натуры, кроткія и любящія, неспособны взять съ боя то, что имъ нужно; онѣ даже любятъ свое безмолвное страданіе. Купянцовъ даже не далъ замѣтить Алёнушкѣ, что́ творится въ его сердцѣ. Какъ-то разъ онъ пришелъ къ ней не въ мѣру грустный, загадочный.

— Что съ вами, Иванъ Дмитричъ, — кротко и спокойно спросила Алёнушка.

— Мнѣ придется уѣхать...

— Куда? — Зачѣмъ?

— Да все туда же, куда нашъ братъ художникъ еще съ пеленокъ тянется—въ Италію. Что-жъ мнѣ тутъ — суздальскимъ богомазомъ быть, или красивыхъ солдатиковъ лѣпить?...

— Чего-жъ печалиться-то?—Паспортъ въ руки и маршъ!— Счастье, что у васъ средства есть. — Будь я на вашемъ мѣстѣ, съума бы сошла отъ радости!

Купянцовъ взглянулъ на нее печально.

— Въ томъ-то и дѣло, что паспортъ въ руки не дается...

— Хлопочите, приставайте. А вы вѣрно отъ первой неудачи струсили?

— Не всѣ такіе храбрые, какъ вы.

— Да, но это очень жаль.

Нѣсколько минутъ длилось тяжелое молчаніе.

— Ну, давайте же продолжать наше чтеніе, — первая очнулась Алёнушка.

— Давайте-съ; — съ тяжелымъ вздохомъ откликнулся онъ и, доставъ книгу, лѣниво принялся за чтеніе; но Алёнушка плохо слушала, безпрестанные переспросы обличали ея разсѣянность.

Поздно вечеромъ она проводила гостя со свѣчей на черное крыльцо и, прощаясь, крѣпко сжала его руку.

— Уѣзжайте въ Италію; — нехорошо, если останетесь... Я даже когда-нибудь скажу вамъ, отчего это нехорошо.

Digitized by Google

— Зачѣмъ же когда-нибудь? — Скажите теперь, сейчасъ — и я вамъ буду очень благодаренъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... нельзя, — послѣ... Прощайте, — спать пора.

— Прощайте Елена Петровна! — значитъ, когда-нибудь? — Хорошо, я постараюсь, чтобы къ тому времени паспортъ былъ у меня въ карманѣ.

Алёнушка дурно спала эту ночь; ей снилось, что попрежнему она живетъ въ своей квартирѣ, а Купянцовъ въ видѣ тюремнаго сторожа караулитъ ея дверь — и она его отъ всей души ненавидитъ....

Прошли мѣсяцы; послѣдній разговоръ не возобновлялся. Въ заграничномъ паспортѣ Купянцову было рѣшительно отказано: по забраннымъ справкамъ онъ оказался лицомъ далеко не свободнымъ, хотя и носилъ званіе «свободнаго художника». Нисколько неутѣшенный водевильнымъ каламбуромъ, Купянцовъ сильно упалъ духомъ, — и чтобы скрыть свою растерянность, рѣже и рѣже посѣщалъ уютную комнатку хорошенькой швеи.

Одинъ разъ Алёнушка встрѣтила его слишкомъ живыми упреками за долгое отсутствіе.

— Да полноте, полноте, не сердитесь! — Ну, виноватъ... Онъ печально улыбнулся и горячо поцѣловалъ ея руку. — И не воображалъ, что мое отсутствіе для васъ такъ важно! — Вѣдь новаго ничего не случилось.

— Такъ вотъ вы какой! — Только съ новостями хотите являться, интересничать, — стыдитесь! — Да почему-жъ вы думаете, что у меня не можетъ быть новостей? — Даромъ что никуда, не выхожу, а у меня тоже есть новости, да еще какія, интересныя!

— Вотъ какъ! — разсказывайте, разсказывайте...

— Усядьтесь прежде, пейте чай, закурите, а я приготовлюсь къ разсказу.

— Э, да и вы тоже на эффектъ бьете!

— Да новость-то такого сорта, что объ ней можно до утра проговорить.

— Право? — вы меня интригуете.

— Ну, слушайте. Вчера нашъ магазинъ получилъ огромный заказъ, тысячъ на десять...

— Ха-ха! — ай-да новость!

— Не торопитесь, дружокъ мой, смѣяться, — мы еще, можетъ быть, поплачемъ... Намъ заказано великолѣпное приданое одной счастливой невѣсты... Мы съ madame Léontine поѣхали къ ней на домъ, полную карету нагрузили всѣмъ, что есть дорогого, лучшаго. Я была въ хлопотахъ и не спросила куда мы ѣдемъ;

Digitized by Google

представьте же себѣ мой столбнякъ, когда я узнала, что мы въ домѣ Косолаповыхъ...

Купянцовъ бросилъ папиросу, широко раскрылъ глаза.

— Вѣдь вы знаете все старое, — помните, я разсказывала. Ну, теперь понятно вамъ, съ какимъ невыразимымъ, даже глупымъ волненіемъ ждала я появленія этой невѣсты... Она вышла; дѣйствительно, красавица... Немножко блѣдна и худа, но какой глазъ, какая бровь! Молчитъ она — будто на все сердится, а заговоритъ — такъ бы и кинулся ей на шею... Ужъ какъ она лѣниво, небрежно перебирала всѣ наши тысячныя тряпки! — видно, что все это ей надоѣло и совсѣмъ ненужно. Madame Léontine, по обыкновенію, разсыпалась, а я не сводила глазъ съ этого милаго лица, будто искала на немъ слѣдъ моего маскараднаго поцѣлуя... Ахъ, Иванъ Дмитричъ! — у меня закружилась голова, я боялась натворить какой-нибудь чепухи, боялась нелѣпой, сумасшедшей, совсѣмъ неприличной сцены... Ея голосъ звучалъ для меня знакомой лаской, — маскарадная встрѣча ожила передо мною... И братъ, бѣдный братъ!.. Вотъ и теперь у меня слезы на глазахъ, — вчера тоже должно быть лицо мнѣ измѣнило... Она бросила всѣ наши articles и обратилась ко мнѣ съ тревогой: — Qu'avez vous mon enfant? Vous êtes malade. — И покровительственно взяла меня за руку. Я опомнилась, сообразила все разстояніе между нами... Я ее испугалась, и — знаете ли что? — я ее вдругъ возненавидѣла... Мнѣ показалось, что она тащитъ меня или въ рай, или на эшафотъ... Я несвязно бормотала, благодарила, извинялась, готова была провалиться сквозь землю, — а она остановила на мнѣ такой упорный, нестерпимый взглядъ; мнѣ показалось, что она вотъ-вотъ назоветъ меня по имени — и я умру въ ту же минуту... Я опустилась на первый попавшійся стулъ. Madame Léontine меня выручила, бросила всѣ товары до-завтра и повезла меня домой, оговорившись, что «ma petite Hélène m'est plus chère que toutes les manufactures de la France entière». Дорогой я разсказала ей все, — я не могла не разсказать, потому что потребность высказаться была сильнѣе меня, — и мнѣ потомъ стало легче, — мы обѣ плакали... Вчера весь вечеръ толковали о томъ же. Отчего вы не зашли вчера? — Вы были мнѣ необходимы. Тутъ, видите ли, вышелъ горячій споръ: Léontine настаиваетъ, что я должна непремѣнно искать случая объясниться съ Агатой, снять маску, напомнить ей Алёшу — вѣдь онъ еще не совсѣмъ умеръ; наконецъ, быть можетъ une brave couturière найдетъ дорогу къ сердцу бѣдной свѣтской богачки, заставитъ его биться по-человѣчески, спасетъ ее отъ этого

Digitized by Google

самоубійства, что́ называютъ бракомъ по разсчету... Словомъ, цѣлый романъ выходитъ! — Все чувствительно, эффектно, благородно,—но оно совсѣмъ не по-моему, совсѣмъ не по-русски.

— Да, да, — шепталъ Купянцовъ,—манерно, театрально, — французятина.

— Не правда ли?—По нашему тутъ нужно кончить романъ и пойти своей дорогой. У французовъ совсѣмъ другой складъ ума и понятій: по-ихнему это хорошо, а по нашему просто пошлость. Я не могла этого объяснить madame S., боялась ее обидѣть, сказала только, что мы русскіе, не маркизы, и не буржуа, а простые, даже грубые люди. Поддержать-то меня было некому. Вѣдь вы бы меня поддержали, Иванъ Дмитричъ?

— Еще бы нѣтъ!—Да что я?—Тутъ бы пустить Рудковскаго, или вашего брата, — вотъ они бы разработали этотъ сюжетецъ, да кстати и вамъ ручки бы расцѣловали...

— Ну, ну, слишкомъ нѣжно! — Итакъ, это дѣло рѣшеное— съ Агатой я больше не увижусь. Слушайте дальше; является другой вопросъ. Послѣднія порученія и просьбы Алёши для меня обязательны, — это духовное завѣщаніе,—а онъ требовалъ, чтобы я непремѣнно увѣдомляла его обо всемъ, что узнаю про Агату,— онъ какъ-то особенно на этомъ настаивалъ. Ну вотъ теперь какъ же—написать ему, или нѣтъ?

— Разумѣется, написать.

— Написать?

— Безъ сомнѣнія!—онъ не изъ тѣхъ, что́ боятся истины — хоть и самой горькой.

— А я не напишу.

Алёнушка рѣзко встала и начала ходить по комнатѣ; ея слова уже не адресовались къ Купянцову, она говорила вслухъ для себя, будто повѣряя собственныя мысли.

— Мнѣ живо представляется его обстановка... «Въ странѣ мятелей и снѣговъ...» Уфъ!—намъ съ вами хорошо тутъ, какой ни на есть комфортъ, интересы, удовольствія—да и то мы подъ часъ раскисаемъ. Онъ пишетъ, что «бодръ и здоровъ», а отчего? — можетъ быть оттого, только оттого, что впереди свѣтятся два-три свѣтлыхъ огонька... И ради какой-то школьнической правды я пойду и задую одинъ изъ этихъ огоньковъ... Нѣтъ, это нечеловѣчески-жестоко,—это все равно, что я бы написала Морицу: милый другъ, я полюбила другого, будьте счастливы...

— Ну, а еслибъ на грѣхъ въ самомъ дѣлѣ полюбили? — нетвердымъ голосомъ выговорилъ Купянцовъ.

Digitized by Google

— Прежде всего—это невозможно; поймите хорошенько: не-воз-мож-но...

— Однако-жъ бываетъ...

— Никогда не бываетъ! — У дрянныхъ людей можетъ быть всякая нелѣпость, такъ на то же они и дрянные люди. Ужъ по-моему коли любить, такъ любить, чтобы не только я сама, но и другіе уважали мою любовь, какъ дѣло серьёзное. А то, помилуйте, — не гнусно ли дурачиться, когда этимъ дурачествомъ вы губите и безъ того уже загубленное существованіе, обкрадываете нищаго, плюете на умирающаго!.. Нѣтъ, это каннибальская забава, а не любовь...

— А помнится, мой братъ Андрюша самъ исповѣдывалъ свободу сердечныхъ отношеній...

— Неправда, неправда! онъ не то говорилъ, — вспыхнула Алёнушка. По его — свобода предполагаетъ равные шансы... А развѣ наши шансы равны? — Да если я напишу ему эти два слова: «будьте счастливы»,—вѣдь это будетъ такая злѣйшая насмѣшка, какой еще ни одинъ палачъ не выдумалъ... Будьте счастливы!—гмъ!

— Да я не противъ этого спорю, — уступилъ Купянцовъ; я только противъ самозакланія, противъ насильственныхъ жертвъ, противъ всякихъ сладкихъ обмановъ... Говоря эти слова, онъ глубоко чувствовалъ, что лжетъ, что говоритъ противъ самого себя.

— Э, да мы съ вами никогда другъ друга не поймемъ, если будемъ говорить экивоками!—Вы должны знать, что Андрюшу я люблю и не могу себѣ представить, какъ это я вдругъ разлюблю его... вотъ и все! — Наши женщины были бы больше достойны уваженія, еслибы отдавали свою любовь хорошимъ людямъ, а не праздным шалопаямъ, или ловкимъ кавалерамъ, или кому-нибудь еще похуже... Однако нашъ разговоръ ушелъ Богъ знаетъ куда; вѣдь рѣчь вовсе не обо мнѣ. Довольно!

Во время этого запальчиваго разговора Алёнушка все ходила, не глядѣла на Купянцова; часто поправляя волосы, она ихъ совсѣмъ сбила; лицо ея горѣло, губы дрожали.

Купянцовъ окончательно поникъ. Случайный урокъ былъ слишкомъ внушителенъ; ему хотѣлось упасть на колѣни и просить прощенья у разгнѣваннаго друга, — и все-таки онъ любилъ ее, онъ чувствовалъ свое глубокое несчастье...

— За кого же Косолапова выходитъ?—и вообще, что это за бракъ?

— Я не спросила даже; да развѣ это не все равно!—Сегодня Léontine ѣздила туда, потомъ какая-то ихъ dame de com-

Digitized by Google

pagnie была здѣсь, — значитъ, секретовъ ужъ нѣтъ. Разсказываютъ, что это какой-то давнишній усердный искатель. Отецъ ея не соглашался, но вотъ уже полгода, какъ его разбилъ параличъ; маменька взяла бразды правленія и все уладила. Агата согласилась, но любви тутъ нѣтъ.

— На что-жъ ей это замужство? Экій нелѣпый складъ жизни-то у насъ, куда ни посмотришь! — Сознаюсь, Елена Петровна, я глупость сморозилъ: что́ возставать противъ честныхъ жертвъ, когда вокругъ насъ сплошь да рядомъ все жертвы — если не безчестныя, то неразумныя, дикія!

— Она, можетъ быть, имѣетъ свои резоны, кто ее знаетъ! — медленно и вдумчиво проговорила Алёнушка. — Разумѣется, я не такъ бы поступила, — ну, да вѣдь чужая душа потёмки... Мнѣ хотѣлось бы ее оправдать, — право, она такая симпатичная... и навѣрное несчастна... Ни за что не напишу ему, ни за что!

Съ этого памятнаго вечера отношенія нашихъ друзей, хотя не измѣнились радикально, но стали болѣе сдержанны, осмотрительны. — Бо́льшая доля осторожности замѣчалась впрочемъ со стороны Купянцова — онъ и бывалъ у Алёнушки рѣже и избѣгалъ разговоровъ, признанныхъ цѣлымъ свѣтомъ опасными для юныхъ сердецъ; а прямодушная сестра Алексѣя шла своей ровной дорожкой, будто ничего не замѣчая, и попрежнему цѣлуя своего добраго Ивана Дмитріевича въ голову за маленькія услуги, въ родѣ коробки конфектъ или билета въ театръ. На одно только она наложила строгій запретъ — на свою переписку съ Морицемъ, — это была ея «святая святыхъ», — она стала даже умалчивать о томъ, когда почтальонъ приносилъ ей завѣтное письмецо и когда она писала какому-то миѳическому господину Шабашенкѣ. Эта переписка, несмотря на извѣстныя намъ недоразумѣнія и недомолвки, радовала дѣвушку; она ясно видѣла, что любима, «а всѣ недоразумѣнія объяснятся при свиданіи — и даже покажутся смѣшными глупостями, надъ которыми мы вдвоемъ вдоволь нахохочемся».

Но съ того дня, какъ раздались на Дунаѣ пушечные выстрѣлы и письма Морица приняли тонъ походныхъ мемуаровъ, Алёнушка совсѣмъ закручинилась. Выраженіе Андрюши «опять до лучшихъ дней» стоило ей горькихъ слезъ и безсонныхъ ночей. Послѣдующія письма она уже отдавала прямо въ руки Купянцову, какъ извѣстія, имѣющія общій интересъ, а не жгучія страницы, полныя намековъ никому непонятныхъ, писанныя только для нея одной, для его маленькой Алёнушки...

Digitized by Google

VI.

Дѣла начались на Дунаѣ съ октября. По всѣмъ дорогамъ къ нашей южной границѣ потянулись походныя колонны войскъ, артиллерійскіе парки, тяжелые транспорты боевыхъ снарядовъ, летѣли курьеры и шныряли провіантскіе чиновники; задвигались всѣ колеса громаднаго военнаго механизма, въ исправности котораго тогда не было никакого сомнѣнія.

Петербургская молодежь покидала свое блестящее иногда положеніе, облекалась въ военное пальто изъ солдатскаго сукна— бывшее тогда модною новинкой, — и поспѣшно отправлялась въ южную армію, напутствуемая благословеніями и громкими пожеланіями —

Добрый путь вамъ за Балканы,
До Царьграда добрый путь!

Эту тему воспѣвали на разные лады тогдашніе стихотворцы и стихотворицы. Настроеніе было самое счастливое; походная возбужденность достигла своего апогея въ давно-знакомыхъ нашимъ войскамъ придунайскихъ княжествахъ, гдѣ—особливо въ Букарестѣ— жизнь была развеселая; русское золото сыпалось въ изобиліи.

Бываютъ моменты во внутренней жизни націй, когда сторонниками войны становятся люди всѣхъ оттѣнковъ; одни въ чаяніи заглушить внѣшнимъ шумомъ тоску безсильнаго недовольства, другіе—самодовольное большинство — въ счастливой увѣренности, что основы ихъ жизни въ предстоящей борьбѣ оправдаютъ свою вѣковѣчность. Тогда о ближайшихъ внѣшнихъ поводахъ международной распри почти никто не думаетъ, — притомъ они всегда слишкомъ сложны, неосязаемы, обставлены дипломатическими соображеніями, совершенно непонятными для массъ, которымъ нужно знамя съ какимъ нибудь самымъ простымъ лаконическимъ девизомъ. Запутанныя перепетіи восточнаго вопроса едвали были доступны для всенароднаго разумѣнія. Да и зачѣмъ намъ были эти тонкости— совсѣмъ не въ нихъ заключалось дѣло! — Для большинства было совершенно ясно одно — «намъ нечего больше дѣлать, какъ помѣряться силами съ тѣми, кто противъ насъ...» Таково было сознаніе массы, и нужно признаться, что въ этомъ инстиктивномъ сознаніи лежалъ глубокій смыслъ...

Однако въ первыхъ, нѣсколько значительныхъ дѣлахъ, служившихъ какъ-бы прелюдіей къ большой героической симфоніи, уже промелькивала какая-то неспѣтость, оплошность. Въ одномъ

Digitized by Google

пунктѣ полки одѣлись словно на парадъ, застегнулись на всѣ крючки и пуговки, и правильно маневрируя, зашли въ болотную топь; въ другомъ—части войскъ оказались разобщенными и слишкомъ выдвинутыми отъ резервовъ; въ третьемъ, на оборотъ, не рискнули выдвинуться и дали непріятелю возможность укрѣпиться въ сильной позиціи. Вездѣ обнаруживалось, съ одной стороны, какое-то недоразумѣніе, ненаходчивость, застарѣлая привычка ходить на помочахъ,—а съ другой — боязнь отвѣтственности, сбивчивость общаго плана дѣйствій, запуганная мнительность. Общественное мнѣніе раздражалось неудачами, хоть мелкими, но совсѣмъ нежданными, и вознаграждало себя восторженнымъ поклоненіемъ передъ частными проявленіями личной храбрости и мужества русскаго солдата — этого удивительно-простого и сильнаго человѣка, но отнюдь не риторическаго героя...

Извѣстіе о блистательной переправѣ нашихъ войскъ за Дунай радостно разнеслось по Россіи, какъ счастливое начало новаго поворота войны; всѣ съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ждали энергическихъ движеній, быстрыхъ успѣховъ нашего оружія, но прошло полтора мѣсяца, пока русскія войска, медленно подвигаясь по зеленымъ равнинамъ мирнаго болгарскаго народа, успѣли подойти къ Силистріи.

Въ траншеяхъ подъ Силистріей мы встрѣчаемъ опять нашего пріятеля Андрюшу Морица.

Вѣчный энтузіастъ, онъ теперь, послѣ унылыхъ безконечныхъ мѣсяцевъ, проведенныхъ на постройкѣ плотовъ, попалъ въ самую кипучую дѣятельность и былъ совершенно счастливъ. Еще прежде, при наводкѣ плавучаго моста въ Браиловѣ, онъ столкнулся съ однимъ своимъ школьнымъ товарищемъ, инженеромъ, добрѣйшимъ и серьёзнымъ нѣмцомъ Германомъ Христіанычемъ. Встрѣча ихъ была самая теплая, дружеская, и Морицъ, по настойчивому ходатайству стараго товарища и связямъ его въ главномъ штабѣ, былъ зачисленъ на службу въ инженерный паркъ, назначенный вести осадныя работы подъ Силистріей. Съ этимъ добрымъ человѣкомъ Морицъ жилъ теперь въ одной палаткѣ, припоминалъ школьныя тетрадки фортификаціи, что-то чертилъ, записывалъ, бѣгалъ по траншеямъ, разводилъ людей на работы и вообще имѣлъ видъ человѣка серьёзно озабоченнаго и душею преданнаго своему дѣлу.

Главный начальникъ осадныхъ работъ, маститый старецъ Шильдеръ замѣтилъ Морица. Онъ самъ былъ энтузіастъ весьма оригинальный и личность замѣчательная во многихъ отношеніяхъ. Передъ самой войной перейдя изъ лютеранства въ православіе, онъ явился въ армію, какъ человѣкъ облеченный таинственною

Digitized by Google

миссіей; говорилъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, что все дѣлается не такъ какъ слѣдуетъ, что онъ одинъ обладаетъ тайною несомнѣннаго успѣха и что эту тайну сообщилъ ему изъ-за гроба покойный императоръ Александръ Павловичъ... Его восторженный мистицизмъ, смѣлая рѣчь, ничѣмъ не стѣснявшаяся, когда онъ принимался обличать прямо въ глаза неспособность и негодность чью-бы то ни было—даже самыхъ крупныхъ лицъ военной іерархіи,—все это невольно приковывало къ нему общее вниманіе, выдѣляло его изъ толпы заурядныхъ, одноформенныхъ посредственностей. Посторонній наблюдатель принялъ бы его за полупомѣшаннаго старика, но въ этой, конечно, ненормальной головѣ кипѣла какая-то своеобразная работа и порой вспыхивали проблески свѣтлыхъ, почти геніальныхъ соображеній. Насколько онъ былъ полезенъ дѣлу—это другой вопросъ, котораго касаться мы не будемъ. Замѣтимъ еще, что этотъ военный чудакъ не только обладалъ личною храбростью — это опредѣленіе было бы слабо и неточно — онъ совсѣмъ былъ лишенъ даже инстинкта самосохраненія. Когда онъ впослѣдствіи былъ раненъ осколкомъ гранаты въ ногу, то передъ ампутаціей особенно заботился и просилъ хирурга непремѣнно отыскать кстати въ ногѣ турецкую пулю, которая сидѣла тамъ съ 1828 года; какъ будто вся цѣль ампутаціи заключалась въ томъ, чтобы ему увидѣть эту интересную штучку...

Его высокая сѣдовласая фигура, часто въ одной бѣлой рубахѣ, съ костылемъ въ рукѣ, появлявшаяся въ самыхъ опасныхъ пунктахъ, пользовалась большою популярностью и наивною, дѣтскою любовью нашихъ солдатиковъ.

— Смотри, смотри, старикъ-то нашъ безъ шапки выскочилъ, бѣдовый!

— Ему нипочемъ!—Надысь, сказываютъ, этакъ-же вышелъ приказанье отдавать, а *онъ* [1]) возьми и зачасти пальбу, тра-та-та-та, и пошло!—ровно чему обрадовался.—Обнаковенно за пальбой словъ-то и не слыхать; нашъ старикъ не стерпѣлъ, слышь, высунулся по поясъ и давай кричать: «Ахъ вы таки-сяки турки поганые, — цыцъ, молчать!» — да по-нашему ихъ, по-нашему... здóрово ругается!—да еще костылемъ грозитъ. — Такъ, братецъ ты мой, сказываютъ, чтó смѣху было—и Боже мой!

— Эва!—и ничево не робѣетъ?

— Ему что!—его не зацѣпитъ!—потому, можетъ онъ *слово* знаетъ.

---

[1]) Непріятеля солдаты называютъ всегда—*онъ*.

Digitized by Google

— Да ужъ не безъ того.

Такіе толки ходили промежъ солдатъ въ траншейныхъ канавкахъ.

Впечатлительный Андрюша влюбился въ эксцентричную фигуру стараго генерала; всѣ его чудачества, его прямодушная бранчивость и незнаніе опасностей принимали въ глазахъ молодого человѣка поэтическій оттѣнокъ. Онъ даже невольно усвоилъ себѣ нѣкоторыя его особенности: напримѣръ, Морицъ, бродя за Шильдеромъ всюду и иногда безъ всякой нужды (вдругъ старику пришла фантазія отыскивать слѣды траншей, которыя онъ велъ еще въ 1828-мъ году...), подвергалъ себя опасности даромъ, что́ называется обтерпѣлся и потомъ ребячески франтилъ своимъ молодечествомъ.

Ежедневно являлись въ траншеи изъ главной квартиры очередные адъютанты и ординарцы для доставленія свѣдѣній, а главнымъ образомъ, кажется, для того, чтобы дать блестящимъ молодымъ людямъ случай отличиться. Между ними Морицъ встрѣтилъ двухъ-трехъ старыхъ петербургскихъ знакомыхъ; они казались обрадованными встрѣчей съ человѣкомъ, котораго считали совсѣмъ погибшимъ; съ участіемъ разспрашивали, какъ онъ обрѣтается, приглашали къ себѣ; но случалось, что иной предлагалъ услуги — не нужно ли что-нибудь, мы дескать кое-что можемъ по части наградъ и повышеній... Морицъ вспыхивалъ, намекалъ, что онъ солдатъ, и считаетъ подлостью отнять у солдата егорьевскій крестикъ, какъ дѣлаютъ это многіе состоящіе при штабахъ юнкера, развѣ сама рота ему присудитъ. Послѣ этой вспышки, онъ тутъ же ощущалъ потребность дать понять, что онъ вовсе не послѣдняя спица въ колесницѣ, и старался оказать гостю радушное гостепріимство въ Шильдеровскомъ вкусѣ.

— Не хотите ли, я проведу васъ на правый флангъ?—Ближе всего мы подошли къ Змѣиному [1]). Это интересно; пойдемте! — Я всѣ закоулки знаю и покажу вамъ отлично; все дѣло поймете. И онъ тащилъ за собой пріятеля, которому подобное угощеніе было совсѣмъ не по нутру, а отказаться ужасно неловко.

— Вотъ тутъ осторожнѣе, — предостерегалъ онъ, шагая по лабиринту земляныхъ ходовъ. — Это самое подлое мѣсто,— штуцерники крѣпко донимаютъ.—Ну-съ, а здѣсь вотъ ничего,—перебѣжимъ прямо виноградниками.

— Зачѣмъ же?—вправо можно по балочкѣ.

---

[1]) Змѣиное и Арабское — названія передовыхъ фортовъ Силистріи.

Digitized by Google

— Такъ будетъ ближе. Не бойтесь!—За мной!—Пригнитесь немного.

Иногда Морицъ просто школьничалъ и потомъ отъ души хохоталъ, оставшись вдвоемъ съ своимъ серьёзнымъ Германомъ Христіанычемъ, который совсѣмъ не одобрялъ подобныхъ шутокъ.

Нагулявшись вдоволь по ложементамъ и баттареямъ, Морицъ предлагалъ гостю отлично-удобный и покойный ночлегъ въ углу своей палатки. Палатки Шильдера и его инженеровъ были разбиты близехонько за боевой линіей; шальныя пули залетали туда безпрестанно.

— Однако у васъ тутъ того — заснешь, да пожалуй и совсѣмъ не проснешься... замѣчалъ гость, прислушиваясь къ жалобному и ехидному визжанью пуль — точно вокругъ палатки громадные комары жужжатъ.

— Это пустяки!—когда пуля такъ звенитъ, значитъ ужъ на излетѣ; прорветъ шинель и больше ничего. Выпейте стаканчикъ вина и засните.—Извините, вино-то у насъ скверное; вамъ, чай, изъ Калараша привозятъ, а мы чѣмъ попало пробавляемся. Неугодно ли?—Ну, теперь покойной ночи, а я еще сбѣгаю,—ночью будемъ прорѣзывать амбразуры въ новенькой батарейкѣ; турки этого смерть не любятъ. — Туда ужъ я васъ не поведу. — Bonne nuit!

И вооружась своимъ собственнымъ (т.-е. не казеннымъ) карабиномъ, онъ весело убѣгалъ, точно на охоту.

VII.

Удосужился и Морицъ побывать въ главномъ лагерѣ у своихъ штабныхъ знакомыхъ. Тутъ жизнь текла шумно и весело, обставленная нѣкоторыми удобствами, не то что въ траншеяхъ.

Строевые офицеры всегда съ предубѣжденіемъ «взираютъ» на молодежь, состоящую при разныхъ штабахъ, а въ особенности при главной квартирѣ. Инымъ кажется, что это все люди властные, страшно-серьёзные, посвященные во всѣ планы и намѣренія главнокомандующаго,—и бѣдный фронтовой офицеръ долженъ передъ ними держаться всегда нѣсколько на-вытяжку. Другіе убѣждены, что это пустые франтики, бѣлоручки и даже авантюристы, съѣхавшіеся на ловлю отличій,—послѣднихъ армейскіе зоилы въ то время прозвали баши-бузуками... Попадаются, конечно, всякіе, но большинство штабной молодежи подъ Силистріей отличалось совсѣмъ другими качествами; во-первыхъ, это были

Digitized by Google

прежде всего милые, славные ребята и отличные товарищи. Въ походной палаткѣ, за стаканомъ вина легко забывается разница общественныхъ положеній; любимцемъ кружка становится не тотъ, кто знатнѣе и богаче, а кто даровитѣе, оригинальнѣе, у кого больше душа на распашку; товарищеская бесѣда оживляется бойкою шуткой, заразительнымъ смѣхомъ, острымъ куплетомъ. Морицъ давно уже не бывалъ въ такой большой веселой компаніи, онъ чувствовалъ себя какъ-то хорошо, свободно въ ихъ нецеремонномъ кругу — и передъ ихъ радушіемъ ему было немного совѣстно вспомнить, какъ онъ съ нѣкоторыми школьничалъ въ траншеяхъ.

— Ну что вашъ Шильдеръ, — спрашивали его, — все ругается?

Морицъ улыбнулся; ему ужасно неловко было отвѣчать на этотъ неловкій вопросъ. Онъ попробовалъ-было серьёзно вступиться за своего старика, но ему отвѣчали шутками.

— Видите ли господа, онъ явился на дѣло не такъ, какъ многіе, то-есть, руку подъ козырекъ и «что прикажете?» — Онъ принесъ кое-какія знанія, опытность...

— И сумасбродство.

— Коли хотите, да, и сумасбродство... но въ военномъ дѣлѣ сумасбродство—шансъ успѣха... наудачу хватилъ Морицъ.

— Браво!—совершенно вѣрная мысль! — подхватили многіе.

— Да, господа, это чортъ знаетъ что! — Мы кажется придаемъ слишкомъ много важности этимъ дуракамъ-туркамъ.— Помилуйте, столько времени возиться около передовыхъ укрѣпленій!—Mais il faudrait tenter à l'assaut... Вѣдь это «Арабское», — ce n'est qu'un mauvais bicoque—et rien de plus!

— Ужъ это, господа, ваше дѣло—à l'assaut, — промолвилъ Морицъ, закусивъ усъ. — Мы какъ кроты, скромно роемся въ землѣ, а затѣмъ—какъ вы прикажете...

— Мы прикажемъ вамъ выпить съ нами еще по стаканчику, за ваши будущіе эполеты, — шутливо перебилъ хозяинъ палатки; это дѣльнѣе, чѣмъ разсуждать о томъ, кабы бабушка была дѣдушкой, то что́ бы вышло изъ такой оказіи...

Шутка однако не вызвала смѣха. — Всѣ подняли стаканы, поздравляя Морица съ давно-заслуженной наградой, которую ждали каждый день. Кто-то затянулъ:

En Angleterre
Nous irons,
Chercher la guerre,
Tirer du canon...

Digitized by Google

И пошла круговая...

Подъ вечеръ, простившись съ веселою компаніей, Морицъ отправился во-свояси. Онъ шелъ пѣшкомъ и дорогой, по старой привычкѣ, перебиралъ впечатлѣнія дня. Какъ человѣку свѣжему, попавшему случайно въ незнакомый мірокъ, ему рѣзко бросились въ глаза нѣкоторыя характерныя особенности этого мірка. Всего страннѣе показалось ему, что тутъ почти не говорятъ о дѣлахъ серьёзно и меньше всего знаютъ о планахъ и предположеніяхъ въ будущемъ; это ихъ какъ будто вовсе и не интересуетъ. А въ промежуткахъ шумной веселости прорываются нотки затаеннаго, темнаго недовольства, нетерпѣнія и легкой насмѣшливости. Какъ будто у всѣхъ на сердцѣ лежитъ что-то тяжелое и печально-покорное... Это—томительное чувство людей, собравшихся сгоряча дѣлать дѣло и мало-по-малу открывшихъ, что дѣло не дѣлается, а чѣмъ помочь ему—никто не знаетъ; они пришли съ пустыми руками... Исполнительность да личная отвага—и больше не могутъ они ничего принести общему дѣлу; а молодыя силы рвутся на просторъ, хочется подвиговъ, славы...

Незамѣтно подчиняясь уже непроизвольному теченію возбужденной мысли, Морицъ наталкивался на выводы неожиданные, на обобщенія слишкомъ широкія.—«Видно ужъ всегда и во всемъ такъ,—думалось ему,—все, что молодо, полно силъ и отваги,—обречено мучиться бездѣйствіемъ... Молчи, жди и не порывайся,—главное не порывайся!—И къ чему ведутъ эти безплодныя, вымученныя порыванья?—Да, за нихъ всегда приходится слишкомъ дорого расплачиваться, слишкомъ дорого!...» И вдругъ передъ нимъ пронеслись знакомые призраки блѣдныхъ лицъ другой, уже давно-расплатившейся молодежи...

— Какъ это нелѣпо, какъ это дико! — вырвалось у Морица вслухъ. — А вѣдь, право, тутъ много аналогіи...

Онъ горько усмѣхнулся.

Идти ему было далеко, дорога неровная, безпрестанно приходилось спускаться въ ямы, подниматься на пригорки, поросшіе кустарникомъ. Сумерки быстро, незамѣтно смѣнились тихою, звѣздною ночью. Онъ присѣлъ отдохнуть, закурилъ папироску и вспомнилъ, что сегодня ему удалось пристроить толстый пакетъ для отправки въ Петербургъ съ курьеромъ, отъѣзжающимъ въ эту ночь. Пакетъ былъ къ Алёнушкѣ;—Андрюша посылалъ ей свой дневникъ, набросанный кое-какъ карандашемъ, и поздравлялъ ее съ имянинами.— «Сегодня у насъ 16-е мая, — нѣтъ, къ 21-му она еще не получитъ,— жаль! Мы теперь такъ рѣдко переписываемся... еще подумаетъ, что я ее забылъ тутъ... А въ самомъ

Digitized by Google

дѣлѣ, вѣдь не такъ часто объ ней думаю, какъ прежде!.. Объ Шильдерѣ чаще думаю... вотъ оно какое дѣло, всего тебя поглощаетъ... Ахъ, когда же все это кончится!—Счастливый народъ эти господа, которыхъ курьерами посылаютъ!—Если-бъ меня посылали курьеромъ, съ тѣмъ чтобы въ Петербургѣ остаться всего одинъ часъ,—мало, а поѣхалъ бы?—Только бы взглянуть на нее, мою голубку!..»

Мысли Морица унесли его далеко отъ этой прекрасной южной ночи. — Одиночные выстрѣлы слышались изрѣдка, будто съ просонья,—привыкшее ухо и не замѣчало ихъ; кругомъ на всемъ лежалъ покой и миръ; ночныя тѣни затянули густою мглой и крѣпость, и лагерь, и всѣ аксессуары батальной картины; съ неба лилось такое кроткое, нѣжное сіяніе: казалось, и войны никакой ужъ нѣтъ, всѣ люди помирились и спокойно наслаждаются ласковой прохладой майской ночи,—точно сонъ хорошій снится...

Морицу опять припомнилось старое,—одинъ сонъ, преслѣдовавшій его много лѣтъ... Будто спитъ онъ въ сыромъ казематѣ, изнуренный, безнадежный; вдругъ надъ головой его раздаются громкіе голоса, онъ открываетъ глаза — вся тюрьма озарена яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, какіе-то добряки вокругъ него хохочутъ здоровымъ, ласковымъ смѣхомъ и объявляютъ, что все это ошибка, недоразумѣніе, — предлагаютъ ему идти на воздухъ, на свободу... Но это былъ только сонъ, глупый, обманчивый сонъ, а дѣйствительно, пробудясь, онъ слышалъ хриплый голосъ сторожа: «баринъ, ночникъ поправьте»... Потомъ и эта дѣйствительность стала сномъ; все прошло и только снится иногда такъ мучительно-ярко... Да вѣдь вотъ и Силистрія пройдетъ, тоже станетъ сномъ,—и я буду пересказывать этотъ сонъ моей Алёнушкѣ... А ну, какъ не пройдетъ?!...

— Однако, что это со мною сегодня?—очнулся Андрюша.—Какія-то все сумасбродныя, фантастическія бредни лѣзутъ въ голову... И все-то она, моя старая печаль просыпается, насильно вплетается въ каждую мысль, въ каждое впечатлѣніе...

Недалеко отъ него послышался мѣрный, тяжелый шагъ многихъ сотенъ ногъ; сѣрая масса пѣхоты двигалась на встрѣчу ему изъ траншей въ лагерь.

— Куда вы, братцы?

— Домой отпустили.—Ноньче знать *онъ* палить не станетъ,—старикъ не велѣлъ. — Отказано! — острили довольные голоса.

— «Ну, вотъ и отлично!»—подумалъ Морицъ.—«Приду, закачу спать до самаго солнца!»

Добравшись домой, онъ не нашелъ своего товарища въ палаткѣ.

Digitized by Google

Деньщикъ объяснилъ, что «ушли, должно, къ Арабскому, туда много господъ прошло». — Андрюша забылъ о намѣреніи хорошенько выспаться, и машинально набросивъ за спину карабинъ, пошелъ куда указалъ деньщикъ. Германъ Христіанычъ повстрѣчался съ нимъ на половинѣ дороги.

— Ты куда, Андрей?

— Шелъ провѣдать, гдѣ ты.—Что это у насъ сегодня больно тихо,—ужъ не затѣвается ли что-нибудь?

— Это все *глюпости*, фанфаронада! — Пойдемъ домой спать. Въ голосѣ добраго нѣмца отзывалась суровая досада.

— Э, нѣтъ—спать не пойду!—Ты не такъ говоришь, чтобы спать идти...

— Повторяю тебѣ — глюпости, невозможнѣйшія фантазіи... Слава Богу, что изъ этого ничего не можетъ произойти: тамъ теперь собрались люди опытные, не допустятъ.

— Да что такое?

Онъ разсказалъ, что кто-то изъ молодыхъ людей, присланныхъ отъ главной квартиры, подалъ мысль внезапно овладѣть Арабскимъ укрѣпленіемъ, на томъ основаніи, что оно давно уже молчитъ и, вѣроятно, оставлено турками.

— Но я не хочу, чтобы и ты раздѣлялъ *этихъ* глюпостей, строго сказалъ нѣмецъ. — Пойдемъ спать.

— Ага, такъ вотъ оно что!—Un bicoque... bicoque!—насмѣшливо повторялъ Морицъ. Свѣжія впечатлѣнія недавней бесѣды закипѣли въ головѣ его, они видимо подтверждались. Да, это оно, оно, — то самое... непремѣнно такъ и быть должно, — подумалъ Морицъ.

— Знаешь что, Германъ, я пойду посмотрю...

— Вздоръ!—Ты не пойдешь, и смотрѣть тамъ нечего.

— Я сейчасъ, — я ворочусь, — такъ, черезъ полчасика ворочусь...

— Не хотѣлъ бы я тебя пускать... вѣдь я могу приказать...

— Какой ты чудакъ! — Самъ же говоришь, что ничего не будетъ...

— Да, но... ты скоро придешь, даешь честное слово?

— Честное слово! ха, ха... Чтожъ мнѣ тамъ долго-то дѣлать?—Вѣдь я нижній чинъ—моего мнѣнія не спросятъ... а оно любопытно... Такъ до свиданья, дружище!

И легкой походкой Морицъ почти побѣжалъ впередъ.

Собесѣдникъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и громко повторилъ: — Помни же, Андрей Николаичъ, честное слово! — Но тотъ уже скрылся на поворотѣ траншеи.

Digitized by Google

Придя къ себѣ въ палатку, Германъ Христіанычъ флегматически проглотилъ рюмку коньяку и растянулся на буркѣ. Прошло добрыхъ полчаса, Морицъ не возвращался; нѣмецъ выпилъ вторую рюмку, поворчалъ и заснулъ.

Передъ разсвѣтомъ по всей линіи осадныхъ работъ уже кипѣла жестокая перепалка. На Арабскомъ слышно было «ура», но ружейная трескотня и безпрерывный грохотъ батарей все покрыли. Адъютанты и ординарцы скакали сломя голову узнать, что случилось: предполагали всѣ, что турки сдѣлали вылазку, но въ общей суматохѣ ничего опредѣлительнаго узнать было нельзя, даже разспросить некого. Резервы, отпущенные на ночь, бѣгомъ бѣжали впередъ на выручку, но было уже поздно... Храбрецы, вскочившіе въ Арабское, большею частію пали, за ними кинулись другіе,—но дѣло было уже проиграно; всѣ командиры атакующихъ частей перебиты; — гдѣ-то рожокъ протрубилъ сигналъ къ отступленію;—артиллерійскій огонь сталъ еще ожесточеннѣе,— и скоро изъ густого дыма вереницы закоптѣлыхъ и изувѣченныхъ людей потянулись въ разбродъ къ перевязочному пункту. Товарищи выносили раненыхъ, — кого вели подъ руки, кто стоналъ, а кто и стонать уже не могъ; легко раненые съ плачемъ разсказывали: «Эхъ, кабы подмогу дали!—вѣдь я на его пушкѣ сидѣлъ!—Охъ, братцы, смерть моя!—Подсоби родимый, не могу идти-то. — Кабы лезерфы подскочили, а то что-жъ, — наша рота обезсилѣла совсѣмъ»... И на лицахъ, испятнанныхъ кровью и грязью, ощущеніе физическихъ страданій страннымъ образомъ смѣшивалось съ выраженіемъ незлобивой покорной жалобы на горькую неудачу.—«Эхъ, кабы лезерфы!»

Ночь съ 16-го на 17-е мая памятна всѣмъ бывшимъ подъ Силистріей.—Долго доискивались, кто виноватъ въ этомъ неразсчитанномъ дѣлѣ, самовольномъ, невходившемъ ни въ чьи соображенія, но смѣлыя, благородныя головы, бывшія впереди, искупили свою отвагу смертью и тяжелыми ранами. А если читатель вдумается внимательно въ наши страницы, то вѣрно скажетъ: да на что тутъ и виноватые! Такое дѣло было неизбѣжно, необходимо, какъ взрывъ горючихъ газовъ въ спертомъ погребѣ,—нужна только маленькая искра... Не имѣй оно этого смысла, мы и не упомянули-бы о немъ въ нашемъ повѣствованіи, совершенно чуждомъ какой-бы то ни было инкриминаціи личностей...

Германъ прибѣжалъ въ траншеи, когда рукопашная свалка въ Арабскомъ уже прекратилась. Морица онъ не нашелъ: — «Не могимъ знать, кажись туда побѣжали», отвѣчали ему

Digitized by Google

знакомые саперы. Онъ останавливалъ пѣхотинцевъ, возвращавшихся со штурма, но эти ему даже и не отвѣчали, а оглядѣвъ его оторопѣлымъ взглядомъ и махнувъ рукой, бѣжали сами незная куда. Имъ, обезумѣвшимъ отъ бойни, вѣрно показался сумасшедшимъ этотъ господинъ, пристающій съ пунктуальными разспросами о комъ-то, въ такую минуту, когда человѣкъ еще неясно сознаетъ, цѣла-ли его собственная кожа.

— Ахъ, я дуракъ, дуракъ!—сокрушался Германъ.—Но можетъ быть онъ гдѣ-нибудь тутъ бѣгаетъ, этотъ сумасшедшій!

Идетъ онъ дальше, видитъ — солдатъ, весь оборванный, безъ ружья, съ одною перевязью, соскочилъ въ траншею и потомъ потянулъ съ бруствера что-то тяжелое, сѣрое; оно грузно скатилось съ насыпи. Германъ Христіанычъ разсѣянно глядѣлъ, какъ солдатъ бережно положилъ къ сторонкѣ убитаго товарища и долго заботливо разсматривалъ его сапоги, бѣлье, — какъ будто онъ что-то соображалъ, озирался и боролся съ какимъ-то искушеніемъ, отвратительнымъ для него самого...

— Это мой Морицъ!—вырвалось изъ груди Германа.

— Не могу знать, ваше благородіе. Надо быть, что изъ господъ, потому сорочка на ихъ тонкая, сапоги тоже вонъ... золотое колечко на пальцѣ... Эхъ ты, Боже мой!...

Солдатъ говорилъ это съ кроткою жалостью и вздохнулъ облегчительно, словно вмѣшательство офицера было для него самымъ желаннымъ благодѣяніемъ...

— Гдѣ ты его поднялъ?

— Мы все вмѣстѣ съ ими шли, какъ есть рядомъ. Они и сказываютъ: «Смотри, братецъ, коли что, чуръ не покидать; либо ты, либо я — другъ дружку выноси».—Вижу, что изъ господъ, говорю: на насъ съ вами хрестъ-то одинъ, ваше благородіе, въ этомъ вы не сумнѣвайтесь. — Вскочили мы на самый валъ; ну, тутъ принялись жарить — страсть! — Гляжу баринъ споткнулся, еще шага три сдѣлалъ, да такъ и упалъ ничкомъ. Я сейчасъ на плечи и поволокъ: съ горы-то легко было. Думалъ, еще живой, анъ вотъ онъ... Ну все-же, ваше благородіе, лучше, потому, эти псы мертвыхъ до-чиста обдираютъ, головы отрѣзаютъ, надругаются всячески.

— Спасибо!—угрюмо промолвилъ Германъ, не сводя глазъ съ бѣднаго друга.—Снесемъ его ко мнѣ, тутъ недалеко.

Неся убитаго, солдатъ робко началъ вымаливать:

— Ваше благородіе, явите божескую милость,—я тамъ ружье обронилъ, какъ-бы мнѣ за это не попало... съ насъ это строго спрашивается, сами изволите знать.—Ужли-жъ я худо сдѣлалъ?—

Digitized by Google

А фитьфебель нешто повѣритъ!—Вы, ваше благородіе, защитите, али квитокъ какой пропишите, что такъ и такъ... За это, можетъ, награда полагается...

— Записку дамъ, не бойся.—Спасибо.

— Радъ стараться, ваше благородіе.

Трупъ положили у палатки. Смерть не обезобразила прекрасныя черты Морица; на губахъ алѣла струйка крови, да надъ лѣвой бровью маленькая ссадина. Едва нашли на груди ранку, пуля попала прямо въ сердце.

— Ты котораго полка?

— Шестой роты, Замосцкаго полка, ваше благородіе.

— А прозываешься?

— Яковъ Финогеновъ.

Германъ написалъ карандашемъ записку и далъ ему какую-то монету.

— Благодаримъ покорно.—А какъ будетъ ихъ фамилія, ваше благородіе?

— Морицъ, Андрей Николаичъ.

— Ну, упокой Господи!... Финогеновъ перекрестился.—Счастливо оставаться!

«Морицовъ, Морицовъ», — твердилъ нашъ старинный пріятель, Личарда. Онъ ушелъ, размышляя съ своей совершенно особенной точки зрѣнія о печальной катастрофѣ, въ которой привелось ему быть участникомъ, — что вотъ только одинъ Богъ спасаетъ человѣка—отъ смерти ли, или отъ чего другого—это все равно... Онъ былъ собою очень недоволенъ...

Около полудня надъ цитаделью Силистріи развѣвался бѣлый флагъ; объявлено было перемиріе для уборки убитыхъ и раненыхъ. Личарда помолился и, вмѣсто того чтобы идти въ лагерь отдыхать, повернулъ назадъ къ мѣсту ночного побоища. — Онъ съ набожнымъ усердіемъ принялся за переборку обезображенныхъ труповъ,—работу, требующую особенной крѣпости нервовъ, но онъ исполнялъ ее какъ очистительную эпитимью, въ которой нравственно нуждался бѣдный, старый Личарда...

Digitized by Google

IX.

Толстый пакетъ, который посчастливилось Морицу отправить съ курьеромъ, принесъ Алёнушкѣ такую радость, такое счастье, какого она давно ужъ не знавала.

— Что онъ тамъ пишетъ о своемъ Шильдерѣ, да о какихъ-то минахъ и параллеляхъ—это все вздоръ!—А вы вотъ что прочтите, Иванъ Дмитричъ, эту строчку—«на дняхъ жду приказа о моемъ производствѣ»... Какъ вы это находите?

— Ну, что-жъ, слава Богу!

— Эхъ вы — «слава Богу!» — передразнила Алёнушка. — Флегматикъ вы противный! — Да вѣдь тутъ вся наша будущность,—вы этого не понимаете?

— Какъ не понять,—понимаю.

— Ну, то-то же! — А знаете что? — я поѣду, я непремѣнно поѣду къ нему... и въ Турцію поѣду;—это можно?

— Въ Турцію нельзя. — Въ арміи женщинъ не полагается.

— Я переодѣнусь мальчикомъ.—Ха-ха-ха! — какая я сумасшедшая! — Да это ничего — онъ любитъ сумасшедшихъ... Вонъ Шильдера вѣдь какъ полюбилъ! — а тотъ загробную переписку ведетъ... Дайте, я васъ поцѣлую на радостяхъ!

И она мучила злополучнаго Купянцова.

Радость не долгая гостья—это сказалъ еще одинъ изъ первыхъ людей нашего столѣтія, знатокъ по части радостей, — многострадальный Гейне; — наступило тяжелое время: писемъ отъ Андрюши нѣтъ, нѣтъ даже никакой возможности узнать, что съ нимъ, почему не пишетъ... И въ такой-то мукѣ прошло два мѣсяца; бѣдная Алёнушка совсѣмъ истерзалась.—Изъ газетъ извѣстно, что наши войска оставили Силистрію, вышли изъ княжествъ, туча собирается надъ Севастополемъ, — гдѣ-жъ онъ можетъ быть? — Заболѣлъ?— Раненъ?—дальше этихъ предположеній Алёнушка не заходила.— Но все-таки, какже не написать ни строчки! — Можетъ быть въ плѣну?..

— Вотъ именно, именно, — утѣшалъ Купянцовъ. — Попалъ въ плѣнъ,—ну, какъ оттуда напишешь? —Вѣдь несчастье наше, что объ нижнихъ чинахъ въ нашихъ газетахъ не печатаютъ!

— Да вотъ и о производствѣ въ офицеры тоже нѣтъ въ газетахъ,—это почему?

— Ахъ вы, странная женщина!—да когда человѣкъ въ плѣну, какъ же его производить въ офицеры?

— А вы развѣ навѣрно знаете, что въ плѣну?

Digitized by Google

— Нѣтъ, я... то-есть, я не знаю... да вы сами же сказали.

— Неправда!—я ничего не говорила,—это вы сказали.

— И не думалъ!—а вотъ что: можетъ быть, онъ въ руку раненъ, въ правую — вотъ и нельзя писать-то; — физически невозможно.

— А физически невозможно продиктовать письмо, а? другой напишетъ,—что?

— Ну да, конечно, продиктовать можно... бормоталъ сбитый съ толку Иванъ Дмитричъ.—А вѣрнѣе въ плѣну.

— Ахъ, Господи! перестаньте лучше!—самъ ничего не знаетъ, и меня сбиваетъ съ толку... Васъ какъ будто забавляетъ мое горе! — Алёнушка принималась плакать.

Купянцовъ хорошо понималъ, что это молчаніе ничего добраго не предвѣщаетъ и ужъ не пробовалъ утѣшать ее.

Но положеніе его стало совершенно невыносимо, когда онъ получилъ письмо отъ тётки Морица и изъ него узналъ всю истину.

Съ Андрюшей онъ былъ друженъ съ дѣтства; ихъ родство скрѣпилось потомъ въ Петербургѣ сознательною юношескою привязанностью; они прожили вмѣстѣ лучшую, весеннюю пору жизни. Горе Купянцова усложнилось еще тяжелою обязанностью сообщить роковую вѣсть Алёнушкѣ. Онъ понималъ, сколько малодушнаго ребячества въ той комедіи, которую разыгрываютъ добрые люди, стараясь, какъ говорится, приготовить ближняго къ какому-нибудь роковому извѣстію, и также ясно понималъ, что съ такимъ характеромъ, какъ Алёнушка, подобная игра въ прятки была-бы оскорбительна и просто невозможна, — но, какъ натура слабая, лишенная смѣлой иниціативы, не зналъ, что ему дѣлать... Наконецъ, онъ вспомнилъ ея же мысль о безполезной жестокости тушить огоньки, которые свѣтятъ человѣку въ будущемъ,—рѣшился молчать, старательно обходить всѣ прямо поставленные вопросы на счетъ Андрюши — и домолчался до того, что наконецъ Алёнушка однажды прямо встрѣтила его словами: «Нашъ Андрюша убитъ... не говорите мнѣ ни слова, я знаю, — это такъ»...

Купянцовъ опустилъ голову, слезы катились по его щекамъ.

— Не плачьте, — видите, я не плачу... Этого нужно было ждать... Вѣдь онъ самъ ужъ давно прочелъ «отходную нашей мирной молодой семьѣ»... а мы, какъ ребятишки, все на что-то надѣялись,—жизни ждали...

Она долго сидѣла, опустивши голову на руки, поблекшая, безсильная, какъ скошенная травка...

— Но это ужъ слишкомъ! — вдругъ встрепенулась она съ

Digitized by Google

какою-то протестующей энергіей.—Иванъ Дмитричъ, идите домой,—оставьте меня одну... и не приходите ко мнѣ, долго не приходите... Я по городской почтѣ напишу вамъ, когда будетъ можно... Прощайте.

— Елена Петровна, надѣюсь, что мы будемъ благоразумны... вамъ еще есть для кого жить—у васъ братъ.

— Да, братъ... я знаю... за меня-то вы не бойтесь — вынослива!.. Только мнѣ нужно одной остаться, совсѣмъ одной... Исполните же мою просьбу, голубчикъ мой,—прощайте!

Купянцовъ самъ былъ радъ этой добровольной разлукѣ. Затаенная любовь его къ Алёнушкѣ могла бы, пожалуй, когда-нибудь обмолвиться неосторожнымъ словомъ, взглядомъ,— а теперь онъ этого пуще всего боялся. По его убѣжденіямъ смерть несчастнаго Андрюши положила между ними вѣчную, неодолимую преграду,—«чтобы ни случилось впереди, а ужъ я не заговорю съ нею о любви моей,—никогда, никогда!—потому что вѣдь это будетъ разговоръ о *его* могилѣ... И не будетъ ли вѣчно шептать мнѣ неотвязный голосъ: «А вѣдь ты все-таки скажи спасибо, что умеръ тотъ, *другой*, братъ твой».

Пока добрякъ Купянцовъ кропотливо перебиралъ свои сердечныя сомнѣнія, задыхался въ ихъ затхлой болѣзненной атмосферѣ, не могъ распутать маленькаго узелка своего личнаго счастія,—Алёнушка дѣлала дѣло...

Уже осенью, въ ноябрѣ онъ получилъ по городской почтѣ коротенькое приглашеніе придти къ Алёнушкѣ.

Въ ея уютномъ гнѣздышкѣ все отзывалось разореніемъ; — небольшой дорожный чемоданчикъ стоялъ уже совсѣмъ застегнутый; на письменномъ столѣ и на этажеркѣ пусто; разорванныя письма разбросаны по полу. Она сама въ дорожномъ платьѣ полулежитъ на диванѣ, положивъ голову на колѣни своей madame Léontine, которая ласковой рукой разглаживаетъ ея свѣтлорусые волосы, подобранные подъ какой-то бѣлый старушечій чепчикъ.

Озадаченный Купянцовъ поблѣднѣлъ, поцѣловалъ ей руки и послѣ долгаго молчанія едва нашелъ силы выговорить:

— Вы ѣдете... къ брату?

— Къ брату—нѣтъ, а къ братьямъ, мой милый Иванъ Дмитричъ,—поправила его Алёнушка.

— Я не понимаю...

— Въ Севастополь ѣду сегодня.—Пожелайте мнѣ силъ, здоровья,—впрочемъ, я молода и довольно сильна...

— Но какъ же это? — вы...

— Все та же безпокойная головушка, — развѣ не узнаете?—а

Digitized by Google

теперь, поздравьте: сестра Крестовоздвиженской общины. — Насъ сегодня отправляютъ; и то опоздали, — говорятъ, тамъ госпитали переполнены.

Бѣдняжка Купянцовъ совсѣмъ растерялся предъ этой безпокойной головкой. Онъ не находилъ нужныхъ словъ и какъ-то неловко, глуповато обратился къ madame S.

— Et vous, madame, vous nous quittez aussi?

— Je reste, monsieur, je reste — je suis Française... mais, après le 2 décembre j'ai brulée mes navires — съ галльскимъ задоромъ отвѣтила француженка. — Surtout on ne quitte pas facilement un pays, ou l'on trouve des amies, comme mon brave Alionouchka... и она осыпала поцѣлуями дорогую головку.

— Вотъ вамъ мой адресъ, Иванъ Дмитричъ, — пересылайте мнѣ письма Алёши, да и сами пишите. Не поминайте лихомъ; а будемъ живы — встрѣтимся какъ старые друзья...

Мы не пойдемъ вслѣдъ за Алёнушкой. Негромкіе подвиги горсти русскихъ женщинъ, вышедшихъ на дѣятельность дотолѣ новую, неподготовленную, даже встрѣченную недовѣріемъ и грубымъ непониманіемъ, — составляютъ одну изъ дорогихъ страницъ въ только-что начинающейся исторіи нашей женщины. Мы не коснемся тѣхъ еще теплыхъ слезъ, которыя видѣли русскія женщины на суровыхъ лицахъ бойцовъ, умиравшихъ на госпитальной койкѣ.

Не смѣемъ коснуться и той великой борьбы на небольшомъ клочкѣ земли вокругъ Севастополя, которая сама по себѣ составляетъ цѣлую эпопею... Перейдемъ прямо къ тому радостному дню, что вдругъ такъ ярко засверкалъ, разгоняя неповоротливыя тучи дыма, поднявшіяся надъ грудами севастопольскихъ развалинъ...

X.

Въ октябрѣ 1858 года, на бульварѣ одного изъ нашихъ большихъ торговыхъ городовъ, ежедневно около 4-хъ часовъ, встрѣчались два господина, какъ видно пріѣзжіе, возбуждавшіе любопытство туземцевъ.—Ходили они не съ безпечностью праздныхъ фланеровъ, а съ разсчитанною регулярностью дѣловыхъ людей, у которыхъ передобѣденная прогулка входитъ въ программу дневныхъ занятій; казалось, имъ некогда было восхищаться прелестными днями южной осени, они должны были отмѣ-

Digitized by Google

рять непремѣнно столько-то шаговъ въ минуту, — разумѣется, и разговоръ ихъ не могъ быть праздною болтовней.

— Ecoutez, mon cher Каширинов,—вы понимаете, что при моихъ дѣлахъ мнѣ нужны люди и люди, — какъ можно больше людей!—Хоть не могу пожаловаться, вокругъ меня сгруппировались все славные ребята, знаете, сердечные, преданные и мнѣ, и дѣлу; но между ними до сихъ поръ еще не нашлось именно того, что мнѣ нужно,—понимаете, такого человѣка, который умѣлъ бы ловить, такъ-сказать, на лету мои идеи...

— Да, хорошій секретарь вамъ необходимъ.

— Ахъ, совсѣмъ не то! — секретарь, понимаете, это что-то мескинное, чиновничествомъ отзывается, а мы, слава Богу обновились и должны разомъ отрѣшиться отъ всего, что даже напоминаетъ гнилыя, устарѣлыя формы. Мнѣ нуженъ не секретарь, а какъ бы это выразиться?—нужно сознательное эхо моихъ идей и предположеній, скажу даже—вдохновеній... которыя часто пропадаютъ зря, и я самъ объ нихъ забываю; а вѣдь это страшная потеря... то-есть, я хочу сказать, во всякомъ случаѣ наша культура отъ этого не можетъ быть въ выигрышѣ,—неправда ли?

— О, да, да! — Въ настоящее время, когда можно и должно работать, всякая благая мысль есть уже фактъ, — болѣе или менѣе крупный фактъ нашего развитія.

— Да-съ; вѣдь у насъ, куда ни взглянешь, вездѣ какое-нибудь дѣло, такъ сказать, само напрашивается;—гдѣ мы до сихъ поръ проходили мимо безъ всякаго смысла, теперь тамъ видишь съ одной стороны самыя настоятельныя потребности, а съ другой страшныя естественныя богатства, — непочатыя, батинька, непочатыя!—Счастливая мысль иногда придетъ такъ, мимоходомъ, — кому я могу ее передать?—а ее непремѣнно нужно бы записать, потомъ надосугѣ проштудировать, оформить—и вотъ вамъ десятки новыхъ предпріятій величайшей важности! — А журнальныя статьи—досугъ ли мнѣ писать ихъ?—Между тѣмъ оно необходимо: я стою за принципъ полнѣйшей гласности. — Такъ вотъ какого человѣка я ищу,—и врядъ ли найду!—Перо мнѣ нужно-съ, сильное перо!...

Говорившій господинъ былъ уже далеко не юноша. Красивое лицо съ серьезно-сжатыми губами, холеныя бакенбарды, пріятный органъ, каріе ласковые глаза, сѣренькій костюмъ англійскаго покроя, ловко маскировавшій расположеніе къ тучности,—такова была внѣшность этого господина, а звали его Иванъ Александровичъ Таржеевъ.

Онъ разъѣзжалъ по градамъ и весямъ Южной Россіи съ

Digitized by Google

какими-то грандіозными предпріятіями, долженствовавшими обогатить эту невоздѣланную почву, возбудить дѣятельность населенія, вызвать изъ мрака всякаго рода капиталы. За собою онъ не имѣлъ ни колоссальныхъ капиталовъ, ни финансовой карьеры, ни какой-либо технической спеціальности, — а возникъ вдругъ, будто отвѣчая на запросъ минуты, и развязно принялъ участіе въ акціонерныхъ предпріятіяхъ, которыя въ то счастливое время выростали какъ грибы послѣ дождя.

Тогда явилась цѣлая фаланга дѣятелей такого сорта, — Таржеевъ былъ хотя не самый крупный между ними, но отличался отъ своихъ сотоварищей тѣмъ, что не поклонялся исключительно богу наживы, а преимущественно гнался затѣмъ, чтобы упрочить за собою репутацію оффиціально признаннаго умника, общественнаго дѣятеля и патентованнаго филантропа. Ради этихъ цѣлей онъ готовъ былъ многимъ жертвовать, а болѣе всего рублями добрыхъ акціонеровъ. Онъ прохаживался и велъ бесѣду съ давнишнимъ нашимъ знакомымъ Платономъ Сергѣичемъ Каширинымъ. Этотъ джентельменъ теперь возвращался изъ-за границы, гдѣ пилъ вóды и пробовалъ сладость доходовъ своей тихой и мирной Любимовки, доставшейся ему послѣ смерти родителя. Но среди заграничнаго шатанья «правильный» господинъ не забывалъ, что онъ все-таки призванъ упорно чего-нибудь добиваться. — Въ то время повсюду закипѣли толки о нарождавшемся освобожденіи крестьянъ, образовывались различныя партіи; среди русскихъ людей, хлынувшихъ массой въ только-что отворенныя двери Европы, толки разумѣется были смѣлѣе и рѣзче, чѣмъ дома; прислушиваясь къ нимъ, Каширинъ набрелъ на мысль, что въ настоящее время добиться чего-нибудь можно неиначе, какъ послуживъ отчизнѣ въ уясненіи этого горячаго вопроса. Онъ написалъ брошюрку и напечаталъ ее въ Берлинѣ, скрывъ свое имя подъ скромнымъ псевдонимомъ «Деревенскій дворянинъ». Въ брошюрѣ этой доказывалось, что улучшеніе быта крѣпостныхъ людей (названныхъ, всеконечно — меньшими братьями) — дѣло святое, и что противъ него могутъ говорить только своекорыстные ретрограды и дурные патріоты; но тутъ же осторожный авторъ высказывалъ нѣкоторыя опасенія—съумѣютъ ли эти несовершеннолѣтніе дѣти природы разумно воспользоваться своими правами,—не слѣдуетъ ли прежде обмыть ихъ, причесать, отвести въ школу,—и тогда ужъ наградить ихъ «улучшеніемъ» по усмотрѣнію естественнаго ихъ опекуна — помѣщика, который конечно и землицей ихъ не обидитъ.

Вся эта сладенькая кашица, размазанная на сорока странич-

Digitized by Google

вахъ in-16°, въ минуту своего появленія показалась сентиментальнымъ воздыханіемъ, на нее современная пресса не обратила никакого вниманія, — мало ли въ то время являлось подобныхъ невинныхъ грѣховъ досужества и праздномыслія! Но пусть пресса прошла обиднымъ молчаніемъ эту зеленую брошюрку, пусть начальство не погладило ту головку, изъ которой вылилась такая премудрость, — за то *свои*, то-есть, губернскіе пріятели и сосѣди заговорили о новой яркой звѣздѣ отечественной публицистики. Одинъ землякъ, жившій съ Кашириновымъ на водахъ въ одномъ отелѣ,—сухопарый старичокъ изъ огорченныхъ,—плѣнился произведеніемъ Платона Сергѣича, обнялъ дорогого автора и почти со слезами прошамкалъ: «Благослови васъ Господи!» — потомъ купилъ сотню экземпляровъ «Деревенскаго дворянина» и повезъ домой. Дома брошюра вѣроятно пришлась по вкусу, ибо вскорѣ авторъ получилъ нѣсколько писемъ, приглашавшихъ его немедля возвратиться къ роднымъ пенатамъ, гдѣ все ужъ было подготовлено, чтобы почтить его единогласнымъ избраніемъ (просимъ! просимъ!) въ предводители. Мысль о провинціальныхъ почестяхъ, всегда сдобренныхъ жирными пирогами, ему всегда улыбалась...

Обстоятельства эти были хорошо извѣстны Таржееву; даже зеленая брошюра лежала у него на видномъ мѣстѣ письменнаго стола, — а потому-то предпріимчивый дѣятель и завелъ рѣчь съ искуснымъ публицистомъ о своемъ, такъ сказать больномъ мѣстѣ— о вопіющей потребности имѣть подлѣ себя «сознательное эхо» или «сильное перо», — что́ выходило одно и тоже. Онъ угадалъ Каширинова и старался пріобрѣсти его непремѣнно, если не крупными матеріальными выгодами, то славой стать его двойникомъ и дружно проводить въ массу экономическія и промышленныя благодѣянія... Но Кашириновъ понималъ, что двойникъ все-таки есть нѣчто фантастическое и потому уклонялся отъ рѣшительныхъ объясненій, а намёки старался просто не понимать. Онъ намѣтилъ себѣ совсѣмъ другую дорогу и вовсе не соблазнялся быть чьимъ бы то ни было эхомъ, — ему мерещилась впереди самостоятельная сила—сила неуклонныхъ и безкорыстныхъ принциповъ власти, передъ которой, пожалуй, затрещатъ милліоны всѣхъ Таржеевыхъ вмѣстѣ...

На этомъ пунктѣ взаимнаго непониманія они остановились, и умолкли. На встрѣчу имъ шелъ старикъ генералъ, высокій, нѣсколько сутулый, напоминавшій классическую фигуру Ламанчскаго рыцаря; — онъ шелъ въ коротенькомъ пальто, опираясь на суковатую трость, будто прихрамывая и замѣтно оригинальничая полнѣйшимъ игнорированіемъ своего генеральства. Онъ ни-

Digitized by Google

кого не замѣчалъ, съ тѣмъ чтобы и его не замѣтили, оставили въ покоѣ, какъ простого гражданина, вышедшаго на прогулку. Однако наши знакомцы его замѣтили и просвѣтлѣли при этой встрѣчѣ; дружно залепетали они на разные тоны: «mon prince!» — «ваше сіятельство!» — и пошли вмѣстѣ съ нимъ, восхваляя взапуски прекрасную погоду. Князь кивнулъ имъ по-пріятельски, но руки не подалъ и, не обращая вниманія на ихъ дифирамбы южной осени, заговорилъ, будто продолжая вслухъ свои прерванныя размышленія.

— Это странно! Еслибъ я встрѣтился съ французскимъ маршаломъ, у котораго когда-то давно былъ, положимъ prisonnier de guerre, — вѣдь я непремѣнно сдѣлалъ бы ему визитъ, какъ доброму знакомому; это такъ, это слѣдуетъ, c'est simple comme bonjour! А то живетъ здѣсь мѣсяцы, ко мнѣ не является, и я объ этомъ не знаю... Non, non, je suis un mauvais gouverneur! Я — не знаю! Et ce drôle de corps полиціймейстеръ,—bah!—c'est toujour notre refrain d'autrefois: слушаю-съ, что прикажете-съ, не могу знать-съ! Surtout—не могу знать... А вотъ я узналъ же, захотѣлъ и узналъ!

— О комъ это вы изволите говорить, ваше сіятельство? — вкрадчиво полюбопытствовалъ Каширинов.

— Узналъ и послалъ за нимъ, да-съ, потребовалъ. Чудакъ перепугался, а я нарочно скорчилъ гримасу, прочелъ сердитую нотацію—и тутъ же сейчасъ, просто sans façon, позвалъ его завтра обѣдать,—а?! Князь, закусивъ кончикъ языка, взглянулъ на нихъ вопросительно и насмѣшливо.

— Кто-нибудь это изъ *нашихъ* петербургскихъ?—догадывался Таржеевъ.

— Да-а.... mais vous devez le connaitre,—de nom au moins; одинъ изъ тѣхъ.... теперь возвращенъ... князь какъ будто досадовалъ на недогадливость слушателей. Un certain Слободинъ....

— А-а!—протянули они, услыхавъ знакомое имя, и невольно переглянулись.

— Это мой школьный товарищъ... — Каширинов самодовольно улыбнулся.—Какъ я радъ!

— Une bonne tête; объ немъ надо подумать, надо... c'est à nous maintenant... oui! Итакъ, завтра мы обѣдаемъ вмѣстѣ; nous seront dans le pays des connaissances! A demain! — И старикъ повернулъ къ своему дому.

— Voilà votre affaire, cher Иванъ Александровичъ!

— Да... прежде я знавалъ его очень хорошо... прихвастнулъ Таржеевъ. — Но каковъ онъ теперь? Тутъ многое нужно

Digitized by Google

комбинировать... и прежде всего создать ему положеніе, представительность,—это первое; а потомъ... посмотримъ, подумаемъ!

Таржеевъ ронялъ слова трудно, медленно; заложивъ руки за спину и опустивъ голову, онъ казался погруженнымъ въ такія соображенія, о которыхъ затруднился бы сказать самому себѣ, а не только Каширинову...

XI.

Это было время очень замѣчательное. Всѣ вдругъ закричали о пробужденіи отъ вѣкового сна; всѣ спѣшили, суетились—и всякій тащилъ свою лепту на алтарь общественнаго обновленія, не задумываясь о дѣйствительной цѣнности своей лепты; требовалось только заявить, что и я тоже обновился, что ветхій Адамъ во мнѣ умеръ. Всюду замѣчалась праздничная рѣзвость, просто дѣтская рѣзвость, которая принимаетъ очень сердитую мину, если ей кто-нибудь замѣтитъ, что завтра опять наступятъ будни... Всѣ смѣются надъ вчерашнею фразой о закидываніи враговъ шапками, и въ то же время очень серьёзно собираются закидать шапками глубокую бездну, выкопанную столѣтіями.... О, милое, веселое время! Кто изъ моихъ соотечественниковъ не поддался хоть на минуту твоему разъемчивому охмѣленію, и кто не принималъ деревянныхъ лошадокъ за настоящія?

Въ такіе моменты общественной жизни всѣ роли страшно перепутываются; — люди не только отрекаются отъ прошлаго, но едва ли отчетливо помнятъ о томъ, что они дѣлали и что говорили вчера. Происходятъ недоразумѣнія комическія, которыя разрѣшаются однакожъ не всегда комически...

Князь немного утрировалъ: Слободинъ не имѣлъ никакихъ основательныхъ поводовъ къ нему явиться и даже счелъ бы это нахальствомъ, на которое вовсе не былъ способенъ. Личныхъ отношеній между ними не было и быть не могло; разница ихъ общественныхъ положеній была неизмѣрима, а ужъ о симпатіяхъ и говорить нечего. Разъ въ жизни они встрѣтились: князь ѣздилъ по службѣ въ одну изъ сибирскихъ губерній, и тамъ совершенно случайно услыхавъ о Слободинѣ, пожелалъ его видѣть. Изъ получасового съ нимъ разговора князь вынесъ впечатлѣніе пріятное, —онъ встрѣтилъ человѣка бодраго, ни на что не жалующагося, съумѣвшаго кое-чему научиться и сохранить свое человѣческое достоинство среди самой неблагопріятной обстановки. Вотъ все, на чемъ князь основывалъ теперь обязанность Слободина къ нему явиться. Нельзя не сознаться, что основаніе черезъ-чуръ слабо.

Digitized by Google

Но такова была въ то время атмосфера, что каждый ощущалъ потребность сдѣлать что-нибудь такое, что шло бы совсѣмъ въ разрѣзъ недавнему прошлому, и вслѣдствіе того, важная особа интересуется личностью темнаго бѣдняка, розыскиваетъ его, заигрываетъ съ нимъ очень тонко, приглашаетъ къ себѣ обѣдать и не безъ самоуслажденія разсказываетъ своимъ знакомымъ объ этой находкѣ; знакомые тоже въ свою очередь обрадованы встрѣчей съ Слободинымъ, готовы прихвастнуть, что въ старину они были съ нимъ хорошіе пріятели и даже сами не безъ грѣха, — по крайней мѣрѣ сочувствовали...

Обстоятельства складывались такъ, что Слободинъ могъ бы войти въ моду и извлечь изъ своего моднаго положенія неизчислимыя выгоды, но — увы! — представитель отжившаго типа не могъ никакъ приспособиться къ новому складу жизни, глядѣлъ кругомъ какъ-то сомнительно, недовѣрчиво, не умѣлъ попасть въ тонъ — бралъ то выше, то ниже, и вообще въ глазахъ практическихъ людей оказался чудакомъ и простофилей.

На обѣдѣ у князя приглашенныхъ было всего человѣкъ шесть. Разговоръ держался на смѣлыхъ темахъ всевозможныхъ улучшеній родного быта, иногда мелькали ироническія воспоминанія изъ недавней старины: все это было сдобрено умѣренно-приличною дозой либерализма. Алексѣй сидѣлъ съ полнѣйшимъ сознаніемъ, что тутъ онъ совсѣмъ не на мѣстѣ: неумѣлый, неловкій, въ плохо сшитомъ фракѣ, онъ больше вслушивался и отдѣлывался коротенькими фразами. Подъ конецъ обѣда рѣчь какъ-то случайно зашла о положеніи рабочаго люда на сибирскихъ заводахъ и золотыхъ пріискахъ. Слободинъ, задѣтый вопросами князя, пріободрился и съ твердымъ знаніемъ дѣла, недопускающимъ никакихъ споровъ, заговорилъ о бѣдственномъ положеніи многихъ тысячъ народа, о безразсчетномъ изнуреніи ихъ силъ, о систематическомъ спаиваніи и развращеніи этихъ несчастныхъ людей, — наконецъ, о томъ, что несмотря на жестокую эксплуатацію, въ результатѣ не получается и половины той выгоды, какая могла бы быть достигнута при иномъ раціональномъ устройствѣ той же самой суммы труда.

— Да, но вѣдь это частности, мелкія злоупотребленія нашихъ управляющихъ, приказчиковъ и тому подобнаго грязнаго народа. Не слѣдуетъ придавать имъ того значенія... и притомъ противъ нихъ ужъ приняты надлежащія мѣры, — наставительно замѣтилъ князь, и круто повернулъ разговоръ на очевидную выгоду выписывать вина прямо изъ Бордо, изъ первыхъ рукъ, безъ посредства этихъ паразитовъ—коммиссіонеровъ.

Digitized by Google

Таржеевъ поспѣшилъ съ нимъ согласиться и живо развилъ идею громадной акціонерной компаніи для устройства въ разныхъ городахъ нашего отечества обширныхъ складовъ французскихъ винъ.

Слободинъ чувствовалъ, что сдѣлалъ что-то неловкое—но что? Онъ не зналъ, что тутъ-же за столомъ одинъ крупный золотопромышленникъ, онъ же и винный откупщикъ—да и какъ было распознать эту особу, когда она громче всѣхъ заявляла свое сочувствіе къ нашему возрожденію и требовала поголовнаго покаянія въ старыхъ грѣхахъ!

Послѣ обѣда князь отвелъ Слободина въ сторону.

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Пока ничего.

— Однакожъ надо чѣмъ нибудь-заняться, выбрать профессію.

— Года три тому назадъ, еще *тамъ* я началъ заниматься медициной.

— Ого, вотъ какъ! Но вѣдь это трудно; какія-жъ пособія?

— Никакихъ, князь. Книги, да два-три добрыхъ человѣка изъ ординаторовъ тамошней больницы, вотъ и все. Я едва познакомился только съ азбукой медицины.

— А каѳедра исторіи?—Князь подмигнулъ и щелкнулъ языкомъ, будто поддразнивая.—Это намъ улыбнулось? Но надѣюсь, что мы отрезвились, совершенно отрезвились, да?

— Вы трогаете больное мѣсто, ваше сіятельство... позвольте мнѣ промолчать.

Князь слегка нахмурился, но мигомъ овладѣлъ собою и продолжалъ очень ласковымъ тономъ:

— У меня есть кое-какая библіотека, не совсѣмъ дурная, а медицинскимъ отдѣломъ даже похвастаюсь. Можете пользоваться ею, очень радъ. Наконецъ, если вы въ чемъ-нибудь встрѣтите надобность, то приходите ко мнѣ во всякое время и говорите прямо, безъ обиняковъ. Мы съ вами должны быть свои люди.

Слободинъ взглянулъ на князя, что называется, во всѣ глаза и не могъ выговорить даже обычной благодарности.

Каширинов встрѣтилъ Алексѣя, какъ стараго хорошаго пріятеля, обрадовался несказанно и подвелъ его къ Таржееву.

— Вотъ вамъ и еще старый знакомый.

Но Таржеевъ замялъ рѣчь о старомъ знакомствѣ и закидалъ Алексѣя вопросами о Приамурскомъ краѣ.

Круглое лицо Таржеева, особенно его губы, сжимавшіяся сердечкомъ, его сладкій, пріятный органъ — показались Алексѣю

Digitized by Google

чѣмъ-то до того знакомымъ, даже связаннымъ съ какимъ-то яркимъ моментомъ его прошлой жизни, что, разговаривая съ этимъ великимъ человѣкомъ, Слободинъ выказалъ непростительную разсѣянность, отвѣчалъ небрежно, нисколько не поражался его великолѣпно-широкими взглядами и думалъ только о томъ, «да гдѣ же, любезный другъ, мы съ тобой сталкивались?» но ничего не могъ припомнить.

Въ семь часовъ всѣ взялись за шляпы. Сходя съ лѣстницы, Таржеевъ фамильярно взялъ Слободина подъ руку.

— Позвольте мнѣ завладѣть вами хоть на одинъ часъ. Зайдемъ ко мнѣ; между моими вѣрно встрѣтите много петербургскихъ знакомыхъ.

Таржеевъ занималъ цѣлый бель-этажъ большого дома; проходя анфиладу комнатъ, Слободинъ видѣлъ съ десятокъ господъ весьма благообразныхъ, съ бородками, какъ видно только-что отрощенными; они ходили по заламъ, куря сигары, и при входѣ Таржеева съ гостями, встрепенулись и зажужжали, но не съ почтительностью подчиненныхъ, а съ нетерпѣніемъ усердныхъ сотрудниковъ, у которыхъ имѣется у каждаго свое очень экстренное дѣло, требующее немедленнаго разрѣшенія.

— Уфъ! — Таржеевъ вздохнулъ и опустился въ кресло.—Отдохнемъ, господа, берите сигары... А какъ вы думаете, Платонъ Сергѣичъ, долго дадутъ мнѣ этакъ-то отдыхать?—подтрунилъ онъ.

— Да вы дурно дѣлаете, что не отвоюете себѣ хоть часъ въ сутки полнѣйшаго отдыха, чтобы и помина не было о дѣлахъ...

— Мудрено это-съ, очень мудрено! — Менѣе всего я себѣ принадлежу... не имѣю никакого права... Видите, видите!—разсмѣялся Таржеевъ, кивнувъ головой на появившагося въ дверяхъ господина съ кипой пакетовъ и папироской въ зубахъ.

— Сегодняшняя почта и телеграммы, — сказалъ вошедшій; да вотъ что, Иванъ Александрычъ, разрѣши пожалуйста, что намъ дѣлать съ Зѣвакинымъ?

— Какой это Зѣвакинъ?—спросилъ Таржеевъ, невнимательно перебирая пакеты.

— Тотъ, помнишь? — ты обѣщалъ ему мѣсто, онъ бросилъ службу и ждетъ.

— А, помню!—да вѣдь ужъ онъ давно опредѣленъ по каменноугольному дѣлу. Ужъ объ этомъ говорено.

— Никогда ты мнѣ не говорилъ; можетъ быть, подумалъ только.

— Вотъ еще!—Я отлично помню. Такъ объяви ему, чтобъ

Digitized by Google

ѣхалъ на 1,200 рублей,—да чтобы поторопился, сегодня же, дѣло спѣшное.

— Изъ разговора съ нимъ, вижу, что онъ этимъ не будетъ доволенъ. Человѣкъ семейный, полгода ждетъ...

— Не могу-съ, не могу! — и не говори лучше,—ни копѣйки больше прибавить не могу. Мы совсѣмъ изъ бюджета выйдемъ.

— Да онъ не о прибавкѣ... проситъ только, чтобы жалованье считалось ему съ того времени, какъ онъ службу бросилъ.

— Да, ну это другое дѣло... подумаемъ!—а впрочемъ—Богъ съ нимъ! — человѣкъ бѣдный, вели выдать... Торопите его, да пусть ко мнѣ зайдетъ передъ отъѣздомъ. Да вотъ еще что: отвези княгинѣ тысячу рублей на ея больницу и дѣтскій пріютъ, я тамъ членомъ избранъ, самъ отвези.

Долго еще длилась эта сцена. Алексѣй многому въ ней удивлялся, многаго не понималъ, замѣтилъ только, что тутъ на счетъ тысячъ очень свободно и филантропіи достаточно; но онъ окончательно былъ изумленъ, когда услышалъ вопросъ Таржеева:

— Когда Купянцовъ долженъ быть?

— Писалъ, что черезъ мѣсяцъ явится.

И по окончаніи дѣловой бесѣды не вытерпѣлъ—спросилъ Таржеева:

— Это какой Купянцовъ? Иванъ Дмитричъ, художникъ?

— Онъ самый; а что васъ удивило? Ахъ, да, вѣдь вы старые знакомые.

— Да, старые... Изъ него могъ выдти порядочный живописецъ,—но чтожъ онъ у васъ тутъ будетъ дѣлать?

— Найдемъ занятія и ему, — приспособимъ!—а между дѣломъ, пожалуй, будетъ намъ картины писать.

Вдругъ Таржеевъ будто что-то вспомнилъ и съ телеграммой въ рукѣ выбѣжалъ изъ кабинета.

Каширинов, оставшись наединѣ съ Слободинымъ, завелъ рѣчь о его намѣреніяхъ.—Какъ вы думаете устроиться?

— Право, я еще не подумалъ объ этомъ. Разумѣется, какъ ни ограниченны мои потребности, а заработать ихъ надо:—думаю, уроками заняться.

— Это хорошо, — только эта профессія у насъ пока даетъ дѣйствительно очень скудныя средства... Что́ бы вамъ къ Ивану Александрычу пристроиться!

— Помилуйте, какъ же это?—Вѣдь я для его дѣлъ совсѣмъ не гожусь,—не имѣю никакой подготовки...

— Объ этомъ не безпокойтесь!—у него великій талантъ каж-

Digitized by Google

дому найти подходящее дѣло... Если вы хотите, то я съ радостью берусь за это,—позволите мнѣ переговорить съ нимъ?

— Увѣряю васъ, что я въ коммерческихъ дѣлахъ рѣшительно ничего не понимаю... Мнѣ страшно было бы даже и предлагать себя...

— Иванъ Александрычъ на своихъ сотрудниковъ смотритъ совсѣмъ не такъ, какъ въ старину смотрѣли. Вы, конечно, его не знаете, но я долженъ вамъ сказать, что это человѣкъ самый теплый, сердечный,—а широта его взглядовъ иногда просто изумительна... Напримѣръ, въ сотрудникахъ своихъ онъ ищетъ прежде всего *людей*; — знакомство съ какою-нибудь спеціальностью для него вопросъ второстепенный, а главное ему нужно окружить себя людьми-то хорошими, развитыми, въ гражданскомъ смыслѣ развитыми...

— Безспорно, это отлично, но все-таки я не могу себѣ хорошенько уяснить... Наконецъ, гдѣ-жъ у насъ люди, которые могли бы получить то развитіе, о которомъ вы говорите?..

— Вотъ-вотъ — онъ и хочетъ пособить этому дѣлу. Ему нужно замѣтить въ человѣкѣ только хорошіе зачатки, а ужъ окончательно доразвиться подъ его вліяніемъ можетъ всякій... Онъ хотѣлъ бы создать, такъ сказать, разсадникъ хорошихъ людей.

— Да, это задача серьёзная... и нелегкая!

— Такъ вы мнѣ позволите? — Наконецъ, сама судьба кажется того хочетъ, чтобъ я относительно васъ исполнилъ слово, данное еще въ юности... Помните наши гимназическіе годы? — Я былъ бы совершенно счастливъ... И мнѣ кажется, для васъ это самое лучшее положеніе. Относительно матеріальнаго обезпеченія будьте совершенно покойны, Иванъ Александрычъ умѣетъ вознаграждать труды...

— Объ этомъ я меньше всего думаю... Но вотъ что важно, за что я буду брать деньги? — Это я долженъ знать положительно.

— Разумѣется! — Прежде я съ нимъ переговорю, а потомъ ужъ вы объяснитесь окончательно.—Только пожалуйста не скромничайте. Тутъ сдѣлка совершенно коммерческая,—спросъ и предложеніе... Итакъ, рѣшено?

— Благодарю васъ... Надѣюсь, что вы передадите дѣло такъ, какъ оно произошло, т.-е. вызовъ былъ съ вашей стороны.

— За кого-жъ вы меня принимаете!

Таржеевъ возвратился съ толпою какихъ-то новыхъ гостей, тоже вѣроятно дѣловыхъ, и какъ-будто забылъ о существованіи

Digitized by Google

Слободина. Пошли толки оживленные, пересыпанные громадными цифрами, сотни тысячъ третировались, какъ сотни копѣекъ. Алексѣй потихоньку скрылся.

Все что онъ видѣлъ и слышалъ подѣйствовало на него немного одуряющимъ образомъ. Съ одной стороны, школа гражданскаго развитія, съ другой—чиновникъ, требующій и получающій деньги за время, которое онъ ничего не дѣлалъ и ждалъ назначенія, и несмотря на то все-таки поступившій въ оный знаменитый разсадникъ гражданскихъ добродѣтелей.

Толки о заводской обработкѣ какого-то сырья, о милліонныхъ затратахъ, и какая-то княгинина больница, да дѣтскій пріютъ; наконецъ, коммерческая контора, и въ ней живописецъ сидитъ за мольбертомъ — всѣ эти представленія рядомъ никакъ неукладывались въ головѣ простодушнаго Алексѣя.

Едва успѣлъ онъ опомниться отъ заискиваній Каширинова, какъ получилъ еще вызовъ на дѣло.—Ему рѣшительно везло.—Князь предложилъ ему быть редакторомъ мѣстной газеты, которую требовалось поставить въ уровень съ современными задачами, дать ей опредѣленную физіономію и твердую самостоятельность... Какъ ни странно было предложеніе, однако Алексѣй надъ нимъ крѣпко призадумался: журнальное дѣло, поставленное въ благопріятныя условія, казалось ему всегда поприщемъ хорошимъ, а теперь почти единственнымъ, на которомъ онъ могъ бы сдѣлать что-нибудь путное. Переговоривъ еще разъ съ княземъ насчетъ размѣровъ самостоятельности будущаго органа и получивъ завѣренія, въ которыхъ сомнѣваться было бы крайнимъ пессимизмомъ, Слободинъ согласился, къ Таржееву больше не заходилъ и уже не думалъ о поступленіи въ разсадникъ гражданскихъ добродѣтелей. Онъ не обманывалъ себя, сознавалъ всѣ предстоящія ему невзгоды, — но и эти невзгоды его не пугали, онъ былъ даже радъ встрѣтить ихъ лицомъ къ лицу. Но онъ не разсчиталъ, что и въ самое горячее лихорадочное время общественной жизни, все-таки не перестаютъ существовать извѣстные тормазы, предохраняющіе всякую машину отъ соскакиванья съ рельсовъ;—это еще нимало не удивительно, но удивительно, что князь рѣшился ихъ игнорировать. Таково знать было время.

Отъ всей этой непривычной тревоги Алексѣй однакожъ съ любовью возвращался къ нешумнымъ, скромнымъ планамъ жизни, о которыхъ у него до послѣдняго времени шла дѣятельная переписка съ сестрой. — Алёнушка открыла въ Петербургѣ свой магазинъ и, зная, что Алёша началъ заниматься медициной, звала его къ себѣ — «жила я долго на твоей шеѣ, а теперь готова съ

Digitized by Google

тобой дѣлиться всѣмъ, что имѣю, а ты кончишь курсъ въ академіи».—Милая моя Алёнушка, какая ты... благоустроенная головка!—Все у тебя не размашисто, не крупно? но за то жизненно и просто... И онъ лелѣялъ этотъ планъ, предвидя всяческія неудачи въ чужомъ, незнакомомъ городѣ, съ которымъ ничто его не связывало; и попалъ-то онъ въ этотъ городъ совершенно случайно.

Когда пришла радостная вѣсть о возвратѣ, Алексѣй горько призадумался—куда же ему возвратиться?—Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ уголка, гдѣ бы онъ могъ приклонить голову.—Сестра живетъ въ Петербургѣ—городѣ для него недоступномъ.—Къ дѣдушкѣ?—Но кто знаетъ, что теперь съ дѣдушкой, живъ ли еще старичина?.. Остаться у него было бы нелѣпостью, но хотѣлось бы очень повидаться, вѣдь это любопытно... а мнѣ все равно по свѣту шляться... Пусть дѣдушка будетъ первой станціей...

Онъ двинулся съ попутчикомъ-товарищемъ на половинныхъ издержкахъ. Пріѣхавъ въ городокъ, откуда можно было добраться до дѣдушкина жилья, Алексѣй узналъ, что жилье это разорено въ конецъ и Дмитрій Логиновъ «съ прочими» уже два года содержится въ тюрьмѣ... Человѣку, извѣдавшему всякую бѣду, тюрьма вовсе не внушаетъ ни ужаса, ни омерзѣнія,—онъ знаетъ ея настоящее горькое значеніе въ русской жизни... Алексѣй спокойно добрался и до тюрьмы, съ большимъ трудомъ выхлопоталъ разрѣшеніе повидаться съ старикомъ—и вотъ это свиданіе дѣйствительно навело на него ужасъ...

Передъ Слободинымъ стоялъ въ арестантскомъ армякѣ семидесятилѣтній старикъ, почти слѣпой, худой, одичалый; онъ, казалось, не сознавалъ дѣйствительности и городилъ какой-то мистическій неудобопонятный сумбуръ. Алексѣй пробовалъ навести его на нить реальныхъ впечатлѣній, старался возбудить его память,—говорилъ о своей матери, о купцѣ Конниковѣ, о письмѣ его къ внуку-студенту, о Ѳедосѣевѣ,—но старикъ твердилъ: «Да, да, знаю»,—и однакожъ не могъ связать этихъ отрывочныхъ представленій въ одно осмысленное цѣлое. Выслушавъ внука до конца, Дмитрій Логиновъ вдругъ поднялся во весь ростъ и проговорилъ какимъ-то ужаснымъ голосомъ: «Да, всѣ пропали, всѣ, какъ черви капустные!»... и потомъ, качая головой, зашепталъ перепутанные тексты изъ священнаго писанія...

Алексѣй вышелъ отъ дѣда съ ощущеніемъ глубокаго, гнетущаго страданія... «Вотъ куда часто уходитъ крѣпкая душевная мощь человѣка!... А вѣдь когда-то этотъ самый дѣдушка мнѣ представлялся работящимъ американскимъ поселенцемъ, въ лѣсу съ топоромъ, ловкій, смышленый»...

Digitized by Google

Въ тюремной конторѣ къ Слободину подошелъ священникъ.

— Вы, милостивый государь, сродственникъ ему приходитесь?

— Да.—Меня удивляетъ, зачѣмъ его тутъ держатъ?

— Ежедневно увѣщеваемъ, но видно Господу-Богу неугодно просвѣтить заблудшаго. Другіе видимо тронуты, близки къ покаянію, а онъ упоренъ до неистовства. Меня возненавидѣлъ.

— Его бы скорѣй въ больницу... а, впрочемъ, мертвецовъ не лечатъ!...

— Желательно было бы, чтобъ несчастный предсталъ предъ грознаго Судію въ иномъ видѣ, очищенный отъ грубыхъ заблужденій невѣжества. Мы стараемся болѣе кротостію, неистощимымъ долготерпѣніемъ...

Алексѣй смотрѣлъ на окладистую бороду священника и не могъ продолжать разговора... Какое-то давнишнее воспоминаніе мелькнуло въ немъ рѣзко, пронзительно, какъ молнія...

Выходя, онъ спросилъ у сторожей имя священника; отвѣчали: отецъ Павелъ... Ужели это онъ — знаменитый Павелъ! — Слободину припомнилось «ко евреямъ посланіе», Сіонскій, Лука Ѳедоровичъ...

Однако Павелъ сталъ благообразнѣе, глядитъ такъ благодушно, степенно, сыто,—и ряса на немъ хорошая... А можетъ, это и не онъ...

— Не весела же моя первая станція на родинѣ! — сказалъ себѣ Алексѣй, и безъ всякой опредѣленной цѣли поѣхалъ съ товарищемъ въ городъ, гдѣ тотъ имѣлъ родныхъ и соблазнилъ пріятеля благодатью южнаго климата, морскими купаньями и сравнительной легкостью заработать средства къ жизни.—«Прежде всего, Алексѣй Петровичъ, отогрѣемся на солнышкѣ, оттаемъ, отдохнемъ, а тамъ и за работу! — Денегъ, сколько надо будетъ, возьмите у меня—ужъ не откажите въ этомъ товарищу!»

Слободинъ горячо готовился къ работѣ, но вдругъ прошли слухи, что мѣстная газета уже отдана въ руки какого-то чиновника изъ просвѣщенныхъ. Князь молчалъ...

Каширинов разъ поймалъ Алексѣя на улицѣ:

— Что-жъ вы, Алексѣй Петровичъ, не стыдно ли, не грѣшно ли? — и меня поставили въ такое положеніе...

— Что же я сдѣлалъ?

— Нельзя же исчезнуть, не являться, ничѣмъ о себѣ не напомнить, — такъ нельзя! — строго выговаривалъ правильный господинъ.—Князь вамъ обѣщалъ газету, знаю, знаю!—Нашли это неудобнымъ,—ничего не значитъ! Таржеевъ самъ намѣренъ изда-

Digitized by Google

вать свою газету—вотъ вамъ и дѣло. Я сегодня уѣзжаю во-свояси, а вы зайдите къ Ивану Александрычу,—онъ ждетъ васъ.

— Непремѣнно зайду,—отвѣтилъ Алексѣй съ рѣшительнымъ намѣреніемъ не заходить никогда. Онъ уже зналъ, что секретаремъ, или «сознательнымъ эхомъ» къ Таржееву поступилъ какой-то молодецъ, обладавшій дѣйствительно бойкимъ перомъ и служившій когда-то въ полицейскихъ должностяхъ — вѣроятно, единственно по чувству гражданской доблести...

Наконецъ, князь потребовалъ его къ себѣ полуоффиціальной записочкой.

— Вы не будьте на меня въ претензіи,—не удалось намъ!—но я сдѣлалъ все, что могъ. Видите ли, у насъ еще il n'y a pas d'entente, — не понимаемъ другъ друга; нашли, что вы не удовлетворяете тѣмъ условіямъ, которыя требуются отъ редактора газеты, — не въ смыслѣ способностей, а вы понимаете... Это смѣшно вамъ; да?—Я самъ готовъ съ вами смѣяться,—но увы, это такъ! Я доказывалъ, что подъ непосредственнымъ моимъ наблюденіемъ, еслибъ вы и вздумали что-нибудь такое, такъ это невозможно, мы еще имѣемъ достаточно силы, чтобъ держать васъ на мунштукѣ—ха, ха!—Нечего дѣлать, вѣдь не ссориться же?

— Совершенно справедливо. Вспомнивъ о мунштукѣ, я нисколько даже не скорблю...

— Не хотите ли въ мою канцелярію?

— Не гожусь, ваше сіятельство, — плохой изъ меня чиновникъ.

— Пожалуйста не унывайте, и если еще что придумаете, прямо ко мнѣ; — я готовъ! — только не по литературной части, ха-ха!

— Прошу васъ, князь, объ одной милости—выхлопочите мнѣ дозволеніе пріѣхать въ Петербургъ.

— Готовъ, готовъ!—Это весьма удобно.

Алексѣй окончательно пересталъ понимать смыслъ этой дѣйствительности. Въ самомъ ли дѣлѣ это «прогрессъ?» — любимое и модное словечко того времени, или это небольше, какъ броженіе на старыхъ дрожжахъ? Личный опытъ еще ничего не доказываетъ, можетъ быть, вина-то на моей сторонѣ: просто-на-просто, не пригоденъ только одинъ я, а остальное все въ порядкѣ...

Digitized by Google

XII.

Пріѣхалъ Купянцовъ. Онъ поспѣшилъ отыскать Алексѣя, но не съ былою юношескою горячностью кинулся къ нему на шею; онъ былъ сдержанъ, печаленъ, неоткровененъ.—Алексѣю это бросилось въ глаза.

— Какимъ чудомъ вы сюда, Купянцовъ? Изъ академической студіи да за конторскіе счеты!... Я тутъ у васъ, господа, право ничего не понимаю; дуракъ-дуракомъ хожу...

— Такъ обстоятельства сложились; имѣньице я передалъ, деньги помѣстилъ въ акціяхъ Таржеева.

— А!—вотъ что!—Да, это другое дѣло.

— Притомъ—и это главное—въ Петербургѣ мнѣ теперь дѣлать нечего... Вотъ вамъ письмо отъ Елены Петровны.

Заговоривъ о сестрѣ, Алексѣй замѣтилъ, что Купянцовъ какъ-то прячется, или равнодушничаетъ весьма неловко.

— Она вѣрно все еще оплакиваетъ своего Андрюшу, — началъ Слободинъ.—Да, жаль юношу... вѣдь я любилъ его, какъ сорокъ тысячъ братьевъ!... Но знаете что я вамъ скажу: онъ отлично сдѣлалъ, что наскочилъ на турецкую пулю... Съ его пылкимъ, увлекающимся характеромъ, съ его впечатлительностію и крайнею непрактичностью—куда бы попалъ онъ въ современной толчеѣ?—Я увѣренъ, что онъ кончилъ бы скверно, очень скверно... а то, пожалуй, вмѣсто турецкой пули угостилъ бы себя собственною, изъ собственныхъ ручекъ, — всяко бываетъ! — Не съ нимъ Алёнушкѣ слѣдовало бы судьбу свою связать—ужъ коли это такъ необходимо—а съ человѣкомъ мягкимъ, податливымъ, который бы только и помышлялъ, какъ-бы преподнести своей женѣ и ребятишкамъ каждое утро по сладенькой конфеткѣ!... Который бы, пожалуй, и работалъ — писалъ бы тамъ стихи, или рисовалъ — и даже волновался бы общими скорбями, но работалъ бы не изъ куска хлѣба, волновался бы слегка, не до зеленыхъ чертиковъ, а такъ себѣ, спокойно, пріятно, какъ счастливый дилеттантъ... Вотъ какой мужъ ей нуженъ.

— Что это, Алексѣй Петровичъ, вы какъ будто подтруниваете?... Купянцовъ горько улыбнулся.

— Простите, родимый, виноватъ, — лежачаго не бьютъ. Вы не трудитесь разсказывать мнѣ, я все понялъ — она вамъ отказала, и ужасно глупо поступила, ужасно глупо! — Я это скажу ей при свиданіи.

— Напрасно! Между нами ужъ нѣтъ ничего недосказан-

Digitized by Google

наго... Я убѣдился окончательно въ моемъ совершенномъ несчастіи....

— Э, полноте!—въ этихъ вещахъ люди каждый день убѣждаются и разубѣждаются. Дѣло поправимое. Мнѣ смѣшно, что моя Алёнка, которую я въ уголъ ставилъ, теперь такъ важничаетъ!—Поди ты съ ней!—вѣдь какимъ молодцомъ она управилась со всѣми дѣлами!

— Она говоритъ, что всѣмъ вамъ обязана.

— Ну, ужъ это сестрицына безешка! Изъ ничего, голубчикъ мой, ничего и не подѣлаешь. Не одна она была у меня... были и другія, гдѣ и любовь могла бы помочь моему вліянію, однако, кажется, ничего не вышло... Ну, довольно объ этой поэзіи! А вотъ на счетъ Таржеевскихъ-то акцій совѣтую вамъ держать ухо остро. Я вѣдь ничего не понимаю въ этихъ дѣлахъ; видалъ, какъ православные сколачиваютъ свои копѣйки, а потому больно *пужаюсь* всякихъ крупныхъ кушей — все думаю, откуда-жъ они берутся? — и недоумѣваю! Даже по сибирской привычкѣ всегда спрашиваю: на серебро, или на ассигнаціи? Надо-мной подсмѣиваются, но чтожъ дѣлать-то! Приходится признать себя дуракомъ... Однако никакой умникъ мнѣ не докажетъ, что онъ, ничего не производя, можетъ увеличить народное богатство хоть на копѣйку ассигнаціей... а въ этомъ вся штука!—Да, милый другъ, вы посматривайте на счетъ акцій-то; — вѣдь тутъ не одна коммерція, а тоже и филантропія, и гражданскія добродѣтели, и больницы, — словомъ, всякіе ингредіенты, способные произвести великолѣпную чепуху...

— Таржеевъ стоитъ солидно; онъ хорошо женился...

— Эге! — кого-жъ это онъ прикарманилъ?

Купянцовъ смутился; ему казалось, что онъ, нечаянно проговорившись, можетъ нанести смертельный ударъ Слободину.

— На mademoiselle Косолаповой,—проговорилъ онъ въ полголоса.

— Вотъ это отлично! — вырвалось у Алексѣя, — однако его голосъ дрогнулъ, нота вышла рѣзкая, надтреснутая...— Это безподобно! — То-то я смотрю, гдѣ я съ нимъ встрѣчался? — а это онъ, милашка, въ концертахъ букеты подносилъ... Своего добился... ха-ха!

— По слухамъ, она очень несчастлива; живетъ врознь съ нимъ, постоянно за границей, дѣтей нѣтъ... хотите ее видѣть?— Я привезъ Таржееву ея портретъ.

— Любопытно, любопытно! — давайте сюда ея портретъ, давайте!

Digitized by Google

— Онъ у меня дома; завтра я вамъ принесу.

— Сбѣгайте, голубчикъ, теперь, — что вамъ стóитъ! — потѣшьте!

Купянцовъ съѣздилъ въ гостинницу, привезъ поясной портретъ Агаты. — Долго всматривался Алексѣй въ черты знакомыя, дорогія... въ немъ проснулось старое сумасшествіе—тотъ же поджогъ дома ненавистнаго человѣка, тотъ же поцѣлуй въ театральной залѣ, то же маскарадное безумство...

— Знаете ли что,—этотъ портретъ по всѣмъ правамъ мой... Таржееву онъ совсѣмъ не нуженъ... Солгите, что у васъ его украли,—а не хотите лгать, такъ просто пошлите его ко мнѣ—мы объяснимся...

Купянцовъ растерялся: но Слободинъ не шутилъ, и овладѣлъ портретомъ. Это очень дико, сумасбродно, — но вѣдь онъ былъ живой человѣкъ съ неугасшимъ сердцемъ и своеобычнымъ складомъ понятій...

Конечно, Таржеевъ не пришелъ къ нему за объясненіями, а черезъ мѣсяцъ и Слободинъ, по ходатайству князя, получилъ возможность переѣхать въ Петербургъ, гдѣ его ждала Алёнушка.

Тутъ мы остановимся. Семейная и личная исторія Алексѣя Слободина и его сверстниковъ окончилась. Изъ находящихся въ нашихъ рукахъ записокъ Слободина видно, что онъ сталъ въ положеніе наблюдателя жизни уже другого поколѣнія; этимъ матеріаломъ мы воспользуемся, когда явится къ тому возможность.

Чѣмъ живучѣе человѣческая личность, тѣмъ глубже и неизлечимѣе нанесенныя ей раны; чѣмъ преданнѣе и страстнѣе болѣла она болѣзнями и стремленіями своего времени, тѣмъ сиротливѣе ея отчужденіе среди вновь народившагося поколѣнія... И если ей суждено еще долго жить, то-есть, искать новыхъ радостей, а находить однѣ лишь старыя печали,—то никто уже не вложитъ въ ея грудь ни прежнихъ смѣлыхъ надеждъ, ни цѣльныхъ стремленій...

П. Альминскій.

Digitized by Google

МАГОМЕТАНСКОЕ
РЕЛИГІОЗНОЕ ДВИЖЕНІЕ
ВЪ ИНДІИ.

I.

Въ послѣднее время весьма часто въ литературѣ, какъ иностранной, такъ и русской, появлялись отдѣльныя статьи, касающіяся положенія англичанъ въ Индіи. Наконецъ, недавнее возстаніе кукасовъ, экспедиція противъ лусшаевъ, нѣсколько возмущеній въ тюрьмахъ, убійство судьи Нормана и почти вслѣдъ за тѣмъ вице-короля лорда Майо, обратили еще бо́льшее вниманіе на страну, внутренняя жизнь которой такъ тщательно скрывается отъ европейскаго глаза. Кромѣ того, въ прошедшемъ году появилась въ печати оффиціальная переписка (blue-book) Лондонскаго кабинета съ начальствомъ Индіи, возбужденная по поводу сокращенія тамъ расходовъ на военныя потребности. Переписка эта, послужившая къ разоблаченію такихъ фактовъ, о существованіи которыхъ положительно не имѣли понятія, произвела въ Англіи весьма тяжелое впечатлѣніе; но за то оказала услугу всему просвѣщенному міру, ибо содѣйствовала къ раскрытію истины и показала, по собственному признанію людей, занимающихъ въ Индіи первостепенныя должности, что положеніе англичанъ въ ихъ богатѣйшей и значительнѣйшей колоніи далеко не такъ прочно, какъ оно до сихъ поръ казалось. Индія — страна весьма мало извѣстная, а Англія нисколько не желаетъ содѣйствовать къ озна-

Digitized by Google

комленію съ нею; напротивъ того, боязнь раскрыть передъ Европою настоящее положеніе тамъ дѣлъ такъ сильна, что, несмотря на полную и дѣйствительно непритворную свободу печати, она ревниво скрываетъ все, что тамъ дѣлается, и почти невозможно добыть про Индію какія-нибудь вѣрныя и еще менѣе оффиціальныя свѣдѣнія, которыми, наоборотъ, такъ изобилуютъ всѣ остальныя отрасли государственнаго управленія. При появленіи въ продажѣ этого blue-book, любовь къ гласности уступила чувству оскорбленной національной гордости, и общественное мнѣніе, чрезъ посредство самыхъ вліятельныхъ органовъ британской прессы, осыпало правительство, издавшее эту книгу, цѣлымъ рядомъ самыхъ горькихъ упрековъ и съ негодованіемъ отозвалось объ опубликованіи документовъ, раскрывавшихъ такую незавидную истину [1]).

Подробный разборъ этого сборника оффиціальныхъ документовъ не входитъ въ предметъ настоящей статьи, и потому я ограничусь здѣсь только тѣмъ, что въ нѣсколькихъ словахъ постараюсь объяснить, почему именно ему придано было такое огромное значеніе. Какъ я сказалъ, переписка, о которой идетъ рѣчь, возбудилась по поводу сокращенія военнаго бюджета Индіи. Дѣло это было далеко не новое и началось еще въ январѣ 1869 года, то-есть со вступленіемъ герцога Аргайля въ управленіе министерствомъ Индіи. Увлеченный экономическими тенденціями нынѣшняго министерства, герцогъ Аргайль, совершенно незнакомый ни съ положеніемъ края, ни съ мѣстными его потребностями, а основываясь только на значительности суммы, просимой для содержанія тамъ арміи, требовалъ отъ вице-короля лорда Майо сокращенія издержекъ по этой части. Доводы свои онъ основывалъ на томъ, что, начиная съ 1856 года, военный бюджетъ Индіи постоянно возрасталъ, и будучи въ 1862 году опредѣленъ въ 14,892,751 фунт. стерл. онъ въ 1869 году, при полномъ спокойствіи края и слѣдовательно безъ всякихъ видимыхъ на то причинъ, достигъ уже 16,170,441 фунт., то-есть увеличился на 1,277,690 фунт., несмотря на то, что въ теченіе этого времени численность англійскихъ регулярныхъ войскъ уменьшилась на 7,000 человѣкъ, а издержки на усиленіе штата полицейскихъ чиновъ увеличились съ 2,141,269 на 2,502,450 фунтовъ стерлинговъ. Лордъ Майо, только-что вступившій въ управленіе Индіею, весьма сочувственно отозвался на заявленіе гер-

[1]) Надо замѣтить, что этотъ blue-book появился въ печати почти одновременно съ возбужденіемъ Алабамскаго вопроса, котораго развязку тогда еще трудно было предвидѣть.

Digitized by Google

цога Аргайля и въ скоромъ времени дѣйствительно нашелъ возможнымъ, чрезъ улучшеніе внутренняго хозяйства въ войскахъ, предложить мѣры, могущія послужить къ сокращенію бюджета. Но Лондонскій кабинетъ этимъ не удовлетворился и сталъ требовать не сокращенія расходовъ по одной только военной администраціи, а просто уменьшенія численности находящихся въ Индіи какъ собственно британской, такъ въ особенности туземной армій. Требованіе это вызвало протестъ со стороны вице-короля и бывшаго тогда главнокомандующаго тамъ войсками генерала Мансфильда. Пришлось доказывать, что въ Индіи нѣтъ ни одного лишняго солдата, что единственная опора британскаго владычества состоитъ въ арміи, и что малѣйшее уменьшеніе ея численности будетъ имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ утрату значенія и ослабленіе власти англичанъ въ Индіи. Въ началѣ Лондонскій кабинетъ не придавалъ особенной важности заявленіямъ вице-короля и мѣстнаго правительства, считалъ ихъ преувеличенными и продолжалъ настаивать на томъ, что уменьшеніе численности въ войскахъ вполнѣ возможно и не можетъ подвергнуть владычество Англіи какой бы то ни было опасности. Такимъ образомъ, переписка между герцогомъ Аргайлемъ и лордомъ Майо приняла чисто полемическій характеръ и служила только къ тому, что все болѣе и болѣе выказывала незнаніе края и мѣстныхъ обстоятельствъ со стороны перваго и постепенно обнаруживала чрезъ аргументы, избираемые вторымъ для поддержки своего мнѣнія, шаткое положеніе англичанъ въ Индіи и невозможность, безъ большой опасности, полагаться на преданность страны или расположеніе ея жителей. Дѣло это тянулось такимъ образомъ до конца 1870 года, и не достигнувъ никакихъ результатовъ послужило только къ возбужденію всеобщаго неудовольствія въ арміи, незнавшей, какая судьба ее постигнетъ. Въ это время, вмѣсто генерала Мансфильда (нынѣ лордъ Сандгёрстъ), назначенъ былъ главнокомандующимъ въ Индіи лордъ Непиръ-Магдальскій. Новый главнокомандующій не оправдывалъ требованій Лондонскаго кабинета и не соглашался ни на какое численное сокращеніе войскъ. Чтобы доказать всю неосновательность и опасность уменьшенія силы арміи, онъ представилъ нѣсколько чрезвычайно замѣчательныхъ записокъ и въ сущности, работами своими, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ къ раскрытію слабыхъ сторонъ англичанъ. Мнѣніемъ его пренебрегать было невозможно; онъ пользовался слишкомъ большимъ уваженіемъ въ Англіи, а боевая его опытность и отличное знаніе Индіи, гдѣ, занимая различныя первостепенныя военныя и гражданскія должности, онъ провелъ бо́льшую часть

Digitized by Google

своей жизни, давали ему неоспоримое право говорить про нее съ такимъ авторитетомъ, котораго другіе не имѣли. Вслѣдствіе этого въ скоромъ времени Лондонскій кабинетъ пришелъ къ тому заключенію, что невозможно не обращать вниманія на заявленіе людей, близко знакомыхъ съ краемъ, и не желая нести отвѣтственности за предлагаемыя мѣры, принужденъ былъ отказаться отъ своихъ требованій. Впрочемъ, не одинъ лордъ Непиръ-Магдальскій обращалъ вниманіе правительства на настоящее критическое положеніе страны. Упоминаемый мною blue-book весь наполненъ заявленіями лицъ, занимавшихъ прежде или занимающихъ теперь первостепенныя мѣста въ Индіи, указывавшими на тяжелое положеніе тамъ англичанъ и на ненависть къ нимъ ея жителей. Всѣ болѣе или менѣе признавали тотъ фактъ, что разсчитывать на преданность страны невозможно и что, при настоящемъ настроеніи ея жителей, единственное средство удерживать ее въ повиновеніи и сохранять тамъ спокойствіе — есть войска, уменьшеніе силы которыхъ равносильно, по ихъ мнѣнію, было бы поощренію къ возмущенію.

Но во всѣхъ этихъ документахъ, признающихъ и разсматривающихъ Индію, какъ страну ненадежную и готовую при первомъ случаѣ возстать противъ правительства королевы, не разъяснено главнаго,—почему все это происходитъ? такъ что, и по ознакомленіи съ документами, причины неудовольствія или лучше сказать ненависти индусовъ къ англичанамъ остаются невыясненными или неразгаданными; а между тѣмъ это въ высшей степени важно, ибо безъ знанія этихъ причинъ, невозможно найти и средства къ ихъ удаленію. Для разъясненія этого первостепеннаго вопроса и уразумѣнія собственно причинъ неудовольствія индусовъ, я полагаю, нельзя найти сочиненія болѣе полнаго, чѣмъ недавно появившаяся въ печати книга: «The India Musulmans»—доктора Гентера. Книга эта надѣлала весьма много шума; авторъ отлично и подробно объясняетъ положеніе англичанъ въ Индіи и, по моему мнѣнію, заслуживаетъ вполнѣ того, чтобы обратить на нее вниманіе и нашей читающей публики.

Digitized by Google

II.

Докторъ Гёнтеръ долго изучалъ край и глубоко вникалъ во всѣ его особенности, а потому трудъ его представляетъ чрезвычайно интересное описаніе настоящаго положенія страны. У него нигдѣ не встрѣтишь ни одного факта, безъ объясненія причинъ его породившихъ. Задавшись цѣлью изучить религіозное движеніе между мусульманами и причины ихъ неудовольствія на британское правительство, онъ дѣйствительно приложилъ всѣ старанія для ея достиженія; въ сочиненіи его все объяснено и все разъяснено, и конечно, чтобы составить себѣ правильное понятіе о томъ, что́ дѣлается теперь въ Индіи, нельзя найти ничего болѣе полнаго и лучшаго. Въ предисловіи къ своей книгѣ онъ говоритъ, что опасность, окружающая британское владычество въ Индіи, происходитъ главнѣйшимъ образомъ оттого, что англичане не понимаютъ и не знаютъ своихъ азіатскихъ подданныхъ и не принимаютъ никакихъ мѣръ, чтобы засыпать ту пропасть, которая отдѣляетъ правителей отъ управляемыхъ. Ему кажется, что единственное средство предостеречь противъ этой хронической апатіи и такъ часто повторяющихся затѣмъ неожиданныхъ паникъ, есть знаніе правды и вѣрная оцѣнка положенія, занимаемаго англичанами въ Индіи.

Всѣмъ извѣстно, что въ настоящее время Бенгалія находится въ весьма странномъ настроеніи духа, но быть можетъ весьма немногимъ извѣстно, что все мусульманское населеніе Индіи въ теченіе послѣдняго времени совершенно гласно обсуждало вопросъ: можетъ ли оно, безъ опасенія погубить свою душу, продолжать смиренно переносить владычество Англіи? Въ послѣдніе мѣсяцы, самые вліятельные органы туземной печати наполняли страницы свои разсужденіями объ обязанности мусульманъ вести священную войну противъ правительства королевы. Вопросъ этотъ не только что представленъ былъ на рѣшеніе мѣстныхъ ученыхъ, но доходилъ даже и до Мекки и составлялъ въ теченіе нѣкотораго времени главный предметъ занятій имамовъ священнаго града. Открытые теперь документы не оставляютъ болѣе ни малѣйшаго сомнѣнія въ страшной опасности, угрожающей владычеству Англіи, и, конечно, никогда никакой переворотъ не мутилъ болѣе народъ, чѣмъ настоящій религіозный вопросъ въ Индіи, и никогда еще подкопъ и систематическое подготовленіе къ взрыву не дѣйствовали такъ открыто и съ такимъ успѣхомъ. Мусульмане Индіи всегда были и теперь продолжаютъ быть источ-

Digitized by Google

никомъ хронической опасности для британскаго владычества; если англичанамъ удалось немного пріучить къ себѣ мягкихъ индусовъ, то всѣ попытки по этой части относительно мусульманъ остались до сихъ поръ тщетными, и ненависть ихъ къ чужеземному игу теперь быть можетъ сильнѣе, чѣмъ она была даже при первомъ покореніи страны. Докторъ Гёнтеръ имѣлъ въ виду, объяснивъ значеніе мусульманскаго движенія въ настоящее время, раскрыть всю организацію мусульманской пропаганды и указать на тѣ причины, которыя способствуютъ тому, что народъ съ наслажденіемъ готовъ слѣдовать ученію апостоловъ возстанія. Но для того, чтобы вѣрно оцѣнить настоящее и быть въ состояніи убѣдиться въ томъ, что магометанская пропаганда не есть дѣло религіозное, а чисто политическое, необходимо бросить бѣглый взглядъ на историческую сторону вопроса.

III.

Разсадникъ возмущенія сформировался лѣтъ 50-ть тому назадъ на Пенджабской границѣ, и обязанъ своимъ происхожденіемъ Саидъ-Ахмату. Ловкій, умный и смѣлый Саидъ-Ахматъ началъ свое житейское поприще какъ разбойникъ въ шайкѣ одного знаменитаго въ то время атамана и не разъ наводилъ ужасъ, грабилъ и разорялъ богатыя плантаціи опіума въ Мальо. Но вскорѣ, вслѣдствіе строгости законовъ и мѣръ принятыхъ тогдашнимъ владѣтелемъ сикховъ, ремесло его сдѣлалось слишкомъ опаснымъ, такъ что онъ нашелъ выгоднымъ его бросить и совершенно измѣнить свой прежній образъ жизни. Около 1816 года, онъ отправился въ Дели для изученія тамъ священныхъ книгъ у извѣстнаго тогда своею высокою ученостью муллы Шахъ-Абдулъ-Азиса; послѣ трехъ лѣтъ трудовъ и испытаній, онъ снова появляется въ свѣтѣ, но уже не какъ разбойникъ, а какъ краснорѣчивый и талантливый проповѣдникъ. Смѣлыми нападеніями на злоупотребленія, допускаемыя мусульманами въ Индіи, онъ скоро пріобрѣлъ горячихъ и ревностныхъ поклонниковъ. Дѣятельность свою, какъ проповѣдникъ, онъ началъ среди потомковъ рогилліасовъ [1]), истребленіе которыхъ составляетъ одинъ изъ самыхъ постыдныхъ эпизодовъ политической карьеры знаменитаго Уарренъ Гастингса. Потомки этихъ несчастныхъ, въ первой половинѣ текущаго столѣтія, постоянно мечтали о мщеніи и теперь

[1]) Горный округъ недалеко отъ Рампура.

Digitized by Google

еще продолжаютъ наполнять своими лучшими людьми мятежныя колоніи, образовавшіяся на границахъ англійскихъ владѣній. Въ теченіе 1820 года, проповѣдникъ медленно сталъ подвигаться по направленію къ югу; во время этого путешествія, число учениковъ его увеличивалось постоянно, и не только бѣдный народъ, но и богатые и знатные люди присоединялись къ толпѣ, и служа ему какъ простые слуги, бѣгали безъ обуви около его паланкина. Число приверженцевъ его увеличилось уже настолько, что, остановившись довольно долго въ Патнѣ и избравъ ее центромъ своихъ дѣйствій, онъ нашелъ возможнымъ устроить родъ правильнаго надъ ними управленія. Опредѣливъ агентовъ для того, чтобы ходить по всѣмъ пройденнымъ имъ по пути большимъ городамъ и собирать тамъ установленную имъ подать съ торговыхъ оборотовъ жителей, онъ, далѣе, формальнымъ актомъ, такимъ же какіе употреблялись въ старинные годы Великими Моголами при опредѣленіи на должности правителей провинцій, назначилъ четырехъ калифовъ или духовныхъ вице-правителей и одного верховнаго муллу. Въ слѣдующемъ году, слѣдуя по теченію Ганга, онъ отправился въ Калькутту, пріобрѣтая по пути огромное число приверженцевъ и оставляя во всѣхъ главныхъ городахъ преданныхъ ему агентовъ. Въ Калькуттѣ, народъ со всѣхъ сторонъ сбѣгался къ нему въ такомъ множествѣ, что онъ даже не былъ болѣе въ состояніи исполнять обрядъ возложенія рукъ, такъ что, развернувъ чалму свою, объявилъ, что для каждаго желающаго сдѣлаться его послѣдователемъ достаточно будетъ прикоснуться къ этой части его одежды. Въ 1822 году онъ совершилъ путешествіе въ Мекку, и такимъ образомъ изъ разбойника уже окончательно преобразился въ священнаго пилигрима. Въ 1823 году онъ возвратился въ Индію чрезъ Бомбей, гдѣ успѣхъ его проповѣди былъ такъ великъ, что превзошелъ даже тотъ, который онъ имѣлъ въ Калькуттѣ.

Но такого рода чисто нравственный успѣхъ не могъ удовлетворить честолюбія бывшаго разбойника, и дѣйствительно, вскорѣ дѣятельность его приняла совершенно другой оборотъ. Возвращаясь снова въ Сѣверную Индію, онъ по дорогѣ завернулъ въ родной свой край, округъ Барельи, гдѣ присоединивъ къ себѣ огромное число приверженцевъ, въ 1824 году является среди дикихъ горцевъ Песшаурской границы и проповѣдуетъ тамъ уже не реформы въ исламизмѣ, а священную войну противъ богатыхъ сикхскихъ городовъ Пенджаба. Жители Патны съ горячимъ восторгомъ откликнулись на его призывъ; будучи самыми безпокойными и фанатическими изъ всѣхъ мусульманскихъ наро-

Digitized by Google

довъ, они были весьма счастливы имѣть предлогъ грабить своихъ индустанскихъ сосѣдей, и священная цѣль, даваемая ихъ набѣгамъ, какъ нельзя болѣе пришлась по сердцу ихъ хищническимъ тенденціямъ. Сикхи въ то время владѣли всѣмъ Пенджабомъ, имѣли хорошо организованную армію и были въ состояніи противодѣйствовать нашествію фанатиковъ; а потому, чтобы какъ можно болѣе обезпечить свое предпріятіе, Саидъ-Ахматъ направился сперва въ Кандагаръ и Кабулъ, и проповѣдуя тамъ священную войну, дѣйствовалъ такъ удачно, что поднялъ почти весь народъ, смотрѣвшій на него какъ на избранника Бога, посланнаго для уничтоженія всѣхъ невѣрныхъ міра. Затѣмъ, когда онъ увѣрился, что пропаганда его имѣла достаточно успѣха, и получилъ убѣжденіе, что приверженцы его отвсюду откликнутся на его призывъ, онъ издалъ въ декабрѣ 1826 года манифестъ, въ которомъ во имя Бога призывалъ всѣхъ правовѣрныхъ къ оружію и участію въ священной войнѣ [1]).

Такимъ образомъ началась фанатическая война. Обѣ стороны вели ее съ перемѣннымъ счастіемъ, но съ ужаснымъ ожесточеніемъ и безпощадно рѣзали и истребляли все, что только могли [2]). До сихъ поръ еще живы въ памяти народа разсказы о жестокости мусульманъ и сикхскихъ индусовъ. Съ одной стороны, мусульмане отъ времени до времени спускались на равнины и предавали огню и мечу все что имъ попадалось; съ другой, сикхи вооружались поголовно, нападали на нихъ и разсѣявали по горамъ, преслѣдуя и истребляя ихъ какъ дикихъ звѣрей. Но самое ужасное было то, что между ними съ этого времени развилась вражда за кровь, такъ что постояннымъ мщеніямъ и убійствамъ не было болѣе конца. Теперь еще пограничные жи-

---

[1]) „Сикхи—писалъ онъ въ своемъ манифестѣ—долго властвуютъ въ Лагорѣ и другихъ мѣстахъ. Притѣсненія ихъ перешли всѣ предѣлы терпѣнія. Тысячи мусульманъ погибли отъ ихъ жестокости, и тысячи терпятъ теперь ихъ гоненія. Они не позволяютъ болѣе въ священныхъ минаретахъ призывать правовѣрныхъ на молитвы и запрещаютъ убивать жертвенныхъ коровъ. Настало время прекратить ихъ тиранію, и Богъ повелѣлъ смиренному Хазратъ-Саидъ-Ахмату, котораго да хранитъ Господь, имѣющему единственную цѣль — заступничество за вѣру, взять съ собою нѣсколько мусульманъ и идти въ Кабулъ и Пешауръ пробуждать правовѣрныхъ отъ сна равнодушія и воодушевлять на правое дѣло. Да будетъ хвала Богу, многія тысячи правовѣрныхъ отвѣтили на его зовъ и готовы, во исполненіе повелѣнія Господа, идти на врага, и 21-го декабря 1826 года объявляется и начинается жигадъ противъ невѣрныхъ сикховъ“.

[2]) Замѣчательно, что въ это время у владѣтеля сикховъ, Ранжитъ-Синга, находилось на службѣ весьма много наполеоновскихъ офицеровъ и между ними генералъ Авитабили, извѣстный итальянскій авантюристъ, имя котораго и теперь еще помнятъ жители Пешаура.

Digitized by Google

тели съ гордостію разсказываютъ, что право владѣнія землею куплено было ими за плату дани, состоявшей ежегодно изъ ста мусульманскихъ головъ. Въ большихъ сраженіяхъ буйныя полчища Саидъ-Ахмата не имѣли вначалѣ успѣха противъ дисциплинированныхъ войскъ сикховъ; въ 1827 году онъ атаковалъ одинъ изъ ихъ укрѣпленныхъ лагерей и былъ страшно разбитъ, но сикхи не воспользовались побѣдою, и мусульмане, отступивъ безъ преслѣдованія за Индусъ, бросились въ горы, гдѣ партизанскія ихъ дѣйствія имѣли такой огромный успѣхъ, что сикхи скоро принуждены были дорогою цѣною купить себѣ хотя на время миръ. Въ 1829 году, война снова возгорѣлась, и на этотъ разъ успѣхъ мусульманъ былъ такъ великъ, что сикхи стали даже бояться за цѣлость столицы своей Песшаура, и чтобы положить конецъ ихъ побѣдамъ, губернаторъ его рѣшился прибѣгнуть къ подкупу съ цѣлію избавиться отъ Саидъ-Ахмата посредствомъ яда. Но попытка эта не удалась и послужила только къ еще большему озлобленію мусульманъ: они съ яростью бросились на сикхскія долины и не только перебили огромное число жителей, но разбили даже и нѣсколько высланныхъ противъ нихъ армій; Песшауръ спасся только благодаря отчаянной защитѣ. Побѣды эти значительно увеличили и безъ того уже не малое значеніе Саидъ-Ахмата, все поклонялось предъ нимъ и вліяніе его распространилось до самаго Кашмира. Всѣ недовольные или честолюбивые владѣтели мелкихъ государствъ переходили на его сторону вмѣстѣ съ ихъ войсками, толпы ему подчиненныя все болѣе и болѣе увеличивались, послѣднія войска сикховъ были разбиты, и наконецъ въ 1830 году палъ и самъ Песшауръ. Паденіе сикхской столицы составляетъ апогей славы Саидъ-Ахмата. Онъ вслѣдъ за симъ провозгласилъ себя калифомъ и сталъ чеканить монету съ надписью: «Ахматъ Справедливый, защитникъ вѣры, блескъ оружія котораго поражаетъ невѣрныхъ». Силою противъ него ничего нельзя было сдѣлать, и сикхи взялись за хитрость; дипломатическія интриги ихъ въ этомъ случаѣ имѣли успѣхъ: нѣкоторые князьки, увлеченные выгодными обѣщаніями, стали отдѣляться отъ правовѣрныхъ полчищъ, и тогда Саидъ-Ахматъ, боясь распаденія своей арміи, предпочелъ до того еще уступить обратно Песшауръ, удовольствовавшись взять за это съ сикховъ огромный выкупъ.

Саидъ-Ахматъ имѣлъ неоспоримыя дарованія и успѣхъ его, какъ фанатическаго проповѣдника, ясно доказалъ, что онъ человѣкъ одаренный необыкновенными способностями; но впослѣдствіи, когда положеніе его измѣнилось и онъ сдѣлался уже не

Digitized by Google

духовнымъ руководителемъ секты, а главою громадной политической партіи, то у него не хватило ни достаточно энергіи, ни административныхъ талантовъ, чтобы совладать съ труднымъ дѣломъ управленія своихъ разнородныхъ послѣдователей. Видя изъ различныхъ дѣйствій своихъ подчиненныхъ и частаго непослушанія его воли начало паденія своей власти, онъ, для поддержанія ея, рѣшился прибѣгнуть къ строгости, но не имѣлъ успѣха; одна предписанная имъ мѣра оказалась столь непопулярною, что произвела между его приверженцами бунтъ и страшную рѣзню, самъ онъ спасся только чудомъ. Сикхи воспользовались этимъ выгоднымъ для нихъ оборотомъ дѣлъ и въ 1831 году, напали на Саида врасплохъ, разбили его полчища и самого его убили.

Казалось, что со смертью Саидъ-Ахмата должно было распасться и основанное имъ царство, но на дѣлѣ вышло совершенно иначе; между его послѣдователями нашлись два человѣка, родные братья, которые взялись продолжать начатое имъ дѣло. Одинъ изъ нихъ, бывшій его казначей, отправился на границу Пенджаба и тамъ, въ Ситтанѣ, сталъ собирать вокругъ себя остатки его приверженцевъ. Другой призванъ былъ духовенствомъ владѣнія Суатъ и посаженъ тамъ на престолъ, съ цѣлью имѣть въ этомъ бывшемъ героѣ священной войны надежнаго защитника противъ возрастающаго вліянія англичанъ и индусовъ, такъ что мусульмане получили два твердыхъ оплота и возможность, посредствомъ своихъ миссіонеровъ, поддерживать среди дикаго и фанатическаго народонаселенія пламя священной войны. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, они постоянно продолжали свои хищническіе набѣги на сикховъ, и вообще убійства и опустошенія не прекращались до самаго присоединенія Пенджаба къ Англіи. Впрочемъ, число приверженцевъ ихъ отъ этого присоединенія не только не уменьшилось, но еще болѣе увеличилось, ибо мусульмане, недовольные британскимъ владычествомъ, стали бросать свои родныя жилища и переходить къ нимъ въ огромномъ числѣ. Въ этомъ отношеніи англичане сдѣлали неисправимую ошибку, они въ то время такъ мало оцѣнили всю будущую опасность этой возрастающей фанатической колоніи или, лучше сказать, такъ мало поняли ея политическое значеніе, что не только не препятствовали ея постоянному увеличенію, но даже дозволяли находящимся у нихъ на службѣ мусульманамъ ежегодно пользоваться отпускомъ для совершенія поминокъ по умершимъ родителямъ, среди пограничныхъ фанатиковъ. Наконецъ дошло до того, что всякій правовѣрный сталъ считать для себя обяза-

Digitized by Google

тельнымъ послужить хотя нѣкоторое короткое время въ рядахъ священныхъ полчищъ. Англійскіе мусульманскіе чиновники совершенно открыто жертвовали часть своего содержанія въ пользу ситтанской колоніи, и англичане все это видѣли и не понимали, что священная война уже имѣетъ цѣлью истребленіе не сикховъ, а ихъ самихъ, въ глазахъ правовѣрныхъ гораздо болѣе невѣрныхъ и гораздо болѣе достойныхъ смерти. Недальновидность англичанъ, дозволившихъ постоянныя сношенія ихъ подданныхъ съ фанатическою колоніею впослѣдствіи обошлась имъ очень дорого. Саидъ-Ахматъ успѣлъ дать своимъ послѣдователямъ совершенно правильную административную организацію; учрежденныя имъ различныя должности какъ въ самомъ центрѣ англійскихъ владѣній, такъ и на сикхскихъ границахъ, поставили все начатое имъ дѣло внѣ случайностей, могущихъ произойти отъ жизни или смерти кого-либо изъ предводителей, такъ что даже его собственная смерть не имѣла послѣдствіемъ распаденіе секты. Приверженцы его распространяли слухъ, что онъ живъ и скрылся отъ глазъ людскихъ только на время, но вскорѣ появится снова въ главѣ громадныхъ полчищъ для истребленія невѣрныхъ англичанъ, завладѣвающихъ Индіею. Большая часть народа вѣрила въ это чудо, продолжала вносить установленную имъ подать, и люди со всѣхъ сторонъ шли, также какъ и прежде, на подкрѣпленіе полчищъ фанатической колоніи. Неисправные должники, бѣглые солдаты, преступники, ожидавшіе приговора, всѣ желавшіе избавиться отъ заслуженнаго наказанія, бѣдные, избѣгавшіе работы, фанатики, не хотѣвшіе переносить христіанскаго владычества и вообще всѣ недовольные законами, бѣжали изъ британскихъ владѣній и переселялись въ этотъ вертепъ разбойниковъ. Болѣе всѣхъ доставалось отъ нихъ сикхамъ, но иногда они нападали и на англичанъ, и во время войны послѣднихъ въ Кабулистанѣ послали туда въ подкрѣпленіе весьма значительныя силы; вообще же ненависти ихъ къ христіанамъ не было предѣла, и смерть была для нихъ предпочтительнѣе, чѣмъ миръ съ невѣрными. Съ присоединеніемъ Пенджаба, фанатическое бѣшенство, такъ страшно разразившееся во время священной войны противъ сикховъ, всею своею тяжестью перешло на англичанъ, и истребленіе покорителей стало главною заботою и любимою мечтою ситтанскаго лагеря. Еще въ 1847 году лордъ Лоуренсъ обращалъ вниманіе правительства на этихъ проповѣдниковъ истребленія христіанъ и предупреждалъ въ необходимости оградить себя отъ ихъ постоянно возрастающаго вліянія. Пробовали брать съ нихъ заложниковъ и связывать ихъ различными письменными документами,

Digitized by Google

но, конечно, это ни къ чему не вело, и они точно также, какъ и до этого, продолжали свою пропаганду и распространяли ее по всей Индіи и въ особенности дѣйствовали успѣшно въ нижней Бенгаліи и на границахъ британскихъ владѣній. Въ 1852 году, правительство захватило переписку, изъ которой открылось, что фанатики завели сношенія съ туземными войсками, находившимися на службѣ британскаго правительства и что полкъ, расположенный въ Рауль-Пинди, т.-е. первый, которому пришлось бы противъ нихъ дѣйствовать, былъ уже достаточно подготовленъ къ измѣнѣ. Тогда же оказалось, что у нихъ устроена была совершенно правильная организація для перевода къ нимъ изъ бенгальской арміи людей и оружія. Правитель Патны доносилъ въ то же время, что мятежныя партіи увеличиваются постоянно, и что самые вліятельные люди совершенно открыто проповѣдуютъ возстаніе. Полиція, которую хотѣли противъ нихъ употребить, оказалась принадлежащею къ ихъ же партіи, а между тѣмъ разбои и убійства достигли уже громадныхъ размѣровъ. Конечно, послѣ всего этого британское правительство не могло болѣе оставаться равнодушнымъ къ такого рода положенію дѣлъ, и лордъ Дэлузи, усиливъ внутренній надзоръ за измѣнническою пропагандою въ англійскихъ владѣніяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшился дѣйствовать оружіемъ противъ главныхъ пограничныхъ притоновъ фанатической секты.

Такимъ образомъ, положено было начало военныхъ дѣйствій противъ фанатической колоніи. Много крови и много денегъ стоили они англичанамъ, и дорогою цѣною иногда дѣйствительно удавалось достигать нѣкоторыхъ временныхъ результатовъ, но вообще же вредъ, причиненный ими мусульманамъ — былъ ничтоженъ, такъ какъ постоянныя сношенія со всею Индіею давали послѣднимъ возможность не нуждаться въ деньгахъ и увеличивать свои ряды недовольными изъ провинцій, принадлежащихъ Англіи.

Описаніе собственно военныхъ дѣйствій не можетъ представить особеннаго интереса, но чтобы дать понятіе о принятыхъ ими размѣрахъ, достаточно указать на то, что съ 1850 по 1863 годъ, англичане предприняли въ горы 20 отдѣльныхъ экспедицій, въ теченіе которыхъ они принуждены были, за исключеніемъ союзныхъ контингентовъ и полиціи, выставить противъ непріятеля 66,000 человѣкъ регулярныхъ войскъ.

Digitized by Google

IV.

Первоначально собственно ситтанская колонія не принимала открытаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и довольствовалась тѣмъ, что тайно воодушевляла противъ англичанъ другихъ горцевъ, и раздувая пламя фанатизма по всей границѣ, сама оставалась въ сторонѣ и сохраняла покойный видъ. Но въ 1857 году она вступила въ совершенно открытую борьбу; предлогомъ къ этому послужило то, что у ситтанцевъ разбѣжалось нѣкоторое число черныхъ рабовъ, и они потребовали у англичанъ содѣйствія для ихъ отысканія и обратнаго къ нимъ возвращенія. Просьба ихъ не была уважена, и тогда, раздраженные отказомъ, они вооружились и большими массами напали на ближайшія англійскія владѣнія и страшнѣйшимъ образомъ ихъ опустошили. Такого рода дерзость потребовала мщенія, и въ 1858 году, отрядъ изъ 5,000 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Сидней-Коттона отправленъ былъ въ горы для ихъ наказанія. Послѣ довольно большихъ затрудненій, отряду этому удалось уничтожить два - три селенія и даже достигнуть и разорить самый центръ фанатической колоніи, Ситтану. Но въ сущности дѣйствія генерала Сидней-Коттона, несмотря на ихъ успѣхъ, не имѣли особенно выгодныхъ послѣдствій; мусульмане удалились въ Малабамскія горы, и получивъ отъ сосѣдняго племени въ даръ урочище Малка̀, основали себѣ тамъ другой оплотъ, такъ что въ концѣ концовъ результатъ дорогой и кровопролитной войны состоялъ только въ перенесеніи разсадника возмущенія изъ одного мѣста въ другое.

Но не столько британское оружіе, сколько другое обстоятельство имѣло вліяніе на фанатическую колонію и на нѣкоторое время дало ея сосѣдямъ возможность отдохнуть отъ постоянныхъ набѣговъ мусульманскихъ хищниковъ. Кромѣ различныхъ денежныхъ приношеній, посылаемыхъ со всей Индіи, ситтанцы постоянно собирали десятину отъ всѣхъ пограничныхъ горскихъ племенъ. Сообразно съ личнымъ вліяніемъ проповѣдника, дѣйствовавшаго какъ сборщика податей, требованія его или исполнялись, или отклонялись. Подати эти и алчность мусульманскихъ проповѣдниковъ служили постояннымъ источникомъ неудовольствія и отталкивали многихъ правовѣрныхъ когда-то даже отъ самого Саидъ-Ахмата. Но мусульманскіе проповѣдники не легко уступали то, что они считали неотъемлемою своею собственностью, и потому, когда какое-нибудь сосѣднее племя отказывало въ уплатѣ десятины, то

Digitized by Google

они цѣлыми массами на него нападали, уничтожали посѣвы, жгли и рѣзали и силою добывали то, что имъ не давали добровольно. Въ 1858 году, во время вступленія генерала Сидней-Коттона въ горы, успѣху его особенно послужило то, что Ситтана одновременно подверглась съ другой стороны нападенію одного сосѣдняго племени, отказавшаго въ десятинѣ и явившагося мстителемъ за разоренныя фанатиками поля. Ситтана отбилась, но главный ея владыка и предводитель мусульманскихъ полчищъ Саидъ-Омаръ-Шахъ *) былъ убитъ, такъ что съ одной стороны внутренніе раздоры, а съ другой англійскія войска, на нѣкоторое время имѣли послѣдствіемъ ослабленіе фанатической колоніи. Но не прошло еще и двухъ лѣтъ, какъ она снова успѣла возстановить между окружающими ее племенами потерянное вліяніе, и въ 1861-мъ году была уже настолько сильна, что бросивъ Малку́ опять вернулась къ старому мѣсту жительства и укрѣпилась на неприступныхъ скалахъ, надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ находилась прежде разоренная Ситтана. Затѣмъ пошли опять грабежи и убійства, и тѣ пограничные народы, которые условились договорами оберегать англійскія границы отъ нападенія фанатиковъ, не только не исполнили принятыя ими на себя обязательства, но еще сами содѣйствовали имъ въ набѣгахъ ихъ на британскую территорію. Первоначальный успѣхъ снова воодушевилъ ситтанцевъ, они стали все далѣе и далѣе проникать въ глубь англійскихъ владѣній и въ одинъ прекрасный день напали на Рауль-Пиндійскій округъ и страшнѣйшимъ образомъ его ограбили, такъ что дѣла пошли по старому и приняли совершенно тотъ же самый оборотъ, какъ и до экспедиціи генерала Сидней-Коттона. Не желая предпринимать новую экспедицію въ горы, англичане для обезпеченія своихъ подданныхъ обратились къ другому способу. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать противъ самихъ ситтанцевъ, они учредили строжайшую блокаду надъ тѣми пограничными жителями, которые связаны были съ ними договорами. Всякія сообщенія ихъ съ жителями на сторонѣ англичанъ были прекращены, и дѣйствительно, способъ этотъ оказался довольно удачнымъ, ибо недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ скоро заставилъ ихъ отдѣлиться отъ фанатиковъ, прогнать ихъ изъ Ситтаны и принудить вернуться въ Малку́.

Но такого рода положеніе дѣлъ было непродолжительно; измѣнническая пропаганда брала свое и мусульмане изъ британскихъ

*) Саидъ-Омаръ-Шахъ былъ тотъ самый казначей Саидъ-Ахмата, который, удалившись въ Ситтану, сталъ собирать вокругъ себя разсѣянныхъ приверженцевъ убитаго проповѣдника.

Digitized by Google

владѣній продолжали со всѣхъ сторонъ стремиться въ фанатическую колонію. Въ 1862-мъ году она уже такъ усилилась, что пенджабское правительство настоятельно требовало новой экспедиціи въ горы. Въ 1863-мъ году, сильно окрѣпшіе фанатики вторично заняли Ситтану, и на этотъ разъ уже не довольствовались болѣе набѣгами на ближайшихъ сосѣдей, а стали нападать на дальнія англійскія владѣнія и государства, признававшія британское покровительство и, наконецъ, послѣ безчисленныхъ убійствъ и насилій, формальнымъ манифестомъ объявили священную войну и призывали всѣхъ правовѣрныхъ къ оружію для совокупныхъ дѣйствій противъ невѣрныхъ христіанъ. Послѣ всего этого не было болѣе никакой возможности избѣгнуть войны: англичане принуждены были собрать отрядъ изъ 7,000 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Чемберлена и отправить его въ горы для наказанія ситтанскихъ грабителей.

Экспедиція эта, начавшаяся въ октябрѣ 1863-го года, была одна изъ самыхъ несчастныхъ; уже въ серединѣ ноября, дѣла приняли такой оборотъ, что генералъ Чемберленъ принужденъ былъ просить о скорѣйшей помощи для спасенія своего отряда. Англичане для достиженія Ситтаны должны были пройти черезъ длинный горный Амбельскій дефилэ, но непріятель дѣйствовалъ такъ удачно и находился противъ нихъ въ такомъ огромномъ числѣ, что несмотря на храбрость войскъ, энфильдскіе штуцера и картечь, они не были въ состояніи изъ него выдти. Путь отступленія имъ былъ также отрѣзанъ, а между тѣмъ фанатическія полчища все болѣе и болѣе увеличивались, а тѣ союзники, на содѣйствіе которыхъ разсчитывали англичане, имъ измѣнили и тѣмъ еще болѣе усложнили ихъ опасное положеніе. Неудача эта могла имѣть страшныя послѣдствія, возстаніе угрожало распространиться по всему Пенджабу и далѣе, и оно тѣмъ болѣе было опасно, что тамъ въ это время совершенно не было войскъ. Потери отряда были такъ велики, что несмотря на прибывавшія къ нему на выручку подкрѣпленія, онъ все-таки, по случаю большого числа раненыхъ и больныхъ и недостатка перевозочныхъ средствъ, не былъ въ состояніи отступить и выбраться изъ Амбельскаго дефилэ. Къ концу ноября генералъ Чемберленъ, самъ тяжело раненый, доносилъ, что положеніе становится отчаяннымъ и, что, вѣроятно, посылаемыя къ нему подкрѣпленія придутъ уже поздно. Однимъ словомъ, дѣло дошло до того, что ожидали окончательной погибели отряда. Вдругъ получилось тіе, что англичане не только выбились, но даже предчли наступательныя дѣйствія, разгромили нѣсколько непрія-

Digitized by Google

тельскихъ селъ, и разоривъ Ситтану и Малку́, возвращаются въ свои предѣлы. Такой неожиданный переворотъ въ положеніи отряда генерала Чемберлена произошелъ отъ слѣдующихъ причинъ: предводители фанатиковъ, увлеченные успѣхомъ и считая истребленіе англичанъ дѣломъ уже почти оконченнымъ, съ одной стороны начали деспотически распоряжаться съ своими союзниками, а съ другой, завидуя другъ другу, затѣяли между собою ссоры, скоро преобразовавшіяся въ открытыя враждебныя дѣйствія и имѣвшія послѣдствіемъ то, что около 10-го декабря громадный фанатическій лагерь исчезъ какъ дымъ; разнородные элементы его составлявшіе разошлись вмѣсто того, чтобы дѣйствовать противъ англичанъ, затѣяли междоусобную войну и обратили оружіе свое противъ самихъ же себя. Амбельскій дефилэ, предназначенный служить могилою для англійскихъ войскъ, оказался болѣе незащищеннымъ, и генералъ Чемберленъ, боясь, что фанатики снова какъ-нибудь между собою сойдутся, рѣшился до этого еще перейти въ наступленіе. Бывшіе союзники фанатическихъ предводителей, купленные англичанами, помогли ему въ исполненіи его намѣренія, такъ что Ситтана и Малка́ истреблены были почти безъ потерь, и отступленіе отряда совершилось безъ выстрѣла.

Раздоры между фанатиками продолжались довольно долго, такъ что до конца 1867-го года, будучи слишкомъ заняты своими собственными дѣлами, они оставляли въ покоѣ и англичанъ и индусовъ. Но въ слѣдующемъ 1868 году, имъ удалось опять соединиться и напасть на Аграрскую долину, съ цѣлію возбудить снова священную войну. Но на этотъ разъ англичане не дали развиться возстанію, они сильно заняли войсками весь Пенджабъ и отправили въ горы значительный отрядъ, составленный изъ войскъ переведенныхъ нарочно для этой цѣли изъ другихъ провинцій. Экспедиція эта, послѣдняя изъ предпринятыхъ противъ горцевъ англичанами, имѣла, какъ и всегда въ этихъ случаяхъ, только временный результатъ: фанатики разбѣжались, но не были истреблены, даже не замирились, и разсадникъ возмущенія, по минованіи опасности, опять сталъ продолжать свои прежнія дѣйствія и собирать людей и деньги, для новыхъ сопротивленій и для будущихъ религіозныхъ возстаній.

Digitized by Google

V.

Легко понять, что скопище буйныхъ мятежниковъ и различныхъ бродягъ, поддержанное фанатическимъ населеніемъ и измѣною въ самомъ сердцѣ британскихъ владѣній, можетъ въ порывѣ ненависти рѣшиться на нападеніе не только на британскую территорію, но и на англійскія регулярныя войска. Но трудно понять, почему войска храбрыя, отлично вооруженныя и съ хорошими начальниками, ничего не могутъ сдѣлать съ этими дикими толпами, и только послѣ громадныхъ трудовъ и значительныхъ потерь добиваются самыхъ ничтожныхъ результатовъ. Для объясненія этого стóитъ только бросить бѣглый взглядъ на мѣстность, гдѣ приходится дѣйствовать войскамъ, то-есть на страну, избранную знаменитымъ Саидъ-Ахматомъ, чтобы служить главнымъ оплотомъ основанной имъ воинственной секты. На крайнемъ сѣверѣ долины Индуса, на границѣ послѣдняго народа, платящаго подать англійской коронѣ, возвышаются священныя скалы Индуса—Малабанъ, буквально непроходимый лѣсъ. Лѣсъ этотъ, покрывающій тѣ скалы, прелестью своею въ старинные годы вѣроятно болѣе всего окружающаго подѣйствовалъ на первыхъ аріанскихъ пришельцевъ и далъ названіе всей мѣстности. Группы такихъ лѣсистыхъ холмовъ и скалъ получили для индусовъ то же самое значéніе, какое Синай имѣлъ для іудеевъ. Санскритская поэзія обезсмертила преданіе старины и прошло уже много вѣковъ съ тѣхъ поръ, а Малабанъ, дикій и трудно доступный, продолжаетъ и донынѣ быть цѣлію благочестивыхъ путешествій и поклоненій индусовъ. До сихъ поръ считается благословеннымъ тотъ, котораго кости удостоятся блаженства вкушáть вѣчный покой подъ тѣнью Малабана. Въ этомъ-то убѣжищѣ благочестія индусовъ въ настоящее время обитаетъ и постоянно увеличивается самое безпокойное, фанатическое и суевѣрное изъ магометанскихъ племенъ, родоначальникомъ котораго былъ Саидъ-Ахматъ. Сосѣднія общества, не менѣе фанатическія, занимаютъ по той сторонѣ Индуса, на востокѣ, такъ-называемыя Черныя Горы и требуютъ со стороны англичанъ также не менѣе бдительнаго надзора, чтó и объясняетъ необходимость постоянно занимать сильнымъ гарнизономъ передовой пунктъ въ Аббабадѣ. До сихъ поръ только вопросъ о податяхъ и другіе дѣлаемые во имя вѣры поборы мѣшаютъ окончательному соединенію всѣхъ этихъ обществъ съ главною фанатическою колоніею, но тѣмъ не менѣе религіозный фанатизмъ

Digitized by Google

здѣсь такъ великъ, что онѣ, забывая притѣсненія, претерпѣваемыя отъ ситтанцевъ, часто соединяются съ ними для дѣйствія противъ общаго и ненавистнаго врага ихъ вѣры. Фанатическая колонія имѣетъ до 76,000 жителей, воспитанныхъ въ ненависти къ англичанамъ, убѣжденныхъ въ необходимости ихъ истребленія и твердо вѣрующихъ, что смерть въ бою съ невѣрными есть лучшее средство достигнуть спасенія души и блаженства будущей жизни. Экспедиція 1863 года показала англичанамъ, что военныя дѣйствія противъ фанатической колоніи есть война со всѣми правовѣрными вообще и что трудно нанести ей какой-нибудь существенный вредъ. Мѣстность избранная фанатическими сектаторами для жительства почти недоступна, такъ что выгнать ихъ оттуда положительно невозможно; ихъ можно разбить и временно ослабить, но надо помнить, что въ религіозныхъ войнахъ жертвы служатъ только къ развитію фанатизма и что чѣмъ ихъ больше, тѣмъ значительнѣе увеличивается число послѣдователей, и это тѣмъ болѣе опасно въ Индіи, гдѣ страна со всѣхъ сторонъ и безъ того уже подкопана измѣною.

Изъ предыдущаго краткаго очерка дѣйствій фанатической колоніи, со дня ея основанія въ 1831 году до настоящаго времени, видно, что будучи въ началѣ составлена только изъ нѣсколькихъ учениковъ Саидъ-Ахмата, удалившихся въ горы по нежеланію переносить на своей родинѣ злоупотребленія въ ихъ вѣрѣ, она быстро приняла громадные размѣры, развилась до того, что вовлекла Англію въ нѣсколько кровопролитныхъ войнъ и, несмотря на всѣ наносимые ей удары, процвѣтаетъ и теперь и продолжаетъ постоянно угрожать уже не спокойствію сосѣднихъ странъ, а могуществу и владычеству англичанъ въ Индіи. Никто не въ состояніи предвидѣть, до чего можетъ разростись эта пограничная орда фанатиковъ, и еще менѣе можно сказать, что случится, если найдется человѣкъ, который воодушевитъ и соединитъ въ одно цѣлое громадное число поклонниковъ священной войны. До сихъ поръ выяснился только одинъ неоспоримый фактъ, это то, что правительство Индіи признало фанатическія колоніи, образовавшіяся на его границахъ, за положительный источникъ нарушенія спокойствія и убѣдилось въ полномъ своемъ безсиліи, несмотря на всѣ возможныя жертвы, искоренить или остановить постоянно возрастающее вліяніе магометанской пропаганды.

Необыкновенная живучесть пограничной фанатической колоніи составляла долго положительно непроницаемую и неразгаданную тайну. Еще до покоренія Пенджаба, она подверглась три раза разоренію со стороны сиховъ, и впослѣдствіи не разъ была

Digitized by Google

разсѣеваема британскими войсками. Между тѣмъ, несмотря на тяжелые удары ей неоднократно наносимые, она все-таки продолжаетъ жить и увеличиваться. Въ этой необыкновенной живучести благочестивые правовѣрные видятъ перстъ божій и неоспоримое доказательство будущаго торжества исламизма. Только въ самое недавнее время, послѣ многихъ усилій и всевозможныхъ изслѣдованій, наконецъ, удалось дойти до тѣхъ причинъ, которыя могутъ удовлетворительно объяснить этотъ, такъ сказать, чудесный фактъ. Дѣло въ томъ, что вся Индія подкопана измѣною и что громадное магометанское населеніе страны есть неисчерпаемый источникъ, постоянно доставляющій и людей, и деньги для поддержанія фанатической колоніи. Экспедиціи направлялись всегда исключительно противъ открытаго врага англійскаго могущества и часто имѣли послѣдствіемъ разореніе фанатическихъ притоновъ и истребленіе бо́льшаго или меньшаго числа ихъ защитниковъ; но понятно, что вредъ черезъ это имъ наносимый былъ только временный и при сочувствіи всего магометанскаго населенія Индіи, конечно, не могъ имѣть послѣдствіемъ окончательное прекращеніе существованія мятежнаго лагеря. Зданіе, казавшееся совершенно сожженнымъ, снова загоралось и горѣло еще съ большею силою.

VI.

Религіозное движеніе, начатое Саидъ-Ахматомъ въ 1820—22 годахъ, не было достаточно оцѣнено британскими властями. Фанатическій проповѣдникъ прошелъ черезъ англійскія провинціи съ толпами преданныхъ ему послѣдователей и вездѣ пріобрѣталъ тысячи приверженцевъ; онъ устроилъ правильную систему сбора податей, учредилъ духовное и гражданское управленія и даже апостольское наслѣдіе. Англичане все это видѣли, терпѣли и даже не подозрѣвали всей важности того, что́ дѣлалось вокругъ нихъ. Священная война 1831 года пробудила ихъ наконецъ, но было уже слишкомъ поздно; броженіе умовъ началось, новое ученіе успѣло пустить глубокіе корни, и доктринами его заражены были почти всѣ принадлежащіе Великобританіи мусульмане въ Индіи. Въ то время, когда Саидъ-Ахматъ проповѣдывалъ на сѣверѣ, въ Калькуттѣ одинъ изъ его учениковъ, Титу-Майанъ, съ такимъ же успѣхомъ возбуждалъ Южную Индію догматами новой вѣры. Огромное число его послѣдователей лучше всего доказало, что и его пропаганда имѣла громадный успѣхъ. Когда Песшауръ сдѣлался добычею Саидъ-Ахмата, то Титу-Майанъ, увлеченный торжествомъ

Digitized by Google

учителя своего, въ свою очередь объявилъ тоже священную войну и сталъ призывать правовѣрныхъ къ оружію для истребленія англичанъ и возстановленія царства ислама. Въ 1830—31 годахъ ему удалось поднять цѣлыя массы народа; грабежи и страшныя насилія сопровождали полчища сектаторовъ, и почти весь калькуттскій и прилежащіе къ нему округа находились въ пламени. Положеніе англичанъ было тяжелое и только энергическія военныя дѣйствія и смерть самого Титу-Майана помогла имъ въ прекращеніи принимавшаго значительные размѣры возстанія. Саидъ-Ахматъ и Титу-Майанъ погибли почти одновременно, но изъ предыдущаго видно, что смерть перваго не остановила религіознаго движенія на сѣверѣ Индіи, точно также мало вліянія на дѣло имѣла и смерть Титу-Майана. Число послѣдователей новой секты продолжало увеличиваться, и въ скоромъ времени большая часть магометанскаго населенія, открыто или тайно, начала присоединяться къ ученію Саидъ-Ахмата. Дѣятельность учрежденныхъ имъ калифовъ и другихъ второстепенныхъ проповѣдниковъ въ этомъ случаѣ изумительна, и въ настоящее время число ихъ приверженцевъ уже такъ велико, что почти нѣтъ клочка земли въ Индіи, куда бы не проникъ голосъ этихъ грозныхъ реформаторовъ. Денежныя средства, которыми они располагаютъ, громадны, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Южной Индіи, года четыре тому назадъ, проповѣдь ихъ вызывала такой ураганъ энтузіазма, что даже женщины отдавали имъ свои драгоцѣнныя вещи для общаго, святого дѣла.

Саидъ-Ахматъ началъ свое апостольское поприще, основывая, какъ и всѣ до него бывшіе великіе реформаторы, ученіе свое на двухъ главныхъ началахъ—единствѣ Бога и равенствѣ людей между собою. Онъ съ огромнымъ воодушевленіемъ старался пробудить религіозные инстинкты, давно дремавшіе у его соотечественниковъ и освободить исламизмъ отъ суевѣрныхъ обрядовъ и различныхъ ересей, вкравшихся въ него отъ постояннаго столкновенія съ языческими индусами. Несмотря на то, что онъ въ началѣ своей жизни былъ только разбойникъ и обыкновенный грабитель, тѣмъ не менѣе нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что впослѣдствіи онъ такъ увлекся тѣмъ, что считалъ своимъ призваніемъ, что дѣйствительно всею душею предался дѣлу спасенія религіи правовѣрныхъ и мечтѣ возстановить вѣру пророка во всей ея первобытной чистотѣ. Человѣкъ съ страшно нервнымъ темпераментомъ, скрываемымъ подъ видомъ наружнаго спокойствія, Саидъ-Ахматъ часто подвергался различнымъ припадкамъ, которые у насъ признаны были бы прямо за эпилепсію, а у суе-

Digitized by Google

вѣрныхъ его слушателей приписывались божественному вліянію и средствомъ, употребляемымъ Богомъ для бесѣды съ нимъ и откровенія. Въ 1820-мъ году, когда онъ началъ свою религіозную пропаганду, ему было около 34-хъ лѣтъ отъ роду. Первоначально проповѣди его имѣли чисто практическій характеръ и касались ежедневной житейской стороны его соотечественниковъ, и онъ не только не вдавался ни въ какія ученыя пренія, но даже тщательно избѣгалъ всего того, что могло поставить его въ соприкосновеніе съ людьми, знавшими теоретически догматы мусульманской вѣры. Несмотря на это, сила его убѣжденій была такъ велика и краснорѣчіе такъ увлекательно, что двое изъ самыхъ извѣстныхъ въ то время мусульманскихъ ученыхъ были одними изъ первыхъ, признавшихъ истину его ученія. Эти-то два человѣка первоначально болѣе всего содѣйствовали успѣху Саидъ-Ахмата: огромная ихъ извѣстность какъ благочестивыхъ и высоко образованныхъ мусульманъ сдѣлала то, что по признанію ими божественнаго призванія Саидъ-Ахмата, массы народа, глядя на нихъ, стали присоединяться къ новому ученію, и Саидъ-Ахматъ изъ скромнаго проповѣдника быстро возвысился въ глазахъ правовѣрныхъ въ пророка, посланнаго Богомъ для совершенія извѣстной священной миссіи. Основательное знаніе литературы исламизма давало этимъ двумъ ученикамъ Саидъ-Ахмата возможность книжно объяснять слова его и доказывать, опираясь на тексты священныхъ писаній, что онъ неоспоримо есть одинъ изъ тѣхъ великихъ имамовъ, которыхъ отъ времени до времени Богъ посылаетъ на землю, для спасенія заблудшаго человѣчества. Они провозгласили, что онъ по прямой линіи происходитъ отъ самого пророка и что даже лицо его, мрачная и спокойная осанка во всемъ напоминаютъ основателя мусульманской вѣры; по ихъ словамъ, любимая дочь Магомета и мужъ ея во снѣ постоянно посѣщали праведника, омывали тѣло его драгоцѣнными благовоніями и одѣвали въ царскія одежды. Вслѣдствіе всего этого, не только народъ призналъ чудесное его посланіе, но и самъ Саидъ-Ахматъ увѣровалъ во все величіе своего призванія и подъ конецъ до такой степени въ томъ убѣдился, что окончательно окружилъ себя царскою обстановкою, сталъ назначать калифовъ, чеканить монету, собирать подать, устроилъ правильное наслѣдіе учрежденныхъ имъ должностей, и наконецъ въ Песшаурѣ формальнымъ манифестомъ объявилъ себя повелителемъ правовѣрныхъ и защитникомъ ислама.

До путешествія въ Мекку у Саидъ-Ахмата не было никакихъ опредѣленныхъ догматовъ въ проповѣдуемомъ имъ ученіи, мечта

Digitized by Google

его состояла главнѣйшимъ образомъ въ отдѣленіи ересей и въ исправленіи нравственности его послѣдователей. Все ученіе его было чисто практическое, онъ нападалъ на пороки унижающіе человѣчество и говорилъ своимъ служителямъ, что единственное средство избѣгнуть гнѣва Божія, это болѣе простая и благочестивая жизнь. Одинъ изъ его учениковъ записывалъ его слова, и въ настоящее время они составляютъ книгу, служащую кораномъ его послѣдователей. Единственная, выработанная имъ истина состояла въ томъ, что Богъ есть единъ и что люди для поклоненія ему не должны прибѣгать ни къ какимъ наружнымъ формамъ или обрядамъ, ему неугоднымъ и неучрежденнымъ пророкомъ. Въ молитвахъ для спасенія души и избавленія отъ грѣховъ онъ запрещалъ прибѣгать къ посредничеству духовъ, ангеловъ, святыхъ имамовъ и даже самого пророка, доказывая, что вѣрить въ силу этихъ заступничествъ есть не что иное какъ суевѣріе, унижающее величіе самого Бога. Истинная вѣра состоитъ въ исполненіи заповѣдей данныхъ Богомъ и въ тѣхъ добрыхъ дѣлахъ, которыя должны истекать изъ ихъ житейскаго примѣненія. Изъ обрядовъ онъ допускалъ только тѣ, которые существовали при пророкѣ, а всѣ нововведенія, какъ брачныя и погребальныя церемоніи, украшенія гробницъ, роскошныя поминки по умершимъ, монументы по богатымъ покойникамъ и прочее, онъ сильнѣйшимъ образомъ порицалъ и приглашалъ всѣхъ правовѣрныхъ содѣйствовать къ искорененію привычекъ, оскорбляющихъ равенство людей между собою и происшедшихъ только отъ постояннаго столкновенія съ язычниками и невѣрными.

Путешествіе его въ Мекку въ 1822 — 23-мъ годахъ имѣло огромное вліяніе не только на него, но и на будущую судьбу Индіи; тамъ онъ встрѣтилъ послѣдователей ученія, во многомъ подходящаго къ его ученію, но имѣвшихъ уже выработанные богословскіе принципы и совершенно правильное религіозное учрежденіе. Онъ такъ увлекся ихъ пропагандою, что возмечталъ и у себя на родинѣ основать такое же духовное царство, какое когда-то основалъ въ Западной Азіи бѣдный бедуинъ Абдулъ-Ваггабъ, и вернувшись обратно въ Индію, Саибъ съ тѣхъ поръ сталъ проповѣдывать и распространять между своими соотечественниками уже не одни пуританскіе принципы, а фанатическую и всеразрушающую религію ваггабитовъ. Итакъ, въ первый разъ «ваггабизмъ» внесенъ былъ въ Индію Саидъ-Ахматомъ, и тѣ послѣдователи его ученія, которыхъ я до сихъ поръ, описывая ихъ набѣги и войны, веденныя противъ нихъ англичанами, называлъ просто фанатическими сектаторами,—не кто иные какъ ваггабиты. Здѣсь впервые про-

Digitized by Google

износится имя этихъ грозныхъ преобразователей исламизма, ученіе которыхъ не только угрожаетъ владычеству англичанъ въ Индіи, но въ настоящее время до такой степени укоренилось во всей Азіи, что дѣлается опаснымъ для спокойствія всѣхъ вообще мусульманскихъ государствъ; поэтому необходимо сказать нѣсколько словъ о ваггабитахъ и о распространяемомъ ими ученіи.

VII.

Лѣтъ около 150-ти тому назадъ, одинъ молодой аравитянинъ, по имени Абдулъ-Ваггабъ, пришелъ на поклоненіе гробу пророка, и пораженъ былъ расточительностью правовѣрныхъ и всевозможными злоупотребленіями, осквернявшими священный городъ. Окончивъ свое богомолье, онъ поселился въ Дамаскѣ, гдѣ три года наблюдая за постыдною жизнію магометанъ, наконецъ рѣшился выступить на житейскую сцену какъ проповѣдникъ и каратель ихъ безчисленныхъ пороковъ. Рѣчи Абдула подвергли его весьма сильнымъ гоненіямъ, въ особенности со стороны креатуръ константинопольскаго двора, ненавидѣвшихъ его за обвиненіе турецкихъ ученыхъ въ искаженіи священныхъ книгъ неправильными толкованіями, а самихъ турокъ въ жизни болѣе нечестивой, чѣмъ даже та, которую ведутъ невѣрные. Изгоняемый изъ всѣхъ городовъ, онъ скитался повсюду безъ пристанища, покуда наконецъ не успѣлъ найти пріютъ у одного бедуинскаго вождя. У бедуиновъ счастье ему улыбнулось, и вскорѣ онъ успѣлъ составить себѣ довольно значительную партію послѣдователей и наконецъ увеличилъ ее уже настолько, что поднялъ знамя возстанія противъ турецкаго владычества и всѣхъ сторонниковъ искаженія чистой вѣры пророка.

Бедуины никогда не поклонялись Магомету наравнѣ съ божествомъ, и на оставленный имъ коранъ не смотрѣли какъ на божественное откровеніе; кромѣ того, простота и бѣдность ихъ жизни много содѣйствовала тому, что проповѣдь Абдулъ-Ваггаба нашла между ними значительное число сторонниковъ. Наэлектризованные молодымъ преобразователемъ и вѣря въ божественный характеръ его миссіи, они со всѣхъ сторонъ прибывали къ нему, и въ самое короткое время составили уже огромную армію. Побѣда слѣдовала за побѣдой и успѣхъ повсюду сопровождалъ оружіе Абдулъ-Ваггаба; вскорѣ почти вся Аравія была въ его рукахъ, а въ 1748-мъ году, самъ Багдадъ уже съ трудомъ могъ отстаивать свою независимость.

Digitized by Google

Надо отдать справедливость этимъ реформаторамъ, что они во всѣхъ отношеніяхъ дѣйствовали съ чрезвычайнымъ искусствомъ; соединивши подъ одно знамя разнородныя составныя части своихъ полчищъ, они успѣли устроить между ними прочный союзъ, учредить правильную систему податей и сборовъ за право владѣнія полями, и вообще основать твердое гражданское управленіе. Съ одной стороны, вслѣдствіе грабежей, денежныя средства ихъ были громадны, и распространеніе ихъ вѣры посредствомъ огня и меча постоянно увеличивало эти средства; съ другой—успѣхъ и побѣды пріобрѣтали имъ все большее и большее число сторонниковъ, такъ что новое мусульманское царство, такъ недавно еще получившее жизнь, быстро разрослось до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что стало сильно угрожать владычеству турецкаго султана.

Ученіе Абдулъ-Ваггаба, запечатлѣнное вездѣ потоками крови, основано было впрочемъ на весьма возвышенныхъ принципахъ. Первое, на что́ онъ въ особенности налегалъ, было исправленіе нравственности. Турки, говорилъ онъ, поведеніемъ своимъ осквернили даже священный градъ; недовольные многоженствомъ, они привозили съ собою на богомолье массы падшихъ женщинъ и кромѣ того предавались еще такому разврату, который строго запрещался кораномъ и терпимъ былъ только у нихъ. Публично, на улицахъ, забывая священное значеніе Мекки, они предавались пьянству и куренію опіума, такъ что турецкій карнавалъ представлялъ обыкновенно самое безнравственное и отвратительное зрѣлище. Противъ этихъ безстыдныхъ обычаевъ сладострастія и грязи возсталъ когда-то Абдулъ-Ваггабъ; сперва онъ довольствовался только тѣмъ, что громилъ одну наружную жизнь, но вскорѣ, все болѣе и болѣе увлекаясь своими религіозными тенденціями, дошелъ до того, что выработалъ нѣсколько принциповъ, основанныхъ на чистомъ деизмѣ, обратилъ ихъ въ богословскую систему и наконецъ, для руководства своихъ послѣдователей, издалъ ихъ въ видѣ догматовъ. Эти-то догматы и составляютъ главное основаніе религіи, извѣстной теперь подъ именемъ ваггабизма.

Всѣхъ главныхъ догматовъ семь; во-первыхъ, безграничное и полное упованіе на единаго Бога; во-вторыхъ, не допущеніе какого бы то ни было посредничества между человѣкомъ и его Творцемъ, въ томъ числѣ и заступничества святыхъ и даже самого пророка; въ-третьихъ, каждому предоставляется право свободно разбирать мусульманскія священныя книги, и тѣ толкованія, которыя были сдѣланы различными духовными людьми, не должны быть признаваемы за авторитеты; въ-четвертыхъ, уничтоженіе всѣхъ наружныхъ формъ, обрядовъ и духовныхъ цере-

Digitized by Google

моній, введенныхъ совершенно произвольно и только искажающихъ чистоту вѣры; въ-пятыхъ, постоянно ожиданіе пророка (имама), предназначеннаго вести правовѣрныхъ на побѣду надъ невѣрными; въ-шестыхъ, обязанность постоянно вести войну противъ невѣрныхъ; и въ-седьмыхъ, полное повиновеніе волѣ духовнаго вождя. Изъ этого видно, что ваггабиты составляютъ передовыхъ людей сунніи, такъ сказать, пуританъ исламизма [1]).

Въ 1787-мъ году, Абдулъ-Ваггабъ умеръ, но основанное имъ духовное царство перешло въ руки достойнаго преемника. Въ 1791-мъ году, ваггабиты совершили удачную кампанію противъ меккскаго шеика; въ 1797-мъ страшно разбили багдадскаго пашу и разорили самыя плодородныя и богатыя провинціи Азіатской Турціи; въ 1801-мъ вторично, съ арміею слишкомъ въ 100,000 человѣкъ, побѣдоносно дошли до самой Мекки и, наконецъ, въ 1803 овладѣли священнымъ городомъ, а въ слѣдующемъ году покорили и Медину. Въ этихъ двухъ твердыняхъ исламизма, реформаторы немилосердно истребили всѣхъ непризнавшихъ ихъ ученія, разорили и осквернили всѣ гробницы мусульманскихъ святыхъ и не пощадили даже и гробъ самого пророка. Всѣ тѣ громадныя сокровища, которыя присылались мухамеданскими владыками и ихъ подданными, накоплялись въ теченіе одиннадцати вѣковъ и служили выраженіемъ благочестія правовѣрныхъ всѣхъ странъ,—перешли въ шатры этихъ дикихъ сыновъ пустыни. Паденіе святыни исламизма вызвало страшный вопль по всему мусульманскому міру, великолѣпнѣйшія мечети были ограблены и осквернены, усыпальница пророка поругана и даже путь къ спасенію и благочестивому поклоненію окончательно преградился, такъ что суевѣрные правовѣрные съ ужасомъ стали ожидать наступленія конца свѣта. Битвы слѣдовали за битвами, но несмотря на посты и молитвы, наложенныя на вѣрныхъ мусульманъ, ваггабиты оставались вездѣ побѣдителями, и съ 1803 по 1809 годъ ни одинъ караванъ богомольцевъ не смѣлъ рисковать пу-

[1]) Въ религіозномъ отношеніи они неоспоримо пуритане исламизма, но въ политическомъ смыслѣ это самые красные и вмѣстѣ съ тѣмъ самые ревностные поклонники соціализма, и успѣхъ ихъ, по моему мнѣнію, главнѣйшимъ образомъ основанъ именно на распространеніи идеалистическихъ идей свободы и всеобщаго равенства. Если соціалисты имѣли такой громадный успѣхъ въ старой Европѣ и наконецъ возросли до терроризма парижской коммуны, то я глубоко убѣжденъ, что въ весьма недалекомъ будущемъ ваггабиты, въ успѣхѣ которыхъ я лично нисколько не сомнѣваюсь, будутъ первыми основателями свободы на Востокѣ и, конечно, когда настанетъ это время, сила ихъ сдѣлается дѣйствительно страшною и вліяніе, которое они окажутъ тогда не на одну Азію, а на судьбу всего міра, будетъ громадное, послѣдствія котораго предвидѣть положительно невозможно.

Digitized by Google

тешествовать чрезъ пустыню. Въ теченіе этого времени они совершили удачный походъ на Сирію, выдержали войну противъ англичанъ въ Персидскомъ заливѣ и стали угрожать самому Константинополю. Но скоро подходилъ уже конецъ ихъ торжеству, и Махметъ-Али Египетскому наконецъ удалось имъ нанести страшнѣйшее пораженіе, послѣ котораго они уже не были въ состояніи болѣе поправиться; въ 1812 году Медина была взята штурмомъ, а въ 1813 году пала и Мекка. Пять лѣтъ спустя, это могущественное царство, развившееся въ такое короткое время до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, совершенно исчезло съ лица земли и оставило послѣ себя только кровавыя и страшныя воспоминанія.

Въ настоящее время ваггабиты разсѣяны по всей Азіи и составляютъ бездомную секту, проповѣдующую принципы, ненавистные аристократическимъ и зажиточнымъ классамъ поклонниковъ ислама. Они не допускаютъ божественнаго значенія Великаго Пророка, запрещаютъ обращаться къ нему съ молитвою и искать передъ Богомъ заступничества умершихъ благочестивыхъ людей, которыхъ они за святыхъ не признаютъ. Но главное что̀ обращаетъ на нихъ вниманіе, составляетъ ихъ силу и постоянно находитъ имъ поклонниковъ, это ихъ нравственная, безупречная жизнь и проповѣдь о равенствѣ и свободѣ каждаго. Они требуютъ возвращенія первобытной чистоты мусульманской религіи, простоты нравовъ и болѣе нравственной жизни, а главное, чтобы, несмотря на принесенныя жертвы и пролитую кровь, упорно продолжать распространять по всему свѣту истинную вѣру.

Два ихъ главнѣйшіе догмата суть единство Бога и самопожертвованіе; на этомъ основаніи они ревностные поклонники фатализма, и только имъ и объясняютъ все торжество Магомета. Они не признаютъ святости никакихъ договоровъ, мѣшающихъ развитію внутренней гражданской жизни и связывающіе отношенія мусульманскихъ государствъ между собою. Но несмотря на сочувствіе къ нимъ большого количества мусульманъ, они тѣмъ не менѣе много теряютъ въ глазахъ ученыхъ взглядомъ ихъ на пророка, а между народомъ—презрѣніемъ, высказываемымъ къ обычаямъ, которыхъ уже одна привычка заставляетъ считать святыми. Почти вездѣ въ Азіи, ваггабитъ долженъ отказаться отъ сношеній съ другими правовѣрными, отъ любимыхъ имъ съ дѣтства легендъ, торжественности праздниковъ, самыхъ коренныхъ своихъ убѣжденій и даже перестать молиться надъ могилою отца. Требованія эти имѣютъ неоспоримое вліяніе на распространеніе ваггабизма, и многіе, раздѣляющіе взгляды ре-

Digitized by Google

форматоровъ на вещи, не рѣшаются открыто присоединиться къ сектѣ только оттого, что не въ силахъ разстаться съ обычаями и привычками, усвоенными ими съ самаго дѣтства.

IX.

Ваггабизмъ и его догматы перенесены были въ Индію Саидъ-Ахматомъ. Отправившись на поклоненіе гробу Магомета, онъ скоро въ Меккѣ успѣлъ обратить на себя вниманіе сходствомъ идей имъ проповѣдуемыхъ съ тѣми, которыя составляли ученіе Абдулъ-Ваггаба. Священный градъ не могъ еще забыть ужасовъ владычества послѣдователей этого ученія, и слѣдствіемъ этого было то, что всѣ вліятельные и духовные люди возстали противъ него, вездѣ подвергали его оскорбленіямъ и наконецъ, публично поруганнаго, выгнали изъ города. Саидъ-Ахматъ вернулся въ Индію не просто религіознымъ мечтателемъ и гонителемъ языческихъ суевѣрій, а ревностнымъ и восторженнымъ послѣдователемъ ученія Абдулъ-Ваггаба. Пламенная его натура и фанатизмъ скоро довели его до того, что единственною мечтою его стало погребеніе знамени креста подъ черепами англичанъ и всѣхъ вообще невѣрныхъ и основаніе въ Индіи громаднаго царства ислама. Насколько было искренно обращеніе Саидъ-Ахмата въ новую вѣру, извѣстно конечно только его совѣсти; но очевидный фактъ былъ тотъ, что съ этого времени вся его жизнь совершенно измѣнилась. На пропаганду свою онъ сталъ смотрѣть гораздо серьезнѣе и понималъ, что не настоящій личный его успѣхъ важенъ, а будущее распространеніе и утвержденіе вводимаго имъ ученія. Въ Бомбеѣ и вездѣ на югѣ Индіи торжество его было громадное, но онъ тѣмъ не менѣе съ нетерпѣніемъ торопился оставить эти богатыя провинціи, исполненныя духа аристократизма, и перенести свою дѣятельность на границы, гдѣ горское населеніе, бѣдное и воинственное, гораздо способнѣе было увлечься его теоріями и положить начало основанію замышленному имъ царству ислама.

Дѣятельность Саида намъ знакома, такъ что теперь можно прямо приступить къ объясненію доктринъ, извлеченныхъ изъ его ученія и обращенныхъ въ настоящее время въ правильную богословскую систему, посредствомъ которой послѣдователи его достигли возможности поддерживать одно изъ величайшихъ религіозныхъ движеній какое когда-либо совершалось въ Азіи, и

Digitized by Google

угрожать уже не спокойствію, а владычеству и могуществу англичанъ въ Индіи.

Смерть Саидъ-Ахмата была первымъ тяжелымъ ударомъ, нанесеннымъ ваггабизму въ Индіи: въ немъ послѣдователи новой секты лишились энергическаго предводителя, и казалось, что все основанное имъ дѣло должно было погибнуть; но въ эту критическую эпоху приверженцы его выказали дѣйствительно необыкновенныя способности: они не только поддержали рождавшуюся религію, но даже воспользовались самою смертью Саидъ-Ахмата, чтобы пріобрѣсть еще большее число сторонниковъ. Всѣ мусульмане вообще вѣрятъ, что конецъ свѣта настанетъ среди войнъ и мятежей, землетрясеній, чумы, голода и другихъ величайшихъ бѣдствій. Тогда долженъ явиться великій имамъ Маади, потомокъ Магомета. Родится онъ за сѣверо-западной границею Пенджаба и въ началѣ своей жизни будетъ скрытъ отъ глазъ людей, но впослѣдствіи будетъ правителемъ Аравіи и покорителемъ Константинополя, которымъ до этого еще будетъ владѣть христіанскій царь. Одновременно съ нимъ появится на землѣ и антихристъ, и будетъ вести жесточайшую противъ него войну. Затѣмъ Христосъ сойдетъ съ небесъ и появится возлѣ бѣлой башни на востокѣ отъ Дамаска, уничтожитъ антихриста и невѣрныхъ и обратитъ весь свѣтъ въ святую вѣру ислама.

Первоначально, индѣйскіе ваггабиты признали Саидъ-Ахмата за великаго имама Маади, долженствовавшаго предшествовать приходу Христа и торжеству истинной вѣры, но смерть его и пораженіе его партіи никакъ не могли согласоваться съ вѣрованіями мусульманъ. Чтобы не уронить значенія Саидъ-Ахмата, его послѣдователи смѣло напали на самое коренное убѣжденіе правовѣрныхъ и стали доказывать, что имамъ Маади не долженъ явиться въ послѣдніе дни свѣта и предшествовать Христу, а что его слѣдуетъ ожидать на половинѣ времени между смертью Магомета и концемъ свѣта. Для поддержанія этого, они обратились къ духовной литературѣ и добыли безчисленное количество предсказаній, указывающихъ, что XIII-й вѣкъ ихъ эры (1786—1886), есть періодъ времени, опредѣленный для появленія имама Маади. Саидъ-Ахматъ родился въ 1786-мъ году, и они доказывали, что онъ соединялъ въ себѣ всѣ примѣты и имѣлъ всѣ признаки, по которымъ должны узнать великаго имама. Несмотря на ненависть къ шіитамъ, послѣдователи Саидъ-Ахмата, для бо́льшаго авторитета, воспользовались и ихъ духовными книгами, указывая на то, что время появленія Маади даже у нихъ обозначено около тѣхъ же самыхъ годовъ. Не говорилъ ли самъ пророкъ: «когда

Digitized by Google

увидите черныя знамена, грядущія со стороны Херосана, идите всѣ, ибо съ ними будетъ калифъ, посланный Богомъ». Покореніе Индіи христіанами и другія бѣдствія ясно должны были свидѣтельствовать, что время появленія Саидъ-Ахмата именно и есть назначенное Богомъ для начала отмщенія и утвержденія истинной вѣры. Громадное число писанныхъ и печатныхъ пророчествъ, книгъ, поэзій и прочаго было распространено въ народѣ и имѣло послѣдствіемъ то, что индѣйскіе ваггабиты дѣйствительно вполнѣ увѣровали въ божественное посланіе Саидъ-Ахмата и признали его великимъ имамомъ Маади. Утвердивши такимъ образомъ значеніе основателя своей секты, ваггабиты, отбросивъ всѣ второстепенные религіозные вопросы, занялись развитіемъ великаго догмата объ обязанности веденія священной войны. Во всей ихъ литературѣ обязанность эта выставляется какъ самая священная необходимость для перерожденнаго народа. Всѣ ихъ народныя пѣсни и самые популярные разсказы только и говорятъ о священной войнѣ, и британскіе подданные, постоянно посѣщающіе враждебныя пограничныя колоніи, разносятъ ихъ по всей Индіи и распространяютъ между всѣми мусульманами духъ фанатизма и мятежа. Литература ихъ развита до такой степени, что можно было бы составить цѣлыя массы томовъ только изъ различныхъ призваній къ оружію противъ англичанъ; нѣтъ книги изданной ваггабитомъ, которая не доказывала бы необходимость возмущенія и истребленія невѣрныхъ. Сочиненія ими изданныя, благодаря свободѣ печати, открыто продаются во всѣхъ городахъ Британской Индіи, и чѣмъ болѣе они возмутительны, тѣмъ болѣе они популярны и тѣмъ легче находятъ читателей и покупателей; кромѣ того, они наводнили всю Индію разносчиками, которые распространяютъ тѣ же самыя книги среди сельскаго населенія.

Но литература есть только одно изъ средствъ, употребляемыхъ ваггабитами для распространенія ихъ ученія и подготовленія къ возмущенію. Первое мѣсто по своей дѣятельности у нихъ занимаетъ, конечно, центральный и главнѣйшій оплотъ ихъ пропаганды въ Патнѣ, одно время болѣе всего угрожавшій британскому правительству и теперь еще, несмотря на преслѣдованія властей и нѣкоторыхъ принятыхъ противъ него мѣръ, продолжающаго все-таки существовать и имѣть сильное вліяніе на всю Индію и въ особенности на Бенгалію. При учрежденіи калифовъ въ Патнѣ въ 1821-мъ году, Саидъ-Ахматъ избралъ для этихъ должностей людей особенно ревностныхъ, энергическихъ и съ громадною силою воли; и дѣйствительно, неутомимые эти миссіонеры, отличавшіеся вполнѣ образцовою жизнію, полнымъ самопожертво-

Digitized by Google

ваніемъ и отъ глубины души преданные дѣлу избавленія Индіи отъ владычества англичанъ, были лучшими проповѣдниками ваггабизма. Дѣятельность ихъ лучше всего видна изъ того, что несмотря на тяжелые удары, наносимые сектѣ, они все-таки не дали погибнуть начатому дѣлу, постоянно воспламеняли фанатизмъ, при самыхъ несчастныхъ обстоятельствахъ поддерживали въ народѣ духъ возстанія, и въ то время, когда считали ваггабизмъ окончательно погребеннымъ, совершенно неожиданно снова подымали знамя священной войны. Въ Азіи, ваггабизмъ вслѣдствіе нападенія на обычаи не имѣлъ такого успѣха какъ въ Индіи, гдѣ религіозный вопросъ скоро сталъ терять свою силу и сдѣлался чисто-политическимъ. Индѣйскіе сектаторы проповѣдывали главнѣйшимъ образомъ единство Божіе и нравственную жизнь, и сами безупречнымъ поведеніемъ служили лучшимъ примѣромъ для народа; затѣмъ всѣ остальные второстепенные религіозные вопросы, которые могли бы увлечь ихъ въ богословскіе споры или удалить отъ нихъ приверженцевъ, оставлялись ими въ сторонѣ и всегда уступали мѣсто единственной ихъ цѣли, то-есть низверженію англичанъ. Саидъ-Ахматъ и первые его послѣдователи отлично поняли, что однѣ религіозныя увлеченія никогда не соединятъ въ одно цѣлое магометанское народонаселеніе Индіи, тѣмъ болѣе они видѣли на примѣрѣ въ остальной Азіи, что съ одной стороны неуступчивость преобразователей, а съ другой привязанность мусульманъ къ нѣкоторымъ обычаямъ дѣлаютъ то, что между ними являются постоянные раздоры, имѣющіе послѣдствіемъ не соединеніе, а кровавыя развязки. На этомъ основаніи они сообразовали свое ученіе съ духомъ времени и вмѣсто того, чтобы дѣлать его чисто богословскимъ, примѣнили его вполнѣ къ Индіи и обратили почти исключительно къ возбужденію правовѣрныхъ противъ ненавистныхъ имъ покорителей.

Понятно, что такого рода пропаганда симпатична для всѣхъ мусульманъ вообще и не могла не возбудить между ними сочувствія. Это-то и есть причина, почему ваггабизмъ въ Индіи изъ духовной секты преобразился въ политическую и гораздо болѣе страшенъ тамъ, чѣмъ въ другихъ мусульманскихъ государствахъ, неуправляемыхъ христіанами, а слѣдовательно ограничивающихъ его только дѣлами совѣсти и убѣжденій. Благодаря неутомимой дѣятельности калифовъ, Патна скоро обратилась въ настоящій разсадникъ возмущенія, изъ котораго постоянно отправляются миссіонеры, отлично для этого подготовленные, разносящіе по всей Индіи догматы ихъ ученія. Послѣдователи ваггабизма въ Индіи доказываютъ, что ни одинъ правовѣрный не можетъ надѣяться

Digitized by Google

на блаженство въ будущей жизни, если онъ останется въ настоящемъ положеніи, такъ что для спасенія души ему слѣдуетъ выбрать или войну противъ невѣрныхъ, или бѣгство изъ проклятаго края. Истинный правовѣрный не можетъ быть преданъ британскому правительству, и преступная вѣрность въ этомъ случаѣ заграждаетъ ему путь въ царство небесное. Только лицемѣры могутъ препятствовать своимъ соотечественникамъ вести священную войну или бѣжать изъ оскверненнаго края. Въ странѣ, гдѣ, противно воли Бога, допускается другая религія вмѣстѣ съ мусульманскою, чистота истинной вѣры не можетъ быть сохранена. Магометане обязаны соединиться и приложить всѣ средства для достиженія одной цѣли,—истребленія невѣрныхъ и освобожденія родины. Слабые пусть уходятъ и ищутъ пріютъ въ странахъ гдѣ царствуетъ исламъ; сопротивляющіеся этому должны помнить, что умирая спокойно въ Индіи, они навсегда лишаются спасенія. Истинные правовѣрные должны плакать надъ своею судьбою, проповѣдывать истину они не смѣютъ — ихъ вѣшаютъ; молчать — они не должны, ибо этимъ губятъ свои души, что́ же имъ дѣлать? Одно средство выдти изъ этого отчаяннаго положенія, это поднять знамя пророка и кровью, пожертвованіями и побѣдами вернуть, утраченную за грѣхи и преступную слабость, милость всемогущаго Бога.

Говоря о ваггабитскихъ миссіонерахъ, нельзя не обратить вниманія въ особенности на тѣхъ, которые предназначены для пропаганды въ деревняхъ. Обыкновенно это люди, отказавшіеся отъ всѣхъ земныхъ благъ, бездомные, неутомимые и безупречной жизни; они не могутъ не возбуждать къ себѣ сочувствія. Въ нихъ не существуетъ ничего эгоистическаго и они всецѣло и дѣйствительно отъ всей души, съ громаднымъ самопожертвованіемъ проповѣдуютъ только два принципа: нравственность и освобожденіе родины. Эти-то люди болѣе всего и способствуютъ распространенію ваггабизма, ихъ слушаютъ съ увлеченіемъ не одни мусульмане, но даже и индусы; въ религіозныхъ вопросахъ они осторожны, рѣдко оскорбляютъ чьи бы то ни было убѣжденія, и наоборотъ, съ громаднымъ успѣхомъ развиваютъ славнѣйшимъ образомъ одну коренную идею, одинаково для всѣхъ симпатичную и дорогую — это любовь къ порабощенной родинѣ и необходимость ее освободить.

Собственно, англичане ничего не могутъ сдѣлать противъ пропаганды ваггабитовъ и не только не имѣютъ никакой возможности остановить распространеніе ихъ ученія, но даже и услѣдить за ними. Послѣдователи ваггабизма разбросаны по всей

Digitized by Google

Азіи, говорятъ на различныхъ нарѣчіяхъ, находятся во всѣхъ классахъ общества и дѣйствуютъ открыто или тайно, такъ что часто положительно нѣтъ никакой возможности угадать ихъ присутствія, а слѣдовательно и уберечь себя отъ постоянно возрастающаго вліянія этой грозной секты. Тамъ, гдѣ они дѣйствуютъ только какъ религіозные реформаторы, бороться съ ними гораздо легче, ибо далеко не всѣ мусульмане сочувствуютъ ихъ ученію, но въ Индіи, гдѣ они почти отбросили вопросъ вѣры, а исключительно проповѣдываютъ политическое освобожденіе страны, положеніе ихъ совершенно другое, и англичане, предназначенные служить жертвами ихъ мщенія, конечно, не могутъ разсчитывать на содѣйствіе народа, во всѣхъ отношеніяхъ раздѣляющаго ихъ взгляды, и любимая мечта котораго есть возвращеніе утраченной самостоятельности.

У всѣхъ мусульманъ вообще всякій религіозный вопросъ обращается сейчасъ же въ вопросъ возстанія противъ существующихъ порядковъ, именно потому, что въ странахъ, управляемыхъ исключительно правовѣрными, вѣра подчиняется требованіямъ правительства, и всѣ объясненія, даваемыя корану, принаравливаются къ поддержанію власти. Послѣ этого понятно, почему ваггабизмъ ненавистенъ всѣмъ имѣющимъ власть въ своихъ рукахъ и нежелающихъ ее утратить, Мекка же, твердыня ислама, есть мѣсто, гдѣ, конечно, ихъ болѣе всего ненавидятъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и болѣе всего боятся. За то насколько ученіе ихъ ненавистно правительствамъ и высшимъ классамъ, настолько же оно симпатично бѣднѣйшимъ, которымъ, при соціальныхъ переворотахъ вообще, не приходится много терять. Въ Индіи же, ваггибиты изъ религіознаго вопроса сдѣлали чисто политическій и пользуются вѣрою главнѣйшимъ образомъ только для того, чтобы посредствомъ нея возбуждать фанатизмъ народа къ ненависти противъ англичанъ. Законъ пророка, какъ извѣстно, не дозволяетъ истинному мусульманину смиренно переносить владычество христіанъ, и они, основываясь на этомъ, говорятъ: «возстаньте за вѣру и освободите ее изъ-подъ гнета невѣрныхъ»; а когда имъ возражаютъ, что при силѣ британскаго правительства это невозможно, они отвѣчаютъ: «тогда бѣгите, ибо нѣтъ спасенія для того мусульманина, который умретъ въ странѣ, гдѣ законъ пророка потоптанъ, а земля Индіи, покуда въ ней будутъ владычествовать англичане, будетъ страною, оставленною Богомъ и проклятою, слѣдовательно, умирающіе въ ней не могутъ разсчитывать ни на прощеніе грѣховъ, ни на блаженство будущей жизни».

Digitized by Google

Кромѣ литературы, дѣятельности центральнаго оплота въ Патнѣ и безчисленныхъ миссіонеровъ, исхаживающихъ Бенгалію вдоль и поперегъ, ваггабиты имѣютъ еще четвертое средство для распространенія своей непріязненной пропаганды. Еще самые первые калифы употребляли всѣ усилія, чтобы твердою ногою утверждаться среди населенія, сочувствовавшаго ихъ ученію, и какъ только число ихъ приверженцевъ въ какой-нибудь населенной мѣстности достигало извѣстныхъ предѣловъ, они сейчасъ же поселяли между ними на постоянное жительство одного изъ самыхъ вѣрныхъ и способныхъ своихъ адептовъ [1]). Такъ что такимъ образомъ изъ нѣкоторыхъ деревень Бенгаліи образовались особые отдѣльные мятежные округа, находящіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ центральнымъ оплотомъ, имѣющіе совершенно правильную внутреннюю организацію, собирающіе подать и вербующіе людей. Въ 1870-мъ г. дѣйствія двухъ такихъ округовъ были открыты и главные ихъ предводители преданы суду, приговорены къ лишенію всего имущества и пожизненной каторжной работѣ. Факты, открытые на судѣ, были столь важны и имѣли такое ужасающее значеніе, что, безъ сомнѣнія, всякое другое правительство, менѣе увѣренное въ своей силѣ, чѣмъ англійское, нашло бы нужнымъ прибѣгнуть поспѣшно къ самымъ крутымъ мѣрамъ и обратить весьма серьезное вниманіе на дѣло, могущее принять размѣры, послѣдствія которыхъ предвидѣть нельзя.

Г. К—овъ.

[1]) Обыкновенно люди эти дѣлались школьными учителями, сельскими старшинами и вообще, благодаря своему поведенію и образованію, пріобрѣтали весьма скоро значительное вліяніе на жителей.

Digitized by Google

НА ПЕРЕПУТЬИ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

Въ старые годы романъ обыкновенно оканчивался бракомъ. Тутъ былъ предѣлъ всякихъ треволненій: оставалось жить-поживать, да дѣтей и добра наживать.

Конечно, и теперь романы не-злонамѣренныхъ писателей часто тоже оканчиваются такимъ образомъ. И еслибъ я писала такого рода романъ, а не правдивую повѣсть моей жизни, мнѣ было бы очень удобно завершить дѣло тоже моимъ бракомъ. Вышло бы даже очень нравоучительно: дѣвица, неполучившая серьезнаго умственнаго и нравственнаго воспитанія въ ранней молодости, послѣ разнаго рода сомнѣній, колебаній и заблужденій, обращается на путь истинный, находитъ тихую пристань въ семейной жизни и дѣлается примѣрной женой и матерью. Послѣдователи ходячей морали похвалили бы меня за добрую нравственность, не замѣчая натяжки, и конечно не возразили бы мнѣ, что въ наше время романъ послѣ брака-то иногда и начинается. А вѣдь это въ самомъ дѣлѣ такъ, хоть оно и достойно сожалѣнія.

Моя замужняя жизнь бѣдна внѣшними событіями, особенно въ первые годы. Я жила изо-дня въ день, рождая дѣтей, кормя и няньча ихъ, волнуясь материнскими радостями и тревогами и только временами чувствуя припадки невыносимой тоски и полной неудовлетворенности; эти припадки годъ отъ году дѣлались и сильнѣе и продолжительнѣе... Но я начну сначала.

*) См. выше янв. 35; февр. 625 стр.

Digitized by Google

Возвратившись домой по окончаніи обряда вѣнчанія, мы нашли въ домѣ все уставленнымъ на новый ладъ, по заранѣе выраженнымъ мужемъ приказаніямъ. Моя комнатка была слишкомъ мала для нашей общей спальной, кабинетъ Александра не довольно уютенъ; онъ выбралъ для спальной бывшую тетушкину комнату. Ее прибрали и прикрасили; въ ней мы помѣстились, и Александръ отдался безотчетно весь счастію медоваго мѣсяца, точно будто и въ самомъ дѣлѣ то былъ нашъ медовый мѣсяцъ... Да, его привязанность стала еще восторженнѣе и страстнѣе, но въ то же время въ ней проявилась бездна неусыпной, нѣжной заботливости: Александръ не только любилъ меня, лелѣялъ и берегъ — онъ, можно сказать, поклонялся мнѣ, какъ какому божеству; онъ считалъ величайшимъ счастіемъ служить мнѣ, угадывая мое малѣйшее желаніе, малѣйшую прихоть, что́, впрочемъ, ему рѣдко удавалось, какъ по недостатку догадливости въ немъ, такъ и потому, что особенныхъ желаній и прихотей за мной почти не водилось. Весь день мужа былъ распредѣленъ такъ, какъ, по его мнѣнію, было мнѣ лучше и удобнѣе. Онъ занимался хозяйствомъ ровно настолько, сколько было нужно, чтобъ не уменьшились его доходы, нужные ему все-таки для меня, для моего спокойствія и удобства.

Съ своей стороны, я понимала, конечно, что жить въ прежнемъ отчужденіи отъ всякихъ матеріальныхъ заботъ было мнѣ совершенно невозможно, и что жена и мать должна принести свою долю труда для созданія благосостоянія семьи. Я объявила, что буду хозяйничать. Мнѣ это не трудно далось: Мавра Савельевна завѣдывала всѣмъ по заведенному порядку и все шло у нея отлично, а мнѣ оставалось только налить чай, снять сливки, да заказать обѣдъ. Александръ былъ въ восторгѣ: для него—какъ извѣстно—не было тайною, что въ моей головѣ бродили кое-какія идеи, считавшіяся имъ неудобными въ супружеской жизни. Послѣ того разговора, который мы имѣли на этотъ счетъ передъ свадьбой, мы никогда болѣе до этого не договаривались, но въ глубинѣ души Александръ конечно попрежнему возставалъ и негодовалъ на нихъ. Видя мою готовность къ обыкновенному домашнему женскому дѣлу, онъ счелъ это за признакъ моего обращенія на путь истинный и радовался всей душой такому ручательству за прочность нашего семейнаго счастія. Словомъ сказать, все вокругъ меня обстояло благополучно. И въ это первое время я была почти счастлива; я была бы и совсѣмъ счастлива, еслибъ не замѣчала въ себѣ порой какой-то неяснаго, неопредѣленнаго, но тяжелаго чувства. Было ли то предчувствіе, или воспоминаніе, или нако-

Digitized by Google

нецъ просто нервное разстройство — я не знаю; но знаю, что оно мнѣ мѣшало чувствовать себя совсѣмъ хорошо.

Разумѣется, главная забота наша относилась къ тому времени, когда долженъ былъ явиться новый членъ нашей семьи, и мужъ ужасно за меня боялся. Я и сама не знаю, чего собственно онъ боялся: дурныхъ ли послѣдствій, могущихъ представиться, или тѣхъ неизбѣжныхъ страданій, которыя должны были казаться ужасными человѣку, всю жизнь свою посвятившему, чтобъ удалять отъ меня малѣйшую непріятность, не тó, что страданіе. Я съ своей стороны часто задумывалась о томъ, кто будетъ кормить мое дитя. Кормить сама я не рѣшалась; меня пугали безсонныя ночи. Я обыкновенно спала хорошо, если не была ничѣмъ взволнована, но если мнѣ случалось проснуться ночью, я долго не могла заснуть, иногда до утра. Такимъ образомъ, кормя ребенка я рисковала совершенно изнемочь отъ безсонныхъ ночей. Но найти подходящую кормилицу казалось мнѣ очень труднымъ дѣломъ. Какъ-то разъ мнѣ пришло въ голову, что не лишнее было бы забрать кое-какія справки на этотъ счетъ отъ Мавры Савельевны.

— Мавра Савельевна! вѣдь у твоей барыни, покойницы Анны Васильевны, были дѣти? спросила я разъ у нея.

— Были, матушка-барыня! отвѣчала она. Много дѣтокъ было, да все по другому-третьему годочку помирали. Одна дочка только померла на десятомъ году.

— И что же, Анна Васильевна сама дѣтей кормила?

— И-и нѣтъ, матушка! какъ можно! — Разѣ у нихъ своихъ крѣпостныхъ не было! У нихъ завсегда были кормилки. Я сама кормилкой была.

— Какъ же это дѣлалось, Мавра Савельевна. Какъ пріискивали кормилокъ?

— Да просто, матушка? Какъ, значитъ, приспѣетъ время родить барынѣ, такъ и соберутъ на барскій дворъ молодаекъ, чтó съ грудными ребятами; ну, и выбираютъ, чтобъ поздоровѣе, да покрасовитѣе, да семьи и нраву хорошаго была. А ея-то дитё на село кормить отдаютъ.

— Ну, и платятъ имъ обѣимъ?

— Нѣтъ, матушка! какъ же своимъ-то платить! Барской кормилкѣ корову подарятъ, а той — тёлку, либо пару овецъ, а то свинью съ поросятами.

— Ну, эту другую на барщину ужъ не берутъ. Вѣрно также и ея мужа?

— Какъ не посылаютъ, матушка-барыня! Не то мужа, и ее посылаютъ. Ну, извѣстно — съ двумя дѣтьми нельзя на бар-

Digitized by Google

щину идти; такъ она свое беретъ, а чужое дома дѣвчонка тамъ, или старуха жвачкой кормятъ.

— Ну, и не роптали на это? спросила я.

— Какъ можно роптать! На то барская воля. Промежъ себя кое-когда потолкуешь бывало, и поплачешь, да и то оглядаючись. Да вотъ, какъ меня взяли... Ну, да что-жъ это я заболталась, старая! Наскучу вамъ, сударыня-матушка! спохватилась старуха, очевидно старая желаніемъ поговорить еще, отвести душу.

— Нѣтъ, разсказывай Мавра Савельевна!—проговорила я. Ты знаешь, я вѣдь люблю слушать твои разсказы про старину.

— Да что-жъ, матушка? разсказы-то мои такіе невеселые!—возразила Мавра Савельевна, и не заставляя себя просить, начала. —Долго, матушка, мнѣ Господь не давалъ дѣтей, а наконецъ родился мальчонка. Ужъ какъ-же мы ему рады были! Да мужа-то моего не привелъ Богъ долго на него порадоваться: какъ шесть недѣль мальчику минуло, мужъ душу Богу отдалъ. Осталась я вдовой горемычной. Ну, извѣстно, поплакала, погоревала, а тамъ думаю себѣ: не совсѣмъ же я сиротой осталась, есть у меня утѣха, состарѣюсь—кормилецъ будетъ! Тутъ скоро у барыни дочка родилась, стали кормилку искать. Мой мальчонка такой славный, да здоровый былъ; какъ отецъ-то умеръ, а я затосковала — онъ было-сдался, а тамъ опять скоро поздоровѣлъ. Баринъ съ барыней меня въ кормилки и назначили. Какъ пришелъ сказать мнѣ это староста—я и свѣта не взвидѣла! Хотѣла-было сказать: дѣлайте молъ что хотите, а не брошу я свое дитё!.. Ну, люди отсовѣтовали, староста покойный, Власа Терентьича отецъ. «И ты пропадешь, говорятъ, и мальчонка все-одно зачахнетъ...» Простилась я съ сынкомъ, отдала его покойницѣ Зайчихѣ—Авдотьѣ, сама перебралась въ хоромы... Ну, днемъ, бывало, ворочаешься себѣ, перемогаешься, а ночь придетъ, да уснуть всѣ—ужъ плачешь-плачешь горючими слезами!.. И провѣдать ребенка не пускали: развѣ украдкой когда сбѣгаешь. А у Зайчихи-то свое дитё поменьше моро было, такъ она, бывало, на работу свое беретъ, а мое дома, жвачкой кормятъ. Захирѣлъ мой мальчонка, да скоро и померъ.

— Ну, а барское же дитя?—спросила я.

— Да и барское скоро померло: недѣли двѣ послѣ моро схоронили. Ну, барыня меня при себѣ оставили. Отрятница, — говорятъ—Маврушка, и не воровка. Съ тѣхъ поръ при нихъ я и находилась, пока ключи мнѣ отдали.

— Господи! чего-чего только не было! — подумала я, вникнувъ въ смыслъ этой драмы и начиная иначе смотрѣть на

Digitized by Google

бодрую фигуру Мавры Савельевны, съ ея честнымъ лицомъ и грустнымъ взглядомъ...

— Александръ! мы возьмемъ себѣ кормилицу по обоюдному согласію и сдѣлаемъ съ нею честный и безобидный договоръ,— сказала я мужу.

— О, конечно!—выговорилъ мужъ, который теперь во всемъ соглашался со мною.

Я стала насматривать себѣ кормилицу; но чѣмъ болѣе приближался извѣстный срокъ, тѣмъ сильнѣе меня стала тревожить мысль, что брать къ своему дитяти кормилицу даже по согласію ея, ставить передъ неимущею матерью соблазнъ, въ видѣ хорошей денежной суммы за оставленіе своего ребенка—все-таки нечестно. «Это рискъ и несправедливость относительно ея дитяти,— думала я.—Ставить на карту чужого ребенка изъ боязни провести нѣсколько безсонныхъ ночей—это непростительный эгоизмъ». И чѣмъ болѣе я объ этомъ думала, тѣмъ болѣе привыкала къ мысли отказаться отъ своихъ поцѣлуевъ и кормить самой.

— Знаешь ли, что я думаю?—проговорила я разъ мужу, и разсказала ему, какъ я стала, наконецъ, смотрѣть на это дѣло и къ какому пришла рѣшенію.

Мужа это тронуло.

— Какая ты славная женщина, Катя!—проговорилъ онъ задушевнымъ тономъ, цѣлуя мои руки съ благодарностью, почти съ благоговѣніемъ.

На святкахъ мужъ собрался по дѣламъ въ уѣздный городъ. Наканунѣ отъѣзда мы долго засидѣлись вдвоемъ.

— Чтобъ ей пусто было, Фелиціи Александровнѣ!— сказалъ мужъ. — Предлагалъ ей сто рублей въ мѣсяцъ, чтобъ она прожила у насъ послѣднее время передъ твоими родами. Не согласилась! а теперь мнѣ такъ страшно оставлять тебя одну.

— Еще-бы ей согласиться! у нея огромная практика въ городѣ и уѣздѣ, — возразила я. И нечего тебѣ особенно тревожиться: мнѣ не скоро еще родить. Мы помолчали. Я подумала между тѣмъ, откуда берется во мнѣ опять какое-то враждебное чувство къ мужу, причинъ котораго я не находила и которое начинало просто пугать меня...

— Пожалуйста не выходи безъ меня изъ дому: еще поскользнешься и упадешь: ты такъ дурно ходишь по снѣгу,— проговорилъ мужъ. — И вообще, мнѣ кажется, ты не довольно бережешь себя...

— Я-то себя берегу,—возразила я съ удареніемъ.

Digitized by Google

— Такъ я вѣрно тебя не берегу? — съ упрекомъ спросилъ мужъ.

Я подумала, что обращаться съ женщиной въ моемъ положеніи, какъ влюбленный мальчишка обращается со вчера пріобрѣтенной любовницей — не надежное средство сберечь ее. Но все-таки промолчала. Мужъ тоже молчалъ, азартно затягиваясь папиросой, потомъ пристально взглянулъ на меня нѣсколько разъ и тихо вздохнулъ. Мнѣ стало жаль его, безконечно жаль... И страшно стало за себя и за него. «Если теперь уже бываютъ у меня ни съ того, ни съ сего такія вспышки, что́ же будетъ современемъ?» — подумала я...

На другой день онъ уѣхалъ послѣ тѣхъ же просьбъ — беречь себя.

Я не любила въ то время одиночества. Я привыкла, чтобъ за мною ухаживали, чтобъ мнѣ смотрѣли въ глаза; равнодушныя лица окружающихъ наводили на меня тоску. У меня являлись сейчасъ невеселыя мысли, мрачный взглядъ на вещи. Въ такія минуты я живѣе и сильнѣе чувствовала, какъ много значитъ для меня привязанность мужа и сама горячо его тогда любила. Съ раскаяніемъ припоминала свои частыя вспышки, причины и смысла которыхъ не могла себѣ объяснить, и этотъ невинный, совершенно естественный протестъ природы противъ несвоевременной страсти казался мнѣ неблагодарностью, чуть-чуть не преступленіемъ; я съ горечью начинала подозрѣвать въ себѣ неспособность къ прочному чувству и давала себѣ слово пересилить себя, передѣлать и по крайней мѣрѣ быть хоть справедливою въ отношеніи мужа. На этотъ разъ всѣ эти мысли какъ-то особенно меня разстроили; къ вечеру я почувствовала себя разстроенной и нездоровой и рано легла въ постель.

Но мнѣ не спалось. Мое волненіе не утихло, и все-таки мнѣ нездоровилось: голова была не свѣжа. Едва я начинала дремать—въ воображеніи возникали какія-то смутныя, фантастическія представленія, то странныя, то страшныя... Я просыпалась и тѣ же грёзы носились предо мною, будто на яву... Такъ я и не уснула. Къ утру мое нездоровье усилилось и я скоро догадалась, что мой часъ насталъ.

Я отправила сейчасъ же нарочнаго къ мужу. Но только послѣ цѣлыхъ сутокъ страшныхъ страданій, почти обезумѣвъ отъ этихъ мукъ и отъ мысли о своей безпомощности въ такія минуты, къ утру слѣдующаго дня я увидѣла предъ собою искаженное ужасомъ и жалостью лицо моего мужа и хлопотливую фигуру Фелиціи Александровны. Черезъ два часа у меня родилась дочь.

Digitized by Google

Давно уже рѣшено и всякому извѣстно, что рожденіе перваго ребенка *открываетъ женщинѣ новый міръ*. Это такая старая истина. Но относительно женщинъ нашего поколѣнія эта банальная истина, эта стереотипная фраза имѣетъ свой особенный смыслъ.

Въ прежнее время женщина извѣстнаго круга по рожденіи ребенка тотчасъ сдавала его съ рукъ на руки мамушкамъ и нянюшкамъ, и затѣмъ со стороны только, смотря по обстоятельствамъ, радовалась или печаловалась на него. Только въ наше время мать начала сознавать необходимость и долгъ свой заботиться самой о ребенкѣ, воспитывать его съ перваго дня жизни, и вотъ тутъ-то ей совсѣмъ неожиданно открывался новый міръ—сомнѣній, недоумѣній, ненужныхъ страховъ, неосмысленнаго самоотверженія, наконецъ, являлось сознаніе собственнаго невѣжества и безполезности, а подчасъ и совершенной ненужности.

Но все это современемъ. А на первыхъ порахъ могучее материнское чувство съ такою силою охватило меня, что въ душѣ моей не оставалось мѣста ничему иному. Всѣ мои прежніе интересы, всѣ мечты и планы мои казались какимъ-то страннымъ бредомъ, когда я держала на рукахъ хрупкое существо, мою дочь, когда я смотрѣла на ея сморщенное личико или слышала ея ровное дыханіе.

— Вотъ когда я вполнѣ поняла, что для женщины нѣтъ лучшей доли и высшаго счастія, какъ семейная жизнь и материнская забота,—съ глубокимъ убѣжденіемъ выговорила однажды я, покончивъ свои хлопоты съ ребенкомъ и сидя надъ его колыбелью, между тѣмъ какъ мужъ тоже покончилъ свои хозяйственные хлопоты и пришелъ взглянуть на дитя свое и на меня.

Въ отвѣтъ на мои слова онъ съ благодарностью поцѣловалъ мои руки.

— Да, Александръ! отъ нашего согласія, отъ нашего счастія зависитъ и счастіе вотъ этого дорогого намъ существа, продолжала я. Постараемся же жить дружно и быть счастливыми. Я знаю, что часто бывала неправа передъ тобою. Забудь это и помоги мнѣ быть всегда правой и предъ тобой, и передъ *ней*.

— Не говори этого, моя Катя!—говорилъ растроганный мой мужъ. Мнѣ нечего забывать и нечего помогать тебѣ быть правой. Я тебѣ обязанъ такимъ полнымъ счастіемъ! Дай Богъ, чтобъ оно долго, чтобъ вѣчно продолжалось!...

Digitized by Google

Прошелъ слишкомъ годъ. Мы отпраздновали день рожденія своей дочери и порѣшили отнять ее отъ груди, какъ только станутъ нѣсколько короче ночи.

Въ первую ночь дѣвочка страшно тосковала. Я нѣсколько разъ порывалась выскочить къ ней изъ засады, гдѣ скрывалась, чтобъ не попадаться ей на глаза. Къ утру она стихла.

— Слава Богу! заснула, — выговорилъ мужъ, входя ко мнѣ въ мою прежнюю комнату, гдѣ было тогда мое временное помѣщеніе. А ты, Катя, на себя не похожа! Я боюсь, чтобъ ты не заболѣла! Тебѣ нуженъ моціонъ, а ты сидишь все взаперти, да мучишься, что дѣвочка тоскуетъ. Не хочешь ли съѣздить въ Завѣтное.

— Пожалуй,—согласилась я.

— День такой славный: тепло и слегка морозитъ. Я и самъ съ тобой поѣхалъ бы...

— Какъ можно! Намъ обоимъ нельзя бросить Лиду въ такое время,—возразила я.

— Да, да!—согласился онъ. А ты вотъ отвези-ка о. Пантелеймону эти деньги и сохранную росписку отъ него получи. Слава Богу! это послѣдній долгъ нашъ.

— Это пріятное порученіе! — засмѣялась я. Сегодня, значитъ, у насъ ужъ не будетъ ни копѣйки долгу.

— Да, только какъ же ты одна-то поѣдешь? Можетъ быть, ты взяла бы съ собой Мавру Савельевну или Ѳедосью.

— Зачѣмъ онѣ мнѣ? Что́ же можетъ со мной сдѣлаться дорогой? Точно я ребенокъ: безъ няньки ни на шагъ, — смѣясь замѣтила я.

— Ну, представь себѣ—какъ будто ты точно ребенокъ: все я чего-то боюсь за тебя. Это ужъ моя слабость. Впрочемъ, день отличный, небо такое ясное, а мой Максимовъ такой надежный кучеръ,—не то, что здѣшніе обломы! Поѣзжай одна.

Я сѣла въ открытыя сани, на облучкѣ которыхъ важно возсѣдалъ Максимовъ, бывшій деньщикъ мужа, по увольненіи въ безсрочный отпускъ отыскавшій своего прежняго господина и съ радостью нанятый имъ въ кучера. Мужъ заботливо укуталъ меня, сдѣлалъ нѣсколько наставленій Максимову, несмотря на свое къ нему довѣріе, и велѣлъ трогать.

Мы поѣхали по слегка оттаявшей отъ солнца, но еще крѣпкой, убитой снѣжной равнинѣ. Въ воздухѣ, несмотря на морозъ и на санный путь, уже пахло весной. Я давно уже не ѣздила одна, и мнѣ вдругъ вспомнилось мое дѣвическое время — время одиночества и свободы. Будто десятки лѣтъ прошли между нимъ

Digitized by Google

и нынѣшнимъ днемъ! Какая необъятная пропасть раскрылась между моимъ прошедшимъ—такая пропасть, что къ прошедшему уже не было возврата. Да я и отреклась отъ него, отреклась предъ лицомъ своего мужа и у изголовья своего ребенка. И въ самомъ дѣлѣ я своего прошлаго никогда и не вспоминала. Да вообще я не жила уже индивидуальною жизнью, съ тѣхъ поръ какъ родилась моя дочь: всѣ помыслы, всѣ интересы, всѣ даже мечты мои были не мои собственныя, а общія съ семьей. Да мнѣ и некогда было жить для себя: цѣлые дни проходили у меня въ непрерывной возиѣ съ ребенкомъ, въ тѣхъ мелкихъ, часто ненужныхъ заботахъ, на которыя такъ щедры любящія, но неопытныя матери. Едва оставалось мнѣ нѣсколько времени, чтобъ прочесть что-нибудь, да чтобъ погулять или покататься съ мужемъ. Да, я жила такой безукоризненной жизнью жены и матери, что—сама сознавала—вполнѣ заслуживала безпредѣльную привязанность мужа,—привязанность, доходившую до боготворенія. И совсѣмъ тѣмъ сегодня, когда вмѣстѣ съ запахомъ весны пахнуло на меня воспоминаніемъ прошлаго въ этой одинокой поѣздкѣ, я вдругъ почувствовала, что все-таки не умерло оно для меня, что оно мнѣ и теперь дорого, какъ дорога родина человѣку, навѣкъ отторгнутому отъ нея независящими отъ него обстоятельствами и вынужденному акклиматизироваться подъ чужимъ небомъ и между чужими людьми!... И такъ живо я это почувствовала, что меня даже будто совѣсть уколола. «Мало тебѣ твоего счастія! упрекнула я себя. Многимъ-ли женщинамъ дается такая счастливая, безмятежная жизнь, столько преданности и заботы со стороны мужа, славный ребенокъ, отсутствіе нужды и лишеній? Вѣдь это все, что нужно для счастія!... А счастлива-ли я? — навернулся вдругъ предательскій вопросъ. Еще-бы! чего же мнѣ еще не достаетъ! Кто-то гдѣ-то сказалъ, что *счастіе, какъ здоровье: если его не замѣчаешь, значитъ, оно есть.* Вотъ такъ и у меня: я не замѣчаю своего счастія, а оно есть»,—порѣшила я, стараясь разогнать всѣ эти докучныя мысли и думать о томъ, о чемъ нужно думать женѣ и матери — о своемъ очагѣ, о своей семьѣ.

— Спитъ-ли моя дѣвочка или плачетъ?—спросила я у себя. Вѣрно спитъ: довольно она наплакалась — цѣлую ночь. А какая у меня—нужно сознаться—легкая натура и пылкая голова! только отъѣхала немного отъ дома — и опять за прежнія бредни. Это все слѣдствіе фривольнаго воспитанія—эта неспособность сосредоточиться въ одномъ чувствѣ и въ одномъ помыслѣ, — повинилась я передъ собой... А вотъ и Завѣтное! Какъ мрачно смо-

Digitized by Google

тритъ теперь домъ-дворецъ въ своемъ запустѣніи! А обнаженный паркъ, какъ сиротливо стоитъ, изрѣдка только зеленѣя группами елей и сосенъ! Прежде все это было какъ-то и красивѣе, и привѣтливѣе... А вотъ и домикъ священника. Вотъ ужъ слишкомъ два года, какъ здѣсь... Ну, встряхнемъ съ себя грустныя воспоминанія! Миръ *его* праху!...

Марья Никитишна встрѣтила меня по обычаю въ сѣняхъ.

— А Александръ Семеновичъ? а Лидочка? Отлучили? О-охъ!— съ соболѣзнованіемъ покачивала головой старуха, принимавшая живѣйшее участіе во всѣхъ семейныхъ дѣлахъ.

О. Пантелеймонъ принялъ меня со всегдашнимъ радушіемъ, хотя, какъ мнѣ было достовѣрно извѣстно, онъ крѣпко не одобрялъ нашего богопротивнаго брака.

— Должокъ привезли? Ну, слава Богу! теперь, значитъ — Александръ Семеновичъ со всѣми квитъ. Хорошо они дѣла свои ведутъ—истинно сказать хорошо.

— Да ужъ такъ-то хорошо, что хоть бы и старымъ у нихъ, у молодыхъ, поучиться, замѣтила съ своей стороны и Марья Никитишна.

Разговоръ перешелъ затѣмъ опять на Лидочку, на плохой умолотъ овса, на новую вѣялку, купленную Карломъ Ивановичемъ *для экономіи*. Марья Никитишна засуетилась-было съ кофеемъ, но я наотрѣзъ отказалась и черезъ полчаса уѣхала.

«Какъ хорошо изрѣдка уединиться вотъ этакъ отъ всѣхъ заботъ, отъ всѣхъ тревогъ», подумалось мнѣ, между тѣмъ какъ лошади бѣжали мелкою рысью и предо мною мелькали то церковь, то паркъ, то дворецъ, то село... «Да неужели же я стала уже тяготиться заботой о дочери!» спохватилась я. «Нѣтъ! я не тягочусь ею, но эти рѣдкія минуты покоя и свободы — все-таки счастіе... Да развѣ я не счастлива?» опять спросила я. «Чего же мнѣ недостаетъ?.. А мнѣ не достаетъ полноты жизни», отыскался вдругъ неожиданный отвѣтъ.

«Несмотря что мой день полонъ заботъ, мнѣ все-таки скучно и пусто... Но это потому, что дочь моя еще мала, утѣшала я себя. Вотъ она подростетъ, станетъ понимать меня—тогда я перестану скучать. Жанъ-Поль сказалъ, что достойна презрѣнія та женщина, которая можетъ скучать, имѣя дѣтей... Придетъ весна, я буду попрежнему бродить по полямъ и рощамъ: въ прошломъ году мнѣ нельзя было далеко отлучаться отъ дома и отъ Лиды. И ее буду брать съ собою. Мы загоримъ и поздоровѣемъ. Я буду пѣть ей родныя пѣсни, сказывать сказки. Она сроднится съ природой; я научу ее любить природу и людей. Она

Digitized by Google

выростетъ, будетъ умная, добрая и счастливая. Только какъ же она будетъ счастлива—такъ какъ я? Такого-ли счастія я ей желаю? Нѣтъ! пусть далось бы ей другое счастіе, которое мелькнуло-было предо мной и безвозвратно исчезло и которое я пріучила себя называть бреднями... Ужъ не знаю, насколько оно возможно, но оно какъ будто лучше и желаннѣе моего!..

Когда я возвратилась домой, дѣвочка еще спала, изрѣдка всхлипывая во снѣ: ей вѣрно снилась прошлая ночь. Я поцѣловала ее и ушла въ свою комнату.

Пришла весна, потомъ лѣто, а мои мечты такъ и не сбылись: я не совершала дальнихъ экскурсій вмѣстѣ съ своей Лидой, я не пѣла ей пѣсенъ, не говорила сказокъ. Я сама гуляла только для моціона по настоятельнымъ просьбамъ мужа, а большую часть дня проводила дома, и опять меня томили разныя недомоганья, да нервное разстройство: я опять готовилась быть матерью.

Но нездоровье — нездоровьемъ, а кромѣ него на меня часто находило страшное уныніе: перспектива моей жизни въ будущемъ не казалась мнѣ заманчивою. «А что какъ пойдетъ надолго, пока я не состарѣюсь, та же исторія: беременность, роды, кормленіе, idem, idem, idem! думала я. Завидная участь! А я мечтала такъ тщательно воспитывать свою дочь! Какъ же это сдѣлать: воспитательницѣ необходимъ спокойный характеръ, ровное настроеніе, а тутъ не знаешь, что дѣлать съ собой: то волнуешься, то досадуешь на все, то весело тебѣ, то тоска невыносимая, то душишь дитя ласками, то раздражаешься отъ всякаго вздора... И дитя растетъ такое же нервное и раздражительное, а современемъ на него будутъ нападать за своенравіе и капризы».

Мужъ баловалъ Лиду безъ мѣры. Онъ былъ все тотъ же, ни на волосъ не измѣнился. Также любилъ и берегъ меня, также считалъ закономъ всякое мое желаніе; только отлучки его по хозяйству стали гораздо чаще и продолжительнѣе: семья прибывала, вмѣстѣ съ нею прибывали расходы, а чтобъ добыть лишній рубль, приходилось зорко слѣдить за хозяйствомъ,—и зорко, и неустанно. Мнѣ все чаще и чаще приходилось оставаться одной, и, правду сказать, я жестоко скучала. Вдобавокъ мнѣ почти нечего было читать. Старый князь Барскій, изъ эпохи Вяземскаго и Жуковскаго, покровитель русскаго просвѣщенія, умеръ въ годъ нашей свадьбы; сынъ его, всю жизнь проведшій въ чужихъ краяхъ и объ отечественномъ просвѣщеніи заботившійся какъ о прошло-

Digitized by Google

годнемъ снѣгѣ, тотчасъ же распорядился, чтобъ въ библіотеку Завѣтнаго книгъ больше не выписывали. Меня это ужасно огорчило.

— Чортъ ее побери, княжескую библіотеку! утѣшалъ меня мужъ. Мы сами выпишемъ сколько хочешь журналовъ. Назначь только какіе.

Но я знала, что денегъ у насъ не густо, расходовъ не мало, да и должишки водятся, и порѣшила выписать одну газету и журналъ. Я долго колебалась между «Современникомъ» и «Русскимъ Вѣстникомъ». Въ первомъ участвовали тогда лучшіе беллетристы наши, въ немъ же печатались «Очерки Гоголевскаго Періода»; но «Русскій Вѣстникъ» поражалъ насъ своимъ либерализмомъ, смѣлостью своей рѣчи, тономъ авторитета. «Это только цвѣточки, а будутъ и ягодки!» подумывали тогда, въ простотѣ сердечной, многіе, когда «Русскій Вѣстникъ» продергивалъ разныя авторитетныя лица, имѣвшія несчастіе выкинуть какую-нибудь глупость въ духѣ добраго стараго времени.

— Притомъ же «Современникъ» выходитъ разъ въ мѣсяцъ, а «Русскій Вѣстникъ» два раза, замѣтилъ какъ-то мужъ.

Это былъ очень вѣскій доводъ: получить одну или двѣ книжки въ мѣсяцъ съ почты — было немаловажнымъ шансомъ при выборѣ журнала для людей, прозябавшихъ въ такой непроглядной глуши. Мы порѣшили на «Русскомъ Вѣстникѣ».

Но, конечно, двухъ книжекъ въ мѣсяцъ было слишкомъ мало при моей привычкѣ къ чтенію и при способности, такъ сказать, проглатывать книгу разомъ. Тѣмъ болѣе я скучала. Конечно, я заботилась о Лидочкѣ, то-и-дѣло посматривала, чтобъ ее не простудили, не окормили, не обидѣли; всячески настаивала, чтобъ она всегда была у меня на глазахъ. Но слиться жизнью съ нею, сдѣлаться для нея ребенкомъ—я не могла; у меня не было для этого достаточно душевной ясности дѣтской простоты, можетъ быть благодаря особенностямъ моей натуры, вообще, а можетъ быть и благодаря временнымъ физіологическимъ причинамъ. Чтобъ наполнить день, я даже начала ходить сама на скотный дворъ— смотрѣть, какъ доятъ коровъ и поятъ телятъ; но какъ это было тоже очень скучное и совершенно безполезное занятіе, то оно мнѣ тотчасъ же надоѣло. Дѣло доходило до того, что мнѣ часто случалось играть по цѣлымъ вечерамъ вдвоемъ съ мужемъ въ ералашъ *на шереметевскія*...

Какъ-то среди лѣта пріѣхали къ намъ кузины.

Послѣ замужства я долго съ ними не видалась. Разъ, когда мы ѣхали въ уѣздный городъ посовѣтоваться насчетъ здоровья

Digitized by Google

Лиды съ докторомъ (новый владѣлецъ Завѣтнаго отказалъ своему врачу, находя, что для сельской больницы довольно и фельдшера), мужъ уговорилъ меня заѣхать къ тетушкѣ Авдотьѣ Марковнѣ. Кузины очень мнѣ обрадовались (ихъ самихъ одолѣвала скука), тетушка приняла съ родственнымъ радушіемъ, и наши прежнія отношенія возстановились.

— Что же ты подѣлываешь, Катя? Какъ поживаешь? спросила меня Маша, когда послѣ чаю мы усѣлись втроемъ подъ липою, между тѣмъ какъ Александръ бесѣдовалъ со старостою, а Лида спала въ своей постелькѣ.

— Да, вотъ, какъ видишь, отвѣчала я. *День за день, нынче какъ вчера!* Вожусь съ Лидой, немного читаю, немного хозяйничаю. Вечеромъ побрянчу иногда на фортепьяно, пропою что-нибудь вполголоса, а больше всего — жду ночи. Какая соня я теперь стала! Мнѣ кажется, сонъ — величайшее наслажденіе.

— Ахъ, Катя! Какъ же ты, значитъ, скучаешь! — воскликнула Маша.

Прошло еще два года слишкомъ, у меня было уже трое дѣтей — и тотъ, кто знавалъ меня до замужства, навѣрное не узналъ бы ужъ меня теперь: я страшно похудѣла, какъ будто даже выросла вслѣдствіе этой исхудалости; что-то рѣзкое, жесткое и тоскливое проявилось во всѣхъ чертахъ моихъ и во всей моей фигурѣ. Мнѣ тяжело вспоминать, еще тяжеле говорить объ этомъ тягостномъ времени моей жизни, которая со стороны, вѣроятно, казалась и безмятежною и счастливою. Вѣдь люди такъ охотно любуются картинками семейнаго счастія, воображая его вездѣ, гдѣ не бросается имъ въ глаза особенныхъ безобразій, и не подозрѣвая, что почти въ каждой съ виду счастливой семьѣ происходитъ какая-нибудь скрытая драма, гдѣ есть и притѣснители, и угнетаемые, и Отелло и Дездемоны, и—что чаще всего—люди совершенно одинъ къ другому неподходящіе и другъ друга непонимающіе, и потому безнадежно и иногда безсознательно несчастные.

Вскорѣ послѣ того, какъ родился мой второй ребенокъ — бѣлокурый мальчикъ, живой портретъ отца, заболѣла Мавра Савельевна.

— Вотъ не дай Богъ, умретъ старуха,—поговаривалъ мужъ. Какъ безъ рукъ безъ нея останемся!

И изъ житейскаго разсчета столько, сколько изъ человѣколюбія, онъ дѣлалъ все возможное для ея излеченія: безпрестанно ѣздилъ къ ней фельдшеръ изъ Завѣтнаго, разъ даже доктора

Digitized by Google

привозили, выписывали лекарство, приставляли сидѣлокъ—но старуха все-таки умерла.

Я ее оплакала чисто изъ одного человѣколюбія: по своей непрактичности я не понимала, что́ значитъ ея смерть для нашего домашняго обихода. Какъ только стало ей хуже, я назначила ключницей пожилую дворовую женщину, казавшуюся мнѣ особенно смышленой и расторопной, и затѣмъ была увѣрена, что все пойдетъ попрежнему. Но скоро, къ крайнему моему изумленію, у насъ оказался недостатокъ въ такихъ припасахъ, которые прежде бывали всегда въ избыткѣ, такъ что этотъ избытокъ продавали: недоставало, напримѣръ, масла, приходилось покупать яйца и т. п. Разъ утромъ я велѣла показать себѣ сегодняшній удой: его оказалось втрое меньше прежняго. Я потребовала объясненія у ключницы.

— Да какъ же, матушка-барыня! — бойко и увѣренно рапортовала она,—двѣ сѣрыя коровки, да черная, что́ отъ Кукуевской попадьи, совсѣмъ стары стали, просто доить не сто́итъ. А рыженькая, да комолая, да сѣрая, что изъ княжеской экономіи—всѣ съ первымъ телкомъ: что́ съ нихъ возьмешь! Бурая—нѣмка-то испорчена: надо быть вѣдьма ее по ночамъ доитъ. Только съ трехъ коровъ и есть прокъ...

— Конечно, плутуетъ ключница, — объяснялъ мнѣ потомъ мужъ.

И чтобъ открыть ея плутни, я шла сама вечеромъ на скотный дворъ и терпѣливо слѣдила, какъ доили коровъ, но молока оказывалось еще меньше, чѣмъ утромъ. За то какъ суетилась ключница, усиливаясь выказать все радѣніе свое о господскихъ дѣлахъ и коровахъ! Звонкій голосъ ея все время звучалъ то тамъ, то сямъ, и грузная фигура такъ и носилась по скотному двору, такъ и мелькала на моихъ глазахъ.

— Ну, Михѣичъ! ужъ говорю тебѣ — гляди за бурёнкой! И ты, Акулина, ночью навѣдывайся, — въ заключеніе спектакля приказывала она пастуху и скотницѣ. Ужъ я знаю, что вѣдьма ее выдаиваетъ. А старухамъ-то пойла, пойла побольше: вишь онѣ зубы-то съѣли.

Я возвращалась домой, досадуя на свою неумѣлость и раздумывая, какъ бы это поймать и уличить ключницу въ ея плутняхъ. Кстати впослѣдствіи оказалось, что той вѣдьмой была кума ключницы, жена пастуха Михѣича, по болѣзни избавленная отъ барщины и, несмотря на болѣзнь, успѣвавшая раза два въ день слетать въ поле, чтобъ выдоить лучшую изъ стада корову...

Извѣстно, что многіе противники женскаго труда возбра-

Digitized by Google

няютъ женщинамъ многія *мужскія профессіи*, подъ предлогомъ, что эти профессіи очерствляютъ и огрубляютъ человѣческую натуру. Кто же это выдумалъ, что занятіе женскимъ хозяйствомъ имѣетъ благотворное вліяніе! Чтó можетъ такъ опошливать человѣка, какъ эта вѣчная мелкая возня съ мелкимъ дѣломъ, копѣечные интересы и разсчеты, ежедневныя стычки, война на жизнь и на смерть между хозяйкой и прислугой изъ-за пламеннаго желанія украсть или сберечь лишній грошъ или лишнюю крынку молока, разныя ухищренія и подглядыванья съ той же цѣлью!... Для меня эти невыносимыя дрязги были каплею, переполнившею горькую чашу. Иногда, припоминая подробности какой-нибудь грязной сцены, въ которой я доходила до крика и брани, я съ ужасомъ догадывалась, что вотъ *это-то* и есть настоящее *паденіе*, а не то, чтó называется такъ въ старинныхъ романахъ. Я давала себѣ слово бросить эту грязную возню, назначила ключницей свою Ѳедосью и нѣкоторое время не вмѣшивалась ни во чтó. Но нужда сказывалась намъ сильнѣе и сильнѣе; подошли два неурожайныхъ года сряду, да скотскій падежъ. Жить ни о чемъ не заботясь опять стало казаться мнѣ недобросовѣстнымъ; я опять начинала присматривать за хозяйствомъ, наталкивалась на страшнѣйшіе безпорядки, несмотря на всю неумѣлость свою открывала цѣлый рядъ мелкихъ хищеній, возмущалась, сердилась, проклинала свою жизнь... Понятно, каково это отзывалось на семьѣ, на тѣхъ дѣтяхъ, которыхъ я носила, кормила и воспитывала!... Я сдѣлалась страшно придирчива, вымѣщала свои непріятности на мужѣ, на прислугѣ; мужъ этимъ очень огорчался, хоть и старался переносить мои вспышки терпѣливо. Однихъ дѣтей я щадила, или по крайней мѣрѣ старалась щадить, и съ безграничною снисходительностью переносила ихъ капризы и шалости, очень хорошо понимая, какое вліяніе должны были имѣть на ихъ развитіе мой характеръ, моя жизнь и вся наша обстановка. Сначала я мечтала разумно воспитывать ихъ, выписывала педагогическія сочиненія, которыя при чтеніи казались мнѣ очень убѣдительными; но примѣненіе ихъ къ дѣлу оказывалось и неудобнымъ и часто невозможнымъ, и часто приводило къ самымъ неожиданнымъ и нежеланнымъ результатамъ. Можетъ быть, *я* не годилась для педагогіи, но я сочла, что педагогія не годится для жизни, и перестала вѣровать въ педагогію настоящаго, считая ее младенцемъ, можетъ быть много обѣщающимъ въ будущемъ, но пока совершенно безсильнымъ. Мало-помалу я отвыкала отъ надежды и мечты *разумно* воспитывать дѣтей; я старалась только не обижать ихъ и сколько можно меньше

Digitized by Google

ихъ испортить. Я начинала думать, что и воспитательницей нужно родиться, и что при извѣстныхъ, неблагопріятныхъ обстоятельствахъ никакой воспитательскій талантъ не пособитъ.

А относительно мужа во мнѣ было словно два различныхъ человѣка. Все еще мужъ мнѣ былъ очень дорогъ; я не могла не цѣнить его безпредѣльной преданности: когда онъ бывалъ боленъ, я просиживала надъ нимъ ночи и чувствовала себя безконечно счастливою, если ему дѣлалось лучше; когда онъ былъ далеко отъ меня, я, казалось, готова была за него въ огонь и въ воду, но вмѣстѣ съ тѣмъ я очень ясно замѣчала въ себѣ что-то въ родѣ безотчетнаго отвращенія къ нему. Женщина съ такимъ настроеніемъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ непремѣнно пошла бы въ монастырь. «Вотъ, счастливая наша женская доля! съ горечью иронизировала я. Съ 16 — 17 лѣтъ нашъ будущій супругъ привыкаетъ къ безобразнымъ излишествамъ и неописанному цинизму; потомъ, лѣтъ въ тридцать женится, съ похвальнымъ намѣреніемъ пребывать вѣрнымъ супругомъ. И эта избранная въ то же время должна родить и кормить дѣтей, вѣдаться съ безконечными дрязгами домашняго обихода и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранять невозмутимую ясность духа, нужную ей, чтобъ услаждать жизнь мужа и правильно воспитывать дѣтей. Семья размножается съ виду благополучно, и супругъ благоденствуетъ, хотъ иногда и задыхается дома отъ скуки; а чаще является домашній адъ, для постороннихъ невидный, но тѣмъ болѣе еще для дѣйствующихъ и прикосновенныхъ лицъ ощутительный!.. Я конечно очень настойчиво скрывала отъ мужа то, что было обиднаго для него въ моемъ чувствѣ и моей мысли. Я понимала, какъ бы страшно его поразило, еслибъ онъ это узналъ. Онъ не сталъ бы искать причинъ моего отчужденія, онъ не повѣрилъ бы, что я во всемъ этомъ нисколько не виновата и что природа имѣетъ такія сильныя права, что гони ее въ дверь, она влетитъ въ окно, онъ или возненавидѣлъ бы меня или... попросту погибъ бы самъ. Словомъ, разрывъ въ такомъ случаѣ былъ бы неизбѣженъ. Въ минуты особенно тяжелыя мнѣ казалось, что и разрывъ лучше, чѣмъ такая жизнь, но эти безотрадныя минуты являлись рѣдко и не надолго. «А дѣти? а нищета? а его погибель?» вспоминалось мнѣ... Мнѣ было и совѣстно, и жаль его: слѣдовала реакція,—я словно опять его любила. Не малымъ бѣдствіемъ для меня въ моей бѣдственной жизни было также безлюдье и безкнижіе. Мнѣ не съ кѣмъ было поговорить откровенно, и я мало-по-малу почти разучилась говорить. Въ обществѣ нашихъ сосѣдей я дѣлала короткіе вопросы, давала короткіе отвѣты,

Digitized by Google

а чаще всего молчала. При кузинахъ у меня вырывалось изрѣдка горькое слово, но я знала, что онѣ не поймутъ меня, не могутъ мнѣ сочувствовать—и спѣшила умолкнуть. Съ мужемъ я говорила о дѣтяхъ, о домашнихъ дѣлахъ, но другихъ разговоровъ старалась избѣгать изъ опасенія затронуть какое-нибудь больное мѣсто его или свое... А между тѣмъ во мнѣ сильно и больно сказывалась потребность общенія съ разумнымъ человѣческимъ обществомъ!.. Я дошла до того, что если у насъ въ семьѣ показывалась болѣзнь, не угрожавшая серьёзной опасностью,—среди заботы и тревоги я чувствовала нѣчто въ родѣ радости при мысли, что пріѣдетъ докторъ и я увижу *живого человѣка*. Докторъ нашъ (русскій нѣмецъ изъ дерптскаго университета) не былъ впрочемъ живымъ человѣкомъ: это была благообразная, благопристойная, исправно врачующая машина. Пріѣзжая къ намъ, онъ разспрашивалъ о болѣзни, давалъ совѣты, обѣдалъ, если дѣло приходилось въ обѣденную пору, при этомъ выговаривалъ нѣсколько общихъ мѣстъ или объявлялъ какія-нибудь давно извѣстныя новости и, получивъ малую толику, уѣзжалъ, не давши повода побезпокоиться моему мужу, который всегда ощущалъ нѣкую тревогу, если мнѣ случалось завести сколько-нибудь оживленный разговоръ съ какимъ бы то ни было субъектомъ мужского пола.

Знаете ли вы, что́ такое книга для человѣка, живущаго въ деревенской глуши, на совершенномъ безлюдьи, вдали отъ умственныхъ интересовъ общества? Вѣдь это единственная нить, связующая его съ цивилизованнымъ міромъ, это единственная вѣсть изъ того міра, единственное напоминаніе о томъ, что есть жизнь шире и разумнѣе его жизни съ мелкими заботами и микроскопическими интересами. Я помню, какое произвела на меня впечатлѣніе въ «Русскомъ Вѣстникѣ» личность Базарова. Правда, во всей повѣсти онъ не сказалъ ни одного симпатичнаго мнѣ слова, не затронулъ ни одного близкаго мнѣ вопроса, но я это такъ понимала: онъ вращался въ кругу и говорилъ съ такими людьми, что и не могъ говорить иначе. Въ Базаровѣ я видѣла и чтила не только мощную, богато-одаренную натуру, но и типъ *новаго человѣка*, озлобленнаго противъ стараго міра, который и мнѣ со всякимъ годомъ казался менѣе сносенъ... Только отъ новаго человѣка могла я услышать живое слово, котораго жаждала и смыслъ котораго какъ-то смутно предчувствовала. Еслибъ мнѣ сказали тогда, что молодое поколѣніе обидѣлось на Тургенева за Базарова—я бы не повѣрила. Порой мнѣ казалось, что гдѣ-то и когда-то я знала личность похожую на Базарова, художественному изображенію котораго такъ неловко и неудачно потомъ

Digitized by Google

противуставляли ярко намалеванныя фигуры измышленныхъ новыхъ людей!..

Въ этихъ исканіяхъ новаго слова я съ жадностью набрасывалась на всякій попадавшійся мнѣ нумеръ русскаго журнала, на всякую книгу и всегда почти разставалась съ ними съ разочарованіемъ и досадою. Разъ пріѣхалъ къ намъ зять о. Пантелеймона, который недавно передъ тѣмъ скончался. У старика не было сыновей, и зять, по установившемуся у насъ въ духовенствѣ обычаю, унаслѣдовалъ его богатый приходъ.

— Что это — «Русскій Вѣстникъ»? спросилъ у меня либеральный попъ. Это вы выписываете? Чтожъ—хорошее дѣло! А я вотъ такъ еще лучшее изданіе получаю—«Русскую Бесѣду», органъ такъ-называемыхъ славянофиловъ. Вы незнакомы?

— Нѣтъ, отвѣчала я.

— Ознакомьтесь. Очень хорошо и въ высшей степени назидательно, посовѣтовалъ попъ. Не хотите ли дѣлиться съ нами книгами? Я, конечно, согласилась. Сначало очень дико и странно казалось мнѣ мое новое чтеніе, потомъ я вчиталась и попривыкла; даже почувствовала нѣчто въ родѣ симпатіи къ славянофиламъ. Ладономъ и тлѣномъ пахло отъ ихъ ученія, но въ нихъ просилось наружу непритворное чувство любви къ народу,— чувство своеобразное, на особый ладъ, но все-таки искреннее и живое; отъ нихъ все-таки порой случалось услышать честную мысль, горячее искреннее слово, но отъ тѣхъ другихъ московскихъ менторовъ нашихъ, кромѣ либеральныхъ словъ да олимпійскихъ громовъ ничего уже не слышалось.

Между тѣмъ время шло. Въ продолженіе этихъ лѣтъ совершилось давно ожидаемое одними, и страшное другимъ событіе, такъ-называемая «эмансипація». Я порадовалась, но слегка, немножко, будто по обязанности или изъ приличія: я утратила тогда способность сильно радоваться чужой радости и горячо скорбѣть отъ чужихъ печалей...

Разъ мой мужъ поѣхалъ въ уѣздный городъ, чтобы привести ко мнѣ доктора. Я совсѣмъ разболѣлась. Прежнее мое нервное разстройство мужъ считалъ кажется не болѣзнью, а просто капризами, но года черезъ полтора по рожденіи третьяго ребенка, при новой беременности, показались симптомы, которые его встревожили.

Мы слышали передъ тѣмъ, что въ городъ пришелъ на стоянку гусарскій полкъ, который состоялъ прежде въ одной дивизіи съ

Digitized by Google

тѣмъ, гдѣ служилъ мужъ. Уѣзжая, мужъ упоминалъ о возможности встрѣтить старыхъ знакомыхъ. Онъ шелъ къ доктору пѣшкомъ по главной улицѣ городка, какъ показалась щегольская легкая коляска парой вороныхъ; сидѣвшій въ ней офицеръ пристально всматривался въ мужа, тотъ взглянулъ тоже и сейчасъ же узналъ своего бывшаго однополчанина, старшаго товарища и собутыльника, князя Ратиборъ-Мстинскаго.

— Такъ, это ты и есть?—заговорилъ князь, останавливая лошадей и выскакивая изъ экипажа. А я все хлопочу какъ бы розыскать тебя.

Они облобызались тутъ же, на срединѣ главной улицы. Это было впрочемъ въ духѣ патріархальныхъ здѣшнихъ нравовъ.

— Такъ ты, братъ, помѣщикъ и отецъ семейства—я слышалъ, сказалъ князь.

— Да, трое дѣтей... отвѣчалъ мужъ. А ты уже въ этомъ полку?

— Да, я имъ командую. А ты и не зналъ?—Экой чудакъ! забрался себѣ въ свой медвѣжій уголъ, сосетъ лапу и знать ничего не хочетъ. Поѣдемъ ко мнѣ?

— Да мнѣ нужно отыскать доктора... началъ возражать мужъ.

— Чтожъ, у тебя боленъ кто серьёзно, что ли? минуты дороги? спросилъ князь.

— Нѣтъ, не то чтобъ боленъ...

— Ну, такъ успѣемъ еще съ докторомъ, перебилъ князь. Садись—поѣдемъ!

Они поѣхали. Въ концѣ улицы, выходя одной стороной на соборную площадь, виднѣлся просторный красивый домъ, передъ крыльцомъ котораго торчала будка, стоялъ зеленый ящикъ и ходилъ часовой... Они усѣлись въ кабинетѣ князя.

— Ну, какъ же тебѣ живется? спросилъ въ свою очередь и мужъ.

— Да какъ тебѣ сказать? живется ничего-себѣ, да скука, братъ, теперь въ полкахъ!.. Старые-то разбрелись кто-куда, а молодежь...

Онъ махнулъ рукой.

— Для молодежи мы, братъ, стары становимся, смѣясь замѣтилъ мужъ.

— Нѣтъ, не то! ей-Богу не то! Я, другъ любезный, никогда душой не состарѣюсь—

Но и подъ снѣгомъ иногда
Бѣжитъ кипучая вода!

съ шутливымъ паѳосомъ продекламировалъ князь, показывая на свои густые, съ замѣтною просѣдью волосы.

Digitized by Google

— Такъ-то, милый другъ! прибавилъ князь. Я не о томъ говорю. *Людей* нынче нѣтъ у насъ — вотъ что?

— Какъ же это такъ? спросилъ мужъ.

— Да такъ! Прежде военная служба была единственной почетной и выгодной службой. Всякій ее искалъ. Развѣ ужъ кто въ книжную премудрость ударится или тамъ другой — изъ знати, дипломатіей соблазнится, — а то всѣ въ подъ угодять! Ну, была и шваль — нечего говорить! За то что и за-люди случались! А нынче тотъ идетъ въ военную службу, кто больше никуда не годенъ.

— Ну, за то теперь заботятся объ образованіи офицеровъ, замѣтилъ мужъ. У насъ вѣдь сколько безграмотныхъ почти было.

— Да. Они затѣваютъ тамъ усилить экзамены; думаютъ поднять уровень... Да только ничего не подѣлаютъ! Время военщины прошло, братъ, на Руси безвозвратно. Вотъ тебѣ и весь мой сказъ. Служишь потому, что всю жизнь изжилъ на этой службѣ. Привычка вторая натура... Ну, а ты какъ? У тебя, говорятъ, жена восьмое чудо въ свѣтѣ.

— Т.-е. какъ это восьмое чудо? встревожился мужъ.

— Да такъ! и артистка — говорятъ — знаменитая, и красавица, и умница, и добродѣтель безукоризненная. Все это, братецъ, я тутъ прослышалъ къ сердечному моему удовольствію.

Мужъ конечно смутился (это впрочемъ мое предположеніе, между тѣмъ какъ весь разговоръ я привожу со словъ мужа: я всегда замѣчала, что напоминаніе о моей сценической карьерѣ кажется ему щекотливымъ).

— Ну, а дѣла твои какъ? спросилъ князь.

Мужъ коротко объяснилъ, что дѣла его не совсѣмъ хороши: что эмансипація нарушила старый хозяйственный порядокъ, а новый еще не установился и вѣроятно не скоро установится, и вслѣдствіе этого помѣщичьи дѣла вообще теперь въ плачевномъ состояніи; также и у него.

— А помѣстье же твое какъ велико? спросилъ князь.

Мужъ объяснилъ. Князь покачалъ головою.

— Что-жъ тебѣ за охота, братецъ, корпѣть надъ нимъ! выговорилъ онъ. Что ты изъ него выжмешь для такой семьи, какою угрожаетъ быть твоя?

— Что-жъ дѣлать! сказалъ мужъ.

— *Въ полкъ — эскадронъ дадутъ*, Грибоѣдовскимъ стихомъ отвѣчалъ князь. Поступай ко мнѣ. Я тебѣ это дѣло живо обдѣлаю.

Digitized by Google

— Оно бы хорошо! сказалъ мужъ. Да только походная жизнь для семейнаго человѣка слишкомъ неудобна!

Князь посвисталъ уворизненно.

— И кто это выдумалъ, братецъ, что такъ страшна она семейнымъ людямъ! выговорилъ онъ. Да жизнь мелкаго помѣщика во сто разъ хуже. И — прежде всего — вотъ что: мы съ тобою долго вмѣстѣ служили, а много-ли мы жили *походною жизнью*? Развѣ эти передвиженья изъ деревни въ городъ, изъ одной губерніи въ другую сосѣднюю — развѣ это походная жизнь. Да часто ли бываютъ и такія передвиженія. Нашей дивизіи, братъ, въ этомъ отношеніи благодать Божія: вотъ въ Польшѣ бунтъ былъ — сколько туда войска ушло, а насъ вишь въ какую трущобу загнали!..

И князь долго и подробно принялся перебирать удобства и неудобства военной и помѣщичьей жизни. Мужъ слушалъ, и начиналъ понемногу соглашаться съ нимъ: ему самому трудно дались послѣдніе два года...

— Ну, а докторъ же тебѣ какъ теперь нуженъ? спросилъ потомъ князь.

— Да жена нездорова: все кашляетъ и худѣетъ, отвѣчалъ мужъ. Простудилась должно быть.

— Да, можетъ быть и простудилась, согласился князь. А можетъ быть попросту чахнетъ съ тоски въ твоемъ хуторинкѣ. Ты кого-жъ хочешь звать?

— Беренса; онъ у насъ всегда лечитъ.

— Онъ, говорятъ, все-что смыслитъ — даромъ что такой прилизанный и деревянный. Но на твоемъ мѣстѣ я пригласилъ бы нашего молодаго доктора: тотъ молодецъ, хоть и молодъ. Да вотъ я тебя познакомлю съ нимъ; онъ будетъ въ обѣду.

Къ двумъ часамъ стали сходиться обѣдать; явились должностные, пріѣзжіе изъ эскадроновъ, штабъ-ротмистръ, небольшой нелюдимъ съ просѣдью и съ нѣмецкимъ акцентомъ, еще все-кто изъ холостыхъ офицеровъ и даже изъ женатыхъ. Князь всякому былъ радъ, было бы только поэно и шумно въ домѣ. Послѣ всѣхъ, когда ужъ садились за столъ, явился молодой докторъ, извиняясь, что раньше не успѣлъ отдѣлаться отъ больныхъ. Князь познакомилъ его съ мужемъ, усадилъ ихъ рядомъ за обѣдомъ, но мужъ все-таки привезъ Беренса.

Докторъ неразспросилъ меня, выслушалъ грудь къ великому смущенію мужа (онъ втайнѣ находилъ, что всякое прикосновеніе къ женщинѣ посторонняго мужчины почти равняется ея осквер-

Digitized by Google

ненію), подумалъ немного и выговорилъ своимъ до-нельзя отчетливымъ языкомъ:

— Я не нахожу, чтобъ вы были чѣмъ-нибудь больны. Вы просто изнурены частыми родами, кормленіемъ. Пожалуй, я пропишу вамъ какія-нибудь укрѣпляющія средства, но вамъ нужнѣе всего покойная жизнь, достаточный моціонъ и продолжительное отдохновеніе — словомъ, привольная жизнь... и развлеченіе, прибавилъ онъ оглянувшись кругомъ.

По отъѣздѣ его мужъ подробно передалъ мнѣ разговоръ свой съ княземъ и просилъ моего мнѣнія. Я подала его *за* предложеніе князя, но мужъ никакъ не могъ вдругъ рѣшиться.

Въ его натурѣ было много консервативнаго элемента: онъ имѣлъ удивительную способность привыкать къ мѣсту, къ людямъ, къ дѣлу до того, что всякая перемѣна казалась ему чуть не несчастіемъ. Но жить въ деревнѣ намъ приходилось жутко: земля давала доходъ самый ничтожный вслѣдствіе наступившаго кризиса; получаемыя деньги такъ и таяли, не успѣвая покрыть и половины расходовъ,—приходилось дѣлать долги.

Въ ветхомъ домѣ жить становилось невыносимо: дуло отъ половъ, отъ оконъ; кромѣ того, домъ былъ и теперь уже тѣсенъ для нашей семьи, а дѣлать пристройки къ дряхлому, покривившемуся строенію не было разсчета, на постройку же новаго дома у насъ не хватало средствъ. Отношенія съ нанятой прислугой были нѣсколько честнѣе и сноснѣе, но нанимать много людей было дорого; приходилось мнѣ самой браться за многое, а въ моемъ положеніи, при моемъ нездоровьи и непривычкѣ къ труду такого рода, это только усиливало мое разстройство. Правда, мужъ былъ большой оптимистъ: все казалось ему, что дѣло какъ-нибудь устроится и поправится, и мы заживемъ припѣваючи.

Кромѣ того, кажется, мужа смущала еще мысль, что я буду жить въ кругу молодежи, да еще молодежи гусарской—праздной, веселой, склонной къ волокитству. Смущалъ его и будущій полковой командиръ, которому въ качествѣ стараго сослуживца и пріятеля приходилось быть—такъ сказать—другомъ дома; но мужъ съѣздилъ еще раза два въ полкъ, узналъ, что у князя живетъ какая-то француженка, къ которой онъ страстно привязанъ, поприсмотрѣлся къ молодежи—и кажется на этотъ счетъ успокоился.

А я всѣми силами души желала перемѣны, хоть какой-нибудь перемѣны! «*Хочь гирше, та инше!*» повторяла я про себя малороссійскую поговорку, которую когда-то слышала отъ покойной тетушки.

Когда наконецъ пріѣхалъ къ намъ князь и, вѣроятно, подъ

Digitized by Google

вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго на него нашей убогой обстановкой и моей молчаливой, преждевременно отцвѣтшей личностью, сталъ опять настойчиво уговаривать мужа идти на службу, я все-таки молчала. Но я со страхомъ слѣдила за выраженіемъ лица Александра и будто воскресла, когда увидѣла, что онъ рѣшился.

Положено было, что онъ немедленно поступитъ на службу, къ осени получитъ эскадронъ, и тогда уже, оправившись послѣ родовъ, я переѣду къ нему въ уѣздный городъ. Такъ и сдѣлалось. Весну и лѣто мужъ прожилъ большею частью дома; въ августѣ уѣхалъ принять эскадронъ и приготовить помѣщеніе мнѣ съ семьей.

Я въѣзжала въ Синегорскъ позднимъ вечеромъ въ началѣ октября, и когда взглянула съ горы на лежавшій внизу городокъ, онъ показался мнѣ такимъ бѣленькимъ, чистенькимъ, хорошенькимъ, какимъ никогда не казался. Я поддалась самому идиллическому настроенію. «Здѣсь вѣрно многіе умѣютъ быть счастливыми!» думала я, представляя себѣ въ розовомъ свѣтѣ мирную и безмятежную жизнь тихаго городка. Такъ привѣтливо свѣтились въ окошкахъ его домовъ, такъ красиво серебрилась съ двухъ сторонъ широкая и полноводная рѣчка, и такъ рада я была перемѣнѣ жизни, что готова была счесть это мѣсто земнымъ раемъ. Мужъ занялъ для насъ уютную и просторную квартиру въ концѣ города. Мы устроились довольно сносно. Мужъ помнилъ хорошо, что въ числѣ прочаго Беренсъ совѣтовалъ мнѣ развлеченіе, и очень настойчиво предлагалъ мнѣ познакомиться съ уѣздными и полковыми дамами. Но я рѣшительно не соглашалась. Во-первыхъ, если не своимъ опытомъ, то по слухамъ знала, что̀ такое обыкновенно уѣздное общество и особеннаго удовольствія отъ этихъ знакомствъ не ожидала; во-вторыхъ, я страшно одичала въ своемъ захолустьи, совершенно отстала отъ модъ и обычаевъ т.-н. образованнаго круга: меня смущала и пугала одна мысль объ этихъ визитахъ, о кринолинахъ бочкой, о шиньонахъ въ видѣ мѣшка за спиною, о шлейфахъ въ три аршина. Притомъ же мнѣ рѣшительно некогда было выѣзжать и принимать. Тотъ, кто близко не присматривался къ жизни матери большого семейства, не можетъ и понять, какъ занято и полно мелкой суетой все ея время! Она рѣшительно не можетъ располагать собой ни часа въ день...

Послѣ ночи, проведенной на-половину безъ сна, такъ какъ я кормила меньшого сына, я просыпаюсь часто въ шесть-семь

Digitized by Google

часовъ утра, разбуженная шумомъ въ сосѣдней дѣтской. Я накидываю блузу и бѣгу туда: всѣ дѣти кричатъ.

— Мама! у меня пуговица отъ панталонъ оторвалась. Няня не хочетъ пришить, жалуется Лида.

— Мама! няня меня несколо одѣваетъ, жалуется картавя Миша.

— Не двадцать рукъ!.. ты бы ее больше тянула! огрызается нянька.

Наташа ни на кого не жалуется, но сидя на коврѣ, одѣтая, пискливо и однообразно кричитъ: тяю, тяю, тяю!

Я наскоро пришиваю пуговицу, пытаюсь, хотя тщетно, уговорить Мишу, чтобъ онъ менѣе торопился, и бѣгу въ столовую. Самоваръ не поданъ. Я начинаю звонить изъ всей силы. Является нашъ деньщикъ, ех-половой изъ ярославскихъ мѣщанъ: летя на всѣхъ парусахъ, онъ какъ игрушку несетъ въ рукахъ объемистый самоваръ, покачивая его изъ стороны въ сторону. Я завариваю чай, но шумъ въ дѣтской дѣлается сильнѣе и сильнѣе; нужно навѣдаться еще разъ.

— Мама! я хочу власную лубаску, а няня не даетъ! жалуется опять Миша.

— А гдѣ мнѣ ее взять! она въ грязномъ бѣльѣ, возражаетъ нянька.

Наташа также однообразно тянетъ свое—тяю! тяю! хотя Лида, въ намѣреніи развлечь ее, давно уже поетъ передъ нею, приплясывая и прищелкивая пальцами. Я уговариваю Мишу надѣть ту рубашку, которую ему подаютъ — онъ начинаетъ вопить еще громче. Ко мнѣ присоединяется Лида, но мальчикъ вдругъ вцѣпляется ей ручонками въ волосы. Крикъ и писк невообразимые! Является мужъ; послѣ тщетныхъ попытокъ унять дѣтей добрымъ словомъ, онъ начинаетъ неистово кричать и топать ногами. Дѣти понемногу стихаютъ. Мы идемъ пить чай. За чаемъ рѣдко дѣло обходится благополучно: то няня дастъ Наташѣ неостывшаго чаю, то Миша и Лида найдутъ по своему вкусу одинъ и тотъ же сухарь, то Миша выльетъ себѣ цѣлую чашку чаю на колѣни, и т. д. и т. д. Наконецъ, чай конченъ, а половой докладываетъ, что пришла кухарка съ базара. Я иду смотрѣть провизію и счесть расходъ: кухарка съ раскраснѣвшимся какъ маковъ цвѣтъ носомъ, начинаетъ разсказывать огорченнымъ тономъ, какъ сегодня все дорого на базарѣ, и называетъ цѣны въ самомъ дѣлѣ очень высокія. Я высказываю сомнѣніе, чтобъ такъ вдругъ все вздорожало.

— Убей меня Богъ, барыня, все такъ дорого, такъ дорого, что не докупишься! съ паѳосомъ подхватываетъ кухарка и начинаетъ

Digitized by Google

подробно высчитывать, въ доказательство истины своихъ словъ, какъ да какъ она обругала ту или другую торговку за ихъ *безбожный запросъ*. Но я прерываю ее на самомъ патетическомъ мѣстѣ, наскоро заказываю обѣдъ и спѣшу въ спальную, гдѣ неистовымъ крикомъ надрывается меньшой сынъ, котораго пора покормить. Ребенокъ скоро засыпаетъ, и я съ удовольствіемъ подумываю, что вотъ сейчасъ я причешусь и одѣнусь. Я въ самомъ дѣлѣ распускаю волосы и берусь за гребешокъ.

— Мама! мамочка! врываются ко мнѣ старшія дѣти. Дай намъ книжку съ картинками, что́ у тебя въ комодѣ, — говоритъ Лида.

— Дай, мамочка, дай! — повторяетъ Миша, подбираясь къ комоду.

— Дѣти! у меня право нѣтъ книжки съ картинками въ комодѣ, увѣряю я. Она осталась въ деревнѣ. Я ее велю привезти.

— Нѣтъ, мамочка! она у тебя въ комодѣ, увѣряетъ Лида. Посмотри-ка! я знаю — ты часто положишь что-нибудь куда-нибудь, да и забудешь. Посмотри, мамочка!

— Мамоцка, посмотли! съ настойчивой мольбой выговариваетъ и Миша. Я открываю наконецъ всѣ ящики комода поочередно: книжки нигдѣ не оказывается. Лида задумывается.

— Такъ она вѣрно у тебя въ шкафѣ, догадывается она. Посмотри въ шкафѣ, мама!

— Дайте же одѣться, дѣти! начинаю урезонивать я. Но дѣти не слушаютъ и также настойчиво требуютъ книжки, которая осталась въ деревнѣ. Я долго и тщетно усиливаюсь ихъ урезонить.

— Подите прочь! говорю я наконецъ, выведенная изъ терпѣнія безпрестанными и неотступными приставаніями. Подите прочь! пока я не одѣнусь, я не буду искать вамъ книжки.

Лида сердится, Миша начинаетъ хныкать; однакожъ оба уходятъ. Чрезъ минуту я слышу страшный стукъ и крикъ въ гостинной, и бѣгу туда съ гребешкомъ въ рукѣ и съ распущенными волосами. Оказывается, что Миша повалилъ на себя ломберный столъ. Испуганная Лида стояла на мѣстѣ, какъ статуя ужаса, Наташа кричала на рукахъ у няньки; а няня, какъ поваръ въ баснѣ Крылова, читала шалуну рацею. Ех-половой одинъ нашелся, и не успѣла я подбѣжать къ столу, какъ онъ поднялъ его, отодвинулъ и вслѣдъ затѣмъ поставилъ на ноги Мишу.

— Вотъ, мама! Еслибъ ты дала намъ книжку, мы бы ее разсматривали, и Миша бы не шалилъ!

Я возвращаюсь къ себѣ, душевно сожалѣя, что не привезла изъ деревни книжки, которую, впрочемъ, спрятала потому, что

Digitized by Google

она очень надоѣла дѣтямъ, такъ что они принялись вырывать изъ нея листки. Нѣкоторое время въ домѣ тихо и спокойно и я, заплетая и закручивая кое-какъ свою длинную косу, начинаю завидовать тѣмъ матерямъ, у которыхъ мало дѣтей и чьи дѣти слѣдуютъ послѣ длинныхъ промежутковъ. «Въ четыре-пять лѣтъ женщина, физически здоровая и нравственно спокойная, можетъ придти съ своимъ дитятею къ добрымъ результатамъ, даже если у нея мало воспитательнаго таланта»,—думала я. И потомъ вдругъ мнѣ вспоминалась покойная тетушка, за которой дѣти такъ и бѣгали и которая никогда съ ними не скучала, хотя своихъ у ней никогда не было. «Вотъ у нея былъ этотъ талантъ, конечно, въ зародышѣ»—рѣшала я.—«Конечно, изъ тѣхъ сказокъ и разныхъ пѣсенъ и прибаутокъ, которыя она разсказывала или пѣла дѣтямъ, были такія, какихъ я не дозволила бы слушать моимъ дѣтямъ, но получи тетушка иное образованіе, она нашла бы другія сказки и другія пѣсни!..»

— Баринъ приказали подать закусить,—звонко выкрикивалъ у закрытой двери деньщикъ.—Г-нъ майоръ Соловьевъ и г-нъ судья пожаловали.

Я шла достать вина и водки все еще не одѣтая. Потомъ опять просыпался грудной ребенокъ, я опять садилась его кормить и только къ обѣду мнѣ удавалось одѣться кое-какъ, да и то не всегда.

Послѣ обѣда мужъ засыпалъ, люди шли обѣдать, а я брала Наташу на руки и садилась между дѣтьми въ дѣтской, стараясь занять ихъ чѣмъ-нибудь, чтобъ они не шумѣли: мужъ всегда сердился, если мѣшали его короткому послѣобѣденному сну. Я и сама не прочь была заснуть, но мнѣ это было несовсѣмъ возможно. Если погода была сносная, дѣти шли гулять съ няней. Это былъ лучшій часъ въ теченіи дня. Я бралась за книгу и, если былъ здоровъ меньшой сынъ, мнѣ удавалось почитать, или скроить что-нибудь для дѣтей, сметать какой-нибудь передничекъ или рубашку. Но возвращались дѣти—и опять начинался шумъ и суета. Одинъ просилъ поскорѣе раздѣть его, Миша требовалъ яблока, Наташа озябла и жалобно хныкала... Просыпался мужъ; если ему удалось заснуть въ мѣру—онъ былъ веселъ, звалъ къ себѣ дѣтей, игралъ съ ними, иногда посылалъ въ лавки за лакомствомъ. Если онъ былъ не въ духѣ, онъ дѣтей къ себѣ не звалъ, ни съ кѣмъ не говорилъ и только ворчалъ понемногу, пока не ставили передъ нимъ стаканъ чаю. Тогда онъ прояснялся. За чаемъ почти всегда повторялось что-нибудь въ родѣ утрен-

Digitized by Google

нихъ эпизодовъ, а послѣ чаю, мужъ шелъ въ гости или клубъ, а дѣти, пошумѣвши еще всласть, отправлялись спать.

Я могла тогда спокойно заняться чѣмъ угодно, но утомленная до-нельзя суматохой дня, я отдавала наскоро приказанія на завтрашній день и ложилась спать.

Конечно, день-на-день не приходился. Вчерашнія сцены разнообразились сегодня новыми варіантами. Иногда передъ самымъ обѣдомъ я замѣчала, что нянька и деньщикъ держатъ консультацію.

— Въ чемъ дѣло? что такое? тревожно спрашивала я, догадываясь, что вѣрно не все благополучно.

— Да должно быть обѣда не будетъ сегодня,—печально выражала нянька.

— Какъ не будетъ? почему не будетъ?—съ ужасомъ спрашивала я.

— Кухарка пьяна-съ, отвѣчалъ деньщикъ.

Няня шла на кухню варить молочную кашку. Люди брали себѣ кислой капусты и соленыхъ огурцовъ и покупали селёдку. Мужъ, если былъ голоденъ,—кричалъ и неистовствовалъ, а если нѣтъ, то усердно уговаривалъ дѣтей не плакать пока сварятъ кашку и выказывалъ необыкновенную кротость. Наконецъ, къ вечеру являлась какая-то кума деньщика, за 15 к. с. стряпала намъ нѣкое подобіе обѣда или лучше сказать ужина, подаваемаго нашимъ ех-половымъ съ тріумфомъ и съ сознаніемъ собственнаго значенія и, затѣмъ, все опять принимало обычный видъ. Понятно, что при такой жизни было не до пріемовъ. Съ полковыми дамами однакожъ мужъ уговорилъ меня познакомиться. Къ счастію въ городѣ ихъ было только три: жена старшаго доктора, пожилая и кажется добрая нѣмка, новобрачная супруга молоденькаго поручика, выкравшаго ее изъ богатой купеческой семьи и до сихъ поръ ничего не получившаго отъ ея тятеньки, кромѣ торжественно выраженнаго проклятія, да еще жена одного майора изъ польскихъ татаръ, необыкновенно бойкая и рѣчистая полька. Эта послѣдняя при первомъ свиданіи раскрыла мнѣ всю подноготную—и уѣздную и полковую.

— Ахъ! какъ я рада съ вами познакомиться, говорила мнѣ при первомъ визитѣ моемъ майорша Бѣлостоцкая. Какъ я рада съ вами познакомиться! нѣсколько разъ повторила она, выражая полнѣйшій восторгъ на своей отцвѣтшей и нѣсколько подкрашенной физіономіи. Здѣсь такъ скучно: совсѣмъ нѣтъ общества, особенно дамскаго общества. Я не привыкла къ такой жизни: я долго жила въ Варшавѣ, въ Вильнѣ... Вотъ города! особенно Варшава... а потомъ вдругъ — посудите сами — здѣсь...

Digitized by Google

Она выразительно повела рукою кругомъ.

— Здѣсь очень скучно! повторила она. И вы—я увѣрена—будете здѣсь жестоко скучать.

Я сказала, что у меня много домашнихъ заботъ, которыя хоть и наскучаютъ сами по себѣ, но за то помогаютъ обойтись безъ общества.

— Да, я слышала: вы посвятили себя семейству. Ахъ! я тоже такъ люблю малютокъ! У меня ихъ двое — въ кадетскомъ корпусѣ. Это такъ грустно быть въ разлукѣ съ дѣтьми. Но общество! общество! безъ него невозможно прожить!

Я спросила, кто же собственно составляетъ здѣшнее общество?

— Ахъ! такъ мало лицъ—по пальцамъ можно перечесть: предводитель не женатъ. Да онъ почти и не живетъ здѣсь: все въ Москвѣ. Ну, исправница и жена судьи,—воображаютъ себя свѣтскими и образованными дамами, носятъ все шелковыя платья, но какого фасона! ха! ха! ха!—смѣялась моя новая знакомая, забывая, что и на ней, и на мнѣ — платья допотопной кройки. Ну! и образованіе подъстать туалету: вѣрно пономарь училъ... Я вѣдь въ институтѣ воспитывалась, прибавила, какъ-бы въ поясненіе своего пренебреженія къ воспитанію судейши и исправницы. Ну, потомъ жена стряпчаго—точно сорокаведерная бочка. Говорятъ, беретъ взятки вмѣсто мужа...

Она перебрала еще около полдюжины уѣздныхъ барынь.

— У инвалиднаго жена молоденькая и, какъ всѣ говорятъ, хорошенькая; но это мѣщаночка, совершенная мѣщаночка. И—я подозрѣваю—нравственности очень сомнительной. Я вамъ вовсе не совѣтую съ нею знакомиться...

Я отвѣчала, что по неимѣнію времени я и не разсчитываю дѣлать много знакомствъ и даже не намѣрена знакомиться вовсе со всѣми дамами.

— Неужели?—изумилась она. Тѣмъ болѣе я вамъ благодарна за ваше посѣщеніе... Ну, затѣмъ остается еще нѣсколько купеческихъ семействъ. Я съ ними не знакомлюсь,—потомъ наши военныя—и только.

— И въ полкахъ тоже бываетъ часто веселое общество, прибавила она переведя духъ. Это тамъ, гдѣ полковой командиръ молодой человѣкъ, или человѣкъ семейный, гдѣ много женатыхъ офицеровъ. А у насъ!... князь... вы знаете?

— Нѣтъ, не знаю, твердо выговорила я, опасаясь попасть въ сплетню.

— Неужели? — недовѣрчиво проговорила она. Но вѣдь это не секретъ: у князя есть bien-aimée, француженка. Она живетъ

Digitized by Google

не у него въ домѣ. Онъ ей рядомъ нанимаетъ квартиру. Представьте себѣ — даже собой нехороша, а онъ въ ней души не слышитъ. Изъ-за этого онъ совсѣмъ отсталъ отъ общества... А молодежь у насъ прекрасная! — безапелляціонно порѣшила она. Когда мы стояли въ М., тамъ на балахъ наши всегда были первыми кавалерами.

— Кто же у васъ лучшіе молодые люди?—спросила я.

— Да вотъ Пршевальскій, Сатинъ, Громницкій, Пирацкій и еще многіе.

Я ничего не отвѣчала, хоть уже познакомилась съ названною *лучшею молодежью*. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ всѣ являлись къ намъ съ визитомъ, любопытствуя, вѣроятно, взглянуть на *бывшую красавицу, артистку* и пр., и ушли отъ насъ замѣтно разочарованные.

— Да, въ М. они дѣлали много побѣдъ, продолжала m-me Бѣлостоцкая. Но это очень натурально. А вотъ въ чемъ я не понимала м—скихъ дамъ: онѣ были безъ ума отъ нашего молодого доктора.

Она сдвинула плечами и подняла глаза вверхъ.

— А чтожъ, онъ не заслуживаетъ этого? — спросила я.

— Вы — значитъ — его не знаете? Онъ человѣкъ ученый и собой не дуренъ, но такой какой-то...— она сдѣлала презрительную гримасу. Свѣтскаго лоску совсѣмъ нѣтъ...

— А вотъ и Александръ Семеновичъ!—выговорила она, глянувъ на улицу своими зоркими глазами. Ахъ! вы рѣшительно не можете жить другъ безъ друга! Настоящіе голубки! Pigeons!—неожиданно и неизвѣстно для чего перевела она.

Мужъ пришелъ за мною. Онъ долженъ былъ *дѣлать визиты* со мной вмѣстѣ, но его задержалъ князь. Мы стали прощаться.

— Какъ скоро? ахъ какъ жаль! Время летитъ такъ быстро въ пріятномъ обществѣ!—чувствительно произнесла она. Постараюсь скоро съ вами увидѣться! Очень, очень пріятно...

— Ну, какъ понравилась тебѣ Мальвина Осиповна?—спросилъ у меня мужъ, которому она почему-то представлялась *очень умной бабой* и которому все хотѣлось подыскать мнѣ развлеченіе.

— Ахъ, очень, очень понравилась,—отвѣчала я стилемъ моей новой знакомой, и расхохоталась.

Мужъ смутился и чуть ли не обидѣлся.

Digitized by Google

Чрезъ нѣсколько дней я встала утромъ въ хорошемъ расположеніи духа: мой меньшой мальчикъ спалъ хорошо, и мнѣ далъ выспаться. Ночью выпалъ первый снѣжокъ; дѣтей это очень заинтересовало, и по этой причинѣ никто не капризничалъ, не ссорился, и всѣ одѣвались очень мирно и тихо. Я тоже очень любила первый санный путь и не меньше дѣтей обрадовалась снѣгу. Мужъ предложилъ покататься со старшими дѣтьми. Я конечно согласилась, а дѣти были въ совершенномъ восторгѣ.

Мы поѣхали въ легкихъ просторныхъ саняхъ, тройкой. Миша примостился возлѣ кучера и держалъ въ рукахъ конецъ возжей, рѣшительно воображая, что правитъ. Тоже кажется воображала и Лида, сидѣвшая между мной и отцомъ и безъ умолку трактовавшая о всемъ, что ни встрѣчалъ по сторонамъ ея темный, внимательный глазокъ. Послѣ катанья я завезла дѣтей домой и сама поѣхала въ лавки съ мужемъ. Вслѣдъ за нами подъѣхали маленькія, щегольскія сани, изъ нихъ выскочила невысокая, изящно-одѣтая женщина и ломаннымъ русскимъ языкомъ, съ гортаннымъ выговоромъ потребовала себѣ того, другого, третьяго. Я стала разсматривать ее съ любопытствомъ: у нея было чрезвычайно подвижное и милое лицо. Она тоже раза два взглянула на меня своими большими темносѣрыми глазами. Я сейчасъ же смекнула, кто она? Мы сѣли въ сани прежде нея.

— Я догадываюсь, кто это, сказала я мужу. И я не удивляюсь князю: она кажется такимъ симпатичнымъ созданіемъ!..

По возвращеніи домой, только-что я расположилась съ работой въ гостинной, спѣша кончить фланелевую рубашку для Миши, какъ послышался звонокъ въ передней и незнакомый голосъ спросилъ, дома-ли господа? Я скорѣй ушла въ свою комнату: мнѣ ужасно надоѣли эти визиты чиновниковъ и офицеровъ: чиновники толковали о погодѣ, да объ уѣздныхъ дѣлахъ; что же касается офицеровъ—мнѣ казалось, что я заранѣе знаю всѣ ихъ разговоры и что они почерпнуты или изъ вокабулъ, или изъ плохенькихъ романовъ. Я такъ поспѣшила уйти, что не захватила съ собой работу.

— Кто тамъ у папы? спросила я у Миши, который остался-было въ гостинной.

— Афицеръ, важно отвѣчалъ мальчикъ. Онъ питалъ необыкновенное почтеніе и симпатію къ офицерамъ, особенно къ такимъ, которые громче и звонче другихъ бренчали саблею и звякали шпорами.

Гость просидѣлъ очень долго. Только-что онъ ушелъ, я велѣла подавать обѣдать.

Digitized by Google

— Кто у тебя былъ? спросила я, подавая мужу тарелку щей.

— Докторъ Васильевъ, неохотно отвѣчалъ мужъ. (Онъ не любилъ разговаривать за горячимъ).

— Ахъ! Какъ жаль, что я ушла! невольно я выговорила.

— Чего это тебѣ такъ жаль? спросилъ мужъ чуть ли не съ ироніей.

— Да намъ не мѣшаетъ быть съ нимъ хорошо знакомыми: онъ такой хорошій докторъ, отвѣчала я и смутилась, замѣчая, что начинаю хитрить и лавировать.

— Ну, и Беренсъ тоже хорошій докторъ, возразилъ мужъ.

— У этого лучше репутація, сказала я. Что же онъ тебѣ разсказывалъ хорошаго? спросила я, когда у мужа приняли пустую тарелку.

— Ничего особеннаго, отвѣчалъ мужъ. Все толкуетъ, какое скверное помѣщеніе ему отвелъ городъ для больницы. Помѣшался на этомъ. Такую войну поднялъ съ городской администраціей, что его имени не могутъ здѣсь слышать равнодушно. И о чемъ бы ни говорилъ—непремѣнно сведетъ на это: въ родѣ маніи это у него!

— Но вѣдь ужасная вещь, если для больныхъ отводится невозможное помѣщеніе! съ негодованіемъ вымолвила я.—Что же князь?

— Что-жъ князь? воюетъ тоже. Да что съ этими крючками подѣлаешь? Это такіе христопродавцы!—и мужъ, мало-по-малу воодушевляясь, началъ разсказывать мнѣ всю исторію борьбы между княземъ и докторомъ съ одной стороны, и *христопродавцами* съ другой. Онъ разсказывалъ все это, пока мы не пообѣдали и пока ему не захотѣлось спать. Но заснуть хорошенько ему не удавалось: скоро послѣ обѣда зашелъ къ намъ князь. Я сейчасъ же мужа разбудила.

— А ты уже спать завалился! Эхъ ты! деревенщина! упрекнулъ его князь. Я къ тебѣ по дѣлу: приходи-ка сегодня вечеромъ въ клубъ. Молодежь наша затѣваетъ танцовальные вечера къ зимѣ; нужно ее поддержать.

— Хорошо, приду, отвѣчалъ мужъ.

— Не то—бѣдное юношество перемретъ здѣсь отъ скуки, замѣтилъ князь, обращаясь ко мнѣ. Эти танцовальные вечера дѣлаютъ чудеса въ маленькихъ городкахъ: смотришь кругомъ—какъ будто никого нѣтъ, а устрой вечеръ—откуда возьмутся дамы! Такія вдругъ появятся, которыхъ существованія никто не подозрѣвалъ.

Мнѣ вдругъ вспомнилась утренняя встрѣча и ужасно захо-

Digitized by Google

тѣлось увѣриться въ справедливости моей догадки, и вмѣстѣ съ тѣмъ—сдѣлать кстати комплиментъ вкусу князя.

— Ну, чудеса этого рода случаются и безъ танцовальныхъ вечеровъ, замѣтила я. Я, напримѣръ, сегодня увидѣла въ лавкахъ такую прелесть, женщину, какую ужъ никакъ не ожидала встрѣтить въ лавкѣ купца Селифанова. Она плохо говоритъ по-русски и, судя по выговору, должна быть француженка...

— Такъ это васъ она встрѣтила?.. началъ-было князь и ужасно сконфузился. Это была моя знакомая — m-lle Buisson, прибавилъ онъ совсѣмъ смущенный.

— Какая прелесть! что за глаза! Какое выразительное лицо! Этакія женщины лучше красавицъ... порѣшила я.

— А она сегодня спрашиваетъ меня: кого это я встрѣтила въ лавкахъ? Высокая брюнетка и вѣрно не здѣшняя: совсѣмъ на здѣшнихъ не похожа, сказалъ князь. Онъ успѣлъ уже овладѣть собою.

— Ее вѣрно поразилъ мой костюмъ! смѣясь замѣтила я. Я вѣдь придерживаюсь допотопныхъ модъ.

— О нѣтъ! ее вовсе не то поразило! Она даже въ заключеніе всего сказала:—Je reconnaitrais une personne comme-il-faut, fut-elle en robe, comme on en portait il y a quinze ans,—проговорилъ улыбаясь князь. Мужъ между тѣмъ курилъ молча и слегка насупившись.

— Француженки обыкновенно такъ любятъ общество и развлеченія, продолжала я. Неужели же... mademoiselle Buisson не скучаетъ въ Синегорскѣ.

— Какъ не скучать? Очень скучаетъ! опустивъ голову отвѣчалъ князь. Она вѣдь здѣсь никого не знаетъ, ни съ кѣмъ незнакома...

— Это право очень жаль! сказала я. Мнѣ кажется, она создана для общества, и должна оживить какое-бы то ни было общество...

Князь поднялъ голову, хотѣлъ-было сказать что-то, но увидѣлъ совершенно сконфуженное лицо мужа и поспѣшилъ круто перемѣнить разговоръ.

— Ну, братецъ! Какъ мнѣ надоѣла эта исторія съ больницей! сказалъ онъ. Этакой народъ! не выпросишь того, чего можешь требовать! Ужъ я имъ говорю:—Я у васъ для себя помѣщенія не требовалъ, но помѣщеніе для меня полагается; ну, соедините вмѣстѣ это и больницу, и отведите для больныхъ домъ купца Малинина. Кстати онъ пустой стоитъ...

— Ну, и чтожъ? спросилъ мужъ.

Digitized by Google

Князь махнулъ рукой.

— Ничего! Тутъ только напрасно кровь себѣ портишь! отвѣчалъ онъ. Я намѣренъ разрубить гордіевъ узелъ.

— Какимъ образомъ? поинтересовался мужъ.

— Самымъ простымъ: найму этотъ самый домъ Малинина для больницы—да и все тутъ; однакожъ я засидѣлся... Приходи же пожалуйста въ клубъ, проговорилъ онъ и сталъ прощаться.

— Что́ у тебя за фантазія явилась—завести такой съ нимъ разговоръ? спросилъ меня мужъ, когда князь ушелъ.

— Какой разговоръ? удивилась я.

— Какъ какой? Еслибъ Мстинскій былъ попроще, онъ могъ бы, послѣ такого разговора, предложить тебѣ познакомиться съ этой особой!..

— Ну, и что-жъ изъ этого? холодно спросила я.

Мужъ глянулъ на меня во всѣ глаза.

— Воля твоя — на тебя находитъ иногда что-то странное, какое-то умопомраченіе! Ты какъ будто не понимаешь, что порядочныя женщины не могутъ вести знакомства съ такими особами, что это былъ бы стыдъ и срамъ для ихъ мужей! Ты десятилѣтняя дѣвочка что-ли?—что этого-то не понимаешь?..

— Нѣтъ, я, мать четверыхъ дѣтей и твоя благополучная супруга, все-таки я тебя не понимаю. Если *такими особами* ты называешь женщинъ, которыя дерзаютъ любить, не сочетавшись законнымъ бракомъ—то я тоже *такая особа*...

— На твоемъ мѣстѣ я замолчалъ бы, глухо выговорилъ мой мужъ.

— Я не хочу лгать и лицемѣрить, отвѣчала я, чувствуя, что блѣднѣю и что голосъ начинаетъ дрожать. Поэтому я не хочу бросать камнемъ въ бѣдную одинокую дѣвушку за то, что она сблизилась съ человѣкомъ, который на ней не женится. Поэтому все-таки я не назову ее продажной тварью; чтобы сдѣлать такой позорный приговоръ, нужно имѣть много основаній: жить здѣсь—съ ея стороны большая жертва и, кажется мнѣ, она могла бы себя продать тому, кто не потребовалъ бы такой жертвы отъ нея, не завезъ бы ее въ эту трущобу... Когда-то и ты увѣрялъ, что очень уважаешь женщину, которая любитъ безъ предразсудковъ!..

— Да я и не бросаю камнемъ въ... эту француженку, возразилъ мужъ. Но, право, мнѣ странно видѣть, какъ ты сторонишься отъ честныхъ женщинъ, и въ то же время...

— Я не по-твоему дѣлю женщинъ на честныхъ и безчестныхъ, прервала я...

— Что́ ты говоришь!—съ негодованіемъ прерваль меня Алек-

Digitized by Google

сандръ. Съ нѣкотораго времени у тебя опять являются какія-то странныя мысли...

— Эти мысли были у меня всегда и тогда даже, когда ты соглашался съ ними. Я не стыжусь нашего *прошлаго*. Скорѣе...

Но у меня не хватило храбрости договорить; я поспѣшно вышла изъ комнаты.

Александръ въ тотъ вечеръ пилъ чай въ своемъ кабинетѣ и очень рано отправился въ клубъ.

Когда я оставалась одна, я обыкновенно съ жаромъ бралась за книгу: въ полку была порядочная библіотека, выписывали всѣ лучшія изданія, и я читала очень много, будто желая вознаградить себя за недостатокъ чтенія, отъ котораго скучала въ деревнѣ. Но въ этотъ вечеръ я не могла читать: я все думала о томъ, какая страшная рознь открывается между мужемъ и мною! И когда это началось? — спрашивала я себя. Въ первое время знакомства нашего у насъ немного было общаго, но по мѣрѣ того какъ мы сближались, подпадая невольно вліянію другъ друга, разстояніе между нами все уменьшалось; передъ свадьбой мы не сходились только *на одномъ*, и это *одно* чуть не привело разрыва. Но я пожертвовала этимъ *однимъ*, я отреклась отъ него—и между нами не стало розни. Мы должны были жить душа въ душу, мы и жили душа въ душу; а тамъ, нежданно и незамѣтно прокралось что-то между нами, что-то неясное и неопредѣленное, и росло оно, росло, и вотъ послѣ семи лѣтъ супружества между нами очутилась бездна, которую невозможно ни перешагнуть, ни пополнить... Я вспомнила нашъ давешній разговоръ о француженкѣ. Могъ ли бы онъ происходить между нами въ первое время нашего сближенія? Конечно, нѣтъ. Тогда мы отнеслись бы къ дѣлу почти одинаково: я—совсѣмъ просто и прямо; онъ, можетъ быть, съ маленькой натяжкой, которую никто изъ насъ, конечно, не замѣтилъ бы, не было бы ни спора, ни недоразумѣнія. А теперь вотъ я должна хитрить и маскироваться, если меня немного заинтересуетъ кто-нибудь, если кто-нибудь возбудитъ мое любопытство. Будто ужъ и въ самомъ дѣлѣ женѣ и матери прилично интересоваться человѣкомъ только изъ семейныхъ видовъ! (я вспомнила о докторѣ). И будто всякій интересъ, возбуждаемый мужчиною, долженъ имѣть своимъ основаніемъ какое-нибудь подозрительное и непохвальное побужденіе!..

Я въ первый разъ тогда вполнѣ сознала и явственно почувствовала, какъ тяжела такая жизнь, — жизнь полнаго одиночества и совершеннаго отчужденія отъ всѣхъ окружающихъ!.. Такъ кончился мой благополучный день!

Digitized by Google

Прошло около двухъ недѣль. Какъ-то предъ обѣдомъ я читала одна въ гостиной: мужъ еще не возвратился съ ученья, дѣти разсматривали въ дѣтской книжку съ картинками, которую я по своему обѣщанію велѣла привезть изъ деревни. Въ домѣ было очень тихо...

— Дома Александръ Семеновичъ? послышался мнѣ въ передней какъ-будто знакомый голосъ.

— Ихъ нѣтъ-съ. А барыня дома, вотъ въ гостинной сидятъ,— принимаютъ, подробно объяснилъ нашъ словоохотливый деньщикъ.

— А-а? протянулъ пришедшій. Кланяйся Александру Семеновичу и скажи, что приходилъ докторъ Васильевъ, прибавилъ онъ. Очень жаль, что не засталъ.

На другой день къ намъ зашелъ князь и засталъ меня одну. Не помню кто изъ насъ и почему заговорилъ о докторѣ.

— Ну, хорошъ—нечего сказать—вашъ докторъ! смѣясь замѣтила я и разсказала князю о его недавнемъ посѣщеніи.

Князь развелъ руками.

— О! онъ чудакъ естественный! То-ли еще съ нимъ бывало! Ему отъ меня за этакія выходки часто доставалось. Вы вотъ только посмѣиваетесь, а вообще дамы на этотъ счетъ очень щепетильны. Разъ въ М. пригласили его къ нервной молодой дамѣ, у которой отъ всякаго противорѣчія случалась истерика. А въ то время у него ужасно много больныхъ было: тифъ свирѣпствовалъ. Вотъ онъ прописалъ ей лавровишневыя капли, да и раскланивается; а барыня сидитъ себѣ на диванѣ, подобравши ножки и на рукахъ болонку держитъ. «Посмотрите, говоритъ, докторъ! какая прелесть моя Мими!» а онъ ей:—Извините! говоритъ, мнѣ нѣкогда Мимишекъ разсматривать: у меня тифозныхъ пропасть и въ томъ числѣ семнадцать человѣкъ солдатъ.» Да и вышелъ. У барыни тутъ же на мѣстѣ другая истерика приключилась! Такъ и лишился выгодной практики: барыня богатая была.

Вскорѣ послѣ этого, въ воскресенье, только-что я выпроводила Мальвину Осиповну, которая явилась ко мнѣ чуть ли не въ десять часовъ утра и со всевозможной подробностью передала мнѣ исторію своей жизни и перечислила свои несчетныя дѣвическія побѣды; только что у меня съ души свалился этотъ камень и старенькія дрожки майорши задребезжали по улицѣ, а я бросилась унимать дѣтей, ссорившихся изъ-за какой-то бумажки, какъ отворилась дверь и въ комнату вошелъ молодой человѣкъ въ мундирѣ военнаго медика. Дѣти сейчасъ же утихли и съ любопытствомъ уставились на гостя. Онъ оглянулся кругомъ и видя, что некому его представить, представился самъ.

Digitized by Google

— Докторъ Васильевъ, кланяясь сказалъ онъ.

— Очень рада, пробормотала я, указывая на кресло. Александра Семеновича нѣтъ дома, но онъ вѣроятно скоро будетъ, прибавила я.

— Я его недавно встрѣтилъ: онъ ѣхалъ къ князю, проговорилъ докторъ.

— Ну, отъ князя скоро не отдѣлается, замѣтила я, если только онъ дома.

— Да, удивительный хлѣбосолъ князь! — сказалъ докторъ. Когда ни приди къ нему, если онъ дома — вѣчно у него гости и непремѣнно ѣдятъ и пьютъ. Теперь еще князь много измѣнился, а прежде онъ—говорятъ—такой весельчакъ былъ! Да вотъ Александру Семеновичу это хорошо извѣстно: они вѣдь давніе знакомые!

Я между тѣмъ разсматривала своего гостя. Это былъ высокій, смуглый молодой человѣкъ съ несовсѣмъ правильными, даже съ вовсе неправильными, но очень выразительными чертами. Темные, густые, волнистые волосы изящно обрамляли его высокій, красивый лобъ, каріе глаза смотрѣли внимательно и будто строго. Довольно большой ротъ придавалъ нѣсколько добродушія его серьёзному лицу. Но болѣе всего обращали на себя вниманіе его руки — длинныя, тонкія, съ изящными, будто выточенными пальцами. Говорилъ онъ немного отрывисто; повелительная нотка слышалась въ его тонѣ, какъ у человѣка, который привыкъ *предписывать* и совѣтовать безъ возраженія. У докторовъ-практиковъ часто слышится такая нотка...

— Князь передавалъ мнѣ будто вамъ показалось страннымъ, что какъ-то я, не заставъ Александра Семеновича, не зашелъ къ вамъ, между тѣмъ какъ вы были дома и принимали, просто и прямо началъ Васильевъ послѣ нѣкотораго молчанія. Я не хотѣлъ утруждать васъ: я думалъ, вы избѣгаете лишнихъ знакомствъ и пріемовъ...

— Интересно знать, изъ чего же вы это заключили? полюбопытствовала я.

— Я имѣлъ для этого достаточно данныхъ. Когда я былъ у васъ въ первый разъ и просидѣлъ довольно долго—вы не вышли и вѣроятно даже нарочно ушли: ваша работа лежала здѣсь на столѣ, съ готовой иглой...

— О! вы вотъ какой наблюдательный... и тонкій человѣкъ, перебила я.

— Я? нисколько! рѣшительно произнесъ онъ. Я только не люблю никого стѣснять, также какъ не люблю стѣсняться для

Digitized by Google

другихъ. Я слышалъ и еще отъ многихъ, что вы не выходите, т.-е. рѣдко выходите къ знакомымъ Александра Семеновича.

— Это и не удивительно: у меня большая семья и такъ много заботъ! сказала я.

— Да, вотъ это я и имѣлъ въ виду... Это все ваши дѣти? спросилъ онъ, внимательно всматриваясь въ дѣтей. Вашъ сынъ очень здоровый мальчикъ и удивительно похожъ на отца. Вотъ старшая дочь-то вашъ портретъ. Сколько лѣтъ вашей меньшой дочери?

— Два года,—отвѣчала я.

— Она кажется моложе. И почти не ходитъ! Очень медленно развивается она у васъ. Здорова?

— Она не часто хвораетъ, но я боюсь вообще, чтобъ дѣти мои не были болѣзненны: вѣдь мы съ мужемъ двоюродные, а въ такихъ супружествахъ — говорятъ — рѣдко бываютъ здоровыя дѣти.

— Но не въ первомъ же поколѣніи, возразилъ докторъ. Браки между родственниками, часто повторяющіеся въ одномъ роду, дѣйствительно способствуютъ вырожденію потомства. Но вамъ—мнѣ кажется—еще нечего безпокоиться.

Вошелъ Александръ.

— Я вотъ стараюсь успокоить вашу супругу касательно одного обстоятельства, относящагося къ здоровью дѣтей, сказалъ докторъ послѣ первыхъ привѣтствій, и началъ подробно и обстоятельно излагать намъ мнѣнія спеціалистовъ pro и contra такихъ супружествъ. Онъ точно читалъ намъ лекцію. Говорилъ онъ немного книжно, но чрезвычайно легко и толково. Мужъ началъ понемногу выказывать легкіе признаки нетерпѣнія, но онъ этого ни мало не замѣчалъ и съ совершенно серьёзнымъ видомъ, полно и подробно высказалъ все, что имѣлъ сказать по этому поводу— и тогда всталъ и раскланялся.

— Вотъ мы съ тобой нежданно-негаданно выслушали лекцію о бракахъ между кровными родственниками, смѣясь замѣтила я мужу.

— Да. Ну, да и чудакъ же этотъ баринъ! сказалъ мужъ. Пришелъ съ визитомъ и давай лекцію читать! А тутъ ѣсть хочется. Я вѣдь не засталъ Мстинскаго и не завтракалъ. Пойдемъ обѣдать.

— Да, онъ чудакъ! Но онъ человѣкъ свѣдущій и кажется хорошій человѣкъ, замѣтила я, подходя къ столу.

— Богъ его знаетъ! мрачно произнесъ мужъ въ припадкѣ мизантропіи, овладѣвавшей имъ ежедневно передъ обѣдомъ.

Digitized by Google

Я поспѣшила подать ему тарелку щей.

А между тѣмъ время потихонько шло, да шло. Въ клубѣ устроились танцовальные вечера, къ великому удовольствію дамъ и молодежи. На эти вечера учащала и Мальвина Осиповна, соорудившая себѣ платье съ неимовѣрнымъ шлейфомъ, которымъ очень гордилась, что не мало потѣшало полковое общество. Она и меня усердно приглашала на эти вечера; мужъ при этомъ ее вскользь поддерживалъ; но я давно разучилась танцовать, въ карты не играла, а faire tapisserie не находила занимательнымъ. Мужъ перезнакомился со всѣми въ городѣ и въ уѣздѣ, и у насъ часто по вечерамъ собиралось военное и цивильное общество, все болѣе люди солидные, годные для партіи ералаша; иногда появлялся кое-кто изъ молодежи, но очень рѣдко. Мальвина Осиповна удивлялась моему нежеланію и неумѣнію оживить свои вечера, и кажется, начала во мнѣ разочаровываться.

Синегорскъ не былъ такимъ дряннымъ городишкомъ, какъ вообще уѣздные: въ немъ было много каменныхъ домовъ, еще болѣе домовъ подъ желѣзною крышей. На площади было много лавокъ, правда въ очень живописномъ безпорядкѣ: возлѣ большихъ каменныхъ лавокъ лѣпились низенькія деревянныя лавочки, темныя и лѣтомъ невыносимо душныя; потомъ опять высились большія каменныя лавки, и опять деревянныя и т. д. Синегорскъ—городокъ молодой и расположенъ очень правильно; улицы въ немъ прямыя и широкія. Церквей въ немъ немного, но тѣ, которыя есть, отличаются громадностью и благолѣпіемъ — признакъ и благочестія, и зажиточности населенія. Синегорскъ обязанъ своимъ процвѣтаніемъ торговлѣ пшеницей: всѣ тутъ ею торгуютъ: и купцы, и крестьяне, и чиновники, и попы; нѣкоторые отъ этой торговли наживаются, другіе только перебиваются кое-какъ,—какъ кому удача. Но городъ отъ нея богатѣетъ. Такъ-называемое благородное общество, включая сюда и *образованное* купечество, очень гордится своимъ клубомъ, имѣющимъ приличное помѣщеніе, хорошую мебель и порядочнаго повара; гордится также тѣмъ, что въ этомъ клубѣ рѣдко бываютъ скандалы: блистательнаго же и громкаго скандала въ немъ не случалось съ самаго его основанія. Но несмотря на все это, Синегорскъ—очень глухой городокъ. Дальше его и почта не ходитъ, что подаетъ поводъ мѣстнымъ острякамъ утверждать, что онъ на концѣ свѣта. Но за то по всѣмъ проселочнымъ дорогамъ уѣзда то-и-дѣло ползутъ длинныя вереницы тяжеловѣсныхъ воловыхъ возовъ и извозчичьихъ троичныхъ телѣгъ, нагруженныхъ пшеницею. Какъ бы то ни было, но эта отдаленность Синегорска отъ большихъ провинціальныхъ

Digitized by Google

центровъ, эта изолированность его помогаетъ ему сохранять у себя въ высшей степени патріархальный характеръ. Его коснулись разныя перемѣны и реформы, но какъ-то съ одной внѣшней, такъ сказать оффиціальной стороны. Внутренняя жизнь осталась такой-же сонной, мирной, вседовольной.

Извѣстно, что прогрессъ въѣзжаетъ въ наши глухіе городки или въ образѣ учителя уѣзднаго училища, или какого-нибудь студента-прогрессиста, выключеннаго за вольнодумство. На долю Синегорска не досталось ни учителя, ни студента, а проживало въ немъ капитальное купечество, раздобрѣвшее отъ привольной жизни чиновничество, да простой сѣрый народъ, говоря относительно, довольно зажиточный, а потому и съ виду довольно крупный и здоровый, что́ особенно кидалось въ глаза пріѣзжимъ пріемщикамъ во время рекрутскихъ наборовъ. Въ будущемъ году здѣсь ожидалось введеніе земскихъ учрежденій, отъ которыхъ многіе ожидали великаго благополучія, о которыхъ такъ толковала пресса. Въ Синегорскѣ же собственно мало о нихъ вспоминали. Развѣ ужъ совсѣмъ разговоръ истощится или пожелаетъ кто блеснуть тѣмъ, что *слѣдитъ за ходомъ реформъ*. «Скоро выборы земскіе, скажетъ напримѣръ кто-нибудь. Что-то оно будетъ!» «Хочь гирше, а инше! скажетъ иной пессимистъ». «Ну нѣтъ! гирше не будетъ! возражаетъ господинъ съ либеральными поползновеніями... Ужъ одно-то, что опека чиновничья съ насъ снимется». Но мнѣ почему-то сдается, что этотъ господинъ говоритъ чужую фразу, что вовсе не тяготитъ его самого никакая опека и что если она снимется, то ничего ему съ этого не прибудетъ! «А кто его знаетъ, лучше ли оно такъ будетъ»! возражаетъ въ свою очередь пессимистъ. Тѣмъ обыкновенно разговоръ и кончается! Что—въ самомъ дѣлѣ—говорить о томъ, чего никогда не было и о чемъ никто ничего не знаетъ? И вообще въ Синегорскѣ мало занимались общими вопросами. То-ли дѣло свои домашнія дѣла! Недавно, напримѣръ, отставной поручикъ Слѣпцовъ и гарнизонный прапорщикъ Воробьевъ, пріѣхавшій къ матери на побывку, дразнили индюшекъ бердянскаго купца Гасимова, и увлекшись потѣхою убили нѣсколько штукъ палкою. Купецъ огорчился и пожаловался уѣздному исправнику. Исправникъ при свиданіи попенялъ имъ: «Зачѣмъ, господа, индюшекъ—дескать—уничтожать! Изъ этого непріятность можетъ выдти?» Офицеры обидѣлись этимъ, и въ первый разъ какъ купецъ выѣхалъ покататься съ женою, показали имъ кукишъ; а у Гасимова жена была институтка и на письмахъ подписывала свое имя и фамилію непремѣнно по-французски, даже когда писала къ тѣмъ, кто по-французски не умѣлъ

Digitized by Google

читать. Понятно, что супругъ еще болѣе обидѣлся—и опять сходилъ къ уѣздному исправнику. Исправникъ на этотъ разъ затруднился, какія бы принять мѣры, но его выручилъ помощникъ изъ военныхъ, который тутъ же объяснилъ купцу, что въ этомъ случаѣ единственный исходъ вызвать дерзкихъ обидчиковъ на дуэль. Купецъ послѣ этого успокоился. Или, напримѣръ, въ питейномъ заведеніи купца Тихонова отобрали девятиквартное ведро, которое переночевало на квартирѣ станового пристава и оказалось десятиквартнымъ. Или—опять—инвалидный начальникъ въ клубѣ игралъ девять безъ козырей—и остался безъ трехъ, а акцизный чиновникъ, Малодонскій, тамъ же въ клубѣ отозвался о женѣ этого самаго инвалиднаго начальника самымъ неприличнымъ образомъ. И вообще мало ли случалось казусовъ, о которыхъ нельзя было не потолковать! Гдѣ ужъ тутъ интересоваться земскими выборами! Богъ съ ними совсѣмъ!

А я между тѣмъ попривыкла къ тихой жизни Синегорска, меня занимало всматриваться въ этотъ новый для меня, крошечный мірокъ съ его маленькими, курьёзными интересцами, наблюдать за этими наивными патріархальными людьми. Я любила, посмѣиваясь, вслушиваться, какъ пикируются за ералашемъ судья съ исправникомъ, принадлежавшіе къ различнымъ партіямъ, т.-е не къ консервативной, прогрессивной или какой другой, а просто къ партіи Ивана Ивановича или Ѳедора Богдановича. Я съ нетерпѣніемъ ждала появленія князя, чтобъ взглянуть, какъ все это чиновничество начнетъ поклоняться ему, не изъ какой-нибудь корысти, а просто потому, что онъ *высокаго полета птица*, а дядя его *случайный человѣкъ*, хоть ни отъ того, ни отъ другого никто ничего не ждалъ, а князю собственно при случаѣ не боялся сдѣлать мелкую непріятность, какъ въ дѣлѣ о больницѣ. Но при всемъ своемъ простодушіи этотъ народъ былъ себѣ-на-умѣ и очень хорошо понималъ, что князь не воспользуется своимъ положеніемъ, чтобъ повредить кому изъ нихъ, а потому они ему поклонялись и дѣлали по-своему. *Жить съ ними надоѣстъ*, думала я; даже часто смотрѣть на нихъ скоро прискучитъ, но изрѣдка посмотрѣть не мѣшаетъ. Такимъ образомъ пришли и прошли святки, затрещали крещенскіе морозы, выпала настоящая зима, а не то среднее между осенью и зимою, что дѣлаетъ совершенно непроѣздными наши русскія дороги.

Какъ-то въ концѣ января я сидѣла одна въ спальной. Мужъ игралъ гдѣ-то въ карты, я читала, изрѣдка позѣвывая, дѣти уснули. Вдругъ старуха няня, босая и повязанная на ночь бѣлымъ платочкомъ, неслышно подошла къ двери и позвала меня. Я

Digitized by Google

вздрогнула и взглянула на нее: у нея былъ такой значительный видъ, что я испугалась.

— Что́ ты, няня?—поспѣшно спросила я.

— Пойдемъ въ дѣтскую, матушка! — выговорила она. Лидочка тамъ вся огнемъ горитъ да стонетъ. Занедужала голубушка.

Я поднялась и пошла за старухой.

— То-то, дивлюсь я, рано спать она захотѣла,—продолжала старуха, да все просить укрыть ее потеплѣе...

Я подошла къ Лидѣ; она разметалась по кровати, вся въ жару. Я тихо притронулась къ ея горячему лбу. Она открыла глаза.

— Дай мнѣ пить, мама!—проговорила она отрывисто, и опять застонала.

— Что съ тобой, Лида? что у тебя болитъ? — спросила я, подавая ей пить.

Она взялась рученкой за голову.

— Голова болитъ, — съ усиліемъ выговорила она.

Я позвала человѣка и велѣла сходить сейчасъ же за докторомъ Васильевымъ сперва, а потомъ за мужемъ! И странное дѣло! несмотря на безпокойство, я почувствовала что-то въ родѣ удовольствія при мысли, что мужа испугаютъ и не дадутъ ему покойно кончить его партію.

Доктора застали дома и онъ скоро явился, выслушалъ мое объясненіе и пошелъ за мной. Дѣвочка спала безпокойнымъ, прерывистымъ сномъ. Онъ осторожно пощупалъ у нея пульсъ, попробовалъ голову.

— Сильное лихорадочное состояніе, — сказалъ онъ, но что́ именно у нея, сказать трудно. Подождемъ до-завтра... До сихъ поръ нѣтъ ничего особенно опаснаго. Поставьте ей горчишники.

Няня захлопоталась съ горчишниками подъ присмотромъ доктора. Я сѣла у кровати больной и задумалась. Мнѣ было и странно и совѣстно, что я не замѣтила, какъ она заболѣвала: не можетъ быть, чтобъ она вдругъ такъ занемогла! «Удивительно, какъ я ожесточаюсь и черствѣю!» думала я съ горечью...

Пришелъ мужъ. Онъ казался не то испуганнымъ, не то смущеннымъ.

— Что́ съ Лидой? — тихо спросилъ онъ разомъ у меня и у доктора.

Тотъ объяснилъ ему. Поставили горчишники; дѣвочка заплакала-было, но потомъ опять заснула. Когда горчишники сняли,

Digitized by Google

мужъ предложилъ перейти въ гостинную и велѣлъ дать закусить.

— Вы такой недобрый, Сергѣй Михайловичъ! никогда не зайдете посидѣть за-просто, — попенялъ доктору мужъ, съ свойственнымъ ему радушіемъ, которое особенно замѣтно проявлялось, когда на столѣ красовался подносъ съ графинчиками, бутылками и солеными закусками.

— Все мнѣ некогда,—отвѣчалъ докторъ. До сихъ поръ пропасть больныхъ. Я радовался, когда мы шли въ Синегорскъ, думалъ — мѣста привольныя, народъ зажиточный: солдату хорошо будетъ. А вышло вотъ какъ? Намъ здѣсь впрочемъ много больница прежняя надѣлала бѣды; рецидивистовъ пропасть.

— Да, вамъ-таки не даютъ покою: это я знаю,—проговорилъ мужъ. Но все-таки это не по-товарищески...

— Такой ужъ спесивый Сергѣй Михайловичъ! — произнесла я, чтобъ сказать что-нибудь.

— Гдѣ тамъ спесивый! помилуйте, — возразилъ онъ, будто слегка конфузясь. А на счетъ больной вы пока не безпокойтесь: пока рѣшительно незамѣтно опасныхъ симптомовъ, — повторилъ онъ.

Онъ еще разъ взглянулъ на Лиду и попрощался, обѣщая на другой день придти пораньше.

Утромъ Лидѣ не было легче. Докторъ осмотрѣлъ ее, разспросилъ меня (я спала эту ночь возлѣ больной) и задумался.

— Мнѣ кажется, у нея будетъ какая-нибудь сыпная лихорадка: оспа, корь...—проговорилъ онъ. Это вовсе не опасно, если сберечь ребенка въ періодъ выздоровленія.

Онъ далъ мнѣ подробное наставленіе касательно содержанія больной, еще разъ посовѣтовалъ не тревожиться—и ушелъ.

Я и не тревожилась въ этотъ день; больная была все въ томъ же положеніи — ни лучше, ни хуже. Но на другой день къ ночи ей стало такъ худо, что я послала за докторомъ. Его не нашли и не знали, гдѣ онъ. Мужъ поспѣшно предложилъ отыскать Беренса; я и на то согласилась, но Беренсъ былъ въ уѣздѣ. Я провела мучительную ночь. Бѣдная дѣвочка стонала и металась; ко всему прежнему присоединилась сильная боль горла. Глядя на ея воспаленные глаза и сухія растрескавшіяся губы я заранѣе испытывала чувство матери, которая теряетъ свое дитя: мнѣ казалось, я теряю ее. Не знаю, какъ я дождалась утра.

Очень рано утромъ пришелъ докторъ. Онъ казался очень озабоченнымъ.

Digitized by Google

— Показалась сыпь! — замѣтилъ онъ, присматриваясь къ больной.

Я тоже нагнулась и очень явственно увидала на кожѣ красныя пятна.

— Такъ и есть: у нея скарлатинъ, — рѣшилъ онъ. До вчерашняго вечера я и не зналъ, что онъ показался. Вчера только меня позвали къ очень трудному больному скарлатиномъ. У вашей дочери болѣзнь гораздо легче, — успокоительно прибавилъ онъ.

— Нужно, я думаю, совсѣмъ отдѣлить отъ нея другихъ дѣтей, — проговорила я.

— Нѣтъ, по-моему это совершенно лишнее: она вѣдь и такъ въ особой комнатѣ. А вы себѣ этимъ устроите еще большее затрудненіе, въ случаѣ другія дѣти заболѣютъ. Ужъ если появилась эта гостья въ семьѣ—она обыкновенно всѣхъ переберетъ и ничѣмъ ее не умилостивишь. Вы только не пугайтесь слишкомъ: скарлатинъ вовсе не такая опасная болѣзнь, какъ обыкновенно воображаютъ.

Лидѣ скоро стало легче. Но предсказаніе доктора сбылось: нашъ домъ превратился на нѣсколько недѣль въ настоящую больницу: одно дитя вставало, другое ложилось, но съ тѣмъ, которое встало, было еще больше хлопотъ, чѣмъ съ больнымъ. Сберечь отъ простуды — это легко сказать, но трудно выполнить въ нашихъ плохо устраиваемыхъ жилищахъ, да еще въ январьскіе морозы суровой зимы. Приходилось засадить дитя на все время въ одну комнату и быть при немъ безотлучно, выдерживая ежечасную борьбу съ подвижностью дѣтской натуры, для которой такое заточеніе невыносимо. Видно, былъ во мнѣ большой запасъ живучести, что я вынесла эту тяжелую жизнь безсмѣнной сидѣлки-матери, которая, вмѣстѣ съ неизбѣжною тревогою и безпокойствомъ, выноситъ столько страху и душевной боли. Но безъ внѣшней помощи я бы этой жизни не вынесла.

Мужъ, конечно, помогалъ мнѣ. Въ періодъ настоящей болѣзни всякаго изъ дѣтей онъ снималъ съ меня часть домашнихъ заботъ, предоставляя мнѣ почти единственно эту роль сидѣлки, что́ было для меня большимъ облегченіемъ. И возлѣ больныхъ онъ мнѣ помогалъ, но возня съ выздоравливающими ему скоро наскучала. А доктору не наскучали ни больные, ни выздоравливающіе. Онъ ежедневно приходилъ къ намъ по окончаніи своихъ утреннихъ визитовъ къ больнымъ; часто у насъ и обѣдалъ. Не то́, чтобъ онъ особенно боялся за дѣтей, но онъ очень скоро сошелся со мною и казалось приходилъ къ намъ съ двойною цѣлью — и

Digitized by Google

взглянуть на больныхъ, и отдохнуть. Его серьёзная и ласковая манера хорошо дѣйствовала на дѣтей; они его часто слушались.

Я никогда не умѣла быть привѣтливой и любезной *со всякимъ*, а теперь, одичавши на безлюдьи въ деревнѣ, тѣмъ менѣе; но если человѣкъ казался мнѣ простымъ и искреннимъ, если онъ приходился мнѣ по-душѣ—я съ нимъ скоро сближалась, а докторъ особенно былъ простой и славный малый. Онъ мнѣ очень нравился. Въ немъ были преоригинальные контрасты: какъ докторъ—онъ былъ очень серьёзенъ, добросовѣстенъ до педантизма, но за то подчасъ и требователенъ тоже до педантизма, а въ извѣстныхъ случаяхъ даже жестокъ.

Но когда онъ сбрасывалъ съ себя обязанности врача, въ немъ мгновенно совершалась самая неожиданная перемѣна: онъ дѣлался удивительно мягокъ, какъ-то по-дѣтски чистосердеченъ и простодушенъ.

Онъ, казалось, давно ни съ кѣмъ не сближался.

— Много у васъ здѣсь знакомыхъ? — спросила я какъ-то у него.

— То-есть, какъ вамъ сказать?...—затруднялся онъ. Я лечу во многихъ домахъ; съ другими имѣю сношенія оффиціальныя—значитъ, почти со всѣми знакомъ.

— Нѣтъ—а коротко знакомы вы со многими?

— Ни съ кѣмъ. Бываю по дѣлу у многихъ, а за-просто ни у кого. Развѣ вотъ у князя; но то особая статья. Меня многіе зовутъ къ себѣ. Жена судьи даже обижается. Да что мнѣ тамъ дѣлать?

— Конечно. Чтó за компанія вамъ мы — уѣздные люди! — пошутила я.

— Я къ вамъ этого не отношу — вы знаете, — просто и серьёзно проговорилъ онъ. Но у нихъ въ самомъ дѣлѣ нечего дѣлать. Еще на имянинахъ, на разныхъ празднествахъ бывать—имѣетъ смыслъ; пьютъ и ѣдятъ вкусно. А такъ, за-просто я никогда не пойду.

— И вамъ не бываетъ скучно? — спросила я.

— Когда же мнѣ можетъ быть скучно? Мнѣ день коротокъ...

— Нѣтъ, я не такъ выразилась. Я хотѣла спросить, не бываетъ вамъ тяжело отъ этого одиночества?

— Еще бы, конечно бываетъ. Я въ такомъ случаѣ стараюсь разогнать поскорѣе эту тяжесть.

— Что же вы для этого дѣлаете?

Digitized by Google

— Что придется. Если есть трудные больные—иду къ нимъ и усердствую пуще прежняго. Нѣтъ — сажусь писать къ товарищамъ, или — наконецъ, за свою диссертацію.

— А вы пишете диссертацію?

— Да. Но только ужасно медленно это подвигается. Все некогда. Самъ знаю, что слѣдовало бы отказываться иногда отъ практики, да какъ-то не умѣю я отказываться.

Мы очень сошлись съ докторомъ. Онъ сдѣлался чрезвычайно словоохотливъ, точно душу отводилъ. послѣ долгаго одиночества. Онъ былъ сынъ бѣднаго чиновника, женившагося по страстной любви на полькѣ-шляхтянкѣ; ея мать была когда-то домоправительницей у богатаго пана, при жизни котораго два раза отказывала Васильеву, ожидая для дочери лучшей партіи. Сергѣй Михайловичъ не помнилъ своей матери; она умерла скоро послѣ его рожденія. Но отца своего онъ очень любилъ; по смерти жены тотъ положилъ въ сына свою душу, и несмотря на крайнюю нужду онъ нашелъ возможнымъ помѣстить сына въ гимназію и содержать его тамъ до окончанія курса. Но въ университетѣ, конечно, ему пришлось жить своими средствами. «Я никогда очень не бѣдствовалъ; даже почти вовсе не бѣдствовалъ», говорилъ онъ, весело вспоминая это молодое, трудовое время. Онъ видимо очень любилъ свои университетскія воспоминанія; видно, что послѣдующая его жизнь мало давала ему отрадныхъ впечатлѣній и тѣмъ болѣе дорожилъ онъ памятью тѣхъ лѣтъ, что прошли въ дружномъ, разумномъ трудѣ, въ благодатномъ общеніи съ такими же честными, свѣжими, трудящимися юношами, въ веселомъ, молодомъ, невзыскательномъ разгулѣ. Его слушать — было для меня большимъ удовольствіемъ; я словно душой молодѣла. Мнѣ думалось — вотъ-вотъ и я заговорю когда-нибудь о себѣ, а говорить о себѣ я такъ давно отвыкла...

Въ первыя недѣли моего затворничества явилась ко мнѣ Мальвина Осиповна, которая еще наканунѣ при встрѣчѣ съ мужемъ выражала ему свое пламенное сочувствіе моему горю и рѣшительное намѣреніе развлекать меня. Она просидѣла у меня нѣсколько часовъ, подробно описывая мнѣ пріятности жизни въ Вильнѣ и въ Варшавѣ и высчитывая аристократическіе дома, гдѣ она была коротко знакома. Я почти ничего не слышала и думала въ это время, что дѣлается въ той дѣтской, гдѣ больные, и въ той, гдѣ выздоравливающіе...

Докторъ вошелъ, когда она очень картинно описывала прелестное жилище какой-то графини.

— Что́ ваши больные? — спросилъ онъ съ тѣмъ серьёзнымъ

Digitized by Google

видомъ, который являлся у него, какъ только онъ входилъ въ роль доктора.

— Кажется, благополучны, — отвѣчала я. Миша просилъ у меня позволенія одѣться и пройтись по комнатѣ; я ему позволила. Это ничего?

— Конечно, ничего, если онъ въ самомъ дѣлѣ только пройдется по комнатѣ... отвѣчалъ докторъ. Я сейчасъ пройду самъ въ дѣтскую, прибавилъ онъ.

— Сдѣлайте одолженіе! — попросила я, начиная чувствовать противъ своей гостьи рѣшительное озлобленіе.

Онъ слегка поклонился и прошелъ къ больнымъ.

— Вамъ самимъ нужно къ дѣтямъ, спохватилась, наконецъ, Мальвина Осиповна. До свиданія! очень жаль, что прервали наше пріятное tête-à-tête. А какъ вы довольны докторомъ? — вполголоса спросила она. Не правда ли — безъ сердца человѣкъ? Ни привѣта, ни участія отъ него не встрѣтите... До свиданія! Я буду часто навѣщать васъ. Я не боюсь скарлатина: онъ у меня былъ.

— Больные въ удовлетворительномъ состояніи, немного нахмурившись сказалъ докторъ, какъ только я вошла въ дѣтскую; но Мишу я засталъ въ корридорѣ: тамъ чаще всего разгуливаетъ сквозной вѣтеръ и туда ему долго еще нельзя показываться!...

Онъ былъ немного въ раздраженномъ состояніи, какъ всегда, когда не были исполнены его требованія касательно больныхъ.

— Да, я знаю это! Но что-жъ вы подѣлаете, когда въ такое хлопотливое время являются къ вамъ гости и сидятъ нѣсколько часовъ? — съ серьёзной досадой проговорила я.

— Что-жъ вы не велите отказывать гостямъ? — возразилъ докторъ.

— Кто-жъ ее зналъ, что она ворвется! — досадливо проговорила я, совершенно позабывъ, что вчера мужъ предупреждалъ меня о ея намѣреніи. Теперь ужъ, конечно, я приму заранѣе мѣры противъ такихъ нечаянностей. — Это обѣщаніе мое, такъ же какъ и досада моя, кажется, обезоружили его.

— А я помогу вамъ, предложилъ онъ, переходя въ дружелюбный тонъ. Она большая трусиха и потому только ѣздитъ къ вамъ, что, по ея мнѣнію, скарлатинъ два раза у одного лица не бываетъ. А врачи объ этомъ думаютъ различно. Я вотъ зайду къ ней на-дняхъ и хорошенько ее напугаю.

— Облагодѣтельствуете, Сергѣй Михайловичъ! — истинно облагодѣтельствуете, шутя сказала я.

— Да у нея, кромѣ того, языкъ прескверный, уже серьёзно прибавилъ онъ. Она всесвѣтная сплетница!...

Digitized by Google

— Ну, а какъ вы думаете—не окажется у Миши дурныхъ послѣдствій этой прогулки по корридору?

— Не знаю. Это зависитъ отъ многихъ условій и причинъ...

И онъ началъ излагать мнѣ эти причины, условія и могущія быть послѣдствія съ той послѣдовательностью и подробностью, которую я уже знала и которая со стороны могла, быть можетъ, показаться смѣшною и странною. Но я была озабочена и прослушала все со вниманіемъ. Пришелъ мужъ и тоже встревожился. Но у него это скоро прошло: въ срединѣ обѣда онъ всегда дѣлался оптимистомъ.

Когда вечеромъ я опять высказала что-то въ родѣ безпокойства на счетъ Миши, онъ даже разсердился.

— Какой онъ мнительный и безтактный—этотъ господинъ!—сказалъ мужъ о Васильевѣ. Чтó за надобность—пугать этакъ матерей! Я жалѣю, что мы сначала не обратились къ Беренсу.

— И ты думаешь—Беренсъ лучше сдѣлалъ бы дѣло? Больше заботился бы о больныхъ? съ упрекомъ выговорила я.

— Онъ исполнилъ бы свою обязанность добросовѣстно, а ты была бы покойнѣе, отвѣчалъ мужъ.

Я ничего не сказала на это, но мнѣ было очень досадно.

Экскурсія Миши въ корридоръ не прошла ему даромъ. На другой же день показался отёкъ кожи. Сначала мужъ увѣрялъ, что этого вовсе нѣтъ, что это только мнѣ представляется, но къ вечеру ужъ онъ долженъ былъ согласиться, что я не напрасно тревожусь. Какъ нарочно Васильева пригласили тогда въ уѣздъ, къ трудному больному; онъ у насъ въ тотъ день вовсе не былъ. Александръ вздумалъ-было вечеромъ послать за Беренсомъ, но я настойчиво воспротивилась и отправила записку къ Васильеву съ тѣмъ, чтобъ непремѣнно дождались его возвращенія и принесли бы мнѣ отвѣтъ.

Но онъ самъ пришелъ тотчасъ по возвращеніи, даже не переодѣвшись, сдѣлалъ тотчасъ нужныя распоряженія и просидѣлъ возлѣ больного очень долго.

— Вы всегда такъ засиживаетесь возлѣ своихъ больныхъ — шутя спросила я у него тогда.

— Нѣтъ, это я въ первый разъ такъ малодушествую, отвѣчалъ онъ.

А у меня чуть не сорвался съ языка вопросъ, почему же это такъ? Онъ и сорвался бы, еслибъ вслѣдъ за этимъ вопросомъ

Digitized by Google

не явилось въ мысляхъ и отвѣта, который и удивилъ бы и испугалъ меня...

Скоро послѣ того Васильевъ пришелъ какъ-то къ намъ позже обыкновеннаго. Я была одна; мужъ вернулся рано съ эскадроннаго ученья, кажется, для того, чтобъ быть дома, когда зайдетъ докторъ, но тотъ долго не приходилъ, и Александръ, порѣшивъ, что вѣрно его вовсе не будетъ, ушелъ куда-то опять.

— Знаете, гдѣ я сейчасъ былъ? спросилъ у меня Васильевъ, покончивъ толковать о больныхъ.—Меня звали къ француженкѣ, которая живетъ рядомъ съ княземъ—къ m-lle Buisson.

— Что-жъ она—больна? Что у нея?—спросила я.

— Такъ, ничего. Можетъ быть и было бы что-нибудь, если бы не захватили на первыхъ порахъ. А теперь пустяки. Князь былъ очень встревоженъ.

— Какъ же она вамъ понравилась вообще?—спросила я.

— Да я ее и прежде видалъ. Она — нельзя сказать, чтобъ была хороша собой.

— Но она лучше хорошенькой, возразила я.

— Можетъ быть; только ея лицо не въ моемъ вкусѣ: я люблю лица правильныя... классическія, шутя добавилъ онъ, мелькомъ взглянувъ на меня. А обстановка прекрасная: такъ кругомъ все просто, изящно и, должно быть, дорого. На этажеркахъ пропасть книгъ, вездѣ цвѣты и деревья, піанино, множество нотъ...

— Какое же вообще впечатлѣніе вы оттуда вынесли?—спросила я.

— Хорошее впечатлѣніе. Мнѣ кажется — это очень симпатичный романъ.

— А вы любите романы?—спросила я.

— Какъ, то-есть, романы? Читать ихъ я не люблю и никогда не читаю, а имѣть свой хорошій романъ—другое дѣло.

— Имѣть свой хорошій романъ — повторила я. Это немногимъ дается!

— Будто? Вы это говорите судя по себѣ, или нѣтъ? — тихо спросилъ онъ.

— Я говорю вообще,—отвѣчала я прежнимъ тономъ.

— А я подумалъ, что вы говорите о себѣ и что вы можетъ быть слишкомъ требовательны. Вы, пожалуй, имѣете право быть требовательной, но — говоря вообще, требовательность невыгодна.

— Я васъ увѣряю, что я не о себѣ говорила. А почему вы находите, что требовательность невыгодна?

Digitized by Google

— Да потому, что найти *все* — очень трудно. Лучше удовольствоваться *чѣмъ-нибудь*.

— Но въ такомъ случаѣ это не будетъ *хорошій романъ*, а такъ, заурядная любовная исторія! возразила я.

— Да, я не такъ выразился: вмѣсто *что-нибудь* нужно было сказать *многое*,—проговорилъ онъ и задумался.

Мнѣ пришло на мысль, что у насъ разговоръ начинаетъ принимать странный оборотъ...

— Какъ вы думаете, Сергѣй Михайловичъ, скоро Лидѣ можно будетъ выходить на воздухъ?—спросила я, отчасти чтобъ замять прежній разговоръ.

Онъ встрепенулся.

— Лидѣ уже минулъ шестинедѣльный срокъ: въ хорошіе дни ей можно выходить съ извѣстными предосторожностями,—сказалъ онъ.—А Миша пусть еще подождетъ.

— Папа идетъ! папа идетъ! закричали дѣти, заслышавъ звонокъ и шаги отца.

Мужъ рѣшительно начиналъ коситься на частыя посѣщенія Васильева. Они его стѣсняли: онъ вовсе не желалъ, чтобъ мнѣ приходилось часто и долго просиживать съ докторомъ вдвоемъ, и потому обыкновенно возвращался изъ эскадрона раньше, чѣмъ ему было нужно. Онъ былъ очень честолюбивъ по-своему: когда мы жили въ деревнѣ, ему хотѣлось быть лучшимъ хозяиномъ въ околоткѣ, здѣсь ему хотѣлось быть лучшимъ эскадроннымъ командиромъ. Онъ однакожъ приличіе относительно доктора соблюдалъ.

— Куда же вы, Сергѣй Михайловичъ?—сказалъ онъ, когда Васильевъ началъ прощаться. Я думалъ, вы пообѣдаете съ нами.

— Нѣтъ, я еще не совсѣмъ отдѣлался: у меня въ больницѣ одинъ трубачъ очень подозрителенъ: боюсь, не было бы тифа. Нужно взглянуть, отвѣчалъ Васильевъ, и повторивъ еще, съ какими предосторожностями слѣдовало водить Лиду гулять, онъ раскланялся и ушелъ.

— Видно нечего дѣлать этому барину, что безпрестанно шляется, досадливо проговорилъ мужъ.

— Ему-то нечего дѣлать! — съ упрекомъ произнесла я, пожимая плечами.

Мужъ насупился и ничего не отвѣчалъ.

Дня черезъ два вечеромъ у насъ собралось много гостей. Обрадовавшись выздоровленію дѣтей, мужъ созвалъ множество народа, кто встрѣтился — того и пригласилъ. Явились его партнёры, кое-кто изъ молодежи, майоръ Бѣлостоцкій съ Мальвиной

Digitized by Google

Осиповной, на которой красовалась какая-то фатальная сѣтка, вся усѣянная бусами и стеклярусомъ; пришелъ и докторъ, котораго утромъ мужъ позвалъ за-урядъ. На двухъ-трехъ столикахъ усѣлись играть въ карты; Мальвина Осиповна сѣла возлѣ меня, и собравъ вокругъ себя молодежь, казалось, блаженствовала. Разговоръ коснулся больныхъ.

— А Сергѣй Михайловичъ до сихъ поръ бываетъ у васъ всякій день?—спросила она.

— Да, почти всякій день бываетъ,—отвѣчала я.

— А-а!—протянула она, какъ-то сжимая губы, и обратилась къ кому-то изъ офицеровъ.

Нѣсколько позже явился князь. Общество встрѣтило его съ подобающимъ эффектомъ: офицеры—съ должною почтительностью, чиновничество—съ обычнымъ подобострастіемъ, а Мальвина Осиповна—съ игривою фамильярностью. Князь не игралъ въ карты и подсѣлъ къ намъ. Офицеры поотошли одинъ за другимъ.

— Я надняхъ ѣду въ Н., — объявилъ князь. — Нѣтъ ли у кого порученій, mesdames?

— Ахъ! пожалуйста, князь!—съ восторгомъ отозвалась Мальвина Осиповна. Мнѣ многое нужно. Знаете — лентъ, кружевъ, духовъ, всего такого!

— Поручайте. Я очень люблю дамскія порученія,—сказалъ князь. А вы, Катерина Александровна?

— Мнѣ ничего не нужно,—отвѣчала я.—Благодарю васъ.

— Ахъ, ma chère? Какъ не воспользоваться этимъ! У князя такъ много вкуса!—воскликнула моя гостья.

— Да Катерина Александровна моихъ достоинствъ и заслугъ по этой части еще не знаетъ,—сказалъ князь. А у васъ, Сергѣй Михайловичъ, не будетъ порученій?

— Будетъ. Не порученіе, впрочемъ, а просьба: привезите пожалуйста, князь, побольше хинины. Весна пришла, отъ лихорадокъ отбою нѣтъ, и намъ въ больницу хинины нужно вдесятеро больше, чѣмъ сколько ея полагается.

— Хорошо; вы пожалуйста запишите мнѣ это, чтобъ я не забылъ,—проговорилъ князь.

— Вы только не покупайте хинину въ аптекѣ, князь, это слишкомъ дорого; въ магазинахъ аптекарскихъ товаровъ гораздо дешевле,—замѣтилъ Васильевъ.

— Хорошо, хорошо. Вы и адресъ магазина проставьте,—сказалъ князь. Навезу вамъ ее столько, что останетесь довольны.

— Какая разница между нами и мужчинами!—томно замѣтила Мальвина Осиповна. Намъ нужно все такое изящное, вов-

Digitized by Google

душное, граціозное! а Сергѣю Михайловичу — только эта противная хинина.

— Воздушнымъ и граціознымъ лихорадку вѣдь не вылечишь,—сказалъ Васильевъ.

— А больше всего сушитъ и очерствляетъ—это медицина и вообще ученость! — печаловалась Мальвина Осиповна. Ну, скажите сами, Сергѣй Михайловичъ, способны ли вы къ какому-нибудь увлеченію?

— Еще-бы! — отвѣчалъ Васильевъ. Homo sum!

Мальвина Осиповна отчаянно замахала руками.

— Ахъ! пожалуйста безъ этихъ ученостей! — умоляющимъ голосомъ говорила она.— Я вамъ все-таки не повѣрю. Ну, скажите вы, Катерина Александровна, сослалась она на меня: способенъ-ли онъ къ увлеченію?

Она граціозно указала пальчикомъ на Васильева.

— Мнѣ кажется — болѣе всякаго другого, — отвѣчала я.— Посмотрите, какъ Сергѣй Михайловичъ увлекается своею обязанностью врача!

— Ахъ, я не о томъ говорю, совсѣмъ не о томъ!—возразила она.—Это все проза жизни. Я ищу поэзіи!..

Васильеву она наконецъ надоѣла.

— Желалъ бы я посмотрѣть — еслибъ вамъ умирать пришлось, что вы бы захотѣли—поэзіи или путнаго врача?—съ рѣзкой насмѣшкой проговорилъ онъ и сталъ прощаться.

— Вотъ онъ всегда такъ! Это ужасъ!—жаловалась намъ съ княземъ озабоченная майорша.

— Да охота вамъ его трогать, Мальвина Осиповна!—замѣтилъ ей князь. — Сами знаете — человѣкъ онъ безъ свѣтскаго лоску...

— Да я для его-же пользы: думаю, нужно же отшлифовать его,—оправдывалась она.

— Напрасно, никогда вы его не отшлифуете. Горбатаго могила исправитъ, а вы слишкомъ утруждаете свое доброе сердце,— проговорилъ князь, и тоже сталъ прощаться.

На другой день мнѣ почему-то вспомнился вопросъ Мальвины Осиповны, часто ли бываетъ докторъ, и выраженіе ея лица при моемъ отвѣтѣ. «Чего добраго — сплететъ еще изъ этого какую-нибудь сплетню»,—подумала я. Когда докторъ предупреждалъ меня, какая она сплетница, мнѣ пришло на мысль, что я отъ сплетень застрахована: очень трудно сплести что-нибудь на мой счетъ,—нѣтъ никакого повода. «А впрочемъ—сплетникамъ, какъ и дуракамъ, законъ не писанъ, подумалось мнѣ теперь. Выду-

Digitized by Google

маетъ, пожалуй, что я влюблена въ Васильева, а онъ въ меня и т. д. Только воображаю, какъ мнѣ пристала эта роль женщины любимой и влюбленной, особенно послѣ двухмѣсячнаго затворничества съ больными!»—съ горькой ироніей подумала я.—Мнѣ вдругъ пришло на мысль, что я очень давно не видала себя, и захотѣлось на себя взглянуть; но я такъ мало занималась собою, что у меня въ спальной и зеркала не было, послѣ того какъ дѣти, шаля, разбили его. Я пошла въ гостинную, взглянула—и не повѣрила глазамъ своимъ: словно чужое лицо было предо мною. Куда дѣвалось то черствое, тоскливое выраженіе, которое на немъ давно явилось! На меня глядѣло изъ зеркала будто молодое лицо, будто улыбающееся... Я отошла озадаченная и смущенная, и чуть не столкнулась съ Васильевымъ.

— Что это съ вами? случилось что-нибудь особенное?—спросилъ онъ, пожимая мою руку.

— Нѣтъ. А что?—въ свою очередь спросила я.

— Мнѣ показалось, будто у васъ какое-то особенное выраженіе лица... Дѣти здоровы? Пойдемъ къ нимъ.

Въ дѣтской все обстояло благополучно. Лида собиралась гулять по галлереѣ. Миша наплакался уже, что его еще не пускаютъ съ нею, и теперь игралъ. Меньшія дѣти были въ хорошемъ состояніи. Докторъ усѣлся на низенькомъ табуретѣ возлѣ Наташиной кроватки и началъ весело разсказывать мнѣ что-то постороннее и смѣшное; кажется—какъ онъ далъ одной солдаткѣ мазь для втиранія въ спину, а она эту мазь чуть-было не съѣла. Я думала о другомъ, сама не знаю о чемъ; онъ замѣтилъ, что я не слушаю его, замолчалъ и началъ смотрѣть на меня своимъ пристальнымъ, ласковымъ взглядомъ... И вдругъ я безъ всякой тревоги и испуга поняла и почувствовала, что онъ въ самомъ дѣлѣ начинаетъ любить меня,—меня, женщину отжившую и давно отказавшуюся отъ всякой мечты о счастіи. «Не даромъ же онъ такъ охотно отдаетъ мнѣ свое дорогое, трудовое время,—думала я.—Не даромъ, послѣ трехъ лѣтъ практики онъ въ первый разъ «малодушествуетъ» у постели моихъ больныхъ дѣтей. Не даромъ онъ не сводитъ съ меня своего, вотъ этого взгляда!» — Да, это такъ! — неожиданно вслухъ выговорила я.

— А знаете, судя по выраженію вашего лица, я догадываюсь, къ чему относится это *такъ*, произнесъ вдругъ Васильевъ.

— Неужели?—недовѣрчиво улыбаясь, проговорила я.

— Право догадываюсь. И даже скажу вамъ, что вы не ошибаетесь: это дѣйствительно *такъ*.

Digitized by Google

Эти слова сами по себѣ конечно ничего еще не доказывали, но изъ тона, изъ его взгляда я поняла, что онъ дѣйствительно догадался—и испугалась.

Я вовсе не думала заходить такъ далеко. Въ первую минуту я не нашлась, что́ ему сказать.

— Вотъ видите,—проговорила я потомъ,—мы съ вами все ужъ переговорили и теперь, для разнообразія, начинаемъ говорить загадками.

Я засмѣялась и потомъ небрежно заговорила о чемъ-то совсѣмъ постороннемъ. Ушелъ онъ въ тотъ день скоро, ушелъ замѣтно озадаченный...

Съ тѣхъ поръ я совершенно измѣнила свое обращеніе съ Васильевымъ: вмѣсто прежняго, искренняго и простого, я приняла небрежно-шутливый и холодный тонъ.

Васильевъ былъ въ рѣшительномъ недоумѣніи. Онъ самъ былъ искрененъ и простъ и никакого понятія не имѣлъ о тѣхъ тонкостяхъ и ухищреніяхъ, которыя способна измыслить женщина, твердо вознамѣрившаяся отстоять себя. А между тѣмъ мужа все больше и больше начинала разбирать злость. А мнѣ, въ свою очередь, со всякимъ днемъ все противнѣе казалась та комедія, которую я играла, и все больше и больше хотѣлось покончить ее. Сколько я ни думала, я не могла придумать другого средства, какъ разлука.

— А что́, та командировка, о которой вы мнѣ говорили какъ-то, состоится или нѣтъ?—спросила я у Васильева, когда онъ засталъ меня одну, что́ въ послѣднее время рѣдко случалось.

— Не знаю. Я не желалъ бы, чтобъ она состоялась,—отвѣчалъ онъ.

— Это напрасно, шутя проговорила я. Вамъ не мѣшало бы проѣхаться, а то вы мнѣ ужъ и принадоѣли немножко...

Онъ поблѣднѣлъ и отвернулся.

— Я и самъ замѣчаю, что надоѣлъ, тихо произнесъ онъ.

У меня сердце дрогнуло; но я не хотѣла поддаться этой слабости, начала посторонній разговоръ, и когда онъ сталъ вскорѣ послѣ того прощаться, подала ему руку небрежно и холодно.

Дня два онъ не приходилъ, и эти два дня показались мнѣ очень длинными и скучными; кромѣ того меня начинало мучить раскаяніе: мое обращеніе съ Васильевымъ начало́ мнѣ казаться предосудительнымъ...

Была свѣтлая морозная ночь. Я подошла къ окну и, задумавшись, безцѣльно и почти безсознательно глядѣла на улицу,

Digitized by Google

вдвойнѣ освѣщенную и мѣсяцемъ, и недавно выпавшимъ, вѣроятно послѣднимъ мартовскимъ снѣгомъ... Показалась темная фигура.

— Онъ, или нѣтъ? подумала я, мучительно желая, чтобъ то былъ онъ.

Звонокъ дрогнулъ; знакомый голосъ спросилъ о насъ.

— А, Сергѣй Михайловичъ! что́ давно не видно? радушно проговорилъ мужъ, въ которомъ желаніе поговорить и закусить съ добрымъ человѣкомъ часто пересиливало всякія другія побужденія.

— Некогда было,—отвѣчалъ Васильевъ. Я и теперь только проститься зашелъ: завтра въ командировку ѣду.

Я почувствовала, что краснѣю, и поспѣшила откинуться въ темный уголъ дивана. Мужъ сталъ разспрашивать, какая командировка, на долго-ли; онъ былъ какъ-то особенно словоохотливъ и не вышелъ даже въ вахмистру. А мнѣ очень хотѣлось хоть на нѣсколько минутъ остаться одной съ Васильевымъ, хотѣлось на прощаньи сказать ему доброе слово, выразить дружелюбное чувство... Такъ оно и не удалось, хоть мы просидѣли всѣ вмѣстѣ далеко за-полночь. Только когда Васильевъ сталъ прощаться, мужъ вышелъ въ кабинетъ за какой-то нужной Васильеву бумагой.

— Нужно мнѣ *скорѣе* кончать свою командировку? — тихо спросилъ онъ, глядя мнѣ въ глаза съ обычной ласковой улыбкой.

Я опять струсила.

— Конечно скорѣе, громко и посмѣиваясь отвѣчала я. Не то́ мы тутъ еще перемремъ всѣ безъ васъ!...

Васильевъ уѣхалъ. Какое значеніе имѣлъ для меня его отъѣздъ пойметъ только тотъ, кто такъ долго, какъ я, жилъ на безлюдьи; я просто мѣста себѣ не находила, такъ мнѣ было пусто и тоскливо. Я занималась дѣтьми и хозяйничала, какъ автоматъ; мнѣ казалось — и дѣти стали капризнѣе, и домашнія дрязги несноснѣе, а мужъ всякимъ шагомъ, всякимъ словомъ своимъ возбуждалъ во мнѣ досаду.

А между тѣмъ въ полку шла большая сумятица; пронеслось извѣстіе, что князь сдаетъ полкъ и получаетъ назначеніе въ Петербургѣ. Александръ припомнилъ, что и при немъ у князя въ минуту раздраженія часто вырывалось желаніе поскорѣе отсюда убраться; мужъ думалъ, что это говорилось такъ-себѣ, отъ досады, и жалѣлъ, что тогда не спросилъ у князя объясненія, которое тотъ вѣроятно далъ бы ему. Князь между тѣмъ не возвращался изъ Н.

Digitized by Google

Меня наконецъ одолѣла скука. Чтобъ развлечься, я надумала посѣтить полковыхъ дамъ, къ великому ихъ изумленію. Поручица очень измѣнилась; исхудала, пожелтѣла, и краснѣя, и смущаясь призналась мнѣ, что нездорова—ѣсть-пить не можетъ: все-то ей противно, а тятенька не прощаетъ, и денегъ у нихъ ужъ вовсе нѣтъ.

— Вотъ на-дняхъ опять поѣдемъ къ нимъ: авось теперь сжалятся... заключила она, смаргивая слезу съ глазъ.

— А ваша матушка?.. начала я, желая спросить, какъ же относится къ ихъ браку ея мать, и отчего она не попытается смягчить мужа.

— Маменька ничего не смѣютъ; онѣ насъ жалѣютъ и даже потихонько денегъ присылаютъ, да у нихъ у самихъ мало,—отвѣчала она, и совсѣмъ заплакала.

Мнѣ было жаль ее, но я мало практиковалась въ роли утѣшительницы и, какъ только позволило приличіе, поспѣшила уѣхать.

«Экая бѣдняжка! промѣняла кукушку на ястреба — сытую и довольную жизнь у тятеньки на махроваго болванчика, у котораго ни кола, ни двора, ни царя въ головѣ, и который, пожалуй, еще грызетъ ее за то, что денегъ тятенька не даетъ»,—подумала я дорогой къ докторшѣ.

Эта напоила меня цикорнымъ кофе и все время толковала о кухаркахъ, о цѣнѣ провизіи на рынкахъ, о достоинствахъ сахару того или другого завода, о дороговизнѣ дровъ, и все это такъ серьёзно, съ такимъ участіемъ къ дѣлу, что напомнила мнѣ извѣстныя лекціи Васильева. «Вотъ вѣдь какъ это просто! подумала я: выбери себѣ дѣло, да удовлетворяйся имъ —

Будетъ жизнь и полна, и легка!..»

Мальвина Осиповна съ восторгомъ бросилась мнѣ навстрѣчу.

— Ахъ! я на седьмомъ небѣ отъ вашего пріѣзда! Такъ давно васъ не видѣла! А князь-то, князь! Я думаю — Александръ Семеновичъ въ отчаяніи!

— Онъ еще и не знаетъ ничего навѣрное, замѣтила я.

— Не можетъ быть! Но вы такъ скрытны: у васъ совсѣмъ нѣтъ потребности отвести душу, высказаться. А я безъ этого не могу, нѣсколько меланхолически прибавила она. А о князѣ — я увѣрена — многіе пожалѣютъ!

— Мнѣ тоже кажется, что многіе, — съ убѣжденіемъ подтвердила я.

— Да, прибавила и она. Къ молодежи онъ былъ очень хорошъ: по службѣ не взыскателенъ, гостепріименъ; правда—молодежь съ нимъ нѣсколько стѣснялась; ну, ужъ лѣта его не тѣ и

Digitized by Google

положеніе, конечно... А для эскадронныхъ командировъ онъ еще лучше былъ: насчетъ справокъ благороднѣе его полкового командира не было.

— А согласитесь сами, Мальвина Осиповна, что въ этомъ-то и есть самая суть, если полковой командиръ насчетъ справокъ хорошъ, выговорила я, желая шуткой положить конецъ ея изліяніямъ.

— Ха! ха! ха! Конечно, конечно, это главное!.. Но за то частная жизнь князя!..

Она закачала укоризненно головой.

— А Сергѣй Михайловичъ не возвратился? — какъ-то таинственно спросила она меня вслѣдъ за тѣмъ.

— Не знаю, я его не видѣла, отвѣчала я равнодушно.

— Значитъ, не возвратился; онъ явился бы къ вамъ первымъ, съ увѣренностью сказала она.

— Нѣтъ; вѣдь у насъ теперь уже нѣтъ больныхъ, возразила я и начала прощаться.

— До свиданія, ma chère! Вы такъ меня одолжили, еще сладостно, но уже безъ прежняго паѳоса говорила она.

«Вотъ когда она начнетъ меня славить?» подумала я, сходя съ ея крыльца.

Только-что возвратилась домой—явился князь.

— Скажите пожалуйста, князь, правда ли это?... начала я.

— Правда, правда, перебилъ онъ, слегка смущаясь.

— Чтожъ ты скрывался? съ упрекомъ выговорилъ Александръ.

— А ты развѣ спрашивалъ меня о чемъ? полуулыбаясь сказалъ князь. Да я и самъ не зналъ до сихъ поръ ничего вѣрнаго. А вы гдѣ были, Катерина Александровна? у Мальвины Осиповны? То-то, я думаю, наплела вамъ съ три короба по поводу ожидаемой перемѣны. Какъ-то она уживется съ моимъ преемникомъ?...

— А кто́ онъ и каковъ онъ? спросилъ мужъ.

— Деревянкинъ. Онъ какой-то великопостный... Ну, Александръ, пойдемъ въ кабинетъ, поболтаемъ.

Я пошла къ дѣтямъ и съ тоской принялась разбирать какую-то ссору ихъ съ нянькой, при чемъ никакъ нельзя было понять, кто правъ, а кто виноватъ. А князь долго просидѣлъ съ мужемъ въ кабинетѣ.

— И все-таки грѣхъ тебѣ не сказать прежде, говорилъ мужъ, провожая его.

Да вѣдь я же тебѣ тысячу разъ говорилъ, что надоѣло мнѣ здѣсь, чудакъ ты этакій! смѣясь, но все еще въ смущеніи гово-

Digitized by Google

рилъ князь.—До свиданія, Катерина Александровна! Очень радъ, что у васъ всѣ здоровы.

Князь былъ изъ послѣднихъ могиканъ той военщины, которая достигла апогеи своего значенія въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, которая считала когда-то въ рядахъ своихъ Чаадаева, Рылѣева, Бестужева и пр., и потомъ, все мельчая и мельчая въ дрязгахъ ремешковой службы, все еще показывала порой и такія блестящія, громкія имена, какъ имя Лермонтова, не менѣе громкія, но въ будничномъ быту нашего общества, все еще замѣчательныя личности, пока не выродилось совсѣмъ, благодаря неблагопріятнымъ для нея условіямъ позднѣйшаго времени.

Князь происходилъ изъ богатаго и знатнаго рода, началъ службу въ гвардіи, но скоро былъ переведенъ въ армію за какую-то шалость. Онъ полюбился въ полку и въ провинціи, самъ полюбилъ и полкъ и провинцію, и обратно въ гвардію не захотѣлъ. Ему попался полкъ съ порядочнымъ обществомъ офицеровъ; ему нравилась жизнь на распашку между товарищами, отсутствіе претензіи и интригъ. Провинціальный людъ носилъ его на рукахъ, барыни въ него влюблялись (онъ и теперь еще былъ очень хорошъ собою), отъ дѣвушекъ онъ сторонился. Князь имѣлъ въ себѣ въ должной степени и мѣрѣ всѣ качества, необходимыя хорошему товарищу и офицеру: онъ былъ и честенъ, и прямодушенъ, и безкорыстенъ и уменъ именно столько, сколько требовалось. Въ полку его всѣ уважали, но близко онъ ни съ кѣмъ не сошелся. Александръ и нѣкто Таракановъ, въ качествѣ старыхъ товарищей, были единственнымъ исключеніемъ.

Сегодня князь разсказалъ Александру, что онъ давно замышлялъ *убраться*, и именно выдти въ отставку. Но дядя его, занимавшій видный постъ въ Петербургѣ, уговорилъ его принять назначеніе, которое открывало ему блестящіе виды на будущее.

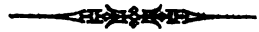
— Я знаю впрочемъ, что не долго тамъ уживусь, сказалъ ему сегодня князь: слишкомъ, братъ, я опровинціялился, отвыкъ отъ всѣхъ этихъ тамъ великосвѣтскихъ тонкостей и этикетовъ. Онъ немного стыдился, что не выдержалъ характера и поступалъ-таки въ полотеры, какъ называлъ онъ презрительно всѣхъ ищущихъ карьеры.

Что до меня—я была хорошо расположена къ князю и жалѣла, что онъ уходитъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я была немного рада, что эта суматоха въ полку нѣсколько развлекла и оживила меня. Все-таки мнѣ было очень тяжело: кромѣ давней тоски одиночества, меня все еще безпокоила мысль, что я была не права предъ Васильевымъ. «Какое основаніе имѣла я именно такъ, а

Digitized by Google

неиначе, истолковать тѣ слова его, которыя показались мнѣ полупризнаніемъ? Развѣ не могли они относиться къ простому чувству пріязни, о которомъ я сама мечтала?» спрашивала я у себя. Я порѣшила на томъ, что у насъ — женщинъ прошлаго, очень дурное воображеніе, несмотря ни на какія добродѣтели, а можетъ быть именно даже благодаря извѣстнаго рода добродѣтели. Я краснѣла, вспоминая свои шуточки въ день прощанія съ Васильевымъ и прежде; онѣ казались мнѣ и плоскими и безсердечными. «Удивительно, какъ жестка и безтактна дѣлается женщина, выступая защищать свою добродѣтель при первомъ подозрѣніи, что на нее покушаются»! съ горечью замѣчала я. Я всячески разбирала свое поведеніе съ Васильевымъ: съ точки зрѣнія готовой, рутинной морали я была совершенно права: обстоятельства поставили меня въ близкія сношенія съ молодымъ человѣкомъ, я замѣтила въ его отношеніяхъ ко мнѣ какой-то опасный оттѣнокъ. Ясно, что мнѣ нужно было оттолкнуть его — я это и сдѣлала. Но я не могла смотрѣть на вещи только съ этой точки зрѣнія, точно также какъ трудно было мнѣ, женщинѣ прошлаго, стать на настоящую точку зрѣнія.

Н. Дмитріева.



Digitized by Google

МОЯ ПОѢЗДКА

ВЪ

БУХАРУ.

Путевыя наблюденія и замѣтки.

Знаніе истиннаго положенія дѣла, которое насъ почему-нибудь интересуетъ, есть первое условіе къ тому, чтобы привести такое дѣло къ какому-нибудь концу и безошибочно руководить имъ. Это — одна изъ заповѣдей политики, которая, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ и имѣетъ судьбу заповѣдей: весьма часто приходится и нашимъ политикамъ, и нашимъ публицистамъ, говорить по поводу этой заповѣди—грѣшенъ! Мнѣ представился случай въ прошедшемъ году побывать въ одномъ изъ главныхъ центровъ Средней Азіи и познакомиться близко съ людьми и ихъ дѣлами; я вспомнилъ при этомъ, что толкуется у насъ о средне-азіатскомъ вопросѣ, и тогда только понялъ, насколько криво ставится этотъ вопросъ и въ нашей публицистикѣ, и въ практической жизни. Наши завоеванія въ Средней Азіи первоначально сдѣланы были болѣе или менѣе случайно, и впослѣдствіи нашли себѣ оправданіе въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, говорили, эти завоеванія открываютъ намъ рынки для сбыта нашихъ мануфактурныхъ произведеній, а во-вторыхъ, даютъ намъ возможность путемъ восточныхъ отношеній вліять на западныя. Первое изъ этихъ положеній не выдерживаетъ даже и снисходительной критики, ибо наши рынки были открыты гораздо ранѣе, да и откры-

Digitized by Google

вать ихъ очень широко не приходилось надобности, когда половина русскаго населенія ходить еще въ самотканной затрапезѣ и сермягѣ; второе же положеніе—далеко недостигнуто. Вліять на западныя отношенія можно только изъ Бухары—политическаго и торговаго центра Средней Азіи, а Бухара пока еще въ рукахъ у эмира. Такимъ образомъ, не уясня передъ собой пути и создавая въ Ташкентѣ дефициты, достигшіе въ прошедшемъ году до 6 м. руб. [1]), мы не можемъ смѣло взглянуть въ глаза среднеазіатскому вопросу. Изъ двухъ ханствъ (Бухары и Кокана) наши публицисты начали созидать въ своемъ воображеніи какія-то государства, сознающія свои цѣли и потребности и понимающія международныя отношенія. Изъ ничтожнѣйшихъ, невѣжественныхъ, на-половину разбойниковъ и на-половину торгашей, эмира и хана, мы сдѣлали (опять-таки въ нашемъ воображеніи) государей и хотимъ вразумлять ихъ мирной политикѣ и благодѣяніямъ цивилизаціи. А они, прижатые нами, только и думаютъ, какъ-бы насъ надуть и выжить изъ Средней Азіи. Мирная политика наша кажется имъ слабостію, дружескія завѣренія—лицемѣріемъ. Какимъ образомъ мы не беремъ того, что̀ легко взять можемъ? Этого ни голова эмира, ни голова хана вмѣстить никакъ не могутъ. Будь они на нашемъ мѣстѣ, думаютъ они, — они порѣшили бы этотъ вопросъ немедленно и взяли бы все то, что̀ могутъ взять, забывъ въ одну минуту всѣ наши добрыя внушенія о пользѣ мира, торговли и о выгодахъ цивилизаціи. Словомъ, они были бы искреннѣе, еслибы только были сильнѣе. Вотъ впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ своего личнаго знакомства, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ нашими любезными сосѣдями.

Я выѣхалъ въ Бухару еще весною прошедшаго года и дорогою записывалъ все, что мнѣ удалось видѣть и слышать, съ цѣлью подѣлиться потомъ съ соотечественниками своими путевыми наблюденіями и замѣтками. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, о которыхъ я скажу ниже, я предполагалъ начать свой дневникъ съ Самарканда, но преждевременный уходъ нашихъ арбъ съ моими вещами прямо на Чирачкй, минуя Шахрисябзъ,

---

[1]) Дефициты:

1868 г.	3.856,000
1869 „	1.877,000
1870 „	3.009,000
1871 „	4.611,000
	13.814,000

Средній годовой — 3.453,000; а если вычесть изъ дохода контрибуціи съ эмира (460 т.), то дефицитъ еще больше.

Digitized by Google

помѣшалъ мнѣ исполнить мое намѣреніе до самаго Карши́, куда, навстрѣчу эмира, мы направили свой путь, и гдѣ я могъ сѣсть въ первый разъ за перо.

Рѣшившись добраться до Бухары, я постарался обставить свою поѣздку такимъ образомъ, чтобы извлечь изъ нея наиболѣе пользы какъ для пріобрѣтенія свѣдѣній, которыя меня интересовали спеціально, а именно въ отношеніи экономическомъ и финансовомъ, такъ и вообще для ознакомленія съ краемъ и его жителями. Съ этою цѣлію я взялъ съ собою, кромѣ переводчика и моего служителя-татарина, еще двухъ, преданныхъ мнѣ лицъ, между которыми и распредѣлилъ занятія по собиранію свѣдѣній. Молодой г. Трубчаниновъ, вызвавшійся сопутствовать мнѣ, взялъ съ собою приказчика-татарина, довольно свѣдущаго въ торговлѣ человѣка. Такимъ образомъ, весь нашъ путешествующій караванъ, кромѣ бухарскаго посланника [1]) и его 12 человѣкъ свиты, состоялъ изъ меня, Н. С. Трубчанинова, моего переводчика Ибрагима Юнусова, ташкентца Бай-Магомета, взятаго мною собственно для собиранія торговыхъ свѣдѣній, Хакима-Ходмси (моего мирзы) [2]), приказчика, моего слуги и двухъ арбъ съ нашими вещами и образцами товаровъ Турчанинова. Всѣмъ имъ я далъ передъ отъѣздомъ надлежащія инструкціи и наставленія, и при этомъ не могу не прибавить съ чувствомъ особой благодарности, пріятель мой Джурабекъ [3]), какъ я узналъ въ дорогѣ отъ моихъ людей, призывалъ ихъ къ себѣ, далъ имъ совѣты, какъ держать себя въ Бухарѣ и крѣпко-на-крѣпко заказалъ имъ беречь меня и слушаться. Этихъ средствъ, конечно, было бы достаточно, чтобы сдѣлать если не многое, то во всякомъ случаѣ нѣчто солидное; но дорога до Карши́ показала намъ, что надежды наши едва ли вполнѣ осуществятся: насъ чествуютъ сильно, но разспрашивать не даютъ. Я хорошо сдѣлалъ, что послушался совѣта опытныхъ людей и поѣхалъ въ Бухару не incognito, а съ оффиціальнымъ письмомъ къ эмиру. — Вотъ мой дневникъ.

---

[1]) Иссамеддинъ-Мирахуръ, возвращавшійся изъ Ташкента въ Бухару.

[2]) Писецъ.

[3]) Бывшій шахрисябзскій бекъ, выданный намъ (послѣ взятія Шахрисябза) кокаскимъ ханомъ и живущій теперь въ Ташкентѣ.

Digitized by Google

I.

21-го апрѣля (1872 г.) въ пятницу, мы выѣхали изъ Ташкента: бухарскій посланникъ съ своею свитой и моими людьми часовъ въ 7 утра, я—гораздо позднѣе, въ тарантасѣ, чтобы догнать его на первой станціи и затѣмъ ѣхать верхомъ. Звѣзда путешествующихъ, какъ сказалъ мнѣ посланникъ Мирахуръ, была намъ на пользу, ибо свѣтила съ правой, а не съ лѣвой стороны. На первой станціи въ этотъ день (почтовый) не было никакой возможности получить лошадей. Я былъ въ отчаяніи: тарантасъ уѣхалъ назадъ, а у меня кромѣ термометра и портрета Н. Н. Головачева [1]), переданнаго мнѣ на дорогѣ К. В. Струве [2]), рѣшительно ничего не было. Къ счастію пришла изъ Ташкента почта; меня посадили на вьюки и довезли до кишлака [3]) Кавунчи [4]) (между Ніязъ-Саші и старымъ Ташкентомъ), гдѣ на ночь остановился нашъ караванъ по случаю усталости еще не привыкшихъ къ дорогѣ лошадей. Такимъ образомъ, въ первый день мы сдѣлали пути очень немного, но за то вечеръ и ночь этого дня имѣли для меня нѣкоторое значеніе; я замѣтилъ, что во время этого, хотя и небольшого перехода, между моими людьми и свитой Мирахура установились уже извѣстныя отношенія, на основаніи которыхъ я могъ принимать мѣры въ дальнѣйшемъ нашемъ путешествіи. Большинство этой свиты, люди простые, сразу подружились съ нами, тихонько выпрашивали у моего человѣка водочки, которую (между прочимъ сказать) здѣсь пьютъ преисправно, и съ такою же охотою служили мнѣ, какъ и Мирахуру. Напротивъ того, люди болѣе къ нему приближенные (кромѣ его родного брата, котораго онъ держитъ въ черномъ тѣлѣ) и хватившіе нѣчто отъ мусульманской учености, держались отъ насъ въ сторонѣ и, кажется, были шпіонами. Къ этой послѣдней категоріи, къ изумленію моему, присталъ и мой мирза, возбудившій во мнѣ излишнимъ усердіемъ и ласкательствомъ къ Мирахуру нѣкоторыя подозрѣнія. Всѣ эти, неважныя въ сущности, подробности я считаю нужнымъ замѣтить потому, что они обрисовываютъ личность самого Мирахура, о которомъ я скажу ниже. Изъ Кавунчи мы сдѣлали большой переходъ прямо до Чи-

---

[1]) Военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области. Портретъ посылался эмиру.

[2]) Чиновникъ по дипломатической части.

[3]) Кишлакъ—селеніе, отъ слова кышъ—зима, буквально зимовка, хотя собственно зимовки (у киргизовъ) называются китау.

[4]) Кавунъ—дыня, Кавунчи—Дынное, въ родѣ нашихъ названій селеній: Рыбное и т. п.

Digitized by Google

наза, гдѣ, 22-го апрѣля, насъ видѣлъ жестоко уставшими С. К. Янчевскій. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, мы передъ закатомъ солнца переправились за р. Дарью. Въ Голодной степи [1]), въ лицѣ Мирахура, предсталъ мнѣ во-очію столь знакомый намъ образъ до-петровскихъ временъ боярина, путешествующаго изъ своихъ помѣстьевъ въ столицу. По зеленѣющей степи въ вечерней прохладѣ медленно двигались арбы, окруженныя верховою челядью. Въ арбѣ на мягкихъ коврахъ и подушкахъ сидѣлъ Мирахуръ и развлекалъ себя нескромными сказками своихъ челядинцевъ. За сказками слѣдовали пѣсни, за пѣснями опять сказки. Днемъ, во время жары, все останавливалось и отдыхало до вечерней прохлады. Между дѣломъ не забывались и намазы, и мой мирза, приложивъ правую руку къ уху, на манеръ запѣвалъ, усердно выкрикивалъ азанъ [2]). Такимъ образомъ, мало-по-малу, съ небольшими варіаціями, добрались мы до Ягачлы [3]), 23-го апрѣля въ 8 часовъ вечера. Здѣсь застигла насъ феноменальная гроза. Изъ Ягачлы я выѣхалъ позднѣе арбъ и Мирахура. Темь была страшная. Чтобы не сбиться съ пути, мы ѣхали поодиночкѣ другъ за другомъ, ощупывая дорогу. Минутъ черезъ десять загремѣлъ громъ и пошелъ мелкій и частый дождикъ, какъ будто на насъ сыпали мокрую манную крупу. Еще минутъ десять, на ушахъ нашихъ лошадей, оконечностяхъ нагаекъ, носкахъ сапоговъ и чалмахъ мусульманъ появились яркіе огни (Кастора и Поллукса) бѣлаго цвѣта. Съ дороги мы сбились, молнія сверкала ежеминутно, лошади не шли. Пришлось остановиться и ждать, чтó будетъ. Но не прошло пяти минутъ, какъ такіе же огни начали появляться на землѣ и въ воздухѣ, и летали передъ нами въ различныхъ направленіяхъ. Стало дѣйствительно страшно. Нѣсколько разъ мы слѣзали съ лошадей и искали дорогу, но все напрасно: компасъ мой не дѣйствовалъ, а разсылать людей было опасно. Наконецъ, часа черезъ полтора гроза начала утихать и мы, промокшіе до костей, настигли сначала наши арбы, а потомъ арбы и свиту Мирахура, которая, перепуганная грозой, долго не давала намъ отклика, принимая насъ за джиновъ [4]), т.-е. нечистую силу.

Къ утру слѣдующаго дня, т.-е. 24-го апрѣля, мы были уже въ Джизакѣ. День случился базарный. Я отправился смотрѣть

---

[1]) Отъ р. Дарьи до Джизака.

[2]) Призывъ къ молитвѣ.

[3]) Станція въ степи. Ягачъ—дерево (по-татарски Агачь).

[4]) Въ Средней Азіи, сколько мнѣ извѣстно, два чорта: шайтанъ—въ родѣ нашего дьявола, и джинъ—въ родѣ нашего народнаго чорта.

Digitized by Google

торговлю. Базаръ довольно большой и оживленный. Англійскихъ произведеній, кромѣ кисеи (William' и Graham'a), не имѣется. Русскихъ ситцевъ и мелочи много, но халатовъ изъ русскихъ матерій встрѣчается мало. За неимѣніемъ торговой статистики Средней Азіи, наблюдать распространеніе мануфактурныхъ товаровъ всего легче и вѣрнѣе на базарѣ. Здѣсь, въ опредѣленный день, виденъ весь обиходъ и всѣ потребности жизни мусульманскаго міра. Кромѣ лавокъ съ товарами, открытыхъ и удобныхъ для наблюденія, на базарѣ появляется масса народу изъ отдаленныхъ мѣстностей. Эти лица — живыя статистическія цифры; по костюму ихъ можно сразу судить, въ какой степени и какой мануфактурный товаръ проникаетъ въ эти мѣстности. Джизакскій базаръ, какъ всѣ узбекскіе базары — аукать [1]), т.-е базаръ первыхъ потребностей, нашъ сельскій базаръ. Торговаго базара, въ родѣ нашихъ ярмарокъ или базара коканскаго, гдѣ обмѣниваются *купцами* произведенія однихъ странъ на другія—въ Джизакѣ, конечно, нѣтъ; но тѣмъ не менѣе значеніе его, какъ базара-аукать, очень большое. Индѣйскаго, кирпичнаго чая (сыпъ-чай или алма-чай, т.-е. яблочный) въ Джизакѣ очень много. Чай этотъ, какъ извѣстно, появился у насъ недавно, нѣсколько ранѣе того времени, какъ онъ былъ законфискованъ нами въ Ташкентѣ. Джизакскіе торговцы говорили мнѣ, что выгоды отъ этого чая много и что онъ расходится быстро. У насъ есть такой же кирпичный чай—китайскій, лучшаго качества, но странное дѣло—до сего времени онъ раскупался, и то въ незначительномъ количествѣ, только въ Семирѣчьи, въ Ташкентѣ же шелъ очень туго и за послѣдній годъ его вовсе не было видно. Я обратилъ на это обстоятельство вниманіе С. Н. Трубчанинова и просилъ его написать объ яблочномъ чаѣ нашимъ торговцамъ въ Кяхтѣ. Сравнительное достоинство обоихъ этихъ чаевъ, а равно цѣны и пути индѣйскаго чая я сообщу когда-нибудь другой разъ.

Въ Самаркандъ, подъ постояннымъ почти дождемъ, мы прибыли 27-го апрѣля и прожили до 29-го. Въ Самаркандѣ, а равно и въ дальнѣйшемъ путешествіи, я имѣлъ случай убѣдиться, что слухи, ходившіе въ то время у насъ, не лишены основанія. Сосѣдъ нашъ дѣйствительно что-то затѣваетъ и, какъ выразился мнѣ В. Р. Сѣровъ [2]), мечется въ разныя стороны. Дня три тому назадъ, передъ нашимъ пріѣздомъ, уѣхалъ отсюда (изъ Карши)

---

[1]) Аукать — жизненныя потребности, пища.

[2]) Начальникъ самаркандскаго отдѣла, одинъ изъ знатоковъ Азіи.

Digitized by Google

авганскій посланникъ [1]). Хивинскій — уѣхалъ изъ Бухары нѣсколько ранѣе; наконецъ, въ Бухарѣ былъ какой-то Френги, и уѣхалъ оттуда также очень недавно. Абдрахманъ-Ханъ [2]) человѣкъ чрезвычайно обстоятельный и незнающійся съ сартами, положительно увѣрилъ меня, что договоръ о сдачѣ Керки авганцамъ давно уже подписанъ. Теперь ждутъ только прихода туда авганскихъ войскъ. Здѣсь говорятъ то же самое, но прибавляютъ, что авганскія войска пройдутъ прямо въ Шахрисябзъ, куда вслѣдъ за ними пріѣдетъ эмиръ. Я объ этихъ слухахъ самъ лично ни съ кѣмъ не говорю и никого не разспрашиваю, но странно, что Мирахуръ увѣряетъ меня, что въ городѣ и народѣ ходитъ множество ложныхъ слуховъ, и уже три раза спрашивалъ меня, будетъ ли пріятно генералу Абрамову [3]), если эмиръ поѣдетъ въ Шахрисябзъ. Что это значитъ — я понять рѣшительно не могу. Нынѣшней зимой были въ Бухарѣ англичане и одинъ изъ нихъ, называющій себя муллой изъ Мешеда, живетъ тамъ въ настоящее время. Я знаю его адресъ и постараюсь увидать его, чтобы лично убѣдиться въ справедливости этихъ слуховъ [4]). Наконецъ, почетное и любезное, по внѣшности, охраненіе меня отъ всякаго соприкосновенія съ внѣшнимъ людомъ, также наводитъ на нѣкоторыя сомнѣнія. Вчера, напримѣръ, я вздумалъ-было проѣхаться по городу (послѣ уже свиданія съ эмиромъ), но меня удержали подъ благовидными предлогами до пріѣзда Мирахура. Я замѣтилъ ему это, и онъ былъ очень сконфуженъ. При этомъ я считаю своимъ долгомъ высказать мое мнѣніе о личности самого Мирахура. Во время нашего пути отъ Ташкента до Карши я не разъ имѣлъ случай убѣдиться, что личность эта для русскихъ интересовъ непригодная. Если можно употребить сдѣланное мною выше сравненіе,—это нашъ древній думный дьякъ, старающійся устроить себѣ карьеру ласкательствомъ и угодничествомъ вкусамъ своего повелителя, безъ всякаго сознанія его истинныхъ пользъ и выгодъ страны и народа. Въ одномъ изъ моихъ частныхъ писемъ въ Петербургъ я совершенно ошибочно охарактеризовалъ личность Мирахура. Теперь, я спѣшу исправить мою ошибку. Въ Россіи или на Кавказѣ многимъ вѣроятно удавалось встрѣчать молодыхъ раскольниковъ, весьма начитанныхъ въ Св. писаніи и кажущихся съ перваго взгляда очень толковыми и

---

[1]) Магомедъ-Тагиръ, какъ мнѣ передавали.

[2]) Претендентъ на авганскій престолъ; живетъ въ Самаркандѣ.

[3]) Начальникъ Заравшанскаго округа.

[4]) Подъ такимъ именемъ въ Бухарѣ, какъ я узналъ, дѣйствительно живетъ одинъ Мусафиръ „пришлецъ, путешественникъ", но увидать его мнѣ не удалось.

Digitized by Google

даже просвѣщенными. При дальнѣйшемъ же съ ними знакомствѣ оказывалось (по крайней мѣрѣ со мной), что люди эти крайне тупые и ограниченные. Знаніе буквы писаній даетъ имъ нѣкоторый лоскъ и возможность, опираясь на книжный авторитетъ, примѣняться ко всякимъ обстоятельствамъ, лишь бы достигнуть своей маленькой цѣли. Болѣе широкаго взгляда на вещи у этихъ людей, мало нравственныхъ и забитыхъ буквоѣдствомъ, не бываетъ. Такимъ мнѣ кажется Иссамединъ-Мирахуръ. Нѣсколько случаевъ подтвердятъ мою характеристику. Зная, что расположеніе къ нему нашего высшаго начальства ставитъ его высоко среди чиновнаго бухарскаго люда и передъ эмиромъ, онъ никогда, во всю дорогу, не упускалъ случая похвастаться этимъ передъ своими знакомыми и притомъ такъ, чтобы я слышалъ. Съ другой стороны, онъ зналъ вкусы своего повелителя, не особенно насъ долюбливающаго, и показывая себя истымъ мусульманиномъ, вездѣ, гдѣ было нужно, корчилъ изъ себя святошу, ненавидящаго кяфировъ. Въ Чиракчи это вышло очень забавно. Разсказавъ беку, при мнѣ по-тюркски, какъ его любятъ русскіе, и показавъ одинъ подарокъ, онъ тотчасъ же прибавилъ по-персидски, что вотъ какія настали времена: служимъ кяфирамъ и ихъ чествуемъ, но Богъ дастъ, не все будетъ такъ, настанутъ и прежнія времена. На этотъ разъ онъ опростоволосился: рядомъ съ нимъ сидѣлъ мой Бай-Магометъ, которому я запретилъ говорить по-персидски, и все слышалъ. Кромѣ этихъ случаевъ было еще очень много мелкихъ и забавныхъ случаевъ. Но за Самаркандомъ начались-было и совсѣмъ нехорошія продѣлки. Того же Бай-Магомета Мирахуръ призывалъ къ себѣ нѣсколько разъ по секрету и уговаривалъ его, какъ мусульманина, ничего не скрывать и сказать, зачѣмъ именно я пріѣхалъ въ Бухару, и не предпринимаютъ ли русскіе чего-либо непріязненнаго противъ эмира. Мой мирза тоже всю дорогу казался очень сконфуженнымъ и возбуждалъ подозрѣнія. Полагаю, что и ему было сказано что-нибудь подобное.

О пути по бухарскимъ владѣніямъ и о житьѣ въ Карши я разскажу ниже, а теперь не могу не замѣтить, какое удобство доставилъ мнѣ мой оффиціальный характеръ. Несмотря на всѣ мелкія непріятности, сопровождавшія нашъ путь и пребываніе въ Карши, я все-таки долженъ сказать, что положеніе дѣлъ въ Средней Азіи измѣнилось изумительно. Пять-шесть лѣтъ тому назадъ, могъ ли бы русскій, хотя бы и съ оффиціальнымъ характеромъ, одинъ, безъ всякаго конвоя, совершенно частнымъ человѣкомъ пріѣхать въ Карши, быть обласканнымъ эмиромъ и

Digitized by Google

получить отъ него дозволеніе свободно разъѣзжать по его владѣніямъ. Теперь это стало возможнымъ. Я сижу здѣсь за письменнымъ столомъ на креслѣ, нарочно для русскихъ сдѣланномъ; передъ окнами толпится народъ, встрѣчающій меня не только не враждебно, но даже радушно, — и не вѣрится мнѣ, что я въ Карши, въ гостяхъ у того грознаго повелителя, изъ владѣній котораго, еще очень недавно, рѣдкій европеецъ выходилъ живымъ.

II.

Вотъ нѣкоторыя подробности нашего странствованія по бухарскимъ владѣніямъ и сцена моего свиданія съ эмиромъ въ Карши.

Еще ранѣе пріѣзда нашего въ Самаркандъ, бухарскій посланникъ Мирахуръ говорилъ мнѣ и моему переводчику, что недостатокъ воды въ бухарскихъ владѣніяхъ и въ особенности возобновленіе Тюетартарскаго арыка [1]) возбуждаетъ въ бухарскомъ населеніи сильный ропотъ на русскихъ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ въ дорогѣ Мирахуромъ, жители гор. Бухары приходили будто бы въ Карши съ жалобою къ эмиру на задержаніе воды въ Самаркандскомъ отдѣлѣ и просили его, разъ навсегда, покончить это дѣло. По слухамъ же, дошедшимъ до моихъ людей отъ свиты Мирахура и жителей Самарканда, эмиръ уѣхалъ изъ Бухары будто бы потому, что боялся ропота народа. Въ какой степени справедливы эти извѣстія, я не могу сказать, ибо не могъ узнать о нихъ, до сего времени, ничего положительнаго; но помнится мнѣ, что подобнаго рода слухи ходили и въ прошлую весну и, кажется, оказались невѣрными. Тѣмъ не менѣе, въ виду важности этихъ слуховъ, я счелъ необходимымъ, по пріѣздѣ въ Самаркандъ, подробнѣе ознакомиться съ воднымъ вопросомъ, чтобы, въ случаѣ надобности, умѣть объяснить его эмиру. Изъ собранныхъ мною по этому предмету свѣдѣній оказалось, что воды въ бухарскихъ владѣніяхъ дѣйствительно мало, но виною тому не администрація Самаркандскаго отдѣла, а само бухарское правительство. Вопросъ о правильномъ снабженіи водою бухарскихъ владѣній обсуждался, по приказанію начальства, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Самаркандѣ, особою коммиссіею, состоявшею изъ членовъ отъ администраціи Самаркандскаго отдѣла и двухъ представителей бу-

[1]) Оросительная канава.

Digitized by Google

харскаго правительства (Иссамедина Мирахура и бывшаго Зіаудинскаго [1]) бека). По рѣшенію этой коммиссіи бухарское правительство обязано, какъ непосредственно заинтересованное въ этомъ дѣлѣ, два раза въ годъ давать знать начальнику Самаркандскаго отдѣла, нужна-ли вода въ Бухарѣ или нѣтъ. Если въ водѣ окажется надобность, то всѣ арыки округа должны быть обязательно закрыты на двѣ недѣли; если же нѣтъ, то арыки открываются и закрываются по усмотрѣнію самихъ жителей. Нынѣшній годъ бухарское правительство не дало о водѣ, въ условленное время, никакихъ извѣстій, и потому всѣ арыки Самаркандскаго отдѣла остались открытыми и Заравшанъ обмелѣлъ. Я говорилъ объ этомъ Мирахуру, онъ, въ свою очередь, говорилъ эмиру, но до сего времени (уже болѣе недѣли) въ Самаркандъ никакого вѣстника о водѣ не послано. Что же касается до Тюетартарскаго арыка, то слухи о его возобновленіи также невѣрны и преувеличены. Тюетартарскій арыкъ [2]), нѣкогда одинъ изъ самыхъ большихъ арыковъ Самаркандскаго бекства, былъ выкопанъ, какъ говорятъ, по приказанію Абдулла-Хана, извѣстнаго строителя рабатъ и сердовъ [3]) въ голодныхъ степяхъ, и заключалъ въ себѣ пятьсотъ жернововъ воды [4]). Выходя изъ Заравшана въ разстояніи одного таша [5]) (8 верстъ) ниже Пенджакента, онъ идетъ, около 16-ти верстъ, почти параллельно этой рѣкѣ и затѣмъ круто поворачиваетъ на сѣверо-западъ. Въ настоящее время по немъ идетъ весьма малая вода только до этого поворота; далѣе воды нѣтъ. У поворота, въ самомъ углу, выдѣляется изъ Тюетартара другой арыкъ — Булунгуръ, и идетъ къ сѣверу до Каменнаго моста, а отъ сего послѣдняго — къ западу до сліянія съ Заравшаномъ (Акъ-Дарьей). Эта послѣдняя часть Булунгура носитъ разныя названія, и въ томъ числѣ Тюетартара. Отъ нея къ сѣверу отдѣляется арыкъ Пай. Этихъ объясненій, мнѣ кажется, будетъ достаточно, чтобы представить суть настоящаго дѣла. Для орошенія совершенно обезводнившей мѣстности Тагиръ-Шейхъ, иначе го-

---

[1]) Зіаудинское бекство на нашей границѣ.

[2]) „Тюе-тартаръ", т.-е. протащитъ верблюда: арыкъ названъ такъ потому будто бы, что верблюдъ не могъ черезъ него переправиться.

[3]) Рабатъ—обширныя куполообразныя зданія для остановки каравановъ и путниковъ. Сардоба (*сартъ*—холодный, *оба*—вода) хранилище дождевой и ключевой воды. Обѣ постройки, похожія другъ на друга, изъ жженнаго кирпича.

[4]) Сила теченія арыка и количество воды измѣряется вращеніемъ мельничнаго жернова, смотря потому сколько мельничныхъ жернововъ, поставленныхъ на одномъ мѣстѣ, могутъ быть приведены въ движеніе извѣстнымъ арыкомъ; 500 жернововъ — очень большой арыкъ.

[5]) Ташъ — камень.

Digitized by Google

воря, для увеличенія воды въ арыкѣ Пай, администраціей Самаркандскаго отдѣла дозволено было не возобновить, а только расчистить Тюетартарскій арыкъ, т.-е. тѣ его части, которыя снабжаютъ водою мѣстности Каменнаго моста и Тагиръ-Шейха. О возобновленіи и расчисткѣ сѣверо-западнаго направленія этого арыка, конечно, не могло быть и рѣчи. Вѣроятно, что слухъ о работахъ у Каменнаго моста (на той части арыка Булунгура, которая носитъ названіе Тюетартара) и послужилъ поводомъ къ ложнымъ извѣстіямъ о возобновленіи будто-бы всего Тюетартарскаго арыка. Это обстоятельство я также разъяснилъ Мирахуру, и, кажется, онъ остался имъ удовлетвореннымъ. Ко всему вышеизложенному я считаю себя обязаннымъ прибавить, что какъ бы ни было желательно удовлетворить бухарское населеніе въ достаточномъ количествѣ водою, но съ другой стороны невозможно оставлять при малой водѣ и нашихъ подданныхъ, самаркандскихъ жителей. По дорогѣ въ Кара-Тюпе, послѣдній нашъ пограничный пунктъ съ Шахрисябзомъ, я видѣлъ около пяти кишлаковъ, оставленныхъ жителями за недостаткомъ орошенія. Каратюбинскій аксакалъ [1]) говорилъ мнѣ, что число такихъ кишлаковъ доходитъ въ настоящее время до 13-ти, и что жители ихъ переселились въ Шахрисябзъ только въ прошедшемъ году.

Перейду теперь къ описанію нашего дальнѣйшаго странствія. Въ Самаркандѣ Мирахуръ нѣсколько схитрилъ. Не знаю, по какимъ соображеніямъ онъ отдалъ приказаніе моимъ арбамъ идти прямо на Чиракчи черезъ Джамъ, не заходя въ Шахрисябзъ, а меня между тѣмъ увѣрилъ, что арбы наши будутъ въ Шарѣ въ тотъ же самый день, какъ мы туда пріѣдемъ черезъ Кара-Тюпе. Я, разумѣется, не подалъ и вида, что узналъ объ этой хитрости, но внутренно побранилъ Мирахура порядочно: благодаря ему я оставался три почти дня безъ бѣлья, вещей и платья. Я полагаю, что поводомъ къ этой хитрости было предположеніе, что у меня въ арбахъ есть письма въ Шахрисябзъ отъ прежнихъ бековъ. Отправивши наши арбы черезъ Джамъ, мы сами поѣхали по болѣе кратчайшему пути на Кара-Тюпе. Верстъ за 10 до этого кишлака насъ встрѣтили на дорогѣ два почетныхъ лица, посланныхъ шахрисябзскими беками поздравить меня съ пріѣздомъ. Тутъ только я узналъ отъ Мирахура, что о путешествіи моемъ въ бухарскія владѣнія уже извѣстно эмиру и что мнѣ, какъ гостю, готовятся торжественныя встрѣчи и пріемы. Это меня нѣсколько опечалило, ибо лишило меня возможности жить, какъ мнѣ хо-

[1]) Буквально: бѣлая борода (акъ—бѣлый, сакалъ—борода), староста.

Digitized by Google

чется, и дѣлать, что мнѣ угодно. Нѣкоторое время я подумывалъ было возвратиться, но мысль, что изъ этого, очень обыкновеннаго по нашему, дѣла можетъ произойти въ нѣкоторомъ родѣ casus belli, заставила меня покориться своей участи, откровенно говоря, не особенно пріятной. Два посланца оказались очень любезные люди, всю дорогу, вопреки мусульманскому обычаю, они болтали безъ умолку, особенно одинъ изъ нихъ, разсказывавшій мнѣ съ особеннымъ жаромъ о чудесныхъ свойствахъ русскаго напитка балисона (т.-е. бальзама). Кстати я долженъ здѣсь прибавить, что запрещенная шаріятомъ русская водка попивается мусульманами преизрядно. Нѣтъ лица, которое бы скромно не замѣчало, что аракъ есть очень полезное «лекарство», употреблять которое, въ случаѣ болѣзни, нисколько не противное шаріяту [1]).

Переночевавъ въ Кара-Тюпе, мы на разсвѣтѣ, поѣхали далѣе на перевалъ Тахта-Карачи, откуда начинаются уже бухарскія владѣнія. Дорога до перевала очень трудная: на каждомъ почти шагу рытвины и камни. Посланецъ отъ шарскаго бека говорилъ мнѣ, что въ прежнее время эмиръ Носрулла съ пушками и арбами хаживалъ по этой дорогѣ воевать съ шахрисябзцами, и потомъ, послѣ неудачъ, приказалъ завалить ее камнями. Перевалъ Тахта-Карачи—небольшой, около 5-ти тысячь футовъ. Подъемъ и спускъ отлогіе. Трудная дорога до перевала искупилась роскошнѣйшимъ видомъ долины рѣки Кашка-Дарьи, открывшимся намъ съ перевала. Вся видимая нами мѣстность, около 70-ти верстъ въ окружности, представляла почти сплошной садъ, среди котораго въ массѣ зелени скрывались города Китабъ, Шаръ, Якобакъ съ окрестными кишлаками. Жаль мнѣ стало нашихъ скитальцевъ Джурабека и Бабабека [2]), и постоянная грусть, написанная на ихъ лицахъ, стала мнѣ понятною. Отдохнувъ въ кишлакѣ Кайнаръ [3]), мы выѣхали въ полдень къ Китабу. По дорогѣ начались встрѣчи съ обычными фразами и пожеланіями. Послѣ первыхъ привѣтствій начались спросы о здоровьѣ начальника нашего края и продолжались стереотипною фразою («Джаидаралъ-губуръ амамъ ме исанъ ме» [4]) чрезъ каждую четверть часа чуть ли не всю дорогу. У воротъ Китаба насъ встрѣтилъ курбаши (полиціймейстеръ). Соскочивъ съ лошади, онъ крѣпко

---

[1]) Буквально: *путь* для достиженія цѣли, предписанной Кораномъ каждому мусульманину. Сборникъ постановленій, относящихся до всего обихода мусульманской жизни.

[2]) Другой Шахрисябзскій бекъ, тоже живущій въ Ташкентѣ.

[3]) Кайнаръ—кипящій: названіе получилъ отъ журчащихъ ключей.

[4]) Т.-е. „генералъ-губернаторъ здоровъ ли?“

Digitized by Google

жалъ мнѣ руку, приговаривая умильнымъ голосомъ по-русски: «прощай, прощай.» Я едва сохранилъ свое достоинство, приличное этой торжественной минутѣ. Тронулись далѣе. Масса народу бѣжала за нами; нѣсколько бачей [1]) показывали мнѣ пальцами за какую цѣну они готовы придти ко мнѣ. На базарѣ передъ крѣпостью стояли шпалерами войска. Заиграли встрѣчу, приклонили значки, и я, ошеломленный этимъ пріемомъ, въ пыли и грязи, предсталъ предъ очи китабскаго бека, встрѣтившаго меня стоя на галлереѣ своего дворца. Бекъ оказался человѣкъ не бойкій. Выдавливая слова, онъ спросилъ меня о здоровьѣ генералъ-губернатора, поздравилъ съ пріѣздомъ, прибавивъ, что Хазретъ (т.-е. эмиръ), узнавъ о пріѣздѣ гостя отъ русскаго начальства, приказалъ принять меня самымъ почетнымъ образомъ. Послѣ достархана и получасовой бесѣды, самаго незначительнаго содержанія, на меня надѣли халатъ, посадили на никуда негодную, но хорошо убранную лошадь и повезли въ Шаръ. Тамъ встрѣча была еще торжественнѣе. Самъ Давлетъ-Бій Серкеръ командовалъ войсками. Кажется, стрѣляли изъ пушекъ. Я сосчиталъ 22 значка, что̀, по одному на сотню, составитъ до 3-хъ тысячъ войска. На внутреннемъ дворѣ стояли двѣ мѣдныя пушки на лафетахъ, очень похожія на наши. Абдулъ-Каримъ-Диванъ-Беги, шарскій бекъ, человѣкъ совершенно другого закала, чѣмъ сынъ [2]) его бекъ Китабскій. Старый придворный и воспитатель теперешняго эмира, онъ видалъ на своемъ вѣку многое и потому продѣлывалъ всѣ эти встрѣчи самымъ невозмутимымъ образомъ. Онъ принялъ меня просто и, кажется, радушно. Прищуривъ лѣвый глазъ и внимательно оглядѣвъ меня, онъ тотчасъ-же пустился въ разговоръ, изрѣдка похлопывая меня по плечу и посмѣиваясь. Послѣ мнѣ говорили, что старикъ отступилъ отъ своихъ обычныхъ правилъ и разговорился со мною болѣе, чѣмъ это онъ обыкновенно дѣлаетъ. Въ новомъ халатѣ и на новой, также очень плохой, лошади возвратился я въ приготовленное для меня помѣщеніе. Вечеромъ былъ базмъ [3]), но я такъ усталъ, что отправился спать тотчасъ послѣ прихода бачей. Въ шахрисябзскихъ встрѣчахъ я, а также и мои люди, замѣтили одно отсутствіе всякаго уваженія жителей къ ихъ новому правительству. На этомъ обстоятельствѣ стóитъ остановиться нѣсколько подробнѣе. На всемъ пути отъ Ташкента до Карши я внимательно слѣдилъ за нашими встрѣ-

---

[1]) Красивые мальчики, услаждающіе мусульманъ своими пѣснями и плясками.

[2]) Братъ.

[3]) Пляски мальчиковъ—бачей.

Digitized by Google

чами. Въ русскихъ предѣлахъ мусульмане встрѣчали Мирахура гораздо радушнѣе, чѣмъ меня. Напротивъ того, въ бухарскихъ владѣніяхъ и въ особенности въ Шахрисябзѣ на Мирахура и нашихъ провожатыхъ почетныхъ лицъ не только не обращали вниманія, но мнѣ казалось, они какъ будто намѣренно старались показать имъ свое неуваженіе. Сидитъ, напримѣръ, кучка людей, смотритъ въ упоръ—и ни одного слова привѣтствія. Изрѣдка Мирахуръ самъ выпускалъ «ассалямъ алейкюмъ», но и это неудавалось: отвѣты были рѣдки. Меня принимали гораздо радушнѣе: почти вездѣ прикладывались къ чалмамъ руки и изрѣдка слышалось даже «здравствуй.» Полагая, что это говорятъ русскіе или татары, я всякій разъ заговаривалъ съ ними по-русски, но всегда оказывалось, что кромѣ «здравствуй» они ничего болѣе не знаютъ. Индѣйцы и евреи кланялись, снимая шапки, только мнѣ исключительно; я не видалъ ни одного, который сдѣлалъ бы селямъ [1]) Мирахуру.

Шахрисябзскія владѣнія и Карши я считаю послѣднимъ предѣломъ распространенія нашего мануфактурнаго товара къ югу. Въ Гиссарѣ русскихъ товаровъ, какъ мнѣ сказывали, нѣтъ; за Карши — они попадаютъ случайно и рѣдко. Въ Бухарѣ я постараюсь разъяснить этотъ вопросъ во всей подробности. Англійскихъ матерій, кромѣ кисеи, въ Шахрисябзи въ настоящее время нѣтъ, но судя по потолку бывшаго дворца Джурабека въ Кишабѣ, разукрашенному квадратиками изъ англійскаго ситца, можно заключить, что матеріи эти въ Шахрисябзъ проникали. Замѣчательно (если не случайно), что изветшавшіе квадратики этого потолка замѣнены уже русскимъ ситцемъ. Индѣйскаго зеленая чая очень много, а чернаго вовсе нѣтъ. Въ Шарѣ и затѣмъ до самаго Карши меня угощали пловомъ изъ пешаурскаго риса (палаў Пешаурй). Это ничтожное повидимому обстоятельство навело меня на нѣкоторыя соображенія, далеко, по моему мнѣнію, не безъинтересныя. Палаў Пешаурй составляетъ здѣсь признакъ хорошаго тона, и потому пешаурскій рисъ привозится сюда изъ Авганистана въ весьма значительномъ количествѣ. Въ Карши онъ продается по 20 коп. за фунтъ. Если есть разсчетъ и выгода привозить этотъ грузный и дешевый товаръ изъ такой дали и продавать его, при оплатѣ по нѣсколько разъ зякетомъ, по такой сравнительно недорогой цѣнѣ, то понятно, что и всякій другой, а слѣдовательно и англійскій товаръ, какъ только на него появится спросъ, будетъ доставляться сюда и продаваться здѣсь съ

[1]) Поклонъ.

Digitized by Google

выгодою. Значитъ, вопросъ не въ трудностяхъ пути и дороговизнѣ фрахта, а въ спросѣ. Въ Бухарѣ я наведу объ этомъ подробныя справки.

1-го мая, мы оставили Шаръ. За Шахрисябзскими владѣніями характеръ мѣстности значительно измѣняется. Долина Кашка-Дарьи становится шире и ровнѣе, садовъ менѣе, пашенъ много. Населеніе, исключительно узбекское, живетъ лѣтомъ въ юртахъ, и потому кишлаки дѣйствительно кишлаки, т.-е. зимовки, а не селенія. Передъ Чиракчи насъ встрѣтили бекскіе люди, по узбекскому обычаю, съ какъ-буре [1]). Я нѣсколько разъ видалъ какъ-буре и всегда замѣчалъ, что въ этой любимѣйшей игрѣ киргизскаго и узбекскаго народа зрители не могутъ не обратиться въ актеровъ. Такъ было и здѣсь: почетные халаты не вытерпѣли и сами начали «драть козла». Это точно также, какъ у насъ кулачные бои въ Москвѣ на льду у Дорогомиловскаго моста. Пріѣдетъ какой-нибудь богатый купчина посмотрѣть на бой — и не вытерпитъ: шубу долой, и пошелъ драться. Городъ Чиракчи, резиденція бека, большой узбекскій кишлакъ очень печальнаго вида, безъ садовъ, въ развалинахъ. Базаръ бываетъ два раза въ недѣлю. Европейскихъ произведеній совсѣмъ не видно, скота очень много. Чиракчискій бекъ, сынъ защитника Самарканда, неразговорчивый узбекъ, принялъ насъ въ садикѣ близъ крѣпости. Тутъ мы переночевали и отправились далѣе до кишлака Чима. Еще ранѣе этого кишлака, въ который мы пріѣхали ночью, насъ встрѣтили двое приближенныхъ каршинскаго бека Тюря-Джана, второго сына Эмира. Наконецъ, 3-го мая въ 7 часовъ утра мы выѣхали въ Карши. Я не буду утомлять читателя подробнымъ описаніемъ встрѣчи и пріема насъ въ Карши. Войска не было, но множество золотыхъ халатовъ съ шигауломъ [2]) во главѣ жали мнѣ руку, называли дорогимъ гостемъ и по меньшей мѣрѣ сто разъ спрашивали о здоровьѣ нашего начальства. Все было приторно до-нельзя и сквозило фальшью. Изъ всѣхъ нашихъ дорожныхъ встрѣчъ только одинъ шарскій бекъ Абдулъ-Каримъ-Диванъ-Беги, по простотѣ и искренности своего обращенія, можетъ составлять исключеніе; все остальное разыгрывалось, болѣе или менѣе успѣшно, по заранѣе данной программѣ, и потому было интересно не болѣе, какъ театральное зрѣлище чиновныхъ актеровъ благородной Бухары.

---

[1]) Буквально: сѣрый волкъ. Игра состоитъ въ томъ, что нѣсколько всадниковъ, зарѣзавъ козла, попеременно вырываютъ его на скаку другъ у друга. Наше выраженіе „дерутъ козла“ конечно пришло отсюда.

[2]) Церемоніймейстеръ.

Digitized by Google

Въ Карши меня помѣстили великолѣпно въ роскошномъ мусульманскомъ домѣ со столомъ и мебелью, приготовленными въ прошломъ году для К. В. Струве. О житьѣ въ Карши и о самомъ городѣ я разскажу другой разъ, а теперь опишу мое свиданіе съ эмиромъ. Я видѣлъ его высокостепенство два раза: 4-го и 10-го мая, въ день отъѣзда его въ Шахрисябзъ. Первое свиданіе продолжалось не болѣе четверти часа, второе—около получаса. Получивъ отъ Мирахура надлежащія наставленія и совѣты, я, вмѣстѣ съ нимъ, С. Н. Трубчаниновымъ и моими людьми отправились верхомъ въ крѣпость. Передъ воротами мы слѣзли съ лошадей и, пройдя довольно длинный корридоръ, наполненный придворными, пріѣхавшими дѣлать селямъ, очутились у воротъ второго, внутренняго двора. Тутъ меня и моего переводчика приняли въ свое распоряженіе два церемоніймейстера (удайчи), съ длинными въ рукахъ палками и, взявъ тихонько подъ руки, ввели осторожно въ ворота. Вдали, на дворѣ, въ маленькомъ, съ открытыми окнами, домикѣ сидѣлъ на полу, облокотясь на подушку, эмиръ. Снявъ фуражку, я сдѣлалъ поклонъ, удайчи прокричали протяжно: «Худаи Хазрети Амирни Музафаръ Мансуръ Кыльсунъ» (т.-е. Богъ да сдѣлаетъ великаго эмира могущественнымъ и побѣдоноснымъ), и мы весьма медленно начали двигаться къ домику. Удайчи во все время пресмѣшно присѣдали и мѣшали мнѣ идти. Входя на лѣстницу, я снялъ шапку. Эмиръ былъ одинъ [1]). Послѣ моего поклона онъ подалъ мнѣ свою мягкую и теплую руку и посадилъ, шагахъ въ трехъ, возлѣ себя. По совѣту Мирахура, я заговорилъ первымъ. Передавъ ему поклонъ отъ русскаго начальства, я объяснилъ ему цѣль моего путешествія въ Бухару и поблагодарилъ за радушный пріемъ, оказанный мнѣ въ его владѣніяхъ. Спросивъ меня о здоровьѣ главнаго русскаго начальника, эмиръ сказалъ мнѣ: «хошь кильдынгизъ» (т.-е. добро пожаловать), «поживите теперь въ Карши, а потомъ поѣзжайте въ Бухару; я радъ вашему пріѣзду». Я поблагодарилъ его за эти слова, прибавивъ, что оказанныя мнѣ любезности и радушіе служатъ лучшимъ доказательствомъ добрыхъ отношеній эмира къ русскому правительству. «Вы нашъ дорогой гость, возразилъ на это эмиръ, и иначе мы поступать не можемъ». Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, видимо затрудняясь (во все время разговора голосъ его дрожалъ), эмиръ спросилъ меня, не имѣю ли я какого-либо порученія отъ русскаго начальства. Я отвѣчалъ, что никакого не имѣю. Это, кажется, его успокоило,

[1]) Мирахуръ вошелъ послѣ и стоялъ у дверей.

Digitized by Google

ибо онъ быстро подалъ мнѣ руку, улыбнулся и показалъ глазами, что аудіенція кончена. Послѣ меня ввели къ эмиру Н. С. Трубчанинова и моихъ людей; первому онъ подалъ изъ окна руку, а съ другими раскланялся. Тѣмъ же порядкомъ, отступая назадъ, возвратились мы на внѣшній дворъ. Тутъ надѣли на меня шелевой халатъ и повели въ Тюря-Джану. Чистенькій и недурненькій собой юноша принялъ меня храбрѣе своего отца. Освѣдомившись о здоровьѣ Государя Императора и нашего генералъ-губернатора, онъ спросилъ меня, хорошо ли меня приняли въ его бекствѣ и, получивши мой отвѣтъ, отпустилъ меня домой. Разговоръ нашъ длился не болѣе пяти минутъ. На богато украшенной лошади, подаренной мнѣ эмиромъ, возвратился я въ свое помѣщеніе, куда на другой день эмиръ прислалъ мнѣ своихъ бачей и машка-рабаза [1]). Плясали бачи недурно, но шутки машка-рабаза — были вѣрхомъ цинизма.

Второе свиданіе мое съ эмиромъ происходило 10-го мая, передъ самымъ его отъѣздомъ въ Шахрисябзъ. На этотъ разъ, по совѣту Мирахура, я явился передъ его высокостепенствомъ въ пожалованномъ мнѣ халатѣ. Разговоръ нашъ былъ нѣсколько продолжительнѣе перваго. Ранѣе этого свиданія ко мнѣ пріѣхалъ въ Карши, изъ Бухары, прикащикъ Арзамасцева [2]), Грошевъ. Отъ него я узналъ, что русскимъ торговцамъ живется въ Бухарѣ хорошо, притѣсненій не дѣлается и, гдѣ нужно, оказывается покровительство. Все это я передалъ эмиру при второмъ свиданіи, прибавивъ, что о сдѣланномъ мнѣ пріемѣ и о словахъ русскаго купца я не замедлю написать къ русскому начальству, которому, несомнѣнно, будетъ пріятно это услышать. Видимо довольный моими словами, эмиръ перебилъ моего переводчика и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Я слышалъ, что вы говорите по-тюркски. Зачѣмъ же не объясняетесь со мною на этомъ языкѣ?» Я отвѣчалъ ему (по-тюркски), что хотя я и знаю этотъ языкъ, но не говорилъ на немъ потому, что боялся сдѣлать ошибку. «Напрасно— возразилъ мнѣ эмиръ—мнѣ гораздо пріятнѣе слышать вашъ голосъ и ваши слова, чѣмъ слова вашего переводчика». Мы стали говорить по-тюркски. Эмиръ сообщилъ мнѣ, что сейчасъ онъ ѣдетъ въ Шахрисябзъ, очень жалѣетъ, что не можетъ побесѣдовать со мною болѣе, и потому проситъ меня передать отъ него поклонъ нашему генералъ-губернатору. Я еще разъ поблагодарилъ его за угощеніе и его милости. «Будьте нашимъ гостемъ,

[1]) Шута.

[2]) Ташкентскій купецъ.

Digitized by Google

сказалъ мнѣ, прощаясь, эмиръ; поѣзжайте въ Бухару или куда вамъ заблагоразсудится; вездѣ вы будете хорошо приняты». Этимъ свиданіе наше окончилось [1]).

Повидимому все вышло такъ, какъ нельзя быть лучше. Хазретъ самъ, самоустно, далъ мнѣ разрѣшеніе разъѣзжать по его владѣніямъ; но это только на словахъ, на дѣлѣ же оказалось совершенно противное. Меня не только не пустили въ Керки, и вѣроятно не пустятъ въ Чарджуй, но и окружили такимъ почетнымъ конвоемъ шпіоновъ, слѣдящихъ, съ Мирахуромъ во главѣ, за каждымъ моимъ шагомъ, что не будь у меня преданныхъ мнѣ людей, я видѣлъ бы только стѣны тѣхъ городовъ, куда медоточивая бухарская любезность нашла умѣстнымъ повезти меня. Мало того, самъ Мирахуръ за мой пріѣздъ сюда попалъ въ немилость эмира. Онъ самъ признался мнѣ въ этомъ, въ тяжелыя для него минуты, когда эмиръ, придравшись за что-то къ нему, приказалъ-было наказать его 150 ударами палокъ и затѣмъ, ради свиданія со мной (какая послѣдовательность!) простилъ его, приказавъ проводить (или, пожалуй, выпроводить) меня до Катта-Кургана. Вообще, некрѣпкій въ своихъ нравственныхъ правилахъ и обманувшійся притомъ въ своихъ ожиданіяхъ на счетъ наградъ и повышеній за поѣздку въ Ташкентъ, мой дорожный товарищъ сначала-было полиберальничалъ, но потомъ струхнулъ, да и жажда карьеры взяла свое. Никто такъ усиленно не убѣждаетъ меня отказаться теперь отъ поѣздки въ Чарджуй, какъ Мирахуръ, проповѣдовавшій въ Ташкентѣ несомнѣнную пользу отъ частыхъ посѣщеній русскими бухарскихъ владѣній; никто такъ ревностно не оберегаетъ меня отъ всякихъ разспросовъ и собиранія нужныхъ мнѣ свѣдѣній, какъ опять тотъ же Мирахуръ, хорошо понимающій всю безобидную цѣль этихъ разспросовъ. Вотъ обратная сторона медали, тѣмъ болѣе печальная, что она относится не къ одному какому-либо лицу, а къ цѣлой системѣ дѣйствій бухарскаго правительства.

---

[1]) Послѣ свиданія онъ прислалъ мнѣ халатъ, лошадь и 100 тиллей. Людямъ моимъ, кромѣ халатовъ, выдано было по 10 р.

Digitized by Google

III.

Въ Карши я прожилъ восемь дней. Одинъ изъ этнографовъ Туркестанскаго края, бывшій съ русскими войсками въ Карши, очень серьёзно говорилъ мнѣ, что Карши болѣе походитъ на русскій, чѣмъ на сартовскій городъ; улицы въ немъ будто бы широкія и мощеныя, дома со стеклянными окнами, женщины почти открытыя и т. п. Все это, какъ надо было ожидать, оказалось невѣрнымъ. Правда, есть въ Карши одна не особенно узкая улица съ наброшенными на ней камнями, по которой гораздо опаснѣе ѣздить, чѣмъ по всякой другой, но такая улица, конечно, не мостовая; оконъ со стеклами я ни одного не видалъ, а женщины, какъ и вездѣ въ этихъ странахъ, ходятъ тщательно закрытыя въ фаранджи (халатъ) съ покрывалами на лицѣ (чашбандъ). Но за то описаніе Карши, сдѣланное Ханыковымъ въ его книгѣ о бухарскомъ ханствѣ, оказалось до такой степени вѣрнымъ и точнымъ, что просто приходишь въ изумленіе, какъ можно было тридцать лѣтъ тому назадъ, когда собираніе подобнаго рода свѣдѣній было несравненно труднѣе, чѣмъ теперь, представить такое точное описаніе города, въ которомъ авторъ пробылъ всего нѣсколько дней. На мой взглядъ Карши очень напоминаетъ Ташкентъ: постройки грубоватыя и аляповатыя, чисто узбекскія, среди города сады и огороды, большой скотный базаръ и огромная торговля такъ-называемымъ у насъ казацкимъ товаромъ, то-есть шерстью, арканами, мѣшками, армячиной, кошмами, матою, алачею и т. п. Со времени Ханыкова въ Карши почти ничего не измѣнилось; прибавилась только одна баня и выстроились три новые караванъ-сарая. Занятія жителей остались тѣ же, но, какъ мнѣ говорили, значительно расширились и каждогодно расширяются. Я видѣлъ громадныя и весьма хорошо обработанныя плантаціи табаку и маку. Каршинскій табакъ (два сорта,—я взялъ ихъ сѣмена), какъ извѣстно, славится во всей Средней Азіи и вывозится въ огромномъ количествѣ въ Ташкентъ, въ Коканъ и даже въ Хиву. Макъ — другой изъ важнѣйшихъ продуктовъ мѣстной промышленности, разводится жителями для продажи его сѣменныхъ головокъ, изъ шелухи которыхъ приготовляется извѣстный одуряющій напитокъ — кукнаръ, едвали не самый распространенный изъ всѣхъ наркотиковъ Средней Азіи. Шелковицы въ Карши очень много: всѣ арыки, всѣ дворы мечетей и медрессэ [1])

[1]) Высшія училища.

Digitized by Google

обсажены тутовыми деревьями; въ садахъ то же самое, между тѣмъ шелководство, какъ и слѣдовало ожидать, у узбекскаго населенія развито очень мало. Весь почти добываемый шелкъ потребляется на мѣстѣ, и только весьма небольшое количество его, а равно и коконовъ, отправляется въ Бухару. Торговля эта, незначительная по своему размѣру, не имѣетъ притомъ, какъ мнѣ кажется, и никакой будущности, ибо каршинскому шелку и коконамъ приходится конкуррировать съ коконами и шелкомъ прибухарскихъ кишлакахъ, а потому рѣдко находить себѣ хорошій сбытъ. То же самое, что́ сказано о шелкѣ, примѣняется въ равной степени и къ хлопку. Узбекское населеніе потребляетъ его для себя: дѣлаетъ изъ него бязь, алачу, каляму и др. хлопчато-бумажныя произведенія, но продаетъ его мало. За то торговля хлѣбомъ, или точнѣе, зерномъ имѣетъ уже совершенно другое значеніе: Карши по отношенію къ Бухарѣ—почти то же, что Ауліэата по отношенію къ Ташкенту. Громадная масса хлѣба, возвращеннаго водами Кашка-Дарьи, стекается въ Карши и идетъ оттуда почти безпрерывными караванами въ Бухару. Выгоды отъ этой торговли, какъ надо полагать, очень большія. По дорогѣ въ Бухару я встрѣтилъ множество хлѣбныхъ каравановъ и въ ихъ числѣ 164 верблюда, везущихъ по этому пути рисъ даже изъ Самарканда. Боясь задержки каравана въ Катта-Курганѣ, хозяева не затруднились провезти рисъ въ Бухару по окольному и гораздо длиннѣйшему пути черезъ Джамъ и Чиракчи, чтобы только продать его въ Бухарѣ. Наконецъ, я долженъ упомянуть здѣсь еще объ одномъ продуктѣ, районъ потребленія котораго весьма обширный—именно о соли розоваго цвѣта, извѣстной у насъ въ Ташкентѣ подъ именемъ самаркандской. Соль эта встрѣчается почти во всѣхъ городахъ Туркестанскаго края; я видѣлъ ее въ Перовскѣ и Ауліэатѣ. Изъ этого можно судить, какъ значителенъ ея вывозъ. Соль добывается въ горахъ, лежащихъ въ 10-ти верстахъ къ югу отъ Карши. Я хотѣлъ-было побывать на мѣстѣ ея разработки, но любознательность моя въ этомъ отношеніи была пріудержана тѣми же любезными отговорками, какія представлялись мнѣ противъ моего намѣренія ѣхать въ Керки,—меня не пустили. По разсказамъ, соль добывается изъ трехъ мѣстъ, составляющихъ собственность государства; запасы ея очень велики, добыча предоставлена всѣмъ безъ исключенія лицамъ, подданнымъ бухарскаго правительства; въ прежнее время за вывозъ каждаго верблюда если взимали въ казну 20 коп., теперь не берутъ ничего. Хотя Карши лежитъ на главномъ торговомъ пути Бухары съ Индіей и Авганистаномъ, тѣмъ не менѣе большой торговли

Digitized by Google

привозными товарами въ Карши незамѣтно; всѣ караваны, идущіе изъ Индіи и Авганистана въ Карши, не растюковываются, а проходятъ прямо въ Бухару, гдѣ они оплачиваютъ заяетъ, и оттуда уже нѣкоторые изъ этихъ товаровъ, а равно индѣйскій чай, вновь привозятся въ Карши для распродажи. Отсюда понятно, почему товары эти продаются въ Карши значительно дороже, чѣмъ въ Бухарѣ. Сравненіе товарныхъ цѣнъ и издержекъ провоза, а равно и описаніе торговыхъ путей я представлю впослѣдствіи, а теперь продолжаю мой дневникъ.

Самъ я жилъ въ теченіи всего времени пребыванія въ Карши почти взаперти. Въ бухарскомъ государствѣ, какъ было древле и у насъ, очень странные нравы. Величіе лица измѣряется тамъ жиромъ, наросшимъ на его благородномъ тѣлѣ и полнымъ отсутствіемъ вниманія къ внѣшнему міру. Чѣмъ болѣе сидитъ на мѣстѣ бухарецъ и чѣмъ менѣе интересуется онъ окружающимъ міромъ, тѣмъ болѣе къ нему уваженія отъ его согражданъ. То же совѣтовали дѣлать и мнѣ: «Вы большой человѣкъ», говорилъ мнѣ Мирахуръ, «вамъ не слѣдуетъ ѣздить по базару; если нужно что́, вамъ принесутъ сюда, и вы выберете и купите.» Въ силу этихъ наставленій, или, пожалуй, настояній, отъ которыхъ безъ нарушенія добрыхъ отношеній я не могъ отдѣлаться, мнѣ удалось только три раза выѣхать въ городъ и на базары и притомъ съ такимъ конвоемъ провожатыхъ, что въ присутствіи ихъ я могъ дѣлать только самые отрывочные разспросы о торговлѣ и промышленности города. Приходилось поручить это дѣло моимъ людямъ, но и за ними дѣятельно слѣдили. Кое-когда по вечерамъ проскользали къ моимъ людямъ знакомые и приносили имъ разныя базарныя новости и слухи. Объ этихъ слухахъ я уже упоминалъ выше. Теперь я долженъ прибавить, что въ Карши они были сильнѣе и чаще слышались, чѣмъ въ Бухарѣ. Это и понятно: центръ такихъ слуховъ, конечно, возлѣ эмира, а не въ народѣ. Здѣсь я считаю умѣстнымъ высказать мое мнѣніе по поводу азіатскихъ слуховъ вообще? Я придаю имъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ, напримѣръ, ходячимъ слухамъ у насъ или вообще у образованныхъ народовъ. Жизнь азіатскихъ народовъ, какъ наша до-петровская жизнь, которою восхищаются такъ наивно наши домашніе любители старины, очень проста и однообразна какъ по своей внѣшности, такъ и по своему внутреннему содержанію. Владѣтели и высшія лица въ государствѣ, по своей жизни и по своему развитію и образованію, ничѣмъ не отличаются отъ простого люда; правда, они ходятъ въ лучшихъ халатахъ, живутъ въ лучшихъ домахъ, слаще ѣдятъ и пьютъ; но на этомъ и оканчивается все различіе,

Digitized by Google

нисколько въ дѣйствительности не существенное, ибо вчерашній бекъ, жившій въ большомъ домѣ, ѣздившій въ хорошихъ халатахъ на хорошихъ лошадяхъ, сегодня самъ торгуетъ на базарѣ халатами и совершенно примиряется съ своею участью. Въ Бухарѣ я жилъ въ домѣ очень важнаго нѣкогда бека, Абдулъ-Гафара (не Ура-Тюбинскаго [1]), продающаго теперь халаты на базарѣ въ Самаркандѣ. Нынѣшній коканскій ханъ Худояръ, въ дни напастей и потери ханства, былъ торговцемъ мелочью (баккалъ) въ Джизакѣ. Такихъ примѣровъ можно найти много. Отсутствіе разницы въ привычкахъ жизни и умственнаго и нравственнаго развитія азіатскихъ народовъ порождаетъ то, что всѣ предположенія, намѣренія и чувства владѣтеля, всегда понятныя народу, силою самыхъ вещей, не могутъ быть отъ него скрыты. Не имѣя никакой умственной жизни, азіатскій властитель и его приближенные не могутъ стать выше своего народа, и потому понятно, что народъ этотъ находится съ ними въ постоянномъ и самомъ близкомъ общеніи. Вслѣдствіе этого общенія, основаннаго не на общемъ высокомъ развитіи, а на общемъ низкомъ уровнѣ интеллектуальномъ и нравственномъ, вѣроятность базарнаго слуха въ Азіи, конечно, въ нѣсколько сотъ разъ болѣе, чѣмъ вѣроятность такого же слуха въ странахъ цивилизованныхъ.

Позвольте объяснить это примѣромъ; сидитъ, положимъ, бухарскій эмиръ въ своемъ дворцѣ съ своими шутами и холопьями, изъ которыхъ многіе, можетъ быть, будутъ завтра министрами, и среди сказокъ и разсказовъ о городскихъ новостяхъ и сплетняхъ, волею - неволею говоритъ или проговаривается имъ о тѣхъ или другихъ своихъ намѣреніяхъ, симпатіяхъ или антипатіяхъ. На другой день слуги эти бѣгутъ по своимъ пріятелямъ и разсказываютъ, что́ слышали у эмира; на третій день объ этомъ знаетъ уже половина города. Если слухъ поважнѣе, то онъ передается по секрету, но тѣмъ не менѣе о немъ всѣ знаютъ, и знаютъ его, конечно, не такъ, какъ знаютъ напримѣръ, у насъ о предположеніяхъ государственнаго совѣта. Если ко всему этому прибавить, что азіатская жизнь имѣетъ такое же (если не лучше) средство, какъ у насъ печать, для распространенія слуховъ — именно базаръ, то станетъ понятно, что базарные слухи въ Азіи вовсе не такъ безосновательны, какъ это съ перваго взгляда кажется. Въ нихъ есть преувеличенія и несообразности, но въ существѣ они гораздо вѣрнѣе всѣхъ нашихъ подобнаго рода слуховъ. Притомъ же преувеличенія обоюдныя: эмиръ и его приближенные

[1]) Нынѣ Ура-Тюбинскій, мой хорошій знакомый, живетъ теперь въ Ташкентѣ.

Digitized by Google

преувеличиваютъ базарные слухи, базаръ — эмировскіе. Руководствуясь этими соображеніями, я принималъ къ свѣдѣнію всякій слухъ, который только доходилъ до меня во время моего путешествія по бухарскимъ владѣніямъ.

Изъ Карши мы выѣхали 10-го мая, одновременно съ эмиромъ, отправившимся съ 10 тыс. войска и 10 пушками въ Шахрисябзъ. О количествѣ войска я знаю по слухамъ, а пушки видѣлъ самъ, когда выходилъ отъ эмира. Подъ каждой пушкой было запряжено 10 лошадей, и на каждой лошади сидѣлъ солдатъ. Впрочемъ, все смотрѣло довольно стройно и благообразно, такъ что превзошло мои ожиданія. Основываясь на словахъ эмира, самоустно разрѣшившаго мнѣ безпрепятственно разъѣзжать по его владѣніямъ, я тотчасъ же по выходѣ отъ эмира заявилъ желаніе отправиться на Аму-Дарью, въ Керки,—но не тутъ-то было: Мирахуръ, избѣгнувшій палочныхъ ударовъ, захотѣлъ, очевидно, загладить самымъ ретивымъ образомъ свою прежнюю, хотя и мнимую вину—привозъ меня въ Бухару. Начались самыя краснорѣчивыя отговорки. Какъ жидъ на ярмаркѣ, Мирахуръ безпрестанно перебѣгалъ то ко мнѣ, то къ моимъ людямъ, отговаривая меня оставить мое намѣреніе и упрашивая ихъ склонить меня къ тому же. Всѣ отговорки о жаркой погодѣ, дурной дорогѣ, нападеніи туркменовъ, боязни предъ русскимъ начальствомъ за цѣлость моей особы, были мною отклонены; безпокойство моего стража все болѣе и болѣе усиливалось, ибо приходилось сказать напрямикъ, что ѣхать нельзя. Наконецъ, когда весь запасъ отговорокъ былъ истощенъ,—слово это было произнесено, и я, скрѣпя сердце, удовольствовался. Всѣ эти продолжительные переговоры были важны для меня въ томъ отношеніи, что теперь я имѣю полное право сказать, что меня въ Керки не пустили.

Разговоръ о посѣщеніи Чарджуя я оставилъ до Бухары уже изъ хитрости: мнѣ хотѣлось получить отказъ по каждому городу отдѣльно; итакъ, оставивъ всякія надежды на Керки, приходилось ѣхать въ Бухару. Дорога отъ Карши до Бухары (18 таней) голая степь, хуже которой мнѣ еще не приходилось видѣть. Наши каракумы и Голодная степь — роскошные луга въ сравненіи съ степью Каршинскою. Тутъ въ маѣ мѣсяцѣ уже не было никакой растительности; вода, негодная для питья, встрѣчалась только въ сардобахъ и рабатахъ, построенныхъ богобоязненнымъ Абдуллъ-Ханомъ лѣтъ 300 тому назадъ, для остановки путниковъ и каравановъ на этомъ безотрадномъ и опасномъ для нихъ пути. Для насъ везли воду изъ Карши, а съ половины дороги — привезли изъ Бухары. Собственно

Digitized by Google

степь начинается не прямо отъ Карши́, а отъ кишлака Касана (у Ханыкова невѣрно: Карсанъ), куда мы пріѣхали въ полдень 10-го мая, проѣхавши много старыхъ развалинъ кургановъ и арыковъ. По всему видно, что степь эта была когда-то очень сильно населена, и что въ настоящее время здѣсь осталась только весьма малая часть прежняго населенія. По дорогѣ до кишлака Касана намъ встрѣчались стада барановъ особенной, такъ-называемой здѣсь, арабской породы, безъ курдюковъ, мелкаго роста, отличающейся хорошимъ качествомъ шерсти. Такая порода овецъ, какъ я слышалъ, водится будто бы только возлѣ Карши́ и Бухары. Очень большой кишлакъ Касанъ (до 2-хъ т. домовъ, съ двумя пятничными [1]) мечетями) населенъ таджиками, занимающимися между прочимъ шелководствомъ. Здѣсь мнѣ удалось видѣть выкормку червей шелкопрядовъ и разспросить кое-что о шелководствѣ. Породы тутовника и червей, періоды развитія болѣзни сихъ послѣднихъ, даже техническія названія оказались такія же какъ въ Туркестанскомъ краѣ. Мнѣніе, что шелководство пришло въ Среднюю Азію не изъ Китая, а изъ Персіи, мнѣ кажется вѣрнымъ, по крайней мѣрѣ для новѣйшаго времени. Размотки шелка въ Касанѣ нѣтъ, всѣ добываемые его жителями коконы отправляются для размотки въ Карши́. Хотя касанскія поля орошаются еще водами Кашка-Дарьи, но уже замѣтно, что воды здѣсь бываетъ немного; въ каждомъ почти домѣ находится колодезь (до 8-ми аршинъ глубины) съ весьма хорошею водою. За Касаномъ начинается уже голая степь, на которой, если не ошибаюсь, до самаго Ходжи-Мубарака (4 таша = 32 верст.) видны остатки большихъ арыковъ и слѣды большихъ нѣкогда поселеній. Въ этотъ кишлакъ мы пріѣхали въ 2 часа ночи на 11-е мая.

Кишлакъ небольшой (до сто домовъ), весь въ развалинахъ, но съ весьма хорошею мечетью; населенъ онъ таджиками и арабами, Богъ-вѣсть чѣмъ занимающимися: я не видалъ на этой безотрадной мѣстности ни одного деревца, ни одной травы. Все имѣло такой жалкій видъ разрушенія и запустѣнія, что окружающая степь эта воздымающимися отъ вѣтра песками казалась мнѣ пригляднѣе (при лунномъ освѣщеніи), чѣмъ эта пародія на человѣческія жилища. Въ Ходжѣ-Мубаракѣ содержится караулъ изъ 30-ти человѣкъ для охраны отъ нападенія туркменовъ. Начальникъ этой стражи, величающій себя юсъ-баши [2]), хотѣлъ-было сдѣлать

---

[1]) Пятница (джума)—соотвѣтствуетъ нашему воскресенью; джума-мечидъ (пятничная мечеть) въ родѣ нашего собора.

[2]) Т.-е. сотникомъ.

Digitized by Google

намъ торжественную встрѣчу, но я уволилъ его отъ этого развлеченія, справедливо полагая, что въ такое время цѣлесообразнѣе лечь спать, чѣмъ утруждать себя церемонными разговорами о здоровьѣ нашего начальства. Отдохнувъ цѣлую ночь въ Ходжѣ-Мубаракѣ, мы въ 3½ часа пополудни потянулись въ Какиръ. Вѣтеръ былъ страшный; цѣлые холмы песку, засыпая намъ глаза и платья, переносились съ мѣста на мѣсто; мы ѣхали почти шагомъ въ самомъ мрачномъ расположеніи духа. Передъ Какиромъ вѣтеръ утихъ, и мы въ 7¼ часовъ вечера добрались наконецъ, усталые и измученные, до этого рабата. Тутъ насъ встрѣтили посланные отъ купъ-беги [1]), привезли свѣжую воду и фрукты и задали намъ приличное угощеніе.

Я думалъ-было выѣхать изъ Какира пораньше, но Мирахуръ, напуганный разсказами о туркменахъ, посовѣтовалъ намъ провести здѣсь всю ночь и выѣхать по восходѣ солнца. На этомъ пути дѣйствительно случаются нападенія туркменовъ, и въ Какирѣ они чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. За два дня до нашего пріѣзда было убито здѣсь два человѣка. Всѣ путники запираются на ночь въ рабатъ и караулъ (изъ 20-ти человѣкъ) стережетъ ихъ съ заряженными ружьями. Насъ въ рабатъ помѣстить было невозможно, и потому весь караулъ, въ полномъ составѣ, образовалъ вокругъ насъ цѣпь, и такъ охранялъ насъ до самаго утра 12-го мая. По разсказамъ начальника караула, въ пяти ташахъ (40 верстъ) разстоянія къ Дарьѣ, начинаются весьма глубокіе пески, по-брюхо лошади, въ которыхъ выжидаютъ добычи и скрываются отъ нападеній туркмены. Преслѣдованія по этимъ пескамъ не только невозможны, но и опасны. Много лошадей и всадниковъ погибаютъ въ нихъ не достигши цѣли. При этомъ я долженъ замѣтить, что всѣ разсказы о туркменахъ, которые мнѣ приходилось слышать на этомъ пути, отличались особеннымъ благоговѣніемъ и страхомъ передъ ловкостью и молодечествомъ этого народа. Конечно, эти благоговѣніе и страхъ не выражались прямо, но, какъ въ разсказахъ нашихъ крестьянъ о знаменитыхъ разбойникахъ, они слышались въ каждомъ словѣ разсказчика.

Изъ Какира, мы выѣхали утромъ и съ тѣми же мученіями доѣхали до караула, болѣе просторнаго, чѣмъ Какиръ, рабата, обитаемаго сотеннымъ карауломъ, резиденціи главнаго начальника всей охранительной стражи по этой дорогѣ. Здѣсь мы сдѣлали большой привалъ, въ теченіе котораго мнѣ удалось осмотрѣть рабатъ

[1]) Соколничій (купъ—птица), главный министръ.

Digitized by Google

и разспросить кое-что о дорожной стражѣ. Я не буду описывать видъ и устройство рабата; подобныя описанія значительно удлинили бы мои и безъ того длинныя замѣтки. Укажу только на одно обстоятельство, показавшееся мнѣ особенно характернымъ. Кто ѣздилъ по нашимъ русскимъ дорогамъ и сиживалъ на станціяхъ, тому хорошо извѣстно, какими глупыми и подъ-часъ циническими вещами бываютъ исписаны ихъ стѣны. Стѣны мусульманской станціи — рабата — были также исписаны, но не тѣми только выраженіями. Благочестивые путники и скромные торговцы, проходившіе по этому пути — въ виду-ли безотрадной степи и ежеминутной опасности или по другимъ причинамъ, не только не находили въ себѣ духа сквернить стѣны этого гостепріимнаго пріюта какими-либо пошлыми или циническими словами, а считали приличнымъ украшать ихъ такими выраженіями, которые ободряли и подкрѣпляли бы ихъ собратій на этомъ тяжеломъ и опасномъ пути. Я очень теперь сожалѣю, что не записалъ для образца нѣкоторыхъ стихотворныхъ изреченій, которыя мнѣ удалось прочесть съ помощію моего мирзы, на стѣнахъ караульнаго рабата. Для охраненія пути отъ Карши до Бухары, какъ я сказалъ выше, поставлены на станціяхъ караулы: въ Ходжѣ-Мубаракѣ 30, въ Какирѣ 20 и въ караулѣ 100 человѣкъ. Стража эта, наемная, плохо вооруженная и врядъ-ли полезная, стóитъ правительству очень дорого. Каждый стражникъ съ лошадью получаетъ отъ казны 20 руб. въ мѣсяцъ на своемъ иждивеніи. По истеченіи мѣсяца караулъ уходитъ въ Бухару, и на мѣсто его высылается другой. Эти безпрерывныя смѣны порождаютъ то, что ни на одной станціи нѣтъ никакого признака осѣдлости: бездѣльные стражники, плохо накормленные и напоенные, только и думаютъ какъ бы поскорѣе дожить срочное время и вернуться въ Бухару. Выбравшись изъ караула въ 4 часа пополудни и проѣхавши остатки до-нельзя надоѣвшей намъ степи, мы пріѣхали наконецъ въ 8 часовъ вечера въ первый прибухарскій кишлакъ Каганъ [1]). Тяжелый путь былъ оконченъ, назавтра приходилось увидѣть благородную Бухару...

Всякій пойметъ, въ какомъ настроеніи былъ я и мои мусульмане. Въ Каганѣ мы ночевали и на другой день, 13-го мая въ 8 часовъ утра, въѣхали въ Бухару. Ожиданія, какъ извѣстно, рѣдко сходятся съ дѣйствительностію. Такъ было въ настоящемъ случаѣ и со мной. Бухару я нашелъ далеко не такою, какою

---

[1]) Маршрутъ отъ Карши до Бухары, указанный въ книгѣ Ханыкова, оказался вполнѣ вѣрнымъ.

Digitized by Google

предполагалъ въ своемъ воображеніи. Того величія развалинъ минувшей мусульманской жизни, какое чувствуется при въѣздѣ въ Самаркандъ, — въ Бухарѣ нѣтъ. Большой пыльный городъ, безъ садовъ, съ очень узенькими и кривыми улицами и высокими безобразными домами, производилъ на насъ далеко не веселое впечатлѣніе. Множество обширныхъ медрессэ и мечетей, прочно и красиво построенныхъ изъ жжёнаго кирпича, перемѣшивались съ глиняными лачугами и вонючими базарчиками, и, не имѣя передъ собой площадей, много теряли въ своемъ видѣ. Полнымъ ходомъ болѣе часу ѣхали мы по этимъ кривымъ улицамъ, окруженные почетною стражей въ красныхъ халатахъ и провожатыми отъ кушъ-беги, встрѣтившими насъ наканунѣ въ Каганѣ. Народу было не особенно много, но лица смотрѣли радушно, по крайней мѣрѣ (какъ мнѣ казалось) радушнѣе чѣмъ въ другихъ городахъ. Многіе думали, какъ мнѣ сказывали послѣ, что вмѣстѣ съ нами придетъ въ Бухару вода, безъ которой жителямъ приходилось плохо: всѣ арыки и хаузы [1]) были пусты, деревья сохли и колодезной воды едва доставало для питья людей и лошадей. Во все время пребыванія нашего въ Бухарѣ жары и духота стояли невыносимыя. Въ дорогѣ я разбилъ мой термометръ и потому не былъ въ состояніи опредѣлить степень этого жара; но могу сказать, что такой жары, какая была въ Бухарѣ, въ Ташкентѣ я никогда не испытывалъ. Вода пришла послѣ нашего отъѣзда, когда эмиръ выслалъ наконецъ, согласно уговору, въ Самаркандъ за водой Зіаудинскаго бека Астана-Кула.

Мнѣ отвели помѣщеніе не за городомъ, какъ желалъ Мирахуръ, а въ самомъ городѣ, какъ хотѣлось мнѣ, чтобы быть ближе къ базару. Въ приготовленномъ для меня домѣ я нашелъ русскую мебель и былъ встрѣченъ главнымъ зякетчи Таксабой [2]), сыномъ кушъ-беги. Зная, что лицо это, правая рука своего отца, играетъ въ торговыхъ дѣлахъ весьма важную роль, я старался быть съ Таксабой какъ можно любезнѣе: хвалилъ отведенное мнѣ помѣщеніе, любезность встрѣтившихъ насъ лицъ, изящество дистархана [3]) и т. п. Красивое, но глупое лицо Таксабы прояснилось, и всѣ мои любезности, какъ я узналъ послѣ, были въ точности переданы самому кушъ-беги. Въ Бухарѣ я прожилъ 10 дней и, разумѣется, все вниманіе мое обращалъ на тотъ предметъ, который составлялъ главную цѣль моей поѣздки, т.-е. торговлю. Несмотря на всѣ за-

---

[1]) Общественные пруды.

[2]) Таксаба — чинъ; его сравниваютъ съ чиномъ нашего полковника.

[3]) Буквально — салфетка, а въ переносномъ смыслѣ — угощеніе.

Digitized by Google

трудненія, которыя намѣренно и хитро устраивались Мирахуромъ, чтобы помѣшать моимъ занятіямъ, я все-таки, съ помощью Н. С. Трубчанинова, Бай-Магомета и живущаго въ Бухарѣ довѣреннаго купцовъ Быковскихъ И. Н. Шмелева, весьма обязательнаго человѣка,—успѣлъ собрать по этому предмету нѣкоторыя, нелишенныя интереса свѣдѣнія, особенно по индѣйской торговлѣ.

Вотъ мое мнѣніе о Бухарѣ и о всей ея торговлѣ. Мнѣніе это, я долженъ оговориться, не есть, такъ сказать, продуктъ 10-ти-дневнаго обозрѣнія Бухары, оно составилось у меня гораздо ранѣе, еще въ запрошломъ году послѣ посѣщенія мною Самарканда. Настоящая моя поѣзда въ Бухару только подкрѣпила мои прежніе взгляды. По моему глубокому убѣжденію, основанному на двухгодичномъ наблюденіи средне-азіатской торговли, Бухара есть самый главный пунктъ этой торговли, настолько для насъ важный, что положеніемъ и направленіемъ его торговли должны обусловливаться всѣ наши дальнѣйшія дѣйствія въ Средней Азіи. Будучи огромнымъ складомъ русскаго и англо-индѣйскаго товара, Бухара ведетъ обширную и оживленную торговлю со всѣми сосѣдними мусульманскими странами, получая отъ нихъ ихъ мѣстныя произведенія и снабжая ихъ, въ свою очередь, товарами изъ своего склада. Условія англо-индѣйской бухарской торговли мы, къ сожалѣнію, знаемъ очень мало, но знаемъ хорошо торговую энергію и предпріимчивость нашихъ соперниковъ и наше русское «авось». Кто можетъ поручиться, что при нашей небрежности къ бухарскому рынку вся торговля Средней Азіи не перейдетъ въ руки англичанъ или ихъ подручниковъ авганцевъ? А намёки на это уже есть, и какъ я скажу ниже о чаѣ, довольно осязательные. Тогда, конечно, намъ дѣлать въ Средней Азіи будетъ уже нечего.

Предположенія мои о бухарскомъ базарѣ, я долженъ сознаться, оказались значительно слабѣе дѣйствительности. Стóитъ только разъ взглянуть на этотъ базаръ, по крайней мѣрѣ въ пять разъ бóльшій ташкентскаго, съ его громадными изъ жжёнаго кирпича караванъ-сараями и тимами [1]) (первыхъ 24, вторыхъ до 6-ти), набитыми всевозможными товарами далекой Индіи и столь же далекой Москвы, съ его торговцами, отъ пешаурца до казанскаго татарина включительно, чтобы сказать, что рынокъ этотъ не чета нашему ташкентскому. Изъ Индіи и Авганистана идутъ сюда до тысячи предметовъ, такъ-

[1]) Каменные закрытые гостиные дворы.

Digitized by Google

называемаго аттарскаго [1]) товара (красильныя и лекарственныя вещества и мелочь), около шестнадцати сортовъ зеленаго чая, масса разнообразныхъ хлопчато-бумажныхъ матерій, шали, парчи, опій, фаянсовая посуда, металлическія издѣлія, печатныя книги. Караванъ-сараи: Абдурашидъ, Бадрудзинъ, Баранкуна, Дамлянирь, Измаилъ-Ходжа и Мирза-Гуль—служатъ складами почти исключительно индѣйскаго товара. Персія снабжаетъ Бухару нѣкоторыми красильными веществами, такъ-называемыми мешеускими ситцами, сѣрой, перцомъ, оружіемъ, серебромъ и въ весьма значительномъ количествѣ писанными и печатными книгами. Изъ Хивы приходятъ готовыя шубы, льняное масло, баранье сало, пшеница, рисъ, яблоки, бараны, кукнаръ [2]), желѣзный купоросъ и русскіе товары: сахаръ, чугунные котлы, леденецъ и т. п. Гератъ высылаетъ сухіе фрукты, мѣха, барановъ и рабовъ, а Мервъ—туркменскихъ лошадей и оружіе. Наконецъ, на бухарскій базаръ стягиваются произведенія мѣстныя: хлопокъ, шелкъ, шерсть, пряжи, мѣха, кожи, краски, хлѣбъ, шелковыя и бумажныя издѣлія, готовое платье и т. п. Въ свою очередь Бухара высылаетъ въ эти страны либо свои, либо произведенія сосѣднихъ государствъ. Въ Авганистанъ—золото, шелкъ, верблюжью шерсть, козій пухъ, марену, шелковыя и полушелковыя матеріи, русское сукно, бархатъ и атласъ, бѣличьи шубы, лошадей, ишаковъ [3]) и даже кошекъ и соловьевъ. Въ Хиву—чай, табакъ, опій, хлопокъ, шелкъ, марену, аттарскій товаръ, шелковыя, полушелковыя и бумажныя матеріи. Въ Персію—золото, мерлушки, шелковыя матеріи и русское сукно и бархатъ. Уже однихъ этихъ простыхъ и краткихъ перечисленій странъ и товаровъ достаточно, чтобы подтвердить высказанное мною выше мнѣніе о торговомъ значеніи бухарскаго рынка, ежегодный оборотъ котораго, по приблизительному исчисленію, достигаетъ до 40 милл. рублей. Когда-нибудь я постараюсь разсмотрѣть этотъ вопросъ возможно обстоятельнѣе, ибо, повторяю еще разъ, въ удовлетворительномъ его разрѣшеніи лежитъ, по моему мнѣнію, вся суть дѣла нашего въ Средней Азіи. Не разгадавъ Бухары, мы никогда не поставимъ средне-азіатскую торговлю въ выгодное для насъ положеніе, даже болѣе:—можетъ случиться, что вслѣдствіе незнанія бухарскаго рынка, мы его окончательно потеряемъ, уступивъ другимъ то, что́ было, такъ ска-

---

[1]) Отъ „атръ"—амбра.

[2]) Шелуха сѣменныхъ головокъ мака, изъ которой приготовляется одурманящій напитокъ.

[3]) Ишакъ—оселъ.

Digitized by Google

зать, у насъ подъ носомъ, а тогда, по пословицѣ: «близокъ локоть, да не укусишь»,—поправить ошибку уже будетъ невозможно.

Въ настоящее время можно пока съ увѣренностію сказать, что торговля русскими товарами имѣетъ здѣсь первостепенное мѣсто, и тяготѣніе Бухары къ Макарію (т.-е. нижегородской ярмаркѣ) чувствуется на каждомъ шагу. Русскими хлопчато-бумажными произведеніями (кромѣ кисеи, но съ прибавленіемъ тика, котораго изъ Авганистана не привозятъ) Бухара завалена буквально сверху до низу. На мой взглядъ, русскаго бумажнаго товара по крайней мѣрѣ разъ въ шесть болѣе англійскаго. Я видѣлъ на базарѣ этикеты фабрикъ: Соколова, Богомазова, Сучкова, Истомина, Муравьева, Корнилова, Шереметьева, Манулова, Сидорова, Морозова, Урусова, Баранова, Зубкова, Борисова, Миндовскаго, Фокина и Зизина. Затѣмъ идутъ сукна фабрикъ: Осипова, Ремизова и Туляева, плисъ, парча и бархатъ; кожи кунгурская и уфимская, юфта, пряжа (ярославская и Лодера); прутовое, полосовое и листовое желѣзо, чугунные котлы, мѣдь, латунь, олово, свинецъ, мѣха, мѣдныя и желѣзныя издѣлія, фаянсовая посуда, сахаръ, леденецъ (преимущественно Кокина), сахарный песокъ, квасцы (идутъ больше Ушковскіе), купоросъ (синій), нашатырь, сандалъ (идетъ тертый), фуксинъ (преимущественно первый сортъ; второй и третій нейдутъ), стеариновыя свѣчи, писчая бумага, ртуть, мишура, бисеръ, краски, сундуки и всякая мелочь. На память я не могу теперь перечислить всѣхъ видѣнныхъ мною на бухарскомъ рынкѣ русскихъ товаровъ, но современемъ я непремѣнно составлю подробный каталогъ этимъ товарамъ, съ обозначеніемъ ихъ цѣнъ и нѣкоторыми моими примѣчаніями.

Здѣсь достаточно будетъ сказать, что цѣны на всѣ почти русскіе товары въ Бухарѣ значительно ниже ташкентскихъ. Разница въ цѣнѣ, напримѣръ, сахара достигала, во время моего пребыванія въ Бухарѣ, 5 руб. на пудъ (въ Бухарѣ 11, въ Ташкентѣ 16 руб.), но, говорятъ, бываетъ и больше. Въ прошломъ году я пытался-было (въ частномъ письмѣ къ А. И. Б.) объяснить эту разницу мѣновымъ характеромъ торговли, т.-е. наложеніемъ на бухарское сырье всей сбавки на русскіе товары, но теперь вижу, что кромѣ этой причины дѣйствуютъ еще много другихъ, объяснить которыя надо подумавши. Какъ ни пріятно русскому человѣку, заѣхавшему въ Бухару, видѣть такую разнообразную массу товаровъ своей родины и чувствовать тяготѣніе бухарскаго рынка къ отдаленнымъ торговымъ центрамъ Россіи, тѣмъ не ме-

Digitized by Google

нѣе отъ этого же заѣзжаго человѣка не скроется и другая, печальная сторона дѣла: отсутствіе на этомъ рынкѣ русскихъ торговцевъ. Я указываю на это обстоятельство не изъ квасного патріотизма, а во имя торговыхъ интересовъ и главнымъ образомъ Москвы, снабжающей Бухару издѣліями своихъ фабрикъ. Вся торговля русскими товарами ведется въ Бухарѣ туземцами, либо татарами.

На первый взглядъ покажется, что въ этомъ обстоятельствѣ, повидимому, нѣтъ еще особенной бѣды, лишь бы русскіе товары шли въ Среднюю Азію, но на дѣлѣ выходитъ другое. Московскіе, оренбургскіе и троицкіе купцы знаютъ лучше меня, какъ отплачиваютъ имъ за ихъ довѣріе бухарцы. Неуплата въ срокъ денегъ за взятый въ кредитъ товаръ или уплата ихъ по нѣсколько копѣекъ съ рубля, а иногда и просто скрытіе товара и должника — явленіе самое обыкновенное въ нашей бухарской торговлѣ. Рѣдкій изъ русскихъ торговцевъ, отпускающихъ въ Бухару товаръ, не испыталъ на себѣ котораго-нибудь изъ этихъ случаевъ, и все это очень понятно и легко объяснимо. Всѣ торговыя сношенія между русскими купцами и ихъ кредиторами— бухарцами совершались и совершаются на самыхъ широкихъ основаніяхъ довѣрія со стороны русскихъ и полной безнаказанности за его нарушеніе со стороны бухарцевъ. Не зная своего будущаго должника-бухарца, пріѣхавшаго изъ-за 4 т. верстъ, не имѣя никакихъ понятій о его коммерческихъ оборотахъ, русскій торговецъ отпускаетъ ему свой товаръ въ кредитъ, такъ сказать, на «ура», не будучи ровно ничѣмъ гарантированъ не только въ полученіи денегъ, но и въ отысканіи, въ случаѣ надобности, своего должника. Въ свою очередь бухарскій человѣкъ, торгашъ въ душѣ, очень хорошо понимаетъ превосходство своего положенія, и зная, что его достать трудно, съ спокойнымъ духомъ обманываетъ своего кредитора, употребляя тотъ или другой изъ указанныхъ мною способовъ. Конечно, не всѣ вообще дѣла ведутся такимъ образомъ, но нельзя отрицать, чтобы такіе случаи были рѣдкими, а тѣмъ болѣе исключительными. Напротивъ того, они такъ часты и постоянны, что становятся уже характернымъ признакомъ этой торговли и разсказъ о нихъ займетъ, по моему мнѣнію, не послѣднее мѣсто въ исторіи нашихъ торговыхъ сношеній съ Бухарою. Если ко всему этому прибавить, что вся торговля сырьемъ, главнымъ образомъ, хлопкомъ и шелкомъ, находится безусловно въ рукахъ бухарцевъ и мѣстныя условія этой торговли остаются до сего времени совершенно недоступными для русскихъ торговцевъ, то станетъ понятнымъ, что преобладаніе

Digitized by Google

на бухарскомъ рынкѣ русскихъ товаровъ, несмотря на ихъ количество, далеко еще не упрочено и рано или поздно можетъ быть легко поколеблено. Это сдѣлается, конечно, мало-по-малу, незамѣтно для насъ самихъ, какъ сдѣлалось, напримѣръ, съ чайной торговлей. Этихъ объясненій, мнѣ кажется, достаточно, чтобы доказать, какъ важно пребываніе въ Бухарѣ русскихъ торговцевъ, или по крайней мѣрѣ, агентовъ отъ русскихъ торговыхъ домовъ. Смѣшно сказать, что въ такомъ торговомъ центрѣ, какъ Бухара, ведущемъ такую обширную торговлю съ Россіей, живетъ всего-на-всего одинъ только русскій торговецъ [1]), тогда какъ приказчиковъ авганскихъ купцовъ, безпрестанно шмыгающихъ изъ Бухары въ Кабулъ, Пешауръ и обратно, можно считать десятками...

Въ заключеніе этого конечно краткаго и неполнаго обзора бухарской торговли я считаю себя обязаннымъ изложить здѣсь мои наблюденія надъ чайной торговлей. Въ Бухарѣ она для насъ окончательно пропала. Огромные караваны (по 5 т. верблюдовъ) зеленаго чая ежегодно приходятъ въ Бухару изъ Авганистана и затѣмъ расходятся по бухарскимъ владѣніямъ, туркестанскимъ степямъ, идутъ въ Хиву и проникаютъ въ Коканъ и русскій Туркестанъ. Чернаго чая буквально нѣтъ нигдѣ. Для меня, правда, находили въ Бухарѣ (и очень легко) рижскій бальзамъ, но не могли найти фунта фамильнаго чая, сколько-нибудь годнаго для питья. Въ гостяхъ у кушъ-беги я пилъ черный чай такой, отъ котораго меня чуть-чуть не стошнило. Склады зеленаго чая въ Бухарѣ громадные; конкуррировать съ ними русскимъ чаямъ невозможно, какъ по сравнительной дороговизнѣ этихъ послѣднихъ, такъ и потому, что уже мѣсто занято. Теперь намъ остается только не допустить этого чая въ наши предѣлы, оставивъ всякую надежду вытѣснить его изъ Бухары. Все, что я сказалъ выше, относилось до чая зеленаго; для кирпичнаго (именно яблочнаго, алма-чай) я дѣлаю исключеніе. Можетъ быть, при энергіи нашихъ торговцевъ имъ удастся вытѣснить этотъ чай изъ Бухары таковымъ же, но лучшаго качества, идущимъ къ намъ изъ Кяхты.

За отсутствіемъ эмира, хозяиномъ города былъ бій Магомедди, исправляющій должность кушъ-беги. Его я видѣлъ два раза: на другой день послѣ пріѣзда въ Бухару и передъ самымъ

---

[1]) И. Н. Шмелевъ, довѣренный гг. Быковскихъ, если не считать В. И. Грошева, занимающагося заготовленіемъ маты (бѣлой бумажной матеріи) для русскихъ войскъ въ Ташкентѣ.

Digitized by Google

изъ нея выѣздомъ. Достопочтенный бій Магомедди, извѣстный еще нашимъ плѣнникамъ въ 1867-мъ году, какъ курбаши города Бухары, по происхожденію иранецъ. Послѣ служенія своего полиціймейстеромъ столицы, онъ сдѣланъ былъ главнымъ начальникомъ бухарскихъ войскъ, и затѣмъ, недавно, послѣ смерти кушъ-беги, ему поручено исправленіе этой важной должности. Синай [1]) по роду своихъ занятій, бій Магомедди тѣмъ не менѣе человѣкъ грамотный, и, какъ мнѣ кажется, очень мало воинственный. Стóитъ только взглянуть на его доброе и веселое лицо, на его дородную и медленно-движущуюся мѣшковатую фигуру, чтобы сказать, что человѣкъ этотъ не созданъ командовать арміями, да, пожалуй, не созданъ и править государствомъ. На меня онъ произвелъ впечатлѣніе стараго барскаго ключника, тщательно берегущаго барское добро, точно исполняющаго свои обязанности, подчасъ, въ угоду барину, строящаго изъ себя шута, но не возвышающагося никогда до даванія ему совѣтовъ или противорѣчія его намѣреніямъ. Не будучи развратникомъ, какъ большинство окружающихъ эмира лицъ, онъ тѣмъ не менѣе не могъ отстоять своей семейной независимости и недавно, по приказанію эмира, долженъ былъ взять себѣ въ жены одну изъ жертвъ любострастія своего господина. Развѣ это не наше доброе, старое время—награжденіе ключниковъ барскими любовницами? Тѣмъ не менѣе я долженъ сказать, что дѣйствія кушъ-беги по отношенію къ торговлѣ и торгующимъ заслуживаютъ всякой похвалы. Человѣкъ онъ очень доступный и простой, взятокъ, кажется, беретъ мало, и, главное, ближайшій помощникъ его (зякетчи) его единственный сынъ, не особенно умная, но очень симпатичная личность. Оба эти лица окружили себя преданными имъ соотечественниками, иранцами, которые, какъ люди, бывшіе нѣкогда въ тяжеломъ положеніи рабовъ, не даютъ себѣ воли и гораздо гуманнѣе сартовъ. Отношенія кушъ-беги къ Мирахуру болѣе чѣмъ натянутыя; оба они ненавидятъ другъ друга и въ состояніи скрывать это, особенно Мирахуръ, безпрестанно твердившій мнѣ, что еслибы былъ живъ прежній кушъ-беги, меня, конечно, не встрѣтили бы такъ, какъ при кушъ-беги настоящемъ. Почему не нравилась ему сдѣланная мнѣ встрѣча — я не знаю; но думаю, что все это говорилось для того, чтобы не расположить меня къ кушъ-беги и чтобы нерасположеніе мое къ нему было передано въ письмахъ къ нашему начальству. Я, разумѣется, на эту новую хитрость не поддался, и мало того—далъ понять людямъ кушъ-

[1]) Служивое сословіе, безграмотное, но менѣе фанатичное, чѣмъ духовное.

Digitized by Google

беги, что вліянія на мои мнѣнія Мирахуръ не имѣетъ. Эти отношенія между главнымъ государственнымъ сановникомъ бухарскаго ханства и довѣреннымъ этого ханства у нашего начальства служатъ, по моему мнѣнію, второю причиною непригодности Мирахура для нашихъ интересовъ. Трудно поручиться, будетъ ли онъ настолько благоразумнымъ, чтобы стать выше личныхъ отношеній, и ради интересовъ дружбы и мира поддерживать (если даже не тормазить) всѣ тѣ дѣла, рѣшеніе или направленіе которыхъ будетъ зависѣть непосредственно отъ кушъ-беги. Я думаю, что на такую высоту онъ подняться не въ состояніи.

При первомъ свиданіи съ кушъ-беги я заговорилъ о своемъ желаніи ѣхать въ Чарджуй. Бѣдный премьеръ, неполучившій, какъ видно, отъ эмира никакихъ на этотъ предметъ указаній, совершенно растерялся, и въ сильномъ смущеніи началъ замѣтно для всѣхъ насъ подмаргивать Миракуру, приглашая его выручать себя изъ этой бѣды. Краснорѣчивый Мирахуръ, какъ я и ожидалъ, повторилъ мнѣ всѣ тѣ доводы, которые уже были высказаны мнѣ въ Карши противъ моего намѣренія ѣхать въ Керки. Въ свою очередь, я проговорилъ всѣ тѣ же возраженія, которыя противопоставлялъ ему тамъ относительно этихъ доводовъ. Я впередъ зналъ, что въ Чарджуй меня не пустятъ, но мнѣ нужно было продѣлать этотъ діалогъ, чтобы получить отказъ въ положительной формѣ. По выполненіи, довольно удовлетворительномъ, нашихъ ролей, мнѣ сказали, что въ Чарджуй ѣхать нельзя. Отказъ этотъ (не то что въ Карши) я принялъ совершенно спокойно: я уже убѣдился, что вѣрить Бухарѣ ни въ чемъ нельзя. Приходилось остаться на мѣстѣ и по крайней мѣрѣ разузнать что-нибудь о торговлѣ. Но и тутъ пропасть затрудненій. Оказалось, что по базару мнѣ можно ѣздить только съ провожатыми въ красныхъ халатахъ, привлекающими ко мнѣ массу народа, что входить въ разговоры съ торговцами мнѣ, какъ большому человѣку, неприлично, что осмотръ медрессэ и мечетей можетъ показаться народу страннымъ и т. п. и т. п. Рядомъ мучительныхъ переговоровъ мнѣ удалось, наконецъ, избавиться отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ стѣсненій, но, тѣмъ не менѣе, ни въ медрессэ, ни въ мечети я не входилъ и залучить къ себѣ торговцевъ не могъ. Все, что мною собрано о торговлѣ, сдѣлано болѣе черезъ посредство моихъ спутниковъ, чѣмъ мною самимъ. Чтобы отвлечь меня отъ базара, Мирахуръ выдумалъ новую хитрость, на которой и попался. Онъ посовѣтывалъ мнѣ не безпокоиться разъѣздами по базару и притомъ въ жаркое время дня, а лучше призывать къ себѣ разныхъ маклеровъ и торговцевъ и отъ нихъ

Digitized by Google

получать какія мнѣ нужны свѣдѣнія. Я согласился, полагая, что всѣ собранныя мною отъ нихъ свѣдѣнія я успѣю перевѣрить потомъ на базарѣ. Собрались ко мнѣ всѣ эти лица, и Мирахуръ началъ говорить имъ, въ моемъ присутствіи, по-тюркски, рѣчь, что вотъ, дескать, пріѣхалъ большой тюря [1]), которому нужно знать вотъ то-то и то-то. Вы должны все это ему подробно разсказать, ибо это будетъ полезно для дѣла дружбы и пріятно эмиру и русскому начальству. Затѣмъ, когда я предложилъ пришедшимъ маклерамъ предварительно побесѣдовать съ Бай-Магометомъ, Мирахуръ очень настоятельно, уже по-персидски, рекомендовалъ имъ не говорить ничего положительнаго. Возмущенный этими словами (тотчасъ же переданными мнѣ по секрету Бай-Магометомъ), я сдѣлалъ Мирахуру сцену, послѣ которой онъ въ одно и то же время просилъ у меня прощенія и увѣрялъ, что я его словъ не понялъ. Я притворился, что дѣйствительно не понялъ, и мы разстались друзьями. Вотъ при какихъ условіяхъ мнѣ приходилось изучать мѣстную торговлю.

Отъ кушъ-беги я получилъ халатъ и хорошую лошадь, — подарки, какъ мнѣ сказалъ Мирахуръ, не цѣнные. Я имѣю основаніе думать, что онъ самъ посовѣтовалъ сдѣлать мнѣ такіе подарки, и затѣмъ, мѣряя на свой аршинъ, думалъ, что нецѣнность ихъ повредитъ въ моихъ глазахъ его противнику. Я передаю всѣ эти мелочи потому, что онѣ рельефнѣе, чѣмъ мои слова, обрисовываютъ здѣшніе нравы и характеры.

Послѣ перваго свиданія моего съ кушъ-беги, я задумалъ попасть на невольничій базаръ. Существованіе въ гор. Бухарѣ рынка для продажи невольниковъ подвергалось въ послѣднее время сомнѣніямъ. Было мнѣніе, что съ завоеваніемъ русскими Самарканда открытая продажа невольниковъ на базарахъ не только ослабѣла, но и совсѣмъ прекратилась. Мнѣніе это подтверждалось, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что никто изъ оффиціальныхъ лицъ, посѣщавшихъ въ недавнее время Бухару, не видѣлъ невольничьяго базара и не заявлялъ о его существованіи; даже болѣе, одно изъ этихъ лицъ, не помню именно кто, положительно отвергало существованіе такого базара. Мнѣ первому удалось увидѣть невольничій базаръ и собственными глазами убѣдиться, что постыдный торгъ людьми производится постоянно и въ значительныхъ размѣрахъ въ 190 верстахъ отъ русской границы, открыто безъ всякой утайки, на базарѣ въ центрѣ города. Вчера,

[1]) Тюря—названіе, присвоенное всѣмъ принцамъ крови, а съ занятіемъ Туркестана—всѣмъ русскимъ военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ.

Digitized by Google

въ сопровожденіи пристава отъ кушъ-беги, я посѣтилъ караванъ-сарай, гдѣ продаются невольники, и видѣлъ ихъ продажу. Сарай этотъ помѣщается на большомъ базарѣ (Регистанъ), въ той его части, которая называется Чарсу, и носитъ названіе Пай-Астана. Нижній этажъ сарая занятъ продавцами сырыхъ кожъ, верхній—невольниками. Продажа производится каждый день съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ при продажѣ товаровъ формальностей, какъ-то: оцѣнки товара маклеромъ, уплатѣ зякета и т. п. Во время моего посѣщенія, въ сараѣ находилось до 100 человѣкъ мужчинъ и до 30 женщинъ и дѣтей. При мнѣ былъ проданъ 12-ти-лѣтній мальчикъ за 120 рублей. Хотя я поѣхалъ въ сарай неожиданно и почти насильно, тѣмъ не менѣе приставъ мой успѣлъ предупредить о моемъ посѣщеніи, и сарай къ моему пріѣзду былъ прибранъ: больные невольники и слишкомъ плачущія женщины и дѣти были спрятаны на заднемъ дворѣ, а на показъ мнѣ были оставлены болѣе приличные по внѣшности и болѣе привыкшіе къ своему положенію... По собраннымъ мною свѣдѣніямъ продажа невольниковъ производится не только на базарѣ, но и въ отдѣльныхъ домахъ у барышниковъ (Кулъ-Джаляпъ), и не только въ Бухарѣ, но и во многихъ городахъ и большихъ кишлакахъ. Главный невольничій базаръ во всей Средней Азіи—есть Бухара. Барышники скупаютъ невольниковъ у туркменовъ, и затѣмъ перепродаютъ ихъ либо въ другіе города и кишлаки, либо въ Хиву. Если положить, что каждый день продается только одна десятая часть того числа невольниковъ, которыхъ я видѣлъ въ караванъ-сараѣ, то число всѣхъ невольниковъ, продаваемыхъ ежегодно въ одной только Бухарѣ, превзойдетъ 4 тысячи человѣкъ. Посѣтить невольничій базаръ мнѣ стоило большихъ усилій: все краснорѣчіе Мирахура было исчерпано, чтобы отклонить меня отъ моего намѣренія, но я остался непоколебимъ и добился моего желанія.

Передъ моимъ отъѣздомъ обратно изъ Бухары И. Н. Шмелевъ, единственный представитель русскихъ купцовъ въ Бухарѣ, пригласилъ меня къ себѣ обѣдать въ караванъ-сарай Аимъ, гдѣ обыкновенно останавливаются и торгуютъ всѣ рѣдкіе русскіе торговцы, пріѣзжающіе въ Бухару. Противъ принятія этого приглашенія на меня сильно возсталъ Мирахуръ, находя, что мнѣ, большому, по его мнѣнію, человѣку совершенно неприлично ѣхать въ караванъ-сарай а тѣмъ болѣе якшаться съ купцами; для бухарскаго тюри непонятно человѣческое обращеніе съ купцомъ. Кромѣ того онъ видѣлъ въ этомъ обиду для эмира, неумѣвшаго какъ будто бы приличнымъ образомъ принять и угостить меня. «Они наши слуги», говорилъ

Digitized by Google

о купцахъ сей мусульманскій бояринъ, «мы ихъ должны кормить и жаловать, а не они насъ». Но И. Н. Шмелевъ, узнавъ объ этихъ разговорахъ, обидѣлся бы и справедливо, еслибъ я отклонилъ его приглашеніе. Я былъ въ затрудненіи, какъ поступить въ этомъ щекотливомъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что никакіе доводы и убѣжденія о нашихъ обычаяхъ и порядкахъ, отличныхъ отъ мусульманскихъ, на Мирахура не дѣйствовали, и только счастливо подвернувшаяся мнѣ на память ссылка на авторитетъ русскаго начальства, которое никогда не отвергаетъ въ подобныхъ случаяхъ приглашенія купцовъ, помогла мнѣ разрубить сей Гордіевъ узелъ къ общему удовольствію обѣихъ сторонъ.

Часа въ два пополудни отправился я въ Аимъ-Сарай безъ всякихъ почетныхъ провожатыхъ. Это кажется сдѣлано было съ цѣлію не придавать моей поѣздкѣ особой важности. Бѣдная каморка И. Н. Шмелева, обитая къ моему пріѣзду коленкоромъ и всячески разукрашенная, представляла самый праздничный видъ. На окнѣ играла шарманка и ожидали прихода скрипки, въ свое время неявившейся; на дворѣ толпился народъ, сарты смотрѣли къ намъ въ окна, словомъ томаша [1]) была большая. Радушный хозяинъ, обрадованный счастливымъ исходомъ дѣла, суетился донельзя и угостилъ на славу — всѣмъ, что только можно было найти въ Бухарѣ. Этотъ радушный, отъ чистаго сердца пріемъ, произвелъ на меня, послѣ всяческаго бухарскаго лицемѣрства, самое пріятное впечатлѣніе. Я думаю, что и для туземцевъ онъ имѣлъ нѣкоторое значеніе. На другой день мнѣ принесли съ базара новости, что туземные купцы были очень довольны моимъ посѣщеніемъ Аима-Сарая. Русскій тюря, говорили они, не побрезгалъ пріѣхать въ сарай и угощаться съ купцами—значитъ, мнѣнія купцовъ далеко не сходились въ этомъ случаѣ съ мнѣніемъ Мирахура.

Зная нѣсколько тюркскій языкъ и безпрестанно скитаясь по базарамъ, я имѣлъ время и возможность пріобрѣсть множество отрывочныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній, преимущественно о разныхъ промышленныхъ производствахъ. Этими свѣдѣніями я приводилъ въ Бухарѣ въ немалое удивленіе всѣхъ лицъ, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать. Мусульманскимъ людямъ было изумительно и непонятно видѣть большого русскаго тюря, знающаго, напр., всѣ названія сортовъ различныхъ товаровъ, всѣ кассаба [2]), бесѣдующаго о различныхъ производствахъ и даже о

[1]) Развлеченіе.

[2]) Арабское слово, означающее вообще промыселъ: „Утузъ-ики-кассаба“ (тридцать два промысла) означаютъ все вообще промышленное сословіе, хотя родовъ и видовъ промысловъ гораздо больше, чѣмъ 32.

Digitized by Google

шаріятѣ и о сектахъ. Я никогда не забуду того удивленія, которое выразилось на лицахъ всѣхъ присутствовавшихъ, когда я, разсматривая принесенный ко мнѣ особаго сорта канаусъ, въ родѣ нашей саржи, замѣтилъ, что его ткали съ большимъ количествомъ ремизовъ, чѣмъ обыкновенный. По всей комнатѣ пошелъ благоговѣйный шопотъ о моей мудрости. Въ другой разъ, въ Карши, я сконфузилъ мутавали [1]) замѣтивъ, что либо медрессэ построено позднѣе, чѣмъ онъ говоритъ, либо строитель медрессэ жилъ ранѣе, ибо въ противномъ случаѣ строитель его не могъ быть изъ секты нашхбандія, какъ утверждалъ мутавали, потому что глава этой секты—Богоуэддинъ жилъ гораздо позднѣе, чѣмъ умеръ строитель медрессэ. Какъ-то въ дорогѣ я запѣлъ стихъ, который поютъ дуваны [2]), и изумленію окружающихъ не было конца. Такихъ случаевъ было со мной много. Все это привело бухарцевъ къ тому убѣжденію, что я хватаю съ неба звѣзды, вижу насквозь всякаго человѣка, знаю всѣ языки міра и въ томъ числѣ арабскій и персидскій, но только изъ хитрости на нихъ не говорю. Конечно, все это имѣло хорошую сторону, ибо возвышало въ Бухарѣ значеніе русскихъ, но съ другой стороны, кажется, многаго мнѣ не показывали и не говорили ради именно этой моей «мудрости».

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Ташкента я имѣлъ намѣреніе склонить эмира къ устройству почты между Бухарою и Катты-Курганомъ (190 верстъ). Такимъ образомъ, установилось бы, наконецъ, столь желаемое торговымъ сословіемъ правильное почтовое сообщеніе между русскими городами и Бухарою. Всякому здѣсь хорошо извѣстно, какія затрудненія дѣлаетъ этотъ маленькій 190-верстный перерывъ. Всѣ письма изъ Бухары до нашей границы и обратно приходится пересылать съ оказіями, невѣрными и ненадежными, а между тѣмъ бываютъ времена, когда отъ своевременной посылки письма зависятъ большіе барыши и убытки. Къ тому же масса бухарскихъ купцовъ и приказчиковъ ежегодно ѣздитъ и живетъ въ Оренбургѣ, Нижнемъ, Москвѣ и, понятно, очень желала бы быть въ постоянныхъ и правильныхъ сношеніяхъ съ Бухарою. Приступая къ исполненію этого дѣла, я давно уже просилъ Анима-Ходжи Юнусова написать мнѣ проектъ объ устройствѣ такого почтоваго сообщенія, примѣняясь къ мусульманскимъ воззрѣніямъ. Проектъ вышелъ на славу. Предисло-

---

[1]) Завѣдывающій хозяйственною частію въ медрессэ, въ родѣ нашего эконома въ монастыряхъ.

[2]) Юродивые очень уважаемы въ Бухарѣ.

Digitized by Google

ніе его, какъ тому и слѣдовало быть, начиналось прямо съ Корана, и затѣмъ развивалась общая мысль и ея примѣненіе на практикѣ. Проектъ этотъ я показалъ дорогой Мирахуру и получилъ отъ него въ отвѣтъ, что все это, пожалуй, очень хорошо, но для Бухары не нужно, ибо прежде ничего такого не было. —Да вѣдь прежде все было хуже, Мирахуръ,—возразилъ я, забывъ, что бесѣдую не съ европейцемъ; а съ каждымъ годомъ все становится лучше и лучше. «Нѣтъ, говорилъ мнѣ убѣдительнымъ тономъ мой пріятель, прежніе люди были умнѣе и лучше; они и увидѣли раньше насъ Бога». Я замолчалъ, ибо возражать на это было нечего. Въ Бухарѣ я поднялъ этотъ вопросъ опять, и опять получилъ на него тотъ же отвѣтъ.

Не лучшую участь имѣли и другія мои попытки и порученія. Такъ, меня просили взыскать деньги съ Якуба-Мацума, который самъ желалъ, какъ мнѣ извѣстно, отдать деньги и только боялся эмира. Но его нарочно удалили изъ Бухары, чтобы я не могъ его самъ къ себѣ потребовать.

Съ чувствомъ обманутыхъ ожиданій и неисполнившихся надеждъ оставилъ я, 22 мая въ 6 часовъ вечера, Бухару. Утромъ въ день нашего отъѣзда шелъ очень большой и рѣдко бывающій въ Бухарѣ дождь. Засохшія деревья позеленѣли, пыль улеглась, и мы весело доѣхали до Богоуэддина (8 верстъ), монастыря города Бухары. Я не нахожу теперь возможнымъ вдаваться въ подробное описаніе этой знаменитой въ мусульманскомъ мірѣ обители; отлагаю это до другого мѣста и другого времени. Здѣсь же спѣшу записать только первое, свѣжее впечатлѣніе отъ этой мусульманской святыни. Мазари Богоуэддинъ—вертепъ самыхъ безобразнѣйшихъ, нахальнѣйшихъ и назойливѣйшихъ нищихъ, похожихъ скорѣе на разбойниковъ по большимъ дорогамъ, чѣмъ на лицъ, живущихъ доброхотными подаяніями. Нигдѣ у насъ я не видалъ такого громаднаго скопленія ихъ, какъ въ Богоуэддинѣ. Я слышалъ, что въ праздничное время число ихъ доходитъ до 50 и 60 т. человѣкъ и болѣе.

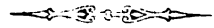
Дорогу до Катты-Кургана я также не буду описывать, ибо она уже давно описана. Остановлюсь только на Керминѣ, гдѣ я видѣлся съ его бекомъ, Тюря-Джаномъ, 13-ти-лѣтнимъ сыномъ эмира. Въ Кермине мы пріѣхали 23-го мая, и послѣ обычныхъ встрѣчъ тотчасъ же представились маленькому беку. Пріемъ былъ очень торжественный, съ войсками. Чтобы замаскировать передо мною ихъ малое число, солдаты были разставлены въ одну линію шага на два другъ отъ друга. Лошадь мою хотѣли-было ввести въ самую цитадель, но я слѣзъ съ нея у воротъ.

Digitized by Google

Свиданіе съ сыномъ эмира продолжалось не болѣе пяти минутъ. Бѣдный мальчикъ былъ такъ сконфуженъ, что рѣшительно не произнесъ ни одного слова, несмотря на то, что приближенный его, Насрэдинъ Токсаба, очень внушительно упрашивалъ его, сказать что-нибудь дорогому гостю. По уходѣ на меня надѣли очень хорошій халатъ, подвели очень порядочную лошадь и затѣмъ прислали на дорогу 1000 монетъ. Цѣлый день мы пробыли въ Керминѣ въ домѣ Насрэдина Токсабы, весьма хорошаго, повидимому, человѣка; онъ долгое время торговалъ въ Оренбургѣ, бывалъ въ Нижнемъ и знаетъ нѣсколько по-русски. Въ кишлакѣ Мирѣ, въ 28-ми верстахъ передъ Катты-Курганомъ, мы распростились съ Мирахуромъ, отправившимся прямою дорогою въ Шахрисябзъ къ эмиру. 25-го мая, я въѣхалъ въ Катты-Курганъ, 27-го числа въ Самаркандъ, гдѣ прожилъ 7 дней, и 7-го іюня въ Ташкентъ, пробывъ въ дорогѣ полтора мѣсяца и сдѣлавъ верхомъ болѣе тысячи верстъ.

Н. Петровскій.

Ташкентъ, 1872.



Digitized by Google

КАНУТЪ

Легенда.

1.

Двѣ вѣсти ко князю Кануту пришли:
Одну, при богатомъ поминѣ,
Шлётъ сватъ его Магнусъ;—изъ русской земли
Другая пришла отъ княгини.

2.

Съ пѣвцомъ своимъ Магнусъ словесную вѣсть
Безъ граматы шлётъ харатейной:
Онъ проситъ Канута, въ услугу и въ честь,
Пріѣхать на съѣздъ на семейный;

3.

Княгиня-жъ ко граматѣ тайной печать
Подъ многимъ привѣсила страхомъ,
И вслухъ ея строки Канутъ прочитать
Велитъ двумъ искуснымъ монахамъ.

Digitized by Google

4.

Читаютъ монахи: «Супругъ мой и князь!
«Привидѣлось мнѣ сновидѣнье:
«Поѣхалъ въ Роскильду, въ багрецъ нарядясь,
«На Магнуса ты приглашенье;

5.

«Сталъ кровью багрецъ твой въ его терему —
«Супругъ мой, молю тебя слезно,
«Не вѣрь его дружбѣ, не ѣзди къ нему,
«Любимый, желанный, болѣзный!»

6.

Монахи съ испугу рѣчей не найдутъ:
— Святые угодники съ нами!
Взглянулъ на ихъ блѣдныя лица Канутъ,
Пожалъ, усмѣхаясь, плечами:

7.

— Я Магнуса знаю, правдивъ онъ и прямъ,
Дружилъ съ нимъ по нынѣшній день я —
Уже-ль ему вѣры теперь я не дамъ,
Княгинина ради видѣнья!

8.

И берегомъ онъ выѣзжаетъ морскимъ,
Не вздѣлъ онъ чешуйчатой брони,
Три отрока ѣдутъ поодаль за нимъ,
Ихъ весело топаютъ кони.

Digitized by Google

9.

Пѣвецъ, что́ посыланъ его пригласить,
Съ нимъ ѣдетъ по берегу рядомъ;
Тяжолую тайну клялся онъ хранить,
Съ опущеннымъ ѣдетъ онъ взглядомъ.

10.

Дыханіемъ теплымъ у моря весна
Чуть гривы коней ихъ шевелитъ,
На мокрый песокъ набѣгаетъ волна
И пѣну имъ по́дъ-ноги стелетъ.

11.

Но вотъ догоняетъ ихъ отрокъ одинъ,
Съ Канутомъ, снявъ шлыкъ, поравнялся:
— Ужъ намъ не вернуться-ли, князь-господинъ?
Твой конь на ходу расковался!

12.

— Пускай расковался! смѣется Канутъ,
Мягка намъ весною дорога,
Въ Роскильдѣ коня кузнецы подкуютъ,
У свата, я чаю, ихъ много!

13.

Къ болоту тропа, загибаясь, ведетъ,
Надъ нимъ, куда оно ни глянетъ,
Вечерній туманъ свои нити прядетъ
И сизыя полосы тянетъ.

Digitized by Google

14.

Отъ отроковъ вновь отдѣлился одинъ,
Равняетъ коня съ господиномъ:
— За этимъ туманищемъ, князь-господинъ,
Не видно твоей головы намъ!

15.

Смѣется Кануть:—Пусть моей головы
Не видно вамъ—я безъ изъяна!
Опять меня цѣлымъ увидите вы,
Какъ выѣдемъ мы изъ тумана!

16.

Въѣзжаютъ они во трепещущій боръ,
Весь полный весенняго крика;
Гремитъ соловьиный въ шиповникѣ хоръ,
Звѣздится въ травѣ земляника;

17.

Черёмухи вѣтви душистыя гнутъ,
Всѣ дикія яблони въ цвѣтѣ;
Ихъ запахъ вдыхаючи, мыслитъ Кануть:
—Жить любо на Божіемъ свѣтѣ!

18.

Украдкой пѣвецъ на него посмотрѣлъ,
И жалость его охватила:
Такъ веселъ Кануть, такъ довѣрчивъ и смѣлъ,
Кипитъ въ немъ такъ молодо сила;

Digitized by Google

19.

Ужели сегодня во гробъ ему лечь,
Погибнуть въ подводѣ жестокомъ?
И хочется князя ему остеречь,
Спасти околичнымъ намёкомъ.

20.

Былину старинную онъ затянулъ;
Колеблясь въ пустынномъ просторѣ,
Съ припѣвомъ дубравный сливается гулъ:
«Ой море, ой синее море!

21.

«Къ царевичу славному теща и тесть
«Коварной исполнены злости;
«Измѣной хотятъ они зятя известь,
«Зовутъ его ласково въ гости.

22.

«Но морю, что́ міръ обтекая, шумитъ,
«Извѣстно о ихъ заговорѣ;
«Не ѣзди, царевичъ, оно говоритъ—
«Ой море, о синее море!

23.

«На вѣрную смерть ты пускаешься въ путь,
«Твой тесть погубить тебя хочетъ,
«Тотъ мечъ, что́ онъ завтра вонзитъ тебѣ въ грудь,
«Сегодня ужъ онъ его точитъ!

Digitized by Google

24.

«Страшенію моря царевичъ не внялъ,
«Не внялъ на великое горе,
«Спускаетъ ладью онъ на пѣнистый валъ—
«Ой море, ой синее море!

25.

«Плыветъ онъ на вѣрную гибель свою,
«Бѣды надъ собою не чаетъ,
«И скорбно его расписную ладью
«И нехотя море качаетъ...»

26.

Пѣвецъ въ ожиданіи пѣсню прервалъ,
Украдкой глядитъ на Канута;
Безпечно тотъ ѣдетъ себѣ вперевалъ,
Рветъ вѣтки съ черёмухи гнутой;

27.

Значеніе пѣсни ему не вдомёкъ,
Онъ веселъ какъ былъ и съ почину,
И видя какъ онъ отъ догадки далёкъ,
Пѣвецъ продолжаетъ былину:

28.

«Въ ладьѣ не вернулся царевичъ домой,
«Наслѣдную вотчину вскорѣ
«Сватья раздѣлили его межъ собой—
«Ой море, ой синее море!

Digitized by Google

29.

«У берега холмъ погребальный стоитъ,
«Никѣмъ не почтенъ, не сторожемъ,
«Въ холмѣ томъ убитый царевичъ лежитъ,
«Въ ладью расписную положенъ;

30.

«Лежитъ съ погруженнымъ онъ въ сердцѣ мечомъ,
«Не въ бармахъ, не въ царскомъ уборѣ,
«И тризну свершаетъ лишь море по немъ,
«Лишь море, лишь синее море!»

31.

Вновь очи пѣвецъ на Канута поднялъ:
Тотъ свѣжими клёна листами
Гремучую збрую коня разубралъ,
Утыкалъ очёлокъ цвѣтами;

32.

Онъ смотритъ на мошекъ толкущійся рой
Въ лучахъ золотого захода,
И мыслитъ, воздушной ихъ тѣшась игрой:
— Намъ ясная завтра погода!

33.

Былины значенье ему не-вдогадъ,
Онъ ѣдетъ съ весельемъ во взорѣ,
И самъ напѣваетъ товарищу въ ладъ:
«Ой море, ой синее море!»

Digitized by Google

34.

Его не спасти! Ему смерть суждена!
Влечетъ его тёмная сила!
Дыханьемъ своимъ молодая весна
Знать разумъ его опьянила!

35.

Пѣвецъ замолчалъ! Что́ свершится, о томъ
Яснѣй намекнуть онъ не смѣетъ,
Поютъ соловьи, заливаясь, кругомъ,
Шиповникъ пахучій алѣетъ;

36.

Не чуетъ погибели близкой Канутъ,
Онъ ѣдетъ къ бѣдѣ неминучей,
Кругомъ соловьи, заливаясь, поютъ,
Шиповникъ алѣетъ пахучій...

Гр. А. К. Толстой.

Digitized by Google

ПРАКТИЧЕСКАЯ
ФИЛОСОФІЯ XIX-го ВѢКА

Les discours de M. le Prince de Bismarck. Berl. 1872.

IV *).

Отъ общей характеристики Бисмарка перейдемъ къ его политической теоріи. Своеобразная политическая теорія Бисмарка можетъ быть подраздѣлена весьма правильно на три отдѣла. Къ первому отдѣлу слѣдуетъ отнести его положенія, касающіяся внутренней политики, и такой отдѣлъ пожалуй можно озаглавить: какъ слѣдуетъ управлять внутри государства? Второй отдѣлъ обнимаетъ правила, касающіяся внѣшней политики: какъ слѣдуетъ обращаться съ иностранными государствами? Между этими двумя отдѣлами помѣщается третій, неутратившій смысла въ современной исторіи: какъ слѣдуетъ управлять побѣжденными народами, завоеванными землями?

Положенія, взгляды, приговоры по внутренней политикѣ, раскрываются во всемъ своемъ блескѣ въ рѣчахъ князя Бисмарка, относящихся къ первому періоду его собственной дѣятельности какъ перваго министра Пруссіи, когда онъ идетъ противъ теченія, подъ градомъ политическихъ бомбъ со стороны его противниковъ, которыми въ то время была полна чуть не вся Пруссія, и когда еще не было и помина о лавровыхъ вѣнкахъ. Въ этотъ первый

*) См. выше: янв. 195 стр.

Digitized Google

періодъ Бисмаркъ ведетъ ожесточенную борьбу съ конституціоннымъ началомъ, съ ея внутреннимъ врагомъ — палатою депутатовъ, энергически поддерживаемой огромнымъ большинствомъ населенія, и его политическая мудрость является въ самой рѣзкой, грубой, и подчасъ цинической формѣ.

Князь Бисмаркъ сдѣлался первымъ министромъ Пруссіи въ то время, когда прусское правительство находилось, повидимому, въ непримиримой враждѣ съ палатою депутатовъ, отстаивавшею конституціонныя права народа. Оба противника не допускали никакихъ уступокъ, никакихъ компромиссовъ. Правительство требовало подчиненія себѣ палаты представителей, палата стремилась къ самостоятельности. Со стороны правительства были перепробованы всѣ легальныя средства борьбы, но распущеніе палаты не помогало. Палата также оставалась на почвѣ легальности и пользовалась одними законными средствами сопротивленія. Рѣшительно и послѣдовательно она не утверждала бюджета. За палатою стоялъ народъ, поддерживавшій ее весьма энергично въ теченіе всей борьбы, и едвали это время не было тѣмъ періодомъ, когда нѣмецкій народъ выказалъ наибольшую политическую зрѣлость. Избиратели отлично понимали смыслъ борьбы между правительствомъ и палатою депутатовъ, и грудью стояли за послѣднюю. Оппозиція, какъ морская волна, все приливала и приливала. Правительство скоро догадалось, что излишняя щепетильность никуда не годится, и рѣшилось попробовать средствъ незаконныхъ, которыя въ исторіи очень часто увѣнчиваются успѣхомъ. Для этого нужна была только бо́льшая рѣшимость и энергія,—и воплощеніемъ той и другой явился князь Бисмаркъ. Онъ не задумываясь рѣшилъ, что борьба между правительствомъ и палатою не можетъ быть прекращена никакими компромиссами, и съ перваго шага задался исполненіемъ ясной и простой программы—ему нужно было раздавить палату, конституцію.

Еще Фридрихъ II-й говорилъ, что «умѣренность вовсе не принадлежитъ къ тѣмъ добродѣтелямъ, которыхъ государственные люди должны строго держаться, въ силу испорченности вѣка, и при началѣ царствованія всего болѣе прилично дать доказательства суровости, нежели мягкости». А вступленіе Бисмарка въ управленіе государственными дѣлами Пруссіи было тоже какъ бы началомъ царствованія — царствованія Бисмарка, кстати же, и внутренній врагъ оказался на лицо.

Понятіе о парламентскомъ правленіи принадлежитъ къ тому роду понятій, которыя представляютъ наибольшую путаницу. Путаница эта порождается неточностью языка, который присвоиваетъ одно и то же названіе самымъ разнороднымъ положеніямъ. Когда

Digitized by Google

видять въ какой-нибудь странѣ палату депутатовъ, собраніе представителей народа, утверждають, что въ этой странѣ существуетъ парламентское правленіе.

Между тѣмъ понятіе парламентскаго правленія въ примѣненіи, напр., къ Англіи означаетъ совсѣмъ не то, что въ примѣненіи къ Пруссіи, Франціи, Испаніи или Австріи.

При правильномъ парламентскомъ правленіи корона гарантирована отъ невзгодъ, удары сыплятся помимо ея, она стоитъ внѣ борьбы партій, и потому немыслимы никакія столкновенія между палатою депутатовъ и министерствомъ, вышедшимъ изъ ея большинства. Вотъ почему, гдѣ возможно серьёзное столкновеніе между правительствомъ и палатою, тамъ, значитъ, еще не утвердилось настоящее парламентское правленіе, и тотъ порядокъ, который существуетъ, хотя и имѣетъ съ нимъ нѣкоторыя общія черты сходства, но строго говоря долженъ былъ бы носить другое названіе. Еслибы мы не знали ничего иного о прусскомъ парламентаризмѣ, кромѣ тѣхъ конституціонныхъ столкновеній, которыя предшествовали цѣлому ряду войнъ, измѣнившихъ карту Европы, то мы имѣли бы уже достаточное право сказать, что въ этой странѣ не утвердилось извѣстное парламентское начало: le roi règne, mais ne gouverne pas, а слѣдовательно не утвердилось и истинное парламентское правленіе.

Другой и не менѣе существенный признакъ правильной организаціи парламентскаго правленія составляетъ вопросъ объ утвержденіи бюджета палатою, которая такимъ образомъ вліяетъ на ходъ дѣлъ вообще и, главнымъ образомъ, на вопросъ о войнѣ, вполнѣ зависящій отъ финансовыхъ средствъ страны и отъ ихъ распредѣленія. Бисмаркъ отлично понялъ, что въ борьбѣ съ парламентаризмомъ надобно начать именно съ разрѣшенія вопроса объ утвержденіи бюджета.

Рѣчь, произнесенная имъ 27-го января 1863 года весьма категорически разсѣкаетъ этотъ вопросъ: «Если бы вы имѣли право, господа, говорилъ онъ палатѣ, исключительное право утверждать окончательно бюджетъ; если бы вы имѣли право требовать у е. в. короля отставки министровъ, которые не пользуются вашимъ довѣріемъ; если бы вы имѣли право вашими рѣшеніями, касающимися бюджета, опредѣлять контингентъ и организацію арміи, а также право, которое конституція вамъ не предоставляетъ, но на которое вы претендуете въ адресѣ—право контролировать отношенія исполнительной власти государства къ ея органамъ, тогда вамъ принадлежала бы вся правительственная власть этой страны». Въ этихъ немногихъ словахъ выразился основной взглядъ Бисмарка

Digitized by Google

на то парламентское управленіе, которое онъ желалъ ввести въ Пруссіи; видно также, что онъ рѣшился съ перваго шага вести не оборонительную, а наступательную войну, и превратить палату въ скромную и послушную совѣтницу королевской власти, или вѣрнѣе, власти своей собственной. Бисмаркъ повелъ тогда такую тактику: не хорошо нарушать конституцію, нарушаетъ же ее палата, и поэтому на обязанности правительства лежитъ защитить нарушенную конституцію. Въ то же время Бисмаркъ не хочетъ, чтобы палата дѣлала различіе между короной и министерствомъ; этотъ чисто парламентскій принципъ онъ вовсе не одобряетъ, и когда палата депутатовъ, желая вполнѣ отстранить отъ своихъ ударовъ представителя верховной власти, направила ихъ на министерство, Бисмаркъ прямо заявляетъ, что это различіе, можетъ быть, существуетъ въ Англіи, но для него нѣтъ мѣста въ Пруссіи. «Вы знаете отлично,—говоритъ онъ, устанавливая свое оригинальное воззрѣніе на конституцію и парламентскій порядокъ,—что въ Пруссіи министерство дѣйствуетъ именемъ и по приказанію его величества, и что въ особенности это справедливо въ отношеніи тѣхъ дѣйствій правительства, въ которыхъ вамъ угодно видѣть нарушеніе конституціи. Вы знаете, что прусскій кабинетъ въ этомъ отношеніи не имѣетъ ничего общаго съ англійскимъ кабинетомъ. Англійское министерство, какое бы имя оно ни носило, министерство парламентское, представляющее большинство палаты, въ то время когда мы—только министры е. в. короля». Чтобы никто не могъ подумать, будто онъ потому только не признаетъ начала разграниченія министерства и короны, чтобы за королевскою властью лучше укрыться отъ нападеній палаты, онъ спѣшитъ прибавить, что министерству «нечего защищаться щитомъ королевской власти», такъ какъ оно опирается на свое твердое право. Я отвергаю это различіе, потому что при помощи его «вы оспариваете, обращается онъ къ палатѣ, первенство не только у министерства, но у короны».

Разсужденіе князя Бисмарка по поводу бюджета, повидимому, чрезвычайно просто. Власть въ странѣ, говоритъ онъ, распредѣляется между короной, палатой депутатовъ и палатою господъ. Для того, чтобы законъ сдѣлался закономъ, необходимо согласіе всѣхъ трехъ органовъ власти. Бюджетъ же утверждается закономъ, слѣдовательно для того, чтобы бюджетъ былъ утвержденъ, необходимо согласіе короны, палаты господъ и палаты депутатовъ. На случай несогласія этихъ трехъ органовъ власти конституція не указываетъ, кто изъ трехъ долженъ уступить. «Въ предшествующихъ разсужденіяхъ, говоритъ Бисмаркъ, слишкомъ легко отно-

Digitized by Google

сились къ этому затрудненію; для того, чтобы разрѣшить его, просто было допущено по аналогіи съ нѣкоторыми другими странами, конституція и законы которыхъ, не будучи обнародованы въ Пруссіи, не имѣютъ, очевидно, никакой цѣны,—что двѣ власти должны уступить палатѣ депутатовъ, и если между короной и палатой невозможно соглашеніе относительно бюджета, въ такомъ случаѣ королевская власть должна не только подчиниться и прогнать министровъ, не пользующихся довѣріемъ палаты депутатовъ, но даже принудить палату господъ, если она не соглашается съ палатою депутатовъ, принудить ее посредствомъ «испеченія» новыхъ членовъ, нарочно назначенныхъ, стать въ одинъ уровень съ депутатами».

Приводя слова извѣстнаго государственнаго человѣка о томъ, что вся конституціонная жизнь должна состоять изъ ряда компромиссовъ, Бисмаркъ съ большою оригинальностію разъясняетъ, какъ должны совершаться эти компромиссы. Съ его точки зрѣнія компромиссы должны имѣть односторонній характеръ, и горе тѣмъ, которые отказываются отъ нихъ. Палата отказывается сдѣлать уступку! что же изъ этого можетъ выдти? И тутъ Бисмаркъ весьма внушительно и вмѣстѣ весьма прозрачно проводитъ одно изъ основныхъ положеній своей практической государственной философіи. Положеніе это можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ: тотъ, въ чьихъ рукахъ сила, сила физическая, можетъ не обращать никакого вниманія на сопротивленіе слабѣйшихъ, и тамъ, гдѣ право толкуется каждымъ по-своему, право фактически находится на сторонѣ сильнѣйшаго. Когда компромиссы прекращаются, «ихъ мѣсто заступаютъ столкновенія, и такъ какъ жизнь государства не можетъ остановиться, эти столкновенія переходятъ въ вопросы власти; тотъ, который въ своихъ рукахъ имѣетъ власть, продолжаетъ двигаться своею дорогою, такъ какъ жизнь государства, я повторяю, не можетъ остановиться ни на одну минуту».

Слова эти были достаточно ясны, и взглядъ князя Бисмарка обрисовывался ими вполнѣ; но опасеніе, что онъ высказался не достаточно прозрачно, заставило его дополнить свою мысль словами: «Вы ожидаете уступокъ со стороны короны, корона ожидаетъ ихъ съ вашей стороны. Корона убѣждена, что наступила ваша очередь дѣлать уступки, иначе мы едвали выйдемъ изъ настоящаго столкновенія»... «Одни, говоритъ онъ далѣе, утверждаютъ, что предшествующій бюджетъ eo ipso остается въ своей силѣ, если не существуетъ новаго бюджета; другіе претендуютъ, что во избѣжаніе пустоты, которую не терпитъ законъ, пропускъ долженъ быть замѣщенъ старымъ правомъ, тамъ гдѣ новое право не на-

Digitized by Google

полняетъ его...» Но какъ ни откровененъ Бисмаркъ, однако онъ не хочетъ допустить мысли, чтобы его кто-нибудь могъ заподозрить въ томъ, что онъ дѣйствуетъ противно конституціи. Онъ съ негодованіемъ отвергаетъ упрекъ въ нарушеніи конституціи и громко заявляетъ, что онъ остается вѣренъ той конституціи, которой онъ присягалъ, также вѣренъ, какъ любой изъ представителей палаты депутатовъ. Онъ не довольствуется тѣмъ, что онъ лишаетъ своихъ противниковъ всякихъ законныхъ средствъ для борьбы, но онъ приглашаетъ ихъ уважать въ своихъ противникахъ искренность убѣжденій и быть болѣе скупыми на упреки въ оскорбленіи конституціи и нарушеніи присяги. Аргументъ, который приводитъ князь Бисмаркъ въ пользу того, что онъ, лишая палату депутатовъ всякой силы, всякаго значенія, не дѣйствуетъ противно духу конституціи, заслуживаетъ вниманія по своей оригинальности, а также и потому, что онъ доказываетъ, какъ мало разборчивъ нѣмецкій министръ въ выборѣ своихъ аргументовъ. «Что настоящее положеніе дѣлъ противно духу конституціи, я оспориваю это самымъ рѣшительнымъ образомъ. Я думаю, что подобное воззрѣніе точно также не принимается тысячами чиновниковъ, которые клялись въ вѣрности конституціи. Никто изъ чиновниковъ не отказался еще отъ службы и не объявилъ, что начиная съ 1-го января (т.-е. того дня, съ котораго страна должна была управляться безъ утвержденнаго бюджета) онъ не желаетъ болѣе получать жалованья». Подобныя слова доказываютъ развѣ, что князь Бисмаркъ держится весьма высокаго мнѣнія о необыкновенной политической честности прусскихъ чиновниковъ, но, безъ сомнѣнія, не служатъ доказательствомъ въ пользу строгаго соблюденія конституціи. Желая добить своихъ противниковъ Бисмаркъ не щадитъ ихъ самолюбія, дѣлая излишнее увѣреніе, что «правительство имѣетъ твердую рѣшимость, до тѣхъ поръ, пока оно будетъ пользоваться довѣріемъ его величества, энергически сопротивляться усиліямъ распространить законодательную власть за предѣлы, указанные конституціею».

Князь Бисмаркъ настолько пріучилъ къ полной откровенности во всемъ, что касается внутренняго управленія страною, что ему нельзя не вѣрить, когда онъ утверждаетъ, что онъ дѣйствуетъ согласно конституціи. Можно только сказать, что онъ дѣйствуетъ согласно той оригинальной конституціи, которая сложилась въ его головѣ и которая, въ силу этого, представляется ему наилучшею изъ всѣхъ конституцій.

Набросивъ, такимъ образомъ, уже въ первой своей большой рѣчи главныя положенія, относящіяся до внутренняго управленія

Digitized by Google

страною, указавъ въ общихъ чертахъ, каковы его воззрѣнія на народное представительство, его права и отношенія его къ правительству, князь Бисмаркъ, въ послѣдующихъ рѣчахъ, только выясняетъ и развиваетъ свои элементарныя правила политической мудрости. Стараясь замѣнить фактически парламентское правленіе королевской властью, Бисмаркъ пользуется каждымъ случаемъ, чтобы, съ одной стороны, возвеличить значеніе королевской власти, съ другой—унизить значеніе народныхъ представителей. Бисмаркъ нѣсколько разъ возвращается къ тому, что онъ признаетъ необходимость перемѣны министерства только тогда, если оно лишается довѣрія короля, недовѣріе же, какъ бы явно оно ни было высказано палатою, онъ не ставитъ ни въ грошъ. Подводя писанную конституцію подъ свои воззрѣнія, заставляя ее гнуться сообразно своему вкусу, онъ даетъ статьямъ конституціи такое толкованіе, которое никоимъ образомъ несовмѣстимо съ парламентскимъ правленіемъ. Проводя свое воззрѣніе на королевскую власть, онъ останавливается передъ 45-ю статьею прусской конституціи, гласящей, что король назначаетъ и смѣняетъ министровъ, и дѣлаетъ къ ней такой комментарій: «Я могу, слѣдовательно, сказать, что первое конституціонное условіе, чтобы сдѣлаться прусскимъ министромъ, это обладать довѣріемъ е. в. короля, и трудно предположить, чтобы вы,—обращается онъ къ палатѣ депутатовъ,—до такой степени хотѣли унизить прусскую королевскую власть, что рѣшились бы потребовать отъ короля, чтобы онъ назначилъ министерство, не пользующееся его довѣріемъ». Считая, такимъ образомъ, первымъ условіемъ существованія министерства довѣріе короля, Бисмаркъ уже съ полнымъ правомъ могъ обратиться къ оппозиціонной палатѣ со словами: «Я предоставляю вамъ судить, до какой степени вы способны выполнить это первое условіе»...

Для того, чтобы унизить значеніе палаты депутатовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы показать, какъ онъ смотритъ на народное представительство, Бисмаркъ вполнѣ серьёзно останавливается передъ вопросомъ: представляютъ ли собою депутаты страну или нѣтъ? Отвѣтъ не трудно угадать. Палата вовсе не представляетъ собою народа, и то, что она избрана народомъ, не даетъ ей ровно никакого преимущества передъ палатою господъ. Точно также онъ установляетъ другое положеніе своей политической философіи, что выборы, несмотря на всю правильность и свободу ихъ, нисколько не доказываютъ, чтобы депутаты представляли собою народъ. Сущность его разсужденій сводится къ слѣдующему: вы утверждаете, что вы избраны народомъ! Положимъ,—но какимъ народомъ? Одною ничтожною его частію! Выборы въ Пруссіи основаны на

Digitized by Google

двухъ степеняхъ. Въ первой степени принимали участіе какіе-нибудь 25 или 30%, слѣдовательно вы выбраны какими-нибудь 13 или 15% всего населенія. Можете ли вы, послѣ этого, утверждать, что вы выбраны народомъ и что вы пользуетесь довѣріемъ народа. Ничуть не бывало. Да помимо того, это еще большой вопросъ, понимаютъ ли ваши избиратели, тѣ 13 или 15%, которые васъ послали сюда, понимаютъ ли они, куда ведетъ страну ваша парламентская дѣятельность, и потому весьма сомнительно, чтобы существовало согласіе между вами и вашими избирателями, да если и существуетъ, то слѣдуетъ спросить, основывается ли оно на пониманіи вами другъ друга?

Покончивъ съ подобными аргументами, Бисмаркъ, чтобы сдѣлать свою мысль еще болѣе ясною, чтобы еще болѣе показать, какъ мало цѣны придаетъ его политическая мудрость представителямъ народа, прибавляетъ въ такомъ родѣ: что́ же послѣ этого значитъ ваше избраніе, что́ значатъ тѣ сочувственные адресы, которые получаетъ палата депутатовъ? развѣ мы не можемъ представить противоположныхъ адресовъ, хотя это для насъ и не важно, такъ какъ «мы живемъ не подъ господствомъ всеобщей подачи голосовъ, а подъ властью короля и закона». Депутаты избраны народомъ! Депутаты выражаютъ волю и желанія народа! Неправда, отвѣчаетъ Бисмаркъ, и при этомъ читаетъ одинъ изъ вѣрноподданническихъ адресовъ, полученныхъ правительствомъ. Нужно быть чрезвычайно невыгоднаго мнѣнія о своихъ политическихъ противникахъ, чтобы доказывать свое положеніе подобными аргументами, и князь Бисмаркъ могъ бы предоставить такого рода аргументы болѣе мелкимъ и менѣе опытнымъ государственнымъ людямъ.

Развивая свое воззрѣніе на значеніе представителей народа, онъ приходитъ къ заключенію, что такіе представители вовсе не заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны власти, и никоимъ образомъ не могутъ претендовать сами на верховную власть, такъ какъ для того, чтобы быть выбраннымъ, вовсе не нужно имѣть особенныхъ достоинствъ. Сто́итъ только пожелать быть избраннымъ, сто́итъ только наобѣщать избирателямъ побольше, чтобы выборъ былъ обезпеченъ. Слова, которыя произноситъ Бисмаркъ по поводу извѣстнаго способа быть избраннымъ, такъ хорошо обрисовываютъ взглядъ этого государственнаго человѣка вообще на достоинства избирательной системы, что ихъ нельзя не привести: «Во всѣхъ классахъ нашего населенія есть извѣстная лѣность въ выполненіи обязанностей, безъ котораго великая держава не можетъ существовать; во всѣхъ классахъ не любятъ служить

Digitized by Google

такъ долго, какъ должны служить, и если можно ускользнуть, и если встрѣчаются органы власти, которые закрываютъ глаза, тогда стараются вовсе освободиться изъ службы; точно также контрабанда играетъ роль во всѣхъ профессіяхъ, особенно же въ женской части населенія; я заключаю, что и налоги платятся по принужденію, а не изъ патріотизма... «Русскому читателю должно быть особенно утѣшительно читать эти строки, такъ какъ это признаніе прусскаго министра доказываетъ, что не одному русскому обществу присуща слабость уклоняться отъ общественной службы, но что она раздѣляется и высоко-цивилизованною прусскою націею.

Бисмаркъ дѣлаетъ однако свое признаніе не даромъ, оно служитъ ему подкрѣпленіемъ его темы, что народное представительство, основанное въ сущности на обманѣ, не можетъ претендовать на первенство въ государствѣ. «Большая часть избирателей, продолжаетъ онъ, сами не составляютъ себѣ никакого мнѣнія въ вопросѣ, можетъ ли существовать армія съ годомъ службы больше или меньше, можетъ ли государство держаться съ нѣсколько большими или нѣсколько меньшими налогами, но, во всякомъ случаѣ, всѣ съ удовольствіемъ приняли бы то, что́ требуетъ меньшихъ жертвъ. Когда люди слышатъ, что́ человѣкъ образованный, болѣе развитый, нежели они сами, иногда даже королевскій чиновникъ, предлагающій себя кандидатомъ, обращается къ нимъ со словами: васъ ужасно обманываютъ на этотъ счетъ; съ двумя годами службы возможна превосходная армія, государство можетъ существовать съ несравненно меньшими налогами; вы обременены—это кажется совершенно яснымъ; а эти избиратели говорятъ: этотъ господинъ прекрасно говоритъ; дать ему нашъ голосъ ничего намъ не стóитъ, попробуемъ; если слова избраннаго впослѣдствіи оправдываются—прекрасно; если же ничто не сбылось, онъ возвращается къ своимъ избирателямъ и говоритъ: «Мнѣ еще не удалось сдѣлать, но будьте увѣрены, вы получите обѣщанное, военная служба будетъ ограничена двумя годами». И такимъ-то депутатамъ, которые избраны ничтожнымъ процентомъ населенія, которые прошли въ палату при помощи обмана, потому что они обманываютъ своихъ избирателей, которые не умѣютъ ничего сдѣлать, какъ только вотировать противъ правительства во всѣхъ важныхъ вопросахъ, такимъ представителямъ вручить верховную власть! Нѣтъ, господа, вы ничего не сдѣлаете вашимъ безсильнымъ отрицаніемъ, этимъ оружіемъ вамъ не удастся вырвать скиптра изъ рукъ верховной власти»... «Если вы воображаете, говорилъ Бисмаркъ палатѣ, что вы добьетесь чего-нибудь вашимъ упорствомъ, то предупреждаю васъ,

Digitized by Google

что вы горько ошибаетесь! Вы хотите во что бы то ни стало добиться конституціонныхъ измѣненій, отказывая въ вашемъ содѣйствіи такимъ проектамъ и планамъ, полезность которыхъ не можетъ быть оспориваема... дѣлая все, что отъ васъ зависитъ, чтобы остановить движеніе государственной машины, причиняя даже ущербъ, я долженъ это сказать, нашей внѣшней политикѣ (слова эти были сказаны въ 1865 году), насколько то въ вашихъ средствахъ, вы причиняете вредъ, отказывая въ вашемъ содѣйствіи. И все это для того, чтобы оказать давленіе на корону, все это съ цѣлію, чтобы она прогнала своихъ министровъ, уступила вашимъ притязаніямъ въ правѣ утвержденія бюджета. Господа, вы себѣ присвоиваете роль той же матери въ судѣ Соломона, которая предпочитала видѣть своего ребенка погибшимъ, нежели отданнымъ въ другія руки».

Въ самый разгаръ Шлезвигъ-Гольштинскаго вопроса, въ то время когда Пруссія и Австрія, въ качествѣ двухъ великихъ европейскихъ державъ, рѣшились занять Шлезвигъ-Гольштейнъ, при всеобщемъ взрывѣ негодованія нѣмецкаго народа, увидѣвшаго въ этомъ занятіи измѣну нѣмецкимъ интересамъ, измѣну тому идеальному единству, которое носилось въ мечтаніяхъ народа, князь Бисмаркъ, явившись въ палату депутатовъ, произнесъ одну изъ своихъ самыхъ рѣзкихъ рѣчей противъ народнаго представительства и его, какъ онъ выражался, притязаній. Палата депутатовъ торжественно протестовала противъ занятія Шлезвигъ-Гольштейна Пруссіею и Австріею, какъ европейскими державами, опираясь на единодушное настроеніе цѣлаго народа. Именно эту минуту выбираетъ князь Бисмаркъ, чтобы сказать палатѣ, что у нея подъ ногами нѣтъ почвы, что она идетъ не только противъ традицій, исторіи, но противъ чувства народа. «Я говорю, — произнесъ тогда Бисмаркъ,—что вашимъ поведеніемъ вы поставили себя въ оппозицію не только относительно конституціи, но также вы очутились въ оппозиціи съ традиціями, съ исторіею, съ общественнымъ чувствомъ Пруссіи. Общественное чувство Пруссіи, говоритъ кн. Бисмаркъ, глубоко-монархическое. Благодареніе Господу! и несмотря на ваше просвѣщеніе, которое я называю путаницею идей, это чувство останется таковымъ. Вы находитесь въ оппозиціи съ славными традиціями нашего прошлаго; не признавая роли Пруссіи, ея положенія какъ великой державы, столь дорого пріобрѣтеннаго цѣною жертвъ, принесенныхъ народомъ, цѣною крови и благосостоянія—отказываясь, такимъ образомъ, отъ славнаго прошедшаго страны, вы находитесь въ оппозиціи съ славными традиціями, когда въ вопросѣ, въ которомъ съ одной

Digitized by Google

стороны стоятъ демократія и мелкія государства, съ другой—тронъ Пруссіи, вы принимаете сторону первыхъ... Вы ставите точку зрѣнія вашей партіи выше интересовъ страны, вы говорите: «пусть будетъ Пруссія такая, какою мы хотимъ ее видѣть, или пусть она вовсе не будетъ, пусть она перестанетъ существовать».

Эти слова имѣютъ большое значеніе, съ одной стороны они опредѣляютъ тотъ духъ, которымъ пропитанъ былъ Бисмаркъ, они указываютъ на ту первоначальную цѣль, которую имѣлъ передъ собою Бисмаркъ, цѣль, о которой мы еще будемъ говорить—образованіе сильнаго, могущественнаго государства Пруссіи, т.-е. ту цѣль, которую смѣло намѣтилъ Фридрихъ II; съ другой стороны, эти слова являются у Бисмарка какъ бы оправданіемъ передъ страною его насильственныхъ дѣйствій какъ внутри, такъ и внѣ государства. Мнѣнія оппозиціонной палаты, заключавшіяся въ томъ, что народъ имѣетъ право располагать своею судьбою, что только народъ посредствомъ своихъ представителей имѣетъ право рѣшать, должно ли жертвовать для какой бы то ни было цѣли его кровію и благосостояніемъ, мнѣнія, составляющія сущность парламентскаго управленія, Бисмаркъ называетъ путаницей и не упускаетъ случая, чтобы попрекнуть демократіею. Въ этомъ первомъ періодѣ своей дѣятельности Бисмаркъ еще не признавалъ значенія демократіи, и только впослѣдствіи, уже во второмъ періодѣ онъ нѣсколько видоизмѣняетъ свой взглядъ и дѣлаетъ той демократіи, для которой до сихъ поръ у него всегда наготовѣ была насмѣшка, нѣкоторыя и довольно серьёзныя уступки.

Бисмарка нисколько не смущало сочувствіе, которое вездѣ встрѣчала оппозиціонная палата, и онъ, не обращая на него вниманія, настаивалъ, что прусскіе депутаты «не думаютъ такъ, какъ думаетъ народъ». Онъ обвинялъ депутатовъ въ томъ, что они чужды народу, что они замыкаются въ тѣсный кружокъ людей, думающихъ также какъ они, и при этомъ забываютъ объ истинномъ положеніи страны. Депутаты вводятся въ обманъ журналистикой, прессой, которая находится въ ихъ зависимости, и не имѣетъ ничего общаго съ чувствами народа. Какой же спрашивается слѣдуетъ сдѣлать выводъ? князь Бисмаркъ, который напрасно не любитъ тратить своихъ словъ, отвѣчаетъ на это коротко: «вы лишніе, васъ нужно уничтожить, сломить вашу волю, всѣ вы похожи на Архимеда, занятаго своимъ кругомъ, и незамѣчающаго, что городъ его взятъ непріятелемъ». Бисмаркъ говоритъ это, и говоритъ весьма рѣшительно: «Если бы прусскій народъ имѣлъ тѣ же чувства, какъ и вы, тогда нужно было бы просто сказать, что прусское государство отжило, и что наступило время, когда оно

Digitized by Google

должно уступить мѣсто другимъ историческимъ созданіямъ». Онъ припоминаетъ при этомъ одно письмо отца Фридриха Великаго— въ которомъ тотъ говорилъ: «я разрушаю nie pozwolam дворянъ феодаловъ, я установляю верховную власть comme un rocher de bronze». Эта «rocher de bronze», прибавляетъ Бисмаркъ, стоитъ неподвижно, она составляетъ фундаментъ прусской исторіи, прусской славы, Пруссіи сдѣлавшейся великой державой, и королевской конституціонной власти.» Это напоминовеніе словъ Фридриха Вильгельма I было крайне внушительно, это было своего рода à bon entendeur salut! Чего же послѣ этого естественнѣе, какъ увѣреніе Бисмарка, увѣреніе, сдѣланное публично палатѣ депутатовъ, что его какъ внутренняя, такъ и внѣшняя политика никогда не остановится передъ сопротивленіемъ представителей народа: «Я могу васъ увѣрить, говорилъ онъ, и могу въ этомъ увѣрить и иностранныя государства, что если когда-нибудь мы признаемъ необходимымъ начать войну, то мы начнемъ ее съ вашимъ, или безъ вашего согласія». Нужно ли говорить, что если князь Бисмаркъ такъ откровенно объявлялъ, что согласіе или несогласіе палаты на начатіе войны не имѣетъ никакого вліянія на рѣшеніе правительства, то уже само собою понималось, что онъ одинаково не нуждается въ разрѣшеніи палаты обратиться къ тому или другому источнику для полученія средствъ вести войну. Палата могла забавляться, отказывая правительству въ утвержденіи бюджета, въ займѣ, но никакого серьёзнаго вліянія такой отказъ не могъ на него имѣть. Бисмарка, конечно, нельзя обвинять въ томъ, чтобы онъ умышленно дразнилъ палату, бравировалъ общественное мнѣніе, нѣтъ, онъ только твердо заявлялъ свою рѣшимость дѣйствовать согласно его собственнымъ намѣреніямъ и своею рѣшимостью, нужно сказать, онъ импонировалъ обществу. «Мы будемъ очень рады, не разъ высказывалъ онъ въ палатѣ, если вы, народные представители, послѣдуете за нами, мы готовы принять тѣ средства, которыя вы дадите сами и добровольно, но если вы откажете намъ, тогда не жалуйтесь, что мы пренебрегаемъ вашимъ согласіемъ. Оставьте всѣ ваши ѣдкія фразы, убѣждалъ онъ палату депутатовъ, я не стану вести съ вами войну на словахъ, я хорошо знаю ту тему, которую вы такъ давно развиваете: «долой министерство!» все это ни къ чему не поведетъ, намъ нужны средства, правительство нуждается въ нихъ, и если вы откажете ему, оно должно будетъ взять ихъ тамъ, гдѣ найдетъ».

Конечно, подобные пріемы, подобныя положенія, высказываемыя княземъ Бисмаркомъ, обличаютъ крайне деспотическую натуру, дес-

Digitized by Google

потическую философію государственнаго управленія, но при этомъ слѣдуетъ сказать, что если князь Бисмаркъ и является по существу своему деспотомъ, то его деспотизмъ не носитъ на себѣ вообще грубаго, циническаго характера. Его деспотизмъ—деспотизмъ полированный, выглаженный и по формѣ своей совершенно отличный отъ того, который представляетъ намъ Маккіавель. Будь Бисмаркъ деспотъ грубый, неполированный, онъ дѣлалъ бы то, что онъ дѣлаетъ, но онъ считалъ бы для себя унизительнымъ входить въ объясненія почему онъ дѣйствуетъ. Но онъ не только не считаетъ это для себя унизительнымъ, онъ даже постоянно выражаетъ сожалѣніе, что онъ долженъ такъ дѣйствовать и что онъ не можетъ идти рука объ руку съ народными представителями. Ему чужда та манера грубаго правленія, которая можетъ быть выражена словами: ты моему ндраву не препятствуй! онъ постоянно старается придать своей жестокости мягкій видъ, и если ему не всегда это удается, то во всякомъ случаѣ не отъ недостатка доброй воли. Онъ высказывалъ эту мысль, или вѣрнѣе это желаніе нейти постоянно въ разрѣзъ съ палатою много разъ, и между прочимъ въ то время, когда шелъ вопросъ о пріобрѣтеніи королемъ прусскимъ на его собственное иждивеніе герцогства Лауенбургскаго. Палата негодовала, что между королемъ прусскимъ и Австріею совершается какой-то трактатъ, о которомъ князь Бисмаркъ считалъ даже излишнимъ увѣдомлять палату. «Да, господа, говорилъ онъ въ то время, если бы мы могли надѣяться, что проектъ, который мы вамъ представили бы, будетъ обсужденъ вами съ тѣмъ, что вы серьёзно взвѣсите интересы страны, безъ побочныхъ соображеній, другими словами, если бы нашъ бракъ былъ болѣе счастливъ въ теченіе трехъ лѣтъ, тогда по всей вѣроятности, мы бы представили вамъ нашъ проектъ не будучи къ тому вовсе обязаны—но мы показали бы тогда вамъ такое вниманіе, которое, къ сожалѣнію, мы не находимъ у васъ. Когда вы пользуетесь каждымъ проектомъ, который вамъ представляется, для того, чтобы отыскать въ немъ новые элементы для процесса о разводѣ, съ какой стати станемъ мы вамъ представлять то, къ чему не обязываетъ насъ конституція. Мы не обязаны этого дѣлать, и вотъ почему не дѣлаемъ этого. Не ждите угодливости съ нашей стороны, точно такъ какъ мы не ждемъ ее съ вашей...» Другими словами, это значитъ: если бы вы были добрыми дѣтьми, если бы вы безпрекословно и съ радостью слушались насъ во всемъ, тогда мы съ вами обращались бы какъ съ большими и позволяли бы смотрѣть на то, что мы дѣлаемъ,—но

Digitized by Google

такъ какъ вы дѣти непослушные и упрямые, то мы съ вами и обращаемся какъ съ дѣтьми!

Какъ нимало, повидимому, Бисмаркъ думалъ о палатѣ депутатовъ, какъ ни увѣренъ онъ былъ въ себѣ, однако тѣмъ не менѣе онъ сознавалъ, что до тѣхъ поръ, пока палата можетъ свободно высказывать все, что она хочетъ, до тѣхъ поръ трудно ее будетъ окончательно обезсилить и все-таки придется считаться съ нею. Бисмаркъ не понималъ, что свобода слова служитъ оплотомъ противъ всяческихъ беззаконій, и что внутри государства, во внутреннемъ управленіи, въ администраціи ли, въ судебномъ вѣдомствѣ, законодательномъ, ничто не можетъ быть совершено безъ того, чтобы оно не сдѣлалось гласнымъ, благодаря свободному голосу, раздающемуся въ палатѣ депутатовъ. Свобода трибуны оставалась ея послѣднимъ убѣжищемъ, послѣднею крѣпкою позиціею въ борьбѣ съ крутымъ министромъ, и эту-то крѣпкую позицію желалъ отбить князь Бисмаркъ, это убѣжище хотѣлъ отнять онъ у оппозиціонной палаты. Королевскій прокуроръ просилъ разрѣшенія преслѣдовать двухъ депутатовъ Твестена и Френцеля за рѣчи, произнесенныя въ палатѣ депутатовъ. Двѣ низшія инстанціи суда отказали ему въ этомъ правѣ, но третья и послѣдняя инстанція разрѣшила такое преслѣдованіе. Въ палатѣ завязался бой. Бисмаркъ не упустилъ случая, чтобы высказать свой взглядъ на свободу трибуны и поэтому поводу произнесъ одну изъ своихъ самыхъ замѣчательныхъ, по обилію парадоксовъ, рѣчей. Какъ ни презрительно онъ имѣлъ обыкновеніе въ первомъ періодѣ своей дѣятельности отзываться о демократіи, тѣмъ не менѣе ему иногда приходилось, для защиты своихъ болѣе чѣмъ консервативныхъ положеній, опираться на демократическіе или вѣрнѣе псевдо-демократическіе принципы. Всѣ прусскіе граждане равны передъ закономъ, всѣ пользуются одинаковыми правами, всѣ несутъ за свои дѣйствія одинаковую отвѣтственность передъ закономъ. Отсюда Бисмаркъ выводилъ, что если прусскіе граждане подлежатъ преслѣдованію за преступленія, совершаемыя путемъ слова, то депутаты должны подлежать одинаковому преслѣдованію. Если бы вы, говорилъ онъ, отстояли свободу трибуны, тогда «вы пользовались бы такимъ преимуществомъ, о которомъ ни въ какомъ цивилизованномъ государствѣ горделивое воображеніе самаго напыщеннаго своимъ достоинствомъ патриція не можетъ даже и мечтать». «Если бы, продолжалъ Бисмаркъ, вы взяли верхъ, тогда второй параграфъ конституціи долженъ былъ бы гласить: «всѣ пруссаки равны передъ судомъ, но тѣмъ не менѣе члены обѣихъ

Digitized by Google

палатъ Ландтага имѣютъ право оскорблять и клеветать на своихъ гражданъ, также совершать преступленія, которыя могутъ быть совершены при посредствѣ слова...» Конечно, только желаніе заставить умолкнуть голосъ народныхъ представителей могло настолько ослѣпить твердый разсудокъ Бисмарка, чтобы онъ не понималъ того абсурда, который онъ такъ смѣло высказывалъ. Бисмаркъ настаивалъ на томъ, что право каждаго пруссака высказывать свободно свои мысли не менѣе священно, нежели право депутатовъ, и если тѣмъ не менѣе прусскіе граждане преслѣдуются закономъ, когда мысль ихъ получитъ такое выраженіе, которое подпадаетъ карѣ закона, то нѣтъ никакого основанія, чтобы депутаты, законодатели, люди съ высшимъ образованіемъ, имѣющіе всю возможность взвѣшивать каждое свое слово, не подпадали одинаковой отвѣтственности. «Вы можете выражать ваши мнѣнія, говорилъ онъ; но клевета, оскорбленія, преступныя слова не суть мнѣнія, это дѣйствія, и дѣйствія предусмотрѣнныя и называемыя уголовнымъ закономъ, дѣйствія, принадлежащія къ тремъ категоріямъ, въ которыхъ распредѣлены дѣйствія, находящіяся подъ угрозой наказанія: преступленія, проступки и нарушенія; — и съ моей точки зрѣнія, противъ послѣдствій этихъ дѣйствій прусскій законъ васъ не гарантируетъ, или не долженъ былъ бы гарантировать васъ.» Трудно, конечно, придумать болѣе забавную теорію, чѣмъ ту, которую развивалъ въ этой рѣчи князь Бисмаркъ. Вы можете-молъ высказывать открыто ваши мнѣнія, лишь бы въ нихъ не заключалось оскорбленій или клеветы! а такъ какъ судить о томъ, заключается ли клевета, оскорбленіе или нѣтъ, предоставлялось бы прокурорамъ, то члены палаты депутатовъ безсмѣнно дежурили бы на скамьяхъ подсудимыхъ прусскихъ трибуналовъ, хотя, безъ сомнѣнія, многіе и выходили бы оправданными. Вѣдь не даромъ же сложилась французская поговорка: il y a des juges à Berlin! Но, вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что каждое слово любого депутата противъ правительственной мѣры, правительственнаго дѣйствія разсматривалось бы какъ преступленіе, такъ какъ всякая мѣра, всякое дѣйствіе творится именемъ короля. Къ чести Пруссіи слѣдуетъ сказать, что въ самую критическую эпоху своей конституціонной жизни, въ первый періодъ дѣятельности Бисмарка, правительство не пало все-таки до того, чтобы преслѣдовать депутатовъ за рѣчи, произнесенныя въ палатѣ.

Итакъ, правила политической мудрости, насколько они обрисовываются въ рѣчахъ, такъ сказать, первой манеры князя Бис-

Digitized by Google

марка, отличаются крайнею простотою. Сильное правительство, ведущее на буксирѣ народъ, подавленіе всякой общественной инициативы, уничтоженіе всякаго сопротивленія и всякихъ народныхъ стремленій, несогласныхъ съ видами правительства, могущественная власть, держащая въ ежовыхъ рукавицахъ конституцію и презирающая навязанныя ей палаты — вотъ что составляло основныя положенія политическаго кодекса Бисмарка. Презрѣніе, феодальнаго закала, къ народу, убѣжденіе въ его нравственномъ ничтожествѣ и отсюда гордое, надменное съ нимъ обращеніе, обожаніе силы, въ какой бы формѣ она ни проявлялась, и антипатія къ политической свободѣ со всѣми ея аттрибутами—вотъ что окрашиваетъ всѣ рѣчи нѣмецкаго канцлера за первый періодъ его государственной дѣятельности.

Какое же, спрашивается, существуетъ различіе между простымъ реакціонеромъ, абсолютистомъ меттерниховскаго пошиба и такимъ человѣкомъ, какимъ является въ это время князь Бисмаркъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ тѣхъ словахъ, которыя были произнесены имъ самимъ въ парламентской коммиссіи, словахъ, получившихъ такую громкую извѣстность: «Для Германіи важенъ не либерализмъ Пруссіи, а важна ея сила. Пруссія должна увеличить эту силу и сосредоточить ее, чтобы воспользоваться удобной минутой, которую мы уже не разъ пропустили. Наши границы не походятъ на границы хорошо устроеннаго государства. Къ тому же помните, что *великіе вопросы* не разрѣшаются рѣчами и подачей голосовъ, какъ ошибочно предполагали въ 1848-мъ и 1849-мъ годахъ,— но *мечомъ* и *кровью*.»

«Великіе вопросы» служатъ оправданіемъ у Бисмарка въ его реакціонной внутренней политикѣ. Эти «великіе вопросы» были для нѣмецкаго канцлера исполненіемъ завѣщанія Фридриха II-го. Заключалась ли для него въ этихъ «великихъ вопросахъ» могущественная и увеличенная насчетъ своихъ сосѣдей Пруссія или «единая Германія», выросшая передъ нами,—вотъ что остается до сихъ поръ неразрѣшеннымъ, хотя многое, какъ мы увидимъ, говоритъ за то, что въ этотъ первый періодъ дѣятельности Бисмарка единая Германія еще неясно представлялась его приниженному традиціями и воспитаніемъ уму.

Digitized by Google

V.

Было бы, повидимому, въ порядкѣ вещей, если бы Бисмаркъ во второмъ періодѣ своей дѣятельности, послѣ Садовой, упоенный небывалымъ, поразительно-быстрымъ успѣхомъ своихъ предначертаній, захотѣлъ во внутренней политикѣ, въ дѣлахъ внутренняго управленія повернуть еще болѣе круто, и еще послѣдовательнѣе, если только возможно, проводить начало усиленія власти насчетъ правъ народныхъ представителей. Съ его антецедентами чего нельзя было ожидать отъ «желѣзнаго» министра, и прусская феодальная партія потирала себѣ руки, говоря: теперь-то на нашей улицѣ праздникъ! Обыкновенный, мелкій государственный человѣкъ и дѣйствительно поступилъ бы такъ именно, какъ можно было ожидать и какъ ожидали сторонники сильной власти и враги того дьявольскаго навожденія, которое зовется парламентскимъ правленіемъ. Возбужденный успѣхомъ, чуть не всеобщимъ колѣнопреклоненіемъ, закусивъ удила, дюжинный государственный человѣкъ помчался бы впередъ по пути реакціи, увѣренный, что въ чаду побѣдъ реакція не будетъ замѣчена, а если бы и была, такъ что за важность, кто посмѣетъ теперь поднять голову! На всякій ропотъ развѣ онъ не могъ бы отвѣчать: вы ничего не понимаете, такъ нужно, однимъ словомъ, отвѣчалъ бы то, что отвѣчалъ Бисмаркъ послѣ датской войны оппозиціонной палатѣ: «если бы я имѣлъ неосторожность васъ слушаться, то развѣ мы достигли бы того, чего мы теперь достигли? развѣ ваши красныя фразы взяли Дюппель и отдали намъ во власть Шлезвигъ-Гольштейнъ?»

Но Бисмаркъ не совсѣмъ обыкновенный государственный человѣкъ, и потому онъ не оправдалъ ожиданій своихъ прежнихъ политическихъ друзей. Онъ не только не вступилъ на путь усиленной реакціи, не только не сдѣлался болѣе заклятымъ врагомъ конституціи, напротивъ, онъ сталъ относиться къ ней съ бо́льшимъ уваженіемъ и съ бо́льшею уступчивостію. Онъ точно призналъ теперь, по крайней мѣрѣ по формѣ, что кромѣ правъ короны существуютъ и права народа, надъ которыми, правда, долженъ быть учрежденъ самый бдительный, неутомимый надзоръ. Теперь, когда учредился Сѣверо-Германскій Союзъ, спѣшившій уступить свое мѣсто нѣмецкой имперіи, Бисмаркъ какъ-то стыдился прежней узкости своихъ воззрѣній, что́ онъ и высказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей: «Какое-то унизительное чувство овладѣло мною при мысли, что новые депутаты, находящіеся въ нашей средѣ,

Digitized by Google

потеряютъ иллюзію, которую быть можетъ они питали, иллюзію видѣть, что люди возвышаются, когда расширяются ихъ замыслы и горизонтъ ихъ идей расширяется вмѣстѣ съ расширившимися границами государства». И дѣйствительно, горизонтъ его идей нѣсколько расширился: не становясь поборникомъ политической свободы и народныхъ правъ, онъ тѣмъ не менѣе все болѣе и болѣе отдалялся отъ идеала министра-феодала. Бисмарку пришлось свергнуть столько нѣмецкихъ троновъ, пришлось растопить въ огнѣ столько нѣмецкихъ коронъ, онъ употреблялъ въ дѣло такіе революціонные пріемы, по крайней мѣрѣ съ феодальной точки зрѣнія, что могъ бы упрекнуть себя въ непослѣдовательности, еслибы и воззрѣнія его на взаимныя права и обязанности народа и верховной власти не поддались также нѣкоторому измѣненію. Если бы его политическая философія перваго періода осталась неприкосновенною, тогда ему пришлось бы обвинить себя въ святотатствѣ, такъ какъ онъ разрушалъ своими руками то, что въ его глазахъ носило на себѣ печать божественнаго происхожденія.

Четыре года конституціонной борьбы, въ которой Бисмаркъ хотя и остался побѣдителемъ, не прошли безслѣдно; онъ убѣдился, что какъ ни шатка прусская конституція, какъ ни пассивны ея защитники, ее все-таки слѣдуетъ принимать въ разсчетъ разумному государственному человѣку. Тотчасъ послѣ войны 1866 года Бисмаркъ измѣняетъ свой тонъ и въ нѣсколькихъ рѣчахъ, произнесенныхъ въ палатѣ господъ и въ палатѣ депутатовъ, онъ выражаетъ радость, что парламентское столкновеніе, длившееся четыре года, наконецъ окончилось. Правительство, говорилъ теперь князь Бисмаркъ, готово на большія уступки, лишь бы не возобновлять того столкновенія, которое «въ продолженіи пяти лѣтъ тяготило страну». Онъ сознается, что въ конституціонной жизни вовсе невыгодно доводить свои желанія до крайнихъ предѣловъ, и что уступчивость со стороны правительства безусловно необходима. Для него сдѣлалось теперь ясно, что нельзя управлять страною съ точки зрѣнія одной какой-нибудь партіи, по понятіямъ одной группы людей, а что слѣдуетъ считаться со всѣми партіями, со всѣми желаніями, и что несравненно выгоднѣе бываетъ согласиться на измѣненіе того или другого закона, за который держится правительство, чѣмъ вызывать новую конституціонную борьбу, и особенно такую безъисходную борьбу, какъ та, которая столько времени тревожила общественные умы. «Господа,—говорилъ онъ въ реакціонной палатѣ господъ,—если бы вы испытали такіе четыре года борьбы, съ сознаніемъ отвѣтственности, которую вы

Digitized by Google

несете за общее положеніе страны; если бы вы провели четыре года въ столкновеніи съ силами, надъ которыми вы не были бы властны не внутри, ни снаружи, вы бы сказали тогда, что правительство было право, что оно поторопилось покончить столкновеніемъ, какъ только оно могло это сдѣлать, не унижая короны — и минута, которую оно выбрало для того, была такова, что исключала всякую мысль объ униженіи».

Подобныя же заявленія дѣлалъ Бисмаркъ и въ палатѣ депутатовъ, когда, тотчасъ послѣ заключенія мира съ Австріею, онъ взывалъ къ миру внутри государства, призывалъ къ забвенію прошлаго. Бросимъ напрасныя укоризны, не станемъ доискиваться кто былъ правъ, кто виноватъ; ни той, ни другой сторонѣ не легко было бы въ томъ сознаться, мы протягиваемъ вамъ руку, не отталкивайте ее. «Мы желаемъ мира,—говорилъ онъ,—потому что мы убѣждены, что отечество наше нуждается въ немъ болѣе чѣмъ когда-нибудь; мы желаемъ и ищемъ его, потому что мы считаемъ, что настоящая минута благопріятна для него; мы бы старались отыскать этотъ миръ и прежде, если бы питали надежду найти его; мы надѣемся, что найдемъ его, потому что вы вполнѣ признаёте теперь, что правительство короля вовсе не такъ далеко отъ той цѣли, къ которой стремится большинство изъ васъ, что оно ближе къ ней, чѣмъ вы полагали прежде, не такъ далеко какъ вы заключали изъ молчанія правительства о многихъ вещахъ, о которыхъ оно должно было молчать». И слова эти не были пустыми звуками, нѣтъ; Бисмаркъ громко объявилъ, что впредь онъ принялъ твердое намѣреніе не управлять безъ правильно утвержденнаго бюджета и съ своей стороны ничѣмъ не вызывать новаго столкновенія. Въ его словахъ звучала настолько рѣшимость измѣнить свое отношеніе къ народному представительству, что въ палатѣ господъ онъ заслужилъ упрекъ въ томъ, что онъ покидаетъ ту партію, которая его энергически поддерживала во время парламентской борьбы, и что онъ склоняется на сторону своихъ политическихъ противниковъ. Конечно, въ этомъ упрекѣ было много преувеличеннаго; Бисмаркъ вовсе не настолько измѣнился, чтобы стать во главѣ своихъ прежнихъ противниковъ, а если соединеніе между ними дѣйствительно произошло, то потому, что значительная часть прежней оппозиціи, партія извѣстная подъ именемъ національно-либеральной, пошла къ нему на встрѣчу и разумѣется сдѣлала гораздо болѣе шаговъ, чтобы сблизиться съ Бисмаркомъ, нежели сдѣлалъ Бисмаркъ, чтобы сблизиться съ ней. Тѣмъ не менѣе и та уступчивость, которую обнаружилъ Бисмаркъ, была уже преступленіемъ въ глазахъ феодаловъ. Бисмаркъ возра-

Digitized by Google

жалъ на эти упреки, говоря, что большое государство не можетъ быть управляемо сообразно взглядамъ той или другой партіи, и что не слѣдуетъ осуждать человѣка, стоящаго во главѣ управленія, если онъ много разъ «взвѣсивши общее положеніе, рѣшается выбрать иной путь, нежели путь своихъ старыхъ политическихъ друзей», а напротивъ,—если только этотъ человѣкъ заслужилъ довѣріе, то слѣдуетъ подчинить свои личныя мнѣнія и послѣдовать за нимъ на новомъ пути. Но этого не дождался князь Бисмаркъ.

Конечно, не въ силу теоретическихъ соображеній нѣмецкій канцлеръ нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на способъ управленія страною, не въ силу сантиментальнаго чувства онъ сдѣлался мягокъ и любезенъ по отношенію къ конституціи. Его поведеніемъ управляла практическая выгода, которую онъ рѣшился извлечь изъ своего союза съ представителями народа. Конституція существовала, шаткая, неполная, урѣзанная, но тѣмъ не менѣе достаточная, чтобы свободный голосъ возвышался и чтобы голосъ этотъ былъ услышанъ въ цѣлой странѣ. Бороться, бороться постоянно, безъ перерыва было бы не подъ силу даже такому энергичному человѣку, какъ Бисмаркъ. Онъ разсудилъ, что лучше сдѣлать небольшія уступки и увлечь за собою палату вмѣстѣ съ народомъ, нежели постоянно имѣть ихъ противъ себя. Къ тому же, если внѣшнія дѣла содѣйствовали тому, чтобы палата смирилась передъ политикой Бисмарка и приняла его послѣ Садовой съ громкими рукоплесканіями, вмѣсто громкихъ свистковъ, то тѣ же внѣшнія дѣла заставляли Бисмарка не раздражать болѣе народнаго представительства и искать въ немъ поддержку и силу.

Бисмаркъ выставлялъ все это откровенно на видъ палатѣ, когда просилъ ее нѣсколько отсрочить тѣ *улучшенія*, которыя, какъ онъ самъ выражается, должны быть внесены въ конституцію. «Въ эту минуту, говорилъ онъ, вопросы внѣшней политики ожидаютъ своего рѣшенія; блистательные успѣхи арміи только увеличили, такъ сказать, цѣнность ставки, мы можемъ больше потерять, чѣмъ прежде, и игра еще окончательно не выиграна. Чѣмъ тѣснѣе будетъ наша внутренняя связь, тѣмъ больше увѣренности будетъ у насъ выиграть игру. Если вы бросите взглядъ на сосѣднія страны, говорилъ онъ тотчасъ послѣ заключенія Пражскаго мира, если вы просмотрите вѣнскіе журналы, тѣ въ особенности, которые слывутъ за журналы, отражающіе взгляды императорскаго кабинета, вы найдете тамъ тѣ же слова ненависти, тѣ же возбужденія противъ Пруссіи, какъ это было до войны, и которыя не мало содѣйствовали къ тому, чтобы сдѣлать войну для импера-

Digitized by Google

торскаго правительства необходимостью, передъ которою оно не имѣло возможности отступить, еслибы даже и желало. Взгляните какъ держать себя населенія Южной Германіи, насколько они представлены въ арміяхъ; у нихъ вовсе не существуетъ, можно сказать, столь необходимаго примиренія и разумнаго пониманія задачи общей всей Германіи, когда видишь, какъ баварскія войска убиваютъ прусскихъ офицеровъ, стрѣляя по нимъ изъ поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ. Посмотрите на поведеніе правительствъ по отношенію къ тому національному дѣлу, которое мы создаемъ: поведеніе удовлетворительное у нѣкоторыхъ, полное сопротивленіе у другихъ; но вѣрно то, что во всей Европѣ вы едва найдете одну страну, которая относилась бы дружелюбно къ устройству нѣмецкой общности и которая не испытывала бы желанія вмѣшаться тѣмъ или другимъ способомъ въ это устройство, хотя бы только для того, чтобы дать возможность одному изъ могущественныхъ членовъ нашей конфедераціи, какъ Саксонія, еще разъ сыграть ту роль, которую она играла въ послѣдней войнѣ. Такимъ образомъ, господа, наша задача еще не окончена, она требуетъ союза всей страны, союза, доказывающаго себя фактами и свидѣтельствующаго о себѣ такъ, чтобы поразить всѣ глаза. Часто говорили: «кто взялъ шпагу, — испортилъ перо». Но я имѣю твердую увѣренность, что мы никогда не услышимъ словъ: «то, что выиграно было шпагой и перомъ, — уничтожено этой трибуной».

Мы видѣли, какъ оригинально понималъ Бисмаркъ парламентское правленіе, и какъ своеобразно толковалъ онъ конституцію во время перваго періода своей дѣятельности. Но если изъ той перемѣны, которая послѣдовала въ немъ послѣ 1866-го года, мы сдѣлаемъ заключеніе, что онъ разбилъ тѣхъ боговъ, которымъ прежде молился, и сталъ обожать новыхъ, то мы вдадимся въ крупную ошибку. Бисмаркъ только нѣсколько иначе понимаетъ теперь парламентаризмъ, нѣсколько иначе смотритъ на конституцію, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ онъ съ этой поры сдѣлался моделью конституціоннаго министра конституціоннаго государства. Уже и то хорошо, что теперь на упрекъ, обращенный къ нему однимъ изъ депутатовъ, что онъ весьма мало сочувствуетъ расширенію политическихъ правъ народа, онъ отвѣчалъ: «къ моимъ симпатіямъ, къ развитію политическихъ вольностей относятся съ крайнимъ недовѣріемъ, но я думаю, что мнѣ не отдаютъ въ этомъ отношеніи полной справедливости. Я никогда въ моей жизни не объявлялъ себя врагомъ политической свободы, я только говорилъ,—естественно подразумѣвая: rebus sic

Digitized by Google

stantibus—что я болѣе интересуюсь иностранной политикой, которая для меня представляется настолько преобладающею и увлекаетъ меня до такой степени, что я разрушаю, насколько могу, всѣ препятствія, возникающія на моемъ пути, чтобы достигнуть цѣли, которой, по моему убѣжденію, необходимо достигнуть для спасенія отечества. Но это мнѣ нисколько не мѣшаетъ раздѣлять взглядъ предшествующаго оратора и думать вмѣстѣ съ нимъ, что честное правительство обязано употреблять всѣ свои силы, во всякое время, чтобы поднять общественную и индивидуальную свободу на высшую степень, которая совмѣстна съ безопасностью и благоденствіемъ государства».

Не совсѣмъ легко, конечно, опредѣлить съ буквальною точностью, какими глазами смотритъ теперь Бисмаркъ на парламентское правленіе, какія твердыя положенія сложились у него относительно конституціоннаго порядка, такъ какъ весьма часто на разстояніи не только двухъ-трехъ лѣтъ, но на разстояніи двухъ-трехъ засѣданій, онъ даетъ опять иной видъ своимъ воззрѣніямъ, смотря потому, что̀ выгоднѣе сказать въ данную минуту, тѣмъ не менѣе нельзя не указать по крайней мѣрѣ на главныя черты, которыми онъ опредѣляетъ свой взглядъ на парламентское правленіе во второй періодъ его блестящей политической дѣятельности. Если прежде центръ тяжести оппозиціи находился на лѣвой сторонѣ палаты, то теперь онъ въ значительной степени перенесенъ былъ на правую, и Бисмарку весьма часто приходилось направлять свои боевыя орудія противъ своихъ старыхъ политическихъ друзей. Въ своихъ отвѣтахъ этой консервативной оппозиціи онъ чаще всего высказывалъ начала, отмѣченныя истиннымъ конституціоннымъ духомъ, точно также какъ въ рѣчахъ, обращенныхъ къ либеральной оппозиціи, онъ высказывалъ такія положенія, которыя напоминали доброе старое время.

Посмотримъ на тѣ и другія. На упреки въ измѣнѣ, обращенные къ нему консервативной партіей, Бисмаркъ не разъ отвѣчалъ: «Вы хотите заставить меня управлять, руководствуясь воззрѣніями одной партіи; я отвѣчаю, что на это я не пойду. Чтобы управлять, и управлять конституціоннымъ образомъ, необходимо имѣть за собою большинство. Вы говорите, что откажетесь подавать голоса за правительство, тѣмъ хуже для васъ. Тѣмъ хуже, потому что вы заставите меня искать другое большинство, опираться на другіе элементы, чѣмъ консервативные, что не будетъ для васъ выгодно»... «Вы можете подвергнуть государство всевозможнымъ колебаніямъ. Вы не можете ожидать ни отъ меня, ни отъ моихъ товарищей, если вы лишите насъ парламентскаго большинства,

Digitized by Google

чтобы мы продолжали нести всѣ неудобства положенія, не ища противъ этого средствъ; вы не должны ожидать, чтобы мы сдѣлались органомъ одной фракціи, одной партіи, рискуя, въ столь трудныя времена, увидѣть снова опасное возобновленіе столкновенія. Я не боюсь его, я далъ тому доказательство, выдерживая съ твердостью его натискъ въ продолженіи трехъ лѣтъ, но я вовсе не имѣю намѣренія сдѣлать изъ этого столкновенія какое-то постоянное національное учрежденіе». Въ борьбѣ съ крайними консерваторами Бисмаркъ, какъ истинный конституціонный министръ, отстаивалъ основныя начала парламентаризма, убѣждая съ большою силою эту партію не создавать странѣ новыхъ затрудненій. Онъ весьма разумно говорилъ о равновѣсіи между различными партіями и законодательными частями одного политическаго тѣла, онъ не проповѣдывалъ приниженіе народныхъ представителей и возвышеніе на ихъ счетъ королевской власти. Безъ взаимныхъ уступокъ дѣло не пойдетъ на ладъ, говорилъ Бисмаркъ. Если правительство слишкомъ натягиваетъ струны, оно рискуетъ, что онѣ наконецъ лопнутъ; если народное представительство съ своей стороны лишаетъ его необходимой свободы дѣйствія, то оно точно также вызоветъ противодѣйствіе, и столкновеніе становится неизбѣжнымъ. «Когда никто не хочетъ уступать, когда каждый говоритъ: если не будетъ сдѣлано такъ, какъ я хочу, то я удаляюсь,—но тогда никакая организація государства, никакая политика невозможны; тогда остается только политическій произволъ».

Такъ разсуждалъ онъ съ оппозиціонною консервативною партіею, доказывая необходимость серьёзнаго отношенія къ парламентскому началу. Всѣ подобныя рѣчи, изъ которыхъ мы могли бы сдѣлать не одну еще выдержку, явно бы ввели въ заблужденіе относительно системы министра, если бы рядомъ съ ними не были произнесены другія, обращенныя главнымъ образомъ къ либеральной оппозиціи. Вопросъ о пространствѣ власти парламента много разъ, конечно, возникалъ какъ въ прусскихъ палатахъ, такъ и въ рейхстагѣ. Конституція Сѣверо-Германскаго Союза, къ которой пристала затѣмъ, съ весьма немногими необходимыми измѣненіями, и вся Южная Германія, была создана съ необыкновенною быстротою, что́ входило въ планъ Бисмарка. Лишь только какой-нибудь вопросъ, лишь только опредѣленіе того или другого права, возбуждали большія пренія, Бисмаркъ тотчасъ произносилъ свою обычную фразу: господа, не теряйте времени, оно намъ дорого; дѣло Германіи еще не окончено, не будемъ спорить о предѣлахъ власти; если впослѣдствіи окажется, что то или другое сдѣлано второпяхъ, то вы всегда будете имѣть время

Digitized by Google

возвратиться и внести то или другое улучшеніе. Когда Бисмаркъ, такимъ образомъ, зажималъ ротъ парламенту, выставляя на видъ грозный признакъ враговъ, съ ненавистью смотрящихъ на объединеніе Германіи, тогда, какъ случалось большею частью, пренія оканчивались, и то, что желалъ Бисмаркъ, вотировалось огромнымъ большинствомъ. Дѣло оканчивалось рукоплесканіемъ первому министру, всѣ спѣшили приносить въ жертву на алтарь «единой Германіи» свои убѣжденія и воззрѣнія. Когда же затѣмъ та или другая парламентская группа вносила предложеніе объ измѣненіи той или другой статьи конституціи, тогда снова появлялся на трибунѣ Бисмаркъ и произносилъ такого рода рѣчи: Господа! вы налагаете на себя руки! Давно ли конституція была вотирована и вы уже начинаете терзать ее различными предложеніями. Дайте окрѣпнуть учрежденіямъ, пусть выскажется сильная и слабая сторона, и тогда, впослѣдствіи, можетъ быть и возможно будетъ внести тѣ или другія измѣненія; я самъ знаю, что нѣтъ ничего вѣчнаго, что какъ люди, такъ и учрежденія должны идти впередъ. Имѣйте же только терпѣніе!

Въ такомъ родѣ говорилъ Бисмаркъ. Но нетерпѣніе иногда овладѣвало тою или другою группою парламента, и различныя предложенія, касающіяся расширенія правъ, усиленія власти представителей, появлялись на очереди. Тогда-то Бисмаркъ развивалъ свои болѣе обычныя воззрѣнія на предѣлъ власти парламента, и этотъ предѣлъ, по мнѣнію его, не долженъ быть слишкомъ широкъ. «Спрашивали вы когда-нибудь самихъ себя: есть ли въ самомъ дѣлѣ необходимость, было ли бы полезно, чтобы вы имѣли болѣе власти, нежели вы имѣете въ настоящее время, было ли бы это полезно для народа и для страны?» На вопросъ этотъ Бисмаркъ отвѣчаетъ отрицательно, и приводитъ тому двѣ причины, не отличающіяся впрочемъ особенной глубиною мысли. Первая причина та, что люди, которые только въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ времени засѣданія парламента, занимаются государственными дѣлами, вовсе не могутъ судить въ одинаковой степени основательно съ тѣми, которые занимаются ими непрерывно. «Этотъ одинъ аргументъ перерыва парламентскаго собранія достаточенъ уже, по-моему, чтобы быть какъ нельзя болѣе осторожнымъ, когда дѣло идетъ о размѣрѣ власти, которая должна принадлежать подобному тѣлу». Другой аргументъ Бисмарка болѣе оригиналенъ. «Есть еще другая причина, которая убѣждаетъ меня, что не нужно давать слишкомъ большого вѣса народнымъ собраніямъ: это—сила краснорѣчія». По мнѣнію Бисмарка, въ подобныхъ собраніяхъ дѣла рѣшаются подъ вліяніемъ

Digitized by Google

той или другой рѣчи, подъ впечатлѣніемъ минуты, такъ что, когда оно исчезаетъ, часто оказывается, что рѣшили совсѣмъ не такъ, какъ желали рѣшить. «Даръ краснорѣчія, продолжаетъ Бисмаркъ, заключаетъ въ себѣ нѣчто весьма опасное; этотъ талантъ имѣетъ увлекающую силу, подобную музыкѣ, или импровизаціи. Въ каждомъ ораторѣ, который хочетъ дѣйствовать на своихъ слушателей, долженъ заключаться поэтъ; и только тогда, когда онъ награжденъ этимъ даромъ, и когда, подобно импровизатору, онъ властелинъ надъ своимъ языкомъ и надъ своими мыслями, онъ овладѣваетъ силою дѣйствовать на тѣхъ, кто его слушаетъ. Но я васъ спрашиваю, можно ли довѣрять руль государства, требующій холоднаго и зрѣлаго размышленія, поэту или импровизатору?»

Лучшее опроверженіе теоріи Бисмарка представляетъ онъ самъ. Вліяніе его на собраніе всегда было весьма велико, хотя, конечно, онъ не причисляетъ себя къ ораторамъ, лишеннымъ «холоднаго и зрѣлаго размышленія» Высказывая свое желаніе, чтобы власть и вліяніе парламента не слишкомъ расширялись, онъ считаетъ однако теперь необходимымъ заявить, что онъ нисколько не враждебенъ вообще парламентаризму. «Я призывалъ ваше вниманіе, говоритъ Бисмаркъ въ одной изъ слѣдующихъ рѣчей, на затрудненія, которыя возникли бы отъ усиленія парламентской власти, — мнѣ кажется, я выразился: отъ удѣленія парламенту слишкомъ большой дозы вліянія. Но отсюда до нападенія на самый парламентаризмъ, даже до критики этого порядка, еще очень далеко».

Бисмаркъ видитъ очень большую опасность, какъ онъ выражается, въ парламентскомъ «дилеттантизмѣ», и Германія пошла бы, по его словамъ, прямо на встрѣчу этой опасности, еслибы «слишкомъ сильно» сосредоточить въ парламентѣ центръ тяготѣнія. Бисмаркъ признаетъ, что до сихъ поръ этого не было, и не желаетъ, чтобы оно случалось въ будущемъ. Мысль Бисмарка совершенно ясна. Онъ не желаетъ допустить, чтобы представительное собраніе имѣло всю ту власть, которая принадлежитъ ему въ странахъ, гдѣ укоренилось истинно парламентское правленіе. Бисмаркъ, который, вообще говоря, не знаетъ что такое боязнь, страхъ, испытываетъ однако нѣкоторую боязнь, дѣлая ту или другую уступку парламентскому правленію, чтобы какъ-нибудь не стѣснена была власть, безъ которой онъ не можетъ представить себѣ существованіе Германіи. Вотъ отчего даже въ тѣхъ любезностяхъ, которыми онъ надѣляетъ парламентъ, всегда выглядываетъ какое-то остріе, готовое превратиться въ мечъ, которымъ рубилъ онъ упрямую оппозицію прусской палаты депутатовъ. Всякій разъ, когда въ палатѣ заходила рѣчь о ея правахъ,

Digitized by Google

Бисмаркъ отвѣчалъ, что всякія предложенія, конечно, могутъ быть дѣлаемы, но онъ не видитъ тогда причины, отчего бы не сдѣлать предложенія объ уничтоженіи въ Пруссіи монархической власти. «Мною овладѣваетъ сильное безпокойство, говорилъ онъ въ 1868-мъ году, когда я вижу, что трудъ, работа, что великія и счастливыя событія, что удивительные подвиги нашихъ армій, что, однимъ словомъ, все, что необходимо было для того, чтобы привести насъ до такого пункта, на которомъ мы стоимъ теперь— что все это послѣ девяти мѣсяцевъ забыто вами, и вы смотрите на это какъ на древнюю исторію, о которой нѣтъ уже рѣчи, и что вы исключительно заняты вопросомъ о расширеніи власти въ ту минуту, когда вы полагаете, что правительство настолько обремено, что вы легко можете вызвать у него уступку». Онъ горько жалуется на то, что едва наступилъ компромиссъ, какъ уже снова дѣлаются попытки нарушить его. Бисмаркъ, впрочемъ, со всею энергіею возстаетъ противъ всякой системы, которая направлена къ тому, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, дѣлать уступки и потомъ снова брать ихъ назадъ. «Ничто такъ не раздражаетъ, ничто такъ не волнуетъ общество, какъ подобная система, обличающая непослѣдовательность и шаткость. Прежде чѣмъ рѣшиться на извѣстную уступку, на расширеніе того или другого права, обдумайте двадцать разъ; но если вы рѣшились, если уступка сдѣлана, извѣстное право предоставлено, то ужъ оставляйте его, не берите назадъ. Конституціонная жизнь, повторяетъ Бисмаркъ, состоитъ изъ ряда компромиссовъ; дѣлать сегодня уступки, чтобы отнимать ихъ завтра, это не конституціонная политика».

Бисмаркъ, высказывая такое правило, не всегда отказывался ему слѣдовать, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ на самомъ дѣлѣ не отклонялся отъ столь благодѣтельнаго начала. Мы уже знаемъ какъ смотрѣлъ, напримѣръ, Бисмаркъ въ первомъ періодѣ на право бюджета, мы знаемъ, какъ онъ мало церемонился съ палатою въ этомъ отношеніи, говоря ей: мы возьмемъ деньги тамъ, гдѣ найдемъ ихъ! Послѣ примиренія съ палатою Бисмаркъ обѣщалъ, что ничто подобное не повторится, надѣясь, можетъ быть, что въ продолженіи его жизни онъ не встрѣтитъ повторенія и подобнаго сопротивленія. Въ сессіи прусскихъ палатъ уже 1870 года былъ представленъ палатѣ депутатовъ докладъ о неправильномъ употребленіи займа 1867 года, вотированнаго для постройки желѣзныхъ дорогъ, а между тѣмъ получившаго вовсе иное назначеніе. Бисмаркъ выступилъ во время преній, и, желая доказать, что въ Пруссіи конституція вовсе не шутка, и что коро-

Digitized by Google

левская власть признаетъ для себя извѣстныя обязательства по отношенію къ народнымъ представителямъ, сдѣлалъ заявленіе, что «королевское правительство принимаетъ на себя обязательство въ будущемъ не уклоняться болѣе никогда отъ законныхъ формъ.» Бисмаркъ не задумался принести и покаяніе, говоря: «Я не думаю, и надѣюсь, что мои коллеги, съ которыми я не имѣлъ времени посовѣщаться, раздѣлятъ мое мнѣніе, что министерство не должно отрицать нарушенія формы, которое было допущено. Я считаю болѣе достойнымъ, болѣе полезнымъ для дѣла и для лицъ, теперь, когда вы получили увѣдомленіе о томъ, что́ было сдѣлано, просить, чтобы вы одобрили сдѣланное и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрить васъ, что каждый изъ насъ будетъ впредь считать своею обязанностью не допускать возвращенія подобной неправильности.»

Такого рода amende honorable, доказывающій, что даже самая шаткая конституція даетъ Пруссіи гарантію въ болѣе или менѣе правильномъ управленіи ея дѣлами, не могъ не обезоружить палаты. Чтобы сдѣлать свое покаяніе еще болѣе рѣшительнымъ, Бисмаркъ, въ отвѣтъ Вирхову, который, не довѣряя быть можетъ словамъ крутого министра, напомнилъ ему о фразѣ, сказанной Бисмаркомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ: «Правительство короля возьметъ деньги, необходимыя для потребностей государства тамъ, гдѣ оно найдетъ ихъ»,—произнесъ: «Я поздравляю себя съ тѣмъ, что г. докладчикъ даетъ мнѣ возможность вполнѣ съ нимъ согласиться, когда напоминая, безъ сомнѣнія, съ намѣреніемъ вполнѣ для меня благосклоннымъ, слова, произнесенныя мною въ другое время, онъ смотритъ на нихъ, какъ на слова, свойственныя только времени войны, какъ на мертвыя во время мира и неприложимыя ко мнѣ въ настоящее время—и я надѣюсь, что и въ мысли г. докладчика эти слова получили точно такое же толкованіе.»

Мы не имѣемъ, конечно, никакого права обвинять Бисмарка въ неискренности, въ томъ, что слова эти были пущены въ ходъ какъ парламентскій маневръ для достиженія цѣли — одобрительнаго билля. Весьма вѣроятно, что подобныя слова, которымъ можно было бы привести еще нѣсколько примѣровъ, были сказаны безъ всякой задней мысли, и въ эти немногія, правда, минуты Бисмаркъ является настоящимъ конституціоннымъ министромъ. Но его деспотическая натура, его основныя начала политической мудрости, его убѣжденіе, что народъ со всѣми его представителями далеко не имѣетъ той проницательности, которую имѣетъ онъ, князь Бисмаркъ, все это слишкомъ часто заставляло Бисмарка во внутреннемъ управленіи далеко уклоняться отъ конституціоннаго духа.

Digitized by Google

Деспотическая натура Бисмарка гораздо рѣже проявляется во второмъ періодѣ, но, быть можетъ, потому именно, что въ этомъ второмъ періодѣ Бисмаркъ почти не зналъ сопротивленія. Оппозиція, которую онъ встрѣчалъ какъ въ прусскихъ палатахъ, такъ и въ рейхстагѣ, была такъ мягка, такъ прилична, подходила къ нему съ такимъ смиреніемъ и уваженіемъ, что вслѣдствіе этого было и меньше поводовъ ему проявлять свой крутой нравъ и проводить свои крутыя начала въ политическую жизнь нѣмецкаго народа. Но лишь только гдѣ-нибудь раздастся слишкомъ рѣзкое слово противъ правительства или конституціи нѣмецкой имперіи, Бисмаркъ тотчасъ же показываетъ зубы, и опять его основныя воззрѣнія на систему внутренняго управленія сказываются съ весьма внушительною силою.

Въ борьбѣ ли съ лѣвою стороною, въ борьбѣ ли съ ретроградною правою, нѣмецкій канцлеръ употребляетъ тѣ же пріемы. Какъ въ былое время онъ весьма мало стѣснялся оппозиціоннымъ либеральнымъ большинствомъ, также мало обѣщаетъ онъ стѣсняться и консервативнымъ большинствомъ, если бы такое составилось въ виду оппозиціи волѣ князя Бисмарка. Уже послѣ французской войны онъ высказывался слѣдующимъ образомъ въ прусской палатѣ депутатовъ: «Я достаточно далъ доказательствъ, во все время моей политической дѣятельности, что я вовсе не покорный слуга большинства; когда я думаю, что большинство угрожаетъ благу государства, всѣ видѣли, что я умѣю ему сопротивляться; еслибы понадобилось, я съумѣлъ бы оказать ему сопротивленіе и теперь.» Въ этихъ словахъ довольно ясно выражается, что Бисмаркъ допускаетъ волю большинства только тогда, когда эта воля имѣетъ счастіе сходиться съ его собственною волею. Нужно ли говорить, что подъ этимъ условіемъ нетрудно быть самымъ конституціоннымъ министромъ. Пусть ваша воля будетъ согласна съ моею волею, и тогда вы найдете во мнѣ строгаго исполнителя вашей воли. Если же нѣтъ, тогда мы разойдемся, и я сдѣлаю такъ, какъ считаю болѣе удобнымъ. Такого рода положеніе входитъ въ составъ практической философіи XIX-го вѣка, и нужно ли говорить, что до тѣхъ поръ, пока оно сохранитъ свою силу, до тѣхъ поръ истинно парламентскому правленію нѣтъ мѣста въ Пруссіи. Предыдущія слова нисколько, однако, не мѣшаютъ князю Бисмарку черезъ нѣсколько минутъ выразиться такимъ образомъ: «я желалъ бы знать, какое представленіе составилъ себѣ г. депутатъ о конституціи, которой онъ присягалъ, когда онъ такъ презрительно отзывается о большинствѣ, которое необходимо министру, и когда онъ обвиняетъ меня почти въ томъ,

Digitized by Google

что я измѣнилъ моимъ старымъ принципамъ, служившимъ дѣлу монархической власти, обвиняетъ потому, что я стараюсь въ настоящее время поддерживать гармонію между министерствомъ и народнымъ представительствомъ.» Мы приводимъ подобныя противорѣчія, сплошь и рядомъ попадающіяся въ рѣчахъ нѣмецкаго канцлера, вовсе не для того, чтобы показать его непослѣдовательность. Нѣтъ, эта непослѣдовательность легко объясняется тѣмъ положеніемъ, которое занималъ и продолжаетъ занимать Бисмаркъ среди различныхъ партій. Сегодня его обвиняютъ въ томъ, что онъ врагъ парламентаризма, завтра, что онъ ренегатъ, измѣнникъ, предатель королевской власти, врагъ монархической власти, принесшій ее въ жертву парламентаризму. Не нужно и говорить, что въ подобныхъ обвиненіяхъ, какъ измѣна монархической власти, нѣтъ и тѣни справедливости. Вѣрно только одно — князь Бисмаркъ не терпитъ противорѣчія, оно раздражаетъ его, онъ требуетъ, чтобы все гнулось передъ нимъ, и если мы приводимъ чисто парламентскіе отрывки изъ его рѣчей, то только для того, чтобы показать, что если онъ не давалъ воли либеральной партіи, то также мало расположенъ давать ее и ультра-консервативной, желавшей видѣть неизмѣнно князя Бисмарка въ его обращеніи съ либеральными элементами страны такимъ, какимъ онъ былъ нѣкогда, до 1866 года:

«Я прошу васъ, господа, говорилъ онъ обращаясь къ консервативной партіи, не впадать въ ту ошибку — я не могу употребить другого слова — въ которой вы упрекали прежде оппозицію, обыкновенную оппозицію — т.-е. въ предвзятой рѣшимости смотрѣть на правительство, какъ на вредное животное, которое должно быть связано какъ можно крѣпче, которое не должно имѣть никакой свободы движенія, потому что тотчасъ оно употребитъ ее во зло, и если настоящіе министры не дѣлаютъ злоупотребленій, то тѣ, которые наслѣдуютъ имъ, должны ихъ совершать. Вы должны смотрѣть на правительство, какъ на коллективное существо, одаренное разсудкомъ, обязанное своимъ существованіемъ назначенію прусскаго короля и тѣсно связанное въ своемъ цѣломъ и во всѣхъ частяхъ для блага государства—вмѣсто того, чтобы смотрѣть на него, какъ на вредное существо, на которое слѣдуетъ по мѣрѣ возможности налагать цѣпи, чтобы оно не злоупотребляло своею властью, или если оно этого и не дѣлаетъ, то для того, чтобы не могли дѣлать его преемники. Господа, вы стѣсняете свободу настоящаго правительства, его свободу дѣйствій для блага и безопасности государства въ такой степени, что правительство не можетъ этого принять.» Руководствуясь этой

Digitized by Google

«свободой дѣйствій», которую требовалъ для себя князь Бисмаркъ, онъ настаивалъ на томъ, что́ все, что предлагаетъ правительство, должно быть принимаемо, такъ какъ «если восемь министровъ, послѣ долгаго обсужденія вопроса и послѣ того, что король согласился съ ихъ мнѣніемъ» рѣшаютъ, что тотъ или другой законъ полезенъ, то Бисмарку кажется, что всякая оппозиція становится неумѣстна. Слѣдуя этой теоріи нужно было бы допустить, что министерство непогрѣшимо, какъ папа, что́ все, что́ имъ предлагается, должно быть принимаемо безусловно и безъ разсужденій. Бисмаркъ не высказываетъ этого прямо, но едвали мы уклонимся отъ истины, переведя на обыденный языкъ то, что онъ высказываетъ въ болѣе мягкой парламентской формѣ. Давленіе парламента на дѣйствія и поступки правительства—это необходимое условіе настоящаго парламентскаго правленія. Бисмаркъ понимаетъ его не такъ. Онъ гордится тѣмъ, что никогда не поддавался никакому давленію и всегда дѣйствовалъ, сообразуясь только съ своею собственною волею. «Мы никогда не допустимъ, говоритъ онъ, никакого давленія надъ собою, мы всегда будемъ руководиться только и исключительно нашимъ собственнымъ изученіемъ интересовъ государства.» Согласно съ этимъ общимъ положеніемъ Бисмаркъ смотритъ на народъ, какъ на слѣпую массу, которая готова довѣрять каждому вздору, каждой небылицѣ, которую распространяетъ пресса и которая поддерживается въ немъ нѣкоторыми изъ его представителей. Бисмаркъ нигдѣ, правда, подробно не излагалъ, какъ онъ смотритъ на народъ, но нѣкоторыя мѣста его рѣчей позволили одному изъ его противниковъ обвинить въ томъ, что онъ проповѣдуетъ «ограниченный разумъ подданныхъ» (beschränkten Unterthanenverstand). Бисмаркъ въ отвѣтъ на это могъ только сказать, что фраза объ «ограниченномъ разумѣ подданныхъ» есть преувеличеніе, и даже въ одной изъ слѣдующихъ его рѣчей, мѣсяца два спустя, сдѣлалъ комплиментъ народу, говоря, что «онъ обладаетъ политическимъ чувствомъ настолько же, насколько обладаетъ имъ каждый изъ насъ.»

VI.

Такіе взгляды Бисмарка на общую систему внутренняго управленія государствомъ, естественно, подчинили ей всѣ отдѣльные вопросы внутренней жизни страны. Но парламентское правленіе, какъ бы неполно оно ни было, какъ бы ни былъ стѣсненъ кругъ его дѣйствій, тѣмъ не менѣе оно и его вліяніе на управленіе дѣлами страны, даже и въ предѣлахъ очертанныхъ ему Бисмаркомъ,

Digitized by Google

благодѣтельно. Такое вліяніе выражается въ томъ наблюденіи, какое принадлежитъ парламенту надъ управленіемъ страною, въ томъ страхѣ, который невольно испытываетъ министерство за каждое свое неправильное дѣйствіе, каждое злоупотребленіе, въ боязни, что во всякое время съ парламентской трибуны будетъ громко заявлено о томъ или другомъ упущеніи. Въ этомъ значеніи, и значеніи весьма важномъ, не отказываетъ ему князь Бисмаркъ, и какъ ни тяготился, какъ ни роптал подчасъ нѣмецкій канцлеръ на оппозицію, которую онъ встрѣчалъ среди народнаго представительства, но едвали можно сомнѣваться, что еслибъ такому государственному человѣку, какъ Бисмаркъ, было предложено уничтожить парламентъ, онъ никогда бы не согласился на то, понимая, какую серьёзную помощь, какую гарантію находитъ въ парламентѣ само правительство, гарантію въ томъ, что существующіе законы не будутъ безнаказанно нарушаемы. Но для того, чтобы парламентъ имѣлъ такое вліяніе, безусловно необходимо, чтобы народные представители были обезпечены въ правѣ говорить безнаказанно съ трибуны все, что они считаютъ нужнымъ сказать. Народное представительство Германіи это отлично сознавало, и потому съ такою энергіею отстаивало противъ князя Бисмарка полную и безусловную свободу трибуны, на которую, какъ мы уже видѣли, нѣмецкій канцлеръ никакъ не могъ согласиться въ первомъ періодѣ своей дѣятельности.

Такому весьма важному вопросу внутренней жизни государства Бисмаркъ посвятилъ нѣсколько рѣчей во второмъ періодѣ своей дѣятельности, отстаивая свои идеи то въ палатѣ депутатовъ, то въ рейхстагѣ, то, наконецъ, въ палатѣ господъ. Въ этихъ рѣчахъ прекрасно отражается вся та внутренняя борьба, которая происходила между Бисмаркомъ-абсолютистомъ и Бисмаркомъ-конституціонистомъ. Когда въ Сѣверо-Германскомъ Союзѣ, во время обсужденія проекта конституціи, однимъ изъ депутатовъ, Ласкеромъ, было предложено внести параграфъ, который гарантировалъ бы отчеты о публичныхъ засѣданіяхъ отъ судебнаго преслѣдованія, — Бисмаркъ, со всею свойственною ему энергіею, возсталъ противъ внесенія такого параграфа. Онъ считалъ, что онъ сдѣлалъ уже достаточную уступку свободѣ трибуны, соглашаясь, чтобы за каждымъ депутатомъ было обезпечено право свободно выражать свои мнѣнія, безъ опасенія, что надъ нимъ разразится Дамокловъ мечъ, въ видѣ судебнаго преслѣдованія. Идти дальше и гарантировать свободу парламентскихъ отчетовъ онъ не считалъ возможнымъ, но самая слабость его аргументовъ, скорѣе нежели всѣ рѣчи его противниковъ, должна была бы убѣдить

Digitized by Google

его, что онъ отстаиваетъ такое начало, которое идетъ совершенно въ разрѣзъ съ конституціоннымъ духомъ. Бисмаркъ противился согласиться на введеніе параграфа, обезпечивающаго право, столь необходимое съ точки зрѣнія самыхъ элементарныхъ понятій о конституціонной жизни, но не потому, какъ онъ выражался, чтобы онъ видѣлъ какую-нибудь опасность для союзныхъ правительствъ въ печатаніи отчетовъ публичныхъ засѣданій рейхстага: «Мы видѣли, говоритъ онъ, что рѣчи прусской палаты депутатовъ, которыя, по своей свирѣпости, не могутъ быть сравнены ни съ какими рѣчами никакихъ собраній этого рода, были публикованы безъ всякой опасности». Трудно, кажется, было бы придумать болѣе сильный аргументъ въ пользу того, чтобы и рѣчи, произнесенныя въ рейхстагѣ, и въ другихъ подобныхъ собраніяхъ печатались безъ всякихъ стѣсненій и безъ всякой угрозы уголовнаго преслѣдованія. Но Бисмаркъ разсуждаетъ не такъ. Его строгая логика измѣняетъ ему на этотъ разъ. Какія же другія побудительныя причины, кромѣ опасности, заставляютъ его противиться введенію параграфа, казалось бы, столь невиннаго, какъ тотъ, который установляетъ право публиковать рѣчи? Причины эти «нравственнаго» свойства. Бисмаркъ строго оберегаетъ общественную нравственность! «Причины, говоритъ онъ, заставляющія бороться противъ такого параграфа, я могу назвать причинами, касающимися нравственности. Есть много такого, что государство можетъ терпѣть, игнорировать, но чтобы оно освятило закономъ— это другой вопросъ. Въ этомъ числѣ я считаю право оскорблять согражданина, безъ того, чтобы онъ могъ получить какое-нибудь удовлетвореніе за нанесенную ему обиду. Я не хочу говорить о преступленіяхъ, которыя могутъ быть совершены словомъ, я не долженъ даже допускать мысли, чтобы что-либо подобное могло быть совершено въ этой средѣ. То, что я имѣю въ виду, это— охраненіе чести гражданъ, огражденіе, которое законъ долженъ доставлять каждому. Отнять у гражданина эту охрану—это значитъ, въ моихъ глазахъ, я повторяю, нанести ударъ нравственности, посягнуть на права человѣка. Подъ правами человѣка, продолжаетъ Бисмаркъ, удивляя своею цитатою, я разумѣю именно тѣ права, которыя провозглашены были во Франціи въ 1791-мъ году и перешли затѣмъ въ конституцію республики. Объявленіе правъ человѣка положительно говоритъ по поводу свободы «мнѣній», которыя каждый имѣетъ право высказывать: что свобода заключается въ томъ, чтобы каждый могъ дѣлать то, что *не вредитъ другому*. Такимъ образомъ, это ограниченіе установлено даже въ актѣ, который такъ далеко идетъ въ дѣлѣ свободы».

Digitized by Google

Итакъ, князь Бисмаркъ, не соглашаясь, чтобы законъ обезпечивалъ за каждымъ гражданиномъ невозможность судебнаго преслѣдованія за публикованную въ газетахъ рѣчь, руководился мотивами общественной нравственности. Съ его точки зрѣнія свобода трибуны этимъ нисколько не стѣснялась, такъ какъ правительство, по его увѣреніямъ, никогда не рѣшилось бы воспользоваться этимъ правомъ, чтобы защититься отъ нападеній, направленныхъ противъ него. Рейхстагъ, припоминая рѣшеніе высшей судебной инстанціи, вызванное правительствомъ и предоставлявшее прокурору право преслѣдовать депутатовъ за произнесенныя ими рѣчи, вполнѣ основательно не довѣрялъ Бисмарку и желалъ, чтобы невозможность судебнаго преслѣдованія зависѣла не отъ доброй воли правительства, а только отъ закона. Бисмаркъ называлъ подобное желаніе ничѣмъ инымъ, какъ пустою декламаціею. Ту же самую мысль развивалъ князь Бисмаркъ и въ прусской палатѣ депутатовъ, поддерживая мысль, что если онъ сопротивляется установленію такого закона, то вовсе не съ точки зрѣнія практики, а только теоріи. Съ этой послѣдней точки зрѣнія для Бисмарка было уже большою жертвою, что онъ согласился на принятіе закона, обезпечивающаго за депутатами право свободно излагать свои мысли въ стѣнахъ парламента. «Я пожертвовалъ,—говоритъ онъ, соглашаясь на этотъ законъ,—моимъ убѣжденіемъ желанію видѣть поскорѣе оконченною федеральную конституцію; я принесъ бы еще бо́льшія жертвы, быть можетъ, скорѣе, чѣмъ подвергнуть опасности завершеніе этого дѣла». Когда послѣднія слова его покрылись шумомъ: «слушайте, слушайте!» князь Бисмаркъ, опасаясь, чтобы его словами не поспѣшили воспользоваться, тотчасъ прибавилъ, что изъ его фразы не слѣдуетъ выводить заключенія, что онъ рѣшится и на другія еще жертвы.

Ратуя противъ свободы трибуны, князь Бисмаркъ и самъ сознавался, что въ этомъ вопросѣ онъ не можетъ сохранять всей «объективности». Онъ припоминаетъ палатѣ тѣ нападенія, которымъ онъ подвергался въ продолженіе трехъ лѣтъ, тѣ оскорбленія, которыя выпадали на его долю, и изъ этихъ нападеній и оскорбленій онъ выводилъ необходимость поставить свободу трибуны подъ угрозу уголовнаго преслѣдованія. Но говоря объ этихъ нападеніяхъ и оскорбленіяхъ, которымъ подвергался онъ, Бисмаркъ, нѣмецкій канцлеръ забывалъ о тѣхъ, которыми надѣлялъ онъ такъ щедро народныхъ представителей. Тѣмъ не менѣе, нельзя не сказать, что, защищая ограниченіе свободы трибуны, Бисмаркъ защищаетъ его уже иначе, чѣмъ прежде, онъ защищаетъ его бо-

Digitized by Google

лѣе, какъ конституціонный министръ. Уступивъ право свободно высказывать все, что угодно, безъ угрозы преслѣдованія, онъ добивается теперь только одного, чтобы между зданіемъ парламента и прессою была проведена рѣзкая граница, чтобы то, что дозволено въ одномъ, не было допущено въ другой. «Я допускаю, говоритъ онъ, что въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ порывѣ увлеченія словомъ, въ движеніи политической страсти—быть чуждымъ этой страсти не всегда составляетъ добродѣтель въ общественномъ дѣятелѣ—я допускаю, что, при такомъ расположеніи можетъ вырваться слово, переходящее границу»... Такое слово, разсуждаетъ князь Бисмаркъ, можетъ быть обидно, оскорбительно, но произнесенное среди ограниченнаго числа людей, оно не составляетъ большой бѣды; слово пропадаетъ, забывается, но оно получаетъ вовсе иное значеніе, когда оно распространяется сотнями тысячъ экземпляровъ, когда оно закрѣпляется, повторяется постоянно, когда «каждый темный писака можетъ, если ему угодно, бросить это слово мнѣ въ лицо», и когда противъ такого «писаки» человѣкъ остается также безоружнымъ, какъ и противъ слова, произнесеннаго съ трибуны, въ стѣнахъ парламента, гдѣ «я, по крайней мѣрѣ, знаю, что я приношу себя въ жертву великимъ интересамъ общественной жизни, *конституціонному* существованію, и спокойно выношу оскорбленіе. Но это оскорбленіе, увѣковѣченное печатью, далеко распространенное прессою, я не могу его принять безъ дѣйствительнаго ущерба».

Несмотря, однако, на сопротивленіе Бисмарка, законъ, обезпечивающій свободу трибуны и публикованіе отчетовъ о засѣданіяхъ, прошелъ въ рейхстагѣ. Бисмаркъ подчинился волѣ большинства, и когда тотъ же самый вопросъ возникъ въ прусской палатѣ господъ, онъ объявилъ, что подастъ свой голосъ за свободу трибуны. Слова, произнесенныя по этому поводу княземъ Бисмаркомъ въ палатѣ господъ, выказывающія истинное парламентское смиреніе, составляютъ такое пріятное исключеніе въ общемъ тонѣ его рѣчей, что было бы несправедливо не привести ихъ. «Я повинуюсь,—говорилъ онъ при этомъ обстоятельствѣ,—убѣжденію, которое я часто выражалъ, именно, что конституціонная жизнь, взятая въ цѣломъ, состоитъ изъ ряда компромиссовъ, и что самая важная обязанность конституціоннаго правительства заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, чтобы способствовать взаимнымъ уступкамъ между различными государственными властями. Компромиссъ не можетъ быть достигнутъ, если никто не желаетъ, ради общаго согласія, принести въ жертву часть своихъ собственныхъ убѣжденій, убѣжденій самыхъ искреннихъ, каковы

Digitized by Google

мои, господа; о другихъ убѣжденіяхъ мы не можемъ говорить». Такъ, конечно, долженъ говорить конституціонный министръ, не опасаясь упрека въ непослѣдовательности, которая въ этомъ случаѣ должна была бы носить имя упрямства. «Теперь, продолжалъ Бисмаркъ, когда я заставляю молчать мое чувство, и когда я объявляю вамъ мое намѣреніе подать голосъ въ пользу предложенія Герарда, въ противность тѣмъ мнѣніямъ, которыя я высказывалъ здѣсь съ такою же откровенностію; теперь, когда я прошу самъ васъ вотировать въ томъ же смыслѣ, принести подобную же жертву въ пользу общаго соглашенія различныхъ элементовъ законодательной власти, я считалъ своею обязанностью объяснить это противорѣчіе и мотивировать его, говоря, что какъ министръ конституціоннаго государства, я не признаю за собою право поддерживать, рискуя всѣмъ, мое собственное мнѣніе, и что напротивъ, я смотрю, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, на согласіе между государственными властями и на возстановленіе этого согласія, какъ на цѣль, которой я могу, которой я даже долженъ въ моемъ положеніи пожертвовать, ради общаго союза, моими идеями, и уступка эта съ моей стороны не можетъ нанести практическаго и важнаго ущерба благу государства».

Другой изъ наиболѣе важныхъ и наиболѣе спорныхъ вопросовъ въ конституціонной жизни каждаго государства, это — вопросъ, касающійся избирательной системы: кто имѣетъ избирательный голосъ, какъ производится избраніе представителей, посредствомъ ли прямыхъ выборовъ или посредствомъ двухстепеннаго или трехстепеннаго избранія? Чуть не во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ идетъ работа по этому вопросу. Въ одномъ, какъ въ Англіи, стараются расширить избирательное право; въ другомъ, какъ Франція, стараются его съузить; въ третьемъ, какъ Австрія, вводятъ прямые выборы въ центральное представительное собраніе и т. д. Какъ же князь Бисмаркъ смотритъ на этотъ вопросъ, какія начала высказывалъ онъ въ своихъ рѣчахъ?

Бисмаркъ рѣшительно говоритъ въ пользу самаго либеральнаго принципа, именно принципа всеобщей подачи голосовъ. «Всеобщая подача голосовъ, говоритъ онъ, представляется для насъ нѣкоторымъ образомъ наслѣдствомъ, оставленнымъ намъ развитіемъ унитарныхъ стремленій Германіи: мы обладали этимъ принципомъ въ федеральной конституціи, выработанной во Франкфуртѣ (въ 1848-мъ году); мы противопоставили этотъ же принципъ въ 1863-мъ году австрійскимъ тенденціямъ, выразившимся во Франкфуртѣ, и что касается до меня, то я могу только сказать, что я не знаю *лучшаго избирательнаго закона*». Бисмаркъ

Digitized by Google

признаетъ, что этотъ избирательный законъ не есть еще идеальный законъ, такъ какъ онъ не воспроизводитъ съ полною точностью «въ миніатюрѣ» строго обдуманное мнѣніе народа, но тѣмъ не менѣе онъ считаетъ, что все-таки принципъ всеобщей подачи голосовъ представляется лучшимъ изъ всѣхъ существующихъ. Бисмаркъ знаетъ очень хорошо, какое возраженіе, основанное на опытѣ, дѣлается истинными друзьями свободы народа этому принципу. Противъ примѣненія на практикѣ этого принципа въ настоящее время, когда народная масса лишена еще необходимаго политическаго свѣта, выставляютъ то, что принципъ этотъ въ свое короткое существованіе имѣлъ уже несчастіе служить тѣмъ фундаментомъ, на которомъ воздвигался самый грубый цезаризмъ. «Союзныя правительства, говоритъ онъ, не могутъ имѣть мысли о заговорѣ, глубоко замышленномъ противъ вольностей средняго сословія, чтобы опираясь на массы установить цезаризмъ. Мы беремъ только то, что находится у насъ подъ руками, что мы считаемъ удобнымъ принять, и при этомъ безъ всякой задней мысли». Безъ всякаго сомнѣнія, поддерживая принципъ всеобщей подачи голосовъ, Бисмаркъ рисуется въ самомъ либеральномъ свѣтѣ. Но это только одна сторона медали, а есть еще и другая. Для того, чтобы принципъ этотъ не повелъ къ тѣмъ злоупотребленіямъ, благодаря которымъ утвердилась во Франціи вторая имперія, необходимо, чтобы этотъ либеральный принципъ былъ обставленъ и другими не менѣе либеральными принципами. Разумное примѣненіе всеобщей подачи голосовъ немыслимо, во-первыхъ, безъ обязательнаго образованія, во-вторыхъ, безъ свободы собраній и, въ-третьихъ, безъ свободы слова, свободы печати. Первымъ условіемъ Германія обладаетъ, но ей недостаетъ двухъ другихъ, столь необходимыхъ при существованіи всеобщей подачи голосовъ.

Какъ же князь Бисмаркъ относится къ этимъ двумъ условіямъ? Если бы онъ даже и ни слова не сказалъ о нихъ, то мы могли бы догадаться по тѣмъ его рѣчамъ, въ которыхъ онъ отстаивалъ свое мнѣніе о свободѣ трибуны. Онъ считаетъ свободу слова такимъ преимуществомъ, которымъ должны пользоваться только избранные, и съ нѣкоторымъ ужасомъ говоритъ: «Допуская полную свободу трибуны, куда-же мы придемъ? Мы вѣдь вынуждены будемъ скоро ее дать любому народному сборищу?» Вотъ какъ смотритъ князь Бисмаркъ на свободу собраній, и этотъ взглядъ не только поддерживается имъ въ области теоріи, но со всею силою проводится въ практической жизни государства. Тѣ, которые слѣдятъ хотя по газетамъ за нѣмецкою

Digitized by Google

жизнью, весьма часто, конечно, встрѣчали извѣстія о томъ, что одно собраніе запрещено, другое разогнано и т. д. Не лучше смотритъ князь Бисмаркъ и на свободу печати. Хотя ему самому случалось припоминать слова Фридриха Великаго: «журналы не должны быть стѣсняемы», но онъ вовсе не слѣдуетъ въ своихъ воззрѣніяхъ на этотъ предметъ мнѣнію, высказанному его великимъ предшественникомъ. Быть можетъ, Бисмаркъ полагаетъ, что онъ ближе къ его мысли, дѣлая противоположное тому, что говорилъ король-философъ XVIII-го вѣка, который чуть не правиломъ считалъ говорить не то, что онъ думалъ. Въ рѣчахъ князя Бисмарка нѣтъ ни одной, которая цѣликомъ была бы посвящена вопросу о свободѣ печати, но въ нѣсколькихъ рѣчахъ онъ упоминаетъ о ней, и упоминаетъ вовсе не въ лестныхъ выраженіяхъ. У него то и дѣло на языкѣ: печать только раздражаетъ! пресса невѣжественна! газеты ничего не дѣлаютъ, какъ только поддерживаютъ волненіе, вводятъ въ обманъ и т. п. Бисмаркъ нѣсколько разъ отрекается отъ всякой солидарности даже съ оффиціальною прессою, отзываясь о ней съ тономъ крайняго пренебреженія. Идеи князя Бисмарка о вредѣ свободы печати, какъ то слишкомъ хорошо извѣстно всей нѣмецкой журналистикѣ, не оставались только въ теоріи, но энергически примѣнялись, и къ стыду Германіи примѣняются и до сихъ поръ. Запрещеніе газетъ, арестъ отдѣльныхъ нумеровъ газеты, немыслимые при истинно парламентскомъ правленіи, до сихъ поръ еще опечаливаютъ нѣмецкое общество.

Очевидно, что при отрицаніи условій, столь существенно необходимыхъ при принципѣ всеобщей подачи голосовъ, либерализмъ князя Бисмарка теряетъ вдругъ девять-десятыхъ своей цѣны, и опасенія, чтобы правительство не воспользовалось этою избирательною системою для нанесенія существеннаго ущерба правамъ нѣмецкаго народа, не заключаетъ въ себѣ ничего особенно безумнаго.

Опасеніе это могло еще увеличиться, когда Бисмаркъ изложилъ свои воззрѣнія на свободу выборовъ. Всѣ партіи пользуются свободою выставлять и поддерживать своего кандидата. Изъ числа этихъ партій Бисмаркъ не исключаетъ и самого правительства, которое, по его мнѣнію, имѣетъ право всѣми возможными средствами, чрезъ посредство всевозможныхъ органовъ объявлять, что оно желало бы, чтобы такой-то кандидатъ былъ избранъ: «это существенная сторона свободы выборовъ для правительствъ, — которыя имѣютъ свои права, точно также какъ и партіи, и какъ партіи, оппозиціонныя правительствамъ». Повидимому, взглядъ, выражаемый княземъ Бисмаркомъ, взглядъ

Digitized by Google

весьма либеральный, но это только повидимому. Конечно, при существованіи идеальнаго правительства такое пониманіе свободы выборовъ, и такое практикованіе ея не могло бы имѣть вредныхъ послѣдствій, но князь Бисмаркъ вовсе не претендуетъ, чтобы то правительство, во главѣ котораго онъ стоитъ, было идеальнымъ правительствомъ. Въ противномъ случаѣ то, что поддерживаетъ нѣмецкій канцлеръ, должно быть названо не системою свободныхъ выборовъ, а системою оффиціальныхъ кандидатуръ. Онъ отлично понимаетъ, какая огромная разница существуетъ между средствами какой-нибудь партіи, желающей провести своего кандидата, партіи, лишенной свободы собраній и свободы печати, и средствами правительства, объявляющаго о своемъ желаніи, чтобы былъ избранъ тотъ или другой кандидатъ. Бисмаркъ въ нѣсколько лѣтъ пріобрѣлъ большую конституціонную опытность, и потому съ большимъ искусствомъ въ самой конституціонной формѣ проводитъ самыя не-конституціонныя мѣры. Что, въ самомъ дѣлѣ, кажется законнѣе и справедливѣе какъ слова: «Я думаю, что избиратели имѣютъ право знать избраніе какого кандидата желательно правительству, точно также какъ правительство имѣетъ право объявить свое предпочтеніе въ этомъ отношеніи. Избиратели имѣютъ это право, такъ какъ многіе изъ нихъ желаютъ по принципу вотировать *за* правительство, въ то время какъ другіе *противъ* правительства». Въ это самое время Бисмаркъ признаетъ за избирателями «политическій смыслъ», который, конечно, весьма плохо вяжется съ мыслію, что избиратели настолько тупоумны, настолько невѣжественны въ общественныхъ дѣлахъ, чтобы не знать какой депутатъ пріятенъ правительству и какой нѣтъ. Еслибы это и могло случиться, то оппозиціонная партія всегда укажетъ, какой кандидатъ принадлежитъ правительству и какой оппозиціи. Бисмаркъ все это, разумѣется, отлично понимаетъ, но ему хочется облечь въ конституціонную форму, — и это уже конечно составляетъ весьма значительный успѣхъ въ его дѣятельности, — свое вовсе не-либеральное требованіе, чтобы народные представители, палата, рейхстагъ не вздумали опредѣлять отношенія правительства къ выборамъ. «Еслибы правительство наложило на себя молчаніе относительно кандидатуръ, если бы оно оставалось совершенно нѣмымъ и безучастнымъ, тогда было бы возможно, что выборы превратились бы въ чистую лотерею. Могло бы случиться, напримѣръ,—прибавляетъ Бисмаркъ,—и такой случай былъ бы для насъ крайне прискорбенъ, что избиратель вотировалъ бы по ошибкѣ въ пользу

Digitized by Google

правительства, что не могло бы случиться, еслибы правительство совершенно ясно высказалось въ пользу такого-то кандидата».

Все это конечно чрезвычайно тонко, весьма политично, но вовсе невѣрно. Бисмаркъ съ наивностью Кандида увѣряетъ рейхстагъ, что правительство, еслибы и желало прибѣгать къ какимъ-нибудь противозаконнымъ мѣрамъ для того, чтобы провести того или другого кандидата, все-таки оставалось бы безсильнымъ при существованіи тайной подачи голосовъ. Развѣ можетъ ландратъ, при самомъ твердомъ намѣреніи, спрашиваетъ онъ, принудить подать свой голосъ за того или другого? Отвѣтъ—конечно, нѣтъ. Еслибы даже допустить, что нѣмцы такъ высоко политически нравственны, что никогда не въ силахъ были бы придумать средствъ дѣйствовать на избирателей, то они слишкомъ долго были близкими сосѣдями второй имперіи, чтобы не постигнуть механизмъ извращенія принципа всеобщей подачи голосовъ. Правительство имѣетъ вліяніе на выборы, разсуждаетъ Бисмаркъ; а развѣ партіи не имѣютъ, развѣ отдѣльныя лица не прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ, которыя не должны считаться дозволительными, развѣ не кроется какое-нибудь злоупотребленіе, «когда видишь, напримѣръ, что среди тысячъ рабочихъ не находится ни одного, который бы имѣлъ другое политическое убѣжденіе какъ его патронъ; и по моему мнѣнію, такое политическое единодушіе 6000 рабочихъ одной фабрики представляетъ собою фактъ гораздо болѣе удивительный и свидѣтельствующій гораздо лучше о злоупотребленіи вліянія, нежели какое-то внушеніе ландрата, о которомъ говорятъ». Вотъ когда справедливо можно было бы сказать Бисмарку: comparaison n'est pas raison, и то злоупотребленіе вліянія частнаго лица, которое все-таки представляется единичнымъ явленіемъ, не можетъ идти въ параллель съ хорошо организованнымъ злоупотребленіемъ вліянія правительства, дѣйствующаго при помощи своихъ чиновниковъ на пространствѣ всего государства.

Такимъ образомъ, принципъ всеобщей подачи голосовъ является у Бисмарка по-истинѣ ощипаннымъ. Онъ позаботился подрѣзать ему крылья, выщипать всѣ перья. Безъ настоящей свободы собраній, безъ большой свободы печати, и только съ однѣми оффиціальными кандидатурами, принципъ всеобщей подачи голосовъ лишенъ всей присущей ему силы, и въ рукахъ искуснаго правительства, каково правительство князя Бисмарка, можетъ превратиться въ орудіе злоупотребленій.

Весьма неблагодарный и крайне тяжелый трудъ задалъ бы себѣ тотъ, кто захотѣлъ бы изложить на основаніи собранія

Digitized by Google

рѣчей князя Бисмарка полную, стройную и послѣдовательную систему внутренняго управленія этого государственнаго человѣка. Задавшись такою задачею, пришлось бы поневолѣ прибѣгать къ всевозможнымъ натяжкамъ, такъ какъ такая система едва ли существуетъ не только въ рѣчахъ,—объ этомъ не можетъ быть и помину, —но даже и въ головѣ нѣмецкаго канцлера. Его система не поддается никакимъ опредѣленіямъ, это не система послѣдовательнаго консерватизма, еще менѣе послѣдовательнаго либерализма; въ его системѣ соединяются всевозможныя системы. Князь Бисмаркъ эклектикъ по преимуществу. Одного начала онъ держится непоколебимо,—это отстраненіе всего, что можетъ служить препятствіемъ осуществленію его воли. Едва ли въ теченіе всей своей дѣятельности онъ когда-нибудь задавался вопросомъ: что будетъ послѣ моей смерти, что будетъ, если мое мѣсто займетъ человѣкъ менѣе способный, менѣе талантливый? Бисмаркъ не далъ внутреннему устройству Германіи такой прочности, которая безъ ущерба для своего дальнѣйшаго развитія могла бы сносить перемѣну того или другого лица. Бисмаркъ, не опредѣлилъ себѣ самъ той системы, которую онъ долженъ положить въ основу внутренней жизни нѣмецкаго народа, не установилъ тѣхъ началъ, на основаніи которыхъ должно совершаться будущее развитіе націи. Вотъ отчего, сойди сегодня съ исторической сцены князь Бисмаркъ, во внутренней жизни Германіи можетъ весьма тяжело отозваться его удаленіе. Тотъ, кто заступитъ его мѣсто, не въ состояніи будетъ сказать: «я буду слѣдовать системѣ князя Бисмарка», потому что по совѣсти онъ не можетъ сказать, какова эта система. Человѣкъ съ либеральными тенденціями, онъ можетъ указать на весьма либеральныя начала, проводимыя нѣмецкимъ канцлеромъ; явится консерваторъ, ретроградъ, и онъ тоже не солжетъ, если объявитъ себя послѣдователемъ Бисмарка,—въ дѣятельности послѣдняго, въ положеніяхъ, которыя онъ проводилъ, не говоря о первомъ періодѣ дѣятельности, но и во второмъ, есть слишкомъ много такого, что реакціей можетъ быть истолковано въ свою пользу. Одни истинно великіе государственные люди оставляютъ послѣ себя стройную систему, которую могутъ продолжать и простые смертные; они набрасываютъ планъ зданія, по которому даже дюжиннымъ архитекторамъ не представляется особенной трудности вывести его до конца. Гдѣ этотъ планъ у Бисмарка? Его нѣтъ. Это замѣчательный мастеръ, но обладающій слишкомъ субъективнымъ талантомъ, чтобы создать школу, слѣдующую по его стопамъ. Когда у государственнаго человѣка есть цѣльная система внутренняго управленія государствомъ, вамъ

Digitized by Google

не трудно будетъ впередъ рѣшить, какъ поступитъ онъ въ томъ или другомъ вопросѣ. Попробуйте предрѣшать образъ дѣйствій Бисмарка, и вы можете быть увѣрены, что ошибетесь; развѣ благодаря случайности, чисто лотерейной, вы отгадаете. У насъ есть только одно прочное основаніе для рѣшенія вопроса: какъ поступитъ Бисмаркъ въ извѣстномъ вопросѣ? Основаніе это — все подчинять своей власти, всѣ нити государственной жизни держать въ своихъ рукахъ, и при непремѣнномъ условіи, чтобы руки эти были развязаны, и чтобы никто не могъ идти ему наперекоръ. Чтобы никто не могъ подумать, что онъ сколько-нибудь боится тяжести падающей на него отвѣтственности, онъ прибавляетъ: «Тотъ, господа, кто былъ министромъ-президентомъ совѣта, и находился въ необходимости одинъ принимать рѣшенія, кончаетъ тѣмъ, что болѣе не пугается отвѣтственности; но онъ пугается необходимости убѣждать семь человѣкъ въ томъ, что то, что онъ хочетъ, справедливо и хорошо. Это совсѣмъ иная работа, нежели управлять государствомъ... Я смотрю на устройство коллегіальнаго министерства, какъ на политическое заблужденіе и ошибку, которую каждое государство должно исправлять, какъ скоро это возможно». Такимъ образомъ, для Бисмарка, по его словамъ, несравненно легче управлять государствомъ, нежели дѣйствовать за-одно съ отвѣтственнымъ министерствомъ. Его рѣчи объ отвѣтственномъ министерствѣ какъ нельзя болѣе подтверждаютъ наши слова, что на всѣ вопросы Бисмаркъ смотритъ исключительно съ личной точки зрѣнія. Какой бы вопросъ внутренняго устройства ни былъ затронутъ, онъ непремѣнно сведетъ его на свою личность. Онъ былъ бы чрезвычайно удивленъ, еслибы кто-нибудь отвѣчалъ ему на его рѣчи такимъ образомъ: мы вамъ, князю Бисмарку, вполнѣ вѣримъ; мы знаемъ, что все, что вы дѣлаете, все что вы говорите прекрасно, чудесно, и мы вполнѣ убѣждены въ вашей непогрѣшимости, но мы не увѣрены только въ томъ, чтобы вы были безсмертны; мы хотимъ устроить государственное управленіе, не думая о тѣхъ, кто будетъ стоять въ его главѣ; если вы намъ поручитесь, что вы безсмертны, тогда мы готовы отказаться отъ всякихъ плановъ, проектовъ, заботъ о будущемъ! По всей вѣроятности, князь Бисмаркъ пришелъ бы въ нѣкоторое недоумѣніе, какъ ему отвѣчать. Въ его головѣ государственное устройство Германіи и онъ, Бисмаркъ, слились въ одно нераздѣльное цѣлое. Еслибы князь Бисмаркъ имѣлъ передъ собою не только настоящую минуту, но и будущее, то, конечно, на всякое предложеніе объ улучшеніи той или другой части внутренняго устройства Германіи онъ не отвѣчалъ бы съ такою самоувѣренностью:

Digitized by Google

«правительственная машина, которою мы управляемъ, дѣйствовала въ продолженіи двухъ лѣтъ такъ хорошо ко всеобщему благу, что вамъ почти надоѣло видѣть этотъ механизмъ такъ хорошо дѣйствующимъ. Вы чувствуете потребность вскрыть часы, вынуть одно колесо, чтобы можно было видѣть, не пойдутъ ли часы еще лучше».

Основываясь на такой личной политикѣ можно было бы ожидать, что во всѣхъ внутреннихъ вопросахъ Бисмаркъ обнаружитъ стремленіе все стягивать въ одни руки, все сводить къ одному лицу, къ одной власти, къ одному мѣсту, однимъ словомъ—стремленіе къ централизаціи. Всѣ государственные дѣятели, обладавшіе такою же деспотическою натурою какъ и Бисмаркъ, всѣ почти были сторонниками централизаціи. Но и тутъ, какъ и во всемъ остальномъ, нѣмецкій канцлеръ не поддается заранѣе составленнымъ опредѣленіямъ, и неожиданно является горячимъ сторонникомъ децентрализаціи. Къ сожалѣнію, этому важному вопросу внутренняго управленія ему не пришлось посвятить ни одной полной рѣчи, и онъ высказывалъ свои мысли по этому поводу только мимоходомъ, говоря о другихъ вопросахъ. Децентрализація служила и продолжаетъ служить для него однимъ изъ сильныхъ орудій умиротворенія земель и населеній, насильственнымъ образомъ присоединенныхъ къ Германіи, и только въ децентрализаціи онъ видитъ залогъ, основу хорошаго внутренняго управленія. Примѣромъ Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, на которые онъ любитъ ссылаться, доказываетъ онъ необходимость децентрализаціи, обезпечивающей благосостояніе страны. «Бросьте вашъ взоръ, говорилъ онъ, на государства, которыя получили, сравнительно съ ихъ матеріальными силами, большое развитіе, отъ котораго не пострадала ихъ внутренняя свобода — а я думаю, что она вамъ дорога — вы увидите, что эти государства принадлежатъ въ особенности къ исторіи германскихъ расъ, и что онѣ въ основѣ своей имѣютъ, я не скажу федерализмъ, но децентрализацію. Я назову вамъ, какъ поразительный примѣръ, Англію, гдѣ партикуляризмъ прячется въ деревняхъ и графствахъ и не оставляетъ никакого слѣда на географическихъ картахъ, но тамъ господствуетъ децентрализація, на подражаніе которой мы употребляемъ всѣ наши усилія. Посмотрите также на большіе, сильные и могущественные Американскіе Штаты. Смотрятъ-ли тамъ на централизацію, какъ на палладіумъ свободы, какъ на основаніе раціональнаго развитія. Подумайте о Швейцаріи и объ устройствѣ ея кантоновъ»...

Въ виду развитія децентрализаціи, Бисмаркъ уже три года назадъ, въ февралѣ 1870 года, настаивалъ въ прусской палатѣ

Digitized by Google

господъ на необходимости реформы мѣстнаго самоуправленія, уже три года назадъ онъ говорилъ о той реформѣ, которая только теперь окончательно прошла, вызвавъ всѣмъ извѣстное столкновеніе правительства съ реакціонною палатою господъ. «Въ интересѣ правительства, говорилъ Бисмаркъ, не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія относительно его самаго серьёзнаго намѣренія, осуществить реформу въ организаціи округовъ, реформу безусловно необходимую и требуемую вообще общественнымъ мнѣніемъ. Прежде, чѣмъ мы въ состояніи начать въ Пруссіи вводить децентрализацію въ дѣлахъ, мы должны переустроить организацію округовъ». Бисмаркъ еще въ ту эпоху говорилъ, что какихъ-бы усилій ни стоило правительству провести эту реформу, она тѣмъ не менѣе будетъ проведена.

Если въ вопросѣ централизаціи и децентрализаціи Бисмаркъ шелъ въ разрѣзъ съ единственнымъ его основнымъ принципомъ во внутренней политикѣ, принципомъ, выражающимся въ звукѣ: я, и въ словахъ: *моя* воля! то въ другомъ вопросѣ, весьма важномъ для хорошаго внутренняго управленія, онъ ломалъ хорошее существующее начало, такъ какъ оно мѣшало разыгрываться личному произволу. Устройство администраціи въ каждомъ государствѣ составляетъ весьма важный вопросъ въ жизни народа. Дурная администрація, невѣжественная бюрократія—это такое зло, отъ котораго не легко отдѣлаться. Разъ утвердившись, эта бюрократія сосетъ, сосетъ, сосетъ безъ конца. Пруссія всегда хвалилась своею администраціею, она была, такъ сказать, ея гордостью. Строгіе экзамены, пройти черезъ которые было необходимостью, чтобы получить мѣсто, новые экзамены для полученія высшаго мѣста почитались одною изъ гарантій хорошаго состава администраціи. Произволъ, протекція, пріятельство, играющіе часто важную роль при назначеніи на мѣста и благодаря которымъ сплошь и рядомъ на довольно видныхъ мѣстахъ являются весьма странные люди,—въ Пруссіи, вслѣдствіе установленныхъ экзаменовъ, значительно лишались своей силы. Но Бисмаркъ видѣлъ въ подобномъ устройствѣ администраціи только одно: ограниченіе власти, личной воли, и потому онъ объявилъ подобное устройство никуда негоднымъ. Бисмаркъ высказывалъ по поводу этого вопроса мысль, которая не могла быть пріятна сердцу нѣмецкихъ патріотовъ, гордившихся своею администраціею. Если до сихъ поръ смотрѣли на организацію администраціи, какъ на основаніе величія прусской монаркіи, то это, по мнѣнію Бисмарка, большая ошибка. «Согласно моему личному убѣжденію, говорилъ онъ, я утверждаю, что если Пруссія могла найти свою дорогу и пройти

Digitized by Google

ее такъ, какъ она прошла на нашихъ глазахъ, то это случилось *несмотря* на организацію администраціи»... Королевская власть, утверждалъ Бисмаркъ, не должна быть стѣснена какими-то экзаменами въ назначеніи тѣхъ или другихъ лицъ. «Я не могу не возставать противъ стѣсненія, говорилъ онъ отъ имени правительства, которое тѣмъ болѣе невозможно допустить, что правительство во всякомъ случаѣ отвѣтственно за всѣхъ своихъ чиновниковъ, а между такою отвѣтственностью и подобнымъ стѣсненіемъ, особенно въ конституціонномъ государствѣ, существуетъ явная несовмѣстность». Конечно, еслибы кто-нибудь спросилъ Бисмарка, передъ кѣмъ отвѣтственна верховная власть, о которой онъ говоритъ, то едва ли онъ съумѣлъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Онъ повторялъ фразу Наполеона III объ отвѣтственности правительства и его главы. Законъ объ испытаніяхъ для полученія мѣста заключаетъ въ себѣ большую нравственную силу. Предоставить назначить на какія угодно мѣста безъ испытаній, когда захочется то правительству, значитъ не только лишить законъ всякой нравственной силы, но еще обратить его въ орудіе неравенства, протекціи и т. п. Бисмаркъ, безъ сомнѣнія, сознавалъ это, но онъ сознавалъ вмѣстѣ, что подобный законъ связываетъ ему руки, служитъ помѣхой власти, и въ силу этого онъ возстаетъ противъ него.

Такимъ образомъ во всѣхъ вопросахъ внутренней политики онъ руководится не какою-нибудь системою управленія, не какимъ-нибудь принципомъ, а исключительно однимъ: желаніемъ, чтобы ничто не мѣшало личной власти, чтобы всегда у этой власти были развязаны руки.

До сихъ поръ мы касались воззрѣній князя Бисмарка только и исключительно на такіе вопросы внутренняго управленія, которые по преимуществу могутъ быть названы вопросами политическими. Но кромѣ этихъ вопросовъ есть еще и другіе, не менѣе важные,—вопросы экономическіе, нравственные, о которыхъ мы не сказали ни слова, и къ сожалѣнію, не можемъ сказать очень много. Только весьма немногія, сравнительно, рѣчи нѣмецкаго канцлера посвящены этимъ вопросамъ, да и въ этихъ немногихъ рѣчахъ политическія цѣли до такой степени обусловливаютъ воззрѣнія на нихъ Бисмарка, что на вопросъ, какъ смотритъ замѣчательный государственный человѣкъ Германіи на экономическія стороны внутренняго управленія, какъ-то: на систему налоговъ, на рабочій вопросъ, на развитіе въ Германіи соціальной агитаціи, какъ смотритъ онъ на вопросы нравственные, къ которымъ мы отнесемъ вопросъ о свободѣ религіи, народнаго

Digitized by Google

просвѣщенія, системы наказаній и т. п.,—мы едва-ли въ состояніи дать обстоятельный отвѣтъ. Но при всемъ томъ, какъ ни бѣденъ этотъ отдѣлъ рѣчей князя Бисмарка, постараемся все-таки подвести итогъ его воззрѣніямъ.

Финансовыя воззрѣнія князя Бисмарка обрисовываются въ его рѣчахъ, посвященныхъ прусскимъ и федеральнымъ финансамъ, а также въ тѣхъ мѣстахъ его рѣчей, гдѣ онъ высказываетъ свои мысли по поводу различныхъ налоговъ. Въ одной изъ своихъ рѣчей, относящихся еще къ первому періоду, Бисмаркъ припоминалъ, что «прусскій король никогда не былъ по преимуществу королемъ богатымъ». Онъ приводитъ также слова Фридриха II-го, который, будучи еще наслѣднымъ принцемъ, т.-е. въ этомъ обыкновенномъ періодѣ высшаго развитія либерализма будущихъ королей, говорилъ: «Quand je serai roi, je serai un vrai roi des gueux»! и нѣмецкій канцлеръ, подтверждая какъ бы эти слова, прибавлялъ, что «этому принципу прусскіе короли всегда оставались вѣрны». Фридрихъ II, ужъ если цитировать его, говорилъ также, что обязанность правителя заключается въ томъ, чтобы какъ можно чаще думать о положеніи бѣднаго народа, и рекомендовалъ тѣмъ, которые стоятъ во главѣ управленія страною почаще «становиться въ положеніе крестьянина и фабричнаго, и спрашивать себя: еслибы я родился въ средѣ этихъ людей, для которыхъ весь капиталъ это ихъ руки, что̀ бы я требовалъ отъ правителя? То, что здравый смыслъ въ такомъ случаѣ указалъ бы ему,—его обязанность привести въ исполненіе». Но какъ самъ Фридрихъ II не слѣдовалъ вовсе собственнымъ указаніямъ и напротивъ всячески содѣйствовалъ обогащенію дворянства въ ущербъ неимущимъ классамъ, изъ которыхъ войны высасывали послѣднюю кровь вмѣстѣ съ послѣдними крохами ихъ добра, точно также и Бисмаркъ въ той системѣ налоговъ, которую онъ рекомендуетъ, развиваетъ мысль, что самые выгодные налоги, это тѣ, которые падаютъ на массу народа, и что налоги, спеціально направленные на богатыхъ, въ сущности самые вздорные, мало приносящіе дохода, и потому эти налоги должны быть оставлены въ сторонѣ. Исходя отсюда Бисмаркъ, когда явилась необходимость установить новые налоги, настаивалъ на такихъ, которые всею тяжестью должны были падать на неимущіе классы, какъ-то налогъ на спиртные напитки, на соль и т. п. Бисмаркъ лучшими налогами считаетъ косвенные, а не прямые налоги. Прямые слишкомъ «грубо» падаютъ на облагаемыхъ, высказываетъ онъ. О томъ налогѣ, который въ настоящее время признается лучшими умами самымъ справедливымъ налогомъ, о томъ, который долженъ быть

Digitized by Google

введенъ во всѣхъ государствахъ и въ пользу котораго высказались наши земства, именно подоходномъ налогѣ Бисмаркъ весьма невысокаго мнѣнія. Это, по его мнѣнію, налогъ самый вздорный, о которомъ не должно быть и рѣчи. Свои финансовыя воззрѣнія, сводящіяся къ наибольшему обложенію неимущихъ и къ наименьшему имущихъ, Бисмаркъ впрочемъ не облекаетъ въ грубую, рѣзкую форму. Никто такъ искренно не принимаетъ къ сердцу интереса неимущихъ классовъ, онъ вполнѣ раздѣляетъ тѣ воззрѣнія, которыя высказывалъ Фридрихъ II, но онъ только, если вполнѣ довѣрять его словамъ, трезво смотритъ на вещи и терпѣть не можетъ сантиментальничать съ народомъ. Говорить о томъ, что налоги падаютъ всею тяжестью на бѣдныхъ и нисколько не обременяютъ богатыхъ, это значитъ, какъ говоритъ князь Бисмаркъ, только возбуждать одинъ классъ противъ другого. «Что дѣлалъ, спрашиваетъ нѣмецкій канцлеръ, какъ не возбуждалъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, тотъ депутатъ, который, критикуя налоги на спиртные напитки, «указывалъ, съ одной стороны, на ничтожную долю обложенія, которая упадаетъ на бароновъ финансовъ, какъ онъ называетъ ихъ, въ налогахъ съ желѣзныхъ дорогъ, и съ другой стороны выставилъ, какъ каждый изъ такихъ налоговъ обременяетъ, говоритъ онъ, извѣстныя категоріи рабочихъ, путешествующихъ въ четвертомъ классѣ. Неужели г. депутатъ не чувствовалъ, что говоря такимъ образомъ онъ дѣлалъ именно то, что осуждалъ самъ такъ строго и такъ справедливо? Таково было мое впечатлѣніе, продолжаетъ Бисмаркъ, и я просилъ бы васъ устранить подобнаго рода аргументы. Если есть нѣсколько лицъ дѣйствительно чрезвычайно богатыхъ, то я могу только сожалѣть, что есть немного такихъ, такъ какъ налогъ на доходъ доставилъ бы тогда дѣйствительно большія средства, и мы бы не были поставлены въ необходимость облагать источники матеріальныхъ удовлетвореній, которые мы съ такимъ удовольствіемъ предоставили бы бѣднымъ. Большія состоянія, къ несчастью, слишкомъ рѣдки, чтобы подоходный налогъ могъ доставить важные результаты». Устраняя подоходный налогъ, какъ такой, который не можетъ доставить необходимыхъ средствъ, Бисмаркъ приходитъ къ выводу о необходимости усилить тѣ косвенные налоги, которые всею тяжестью падаютъ на неимущіе классы. Свои воззрѣнія онъ облекаетъ въ самую либеральную форму, хотя и весьма рѣзко нападаетъ на тѣхъ, которые слишкомъ много толкуютъ о бѣдности народа.

«Цѣль, говоритъ онъ,—которую каждый изъ насъ имѣетъ передъ собою—это организовать налоги такимъ образомъ, чтобы они доставляли одинаковую сумму съ наименьшимъ обремененіемъ пла-

Digitized by Google

тельщиковъ. Весь вопросъ заключается въ томъ, какіе же налоги обладаютъ этою добродѣтелью. Во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ для неимущихъ классовъ, это не прямые налоги; человѣкъ, который имѣетъ сто тысячъ талеровъ годового дохода, можетъ при случаѣ заплатить 80 процентовъ; но есть другія лица, которыя не всегда имѣютъ средства заплатить подушную подать—эту послѣднюю ступень въ классификаціи налога. Я не причисляю прямыхъ налоговъ, которые тяготѣютъ на плательщикѣ съ извѣстною грубостью, имѣетъ ли онъ состояніе или нѣтъ—къ числу легкихъ налоговъ. Я не могу точно также считать таковыми тѣ, которые падаютъ на первыя потребности жизни, на хлѣбъ и на соль; и еслибы я сталъ рисовать передъ вами картину, какъ жестоко лишать бѣдняка его трубки и подкрѣпляющаго силы напитка, и еслибы я говорилъ такимъ образомъ, зная хорошо, что я продолжаю требовать у бѣдняка подушную подать и налогъ на хлѣбъ, я былъ бы достаточно честенъ передъ моею совѣстью, чтобы спросить себя, съ какою цѣлью я прибѣгаю къ этому лицемѣрному сантиментальничанью».

Однимъ словомъ, и въ этомъ вопросѣ, вопросѣ о налогахъ, какъ и во всякомъ другомъ, о которомъ высказывался Бисмаркъ, на первомъ планѣ стоитъ у него политическая цѣль—устройство сильнаго государства, достигнуть которой онъ рѣшился какою-бы ни было цѣною. Во всемъ, что хотя косвенно касалось этой цѣли,—а у Бисмарка все касалось ея,—онъ уже не видѣлъ ничего другого. Какой-бы вопросъ ни возникалъ передъ нимъ, онъ смотрѣлъ на него непремѣнно съ точки зрѣнія этой цѣли, осуществить которую взялся онъ, князь Бисмаркъ, а слѣдовательно онъ и вправѣ топтать все, что становится помѣхой для него, а слѣдовательно и для его цѣли. Такимъ образомъ, эту цѣль вводилъ онъ во всѣ свои рѣчи, и въ рѣчахъ, посвященныхъ финансамъ государства, новымъ налогамъ, онъ цѣлую половину посвящаетъ чистой политикѣ. Его финансовыя рѣчи пересыпаны подобными вставками: «Я говорю, что ваша дѣйствительная критика, которая заключается въ томъ, чтобы отнимать у насъ необходимыя средства для управленія, въ такомъ только случаѣ можетъ быть оправдана, если вы готовы заступить мое мѣсто и управлять сами страною съ тѣми самыми средствами, которыя вы признаете достаточными для меня. Когда вы будете на томъ мѣстѣ, на которомъ нахожусь я, господа, говорилъ Бисмаркъ, вызывая на сцену грозный призракъ внѣшняго врага, нападающаго на Германію, тогда я желалъ бы посмотрѣть на того, который будетъ имѣть смѣлость взять на себя отвѣтственность обезоруженія нашей страны въ эту минуту и

Digitized by Google

отнять у націи ту гарантію мира, которая заключается въ ея собственной силѣ. Въ другой странѣ, и съ оффиціальнаго мѣста,— припоминалъ Бисмаркъ въ 1869-мъ году слова, произнесенныя маршаломъ Ніэлемъ,—было сказано: «Миръ Европы покоится на шпагѣ Франціи». Я ссылаюсь буквально на эти слова, чтобы самому ни слова не сказать о предметѣ, о которомъ я говорю весьма неохотно; но что эти слова, примѣненныя къ каждому государству, что каждое государство, ревнивое къ своей чести и къ своей независимости, должно также имѣть сознаніе, что его миръ и его безопасность покоятся на *собственной шпагѣ*, справедливы — я думаю, господа, что въ этомъ мы всѣ согласны.» Вотъ та точка зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на финансы, на введеніе тѣхъ или другихъ налоговъ, точка зрѣнія, имѣющая весьма мало общаго съ какою-нибудь финансовою системою, проводимою государственнымъ человѣкомъ.

Тяжелъ или легокъ какой-нибудь налогъ, Бисмаркъ рѣшалъ смотря потому, въ какой мѣрѣ онъ нуждался въ средствахъ. Мы видѣли, напр., что разсуждая о налогѣ на спиртные напитки, онъ признавалъ весьма тяжелымъ налогомъ—налогъ на соль. Но проходитъ два-три года, и для Бисмарка тотъ же самый налогъ на соль въ 1872 году кажется уже не только не тяжелымъ, но легкимъ налогомъ, весьма мало обременяющимъ неимущіе классы. Въ это время онъ уже разсуждаетъ о налогѣ на соль такъ, какъ онъ разсуждалъ о налогѣ на спиртные напитки, и мы приведемъ образчикъ его разсужденій не для того, конечно, чтобы показать какъ думаетъ князь Бисмаркъ именно объ этомъ налогѣ, а для того, чтобы вообще показать его манеру относиться къ финансовымъ вопросамъ. «Налоги всѣ непріятны, всѣ тяжелы, говорилъ князь Бисмаркъ; они обладаютъ тѣмъ печальнымъ свойствомъ, что только тѣ, которые платятся большою массою бѣдными, наполняютъ въ концѣ концовъ кассу министра финансовъ, такъ какъ богатые не столь многочисленны, чтобы имѣть возможность имъ однимъ пополнить цифру доходовъ». Подобнымъ же образомъ разсуждаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ: «Всегда, говоритъ онъ, налогъ, въ которомъ имперія наиболѣе нуждается, всегда представляютъ такою тяжестью, которая особенно подавляетъ бѣдныхъ людей. Когда въ залѣ Dönhofplatz'а обсуждали налогъ на табакъ, я помню, что тогда «трубка бѣдняка» играла большую роль. Точно также, когда обсуждали налогъ на петроль, ту же роль играло освѣщеніе бѣдняка; но до тѣхъ поръ, пока мы не облагаемъ хлѣбъ и говядину, я могу сказать, что въ моихъ глазахъ такая система разсужденій принадлежитъ къ области политическаго лицемѣрія, которую на по-

Digitized by Google

литической почвѣ позволяешь при надобности употреблять самому себѣ, и которую уступаешь другимъ... Господа, вы видите, съ откровенностью прибавилъ Бисмаркъ, я не исключаю и самого себя.» Съ народомъ сантиментальничать не слѣдуетъ; говорить, что онъ платитъ слишкомъ много налоговъ, это значитъ политически лицемѣрить; платить, конечно, можетъ быть и непріятно для народа, но онъ долженъ платить, на него должна падать главная тягость налоговъ, такъ какъ обложеніе богатыхъ принесло бы слишкомъ мало доходовъ—вотъ разсужденіе князя Бисмарка.

Бисмаркъ, впрочемъ, не всегда относится къ народу, къ неимущимъ классамъ, съ такою холодностью и какъ бы безчувственностью. Когда ему нужно для какихъ-нибудь спеціальныхъ цѣлей, какъ напр., унизить въ глазахъ страны депутатовъ и возвысить себя и министерство, онъ находитъ въ себѣ самыя чувствительныя струны, самыя нѣжныя слова для выраженія своей симпатіи къ рабочимъ классамъ. «На томъ мѣстѣ, на которомъ я нахожусь,—говоритъ онъ въ одной рѣчи, посвященной положенію рабочихъ,—мы не привыкли смотрѣть какъ на игру на жалобы бѣднаго люда, мы не привыкли отталкивать ихъ съ предвзятымъ намѣреніемъ, какъ бы можетъ быть того хотѣлось богатымъ, противъ которыхъ раздаются эти жалобы». При этомъ Бисмаркъ увѣряетъ, что королевская власть, уничтожившая крѣпостное право, надѣется точно также улучшить положеніе рабочаго класса, составляющаго постоянный предметъ ея заботливости, и вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что хотя жалобы рабочихъ до извѣстной степени и основательны, но все-таки въ этихъ жалобахъ сильно преувеличиваются бѣдствія рабочаго класса. «Тотъ, который проситъ помощи, всегда наклоненъ представлять свое положеніе насколько возможно въ мрачномъ видѣ и нужду свою изображать въ самыхъ яркихъ краскахъ», но когда «крикъ отчаянія и нищеты клеймится словомъ ложь», то слово это «мнѣ кажется, прибавляетъ Бисмаркъ, слишкомъ жесткимъ». Но мы уже знаемъ, что всѣ великодушныя чувства по отношенію къ народу, всякое заступничество за его бѣдственное положеніе Бисмаркъ называетъ политическимъ лицемѣріемъ, и потому мы не чувствуемъ особеннаго расположенія смотрѣть, какъ на нѣчто серьёзное, на его выраженія симпатіи къ рабочимъ классамъ.

Признавая, что «бѣдствія рабочихъ проистекаютъ изъ общаго соціальнаго положенія рабочаго сословія, взятаго въ цѣломъ», Бисмаркъ вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ свое полное одобреніе всѣмъ тѣмъ мѣрамъ, которыя предпринимались и предпринимаются, чтобы не допускать рабочіе классы выяснять свое положеніе и

Digitized by Google

самимъ позаботиться объ улучшеніи своего быта. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ. Бисмаркъ и на весь народъ, какъ и на все остальное, смотритъ съ точки зрѣнія своей цѣли, которой мѣшаетъ всякая внутренняя агитація, на какой бы законной почвѣ она ни стояла. Соціальнаго вопроса для Бисмарка не существуетъ, изъ-за своихъ политическихъ цѣлей онъ не въ состояніи разглядѣть его.

Тотъ же политическій вопросъ, та же политическая цѣль обусловливали воззрѣнія Бисмарка и на другія стороны народной жизни, стороны нравственныя. Въ сферѣ нравственной одно изъ первыхъ мѣстъ безспорно занимаетъ вопросъ религіозный. Какъ же Бисмаркъ смотритъ на него? «Власть правителя не простирается на образъ мыслей гражданъ. Нужно быть совершенно безумнымъ, чтобы представить себѣ людей, которые, обратившись къ одному человѣку, сказали бы ему: мы васъ ставимъ надъ нами, потому что мы любимъ рабство, и мы предоставляемъ вамъ власть управлять по вашему усмотрѣнію нашими мыслями? Они напротивъ сказали бы: мы нуждаемся въ васъ, чтобы поддерживать законы, которымъ мы хотимъ повиноваться, чтобы вы управляли нами разумно, чтобы вы защищали насъ: во всякомъ случаѣ мы требуемъ, чтобы вы уважали нашу свободу. Вотъ какое рѣшеніе было постановлено; оно безапелляціонно, и эта терпимость такъ выгодна обществу, гдѣ она установлена, что она составляетъ счастіе государства. Когда вѣроисповѣданіе свободно, все спокойно, въ то время, какъ преслѣдованія даютъ поводъ къ самымъ кровавымъ религіознымъ распрямъ, самымъ гибельнымъ и разрушительнымъ». Въ отношеніи этой свободы вѣроисповѣданій, свободы совѣсти, которую проповѣдуетъ другъ и ученикъ Вольтера, Бисмаркъ строго слѣдуетъ указанію Фридриха II. Онъ высказывается рѣшительно въ пользу этого единственно разумнаго принципа, говоря: «Я вполнѣ соглашаюсь съ принципомъ, что всякое исповѣданіе должно пользоваться полною свободою дѣйствій, полною свободою вѣрованія». Пусть каждый гражданинъ государства вѣритъ во что онъ хочетъ, пусть онъ молится какому хочетъ Богу, пусть онъ ни во что не вѣритъ и принадлежитъ къ такъ-называемымъ свободнымъ мыслителямъ, до тѣхъ поръ, пока онъ своимъ вѣрованіемъ или безвѣріемъ не стѣсняетъ свободу другихъ лицъ, до тѣхъ поръ государство обязано защищать его, потому что государство не можетъ и не должно имѣть власти, какъ выражался Фридрихъ II, надъ совѣстію и мыслями гражданъ. Бисмаркъ вполнѣ соглашается съ этимъ началомъ, которое, объявляетъ онъ, служитъ его исходною точкою въ религіозныхъ вопросахъ.

Digitized by Google

«Всякій догматъ, хотя бы мы и не вѣрили и не признавали его, но котораго держатся милліоны и милліоны гражданъ страны, долженъ быть священъ для ихъ согражданъ и для правительства. Но мы не можемъ допустить, съ рѣшительностью произноситъ Бисмаркъ, чтобы духовная власть присвоивала себѣ право, на которое она претендуетъ, право владѣть частью государственной власти, и насколько она обладаетъ этимъ правомъ, мы вынуждены, въ интересахъ спокойствія, ограничить ее, чтобы мы могли жить рядомъ другъ съ другомъ, чтобы мы не враждовали другъ съ другомъ, наконецъ, чтобы мы по возможности менѣе вынуждены были безпокоиться здѣсь о теологіи».

Но какъ бы сильны ни были эти рѣчи, въ нихъ слышится постоянно то же, что и во всѣхъ остальныхъ рѣчахъ князя Бисмарка. Онѣ не вызваны глубокимъ убѣжденіемъ въ справедливости и полезности этого принципа; свобода религіи, отдѣленіе церкви и государства не то, чего желаетъ достигнуть Бисмаркъ, эти вопросы являются у него не цѣлію, а средствомъ — средствомъ разбить на-голову своихъ политическихъ враговъ, нанести вѣскій ударъ образовавшейся коалиціи католико-феодально-польской. Однимъ словомъ, и тутъ воззрѣніе его на свободу религіи, на права церковной власти обусловливается не убѣжденіемъ въ правотѣ извѣстнаго принципа, а исключительно пользою, выгодою политическою, которую онъ желаетъ извлечь изъ проведенія въ политическую жизнь подобнаго принципа. Онъ встрѣтился тутъ съ Фридрихомъ II не потому, чтобы въ этомъ вопросѣ онъ былъ такимъ же послѣдователемъ и защитникомъ свободы совѣсти, какимъ былъ прусскій король-философъ, а только потому, что эта свобода подошла, такъ сказать, подъ его политическія стремленія. Въ противномъ случаѣ, Бисмаркъ разсуждалъ бы иначе, и вотъ тому доказательство: «Когда я возвратился изъ Франціи, говорилъ Бисмаркъ въ январѣ 1872 года, я былъ подъ тѣмъ впечатлѣніемъ и питалъ вѣру, что въ католической церкви правительство найдетъ себѣ помощь, быть можетъ помощь нѣсколько неудобную, и пользоваться которою нужно было бы съ осторожностью. Я тревожился вопросомъ, какъ мы примемся за дѣло, видя передъ собою друзей нѣсколько требовательныхъ, когда вопросъ идетъ объ удовлетвореніи ихъ съ политической точки зрѣнія, какъ мы поступимъ, чтобы жить съ ними въ тѣсной дружбѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не отдѣляться отъ большинства страны. Этотъ вопросъ былъ у меня на первомъ планѣ каждый разъ, что я думалъ о внутреннихъ дѣлахъ. Я былъ въ дѣйствительности удивленъ, когда я увидѣлъ ту позицію, которую

Digitized by Google

заняла мобилизованная армія этой партіи. Но я тщательно воздерживался отъ того, чтобы что-либо сказать по этому поводу въ первомъ рейхстагѣ; вопросъ, говорилъ я себѣ, слишкомъ важенъ, подождемъ, посмотримъ, какъ станетъ эта партія развиваться, другъ она намъ или недругъ, и я молчалъ». Бисмаркъ надѣялся, что эта строгая католическая партія окажетъ ту помощь, которая «воздастъ цесарю цесарево», и что она будетъ содѣйствовать укрѣпленію въ низшихъ слояхъ чувства преданности и уваженія къ правительству. Бисмаркъ былъ пораженъ, какъ онъ сознается и самъ, что эта католическая партія, вмѣсто того, чтобы поддерживать въ народѣ любовь къ правительству, вдругъ обрушилась на него и всячески начала стараться подрывать въ глазахъ народа правительственный авторитетъ, строго критикуя каждое его дѣйствіе, каждый поступокъ, проливая свѣтъ на то, «въ чемъ можно упрекнуть наше правительство, какъ каждое правительство, въ виду того, что въ человѣческихъ дѣлахъ нѣтъ совершенства». Съ этой минуты, когда Бисмаркъ убѣдился во враждебныхъ чувствахъ этой партіи, дѣло католической церкви было рѣшено. «Я всегда считалъ хорошимъ принципъ быть другомъ друга, и если не врагомъ врага, то противникомъ противника». Этотъ принципъ примѣненъ нѣмецкимъ канцлеромъ и въ католическомъ вопросѣ, и въ умѣ его было—нанести ударъ католицизму.

Лучшимъ ударомъ католицизму могла быть реформа народнаго образованія, а именно, законъ о надзорѣ за народными школами, которому Бисмаркъ и посвятилъ нѣсколько рѣчей. Какъ въ вопросѣ свободы религіи, отдѣленія церкви и государства, онъ становится на чисто практическую почву и разсматриваетъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія борьбы партіи, съ точки зрѣнія усиленія правительственной власти и пораженія клерикальной оппозиціи, точно также и на вопросъ о народномъ образованіи онъ смотритъ исключительно съ узкой точки зрѣнія побѣды надъ выжившимъ изъ ума клерикализмомъ. Въ обсужденіи этого вопроса онъ не вноситъ широкаго плодотворнаго взгляда, онъ не бьетъ своихъ противниковъ преимуществомъ принципа свѣтскаго образованія передъ принципомъ клерикальнаго; нѣтъ, всѣ свои аргументы онъ черпаетъ въ необходимости вырвать сильное оружіе анти-правительственной пропаганды изъ рукъ своихъ противниковъ. И тутъ мы должны сказать еще разъ то же, что говорили уже нѣсколько разъ: сильный государственный умъ, пролагающій новые пути, богатый идеями, поставилъ бы этотъ вопросъ, въ виду той же борьбы, на совершенно иную почву. Та-

Digitized by Google

вой же практическій государственный человѣкъ, какъ Бисмаркъ, откровенно говоритъ, какая причина заставляетъ его желать отнять у духовенства его всемогущество въ дѣлѣ первоначальнаго образованія: «Мы требуемъ практическаго оружія для защиты; принципы въ подобномъ вопросѣ скорѣе разъединяютъ, нежели соединяютъ». Итакъ, принципъ въ сторону, важно только «практическое оружіе» въ борьбѣ съ новымъ для современной Германіи врагомъ.

Въ заключеніе обзора рѣчей князя Бисмарка, касающихся внутренней политики, остановимся еще на одномъ вопросѣ изъ области нравственныхъ интересовъ государства и посмотримъ, что думаетъ о немъ знаменитый канцлеръ нѣмецкой имперіи. Мы подразумѣваемъ вопросъ о смертной казни, вызвавшій въ рейхстагѣ такія оживленныя пренія и рѣшенный имъ не въ смыслѣ прогресса, исключительно благодаря вліянію Бисмарка. На этомъ вопросѣ тѣмъ болѣе слѣдуетъ остановиться, что рѣчь нѣмецкаго канцлера принадлежитъ къ лучшимъ его рѣчамъ въ отношеніи силы и ораторскаго искусства, хотя съ воззрѣніями князя Бисмарка въ этомъ вопросѣ еще менѣе можно согласиться, чѣмъ со всѣми остальными его идеями. Бисмаркъ, мы видѣли, вообще терпѣть не можетъ обобщеній, развитія идей; онъ предпочитаетъ въ каждомъ вопросѣ замыкаться въ тѣсныя рамки, указываемыя политическою пользою или политическимъ вредомъ, проистекающимъ изъ того или другого взгляда, того или другого рѣшенія. Но въ рѣчи, посвященной смертной казни, князь Бисмаркъ нѣсколько отступаетъ отъ своей обычной манеры и вдается въ такія общія разсужденія, которыя проливаютъ свѣтъ на самыя сокровенныя философскія воззрѣнія князя Бисмарка о жизни, безсмертіи души и т. п. Его философія скудная, бѣдная, но принаровленная къ его практическимъ политическимъ воззрѣніямъ, далеко, однако, не лишена интереса.

Во время обсужденія въ рейхстагѣ сѣверо-германскаго уголовнаго кодекса, двое депутатовъ внесли предложеніе объ отмѣнѣ смертной казни. Значительное большинство было расположено принять это предложеніе, противъ котораго рѣшительно возсталъ федеральный совѣтъ, хотя и тутъ были голоса, требовавшіе исключенія смертной казни изъ системы наказаній. Большинство же федеральнаго совѣта, въ которомъ Пруссія имѣетъ такое преобладающее значеніе, ни подъ какимъ условіемъ не желало допустить такой отмѣны, точно опасаясь, что уничтоженіе смертной казни подвергнетъ государство неминуемому разрушенію. Бисмаркъ явился въ рейхстагѣ представителемъ этого большинства и

Digitized by Google

пустилъ въ ходъ всю силу своего убѣжденія, всѣ свои привычные пріемы и уловки, чтобы восторжествовать надъ оппозиціоннымъ большинствомъ рейхстага. Стóитъ ли такъ много говорить, стóитъ ли подымать такой шумъ изъ-за смертной казни — вотъ первый вопросъ, которымъ задается Бисмаркъ. «Мнѣ кажется, говоритъ онъ, что противники смертной казни преувеличиваютъ цѣну, которую они даютъ жизни, и важность, которую они приписываютъ смерти». Бисмаркъ держится того воззрѣнія, которое такъ давно уже выражено было стихами нашего поэта:

А жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Какая пустая и глупая шутка!

и которое въ болѣе серьёзной формѣ отлилось въ той нѣмецкой философіи отчаянія, которую такъ недавно проповѣдывалъ Гартманъ въ своемъ сочиненіи, получившемъ громкую извѣстность. Жизнь въ сущности вздоръ, о которомъ вовсе не стóитъ такъ много заботиться; посмотрите, сколько людей умираетъ на фабрикахъ, заводахъ, желѣзныхъ дорогахъ и т. п., и однако никто не приходитъ въ отчаяніе, никто даже не говоритъ объ этомъ, всѣ считаютъ, что это въ порядкѣ вещей. «У васъ подымаются какія-то угрызенія въ такое время, которое не обладаетъ вообще сердцемъ, слишкомъ чувствительнымъ къ человѣческой жизни. Сколько существованій ставится на карту ради удобствъ общества, ради потребностей промышленности. Сколько случаевъ смерти вслѣдствіе взрывовъ паровыхъ машинъ, сколько въ рудникахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, на фабрикахъ, гдѣ ядовитые пары разрушаютъ здоровье работника, и все-таки никому не приходитъ на умъ, ради сохраненія человѣческой жизни, наложить запрещеніе на тѣ услуги, которыя оказываются этими отраслями промышленности удобству и благосостоянію общества». Тутъ, очевидно, логика нѣсколько измѣняетъ нѣмецкому министру, потому что иначе для него было бы ясно, что онъ сравниваетъ вещи совершенно неудобосравнимыя.

Изъ вѣры въ будущую жизнь Бисмаркъ дѣлаетъ аргументъ въ пользу смертной казни. Жизнь земная пустяки, онъ не ставитъ ее ни въ грошъ, но онъ цѣнитъ очень высоко жизнь на небѣ, которую нельзя отнять у человѣка. Еслибы земную жизнь онъ также чтилъ какъ небесную, то тогда, по всей вѣроятности, Бисмаркъ не былъ бы такимъ горячимъ сторонникомъ смертной казни. «Я понимаю, говоритъ онъ, что тотъ, кто не вѣритъ въ продолженіе человѣческаго существованія послѣ тѣлесной смерти, считаетъ смертную казнь болѣе строгою, нежели она является въ

Digitized by Google

глазахъ человѣка, сохраняющаго вѣру въ безсмертіе души, дарованную ему Богомъ; но ближе изслѣдуя этотъ вопросъ—даже съ первой точки зрѣнія, я съ трудомъ могу допустить различіе воззрѣній. Для того, кто лишенъ этой вѣры—что касается до меня, я храню ее въ моемъ сердцѣ—что смерть есть только переходъ изъ одной жизни въ другую, и что мы можемъ даже самому закоренѣлому преступнику, на краю могилы, дать утѣшительное обѣщаніе: mors janua vitae,—для того, говорю я, который не раздѣляетъ этого вѣрованія, радости жизни должны имѣть такую цѣну, что я почти завидую тѣмъ ощущеніямъ, которыя онѣ ему доставляютъ...» Изъ этого разсужденія, повидимому, Бисмаркъ долженъ былъ сдѣлать заключеніе, что для такого человѣка смертная казнь представляется дѣйствительно какимъ-то поруганіемъ надъ всѣмъ, что для него дорого; но такъ разсуждалъ бы простой смертный, князь же Бисмаркъ дѣлаетъ иной выводъ: для сохраненія всѣхъ благъ жизни приходится такъ много тратить заботы, труда, что имѣя «убѣжденіе, что съ тѣлесною смертью навсегда оканчивается его личное существованіе», жизнь вовсе не заслуживаетъ того, чтобы ее стоило жалѣть. Однимъ словомъ, разсужденія Бисмарка о земной и небесной жизни, по примѣненію къ смертной казни, сводятся къ слѣдующему: если существуетъ небесная жизнь, въ чемъ нельзя сомнѣваться, тогда нечего страшиться смертной казни, такъ какъ преступнику оставляется лучшая, будущая жизнь; если же существованіе человѣка оканчивается на землѣ, тогда тѣмъ нечего бояться смертной казни, такъ какъ отнять у человѣка всѣ радости жизни и оставить ему одно только жалкое существованіе въ тѣсномъ казематѣ тюрьмы—это еще болѣе жестоко, чѣмъ отнять у человѣка вовсе жизнь! Если бы тутъ шелъ вопросъ объ аргументахъ pro и contra смертной казни, а не излагалось только воззрѣніе князя Бисмарка на этотъ важный вопросъ, тогда противъ довода нѣмецкаго канцлера можно было бы привести самый простой и элементарный доводъ, заимствованный изъ опыта жизни. Ему можно было бы предложить спросить у любого приговореннаго къ смертной казни, желаетъ ли онъ, чтобы смерть замѣнена ему была пожизненнымъ заключеніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ тысячи случаевъ, девятьсотъ девяносто-девять разъ князь Бисмаркъ услышалъ бы въ отвѣтъ: да!

Но Бисмаркъ никогда особенно не цѣнилъ человѣческой жизни, а потому, защищая смертную казнь, онъ остается довольно послѣдователенъ самому себѣ. Ему мало защищать ее, онъ обвиняетъ всѣхъ, кто возстаетъ противъ нея, въ «фальшивомъ сантименталь-

Digitized by Google

ничаньи», въ «болѣзненной тенденціи» болѣе заботиться объ огражденіи противъ несправедливости «преступника, нежели его жертвы». Бисмаркъ не допускаетъ аргумента противниковъ смертной казни, утверждающихъ, что смертная казнь вовсе не устрашаетъ, и что въ то время, когда свирѣпствовала самая разнообразная смертная казнь, преступленія совершались гораздо чаще, чѣмъ потомъ, когда примѣненіе ея стало ослабѣвать. «Увѣрены ли вы въ томъ, господа, спрашиваетъ Бисмаркъ, обращая аргументъ противниковъ въ свою пользу, что уменьшеніе, которое произошло въ цифрѣ преступленій, не было послѣдствіемъ строгости, съ которою въ продолженіе вѣковъ уголовное правосудіе отправляло право наказывать?» Когда онъ произнесъ эти слова, въ залѣ раздались возгласы: фи! «Такіе вопросы, возражалъ Бисмаркъ, должны быть разъясняемы научнымъ образомъ, они будутъ разрѣшены не грубостью какого-нибудь фи!» Но вмѣсто научныхъ аргументовъ въ пользу сохраненія смертной казни, онъ приводитъ только одинъ вѣскій, такой, который имѣлъ рѣшительное вліяніе на рѣшеніе вопроса о смертной казни. Аргументъ этотъ слѣдующій: если вы вычеркнете смертную казнь изъ сѣверо-германскаго кодекса, то онъ не будетъ принятъ федеральнымъ совѣтомъ, и тогда Германія лишится выгоды обладать единымъ, образцовымъ уголовнымъ кодексомъ!

Бисмаркъ въ своей борьбѣ за смертную казнь имѣлъ одно преимущество надъ своими противниками. Это преимущество заключалось въ непослѣдовательности послѣднихъ. Или признавать смертную казнь, или не признавать. Если не признавать, то не признавать рѣшительно, безъ исключеній, не допуская никакихъ особенныхъ случаевъ, которые дозволяли бы отступать отъ принципа. Противники же смертной казни въ рейхстагѣ допускали извѣстныя исключенія, и потому Бисмаркъ былъ какъ бы правъ, когда говорилъ: «Что сами противники смертной казни не подвергаютъ сомнѣнію ея дѣйствительной силы, спасительнаго впечатлѣнія, производимаго ею ради огражденія мирныхъ гражданъ, —доказательство тому, что вы сами желаете сохранить смертную казнь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ рѣшительно необходимо гарантировать безопасность, давая ей дѣйствительную и сильную охрану. Вслѣдствіе какого мотива вы хотите сохранить это наказаніе во время осаднаго положенія, и также, я не сомнѣваюсь, въ арміи и флотѣ, т.-е. тамъ, гдѣ вы считаете необходимымъ наиболѣе оградить спокойствіе, порядокъ и повиновеніе закону?» Если противники смертной казни, справедливо заключаетъ Бисмаркъ, признаютъ ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ, то это значитъ, что они признаютъ за нею болѣе дѣйствительной силы, чѣмъ за

Digitized by Google

какимъ-либо другимъ наказаніемъ, если же это такъ, то они обязаны также оградить этимъ, болѣе дѣйствительнымъ наказаніемъ, мирнаго гражданина противъ нападеній разбойниковъ и убійцъ. «Если вы допускаете смертную казнь въ мѣрахъ предупредительныхъ, то точно также и еще болѣе должны допустить ее въ мѣрахъ карательныхъ». Вы дозволяете, произноситъ Бисмаркъ, стрѣлять въ работниковъ, которые во время возмущенія осаждаютъ контору или лавку булочника; при этомъ кто знаетъ, будетъ ли убитъ виновный или невинный... Такимъ образомъ, для охраненія собственности булочника, для охраненія конторы, государство можетъ наложить смерть, а для того, чтобы ограждать мирнаго гражданина противъ опасности, что какой-нибудь воръ-убійца прокрадется въ его домъ, перерѣжетъ полдюжины членовъ его семьи, вы отказываете государству въ этомъ самомъ правѣ наказывать смертію. Конечно, и этотъ доводъ князя Бисмарка вовсе не представляется особенно сильнымъ; большая разница между убійствомъ во время возмущенія, гдѣ обѣ стороны находятся болѣе или менѣе въ равномъ положеніи, гдѣ, если и возможно стрѣлять по работникамъ, то вѣдь и работники имѣютъ возможность стрѣлять въ свою очередь, и убійствомъ по приговору суда, гдѣ она совершается на законномъ основаніи.

«Или вы должны, говорилъ далѣе Бисмаркъ, совершенно отнять у власти право убивать, или это право нужно оставить въ мѣрахъ карательныхъ, а не только при принятіи предупредительныхъ мѣръ; вы не должны, по крайней мѣрѣ въ теоріи, ставить огражденіе собственности выше огражденія личности.» Протестъ противъ смертной казни, раздающійся во всѣхъ концахъ цивилизованнаго міра, Бисмаркъ вовсе не признаетъ указаніемъ прогресса, смягченія нравовъ, развитія болѣе гуманныхъ чувствъ и болѣе гуманныхъ понятій; съ его точки зрѣнія этотъ протестъ есть не что иное какъ несчастная болѣзнь нашего времени,—боязнь отвѣтственности. «Эта боязнь отвѣтственности, говоритъ онъ, есть болѣзнь,—я повторяю это,—которая заразила всю нашу эпоху, болѣзнь, которая коснулась даже людей, стоящихъ на самомъ верху человѣческой іерархіи.» Одинъ только человѣкъ не знаетъ страха этой отвѣтственности, и этотъ человѣкъ — самъ князь Бисмаркъ, но за то онъ и превозноситъ это безстрашіе передъ отвѣтственностью. Онъ призываетъ на помощь Провидѣніе, чтобы оно пособило убѣдить ему людей, стоящихъ на стражѣ закона, чтобы они побѣдили въ себѣ эту «болѣзненную сантиментальность нашего времени». Но несмотря на всѣ философскія разсужденія князя Бисмарка, несмотря на всѣ его варіаціи на тему: «жизнь вовсе не самое драгоцѣн-

Digitized by Google

ное изъ благъ»,—рѣчь Бисмарка не поколебала большинства рейхстага, и уже блеснула надежда, что сѣверо-германскій союзъ сослужитъ великую службу человѣчеству, вычеркнувъ изъ системы наказаній смертную казнь. Но тамъ, гдѣ не подѣйствовали философскія разсужденія, побѣдили доводы, затрогивавшіе чувствительную струну единства нѣмецкаго народа. И въ этомъ вопросѣ Бисмаркъ остается вѣренъ себѣ, онъ сводитъ вопросъ о смертной казни на вопросъ чисто политическій: вы хотите разрушить единство, которое стоило намъ столько жертвъ, столько крови, вы хотите уничтожить трудъ, составляющій славу нашихъ юристовъ, трудъ, который имѣлъ своею цѣлію надѣлить единую Германію единымъ уголовнымъ кодексомъ! Что за бѣда, если въ Саксоніи и великомъ герцогствѣ Ольденбургскомъ смертная казнь была уже отмѣнена; введите ее снова, этимъ вы сдѣлаете шагъ впередъ, а вовсе не назадъ. «Мы всегда имѣли передъ глазами нашу національную цѣль; мы не смотрѣли ни направо, ни налѣво, мы не спрашивали, не наносимъ ли мы кому-нибудь раны въ его самыхъ дорогихъ убѣжденіяхъ. Изъ этого духа, господа, мы извлекали всю нашу силу, нашу смѣлость, наше могущество, чтобы дѣйствовать такъ, какъ мы дѣйствовали. Если этотъ духъ насъ покинетъ, если мы перестанемъ имъ вдохновляться, если мы отступимся отъ него передъ лицомъ нѣмецкаго народа и его сосѣдей, мы засвидѣтельствуемъ тѣмъ самымъ, что сила энергіи, которою мы обладали три года назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ, когда мы приступали къ дѣлу, что эта сила притупѣла въ дрязгахъ партикуляризма, партикуляризма государствъ, партикуляризма партій. Господа, этотъ источникъ, изъ котораго мы черпали право быть сильными и давить подъ нашею желѣзною ногою все, что мѣшало бы возстановленію нѣмецкой націи во всемъ ея блескѣ и могуществѣ...» Громъ рукоплесканій покрылъ слова князя Бисмарка, произнесенныя имъ за два мѣсяца до французской войны 1870 года, и этихъ словъ было довольно, чтобы народные представители поспѣшили принести на алтарь единства нѣмецкой націи еще одну жертву — смертная казнь была сохранена въ сѣверогерманскомъ уложеніи.

Если Бисмаркъ побѣдилъ оппозиціонное большинство и не допустилъ нѣмецкій рейхстагъ оставить по себѣ великую память, если онъ настоялъ, чтобы смертная казнь была сохранена въ принципѣ, то ему не трудно было уже настоять на томъ, чтобы кругъ примѣненія ея не былъ съуженъ. Значительное большинство противилось ея примѣненію къ политическимъ преступленіямъ, но новая рѣчь Бисмарка заставила смолкнуть голосъ этого боль-

Digitized by Google

шинства и волю его повернула иначе. Вѣрный своей манерѣ, князь Бисмаркъ сводитъ вопросъ о смертной казни въ политическихъ преступленіяхъ на практическую почву, и напоминая о тѣхъ покушеніяхъ, которыя дѣлались противъ жизни нѣмецкаго императора, когда онъ былъ еще только просто прусскимъ королемъ, говоритъ: «Вы должны будете, поддерживая вашу теорію, утвердительно отвѣтить на вопросъ: имѣетъ ли кто-либо, на будущее время, право стрѣлять въ прусскаго короля безъ того, чтобы за свое покушеніе онъ подвергался смертной казни?» Такимъ образомъ, и въ этомъ вопросѣ Бисмаркъ одержалъ полную побѣду.

Изучивъ по рѣчамъ Бисмарка характеръ воззрѣній его на всѣ главные вопросы внутренняго управленія, внутренней политики, мы видимъ, какъ просты, какъ несложны основныя положенія той практической государственной философіи нашихъ дней, блестящимъ представителемъ которой является канцлеръ нѣмецкой имперіи. Суровый съ врагами, снисходительный къ друзьямъ, но снисходительный подъ условіемъ, чтобы они были покорными исполнителями его воли, деспотъ по существу своей натуры, конституціонный правитель по формѣ, князь Бисмаркъ, чуждый всякихъ строгихъ принциповъ, не признаетъ иного закона, кромѣ закона своей воли. Конституція, парламентаризмъ, свобода слова, свобода совѣсти и всякія другія свободы представляются ему, если и не пустыми звуками, то, во всякомъ случаѣ, чѣмъ-то мало заслуживающимъ уваженія. Но всѣмъ нужно пользоваться, все должно служить средствомъ, будетъ ли то средство реакціонное или революціонное—все равно, лишь бы оно вело къ достиженію предначертанной цѣли, которая лично для князя Бисмарка заключается въ исполненіи завѣщаннаго Фридрихомъ II-мъ — устроить сильное, могущественное нѣмецкое государство.—Но для чего? Какой-нибудь Вашингтонъ отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ: для счастія народа! Едвали, однако, судя по рѣчамъ и дѣйствіямъ Бисмарка, объясняющимъ другъ друга, онъ былъ бы искренеенъ, если бы далъ такой же отвѣтъ. На тотъ вопросъ Бисмаркъ, пожалуй, предложилъ бы въ свою очередь вопросъ: а для чего созданъ міръ, для чего созданы люди?..

А. В.

Digitized by Google

ЧУВСТВА

и

ИХЪ ВЫРАЖЕНІЯ.

The expression of the emotions in Man and Animals. By Charles Darwin. London. 1872 (Чарльзъ Дарвинъ. О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ. Пер. подъ ред. пр. А. Ковалевскаго. С.-Петербургъ, 1872.)

Одно изъ самыхъ трудныхъ для объясненія физіологическихъ явленій, это — отраженія внѣшнихъ впечатлѣній въ движеніи мышцъ разныхъ частей тѣла. Эти отраженія въ большей части случаевъ не представляютъ никакого прямого физіологическаго смысла. Ихъ причины кроются въ явленіяхъ историческихъ, онѣ представляются намъ не болѣе какъ наслѣдствомъ прошлаго, которое осталось неизмѣннымъ, потому что не встрѣтилось для этого измѣненія ни причинъ, ни случая.

Безъ всякаго сомнѣнія, выраженія лица и выраженія, которыя передаются посредствомъ различныхъ тѣлодвиженій, произошли однимъ путемъ и повинуются одному и тому же закону. Разница, по всѣмъ вѣроятіямъ, только количественная. Тѣлодвиженія представляютъ намъ явленія болѣе простыя, грубыя, примитивныя, тогда какъ мимика лица, въ ея связи съ чувствомъ, представляетъ намъ функціи настолько болѣе высшія, осложненныя, насколько сама голова и лицо сложнѣе всѣхъ другихъ частей организма.

Движенія лица, его выраженія во всѣ времена у всѣхъ народовъ играли такую роль и въ личныхъ и въ общественныхъ

Digitized by Google

отношеніяхъ, они представляли симпатичныя или антипатичныя, притягивающія или отталкивающія стороны, что безъ всякаго сомнѣнія, эта нѣмая, но краснорѣчивая рѣчь, въ особенности выраженіе глазъ, была однимъ изъ сильныхъ средствъ родового или общественнаго развитія. Вотъ почему разгадка всѣхъ явленій въ этой темной области составляла и составляетъ одну изъ существенныхъ задачъ физіолога и психолога. Недавно вышла объ этомъ предметѣ книга Дарвина, переводъ которой познакомилъ и нашу образованную публику съ ея содержаніемъ. Даровитый біологъ выступаетъ въ этомъ новомъ своемъ твореніи съ тѣми же крупными достоинствами и незначительными недостатками, которыя встрѣчаются и въ прежнихъ его сочиненіяхъ, произведшихъ такой неожиданный переворотъ въ наукѣ. Точно также, какъ въ этихъ сочиненіяхъ, мы находимъ въ новой книгѣ Дарвина громадное множество новыхъ фактовъ, удивительно смѣлое сближеніе разнохарактерныхъ данныхъ и ясные, самые неожиданные выводы изъ нихъ. Несмотря на это книга оставляетъ впечатлѣніе не цѣльнаго трактата, а матеріала довольно богатаго, составленнаго изъ множества новыхъ данныхъ и новыхъ воззрѣній. Самъ авторъ сознается въ трудности разработать предметъ и въ томъ, что его сочиненіе не болѣе, какъ попытка на новомъ пути; но эта попытка могла бы быть иною, еслибы яснѣе и опредѣленнѣе выступили передъ Дарвиномъ самые вопросы.

Самая слабая сторона въ книгѣ Дарвина—это физіологія. Дѣло здѣсь касается почти исключительно нервной физіологіи, т.-е. той части, которая въ Англіи далеко не такъ разработана, какъ въ Германіи. Поэтому неудивительно, что у Дарвина мы встрѣчаемъ рѣчь объ *«избыткѣ нервной силы, ненаходящей должнаго направленія»*, о чемъ на материкѣ Европы давно уже не говорятъ, и не находимъ примѣненія той механической теоріи, которая почти вездѣ получила права гражданства, и у насъ была разработана съ такимъ талантомъ и умѣньемъ проф. Сѣченовымъ.

При разсматриваніи всѣхъ чувствъ первое, что бросается въ глаза—это вопросъ о роковыхъ рефлексахъ. Здѣсь онъ не только выступаетъ на первый планъ, но, кажется, сущность всѣхъ разсматриваемыхъ явленій сводится просто къ роковымъ рефлексамъ. Правда, эти рефлексы въ сознательныхъ случаяхъ, въ жестѣ и мимикѣ, могутъ являться совершенно произвольными и переработанными. Но едвали не такова участь всѣхъ движеній, которыя мы встрѣчаемъ въ организмѣ. Всѣ онѣ, въ теченіи жизни одного индивидуума или цѣлаго ряда поколѣній, когда-нибудь должны пройти первую элементарную ступень рокового рефлекса.

Digitized by Google

Явились-ли роковые рефлексы случайно или они выработались въ силу приспособленій — трудно рѣшить. Вѣроятно, ихъ появленіе было дѣломъ какого-нибудь общаго не только физіологическаго, но и физическаго закона. Это было нѣчто въ родѣ угла отраженія, въ родѣ суммированія силъ, которыя, наконецъ, выражаются въ извѣстномъ эффектѣ. Вся сущность здѣсь разумѣется въ томъ, чтобы существовалъ извѣстный путь въ нервномъ механизмѣ, при которомъ вліяніе возбудителя на нервы могло существовать въ одномъ мѣстѣ и отражаться въ извѣстной опредѣленной формѣ въ другомъ.

Всю нервную систему, за исключеніемъ центра, задерживающаго роковые рефлексы, и вообще связанныхъ съ нимъ органовъ умственной дѣятельности, мы можемъ раздѣлить на двѣ части: на часть чисто механическую и часть *чувственную*, лежащую въ нервахъ внутренностей, въ нервахъ дыхательныхъ, блуждающихъ, симпатическихъ и въ особенности въ сердцѣ. Та и другая связываются между собою, и если не всегда, то въ большинствѣ случаевъ, роковой, чувственный рефлексъ составляется изъ функцій этихъ двухъ системъ. При этомъ нервное раздраженіе принимается клѣткой или тѣльцемъ какого-нибудь органа (уха, глаза и т. п.); затѣмъ иногда, какъ бы вскользь проходитъ черезъ систему, переработывающую рефлексы, входитъ въ спинной мозгъ и въ систему нервовъ внутренностей, дѣйствуетъ самымъ сильнымъ образомъ на нее, на сердце, на легкія, и затѣмъ уже снова переходитъ въ систему механическихъ движеній и отражается въ ней.

Такой путь есть, очевидно, путь сложнаго рефлекса, и онъ составляетъ характеръ почти всѣхъ такъ-называемыхъ выраженій чувствъ.

Вообще то, что мы понимаемъ подъ именемъ рефлексовъ, представляетъ цѣлую категорію довольно разнообразныхъ явленій. Простой рефлексъ, какъ извѣстно, опредѣляется простымъ рефлекторнымъ аппаратомъ. Онъ состоитъ изъ самыхъ необходимыхъ элементовъ, то-есть изъ чувствительнаго, воспринимающаго тѣльца, изъ сообщенія его съ клѣткою чувствительною, изъ сообщенія этой послѣдней съ клѣткою двигательною, изъ нервнаго волокна, соединяющаго ее съ мускульной нервной пластинкой и вслѣдствіе этого съ мышцею. Таково элементарное устройство самаго простого, первичнаго отражательнаго аппарата. Сквозь эту форму прошли, вѣроятно, всѣ самые сложные рефлекторные аппараты [1]).

[1]) Мнѣ удалось найти эту форму въ лучахъ морскихъ звѣздъ, въ механизмѣ Podicellar'iй.—Ковалевскій нашелъ ее въ хвостѣ Appendicularia.

Digitized by Google

Еслибы сущность всѣхъ функцій, которыя мы называемъ ощущеніями, была намъ извѣстна, то объясненіе ихъ не составляло бы для насъ труда. Теперь же для насъ остаются почти равно загадочными, и самая область этихъ явленій, и ея конечныя выраженія. Что такое страсть? Что такое боль? Что такое пріятное или непріятное ощущеніе? Всё это вопросы чрезвычайно тёмные, на которые физіологія или совершенно молчитъ, или отвѣчаетъ неопредѣленно и уклончиво.

Мы можемъ раздѣлить всѣ эти явленія согласно этикѣ Спинозы на двѣ категоріи: на ощущенія, или чувства, пріятныя и непріятныя. Къ первымъ будутъ относиться всѣ тѣ нервныя движенія этой области, которыя покровительствуютъ жизни, развитію, вообще прогрессу организма. Ко вторымъ—всѣ противуположные двигатели. Но такое раздѣленіе съ перваго же взгляда представляется невѣрнымъ. Чувство лѣни, всякіе излишки чувственности, всѣ злоупотребленія вожделеній, не развиваютъ, а разрушаютъ организмъ. Слѣдовательно, никакой цѣлесообразности въ приспособленіи къ его выгодамъ, къ его пользамъ, мы не можемъ искать въ чувствахъ и страстяхъ. Они точно также независимо и свободно явились въ организмѣ, какъ и его органы. Но въ то же время если не всѣ, то нѣкоторыя изъ этихъ страстныхъ ощущеній явились неразрывно съ общими, самыми необходимыми потребностями организма. Такимъ образомъ, чувство любви явилось какъ спутникъ половыхъ отправленій, чувство злобы соединилось съ борьбой за существованіе и т. п.

Всякое ощущеніе, какъ извѣстно, можетъ явиться или вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ, вслѣдствіе извѣстныхъ картинъ, которыя даютъ нашему представленію внѣшніе органы чувствъ: глазъ, слухъ, обоняніе и т. п., или же ощущеніе это является вслѣдствіе картинъ, вызванныхъ нашимъ собственнымъ воображеніемъ. Въ томъ и другомъ случаѣ внѣшнія рефлекторныя отраженія этихъ чувствъ могутъ быть совершенно одинаковы.

Изъ всего сказаннаго мы можемъ вывести слѣдующія, хотя довольно неясныя положенія по вопросу ощущеній и выраженій ихъ.

Во-первыхъ, всѣ эти ощущенія кроются въ области той центральной нервной системы, которая управляетъ внутренностями, и между прочимъ сердцемъ. Органы кровообращенія, дыханія и преимущественно сердца, на которыхъ являются первыя, и нерѣдко самыя сильныя, отраженія этихъ ощущеній, и затѣмъ уже передаются другимъ периферическимъ органамъ, выражаются въ движеніяхъ наружныхъ мышцъ, рукъ, ногъ, лица.

Digitized by Google

Во-вторыхъ, всѣ рефлексы страстныхъ ощущеній представляются намъ сложными и безсознательными. Мы можемъ вызвать ихъ нарочно, сознательно, но въ такомъ случаѣ источникъ и характеръ ихъ будутъ другіе. Они будутъ представляться не выраженіями ощущеній, а только ихъ подражаніемъ—мимикой, жестикуляціей.

Въ-третьихъ, всѣ эти сложные роковые рефлексы выработались мало по-малу, вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній съ одной стороны, и приспособленій къ нимъ организма съ другой.

Если мы обратимся теперь къ тому взгляду, который вноситъ въ этотъ вопросъ Дарвинъ, то здѣсь представится намъ немало неяснаго и несвязаннаго съ физіологическими фактами. Самое раздѣленіе всѣхъ выраженій чувствъ является у Дарвина просто внѣшнимъ систематическимъ пріемомъ. Онъ сводитъ всѣ эти движенія къ тремъ принципамъ. Во-первыхъ, *къ принципу полезныхъ, ассоціированныхъ привычекъ*; во-вторыхъ, *къ принципу антитеза*; въ-третьихъ, *къ принципу движеній, зависящихъ отъ устройства нервной системы, совершенно независимыхъ отъ воли, и до извѣстной степени, независимыхъ отъ привычки.*

Подъ именемъ привычекъ или безсознательныхъ рефлекторныхъ движеній, смѣшивается обыкновенно два ряда различныхъ явленій. Въ одномъ случаѣ привычка является въ то время, когда наше сознаніе, пониманіе, или мысль не обращены на нее, и она тотчасъ же исчезаетъ по нашей волѣ, если мы обращаемъ вниманіе на наши движенія. Въ другихъ случаяхъ мы не только не можемъ устранить сразу этого движенія, напримѣръ, вздрагиванія, миганія глазами, судорожнаго подергиванія нѣкоторыми мышцами лица, пришепетыванія, заиканія, но и продолжительная борьба съ такими привычками часто оказывается безсильною.

Сознательное движеніе, какъ совершенно вѣрно заключаетъ Дарвинъ, можетъ переходить въ безсознательное и дѣлаться привычкою. Этимъ сберегается значительная доля труда въ функціяхъ вниманія, сознанія и даже мысли. Но, съ другой стороны, мы видимъ совершенно обратное явленіе, мы видимъ, какъ привычки дѣлаются движеніями сознательными или, по крайней мѣрѣ, сознанными. Самая книга Дарвина можетъ служить тому доказательствомъ. Она объясняетъ механизмъ и значеніе безсознательныхъ рефлекторныхъ движеній нашего лица, и можетъ быть самое это объясненіе послужитъ началомъ тому, что рано или поздно всѣ эти движенія сдѣлаются сознательными.

Digitized by Google

Если мы отнесемъ всѣ инстинкты къ области привычки, то такое помѣщеніе ихъ, какъ кажется, совершенно естественно, и мы можемъ ясно видѣть, какъ въ цѣломъ ряду животныхъ эти инстинкты мало-по-малу переходятъ въ тѣ болѣе опредѣленныя явленія, которыя мы называемъ sensa proprïa, привычками индивидуальными или видовыми, и эти въ свою очередь становятся сознанными и наконецъ сознательными движеніями.

Во всѣхъ этихъ явленіяхъ, очевидно, нѣтъ мѣста тѣмъ, которыя Дарвинъ ставитъ въ третью категорію, или подводитъ подъ свой третій принципъ. Эта категорія по всѣмъ вѣроятіямъ касается тѣхъ элементарныхъ нервныхъ явленій, которыя, если и существуютъ, то у животныхъ низшихъ, безпозвоночныхъ и притомъ совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ представляетъ его себѣ Дарвинъ. «При сильномъ возбужденіи, говоритъ онъ, чувствительныхъ центровъ, развиваемая въ избыткѣ нервная сила или передается въ извѣстныхъ опредѣленныхъ направленіяхъ, зависящихъ отъ связи нервныхъ клѣточекъ между собою и отчасти отъ привычки, или нервная дѣятельность можетъ быть, повидимому, прерываема». Если Дарвинъ допускаетъ возможность передачи нервной силы или, правильнѣе говоря, нервныхъ токовъ извѣстными путями въ тѣ или другія клѣтки, сообразно ихъ комбинаціи или устройству нервнаго аппарата, то никакимъ образомъ эти токи не могутъ идти иначе, быть свободными. Самая привычка показываетъ не болѣе, какъ свободу путей для нервныхъ токовъ въ томъ или другомъ направленіи, вслѣдствіе чего они идутъ иногда даже противъ нашей воли и противъ нашего желанія и сознанія. Всѣ примѣры, которые ставитъ Дарвинъ въ эту категорію, недоказательны. Животное или человѣкъ кричащій или плачущій отъ боли и дѣлающій различныя движенія принимаетъ всѣ эти отвлекающія средства произвольно. Отдѣленіе пота, или различныхъ железъ, совершается также какъ отправленіе каждаго органа, какъ выдѣленіе почекъ, пищевареніе и пр. Сѣденіе волосъ подъ вліяніемъ страха доказываетъ только, что рефлексъ отъ сердца идетъ въ волосы и вообще въ периферическіе органы. Наконецъ, біеніе сердца... впрочемъ объ этомъ мы будемъ имѣть случай говорить ниже.

Еще болѣе странною представляется вторая категорія или принципъ антитеза. Прежде чѣмъ укажу здѣсь на гипотезу Дарвина, приведу одинъ изъ фактовъ или примѣровъ, которые находятся въ его книгѣ. Собака въ припадкѣ ярости, во время нападенія, ощетинивается, шерсть ея поднимается дыбомъ, хвостъ прямо поднятъ кверху. Все это простой рефлексъ, который непосредственно обусловливается присутствіемъ въ кожѣ около корней

Digitized by Google

волосъ множествомъ гладкихъ мышцъ. Это явленіе или это выраженіе чувства Дарвинъ относитъ къ первому принципу, т.-е. къ полезной ассоціаціи привычекъ. Онъ увѣряетъ, что собака ощетинивается точно также, какъ и многія другія животныя (кошка, лебедь, курица) съ одной стороны вслѣдствіе страха, что ужасъ поднимаетъ ея волосы, точно также какъ на нашей головѣ, а съ другой стороны въ этомъ явленіи высказывается инстинктивное стремленіе показаться испугавшему ея предмету или непріятелю въ болѣе громадномъ, ужасающемъ видѣ.

При другихъ противуположныхъ условіяхъ являются и совершенно другія выраженія. Ласкающаяся собака прижимаетъ къ тѣлу не только всю шерсть, уши, но и всѣ члены. Она старается какъ бы уменьшить это тѣло и показаться какъ можно болѣе привлекательной и покорной тому человѣку, къ которому ласкается. Вотъ это, совершенно противуположное явленіе въ выраженіи чувствъ Дарвинъ не можетъ объяснить никакими физіологическими данными, и ставитъ для него особенный законъ или принципъ антитеза. Въ силу этого принципа если не всѣ, то очень многія выраженія ощущеній имѣютъ соотвѣтствующія имъ обратныя, или противуположныя формы. Мы впослѣдствіи увидимъ, откуда берется эта двойственность, и чѣмъ она управляется.

Вообще вся часть книги Дарвина, въ которой рѣчь идетъ о выраженіи чувствъ у животныхъ, представляется болѣе слабою, болѣе произвольною и бездоказательною въ ея толкованіяхъ, чѣмъ всѣ остальныя. Здѣсь только одно заслуживаютъ полнаго вниманія — это замѣчательный подборъ фактовъ, съ цѣлью указать на связь выраженій чувствъ у животныхъ и человѣка. Это, какъ извѣстно, самая любимая и плодотворная мысль Дарвина. Она прямо сводитъ каждое явленіе къ его первональной зачаточной формѣ. Къ сожалѣнію, объясненіе его источника не всегда удается Дарвину.

Точно также неудачны объясненія нѣкоторыхъ біологическихъ фактовъ, и могутъ быть съ такою же вѣроятностью, если не съ большею, замѣнены другими, въ особенности если мы прибѣгнемъ здѣсь прямо къ физіологическимъ даннымъ. Какъ-то странно представить себѣ собаку или кошку, которыя поднимаютъ шерсть дыбомъ съ намѣреніемъ испугать своихъ противниковъ; это тѣмъ болѣе странно, что такого явленія мы не замѣчаемъ при дракѣ котовъ, т.-е. въ то время, когда каждому изъ нихъ было бы весьма выгодно испугать своего противника. Путаница и недоразумѣніе здѣсь очевидно происходятъ оттого, что плохо опредѣленъ самый источникъ этихъ движеній. Гнѣвъ или страхъ

Digitized by Google

производятъ ощетиниваніе? Вѣроятно послѣдній, а еще вѣроятнѣе тотъ и другой вмѣстѣ.

Всякое представленіе, пугающее или угрожающее, заставляющее животное или бѣжать безъ оглядки или бросаться на угрожающій предметъ, смотря по мѣрѣ его храбрости, все это главнымъ образомъ, и очень быстро отражается на органахъ дыханія и на сердцѣ. Отсюда это раздраженіе непремѣнно должно вылиться въ какую-нибудь сторону, и разумѣется въ ту, до которой доступъ болѣе свободенъ, а эта сторона, по всѣмъ вѣроятіямъ, есть кожа, со всѣми ея придатками, иглами, щетинами, волосами, перьями. Эта связь выражается даже въ пигментѣ, и волоса могутъ сѣдѣть отъ сильнаго горя или страха. Животное дрожитъ отъ испуга или злобы, ощетинивается, поднимаетъ уши, хвостъ, сверкаетъ глазами, щелкаетъ или скрежещетъ зубами, испускаетъ изо рта пѣну, ворчитъ, лаетъ, рычитъ. Все это роковые рефлексы, выходящіе непосредственно изъ путей дыхательныхъ и кровеносныхъ и опредѣляемые нервами, которые управляютъ этими путями. Вопросъ, поставленный на эту физіологическую почву, можетъ дать намъ средства для его физіологическаго разрѣшенія. Мы можемъ опытомъ провѣрить справедливость поставленной гипотезы, и имѣть въ рукахъ ближайшую причину явленія.

Всякая функція въ организмѣ можетъ быть сведена къ движенію, и всякое движеніе можетъ быть измѣрено. Между мышечнымъ движеніемъ и дыханіемъ существуетъ тѣсная и вполнѣ законная связь. Каждое раздраженіе, сопровождаемое болью или какимъ-нибудь непріятнымъ ощущеніемъ, непремѣнно реагируетъ и на органы дыханія, и на органы движеній. Животное или кричитъ отъ боли, или дѣлаетъ различныя движенія. При этомъ крикѣ, т.-е. движеніи легкихъ и голосового аппарата, и всѣ другія движенія тѣла находятся въ очевидной компенсаціи. Птица при крикѣ очень часто помогаетъ себѣ маханіемъ крыльевъ. Она летитъ молча или поетъ, сидя неподвижно. Прямыя измѣренія показываютъ, что въ то время, когда усиливаются движенія членами тѣла, падаетъ дыханіе, и наоборотъ. Заяцъ, выбивающійся изъ силъ при бѣгѣ, начинаетъ кричать. То же самое замѣчается у нѣкоторыхъ породъ гончихъ собакъ, которые бѣгутъ молча и начинаютъ лаять только тогда, когда заяцъ у нихъ вырывается. Однимъ словомъ, мы можемъ привести множество примѣровъ перехода движеній мышечныхъ въ голосовые и наоборотъ, и всѣ эти явленія лежатъ въ области роковыхъ рефлексовъ. Каждому вѣроятно приводилось наблюдать надъ людьми заикающимися или вообще имѣющими какіе-нибудь недостатки въ механизмѣ слова.

Digitized by Google

У такихъ людей, при ихъ говорѣ, грудная клѣтка очевидно стѣсняется. Они ищутъ дополнить недостатокъ словъ жестами. Первоначально и всего чаще эти роковые рефлексы отражаются на самомъ лицѣ, которое дѣлаетъ разныя движенія, гримасы. Брови, углы рта приподнимаются и опускаются, глаза бѣгаютъ, то расширяются, то съуживаются. Затѣмъ дѣло доходитъ до рукъ, которыя жестикулируютъ болѣе или менѣе сильно. Наконецъ, очередь доходитъ и до ногъ, которыми ораторъ непремѣнно притопываетъ, если онъ принужденъ говорить сидя.

Разсматривая чувства, Дарвинъ не держится никакой системы. Онъ начинаетъ съ плача, переходитъ къ скорби, затѣмъ разсматриваетъ смѣхъ, затѣмъ выраженіе любви, нѣжныя чувства, благоговѣнія и т. д. Очевидно, авторомъ не руководилъ здѣсь никакой принципъ, и онъ бралъ ad libitum, какое чувство попадется. Но можно ли поставить здѣсь какую-нибудь классификацію? Разумѣется, можно и даже должно. Правда, многія изъ ощущеній стоятъ на одномъ уровнѣ, но за то другіе представляютъ явную градацію. Самые основные здѣсь тѣ, которые явились первыми. Они существуютъ у большинства животныхъ. Это—*страхъ*, *гнѣвъ* и *любовь*. Остановимся на первыхъ двухъ.

Эти два чувства смежныя. Животное или человѣкъ очень часто вмѣщаетъ въ себѣ оба, не зная которое изъ нихъ сильнѣе. Гнѣвъ у человѣка выражается сдвинутыми бровями, оттопыренными губами, выставленной впередъ нижней губой, стиснутыми кулаками и сильной жестикуляціей. При болѣе сильномъ взрывѣ гнѣва эти симптомы измѣняются. Голова наполняется кровью. Вены расширяются, глаза выкатываются изъ орбитъ и блестятъ. Лицо краснѣетъ. Расширенныя ноздри дрожатъ, дыханіе затруднено. Голосъ становится хриплымъ. Ротъ замѣчательно измѣняется. Онъ оттягивается на одну сторону, причемъ оскаливается одинъ изъ зубовъ. Пѣна выходитъ изо рта. Волосы поднимаются дыбомъ.

Страхъ охраняетъ животное въ борьбѣ за существованіе. Онъ дѣйствуетъ, главнымъ образомъ, на сердце, на кровообращеніе. «Сердце, говоритъ Дарвинъ, при страхѣ бьется быстро и сильно, почти ударяясь въ ребра, но сомнительно, въ самомъ ли дѣлѣ оно работаетъ больше обыкновеннаго, т.-е. посылаетъ бо́льшій притокъ крови ко всѣмъ частямъ тѣла, такъ какъ кожа часто становится блѣдною». При этомъ она покрывается холоднымъ по́томъ. Отъ разстройства дѣятельности сердца дыханіе дѣлается болѣе частымъ. Волосы становятся дыбомъ и подкожныя мышцы дрожатъ. Во рту сохнетъ. При сильномъ страхѣ Platysma myoi-

Digitized by Google

des напрягается, человѣкъ кричитъ, дѣлаетъ жесты руками и бѣжитъ, преслѣдуемый неодолимой паникой. Еще бо́льшая степень сильнаго ужаса доводитъ до столбняка. Приэтомъ брови сдвигаются, зрачки, кажется, расширяются. Затѣмъ слѣдуетъ остановка сердца и обморокъ.

Третье основное, болѣе примитивное и болѣе древнее чувство—это чувство любви. Въ этомъ чувствѣ соединяются два — любовь половая и любовь вообще къ лицамъ, предметамъ, преимущественно любовь матери къ дѣтямъ. Сущность любви есть привязанность къ любимому предмету, къ которому насъ влекутъ всѣ тѣ особенности его, которыя намъ нравятся. Эти особенности могутъ намъ нравиться или безсознательно, или разумно. Выраженія, которыми высказывается любовь, могутъ быть весьма различны, но между ними есть общія, наиболѣе распространенныя. Таковы ласка, желаніе прикоснуться къ любимому предмету, обнять его или желаніе поцѣловать его. Послѣднее, однако, не составляетъ общаго выраженія: Новозеландцы и лапландцы замѣняютъ поцѣлуй треніемъ носовъ. «Утверждали даже, говоритъ Дарвинъ, хотя этотъ фактъ и можетъ показаться прискорбнымъ, что святой поцѣлуй любви мало отличается отъ того, которымъ мужчина цѣлуетъ женщину». Новозеландскій поцѣлуй, очевидно, противорѣчитъ этому взгляду. Онъ прямо показываетъ, что поцѣлуй есть выработанное выраженіе.

Основаніе любви для насъ остается покрыто тайной, несмотря на всѣ усилія здѣсь физіологовъ и психологовъ, которые думали даже найти въ магнитныхъ явленіяхъ разгадку этого чувства. Ясно только, что мы имѣемъ здѣсь дѣло всегда съ двумя субъектами, изъ которыхъ одинъ несетъ продукты женской половой жизни, другой—мужской. Эти два элемента должны соединиться, но для того, чтобы между ними возникла любовь, необходимы извѣстныя условія, которыя кроются въ темпераментѣ, цвѣтѣ тѣла, волосъ и пр. Если встрѣчаются эти условія, любовь возникаетъ, и чѣмъ моложе человѣкъ, тѣмъ страстнѣе, безумнѣе вспыхиваетъ это чувство. Подавленное, оно можетъ перейти въ благоговѣніе, въ религіозное чувство. Идеальная, платоническая любовь рыцарей можетъ дать тому безчисленные примѣры. Точно также не мало ихъ найдется въ религіозныхъ сектахъ, въ особенности американскихъ.

Всѣ эти чувства могутъ являться въ двухъ формахъ. Они могутъ выражаться быстро, мгновенно или скрываться въ видѣ тихаго, латентнаго состоянія. Гнѣвъ можетъ прятаться подъ видомъ злобы или ненависти. Страхъ подъ видомъ трусости, боязъ-

Digitized by Google

ливости. Любовь подъ видомъ дружбы, или она можетъ измѣняться и являться подъ видомъ состраданія.

Со страхомъ находится въ тѣсномъ отношеніи одно чувство, которому Дарвинъ отводитъ цѣлую главу. Это чувство *краснѣнія, стыда, застѣнчивости, замѣшательства, конфузливости, скромности*,—чувство, обнаруживающееся въ краскѣ, покрывающей лицо, но могущее быть и безъ нея. На это краснѣніе Дарвинъ преимущественно и обратилъ вниманіе. Всѣмъ извѣстно, что маленькія дѣти, если неспособны краснѣть, то способны стыдиться. Чувство застѣнчивости, конфузливости заставляетъ ихъ дичиться. Извѣстно также, что многіе взрослые люди неспособны краснѣть, хотя способны впадать въ замѣшательство. Отдѣливъ, такимъ образомъ, способность краснѣнія отъ замѣшательства, я утверждаю, что это послѣднее есть измѣненное чувство страха. Правда, оно никогда не доходитъ до тѣхъ признаковъ, до которыхъ доходитъ страхъ, но тамъ и здѣсь мы видимъ одно, что́ сближаетъ ихъ. Это то связанное состояніе, при которомъ человѣкъ не можетъ ясно и правильно мыслить и чувствовать. Это состояніе, какъ кажется, опредѣляется приливомъ крови къ мозгу, причемъ, вѣроятно, поражаются органы мысли, сознанія.

У семитическихъ племенъ краснѣютъ лицо, шея, грудь, руки, уши; въ другихъ случаяхъ краска переходитъ на все тѣло. Дарвинъ очень ловко подбираетъ случаи этого краснѣнія, чтобы доказать, что чувство стыда находится въ насъ самихъ, что стыдливость никогда не вызывается какимъ-нибудь наружнымъ, грубымъ возбудителемъ, а всегда является отраженною извнутри. Раздражающее средство дѣйствуетъ первоначально на мозгъ, а отсюда на сердце, на кожу, на ея кровеносные сосуды, которые расширяются и наполняются кровью. Это расширеніе совершается, вѣроятно, пассивно, вслѣдствіе ослабленія дѣятельности мышечной ткани стѣнокъ капилляровъ.

Чтобы объяснить, вслѣдствіе чего совершается здѣсь это ослабленіе, Дарвинъ строитъ цѣлую гипотезу. По его мнѣнію, вниманіе, которое обращено на какую-нибудь часть тѣла, задерживаетъ тонически сокращеніе капилляровъ въ этой части, вслѣдствіе чего происходитъ наполненіе ихъ кровью. Онъ доказываетъ, что краснѣніе тогда только имѣетъ мѣсто, когда дѣло идетъ о чемъ-нибудь внѣшнемъ, когда вниманіе обращено на одну только наружность человѣка. Въ это время дурной поступокъ или похвала, все равно, заставляютъ краснѣть. Это краснѣніе поражаетъ преимущественно голову, лицо, какъ части тѣла, на которыя преимущественно обращено наше вниманіе. Затѣмъ краска расхо-

Digitized by Google

дится по шеѣ, рукамъ. Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ она спускается на грудь, на животъ или расходится по тѣлу.

Съ старой, первичной формой мы встрѣчаемся точно также въ другомъ чувствѣ—въ *отвращеніи*. «Слово «отвращеніе», говоритъ Дарвинъ, въ самомъ простѣйшемъ смыслѣ обозначаетъ всегда нѣчто противное вкусу». Дѣйствительно, источникъ этого чувства кроется въ рвотѣ. Такъ какъ первые симптомы его были связаны съ ѣдой, то первое выраженіе здѣсь является въ положеніи рта. Лицо принимаетъ вообще такъ-называемое «кислое выраженіе». Брови нахмуриваются, что всегда связывается съ недовольствомъ. Затѣмъ человѣкъ раскрываетъ ротъ и дѣлаетъ движеніе руками, какъ-бы стараясь отстранить отъ себя противный предметъ.

Чувство, которое вѣроятно вышло изъ предыдущаго — это *презрѣніе*. Это отвращеніе въ слабой степени. Человѣкъ при этомъ слегка хмурится, приподнимаетъ верхнюю губу на одну сторону, сжимаетъ ноздри и поднимаетъ носъ. Если отвращеніе можетъ переходить въ рвоту, то презрѣніе можетъ идти въ другую сторону и оканчиваться гнѣвомъ.

Всѣ эти чувства: страхъ, гнѣвъ, любовь, отвращеніе — безспорно примитивные. Далѣе идутъ болѣе поздніе и которые поэтому трудно классифицировать. Нѣтъ сомнѣнія, они возникли изъ этихъ основныхъ, но путь ихъ отдѣленія, дифиринцировка, для насъ совершенно неясны. Даже Дарвинъ ставитъ эти чувства подъ одну рубрику: *ревность, зависть, скупость, мстительность, подозрѣніе, коварство, хитрость, виновность, тщеславіе, самоувѣренность, честолюбіе, гордость, смиреніе*. Очевидно, здѣсь собраны всѣ тѣ чувства, которыхъ выраженіе авторъ не подвергалъ разбору и собралъ ихъ всѣ подъ одну категорію, отведя описанію ихъ менѣе одной страницы. Можно бы было еще подобрать къ этимъ такія же, напр.: *кичливость, униженіе, навязчивость, назойливость, покорность, вѣтреность, лукавство, трусость, обидчивость, безсердечіе, мотовство* и пр. Во всѣхъ этихъ чувствахъ мы встрѣчаемся съ тѣми разнохарактерными свойствами души, которыя возникаютъ изъ условій жизни, изъ ея потребностей, свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ.

Ревность, зависть и *скупость* составляютъ продуктъ одного и того же чувства, которое выростаетъ прямо изъ желанія обладать, захватить. Всѣ эти чувства не имѣютъ выраженій, или они настолько мелки, неуловимы, что передать ихъ чрезвычайно трудно. Физіономистъ можетъ скорѣе уловить эти черты.

Совсѣмъ другого порядка *гордость, тщеславіе* и *честолюбіе*.

Digitized by Google

Они держатся на самолюбіи. Всѣ эти чувства имѣютъ какъ будто одну физіономію. Черты лица спокойны, самоувѣренны, нижняя губа и нижняя челюсть выдаются впередъ. Всѣ эти чувства составляютъ скорѣе черты физіономіи, чѣмъ игру ея. Подобно скупости и зависти, они лежатъ въ свойствахъ, особенностяхъ характера, составляютъ его отличительный признакъ, а не мгновенное, скоропреходящее настроеніе, подобное гнѣву, замѣшательству, страху.

Впрочемъ, высказывая это мы должны имѣть въ виду, что тѣ особенности, которыя выражаютъ характеръ человѣка, могутъ сложиться изъ тѣхъ переходящихъ чувствъ, которыя у другихъ людей составляютъ не болѣе, какъ временныя явленія. У всякаго человѣка могутъ быть приступы гордости, честолюбія, но не у каждаго они являются сплошною цѣльною чертою характера. Выраженія, которыми обозначаются эти чувства, могутъ становиться изъ временныхъ постоянными. Такимъ образомъ особенности преходящія входятъ въ составъ физіономіи.

Противоположностью любви можно поставить *хитрость* и *коварство*. Небольшіе, лукавые глаза, быстро бѣгающіе, ни начемъ неостанавливающіеся, тонкія губы, насмѣшливыя, или съ утянутыми углами—вотъ физіономія хитраго или коварнаго человѣка. И эти черты принимаетъ физіономія каждаго, если только поступокъ его отличается хитростью. Дарвинъ приводитъ наблюденіе Герберта Спенсера, что человѣкъ иногда не желаетъ дать замѣтить, что онъ фиксируетъ предметъ. При этомъ онъ скашиваетъ оба глаза въ одну сторону, тогда какъ лицо оборачиваетъ въ другую. Такимъ образомъ получается хитрое выраженіе глазъ.

Какъ выраженіе коварства, измѣненное въ его приложеніи, Дарвинъ ставитъ *виновность*. Человѣкъ провинившійся избѣгаетъ прямого взгляда. Глаза его скошены въ сторону, онъ бѣгаетъ ими, а вѣки при этомъ опущены и отчасти закрыты.

Дарвинъ также относитъ къ выраженію чувствъ тѣ знаки, которые употребляются для утвержденія или отрицанія. Къ такимъ же знакамъ должно отнести *пожиманіе плечами*, какъ выраженіе безпомощности.

Всякое непріятное чувство, усиліе, мысль вызываютъ нахмуриваніе бровей, сдвигиванье ихъ. Какая связь между непріятнымъ чувствомъ или мыслью и мышцами стягивающими брови,—трудно рѣшить, но все непріятное отражается непремѣнно на этихъ мышцахъ. Иногда онѣ дѣйствуютъ не однѣ; ихъ антагонисты — волокна лобныхъ мышцъ и притомъ посреди лба, вступаютъ въ борьбу съ ними, и тогда брови принимаютъ косвенное положеніе. Ихъ внутренніе концы приподнимаются кверху, а на лбу, на

Digitized by Google

самой срединѣ, выступаютъ нѣсколько поперечныхъ складокъ. Эти мышцы Дарвинъ называетъ *мышцами печали*. При этомъ углы рта опускаются, щеки дѣлаются впалыми и лицо осунувшимся. Вотъ выраженіе, которое предшествуетъ плачу. Оно можетъ сохраняться долго, борьба между мышцами, надвигающими брови и распрямляющими ихъ, можетъ продолжаться. При этомъ грудь стѣсняется, дыханіе дѣлается затруднительно, сердце бьется медленно. По временамъ человѣкъ облегчаетъ свою грудь усиленными вдыханіями и выдыханіями, вздохами. Въ дыхательныхъ мышцахъ дѣлаются спазмы, и человѣку кажется, какъ будто что-то сдавливаетъ его горло.

Вся эта картина перемѣняется, когда человѣкъ отдается плачу. Брови сдвигаются, глаза надавлены приливомъ крови изнутри. Вѣки плотно закрываются и всѣ мышцы сосѣднія принимаютъ здѣсь участіе. На носу образуются поперечныя морщины, углы рта приподнимаются, на щекахъ выступаетъ рѣзкая складка. Если ротъ закрытъ, то на подбородкѣ являются продольныя морщинки. Если онъ открытъ, какъ у дѣтей, то принимаетъ продолговато-квадратное очертаніе. Наконецъ изъ сильно сжатыхъ, закрытыхъ глазъ текутъ въ изобиліи слезы. Весь этотъ механизмъ, какъ доказываетъ Дарвинъ, имѣетъ главною цѣлью защиту глазъ. Вслѣдствіе переполненія кровью груди, она стремится въ голову и преимущественно къ глазамъ. Они краснѣютъ, инъицируются кровью, краснѣютъ вѣки и въ то же время замѣчается намѣреніе закрыть ихъ; человѣкъ начинаетъ мигать, у него является движеніе у рта, какъ будто борьба между желаніемъ закрыть и открыть его. Затѣмъ наступаетъ моментъ неудержимаго и сильнаго сокращенія круговыхъ мышцъ и вмѣстѣ съ ними движеніе другихъ смежныхъ. Являются слезы, являются потому, что кровь въ изобиліи прилила къ слезнымъ железамъ, и раздраженіе глазъ, которое всегда вызываетъ слезы, достигаетъ крайняго предѣла. Притомъ мышцы, выдавливающія слезы, сильно сокращены. Стѣсненіе груди продолжается, являются рыданія, т.-е. частыя и скорыя выдыханія. Чѣмъ сильнѣе, сосредоточеннѣе человѣкъ плачетъ, тѣмъ ему становится легче.

Какое-нибудь животное при страданіи кричитъ или облегчаетъ свою боль, приливъ крови къ груди, — движеніями. Человѣкъ въ этихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ плачу. У него выработанъ сложный опредѣленный механизмъ для этой цѣли.

Но тотъ же самый аппаратъ служитъ и для другой цѣли. Радость выражается также посредствомъ его, только образъ дѣйствій здѣсь другой. Также сокращаются круговыя мышцы и

Digitized by Google

сдвигаются брови; точно также сосѣднія мышцы принимаютъ участіе. Все это дѣлается съ той же цѣлью, чтобы защитить глазъ, хотя онъ меньше страдаетъ при смѣхѣ, чѣмъ при плачѣ. Затѣмъ, существенная принадлежность смѣха—сильное сокращеніе M. Zigomatici, отчего щеки оттягиваются назадъ, ротъ растягивается, раскрывается, зубы обнажаются, а подъ глазами собираются морщинки. Звуки, которые издаетъ теперь человѣкъ, противоположны тѣмъ, которые были при плачѣ. Тамъ являлась потребность въ сильныхъ продолжительныхъ вдыханіяхъ, здѣсь наоборотъ, въ частыхъ, быстро повторенныхъ выдыханіяхъ. При сильномъ смѣхѣ, точно также какъ при плачѣ, выступаютъ слезы. И чѣмъ больше смѣется человѣкъ, тѣмъ сильнѣе является потребность отдѣленія слезъ.

Смѣхъ переходитъ въ плачъ, и это обстоятельство для насъ весьма важно. Оно показываетъ тождественность происхожденія этихъ двухъ чувствъ или ихъ выраженій, и даетъ ключъ къ объясненію многаго. Смѣхъ есть выраженіе радости, будетъ ли онъ только улыбкой или дѣйствительнымъ смѣхомъ, смѣшаннымъ съ радостными слезами, все равно, онъ служитъ для выраженія этого чувства. Плачъ, наоборотъ, есть выраженіе горя. Но дѣло не въ этомъ наружномъ выраженіи. Мы видимъ, что у людей они часто мѣняются, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ должны были проливаться горькія слезы, раздается неистовый, безумный хохотъ, а тамъ гдѣ долженъ быть смѣхъ, текутъ слезы радости. Дѣло въ томъ, что тамъ и здѣсь главную роль играетъ сердце.

Мы видѣли выше, что всѣ ощущенія имѣютъ своимъ источникомъ нервы внутренностей, органовъ дыханія и сердца. Первыя впечатлѣнія всегда отражаются на немъ и все обусловливается его движеніемъ, его пульсомъ. Каждое наше ощущеніе, пріятное или непріятное, дѣйствуя прямо на сердце, замедляетъ или ускоряетъ его движенія. Положимъ, что человѣкъ получилъ непріятное извѣстіе, что-нибудь сильно огорчающее: тотчасъ же происходитъ замедленіе біенія сердца, дыханіе становится затруднительнымъ, а тамъ идутъ далѣе всѣ симптомы горя и плача. При радостномъ извѣстіи является ускореніе пульса и возбужденіе дыханія. Вотъ почему по пульсу сердца мы можемъ рѣшить, пріятно или непріятно взволнованъ человѣкъ, тогда какъ внѣшнія выраженія его чувствъ могутъ быть одни и тѣ же. Отъ сильной радости точно также падаютъ въ обморокъ, какъ и отъ сильнаго горя.

Подъ вліяніемъ біенія сердца могутъ измѣняться страсти. Различный характеръ пульса имѣетъ прямое вліяніе на характеръ чувствъ. Человѣкъ послѣ сытаго обѣда, когда кровеносная си-

Digitized by Google

стема возбуждена пищевареніемъ и пульсъ возвышенъ, не отдается мрачнымъ ощущеніямъ, его мозгъ или дремлетъ, или пріятно возбужденъ. Дѣти съ ихъ болѣе быстрымъ кровообращеніемъ отличаются и быстрой перемѣной ощущеній, ихъ непостоянствомъ, скоротечностью. Сколько преступленій совершено потому только, что кровь нарушала правильную дѣятельность мозга и усиливала дѣйствіе ощущеній.

Каждое чувство согласно двойному направленію, которое даетъ пульсъ крови, принимаетъ двойственный характеръ. Скала идетъ въ двѣ стороны, повышаясь и опускаясь. При обыкновенномъ, спокойномъ пульсѣ у насъ является хорошее расположеніе духа. Сердце бьется ровно, всѣ наши чувства идутъ спокойно, весело, мы склонны къ игривости, къ веселымъ шуткамъ. Но перемѣняется біеніе сердца, и все становится мрачнымъ, является недовольство, грусть, тоска. Такимъ образомъ, всѣ пріятныя и непріятныя ощущенія сведутся можетъ быть впослѣдствіи къ болѣе тихому или скорому пульсу. Подъ дѣйствіемъ того и другого могутъ являться различные симптомы въ нашемъ организмѣ, могутъ происходить вторичныя, отраженныя явленія. Сердце, вслѣдствіе распоряженія нерва, бившееся медленно, посылаетъ рефлексъ въ мозгъ, отсюда движеніе идетъ въ мышцы, въ ту или другую систему органовъ. Или же центръ, задерживающій роковые рефлексы, можетъ возстановить скорость біенія сердца и успокоить волненіе.

Ряды чувствъ вообще, какъ мы видѣли, не замкнуты. Одно ощущеніе можетъ переходить въ другое. Страхъ дѣлается гнѣвомъ, смѣхъ становится плачемъ. Мы видимъ, что удовлетворенная злоба можетъ приносить горе или радость, вѣроятно потому, какъ бьется сердце и какъ къ этому бою относится организмъ человѣка. Всѣ чувства являются расположенными въ два ряда, и каждое имѣетъ свой антитезъ; такимъ образомъ мы встрѣчаемъ любовь и ненависть, злобу и кротость, жестокосердіе и милосердіе, безсердечіе и состраданіе, скупость и расточительность и пр. Не это ли начало антитеза Дарвина?

Если мы будемъ разсматривать отношенія пріятныхъ ощущеній къ непріятнымъ, то придемъ къ заключенію, что первыхъ гораздо меньше. Это прямое слѣдствіе самой жизни, она даетъ болѣе послѣднихъ, чѣмъ первыхъ. Притомъ существуютъ организмы, для которыхъ рѣдко встрѣчаются непріятныя ощущенія. Вѣчно довольные, вѣчно веселые, они представляютъ ту bien aisance, при которой легко живется на свѣтѣ. Въ противоположность имъ существуютъ другіе, желчные, недовольные — жертвы вѣчной

Digitized by Google

хандры и сплина. Наконецъ, въ оцѣнкѣ ощущеній являются субъективныя стороны, и что можетъ быть пріятно одному, то непріятно другому.

Разсматривая, какія чувства могутъ кончаться плачемъ, мы видимъ, что къ такимъ принадлежатъ гнѣвъ и страхъ. Человѣкъ можетъ плакать съ досады или съ испугу. Точно также сконфуженная женщина можетъ заплакать; затѣмъ страданіе, жалость могутъ выражаться слезами. Такимъ образомъ мы видимъ, что какъ бы ни были различны чувства, какими бы путями онѣ ни шли, онѣ могутъ быть приведены къ одному общему выраженію и разрѣшиться въ слезахъ. Замѣтимъ кстати, что всѣ эти чувства принадлежатъ къ основнымъ или къ ихъ измѣненіямъ.

Изъ основныхъ чувствъ вышли производныя. Эта спеціализація совершалась генетически и одно чувство выростая, какъ вѣтвь, давало начало другому. Теперь нѣтъ возможности прослѣдить путь этого обособленія, но физіологическіе факты вѣроятно дадутъ для этого средства. Такое обособленіе не прекратилось и въ настоящее время. И теперь мы имѣемъ факторы для образованія чувства—привычки, условія и потребности общества. Любовь ко многимъ предметамъ (охота, лошади, книги, антикварныя вещи), аккуратность, неряшество,—вотъ кандидаты на будущія чувства.

Чувства, которыя мы назвали основными или главными, находятся у всѣхъ людей, производныя могутъ быть только у нѣкоторыхъ. У одного человѣка можетъ доходить до крайняго развитія одно чувство и отсутствовать другое. Одинъ человѣкъ можетъ быть золъ, другой скупъ, третій гордъ, четвертый ревнивъ. У многихъ эти чувства распредѣляются смотря по натурѣ. Люди съ сильно развитыми пищепріемными органами страдаютъ излишкомъ самолюбія и скорѣе другихъ становятся жертвами гордости, честолюбія, тщеславія. Люди съ слабымъ дыханіемъ, съ недостатками сердца нерѣдко страдаютъ ипохондріей, мрачнымъ расположеніемъ духа. Люди съ большой печенью подвергаются раздражительности, частымъ и весьма сильнымъ припадкамъ гнѣва. Одни рождаются съ этими чувствами, другіе пріобрѣтаютъ ихъ условіями жизни, воспитаніемъ. «Заучиваніе и подражаніе, говоритъ Дарвинъ (ст. 297), не играютъ въ самомъ дѣлѣ никакой роли при нѣкоторыхъ выразительныхъ движеніяхъ, потому что они существуютъ уже въ первые дни и остаются на всю жизнь, совершенно внѣ нашего контроля.» Но есть чувства, съ которыми, какъ съ привычками, можно бороться. Для этой борьбы необходимы два условія: первое—правильно устроенное сердце и органы дыханія, второе—сильно развитые центры, переработы-

Digitized by Google

вающіе роковые рефлексы. Если сердце ровно бьется, если волненія не смущаютъ его и при этомъ разсудокъ работаетъ правильно и сильно, то многія ощущенія проходятъ безслѣдно.

Нѣтъ ни одного чувства, которое было бы разумно, хотя мы и говоримъ нерѣдко: разумное чувство. То, что мы называемъ здѣсь разумнымъ, принадлежитъ дѣйствительно разуму, разсудку, а не чувству. Разсматривая эти отношенія разсудка къ сердцу, мы видимъ слѣдующую картину. Сначала идутъ дѣти съ ихъ быстро подвижными мишурными слезами и смѣхомъ, съ ихъ плохо выдѣленными, недифиринцированными страстями, съ ихъ застѣнчивостью, прямымъ послѣдствіемъ страха. Далѣе слѣдуютъ женщины, болѣе нѣжныя, подвижныя, страстныя, чѣмъ мужчины. Наконецъ, эти послѣдніе представляютъ намъ различные оттѣнки страсти, смотря по развитію, возрасту, племени и различнымъ внѣшнимъ условіямъ. Возьмите человѣка-ребенка, съ мимолетными страстями и чувствами, въ которомъ все быстро мѣняется—всѣ его чувства не болѣе, какъ роковые рефлексы, которые должны быть задержаны или переработаны центрами ими управляющими. Разсматривая цѣлый рядъ чувствъ, мы видимъ, какъ они скоро одно за другимъ становятся безсильными передъ дѣйствіемъ разсудка. Мы видимъ, что съ развитіемъ человѣка рука объ руку идетъ перевѣсъ въ разсудочныхъ явленіяхъ; центры, перерабатывающіе роковые рефлексы, берутъ верхъ, и совершается борьба между чувствами бозсознательными и сознательными, которая кончается полнымъ торжествомъ послѣднихъ. Только трезвая, серьёзная жизнь, развитіе мысли избавляютъ насъ мало-по-малу отъ того, что осталось намъ по наслѣдству отъ животныхъ или низшихъ людскихъ расъ.

Н. Вагнеръ.

Digitized by Google

ПАДУЧАЯ ЗВѢЗДА

Ночь. Небо ясное спокойно,
Какъ встарь, за тысячи вѣковъ:
Все тѣ же звѣзды, также стройно,
Глядятъ съ невѣдомыхъ міровъ
На нашу бѣдную планету,
Гдѣ все въ движеньи, все кричитъ:
«Свободы дайте намъ и свѣту»!
Гдѣ міръ людской кишмя кишитъ,
И безпокоенъ, и тревоженъ,
Самонадѣянъ, горделивъ,
Въ своихъ стремленьяхъ невозможенъ,
Въ своихъ страданьяхъ терпѣливъ...

* * *

Вотъ, надъ моею головою,
Легка, свободна, безъ слѣда,
Скатилась длинною дугою
По небу яркая звѣзда.
А вотъ, на встрѣчу ей другая
Летитъ все выше отъ земли,
Въ пути молочномъ исчезая
Среди мерцающей пыли.
А вотъ еще! еще!.. какъ много!
Куда глаза ни поглядятъ,
Онѣ блестящею дорогой
Повсюду небо бороздятъ.

Digitized by Google

Среди небеснаго застоя,
Среди надзвѣздной тишины,
Звѣздамъ падучимъ нѣтъ покоя
Въ пучинахъ вѣчной глубины.
Имъ будто мало кругозора,
Имъ будто тѣсно, душно въ немъ,
Имъ во вселенной нѣтъ простора,
Какъ намъ на глобусѣ земномъ.
Скитальцы неба, на свободѣ
Онѣ блуждаютъ безъ препонъ
И то, что держитъ все въ природѣ,
Для нихъ какъ будто не законъ.

* * *

Во всѣхъ предѣлахъ мірозданья,
И на землѣ, и средь свѣтилъ,
Есть ненасытныя желанья,
Есть много непокорныхъ силъ.
Сродни страдальцу Прометею,
Враги застоя и оковъ,
Свергая власть, смѣясь надъ нею,
Съ начала самаго вѣковъ
Они, защитники свободы,
Вражду и распрю повели
Съ поработителемъ природы,
Съ Олимпомъ неба и земли...

* * *

Ночь. Небо ясное спокойно,
Какъ встарь, за тысячи вѣковъ:
Все тѣ же звѣзды, также стройно,
Глядятъ съ невѣдомыхъ міровъ,
Глядятъ — и завистью трепещетъ
Ихъ безпокойный, злобный взглядъ,
Когда хвостомъ своимъ заблещетъ
Летя черезъ созвѣздій рядъ,
Мятежница міростроенья;
Ей путь впередъ, впередъ всегда,
Она не знаетъ тяготѣнья,
Она — падучая звѣзда!

М. В-новъ.

Digitized by Google

ПРИНЦИПЫ
СТРАХОВАНІЯ ИМУЩЕСТВА.

Когда жизнь сама выработываетъ себѣ новыя формы, новыя приспособленія, послѣдствія являются или какъ отвѣтъ на всеобщую потребность, удовлетвореніе которой стало неизбѣжнымъ, или какъ воплощеніе теоріи, создавшейся прежде чѣмъ потребность сдѣлалась сознательною для всѣхъ. Таковъ почти всегда ходъ улучшеній въ экономической жизни народовъ, если новая форма создается, а не принимается извнѣ.

Если потребность въ улучшеніи ощущается почти всѣми, то новая форма, разрѣшающая вопросъ, является какъ желанная гостья, тотчасъ получаетъ права гражданства, становится необходимостью и безъ объясненія понимается всѣми.

Если же потребность еще не сказалась ощутительно для всѣхъ, если появленіе ея только предчувствуется немногими, то для реализаціи въ жизни новой формы, стремящейся удовлетворить еще несовершенно сознанной потребности, является необходимость теоріи, задачею которой становится разъясненіе для общества удобствъ и выгодности новой формы.

Когда же форма экономической жизни, выработанная однимъ народомъ, переносится къ другому, она переходитъ какъ нѣчто готовое, чаще всего, какъ выгодное коммерческое предпріятіе, и для массы общества является чѣмъ-то чужимъ, отвѣчающимъ иногда частному интересу, но никогда, или очень долго не становится разрѣшеніемъ вопроса жизни. Въ этомъ случаѣ заимствованная форма не имѣетъ для народа общественнаго жизненнаго значенія: духъ и мысль ее создавшіе могутъ часто искажаться.

Таково теоретическое объясненіе неудачъ многихъ позаимство-

Digitized by Google

ваній: они часто приносятъ вредъ и гибнутъ сами не потому, что жизнь экономическая не созрѣла для нихъ, а потому, что, исказивши духъ и мысль учрежденія, люди заимствуютъ одну форму и искажаютъ ее среди попытокъ примѣненія къ новой мѣстности и къ новому народу.

Страхованіе, какъ результатъ уже высоко развитой экономической жизни, должно было испытать на себѣ всѣ высказанныя неудобства заимствованій, чисто формальныхъ приложеній его къ жизни другого народа, въ видѣ готовой уже формы.

Страхованіе такой важный дѣятель въ экономической жизни народа, что разъясненіе его теоретическаго значенія не лишено интереса для всѣхъ, а слѣдовательно можно думать, что статья, посвященная этому вопросу, не будетъ лишнею въ русскомъ обществѣ, для котораго страхованіе дѣло почти совсѣмъ новое.

Страхованіе могло возникнуть, когда общество сознало уже солидарность своихъ интересовъ, и для огражденія ихъ, съ цѣлью помочь тому изъ своихъ членовъ, кого постигло бѣдствіе, рѣшилось ежегодно откладывать для этого часть своихъ сбереженій; такимъ образомъ, страхованіе есть только распредѣленіе между многими лицами убытка, понесеннаго отъ несчастія однимъ лицомъ. Нѣсколько лицъ соглашаются вносить, кому бы то ни было, извѣстную плату, съ условіемъ, что при погибели имущества у кого-либо изъ плательщиковъ, вся стоимость его, или опредѣленная часть ея, будетъ возвращена пострадавшему лицу.

Въ этой очень простой мысли заключается вся теорія страхованія,—все, что внѣ ея, ложь.

Плата, гарантирующая пострадавшему возвратъ стоимости имущества при его несчастіи, и называемая страховой преміею, находится въ тѣсной, математической связи съ суммою убытка и суммою застрахованнаго имущества; простѣйшій способъ страхованія былъ бы слѣдовательно тотъ, при которомъ нѣсколько лицъ гарантировали бы взаимно другъ другу цѣлость имущества и, по истеченіи года, сосчитавши, какая общая стоимость имущества участвовала въ договорѣ, какая часть погибла, опредѣлили бы такимъ образомъ, какую премію долженъ заплатить каждый рубль участвовавшаго въ договорѣ имущества для покрытія несчастій, бывшихъ въ теченіи года. Эта форма простѣйшая, самая дешевая и лучше всякой иной достигаетъ цѣли, потому что оставляетъ контроль надъ несчастіями въ рукахъ того же общества, которое платитъ за несчастіе, потому что не требуетъ капитала, а слѣдовательно и платы за него, не требуетъ сложной администраціи и сопряженныхъ съ нею расходовъ.

Digitized by Google

Но дурное, или лучше сказать, извращенное пониманіе обществомъ своихъ интересовъ, отсутствіе въ немъ чувства солидарности, опасенія каждаго отдѣльнаго лица не получить отъ общества вознагражденія при несчастіи, т.-е. другими словами, отсутствіе полной честности въ обществѣ и отсутствіе въ каждомъ членѣ его вѣры въ честность общественную, дѣлаютъ то, что форма страхованія, указанная выше, простѣйшая, лучшая и выгоднѣйшая, вездѣ уступила мѣсто частной инициативѣ. Будущее, конечно, принадлежитъ взаимному страхованію, можетъ быть, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, а настоящее состояніе общества требуетъ иной формы страхованія— при гарантіи имущества не круговою порукою, а капиталомъ, принадлежащимъ постороннему лицу, или акціонерному обществу. Какъ скоро страхованіе стало дѣломъ частной предпріимчивости, потребовалось и точное опредѣленіе впередъ той преміи, какую должны заплатить всѣ страхователи, а это, въ свою очередь, требуетъ предварительнаго существованія статистики, требуетъ приложенія къ страхованію теоріи вѣроятностей съ средними числами. Необходимость статистики для опредѣленія преміи очевидна всѣмъ, но какова должна быть эта статистика, на какіе вопросы должна она дать отвѣты, чтобы помощью ея добыть премію, справедливую для страхователей и гарантирующую цѣлость страхового капитала,— это я постараюсь опредѣлить.

Никто, конечно, не сомнѣвается въ томъ, что страхуемыя цѣнности находятся въ разнообразныхъ и оттого различныхъ условіяхъ относительно опасности погибели, и что это разнообразіе условій чрезвычайно велико.

Дома каменные и деревянные, крытые желѣзомъ, или деревомъ и соломою, фабрики и мастерскія, работающія огнемъ, или холодныя строенія, сплошная постройка или съ промежутками, то или другое сосѣдство, нахожденіе товара въ судахъ прочной или легкой постройки, новыхъ или старыхъ, плаваніе по тихимъ или быстрымъ рѣкамъ, подъ паромъ или по вѣтру и теченію, весною или лѣтомъ и т. д.—все это условія, создающія для имущества различныя количества погибели и долженствующія вызывать и различныя преміи.

Статистика должна дать отвѣтъ, на какую сумму имущества, находящагося въ одинаковыхъ условіяхъ, сколько на какую сумму и отъ какихъ причинъ приходится ежегодной погибели имущества.

Чѣмъ дробнѣе будутъ эти разряды, тѣмъ вѣрнѣе и справедливѣе будетъ разсчетъ, и только путемъ провѣрки можно рѣшать, какое имущество не стóитъ относить къ отдѣльному разряду и можно присоединить къ другому и какому именно.

Но одна дробность раздѣленія еще не даетъ возможности окон-

Digitized by Google

чательно опредѣлить премію, для этого нужно еще существованіе статистики несчастій хотя за сколько-нибудь продолжительный промежутокъ времени, и чѣмъ длиннѣе послѣдній, тѣмъ вѣрнѣе разсчетъ. При отсутствіи этихъ свѣдѣній собирать ихъ за прошлое время не только трудно, но въ большинствѣ случаевъ добыть сколько-нибудь точныя цифры почти невозможно, а между тѣмъ всѣ мы знаемъ, что, помимо ежегодныхъ, мелкихъ такъ сказать истребленій имущества, прорываются крупныя катастрофы, истребляющія цѣлые города и заставляющія руководствоваться свѣдѣніями за длинные промежутки времени. Пожары Симбирска, Гамбурга, Чикаго и Бостона у всѣхъ на памяти. Не только съ точки зрѣнія страховыхъ учрежденій и сохраненія ихъ капиталовъ, но еще болѣе съ точки зрѣнія огражденія интересовъ самихъ страхователей, а слѣдовательно всего общества, катастрофы эти должны быть введены въ разсчетъ.

Если этого не сдѣлано, то въ моментъ крупныхъ несчастій и наибольшей необходимости въ помощи, страховыя учрежденія лопаются, неудовлетворивъ иногда и десятой части убытковъ, и страхователи остаются безъ вознагражденій.

Если учрежденіе страхованія есть плодъ человѣческой предусмотрительности, то оно обязано быть предусмотрительнымъ до возможно далекаго предѣла, если не до конца, потому что иначе оно перестаетъ быть страховымъ учрежденіемъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Когда точно и вѣрно установлена статистика несчастій, по разнымъ разрядамъ имущества, хотя за нѣсколько лѣтъ, надо ввести въ разсчетъ крупныя катастрофы, случающіяся въ длинные промежутки времени и, за недостаткомъ прямыхъ статистическихъ данныхъ для нихъ, найти выходъ изъ этого затрудненія. Иногда это даже вовсе не трудно сдѣлать: стоитъ только строго анализировать данныя, доставляемыя цифрами, и выводя разсчеты по вѣроятности, умѣть примѣнять ихъ къ данному случаю.

Для большей наглядности попытаюсь объяснить свою мысль на примѣрѣ. Положимъ, требуется опредѣлить статистику крупныхъ катастрофъ отъ огня для русскихъ городовъ, а подъ крупною катастрофою можно разумѣть истребленіе огнемъ имущества или на извѣстной площади, или извѣстнаго числа строеній, или на извѣстную сумму — выборъ зависитъ отъ насъ.

Принимая во вниманіе, что при крупныхъ катастрофахъ главную роль играетъ матеріалъ строеній, густота построекъ, устройство пожарной части, и что остальныя условія, каковы, напримѣръ, количество въ городѣ строеній, употребляющихъ постоянно огонь, и количество холодныхъ дней въ году играютъ второстепенную роль, уве-

Digitized by Google

личивая только число пожаровъ, — можно раздѣлить всѣ русскіе города, по каждому изъ этихъ трехъ признаковъ, на отдѣлы: по матеріалу— на чисто каменные и потомъ на города съ присутствіемъ 10, 20, 30 и т. д. процентовъ деревянныхъ строеній; по устройству пожарной части—принявъ за основаніе существованіе водопроводовъ и количество трубъ по числу домовъ; по пустотѣ построекъ—руководствуясь различными отношеніями площади занятой городомъ къ числу домовъ. Изъ этихъ отдѣловъ можно составить общіе классы, гдѣ города будутъ расположены по всѣмъ тремъ признакамъ вмѣстѣ. Когда это сдѣлано и получено, положимъ, 10 классовъ, остается только ввести признаки второстепенные: исключительно большое число фабрикъ и географическое положеніе городовъ.

Такимъ образомъ можетъ быть получено до 20-ти под-классовъ, въ которые войдутъ всѣ русскіе города. Принявъ цифры послѣднихъ за 600, мы имѣемъ кругомъ около 30-ти городовъ въ каждомъ под-классѣ, а предполагая, что статистика существуетъ за 10 лѣтъ, мы, значитъ, имѣемъ свѣдѣнія равносильныя свѣдѣніямъ о каждомъ изъ городовъ под-класса за 300 лѣтъ,—срокъ довольно продолжительный для выводовъ и могущій дать достаточную точность.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣкоторые под-классы представятъ данныя за меньшее число лѣтъ, хотя въ то же время другіе дадутъ данныя еще болѣе точныя. Имѣя на основаніи этихъ послѣднихъ уже довольно вѣрныя цифры числа пожаровъ и губительности каждаго изъ нихъ, можно, изобразивъ въ цифрахъ отношеніе под-классовъ между собою, по возможному числу пожаровъ и по возможной губительности ихъ, составить для под-классовъ, давшихъ менѣе точныя свѣдѣнія статистическія, вѣроятные разсчеты, очень близкіе къ дѣйствительности.

Такъ или иначе могутъ быть добыты достаточныя свѣдѣнія и выведены достаточно точные разсчеты для всякаго рода страхованія, если хотя небольшія имѣющіяся данныя разработаны какъ слѣдуетъ.

Всякій годъ, протекшій для страхового учрежденія, прибавляетъ новыя данныя, исправляя выводы, или болѣе удостовѣряя ихъ правильность.

Если страховое учрежденіе начинаетъ свою работу безъ этихъ данныхъ, если оно не съумѣетъ въ началѣ овладѣть этимъ матеріаломъ и создать приблизительные разсчеты впередъ, то и богатый матеріалъ, собираемый имъ позже, не послужитъ ни къ чему существенному, не научитъ пользоваться этими свѣдѣніями, а скорѣе въ своемъ необработанномъ видѣ можетъ служить поддержкою того или другого фальшиваго взгляда, установившагося a priori.

Извѣстно, что изъ статистическихъ данныхъ, собираемыхъ безъ

Digitized by Google

системы, можно придти къ самымъ противуположнымъ выводамъ, смотря потому кто чего желаетъ. Но къ такимъ результатамъ несомнѣнно приводятъ только статистическія данныя дурно расположенныя и мало изученныя, оттого и необходимо умѣнье ими пользоваться, оттого и нужно впередъ твердо и ясно знать, на что нуженъ отвѣтъ. Только такой способъ дѣйствія дастъ то дорогое достояніе, которое зовется опытомъ, т.-е. дастъ большіе запасы свѣдѣній разумно собранныхъ и сгруппированныхъ и навыкъ владѣть ими, извлекая изъ нихъ возможно точные выводы, необходимые для даннаго случая.

На основаніи свѣдѣній подобнымъ образомъ добытыхъ, выведенная премія будетъ очень близка къ истинной для страхового учрежденія и справедливой для страхователей; но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что она останется таковою для будущаго времени, если не измѣнилось ни одно изъ условій, вліяющихъ на число или сумму несчастій, и если страхованіе производится на томъ же пространствѣ, на какомъ собраны были эти свѣдѣнія. Къ несчастью, мы настолько мало знаемъ законы управляющіе общественнымъ организмомъ, что не въ силахъ часто указать впередъ, какія измѣненія общественныхъ условій вліяютъ на измѣненіе числа того или другого изъ проявленій общественной жизни; но вліяніе нѣкоторыхъ мы можемъ предвидѣть при внимательномъ изученіи дѣла. Мы знаемъ, напримѣръ, фактъ, что вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ въ сельскомъ сословіи появилось стремленіе къ раздѣлу семей, слѣдовательно къ увеличенію числа домовъ; знаемъ также, что въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ эти новыя постройки внѣдрялись въ средину селеній, сближая, такъ сказать, строенія между собою. Понятно, зная это, не трудно уже предвидѣть, что помимо увеличенія числа пожаровъ, зависящаго отъ увеличенія числа домовъ и неизмѣняющаго размѣра премій, вѣроятная губительность пожаровъ должна увеличиться отъ большей скученности построекъ, а слѣдовательно должна увеличиваться и страховая премія.

Статистика несчастій и разсчеты бо́льшей или меньшей вѣроятности послѣднихъ, при измѣняющихся условіяхъ, выражаютъ свои результаты средними числами, составляющими упрощенный выводъ. Среднее число не есть нѣчто реальное, дѣйствительно существующее, оно есть только математическій выводъ, тѣмъ болѣе вѣрный, чѣмъ изъ большаго числа случаевъ онъ выведенъ, и имѣющій возрастающую невѣрность, по мѣрѣ уменьшенія числа случаевъ, къ какимъ онъ прикладывается. Для того, чтобы получить среднее число приблизительно вѣрное, надо брать непремѣнно большое число случаевъ, чтобъ въ массѣ пропадало безслѣдно вліяніе частностей.

Digitized by Google

Если городъ, состоящій изъ 20,000 каменныхъ домовъ, стоющихъ 500 милліоновъ, имѣлъ въ 10 лѣтъ 1,000 пожарныхъ случаевъ, отъ которыхъ сгорѣло 5,000 домовъ, а общій убытокъ равняется 62½ милліонамъ, то очевидно, что средняя стоимость дома 25,000; среднее годовое число пожарныхъ случаевъ 100, средній убытокъ отъ каждаго пожара 62,500, т.-е. 5 домовъ сгорѣвшихъ до половины, или 2½ сгорѣвшихъ совсѣмъ.

Очевидно также, что если изъ 20,000 домовъ сгораетъ ежегодно 500 до потери половины стоимости, или 250 до потери всей стоимости, то это все равно, еслибъ изъ 100 домовъ совершенно сгорѣлъ 1¼ или одинъ домъ сгорѣлъ совершенно въ 80 лѣтъ.

Чтобы приложить эти выводы къ страхованію безошибочно, нужно опредѣлить чистую годовую премію равную $^1/_{80}$ стоимости, 1,25%, и принять страхованіе въ ровныхъ или пропорціональныхъ доляхъ, во всѣхъ частяхъ города, сообразуясь съ ихъ пространствомъ и числомъ домовъ; надо, чтобы число страхуемыхъ домовъ было довольно значительно, чтобы нигдѣ не принимать болѣе 2½ домовъ, могущихъ легко подвергнуться истребленію отъ одного пожара, и не болѣе 5-ти при очень большомъ числѣ страхованій.

Изъ приведеннаго примѣра видно, что по разсчету каждый домъ сгораетъ среднимъ числомъ въ 80 лѣтъ; но это конечно не значитъ, что безусловно каждый домъ непремѣнно не горитъ 79 лѣтъ, сгорая на восьмидесятый.

Еслибы выведенныя среднія числа и премію на нихъ основанную мы попытались бы приложить къ 100 домамъ этого города, находящимся въ одной непрерывной связи, то непремѣнно въ теченіе короткаго промежутка времени имѣли бы или большой излишекъ преміи или дефицитъ, и пришли бы къ нулю или равенству сборовъ съ платежами за несчастія только въ очень длинный періодъ времени; т.-е. другими словами, если невѣрно, что каждый домъ гибнетъ 1 разъ въ 80 лѣтъ, то гораздо вѣрнѣе, что каждый гибнетъ 10 разъ въ 800 лѣтъ и почти совершенно вѣрно, что гибель каждаго дома случается 100 разъ въ 8,000 лѣтъ.

Понятно, что послѣднія цифры, дающія вѣрность только за такіе большіе періоды времени, не имѣютъ практическаго значенія для страхованія.

Выведенныя изъ взятыхъ выше данныхъ среднія числа вѣрны, какъ я старался это показать, только при существованіи всѣхъ взятыхъ условій; если измѣнено одно изъ нихъ, среднее число лишается всякаго значенія. Такъ какъ предметъ очень важенъ, особенно въ приложеніи къ земскому страхованію, то я позволю себѣ остановиться на немъ подольше.

Digitized by Google

Мы приняли, что 100 пожарныхъ случаевъ даютъ *среднимъ* числомъ 500 до половины сгорѣвшихъ домовъ, т.-е. среднее число губительности одного пожара равно 5-ти домамъ сгорѣвшимъ до половины или $2^1/_2$ домамъ, сгорѣвшимъ вовсе, или 62,500 рубл. убытка. Но очевидно, что среднее число 62,500 руб. гибели имущества при пожарномъ случаѣ можетъ быть получено изъ самыхъ различныхъ слагаемыхъ. Число домовъ, истребляемыхъ до $^1/_2$ отдѣльными пожарами, можетъ колебаться между 3 и 6, 9—10, 1—300 и т. п., сохраняя среднюю цыфру 5 на сумму всѣхъ случаевъ; а потому, если страховое учрежденіе принимаетъ болѣе 5-ти домовъ въ одной связи, то на весь этотъ излишекъ оно рискуетъ уже своимъ капиталомъ. И рискъ этотъ возможенъ только при соотвѣтствіи его съ размѣрами капитала, т.-е. если онъ составляетъ часть капитала и чѣмъ меньшую тѣмъ лучше, потому что вѣроятности потерь и выигрышей уравниваются, какъ было сказано, только въ длинные промежутки времени.

Чтобы погубить частныя страховыя учрежденія въ Россіи стóитъ только ограничить ихъ дѣятельность губерніями, обязавъ принимать сплошь всѣ строенія въ городахъ: тогда неизбѣжно одни бы разорялись въ то время, какъ другія получали бы незаслуженные барыши.

Если, какъ было сказано, страховое учрежденіе, имѣющее капиталъ, можетъ безъ серьёзныхъ опасеній рисковать только незначительною его частью, выходя за предѣлы средней цифры домовъ истребляемыхъ однимъ пожаромъ, то всѣ взаимныя страхованія, дѣйствующія безъ капитала и на небольшихъ пространствахъ, не имѣютъ ни какой возможности этого дѣлать.

Могъ ли Чикаго, или даже цѣлый штатъ, вынести пожаръ, истребившій этотъ городъ годъ тому назадъ? Между тѣмъ взаимное страхованіе, распространенное на всю территорію Союза, конечно, было бы въ силахъ покрыть убытки этого пожара.

Всякое взаимное страхованіе, какъ оно организовано до настоящаго времени, есть непремѣнно мѣстное, ограниченное небольшимъ территоріальнымъ пространствомъ, устраняющее всякую мысль о возможности ограниченія рисковъ, о важности котораго мы только что говорили.

Самая ограниченность территоріальнаго распространенія требуетъ опредѣленія спеціальной преміи для этого пространства, и не допускаетъ приложенія къ малой территоріи преміи, выведенной для большого пространства.

Страховать одинъ домъ, на основаніи среднихъ чиселъ выведенныхъ для тысячи домовъ, также неосновательно, какъ страховать одинъ городъ или одну губернію, на основаніи данныхъ выведенныхъ для сотни городовъ или 50-ти губерній.

Digitized by Google

Мы говорили уже, что разные дома города имѣютъ разные шансы погибели, разные же шансы существуютъ и для гибели имущества губерній. Большія катастрофы мѣняютъ мѣста и обрушиваются на одну мѣстность, оставляя въ покоѣ десятки другихъ; съ средними числами, какъ съ выводами математическими, нельзя пускаться въ дипломатію, они грубы и бьютъ какъ обухомъ; ихъ надо уважить во всей ихъ неприкосновенности, и тогда они становятся добрыми друзьями. Рельефнѣе всего можно видѣть на земскомъ взаимномъ страхованіи неудобство территоріальныхъ ограниченій и разорительность группированія рисковъ. Если взять общую стоимость крестьянскихъ строеній всей Россіи и, раздѣливъ ее на число строеній, получить среднюю стоимость каждаго, затѣмъ самымъ тщательнымъ образомъ, хотя за 500-лѣтній періодъ времени, высчитать, сколько ежегодно гибнетъ этой стоимости отъ огня, то, конечно, можетъ быть строго опредѣлена средняя годовая страховая премія на всю Россію, для каждаго крестьянскаго строенія. Страхованіе, основанное на такомъ разсчетѣ, и дѣйствующее на всю Россію, никогда почти не можетъ имѣть убытковъ, превышающихъ сборъ, а еслибъ это и случилось, вслѣдствіе скопленія въ одно время нѣсколькихъ крупныхъ несчастій, то въ ближайшіе годы равновѣсіе возстановилось бы; число объектовъ страхованія при такомъ способѣ такъ велико, что среднее число одного года будетъ весьма близко къ среднему числу длиннаго ряда лѣтъ, въ это число вошли бы даже крупныя катастрофы. Но если раздѣлить страхованіе по губерніямъ, и приложить ту же премію къ каждой изъ нихъ въ отдѣльности, то непремѣнно получится въ результатѣ, что для однѣхъ губерній сборовъ не будетъ доставать, а въ другихъ будутъ излишки.

Само собою очевидно на первый взглядъ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ зима продолжительнѣе и суровѣе, гдѣ печи топятся чаще и жарче, гдѣ сушится въ овинахъ хлѣбъ, въ баняхъ грибы или лёнъ, гдѣ селенія сжаты, по недостатку мѣста, или тѣснятся къ большому водному пути, гдѣ господствуютъ промыслы кузнечные и т. п., пожары будутъ чаще и дѣйствіе ихъ губительнѣе, чѣмъ въ губерніяхъ съ теплымъ климатомъ и раскинутыми поселеніями чисто земледѣльческой полосы. На основаніи этихъ данныхъ, безъ претензіи на титулъ пророка, можно предсказать постоянный почти дефицитъ для первыхъ мѣстностей и постоянный же излишекъ въ сборахъ для послѣднихъ. Исключенія изъ такого вывода возможны только какъ случайность и не на долгое время.

Все это взятое вмѣстѣ съ гибельностью каждаго пожара въ отдѣльности, приводитъ къ убѣжденію, что для развитія земскаго страхованія необходима взаимная круговая отвѣтственность всѣхъ губер-

Digitized by Google

ній съ обязательнымъ распредѣленіемъ крупныхъ селеній между земствами, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, многихъ губерній, съ раздѣленіемъ Россіи на страховые округа для перестрахованія рисковъ, превышающихъ въ одномъ поселеніи $^1/_5$ или даже $^1/_{10}$ части годового сбора премій по всей губерніи.

Высказанныя здѣсь теоретическія соображенія приводятъ меня естественно къ указанію программы дѣйствій страхового учрежденія, которое, отрѣшившись отъ исключительной цѣли наживы барышей, пожелало бы стать учрежденіемъ прочнымъ, согласнымъ съ требованіями народной экономіи. Задача эта значительно облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что интересы страхового учрежденія, широко понимаемые, совершенно согласуются съ интересами народнаго хозяйства. Сумма преміи собранной страховымъ учрежденіемъ еще не говоритъ ничего въ пользу выгодности дѣла. Даетъ барышъ не выгодность дѣла, а разность между собранной преміей и оплаченными убытками; слѣдовательно, задача страхового учрежденія, съ точки зрѣнія соблюденія его интересовъ, становится двоякою: собрать много премій и имѣть мало убытковъ; первая половина задачи достигается неразборчивостью въ страхованіи, вторая только привлеченіемъ къ страхованію хорошихъ рисковъ [1]), т.-е. наиболѣе безопасныхъ. Отсюда ясно, что эти двѣ цѣли противорѣчатъ другъ другу и что, для достиженія конечнаго результата—большей разности между собранной преміей и количествомъ убытковъ, первенство должно остаться за второю половиною задачи: за привлеченіемъ хорошихъ рисковъ или за уменьшеніемъ убытковъ. Если общество отказалось отъ взаимнаго страхованія и допустило образованіе страховыхъ компаній, потребовавъ отъ учредителей страхового дѣла отвѣтственнаго капитала, то правильно разсчитанная премія слагается для каждаго отдѣльнаго класса имущества изъ слѣдующихъ элементовъ:

1) Преміи за ежегодныя среднія несчастія, равной процентному отношенію стоимости ежегодно среднимъ числомъ погибающаго имущества къ общей стоимости такого имущества;

2) Платы за расходы управленія;

3) Преміи за большія катастрофы, опредѣляемой по способу указанному выше, или что все равно, преміи для образованія запаснаго капитала;

4) Процентовъ на капиталъ, затраченный на предпріятіи;

---

[1]) Рискомъ называется имущество, принимаемое на страхъ и могущее погибнуть отъ одной причины; напр., если 5 домовъ находятся въ тѣсной связи, то ихъ называютъ однимъ рискомъ; суда на пристани, поставленныя безъ интерваловъ всѣ вмѣстѣ—опять составляютъ одинъ рискъ и т. д.

Digitized by Google

5) Барыша за рискъ предпріятія.

Положимъ, большія катастрофы въ теченіе 800 лѣтъ совершенно истребляютъ имущество, тогда, очевидно, премія запаснаго капитала должна быть равна 0,125%. Допустимъ, что на расходы управленія взимается 01% стоимости имущества и столько-же на проценты и дивидендъ. Далѣе, возьмемъ такого рода имущество, которое представляетъ по среднему разсчету ½% погибели, значитъ для него премія будетъ 0,5%. Страхуя на 20.000,000 такого имущества мы сберемъ:

Премій ежегодныхъ убытковъ. . . .	100,000
„ запаснаго капитала.	25,000
На расходы управленія.	20,000
„ проценты и барышъ.	20,000
	165,000 т. е. 0,825%.

Изъ этой суммы 100,000 поступитъ на оплату несчастій, а 65,000 на остальныя надобности страхового учрежденія, причемъ образуется остатокъ отъ сборовъ.

Возьмемъ теперь другого рода имущество, представляющее среднюю годовую гибель 25% стоимости.

Взятый нами контрастъ можетъ показаться черезъ-чуръ большимъ, между тѣмъ онъ существуетъ и, еслибъ понадобилось, мы можемъ на Волгѣ указать суда, гибнущія въ этой пропорціи отъ бурь.

Страхуя такого имущества на 20-же милліоновъ, мы должны взять:

для ежегодныхъ убытковъ	5.000,000
„ запаснаго капитала.	25,000
„ управленія.	20,000
„ % и барыша	20,000
	5.065,000 или 25,325%.

Отсюда очевидно, что два сбора, изъ которыхъ одинъ почти въ 30 разъ болѣе другого, даютъ тотъ же остатокъ 65,000 руб., хотя, говоря правильно, сборъ премій въ 5 милл. обойдется расходами управленію дороже, чѣмъ сборъ 165,000 руб.

Принявъ, что опасныя и безопасныя имущества равны по общей стоимости, и назначивъ для нихъ одну сложную премію, послѣдняя была бы 13,125%, т.-е. она будетъ только около ½ дѣйствительной преміи для имущества опаснаго, и почти въ 16 разъ дороже дѣйствительной преміи для имущества безопаснаго.

Если приложить эту премію на практикѣ, неминуемо обнаружатся послѣдствія такого рода:

1) Безопасные риски, находя для себя премію слишкомъ дорогою, уклонятся отъ страхованія, т.-е. имущество хорошее, принадлежащее заботливымъ людямъ, хорошимъ хозяевамъ, лишится обезпеченія.

Digitized by Google

2) Опасные риски, напротивъ, всѣ будутъ стремиться къ страхованію.

3) Съ отстраненіемъ хорошихъ рисковъ равенство тѣхъ и другихъ въ страхованіи нарушится и премія сдѣлается недостаточною, или, другими словами, страховое учрежденіе разорится, не оплачивая даже убытковъ. Для объясненія послѣдняго приведу слѣдующій разсчетъ.

Русскія страховыя общества съ капиталами въ 500,000 р. страхуютъ товаровъ въ пути на 100 милліоновъ руб.; слѣдовательно, для страхованія 20 милліоновъ достаточно капитала въ 100,000 р. Если изъ 20 милл. общей застрахованной суммы останется на 5 милл. р. хорошихъ рисковъ, а на 15 милл. р. дурныхъ, то сборъ преміи при 13,125% будетъ 2.625,000, а убытковъ отъ 5 милл. хорошихъ рисковъ 25,000 р. и отъ 15 милл. дурныхъ рисковъ 3.750,000, а всего 3.775,000 р., т.-е. убытки поглотятъ весь сборъ, весь капиталъ 100,000 р. и не покроются еще на 1.050,000 р. или на 28% погибшаго имущества.

4) При преміи 13,125% естественно, что стремленіе заводить безопасное имущество будетъ ослабѣвать подъ вліяніемъ мотива, что дурныя суда обходятся дешевле, и отчасти по невозможности страховать хорошія суда, т.-е. результатомъ является ухудшеніе судостроенія.

Вотъ логическія послѣдствія смѣшеній страхованій, представляющихъ различныя степени опасности. Если разница будетъ не такъ ощутительна, какъ та, которую мы взяли, результаты будутъ медленнѣе, но въ сущности будутъ тѣ же.

Значитъ, страхованіе, несоблюдающее условія строгаго разграниченія рисковъ, гибнетъ само—это еще меньшее изъ предстоящихъ золъ; оно увеличиваетъ погибель народнаго имущества и развиваетъ безпечность, становясь такимъ образомъ учрежденіемъ антисоціальнымъ, между тѣмъ, какъ страхованіе, правильно организованное, является всегда другомъ человѣка и общества.

Прибѣгаю еще разъ къ примѣру, чтобы выяснить мою мысль и избѣгнуть такимъ образомъ длинныхъ разсужденій. Увеличеніе народонаселенія естественно возвышаетъ цѣну хлѣба, а это даетъ возможность новымъ мѣстностямъ болѣе отдаленнымъ, или имѣющимъ худые пути сообщенія, вводить свои продукты на всемірный рынокъ.

Допустимъ, что какая-нибудь мѣстность можетъ, считая и расходы на провозъ, доставить хлѣбъ на 40% дешевле его номинальной цѣны на главныхъ рынкахъ страны, но путь доставки такъ опасенъ, судоходство такъ плохо организовано, что среднимъ числомъ 15-я часть грузовъ гибнетъ въ пути. Торговцу, желающему доста-

Digitized by Google

вить хлѣбъ этой мѣстности, представляются два шанса: 40% барыша, если суда дойдутъ благополучно, и 100% убытка, если они потонутъ, и потому понятно, что мелкіе капиталы не могутъ принять такого выбора, но крупный капиталистъ, отправившій большое число судовъ, можетъ рѣшиться на такое дѣло. Считая, что въ большой массѣ вѣроятна погибель 1/5 части груза, а на остальныхъ 4/5 онъ наживаетъ 40%, то и при погибели 1/5 ему останется еще 12% на весь капиталъ. Значитъ, безъ вмѣшательства страхованія дѣло не дѣлается вовсе или дѣлается только въ пользу одного лица. Является страховое учрежденіе, взимающее премію равную риску, т.-е. въ 20%, и для всякаго торговца становится возможною доставка хлѣба, а конкурренція ихъ между собою понижаетъ его цѣну на рынкѣ, или возвышаетъ на мѣстахъ покупки, такъ какъ весьма вѣроятно, что торговцы, заплативъ 20% премія удовольствуются, въ силу конкурренціи, 10% барыша, и такимъ образомъ остальные 10% поступятъ въ пользу потребителей, или производителей. Если же страховое учрежденіе назначитъ премію меньшую 20%, то убытки заставятъ его разложить недоборы на хлѣба другихъ пристаней, и этимъ путемъ создается только искусственная дешевизна въ пользу одной мѣстности и въ то же время искусственно поднимается стоимость хлѣба въ другихъ мѣстахъ.

Вотъ почему страховое учрежденіе, желающее быть таковымъ, обязано строго различать имущества по степени ихъ опасности, относя ихъ въ разные классы, и назначая для нихъ разныя преміи, и почему, не дѣлая этого, оно порождаетъ только зло для общества, а себя ведетъ къ разоренію.

Но этимъ не ограничивается то вредное вліяніе, какое имѣетъ на народное хозяйство и народную жизнь нераціональное страхованіе.

Въ началѣ статьи я сказалъ, что когда новая форма экономической жизни приходитъ къ народу извнѣ, она чаще всего переносится какъ выгодное коммерческое предпріятіе, и духъ и мысль ее создавшіе часто искажаются.

Попытаемся проникнуть въ исторію возникновенія страхованія; посмотримъ, какъ могли разсуждать лица, впервые задумавшія обезпечить свое имущество круговымъ ручательствомъ другъ за друга.

Собственность, которую мы желаемъ обезпечить, представляетъ 1.000,000 р. стоимости; въ послѣднія 20 лѣтъ погибло на 200,000 р., что́ равняется 10,000 р. ежегоднаго убытка. Значитъ, для взаимнаго страхованія намъ надо ежегодно 10,000 р. и, положимъ, 2,000 р. на расходы управленія, и еще 5,000 р. на образованіе запаснаго капитала. Но такъ какъ теперь все общество несетъ убытки отъ несчастія каждаго хозяина, то послѣдній обязывается обходиться съ

Digitized by Google

своимъ имуществомъ осторожнѣе и все общество, какъ отвѣтчикъ за несчастіе, конечно, имѣетъ право наблюдать за тѣмъ, достаточно ли осторожно каждый членъ его оберегаетъ свое имущество. Если такое постановленіе не существовало на бумагѣ, то не существовало ли оно въ духѣ самаго учрежденія, въ пониманіи каждаго,—никто, конечно не рѣшится отвѣчать на это отрицательно.

Могла ли кому-нибудь тогда придти въ голову мысль объ умышленномъ истребленіи своего имущества ради надежды получить вознагражденіе, превышающее его стоимость? — конечно, нѣтъ: оцѣнка не могла быть выше дѣйствительной стоимости, а надзоръ былъ слишкомъ великъ и бдителенъ. Создавало ли такое страхованіе бо́льшую небрежность къ застрахованнымъ имуществамъ? Опять нѣтъ, потому что когда погибель касается интересовъ всего общества, надзоръ за порядкомъ бываетъ активный и дѣйствительный. Такое страхованіе удовлетворяло совершенно своей цѣли, не увеличивая числа несчастій, не развивая безпечности, не дразня дурные инстинкты человѣка, не соблазняя его на злоумышленныя истребленія имущества ради наживы. Если небрежность и злой умыселъ прибавятся еще какъ причины несчастій, если каждый изъ этихъ новыхъ дѣятелей создастъ по-стольку же несчастій, сколько создаютъ неотвратимыя причины, то число несчастій утроится, а слѣдовательно утроится и премія; и утроенія этого еще недостаточно, потому что коммерческіе кризисы, пониженіе цѣнъ на товары, могутъ значительно усиливать вліяніе произвольныхъ причинъ несчастій.

Мы видимъ, что идея страхованія, въ моментъ своего возникновенія, вмѣщала въ себѣ увѣренность въ совершенномъ устраненіи злого умысла со стороны страхователя, или небрежности, потому что рядомъ съ страхованіемъ устанавливается силою вещей бдительный контроль общества.

Когда страхованіе стало удѣломъ частной иниціативы, нечего было и думать о созданіи контроля, равнаго по результатамъ съ контролемъ цѣлаго общества, и слѣдовательно пришлось его вовсе уничтожить, потому что полумѣры не вели бы ни къ чему. Но съ уничтоженіемъ контроля уничтожилась существенная, такъ сказать органическая часть страхованія, и на сцену выступили небрежность и злой умыселъ, какъ новые источники несчастій. Надо было искать защиты отъ этихъ двухъ бичей страхового дѣла; раціональное изученіе теоріи страхованія, духа и смысла его заставили бы искать этой защиты въ созданіи чего-нибудь равносильнаго контролю общественному; пониманіе поверхностное довольствуется возвышенною преміею; отсюда очень естественно, что когда въ странѣ появляется впервые страхованіе въ лицѣ одного, или весьма небольшого числа

Digitized by Google

страховыхъ обществъ, когда для огражденія отъ злого умысла назначается высокая премія, когда страхователи еще не искусились въ пріемахъ злоупотребленій, когда небрежность въ обращеніи съ имуществомъ тоже не вошла еще въ нравы и обычаи, потому что какъ дурныя, такъ и хорошія наклонности и привычки развиваются не быстро, то понятно, говорю я, что страховыя учрежденія процвѣтаютъ, и всѣ, судящіе о дѣлѣ только по результатамъ, находятъ, что все обстоитъ благополучно и не оставляетъ ничего желать. Въ теченіе этого періода процвѣтанія первыхъ страховыхъ обществъ постепенно созрѣваютъ плоды, посѣянные ими въ обществѣ, нарождается небрежность, создается злой умыселъ; въ то же время число страховыхъ обществъ увеличивается, конкурренція понижаетъ премію, единственную ограду противъ злоупотребленій и небрежности, и заставляетъ увеличивать льготность условій, т.-е. продолжать дѣло уже давно начатое первыми обществами, развивая его еще дальше въ пользу небрежности и злоупотребленій, и наступаетъ время, когда положеніе дѣлается невозможнымъ. Ложный элементъ, внесенный въ жизнь, всегда и вездѣ приводитъ наконецъ къ одному результату—къ абсурду. Всякая ложь—и въ этомъ ея рѣзкое отличіе отъ истины—терпима и незамѣтна для практики, когда она практикуется въ маломъ видѣ, когда она мало развита, и становится абсурдомъ, очевидною невозможностію, неоспоримою ложью, если только приложить ее въ большомъ масштабѣ, развить до возможной полноты. Такъ какъ трудно опредѣлить и премію, могущую наконецъ гарантировать отъ развившагося злого умысла, а еще труднѣе продолжать страхованіе съ непомѣрно высокою преміею, то очевидно приходится отречься отъ прошлыхъ дѣйствій, признавъ ихъ безполезность, и поискать разрѣшенія вопроса не въ опытѣ своего прошлаго, а въ теоріи, которая не позволяетъ безнаказанно игнорировать себя.

Изъ всего сказаннаго понятно, что если страхованіе желаетъ быть добрымъ факторомъ въ народной жизни, а не развращающимъ началомъ, если страховое учрежденіе желаетъ существовать долго, а не пролетѣть метеоромъ, исчезнувъ въ дымѣ и огнѣ, то оно обязано замѣнить контроль общества вовсе невозвышенною преміею.

Дѣлайте-молъ что хотите, даже злоупотребляйте, только ловче, не попадаясь, и платите за это дороже,—вотъ что такое въ сущности замѣна контроля возвышенною преміею.

Еслибы замѣна общественнаго контроля возвышенною преміею понималась такъ всѣми страховыми дѣятелями, то, вѣроятно, никогда бы и не считали ее однимъ изъ орудій противъ злого умысла.

Digitized by Google

Равносильнымъ общественному контролю, даже превосходящимъ его, какъ двигатель, можетъ быть только частный интересъ, интересъ собственника имущества, и въ немъ-то надо искать оружія противъ небрежности и злого умысла. Вызвать къ жизни въ страховомъ дѣлѣ частный интересъ становится, такимъ образомъ, не только средствомъ самозащиты для страхового учрежденія, но и задачею общественною, а потому я и считаю необходимымъ дать здѣсь подробныя объясненія по этому предмету.

Чтобы яснѣе понять, что́ должно совершить въ страхованіи вмѣшательство частнаго интереса, надо войти въ детали страхованія, не всѣмъ можетъ быть достаточно извѣстныя, и указать на теоретическій смыслъ тѣхъ или другихъ пріемовъ.

Возьмемъ для этого оба вида имущественнаго страхованія: страхованіе отъ огня недвижимаго имущества и товаровъ на мѣстѣ, и страхованіе товаровъ въ пути отъ всѣхъ опасностей.

Въ обоихъ случаяхъ страхователь въ объявленіи объясняетъ родъ своего имущества, условія, въ которыхъ оно находится, и другія подробности, требуемыя страховымъ обществомъ.

Какъ скоро невѣрность въ показаніяхъ страхователя освобождаетъ общество отъ платежа въ случаѣ несчастія, то очевидно, что провѣрка всѣхъ показаній страхователя не требуется, а нужно лишь простое удостовѣреніе въ существованіи имущества, предлагаемаго къ страхованію, и даже оно нужно очень рѣдко.

Въ томъ же объявленіи страхователь опредѣляетъ цѣнность своего имущества и сумму, въ которой онъ желаетъ его застраховать. Для того, чтобы страховое общество могло согласиться на предлагаемую цѣну, оно должно освидѣтельствовать имущество подробно и произвести ему оцѣнку.

Можетъ ли быть правильна такая оцѣнка, т.-е. можетъ ли она выражать дѣйствительную стоимость имущества? Имѣетъ ли возможность агентъ страхового общества знать цѣну, напримѣръ, каждому товару, какъ знаетъ ее тотъ, кто торгуетъ этимъ товаромъ, особенно когда товаръ страхуется по необходимости безъ осмотра въ подробностяхъ? Имѣетъ ли агентъ даже фактическую возможность всегда убѣдиться въ его количествѣ? Конечно, нѣтъ, и нѣтъ, а потому шансъ застраховать товаръ въ высшей стоимости всегда на сторонѣ страхователя, особенно при конкурренціи страховыхъ обществъ между собою.

При страхованіи домовъ повторять приходится почти то же самое относительно трудности оцѣнки; наконецъ, строенія, ежегодно ветшая, теряютъ часть своей цѣнности, а между тѣмъ, при существованіи предварительной оцѣнки, на практикѣ страховая стоимость переписывается изъ года въ годъ.

Digitized by Google

Ко всему этому надо еще прибавить, что цѣна на товары можетъ иногда быстро измѣняться, что она медленнѣе, но мѣняется и на недвижимую собственность отъ причинъ какъ торговыхъ, каковы кризисы финансовые и промышленные, такъ и отъ политическихъ.

Предварительная оцѣнка дѣлаетъ то, что при паденіи цѣнъ застрахованнаго имущества страховое общество отвѣчаетъ послѣ несчастія не только за дѣйствительный убытокъ отъ пропажи имущества, но и за тотъ убытокъ, какой долженъ былъ понести страхователь, какъ владѣлецъ товара или собственности недвижимой, отъ паденія цѣнъ.

Понятно, что какъ скоро имущество застраховано дороже его стоимости рыночной, или во время продолженія страхованія имущество подешевѣло почему-либо, соблазнъ истребленія становится очень великъ, не говоря уже о томъ, что этому могутъ еще помогать личныя обстоятельства страхователя, каковы, напримѣръ, запутанность дѣлъ, близость банкротства и т. п.

Но предварительною оцѣнкою имущества, или такъ-называемыми таксированными полисами, кромѣ злого умысла, развивается еще небрежность, идущая отъ простого нерадѣнія до умышленнаго группированія, въ предѣлахъ законности, вокругъ имущества такихъ обстоятельствъ, которыя могутъ увеличивать значительно шансъ погибели, доводя его почти до несомнѣнности.

Если страхователю впередъ извѣстна цифра отвѣтственности предъ нимъ страхового общества, то какъ скоро цифра эта ему выгоднѣе, чѣмъ продажная цѣна его имущества, умышленная небрежность или злой умыселъ даютъ простѣйшую и болѣе выгодную реализацію капитала, чѣмъ продажа.

Если бы даже стоимость имущества и не мѣнялась въ цѣнѣ во время страхованія, если бы даже оцѣнка могла быть произведена совершенно правильно, во всякомъ случаѣ она стóитъ денегъ и расходовъ.

Къ чему производить 400 оцѣнокъ, подвергая тратамъ денегъ и времени 400 страхователей, когда придется платить одинъ убытокъ, т.-е. когда оцѣнка нужна будетъ одинъ разъ. Лучше произвести ее именно надъ тѣмъ имуществомъ, которое погибло. Я не стану объяснять здѣсь способовъ, какими можно произвести оцѣнку погибшаго имущества, способы эти давно выработаны въ Европѣ, они заключаются въ фактурахъ на товаръ, въ справочныхъ цѣнахъ, въ оцѣнкѣ экспертовъ, въ свидѣтельскихъ показаніяхъ и, наконецъ, въ присягѣ, какъ ultima ratio, когда всѣ остальные пути, начиная съ добровольнаго соглашенія, не приводятъ къ точному опредѣленію цифры убытка.

Digitized by Google

Если предварительной оцѣнки нѣтъ, и нѣтъ, слѣдовательно, впередъ опредѣленной цифры, въ которой страховое общество отвѣчаетъ предъ страхователемъ, то что же должна означать оцѣнка имущества страхователя, опредѣляемая имъ самимъ? Она должна выражать ту цифру, съ которой онъ платитъ премію и выше которой онъ не получитъ при несчастіи ту цифру, которую, по его разсчетамъ, страховое общество должно будетъ ему заплатить при несчастіи.

Посмотримъ, какое различіе въ вознагражденіи получается по тому, будемъ ли мы держаться таксированнаго полиса, или того способа вознагражденія, какой непосредственно вытекаетъ изъ правильно-понимаемаго страхованія и резюмируется формулой, гдѣ застрахованная стоимость относится къ дѣйствительной такъ, какъ убытокъ страхового общества къ общему дѣйствительному убытку, а разность между общимъ убыткомъ и убыткомъ страхового общества есть убытокъ страхователя. Дѣйствительный убытокъ есть разность дѣйствительной стоимости товара во время и на мѣстѣ несчастія и стоимости, вырученной при спасеніи, по покрытіи расходовъ спасенія. Назовемъ застрахованную стоимость черезъ A, дѣйствительную черезъ V, убытокъ страхового общества черезъ X, общій убытокъ черезъ P, а убытокъ страхователя черезъ Y, мы получимъ двѣ формулы, отвѣчающія на всѣ случаи аварій:

$$A : V = X : P \quad \text{и} \quad P - X = Y.$$

А такъ какъ существенное основаніе страхованія заключается въ томъ, чтобъ ни страхователь, ни общество не имѣли барыша при несчастіи, то Y никогда не долженъ быть отрицательнымъ, или иначе: X не можетъ быть болѣе P, а можетъ быть равенъ, или менѣе, X не можетъ быть равнымъ нулю или отрицательной величинѣ, и въ то же время, такъ какъ общество отвѣчаетъ только въ предѣлахъ застрахованной стоимости, то очевидно, что X не можетъ быть никогда болѣе A, а можетъ быть менѣе или равенъ ему.

Въ принятой нами первой формулѣ очевидно возможны только три случая: $A < V$; $A = V$; $A > V$; а соотвѣтственно имъ: $X < P$; $X = P$; и такъ какъ X не можетъ быть болѣе P, то и въ третьемъ случаѣ $X = P$, и Y есть положительная величина въ первомъ и 0 въ двухъ послѣднихъ случаяхъ, а это значитъ, если застрахованная стоимость равна или болѣе дѣйствительной, то страхователь получаетъ весь дѣйствительный убытокъ, но никогда не болѣе его; если же товаръ застрахованъ дешевле, или если товаръ поднялся въ цѣнѣ послѣ страхованія, то общество несетъ часть убытка, а другая, соотвѣтствующая излишку дѣйствительной цѣнности противъ застрахованной, падаетъ на долю страхователя.

Digitized by Google

При таксированномъ полисѣ общество всегда платитъ застрахованную сумму, и чтобы имѣть возможность возмѣстить потери въ случаяхъ, когда оно платитъ дороже чѣмъ слѣдовало бы, оно сохраняетъ за собою право сдѣлать одно изъ двухъ: заплатить убытки, отдавъ спасенное хозяину, или взять весь товаръ за себя, заплативъ застрахованную сумму.

Возьмемъ три примѣра застрахованной единицы товара.

$A = 10$, $V = 14$, употреблено расходовъ на 1 руб. и спасено на 4 руб.; слѣдовательно спасено всего 3 руб., а потому P убытокъ равенъ 11 руб.

По предлагаемой формулѣ:

убытокъ общества $X = \frac{11.\ 10}{14} = 7$ руб. $85^3/_4$ коп., а $Y = 11 - 7$ руб. $85^3/_4$ коп. $= 3$ руб. $14^1/_4$ коп. или, другими словами, изъ спасенныхъ 3 руб. страховое общество считаетъ своимъ $\frac{10}{14}$ или 2 р. $14^1/_4$ к., а $85^3/_4$ к. изъ спасеннаго считается собственностью страхователя.

По таксированному полису общество, или отдавая 3 руб. спасенные страхователю, доплачиваетъ разницу до 10 руб. застрахованной суммы 7 руб., или оставляетъ весь товаръ за собою, уплачивая страхователю 10 руб., т.-е., другими словами, заставляетъ страхователя понести убытокъ непремѣнно въ 4 руб. вмѣсто 3 руб. $14^1/_4$ коп. только потому, что страхователь несъ на себѣ часть риска. Это значитъ, что оно обращаетъ въ свою пользу и ту часть, которая принадлежитъ изъ спасеннаго страхователю, потому что товаръ поднялся въ цѣнѣ. Если вмѣсто этихъ величинъ возьмемъ другія, то положеніе будетъ еще яснѣе: $A = 10$, $V = 20$ (допустивъ быстрое возвышеніе цѣнъ), $P = 3$, то это значитъ, что спасенный товаръ проданъ за 17 руб. По нашей формулѣ $X = \frac{10.\ 3}{20} = 1{,}5$ руб., а $Y = 1{,}5$; т.-е. убытокъ общества 1,5 руб., которые оно уплачиваетъ страхователю въ приплату къ 17 руб., вырученымъ отъ продажи, а 1 р. 50 коп. несетъ самъ страхователь.

При таксированномъ полисѣ общество, пользуясь обстоятельствами не имъ созданными, платитъ страхователю 10 руб., получая само 17 руб., т.-е. наживается на несчастіи, или, во всякомъ случаѣ передавая спасенное страхователю въ 17 руб., не платитъ ничего, несмотря на то, что если погибла цѣнность 3 руб. изъ 20, то значитъ изъ 10 руб. застрахованной суммы погибла $^1/_2$ трехъ-рублей.

Третій примѣръ:

$A = 10$, $V = 10$, $P = 4$, то $X = \frac{10.\ 4}{10} = 4$, а $Y = 4 - 4 = 0$ т.-е. общество несетъ весь убытокъ. Такой же результатъ получается и при таксированномъ полисѣ; $A = 10$, $V = 8$, $P = 4$, по нашей формулѣ:

Digitized by Google

$X = \frac{10.4}{8} = 5$, но такъ какъ по условію убытокъ общій не можетъ превышать убытка дѣйствительнаго, слѣдовательно X принимается только равнымъ 4, а потому $Y = 4 - 4 = 0$, т.-е. общество платитъ весь убытокъ дѣйствительный, не обращая вниманіе на то, отчего дѣйствительная стоимость стала 8 р., оттого-ли что товаръ былъ слишкомъ дорого застрахованъ, оттого-ли что стоимость его упала во время страхованія, такъ какъ ни то ни другое не касается страхового дѣла, а составляетъ или особые разсчеты страхователя или неудачу, т.-е. убытокъ отъ пониженія цѣнъ.

Ликвидируя несчастье по таксированному полису и принявъ за основаніе стоимости застрахованную сумму 10 р., убытокъ будетъ 6 р., потому что, принимая P за 4, мы значитъ допустили, что выручено отъ продажи тоже 4 р. Такимъ образомъ, страховое общество платитъ 6 р., когда убытокъ дѣйствительный 4 р., т.-е. платитъ лишнихъ 2 р. только потому, что товаръ былъ застрахованъ дороже его стоимости, или потому что товаръ упалъ въ цѣнѣ, т.-е. въ тѣхъ именно случаяхъ, гдѣ страхователю выгодно погубить свой товаръ, тамъ-то страховое общество и даетъ ему льготу, обсчитывая его въ первомъ случаѣ, т.-е. когда страхователь не только терпитъ отъ несчастія, но еще и оттого, что лишается шанса получить барышъ за свой товаръ.

Отсюда видно, чего стоятъ таксированные полисы, какую логическую и математическую нелѣпость они изображаютъ, какія безобразныя начала вносятъ они въ страхованіе и какія уродливыя послѣдствія стараются создать.

Разъяснивъ зло предварительныхъ оцѣнокъ и таксированныхъ полисовъ, остается сказать о главномъ: о значеніи, какое имѣетъ для цѣлости имущества привлеченіе къ страхованію интересовъ самого страхователя. Всѣ способы достичь этого сводятся къ двумъ: возврату части преміи по благополучномъ окончаніи страхованія, и оставленіи части имущества на рискѣ самого страхователя.

Возвратъ страхователю нѣкотораго процента съ преміи, имъ заплаченной, составляетъ столь ничтожное поощреніе, что приписывать ему какое-либо вліяніе на уменьшеніе безпечности, а тѣмъ болѣе злого умысла, совершенно неосновательно. Люди, пытающіеся нажиться отъ несчастій, и страхующіе для этого дороже свое имущество, переплачиваютъ лишнюю премію и, конечно, не надежда получить 50 или 100 р. можетъ остановить ихъ отъ исполненія своихъ намѣреній.

Совершенно иное значеніе имѣетъ другой способъ охраны, т.-е. оставленіе части стоимости имущества на рискѣ страхователя, какова бы ни была эта часть, лишь-бы только не слишкомъ ничтож-

Digitized by Google

ная. Тогда каждый владѣлецъ имущества, неся непремѣнно 1/3 или 1/4 часть убытковъ, иначе относился бы къ способамъ сохраненія своего имущества и предотвращенія несчастій. Участіе самого владѣльца имущества въ рискѣ до такой степени очевидно можетъ способствовать устраненію злой воли и умышленной небрежности, что доказывать это безполезно.

Сводя все сказанное къ общимъ выводамъ, мы находимъ, что страхованіе, раціонально организованное съ точки зрѣнія правильно понятыхъ интересовъ самого страхового учрежденія, а еще болѣе съ точки зрѣнія интересовъ народнаго хозяйства, народной нравственности, равно какъ и съ точки зрѣнія справедливости, должно удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ:

1) Оно должно строго различать риски по степенямъ опасности, взимая и различную премію, чтобъ не обременять безопасныхъ рисковъ для покрытія несчастій по рискамъ опаснымъ.

2) Оно должно сообразовать свою премію не только съ ежегодными убытками, но образовывать запасы для большихъ катастрофъ, чѣмъ только и можетъ выполнить свою задачу.

3) Оно должно распредѣлять свои риски на основаніи среднихъ цифръ погибели отъ одного несчастія, не превосходя этого предѣла вовсе, или превосходя на весьма незначительную часть своего капитала, чтобъ быть готовымъ въ моментъ катастрофъ.

4) Оно должно не дѣлать предварительныхъ оцѣнокъ, какъ ведущихъ къ соблазну и возвышенію страховой преміи.

5) Оно должно не вознаграждать убытковъ по способу таксированныхъ полисовъ: это несправедливо и безнравственно.

6) Оно должно, наконецъ, принимать на страхъ часть стоимости имущества, оставляя другую на страхѣ самого хозяина, потому что этимъ способомъ оно окончательно подрываетъ злой умыселъ и устраняетъ соблазнъ непроизводительнаго истребленія народныхъ сбереженій.

Страхованіе, неудовлетворяющее этимъ условіямъ, страхованіе отрицающее ихъ важность и необходимость, не есть вовсе страхованіе: оно служитъ, пока все идетъ благополучно, и гибнетъ въ первую невзгоду, а во все время своей дѣятельности способствуетъ извращенію понятій о правильномъ страхованіи, развивая только дурныя страсти и способствуетъ ухудшенію способовъ сохраненія народныхъ капиталовъ.

В. Рагозинъ.

Парижъ.—9 ноября, 1872.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е марта, 1873.

Зимняя сессія петербургскаго земскаго собранія.—Дороги, врачебная часть и учительская школа.— Высшіе женскіе курсы въ Москвѣ, учрежденные В. И. Герье.—Отставка московскаго городского головы и циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ.—Новый штатъ московскаго классическаго лицея.—Военно-окружная система и ея противники.—Генералъ Фадѣевъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».—Письмо изъ Москвы.

Послѣдняя сессія петербургскаго губернскаго земскаго собранія прошла какъ-то особенно тихо и незамѣтно для массы общества. Правда, Петербургъ вообще не придаетъ особеннаго значенія дѣламъ земскимъ и городскимъ. Недавно происходившіе первые выборы городского управленія на основаніи новаго положенія также не блистали ни стеченіемъ избирателей, ни особеннымъ участіемъ публики. Мы, конечно, несогласны съ воззрѣніемъ тѣхъ пессимистовъ, которые готовы утверждать, что не стóитъ особенно горячиться по вопросу о распредѣленіи какого-нибудь 100-тысячнаго бюджета земства одной губерніи, въ которомъ къ тому же до половины суммы представляется расходомъ обязательнымъ, обсужденію неподлежащимъ,—когда около того же самаго времени публикуется бюджетъ полумилліардный. Но если бы земскихъ учрежденій вовсе не существовало и земскій бюджетъ вовсе бы не обсуждался избранными обществомъ лицами, развѣ изъ этого слѣдовало бы, что каждому изъ насъ не стоило бы обсуждать и собственнаго своего личнаго бюджета? Оправдывать нерадѣніе къ дѣламъ, отъ насъ зависящимъ, отговоркою, что великія дѣла намъ недоступны, не отъ насъ зависятъ,—очевидно, нелогично, и такое нерадѣніе, невниманіе, въ сущности есть не что иное, какъ дурно скрываемый индифферентизмъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что подобный индифферентизмъ все-таки естественнѣе въ Петербургѣ, чѣмъ гдѣ-либо, потому что петербургскій житель гораздо менѣе обыватель своего города или уѣзда, чѣмъ

Digitized by Google

зритель, стоящій близко къ сценѣ государственной жизни всей Россіи. Вотъ почему понятно—хотя оправданія для апатіи это и не составляетъ—что не такое собраніе, какъ избирательное земское или городское, можетъ въ сильной степени приковать къ себѣ вниманіе петербургскаго общества.

Высказанное нами представляетъ отчасти нѣкоторое признаніе и въ собственной нашей винѣ: обзоръ государственнаго бюджета лишилъ насъ возможности, въ предшествующемъ обозрѣніи, коснуться бюджета и сессіи земства, какъ это слѣдовало по времени. Такимъ образомъ, намъ приходится только къ наступленію весны говорить о зимней сессіи собранія; впрочемъ, такая съ нашей стороны отсрочка особеннаго неудобства не представляетъ, такъ какъ и общій смыслъ этой сессіи сводится къ тому, что само собраніе отсрочило всѣ главные вопросы, подлежавшіе его рѣшенію, какъ-то, объ окончательномъ устройствѣ учительской школы, о всесословной волости и др. Изъ наиболѣе крупныхъ вопросовъ, собраніе не отложило до будущаго собственно только тѣ вопросы, по которымъ теперь же оно отклонило предложенія, внесенныя управой. Итакъ, нельзя не признать, что нынѣшняя сессія собранія имѣла характеръ по преимуществу—отлагательный и отрицательный, и уже этимъ отчасти объясняется тотъ фактъ, что нынѣшняя сессія прошла какъ-то особенно незамѣтно. Остановимся въ частности на предложеніяхъ управы по дорожному, врачебному дѣлу и по народному образованію.

На попеченіи петербургскаго губернскаго земства состоятъ всего *364* версты, представляющія протяженіе губернскихъ земскихъ дорогъ. Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ назначалось сперва по 10-ти, потомъ по 20-ти тысячъ рублей въ годъ на постройку новаго шоссе. На эти средства въ теченіи 4 лѣтъ и построено новаго шоссе *32* версты! Это составляетъ менѣе 10% всего протяженія дорогъ, содержимыхъ губернскимъ земствомъ. Всѣ силы, какими могло располагать губернское земство для постройки новыхъ шоссе, произвели доселѣ только такой результатъ, что шоссе́, этого строилось въ годъ по 8-ми верстъ, то-есть, скажемъ примѣрно, губернскія земскія дороги Петербургской губерніи улучшались въ годъ прибавленіемъ такого участка шоссе́, какъ отъ Гостиннаго двора до Лѣсного корпуса. Едва-ли кто станетъ оспаривать, что такой успѣхъ слишкомъ малъ, что при такомъ ходѣ дѣла замѣтное улучшеніе путей сообщенія земскими средствами относится къ будущности довольно отдаленной. Верста шоссе́ обходится земству въ средней цифрѣ по 1,800 рублей, то-есть очень дешево. Но средствъ, какія губернское земское собраніе ассигнуетъ, какія оно въ состояніи ассигновать, слишкомъ мало для сколько-нибудь значительнаго успѣха. Управа сознала не-

Digitized by Google

удобство системы шоссированія дорогъ мелкими участками именно по медленности хода дѣла. Напримѣръ, чтобы докончить шоссé отъ Петербурга только до Новой Ладоги и Гдова, надо сдѣлать еще 104 версты, то-есть издержать 190 т. р., то-есть употребить 10 лѣтъ, предполагая нынѣшній размѣръ годичнаго ассигнованія. Стало быть, только черезъ 10 лѣтъ можетъ возникнуть какая-либо надежда для другихъ трактовъ украситься земскимъ шоссé, и притомъ все въ такомъ скромномъ размѣрѣ,—по 10-ти съ небольшимъ верстъ въ годъ на всю губернію!

Естественно, что губернской управѣ пришла здравая мысль обратиться къ иному, болѣе дѣйствительному средству для того, чтобы приступить къ шоссированію большихъ, сплошныхъ участковъ. Не увеличивая ежегоднаго ассигнованія на этотъ предметъ, оставалось средство одно — заключеніе займа. Управа и предположила сдѣлать 5% земскій заемъ въ 300 тысячъ рублей, разсчитавъ, что ежегодная ассигновка въ 20 т. р. дастъ возможность и платить проценты, и употреблять 2% на погашеніе. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ предоставляетъ земству право заключать займы. Но управа полагала сдѣлать этотъ заемъ посредствомъ выпуска облигацій петербургскаго земства, съ разрѣшенія правительства. съ тѣмъ, чтобы земство ассигновало ежегодно по 20-ти т. р., то-есть нынѣшнюю издержку на постройку новаго шоссé, для уплаты на эту сумму процентовъ и погашеніе, причемъ это ежегодное ассигнованіе входило бы уже въ разрядъ расходовъ обязательныхъ.

Это предположеніе о займѣ было отклонено собраніемъ, которое признало неудобнымъ и способъ этого займа и производство одновременно значительныхъ шоссейныхъ работъ, причемъ, по мнѣнію принятому собраніемъ, работы эти могли бы вздорожать. Съ такимъ рѣшеніемъ не трудно согласиться собственно въ отношеніи неудобства займа въ облигаціяхъ. Негарантированныя облигаціи петербургскаго земства, по всей вѣроятности, доставили бы ему въ дѣйствительности только такой капиталъ, на который уплата 5% съ номинальной суммы составила бы 7 или 8%. Правда, улучшеніе дорогъ есть расходъ производительный, но въ такой ли мѣрѣ онъ можетъ быть производителенъ въ далекихъ уѣздахъ Петербургской губерніи, чтобы на него стоило занимать деньги по 7%? Совсѣмъ другое дѣло было бы, еслибы губернское земство сдѣлало заемъ, хотя и по 7%, только на гораздо меньшую сумму, скажемъ хоть на 100 т. р., для выдачи изъ нея ссудъ сельскимъ обществамъ, ближайшимъ къ Петербургу, но неналодящимся на существующихъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ и шоссе; земство ничего не теряло бы на такой заемно-ссудной операціи, и многія сельскія общества навѣрное съ удовольствіемъ

Digitized by Google

воспользовались бы ею, такъ какъ проведеніе шоссе могло бы увеличить въ полтора раза цѣнность ихъ земель. Для примѣра, мы укажемъ на токсовскую дорогу, черезъ Мурино, находящуюся въ отчаянномъ положеніи, между тѣмъ какъ лежащія на ней волости весьма легко могли бы уплачивать 7% на капиталъ, нужный для постройки узкаго шоссе. Что касается другого мотива, послужившаго къ рѣшенію собранія, именно, что постройка шоссе большими участками подниметъ цѣну работы, то онъ едва ли основателенъ; въ Петербургѣ и вокругъ Петербурга ежегодно производятся казною, городомъ и обывателями столь значительныя постройки мостовыхъ и ремонтныя работы по казеннымъ шоссе, что прибавленіе къ нимъ работъ земскихъ даже и на значительномъ участкѣ едвали произвело бы замѣтную разницу въ цѣнѣ на матеріалъ и на рабочихъ. Да и вообще это возраженіе нейдетъ къ дѣлу, такъ какъ въ силу его представлялось бы, стало быть, вполнѣ раціональнымъ не строить новаго шоссе въ губерніи болѣе чѣмъ на 10 верстъ, какъ то дѣлалось доселѣ, а съ этимъ трудно согласиться. Собраніе впрочемъ ассигновало на шоссированіе новыхъ участковъ въ текущемъ году нѣсколько болѣе прежняго, именно 24 т. р., а всего на пути сообщенія 52,400 руб., то-есть половину всего земскаго бюджета.

Относительно врачебной части, петербургское губернское земство держится того убѣжденія, что его роль въ этомъ дѣлѣ должна ограничиваться собственно оказаніемъ помощи уѣзднымъ земствамъ, въ случаѣ если какая-либо болѣзнь развилась такъ, что уѣздныя средства оказываются недостаточны и притомъ оказывается необходимость нѣкоторыхъ общихъ мѣръ, напр., оцѣпленія мѣстностей, пораженныхъ эпизоотіей. Своевременное же принятіе врачебныхъ мѣръ на мѣстахъ губернское земство считаетъ исключительно-уѣздною обязанностью. Съ этимъ, по принципу, невозможно согласиться, такъ какъ опытъ прямо указываетъ, какіе уѣзды наиболѣе и ранѣе другихъ бываютъ подвержены дѣйствію эпидемій; это именно уѣзды восточные — шлиссельбургскій и новоладожскій, которые въ то же время представляются бѣдными. Первый участвуетъ въ суммѣ обложенія губернскими земскими повинностями всего 1,8 процентомъ; второй—3-мя процентами. Ясно, что имъ необходима врачебная помощь изъ губернскаго бюджета и именно помощь своевременная, которая одна и можетъ быть дѣйствительна противъ эпидемій, особенно при недостаточности денежныхъ средствъ, какія вообще можетъ удѣлять на это земство. Что значатъ какія-нибудь 4000 рублей, испрошенныхъ управою на пособіе уѣздамъ при появленіи *сильныхъ* повальныхъ болѣзней? Что можно сдѣлать на 4000 рублей въ нѣсколькихъ уѣздахъ, когда эпидемія уже развилась?

Digitized by Google

Если эта сумма и могла бы принести значительную пользу, то именно неиначе, какъ при усиленіи его мѣстныхъ средствъ на мѣры предупредительныя, на дезинфекцію, и никакъ не въ то время, когда эпидемія уже оказалась *сильною*, то-есть развилась. Вотъ тутъ бы усиленіе инспекціи, надзора, оказало бы не меньшую пользу, какъ и усиленіе надзора за школами.

Намъ могутъ возразить, что если губернское земство будетъ впередъ ассигновать нѣкоторую сумму уѣздамъ на предупредительныя мѣры, которыя должны быть оплачиваемы самимъ уѣздомъ, то уѣзды воспользуются этой помощью для сокращенія своихъ издержекъ на тотъ же предметъ. Это возраженіе показалось намъ неубѣдительнымъ, потому что, примѣняя его строго, слѣдовало бы пожалуй не оказывать уѣздамъ помощи ни въ какомъ случаѣ: пусть наказуются за собственную свою нераспорядительность. Но если хотятъ по возможности строго отграничить область дѣятельности земства губернскаго и дѣятельности земствъ уѣздныхъ въ врачебномъ дѣлѣ, то въ такомъ случаѣ раціональнѣе всего было бы обратить губернскія средства на устройство общаго санитарнаго надзора по губерніи и на изученіе санитарныхъ условій губерніи — изученіе настоятельно необходимое, потому что безъ него и предупредительныя мѣры не могутъ быть основательно разсчитаны, и вообще невозможно когда-либо серьёзное охраненіе самого Петербурга отъ безпрерывно посѣщающихъ его эпидемій. Сама столица въ этомъ заинтересована не менѣе уѣздовъ, такъ какъ никакая эпидемія, ни оспа, ни холера не принимали характера эпидемическаго, если возникали въ самомъ Петербургѣ; эпидеміями же въ самомъ Петербургѣ онѣ становились именно тогда, когда заносились въ него чрезъ уѣзды. Это вѣрно и по отношенію къ холерѣ. Относительно же оспы, достаточно указать на общеизвѣстный фактъ, что въ Петербургской губерніи есть уѣзды, въ которыхъ оспа держалась *всегда*. Огромная важность изученія губерніи въ санитарномъ отношеніи, а также и постояннаго общаго по губерніи санитарнаго надзора такъ очевидна, что нѣтъ нужды распространяться о ней, и вотъ то поле, на которомъ даже и тѣ малыя средства, какими располагаетъ губернское земство на врачебную часть, могли бы принесть дѣйствительно большую пользу. Четыре тысячи рублей на усиленіе *лѣченія* по губерніи, въ случаѣ широкаго развитія эпидемій, можно сказать, почти ничего не значатъ. Но тѣ же четыре тысячи, употребленныя на содержаніе особаго губернскаго санитарнаго медика и особаго губернскаго санитарнаго же ветеринара, которые спеціально занимались бы изученіемъ санитарныхъ условій и общимъ санитарнымъ надзоромъ, значили бы очень много для уясненія данныхъ, для обслѣдованія хода и условій эпи-

Digitized by Google

демій, такъ что современемъ, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя доселѣ, къ стыду Петербурга, остаются почти въ совершенной неизвѣстности, можно было бы предпринять въ самомъ дѣлѣ серьёзныя мѣры для отвращенія эпидемій, все чаще и чаще повторяющихся вокругъ Петербурга и въ самой столицѣ. Въ этомъ отношеніи мы должны повторить и прежде высказанное нами сожалѣніе о предстоящемъ разобщеніи столицы съ губернскимъ земствомъ, вслѣдствіе учрежденія градоначальства. Въ санитарномъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, между Петербургомъ и губерніею существуетъ полная солидарность.

Губернская управа предлагала собранію, сверхъ ассигнованія суммы на врачебныя пособія уѣздамъ, назначить еще 4.000 рублей на содержаніе губернскаго санитарнаго врача и санитарнаго ветеринара, кругъ дѣйствій которыхъ весьма точно и раціонально былъ очертанъ управою. Въ числѣ ихъ обязанностей, какъ онѣ были перечислены управою, важнѣйшею представлялась именно слѣдующая: „приступить къ санитарному изслѣдованію губерніи по соглашенію съ мѣстными врачами, изучая между прочимъ взаимнодѣйствіе въ гигіеническомъ (то-есть санитарномъ?) отношеніи Петербурга на уѣзды губерніи и наоборотъ (холера, оспа, сифилисъ, сибирская язва и чума рогатаго скота должны быть изслѣдованы въ ближайшее время.)“ Собраніе отклонило это предложеніе, и устройство врачебной части останется въ прежнемъ положеніи.

По дѣлу объ окончательномъ устройствѣ земскаго учительскаго училища собраніе ничего не рѣшило. Управа первоначально предполагала помѣстить училище въ Петербургѣ, но собраніе весною прошлаго года положило помѣстить эту школу за городомъ, что не только устраняетъ возможность достаточнаго выбора учителей, но и представитъ затрудненіе для учащихся приходящихъ. Такъ какъ комитетъ по устройству школы удобнаго помѣщенія за городомъ не нашелъ, то предположилъ построить для нея деревянный домъ на каменныхъ столбахъ, съ желѣзною крышей на участкѣ земли, который можно было пріобрѣсти отъ земледѣльческаго института на чиншевомъ правѣ. Членъ управы г. Кавосъ составилъ планъ такого дома на 40 пенсіонеровъ, три класса для 90 слушателей и квартиры начальства; стоимость предположена была въ 30 т. р., съ садомъ. Собраніе отклонило этотъ проектъ, но оставило неразрѣшеннымъ вопросъ объ окончательномъ помѣщеніи училища, разрѣшивъ оставить его пока въ городѣ, съ тѣмъ, чтобы управа все-таки искала для него помѣщеніе за городомъ и представила въ слѣдующую сессію соображеніе, гдѣ лучше помѣстить училище. Однимъ словомъ, собраніе просто избавило себя на этотъ разъ отъ труда рѣшить что-либо относительно будущности школы, и оставило дѣло

Digitized by Google

о ней въ совершенной неопредѣленности. Объясняется это тѣмъ, что и самый составъ школы еще не уяснился окончательно: будутъ ли приготовляться въ ней только учителя или однѣ учительницы, или учителя и учительницы вмѣстѣ, или учителя и учительницы отдѣльно—все это остается еще пока неизвѣстнымъ. Но *опытъ*, отъ котораго собраніе ожидаетъ рѣшенія нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ, едва ли можетъ подвинуть ихъ впередъ, потому что опытъ до слѣдующей сессіи будетъ слишкомъ кратковремененъ. Совмѣстному обученію учителей и учительницъ противится министерство народнаго просвѣщенія. Собраніе постановило возобновить ходатайство о разрѣшеніи такого совмѣстнаго обученія. Но сомнительно, чтобы министерство перемѣнило свое мнѣніе, и едва ли стóило въ такой надеждѣ откладывать окончательное рѣшеніе. Въ майскую сессію прошлаго года въ собраніи оказалось нѣсколько неожиданно, что большинство членовъ склоняется къ предпочтенію вообще учительницъ учителямъ для народныхъ школъ. Тогда же собраніе поручило управѣ представить въ ближайшую очередную сессію предположеніе о порядкѣ приготовленія въ учительской школѣ—учительницъ. Управа, при обсужденіи этого вопроса, разумѣется, нашла, что женщины могутъ быть допущены въ школу на равныхъ основаніяхъ съ мужчинами, но не могутъ помѣщаться въ школѣ, а должны быть приходящими. Управа находила полезнымъ назначить для женщинъ 20 стипендій, по 15 р. въ мѣсяцъ. Но тутъ и представилось затрудненіе: министерство народнаго просвѣщенія не допускаетъ даже и того, чтобы женщины обучались въ однихъ классахъ съ мужчинами, а если учредить для женщинъ отдѣльное преподаваніе, то придется, во-первыхъ, расширить классное помѣщеніе, во-вторыхъ, платить за отдѣльные для нихъ уроки, однимъ словомъ, по исчисленію управы, полное годовое содержаніе школы для мужчинъ обошлось бы въ 17 т. р., а съ прибавленіемъ 20-ти стипендіатокъ потребовалось бы прибавить къ этой суммѣ при совмѣстномъ обученіи только 3,800 р., при отдѣльномъ же обученіи—9,490 р.,—разница почти въ 6,000 р.

Намъ кажется, что откладывать рѣшеніе общаго вопроса объ устройствѣ школы не слѣдовало: опытъ не дастъ никакихъ указаній въ короткое время, помѣщенія за городомъ не для чего искать, такъ какъ его уже искали и не нашли, министерство своего мнѣнія, по всей вѣроятности, не перемѣнитъ; между тѣмъ, когда школа уже устроится такъ или иначе, хотя и временно, гораздо труднѣе будетъ переводить ее изъ одного мѣста въ другое, и въ особенности—передѣлывать самый ея составъ. Предпочтеніе для народныхъ школъ учительницъ учителямъ кажется намъ совершенно основательнымъ: за равное вознагражденіе можно имѣть учительницу несравненно

Digitized by Google

болѣе образованную, чѣмъ учителя; сверхъ того, учительница будетъ относиться къ своему дѣлу серьёзнѣе, потому что для нея закрыты почти всѣ другія карьеры, а учитель почти всегда будетъ смотрѣть на должность сельскаго учителя, съ какими-нибудь 200—300 р. жалованья, какъ на pis-aller. Наконецъ, порокъ нерѣдко мѣшающій успѣху сельскихъ учителей, совсѣмъ не встрѣчается у образованныхъ женщинъ. Самая мягкость внѣшнихъ пріемовъ женщинъ есть достоинство для введенія въ наши села бо́льшей человѣчности; мало того, привыкнувъ уважать женщину въ лицѣ учительницы, сельское населеніе невольно станетъ относиться человѣчнѣе и къ той несчастной „бабѣ", которой судьба въ нашихъ деревняхъ безспорно хуже судьбы какого-либо класса человѣческихъ существъ во всей Европѣ, и можетъ быть сравниваема только съ положеніемъ невольниковъ. Предназначивъ учительскую школу просто для приготовленія учительницъ, петербургское земство могло бы на издержку въ 20,800 р. (во что исчислено совмѣстное обученіе обоихъ половъ) приготовлять до 30-ти образованныхъ учительницъ въ годъ, такъ какъ, существуя для однѣхъ женщинъ, учительская школа могла бы быть одноклассною, потому что въ нее будутъ поступать женщины, имѣющія уже достаточное приготовительное образованіе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Петербургѣ найдется не 30 такихъ женщинъ, которыя охотно избрали бы карьеру народныхъ учительницъ, имѣя образованіе несравненно болѣе полное, чѣмъ мужчины — воспитанники сельскихъ школъ, переводимые изъ нихъ въ школу учительскую. Въ слѣдующую сессію рѣшить дѣло въ этомъ смыслѣ будетъ уже труднѣе, но тѣмъ не менѣе можно; сто́итъ только постановить, что стипендіатовъ изъ мужчинъ въ школу болѣе принимать не будутъ, а по выбытіи нынѣшнихъ, за окончаніемъ курса, превратить училище въ школу исключительно для учительницъ. Но само собою разумѣется, что въ такомъ случаѣ школа должна оставаться въ Петербургѣ, такъ какъ при стипендіи въ 15 р. въ мѣсяцъ, нѣтъ никакой возможности удалять женщинъ изъ ихъ семействъ.

Здѣсь будетъ кстати, не выходя изъ того предмета, котораго мы коснулись по поводу петербургскаго земскаго собранія, а именно преподаванія для женщинъ, упомянуть о крупномъ явленіи въ этой области, происшедшемъ въ концѣ прошлаго года въ другой столицѣ, то-есть, въ Мо́скве. Мы хотимъ поговорить о высшихъ женскихъ курсахъ, учрежденныхъ въ Москвѣ профессоромъ университета, В. И. Герье. Учредитель исходатайствовалъ разрѣшеніе этихъ курсовъ и утвержденіе положенія для нихъ, въ видѣ опыта, на четыре года. Курсы были открыты въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года, и при

Digitized by Google

этомъ произнесены были рѣчи профессоромъ С. М. Соловьевымъ, В. И. Герье и священникомъ Иванцовымъ-Платоновымъ. Но замѣчательно, что „Московскія Вѣдомости", которыя доселѣ близко стояли къ университету, не обратили особаго вниманія на это явленіе, весьма замѣтное какъ по существу своему, такъ и по участію въ немъ нѣкоторыхъ профессоровъ московскаго университета. Впрочемъ, древніе языки въ программу этихъ женскихъ курсовъ не входятъ, а для „Московскихъ Вѣдомостей" внѣ древнихъ языковъ и сопряженныхъ съ ними штатовъ не существуетъ не только ученія, но, такъ сказать, ничего имѣющаго самостоятельное бытіе въ мірѣ. Не довольствуясь тщательнымъ собираніемъ заграничныхъ рекламъ въ пользу усиленія у насъ классицизма, эта газета даже и такіе различные предметы, какъ вопросъ о военныхъ округахъ, система военнаго министерства, боевыя способности генерала Фадѣева, суровость „Русскаго Инвалида" и благонамѣренность „Русскаго Міра", который есть тотъ же „инвалидъ", только инвалидъ изъ другой команды — все это сводитъ къ вопросу о важности древнихъ языковъ и благодѣтельности сопряженныхъ съ ними штатовъ.

Важность солиднаго образованія для женщинъ и цѣль высшихъ женскихъ курсовъ весьма вѣрно указаны были въ рѣчахъ гг. Соловьева и Герье при открытіи курсовъ. Собственно говоря, нѣтъ ничего утѣшительнаго въ томъ обстоятельствѣ, что у насъ приходится еще „защищать" пользу высшаго образованія для женщинъ противъ какихъ-то подозрѣній и нерасположеній, которыя все еще усматриваютъ въ освобожденіи женщинъ отъ пороковъ невѣжества и праздности какое-то „подрываніе основъ",—хотя передъ глазами всѣхъ очевидный фактъ, что самыя семейныя связи крѣпче именно у тѣхъ народовъ, которые сдѣлали больше для образованія женщины. Тѣмъ не менѣе, такія тупоумныя заподозриванья у насъ все еще имѣются на лицо, и потому профессоръ Соловьевъ весьма кстати указалъ въ своей рѣчи на ту пользу солиднаго образованія для женщинъ, что только при этомъ „люди, выходящіе на ловлю чужихъ убѣжденій въ очень легкомъ вооруженіи, съ надеждою, что не встрѣтятъ отпора, должны будутъ обманываться въ такой надеждѣ, встрѣтивъ въ существѣ, которое они предполагали слабымъ — твердость убѣжденій, широкій многосторонній взглядъ и способность къ повѣркѣ чужого мнѣнія"..

Цѣлью женскихъ курсовъ, какъ она опредѣлена почтеннымъ учредителемъ ихъ въ Москвѣ, есть не спеціальное образованіе и не руководство въ ученой дѣятельности, но завершеніе общаго образованія, доставленіе „дѣвушкамъ, окончившимъ курсъ въ пансіонѣ или гимназіи, возможности болѣе самостоятельно продолжать свои заня-

Digitized by Google

тія, а родителямъ, воспитавшимъ своихъ дочерей дома — возможности достойнымъ образомъ завершить ихъ образованіе". Нѣтъ сомнѣнія, что цѣль эта всего вѣрнѣе можетъ быть достигнута именно предположеннымъ двухъ-лѣтнимъ курсомъ подъ руководствомъ профессоровъ университета. Такое преподаваніе должно вмѣстѣ и расширить взглядъ ученицъ среднихъ женскихъ училищъ и укѣпить гимназическую самоувѣренность, уясняя слушательницамъ тотъ фактъ, что за предѣлами завругленнаго гимназическаго курса имѣется еще безпредѣльный міръ знанія, изслѣдованія и самостоятельной работы для усвоенія себѣ какой-либо спеціальной его отрасли.

Составленная учредителемъ программа вполнѣ соотвѣтствуетъ предположенной имъ цѣли и весьма опредѣленно обозначаетъ ее. Основными предметами курсовъ положены политическая исторія, литература, исторія искусства, исторія цивилизаціи, русская исторія и литература и естествознаніе, то-есть тѣ именно предметы, которыхъ изученіе, при достаточной подготовкѣ, ведетъ наиболѣе къ развитію ума и къ завершенію, къ полному осмысленію гимназическаго курса, который по необходимости держится въ болѣе узкихъ рамкахъ. А для того, чтобы предварительная подготовка была, учредителемъ совершенно раціонально поставлено условіе предварительнаго испытанія для тѣхъ слушательницъ, которыя не имѣютъ аттестатовъ объ окончаніи курса средняго образованія. Это условіе и даетъ возможность поставить высшіе курсы не въ видѣ ряда публичныхъ лекцій для случайной аудиторіи, но какъ „нѣчто цѣльное, проникнутое одною мыслью и составленное по стройному плану". Впрочемъ, для того, чтобы не лишать эти курсы и той пользы, какую они могли бы принесть въ видѣ общедоступныхъ публичныхъ лекцій, положеніе допускаетъ и вольныхъ слушательницъ, которыя обязаны только платою, но не подвергаются ни пріемному удостовѣренію, ни обязанности слушать непремѣнно всѣ предметы, писать сочиненія на заданныя темы, отвѣчать на вопросы, предлагаемые преподавателями во время уроковъ. Слушательницы же, которыя всѣмъ этимъ требованіямъ подчиняются, получаютъ, послѣ выпускного экзамена, свидѣтельство объ окончаніи этихъ курсовъ. Плата за годичный курсъ полагается 50 р., лекціи продолжаются съ 15-го сентября по 1-е мая. Для желающихъ преподаются, сверхъ предметовъ обязательныхъ, иностранные языки, математика и гигіена. Нѣтъ сомнѣнія, что при столь раціональномъ устройствѣ и подъ руководствомъ профессоровъ университета, эти высшіе женскіе курсы дадутъ дѣвушкамъ, серьёзно относящимся къ дѣлу, возможность пріобрѣтать солидное и даже блестящее, по нашимъ условіямъ, образованіе. Мы убѣждены, что сочувствіе общества прочно обезпечено доброму на-

Digitized by Google

чинанію В. И. Герье, и намъ остается только пожелать, чтобы, по истеченіи первыхъ четырехъ лѣтъ, устройство курсовъ упрочилось окончательно и во всѣхъ иныхъ отношеніяхъ.

Мы попали случайно въ Москву, но должны на этотъ разъ остаться въ ней нѣсколько долѣе и посвятить московскимъ событіямъ значительную часть нынѣшняго обозрѣнія, благодаря тому, что въ этихъ событіяхъ отразились черты, имѣющія значеніе для всего нашего общества. Москву, раскинувшуюся на холмахъ, давно сравнивали съ древнимъ Римомъ; теперь это сходство увеличилось повтореніемъ въ Москвѣ чего-то въ родѣ борьбы патриціевъ и плебеевъ съ удаленіемъ послѣднихъ на Авентинскую гору. Нашелся даже и Мененій-Агриппа на Страстномъ Бульварѣ; но насколько наша цивилизація стоитъ ниже классической, настолько ниже оказался и московскій Мененій. Древній Мененій сказалъ знаменитую аллегорію о нелѣпости ссоры членовъ человѣческаго тѣла съ желудкомъ, что́ въ настоящій моментъ выражало бы взглядъ на ссору администраціи съ городскою автономіей; а Мененій Страстного Бульвара только и могъ глубокомысленно провозгласить: „Москва—не Харьковъ“! Фактическая сторона дѣла, возникшаго въ Москвѣ по поводу недоумѣнія различныхъ властей относительно того, что римскіе граждане называли *toga*, изложена была газетами съ достаточною подробностью, а юридическая—разрѣшена циркуляромъ г. министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, отъ 7-го февраля, гдѣ объяснено, что городскіе головы и вообще избранные сословіями или обществами представители не должны выдѣлять себя изъ общаго состава чиновъ, состоящихъ на государственной службѣ, относительно обязательности для нихъ ношенія мундира „согласно общепринятымъ правиламъ“. Циркуляръ, разумѣется, не произноситъ мнѣнія министерства о томъ, въ какой степени были неправы или правы гг. Дурново и Ляминъ, какъ члены образованнаго общества, которое также съ своей стороны предписываетъ извѣстныя формы взаимнаго обращенія, но все же, рѣшая вопросъ объ обязательности мундира, министерство не даетъ однако губернаторамъ права выводить отсюда заключеніе, что за несоблюденіе формы допускается *крутое* обращеніе. Дѣйствительно, какъ ни обязательно соблюденіе формы мундира, но кромѣ того — въ наше время, по крайней мѣрѣ—не менѣе обязательно и соблюденіе нѣкоторыхъ другихъ формъ. Было вѣдь и такое время, когда генералы на смотрахъ мѣломъ отмѣчали на спинахъ офицеровъ замѣченную ими неисправность въ покроѣ мундировъ. Относительно обязательности сходнаго съ образцомъ военнаго мундира въ строю и въ настоящее время конечно нѣтъ никакого сомнѣнія, однако те-

Digitized by Google

нерь отмѣтки мѣломъ на спинѣ были бы сочтены нарушеніемъ нѣкоторыхъ иныхъ, не менѣе обязательныхъ *формъ*.

Общественное мнѣніе высказалось по этому дѣлу прежде появленія циркуляра, да если бы оно и имѣло въ виду циркуляръ, то едва-ли бы высказалось иначе, такъ какъ оно не столько стало на сторону г. Лямина въ этомъ дѣлѣ, не столько на сторону фрака противъ мундира, сколько на точку зрѣнія совершенно иную, имѣющую съ г. Ляминымъ и его фракомъ весьма мало общаго. Объ этомъ случаѣ въ нашей печати, а еще болѣе въ обществѣ, говорили въ прошлый мѣсяцъ до того, что почти не замѣтили провозглашенія республики въ Испаніи,—и не безъ основанія. Извѣстно, что общественный говоръ у насъ обыкновенно идетъ въ разбродъ; но замѣчательно, что на этотъ разъ общественное мнѣніе высказалось довольно единогласно во всѣхъ сферахъ, то-есть, единогласно осудило нарушеніе формъ общежитія; въ отношеніи г. Лямина такого полнаго единодушія не проявилось, и многіе, осуждая одного, не одобрили и другого. Когда общество во всѣхъ своихъ кругахъ относится къ какому-либо явленію довольно единодушно, то можно всегда сказать, что приговоръ его въ дѣйствительности, хотя быть можетъ для многихъ и несознательно, основался на одномъ, опредѣленномъ общемъ чувствѣ или убѣжденіи. Такъ безъ сомнѣнія было и въ настоящемъ случаѣ. Между тѣмъ, если мы соберемъ и сравнимъ тѣ мотивы, какими въ настоящемъ случаѣ объяснялся въ печати этотъ единодушный приговоръ, то найдемъ въ нихъ большое разнообразіе. Это и даетъ поводъ предполагать, что истинный мотивъ былъ иной, чѣмъ тѣ, которые гласно высказывались, и что этотъ-то, невысказанный, а многими можетъ быть даже и несознанный ясно мотивъ въ дѣйствительности дѣйствовалъ на всѣхъ, былъ общъ всѣмъ, а потому и произвелъ единодушное отношеніе общества къ главной чертѣ дѣла.

Для хроники общественной жизни важнѣе всего изслѣдовать именно эту сторону дѣла, то-есть ту сторону, которая всѣмъ близка и всѣхъ дѣлаетъ солидарными; гораздо менѣе важенъ для исторіи жизни общества мелкій вопросъ о личностяхъ, вопросъ о томъ, кто выказалъ болѣе дипломатическаго такта: г. Дурново или г. Ляминъ? Итакъ, перечтемъ сперва различные мотивы, какими въ разныхъ кружкахъ объясняли единогласное неодобреніе одной стороны. Одни говорили, что губернаторъ ошибся относительно своего административнаго положенія въ Москвѣ; что хотя, вообще говоря, губернаторъ имѣетъ во „ввѣренной ему губерніи“ значеніе представителя центральной власти, но что „Москва — не Харьковъ“, и что въ Москвѣ представителемъ центральной власти является не губерна-

Digitized by Google

торъ, а генералъ-губернаторъ; гражданскій губернаторъ въ Москвѣ есть только начальникъ губернскаго правленія и своей канцеляріи. Мотивъ весьма тонкій и дѣлающій честь высокимъ административнымъ способностямъ тѣхъ, кому онъ казался убѣдительнымъ и кто изобрѣлъ для городовъ такую же табель о рангахъ, какая существуетъ для чиновниковъ: „Москва-де большой чинъ, а Харьковъ—коллежскій регистраторъ". Стало быть, если бы въ Харьковѣ гражданскій губернаторъ „распушилъ" городского голову за то, что тотъ оставилъ у него свою визитную карточку или явился во фракѣ, а не въ мундирѣ, или если бы могло случиться, что нѣчто подобное сдѣлалъ бы въ Москвѣ генералъ-губернаторъ, — то это было бы въ порядкѣ вещей и вполнѣ сообразно съ достоинствомъ представителя центральной власти?

Другіе органы объясняли и излишнюю „поспѣшность" г. Дурново и свое неодобреніе такой поспѣшности нѣкоторыми особенностями военнаго образованія и карьеры иныхъ „гражданскихъ" губернаторовъ у насъ. Но развѣ мало было у насъ въ разныя времена подобныхъ примѣровъ, явленныхъ людьми иного образованія и проходившими иную карьеру? Развѣ въ лѣтописи дѣяній нѣкоторыхъ слишкомъ бойкихъ администраторовъ у насъ не найдутся имена такихъ дѣятелей, которые съ успѣхомъ оканчивали курсъ наукъ въ тѣхъ не-военныхъ учрежденіяхъ, которыя издавна снабжали Россію цѣлыми выпусками будущихъ замѣтныхъ администраторовъ? Третьи находили, что изъ-за такихъ пустяковъ, какъ принадлежности костюма и визиты, безтактно дѣлать нѣчто въ родѣ скандала; четвертые морализировали, что чиновнику вообще, чѣмъ выше онъ стоитъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ контролировать свои пріемы по отношенію къ представителямъ общественныхъ учрежденій и т. д. Эти послѣднія соображенія безъ сомнѣнія основательны, какъ вообще основательны соображенія въ пользу начальнической умѣренности и сдержанности. Но вѣдь не всякій же случай, въ которомъ выражается отсутствіе этихъ похвальныхъ качествъ, вызываетъ единодушный приговоръ о себѣ общества. Напр., хоть бы разбиравшееся въ истекшемъ мѣсяцѣ въ здѣшнемъ военно-окружномъ судѣ дѣло о капитанѣ Квитницкомъ и полковникѣ Хлѣбниковѣ: недостатокъ сдержанности, умѣренности и такта проявился тутъ несомнѣнно, и проявился со всѣхъ сторонъ, а между тѣмъ мнѣнія въ обществѣ объ этомъ случаѣ слышались весьма различныя, и самый судъ, признавъ вину, ходатайствовалъ о помилованіи виновнаго. Но московское столкновеніе отозвалось въ обществѣ глубже, чѣмъ отозвалось бы простое несоблюденіе правилъ умѣренности со стороны одного должностного лица къ другому, еслибы только авторитетъ каждаго изъ нихъ былъ равно выше всякаго нарушенія, еслибы

Digitized by Google

каждый изъ нихъ представлялъ въ своемъ лицѣ нѣчто само по себѣ вполнѣ способное къ самозащитѣ, какова бы ни была личная сила или личная слабость нападающаго и подвергшагося нападенію.

Одна петербургская газета попробовала подойти нѣсколько ближе къ причинѣ, вызвавшей это прискорбное явленіе и рѣшилась указать ее уже нѣсколько глубже однихъ личныхъ свойствъ. Причину эту газета находитъ въ „весьма старой психической болѣзни въ извѣстной средѣ нашего общества". Какая же болѣзнь подразумѣвается? „Болѣзнь эта", говоритъ газета, „заключается въ томъ, что иные люди, прежде чѣмъ приступать къ дѣятельности, признаютъ себя обязанными свидѣтельствовать о своей личной преданности правительству, и для такого засвидѣтельствованія поставляютъ себя въ необходимость воображать тѣхъ или другихъ представителей общества врагами правительства и затѣмъ, прежде всего, начинаютъ съ этими, мнимыми врагами правительства борьбу открытую или тайную". Въ словахъ этихъ есть доля справедливости, и сказаны эти слова en connaissance de cause, такъ какъ публицистъ той газеты самъ идетъ этою же самою дорогою и до сихъ поръ признаетъ себя обязаннымъ вести съ мнимыми врагами порядка борьбу открытую или тайную. Дѣйствительно, люди подверженные этой болѣзни, люди силящіеся посредствомъ заподозриванья общественныхъ дѣятелей и общественныхъ стремленій пріобрѣтать себѣ выгодную въ извѣстныхъ отношеніяхъ репутацію благонамѣренности — у насъ бываютъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но надобно сознаться,—они бываютъ не только въ администраціи, но и въ самой печати. Если-бы рѣчь шла и теперь о томъ, что кто-либо, будь то администраторъ или публицистъ, захотѣлъ заявить свою особую благонамѣренность, доказывая неблагонадежность и мнимую опасность какихъ-либо стремленій или группъ людей въ обществѣ, напр., доказывая опасность той излишней свободы, которую присвоила себѣ печать въ мнѣніяхъ объ устройствѣ школы, или гибельность попытокъ для доставленія образованія женщинамъ или анти-государственность убѣжденій безпоповцевъ, непріемлющихъ окружнаго посланія,—то это для насъ, по долговременной привычкѣ, не представляло бы ничего удивительнаго. Мы понимали бы, что нѣкоторые люди избираютъ этотъ путь для своихъ личныхъ цѣлей, т.-е. именно одержимы болѣзнью заявлять свою преданность указаніемъ на мнимую опасность такихъ вещей, которыя были только терпимы, допускаемы, а не облечены отъ самого правительства законодательною санкціею, полнымъ, стало быть и окончательнымъ признаніемъ. И тогда вопросъ собственно о людяхъ былъ бы вопросъ мелкій; и тогда въ такихъ случаяхъ важнѣе всего было бы все-таки указывать на то, какъ было бы прискорбно и вредно, еслибы

Digitized by Google

подобные разсчеты могли удаваться, еслибы были примѣры, чтобы власть увлекалась такимъ образомъ не по свой иниціативѣ къ преслѣдованіямъ опасностей мнимыхъ, призрачныхъ.

Но вѣдь въ настоящемъ случаѣ представляется не то. Вѣдь здѣсь идетъ рѣчь не о какихъ-либо только терпимыхъ согласіяхъ и случайныхъ группахъ людей и представителяхъ ихъ. Рѣчь идетъ о главѣ учрежденія, признаннаго законодательнымъ актомъ, о представителѣ московской городской думы, т.-е. такого общественнаго учрежденія, котораго право на самостоятельность признано закономъ, спеціально изданнымъ съ цѣлью обезпечить эту самостоятельность. Неужели у кого-нибудь можетъ быть такая, болѣзнь, чтобы заявлять свою преданность правительству, выставляя „мнимыми врагами правительства" учрежденія, которыя самимъ правительствомъ облечены властью, и потому должны бы казаться окончательно, безповоротно имъ самимъ признанными и поставленными уже внѣ всякихъ заподозриваній и колебаній? Сомнѣваемся, чтобы такіе разсчеты могли удаваться и даже могли бы возникать съ какою-либо надеждою на успѣхъ. Тѣмъ не менѣе, мы должны сознаться, что весьма еще замѣтная у насъ неувѣренность въ томъ, что̀ уже признано окончательно, и что̀ еще подлежитъ, пожалуй, и отмѣнѣ или неожиданному измѣненію—играла едва ли не главную роль въ единодушіи сужденія общества о главной чертѣ московскаго случая. Мы не хотимъ сказать, будто эта именно неувѣренность, что учрежденія уже признанныя законодательно, тѣмъ самымъ признаны и окончательно, а стало быть поставлены выше всякихъ заподозриваній изъ личныхъ видовъ, произвела самый поступокъ губернатора, такъ какъ мы не хотимъ думать, чтобы поступокъ его былъ основанъ на опредѣленномъ и притомъ *такомъ* разсчетѣ. Но неувѣренность, о которой мы говоримъ, по нашему мнѣнію, все-таки играла главную роль въ той чуткости, съ какою все общество отнеслось къ этой исторіи и отнеслось къ ней съ единогласнымъ неодобреніемъ. Общество инстинктивно поняло, что административное лицо, какова бы ни была пылкость его характера, не могло бы поступить такъ ни съ независимымъ отъ него членомъ администраціи, ни съ лицомъ духовнымъ, ни съ предводителемъ дворянства, однимъ словомъ, съ членомъ или представителемъ такого учрежденія, которое издавна и уже безъ всякаго сомнѣнія стоитъ внѣ какихъ-либо мнѣній о полезности для него острастки, или о потребности „посдержать" его, или нежелаваній о томъ, что напрасно, молъ, оно и создано и не мѣшало бы его передѣлать на старый ладъ. Весьма вѣроятно, повторяемъ, что московскій губернаторъ вовсе и не имѣлъ въ виду отнестись такъ къ городскому головѣ потому только, что онъ городской

Digitized by Google

голова, представитель городского самоуправленія, какъ оно создано новою реформой, а не архіерей, или полковой командиръ, напримѣръ. Но общество тѣмъ не менѣе могло отнестись къ этому случаю именно съ такой точки зрѣнія, то-есть съ мыслью, что у насъ существуетъ нѣсколько учрежденій, хотя и созданныхъ законодательствомъ и имъ же облеченныхъ властью, стало быть вполнѣ признанныхъ, но въ дѣйствительности какъ бы все-таки еще непризнанныхъ окончательно и состоящихъ подъ какимъ-то необъяснимымъ, но предполагаемымъ сомнѣніемъ въ самой пользѣ, даже въ безопасности ихъ существованія. Мы можемъ только выражать надежду, что такая мысль, такая неувѣренность, иногда проявляющаяся въ обществѣ, неосновательны, но что она дѣйствительно порою проявляется въ немъ,—этого отрицать нельзя. Такъ, вскорѣ послѣ введенія земскихъ учрежденій стали возникать толки объ ограничительныхъ мѣрахъ по отношенію къ нимъ, какъ то было и послѣ освобожденія крестьянъ въ отношеніи къ самой этой, величайшей изъ нашихъ реформъ. Еще недавно послѣ мѣръ принятыхъ въ царствѣ польскомъ для поднятія крестьянскаго класса и для врученія ему самому стражи нашей солидарности съ польскимъ народомъ, стали распространяться гаданія о томъ, что будто бы уже и политика Н. А. Милютина, котораго польская эмиграція всегда считала злѣйшимъ врагомъ всякой будущности для революціи въ Польшѣ, будто и самая эта политика уже слыветъ въ настоящее время слишкомъ либеральною. Подобные слухи, иногда совсѣмъ нелѣпые, чаще всего касались другой сферы учрежденій, созданныхъ законодательствомъ, именно судебныхъ учрежденій, то предвѣщая такое или иное ихъ ограниченіе, то предсказывая, напр., что если тотъ или другой процессъ получитъ неожиданный исходъ, то самый институтъ присяжныхъ можетъ быть отмѣненъ. Не мудрено, что и относительно городского самоуправленія могла проявляться такая неувѣренность. Надо замѣтить, что задать „острастку" представителю городского самоуправленія Москвы призналъ нужнымъ губернаторъ *новый*, только что пріѣхавшій изъ Петербурга. Могли подумать, что такому лицу извѣстны какія-либо novissima verba высшей администраціи и что, говоря съ г. Ляминымъ, оно именно и употребляло эти новые глаголы, въ ихъ настоящемъ и будущемъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности могло быть только то, что глаголъ весьма обыкновенный превратился въ другой, совсѣмъ иного смысла. Москвѣ въ настоящее время языки классическіе должны быть вразумительнѣе новѣйшихъ. Поэтому мы позволимъ себѣ латинскимъ примѣромъ указать на возможность такого смѣшенія формъ одного глагола съ формами иного глагола, имѣющаго совершенно иное значеніе: напримѣръ, есть глаголы juvo, juvare, и jubeo, jubere, оба неправильные,

Digitized by Google

и тѣмъ легче ихъ смѣшать; *juvo* значитъ помогать, пособлять, способствовать (положимъ, хоть успѣху городского самоуправленія), облегчать, даже услаждать и нравиться. Другой же глаголъ, *jubeo*, хотя въ нѣкоторыхъ формахъ рознится съ первымъ всего одной буквой, и то весьма сходной, но означаетъ уже нѣчто совсѣмъ иное, а именно, значитъ: приказывать, повелѣвать, предписывать, назначать, опредѣлять, утверждать и командовать. Немудрено смѣшать такіе глаголы.

Итакъ, самый случай бывшій въ Москвѣ мы относимъ къ разряду мелкихъ и склонны видѣть въ немъ просто промахъ; но чуткость и единодушіе, съ какими отнеслось къ этому случаю все общество, мы приписываемъ именно какой-то неувѣренности въ окончательномъ упроченіи и дальнѣйшей неприкосновенности цѣлаго ряда учрежденій, который обнимаетъ собою всѣ наиболѣе дорогіе обществу интересы, а потому и особенно ревниво оберегается общественнымъ вниманіемъ.

Мы не даромъ оговорили выше, что вразумительность древнихъ языковъ должна быть особенно очевидна для Москвы именно въ настоящее время. Москвичи могутъ, конечно, имѣть весьма различное понятіе о пользѣ преобладанія этихъ языковъ въ курсѣ для самихъ учащихся, и недавній примѣръ, бывшій въ московскомъ университетѣ при забаллотированіи бывшаго профессора Леонтьева, непризнаннаго годнымъ къ профессурѣ, показываетъ, что москвичи не видятъ и въ самомъ званіи редактора „Московскихъ Вѣдомостей“ никакого особаго права на предпочтеніе въ учебномъ мірѣ, если человѣкъ самъ по себѣ, какъ преподаватель, можетъ быть съ пользою для дѣла замѣненъ инымъ. Но все-таки москвичи никакъ не могутъ отрицать у классицизма, сочетавшагося съ названною редакціей, того весьма реальнаго уже преимущества, что этой парѣ удается весьма хорошо устроить свое домашнее хозяйство. Что можетъ быть удобнѣе такого хозяйства, которое совмѣстило въ себѣ полную самостоятельность и вмѣстѣ всѣ выгоды подчиненности, всѣ удобства частной, никѣмъ нестѣсняемой дѣятельности и вмѣстѣ — всѣ преимущества оффиціальной санкціи и даже прямо—всѣ выгоды и отличія государственной службы? Классической четѣ остается обратиться другъ къ другу и воскликнуть съ Виргиліемъ:

O Meliboee, deus nobis haec otia fecit!

Въ концѣ января напечатаны нѣкоторыя дополнительныя статьи къ уставу лицея, учрежденнаго въ Москвѣ гг. Леонтьевымъ и Катковымъ. Этими дополненіями лицамъ, служащимъ въ томъ лицеѣ,

Digitized by Google

предоставляются права государственной службы. Московскій лицей, какъ извѣстно, есть не что иное какъ частная гимназія вмѣстѣ съ университетскимъ частнымъ же пансіономъ. Мы презираемъ лавочническіе пріемы въ такомъ дѣлѣ какъ воспитаніе юношества. Мы предоставляемъ руководителямъ лицея, называемаго въ обществѣ „катковскимъ", заявлять свою преданность „святому дѣлу воспитанія новыхъ поколѣній" и въ то же время подводить къ солидарности съ „интернаціоналкою" тѣхъ, кто ратуетъ за дѣло реальной школы, какъ она поставлена въ Германіи, или отрицать пользу цѣлаго разряда школъ уже существующихъ только потому, что онѣ не принадлежатъ той фирмѣ, которой гг. Леонтьевъ и Катковъ служатъ коммивояжерами. Мы презираемъ лавочническіе пріемы этихъ господъ, выражавшихся недавно такимъ образомъ: „Министерство народнаго просвѣщенія не хотѣло испортить дѣло нашей учебной реформы и отнести ее къ типу такъ-называемыхъ у насъ военныхъ гимназій, которыя неизвѣстно почему называются военными и еще менѣе извѣстно почему называются гимназіями". Взглядъ нашъ на лучшую систему средняго образованія извѣстенъ, и хотя московскій лицей не соотвѣтствуетъ ему нисколько, но онъ для насъ прежде всего училище, то-есть учрежденіе, въ которомъ не учатъ же въ самомъ дѣлѣ рѣзать или грабить людей, и даютъ юношамъ образованіе, правда, руководствуясь при этомъ системою, которая не есть по нашему мнѣнію лучшая. Вотъ потому во всякомъ поощреніи этому училищу, какъ бы поощреніе это ни было необыкновенно, мы никакъ не усмотримъ ни опасности для государства, ни потрясенія какихъ-либо основъ, ни даже „порчи учебнаго дѣла". Впрочемъ, едва ли и нужно настаивать на различіи нашего отношенія къ дѣлу съ отношеніемъ къ этому дѣлу и къ нравственнымъ принципамъ вообще господъ Леонтьева и Каткова. Все что мы хотимъ сказать по поводу новаго штата московскаго лицея, это—отмѣтить особенныя условія, въ какія онъ поставленъ по отношенію къ казеннымъ учебнымъ заведеніямъ, — и только.

Главному учителю лицея штатомъ положено содержаніе въ 4,000 рублей, должность его отнесена къ IV-му классу, съ мундиромъ того же класса и пенсіею. Въ соотвѣтственное этому положеніе поставлены и другіе учители; старшіе изъ нихъ получаютъ по 2,000 рублей, состоятъ въ VI-мъ классѣ и сравнены не съ учителями, а съ инспекторами казенныхъ гимназій. При всѣхъ этихъ высшихъ преимуществахъ, служащіе въ московскомъ лицеѣ поставлены въ гораздо болѣе независимое положеніе, чѣмъ служащіе въ гимназіяхъ казенныхъ. Главный учитель лицея, который по смыслу 1-й статьи дополнительныхъ правилъ можетъ быть избранъ правленіемъ лицея не

Digitized by Google

только изъ лицъ, имѣющихъ званіе дѣйствительнаго студента, но даже изъ категоріи всѣхъ тѣхъ лицъ, которые могутъ по закону быть учителями или воспитателями въ гимназіяхъ или хотя бы просто изъ лицъ, которые по мнѣнію правленія пріобрѣли особенную извѣстность педагогическою дѣятельностью — между тѣмъ сравненъ въ служебныхъ правахъ съ ординарнымъ профессоромъ университета, а по разряду должности поставленъ выше ординарнаго профессора. Правленію лицея достаточно было бы наслышаться объ особенно успѣшной дѣятельности лица въ качествѣ, положимъ, домашняго учителя латинскаго языка, чтобы избрать его на мѣсто IV-го класса, сравненное въ отношеніи пенсіи съ должностью, весьма трудно достигаемой, ординарнаго профессора университета.

Какъ ни необыкновенны такія привилегіи для частной гимназіи, соединенной съ пансіономъ, но мы въ нихъ не усматриваемъ никакого вреда. Напротивъ, по нѣкоторымъ особымъ обстоятельствамъ, мы готовы усмотрѣть въ нихъ даже полезную сторону. Лицо, занимающее нынѣ должность главнаго учителя лицея, состояло прежде, дѣйствительно, въ должности профессора московскаго университета. Сравненіемъ нынѣшней его должности въ частномъ училищѣ съ прежнею государственною должностью въ отличіяхъ служебныхъ, оно можетъ утѣшиться, а вмѣстѣ съ нимъ, безъ сомнѣнія, утѣшится и московскій университетъ, что обоюдныя отношенія получили такую окончательную, выгодную для обѣихъ сторонъ, развязку. Этому и мы радуемся, въ настоящемъ случаѣ, но радуемся не только этому.

Дѣло въ томъ, что нынѣ, когда смѣщеніе директоровъ государственныхъ гимназій есть фактъ весьма нерѣдкій и когда разнеслись даже такіе слухи, что въ самыхъ университетахъ предполагается ограничить выборное начало въ примѣненіи какъ къ ректору, такъ и къ профессорамъ, особенно отрадно видѣть, какими условіями самостоятельности обставляется положеніе главнаго учителя московскаго лицея, заведенія, относящагося къ разряду гимназій. Главный учитель, то-есть директоръ лицея избирается самимъ правленіемъ лицея, и затѣмъ какъ утвержденіе его въ должности, *такъ и увольненіе* его происходитъ неиначе какъ по ходатайству совѣта лицея, представленному министромъ на высочайшее утвержденіе. Законы пишутся вѣдь не для лицъ, но для учрежденій. Стало быть, послѣ нынѣшняго директора московскаго лицея во главѣ его можетъ быть поставлено, по избранію правленія и согласно ходатайству совѣта, лицо не имѣющее иного диплома какъ свидѣтельство на званіе домашняго учителя. И такое лицо не только будетъ утверждено, но и не можетъ быть смѣняемо высшею властью иначе, какъ по ходатайству совѣта лицея. Вотъ лучшее и весьма краснорѣчивое доказательство того, какъ до-

Digitized by Google

рили, что онъ есть собственно только оппозиціонный „Инвалидъ“, вполнѣ „благонамѣренный Инвалидъ“, но только „Инвалидъ“ прошлаго или будущаго, какъ угодно. Генералъ Фадѣевъ совершенно правъ, порицая замѣтку „Русскаго Инвалида“; употребленный въ ней пріемъ „заподозриванья“ не можетъ быть оправданъ. Но что же дѣлаетъ самъ генералъ Фадѣевъ, когда говоритъ слѣдующее: „военные органы на диво всему свѣту (?) либеральничали у насъ всегда и во всемъ (?), либеральничали же для либеральничанья, еще съ тѣхъ поръ, *когда они состояли подъ одною* (?) *редакціей съ покойнымъ Современникомъ*“. Генералъ Фадѣевъ вѣроятно потому ограничился здѣсь намёкомъ, что считалъ его вполнѣ достаточнымъ для тѣхъ, кому этотъ намёкъ надобенъ, но между тѣмъ не желалъ высказаться слишкомъ гласно, передъ всей публикой, въ ролѣ довольно неблаговидной; однимъ словомъ, хотѣлъ привесть къ дѣлу полицейскую справку, не разрушая всенародно своей репутаціи безупречнаго идеалиста по части разныхъ хорошихъ вещей, каковы, напр., освобожденіе турецкихъ и австрійскихъ славянъ и т. п. Но мы должны нарушить такой его разсчетъ и устранить возможность соединенія такихъ разнородныхъ ролей. Съ этой цѣлью мы замѣтимъ, что напрасно онъ не говоритъ напрямки того, что онъ хотѣлъ исполнить; напрасно прямо не коритъ военное министерство тѣмъ, что въ редакціи „Военнаго Сборника“ участвовалъ когда-то г. Чернышевскій. Переведя намёкъ г. Фадѣева на языкъ общедоступный, спросимъ генерала, для чего онъ говоритъ намёкомъ и что онъ хочетъ этимъ сказать по отношенію къ „системѣ 1862 года“, которое есть настоящій предметъ его статьи? Хочетъ ли онъ сказать такую нелѣпость, что военно-окружная система обязана своимъ происхожденіемъ сотрудничеству г. Чернышевскаго, потому только, что г. Чернышевскій могъ писать кое-что въ „Военный Сборникъ“? Если онъ хочетъ сказать это, то, во-первыхъ, онъ говоритъ вещь смѣшную для него самого; во-вторыхъ, онъ самъ употребляетъ пріемъ еще худшій, чѣмъ тотъ, какой, по его мнѣнію, употребленъ былъ „Русскимъ Инвалидомъ“ противъ „Русскаго Міра“. Если же генералъ Фадѣевъ сказать этого не хотѣлъ, въ такомъ случаѣ его ссылка на мнимую связь запрещеннаго журнала съ оффиціальными органами военнаго министерства не имѣетъ никакого смысла кромѣ полицейскаго, и г. Фадѣевъ самъ не знаетъ что́ говоритъ.

Издателей „Московскихъ Вѣдомостей“ безполезно ставить въ такую альтернативу. Съ одной стороны, они очень хорошо знаютъ что́ говорятъ, даже тогда, когда говорятъ вздоръ. Съ другой стороны, къ какимъ бы нравственно невысокимъ пріемамъ они ни прибѣгали, они нисколько не стыдятся ихъ; они открыто заявляютъ, что ихъ нельзя „смутить“ обличеніемъ ихъ въ „доносѣ, сикофанствѣ“ и что

Digitized by Google

противъ нихъ это лишь „грубая уловка". Что вы будете дѣлать съ противникомъ подобнаго сорта? Быть можетъ, онъ призналъ бы тонкою уловкою съ вашей стороны, если бы вы отвѣчали ему тѣмъ же, въ чемъ сами его уличаете; но къ тонкости этого свойства не всякій имѣетъ призваніе. Издатели „Московскихъ Вѣдомостей" называютъ замѣтку „Русскаго Инвалида" клеветою, на томъ собственно основаніи, что она „голословно обвиняетъ *намѣренія* противниковъ (курсивъ подлинника); они провозглашаютъ такую изумительную въ ихъ устахъ истину, что „должно соблюдать величайшую осторожность въ сужденіи о намѣреніяхъ людей", что „какъ бы ни были предосудительны дѣйствія, мы (гг. Леонтьевъ и Катковъ) должны оставлять возможность объяснять ихъ ненамѣренностью, пока нѣтъ достаточныхъ доказательствъ противнаго". Это говорятъ люди, которые десять лѣтъ спеціально занимаются заподозриваніемъ именно намѣреній, обвиненіями въ измѣнѣ за всякое нелюбезное имъ мнѣніе, безъ малѣйшаго доказательства, безъ возможности существованія не только доказательствъ, но хотя чего-либо похожаго на отдаленнѣйшій признакъ здраваго смысла! Развѣ издатели „Московскихъ Вѣдомостей" имѣли доказательства на то, что въ 1870 году въ Петербургѣ засѣдалъ „ржондъ", и что писатели, защищавшіе въ печати систему реальнаго образованія, поставили цѣлью поколебать нравственныя основы учащагося юношества и дѣйствовали въ связи съ назначеніями въ „интернаціоналкѣ" особаго отдѣленія для пропаганды ея идей въ средѣ русской молодежи? Чтó было преобладающею чертою дѣятельности гг. Каткова и Леонтьева, какъ не именно и спеціально толкованіе чужихъ *намѣреній* въ преступномъ смыслѣ, безъ малѣйшихъ доказательствъ, и даже въ противность здравому смыслу? Приходитъ ли имъ когда-либо на мысль, чтò скажетъ современемъ о ихъ дѣятельности исторія нашей литературной жизни, и если имъ такая мысль порою приходитъ, то могутъ ли они сомнѣваться, что эта исторія, совершенно уже объективная, вынуждена будетъ отнестись къ нимъ именно съ такимъ приговоромъ, въ которомъ они видятъ „грубую уловку", сказать о нихъ, что они внесли въ русскую печать ту деморализацію, тотъ глубокій развратъ, который состоитъ въ заподозриваньи, въ призывѣ силы для каранія убѣжденій; что противникамъ своимъ они подкладывали преступныя намѣренія, какъ нѣкіе ревнители времени московскаго государства подкладывали зелья и корешки въ жилища людей, которыхъ хотѣли обвинить въ колдовствѣ; и если козни нашихъ Катковыхъ рѣдко удавались, то только потому, что мы живемъ не въ такое время. Пусть эти господа не удивляются, если имъ пришлось встрѣтить плоды того, что они такъ усердно сѣяли сами.

Digitized by Google

Чтобы не кончить господиномъ Катковымъ нашего обозрѣнія, которое вышло нынѣшній разъ московскимъ, помѣстимъ въ заключеніе отрывокъ изъ письма къ намъ изъ Москвы о тамошней музыкальной жизни:

„Московская музыкальная жизнь — пишутъ намъ — представила недавно два факта, обращающіе на себя вниманіе: прощальный бенефисъ русской пѣвицы, г-жи Оноре, и исполненіе новой, второй симфоніи П. Чайковскаго. Русская опера въ Москвѣ находится въ незавидномъ положеніи, и хотя пользуется очевиднымъ сочувствіемъ публики, но продолжаетъ довольно быстро клониться къ своему паденію. О сочувствіи публики можно судить по сборамъ русскихъ оперныхъ представленій: за прошлый годъ оказалось, что каждое представленіе дало сбору среднимъ числомъ до 1,500 руб. Цифра весьма почтенная, если принять въ соображеніе однообразіе персонала и репертуара и неудовлетворительное состояніе хора и оркестра вмѣстѣ съ другими неблагопріятными обстоятельствами. Но, повидимому, мало думаютъ объ освѣженіи персонала и о разнообразіи репертуара. Русскія оперы вообще давались весьма рѣдко, и то въ невыгодные дни. Госпожа Оноре въ послѣдній разъ выступила въ „Рогнѣдѣ“ Сѣрова, встрѣтивъ, по обыкновенію, самый искренній, теплый пріемъ со стороны многочисленной публики. Съ выходомъ ея, русская опера лишается замѣчательной артистки, которою, вмѣстѣ съ г-жею Александровой, держался весь репертуаръ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ

„Другое явленіе болѣе отраднаго свойства,—это вторая симфонія Чайковскаго, которая была исполнена съ большимъ успѣхомъ въ концертѣ нашего русскаго музыкальнаго общества. Симфоніи этой придется занять видное мѣсто между русскими музыкальными произведеніями. Это первая, довольно удачная тематическая разработка русскихъ народныхъ напѣвовъ, разукрашенныхъ гармоническими и инструментальными сочетаніями лучшихъ современныхъ западно-европейскихъ композиторовъ“...

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е марта, 1873.

Испанскія партіи и республика.

„Державные кортесы провозгласили въ Испаніи республику“! Если бы Испанія обратилась въ республику 4½ года тому назадъ, то-есть тогда, когда изгнана была Изабелла, то едва-ли кто-либо серьёзно удивился тому. Правда, Испанія была бы тогда единственною, за исключеніемъ Швейцаріи, республикою въ Европѣ. Теперь республика является въ Испаніи послѣ того, какъ Европа уже освоилась съ республикою во Франціи. И однакожъ, превращеніе Испаніи въ республику теперь вызвало всеобщее удивленіе въ Европѣ, бо́льшее удивленіе несомнѣнно, чѣмъ было бы въ 1868 году. Тогда фактъ истекалъ бы логично изъ революціи: изгнавъ женскую линію Бурбоновъ, мнимую представительницу конституціонализма, и не желая призывать мужскую линію Бурбоновъ, представительницу легитимнаго абсолютизма, Испаніи было совершенно естественно провозгласить республику. Провозглашеніе республики въ Испаніи въ то время имѣло бы весьма большое значеніе, въ особенности по отношенію къ Франціи. Относительно самой Испаніи, каждый безпристрастный человѣкъ въ то время сказалъ бы, что испанцы поступили благоразумно: послѣдній легитимный король Испаніи, Фердинандъ VII, умеръ въ сентябрѣ 1833 года; съ тѣхъ поръ до сентября 1868 года, то-есть до революціи, прошло ровно 35 лѣтъ, употребленныхъ на опытъ „либеральной“ монархіи; что за неудачею такого опыта послѣдовалъ единственно-возможный исходъ, именно установленіе республики, это, повторяемъ, было бы совершенно естественно, и вся Европа признала бы, что въ Испаніи происходитъ не кукольная комедія, но серьёзный историческій процессъ, и что республика можетъ упрочиться въ Испаніи, такъ какъ вытекла изъ событій путемъ логической необходимости.

Digitized by Google

Зачѣмъ, скажутъ намъ, разсуждать о томъ, что было бы, еслибы въ 1868 году произошло то, что́ все-таки произошло теперь, и почему же объ установленіи республики въ Испаніи нельзя судить въ 1873 году такъ, какъ слѣдовало бы судить о томъ же фактѣ въ 1868 году? Потому, отвѣтимъ, что тѣ причины, которыя помѣшали провозглашенію республики въ 1868 году, продолжаютъ существовать и устраняютъ всякую увѣренность въ упроченіи республики нынѣ провозглашенной; потому, что исходъ событій 1868 года, нарушивъ естественное теченіе дѣлъ, тѣмъ самымъ обнаружилъ ненормальность организма Испаніи въ политическомъ отношеніи; потому, наконецъ, что хотя, за устраненіемъ природныхъ королей, пріискиваніе на ихъ мѣсто чужеземныхъ кандидатовъ и было дѣломъ личныхъ интригъ, но фактъ, что испанскій народъ допустилъ такую сдѣлку, пошелъ на этотъ новый опытъ, тѣмъ не менѣе доказывалъ, что въ Испаніи сильна еще привязанность къ самой идеѣ монархіи, независимо отъ традицій преданности династіи. Если утративъ природныхъ королей, испанцы соглашались видѣть у себя на престолѣ чужеземцевъ, то стало быть имъ казалось необходимымъ, чтобы самый престолъ былъ занятъ, кто бы ни сидѣлъ на немъ, а затѣмъ, можно ли вѣрить въ прочность республики, провозглашенной въ 24 часа потому только, что человѣкъ, сидѣвшій на престолѣ, внезапно самъ сошелъ съ него? Вѣдь на престолъ не долго посадить и иного человѣка, особенно если искать кандидатовъ по всему свѣту.

Мало того. Въ 1868 году республика являлась бы изъ доказанной опытомъ внутренней неспособности монархіи въ Испаніи уживаться съ уваженіемъ къ народу, со свободою, съ правильной конституціонной жизнью. Если бы тотъ новый монархъ, котораго испанцы взяли къ себѣ, какъ-бы на испытаніе, послѣ революціи 1868 года, тоже оказался бы неспособнымъ къ такому правильному, добросовѣстному участію въ свободномъ развитіи народа, тогда еще можно было бы сказать, что, замѣнивъ его нынѣ республикой, испанцы сдѣлали теперь только то, что должны были сдѣлать въ 1868 году; что новый опытъ только укрѣпилъ ихъ убѣжденіе въ несовмѣстности монархіи со свободнымъ развитіемъ и правильной конституціонной жизнью въ Испаніи. Но—какъ нарочно—этотъ послѣдній, импровизованный опытъ представилъ нѣчто совсѣмъ противоположное. Испаніи случайно попался король, можно сказать, идеальный по своей честности, безкорыстности, дѣятельности и вмѣстѣ безусловной преданности и принципамъ народнаго самоуправленія, свободы, и конституціонной законности; такой король, который не на словахъ только, но и на дѣлѣ показалъ, что въ принятіи короны онъ видѣлъ актъ самоотверженія; когда же убѣдился, что всѣ старанія его безус-

Digitized by Google

нѣмны, онъ добровольно отрекся отъ престола за себя и своихъ наслѣдниковъ, то-есть, явилъ примѣръ еще небывавшій въ современной исторіи. Бывали отреченія въ пользу сына или родственника, и то почти всегда вынужденныя. Но донъ-Амедей отрекся отъ престола совершенно такъ, какъ подаетъ въ отставку парламентскій министръ, когда сознаетъ себя несоотвѣтственнымъ положенію дѣлъ. Многія газеты, быть можетъ несознательно, даже не примѣняли къ дѣйствію короля Амедея слова „отреченіе", но употребляли именно слово — „отставка" (la démission du roi Amédée, такъ выражались по большей части французскія газеты). Этотъ, новѣйшій опытъ съ монархіею, импровизованный въ Испаніи послѣ 1868 года, повторяемъ, какъ нарочно показалъ испанцамъ, что свобода возможна при монархѣ, при такомъ монархѣ, которому „державные кортесы" и теперь, по отреченіи его, торжественно обѣщаютъ въ своемъ посланіи титулъ „гражданина свободной и независимой націи". Итакъ, когда республика не явившись въ Испаніи въ 1868 году, послѣ дурной монархіи, внезапно является теперь на смѣну монархіи безупречной, то мудрено ли, что Европа встрѣчаетъ такое событіе съ удивленіемъ, съ недовѣрчивостью, безъ особеннаго уваженія, и недоумѣваетъ, что будетъ въ Испаніи далѣе?

Обратимся къ отдѣльнымъ фактамъ, которые непосредственно привели къ кризису и затѣмъ къ перемѣнѣ правленія. Прежде всего замѣтимъ, что люди, знакомые съ истиннымъ положеніемъ Испаніи, еще съ 1870 года, т-е. съ самаго начала савойской монархіи въ Испаніи, когда еще король Амедей не успѣлъ обнаружить себя на дѣлѣ и былъ извѣстенъ только какъ сынъ сосѣдняго монарха, безусловно преданнаго конституціонной законности,—говоривали: если республика, провозглашенная во Франціи, продержится нѣкоторое время, то испанская монархія едва-ли устоитъ въ виду такого примѣра, такъ какъ корней у нея нѣтъ, а между тѣмъ въ большихъ городахъ Испаніи республиканская партія весьма многочисленна. Послѣднія событія показали, что мнѣніе это было практически вѣрно. Но изъ того, что оно оправдалось на дѣлѣ, еще не слѣдуетъ, что замѣна короля Амедея республикою дѣйствительно выгодна для Испаніи. Представимъ себѣ, что во Франціи республика существуетъ уже не третій, а тридцатый годъ, и притомъ откровенная республика, а не такая, которая доселѣ боится собственнаго своего имени, а офицерамъ свой арміи ставитъ въ обязанность бывать каждое воскресенье у обѣдни (недавнее распоряженіе французскаго военнаго министра). Все это, однако, само по себѣ еще не ручалась бы за необходимость и выгодность республики для Испаніи. Фактъ, что республиканская партія многочисленна въ Испаніи, достовѣренъ. Прибавимъ, что партія эта имѣетъ весьма

Digitized by Google

большое вліяніе именно на общественное мнѣніе, такъ какъ центрами и органами общественнаго мнѣнія служатъ большіе города, а въ большихъ городахъ республиканская партія и есть преобладающая. Въ виду примѣра сосѣдней Франціи этой партіи было легко провозгласить республику безъ всякаго препятствія, когда король внезапно „подалъ въ отставку". Даже бывшій регентъ маршалъ Серрано, глава нынѣшнихъ консерваторовъ, и интригантъ Сагаста, нежелавшій слѣдовать за радикалами монархическими только потому, что они—радикалы, объявили республиканскому правительству, что „имъ удалось убѣдить друзей своихъ, искренно присоединиться къ нынѣшнему порядку". Искренно или нѣтъ—вопросъ другой, но подобныя заявленія бываютъ вынуждены обстоятельствами именно въ такое время, когда верхъ одержала идея въ самомъ дѣлѣ сочувственная общественному мнѣнію въ минуту ея торжества. Другой бывшій регентъ старикъ Эспартеро написалъ: „да совершается воля народа"... и онъ по крайней мѣрѣ искренно присоединился къ республикѣ. Нельзя не признать, что провозгласивъ республику, „державные кортесы" сдѣлали дѣло въ настоящее время дѣйствительно популярное, и что поспѣшность, съ какою они совершили это дѣло, имѣла во всякомъ случаѣ ту выгодную сторону, что устранила междоусобіе, которое непремѣнно произошло бы иначе, потому что вслѣдъ за отреченіемъ Амедея въ главныхъ городахъ Испаніи произошли бы непремѣнно попытки провозгласить республику силою. Мы никакъ и не порицаемъ того, что сдѣлали „державные кортесы, провозгласивъ въ Испаніи республику", и еслибы мы писали въ Испаніи, то разумѣется просто хвалили бы кортесы за ихъ находчивость и выразили бы надежду на упроченіе республики. Но мы бесѣдуемъ съ русскимъ читателемъ, выражать порицаніе и хвалу въ этомъ случаѣ не наше дѣло; мы должны не порицать или хвалить, но объяснять событія. А исполняя такую обязанность, мы должны сказать, что „державные" кортесы не имѣли никакого права признавать и объявлять себя державными; что хотя республикѣ сочувствуетъ общественное мнѣніе въ Испаніи, но общественное мнѣніе сочувствуетъ ей потому собственно что увлекается примѣромъ Франціи, иначе общественное мнѣніе повело бы къ республикѣ уже въ 1868-мъ году, между тѣмъ, какъ республиканцы въ то время оказались безсильны противъ Прима и Серрано; что республика въ Испаніи пока находится въ рукахъ добросовѣстныхъ и почтенныхъ людей, но что за будущее ея, даже самое ближайшее, ручаться невозможно, и что будущее Испаніи представлялось болѣе обезпеченнымъ, еслибы въ ней сперва упрочилась савойская монархія, хоть на одно поколѣніе, и

Digitized by Google

уже затѣмъ, совершивъ свое призваніе, т.-е. *одолѣвъ армію*, уступила свое мѣсто республикѣ.

Это приводитъ насъ къ указанію на органическій порокъ, отъ котораго страждетъ испанская раса и въ метрополіи, и въ колоніяхъ, причемъ мы будемъ имѣть случай объяснить высказанную сейчасъ мысль относительно сравнительной перспективы, какую могло обѣщать Испаніи правленіе короля Амедея, и какую можетъ обѣщать ей республика, провозглашенная при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ.

Мы видимъ, что въ Испаніи, а также и въ бывшихъ ея колоніяхъ въ Америкѣ Сѣверной и Южной, уже почти полвѣка продолжается политическое неустройство, такъ сказать хроническая революція, въ смыслѣ безпрерывнаго нарушенія и полнаго безсилія законности. Когда говорятъ объ этомъ замѣчательномъ явленіи, то обыкновенно упоминаютъ о національной политической несостоятельности испанцевъ, но такъ какъ чувствуютъ, что это объясненіе вовсе не есть объясненіе, что нелѣпо предполагать въ какой-либо націи неспособность предпочитать миръ вѣчной смутѣ, и что отрицать всякую политическую способность той націи, которая нѣкогда составляла могущественную державу въ мірѣ, не совсѣмъ согласно съ историческимъ знаніемъ,—то обыкновенно сводятъ эту неспособность и хаотическое состояніе испанскихъ государствъ на католицизмъ и его прямую враждебность всякой свободѣ. Таковъ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе распространенный взглядъ *внѣ Испаніи*. Взглядъ этотъ не лишенъ основательности въ томъ смыслѣ, что католицизмъ дѣйствительно враждебенъ всякой свободѣ и, сверхъ того, предполагаетъ невѣжество массы и поддерживаетъ невѣжество ея, стало быть мѣшаетъ массѣ народа усвоить себѣ то, что необходимо для успѣшнаго самоуправленія, именно—знаніе. Католицизмъ въ самомъ дѣлѣ виноватъ въ томъ, что Испанія отстала отъ всѣхъ почти странъ Европы въ образованности и въ промышленномъ развитіи. Но католицизмъ главнымъ образомъ виноватъ въ прошломъ, а не въ настоящемъ. Его политическая сила въ Испаніи сломана. Злоупотребленія его были слишкомъ велики въ Испаніи, народъ слишкомъ близко въ продолженіи долгихъ вѣковъ присмотрѣлся къ нимъ. Что какой-нибудь монахъ или какая-нибудь монахиня могли имѣть огромное вліяніе на королеву Изабеллу, это вовсе не значитъ, что духовенство до сихъ поръ господствуетъ надъ умами испанскаго народа. Напротивъ, отецъ Кларетъ и сестра Патросинія можно сказать „добили“ политическое вліяніе духовенства въ Испаніи, а на королеву Изабеллу имѣли вліяніе поочередно десятки людей совершенно разнаго сорта, въ томъ числѣ О'Доннель, энергическій врагъ клерикализма, и Серрано, впослѣдствіи свергнувшій королеву Изабеллу своей побѣдою

Digitized by Google

при Алколеѣ, и Примъ, посадившій на испанскій престолъ принца отверженной церковью савойской династіи. Политическое вліяніе духовенства нынѣ сильно только въ сѣверныхъ, ближайшихъ къ Пиренеямъ мѣстностяхъ, самыхъ невѣжественныхъ въ Испаніи; но и въ этой карлистской пропагандѣ на сѣверѣ отличаются не епископы, а низшее духовенство, выросшее на мѣстной почвѣ. Испанскій епископатъ не былъ уличенъ въ связяхъ съ бискайскими карлистами, да и вообще объ испанскомъ епископатѣ ничего не слышно среди нынѣшней борьбы партій въ Испаніи. Онъ далеко не играетъ столь опредѣленной роли, какъ епископатъ французскій, и далеко не столь живо и непосредственно принимаетъ участіе въ политической борьбѣ. Католицизмъ, какъ вѣра, и особенно какъ традиція, запечатлѣвшая собою обычаи, въ Испаніи безъ сомнѣнія сильнѣе, чѣмъ во Франціи; но церковь — совсѣмъ иное дѣло, и вліяніе церкви на политическія дѣла во Франціи едва-ли не гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Испаніи; по крайней мѣрѣ оно во Франціи гораздо примѣтнѣе. Политическая сила католицизма, если можно такъ выразиться, была уже слишкомъ „изношена" въ Испаніи, также какъ и въ Италіи, особенно въ Римѣ, въ близости къ самой знаменитой „скалѣ". Въ наше время католицизмъ, какъ политическая сила, гораздо живѣе въ странахъ болѣе удаленныхъ отъ центровъ его вѣкового безусловнаго господства: въ Бельгіи, Тиролѣ, Польшѣ, Ирландіи, даже въ Англіи и въ южныхъ штатахъ Сѣверо-американскаго союза (Грантъ обязанъ долею своего успѣха на послѣднихъ выборахъ опасеніямъ, какія внушило сѣверу образованіе католической *партіи* на югѣ), чѣмъ въ Испаніи или въ Италіи.

Нельзя сомнѣваться, конечно, что епископатъ въ Испаніи, хотя роль его въ политикѣ мало замѣтна, все-таки одушевленъ духомъ подчиненія государства церкви. Но допустимъ даже, что этотъ духъ особенно силенъ въ епископатѣ испанскомъ; допустимъ, что испанскіе епископы сплошь—фанатики ультрамонтанства. Все-таки одни епископы не могутъ успѣшно участвовать въ политической борьбѣ; для этого духовенству нужна такая свѣтская партія, которая состояла бы въ его распоряженіи, нужна свѣтская клерикальная партія, какую мы видимъ въ Бельгіи и во Франціи. Такую партію представляютъ въ Испаніи одни карлисты. Но исторія послѣднихъ сорока лѣтъ доказала, что карлисты имѣютъ силы ровно настолько, чтобы порою производить мятежи на сѣверѣ, все въ тѣхъ же мѣстностяхъ, зараженныхъ преданіями карлизма, во всей же остальной Испаніи не имѣютъ силы, ничего создать не могутъ, и какъ политическая партія, не могли помѣшать ни одной изъ самыхъ внезапныхъ перемѣнъ, какія происходили въ этой странѣ. При революціяхъ, получив-

Digitized by Google

шихъ характеръ обще-національный, т.-е. революціи 1854-го и 1868-го годовъ, карлисты оставались совершенно въ тѣни, нисколько не противодѣйствовали имъ. Карлистовъ нельзя даже считать правильною партіей, принимающею постоянное участіе въ борьбѣ за политическіе принципы; карлисты просто мятежники, которые образовали бы мрачную, безусловно консервативную и клерикальную партію, еслибы имъ удалось воцарить донъ-Карлоса въ Испаніи. Но этого не будетъ, потому что они безсильны въ цѣлой странѣ, а сильны только въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ.

Что касается партій національныхъ, парламентскихъ, представляющихъ борьбу принциповъ въ странѣ, то эти партіи всѣ называютъ себя либеральными. Нарваэсъ, разстрѣливавшій людей безъ счету, не считалъ себя ни абсолютистомъ, ни клерикаломъ: онъ всегда провозглашалъ себя (не только въ палатахъ, но и въ своемъ кружкѣ) либераломъ. Всѣ они либералы въ Испаніи. Консервативнѣйшая изъ испанскихъ партій называетъ себя „умѣренными" (Moderados), то-есть умѣренными либералами. За нею слѣдуютъ остатки „уніи либеральной" (къ нимъ принадлежатъ вліятельнѣйшіе генералы); затѣмъ слѣдуютъ уже „прогрессисты чистые" (Сагаста) и „прогрессисты-радикалы" (Сориллья), которые отождествляются съ „демократами" (Мартосъ), и „демократы" подавали уже руку „республиканцамъ-унитаріямъ" (Кастеларъ) и „республиканцамъ-федералистамъ" (Фигэросъ, нынѣшній министръ-президентъ), отъ которыхъ далеко отстоятъ, но все-таки являются послѣдней рамификаціей либерализма—„республиканцы-соціалисты".

Вотъ какъ безусловно преобладаетъ на политической аренѣ, то-есть въ кортесахъ, муниципалитетахъ, сходкахъ и тертулліяхъ (клубахъ) въ Испаніи — либерализмъ. Полагаемъ, что для нѣкоторыхъ читателей это будетъ ново и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто-бы напомнитъ имъ нѣчто знакомое: адмиралъ Топете, который совѣтовалъ королю Амедею государственный переворотъ—либералъ; онъ „сочувствуетъ реформамъ", онъ только указывалъ „мѣру необходимости", а не отреченіе отъ принциповъ. Руисъ Сориллья — либералъ несомнѣнный, но своимъ личнымъ деспотизмомъ онъ непосредственно погубилъ монархію Амедея. Либералы и тѣ испанцы, когда наконецъ провозглашена республика, ходятъ по улицамъ Мадрида и Барселоны со знаменемъ, на которомъ изображенъ фригійскій колпакъ и кричатъ: viva la republica social!

Но мало этого повальнаго либерализма. Надо еще сказать, что Испанія—одна изъ *демократическихъ* странъ въ мірѣ. Довольно странно говорить это объ отечествѣ благородныхъ кастилльянцевъ и арагонцевъ, „потомства готовъ" (hidalgos), о завѣтной странѣ cabaleros,

Digitized by Google

„троекратныхъ“ грандовъ (Trois fois grand d'Espagne), обладателей нѣкогда права короткой юстиціи „ножа и веревки“, о родинѣ Сида, странѣ, въ которой разбойничій атаманъ Хернани, когда король прощаетъ мятежную толпу, а мятежныхъ грандовъ отсылаетъ на казнь, вспоминаетъ, что онъ грандъ Испаніи, и требуетъ себѣ казни, надѣвъ шляпу и напоминая, что король можетъ отрубить ему голову, но не имѣетъ права снять съ этой головы шляпу;—короче—странно сказать это о классической странѣ „неподражаемаго кавалера дон-Кихота де-ла-Манча“. Но тѣмъ не менѣе, это вѣрно. Хотя по преданію въ жилахъ испанскаго дворянства течетъ кровь голубая, но въ дѣйствительности нигдѣ въ нравахъ, понятіяхъ, обыденной жизни и въ самыхъ законахъ, нѣтъ менѣе различія между классами, чѣмъ въ Испаніи. Англія въ этомъ отношеніи на цѣлый вѣкъ отстала отъ Испаніи. Аристократическихъ привилегій въ Испаніи нѣтъ, нѣтъ и аристократической партіи. Съ другой стороны, каждый испанецъ болѣе или менѣе cabalero, всякій мѣщанинъ называется дон-Педро или дон-Хосе, и самое мѣстоименіе „вы“, по-испански замѣняется сокращеніемъ слова „ваша блистательная милость“. Аристократизмъ здѣсь сдѣлался достояніемъ всего народа и утонулъ въ немъ, подобно тому, какъ католицизмъ обратился въ обычай и почти пересталъ существовать какъ живая, самостоятельная сила.

Теперь спрашивается, какой смыслъ имѣетъ спеціально-„демократическая“ партія въ такой странѣ, гдѣ никакого господства аристократіи и аристократической партіи нѣтъ, гдѣ демократія осуществлена въ законахъ и нравахъ? Какой смыслъ имѣетъ «умѣренная» либеральная партія, за которой цѣлая исторія разстрѣливаній? Или партія «либеральнаго союза», партія старыхъ генераловъ, которую гораздо вѣрнѣе называть партіею «военныхъ раздоровъ»? Что вызывало существованіе партіи республиканской въ то время, когда монархіею управляли радикалы, когда министръ-президентъ былъ радикалъ Сориллья? Наконецъ, чѣмъ вызывается, на чемъ основывается партія соціалистская въ такой странѣ, гдѣ промышленность развита еще слабо, гдѣ эксплуатируемыхъ классовъ нѣтъ, гдѣ нѣтъ пауперизма, потому что нѣтъ избытка населенія, и человѣкъ за часъ работы въ день сытъ, и отъ холода избавленъ самой природой, наконецъ, гдѣ вовсе не существуетъ пьянства?

Присмотрѣвшись къ такому разладу названій и притязаній испанскихъ партій съ собственными ихъ дѣйствіями, во-первыхъ, и съ общественными условіями быта Испаніи, во-вторыхъ, мы должны придти къ такому выводу, что всѣ эти партіи суть партіи отвлеченныя, а не реальныя, что названія ихъ придуманы такъ, какъ придумывались

Digitized by Google

геральдическіе знаки въ средніе вѣка, произвольно, изъ такой природы, которая не похожа на природу реальную: львы съ крыльями, держащіе мечи или ключи, леопарды въ коронахъ, утки безъ ногъ, серебряныя лиліи, и т. п. диковинки. Партіи эти дѣйствительно имѣютъ каждая свою личность и свое знамя; но знамя ихъ представляетъ не тѣ или другіе дѣйствительные интересы страны, а то или другое умозрѣніе, усвоенное себѣ нѣсколькими замѣтными по положенію или по таланту людьми. Отсюда истекаетъ плачевный фактъ, что партіи въ Испаніи реальны не національными интересами, которые бы онѣ представляли, а личностями своихъ вождей. Это партіи—*словъ*, а не *дѣлъ*, людей, а не націи.

Само собою разумѣется, что такое странное явленіе многочисленности, бойкости и вмѣстѣ призрачности партій явилось не случайно и не можетъ быть объяснено одной „особенностью національнаго характера" испанцевъ. Причина этого явленія кроется въ исторіи Испаніи, которой мы не имѣемъ возможности напоминать здѣсь. Но вся исторія этой страны, начиная съ соединенія Кастильи съ Аррагономъ, то-есть вся новая исторія вела къ этому результату. Централизація выразилась въ страшномъ абсолютизмѣ свѣтской и духовной властей, шедшихъ вмѣстѣ, абсолютизмѣ, который нуждался въ громадной арміи слугъ, такой арміи, какая едва ли видана была до Наполеона и его системы во Франціи гдѣ-либо, кромѣ Испаніи, потому именно, что испанскій абсолютизмъ повелѣвалъ не только Иберіею, но въ разныя времена и Нидерландами, и южною Италіей, и Америкой. Королевскому слугѣ, при ловкости, предстояла необозримая карьера вслѣдствіе обширности владѣній короля и безконечной его власти. Прочтите „Хиль Бласа" Лесажа, который хорошо зналъ Испанію, и вы убѣдитесь, что въ Испаніи человѣку бойкому не стоило воздѣлывать землю или приниматься за промышленность. Золото текло рѣкой изъ колоній, „усердному" слугѣ было безконечное поприще въ той королевской вотчинѣ, гдѣ „солнце никогда не заходило", и ничто не мѣшало ему сдѣлаться Лермою или Оливаресомъ; милость короля не знала предѣловъ, и служба ему не встрѣчала преградъ. За одно подозрѣніе рубили голову или отравляли; за антикоролевскія мнѣнія жгли живьемъ. Какое раздолье для королевскихъ слугъ! Мудрено ли, что ихъ создалось цѣлое племя, что въ племени этомъ наслѣдственно удерживалось презрѣніе къ труду и убѣжденіе въ своемъ правѣ жить даромъ насчетъ государства, быть совершенно обезпеченнымъ однимъ ношеніемъ ливреи. Такимъ образомъ, „во всѣхъ Испаніяхъ", то-есть, какъ въ Европѣ, такъ и въ колоніяхъ, создался и продолжалъ создаваться вѣками многочисленный классъ такихъ кавалеровъ, которые смотрѣли на государственную службу, какъ на

Digitized by Google

свою собственность, и сами ничѣмъ инымъ не хотѣли заниматься, какъ дѣланіемъ административной карьеры. Въ этотъ классъ втягивалось мало-по-малу и торговое сословіе. Абсолютизмъ лишилъ города значенія замкнутыхъ въ себѣ центровъ самостоятельной жизни, а всеобщій духъ „кавалерства" притягивалъ къ благородному ничего-недѣланію или къ службѣ сыновей торговца. Какъ скоро въ извѣстной странѣ становится аксіомой, что „слѣдуетъ быть дворяниномъ", что стыдно быть „не-благороднымъ", то въ этой странѣ, можно сказать навѣрное, независимый городской средній классъ не возникнетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство умножится до безконечности и потеряетъ значеніе, и въ результатѣ, весь средній классъ обратится въ слугъ казны и богатыхъ людей, самостоятельнаго же, образованнаго средняго сословія *не будетъ*. Такимъ образомъ, вслѣдствіе слишкомъ долговременнаго и безусловнаго преобладанія деспотизма, образуется дѣйствительно общество демократическое, но самаго худшаго характера: это будетъ демократія искателей милости, демократія цѣлой арміи кліентовъ государства и частныхъ лицъ, демократія солдатъ, чиновниковъ, управляющихъ и духовныхъ.

Такова демократическая Испанія. Пока эта страна имѣла огромныя владѣнія, можно было удовлетворить и занять массу тунеядцевъ, размѣстить прирожденныхъ чиновниковъ на должности, занять профессіональную армію войною или усмиреніями въ колоніяхъ. Но когда Испанія утратила свои колоніи, когда королевская власть въ Испаніи утратила безграничную власть, когда, вдобавокъ, духовная карьера стала менѣе доходна и привлекательна, этотъ обширный классъ искателей мѣстъ, приключеній и отличій, и эта армія, ранѣе всѣхъ европейскихъ армій проникшаяся профессіональнымъ духомъ, духомъ касты и карьеры, стала истинною язвою Испаніи. Вся сфера публичной дѣятельности представлялась собственностью такого особаго сословія; остальная масса народа оставалась внѣ этой сферы, оставалась совершенно равнодушною къ тому, что́ въ этой сферѣ происходило. Когда въ Испаніи было введено представительное правленіе, — это положеніе дѣлъ нисколько не измѣнилось. Представительное правленіе открываетъ поле полному самоуправленію общества и развитію его благосостоянія посредствомъ правильной борьбы различныхъ его интересовъ. Землевладѣніе и земледѣліе, торговля, промышленность и трудъ возвысятъ свой голосъ и станутъ рѣшать дѣла по взаимному соглашенію. Предполагается, что представителями страны явятся люди, которые и по избранію общества, и по личному положенію представляютъ производительныя силы страны: капиталъ, трудъ, науку. Но въ Испаніи случилось не такъ. Область публичной дѣятельности была достояніемъ особаго многочисленнаго сословія,

Digitized by Google

которое смотрѣло на нее, какъ на профессію, разумѣя подъ ней службу. Когда къ „службѣ“ прибавилась „политика“, то сущность положенія не измѣнилась. „Политика“ стала достояніемъ того же профессіональнаго сословія, которому принадлежала служба: чиновникамъ, военнымъ, баккалаврамъ, адвокатамъ безъ дѣлъ — словомъ, тѣмъ же кавалерамъ государственной карьеры. „Политика“ попала въ руки не общества, не народа, а сословія „политикановъ“. Эти люди смотрѣли на „политику“ совершенно такъ, какъ они смотрѣли на службу, и понятія эти стали для нихъ совершенно равносильны. Купецъ не шелъ въ палату, потому что вѣковая привычка строго отграничивала дѣло, работу, отъ публичной дѣятельности; заняться этой дѣятельностью, значило поступить подъ команду профессіональнаго кружка, отказаться отъ своихъ дѣлъ и искать себѣ карьеры.

Такимъ образомъ произошло то удивительное, напримѣръ, для англичанина явленіе, что кортесы, хотя бы самаго либеральнаго свойства, состояли всегда на три-четверти изъ чиновниковъ, военныхъ, искателей мѣстъ и повышеній. „Политика“ этихъ людей разнилась отъ службы только тѣмъ, что представляла двоякій путь для сдѣланія карьеры: служить правительству и получать мѣста, или враждовать съ правительствомъ и потомъ продавать себя за мѣсто, или, наконецъ, стараться ниспровергнуть данное правительство и замѣнить его инымъ, которое уже обязано будетъ дать своимъ друзьямъ желаемую награду. При такомъ ходѣ дѣлъ политика не была политикой, интересы страны и принципы были просто призрачныя имена, герольдическіе знаки тѣхъ различныхъ знаменъ, которыя вели людей къ общей цѣли — къ *карьерѣ*. Это была та же служба. А между тѣмъ сама служба въ прямомъ значеніи слова, служба административная и военная, „подмытая“ политикой, возможностью оппозиціи, возможностью побѣдить начальство и стать выше его въ карьерѣ, окончательно утратила всякій нравственный принципъ и всякую дисциплину. Люди, сидѣвшіе въ кортесахъ, были въ умахъ своихъ чиновники; чиновники же въ умахъ своихъ были политики, то-есть судьи и господа своихъ начальниковъ; депутаты думали объ окладахъ, чиновники занимались оппозиціею министерству, а военные думали о возможности ниспровергнуть правительство посредствомъ pronunciamientos.

Вмѣсто перечня безчисленныхъ перемѣнъ министерствъ, программъ революціонныхъ движеній и конституцій, изъ которыхъ слагается новѣйшая исторія Испаніи, мы постарались представить сущность того положенія Испаніи, изъ котораго истекли всѣ эти призрачныя перемѣны. Теперь понятно, почему всѣ въ Испаніи могутъ называться благозвучнымъ именемъ либераловъ, а самъ либерализмъ оста-

Digitized by Google

ваться призракомъ; почему испанская политика есть не арена реальной жизни народа, а театръ, на которомъ играютъ профессіональные актеры, одѣвающіеся и раздѣвающіеся за кулисами; на которомъ всѣ декораціи украшены надписями либерализма, модерантизма, уніонизма, прогрессизма и соціализма, несмотря на свое наружное различіе и даже противоположность, а въ сущности это одно и то же, именно — декораціи.

Теперь будетъ понятно, безъ подробныхъ объясненій, почему на короля Амедея можно было возлагать надежду на поправленіе дѣлъ Испаніи, почему Руисъ Сориллья былъ единственный министръ, способный помочь ему въ томъ, и почему, когда король и Сориллья разошлись, королю, какъ честному человѣку неоставалось болѣе ничего, какъ удалиться. Пріѣхавъ въ Испанію зимою 1870—71 года, донъ-Амедей не засталъ въ живыхъ того человѣка, который предложилъ его кандидатуру. Примъ былъ убитъ. Но это было скорѣе полезно, чѣмъ вредно, такъ какъ при Примѣ царствовали бы Примъ и его партія, а не король. Чужеземное происхожденіе короля, говорятъ теперь, было причиною его слабости; но оно само по себѣ обѣщало много пользы Испаніи. Дѣло въ томъ, что новый король являлся въ страну безъ готовой арміи слугъ и съ твердымъ желаніемъ знаться съ народомъ, а не съ лагерями искусственныхъ политическихъ словъ. Тѣмъ не менѣе, король началъ съ назначенія министерства Серрано, то-есть изъ уніонистовъ. Это было благоразумно. Серрано былъ бывшій регентъ, первый человѣкъ въ странѣ по положенію; королёвичекъ не могъ имѣть претензіи тотчасъ разметать все существующее. Когда насталъ неизбѣжный періодъ министерскаго кризиса, король назначилъ министерство Сорилльи, то-есть, изъ прогрессистовъ. Но Сориллья, человѣкъ весьма деспотическаго нрава, оттолкнулъ отъ себя часть партіи прогрессистовъ, не давъ имъ мѣстъ; эти прогрессисты подъ начальствомъ Сагасты, который завидовалъ Сориллье и добивался перваго положенія для себя, сблизились съ уніонистами. Сориллья же сблизилъ своихъ приверженцовъ съ „демократами", раздавъ мѣста, сверхъ чистыхъ прогрессистовъ—демократамъ. Такимъ образомъ произошла партія монархическихъ „радикаловъ".

Когда сагастинцы въ соединеніи съ уніонистами одержали верхъ въ палатѣ, образовался кабинетъ Малькампо, изъ котораго составилось потомъ министерство Сагасты; затѣмъ вслѣдствіе результата новыхъ выборовъ, опять возстановился кабинетъ Сорилльи. Король поступалъ всегда вполнѣ правильно, обращаясь при наступленіи кризиса къ вождямъ большинства, какое оказывалось въ парламентѣ. Палата, впрочемъ, состояла изъ „политикановъ" по профессіи, выборы были

Digitized by Google

искренни, парламентское большинство не представляло собою общества. Поэтому, для насъ не важенъ тотъ фактъ, что король Амедей во второй разъ принелъ къ министерству Сориллы, и что, стало быть, этотъ кабинетъ какъ-бы навязывался силою обстоятельствъ. Не въ этомъ было истинное достоинство Сориллы, какъ и истинное достоинство самого короля Амедея было не въ томъ, что онъ будто бы былъ избранникъ націи. Политическая жизнь Испаніи запечатлѣна ложью, и всѣ такія особенности призрачны. Достоинство новаго короля, какъ уже сказано, было въ томъ, что онъ являлся свободнымъ отъ готовой арміи слугъ и желалъ сближенія съ народомъ. Достоинство Руиса Сориллы заключалось въ томъ, что онъ былъ первый въ Испаніи министръ, который возъимѣлъ мысль побороть чиновничество и армію и опереться на *буржуазію*, то-есть, на весь тотъ средній классъ, который оставался доселѣ чуждымъ участію въ политической карьерѣ. Почему Сориллья избралъ опорою не сословіе землевладѣльцовъ, не сословіе рабочихъ, а именно буржуазію, понятно,—но оставимъ это въ сторонѣ. Пусть бы онъ избралъ себѣ опорою помѣщиковъ, или рабочихъ, или буржуазію,—это было бы не все равно, конечно, но все-таки хорошо при такомъ или иномъ его выборѣ для себя поддержки въ обществѣ. Лишь бы искалъ онъ себѣ этой поддержки именно въ средѣ *общества*, то-есть, въ народѣ или части народа, занятой дѣломъ, а не карьерой, и пусть бы, опираясь на эту поддержку и на независимость короля отъ личныхъ связей съ партіями, онъ избавилъ Испанію отъ разъѣдающей ея язвы: распустилъ бы профессіональную армію, замѣнивъ ее вооруженнымъ народомъ, и если не изгналъ бы вовсе изъ парламентскаго міра карьеристовъ, чиновниковъ, то по крайней мѣрѣ привлекъ бы истинныхъ представителей народа въ этотъ міръ, устранивъ господство этихъ посредниковъ, эксплуатирующихъ Испанію. Сориллья предпринялъ это трудное, но благотворное, великое дѣло, эту самонужнѣйшую реформу, безъ которой всякій крайній либерализмъ въ странѣ будетъ всегда деспотизмомъ и всякій деспотизмъ будетъ въ то же время анархіею.

Онъ предпринялъ — неслыханное дѣло! — сокращеніе бюджета, уменьшеніе числа мѣстъ; онъ сблизился съ городскими сословіями, когда для усмиренія возстанія карлистовъ онъ разсчитывалъ болѣе на народъ, чѣмъ на армію. Армія въ Испаніи даже „къ усмиренію“ не годится; она всегда „усмиряетъ“ настолько, чтобы получить награды, но не настолько, чтобы отнять охоту къ мятежу; въ побѣждаемой ею партіи она видитъ необходимыхъ себѣ пособниковъ для будущихъ отличій, а иногда и прямо—будущую власть, раздавательницу чиновъ и окладовъ. Армію Сориллья предпринялъ преобразо-

Digitized by Google

вать, благо по всей Европѣ распространилось убѣжденіе въ превосходствѣ прусской системы, преобразовать ее такъ, чтобы она утратила свой профессіональный характеръ. Общество почуяло въ Сорилльѣ полезнаго человѣка; министерство его привѣтствовалось какъ министерство „бережливости"; города гордились первымъ буржуазнымъ министромъ Испаніи; капиталъ такъ сочувствовалъ Сорилльѣ, что несмотря на плохое положеніе финансовъ, доставлялъ ему блестящій успѣхъ новаго займа. Когда казнѣ нужны были деньги, тогда никто не могъ замѣнить Сориллью.

Если бы это великое дѣло удалось, если бы король, свободный отъ тиранніи слугъ и въ высшей степени добросовѣстный, идя рука объ руку съ министромъ умнымъ, твердымъ, опирающимся на наиболѣе образованную часть общества, успѣлъ снять съ Испаніи кору поѣдающихъ ее паразитовъ — тогда будущность страны была бы обезпечена именно потому, что судьбы ея находились бы въ рукахъ самого народа, а никакой народъ самъ себѣ не врагъ, никакой народъ не имѣетъ такой „національной особенности" или „черты характера", чтобы предпочитать междоусобіе миру, невѣжество, темноту—свѣту; поддерживаются же такія бѣдствія всегда не народнымъ пристрастіемъ къ нимъ, но эксплуататорами народа. Вотъ великое дѣло, которое предстояло совершить въ Испаніи королю Амедею и министру Руису Сорилльѣ въ союзѣ съ обществомъ. Послѣ совершенія его, Испанія могла бы быть счастлива и при монархіи, и при республикѣ. *Тогда* и только тогда можно было бы разсуждать о томъ, какая форма правленія приличнѣе для Испаніи по ея общественнымъ условіямъ, и можно было бы сказать многое въ пользу предпочтенія ею республики. Но это дѣло, о которомъ сейчасъ упомянуто, могло быть совершено Амедеемъ легче, чѣмъ всякимъ инымъ королемъ, и легче, чѣмъ республикою; потому легче, что для совершенія такого шага обществу, разслабленному инерціею, полезно было бы опереться на болѣе прочную власть, опереться на скипетръ въ видѣ посоха, чтобы встать на ноги и выдти на вѣрную дорогу. Вотъ почему паденіе монархіи Амедея представляется намъ событіемъ, которое лишаетъ Испанію весьма важной гарантіи будущаго. Странѣ этой дали республику; но какая отъ того польза, если республикою будетъ управлять не народъ, а толпа карьеристовъ и армія тѣхъ вреднѣйшихъ паразитовъ, которые для полученія майорскаго чина вмѣсто капитанскаго и такъ далѣе, для каждаго производства, готовы подвергать страну революціи?

Король и его министръ отступили отъ непріятеля на томъ самомъ полѣ битвы, которое было ими избрано. Можно себѣ представить, какъ много враговъ было у Сорилльи, желавшаго сократить

Digitized by Google

касту профессіональныхъ политиковъ, вооружить народъ и распустить армію искателей приключеній. Мы уже говорили въ свое время о курьёзномъ возстаніи въ Ферролѣ, возстаніи, которое провозглашало республику, но было произведено просто тремя капитанами изъ самыхъ отъявленныхъ негодяевъ, прошедшихъ сквозь ряды всѣхъ партій поочередно; одинъ изъ нихъ былъ даже карлистъ, продавшій за деньги свою собственную роту королевскимъ войскамъ. Армія вообще крайне неблаговолила къ Сориллье. Случай для прямого заявленія вражды ему скоро представился. Правительство назначило генерала Хидальго генералъ-капитаномъ въ Бискаію. Этотъ генералъ былъ таковъ, каковы почти всѣ генералы въ Испаніи, ни лучше ни хуже. О немъ разсказывали, будто во время военнаго возстанія Прима, въ 1866 г., онъ дозволилъ возставшимъ артиллерійскимъ солдатамъ разстрѣлять нѣсколькихъ офицеровъ, которые удерживали ихъ отъ бунта. Генералъ Хидальго увѣряетъ, что онъ такого разрѣшенія не давалъ и при казни офицеровъ не присутствовалъ. Но это въ сущности не важно— въ Испаніи. Карьера такихъ людей, какъ самъ Эспартеро и затѣмъ: Нарваэсъ, О'Доннелль, Конча, Примъ, Серрано, Топете, Малькампо, то-есть, всѣхъ вліятельныхъ генераловъ въ Испаніи, была испещрена возстаніями и нарушеніями дисциплины. Овладѣвъ властью, они или сами разстрѣливали людей (какъ О'Доннелль въ Лохѣ, Конча на Кубѣ, а Нарваэсъ — *вездѣ*), или были не въ силахъ предупредить разстрѣливанье, вошедшее въ духъ арміи. Хидальго былъ не хуже другихъ, и испанской арміи не было причинъ предавать его спеціально отверженію. Но Хидальго былъ назначенъ министерствомъ, которое предприняло „раскассировать" армію, поэтому назначеніе Хидальго было хорошимъ предлогомъ для борьбы съ Сориллье. Артиллерійскіе офицеры бискайскаго округа отказались представиться генералу Хидальго. Военный министръ прислалъ предписаніе; они всѣ подали въ отставку. Сориллья былъ непрочь отъ борьбы, но по желанію короля, который хотѣлъ устранить затрудненіе, перевелъ генерала Хидальго генералъ-капитаномъ въ Таррагону. Тогда *тамъ* всѣ артиллерійскіе офицеры подали въ отставку; мало того, артиллерійскіе офицеры по всей странѣ стали выходить въ отставку; въ самомъ Мадридѣ артиллеристы начали дѣлать тоже самое, и представился невиданный нигдѣ примѣръ: страна довольна правительствомъ, *но артиллерія недовольна* имъ и потому выходитъ въ отставку. Вопросъ между паразитами эксплуатирующими страну и министромъ, предпринявшимъ избавить ее отъ нихъ, сталъ передъ королемъ лицомъ къ лицу. Король выказалъ слабость; ему, какъ принцу савойскаго дома, династіи военной, было противно упорство самого Хидальго, который не хотѣлъ уступить мѣста; понятія о

Digitized by Google

„чести мундира“, о „товариществѣ по оружію“, объ „общей артиллерійской семьѣ“ были доступны герцогу Аостскому, хотя, разумѣется, не могли казаться ему выше вещей въ самомъ дѣлѣ серьёзныхъ, то-есть, принципа конституціонной законности, необходимости поддержать министра, имѣющаго большинство въ парламентѣ. Королю не хотѣлось только поступать слишкомъ круто по поводу Хидальго. Но Сориллья не такой человѣкъ, чтобы выказать слабость; онъ видѣлъ необходимость во что бы то ни стало сломить нелѣпую оппозицію праздныхъ карьеристовъ, которые, не будь этого случая, вскорѣ нашли бы другой, чтобы заняться единственнымъ дѣломъ, въ которому они способны, то-есть, подставлять другъ другу ногу изъ-за мундирныхъ принадлежностей, и смущать порядочныхъ людей своимъ ненасытнымъ честолюбіемъ. Сориллья предложилъ королю принять всѣ просьбы объ отставкѣ, и по мѣрѣ выбытія артиллерійскихъ офицеровъ производить на ихъ вакансіи младшихъ, хотя бы пришлось набирать ихъ изъ унтерѣ-офицеровъ. Это называлось „преобразованіемъ артиллеріи“. Выражаясь англійскими терминами,—артиллерія сдѣлала „strike“, на который Сориллья хотѣлъ отвѣчать чрезъ „lock out“.

Королю это не понравилось; онъ колебался, но въ концѣ концовъ непремѣнно согласился бы, еслибы Сориллья подалъ въ отставку. Король былъ, очевидно, только слабъ, но еще не былъ неправъ передъ своимъ министромъ, еще ничѣмъ не выказалъ ему своего недовѣрія. Сориллья былъ совершенно правъ доселѣ; но вотъ гдѣ онъ, вслѣдствіе своего крутого характера, сталъ самъ неправъ по отношенію къ королю. „Демократы“, соединившіеся съ чистыми прогрессистами, не прерывали своихъ связей съ республиканцами. Въ свою очередь республиканцы не разъ заявляли, что они не намѣрены ниспровергать радикальнаго, хотя и монархическаго правительства. Видя колебаніе короля и опасаясь, чтобы обстоятельствомъ этимъ не воспользовались уніонисты для составленія новаго кабинета, Сориллья, чрезъ своихъ друзей-демократовъ, внушилъ республиканцамъ сдѣлать запросъ министерству въ собраніи кортесовъ о положеніи дѣла Хидальго и выхода въ отставку массы артиллерійскихъ офицеровъ. Когда этотъ запросъ былъ сдѣланъ, то министерство тотчасъ дало такой отвѣтъ, что законное назначеніе генерала Хидальго будетъ поддержано, что просившіе увольненія офицеры будутъ уволены и замѣщены другими, однимъ словомъ, связало короля, не получивъ еще отъ него согласія, необходимостью подписать декретъ „о преобразованіи артиллеріи“. А для того, чтобы устранить всякую возможность иного выхода, Сориллья, вслѣдъ за этими объ-

Digitized by Google

ясненіями, предложилъ палатѣ переходъ къ очередному порядку съ оговоркою о довѣріи къ дѣйствіямъ министерства.

Заручившись такимъ выраженіемъ довѣрія палаты, такимъ прямымъ одобреніемъ ея мѣрѣ, направленной противъ артиллерійской демонстраціи, Сориллья явился къ королю съ декретомъ о преобразованіи артиллеріи. Но король, видя что министръ хочетъ насиловать его согласіе, просилъ у него день на размышленіе. Размышлять донъ-Амедей отправился на охоту. О чемъ размышлялъ онъ — угадать не трудно. Онъ долженъ былъ размышлять о томъ, какъ невообразимо трудно было дѣло, за которое онъ взялся, принявъ испанскую корону, и какъ безнадежно стало это дѣло теперь, когда единственный человѣкъ, который былъ въ состояніи помогать ему, единственный, которому онъ могъ довѣрять и довѣрялъ, самъ выказалъ къ нему, королю, полнѣйшее, самое оскорбительное недовѣріе. Сориллья хотѣлъ насиловать его волю, и чтобы покорить себѣ короля, королевскій министръ вступилъ въ соглашеніе съ республиканцами. Большинство *всѣхъ* противъ шести, одобрившее волю Сориллы, состоялось благодаря республиканцамъ. Чтó оставалось дѣлать королю, когда единственный министръ, котораго онъ считалъ возможнымъ и которому довѣрялъ—выказалъ болѣе довѣрія къ республиканцамъ, чѣмъ къ своему государю? Отказаться отъ задачи, ставшей невозможною, безнадежною. Отставить Сориллью, когда онъ только-что заручился выраженіемъ довѣрія палаты, было невозможно. Правда, на тѣхъ дняхъ являлись къ королю повѣренные отъ Топете и Серрано и предлагали ему единственный вѣрный, по ихъ словамъ, исходъ—нарушить конституцію распущеніемъ палаты только-что избранной (по закону, палата не можетъ быть распускаема ранѣе четырехмѣсячнаго срока послѣ выборовъ); но этого предложенія не могъ принять честный человѣкъ. Сверхъ того, донъ-Амедей не могъ не думать о той холодности, съ какою относился доселѣ народъ къ чужеземцу; не могъ не имѣть передъ глазами пустоты своего дворца, въ который упорно отказывались пріѣзжать альфонсистскіе и карлистскіе гранды.

Домой донъ-Амедей возвратился уже, вѣроятно, съ готовымъ рѣшеніемъ, потому что когда его разбудили поздно вечеромъ извѣстіемъ, что явилась депутація поздравить его съ рожденіемъ сына, и что по испанскому обычаю ребенка слѣдуетъ вынесть къ депутаціи, отказался встать. „Вѣроятно“, говоритъ одна англійская газета, „королю, уже принявшему рѣшеніе, было тягостно исполнять такой обрядъ, и отказъ его достоинъ сочувствія при такихъ обстоятельствахъ; это—честная грубость, свойственная савойскому дому“. Грубость эта не имѣла разумѣется никакого значенія при томъ по-

Digitized by Google

ложеніи дѣлъ, какое уже было, но въ Мадридѣ она все-таки оскорбила тѣхъ самыхъ „патріотовъ“, тѣхъ самыхъ обожателей „эспаньолизма“, которые никогда не кланялись королю-чужеземцу при встрѣчахъ.

Рѣшеніе донъ-Амедея извѣстно; онъ объявилъ его Сорилльѣ съ прибавленіемъ, что оно неизмѣнно, и что никакіе уговоры не будутъ имъ приняты. Затѣмъ, король написалъ свое посланіе къ кортесамъ. Въ этомъ посланіи король напоминалъ, что цѣлью его, когда онъ рѣшился принять корону, было „соображаться единственно съ интересами страны и стать выше всѣхъ партій“; что свою неопытность онъ надѣялся искупить добросовѣстностью, въ надеждѣ на помощь со стороны всѣхъ испанцевъ, любящихъ свою страну“. Затѣмъ король дѣлалъ слѣдующія признанія: „Я обманулся въ ожиданіяхъ, внушенныхъ мнѣ моими намѣреніями. Два долгихъ года я ношу испанскую корону, а Испанія не выходитъ изъ состоянія борьбы, а желанная эра міра и благоденствія все отдаляется. Если бы враги блага Испаніи были иностранцы, я первый выступилъ бы противъ нихъ въ поле, во главѣ ея мужественныхъ и терпѣливыхъ солдатъ. Но всѣ тѣ, кто оружіемъ, перомъ, словомъ увеличиваютъ и упрочиваютъ бѣдствія Испаніи, сами—испанцы, всѣ призываютъ любезное имя отечества, всѣ борятся другъ съ другомъ и волнуются въ виду его блага, и среди шума борьбы, среди смѣшанныхъ противоположныхъ криковъ партій, въ сильныхъ и вмѣстѣ разнорѣчивыхъ демонстраціяхъ общественнаго мнѣнія, невозможно различить истинное мнѣніе народа, еще невозможнѣе открыть средство противъ такихъ золъ. Средства этого я съ жадностью искалъ въ законѣ, и—не нашелъ. Отыскивать же средство внѣ закона непозволительно тому, кто присягалъ законности... Нынѣ я наконецъ пришелъ къ твердому убѣжденію, что всѣ мои усилія будутъ безплодны и что предпріятіе мое неосуществимо“.

Въ тотъ же день, 11 февраля, кортесы соединились съ сенатомъ, провозгласили себя національнымъ собраніемъ и отвѣчали королю Амедею адресомъ, въ которомъ встрѣчается слѣдующая „аттестація“: „кортесы единогласно объявляютъ, что ваше величество съ вѣрностью, съ полной вѣрностью исполнили вашу присягу, и видятъ въ этомъ высокое достоинство въ такую эпоху, когда честолюбіе, диктатура, государственные перевороты привлекаютъ къ себѣ мысль даже людей стоящихъ на скромной ступени, а не на высотѣ престола... Народъ испанскій и теперь окажетъ вашему величеству всякіе знаки уваженія, преданности, почета, которыхъ вполнѣ заслуживаете вы, ваша августѣйшая супруга и невинныя ваши малютки. Но когда минуютъ опасности и переходное время, народъ, не имѣя

Digitized by Google

возможности поднесть вамъ корону, предложить вамъ иное достоинство,—достоинство гражданина въ средѣ независимой и свободной націи".

На пути короля и его семейства въ Португалію онъ, дѣйствительно, былъ сопровождаемъ знаками всеобщаго уваженія. Такъ погибла попытка честной монархіи, попытка совершить нужнѣйшую Испаніи реформу. Дѣло было бы трудно и при полномъ согласіи, довѣріи между королемъ и Сориллью; при разладѣ между ними, оно, дѣйствительно, становилось безнадежнымъ. Донъ-Амедея можно упрекнуть въ минутномъ колебаніи, нерѣшительности; но онъ *ничего не сдѣлалъ*, въ чемъ бы его можно было обвинять. Сориллья же своей запальчивостью и деспотизмомъ прямо виновенъ въ неудачѣ предпріятія. Необходимо было выждать, а не насиловать согласіе короля; наконецъ, лучше было даже, въ крайнемъ случаѣ, уступить въ дѣлѣ Хидальго и все-таки преобразовать армію. Первоначальное министерство республики составилось изъ нѣсколькихъ республиканцевъ и нѣсколькихъ радикаловъ. Фигэрасъ, получившій наибольшее число голосовъ, объявленъ былъ президентомъ; слѣдовавшій за нимъ по числу избирательныхъ голосовъ Кастеларъ—министромъ иностранныхъ дѣлъ, Пи-и-Марголль—внутреннихъ дѣлъ; но въ составъ первоначальнаго министерства вошли и нѣкоторые радикалы; генералъ Кордова остался военнымъ министромъ.

Циркуляръ, которымъ министръ иностранныхъ дѣлъ испанской республики сообщилъ иностраннымъ кабинетамъ провозглашеніе въ Испаніи этой формы правленія, циркуляръ Эмиліо Кастелара, 12 февраля, гораздо менѣе удаченъ, чѣмъ тѣ блестящія рѣчи, которыми Кастеларъ пріобрѣлъ себѣ всемірную славу великаго оратора. „Актъ этотъ" (т. е. провозглашеніе республики), пишетъ Кастеларъ, „вышелъ не изъ революціи и не есть результатъ замѣшательства и неожиданности: онъ вышелъ изъ спокойнаго сознанія и державной воли обѣихъ палатъ, которыя, бывъ недавно избраны всенароднымъ голосованіемъ, по желанію законной власти и среди полнаго мира, имѣли возможность убѣдиться, что такова именно была, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, давно предвидѣнныхъ, воля націи. Отдавая полную и совершенную справедливость честности, добрымъ намѣреніямъ и конституціонному духу монарха, мы должны, по справедливости, признать, что ему не удалось преодолѣть врожденнаго нерасположенія, какое эта достойная и гордая нація чувствовала ко всему, что ей могло казаться, основательно или неосновательно, помрачающимъ ея независимость". Воздавъ затѣмъ хвалу благородной рѣшимости короля Амедея, министръ продолжаетъ, что затѣмъ „во всѣхъ партіяхъ тотчасъ выказалось одно сознаніе, и именно сознаніе не-

Digitized by Google

одолимой, неоспоримой и верховной необходимости замѣнить монархію республиканскимъ образомъ правленія. Кортесы и народъ Испаніи, съ высокимъ патріотизмомъ, съ замѣчательнымъ политическимъ смысломъ, которому имѣется въ исторіи мало равныхъ примѣровъ, съ возвышенностью мысли, свойственною нашей расѣ, съумѣли овладѣть обстоятельствами, формулируя желаніе народа въ установленіи того образа правленія, который свойственъ демократіи, и именно образа—республиканскаго". Далѣе министръ старается успокоить кабинеты насчетъ характера и стремленій испанской республики, ссылается на „уваженіе къ законности, свойственное испанскому народу, и доказанное имъ блестящимъ образомъ въ послѣдніе четыре года существованія правленія въ демократическомъ духѣ"; увѣряетъ, что Испанія „имѣетъ тѣ добродѣтели, которыя необходимы для зрѣлости народа къ управленію своими дѣлами", и въ заключеніе старается разсѣять всякія подозрѣнія насчетъ благонадежности арміи.

Циркуляръ вышелъ неудаченъ конечно не по винѣ Кастелара, а по винѣ обстоятельствъ; въ дѣйствительности, посланіе это заключаетъ въ себѣ все, что можно сказать *противъ* установленія республики, какъ оно нынѣ совершилось въ Испаніи. Публицистамъ враждебнаго лагеря не для чего придумывать аргументовъ для критики этого событія; всѣ они, или почти всѣ, заключаются въ депешѣ перваго республиканскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ Испаніи: что превращеніе Испаніи въ республику безъ малѣйшей нужды было весьма неожиданно; что дѣйствіе кортесовъ въ сущности было дѣйствіе революціонное; что нынѣшніе кортесы не имѣли времени обдумать этого шага, и не были полноправны для совершенія его; что прочность республики въ Испаніи сомнительна, и по недостатку уваженія къ законности въ странѣ безпрерывныхъ pronuciamientos, и по отсутствію образованія, стало быть и зрѣлости въ ея народѣ къ управленію своими дѣлами, и наконецъ—именно по неблагонадежности испанской арміи. Всѣ эти мотивы изложены въ самомъ циркулярѣ; Кастеларъ, какъ опытный публицистъ, совершенно вѣрно предугадалъ все, что́ скажутъ скептики внѣ Испаніи по поводу этого событія, и нарочно вышелъ съ своими опроверженіями на встрѣчу такимъ сомнѣніямъ. Что сомнѣнія эти приведены имъ вѣрно, это—заслуга Кастелара; что возраженія, опроверженія его противъ нихъ слабы или просто голословны — это не его вина: въ поручительство за своевременность и прочность республики въ Испаніи и нельзя привесть ничего, кромѣ добрыхъ намѣреній республиканской партіи.

Партія эта или партіи, такъ какъ ихъ доселѣ было двѣ, во всякомъ случаѣ, по качествамъ своихъ вождей и по образованности

Digitized by Google

своихъ членовъ, заслуживаютъ болѣе уваженія, чѣмъ всѣ другія партіи въ Испаніи, и это не требуетъ доказательствъ: республиканскимъ образомъ мыслей нельзя было дѣлать себѣ карьеру при монархіяхъ, по крайней мѣрѣ карьеру административную. Нынѣшній президентъ правительства Эстанислао Фигэрасъ—адвокатъ, приверженецъ идей республики федеральной, и какъ онъ, такъ и его значительнѣйшіе товарищи: Эмиліо Кастеларъ и Франциско Пи-и-Марголль принадлежатъ къ рѣдкимъ въ Испаніи людямъ, которые никогда не перемѣняли знамени. Всѣ трое пользуются уваженіемъ; первый и послѣдній извѣстны еще весьма твердымъ характеромъ, который у Фигэраса скрывается за весьма мягкими внѣшними пріемами; всѣ трое—люди умѣренные. Фигэрасъ самый умѣренный изъ нихъ и наиболѣе практическій; всѣ трое—доктринеры, какъ, впрочемъ, и бо́льшая часть безупречныхъ республиканцевъ въ Испаніи. Замѣчательно, что маркизъ Оренсе д'Альбандо, четвертый изъ наиболѣе извѣстныхъ республиканцевъ, не принимаетъ доселѣ участія въ правительствѣ.

Въ средѣ этого правительства уже успѣлъ произойти кризисъ, кризисъ вполнѣ естественный, но тѣмъ не менѣе создающій новое затрудненіе; тѣ изъ членовъ правительства, которые не принадлежали къ партіи республиканской: генералъ Кордова, Франсиско Сальмеронъ (другой, Николасъ Сальмеронъ,—министръ юстиціи), Эчегаре, Бесерра и Беранхеръ, однимъ словомъ, радикалы, вышли изъ кабинета. Взамѣнъ ихъ назначены республиканцы; военное министерство получилъ генералъ Акоста. Между тѣмъ въ кортесахъ, избранныхъ при Сориллѣ, большинство составляютъ радикалы, а не республиканцы. Меньшинство, состоявшее изъ уніонистовъ и сагастинцевъ, уже тотчасъ по открытіи сессіи удалилось изъ собранія.

Итакъ, республиканскому правительству, состоящему изъ хорошихъ людей, достается управлять Испаніею при враждебности арміи, при неполномъ собраніи, избранномъ на основаніи той конституціи 1869 года, которая теперь уже не существуетъ, и вдобавокъ, съ такимъ большинствомъ въ этомъ собраніи, которое принадлежитъ не къ правительственной партіи и котораго члены удалились изъ кабинета. Генерала, командующаго войсками противъ карлистовъ, новое правительство смѣнило уже два раза: сперва утвердило Моріонеса, который призналъ республику, потомъ назначило вмѣсто него генерала Павію, теперь генерала Нувиласа, вмѣсто Павіи, который призванъ въ Мадридъ. Почти всѣ генералъ-капитаны перемѣнены. Между тѣмъ, карлисты, разумѣется, пользуются нынѣшнимъ кризисомъ, и самъ донъ-Карлосъ вступилъ въ Испанію. Изъ иностранныхъ правительствъ пока признали испанскую республику республики: Сое-

Digitized by Google

диненныхъ Штатовъ и Швейцаріи. Французская республика колеблется, хотя и говорятъ, что посланникъ ея въ Мадридѣ, маркизъ де-Булльѐ, выразилъ самыя дружественныя чувства Тьера. Есть иронія судьбы въ самомъ томъ фактѣ, что французскую республику представляетъ въ сосѣдней республикѣ же членъ той фамиліи, о которой такъ отзывается „Марсельеза“:

....mais les complices de Bouillé,
Tous ces tigres, qui sans pitié
Dévorent le sein de leur mère...

Толки о возможности новаго возникновенія гогенцоллернской диктатуры теряютъ всякій смыслъ послѣ категорическаго заявленія „Сѣверо-германской газеты“, что „неудача короля Амедея полнѣйшимъ образомъ доказала невозможность установленія иностранной династіи въ Испаніи“. Фигэрасъ и его товарищи если хотятъ дѣлать дѣло, а не довольствоваться словами, должны продолжать неудавшееся предпріятіе монархіи Амедея и его послѣдняго министерства—вооружить народъ, преобразовать армію, сократить бюджетъ, призвать самый народъ къ управленію дѣлами и охраненію порядка безъ посредства профессіональныхъ политиковъ и ремесленныхъ мятежныхъ стражей спокойствія. Удастся ли тремъ почтеннымъ доктринерамъ совершить это дѣло—сказать нельзя; но позволительно думать, что совершеніе его было бы легче для короля Амедея и Руиса Сориллья, которые нынѣ оба оставили Испанію первый съ титуломъ герцога Аостскаго, второй въ качествѣ частнаго человѣка,—и тѣмъ не менѣе оно и имъ не удалось.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

12/24 февраля, 1873.

Франція по смерти Наполеона III.

Я довольно часто говорилъ объ императорѣ Наполеонѣ, и быть можетъ даже утомилъ своими соображеніями о той важной ролѣ, которую онъ игралъ въ нашихъ заботахъ и тревогахъ, даже послѣ своего паденія и столь заслуженнаго изгнанія. Я былъ убѣжденъ, что нисколько не преувеличиваю, но разнообразное впечатлѣніе, произведенное его смертью, показало мнѣ, что дѣйствительность даже превысила всѣ мои разсчеты. Объясняйте себѣ это какъ знаете, а

Digitized by Google

я и самъ не умѣю отдать себѣ яснаго отчета, почему эти Бонапарты, созданные какъ будто на пагубу нашей странѣ, пустили въ ней такіе корни, которые не скоро еще заглохнутъ. Конечно, катастрофа, постигшая Наполеона III, была такъ же безславна для него, какъ и пагубна для насъ. Онъ палъ безъ всякаго обаянія, и ничто не могло ни скрасить, ни смягчить его паденія: онъ низвергнулъ въ бездну страну, которую имѣлъ претензію спасти. Онъ стоилъ намъ, даже и послѣ паденія, двухъ провинцій и пяти милліардовъ и, вопреки нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ, отнюдь нельзя вѣрить оптимистамъ, что мы вполнѣ оправились отъ нанесенныхъ ради его намъ ударовъ. И что же? Все это для многихъ людей, для значительной части общественнаго мнѣнія какъ будто бы не существуетъ, или, по крайней мѣрѣ, какъ будто бы покойный императоръ ни мало въ этомъ не отвѣтственъ. Наглые извороты бонапартистской прессы, щедро оплачиваемой, такъ удались, а публика такъ пристрастна къ этому роковому отродью и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ легко поддается на обманъ, что о причинахъ послѣдней войны и даже о седанской капитуляціи сложилась легенда, вполнѣ сходная съ тою, какая прославила Наполеона I и островъ св. Елены. Оппозиція, видите ли, вынудила императора къ войнѣ, а злополучное правительство 4 сентября помѣшало Европѣ придти къ намъ на помощь и лишило насъ приличнаго мира. Наконецъ, если болѣзнь императора сдѣлалась смертельной, то потому, что этотъ государь-герой, не взирая на свои страданія съ нечеловѣческимъ стоицизмомъ не слѣзалъ съ коня въ теченіи пяти часовъ передъ Седаномъ, ободряя своимъ примѣромъ войска и ища смерти, которой не могъ найти, конечно потому, что онъ не очень ея искалъ.

Вотъ что̀ печаталось въ послѣднее время, непрерывно, пока наконецъ не нашло отголоска въ публикѣ, и вотъ какимъ образомъ Чизльгорстъ сдѣлался эквивалентомъ св. Елены. Я менѣе, чѣмъ когда-либо, сомнѣваюсь, что если бы ex-императоръ захотѣлъ явиться въ Парижъ, то могъ бы безъ труда завладѣть престоломъ. Если онъ этого не сдѣлалъ, то вѣроятно потому только, что болѣзнь помѣшала ему, или же, какъ я всегда это думалъ, онъ желалъ дождаться, чтобы нѣмцы удалились окончательно изъ предѣловъ Франціи, и ему не надо было бы парламентировать съ ними. Онъ не дождался, но самое дѣйствіе, произведенное его смертью, даетъ мѣру той популярности, которую онъ сохранилъ или вернулъ. Не менѣе знаменательно было, въ виду огорченія имперіалистовъ, явное облегченіе, которое испытали всѣ остальныя партіи, и то дѣйствіе, которое произвело въ ихъ средѣ исчезновеніе этого грознаго конкуррента. Республиканцы пріободрились; роялисты съ своей стороны возобновили,

Digitized by Google

съ новымъ рвеніемъ, хотя и безуспѣшно, попытки къ сліянію, точно смерть императора развязывала имъ руки. Я еще возвращусь къ этому, но пока поговорю о Наполеонѣ III и объ его партіи.

Любопытенъ фактъ, который французскія газеты почему-то пропустили безъ вниманія, что если кто-нибудь виноватъ въ смерти императора, такъ это императрица Евгенія. Вотъ какимъ образомъ.

Императоръ страдалъ каменной болѣзнью нѣсколько лѣтъ, и теперь ясно доказано, что доктора, предписывая ему воды Виши, лечили его, не зная болѣзни, и только ускорили ходъ ея, потому что эти воды содѣйствуютъ каменной болѣзни и могутъ даже развить, если она существуетъ въ зародышѣ. Въ 1870 г. страданія сдѣлались настолько сильны и характеристичны, что побудили придворныхъ докторовъ созвать на консультацію всѣ медицинскія знаменитости Парижа. Консультація состоялась; призванные медики составили письменное заявленіе своего мнѣнія, опредѣлили характеръ болѣзни и заключили о необходимости операціи. Консультація происходила 3 іюля 1870 г., то-есть, всего за три дня до знаменитой декларацiи герцога Грамона, которая сдѣлала войну неизбѣжной. Каждый допуститъ, что если бы императоръ сознавалъ свое состояніе въ ту минуту, то былъ бы осмотрительнѣе и хорошенько размыслилъ бы, прежде чѣмъ довести дѣло до послѣдней крайности.

Но такова обыкновенная судьба деспотовъ: ограничивая все, они кончаютъ тѣмъ, что ограничиваютъ и самихъ себя. Наполеонъ III такъ и не узналъ о существованіи этого документа, который былъ конфискованъ на пол-пути. Этотъ документъ обнародовали лишь послѣ смерти Наполеона III, по случаю полемики, завязавшейся между лондонскими и парижскими докторами. Первые упрекнули послѣднихъ въ томъ, что они не разглядѣли во́-время болѣзни. Парижскіе врачи не захотѣли подвергаться подобнымъ упрекамъ и обнародовали свою консультацію, изъ которой вытекаетъ, что императоръ долженъ былъ подвергнуться операціи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и присовокупили, что если императору остался неизвѣстнымъ этотъ документъ, то лишь потому, что его спеціальный врачъ, докторъ Конно́, нашелъ нужнымъ скрыть его отъ императора. Но нельзя допустить, чтобы такое подчиненное лицо, какъ этотъ придворный медикъ, рѣшился взять на себя такую громадную отвѣтственность. Онъ долженъ былъ необходимо получить на то приказаніе, а единственная особа, которая могла дать ему такое приказаніе—это императрица. Но, спросите вы, зачѣмъ понадобилось императрицѣ помѣшать тому, чтобы надъ императоромъ произведена была операція въ іюлѣ 1870 г.? Я отвѣчу: потому именно, что она страстно желала войны, войны—безотлагательной и во что бы то ни стало. Устрашенная, не взи-

Digitized by Google

рая на благопріятный исходъ плебисцита, успѣхами внутренней оппозиціи, стремясь прежде всего обезпечить передачу короны своему сыну, убѣжденная, что для этого необходимъ великій воинскій тріумфъ, увѣренная, какъ и всѣ остальные, въ томъ, что Франція готова къ войнѣ,—императрица не захотѣла упустить удобнаго случая, даже рискуя подвергнуть опасности жизнь императора. Война, думалось ей, продлится не долго, и операцію всегда успѣютъ сдѣлать императору, а въ настоящую минуту всего важнѣе завладѣть рейнскими берегами. Вотъ почему императоръ выступилъ въ походъ, не подозрѣвая о своемъ состояніи. Какъ случилось, что операція была отсрочена на такое долгое время, послѣ заключенія мира,— этого я не могу объяснить, но фактъ конфискаціи документа, заключавшаго въ себѣ мнѣніе консультаціи, составленной и подписанной парижскими врачами, остается несомнѣннымъ. Ясно, что при всемъ своемъ самовластіи Наполеонъ III былъ, въ 1870 г., игрушкой въ чужихъ рукахъ. Онъ всегда отличался скорѣе упорствомъ въ отвлеченныхъ идеяхъ и даже въ химерахъ, чѣмъ энергіей сознательной воли, а въ послѣдніе годы его царствованія характеръ его значительно сталъ слабѣе. Онъ окончательно подпалъ пагубному вліянію императрицы Евгеніи. Между тѣмъ необходимость войны съ Пруссіей стала для нея просто *idée fixe,* и она-то главнымъ образомъ увлекла императора. „Эта война—моя война", говаривала она въ припадкахъ высокомѣрнаго тщеславія. Она должна была горько раскаяться съ тѣхъ поръ, но говорятъ, что въ Чизльгёрстѣ отношенія между двумя супругами были весьма нѣжны.

Бонапартистскія газеты заявляли о своемъ траурѣ и совершали тризну по императору съ свойственнымъ этой партіи шумнымъ и непристойнымъ шарлатанствомъ, которое возмущаетъ порядочныхъ людей, но имѣетъ то преимущество, что дѣйствуетъ на толпу. Наша либеральная пресса пыталась отнестись безпристрастно къ памяти Наполеона III. Не легко было безпристрастно судить о государѣ, царствованіе котораго было такъ пагубно; однако многія газеты старались различить поступки отъ намѣреній. Наполеонъ III, говорили, не былъ злой человѣкъ, у него было доброе сердце и щедрая, черезъ-чуръ даже щедрая рука, относительно всѣхъ, кто только хотѣлъ изъ нея черпать. Хвалили его вѣжливость, привѣтливость и въ особенности его неизмѣнную ласковость со всѣми своими подчиненными. Онъ, конечно, самъ никогда не дѣлалъ зла ради зла, но онъ допускалъ творить много зла, по небрежности и вялости; впрочемъ, когда дѣло идетъ о монархѣ, то въ такомъ случаѣ исторія права́, выражаясь, что онъ дѣлалъ зло. Наполеонъ III, въ сущности, не отличалъ добра отъ зла, то-есть, другими словами, былъ вполнѣ безнравственнымъ

Digitized by Google

человѣкомъ, и вѣрилъ только въ свою звѣзду. Онъ бывалъ во всѣ времена окруженъ очень дурными людьми, которые его эксплуатировали, и не вѣрилъ въ добродѣтель людскую. Когда его предупреждали о мошенничествахъ, совершавшихся вокругъ него, онъ отвѣчалъ: «я это знаю, но это неизбѣжно». Если онъ сталкивался съ человѣкомъ, который его не обкрадывалъ, то онъ удивлялся и былъ даже какъ будто недоволенъ: онъ подозрѣвалъ, что такое лице не можетъ быть ему преданно.

Какъ государственный человѣкъ, и даже въ эпоху своей высшей славы, онъ всегда казался мнѣ ниже своей репутаціи. Если перебрать поочереди всѣ его предпріятія по части иностранной политики,—я говорю про такія, которыя на видъ какъ будто увѣнчались успѣхомъ, оставляя въ сторонѣ мексиканскую экспедицію или войну съ Германіей, которыя ниже всякой критики—то придешь къ заключенію, что онѣ отнюдь не безукоризненны ни по тому способу, какимъ были ведены, ни по своимъ результатамъ.

Я полагаю, что могу высказать, не рискуя оскорбить вашей національной гордости, что крымской кампаніи слѣдовало или совсѣмъ не предпринимать, или уже вести ее упорнѣе, чтобы добиться прочныхъ результатовъ. Но императоръ мало заботился о результатахъ; онъ желалъ главнымъ образомъ пустить пыль въ глаза, потому что наполеоновская династія не можетъ обойтись безъ шарлатанства. Онъ находилъ особенно ловкимъ и блестящимъ для себя заигрывать съ Россіей тотчасъ послѣ того, какъ воевалъ съ ней. Впослѣдствіи онъ снова обратился противъ нея, въ эпоху польскаго возстанія и долженъ былъ, за-одно съ Англіей, вынести достопамятный дипломатическій щелчокъ 1863 г., который уже предвѣщалъ пересмотръ трактатовъ 1856 г. Онъ пытался замаскировать этотъ щелчокъ химерическимъ предложеніемъ европейскаго конгресса, на которое Европа отвѣтила только пожатіемъ плечъ. Его итальянская политика, ознаменованная побѣдами, болѣе блестящими, чѣмъ заслуженными, представляетъ много слабыхъ сторонъ, во-первыхъ, благодаря противорѣчивому стремленію создать единую Италію и вмѣстѣ съ тѣмъ удержать свѣтскую власть папы; во-вторыхъ, по своему результату, который проявился тѣмъ, что у Германіи явилась новая союзница. Что касается нѣмецкихъ дѣлъ, то Наполеонъ III не имѣлъ въ нихъ удачи во все продолженіе своего царствованія: ни въ вопросѣ о герцогствахъ, ни тогда, когда онъ наивно признавалъ, какъ въ 1866 г., за Пруссіей право округлять свои владѣнія, разумѣется, съ задней мыслью самому воспользоваться при этомъ удобномъ случаѣ; ни позднѣе, наконецъ, въ Люксембургскомъ вопросѣ. Мнѣ кажется, что всѣ эти эпизоды, вмѣстѣ взятые, не доказываютъ при-

Digitized by Google

сутствія въ немъ высокаго политическаго генія. Въ итогѣ, Наполеонъ III предпринималъ многое, но мало что довелъ до успѣшнаго конца, и если, несмотря на это, долгое время тяготѣлъ надъ Европою, то потому только, что въ сущности не трудно фигурировать съ честью, когда располагаешь, въ качествѣ безусловнаго властелина, такой страной, какъ Франція. Молчаливость его придавала ему видъ глубокомыслія. Его нельзя оправдать по обвиненію въ лукавствѣ; но лукавство не считаютъ преступленіемъ: въ политикѣ оно и не было бы поставлено ему въ вину, если бы чаще всего онъ самъ не запутывался въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ.

Точно также я снисходительнѣе отнесся бы къ государственному перевороту 2-го декабря,—хотя его и нельзя оправдывать съ нравственной точки зрѣнія, какъ клятвопреступленіе,—еслибы этотъ переворотъ въ концѣ концовъ послужилъ бы на благо Франціи. Но государь, который захватываетъ абсолютную власть затѣмъ, чтобы окончить Седаномъ, не можетъ быть оправданъ ни съ какой точки зрѣнія. Если можно похвалить за что-нибудь императора, такъ это за его торговую политику, которую онъ, конечно, не изобрѣлъ, но которую онъ съумѣлъ водворить и провести съ стойкостью и успѣхомъ, и которая чрезвычайно какъ обогатила страну, обогатила настолько, что уплата пяти милліардовъ контрибуціи оказалась для нея легче, чѣмъ можно было воображать.

Но таковъ, какимъ мы его знали, таковъ, какимъ онъ былъ въ изгнаніи, и безъ всякаго, повидимому, наружнаго обаянія, императоръ, повторяю, игралъ важную роль во французской политикѣ, и его смерть произвела сильную перемѣну. Идея наполеоновская или, вѣрнѣе, идея цезаризма, конечно, переживетъ его, и намъ придется еще не разъ съ ней посчитаться. Но непосредственные шансы бонапартистской партіи рушились. Императорскій принцъ слишкомъ молодъ; его мать и ближайшій родственникъ, принцъ Наполеонъ Жеромъ, оба непопулярны и къ тому же неспособны составить между собой союзъ. Принцъ Наполеонъ особенно непопуляренъ. Онъ пытается въ настоящую минуту надѣлать шуму, потому что правительство не захотѣло разрѣшить ему пребываніе во Франціи. Дѣйствительно, эта мѣра беззаконна, потому что никакой законъ не воспрещаетъ Бонапартамъ доступъ во французскую республику, но здравый смыслъ говоритъ, что ихъ нельзя допустить свободно въ ней проживать, какъ всякимъ другимъ гражданамъ. Къ тому же личность принца Наполеона такъ мало интересна, что его жалобы, отвергаемыя французскими трибуналами, никого не интересуютъ. Протестъ, представленный имъ національному собранію, быть можетъ, имѣлъ бы нѣкоторый успѣхъ, еслибы большинство оставалось враждебно

Digitized by Google

Тьеру; но значительная часть правой только что примирилась съ этимъ послѣднимъ, о чемъ я буду говорить дальше. Ужъ разумѣется война не возобновится ради того, чтобы доставить удовольствіе принцу Наполеону.

По смерти императора пресловутое и невозможное сліяніе между графомъ Шамборомъ и принцами орлеанскими немедленно выступило на первый планъ, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла.

Можно подумать, что фузіонисты дожидались, чтобы монархическая арена опустѣла, чтобы занять ее въ свою очередь. Я никогда не кончилъ бы, еслибы вздумалъ въ подробности излагать всѣ фазисы этого вопроса, всѣ переговоры и толки, которые онъ вызвалъ въ послѣдніе два мѣсяца. Неоднократно хитрецы правой воображали, что успѣхъ близокъ, въ особенности послѣ того, какъ орлеанскіе принцы публично присутствовали на покаянной обѣднѣ 21 января, въ день смерти Людовика XVI. Эти принцы готовы были бы на примиреніе, но воспоминаніе объ отцѣ и прирожденный либерализмъ, котораго нельзя въ нихъ отрицать, не дозволятъ имъ преклониться передъ божественнымъ правомъ и заявить о безусловномъ подчиненіи, котораго отъ нихъ требуютъ. Графъ Шамборъ сдѣлалъ невозможнымъ всякое сліяніе безумнымъ провозглашеніемъ бѣлаго знамени, настолько торжественнымъ, что ему отнынѣ нельзя будетъ отъ него отказаться.

Въ настоящую минуту у меня передъ глазами одна переписка, касающаяся старинныхъ попытокъ къ сліянію. Эта переписка имѣла мѣсто въ началѣ 1857 г. Въ эту эпоху герцогъ Немурскій, который тогда, какъ и теперь, всѣхъ болѣе былъ расположенъ къ сближенію, говорилъ слѣдующее въ письмѣ къ одному другу, которое было обнародовано: „Кларемонъ, 25 января, 1857 г.: Когда, въ видахъ соглашенія, я посѣтилъ графа Шамбора, то сдѣлалъ это единственно лишь на основаніи торжественнаго заявленія, что это попытка не повлечетъ за собой никакого обязательства. Далѣе, выражая ему искреннее желаніе, чтобы Франція призвала его современемъ на престолъ и нашу готовность посвятить, въ случаѣ надобности, всѣ наши силы на достиженіе этого результата, я отнюдь не предлагалъ ему слѣпого и неопредѣленнаго содѣйствія. Предварительное соглашеніе необходимо должно было опредѣлить его условія. Эти условія съ нашей стороны резюмировались бы тремя главными пунктами, отказаться отъ которыхъ не дозволяютъ намъ наши убѣжденія, равно какъ и уваженіе къ прошлому нашей фамиліи.

„Первое. Удержаніе трехцвѣтнаго знамени, которое въ настоящее время, въ глазахъ Франціи, является символомъ новаго положенія

Digitized by Google

дѣлъ въ обществѣ и результатомъ принциповъ, освященныхъ съ 1789 года.

„Второе. Возстановленіе конституціоннаго правленія.

„Третье. Участіе народной воли въ этомъ возстановленіи, равно какъ и въ призваніи династіи.

„Изъ этихъ трехъ пунктовъ только о первомъ было говорено съ графомъ Шамборомъ, и результатъ этой бесѣды былъ таковъ, что мы сочли себя обязанными увѣдомить его, что пока этотъ пунктъ останется нерѣшеннымъ, всякое соглашеніе между нимъ и нами невозможно. Съ тѣхъ поръ, къ нашему великому сожалѣнію, это положеніе дѣлъ не измѣнилось, и такъ какъ всякая мысль о предварительномъ соглашеніи отвергается графомъ Шамборомъ, то для насъ обязательно положить конецъ всякимъ попыткамъ къ соглашенію, отнынѣ безполезнымъ".

Вотъ въ какомъ положеніи стояли орлеанскіе принцы въ 1857 г.; они предлагаютъ свое содѣйствіе графу Шамбору, но съ извѣстными условіями, изъ которыхъ первымъ является удержаніе трехцвѣтнаго знамени.

Графъ Шамборъ, съ своей стороны, не желалъ въ 1857 г. заставить думать Францію, что онъ окончательно отвергаетъ трехцвѣтное знамя. Онъ отвѣчалъ поэтому герцогу Немурскому письмомъ, которое было также обнародовано („Times", отъ 25 марта 1857 г.) и изъ котораго я извлекаю слѣдующее:

„Никто не можетъ сомнѣваться въ моей привязанности къ Франціи, въ моемъ почтеніи къ ея славѣ, въ моемъ желаніи ей славы и свободы. Моя симпатія и моя благодарность принадлежатъ тѣмъ, которые во всѣ времена совершали что-либо для нея доброе, полезное, великое. Я никогда не переставалъ думать, я всегда говорилъ, я всегда считалъ и до сихъ поръ считаю, что необходимо регулировать, раньше того момента, когда Провидѣнію угодно будетъ возложить на насъ эту обязанность, тѣ вопросы, которые будутъ рѣшены желаніями и интересами нашей страны. Не тогда, когда мы находимся вдали отъ Франціи и не безъ участія самой Франціи можемъ мы ею располагать".

Вы видите, что въ 1857 г. графъ Шамборъ далекъ отъ того, чтобы отожествлять себя съ бѣлымъ знаменемъ. Посмотримъ же, насколько измѣнилось положеніе дѣлъ въ настоящую минуту. Принцы орлеанскіе отказались отъ мысли ставить какія бы то ни было условія. Они не дѣлаютъ больше изъ вопроса о трехцвѣтномъ знамени министерскаго вопроса. Они разсуждаютъ въ 1873 г. такъ, какъ графъ Шамборъ разсуждалъ въ 1857 г., и еслибы этотъ послѣдній не измѣнилъ своихъ мнѣній, то сближеніе между ними ока-

Digitized by Google

залось бы возможнымъ. Но въ томъ-то и дѣло, что графъ Шамборъ оказывается въ настоящее время болѣе ярымъ и болѣе абсолютнымъ легитимистомъ, чѣмъ онъ былъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, хотя нельзя открыть никакой внѣшней причины, которая обусловила бы такую перемѣну, и хотя благоразуміе, напротивъ того, должно было бы внушить ему мысль объ уступкахъ, которыя сдѣлали бы его возможнымъ. Дѣло въ томъ, что идея легитимности все сильнѣе и сильнѣе завладѣвала его умомъ и превратила его въ настоящаго монмана.

Новая и окончательная неудача попытокъ къ сліянію, быть можетъ, окажетъ довольно важное вліяніе на нашу внутреннюю политику, подобно тому какъ различные фазисы этихъ попытокъ уже сильно вліяли на коммиссію тридцати. Что это за коммиссія? Мнѣ кажется, что я уже говорилъ вамъ о ней въ моемъ послѣднемъ письмѣ, но на тотъ случай, еслибы я упустилъ это, изложу факты въ двухъ словахъ. Тьеръ, въ своемъ послѣднемъ посланіи, заявилъ о необходимости, не то чтобы провозглашать республику—это представляется ему совершенно лишнимъ, но организовать ее. Вслѣдствіе этого правая вознегодовала и добилась назначенія коммиссіи, которая бы изыскала средство отвѣчать на посланіе Тьера, показавшееся ей нарушеніемъ бордоскаго договора. Эта первая коммиссія изобличала Тьера въ союзѣ съ лѣвой и предлагала организовать вопросъ объ отвѣтственности министровъ, какъ единственное средство обуздать узурпаціи президента республики. Итакъ, правительство очутилось, благодаря посланію, въ открытой враждѣ съ правой и правымъ центромъ. Совсѣмъ тѣмъ оно одержало побѣду въ преніяхъ, возбудившихся на счетъ выводовъ коммиссіи, благодаря поддержкѣ радикаловъ и вынудило собраніе опредѣлить, что вопросъ не въ одной только отвѣтственности министровъ, какъ того желала бы правая, но и въ организаціи правительства вообще, какъ на то указывало посланіе.

Новая коммиссія, составленная изъ тридцати членовъ, должна была выработать предложенія, которыя необходимо было представить собранію съ этою цѣлью. Къ несчастію, большинство, обезпечившее побѣду за Тьеромъ, было численно слабо и состояло изъ сомнительныхъ элементовъ, такъ что правая, болѣе сплоченная, вернула всѣ свои преимущества, когда дѣло зашло о томъ, чтобы назначить членовъ коммиссіи и такимъ образомъ противники правительства оказались въ значительномъ большинствѣ въ этой новой коммиссіи, учрежденной по предложенію правительства. Вотъ та знаменитая коммиссія тридцати, которая заставила такъ много говорить о себѣ и которая такъ раздражала и волновала общественное мнѣніе въ послѣд-

Digitized by Google

ніе два мѣсяца. Но понять ея поведеніе можетъ только тотъ, кто знаетъ, что она преслѣдовала явную цѣль въ то самое время, какъ лелѣяла тайную мечту. Явная цѣль заключалась въ томъ, чтобы ограничить, насколько возможно, полномочія и власть Тьера и обезпечить за правой управленіе будущими всеобщими выборами, посредствомъ энергическаго министерства, набраннаго изъ членовъ правой. Тайной же мечтой было покончить немедленно и окончательно съ президентомъ и республикой и провозгласить монархію, не взирая ни на какія послѣдствія. Въ этой интригѣ участвовали епископъ орлеанскій, самъ папа и даже представитель одной изъ великихъ иностранныхъ державъ, которая, однако, и не Россія, не Германія, и не Англія. Когда, пуская въ ходъ всѣ эти пружины, они считали себя близкими къ цѣли,—тогда они заявляли совсѣмъ невозможныя претензіи въ коммиссіи, для того, чтобы раздражить Тьера и вынудить его опять заговорить о своей отставкѣ, которая на этотъ разъ была бы принята ими. Напротивъ того, они замѣтно смягчались и выказывали нѣкоторое стремленіе къ соглашенію, когда дѣла сліянія шли не такъ хорошо. Отсюда въ публикѣ всякаго рода волненія, тревоги, переходы отъ опасенія, къ надеждѣ, которые, наконецъ, совсѣмъ возстановили общественное мнѣніе противъ коммиссіи тридцати и противъ правой вообще. Но когда сліяніе оказалось рѣшительно невозможнымъ, тогда внезапно порвалась связь между легитимистами и орлеанистами, и роялистское большинство коммиссіи распалось.

Вотъ великое событіе послѣднихъ дней. Легитимисты, въ силу категорическихъ приказаній графа Шамбора, не могли выказать уступчивости по отношенію къ правительству; но орлеанисты, болѣе свободные въ своихъ дѣйствіяхъ, раздраженные противъ своихъ вчерашнихъ союзниковъ, платившихъ имъ тѣмъ же самымъ, сознавая непопулярность навлеченную ими на себя, и желая, насколько возможно, загладить ее, чтобы обезпечить свое вторичное избраніе, рѣзко повернули на сторону Тьера и очутились внезапно союзниками лѣвой и лѣваго центра въ коммиссіи. Изъ этого *coup de théâtre* произошелъ компромиссъ, который въ сущности очень выгоденъ для Тьера и для республики. Вѣроятно, этотъ компромиссъ будетъ ратификованъ собраніемъ, за исключеніемъ легитимистовъ и нѣсколькихъ радикаловъ, и обезпечитъ, быть можетъ, намъ нѣсколько мѣсяцевъ спокойствія. А это много при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся.

Тьеръ выказалъ, въ продолженіе всего этого кризиса, терпѣніе и ловкость, которыми нельзя не восхищаться. Онъ удивительно маневрировалъ, поддерживая довѣріе лѣвой, безъ которой не могъ обой-

Digitized by Google

тись, и между тѣмъ относясь къ правой настолько уступчиво, чтобы оставить за собою всю заслугу умѣренности и миролюбія, а главное, предоставляя своимъ противникамъ истощать свои силы въ ожесточенной борьбѣ. Я продолжаю думать, что онъ могъ бы достичь своихъ цѣлей быстрѣе и проще, предъявивъ собранію законопроекты, которые считаетъ необходимыми для организаціи республики, остерегаясь, однако, включить въ число этихъ проектовъ избирательную реформу, ограничивающую всеобщую подачу голосовъ, которая, къ несчастію, принадлежитъ къ числу его *idées fixes*. Но необходимо принимать людей такими, каковы они есть. Тьеръ не любитъ открытой борьбы; онъ любитъ хитрить и мудрить, и я долженъ сознаться, что успѣхъ оправдалъ его, въ особенности если онъ имѣлъ въ виду—въ чемъ я не сомнѣваюсь—что монархисты окончательно дискредитируютъ себя въ этомъ *imbroglio*. Компромиссъ, посредствомъ котораго ему удалось примириться съ правымъ центромъ, не поссорясь съ лѣвой, нѣсколько ограничиваетъ его личныя дѣйствія, но болѣе по формѣ. Онъ долженъ будетъ, когда пожелаетъ принять участіе въ парламентскихъ преніяхъ, предупредить объ этомъ собраніе особымъ посланіемъ. Это сдѣлаетъ его вмѣшательство болѣе рѣдкимъ и торжественнымъ, но никакой регламентъ не можетъ помѣшать ему пригрозить своей отставкой,—что́ было до сихъ поръ его крайнимъ средствомъ и останется до тѣхъ поръ, пока собранію некѣмъ будетъ его замѣнить. Кромѣ того, онъ выгадываетъ право запретительнаго *veto*, правда весьма ограниченнаго, но которое тѣмъ не менѣе усилитъ его вліяніе. Наконецъ, онъ категорически приглашенъ представить законы, признанные необходимыми для организаціи, хотя бы предварительной, нашихъ политическихъ учрежденій, то-есть, законъ, регулирующій передачу законодательной и исполнительной власти, законъ, учреждающій вторую палату и избирательный законъ. Президентъ, слѣдовательно, вышелъ побѣдителемъ изъ столкновенія, при которомъ правая поставила-было себѣ задачей или низвергнуть его или совсѣмъ обезличить. Быть можетъ даже онъ находитъ свою побѣду слишкомъ полною. Я полагаю въ самомъ дѣлѣ, что онъ охотно обошелся бы безъ прерогативы лично представить законопроекты, о которыхъ идетъ рѣчь, и ему пріятнѣе было бы, еслибы ихъ предложила та или другая парламентская партія. Въ самомъ дѣлѣ, ему трудно будетъ выступить на почвѣ конституціоннаго законодательства, не поссорившись съ той или другой партіей и въ особенности не рискуя скомпрометтировать свой союзъ съ лѣвой. Вотъ почему я сказалъ выше, что настоящій компромиссъ обезпечиваетъ намъ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ спокойствія. Кризисъ возобновится, и съ новой силой, когда законопроекты будутъ представлены. Первый,

Digitized by Google

касающійся передачи общественной власти послѣ распущенія собранія, и согласно всеобщему мнѣнію, предполагаетъ продленіе полномочія президента, врядъ ли возбудитъ какія-либо затрудненія. Легитимисты, конечно, будутъ противъ, но всѣ остальные члены собранія окажутся за него. Самые ярые радикалы окажутъ эту любезность Тьеру, подразумѣвая конечно при этомъ, что они будутъ распоряжаться по-своему въ будущемъ собраніи, гдѣ они мечтаютъ имѣть большинство на своей сторонѣ. Но система второй палаты, которую президентъ считаетъ необходимой, съ трудомъ будетъ допущена лѣвой. Что же касается избирательной реформы, въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ Тьеръ, то ни лѣвая, ни лѣвый центръ не захотятъ и слышать о ней. И нельзя сказать, чтобы они были неправы. Наша система всеобщей подачи голосовъ, конечно, имѣетъ свои худыя и даже опасныя стороны, но какъ бы ни была желательна ея реформа, все же неудобство и опасности, связанныя съ ней, превышаютъ ея выгоды. Сама правая, которая на этомъ пунктѣ раздѣляетъ мнѣнія Тьера, понимаетъ, что подобное предпріятіе весьма рискованно, и конечно рада предоставить президенту республики иниціативу въ такомъ непопулярномъ дѣлѣ. Слѣдовательно, насъ ждутъ еще жаркіе дни, когда приступятъ къ обсужденію этихъ болѣе или менѣе конституціонныхъ законовъ. Тьеру придется опираться попеременно то на ту, то на другую сторону, и весьма возможно, что при окончаніи борьбы онъ предстанетъ совсѣмъ одинокимъ. Правда и то, что въ этотъ моментъ собраніе будетъ наканунѣ своего распущенія и не особенно вліятельно.

Никто, дѣйствительно, не допускаетъ, чтобы оно могло пережить освобожденіе территоріи, и самъ президентъ поспѣшитъ вызвать распущеніе немедленно по уходѣ нѣмцевъ, дабы имѣть возможность произвести выборы подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ этого великаго и счастливаго событія. Между тѣмъ, минута освобожденія близка, и тѣмъ желательнѣе правительству скорѣе выработать законы, которые оно должно внести въ собраніе. Взносы по трехмильярдному займу дѣлаются все съ той же удивительной точностью и готовностью. Нѣмцы начинаютъ готовиться къ выступленію, и повидимому расположены дать всевозможныя льготы для послѣднихъ уплатъ, при томъ условіи, конечно, чтобы не рискнуть ни одной изъ своихъ гарантій. Въ настоящее время надѣются, что не позже будущей осени наступитъ конецъ оккупаціи; нѣкоторые указываютъ уже на болѣе близкій срокъ, но я полагаю, что они ошибаются.

Я всегда говорилъ вамъ, что Бисмаркъ и самъ императоръ Вильгельмъ чувствуютъ маленькую слабость къ Тьеру, и даже быть мо-

Digitized by Google

жетъ въ самой французской республикѣ. Угадать причину этой слабости, какъ мнѣ кажется, вовсе нетрудно, даже независимо отъ той личной симпатіи, которая внушается въ Пруссіи нашимъ президентомъ. Съ одной стороны, нѣмецкое правительство, хотя ему и приходится считаться съ революціонными элементами, полагаетъ, что ему нѣчего опасаться заразы республиканскихъ идей. Съ другой стороны, оно убѣждено, и не безъ основанія, что республикѣ долго еще придется улаживать свои внутреннія дѣла, и что, поэтому, она не станетъ затѣвать внѣшней войны. Люди отсталые, пропитанные воспоминаніями о священномъ союзѣ, выражали опасеніе, какъ-бы провозглашеніе республики въ Испаніи не отразилось неблагопріятно на нашихъ дѣлахъ вслѣдствіе того, что въ Европѣ, а главное въ Германіи пожалуй проснутся монархическія опасенія. Говорятъ даже, будто самъ Тьеръ ощутилъ нѣкоторую тревогу на счетъ нашихъ отношеній съ Берлиномъ, когда пришло первое извѣстіе о провозглашеніи республики въ Испаніи. Но говорятъ также, что въ настоящую минуту онъ вполнѣ успокоился на этотъ счетъ. Въ настоящее время Европа, какъ мнѣ кажется, отнюдь не расположена пугаться республики, какъ какого-нибудь зловѣщаго призрака, тѣмъ болѣе, что никто почти не вѣритъ въ прочность республиканскаго порядка даже во Франціи, не говоря уже объ Испаніи. Итакъ, мы можемъ успокоиться. Нашему внутреннему переустройству не помѣшаетъ никакое чужеземное вмѣшательство. Но когда я подумаю, какъ мало сдѣлано въ послѣдніе два года, когда я погляжу, какъ упорно соритъ рутина, и какой вялостью, какимъ отсутствіемъ энергіи страдаютъ наши реформы, то невольно прихожу въ отчаяніе. Въ дѣлѣ реформъ національное собраніе, то собраніе, конецъ котораго приближается, почти ничего не съумѣло сдѣлать. Оно потратило бо́льшую часть своего времени на безплодныя пререканія. Ничего нельзя представить себѣ плачевнѣе этихъ продолжительныхъ слѣдствій и яростныхъ дебатовъ о революціи 4-го сентября и о томъ, какъ Гамбетта съ друзьями велъ войну противъ нѣмцевъ. Все это, чему мы имѣли недавно печальный образчикъ въ слѣдствіи, произведенномъ надъ ліонской администраціей, ни къ чему ровно не ведетъ и только сильнѣе возстановляетъ одну партію противъ другой. Во время бурныхъ преній по поводу администраціи Шаллемель-Лакура въ Ліонѣ, дѣло доходило чуть не до драки. По поводу этихъ несчастныхъ сценъ замѣчается одно любопытное явленіе. Публика оплакиваетъ ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ищетъ ихъ. Всѣ признаютъ, что собраніе дискредитируетъ себя этими рѣзкостями, порицаютъ его за то, что оно такъ часто увлекается ими, но въ то же самое время и интересуются этого рода преніями, какъ какимъ-нибудь любопытнымъ зрѣлищемъ, я чуть-

Digitized by Google

было не сказалъ, боемъ быковъ. Когда предвидится какое-нибудь особенно бурное, особенно скандалёзное засѣданіе, тогда-то именно публика и ломится въ двери и зачастую словами и жестами участвуетъ въ расходившейся бурѣ. Когда же дѣло коснется какихъ-нибудь даже интересныхъ преній, но такихъ, гдѣ нельзя ожидать, чтобы правая сцѣпилась съ лѣвой, тогда трибуны на-половину пусты, и публика вялая и сонная. Даже самыя разумныя газеты зачастую констатируютъ въ подобныхъ случаяхъ, какъ-бы съ сожалѣніемъ, что „засѣданіе національнаго собранія не представляло ничего особеннаго".

Собраніе въ началѣ выказывало благія и обширныя реформаторскія стремленія. Всѣ приводили примѣръ Пруссіи послѣ Іены. Всѣ обѣщались поступить точно также, и имена знаменитыхъ прусскихъ реформаторовъ, какъ Штейнъ, Гумбольдтъ, Шарнгорстъ произносились съ почтеніемъ, не взирая на національную вражду къ пруссакамъ. Но словно злой геній какой-то разрушилъ всѣ эти прекрасныя стремленія. Законъ объ обязательномъ обученіи будетъ вѣроятно скороненъ до будущаго собранія. Принципъ всеобщей обязательной воинской повинности, уже въ значительной степени ослабленный собраніемъ, рискуетъ стать совсѣмъ посмѣшищемъ, благодаря тому, какъ Тьеръ его примѣняетъ. Этого впрочемъ и слѣдовало ожидать, потому что онъ никогда не скрывалъ, что принимая принципъ всеобщей обязательной воинской повинности уступаетъ несчастному предразсудку. Для него французская армія, въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала при Луи-Филиппѣ, все еще является „первой арміей въ мірѣ", равно какъ экономическіе и торговые порядки, существовавшіе во время іюльской монархіи, представляются верхомъ совершенства. Однако на этомъ послѣднемъ пунктѣ онъ вынесъ довольно жестокій урокъ, такъ какъ финансовая система, навязанная имъ собранію, обманула его во многихъ отношеніяхъ.

Въ военномъ вопросѣ главная отвѣтственность падаетъ на правительство, потому что собраніе было хорошо настроено. Но по другимъ вопросамъ само собраніе страдаетъ какимъ-то хроническимъ безплодіемъ и пагубной небрежностью. Такъ, напримѣръ, оно поставило принципомъ, что необходимо произвести существенныя реформы въ административномъ порядкѣ, дать больше простора частной иниціативѣ, сократить число чиновниковъ, назначить имъ болѣе крупное содержаніе и требовать отъ нихъ болѣе упорнаго труда. Съ этой цѣлью назначена была особая коммиссія, но до сихъ поръ результаты, къ которымъ она пришла, совсѣмъ ничтожны.

Но если политическое состояніе во Франціи далеко неудовлетворительно, то состояніе литературы еще неудовлетворительнѣе, и

Digitized by Google

послѣдняя ничего не дала замѣчательнаго за послѣднее время. А если мы обратимся къ театру, то очутимся лицомъ къ лицу съ чудовищнымъ, во всѣхъ отношеніяхъ, произведеніемъ Александра Дюма-сына: „*La femme de Claude*". Послѣднія произведенія этого писателя уже показывали, что онъ выступилъ на весьма скользскую дорогу. Въ настоящую минуту онъ совсѣмъ упалъ и врядъ-ли когда возстанетъ, потому что въ немъ нѣтъ никакихъ элементовъ для обновленія. У него можно похвалить только одни намѣренія, которыя превосходны. Дюма-сынъ забралъ себѣ въ голову обновить, путемъ сцены, семейство и общество, пріободрить и закалить отечество. Онъ желаетъ сдѣлать изъ театра трибуну нравственности и патріотизма. Это намѣреніе, въ томъ видѣ какъ онъ его понимаетъ, уже само по себѣ является заблужденіемъ, потому что общественное вліяніе театра зависитъ не отъ сюжетовъ, которые для него избираются, не отъ нравственныхъ правилъ, которыя на немъ проповѣдуются; это вліяніе обусловливается ощущеніями болѣе или менѣе здоровыми, которыя онъ вызываетъ. Одинъ и тотъ же сюжетъ можетъ возвысить или унизить душу, подкрѣпить или ослабить ее, смотря по тому, какъ онъ трактуется и, главное, смотря по тому духу, который вкладываетъ въ него писатель. Нѣтъ ничего возвышеннѣе и нравственнѣе греческаго театра, не взирая на всѣ ужасы, которые онъ изображаетъ. Но Дюма желаетъ привить нравственность публикѣ посредствомъ прямого поученія, а такъ какъ онъ самъ въ дѣлѣ нравственности знаетъ лишь то, чему научился въ полу-свѣтѣ, а затѣмъ въ средѣ спиритовъ-шарлатановъ, въ общество которыхъ онъ попалъ,—то понятно, что онъ приходитъ къ весьма дикимъ выводамъ. Въ то же самое время онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ умовъ, которыхъ слишкомъ много развелось теперь и которые совсѣмъ помутились отъ общественныхъ бѣдствій и ударясь въ вѣру въ чудесное, принялись мечтать о разныхъ чрезвычайныхъ открытіяхъ, которыя дадутъ Франціи возможность отмстить за себя безъ всякихъ усилій и безъ всякаго риску. Отсюда явилась мысль о необыкновенной и невозможной пушкѣ, которая должна сокрушать цѣлыя арміи, и которая, по правдѣ сказать, и является настоящимъ героемъ новой пьесы, вокругъ котораго вращаются всѣ остальныя дѣйствующія лица. Мнѣ кажется, что возмездіе, которое достигается путемъ такихъ волшебствъ, не требуетъ особенныхъ добродѣтелей и даже не принесетъ особой славы.

Какъ бы то ни было, а изобрѣтателемъ такой пушки является одинъ молодой инженеръ, мужъ потерянной, виновной, преступной во всѣхъ отношеніяхъ женщины, съ которой онъ давно бы разстался, еслибы отличался тѣмъ чувствомъ собственнаго достоинства,

Digitized by Google

которое обыкновенно характеризуетъ порядочныхъ людей. Но Клодъ не можетъ назваться порядочнымъ человѣкомъ въ обыкновенномъ смыслѣ, у него особый взглядъ на вещи; поэтому онъ не прогоняетъ своей жены и, замѣтьте, не въ силу христіанскаго милосердія, не въ надеждѣ, что она раскается и возродится; нѣтъ, онъ считаетъ ее неисправимой, но паритъ на такой высотѣ, носится въ такихъ возвышенныхъ сферахъ, что ненавистное сообщество жены сдѣлалось для него индифферентнымъ. Мало того; онъ не только не прогоняетъ своей жены, но допускаетъ, чтобы его ученикъ, котораго онъ нѣжно любитъ и который тоже изобрѣлъ какое-то чудесное ружье, подвергался обольщеніямъ этой Мессалины. Онъ воображаетъ, что достаточно оградилъ юношу, когда прочиталъ ему нѣсколько нотацій, пропитанныхъ трансцендентальной нравственностью. Вотъ какого невозможнаго и отвратительнаго господина предлагаетъ г. Дюма́ своимъ современникамъ за образецъ. Правда, еслибы Клодъ послѣдовалъ естественному и честному движенію и разстался съ своей женой, то пьесы бы не существовало, потому что именно жена Клода подвергаетъ опасности драгоцѣнную пушку. Вы понимаете, что изобрѣтеніе такого удивительнаго орудія не могло укрыться отъ пруссаковъ, которые спѣшатъ отрядить шпіона къ Клоду съ порученіемъ завладѣть его секретомъ во что бы то ни стало. Но театральная цензура потребовала, чтобы этотъ шпіонъ, національность котораго, впрочемъ, не обозначена, говорилъ съ провансальскимъ акцентомъ, дабы обойти всякіе намёки и не дать повода нѣмцамъ обидѣться. Итакъ, провансальскій нотаріусъ является сначала къ Клоду, и подъ видомъ патріотизма выказываетъ чрезвычайный интересъ къ его изобрѣтенію. Но Клодъ не желаетъ разставаться съ своимъ секретомъ, хотя уже сообщилъ его своему ученику, зная, что этому послѣднему разставляетъ сѣти его жена. Тогда нотаріусъ обращается къ женѣ, сосредоточиваетъ на ней всѣ ухищренія прусскаго шпіонства и пустивъ въ ходъ всевозможныя угрозы и обѣщанія, вырываетъ у нея согласіе предать тайну мужа. Но какъ достигнетъ она этого? Черезъ влюбленнаго ученика, котораго она очаровываетъ, сводитъ съ ума и у котораго частію обольщеніемъ, частію хитростью выманиваетъ бумаги, содержащія описаніе чудеснаго орудія. Но въ ту самую минуту, какъ она бросаетъ эти бумаги провансальскому нотаріусу, приходитъ мужъ, беретъ ружье, прицѣливается, убиваетъ ее и флегматически говоритъ своему ученику: „идемъ работать". На этомъ занавѣсъ опускается.

Я не говорилъ объ одной еврейской четѣ, братѣ и сестрѣ, которая проходитъ черезъ все дѣйствіе, не принимая въ немъ никакого участія и которая выставлена лишь затѣмъ, чтобы изобра-

Digitized by Google

жать собою элементъ нравственный, спиритуалистическій и ангельскій въ противоположность адской натурѣ жены Клода. Братъ задался идеей собрать гдѣ-нибудь въ пустынѣ двѣнадцать колѣнъ израильскихъ и возсóздать изъ нихъ націю. По всей вѣроятности, это нѣчто въ родѣ притчи, но чрезвычайно странной и изысканной, предназначенной для поученія Франціи, примѣръ національной живучести, которому слѣдуетъ подражать. Совсѣмъ тѣмъ, я говорю это лишь въ видѣ предположенія, публика вообще ничего въ ней не поняла. Сестра любитъ Клода и говоритъ ему объ этомъ, но она любитъ его метафизической и трансцендентальной любовью и обѣщаетъ принадлежать ему на томъ свѣтѣ, когда они будутъ въ раю, а м-мъ Клодъ въ аду.

Вотъ драматическая сказка, придуманная Дюмà для нашего назиданія и нашего обновленія. Она за-одно и вздорна и ничтожна, даже возмутительна, благодаря деталямъ, надъ которыми у меня нѣтъ ни времени, ни охоты останавливаться. Хотя главная и почти невозможная роль преступной жены была съиграна съ большимъ талантомъ и даже съ избыткомъ реализма m-lle Деклé, но пьеса не могла продержаться на афишѣ театра Gymnase. Она едва-едва выдержала какихъ-нибудь двадцать представленій, что совсѣмъ мало для Парижа, послѣ чего театру пришлось отъ нея отказаться. На этотъ разъ публика выказала здравый смыслъ и вкусъ. Она открыто свергла иго Дюмà, и это по всей вѣроятности не стоило ей особенныхъ усилій, потому что пьеса, которою ее угостили, по-истинѣ нестерпима. Съ самаго перваго представленія, и хотя на подобнаго рода торжествахъ друзья автора бываютъ сильны своей численностью, можно было видѣть, что на этотъ разъ дѣло Дюмà проиграно. Нѣсколько ультрапатріотическихъ тирадъ были покрыты рукоплесканіями, но онѣ не могли спасти цѣлаго, ни обезпечить дальнѣйшаго существованія пьесы.

Я отмѣчаю это паденіе, какъ счастливый симптомъ, но былъ бы гораздо довольнѣе, еслибы могъ упомянуть о какомъ-нибудь заслуженномъ успѣхѣ. Но ничего не усматриваю на горизонтѣ. Наша цензура, вѣжливая относительно всѣхъ иностранныхъ державъ, задерживаетъ комедію Сарду, которая должна представлять сатиру на американскіе нравы. Но вообще театры продолжаютъ пробавляться различными пошлостями и старыми вещами, которыя возобновляются время отъ времени. Французскій театръ возобновилъ одну ихъ первыхъ драмъ Виктора Гюгó, *Marion Delorme*, которая поставлена очень тщательно и великолѣпно. По литературнымъ достоинствамъ, эта пьеса выше всего, что пишется въ настоящее время. Но публика, отдавая полную справедливость великимъ поэтическимъ красотамъ этого произведенія, не выказала особеннаго восторга. Драматическое

Digitized by Google

дѣйствіе показалось слишкомъ слабымъ, а историческія нелѣпости слишкомъ очевидными. Труппа французскаго театра, превосходная, не выказывала ни малѣйшаго энтузіазма.

Н.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА

Пьеръ-Жозефъ Прудонъ, по его письмамъ.

P. J. Proudhon—Sa vie et sa correspondance 1838—1848. Par C. A. *Sainte-Beuve*, de l'Académie française. Paris, Michel Lévy frère, 1872. (Прудонъ, его жизнь и переписка въ 1838—1848. Соч. *Сентъ-Бёва*, члена французской Академіи).

Книга Сентъ-Бёва — сочиненіе неоконченное, но это нисколько не мѣшаетъ ей дать читателю весьма полное понятіе о Прудонѣ, какъ о человѣкѣ, писателѣ и политическомъ дѣятелѣ своего времени. Она изобилуетъ самыми интимными и крайне интересными фактами изъ разныхъ періодовъ жизни этого человѣка, замѣчательнаго своимъ умомъ и талантами, имя котораго было одно время пугаломъ для всѣхъ партій во Франціи и продолжаетъ еще пугать наивныхъ публицистовъ въ другихъ странахъ. И нельзя не согласиться какъ съ этими трусливыми публицистами, такъ и съ эгоистическими опасеніями всѣхъ тогдашнихъ партій во Франціи. Прудонъ былъ очень страшный человѣкъ... своею откровенною и энергическою фразою, но никакъ не сущностью своихъ политическихъ стремленій и требованій.

Въ сочиненіи Сентъ-Бёва Прудонъ является передъ нами лишь въ своей перепискѣ съ равными людьми, съ которыми онъ находился въ дружбѣ или какихъ-нибудь иныхъ сношеніяхъ. Тѣ же идеи и проекты, о которыхъ онъ бесѣдовалъ съ публикою въ своихъ многочисленныхъ брошюрахъ, разбираются и излагаются и здѣсь, въ его перепискѣ, но такъ какъ въ частной перепискѣ Прудонъ былъ занятъ главнымъ образомъ изложеніемъ и разъясненіемъ своего предмета лицамъ, ему сочувствующимъ, то тонъ изложенія въ нихъ совсѣмъ не тотъ, который преобладаетъ въ его печатныхъ сочиненіяхъ: въ его письмахъ нѣтъ ни желчи, ни личнаго раздраженія противъ той или другой партіи, нѣтъ нападенія на личности, нѣтъ стремленія бросить въ публику какую-нибудь рѣзкую фразу, какое-нибудь „красное словцо“, которое отдѣльно отъ остального текста можетъ быть истолковано на разные лады. Здѣсь, въ письмахъ, вы имѣете передъ

Digitized by Google

собою настоящаго Прудона — такого, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ,—передъ вами человѣкъ, который самъ увѣренъ, что въ немъ живетъ и развивается идея, долженствующая рѣшить навсегда всѣ затрудненія нынѣшнихъ общественныхъ отношеній между бѣдными и богатыми классами, и который старается объяснить вамъ эту идею, имъ самимъ недоговоренную или недостаточно ясно изложенную въ его сочиненіяхъ; въ этихъ письмахъ, наконецъ, онъ откровенно сознаетъ недоконченность своего идеала, недостатки своей полемики, несовершенство своихъ знаній и свѣдѣній о разныхъ предметахъ,—однимъ словомъ, Прудонъ весь передъ вами, со всѣми его погрѣшностями и слабостями. Его печатныя сочиненія недостаточно характеризуютъ авторскую личность, и только при помощи его переписки можно получить довольно ясное понятіе о томъ, какими побужденіями руководился Прудонъ въ своей общественной дѣятельности. Вотъ почему нельзя не согласиться съ Сентъ-Бёвомъ въ томъ, что „въ будущемъ переписка Прудона станетъ его капитальнымъ трудомъ, а бо́льшая часть его сочиненій будутъ лишь пособіями и добавленіями къ перепискѣ". Въ самомъ дѣлѣ, съ научной точки зрѣнія сочиненія Прудона малозначительны; они важны лишь для изученія самого Прудона и его эпохи, но эта важность становится очевидною только при свѣтѣ Прудоновой переписки: „въ его письмахъ—говоритъ Сентъ-Бёвъ—исторія его духа: въ нихъ слѣдуетъ искать ее".

Въ письмахъ иныхъ знаменитостей можно замѣтить желаніе писавшаго блеснуть чѣмъ-нибудь не передъ тѣмъ лицомъ только, къ кому знаменитость пишетъ, но передъ всѣми, съ кѣмъ это лицо имѣетъ связи или сношенія, и даже передъ потомствомъ. Прудонъ дѣйствуетъ совсѣмъ иначе. Когда онъ пишетъ, онъ думаетъ только о томъ, о чемъ онъ пишетъ, и о лицѣ, къ которому онъ обращается. Какъ человѣку, старавшемуся пропагандировать свои убѣжденія, писать ему не надоѣдало, чужіе вопросы не наскучали ему. Разъ увѣрившись въ томъ, что вы спрашиваете его не изъ празднаго любопытства, но изъ любви къ истинѣ, Прудонъ тотчасъ отвѣчаетъ вамъ и разбираетъ всѣ ваши возраженія. „Кто бы ни былъ вопрошающій, Прудонъ всегда готовъ отвѣчать ему; онъ бросаетъ страницу сочиняемой имъ книги и тѣмъ же самымъ перомъ пишетъ вамъ письмо, и это нисколько не возмущаетъ его, не разсѣеваетъ: это человѣкъ общественный, преданный пропагандѣ своей идеи во всякой формѣ, и лучшею формою для него является всегда настоящая, послѣдняя. Самый почеркъ его полный, ровный, четкій, даже въ томительныхъ мѣстахъ не обнаруживаетъ никакой торопливости, никакого желанія поскорѣе кончить. Каждая строка выходитъ у него точною: ничто не предоставлено на авось; знаки препинанія, весьма вѣрно, съ нѣ-

Digitized by Google

которою твердостью и четко поставленные, указываютъ въ точности и съ оттѣнками всѣ звенья его мышленія". Пока онъ пишетъ, онъ весь вашъ, весь за своимъ и вашимъ дѣломъ. Всѣ его письма, которыя были въ рукахъ Сентъ-Бёва, серьёзны; ни въ одномъ не было ничего пошлаго. „Но въ то же самое время онъ не кокетничаетъ и не поддѣлывается въ своихъ письмахъ; онъ не *дѣлаетъ* ихъ, не ретушируетъ, онъ даже не даетъ себѣ времени перечитывать ихъ; передъ нами первый набросъ отличный и точный, прямо изъ источника, и не изъ чего другого. Новые доводы, которые онъ находитъ по дорогѣ въ пользу своихъ идей, и вызываемые возраженіями, пріятно изумляютъ васъ и бросаютъ такой свѣтъ, котораго вы напрасно стали бы искать въ его сочиненіяхъ: его переписка тѣмъ именно отличается отъ его книгъ, что она не возбуждаетъ въ васъ тревожныхъ недоразумѣній, но приближаетъ васъ къ сердцу человѣка, объясняетъ вамъ его и оставляетъ васъ подъ впечатлѣніемъ нравственнаго уваженія и даже умственной безопасности. Въ нихъ чувствуется правда" (стр. 274—278).

Таковы именно тѣ письма Прудона, которыя послужили Сентъ-Бёву главнымъ матеріаломъ для его біографіи. Все это сочиненіе, въ 350 страницъ, наполнено письмами Прудона, изъ которыхъ читатель легко можетъ убѣдиться въ справедливости оцѣнки Сентъ-Бёва. Работа Сентъ-Бёва, тоже литератора и критика весьма талантливаго, состояла главнымъ образомъ въ распредѣленіи ихъ и нѣкоторыхъ мелкихъ поясненіяхъ; кромѣ того, Сентъ-Бёвъ кое-гдѣ позволялъ себѣ спорить съ Прудономъ и входить въ нѣкоторыя соображенія, нелишенныя интереса. Изложеніе Сентъ-Бёва, конечно, мастерское. Къ сожалѣнію, оно доводитъ біографію Прудона лишь до 1848-го года; затѣмъ помѣщено еще одно письмо, которое объясняетъ дѣятельность Прудона во время революціи 1848-го года, письмо это помѣчено 1854-мъ годомъ, и затѣмъ еще нѣсколько отрывковъ изъ переписки съ нѣкоторыми пріятелями, которые объясняютъ очень мало, да нѣсколько весьма важныхъ писемъ къ принцу Наполеону; письмо 1854-го года подверглось уже обработкѣ Сентъ-Бёва, а переписка съ пріятелями и принцемъ Наполеономъ приложены къ сочиненію, какъ матеріалъ, въ сыромъ видѣ. Но такъ какъ сама жизнь и дѣятельность Прудона во времена второй имперіи были посвящены исключительно литературѣ и имѣли относительно слабое вліяніе на французское общество, да и къ славѣ Прудона прибавили очень мало, то едва-ли вторая часть біографіи Сентъ-Бёва могла пролить какой-нибудь иной свѣтъ на личность Прудона, а не тотъ же самый, который мы находимъ въ этой книгѣ. О послѣ-революціонной дѣятельности Прудона сказать можно очень немногое, если не вда-

Digitized by Google

ваться въ критику его сочиненій, чего не дѣлаетъ Сентъ-Бёвъ. И дѣйствительно, друзья покойнаго біографа увѣряютъ, что Сентъ-Бёвъ считалъ уже свою біографію оконченною, и намѣревался въ другой книгѣ пуститься лишь въ литературную критику Прудоновыхъ сочиненій. Конечно, мы получили бы такимъ образомъ еще одинъ интересный томъ о Прудонѣ, но къ характеристикѣ личности этого замѣчательнаго писателя новый томъ прибавилъ бы мало.

Между тѣмъ, въ Прудонѣ самый главный интересъ представляетъ именно его личность, такъ какъ въ его литературной дѣятельности есть много такого, что заслуживаетъ серьёзнаго вниманія всѣхъ писателей вообще, для которыхъ, въ ихъ литературной и общественной дѣятельности, дорого нравственное достоинство собственной личности,—и весьма мало того, чѣмъ бы дорожила современная наука.

Прудонъ, хотя постоянно напиралъ на научное и философское достоинство своихъ сочиненій, не былъ ни философомъ, ни ученымъ, въ дѣйствительномъ смыслѣ;—это былъ боецъ-литераторъ, вѣрный и безкорыстно преданный своимъ убѣжденіямъ даннаго періода своего умственнаго развитія. Онъ вліялъ на общество не научною силою своихъ сочиненій, а бойкою логикою своихъ оригинальныхъ измышленій, зрѣвшихъ подъ тревогами и импульсами окружавшей его жизни;—мѣнялись формы этой жизни, мѣнялись и предметы Прудоновыхъ нападеній. Когда, въ 1863 году, одинъ изъ его корреспондентовъ замѣтилъ ему, что его новая книга „О войнѣ и мирѣ“ говоритъ о войнѣ совсѣмъ не то, что говорили его другія сочиненія, Прудонъ прямо отвѣчаетъ, что человѣкъ не можетъ постоянно твердить одно и то же самое: „я—говоритъ онъ—презираю такого автора, который претендовалъ бы, на разстояніи 25 лѣтъ, оставаться тождественнымъ самому себѣ и однороднымъ съ своею собственною мыслью. Эта манера позировать передъ читателемъ мнѣ ненавистна, и въ ней выражается только ложь и надменность. Мы всѣ способны ошибаться, и намъ пора смиренно признаться въ этомъ. Истина одна, но она дается намъ отрывочно, подъ многоразличными углами; нашъ долгъ—выражать ее такою, какою она намъ представляется, все равно если бы мы при этомъ дѣйствительно или только повидимому противорѣчили самимъ себѣ... *Истина*—результатъ долгихъ работъ, у нея много сторонъ, часто она какъ будто себѣ противорѣчитъ;—вотъ почему, когда мы желаемъ постоянно быть съ нею въ ладу, мы скорѣе извращаемъ ее, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда мы просто (bonnement) говоримъ каждый день и о каждой вещи то, что мы думаемъ, и то, что мы видимъ. Вотъ почему я не питаю ни малѣйшей ненависти къ автору, склонному себѣ противорѣчить, если только онъ противорѣчитъ искренно, а не изъ упрямства, и вотъ

Digitized by Google

почему также я такъ мало безпокоюсь о противорѣчіяхъ, кажущихся только или дѣйствительныхъ, которыя могутъ попадаться въ моихъ разныхъ сочиненіяхъ. Человѣческое общество, нравственный міръ—это безконечный калейдоскопъ. Какъ же можно требовать отъ меня, чтобы я всегда оставался логичнымъ, послѣдовательнымъ, однороднымъ съ самимъ собою? Это невозможно" (стр. 277).

Весь этотъ отрывокъ изъ Прудонова письма ясно говоритъ, что авторъ его не отличался серьёзнымъ пониманіемъ науки и составлялъ свои убѣжденія или принципы дѣятельности не на основаніи научныхъ идей и принциповъ, такъ какъ принципы и идеи, вырабатываемыя наукою, не могутъ вести человѣка къ противорѣчіямъ въ собственной мысли. Кто придерживается науки въ опредѣленіи своего міросозерцанія, тотъ не можетъ говорить объ одномъ и томъ же предметѣ сегодня одно, а завтра совсѣмъ противоположное. Прудонъ беретъ разстояніе въ 25 лѣтъ, и мы согласны съ нимъ, что въ 25 лѣтъ человѣкъ можетъ значительно измѣнить свои мнѣнія о разныхъ предметахъ: онъ либералъ, онъ можетъ превратиться въ консерватора, или наоборотъ, но въ такомъ случаѣ мѣняется весь строй понятій, и притомъ постепенно, согласно съ тою житейскою или научною опытностью, которая пріобрѣтается человѣкомъ въ жизни. Въ Прудонѣ этого незамѣтно: какъ онъ былъ прежде человѣкомъ, защищавшимъ интересы рабочихъ классовъ, такимъ онъ остался до конца своей жизни. Онъ противорѣчилъ въ своихъ сочиненіяхъ не своими стремленіями или цѣлями, онъ не служилъ разнымъ господамъ, но онъ мѣнялъ свои мнѣнія объ очень важныхъ предметахъ, несмотря на то, что придавалъ этимъ брошеннымъ мнѣніямъ столь высокое значеніе для своихъ общественныхъ цѣлей, что осмѣливался самымъ жестокимъ образомъ порицать всѣхъ, кто не принималъ ихъ. А такія противорѣчія доказываютъ, что его образъ мыслей не имѣлъ подъ собою научной подкладки, но основывался лишь на защитѣ, во что бы то ни стало, тѣхъ или другихъ *интересовъ*. И дѣйствительно, Прудонъ самъ понималъ такимъ образомъ свою дѣятельность и свой образъ мысли въ той соціальной борьбѣ, которую онъ велъ со всѣми политическими партіями разомъ. „Помоему—пишетъ онъ къ одному изъ своихъ друзей въ 1846 г.—въ дѣлахъ политическихъ, въ практической нравственности, въ соціальной наукѣ (?), во всемъ, что касается дѣйствительной жизни и настоящаго общественнаго строя,—теоріи, не идеи только, не отвлеченія ума, но также интересы, вліянія, соглашенія, интриги, личности" (стр. 229). Какая же научная теорія можетъ подходить подъ подобное опредѣленіе! Наука только потому и драгоцѣнна своими теоріями, что онѣ составляются внѣ всякихъ интригъ, соглашеній, вліяній,

Digitized by Google

интересовъ или личностей; наука отыскиваетъ истину, а истина есть интересъ всѣхъ, и научною теоріей можетъ быть признана только такая, которая служитъ не тѣмъ или другимъ интересамъ или личностямъ, но истинѣ, то-есть, пользамъ всѣхъ людей вообще, къ какимъ бы классамъ или партіямъ они ни принадлежали.

Но у Прудона былъ свой особый интересъ, которому онъ служилъ въ продолженіи всей своей жизни и въ пользу котораго онъ жертвовалъ всѣмъ, и своимъ личнымъ благосостояніемъ, и наукою, и даже нѣкоторыми изъ убѣжденій. Этотъ интересъ является въ самомъ началѣ его дѣятельности, волнуетъ и одушевляетъ его до самой смерти. Уже въ 1838 году, когда онъ еще не начиналъ своей публицистической дѣятельности, а только пріобрѣлъ нѣкоторую поддержку въ Безансонской академіи, онъ, откровенный и наивный (несмотря на свои 29 лѣтъ), уже собирался объявить этотъ интересъ въ своемъ благодарственномъ письмѣ къ этой академіи, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Рожденный и воспитанный среди рабочаго класса, и преданный ему еще теперь и навсегда, своимъ сердцемъ, геніемъ, привычками, и особенно общностью интересовъ и стремленій, вашъ кандидатъ, господа, если вы подадите за него свой голосъ, сочтетъ величайшею радостью то именно обстоятельство, что ему, въ своемъ лицѣ, удалось привлечь вашу справедливую благосклонность (sollicitude) къ этой интересной части общества, столь хорошо украшенной именемъ *рабочій*, стать достойнымъ въ вашихъ глазахъ служить передъ вами первымъ ея представителемъ, и пріобрѣсть возможность трудиться съ этихъ поръ безустанно, въ философіи и наукѣ, со всею энергіей воли и всѣми способностями ума, *для полнаго освобожденія его братьевъ и сотоварищей*“ (стр. 31). Добрые люди посовѣтовали кандидату выбросить это слишкомъ откровенное заявленіе, которое могло бы лишить Прудона академической пенсіи, въ коей онъ видѣлъ единственную „возможность“ своего образованія на пользу рабочихъ классовъ. Еще сильнѣе выражается его, такъ-сказать, клятва въ пользу интересовъ рабочаго класса въ моментъ перваго успѣха передъ академіей. Въ этомъ отношеніи весьма интересно его письмо отъ 16-го сентября 1838-го года, къ его другу Аккерману:

„Дорогой Аккерманъ, ваши письма освѣжаютъ мою кровь и оживотворяютъ меня правдою и республиканскою вѣрою. Изъ всѣхъ, кого я зналъ до сихъ поръ, васъ однихъ вижу я страстно преданнымъ справедливости и добродѣтели, вы одни пылаете рвеніемъ гуманности... Есть еще, говорите вы, духъ и просвѣщеніе въ этой столицѣ (Парижѣ); а я, я все жилъ среди стада барановъ. Мнѣ заявляли тамъ свои комплименты болѣе двухсотъ лицъ; и чему больше всего радовались они, какъ вы полагаете? Тому, что я теперь

Digitized by Google

почти навѣрное, если захочу, могу обогатиться, могу получить хорошее мѣсто и доходное назначеніе,—что я могу достигнуть почестей, блестящаго поста,—могу сравняться и быть можетъ *превзойти* Жуффруа, Пулье и т. п. Но никто не сказалъ мнѣ: „Прудонъ, ты долженъ прежде всего служить дѣлу бѣдныхъ, освобожденію малыхъ, образованію народа; — быть можетъ, ты станешь проклятіемъ богатыхъ и знатныхъ, и возненавидятъ тебя всѣ, кто держитъ ключи науки и Плутуса, но несмотря на всѣ гоненія, на клевету, страданія и самую смерть, продолжай слѣдовать по своему пути реформатора. Вѣрь въ судьбы, которыя тебѣ предназначены, но не мѣняй славнаго мученичества апостола на наслажденія и золотыя цѣпи рабовъ. Неужели ты падешь подъ лестью, подъ обольщеніями удовольствія и богатства? Неужели ты, сынъ народа, *filius fabri*, какъ говорили когда-то о Іисусѣ Христѣ, неужели ты откажешься отъ своей совѣсти, и отступишь отъ своей вѣры изъ-за того только, чтобы быть счастливымъ на манеръ тѣхъ или этихъ? Твои братья зорко наблюдаютъ за тобою, они тревожно ожидаютъ, придется-ли имъ оплакать вскорѣ паденіе и измѣну того, который столько разъ клялся быть ихъ защитникомъ; въ признательность тебѣ они могутъ прислать лишь одни свои благословенія, но эти благословенія стоютъ дороже наличныхъ экю властей. Страдай же и умри, если нужно, но говори правду и прими сторону сиротъ.

„Меня гнетутъ всѣ эти постыдныя увѣщанія моихъ окружающихъ,—какая страсть къ матеріальному благосостоянію! Какой презрѣнный эпикуреизмъ вижу я повсюду! Я не осмѣливаюсь болѣе проронить ни одного слова о моихъ думахъ, я пріобрѣлъ увѣренность, что мои принципы возбудятъ въ окружающихъ мысль о томъ, что я человѣкъ погибшій или по крайней мѣрѣ экзальтированный. Всѣ смѣются надо мною, и никто не поддается моимъ убѣжденіямъ. Матеріализмъ укоренился въ душахъ, матеріализмъ практическій, разумѣю я, такъ какъ до другого они еще не доросли...

„Воля и вѣра провозглашались во всѣ времена величайшими силами природы и человѣчества; въ насъ живетъ вѣра въ справедливость нашего дѣла, въ правду нашихъ принциповъ, въ вѣчность нашихъ догматовъ,—намъ ли не достаетъ воли? Неужели мы не представимъ въ одинъ прекрасный день новое зрѣлище людей убѣжденныхъ и непреодолимыхъ въ ихъ вѣрованіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительныхъ и постоянныхъ въ своемъ предпріятіи. Докажемъ, что мы искренни, что наша вѣра горяча, и нашъ примѣръ измѣнитъ лицо земли. Вѣра заразительна; теперь ждутъ только символа, да человѣка, который бы его проповѣдывалъ и въ него вѣрилъ“ (стр. 35—37).

Въ этомъ письмѣ заключается вся сущность направленія обще-

Digitized by Google

ственной дѣятельности Прудона. Толчкомъ ея было глубокое сочувствіе къ обиженной долѣ трудящихся классовъ, и Прудонъ никогда не забывалъ той клятвы, которая съ такимъ краснорѣчіемъ высказана имъ въ этомъ письмѣ; онъ самъ сталъ какъ-бы воплощеніемъ интересовъ пролетарія, но жаль, что въ него воплотились даже тѣ стремленія пролетарія, которыя исходятъ не изъ дѣйствительныхъ нуждъ его, а изъ накопившейся въ продолженіи вѣковъ желчи горькой судьбы его. Прудонъ былъ не только защитникомъ пролетаріата, но мстителемъ его. Онъ волновался не только страстнымъ желаніемъ дать пролетарію такъ-называемое „право на трудъ", но еще насмѣяться, наругаться надъ его противниками. Это былъ скорѣе Спартакъ въ литературѣ, но никакъ не соціальный философъ.

По справедливому мнѣнію Сентъ-Бёва, соціальный философъ, для полнаго своего развитія, долженъ постепенно отрѣшиться „отъ всѣхъ вещей плоти и крови, отъ всѣхъ данныхъ рокового и случайнаго"; его умъ не долженъ быть связанъ „ни съ сектою, ни съ страною, ни съ семьей, ни съ положеніемъ, ни съ партіей, ни съ общиною, ни съ землею". Ему необходимо много разъ мѣнять горизонтъ своихъ взглядовъ во всѣхъ направленіяхъ, сравнивать учрежденія и нравы разныхъ странъ и народовъ, продумать и провѣрить не разъ чужія воззрѣнія, не возмущаясь ими въ силу какой-либо предвзятой идеи, и безпристрастно изслѣдовать всѣ предметы, которые стали идолами однихъ и проклятіемъ другихъ; — надъ всѣми изслѣдованіями этого идеальнаго соціальнаго философа должно господствовать, по Сентъ-Бёву, сочувственное отношеніе ко всему. Положимъ, что всѣ эти качества встрѣчаются въ ученыхъ весьма рѣдко, и самъ Сентъ-Бёвъ не можетъ указать ни одного человѣка, который бы обладалъ ими всѣми за-разъ, — но у Прудона ихъ совсѣмъ не было. У Прудона былъ очень логическій мозгъ, но его логика была постоянно разстроена, возбуждена, раздражена „воплями его внутренностей", какъ выражается Сентъ-Бёвъ: „онъ былъ слишкомъ связанъ съ своими отцами и родоначальнымъ древомъ посредствомъ соковъ, желчи и крови; онъ былъ слишкомъ близокъ къ своей кормилицѣ-землѣ, слишкомъ близокъ къ слѣпымъ элементамъ природы, проникшимъ въ его могучій темпераментъ и въ самое тѣлосложеніе... удары отцовскаго молота (отецъ былъ бочаръ) раздавались слишкомъ близко надъ его ухомъ". Такимъ образомъ, Прудонъ является философомъ, который безпрестанно прерывается въ своемъ мышленіи шумомъ извнѣ и изнутри; это логикъ, суровый и неумолимый, всегда вооруженный страстью и гнѣвомъ, и съ значительнымъ запасомъ науки; — это великій трибунъ, „великій революціонеръ", пожалуй, какъ называлъ себя Прудонъ, но не ученый, не соціальный философъ.

Digitized by Google

Разсматривая Прудона съ этой точки зрѣнія, вы получаете ключъ ко всѣмъ его противорѣчіямъ, къ его ожесточенію въ нападкахъ на партіи и личности, которыя сами вѣрно и съ самоотверженіемъ служили интересамъ французскаго народа, ко всѣмъ его исканіямъ у правительственныхъ дѣятелей, которыя возбуждали къ нему недовѣріе не только во врагахъ, но и въ друзьяхъ народнаго блага. Увлекаемый своею преданностью интересамъ рабочихъ классовъ, Прудонъ ревниво слѣдилъ за всѣми, кто являлся поборникомъ тѣхъ же интересовъ, и чуть ему казалось, что эти поборники идутъ въ другую сторону, онъ уже билъ противъ нихъ въ набатъ и бросалъ въ нихъ самыми жестокими обвиненіями, то доказывая полную несостоятельность ихъ плановъ общественнаго переворота, доводя ихъ теорію до абсурда своею блистательною логикою, то возбуждая недовѣріе къ ихъ искренности посредствомъ самыхъ откровенныхъ разоблаченій. Прудонъ любилъ называть себя республиканцемъ и революціонеромъ, но, несмотря на то, нападалъ съ ожесточеніемъ на всѣхъ революціонеровъ и республиканцевъ своего времени. Нужно прибавить къ этому, что онъ этими нападками надѣялся услуживать правительству, какъ это онъ постоянно говоритъ въ своихъ письмахъ. Печатая свои первыя брошюры о собственности, гдѣ онъ бросаетъ такими фразами, какъ „собственность — кража“ и т. п., онъ въ то же время или состоитъ пенсіонеромъ академіи, или ищетъ какого-нибудь правительственнаго мѣста въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, или пишетъ объяснительныя письма къ тогдашнимъ министрамъ, а впослѣдствіи, при второй имперіи, къ принцу Наполеону. Такъ, въ одномъ изъ его писемъ 1842 года, онъ прямо говоритъ, что въ длинномъ письмѣ, которое онъ послалъ къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Дюшателю, вмѣстѣ съ его брошюрами, онъ старался показать министру, какъ можно „воспользоваться (tourner) выгодно для правительства теоріями самыми радикальными“. Въ другой разъ онъ собирается лично повидаться съ Дюшателемъ и еще съ Росси, извѣстнымъ политико-экономомъ, занимавшемъ въ то время постъ министра финансовъ, и поговорить съ ними объ его теоріяхъ, показать имъ полезность распространенія этихъ теорій съ правительственной точки зрѣнія. Сентъ-Бёвъ не сомнѣвается, что ни тотъ ни другой министръ не отказали бы юному писателю въ аудіенціи, и онъ сожалѣетъ лишь о томъ, что Прудонъ *только* намѣревался познакомиться съ ними. Еще въ декабрѣ 1842 года, когда онъ обнародовалъ уже всѣ три брошюры о собственности и держалъ корректуру своей книги: „О созданіи порядка въ человѣчествѣ“, онъ увѣрялъ своего друга, что „правительство должно его принять“, и если это случится, если онъ получитъ мѣ-

Digitized by Google

сто, то его „карьера будетъ блистательная". Тогда — прибавляетъ онъ — я буду въ одно время и самымъ передовымъ, быть можетъ, реформистомъ своей эпохи и протежѐ правительства" (стр. 161).

Но во всѣхъ исканіяхъ у правительства Луи-Филиппа можно видѣть только удивительную наивность Прудона, такъ какъ онъ былъ тогда еще молодымъ въ политической жизни, недостаточно искусился въ ней. Совсѣмъ другимъ является его переписка съ принцемъ Наполеономъ, и особенно письмо, помѣченное 7-го января 1853 г., въ которомъ онъ признаетъ дѣло второй имперіи продолженіемъ революціи 1789 года. „Извините, принцъ (пишетъ онъ), что я осмѣливаюсь занять васъ предметомъ столь ужаснаго свойства (онъ предсказываетъ возстановленіе Бурбоновъ). Но такъ какъ теперь (это спустя какой-нибудь годъ послѣ декабрьскаго *coup d'état!*) *судьба имперіи стала солидарною съ революціей*, такъ какъ дѣло идетъ столько же о славѣ вашего имени, сколько объ интересѣ демократическомъ и соціальномъ, то наступила пора сбросить подъ ноги весь пуританизмъ и выдти изъ границъ самолюбія. Когда иностранцы вторгались во Францію, твердый республиканецъ Карно́ предложилъ себя императору для охраненія его городовъ. Теперь, когда на насъ давитъ и снутри и съизвнѣ контръ-революція,—теперь пора республиканцамъ и имперіялистамъ войти въ объясненія". Въ другомъ мѣстѣ онъ еще сильнѣе отожествляетъ имперію съ интересами, которые онъ самъ защищалъ: "Да! (восклицаетъ онъ) республика, революція, прогрессъ, свобода, и чтобы сказать все, имперія и императоръ,—все это стало добычею *нашихъ вѣчныхъ* враговъ". Можно сказать, что и въ этомъ письмѣ имъ руководитъ наивность, но въ дѣйствительности этотъ шагъ онъ дѣлаетъ совершенно обдуманно, подъ вліяніемъ своего задушевнаго стремленія, своихъ заботъ объ участи рабочихъ классовъ. Онъ видѣлъ, что имперія даетъ слишкомъ большой просторъ клерикальной партіи, и такъ какъ эта партія казалась ему антифранцузскою и вредною не только для развитія рабочихъ классовъ, но и самой имперіи, въ которой онъ видѣлъ, ошибочно, конечно, послѣдователя принциповъ революціи, то онъ и обращается къ принцу, чтобы во-время остановить развитіе клерикализма во Франціи. Разумѣется, съ точки зрѣнія политическаго прогресса въ странѣ, подобное поведеніе политическаго дѣятеля нельзя не признать предосудительнымъ, но Прудонъ, по сущности своихъ теорій, не былъ никогда политическимъ дѣятелемъ. Его главный интересъ былъ интересъ рабочихъ классовъ, и кто бы ни способствовалъ развитію и торжеству этихъ интересовъ надъ всѣми другими, ему было все равно: въ немъ онъ уже видѣлъ своего союзника, которому онъ всегда готовъ былъ помогать своими совѣтами.

Digitized by Google

Прудонъ не принадлежалъ ни къ одной изъ политическихъ партій, онъ не хотѣлъ связывать своей свободы въ общественной дѣятельности ни съ какою программою, и смотрѣлъ на всѣхъ политиковъ съ крайнимъ подозрѣніемъ. Такимъ онъ былъ съ самаго начала своей дѣятельности, такимъ остался до конца. Онъ всего ждалъ отъ самихъ рабочихъ и не вѣрилъ въ возможность соціальнаго переворота посредствомъ политической диктатуры. Этимъ фактомъ и объясняется его ожесточенная полемика противъ соціалистовъ, и особенно коммунистовъ. Въ 1842 году ему нравилось, когда о немъ относились въ такихъ выраженіяхъ: „Этотъ человѣкъ, собственно говоря, ни коммунистъ, ни республиканецъ: онъ требуетъ отмѣны собственности, но онъ говоритъ объ этой отмѣнѣ, какъ объ *органическомъ преобразованіи*, которое происходитъ не иначе, какъ путемъ развитія. Всякое *разрушеніе, замѣнъ* или *революція*, по его мнѣнію, дурно; *перерывъ въ общественной жизни — это смерть*. Отсюда онъ заключаетъ въ пользу сохраненія имуществъ въ рукахъ обладателей и требуетъ только развитія нѣкоторыхъ принциповъ, уже признанныхъ, и которые должны, по его теоріи, уравновѣсить собственность и сдѣлать ее всеобщею. Итакъ, онъ желаетъ сохраненія іюльскаго правительства, но только съ назначеніемъ министерства, наиболѣе способнаго совершить это преобразованіе и это развитіе“. Цитируя въ этихъ выраженіяхъ такія мнѣнія о немъ самомъ, Прудонъ прибавляетъ: „И все это совершенно справедливо. Я критикую собственность не какъ переходную форму, но какъ форму окончательную; я нападаю на членовъ министерствъ не какъ на приверженцевъ іюльскаго правительства, но какъ на людей, желающихъ извратить іюльскія послѣдствія. Что касается до личностей, на которыя я нападаю, это не что иное какъ репрессаліи,—но личности, впрочемъ, неподсудны ассизному суду, какъ неподсудны ему эвфемизъ и риторика“.

Еще яснѣе и въ полной подробности, излагаетъ свои теоріи Прудонъ къ одному изъ своихъ школьныхъ сотоварищей, Готье, въ 1841 году, 2-го мая: „Ты у меня спрашиваешь объясненій относительно способа общественнаго переустройства. Я разскажу его въ нѣсколькихъ словахъ и постараюсь дать о немъ вѣрныя идеи.

„Такъ какъ ты читалъ уже мою книгу *(О собственности)*, то долженъ понять, что теперь идетъ дѣло не о *воображеніи*, или составленіи въ нашемъ мозгу системы, которую я сейчасъ представлю: не такъ преобразовывается міръ. Общество можетъ исправиться лишь само собою; нужно изучать, слѣдовательно, человѣческую природу во всѣхъ ея проявленіяхъ, въ законахъ, религіяхъ, обычаяхъ, политической экономіи, извлечь изъ этой громадной массы, путемъ метафизическихъ операцій, все, что есть въ ней истиннаго, удалить все

Digitized by Google

вредное, ложное или несовершенное, и изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ элементовъ создать общіе принципы, которые могли бы служить *правилами*. Этотъ трудъ потребуетъ вѣковъ для своего окончанія.

„Тебя это приводитъ въ отчаяніе, но нѣтъ, утѣшься. Во всякой реформѣ есть двѣ вещи совершенно различныя, но которыя очень часто принимаются одна за другую: *переходъ* и *совершенствованіе* или *окончаніе*. *Нынѣшнее* общество призвано совершить только одно первое,—но этотъ переходъ, силою какихъ принциповъ должны мы осуществить его?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ ты найдешь въ моемъ второмъ мемуарѣ, соединяя вмѣстѣ сказанное на разныхъ страницахъ... Ты понимаешь, что система прогрессивнаго уничтоженія того, что я называю *aubaine*, то-есть, рентъ, аренды, заработной платы, конкурренціи и т. п. сдѣлаетъ почти ничтожнымъ вліяніе собственности, такъ какъ если она вредна чѣмъ-нибудь, то именно процентомъ".

„Но это прогрессивное уничтоженіе будетъ лишь однимъ *отрицаніемъ зла*, но никакъ не *положительною организаціей*. И для *этой* цѣли, мой дорогой другъ, я могу указать принципы и общіе законы, но, одинъ, я не могу удовлетворять во всѣхъ подробностяхъ. Это такой трудъ, который поглотитъ пятьдесятъ Монтескьё. Съ меня довольно, если я дамъ аксіомы, доставлю примѣры и методъ, тогда дѣло пойдетъ *въ ходъ*, пусть всѣ, кто хочетъ, сдѣлаютъ остальное.

„Повѣрь мнѣ, никто въ мірѣ не въ состояніи дать полную и всестороннюю систему, какъ это приписывали Сенъ-Симону и Фурье. Это самая безобразная ложь, какую только когда-либо говорили людямъ, и вотъ поэтому-то я столь сильно возстаю противъ фурьеризма. Соціальная наука безконечна: никто не обладаетъ ею, но мы можемъ открыть *принципы*, потомъ *элементы*, еще далѣе *цѣлую часть* ея, и все болѣе и болѣе. То, что я дѣлаю теперь, это опредѣленіе *элементовъ* политической и законодательной науки"... (стр. 174—176).

Эти объясненія Прудона совершенно ясно показываютъ, что онъ съ самаго начала своей дѣятельности не мечталъ о какихъ-либо насильственныхъ переворотахъ, и что ему и въ голову не приходило, что можно пересоздать міръ въ одинъ прекрасный день, посредствомъ какихъ-нибудь декретовъ и насильственныхъ организацій. Онъ не былъ вовсе политическимъ революціонеромъ, всѣ его мечты о переворотахъ вращались въ соціальной сферѣ, и здѣсь онъ искалъ средствъ, при помощи которыхъ общество само могло бы перемѣнить свой дурной строй на лучшій посредствомъ своихъ собственныхъ усилій. Въ политическихъ переворотахъ онъ видѣлъ только помѣху общественному развитію, и потому такъ горячо возставалъ противъ республиканской пропаганды и главнаго органа его „National", хотя самъ себя, въ то же время, считалъ приверженцемъ республики.

Digitized by Google

Но и этой республики онъ ожидалъ во-время, какъ видно изъ одной его замѣчательной статьи, напечатанной имъ въ его журналѣ *le Peuple,* 19-го февраля 1849 года. Эта статья прекрасно объясняетъ его настроеніе наканунѣ революціи и его отношеніе къ политическимъ партіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ полное понятіе объ его талантѣ и воодушевленіи. Сентъ-Бёвъ справедливо находитъ, что эти страницы „поистинѣ заслуживаютъ исторіи".

Прудонъ разсказываетъ про послѣдніе мѣсяцы 1847 года, когда онъ работалъ въ Ліонѣ въ торговомъ домѣ того самаго Готье, къ которому онъ писалъ вышеприведенное письмо объ его теоріяхъ. Несмотря на то, что онъ былъ сильно заваленъ этою коммерческою работою, онъ слѣдилъ за политическимъ движеніемъ страны, за „слѣпою и страстною" борьбою *оппозиціи*, главными представителями которой являлись Одилонъ Барро и Тьеръ, противъ консервативной партіи, руководимой Луи-Филиппомъ и Гизо. Республиканская партія была тогда лишь слабымъ меньшинствомъ, служившимъ, при случаѣ, поддержкою противниковъ кабинета.

„Я видѣлъ (разсказываетъ Прудонъ), что борьба ожесточалась все болѣе и болѣе среди равныхъ оттѣнковъ большой конституціонно-монархической партіи, и что подъ театральными подмостками этихъ жалкихъ преній, въ нѣдрахъ общества разверзалась бездна, которую рыли демократическія и соціальныя проповѣди. Банкетъ въ Шато-Ружѣ, на которомъ оппозиція присутствовала въ полномъ составѣ, имѣя въ своей главѣ Одилона Барро, былъ для меня предвѣстникомъ катастрофы

„Находясь почти у самаго низа соціальнаго зданія, въ массѣ рабочаго класса, самъ одинъ изъ первыхъ копачей, подрывавшихъ фундаментъ, я видѣлъ лучше государственныхъ людей, спорившихъ между собою на верху, приближеніе опасности и всѣ послѣдствія разрушенія. Еще нѣсколько дней, и при малѣйшей парламентской бурѣ, монархія рухнула и старое общество вмѣстѣ съ нею.

„Буря начала давать себя чувствовать на банкетахъ реформистовъ. Событія въ Римѣ, Сициліи, Ломбардіи прибавили партіямъ рвенія, гражданская война въ Швейцаріи удалась, и эта удача, взволновавъ общественное мнѣніе, доводила раздраженіе умовъ противъ министерства до высшей степени. Страшные скандалы, чудовищные процессы безпрестанно усиливали общественное негодованіе. Палаты еще не собрались на сессію 1847—1848-го гг., какъ я уже считалъ все потеряннымъ; я тотчасъ отправился въ Парижъ.

„Два мѣсяца, которые прошли до взрыва, между открытіемъ палатъ и паденіемъ престола, были временемъ самымъ печальнымъ, самымъ безотраднымъ въ моей жизни. Смерть моей матери, которая случилась въ этотъ періодъ, не могла вызвать меня изъ того душевнаго

Digitized by Google

томленія, которое угнетало меня; — эта смерть произвела на меня тогда лишь слабое впечатлѣніе. Тогда я почувствовалъ впервые, насколько отечество для гражданина выше семьи: Регулъ и Брутъ стали мнѣ понятны.

„Республиканецъ кануна и до-кануна, республиканецъ въ школѣ, въ мастерской, въ кабинетѣ, я содрогался отъ ужаса передъ приближеніемъ республики! Я трепеталъ, говорю я, оттого, что никто ни выше, ни вокругъ меня не вѣрилъ въ наступленіе республики, по крайней мѣрѣ въ наступленіе столь близкое. Событія шли, и судьбы совершались, соціальная революція уже обнаруживалась, но никто, ни вверху ни внизу, казалось, не понималъ этого. Но что же дѣлать съ революціей, какъ быть съ нею, когда у васъ нѣтъ разгадки ея тайнъ, ея идей?... Республиканцы, но ихъ было очень мало, вѣрили въ республику, но они не обладали наукою. Соціалисты, почти неизвѣстные, имена которыхъ еще не гремѣли на сценѣ, тоже вѣрили въ соціальную революцію, но у нихъ не было ни ключа къ ней, ни науки.

„Древнее общество подвергалось многочисленнымъ критикамъ, по бо́льшей части общимъ, съ отпечаткомъ сантиментальности и мистицизма, только немногія статьи носили болѣе философскій и разумный характеръ; но сквозь весь хаосъ этихъ декламаторскихъ разсужденій никто не могъ пробиться къ свѣту: ежедневная пресса вовсе не занималась существеннымъ вопросомъ, громадное большинство читателей оставалось такимъ образомъ внѣ его. А между тѣмъ революція, республика, соціализмъ, опираясь другъ на друга, приближались громадными шагами! Я ихъ видѣлъ, я прикасался къ нимъ, я бѣжалъ передъ демократическимъ и соціальнымъ чудовищемъ, загадку котораго я не умѣлъ объяснить, — и невыразимый ужасъ леденилъ мою душу, добираясь до самаго мышленія. Я проклиналъ консерваторовъ, которые смѣялись надъ гнѣвомъ оппозиціи; я проклиналъ еще сильнѣе самоё оппозицію, которая на моихъ глазахъ расшатывала съ непонятною яростью основы общества; я заклиналъ тѣхъ изъ моихъ друзей, которые увлеклись въ движеніе, не вмѣшиваться въ этотъ споръ изъ-за прерогативы, нелѣпый для республиканцевъ, и изъ котораго вдругъ вышла республика. Мнѣ не вѣрили, меня никто не понималъ.

„Я плакалъ надъ бѣднымъ работникомъ, котораго я считалъ напередъ лишеннымъ работы и преданнымъ нищетѣ на многіе годы,— надъ судьбою работника, защитѣ котораго я былъ преданъ, но помочь которому я не могъ. Я плакалъ надъ буржуазіей, которая казалась мнѣ уже разоренною, доведенною до банкротства, раздраженною противъ пролетаріата и противъ которой роковое стеченіе об-

Digitized by Google

стоятельствъ и антагонизмъ идей побуждали меня враждовать какъ разъ въ то самое время, когда я былъ расположенъ сожалѣть ее.

„До рожденія республики, я носилъ уже трауръ и искупленіе по республикѣ. Да и кто же, скажу еще разъ, съ тѣми самыми догадками не предавался такимъ же опасеніямъ?

„Эта революція, возникшая въ политическомъ порядкѣ вещей, стала началомъ революціи соціальной, слово которой никому не было извѣстно. Противно всѣмъ прежнимъ опытамъ, противно порядку, которому неизмѣнно слѣдовало до сихъ поръ историческое развитіе, фактъ былъ поставленъ прежде идеи, какъ будто Провидѣнію угодно было на этотъ разъ ударить безъ предупрежденія!

„Такъ, все мнѣ казалось страшнымъ, небывалымъ, парадоксальнымъ въ этомъ созерцаніи будущаго, которое съ каждою минутою выростало въ моемъ умѣ до уровня реальности. Въ этой лютой тревогѣ я возмущался противъ хода событій, я осмѣливался проклинать судьбу. Я порицалъ сициліянъ за ихъ возстаніе противъ ненавистнаго владыки; я гнѣвался на либерализмъ этого папы.... который въ изгнаніи раскаявается теперь въ своихъ желаньицахъ реформы; я не одобрялъ возстанія въ Миланѣ; я высказывался внутренно за Зондербундъ, я, наконецъ, соціалистъ, ученикъ Вольтера и Гегеля, я рукоплескалъ словамъ де-Монталамбера, когда онъ защищалъ передъ аристократическою палатою дѣло фрибурскихъ іезуитовъ. Мнѣ хотѣлось тогда имѣть свой журналъ, чтобы съ яростью напасть на „le National“, на „la Réforme“, на всѣ органы реформистскаго и республиканскаго мнѣнія, я посылалъ къ адскимъ богамъ главнаго редактора „la Presse“...

„Моя душа была въ агоніи, я напередъ страдалъ за республику и несъ бремя клеветъ, которыя пали на соціализмъ.

„21-го февраля, вечеромъ, я еще увѣщевалъ моихъ друзей не вступать въ бой. 22-го я дышалъ свободнѣе, когда узналъ объ отступленіи оппозиціи; я полагалъ, что мое мученичество пришло къ концу. Но 23-е разрушило мои иллюзіи. Жребій былъ брошенъ въ этотъ разъ, *jacta erat alea*, какъ сказалъ Ламартинъ. Ружейная пальба на Капуцинскомъ бульварѣ перемѣнила мое расположеніе въ одно мгновеніе“. (стр. 294—298).

Эта статья ясно показываетъ, что Прудонъ не хотѣлъ ни революціи, ни республики, и только „ружейная пальба“ могла перемѣнить его расположеніе, бросить его самого въ самую тревожную, опасную и горячую политическую жизнь второй республики. Онъ былъ правъ въ томъ, что ни у республиканцевъ, ни у соціалистовъ не было ключа къ опредѣленію тайнаго смысла стремленій и желаній Франціи, разбивавшей тронъ Луи-Филиппа. И республиканцы, и

Digitized by Google

соціалисты оказались несостоятельными овладѣть движеніемъ, котораго никто изъ нихъ не понималъ, и обѣ эти партіи только скомпрометтировали свое дѣло: республика погибла сама собою, и соціалисты были жестоко побѣждены въ страшные іюньскіе дни. Можно ли порицать Прудона за то, что онъ порицалъ и республиканцевъ, и соціалистовъ за ихъ стремленіе къ революціи, съ которою они сами не знали потомъ, что дѣлать? Можно ли удивляться тому, что въ продолженіе всей своей дѣятельности во времена правленія Луи-Филиппа Прудонъ стоялъ за іюльскую монархію, которая, если бы захотѣла, могла предотвратить революцію, и враждовалъ съ республиканскою и соціалистскою прессою, которая сама не знала, къ чему ведетъ ея соціалистическая оппозиція противъ правительства. Была ли въ этой дѣятельности Прудона измѣна свободѣ или только одноблагоразуміе?...

Неблагоразумно и непослѣдовательно поступилъ Прудонъ лишь тогда, когда бросился въ политическую жизнь во время республики и явился въ національномъ собраніи представителемъ народа. Если онъ не вѣрилъ въ успѣхъ республики, къ чему же было своею ярою полемикою въ его журналахъ и своими невозможными предложеніями въ собраніи только еще сильнѣе ожесточить борьбу партій, и возбуждать среди нихъ самое злое взаимное недовѣріе, когда онъ зналъ впередъ, что его полемика и его странныя предложенія ни къ чему полезному привести не могутъ! Но *ружейная пальба* на бульварѣ помѣшала...

Прудонъ, какъ видно, самъ недоволенъ своею дѣятельностью во время республики. Въ одномъ письмѣ 1854 года онъ даже благодаритъ судей за то, что они засадили его въ тюрьму на три года: „поступивъ со мною съ такою жестокостью (пишетъ онъ), судьи спасли мнѣ жизнь". Изъ того же письма мы узнаемъ, что онъ не съ особенною охотою бросился въ политику. Два мѣсяца, мартъ и апрѣль, онъ прожилъ въ уединеніи, „слѣдя за ходомъ событій и страдая въ душѣ за страшное положеніе", въ которомъ онъ видѣлъ свою страну. Но нѣсколько демократовъ выискали его и предложили ему кандидатуру; въ то же время газеты не переставали нападать на него, и эти нападенія были до того вызывательнаго свойства, что Прудонъ сдался демократамъ и бросился въ политику. Но „однажды въ собраніи—прибавляетъ Прудонъ—легкомысленная ненависть консервативной партіи принудила меня прервать молчаніе, и въ концѣ концовъ остервенѣніе, которое обнаруживали противъ мой личности, довело меня до бѣшенства (m'exaltant jusqu'à la frénésie) и сдѣлало изъ меня то, что всѣ потомъ видѣли" (стр. 300). Въ томъ же самомъ письмѣ къ своему другу Бергману, Прудонъ опять отрицается отъ всякихъ политическихъ стремленій и радъ, что опять достигъ спокойствія. „Вообще говоря—пишетъ онъ—моя жизнь идетъ спо-

Digitized by Google

войно, я не испытываю никакихъ тревогъ. Полиція знаетъ наконецъ, что́ я за человѣкъ: въ душѣ моей я питаю къ якобинской партіи такое же презрѣніе, какое къ легитимистской; я равнодушенъ къ политической формѣ, скептиченъ ко всякой власти и интересуюсь гораздо болѣе дѣлами предержащихъ властей, чѣмъ ихъ титулами. Такимъ образомъ, этотъ скептицизмъ, силу котораго я не разъ проявилъ публично, смертельный всѣмъ партіямъ и сектамъ, даетъ мнѣ теперь одновременно и защиту противъ правительства, и непримиримую ненависть его соперниковъ" (стр. 303).

Но онъ ошибался немного насчетъ правительства: и оно продолжало его недолюбливать. Въ 1858 году, когда онъ издалъ свою книгу „de la Justice", императорскіе судьи хотѣли-было снова заточить Прудона въ тюрьму на три года, но Прудону удалось спастись бѣгствомъ въ Бельгію; потомъ императоръ объявилъ амнистію. Относительно либераловъ и республиканцевъ Прудонъ продолжалъ держаться по прежнему до конца своей жизни, въ 1865 году, и они, разумѣется, продолжали питать къ нему „непримиримую ненависть". Одинъ изъ его близкихъ друзей Шодэ, который издалъ послѣ смерти Прудона его сочиненіе о политическихъ способностяхъ рабочихъ, былъ даже разстрѣлянъ по приказу прокурора коммуны 1871 года, Рауля Риго, за то именно, что усердно держалъ сторону версальскаго правительства.

Прудонъ умеръ въ бѣдности, и всю свою жизнь провелъ въ ней. Въ 1840 году онъ пишетъ: „я истощенъ, обезкураженъ, убитъ. Я былъ бѣденъ въ прошломъ году, я нищій въ нынѣшнемъ. Приведя мой бюджетъ въ порядокъ, у меня останется, считая съ будущаго перваго апрѣля, двѣсти франковъ на полугодовое существованіе въ Парижѣ, и затѣмъ я уже попаду въ положеніе аркадскаго пастуха... Не имѣя вовсе враговъ, я смотрю иногда на Сену мрачными глазами и говорю себѣ: „перейдемъ еще сегодня". Избытокъ горя лишаетъ бодрости мою голову и парализуетъ мои способности. Я не могу работать, и несмотря на то, я работаю чтобы не умереть со скуки". Отъ бѣдности въ Парижѣ онъ бѣжитъ на службу къ Готье въ 1844 г., и тамъ живетъ до 1847 г. Во время республики его средства находятся тоже не въ завидномъ положеніи, какъ видно изъ слѣдующаго описанія въ письмѣ 1854 г.: „Позволь мнѣ тебѣ напомнить, что я твой должникъ, и я постоянно льстилъ себя надеждою уплатить долгъ посредствомъ переводнаго векселя (Бергманъ жилъ въ Страсбургѣ). Представитель народа за двадцать пять франковъ въ день, главный редакторъ журнала, расходившагося въ восьмидесяти тысячахъ экземплярахъ, я постоянно думалъ уплатить мой долгъ, не только чести,— долгъ благодарности". Но вышло не такъ: „25 франковъ жалованья

Digitized by Google

поглощались потребностями положенія, пособіями бѣднымъ гражданамъ, подписками и т. п., и я долженъ тебѣ сказать при этомъ, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ негодяевъ, которые нашли въ депутатскомъ жалованьи средства къ матеріальнымъ наслажденіямъ, вся лѣвая республиканская партія вела себя съ достоинствомъ и изъ этого скуднаго источника дѣлала благородное употребленіе. Тѣ, которые явились бѣдняками, ушли оттуда еще бѣднѣе, испытавъ настоящую адскую жизнь. Что касается до журналистики, ты догадаешься, что она принесла мнѣ еще меньше. Подъ моимъ руководствомъ убито четыре журнала; съ февраля мѣсяца я разорялся четыре раза, я потерялъ въ ней три тысячи франковъ, которыя выручилъ при изданіи другихъ моихъ сочиненій; 1850 годъ еще не былъ на исходѣ, а я уже оставался, какъ наканунѣ февраля, *ни съ чѣмъ*". Затѣмъ его бросили въ тюрьму, гдѣ онъ и женился на дочери одного рабочаго. При возстановленіи имперіи, Прудонъ составилъ планъ одной желѣзной дороги, о концессіи которой просилъ хлопотать принца Наполеона, но ходатайство принца неудалось, а планами Прудона воспользовался извѣстный банкиръ Перейра. Принцъ потребовалъ съ Перейры вознагражденія, и тотъ предложилъ 40,000 франковъ, но Прудонъ отказался отъ нихъ, такъ какъ онъ сочинялъ свой планъ ради того только, что надѣялся осуществить при эксплуатаціи этой дороги нѣкоторые свои демократическіе планы. Между тѣмъ, въ литературѣ того времени онъ участвовать не могъ, и потому пробивался съ семействомъ кое-какими частными занятіями у чиновниковъ имперіи. Въ 1858 году онъ издалъ большое сочиненіе, которое было захвачено полиціей, и самъ Прудонъ долженъ былъ бѣжать. Въ 1865-мъ году его уже не стало!

Таковъ былъ этотъ „страшный" человѣкъ, про котораго не мало клеветали при жизни, и честности котораго еще очень долго не отдадутъ полной справедливости. Въ Англіи онъ былъ бы Брайтомъ или Ричардомъ Кобденомъ и пользовался бы глубокимъ уваженіемъ всѣхъ слоевъ общества, и самый тонъ его полемики былъ бы совсѣмъ иного свойства; тамъ бы его выслушали до конца, и онъ нашелъ бы себѣ и приверженцевъ, и спокойныхъ, разумныхъ слушателей. Но во Франціи, гдѣ не любятъ самостоятельныхъ, свободныхъ людей, умѣющихъ говорить правду и врагамъ и друзьямъ, Прудонъ не могъ найти поддержки ни въ литературѣ, ни въ правительствѣ, и благодаря несправедливымъ толкованіямъ его стремленій и ученій, сталъ пугаломъ общества не только во Франціи, но и въ цѣлой Европѣ, которая много читала о Прудонѣ, но съ самимъ Прудономъ непосредственно не имѣла ни охоты, ни надобности знакомиться.

Digitized by Google

Histoire du Second Empire, par *Taxile Delord*, membre de l'Assemblée Nationale. Tome troisième. Paris 1873. *(Исторія Второй Имперіи, соч. Таксиля Делора, томъ третій).*

Первые два тома этой «Исторіи» были напечатаны въ либеральныя времена второй имперіи: въ 1869 и 1870 годахъ. Въ первомъ томѣ даровитый авторъ разсказывалъ происхожденіе второй имперіи и ея создателя Луи-Наполеона, и первые годы царствованія до крымской войны включительно; во второмъ томѣ была представлена картина партій въ первыя времена имперіи и затѣмъ разсказывались событія 1859—1860 годовъ.

Нынѣшній томъ начинается изложеніемъ экспедицій въ Китай и Сирію и заканчивается дипломатическими ошибками Наполеона въ польскомъ и датскомъ вопросахъ. Двѣ отдѣльныя главы посвящены мексиканской кампаніи, но самую интересную часть третьяго тома составляетъ описаніе выборовъ въ законодательный корпусъ въ 1863 году. Въ прежнихъ томахъ авторъ касался административнаго давленія на выборахъ лишь слегка, немногими фактами: онъ, очевидно, боялся слишкомъ сильно разверединть эту гнойную язву монархіи Наполеона III-го. Теперь второй имперіи нѣтъ, и потому удобно разоблачить всѣ ея интриги, въ которыя пускалась она для того, чтобы имѣть искусственное «большинство» членовъ въ законодательномъ корпусѣ. Дай имперія французскому народу хоть разъ свободно высказать свое мнѣніе объ образѣ правленія, и Франція давно уже дала бы тотъ отвѣтъ, который даетъ она теперь Тьеру. Тотъ самый крестьянинъ, котораго такъ сильно бранили, надъ невѣжествомъ котораго такъ жестоко глумились, говоритъ въ наше время, при свободѣ выборовъ, совсѣмъ не то, что говорилъ онъ при Наполеонѣ III-мъ, подъ бременемъ цѣлой массы давленій со стороны всемогущей администраціи. Но нашъ авторъ не можетъ отдѣлаться отъ предразсудка противъ крестьянскаго сословія, и поэтому рисуетъ его слишкомъ мрачными красками. „Французская революція — говоритъ Делоръ — освободивъ крестьянина посредствомъ собственности, нисколько не измѣнила его нравственныхъ привычекъ; его образованіе и воспитаніе остались почти тѣ же, чѣмъ были они въ 1789. Революція представляется крестьянину фактомъ темнымъ и отдаленнымъ, причины и послѣдствія котораго онъ понимаетъ слишкомъ смутно. Кусокъ земли, который онъ обработываетъ теперь, былъ купленъ его дѣдомъ у націи, которая отняла его у дворянъ и поповъ; эти послѣдніе стремились вернуть его въ свои руки, но человѣкъ, именуемый *Наполеонъ*, защитилъ это крестьянское наслѣдство,—вотъ все, что знаетъ крестьянинъ о революціи". Всѣ эти разсужденія о крестьянинѣ прекрасно характеризуютъ республиканскія чувства автора, но ничего не говорятъ

Digitized by Google

въ защиту пренебреженія къ крестьянамъ. О значеніи революціи 1789 года имѣютъ смутныя понятія не одни крестьяне только, но и городскіе рабочіе, да и сами зажиточные классы во Франціи—и тѣмъ не менѣе городскіе рабочіе и зажиточные люди оказывали оппозицію второй имперіи, и если они дѣлали оппозицію, то вовсе не потому, что здраво понимали принципы великой революціи, а главнымъ образомъ потому, что на нихъ нельзя было оказывать столь сильнаго административнаго давленія, какъ на крестьянъ. Самъ Делоръ даетъ нынѣ столь яркую картину этого давленія, что непонятно, съ какой стати онъ находитъ нужнымъ увѣрять еще своихъ читателей въ томъ, что будто бы нынѣшній французскій крестьянинъ, по своему образованію и воспитанію, почти ничѣмъ не отличается отъ крестьянъ 1789 года. Это неправда, и притомъ самая очевидная: ее опровергаютъ и статистическія цифры, и тотъ промышленный прогрессъ, который совершила Франція въ продолженіи XIX вѣка, такъ какъ всѣ факты этого прогресса (напримѣръ: желѣзныя дороги) не могли остаться безъ всякаго цивилизаціоннаго вліянія на умы крестьянъ.

Однако крестьянинъ подавалъ свой голосъ за имперію... но только не по невѣжеству исключительно, а главнымъ образомъ потому, что съ подачею голоса, подъ вліяніемъ административныхъ давленій, ему нельзя было не связывать вопроса о своемъ личномъ существованіи, объ участи его семьи. „Крестьянинъ — разсказываетъ самъ Делоръ — вообще робкій, дрожитъ, когда чувствуетъ на себѣ ближайшій надзоръ: мэры, мировые судьи, священники, полевые сторожа, жандармы — всѣ устремляютъ на него свои очи до выборовъ, во время ихъ, и послѣ. Эти надзиратели сами, въ свою очередь, находятся подъ надзоромъ кантональнаго коммиссара полиціи, которому поручено возбуждать рвеніе въ оффиціальномъ мірѣ деревни. Коммиссаръ не ограничивается вторженіемъ въ домъ крестьянина, онъ проникаетъ даже въ залу общинныхъ собраній, гдѣ онъ безцеремонно журитъ своихъ подчиненныхъ, если замѣтитъ въ нихъ ослабленіе рвенія. Полицейскій коммиссаръ дѣйствуетъ на населеніе посредствомъ устрашенія. Двое жандармовъ вели одного избирателя оппозиціи черезъ деревню въ департаментѣ Жиронды; полицейскій коммиссаръ, указывая на арестованнаго избирателя, кричалъ толпѣ: „Вотъ приверженецъ мосье Деказа, посмотрите, какъ съ нимъ обращаются...“ Не слѣдуетъ забывать, что ничего крестьянинъ такъ сильно не побаивается, какъ суда, къ которому его безпрестанно притягиваютъ. Недовѣріе къ правосудію укоренилось *(и не безъ причинъ)* въ немъ съ давнихъ поръ; онъ довѣряетъ только протекціи, и онъ готовъ преклониться передъ самыми ничтожными

Digitized by Google

агентами того, отъ кого шли всѣ милости, то-есть, префекта" (стр. 404—405).

Это все тяжело, конечно, но что же было дѣлать крестьянину при подобныхъ обстоятельствахъ? Онъ желалъ прежде всего вовсе не участвовать въ выборахъ, но его гнали туда угрозами. Помогать ему никто не хотѣлъ, оставалось только покориться требованіямъ своего безвыходнаго положенія и подавать голосъ за оффиціальныхъ кандидатовъ. Такъ онъ и дѣлалъ, и нѣтъ сомнѣнія, этотъ поступокъ налагалъ на всю жизнь крестьянина извѣстный оттѣнокъ деморализаціи. Но такая же деморализація проникала, во времена второй имперіи, все французское общество, всѣ слои его, и потому приписывать существованіе Наполеоновской диктатуры преимущественно крестьянскому сословію, и въ особенности его невѣжеству, несправедливо. Но это приписываютъ ему почти всѣ представители французскаго республиканизма, отчего же Делору не повторить подобной ошибки? Историческая точка Делора именно республиканская, и на все онъ смотритъ, поэтому, въ очки особаго рода, въ очки той партіи, которой онъ состоитъ представителемъ въ версальскомъ національномъ собраніи. Но тѣмъ не менѣе, онъ талантливый повѣствователь, и его книга исполнена весьма интересныхъ фактовъ.

Посмотримъ теперь по Делору, какъ поступала императорская администрація съ кандидатами въ члены законодательнаго корпуса. У нея были такъ-называемые „оффиціальные кандидаты", которыхъ имперія поддерживала всѣми способами и силами, находившимися въ ея власти, а на „оппозиціонныхъ", будь онъ легитимистъ, орлеанистъ, республиканецъ, клерикалъ или просто приверженецъ конституціонныхъ порядковъ, имперія смотрѣла какъ на злѣйшихъ своихъ враговъ, противъ которыхъ дозволительно принимать всякія средства. Конечно, въ большихъ городахъ и Парижѣ администрація вела себя съ ними болѣе или менѣе прилично, но за то въ мелкихъ городахъ и вообще въ провинціальныхъ избирательныхъ округахъ страсти усердствовавшихъ мѣстныхъ администраторовъ разнуздывались во время выборовъ до-нельзя. Самое появленіе „независимаго" кандидата въ провинціи сопровождалось разными затрудненіями и непріятностями. Какъ только узнавали объ его пріѣздѣ, сейчасъ же пускались въ ходъ всѣ административные фокусы, чтобы отравить ему самое пребываніе въ избранномъ имъ округѣ: за нимъ учреждали тайный надворъ, который проникалъ съ своими сплетнями и клеветами до самыхъ интимныхъ, семейныхъ отношеній кандидата, а мѣстныя оффиціальныя газеты занимались печатаніемъ всѣхъ этихъ свѣдѣній. Оппозиціонный кандидатъ желалъ, разумѣется, опровергать оффиціозную газету, но для этого нуженъ типографщикъ—и

Digitized by Google

вѣтъ являлось первое затрудненіе крупнаго свойства. Если въ маленькихъ городахъ есть два типографщика, то одинъ почти всегда зависитъ отъ префекта, а другой отъ епископа. Типографщикъ же, независимый отъ префекта и епископа, все-таки находится въ зависимости отъ законодательства по дѣламъ печати—этой страшной западни, въ которую его могли поймать при всякомъ случаѣ. Но, положимъ, кандидатъ преодолѣлъ эти затрудненія, и его циркуляръ, только-что отпечатанный, еще мокрый, лежитъ передъ нимъ. Какимъ путемъ доставить его избирателямъ? Есть три пути: наклеиваніе на улицахъ, почта и разносъ съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ требованій; но нужно найти наклейщиковъ и разносчиковъ. Наклейщикъ, въ маленькомъ городѣ, обыкновенно лицо оффиціальное, которое не пожелаетъ лишиться своего мѣста ради удовольствія оказать услугу дѣлу свободы. Вольный же наклейщикъ долженъ обладать значительнымъ гражданскимъ мужествомъ, чтобы наклеить свою прокламацію подлѣ прокламаціи императора. Противъ наклейщиковъ вѣдомство публичныхъ работъ настроило множество засадъ: у этого вѣдомства, какъ у типографскаго, есть свои регламенты, и одному Богу извѣстно, оставляютъ ли эти регламенты открытою хотя бы одну гражданскую лазейку. Не имѣя наклейщика, кандидатъ принужденъ бываетъ иногда самъ вооружиться мазилкою и горшкомъ съ клейстеромъ. Въ деревняхъ оппозиціонный наклейщикъ и его сообщники дѣлали свое дѣло по ночамъ, пользуясь темнотою, но ихъ прокламаціи срывала на другой же день сердитая рука мера или полевого сторожа, или, если на послѣднихъ находила минута шутливаго веселья, заклеивала ее прокламаціей оффиціальнаго кандидата. Срываніе оппозиціонныхъ прокламацій не составляло въ глазахъ мѣстныхъ судовъ никакого нарушенія закона. Въ самомъ выгодномъ случаѣ, жаловавшійся на подобный проступокъ кандидатъ получалъ въ удовлетвореніе административный выговоръ виновному чиновнику.

„Оставалась почта; но можно ли положиться на нее? Во время выборовъ отовсюду слышались жалобы на то, что избирательныя бюллетени опаздываютъ, циркуляры теряются; были примѣры, что избирательные листки просто бросали въ помойную яму. Случалось, что посылки достигали мѣста своего назначенія, но по какому-то странному чуду, подъ каждый циркуляръ независимаго кандидата залегъ циркуляръ оффиціальнаго, а подъ каждымъ свободнымъ бюллетенемъ очутился бюллетень штемпелеванный.

„Свободный разносчикъ долженъ былъ обладать душою героя и мужествомъ мученика, чтобы устоять противъ увѣщаній, угрозъ, а иногда и ударовъ, которыми преслѣдовали его и коммиссары и

Digitized by Google

мэры, и жандармы, и полевые сторожа, и шоссейные служители; но герои и мученики рѣдки въ деревняхъ. Такимъ рѣдкимъ человѣкомъ явился въ Гёре молодой солдатъ въ отпуску, а въ Ламіонѣ въ разносчики пошелъ какой-то свинопасъ. Первый тотчасъ же получилъ приказъ вернуться въ полкъ, а второго бросили въ тюрьму за распространеніе ложныхъ извѣстій, но потомъ освободили" (Стр. 406, 407, 408).

Совсѣмъ иное было положеніе оффиціальнаго кандидата въ провинціи. Онъ почти ничего не дѣлалъ, всю избирательную агитацію вели за него мѣстныя власти. Полевые сторожа разносили и наклеивали его прокламаціи повсюду: на домахъ, на стволахъ деревъ, на всѣхъ видныхъ мѣстахъ. Почта не теряла его посылокъ, электричество не разсѣявалось отъ дурной погоды; все двигалось быстро и аккуратно. Правительство, кромѣ своей обыкновенной арміи мѣстныхъ чиновниковъ, предоставляло ему и свой *ландверъ*. Инспекторъ училищъ Кот-д'Орскаго округа требовалъ у своихъ подчиненныхъ, чтобы они ему сообщили имена и адрессы всѣхъ „старыхъ солдатъ, живущихъ въ общинѣ и пользующихся избирательнымъ правомъ; всѣхъ, имѣющихъ медали св. Елены, кавалеровъ Почетнаго Легіона, всѣхъ отставныхъ разныхъ вѣдомствъ, торговцевъ табакомъ, кабатчиковъ, лицъ, занимающихъ какую-либо общественную должность въ силу какой-нибудь оффиціальной привилегіи: каменьщиковъ, архитекторовъ, отцовъ сыновей, которые должны были вынимать въ будущемъ году рекрутскій жребій, отцовъ сыновей, которые уже служили или находились въ резервѣ". Другой инспекторъ училищъ справнивалъ имена отцовъ всѣхъ чиновниковъ, всѣхъ молодыхъ людей, служившихъ на желѣзныхъ дорогахъ и въ горномъ вѣдомствѣ. Это все пособники оффиціальной кандидатуры. Народные учителя тоже должны входить въ этотъ ландверъ. Тотъ же Кот-д'Орскій инспекторъ пишетъ къ нимъ въ своемъ циркулярѣ:—„Бороться противъ административныхъ кандидатуръ, значитъ бороться противъ самого императора. Принять и покровительствовать другимъ, тоже значитъ служить и оплочаться противъ него... Не бороться противъ нихъ, т.-е. административныхъ кандидатуръ, и въ то же время не поддерживать ихъ, значитъ покинуть ихъ, то-есть оставаться „съ ружьемъ къ ногѣ" во время битвы. Ваше равнодушіе вызоветъ во мнѣ изумленіе и сожалѣніе, а ваша враждебность станетъ въ моихъ глазахъ преступною и непростительною низостью".

Судебное вѣдомство тоже работало, во время выборовъ, по желаніямъ префекта и оффиціальнаго кандидата. Въ Ламаншѣ, кандидатъ, сообщая о своемъ скоромъ пріѣздѣ мировымъ судьямъ, предупреждалъ ихъ о томъ, что они должны познакомить его съ мэрами

Digitized by Google

каждаго кантона. Мэры дѣйствовали почти всегда такъ, какъ желалъ префектъ, иначе ихъ изгоняли съ мѣста; въ департаментѣ Лозеры префектъ смѣстилъ 28 меровъ и ихъ помощниковъ за то, что независимый кандидатъ успѣлъ одержать верхъ надъ оффиціальнымъ. Делоръ сообщаетъ множество заявленій разныхъ мэровъ во время выборовъ,— заявленій, крайне тенденціозныхъ. Но кромѣ увѣщанія своихъ согражданъ, мэры пользовались еще прямымъ вмѣшательствомъ въ дѣло выборовъ, во время подачи голосовъ. Въ день голосованія, каждый мэръ долженъ былъ наблюдать за своими подчиненными, ревностно ли они служатъ оффиціальной кандидатурѣ. Тайное голосованіе нисколько не гарантировало избирателя, стоило только оффиціальному кандидату надписать свое имя на избирательномъ листкѣ изъ прозрачной бумаги. Деревенскіе избиратели, чтобы дойти до залы, гдѣ отдаются бюллетени, проходятъ по узкому корридору, гдѣ секретарь мэріи, офицеры пожарной команды, начальники жандармовъ, городскіе квартирмейстеры, полевые и шоссейные сторожа, видя въ рукахъ избирателя непрозрачный листокъ, тотчасъ же пристаютъ къ нему, чтобы онъ замѣнилъ его бюллетенемъ оффиціальнаго кандидата, который тутъ же и предлагается. Многіе мэры дѣйствовали еще проще: просто рвали и бросали оппозиціонные бюллетени. Во многихъ общинахъ не было въ заводѣ даже избирательнаго ящика, и бюллетени собирались тамъ въ шляпы, салатники, суповыя чашки, а въ иныхъ мѣстахъ еще откровеннѣе—въ карманы самого мера! Понятно, что при такомъ способѣ голосованія объ избирательной тайнѣ никто и не думалъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ административныхъ давленій, вторая имперія и ея кандидаты пускали въ дѣло и подкупъ, иногда крайне комическаго свойства. Такъ, хозяйки въ Мостежу, собравшись въ день выборовъ передъ лавкою мясника, посматривали съ завистью на отличнаго теленка, на которомъ красовалась надпись: „Теленокъ г. Кальве". Надпись эта означала, что завтра избиратели съѣдятъ этого теленка за торжественнымъ обѣдомъ своего кандидата...

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ легко составить себѣ правильное понятіе о томъ, чье мнѣніе выражалъ собою законодательный корпусъ при второй имперіи: страны ли, или самой администраціи? Отвѣтственность за катастрофу второй имперіи лежитъ потому всецѣло на Наполеонѣ III, а не на „деревенскомъ большинствѣ", которое сдѣлали козломъ отпущенія за грѣхи, въ которыхъ оно неповинно.

Digitized by Google

L'Instruction du peuple. Par *Emile de Laveleye*, membre des Académies de Belgique et de Lisbonne, correspondant de l'Institut de France etc., etc. Paris, Hachette et C°, 1872. (Образованіе народа, соч. *Емиля Лавелэ*).

Сочиненіе Эмиля де-Лавелэ о народномъ образованіи заслуживаетъ всеобщаго вниманія какъ по обилію матеріала, собраннаго и разработаннаго авторомъ въ видахъ уясненія всѣхъ сторонъ народнаго образованія, такъ и по здравой логикѣ и благороднымъ стремленіямъ этого опытнаго писателя. Лавелэ—бельгіецъ, но почти всѣ его труды принадлежатъ общей французской литературѣ, и всѣ они издавались во Франціи. Въ послѣдніе годы изъ-подъ его пера вышло нѣсколько дѣльныхъ статей для англійской печати. Во французской печати главнымъ и чуть-ли не единственнымъ мѣстомъ его дѣятельности служитъ извѣстный журналъ: *Revue des deux Mondes*. До нынѣшней книги, почти всѣ другія отдѣльныя изданія Лавелэ печатались предварительно въ этомъ *Revue*. Такимъ образомъ, новое сочиненіе о народномъ образованіи является передъ публикою въ первый разъ.

Статья о Россіи у Лавелэ написана дѣльно и даетъ всѣ данныя, необходимыя для правильнаго сужденія о положеніи народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ,—есть, правда, и промахи: законъ 1864 года о народныхъ училищахъ приписывается князю Павлу Гагарину, а не дѣйствительному его составителю; но съ русскими фамиліями иностранные писатели какъ-то всегда путаются и попадаютъ въ просакъ. Свои статистическія данныя о Россіи Лавелэ беретъ изъ Клёдона, изъ отчетовъ нашего министерства народнаго просвѣщенія, и изъ „Archives de Statistique militaire", подъ которымъ, вѣроятно, слѣдуетъ разумѣть „Военно-Статистическій Сборникъ."

Разсуждая о настоящемъ положеніи народнаго образованія въ въ Россіи по оффиціальному отчету 1871 года, Лавелэ находитъ это положеніе „дѣйствительно прискорбнымъ" — *réellement affligeant*, а между тѣмъ распространеніе народнаго образованія онъ считаетъ „первою потребностью Россіи". Россія—говоритъ авторъ—„владѣетъ, подобно Соединеннымъ Штатамъ, громадною и плодоносною территоріею, отчего же она остается страною бѣдною, тогда какъ развитіе американской республики—развитіе небывалое, чудесное? А оттого (продолжаетъ Лавелэ), что здѣсь невѣжество почти общее, между тѣмъ какъ Соединенные Штаты — страна, которая сдѣлала больше всѣхъ другихъ въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія". Отыскивая причину отсталости Россіи въ дѣлѣ народнаго образованія, Лавелэ останавливается сперва на „доброй волѣ русскихъ государей" и удивляется, какъ это такъ случилось, что въ Пруссіи, по приказу короля и его министра Альтенштейна, повсюду учредились народныя школы и всѣ жители пріобрѣли первоначальное образованіе,

Digitized by Google

между тѣмъ какъ въ Россіи, хотя каждый государь, въ продолженіи послѣднихъ 150 лѣтъ, дѣлалъ усилія въ пользу народнаго образованія, народная школа все пребывала на одномъ мѣстѣ? Далѣе, его смущаетъ фактъ рѣдкости населенія; но примѣръ Норвегіи разъясняетъ его смущеніе: тамъ на каждую квадратную миль приходится по 257 жителей, между тѣмъ какъ въ Россіи ихъ 694, и несмотря на то, въ Норвегіи почти всѣ жители умѣютъ читать и писать. Убѣдившись, такимъ образомъ, въ отсутствіи государственныхъ и географическихъ препятствій, нашъ авторъ ищетъ ихъ въ общественныхъ силахъ, и находитъ въ православномъ духовенствѣ, которое онъ считаетъ еще болѣе безпечнымъ въ дѣлѣ народнаго образованія, чѣмъ духовенство римско-католическое. Однако, намъ кажется, что авторъ забылъ самую важную причину отсталости Россіи, именно: крѣпостное право. Въ этомъ вліяніи автора могъ бы убѣдить аналогичный фактъ въ южныхъ штатахъ американской республики: какъ тамошніе плантаторы, такъ и наши помѣщики находили ненужнымъ и даже вреднымъ образованіе своихъ рабовъ или крѣпостныхъ людей. Только въ настоящее время, только отъ нынѣшней, свободной отъ крѣпостного права Россіи, можно требовать серьёзныхъ мѣръ для распространенія образованія въ нашей народной массѣ, и Лавелэ совершенно правъ въ своемъ жесткомъ словѣ о законѣ 1864 года, который „ограничивается только ободреніемъ". „Посвятить какіе-нибудь 100,000 рублей на гигантское дѣло, требующее сотни милліоновъ, да вѣдь это—восклицаетъ нашъ авторъ—значитъ пожелать оросить и оплодотворить Сахару одною каплею воды! Въ Соединенныхъ Штатахъ (продолжаетъ онъ), въ 1869 г., два гражданина дали каждый по 5-ти милліоновъ для устройства школъ, и штаты, въ которыхъ не болѣе одного милліона жителей, назначаютъ ежегодно по 4—5-ти милліоновъ на одну только постройку училищъ. И Россіи необходимо сдѣлать гигантское усиліе, похожее на то, которое проявилось въ проведеніи желѣзныхъ дорогъ. Государство должно ежегодно посвящать по крайней мѣрѣ 50 милліоновъ на созданіе учительскихъ семинарій и на выдачу субсидій, на англійскій манеръ, пропорціонально числу учениковъ, которые, при экзаменѣ инспектора училищъ, окажутся умѣющими читать, писать и считать. Недостаточно „ободрять". Во всѣхъ государствахъ и даже въ штатахъ американскаго Союза, гдѣ необходимость образованія понята столь хорошо, законъ налагаетъ на общины извѣстныя издержки на школу. Тѣ же предписанія необходимы и въ Россіи". Такъ думаютъ иностранцы, знакомые съ нашею народною необразованностью только по слухамъ.

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Годовое собраніе 2-го февраля 1873 г.

По открытіи собранія, состоявшаго изъ 39 членовъ, секретарь и казначей прочли слѣдующіе отчеты о дѣйствіяхъ комитета за 1872 г.

А) Мм. гг. Къ 1-му января 1872 года числилось въ обществѣ 383 члена. Въ теченіи 1872 года избрано вновь 41. Внесены въ списокъ за уплатой недоимокъ за прежніе годы 2. Исключены изъ списка умершіе 8 *). Признаются сложившими съ себя званіе членовъ, по случаю неплатежа денегъ въ теченіи болѣе двухъ лѣтъ, 8. Отказался отъ званія члена 1. Затѣмъ, къ 1-му января 1873 года числится въ спискѣ членовъ общества 400, въ томъ числѣ 28 дамъ.

Общество имѣло, по уставу, четыре обыкновенныхъ собранія, одно годовое (2-го февраля) и одно чрезвычайное. Комитетъ имѣлъ 26 *обыкновенныхъ* засѣданій, *одно чрезвычайное.*

Въ общихъ собраніяхъ присутствовало: 2-го января—20; 2-го февраля—39; 23-го апрѣля—15; 22-го октября—15, и 31-го декабря—29 членовъ.

Въ теченіи 1872 г. комитетомъ были произведены слѣдующія денежныя пособія:

1) *Пенсіи* продолжались:

Одному лицу „Дружининская" въ 300 р.; 5-ти по 300 р.; 1-му въ 240 р.; 1-му въ 210 р.; 2-мъ по 200 р.; 2-мъ по 180 р.; 4-мъ по 120 р.; 1-му въ 100 рублей.

Въ теченіи 1872 года въ составѣ пенсіонеровъ общества произошли слѣдующія перемѣны: Двѣ пенсіонерки скончались, и вслѣдствіе ходатайства сестры ихъ о предоставленіи ей части ихъ пенсіи собираются необходимыя для разрѣшенія этого ходатайства свѣдѣнія. За смертію пенсіонера, производившаяся ему пенсія назначена вдовѣ его.

Вновь назначены пенсіи: вдовамъ извѣстныхъ писателей: одной по 240 р. съ 1-го ноября 1872 года, и другой съ 1-го января 1873 г. по 300 р.

Всего, по прежнимъ и новымъ назначеніямъ, въ 1872 г. выдано 18 пенсій на сумму 3,830 р.

2) *На воспитаніе и ученіе* по прежнимъ и новымъ назначеніямъ ассигновано въ 1872 году 1,469 руб. 69 коп., и въ то число выдано 1,252 руб. 19 коп.

*) Б. И. Утинъ, А. Ѳ. Жоховъ, Ѳ. Ѳ. Кейзеръ, С. Н. Палаузовъ, П. П. Пекарскій, М. Ѳ. Ростовская, И. Б. Штейнманъ и Д. И. Каченовскій.

Digitized by Google

3) *Единовременныя пособія* назначены 84 лицамъ или семействамъ на сумму 6,685 руб., въ томъ числѣ семи лицамъ назначалось пособіе въ теченіи года по два раза.

4) *Ссуды* выданы двумъ лицамъ на 600 руб.

5) *Продолжительное пособіе* назначено вдовѣ писателя по 100 руб. на два года (1872 и 1873 г.).

Такимъ образомъ, въ теченіи 1872 года всего пособій назначено 121 лицу на сумму 12,684 р. 69 к., и въ то число выдано 12,377 руб. 19 копѣекъ.

Сверхъ выдачи денежныхъ пособій Комитетъ входилъ въ сношенія съ редакціями нѣкоторыхъ повременныхъ изданій по случаю ходатайства писателей о содѣйствіи имъ къ исполненію редакціями ихъ обѣщаній или условій. Съ такими просьбами обращались къ Комитету три лица. На всѣ отношенія Комитета отвѣтовъ отъ редакцій не получено. По просьбѣ одного изъ указанныхъ лицъ, г. Уткина, о дѣлѣ его съ редакціей „Петербургской Газеты" упомянуто въ извлеченіяхъ изъ журнала Комитета, съ означеніемъ именъ обѣихъ спорящихъ сторонъ, на точномъ основаніи утвержденныхъ общимъ собраніемъ 2 февраля 1872 года правилъ.

Кромѣ того, по просьбѣ одного лица собирались свѣдѣнія о времени высылки ему 150 рублей однимъ книгопродавцемъ; по ходатайству другого лица вытребована его рукопись изъ редакціи одного журнала, и наконецъ по просьбѣ одной переводчицы сообщено редакціи требованіе просительницы объ удовлетвореніи ея за сдѣланный ею переводъ. По ходатайству предсѣдателя общества А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, одному писателю доставлено мѣсто. Комитетъ входилъ также въ министерство юстиціи съ представленіемъ объ увеличеніи размѣра пенсіи вдовѣ писателя за службу ея мужа, но представленіе это не удовлетворено, и потому Комитетъ ходатайствовалъ о назначеніи той же вдовѣ пенсіи изъ Комитета заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, о назначеніи спектакля въ пользу ея семейства и объ опредѣленіи сына ея въ военное училище. При содѣйствіи генералъ-лейтенанта Н. В. Корсакова, сынъ просительницы уже опредѣленъ въ училище; ходатайство же о назначеніи спектакля въ пользу этого семейства, какъ несогласное съ Высочайше утвержденными правилами о поспектальной платѣ, отклонено. По ходатайству Комитета, управляющимъ морскимъ министерствомъ назначено ежегодное пособіе въ 150 руб. дочери извѣстнаго мореплавателя. Комитетъ принималъ мѣры, но безуспѣшно, къ помѣщенію дочери покойнаго преподавателя исторіи въ больницу умалишенныхъ. Малолѣтный сынъ покойнаго археолога, при содѣйствіи члена общества И. Д. Делянова, опредѣленъ въ гимназію пансіонеромъ. Комитетъ, по желанію вдовы писателя, обратился къ наказному атаману войска донского съ просьбой о предоставленіи ей мѣста повивальной бабки, но отвѣта по этому предмету еще не получено. Комитетъ входилъ въ сношенія о высылкѣ изъ московскаго университета учительскаго диплома одному писателю. По просьбѣ сына покойнаго преподавателя исторіи, комитетъ поручалъ К. Д. Кавелину собрать свѣдѣнія о ходѣ печатанія перевода покойнаго. По просьбѣ вдовы одного романиста, Комитетъ принялъ на себя ходатайство о помѣ-

Digitized by Google

щеніи просительницы въ контрольное отдѣленіе канцеляріи совѣта главнаго общества желѣзныхъ дорогъ.

Отклонено 70 просьбъ 53 просителей. Разрѣшеніе одной просьбы отложено впредь до представленія просительницей болѣе подробныхъ свѣдѣній о правахъ ея на помощь со стороны общества.

Семь прошеній не были разрѣшены къ концу года по неполученію нужныхъ свѣдѣній.

За смертію казначея общества Б. И. Утина должность казначея, по предложенію Комитета, принялъ на себя членъ комитета Н. Н. Тютчевъ. Во время же отсутствія Б. И. Утина высылка и выдача пенсій и продолжительныхъ пособій были возложены на В. П. Гаевскаго.

26 февраля 1864 года, въ память покойнаго члена общества Дружинина, положено было назвать „Дружининскою" старшую изъ производимыхъ обществомъ пенсій; но такъ какъ, съ теченіемъ времени, постановленіе это было забыто, то комитетъ и призналъ нужнымъ поручить секретарю и казначею называть въ отчетахъ означенную пенсію—«Дружининскою».

По заявленію К. Д. Кавелина о необходимости наблюденія за питомцами общества, было поручено казначею: при выдачѣ денегъ на воспитаніе питомцевъ, отбирать отъ ихъ попечителей точныя свѣдѣнія о мѣстѣ ихъ жительства и воспитанія.

По предположенію К. Д. Кавелина объ устройствѣ концерта въ пользу общества, назначена была особая коммиссія, изъ К. Д. Кавелина, П. В. Анненкова, В. П. Гаевскаго, М. Е. Салтыкова и Н. Н. Тютчева, для обсужденія этого предположенія. Принятыя затѣмъ В. П. Гаевскимъ мѣры къ устройству концерта были одобрены комитетомъ, и 29 марта состоялся концертъ, который и далъ чистой выручки 2,353 р.

Вслѣдствіе помѣщенной въ № 245 газеты «Русскій Міръ» замѣтки о дѣйствіяхъ комитета по дѣлу о назначеніи пособія одному лицу, редакціи означенной газеты была сообщена справка изъ дѣла, съ просьбою о напечатаніи этой справки въ одномъ изъ нумеровъ газеты. Просьба эта была исполнена.

Б) Изъ отчета, прочтеннаго казначеемъ, видно, что состояніе кассы литературнаго фонда въ теченіи 1872 года, было слѣдующее:

I. Къ 1-му января 1872 г. состояло въ кассѣ		54,347 р. 39 к.
Въ томъ числѣ:		
1) Процентными бумагами	53,140 р. — к.	
2) На текущемъ счету	1,207 » 39 »	
Итого . .	54,347 р. 39 к.	
II. Въ теченіи года записано на приходъ		17,033 р. 30 к.
Всего съ наличностію кассы въ началѣ года . . .		71,380 р. 69 к.
III. Въ теченіи года выписано въ расходъ		13,444 р. 19 к.
IV. Къ 1 января 1873 г. состоитъ на лицо		57,936 р. 50 к.
Въ томъ числѣ:		
1) Процентными бумагами	55,600 р. — к.	
2) На текущемъ счету	1,500 » — »	
3) Деньгами	836 » 50 »	
Итого . .	57,936 р. 50 к.	

Сумма эта 57,936 р. 50 к. превышаетъ состоявшую къ началу года наличность кассы 54,347 р. 39 к. на 3,589 р. 11 к.

Digitized by Google

Между тѣмъ, въ теченіи года отпущено:

1) Пособій на воспитаніе 17 лицъ . . . . . 1,252 р. 19 к.
2) Пенсій 18 семействамъ . . . . . 3.740 » — »
3) Пособій одновременныхъ и постоянныхъ 84 лицамъ . . . . . 6,785 » — »
4) Ссуды 2 лицамъ . . . . . 600 » — »

Вообще разныхъ пособій на . . . .12,377 р. 19 к.

Въ общей сложности воспользовались разными пособіями 121 лицо и семейство.

По стипендіи учрежденной въ память бывшаго предсѣдателя общества, Е. П. Ковалевскаго:

I. Къ 1-му января 1872 г. состояло въ кассѣ . . . 7,606 р. 20 к.
II. Въ теченіи года записано на приходъ . . . . . 973 р. 32 к.

Всего въ приходѣ . . . 8,579 р. 52 к.
III. Въ теченіи года выписано въ расходъ . . . . . 639 р. 55 к.
IV. Затѣмъ состоитъ на лицо къ 1-му января 1873 г. 7,939 р. 97 к.

При настоящемъ устройствѣ капитала получено съ него процентовъ въ 1872 г. 421 р. 32 к.

Въ пользу общества было пожертвовано:

А. Деньгами:

От Государя Императора	1,000 р.	— к.
„ Государыни Императрицы	300 „	— „
„ Великаго Князя Владиміра Александровича	200 „	— „
„ Великаго Князя Алексѣя Александровича	100 „	— „
„ Великаго Князя Константина Николаевича и Великой Княгини Александры Іосифовны	100 „	— „
„ Великой Княгини Елены Павловны	200 „	— „
„ Министерства Народнаго Просвѣщенія	1,000 „	— „
„ А. А. Карасева	10 „	— „
„ Типографіи А. И. Мамонтова и К°	100 „	— „
„ Д. Н. Свербѣева	78 „	— „
„ О—ной	50 „	— „
„ Г-жи Арсеньевой	5 „	— „
„ 3-хъ неизвѣстныхъ	33 „	— „
Процентныя деньги отъ редакцій:		
С.-Петербургскихъ Вѣдомостей	100 „	— „
Отечественныхъ Записокъ	58 „	47 „
Вѣстника Европы	80 „	3 „
По духовнымъ завѣщаніямъ:		
а) Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ф. Г. Тимоѳеева	1.200 „	— „
б) Статскаго совѣтника Н. М. Василевскаго	300 „	— „
Итого . . .	4,914 р.	50 к.

Б) Неденежныя пожертвованія:

М. М. Андреяновъ читалъ публичныя лекціи въ пользу общества.

Гг. Лавровская, Эсипова, Раабъ, Ауеръ и Лешетицкій приняли безвозмездное участіе въ концертѣ, данномъ 29 марта въ пользу общества. Магазины Іогансена, Бютнера и Базунова продавали безвозмездно билеты на этотъ концертъ.

Типографія В. П. Безобразова и К°, какъ и въ прежніе годы, безвозмездно печатала избирательные бланки и за уменьшенную цѣну отчетъ общества за 1871 годъ.

Digitized by Google

Вышеприведенные отчеты секретаря и казначея были доставлены комитетомъ общества ревизіонной коммиссіи, которая, провѣривъ ихъ по денежнымъ книгамъ и документамъ, по журналамъ и дѣламъ комитета, донесла собранію, что счеты и дѣла находятся въ совершенной исправности, и объяснила при этомъ слѣдующее:

Оказавъ помощь многимъ нуждающимся, именно пенсіями 18-ти лицамъ или семействамъ, единовременными пособіями 83-мъ лицамъ, ссудой двумъ лицамъ и въ видѣ пособій на воспитаніе 17-ти лицамъ или семействамъ, комитетъ своими распоряженіями сберегъ еще отъ доходовъ 1872 года значительную сумму, и сбереженіе это было произведено не въ ущербъ прибѣгавшихъ къ нему за помощью. Хотя 53 просителя и получили отказы въ пособіи, но эти отказы, какъ обнаруживается изъ внимательнаго разсмотрѣнія дѣлъ комитета, сдѣланы были съ величайшею осмотрительностью и имѣли весьма уважительныя основанія. Вообще коммиссія долгомъ считаетъ свидѣтельствовать, что она замѣтила въ дѣйствіяхъ комитета строгую разборчивость при назначеніи пособій, и если встрѣтила уклоненіе отъ этого характера его дѣятельности, то не болѣе, какъ въ одномъ случаѣ, гдѣ, по ея мнѣнію, комитетъ принялъ въ основаніе, при назначеніи пособія, мотивъ не вполнѣ правильный (жур. № 31 ст. 3).

Въ статьѣ отчета секретаря о занятіяхъ членовъ общества, коммиссія остановилась на малочисленности лицъ, посѣщающихъ общія собранія.

Для опредѣленія отношеній членовъ общества къ дѣятельности комитета, ревизіонная коммиссія имѣла двоякаго рода данныя: членскіе взносы и посѣщеніе членами общихъ собраній. Въ 1872 году доставили взносы 265 чл., и кромѣ того, въ разное время уплатили постепенные взносы 89 членовъ. Такимъ образомъ, только 12% не доставили свои взносы; а присутствовало въ общихъ собраніяхъ, вмѣстѣ съ членами комитета, maximum 39 чл., т.-е. 90% не присутствовали. Если первая цифра доказываетъ, что комитетъ продолжаетъ, попрежнему, привлекать къ себѣ все вниманіе членовъ общества, которые въ значительномъ большинствѣ спѣшатъ доставить ему денежныя средства къ дальнѣйшей дѣятельности, то съ другой стороны ничтожное меньшинство членовъ, являющихся въ общія собранія, говоритъ какъ будто бы о совершенно противоположномъ. Ревизіонная коммиссія, обративъ вниманіе на этотъ фактъ, пришла къ убѣжденію, что такое, повидимому, противорѣчіе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что общія собранія такого общества, гдѣ членами являются или сами литературные дѣятели, или лица, принимающія участіе въ судьбѣ отечественной литературы и тѣхъ силъ, которыя посвящаются ей не только въ минуты досуга, но и всецѣло, — что такія общія собранія не представляютъ достаточнаго интересса, даже лишены того интересса, какой могутъ возбуждать въ своихъ членахъ собранія всякихъ другихъ, не-литературныхъ обществъ, и именно по исключительному положенію членовъ нашего комитета, сравнительно съ комитетами и правленіями другихъ обществъ: нашъ комитетъ едва-ли не единственный, гдѣ члены несутъ безвозмездную службу; это во-первыхъ; а во-вторыхъ, по уставу нашего общества весьма справедливо воспрещено въ общихъ собра-

Digitized by Google

ніяхъ упоминать лица, которыя обращаются къ комитету съ просьбами или пользуются помощью кассы нашего общества.

Такое невыгодное положеніе комитета и общихъ собраній, по всей справедливости, должно быть уравновѣшено другою обстановкой какъ комитета, такъ и общихъ собраній, которая бы соотвѣтствовала и характеру самаго общества и тому интересу, который оно возбуждаетъ, находя себѣ богатую поддержку въ теченіи тринадцати лѣтъ существованія какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ общественномъ кругу: пожертвованія Августѣйшей фамиліи однѣ равняются болѣе трети всѣхъ членскихъ взносовъ; министерство народнаго просвѣщенія ежегодно доставляетъ сумму, равняющуюся 1/5 всѣхъ членскихъ взносовъ; въ послѣднее время начали являться, какъ то видно изъ послѣдняго отчета комитета, завѣщанія значительныхъ суммъ въ пользу общества. При такомъ покровительствѣ со стороны высшаго правительства и при постоянномъ общественномъ вниманіи къ нашему обществу, нѣтъ сомнѣнія, что всякія мѣры со стороны комитета для возбужденія интереса къ своей дѣятельности будутъ приняты повсюду съ полнымъ сочувствіемъ. Что же касается до самыхъ мѣръ, то онѣ указываются прежде всего наличными средствами состава самого общества, въ средѣ котораго находится много литературныхъ силъ, и общимъ характеромъ этого состава, вообще заинтересованнаго судьбой отечественной литературы. На основаніи этого, ревизіонная коммиссія предложила комитету разработать подробный планъ организаціи чтеній въ общихъ собраніяхъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, и представить его на обсужденіе общаго собранія для дальнѣйшаго потомъ ходатайства предъ правительствомъ объ утвержденіи одобренной обществомъ программы чтеній, съ цѣлью придать общимъ собраніямъ научный и литературный интересъ.

Наконецъ, ревизіонная коммиссія обратила вниманіе на появившіяся въ №№ 321 и 328 газеты „Новости" прошлаго года двѣ статьи, заключающія въ себѣ нареканія на дѣйствія комитета и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его членовъ. Какъ бы ни были голословны и неприличны подобныя журнальныя выходки, и въ какомъ бы періодическомъ изданіи онѣ напечатаны ни были, онѣ могутъ поселять въ публикѣ невыгодное мнѣніе объ обществѣ и вредить его чести и кредиту. Вслѣдствіе этого, коммиссія просила комитетъ сообщить ей данныя и факты, которые могли бы послужить основаніемъ къ разъясненію означенныхъ нареканій, и внимательно разсмотрѣвъ подлинные, доставленные комитетомъ документы, можетъ теперь свидѣтельствовать, что названныя статьи наполнены совершенно невѣрными свѣдѣніями.

Такъ, во-1-хъ, въ № 321 газеты „Новости" сказано, что Общество „ничего не сдѣлало" для покойныхъ Андреева и Хмырова. Между тѣмъ изъ дѣлъ Комитета видно, что этимъ лицамъ и ихъ семействамъ были оказаны слѣдующія пособія: въ мартѣ 1870 г. Андрееву было выдано 150 р. и въ ноябрѣ того же года 21 р.; затѣмъ, 18-го января 1871 года женѣ его выдано 20 р.; а 31-го января хотя ходатайство ея о пособіи изъ суммъ фонда и отклонено, но по частной подпискѣ въ ея пользу собрано 37 р. Наконецъ, 2-го января 1873 г. ей выдано 100 р.

Digitized by Google

Въ маѣ 1871 г. Хмырову выдано 50 р. и сдѣлано сношеніе съ его домовладѣльцемъ о снисхожденіи во взысканіи денегъ за квартиру. 22-го октября 1872 г. выдано ему 250 р., а 4-го декабря отпущено его семейству 50 р. и назначена вдовѣ его ежегодная пенсія въ 300 руб.

Во-2-хъ, въ № 328-мъ той же газеты приведенъ случай отказа, будто бы, Комитетомъ въ пособіи одному ботанику, жившему на Петербургской сторонѣ, по Большой Дворянской улицѣ, въ домѣ Медвѣдева, и свѣдѣнія о положеніи котораго собиралъ секретарь Общества Рѣпинскій, на томъ основаніи, что, по показанію дворника, этотъ ученый аккуратно платилъ за квартиру. Изъ журналовъ же Комитета оказывается, что названному ботанику, по докладамъ секретаря Общества о его положеніи, было выдано: 10-го марта 1869 г. 30 р. и 13-го апрѣля 1870 г. (т.-е. въ то время, когда, какъ значится въ докладѣ секретаря, ботаникъ, по словамъ дворника, былъ долженъ за квартиру 27 р.) 50 р. Независимо отъ того, ему же были оказаны слѣдующія пособія: 3-го іюля 1863 г. выдано 30 р., въ декабрѣ того же года 30 р., 24-го марта 1869 г. 50 р. и 9-го октября 1872 г. сдѣлано, по его просьбѣ, сношеніе съ Московскимъ университетомъ о высылкѣ его диплома.

Въ-3-хъ, просившему предсѣдателя Общества, Я. К. Грота, о пособіи въ 10 руб. (№ 328-й газеты „Новости", пунктъ 3-й) было выдано: въ апрѣлѣ 1867 г. 25 р., въ ноябрѣ 1868 г. 40 р., въ февралѣ 1869 г. 25 р., въ апрѣлѣ 1869 г. 25 р., въ мартѣ 1870 г. 15 р. и въ апрѣлѣ 1872 г. 35 р. 23-го же ноября 1870 г. было утверждено совершенно правильное распоряженіе предсѣдателя объ отказѣ просителю въ пособіи.

Въ-4-хъ, священнику Рождественской церкви на Пескахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателю Рождественскаго братства деньги были выданы не П. В. Анненковымъ, какъ сказано въ 5-мъ пунктѣ приведенной статьи газеты, а П. М. Ковалевскимъ, которому, по журналу Комитета 8-го мая 1872 г. (ст. 9), было поручено: „навѣстить семейство одного просителя и выдавъ, изъ отпущенныхъ 50 р., нужную на первое время сумму, остальныя деньги передать въ братство Рождественской церкви, для выдачи изъ нихъ, по мѣрѣ надобности, пособій названному семейству, устраняя отъ этихъ пособій самого просителя". Уплативъ 35 р. домовладѣлицѣ за квартиру, занимаемую просителемъ, остальные 15 р. П. М. Ковалевскій передалъ упомянутому выше священнику, который и выдалъ ихъ женѣ просителя, какъ это видно изъ ея росписокъ, въ три срока: 16-го, 17-го и 29-го мая 1872 г.

До 1872 г. тотъ же проситель получалъ слѣдующія пособія отъ Общества: 16-го октября 1867 г. 100 р., 16-го сентября 1868 г. 100 р., 26-го января 1869 г. 25 р., 10-го марта 1869 г. 115 р., и 29-го марта 1871 г. 50 р. Онъ же приходилъ съ просьбой о пособіи къ помощнику предсѣдателя Общества К. Д. Кавелину (№ 328-й газеты „Новости", п. 2-й).

Въ-5-хъ, просителю, котораго навѣщалъ В. Ѳ. Коршъ на постояломъ дворѣ, находящемся на Васильевскомъ островѣ, на углу 7-й линіи и Средняго проспекта (№ 328-й газеты „Новости", п. 6-й),

Digitized by Google

4-го декабря 1872 г. было выдано 25 р. В. Ѳ. Коршъ письменно заявлялъ Комитету (приложенія къ журналу 4-го декабря 1872 г., № 279-й), что онъ полагалъ бы выдать просителю еще 25 р., но Комитетъ не нашелъ возможнымъ согласиться на это предложеніе, потому что удовлетворить ходатайство просителя, объ увеличеніи размѣра пособія, въ виду ежегодной выдачи ему пособія, и именно въ 1868 г. 40 р., въ 1869 г. 35 р. и въ 1871 г. 35 р., не представляется никакого основанія (журналъ 4-го декабря 1872 г., ст. 1).

Въ-6-хъ, кого навѣщалъ П. В. Анненковъ въ домѣ № 15-й, по Бассейной (№ 328-й газеты „Новости", пунк. 4)—Ревизіонная Коммисія не могла опредѣлить, какъ потому, что г. Анненковъ въ настоящее время находится за границей, такъ и потому, что въ статьѣ газеты „Новости" не указано даже время этого посѣщенія. Быть можетъ также, что и тутъ перемѣшаны фамиліи членовъ Комитета. Во всякомъ случаѣ, въ виду вышеизложеннаго, Коммисія не можетъ дать никакой вѣры и этому разсказу.

Разговоръ М. Е. Салтыкова съ какимъ-то неизвѣстнымъ лицомъ (№ 328-й газеты „Новости," пунк. 7), какъ частный, до дѣйствій Комитета не относится и потому обсужденію Коммисіи не подлежалъ.

Представляя Общему Собранію все вышеизложенное, Ревизіонная Коммиссія предложила Собранію выразить совершенную признательность всѣмъ вообще членамъ Комитета, и въ особенности гг. секретарю и казначею, за вполнѣ добросовѣстное и безвозмездное исполненіе возложенныхъ на нихъ довѣріемъ Общества обязанностей.

Въ заключеніе, было прочтено объясненіе Комитета, въ отвѣтъ на одно изъ замѣчаній Ревизіонной Коммиссіи.

Мм. гг. Выслушавъ съ сочувствіемъ предположеніе Ревизіонной Коммиссіи объ устройствѣ чтеній въ дни общихъ собраній общества, Комитетъ не преминетъ представить вамъ, мм. гг., свои соображенія по этому предмету. Въ настоящее время онъ считаетъ своимъ долгомъ высказать нѣсколько словъ по поводу замѣчанія Ревизіонной Коммиссіи, что въ одномъ случаѣ, при назначеніи пособія, Комитетъ принялъ въ основаніе не вполнѣ правильный мотивъ (Ж. К. № 31, ст. 3).

Дѣло, на которое указываетъ Ревизіонная Коммисія, заключалось въ слѣдующемъ: въ концѣ ноября прошлаго года одна писательница, имѣющая по своимъ литературнымъ трудамъ несомнѣнныя права на пособіе изъ суммъ литературнаго фонда, обратилась въ Комитетъ Общества съ просьбой о выдачѣ ей 200 р.

Изъ собранныхъ по этой просьбѣ членомъ Комитета П. М. Ковалевскимъ свѣдѣній оказалось, что просительница живетъ болѣе, чѣмъ скромно, во дворѣ, въ 5-мъ этажѣ, въ тѣсной, но опрятной квартирѣ; что у нея пять малолѣтныхъ дѣтей и что накопившіеся, по разнымъ причинамъ, долги, которыхъ уплатить рѣшительно нечѣмъ, вынудили ее обратиться къ Обществу за помощью.

Съ другой стороны было дознано, что мужъ просительницы, состоя на службѣ, получаетъ ежегодно 1,400 руб.

Digitized by Google

При обсужденіи этихъ свѣдѣній въ засѣданіи 4 декабря 1872 г. въ Комитетѣ произошло разногласіе: нѣкоторые члены, находя, что такъ какъ мужъ просительницы получаетъ ежегодно 1,400 руб., то матеріальное положеніе ея вовсе не такого рода, чтобы вызывать помощь со стороны Общества, полагали ходатайство ея отклонить; но большинство членовъ, принявъ во вниманіе свѣдѣнія, изложенныя въ отзывѣ П. М. Ковалевскаго о положеніи просительницы, признало, что полученіе мужемъ ея 1,400 руб. въ годъ не можетъ и не должно лишать ее права на помощь Общества, потому что въ настоящемъ дѣлѣ идетъ рѣчь о пособіи ей самой, а не ея мужу, и вслѣдствіе того опредѣлено выдать просительницѣ 100 руб.

Постановленіе это, по мнѣнію большинства членовъ Комитета, вполнѣ согласно съ правилами нашего Устава, въ § 5 котораго (п. 6) выражено, что право на пособіе имѣетъ, между прочимъ, тотъ писатель, который стеченіемъ какихъ-нибудь обстоятельствъ приведенъ въ стѣсненное положеніе. Просительница, о которой идетъ рѣчь, находилась совершенно въ подобномъ положеніи: хотя мужъ ея и получаетъ ежемѣсячно болѣе 100 руб., но сумма эта, при дороговизнѣ петербургской жизни, вовсе не такъ значительна, чтобы семейство, состоящее изъ 7 душъ, могло всегда сводить концы съ концами и не дѣлать иногда, по необходимости, нѣкоторые долги. Коль скоро же у человѣка, и тѣмъ болѣе у матери семейства, есть долги, то положеніе его никакъ не можетъ назваться лишеннымъ затрудненій, нестѣсненнымъ. Нельзя также не обратить вниманія и на то, что уставъ общества разрѣшаетъ выдачу пособій даже такимъ лицамъ, которыя сами пользуются пенсіонами отъ правительства (примѣчаніе къ § 10 устава) и, слѣдовательно, если право на пособіе имѣетъ писатель, получащій содержаніе отъ правительства или изъ иного источника, то тѣмъ большее право должно принадлежать писателю, лишенному непосредственно такого содержанія. Нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія, что назначеніе рода и размѣра пособія общества должно быть, по примѣчанію къ § 10 устава, въ прямой зависимости отъ средствъ просителя къ жизни; но отъ правила этотъ комитетъ не отступилъ и въ указанномъ выше случаѣ: полученіе мужемъ просительницы 1,400 р. въ годъ было поводомъ къ назначенію ей, вмѣсто просимыхъ ею 200 р., лишь 100 р.

Новый составъ комитета на 1873-й годъ слѣдующій:

Предсѣдатель общества, **Андрей Парѳеновичъ Заблоцкій-Десятовскій** (Васил. Остр., 8 линія, № 39).

Помощникъ предсѣдателя, **Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ** (Галерная, № 20).

Секретарь, **Григорій Косьмичъ Рѣпинскій** (Эртелевъ переул., № 1).

Казначей, **Владиміръ Ивановичъ Вешняковъ** (Максимиліановскій переул., д. Воронина.

ЧЛЕНЫ КОМИТЕТА:

Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ (Сергіевская, № 81).

Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ (Знаменская, № 38).

Григорій Григорьевичъ Даниловичъ (Петербургская часть, 2-я военная гимназія).

Валентинъ Ѳедоровичъ Коршъ (Васил. Остр., 8 линія, № 37).

Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ (Эртелевъ переул., № 2).

Digitized by Google

Александръ Николаевичъ Пыпинъ (Васильев. Остр. Большой проспектъ, д. Лоренцена).

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ (Фурштатская, № 33).

Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ (Васил. Остр., 15 линія, № 8)..

Замѣтка для членовъ Общества жертвователей и просителей. — Всѣ прошенія, дѣла и бумаги должны быть адресуемы на имя предсѣдателя, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, или же на имя Общества, но съ точнымъ прописаніемъ слѣдующаго адреса: Въ *Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, въ С.-Петербургѣ.* Неточный адресъ неоднажды былъ причиною крайне медленнаго доставленія пакетовъ.

Выдача пенсій и всякаго рода денежныхъ пособій—продолжительныхъ, единовременныхъ и ссудъ — производится, по опредѣленіямъ комитета, казначеемъ общества, В. И. Всшняковымъ, со взятіемъ росписокъ въ ихъ полученіи. Онъ же принимаетъ годовые взносы членовъ и единовременныя приношенія обществу и выдаетъ въ полученіи ихъ квитанціи; на имя казначея должны быть, равнымъ образомъ, адресуемы и росписки въ полученіи посылаемыхъ по почтѣ иногороднымъ пенсій, пособій и ссудъ.

Независимо отъ того, годовые платежи членовъ общества и единовременныя пожертвованія могутъ быть вносимы, по желанію: въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, по Невскому проспекту, близъ Казанскаго моста, а въ Москвѣ—въ Чертковской библіотекѣ, члену общества, Петру Ивановичу Бартеневу. Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, комитетъ покорнѣйше проситъ членовъ общества и жертвователей записывать вносимыя ими деньги въ особую, заведенную для того въ магазинѣ А Ѳ. Базунова и въ Чертковской библіотекѣ книжку.

Имена членовъ, внесшихъ свои годовые платежи и жертвователей, будутъ, по прежнему, публикуемы въ газетахъ въ извлеченіяхъ изъ журналовъ комитета.

II. Общее собраніе членовъ общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи, 24-го декабря 1872 года.

По открытіи засѣданія прочитанъ былъ секретаремъ общества Л. О. Гордономъ краткій отчетъ о дѣятельности комитета за время съ послѣдняго общаго собранія, съ 1-го іюня по 3-е декабря.

А. *По предмету подачи пособія учащимся:* 1) Выдано постоянными пособіями и стипендіями студентамъ С.-Петербургскаго, Харьковскаго и Кіевскаго Университетовъ, Медико-Хирургической Академіи и воспитанникамъ раввинскихъ училищъ 1215 р. изъ средствъ общества; 2) разсмотрѣно 128 прошеній о выдачѣ единовременнаго пособія, изъ коихъ, по тщательномъ освѣдомленіи о степени нужды и заслуги просителей, 39 отказано, о 25 рѣшеніе еще не состоялось, а 64 просителямъ выдано изъ суммъ общества 749, изъ средствъ предсѣдателя 135, члена казначея 155 и члена комитета М. И. Нелькена 82 р. 50 к.; всего 1121 р. 50 коп.; 3) утверждено вновь 3 стипендіи: двѣ изъ средствъ общества и одна на счетъ гг. предсѣдателя и члена казначея; и 4) сверхъ выдачи пособія студентамъ въ натурѣ, принята мѣра для доставленія имъ занятія и заработковъ, вслѣдствіе чего на первое время удалось доставить занятія пяти студентамъ разныхъ заведеній.

Б. *По предмету оказанія пособія училищамъ и библіотекамъ:* 1) Выслано въ тридцать шесть разныхъ мѣстъ 601 томъ различнаго названія книгъ: 304 изъ запасной библіотеки общества, а 297 купленныхъ на сумму 141 р. 89 к. 2) Введенъ порядокъ, чтобы книги, высылаемыя изъ комитета, облагаемы были штемпелемъ общества, а отъ получателей таковыхъ требовались въ исходѣ года

Digitized by Google

списки лицъ, кои въ теченіи года пользовались книгами. Мѣры эти оказались нужными въ виду предохраненія отъ злоупотребленій пожертвованіями общества, о чемъ слухи доходили до комитета, и 3) Положено основаніе фундаментальной библіотеки при комитетѣ, коей составляется систематическій каталогъ.

В. *По предмету поощренія литературныхъ трудовъ:* 1) Было представлено въ комитетъ для соисканія пособія 17 сочиненій на русскомъ и на еврейскомъ языкахъ: 13 печатныхъ и 4 рукописныя. Изъ нихъ одно осталось неразсмотрѣннымъ, одно—рукописное возвращено для исправленія, двумъ въ поддержкѣ отказано, три находятся въ разсмотрѣніи, авторамъ же остальныхъ 10 сочиненій оказано пособіе путемъ пріобрѣтенія у нихъ ихъ сочиненій, изъ кассы общества на 233 р., изъ средствъ г. предсѣдателя на 377 р. 50 к. и изъ средствъ члена казначея на 307 р. 50 к., всего на сумму 918 р. сер. 2) Оказано пособіе редакторамъ двухъ журналовъ на еврейскомъ языкѣ и выдано въ фондъ обществу для изданія древнихъ рукописей (Мекице Нирдамимъ) изъ средствъ г. предсѣдателя 145, и члена казначея 220, всего 365 руб. 3) Заключено условіе съ типографщикомъ г. И. Гольдманомъ въ Варшавѣ объ изданіи книги „Исторія Россіи" на древнееврейскомъ языкѣ, составленной по заказу комитета г. С. Мандельберномъ.

Г. *Сверхъ того комитетъ имѣлъ еще слѣдующія занятія:* 1) Ведены были переговоры съ предсѣдателемъ Одесскаго отдѣленія общества, присутствовавшимъ въ С.-Петербургѣ, о дальнѣйшей дѣятельности отдѣленія. Результатъ этихъ переговоровъ былъ тотъ, что отдѣленіе намѣревалось продолжать свои занятія, перенося ихъ на другую почву дѣятельности и измѣняя свою прежнюю программу, оказавшуюся нынѣ неудобовыполнимою. 2) По случаю минованія въ нынѣшнемъ году 25-ти лѣтъ существованія виленскаго раввинскаго училища, рѣшено назначить премію въ 100 р. за лучшее сочиненіе на русскомъ языкѣ о 25-лѣтней дѣятельности училища. О программѣ для этого сочиненія ведется переписка съ виленскимъ раввинскимъ училищемъ. 3) Было предпринято ходатайство объ утвержденіи устава общества поощренія трудолюбія между евреямъ въ Бѣлостокѣ, по слѣдующему случаю: образованный классъ евреевъ гор. Бѣлостока задумалъ учредить упомянутое общество съ цѣлію отдавать бѣдныхъ сиротъ къ мастерамъ для наученія ихъ полезнымъ ремесламъ. Учрежденіе это, кромѣ спеціальной цѣли уменьшить пролетаріатъ среди евреевъ, могшее имѣть общее значеніе для промышленнаго города, какъ Бѣлостокъ, встрѣтило себѣ сочувствіе у мѣстныхъ властей, изъ которыхъ самъ начальникъ губерніи вписался членомъ со взносомъ 50 р. въ годъ. Двукратное представленіе начальника края объ утвержденіи общества вызвало двукратный отказъ на томъ основаніи, что дѣятельность подобнаго рода учрежденія можетъ клониться къ усиленію обособленія и замкнутости евреевъ, и учредителямъ данъ совѣтъ, жертвуемыя деньги предоставить въ распоряженіе мѣстной ремесленной управы для употребленія по желанію жертвователей. Одинъ изъ учредителей, состоящій вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ нашего общества, обратился въ комитетъ съ просьбой принять на себя личное ходатайство по сему дѣлу. Комитетъ, взвѣсивъ

Digitized by Google

всю важность для евреевъ учрежденій подобныхъ бѣлостокскому, обратился отъ себя съ запискою, въ которой, доказывая, что учрежденіе такого рода, неимѣющее закрытаго характера заведенія, не можетъ повести къ отчужденію евреевъ отъ остальнаго населенія, а должно имѣть одни только благія послѣдствія, просилъ объ утвержденіи устава бѣлостокскаго общества. Но ходатайство это отклонено на томъ основаніи, что вообще ходатайства подобнаго рода вовсе не входятъ въ кругъ дѣйствій комитета. 4) Состоялось намѣреніе учредить кассу для ссуды и вспоможенія еврейскимъ учителямъ, состарѣвшимся и потерявшимъ здоровье на службѣ, такъ какъ по существующимъ постановленіямъ они правомъ на полученіе пенсіи по выходѣ въ отставку не пользуются, хотя вычетъ въ пенсіонный капиталъ дѣлается съ нихъ въ продолженіе службы наравнѣ съ другими, и 5) Въ началѣ отчетнаго періода времени комитетъ обратился къ евреямъ съ воззваніемъ на русскомъ и еврейскомъ языкахъ; вслѣдствіе чего почувствовалось между евреями болѣе оживленное противъ прежняго стремленіе къ содѣйствію цѣлямъ общества. Оживленіе это обнаружилось въ томъ, что въ двухъ городахъ открываются частныя училища, одно мужское и одно женское; что въ четырехъ мѣстахъ учредились библіотеки или кружки для чтенія русскихъ книгъ, кои, конечно, поддерживаются комитетомъ по мѣрѣ возможности; и что изъ двухъ заграничныхъ раввинскихъ семинарій обратились въ комитетъ за учебниками русскаго языка.

Изъ членовъ комитета выступили бывшіе на очереди по минованіи трехлѣтія раввинъ д-ръ А. Нейманъ и д-ръ А. Я. Гаркави, которые тутъ же были вновь избраны большинствомъ голосовъ 13 противъ 2.

Наконецъ, былъ разсмотрѣнъ и утвержденъ бюджетъ прихода и расхода общества на 1873 годъ.

М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

INDEXED

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
253691
ASTOR, LENOX AND TILDEN FOUNDATIONS.
R 190 L

ПѢСНИ
МИРЗЫ-ШАФФИ

Фр. Боденштедта.

Имя Фридриха Боденштедта хорошо извѣстно въ русской литературѣ: онъ принадлежитъ къ числу даровитѣйшихъ нѣмецкихъ переводчиковъ Пушкина, Лермонтова, Кольцова. Онъ же перевелъ нѣкоторые разсказы г. Тургенева. Знакомствомъ съ русскою литературою и русскимъ бытомъ онъ обязанъ своему пребыванію въ Россіи, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ званіи домашняго учителя. Кромѣ извѣстности даровитаго переводчика, не однихъ русскихъ поэтовъ, но и Шекспира, и другихъ европейскихъ писателей, онъ не менѣе извѣстенъ, какъ оригинальный поэтъ и писатель. Полное собраніе его сочиненій вышло въ 12-ти томахъ въ 1865 — 69 гг.—Изъ всѣхъ его оригинальныхъ трудовъ, наибольшее вниманіе привлекли къ себѣ „Пѣсни и изреченья Мирзы-Шаффи", сборникъ стихотвореній, задуманный и отчасти написанный имъ во время пребыванія его на Кавказѣ, въ 1845 — 46 гг. Онъ появился въ 1851 г. и до настоящаго времени имѣлъ уже тридцать три изданія. Пѣсни „Мирзы-Шаффи" заслужили свой успѣхъ неподдѣльнымъ поэтическимъ одушевленіемъ, которое внушено было автору величественною природою и нравами жителей нашего Кавказа.

Эти пѣсни были переведены почти на всѣ европейскіе языки, и даже на еврейскій языкъ; между тѣмъ на русскомъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ пьесъ, переведенныхъ М. Л. Михайловымъ, ихъ до сихъ поръ не было, хотя Боденштедтъ принадлежитъ Россіи, какъ уча-

Digitized by Google

стіемъ своимъ въ судьбахъ русской поэзіи, такъ и тѣмъ, что предметъ лучшихъ его вдохновеній — наша русская южная природа.

Поэзія Боденштедта запечатлѣна бодрымъ, восторженнымъ взглядомъ на жизнь; „печаль убиваетъ энергію", говоритъ онъ, и вотъ почему онъ ополчался противъ мрачнаго настроенія духа. Но изъ этого не слѣдуетъ, что авторъ относится равнодушно къ недугамъ и темнымъ сторонамъ современности; напротивъ, онъ чувствуетъ ихъ достаточно, что̀ и выражаетъ въ своей поэзіи; но тѣмъ не менѣе господствующій въ ней тонъ—бодрый и свѣтлый. Это, по замѣчанію Шерра—здоровый реализмъ, весело варьирующій гафизовскія темы.

Въ нашемъ переводѣ мы избрали лишь главныя, характеристическія вещи, дающія самое рельефное понятіе объ этихъ пѣсняхъ, которыя въ оригиналѣ составляютъ довольно объемистый томъ.

ПРОЛОГЪ.

Земля вращается уныло
На вѣковомъ своемъ пути;
Вражды губительная сила
Готова царства потрясти [1]).
Скорбей народныхъ и смятеній
Зловѣщій духъ, что̀ день, смѣлѣй
Въ бронѣ шагаетъ межъ людей.
Заслышавъ гулъ его движеній,
И крезы, и голодный людъ,
Своихъ надеждъ иль опасеній
Ему на-встрѣчу дань несутъ:
Одни дрожатъ за достоянье,
Свое и праотцевъ стяжанье,
Тѣ — съ гнѣвомъ въ сердцѣ, глухо ждутъ,
Что волнъ народныхъ бушеванье —
Неодолимый ихъ порывъ —
Столпы былого сокрушивъ,
Снесетъ преданій всѣхъ плотины,
Какъ безполезныя руины!

---

[1]) Пѣсни Мирзы-Шаффи напечатаны въ 1851 г.; но Прологъ къ нимъ, какъ видно, былъ писанъ во время смутъ 1848—49 гг., когда на Западѣ впервые опредѣлилась, въ угрожающихъ формахъ, печальная рознь между „крезами и голодными".

Digitized by Google

Вотъ злоба дня! Вотъ мысль годины!
Въ такое время, сознаю,
Почти-что нужно объясненье,
Чтобъ музу оправдать мою
И пѣсенъ этихъ появленье,
Съ ихъ миной скромной и простой,
На сценѣ шумно-боевой.
Здѣсь нѣтъ ни кликовъ кровожадныхъ,
Кипящихъ пыломъ боевымъ,
Ни одъ напыщенно-парадныхъ,
Поющихъ ложной славы дымъ;
Нѣтъ и гнетущей жизнь морали,
Что́ учитъ молча зло терпѣть
И за земныя всѣ печали
Наградъ загробныхъ ждать умѣть.
Тутъ лишь цвѣты съ красою нѣжной...
Согрѣлъ далекій ихъ Востокъ,
Гдѣ, странникъ, рвалъ я ихъ прилежно,
Съ любовью холилъ и, какъ могъ,
Душистый свилъ изъ нихъ вѣнокъ.
Въ одеждѣ риѳмы, изреченья,
Старинной опытности кладъ,
Восточной мысли наблюденья —
Какъ дорогихъ жемчужинъ рядъ,
Здѣсь любознательность манятъ.
Межъ нихъ, вакхически ликуя,
Звучитъ игривыхъ строфъ напѣвъ,
Во славу гроздій, поцѣлуя
И красоты румяныхъ дѣвъ.
Что́ я подслушалъ на чужбинѣ —
Тотъ гимнъ о счастіи земномъ,
О радостяхъ земныхъ — то нынѣ
На языкѣ пою родномъ.
И если скажутъ: ка́къ же, зная
Кручину нашу, можешь ты,
Безпечно, подъ лучами мая,
Сбирать поэзіи цвѣты?
Нѣтъ, этихъ ясныхъ пѣсенъ звуки —
Я ихъ не въ праздности слагалъ,
Они — не плодъ лѣнивой скуки...
Въ ту пору, какъ сердитый валъ,

Digitized by Google

Грозя мнѣ, въ берегъ мой хлесталъ,
Смирялъ я ими сердца муки!...
То былъ мнѣ чудный талисманъ:
Съ нимъ жизни горе и ненастье,
Нужду и боль душевныхъ ранъ
Я забывалъ и вѣрилъ въ счастье!
Такимъ же будь и для другихъ,
Такой же силою цѣлебной,
Ты, музы талисманъ волшебный,
Какъ былъ мнѣ въ немощахъ моихъ [1]).

. . . . . .

Гдѣ высоко надъ сѣнью мглистой
Ущелій дикихъ и стремнинъ,
Кавказъ, могучій исполинъ,
Подъемлется въ чалмѣ волнистой
Изъ сизыхъ тучъ и облаковъ, —
Или, блестя въ вѣнцѣ снѣговъ,
Закованъ плотно въ панцырь льдистый,
Отважно рвется въ небеса...
А у пяты его — покорно
Раскинулась, какъ шлейфъ узорный
Порфиры царской, степь-краса; —
Тамъ, гдѣ гигантскими крылами
Шумитъ орелъ подъ облаками, —
Тамъ эти пѣсни родились,
Въ аккорды звучные слились...
Иныя темы для поэта,
Я знаю, есть въ быту страны,
Гдѣ не смолкаетъ кличъ войны,
Гдѣ домы, камни — всѣ предметы
Въ орудья битвъ превращены;
Гдѣ врагъ врагу, въ борьбѣ лукавой,
Грозитъ всечасною облавой;
Гдѣ эхо залповъ вѣкъ гремитъ,
Гдѣ кровью отъ земли разитъ!.. [2])
Но прочь — картины истребленья
И смерти злой! Зачѣмъ томить,
Тревожить зломъ воображенье,
Когда сдержать его, смягчить,
Такъ безполезны всѣ стремленья!..

---

[1]) Здѣсь, и далѣе, точки означаютъ паузу, а не пропускъ.

[2]) Кавказъ былъ умиротворенъ нѣсколько позже, въ шестидесятыхъ годахъ.

Digitized by Google

Прочь отъ развалинъ, отъ могилъ,
Изъ мрака прочь — въ блескъ дня привѣтный!
Чтобъ ключъ кипучій свѣжихъ силъ
Не цѣпенѣлъ въ истомѣ тщетной, —
И пусть лишь то манитъ пѣвца,
Что́ движетъ радостно сердца!
Тоски упрямой и безсильной,
Грызущей скорби долгій гнётъ,
Ввергаетъ душу въ сонъ могильный,
Мертвитъ въ ней мужества полётъ...
Лишь тотъ, въ комъ радость уцѣлѣла,
Съ судьбою спорить будетъ смѣло.
Украсьте-жъ голову вѣнкомъ
Изъ розъ и миртовъ благовонныхъ,
И объ-руку со мной пойдемъ
Въ собранье мудрецовъ влюблённыхъ —
На свѣтлый, задушевный пиръ,
Гдѣ искрятся виномъ бокалы,
И гости славятъ пѣньемъ лиръ
Добра и счастья идеалы,
Иль, измѣнивши пѣсенъ строй,
Бичуютъ лжи міръ одичалый, —
И въ пѣснопѣньи ихъ, чредой,
Звучитъ восторгъ и смѣхъ живой...

. . . . . .

Что́ предо мной воспоминанье
Чертами яркими чертитъ,
Здѣсь голосъ музы воскреситъ:
Красы стыдливой обожанье,
Хвалимой въ сладостныхъ стихахъ;
Восточной ночи обаянье,
Кругомъ пылающей въ звѣздахъ;
Сады съ ихъ нѣжащей прохладой,
Въ дремѣ полуденной поры;
И городъ на волнахъ Куры,
Мнѣ столько милый, за оградой
Зубчатыхъ скалъ; величье горъ,
Глядящихъ на небо въ упоръ
Своей суровою громадой,
И будто съ нимъ ведущихъ споръ;
Потоковъ ярость, съ крутизны
Бѣгущихъ бѣшено; весны

Digitized by Google

Разгулъ и пламенныя ласки,
И молодыхъ грузинокъ пляски,
Подъ звонъ чунгуры струнъ живыхъ...
О, звуки тѣ!.. Забуду-ль ихъ?
Какъ дивно слухъ они ласкали!
Какъ сильно ножки дѣвъ младыхъ
Мнѣ сердце въ оны дни смущали!..
И все, что духъ питало мой,
Что мнѣ вдали плѣняло чувства,
То, какъ созданіе искусства,
Несу теперь землѣ родной!
Любви полны мои напѣвы
И мира кроткаго полны,
Пускай же имя кроткой дѣвы
Ихъ озаритъ, какъ блескъ луны!..
Тебѣ они посвящены,
Эдлита милая! Не ты ли,
Когда бѣды мой день мрачили,
Душевный миръ мнѣ вновь дала
И вся любовію была!..

I.

Мирза-Шаффи, съ огнемъ въ очахъ,
Поётъ друзьямъ: «Златая лира!
Опять ищу въ твоихъ струнахъ
Души гармоніи и мира!
«Пусть съ дикой силой ханжество
И глупость, видя насъ, косятся;
Мы вѣримъ въ наше торжество,
Такъ намъ ли злобы ихъ пугаться?
«Стоять за Разумъ — нашъ обѣтъ —
Дружиной крѣпкой, вдохновенной,
Чтобъ невозбранно мысли свѣтъ
Сіялъ на всѣхъ путяхъ вселенной!
«Мы Истины мечомъ разимъ —
Острѣй онъ всѣхъ клинковъ Дамаска:
Бѣльмо онъ срѣжетъ съ глазъ слѣпымъ,
И разсѣчетъ притворства маску!

Digitized by Google

«Намъ внятенъ жизни смыслъ... и мы,
Смѣясь надъ суетной угрозой
Кликушъ, пугающихъ умы,
Дружимъ съ виномъ и дѣвой-розой!
«Хоръ вѣчныхъ звѣздъ на насъ струитъ,
Въ лучахъ, огонь неугасимый...
Огонь тотъ въ пѣсняхъ нашихъ скрытъ,
И въ сердцѣ радостно горитъ,
Какъ дань Красѣ боготворимой!
«Друзья! Творящій Духъ послалъ
На землю насъ съ веселой вѣстью,
И намъ закономъ предписалъ —
Печаль вмѣнять себѣ въ безчестье!»

2.

Сердце бьется непослушно
Ноетъ страстью и болитъ,
Какъ походкою воздушной
Предо мной она скользитъ.
Ниспадаетъ бѣлоснѣжный
По плечамъ ея покровъ;
Взоръ исполненъ думы нѣжной,
Сердца пылкихъ грёзъ и сновъ.
Нѣтъ роскошнѣе созданья!
Рвутся вонъ изъ одѣянья
Формы тѣла; вкругъ чела
Масса темныхъ косъ легла.
Все въ ней жизнь, все — отраженье
Жизни скрытаго огня,
Все — источникъ упоенья
И мученій для меня.
Оттого-то непослушно
Сердце ноетъ и дрожитъ,
Какъ походкою воздушной
Предо мной она скользитъ.

Digitized by Google

Пышнымъ выдѣланъ узоромъ,
Въ ткани платья голубой,
Розъ, нарцизовъ пестрый рой...
Изъ-подъ платья—передъ взоромъ
Пламенѣетъ, будто жаръ,
Алый шелкъ ея шальваръ.
Какъ заря, ея румянецъ,
Блескъ лилеи — цвѣтъ лица,
Блескъ рубина — устъ багрянецъ...
Обаянье безъ конца!
Сердце бьется непослушно,
Ноетъ страстью и болитъ,
Какъ походкою воздушной
Предо мной она скользитъ.

3.

Колкій тернъ — эмблема злая
Равнодушья или гнѣва!
И, сближенья избѣгая,
Гордо тернъ вручитъ мнѣ дѣва.

* * *

Если-жъ мнѣ она привѣтно
Почку розы юной кинетъ, —
Знакъ, что ждать не буду тщетно,
Пусть лишь пламень мой не стынетъ!

* * *

Но когда созрѣвшей розы
Цвѣтъ она мнѣ дастъ въ молчаньи, —
Всѣ сбылись блаженства грёзы!
То въ любви ея признанье!

* * *

Digitized by Google

Очарованъ тайной силой,
Я въ сомнѣньяхъ изнываю,
И цвѣткомъ вопроса — къ милой
Пѣснь душистую бросаю!

4.

Встарь кто-то вздумалъ объявить,
Что мы на горе рождены,
Что лишь страдать да слезы лить
Мы на землѣ обречены.
Съ тѣхъ поръ—сказать, такъ, право, смѣхъ!—
Сбродъ жалкій этихъ жалкихъ словъ
Глаголомъ неба сталъ для всѣхъ,
Душою робкихъ, простаковъ.
Но вѣдь такихъ—вездѣ толпы!
И вотъ—прощай рядъ красныхъ дней,
Въ народѣ съузилися лбы,
А уши выросли длиннѣй.

5.

Ни духи безплотные горнихъ полей,
Ни пышныя розы съ ихъ сладкимъ дыханьемъ,
Ни солнце съ его лучезарнымъ блистаньемъ—
Ничто не сравнится съ Зюлейкой моей!

Въ груди у безплотныхъ любовь не горитъ,
Подъ розой таится шиповникъ колючій,
И солнце мрачится угрюмою тучей,—
Нѣтъ, съ ними Зюлейку мой стихъ не сравнитъ!

Digitized by Google

Прекрасна она, и въ пространствѣ міровъ
Нигдѣ не найдется красы ей подобной....
Любовь въ ней, любовь голубицы беззлобной,
Сіяетъ всегда и цвѣтетъ безъ шиповъ....

6.

Если въ сферу безплотныхъ, въ мистическій край,
Серафимскій пѣвецъ, сгоряча, весь уносится,
Книгу пѣсенъ его ты не медля бросай—
Здравый смыслъ отъ нея ничего не допросится.
Многое, смыслу простому неясное,
Бреда больного есть чадо злосчастное.

7.

Въ комъ разумъ есть, не бѣгаетъ далеко,
Чтобъ близкое добыть,
И за звѣздой не тянется высокой,
Чтобъ лампу засвѣтить.

8.

Набожный любитъ надзвѣздную сѣнь,
Скорбный—на участь роптанье,
Чающій лучшаго—завтрашній день,
Мудрый—лучъ мысли и знанья.

Digitized by Google

9.

Когда я пѣлъ: съ веселымъ будь шутливъ,
Не знай предъ сильнымъ униженья,
А съ низшими будь добръ и не спѣсивъ —
Хвалили всѣ духъ мудрый пѣснопѣнья.
Когда-жъ пожить я вздумалъ въ духѣ томъ —
Всѣ начали честить меня глупцомъ.

10.

Будто солнцемъ горячимъ равнина небесъ,
Мое сердце тобой озаряется,
Ты ему — лучъ дневной, откровенье чудесъ,
Безъ тебя оно въ ночь погружается.

* * *

Такъ для взора не видны творенья красы,
Когда сумракъ на міръ надвигается,
И вся роскошь земли блещетъ только въ часы,
Когда солнышко ей улыбается.

11.

Пріѣхалъ я въ городъ большой,
Гдѣ воля дана злоязычью, —
И слышалъ я: желчной рѣкой,
Шумѣли тамъ, на́-смѣхъ приличью,
Сердитыя рѣчи о всѣхъ и о всемъ...
Тамъ люди всѣхъ званій бранились ужасно,
Дѣла же свои поверіали съ умомъ
И между собой уживались прекрасно.

Digitized by Google

12.

О, мулла! Какъ прекрасно вино,
И хулить его, право, грѣшно!
Объявляю о томъ громогласно,
Хоть молчи, хоть ругайся напрасно!

Не желанье къ молитвѣ постѣть
Завело меня въ эту мечеть:
Охмѣлѣвши, съ дороги я сбился,
И нечаянно здѣсь очутился!

13.

Къ возвышенной цѣли отважно идемъ мы
Согласной стопой!
Въ неволю охотно отдáлись мы оба,
Ты вмѣстѣ со мной!
Въ сердцахъ другъ у друга, за крѣпкимъ затворомъ,
Мы скрыты съ тобой!
Насъ двое, но жизнью одной мы согрѣты,
Одною душой!
Мы будто двѣ рыбки трепещемся рядомъ
На удѣ одной!
Но духомъ мы рѣемъ въ лазурныя выси
Орлиной четой!

14.

Я какъ-то при дворѣ въ чести великой былъ,
И шахъ не разъ мнѣ жаловался горько,
Что нѣтъ при немъ людей, кто-бъ правду говорилъ,
Нагую правду всю, любимую имъ столько.

Digitized by Google

Подумавъ, я нашелъ, что къ жалобамъ такимъ
У шаха есть резонъ, и я, чтобъ зло поправить,
Усердно защищать сталъ правду передъ нимъ —
Вдругъ шахъ мнѣ приказалъ немедля дворъ оставить.

* * *

Не мало есть владыкъ, желающихъ вкусить
Отъ хлѣба истины суровой;
Да только рѣдкимъ данъ желудокъ столь здоровый,
Чтобъ истину переварить.

15.

Что̀ народный умъ гласитъ?
— Правду любишь, — ну, такъ нужно,
Чтобы въ пору ускакать,
У коня съ уздой стоять;
Знаешь правду, — ну, такъ нужно
Ногу въ стремени держать;
Скажешь правду — ну, такъ нужно
Крылья прежде подвязать.
Все-жъ мирза увѣренъ: нужно —
Тѣхъ, кто лжёть, пинками гнать!

16.

Шаха велѣньемъ, сидѣлъ я въ совѣтѣ
Съ визиремъ о̀-бокъ.... «Теперь,
Зная, изъ словъ моихъ, все о предметѣ,
Взглядъ свой, мирза, мнѣ довѣрь». —

Я отвѣчалъ: «Вотъ, изволь, мое мнѣнье,
Выскажусь я напрямки:
Мельницы слышу я трескъ и гудѣнье,
Только не вижу муки.»

Digitized by Google

17.

Рука моя всегда готова
Извлечь изъ цитры звукъ живой,
Всегда при мнѣ живое слово,
Томлюсь иль радуюсь душой.
Доколѣ страсти мнѣ послушны
И я игру ихъ сознаю,
Мнѣ въ ухо тайный хоръ воздушный
Льетъ пѣснь свою, и я пою.
Но въ дивный мигъ преображенья
Отъ чаръ могучихъ красоты,
Въ мигъ чудотворный наслажденья,
Въ тотъ мигъ блаженства полноты, —
Въ устахъ нѣмѣютъ пѣсни звуки,
Молчитъ гармоніи струя,
Какъ иногда, въ часъ страстной муки,
Смолкаютъ трели соловья.
Когда намъ шлетъ судьба благая
Отрадъ верховныхъ благодать,
Постичь мы въ силахъ тайны рая,
Но ихъ не въ силахъ разсказать.
Кто солнца передастъ сіянье
Въ вѣнцѣ полуденныхъ лучей?
Кто выдержитъ одно сверканье,
Лицомъ къ лицу, его очей?

В. Марковъ.

Digitized by Google

ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ

ОТЪ ДВАДЦАТЫХЪ ДО ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

Историческіе очерки.

VII *).

Гоголь.

Славянофильство имѣло свою противуположность въ другомъ направленіи, которое славянофилы называли «западнымъ»,—терминъ, не совсѣмъ точный даже въ ихъ смыслѣ, потому что первыя теоретическія возбужденія и «западнаго» направленія, и самого славянофильства, заключались, въ большой степени, въ той же западной нѣмецкой философіи; кромѣ того, такъ-называемое «западное» направленіе воспиталось тѣмъ же изученіемъ самой русской жизни,—только съ другихъ сторонъ, чѣмъ изучали ее славянофилы; наконецъ, могущественную опору «западному» направленію далъ между прочимъ писатель, не заключавшій въ своихъ понятіяхъ ничего «западно»-тенденціознаго и одинаково цѣнимый славянофилами,—именно Гоголь.

Существенное значеніе этого направленія заключалось въ томъ, что оно было главнымъ русломъ тѣхъ идей, въ развитіи которыхъ состояло прогрессивное движеніе общества; оно было тѣмъ

*) См. выше: 1871, май, 233; сент. 301; дек. 455;—1872, май, 145; ноябрь, 47; дек. 618 стр.

Digitized by Google

направленіемъ, которому принадлежали самыя дѣйствительныя пріобрѣтенія русской общественной мысли, за которымъ было будущее. Оно стремилось внести новыя общественныя понятія; противъ него была вся рутина старыхъ традицій, вполнѣ господствовавшихъ въ обществѣ. Въ этомъ заключается смыслъ его тогдашнихъ отношеній. Оно дѣйствовало несмотря на всю трудность своей задачи, на всѣ окружавшія его препятствія, и отсюда потомъ получило свой смыслъ и свои первые аргументы то движеніе, которое обнаружилось въ нашей жизни въ послѣднія десятилѣтія. Люди «сороковыхъ годовъ» подготовили нынѣшній литературный и общественный періодъ.

Два основные элемента давали силу этому направленію въ литературѣ: съ одной стороны—дѣятельность Гоголя, съ другой—дѣятельность того круга, главнѣйшимъ лицомъ котораго можно назвать Бѣлинскаго. Ихъ дѣйствіе сливалось въ одинъ результатъ, въ одно сильное нравственное вліяніе, глубокій слѣдъ котораго замѣтенъ до настоящей минуты. Можно безъ преувеличенія сказать, что со времени Гоголя и тогдашней критики наша литература въ первый разъ получаетъ значеніе настоящей общественной силы, въ первый разъ она становится дѣйствительной литературой, заслуживающей этого имени, высказывающей настоящія жизненныя требованія. Это уже не одинъ эстетическій дилеттантизмъ, «служеніе прекрасному», отвлеченное нравоученіе, чѣмъ она была до тѣхъ поръ (за немногими только исключеніями); она—сколько было возможно по ея внѣшнимъ условіямъ—затронула настоящіе вопросы жизни, высказала давно зрѣвшія мысли лучшей части общества, накопившуюся скорбь о недостаткахъ жизни и стремленіе къ лучшему порядку вещей, къ болѣе высокой степени гражданскаго и человѣческаго развитія. Это былъ запросъ на преобразованіе...

Два упомянутые элемента дѣйствовали здѣсь наиболѣе сильнымъ образомъ,—такъ что въ нихъ по преимуществу сосредоточивается тотъ моментъ нашего литературнаго развитія. Гоголь—дѣйствовалъ силой своего поэтическаго творчества; кругъ Бѣлинскаго—литературной критикой и другими научными разъясненіями исторіи и общественной жизни. Къ Гоголю примыкаютъ, за исключеніемъ особо стоящаго Лермонтова, всѣ лучшіе писатели того времени; главнѣйшія стороны литературы намъ современной отъ него ведутъ свое начало. Съ критики Бѣлинскаго начинается современная публицистическая литература.

Мы остановимся сначала на Гоголѣ.

Digitized by Google

Біографія Гоголя, опредѣленіе его литературной заслуги возбуждали интересъ нашей критики съ самаго начала сороковыхъ годовъ. Критика уже тогда вѣрно указала многое въ свойствѣ таланта Гоголя, въ значеніи его произведеній для русскаго общества: въ смыслѣ художественной оцѣнки все существенное сказано было еще при первомъ появленіи «Мертвыхъ душъ» [1]),— но опредѣленіе его истиннаго «направленія» вызвало оживленные, даже ожесточенные споры послѣ появленія печально знаменитыхъ «Выбранныхъ Мѣстъ изъ Переписки съ друзьями», когда самъ Гоголь отвергъ тѣ толкованія, какія давались его произведеніямъ самыми горячими его приверженцами, и когда онъ отвергъ самыя произведенія свои — кромѣ этой «Переписки»,— какъ ошибочныя, вредныя, грѣховныя.

Къ этой книгѣ естественно приводится вопросъ о направленіи Гоголя.

Каждому читателю знакома безъ сомнѣнія исторія «Выбранныхъ Мѣстъ», странное впечатлѣніе, произведенное этой книгой, споры и обличенія, вызванныя ею противъ Гоголя со стороны его почитателей, которымъ пришлось защищать великія произведенія отъ самого ихъ автора. Но вопросъ о личномъ развитіи Гоголя, затронутый по этому поводу, все еще не можетъ считаться вполнѣ рѣшеннымъ. На полное объясненіе нельзя разсчитывать и теперь, но многія черты этой исторіи начинаютъ выясняться больше, вслѣдствіе значительнаго количества новаго біографическаго и критическаго матеріала, явившагося въ послѣдніе годы.

При жизни Гоголя, его направленіе, — прежде почти безспорно опредѣляемое его извѣстными произведеніями,—стало предметомъ споровъ съ появленіемъ «Переписки»; рѣшеніе вопроса было невозможно при жизни писателя, которому еще предстояла дѣятельность, — примиреніе двухъ сторонъ было немыслимо. Но дѣятельность кончилась, и стала дѣломъ исторіи. Первый, довольно богатый матеріалъ для исторіи личнаго развитія Гоголя, доставила извѣстная біографія его, написанная г. Кулишомъ [2]), и также сдѣланное имъ изданіе сочиненій Гоголя, гдѣ, въ двухъ послѣднихъ томахъ, помѣщено обширное собраніе его писемъ. Но біографія и самая переписка были еще далеко не полны: біогра-

---

[1]) Не только въ статьяхъ Бѣлинскаго, но напр. также въ статьяхъ К. Аксакова, Плетнева и т. д.

[2]) Второе, распространенное изданіе ея, подъ именемъ „Записокъ о жизни Гоголя", Спб. 1856—1857, 2 тома.

Digitized by Google

фія многое умалчивала, отчасти по вынужденной скромности [1]); въ переписку не вошли многія характеристическія письма, напечатанныя впослѣдствіи.

Изданія г. Кулиша дали новый поводъ и матеріалъ къ изслѣдованіямъ и воспоминаніямъ о Гоголѣ; многія стороны въ характерѣ и дѣятельности Гоголя стали опредѣляться яснѣе, и рѣшеніе историческаго вопроса дѣлалось возможнѣе. Въ послѣднее время собралось вообще много мелкаго, но довольно важнаго матеріала,—въ новыхъ письмахъ Гоголя, въ перепискѣ его друзей,—который раскрываетъ нѣкоторыя нелишенныя интереса подробности его личныхъ отношеній и его взглядовъ [2]).

---

[1]) Авторъ умалчиваетъ многія имена и обстоятельства; онъ не могъ даже назвать Мицкевича (скрытаго подъ буквой М***), и его поэмы „Панъ Тадеушъ“ (скрытой подъ буквами П** Т***),—которыми разъ поинтересовался Гоголь.

[2]) Указываемъ, для сокращенія цитатъ, матеріалъ, который мы, между прочимъ, имѣли въ виду въ настоящемъ случаѣ.

Во-первыхъ, новыя, прежде ненапечатанныя сочиненія и письма Гоголя:

— Новые отрывки и варіанты ко второму тому „Мертвыхъ Душъ“, сообщ. г. Богоявленскимъ. Р. Старина, 1872, V, стр. 85—118.

— Послѣдніе годы Гоголя. По поводу „Новыхъ отрывковъ и варіантовъ ко II-му тому М. Д.“ В. П. Чижова. „Вѣстникъ Европы“, 1872, іюль, 432 стр.,—съ извлеченіемъ изъ письма Бѣлинскаго къ Гоголю.

— Неизданныя мѣста изъ „Переписки съ друзьями“. Р. Архивъ 1866, стр. 1730—174, и затѣмъ въ Полномъ Собраніи соч. Гоголя, 1867 (2-е изд. наслѣдниковъ), т. III.

— Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ, по рукописи, найденной въ Римѣ. Р. Архивъ 1865, 2 изд., стр. 1281—94.

— О комедіи Гоголя: „Владиміръ 3-й степени“, г. Родиславскаго. „Бесѣды въ общ. любителей россійской словесности“, М. 1871, стр. 138—141.

— Письма Гоголя къ Жуковскому, съ 1831 года. Р. Архивъ, 1871, стр. 929, 946, 950—954, 957, 0932, 0933.

— Письма къ И. И. Дмитріеву, 1832. Тамъ же, 1866, стр. 1726—1730.

— Письмо къ М. П. Погодину, 1833. Тамъ же, 1872, стр. 2369—72 (годъ ошибочно поставленъ 1834);—то же, что въ изд. Кулиша, V, 174, но съ дополненіемъ цензурныхъ пропусковъ.

— Письмо къ кн. Вяземскому, отъ 28 февр. 1847 (а не 1846, какъ напечатано). Тамъ же, 1872, стр. 1328—32. Другое письмо (по поводу статьи кн. Вяземскаго о Гоголѣ),—тамъ же, 1866, стр. 1077—81. Третье, изъ Рима, кажется до 1842. Тамъ же, 1865, стр. 1295—98.

— Письма къ кн. В. Ѳ. Одоевскому, 1838—42 г. Тамъ же, 1864, 2-е изданіе, стр. 1030—32 (между прочимъ о цензурѣ „Мертвыхъ Душъ“).

— Письмо къ П. А. Плетневу о московской цензурѣ „Мертвыхъ Душъ“, 1842. Тамъ же, 1866, стр. 766—770. См. также у Кулиша, V, 457.

— Два письма къ Малиновскому, около 1847. Тамъ же, 1865, стр. 1278—82.

— Замѣтка въ альбомъ г-жи Чертковой. Р. Старина, 1870, II, стр. 528—529.

— Записка къ С. Т. Аксакову, около 1839. Тамъ же, 1871, IV, 681.

— Письмо къ актеру Сосницкому, о „Ревизорѣ“, 1846. Тамъ же, 1872, VI, стр. 441—444.

Digitized by Google

Пользуясь этимъ матеріаломъ, мы постараемся указать, въ общихъ чертахъ, какъ можетъ быть опредѣленъ теперь давно поставленный вопросъ о направленіи дѣятельности Гоголя.

При первомъ появленіи «Переписки», книга Гоголя принята была за сознательное отреченіе его отъ прежняго направленія, за поворотъ въ другую сторону. Самъ Гоголь положительно объ этомъ говорилъ; онъ находилъ вредными свои старыя сочиненія, отвергалъ тотъ смыслъ, который придали имъ его почитатели; его собственные друзья, одобрявшіе «Переписку», считали ее «переломомъ» и притомъ такимъ, который былъ совершенно необходимъ и основателенъ. Устанавливалось вообще мнѣніе, что Гоголь, дѣйствовавшій прежде въ одномъ направленіи,—общественно-критическомъ, которое ознаменовано «Ревизоромъ» и «Мертвыми

Во-вторыхъ, критическія изслѣдованія, воспоминанія о Гоголѣ и упоминанія о немъ въ перепискѣ разныхъ лицъ:

— Воспоминанія о Гоголѣ (Римъ, лѣтомъ 1841 года). П. Анненкова. Б. для Чт. 1857, № 2 и 11.

— Критическая статья по поводу „Сочиненій и Писемъ" Гоголя, изданныхъ Кулишомъ. „Современникъ", 1857, № 8.

— Воспоминанія Л. Арнольди. „Русск. Вѣстникъ", 1862, № 1, стр. 54—95.

— Воспоминанія о Гоголѣ, г. Грота. Р. Архивъ, 1864, стр. 1065—68.

— Воспоминанія г. Погодина (о римской жизни Гоголя). Тамъ же, 1865, стр. 1270—78.

— Воспоминанія гр. Соллогуба. Тамъ же, 1865, стр. 1208—214 (упоминается Гоголь).

— Воспоминанія о Гоголѣ, П. В. Берга. Р. Старина, 1872, V, стр. 118—128.

— Первое знакомство Гоголя съ М. С. Щепкинымъ. Тамъ же, 1872, V, стр. 282—283.

— Воспоминанія г-жи Смирновой о Жуковскомъ. Р. Архивъ, 1871, стр. 1874, 1883.

— Оффиціальное дѣло министерства народнаго просвѣщенія, 1845 г., о назначеніи Гоголю денежнаго пособія, въ „Сѣверной Почтѣ", 1865, № 277.

— Письма Жуковскаго къ г-жѣ Смирновой о дѣлахъ Гоголя. Р. Архивъ, 1871, стр. 1858, 1860.

— Письма Плетнева къ Жуковскому, о дѣлахъ Гоголя, о литературѣ. Тамъ же, 1870, стр. 1273, 1277—80, 1293, 1305—1306. Между прочимъ чрезвычайно замѣчательныя извѣстія о цензурѣ сочиненій Жуковскаго въ 1850 г., стр. 1322—1330.

— Письмо Плетнева къ кн. Вяземскому, 1847, о новой приготовляемой книгѣ Гоголя. Тамъ же, 1866, стр. 1069. (Это—не „Объясненіе на Литургію", какъ предположено въ „Архивѣ", а „Авторская исповѣдь". Ср. въ изд. Кулиша, VI, 405, то самое письмо Гоголя, о которомъ упоминаетъ Плетневъ. Въ письмѣ къ Шевыреву, у Кулиша VI, 411, Гоголь также говоритъ, что эта книга будетъ—„чистосердечное изъясненіе моего авторскаго дѣла").

— Письмо Жуковскаго къ кн. Вяземскому, по поводу статьи послѣдняго: „Языковъ. Гоголь", въ „Спб. Вѣд." 1847, №№ 90—91. Тамъ же, 1866, стр. 1074.

— Письмо Булгарина къ Хавскому, по поводу смерти Гоголя. Р. Старина, 1872, V, стр. 481—482.

— W. A. Joukoffsky, von Carl v. Seidlitz. Mitau, 1870, стр. 183—190, 198—199, 202.

Другія указанія читатель можетъ найти въ каталогѣ г. Межова.

Digitized by Google

Душами»,—потомъ измѣнилъ этому направленію, бросился въ аскетизмъ и поклоненіе господствующимъ порядкамъ, и былъ окончательно потерянъ для искусства. На него обратились суровыя осужденія и укоры.

Но этихъ осужденій не довольно было для *историческаго* объясненія. Надо было объяснить внутренній процессъ, которымъ могла быть приведена столь сильная перемѣна, открыть побужденія, дѣйствовавшія въ человѣкѣ, проникнуть въ истинный характеръ его убѣжденій и его цѣлей. Одинъ изъ лучшихъ нашихъ критиковъ, разбирая матеріалы, изданные г. Кулишомъ, старался именно опредѣлить,—могутъ ли падать на Гоголя эти осужденія и каковъ былъ дѣйствительно его нравственный характеръ и его убѣжденія. Не скрывая отъ себя извѣстныхъ сторонъ этого характера, не возбуждающихъ сочувствія, авторъ объясняетъ ихъ источникъ и ихъ предѣлы, но отвергаетъ много другихъ обвиненій, которыя могли быть подняты противъ Гоголя только потому, что до изданія его переписки не была достаточно извѣстна его внутренняя исторія. Въ заключеніе, критикъ приходилъ къ выводу, что у Гоголя, въ послѣднемъ періодѣ его жизни, собственно говоря, не было никакой «измѣны убѣжденіямъ», что исторія его мнѣній была цѣльная исторія, однородная съ начала до конца,—что если въ разные періоды его жизни сильнѣе выступали у него тѣ или другія качества его ума и таланта, то самая сущность его убѣжденій была одна и та же. «Если вы,—говоритъ авторъ,—преодолѣвъ скуку, наводимую однообразіемъ этихъ писемъ (писемъ второго періода жизни Гоголя), всмотритесь въ нихъ ближе и точнѣе, сравните ихъ съ письмами прежнихъ годовъ, вы увидите, что во второмъ періодѣ сохранилось, кромѣ молодой веселости, все то, что было въ письмахъ перваго періода, и наоборотъ, въ письмахъ перваго періода вы найдете уже тѣ черты, которыя, повидимому, должны были бы принадлежать второму періоду». Подробное сличеніе писемъ конца двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ съ письмами сороковыхъ годовъ показывало, что основныя мысли и представленія Гоголя въ тѣ и другіе годы были чрезвычайно сходны, что въ первомъ періодѣ были уже основанія его позднѣйшихъ мнѣній.

Напримѣръ, въ «Перепискѣ» удивлялись странной просьбѣ автора къ читателямъ—присылать ему всякія извѣстія о русской жизни и нравахъ и даже всякія чисто личныя свѣдѣнія:—но то же можно встрѣтить и въ прежнихъ письмахъ Гоголя. Онъ еще въ 1829-мъ г. дѣлалъ своей матери подобныя порученія относительно малороссійскаго быта, требуя отъ нея даже такихъ мелочныхъ

Digitized by Google

свѣдѣній, которыя можно бы предположить ему извѣстными. Теперь онъ только расширилъ область своихъ запросовъ, въ той мѣрѣ, какъ считалъ болѣе широкими и свои авторскія обязанности.

«Переписка» исполнена увѣреніями, что человѣку нужно только укрѣпиться въ вѣрѣ и тогда онъ будетъ легко переносить самыя тяжелыя испытанія. Но, удивительнымъ образомъ оказывается, что то же самое онъ говоритъ еще въ 1825-мъ году (16-ти лѣтъ) по поводу смерти своего отца: «не безпокойтесь, дражайшая маменька! я сей ударъ перенесъ съ твердостью истиннаго христіанина» и проч. Въ такомъ же родѣ говоритъ онъ въ другомъ письмѣ къ матери о подобномъ горѣ, постигшемъ одного изъ ближайшихъ его друзей...

Гоголя винили въ лицемѣріи, когда онъ въ «Перепискѣ» въ каждомъ случаѣ своей жизни видѣлъ непосредственную волю самого Провидѣнія;—но есть письма, еще отъ 1829-го года, которыя своимъ тономъ относительно этого предмета ничѣмъ не уступаютъ «Перепискѣ». Такъ, однажды онъ дѣлаетъ своей матери признаніе объ одномъ таинственномъ событіи своей жизни,—какой-то безумной и безнадежной любви, — и говоритъ: «Съ ужасомъ осмотрѣлся и разглядѣлъ я свое ужасное состояніе. Все совершенно въ мірѣ было для меня тогда чуждо, жизнь и смерть равно несносны... Я увидѣлъ, что мнѣ нужно бѣжать отъ самого себя... Въ умиленіи, я призналъ невидимую Десницу, пекущуюся о мнѣ, и благословилъ *такъ давно назначаемый* путь мнѣ»...

Его обвиняли въ безмѣрномъ ханжествѣ, когда онъ принимался въ «Перепискѣ» поучать своихъ знакомыхъ и читателей, рекомендовалъ имъ изучать его книгу, и т. п. Но то же было и гораздо раньше. Въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ уже рекомендуетъ своимъ роднымъ чтеніе его собственныхъ писемъ и даетъ имъ уроки благочестія. Разъ онъ перешелъ въ этомъ всякую мѣру, такъ что мать и сестры его глубоко были огорчены его нетерпимымъ, требовательнымъ, суровымъ тономъ; изъ ихъ отвѣта Гоголь долженъ былъ увидѣть, что мѣра перейдена, и тогда въ немъ опять сказывается самое теплое чувство и покорность, совершенно искреннія, какъ прежде онъ искренно поучалъ ихъ, ратуя за ихъ душевное спасеніе. Что во всей этой проповѣди, которою наполнена «Переписка», не было притворства, это ясно изъ цѣлаго ихъ характера; проповѣдь перемѣшана съ мыслями и чувствами, очевидно задушевными; и потомъ, — послѣ очень многихъ и не легкихъ испытаній его гордости и личнаго достоинства, испытаній, навлеченныхъ «Перепиской», и потомъ онъ нисколько не измѣняетъ

Digitized by Google

своего тона съ друзьями. Его конецъ довелъ до печальной очевидности, какъ глубоко укоренилось въ немъ его благочестіе.

Однимъ словомъ, сличая то, какъ высказывался Гоголь объ этихъ и другихъ коренныхъ предметахъ его убѣжденія, въ различные періоды своей жизни, въ самой ранней молодости и въ послѣдніе годы, сличая это, авторъ упомянутой статьи находитъ, что въ убѣжденіи Гоголя постоянно господствовало одно воззрѣніе, что оно приняло крайнее развитіе въ послѣдніе годы, дошло до фанатизма, но въ сущности не измѣнялось.

Это заключеніе кажется намъ совершенно вѣрнымъ: личность Гоголя является цѣльной, развитіе послѣдовательнымъ, для объясненій котораго незачѣмъ предполагать ни «измѣны», ни «перелома»,—потому что направленіе его послѣднихъ годовъ имѣло основаніе въ его давнишнихъ понятіяхъ, кромѣ которыхъ онъ никогда и не имѣлъ другихъ [1]). Страшное противорѣчіе съ самимъ собой, мучившее его въ послѣдніе годы, крылось въ немъ съ самаго начала. Это противорѣчіе, которое называли борьбой художническаго начала съ аскетизмомъ, было, еще въ большей степени, борьбой его врожденнаго высокаго побужденія служить обществу, съ тѣми ошибочными теоретическими представленіями объ обществѣ, съ которыми онъ сжился. Въ личной судьбѣ Гоголя отразилась борьба двухъ различныхъ сторонъ общественнаго развитія: какъ великій талантъ, онъ принадлежалъ его прогрессивной сторонѣ, тогда какъ его теоретическія понятія не шли дальше обиходнаго консерватизма, — и здѣсь главный источникъ той борьбы понятій, которой онъ и не выдержалъ. Личная исторія Гоголя, какъ писателя, является характеристическимъ фактомъ въ исторіи самаго общества.

Нѣтъ надобности много говорить о томъ, какой великій смыслъ имѣли произведенія Гоголя. Это былъ талантъ, равныхъ которому не много можно найти въ нашей литературѣ; люди Пушкинскаго кружка сами въ то время находили, что «Мертвыя Души—безъ сомнѣнія *лучшее изъ всего*, что только есть въ нашей литературѣ» [2]). Для нашей литературы Гоголь открывалъ новую область идей, полагалъ основаніе ея дальнѣйшаго развитія, впервые сообщалъ ей глубокій общественный смыслъ. Эта сатира съ такой живостью воспроизводила обыденную жизнь общества, что изо-

---

[1]) Мы сдѣлаемъ оговорку только о личномъ характерѣ Гоголя, въ которомъ было гораздо меньше наивной искренности и гораздо больше разсчитанной, эгоистической хитрости, чѣмъ предполагалъ авторъ статьи. Фактическія указанія объ этомъ читатель найдетъ въ воспоминаніяхъ г. Анненкова.

[2]) Слова Плетнева въ письмѣ къ Жуковскому, 1842.

Digitized by Google

браженіе бросалось въ глаза и производило глубокое впечатлѣніе: общество не могло не видѣть вѣрности зеркала, и невольно оглядывалось на себя. Какія бы ни были собственныя идеи писателя о содержаніи его картины, его произведенія стали могущественной силой: они такъ ярко и наглядно изображали русскую жизнь, что заставляли задумываться; изъ-за ряда смѣшныхъ сценъ и характеровъ бросалась въ глаза нравственная нищета этой жизни, отъ которой не на чемъ было отдохнуть. Съ произведеніями Гоголя совершался актъ сознанія, одинъ изъ самыхъ важныхъ, какіе были въ новѣйшей исторіи нашего общества.

Въ общемъ ходѣ развитія, дѣятельность Гоголя несомнѣнно составляетъ послѣдовательную ступень; она окончательно закрываетъ періодъ искусственнаго романтизма и начинаетъ новый періодъ строго-реальнаго изображенія жизни, — но мы напрасно стали бы искать непосредственной связи Гоголевской сатиры съ предыдущей литературой. Внѣшнимъ образомъ Гоголь тѣсно связанъ съ Пушкинскимъ кружкомъ; онъ считаетъ Пушкина своимъ учителемъ; его друзья—люди Пушкинскаго круга; среди ихъ онъ проводитъ свою жизнь; они считаютъ его своимъ, — но тѣмъ не менѣе, его дѣло выходитъ изъ ихъ умственнаго и общественнаго горизонта; поэтому самъ Гоголь, привыкшій смотрѣть ихъ глазами, и могъ не уразумѣть вполнѣ того смысла, какой имѣли его произведенія для общественнаго развитія. Въ своихъ теоретическихъ понятіяхъ Гоголь отчасти сохранялъ простыя патріархальныя традиціи, отчасти заимствовалъ взгляды Пушкинскаго круга, но въ своемъ творчествѣ онъ уже былъ человѣкомъ новаго историческаго слоя. Его друзья изъ Пушкинскаго круга на первыхъ порахъ поняли высокій поэтическій талантъ Гоголя и его художественную силу, — но они не поняли общественнаго значенія его произведеній, и потомъ отступились отъ нихъ, когда сдѣлалось ясно ихъ дѣйствіе на общество. Самъ Гоголь также отступился отъ своихъ произведеній, — потому что это дѣйствіе ихъ превышало степень теоретическаго пониманія, вынесенную имъ изъ его школы и изъ его отношеній...

Воспитаніе Гоголя шло сначала въ малороссійской патріархальной семьѣ, гдѣ онъ имѣлъ возможность близко приглядѣться къ старосвѣтскому быту украинскаго дворянства, къ нравамъ, преданіямъ и обычаямъ народа, которые потомъ дали ему богатый матеріалъ для его малорусскихъ разсказовъ. Ученье въ Нѣжинскомъ лицеѣ, откуда на вакаціи и праздники онъ ѣздилъ до-

Digitized by Google

мой, продолжило этотъ первый періодъ его воспитанія; малорусскіе поэтическіе интересы поддерживались по прежнему, между прочимъ—театромъ, который Гоголь съ товарищами устроилъ въ лицеѣ и гдѣ, въ числѣ другихъ пьесъ, давались малорусскія комедіи его отца: Гоголь-отецъ составлялъ ихъ для сцены, устроенной въ Кибинцахъ, имѣньѣ извѣстнаго Трощинскаго, который жилъ тогда здѣсь на покоѣ. Ученье въ лицеѣ, по словамъ Гоголя и по признанію самихъ его наставниковъ, дало ему немного; его свѣдѣнія были необширныя, и главное изъ нихъ онъ вѣроятно пріобрѣлъ собственнымъ чтеніемъ. Его знанія были случайны и отрывочны; понятно, что у двадцати-лѣтняго юноши подобнаго воспитанія легко могло не составиться никакого опредѣленнаго образа мыслей,—но въ его дальнѣйшемъ образованіи и обстановкѣ не было и задатковъ для этого, а между тѣмъ почти тотчасъ по выходѣ изъ школы онъ уже вступаетъ на свое литературное поприще. Его мнѣнія о коренныхъ вопросахъ нравственности и общественной жизни оставались и теперь тѣ же патріархально-простодушныя мнѣнія. Въ немъ созрѣвалъ могущественный талантъ,—его чувство и наблюдательность глубоко проникали въ жизненныя явленія, — но его мысль не останавливалась на причинахъ этихъ явленій. Онъ рано былъ исполненъ великодушнаго и благороднаго стремленія къ человѣческому благу, сочувствія къ человѣческому страданію; онъ находилъ для ихъ выраженія возвышенный поэтическій языкъ, глубокій юморъ и потрясающія картины,—но эти стремленія оставались на степени чувства или идеальной отвлеченности, въ томъ смыслѣ, что при всей ихъ силѣ Гоголь не переводилъ ихъ въ практическую мысль улучшенія общественнаго. Подобная мысль не приходила ему въ голову: для устраненія человѣческихъ бѣдствій по его мнѣнію нужно было только, чтобы люди избавились отъ пороковъ и стали добродѣтельны,—извѣстная точка зрѣнія старинныхъ моралистовъ. Въ первое время у него, безъ сомнѣнія, не было и мысли объ этихъ предметахъ, а когда другіе стали указывать ему иную точку зрѣнія, онъ уже не въ силахъ былъ понять ее и въ послѣднее время...

Еще въ лицеѣ Гоголь высказывалъ свое горячее желаніе быть полезнымъ обществу; онъ чувствовалъ въ себѣ какія-то необыкновенныя силы, и ожидалъ, что сдѣлаетъ что-то особенное и выходящее изъ ряда; онъ былъ исполненъ высокими, но неясными стремленіями, — но, какъ онъ говорилъ потомъ не одинъ разъ, онъ вовсе не думалъ быть писателемъ, и полагалъ, что всего лучше и всего полезнѣе употребить свои силы на службѣ—той

Digitized by Google

главнѣйшей, чуть не единственной дорогѣ, которую могъ тогда выбрать человѣкъ его положенія [1]). По окончаніи курса онъ рѣшилъ отправиться для этого въ Петербургъ. Здѣсь онъ дѣйствительно поступилъ на службу, но уже скоро увидѣлъ, что это занятіе не доставляетъ ему того удовлетворенія, какого онъ ждалъ. Въ немъ скоро сказался писатель. Литературныя предпріятія его начались довольно естественно въ романтическомъ тонѣ («Италія», «Ганцъ Кюхельгартенъ» 1829), въ которомъ онъ прямо слѣдовалъ господствовавшей тогда школѣ. Гоголь скрывалъ свое имя подъ псевдонимомъ, считая свои первыя произведенія пробнымъ опытомъ. Когда вышедшая книжка встрѣтила неблагосклонный пріемъ, Гоголь самъ увидѣлъ неудачу, собралъ свое изданіе и сжегъ его: книжка сдѣлалась чрезвычайной рѣдкостью и самые близкіе друзья его не знали потомъ ничего объ этомъ первомъ его произведеніи. Слѣдовало потомъ еще нѣсколько небольшихъ пьесъ, и наконецъ новая попытка была уже настоящимъ успѣхомъ. Это были «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» (1831), обезпечившіе Гоголю мѣсто въ литературѣ и начавшіе его славу. Гоголю было тогда двадцать два года.

Въ періодѣ этихъ первыхъ опытовъ (1829 — 1831) Гоголь успѣлъ познакомиться съ П. А. Плетневымъ, который между прочимъ присовѣтовалъ ему извѣстный псевдонимъ Рудаго-Панька, поставленный на «Вечерахъ». Какъ произошло это первое знакомство, до сихъ поръ еще не было, кажется, разсказано; но такъ или иначе, съ 1831 года мы видимъ уже Гоголя окончательно связаннымъ съ кругомъ писателей, средоточіемъ котораго былъ Пушкинъ. Черезъ Плетнева, или прямо, Гоголь познакомился съ Жуковскимъ, затѣмъ съ самимъ Пушкинымъ; далѣе, мы видимъ въ числѣ его друзей съ этого времени кн. Вяземскаго, гр. М. Ю. Віельгорскаго, г-жу А. О. Смирнову и ея брата Россети, и др. Почти въ то же время начинаются его другія близкія связи въ Москвѣ—съ г. Погодинымъ и Шевыревымъ; съ М. А. Максимовичемъ, съ которымъ одно время его тѣсно соединяла общая любовь къ малороссійской старинѣ и народной поэзіи. Послѣдній литературный кругъ, съ которымъ онъ — нѣсколько позднѣе — сталъ въ дружескія отношенія, былъ кругъ славянофильскій—поэтъ Языковъ и семейство Аксаковыхъ. Но главнѣйшія связи, дѣйствовавшія на развитіе литературныхъ идей Гоголя, находились въ Пушкинскомъ кружкѣ. Онъ вступилъ сюда двадцати-двухъ-лѣтнимъ юношей, съ любовью принятъ былъ въ этотъ

[1]) См. Записки о жизни Гоголя, I, стр. 25, 36, 75, 129.

Digitized by Google

кругъ, и остался въ немъ навсегда. Для исторіи внутренняго развитія Гоголя этотъ кругъ имѣлъ весьма большое значеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, всматриваясь въ образъ мыслей Гоголя, нельзя не увидѣть, что всѣ его коренныя представленія о жизни и литературѣ были именно представленія Пушкинскаго круга; что, выдѣляясь отъ него особенной оригинальностью своего таланта, Гоголь ничѣмъ не разнился съ нимъ въ своихъ теоретическихъ понятіяхъ объ искусствѣ, о религіи, авторитетѣ, обществѣ, народѣ. Гоголь вступилъ въ этотъ кругъ младшимъ членомъ, когда Гоголь едва оставилъ школу, люди, составлявшіе этотъ кругъ, были уже признанными главами литературы; это были люди зрѣлаго развитія, опредѣленныхъ понятій, болѣе обширнаго (если не болѣе глубокаго) образованія, болѣе или менѣе значительнаго положенія въ обществѣ. Они стали для Гоголя высшей школой, довершившей его образованіе...

Въ началѣ настоящихъ очерковъ мы старались опредѣлить общій характеръ литературы тридцатыхъ годовъ, и то положеніе, которое приняли въ ней ея корифеи — Жуковскій и Пушкинъ. Этимъ опредѣляется тотъ порядокъ идей, какой могъ быть усвоенъ Гоголемъ въ этой школѣ; нѣсколько подробностей могутъ ближе объяснить вліяніе этого круга на внутреннюю исторію Гоголя.

«...Гоголь сдѣлался литераторомъ, — говоритъ авторъ упомянутой выше статьи, — и случайность, которая до сихъ поръ называется необыкновенно счастливой и благотворной для развитія творческихъ силъ Гоголя, ввела его въ кружокъ, состоявшій изъ избраннѣйшихъ писателей тогдашняго Петербурга. Первымъ былъ въ этомъ кружкѣ человѣкъ съ талантомъ дѣйствительно великимъ, съ умомъ дѣйствительно очень быстрымъ, съ характеромъ дѣйствительно очень благороднымъ въ частной жизни. Пушкинъ ободрялъ молодого писателя и внушалъ ему, какимъ путемъ надобно идти къ поэтической славѣ. Но каковъ могъ быть характеръ этихъ внушеній? Извѣстенъ образъ мыслей, вполнѣ развившійся въ Пушкинѣ, когда прежніе его руководители смѣнились новыми друзьями и прежняя непріятная обстановка замѣнилась благосклонностью со стороны людей, третировавшихъ Пушкина нѣкогда, какъ дерзкаго мальчишку. До конца жизни Пушкинъ оставался благороднымъ человѣкомъ въ частной жизни; человѣкомъ современныхъ (т.-е. тогда) убѣжденій онъ никогда не былъ; прежде, подъ вліяніями, о которыхъ вспоминаетъ въ «Аріонѣ»,—казался, а теперь даже и не казался. Онъ могъ говорить объ искусствѣ съ художественной стороны, ссылаясь на глубокомысленнаго Ка-

Digitized by Google

тенина; могъ прочитать молодому Гоголю прекрасное стихотвореніе «Поэтъ и Чернь» съ знаменитыми стихами:

«Не для житейскаго волненья,
«Не для корысти, не для битвъ, и т. д.

могъ сказать Гоголю, что Полевой—пустой и вздорный крикунъ; могъ похвалить непритворную веселость «Вечеровъ на хуторѣ». Все это пожалуй и хорошо, но всего этого мало; а по правдѣ говоря, не все это и хорошо...

«Если мы предположимъ, что въ общество, занятое исключительно разсужденіями объ артистическихъ красотахъ, вошелъ человѣкъ молодой, до того времени не имѣвшій случая составить себѣ твердый и систематическій образъ мыслей, человѣкъ, не получившій хорошаго образованія, должны ли мы будемъ удивляться, когда онъ не пріобрѣтетъ здравыхъ понятій о метафизическихъ вопросахъ и не будетъ приготовленъ къ выбору между различными взглядами на государственныя дѣла?

«Привычки, утвердившіяся въ обществѣ, имѣютъ чрезвычайную силу надъ дѣйствіями почти каждаго изъ насъ. У насъ еще очень сильно то мелкое честолюбіе, которое мѣшаетъ человѣку находить удовольствіе въ средѣ людей менѣе высокаго ранга, какъ скоро открывается ему доступъ въ кружокъ, принадлежащій къ болѣе высокому классу общества. Гоголь былъ похожъ почти на каждаго изъ насъ, когда пересталъ находить удовольствіе въ обществѣ своихъ прежнихъ молодыхъ друзей (земляковъ и товарищей по лицею), вошедши въ кружокъ Пушкина. Пушкинъ и его друзья съ такимъ добродушіемъ заботились о Гоголѣ, что онъ былъ бы человѣкомъ неблагодарнымъ, еслибы не привязался къ нимъ какъ къ людямъ. «Но можно имѣть расположеніе къ людямъ и не поддаваться ихъ образу мыслей.» Конечно, но только тогда, когда я самъ уже имѣю твердыя и приведенныя въ систему убѣжденія; иначе откуда же я возьму основаніе отвергать мысли, которыя внушаются мнѣ цѣлымъ обществомъ людей, пользующихся высокимъ уваженіемъ въ цѣлой публикѣ,—людей, изъ которыхъ каждый образованнѣе меня? Очень натурально, что если я, человѣкъ мало образованный, нахожу этихъ людей честными и благородными, то мало-по-малу привыкну я и убѣжденія ихъ считать благородными и справедливыми».

Таковы дѣйствительно были отношенія Гоголя къ этому кругу, гдѣ онъ вскорѣ занимаетъ мѣсто, какъ свой человѣкъ. Изданный въ послѣдніе годы историческій матеріалъ даетъ возможность ближе опредѣлить свойства образа мыслей, соединявшаго людей

Digitized by Google

пушкинскаго круга, до такихъ частностей, которыхъ мы напрасно искали бы въ ихъ тогдашнихъ печатныхъ произведеніяхъ, и эти новыя свѣдѣнія вполнѣ подтверждаютъ взглядъ, выраженный въ приведенной нами цитатѣ.

Кругъ Пушкина составлялъ, въ литературѣ тридцатыхъ годовъ, особую котерію, которая мало сближалась съ другими литературными кругами. Главнѣйшіе его представители, Жуковскій и Пушкинъ, пользовались всѣмъ авторитетомъ своей славы, который и служилъ знаменемъ для ихъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ сподвижниковъ. Еще со второй половины двадцатыхъ годовъ этотъ кругъ сплотился въ прочно-связанное, почти замкнутое общество со своимъ эстетическимъ и общественнымъ кодексомъ.

Въ этомъ кругѣ уцѣлѣвшіе остатки «Арзамаса» соединялись съ болѣе молодыми представителями пушкинскаго романтизма. Изъ Арзамаса перешелъ сюда взглядъ на литературу какъ на отвлеченное художество, взглядъ, приводившій въ концѣ концовъ къ полному удаленію литературы отъ вопросовъ дѣйствительной жизни. Пушкинъ недаромъ заявлялъ свое пренебреженіе къ «черни», т.-е. къ обществу, которое вздумало бы ждать отъ литературы какого-нибудь живого участія къ своимъ нравственнымъ интересамъ, а не одного зрѣлища жертвоприношеній Аполлону,— и высокомѣрно выдѣлялъ привилегію поэта быть рожденнымъ для вдохновенія и сладкихъ звуковъ, далекихъ отъ «житейскаго волненья» и къ нему безучастныхъ.

Съ этимъ понятіемъ о поэзіи, удаляемой отъ «черни» — естественно соединялся тѣсно-консервативный взглядъ въ предметахъ общественныхъ. Удаляясь отъ дѣйствительности, эта литература переставала и понимать ее. Взглядъ кружка и здѣсь развивалъ преданія «Арзамаса»; легкій оттѣнокъ либерализма, сохранявшійся въ виду Шишковскаго старовѣрства и партіи классиковъ, теперь почти исчезъ; затѣмъ, по предметамъ общественнымъ, мнѣнія кружка состояли въ апотеозѣ господствовавшаго положенія вещей. Жуковскій держался издавна этой точки зрѣнія; у Пушкина съ половины двадцатыхъ годовъ выдохлись всѣ остатки прежняго либерализма, и наконецъ оффиціальная народность нашла въ немъ своего преданнаго пѣвца. Пушкинскій кружокъ поклонялся имени Карамзина, и въ этомъ поклоненіи политическія идеи историка государства россійскаго были однимъ изъ главнѣйшихъ основаній: кружокъ увлекался славою Россіи, вѣрилъ въ ея величіе, не имѣлъ никакихъ сомнѣній и запросовъ относительно настоящаго, а различные недостатки, которыхъ нельзя

Digitized by Google

было не видѣть, приписывалъ только недостатку въ людяхъ добродѣтели, неисполненію законовъ.

Въ литературѣ тридцатыхъ годовъ, кружокъ Пушкина занималъ господствующее положеніе, пока еще не кончилась борьба противъ стараго классицизма. Послѣднимъ вмѣшательствомъ его въ литературное движеніе того времени была вражда этого круга къ литературной аферѣ, которую вели тогда Гречъ съ Булгаринымъ и Сенковскій. Въ этихъ полемическихъ отношеніяхъ пушкинскій кружокъ высказывалъ очень недвусмысленно свое презрѣніе къ этому униженію литературы;—но къ сожалѣнію, у друзей Пушкина не достало характера, выдержки—или умѣнья поддержать болѣе дѣйствительнымъ образомъ достоинство литературы. Они жаловались, бранили Сенковскаго, но были противъ него безсильны... Къ концу тридцатыхъ годовъ положеніе кружка стало измѣняться; еще при жизни Пушкина начался поворотъ, показывавшій, что его школа перестаетъ удовлетворять наростающимъ потребностямъ общества. Кружокъ Пушкина (вообще говоря, потому что были исключенія) не понималъ уже новаго движенія, возникавшаго на его глазахъ. Такъ, онъ не любилъ Полеваго, не съумѣвши отличить въ его дѣятельности—правда, нѣсколько поспѣшной и шумливой—того, что́ было въ ней серьезнаго. Живая часть публики поняла однако рьянаго журналиста, и «Телеграфъ» имѣлъ вліяніе. Съ другой стороны, та нѣмецкая философія, которая казалась Пушкину подозрительной, дѣйствительно начала оказывать свое дѣйствіе; съ первымъ изученіемъ этой философіи въ литературѣ стали больше и больше укрѣпляться воззрѣнія, основанія которыхъ были во всякомъ случаѣ шире, чѣмъ основанія пушкинской школы. Послѣдняя опять не поняла новаго явленія. Нѣкоторыя рѣзкости и неряшества, которыя случались у писателей новаго московскаго кружка́, напр. у Надеждина, возстановляли противъ нихъ друзей Пушкина, а серьёзная сторона новыхъ мнѣній отъ нихъ ускользала. Предубѣжденіе распространилось и на людей, которые продолжали потомъ движеніе, начатое Надеждинымъ,—такъ оно распространилось на Бѣлинскаго и его друзей. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше увеличивалось взаимное непониманіе. Кругъ Пушкина, послѣ его смерти, сталъ все больше терять свое дѣятельное значеніе, все больше уединялся; за непониманіемъ новыхъ направленій явилось наконецъ раздраженіе, вражда; наконецъ—въ нѣсколькихъ случаяхъ—настоящій обскурантизмъ...

«Время тогда (около 1837 года) было очень уже смирное»,—разсказываетъ г. Тургеневъ въ воспоминаніяхъ своихъ объ одномъ

Digitized by Google

изъ достойнѣйшихъ членовъ пушкинскаго кружка, Плетневъ.— «Правительственная сфера, особенно въ Петербургѣ, захватывала и покоряла подъ себя все». Это были — «тѣ времена, которыя покойный Аполлонъ Григорьевъ прозвалъ допотопными. Общество еще помнило удары, обрушившіеся на самыхъ видныхъ его представителей лѣтъ двѣнадцать передъ тѣмъ; и изо всего того, что проснулось въ немъ впослѣдствіи, особенно послѣ 1855 года, ничего даже не шевелилось, а только бродило — глубоко, но смутно—въ нѣкоторыхъ молодыхъ умахъ. Литературы въ смыслѣ живаго проявленія одной изъ общественныхъ силъ, находящагося въ связи съ другими, столь же и болѣе важными проявленіями ихъ, не было, какъ не было прессы (политической печати), какъ не было гласности, какъ не было личной свободы, а была словесность, и были такіе словесныхъ дѣлъ мастера́, какихъ мы уже потомъ не видали».

Кружокъ Пушкина, по своему настроенію, мало чувствовалъ это положеніе вещей. Въ немъ были прекрасные лично люди; иное они и понимали въ этомъ положеніи, но ихъ отношеніе къ дѣйствительности было вообще слишкомъ связанное и пассивное. Слова г. Тургенева о Плетневѣ раскрываютъ цѣлую сторону самого кружка. «Для критики, въ воспитательномъ, въ отрицательномъ значеніи слова, ему не доставало энергіи, огня, настойчивости, прямо говоря—*мужества*. Онъ не былъ рожденъ бойцомъ»... Пыль и дымъ битвы, говоритъ г. Тургеневъ, для его натуры были столь же непріятны, какъ и опасность, которой онъ могъ въ ней подвергнуться. Но настолько же удаляли его отъ этой битвы и совсѣмъ другія обстоятельства, его положеніе въ обществѣ, связи съ дворомъ. «Оживленное созерцаніе, участіе искреннее, незыблемая твердость дружескихъ чувствъ и радостное поклоненіе Поэтическому—вотъ весь Плетневъ».

Эти черты мы найдемъ и у другихъ членовъ кружка. Но по своимъ теоріямъ и по общественному положенію, они все больше и больше удалялись отъ того пониманія жизни, для котораго требовалось «мужество»; ихъ литературное содержаніе ограничивалось только совершенно безобидными и слѣдовательно безразличными вещами, — поклоненіе «Поэтическому» становилось изящнымъ развлеченіемъ, которое никакъ не должно было смущать ихъ спокойствія. Литература, которую могъ поддерживать этотъ кругъ, могла быть только литература, отвѣчающая ихъ идеально-романтическому настроенію и ихъ общественному положенію. Можно себѣ представить, что такое условіе дѣлало объемъ этой литературы не очень широкимъ... Это и оказалось

Digitized by Google

впослѣдствіи, въ сороковыхъ годахъ и въ концѣ разсматриваемаго періода.

Въ такого рода обстановку попалъ Гоголь при своемъ вступленіи на литературное поприще. Жуковскій, Пушкинъ, Плетневъ приняли теплое участіе въ молодомъ человѣкѣ, почти юношѣ, первыя произведенія котораго поражали такой свѣжей оригинальностью. У нихъ было довольно эстетическаго чувства, чтобъ заинтересоваться своеобразнымъ талантомъ, и Гоголь уже вскорѣ дѣлается очень близкимъ въ ихъ кругу. Они заботятся объ его матеріальныхъ дѣлахъ, доставляютъ ему мѣста и протекціи, поощряютъ его литературные труды. Извѣстно, съ какимъ горячимъ чувствомъ Гоголь говорилъ всегда о Пушкинѣ, котораго считалъ своимъ учителемъ, и отъ котораго вѣроятно многому учился и въ самомъ дѣлѣ. Пушкинскія преданія были для него святы. Недаромъ случилось, что Пушкинъ далъ Гоголю самые сюжеты «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ». Какъ говорятъ, Пушкинъ разсказалъ Гоголю случай, бывшій въ городѣ Устюжнѣ, Новгородской губерніи, гдѣ какой-то проѣзжій господинъ выдалъ себя за чиновника министерства и обобралъ городскихъ жителей. Самого Пушкина принялъ за тайнаго ревизора нижегородскій губернаторъ, когда Пушкинъ проѣзжалъ черезъ Нижній въ Оренбургъ для собранія свѣдѣній о пугачевскомъ бунтѣ: нижегородскій губернаторъ даже предупреждалъ объ этомъ въ Оренбургъ В. А. Перовскаго, который былъ пріятелемъ Пушкина и самъ ему объ этомъ разсказывалъ. На этихъ данныхъ и былъ задуманъ «Ревизоръ», котораго Пушкинъ называлъ себя крестнымъ отцомъ. Въ «Авторской Исповѣди» Гоголь самъ разсказываетъ, что Пушкинъ передалъ ему сюжетъ «Мертвыхъ Душъ», сюжетъ, котораго, по его словамъ, Пушкинъ не отдалъ бы никому другому, кромѣ его. Въ письмахъ Гоголя остались выраженія самаго глубокаго уваженія къ Пушкину [1]).

---

[1]) Напримѣръ, въ напечатанномъ недавно письмѣ Гоголя къ Жуковскому, изъ Рима въ апрѣлѣ 1839 г., онъ говоритъ; „...Я долженъ продолжать мною начатой большой трудъ, который писать взялъ съ меня слово Пушкинъ, котораго мысль есть его созданіе и который обратился для меня съ этихъ поръ въ *священное завѣщаніе*". Въ письмѣ къ Плетневу, въ мартѣ 1837 г., по полученіи извѣстія о смерти Пушкина, Гоголь говоритъ: „...Никакой вѣсти нельзя было получить хуже изъ Россіи. Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что̀ скажетъ онъ, что̀ замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что̀ меня только занимало и одушевляло мои силы", и проч. Сочиненія и письма Гоголя, изд. Кулиша, V, стр. 286—287. См. также „Выбранныя Мѣста" и „Авторскую Исповѣдь", и Записки о жизни Гоголя, I, стр. 194 (мнѣніе друзей Гоголя объ его отношеніяхъ съ Пушкинымъ).

Digitized by Google

Извѣстны слова Пушкина о Гоголѣ, что никто не умѣетъ лучше его подмѣтить всю пошлость русскаго человѣка. Гоголь приводитъ его слова: «какъ съ этой способностью (у Гоголя) угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живаго, съ этой способностью не приняться за большое сочиненіе! Это просто грѣхъ!» Убѣждая Гоголя сдѣлать это, Пушкинъ приводилъ примѣръ Сервантеса, который только съ «Донъ-Кихотомъ» занялъ свое высокое мѣсто въ литературѣ... При всемъ томъ Пушкинъ едва ли предвидѣлъ то значеніе, которое Гоголю предстояло получить въ нашей литературѣ. Одинъ современникъ той эпохи (гр. Соллогубъ) справедливо, по нашему мнѣнію, замѣчаетъ, что кромѣ способности подмѣчать пошлость, у Гоголя были еще другія громадныя достоинства, и что Пушкинъ никогда въ томъ вполнѣ не убѣдился, и во всякомъ случаѣ не ожидалъ, чтобы имя Гоголя «стало подлѣ, если не выше его собственнаго имени»... Пушкинъ ожидалъ отъ произведеній Гоголя большихъ художественныхъ достоинствъ, большого успѣха въ публикѣ, но не могъ предвидѣть ихъ *общественнаго* вліянія,—какъ потомъ не понимали этого вліянія друзья Пушкина, и самъ Гоголь.

Въ самомъ дѣлѣ, этого вліянія не предвидѣли также ни Плетневъ, ни Жуковскій. Плетневъ ближе и проще зналъ русскую дѣйствительность, чѣмъ Жуковскій; человѣкъ большого практическаго опыта и здраваго смысла, онъ еще могъ предполагать подобное вліяніе Гоголя, даже находить его законнымъ, — хотя только до извѣстныхъ предѣловъ. Что же касается до Жуковскаго, то ему еще менѣе, чѣмъ кому-нибудь изъ этого круга, понятна была возможность русской сатиры не въ видѣ отвлеченной нравственности, а въ видѣ настоящей независимой общественной мысли.

Личныя связи Гоголя съ Жуковскимъ также были очень тѣсны. Жуковскій располагалъ къ себѣ другими сторонами характера. При всѣхъ односторонностяхъ своего поэтическаго мистицизма, Жуковскій отличался благородной, мягкой человѣчностью, готовой на практическую помощь даже въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ,—на что не хватало храбрости ни у кого больше изъ людей той среды [1]). Гоголь былъ привязанъ къ нему тѣмъ

---

[1]) Вотъ два замѣчанія, любопытнымъ образомъ стоящія рядомъ въ воспоминаніяхъ г-жи Смирновой: „Лунная ночь, съ ея таинственностью и чарами, приводила Жуковскаго въ восторгъ. Отношенія его къ старымъ товарищамъ, къ друзьямъ молодости никогда не измѣнялись. Не разъ онъ подвергался неудовольствію государя за свою непоколебимую вѣрность нѣкоторымъ изъ нихъ“ (т.-е. къ нѣкоторымъ изъ декабристовъ)...

Digitized by Google

больше, что былъ обязанъ ему въ устройствѣ многихъ своихъ практическихъ дѣлъ. Еще въ письмахъ 1831 года между ними видна самая дружеская короткость; впослѣдствіи, она еще увеличилась, особенно во время жизни Гоголя за границей, гдѣ онъ часто пріѣзжалъ къ Жуковскому и гдѣ послѣдній во время болѣзни Гоголя носился съ нимъ какъ съ капризнымъ ребенкомъ [1])... Къ послѣднимъ десятилѣтіямъ своей жизни, именно въ пору отношеній съ Гоголемъ, Жуковскій, нѣкогда романтическій идеалистъ съ отвлеченной религіей, больше и больше переходилъ въ православнаго мистика, и когда въ Гоголѣ стала развиваться его тревожная и мнительная религіозность, общество Жуковскаго могло только поддержать ее и усилить собственными увлеченіями Жуковскаго. Въ понятіяхъ о жизни онъ до конца остается идеалистомъ, и легко повѣрить разсказамъ о немъ г-жи Смирновой: «Такой натурѣ (добродушной и довѣрчивой) пришлось провести столько лѣтъ въ корридорахъ Зимняго дворца! Но онъ былъ чистъ и свѣтелъ душею и въ этой атмосферѣ»... «Онъ какъ-то зналъ, что есть зло en gros, но не видалъ его en détail, когда и случалось ему столкнуться съ чѣмъ-нибудь дурнымъ»... Въ вопросѣ русской дѣйствительности, изображеніе которой Гоголь поставилъ своей задачей, Жуковскій былъ бы конечно самый плохой совѣтникъ; скорѣе, онъ могъ только поддержать въ Гоголѣ его мистическое апостольство, къ которому впослѣдствіи онъ вообразилъ себя призваннымъ.

Были наконецъ въ этомъ кругѣ и люди другого характера, нѣкогда остроумцы и esprits forts, но теперь и остроуміе и бывшій либерализмъ уже выдыхались и замѣнялись житейскимъ благоразуміемъ и успокоеніемъ на лаврахъ. Въ своемъ кружкѣ по-

---

[1]) Въ образчикъ ихъ отношеній можно привести, напр., слѣдующій отрывокъ изъ письма Гоголя къ Жуковскому въ іюнѣ въ 1836 г., по отъѣздѣ Гоголя за границу: „Разлуки между нами быть не можетъ и не должно быть, и гдѣ бы я ни былъ, въ какомъ бы отдаленномъ уголкѣ ни трудился, я всегда буду возлѣ васъ. Каждую субботу я буду въ вашемъ кабинетѣ, вмѣстѣ со всѣми близкими вамъ. Вѣчно вы будете представляться мнѣ слушающимъ меня читающаго. Какое участіе, какое заботливо-родственное участіе видѣлъ я въ глазахъ вашихъ. Низкимъ и пошлымъ почиталъ я выраженія благодарности моей къ вамъ. Нѣтъ, я не былъ проникнутъ благодарностью; клянусь, это что-то выше, что-то больше ея; я не знаю, какъ назвать это чувство, но катящіяся въ эту минуту слезы, но взволнованное до глубины сердце, говорятъ, что оно одно изъ тѣхъ чувствъ, которыя рѣдко достаются въ удѣлъ жителю земли». Мы не будемъ разбирать, былъ ли Гоголь *вполнѣ* искрененъ въ этихъ заявленіяхъ своей преданности; мы оставляемъ вообще въ сторонѣ опредѣленіе его личнаго характера,—оно мало измѣнило бы выводы о теоретическихъ мнѣніяхъ, какимъ Гоголь научался въ Пушкинскомъ кругѣ.

Digitized by Google

добные люди еще ходили со своей старой репутаціей; внѣ кружка они уже переставали быть литературной силой.

Въ тридцатыхъ, а еще болѣе въ сороковыхъ годахъ, друзья Пушкина, ставшіе друзьями и покровителями Гоголя, были люди довольно высоко поставленные, вполнѣ или отчасти придворные... Литературные интересы принимали въ этихъ условіяхъ совсѣмъ особый характеръ: онъ сообщился вскорѣ и Гоголю. Кружокъ все больше и больше удалялся отъ главнаго теченія литературы. При Пушкинѣ, — это начиналось враждой къ Полевому, къ Надеждину, въ сороковыхъ годахъ это окончилось — враждой къ Бѣлинскому и всѣмъ писателямъ его направленія. Единственныя оставшіяся симпатіи были къ «Москвитянину», который пріятенъ былъ своимъ благочестіемъ, своей вѣрностью Карамзину и вообще старымъ преданіямъ; остальная литература мало интересовала кружокъ или возбуждала въ немъ крайнюю антипатію. О ней даже мало говорится въ перепискѣ кружка; но рѣдкія упоминанія о ней показываютъ, что чувства къ ней были одинаковы у различныхъ его членовъ. Вотъ отрывокъ изъ письма 1845 г. къ Жуковскому, отъ одного изъ его друзей: «Маленькое число тѣхъ людей, съ которыми я бывалъ у васъ, теперь странно разрознилось. Нѣтъ общей любви, общаго интереса и общей цѣли. Однихъ охолодило чувство *глубокаго презрѣнія къ господствующимъ идеямъ* въ кругахъ литературныхъ. Другіе, недостойно увлекшись соблазномъ корысти, невольно отталкиваютъ отъ себя каждое несовременное [1]) сердце. Третьи, какъ златые тельцы стоятъ на своемъ подножіи—боги для упавшихъ передъ ними, болваны для не-язычниковъ. Нѣтъ Моисея и нѣтъ религіи. Я увѣренъ, что и Вяземскій испытываетъ ощущенія, отъ которыхъ я часто задыхаюсь» и проч. Въ письмѣ не говорится ближе, о чемъ именно идетъ рѣчь, но несомнѣнно, что «господствующія идеи» относились именно къ идеямъ Бѣлинскаго и его круга. Эти враждебныя отношенія и высказались въ 1847-мъ, при появленіи «Переписки съ друзьями».

Нѣсколько позднѣе, въ мартѣ 1850 года, Плетневъ писалъ къ Жуковскому: «... Норовъ (товарищъ министра народнаго просвѣщенія, Абрамъ Сергѣевичъ) затѣваетъ, по *моей* мысли, образовать журналъ для противодѣйствія *конвульсивно-скаредной* литературѣ нашей. Что вы объ этомъ думаете? Въ распоряженіи министерства не только всѣхъ университетовъ профессора и всѣ академики, но и сильные денежные способы. Итакъ, мнѣ кажется,

[1]) Иронически.

Digitized by Google

этою арміею навѣрно побѣдить можно нестройную толпу наѣздниковъ, которые безъ предводителя (?) и поддерживаются однимъ развратнымъ невѣжествомъ провинціаловъ. Очень желаю знать, какъ вы объ этомъ судите»...

Если не ошибаемся, что-то было уже начато для осуществленія этой мысли. Норовъ устроилъ у себя ученые рауты, на которыхъ собирались профессора и академики, но предпріятіе тѣмъ не менѣе не исполнилось. Самъ Плетневъ долженъ былъ, повидимому, уже скоро разочароваться въ своихъ надеждахъ. (Припомнимъ, что «конвульсивно-скаредная» литература тогда едва существовала; это было время усиленной цензуры, негласнаго комитета и т. д.). Случилось, что въ это самое время Жуковскій прислалъ Плетневу рядъ своихъ статей для отдачи въ цензуру и напечатанія. Это были именно статьи по религіозно-нравственнымъ и общественнымъ предметамъ, писанныя Жуковскимъ въ послѣдніе годы жизни—гдѣ онъ объяснялъ свои «основныя начала въ политикѣ и въ философіи и нравственности», а именно—«христіанство и самодержавіе, христіанство и православіе». Можно себѣ представить, что́ могъ написать вѣрующій, строго-консервативный, преданный Жуковскій о предметахъ этого рода [1]). Статьи привели Плетнева въ восторгъ. Но на дѣлѣ оказалось (письмо Плетнева отъ мая 1850), что тотъ же Норовъ, на котораго Плетневъ возлагалъ свои надежды, не пропустилъ статьи Жуковскаго, особенно Плетнева восхитившей; что духовная цензура не пропустила статей Жуковскаго, которыя имѣли отношеніе къ религіи.—До такого опыта должны были дойти люди, собиравшіеся спасать литературу... Опытъ конечно былъ слишкомъ поздній, да и напрасный.

Когда въ дѣятельности Пушкина настала пора чисто художественнаго творчества, интересъ общественный сталъ для него довольно безразличенъ; это обстоятельство, которое ставили въ связь съ его новыми отношеніями въ высшихъ сферахъ, началó охлаждать прежнее горячее сочувствіе къ нему въ той части публики, которая искала въ литературѣ нравственно-общественнаго смысла. Послѣ Пушкина, его кружокъ еще менѣе заботился объ этихъ сочувствіяхъ, считая, что литература въ ихъ смыслѣ, чисто поэтическая, совершенно консервативная, и есть настоящая литература, что другой не должно быть, или она будетъ извращеніемъ ея здравыхъ началъ. Такимъ образомъ, теорія чистаго искусства сходилась съ практическимъ отвращеніемъ кружка къ

[1]) Эти статьи вошли теперь въ послѣднее изданіе сочиненій Жуковскаго.

Digitized by Google

критикѣ дѣйствительности, а съ другой стороны это нерасположеніе къ критикѣ становилось необходимостью для членовъ кружка по ихъ связямъ въ высшемъ кругу, при дворѣ. Въ тѣ времена, и вообще критика дѣйствительности была возможна только въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ и была еще мало распространена; въ этомъ же кругу независимый взглядъ на общественную дѣйствительность просто былъ бы вещью немыслимой. Что внѣшнее положеніе кружка вліяло извѣстнымъ образомъ на его литературныя мнѣнія,—этого не могла не замѣтить новая школа; и справедливо не могла этому сочувствовать, потому что здѣсь начиналась неискренность, лицемѣріе, подведеніе требованій литературы, такъ высоко оцѣняемыхъ самимъ кружкомъ, подъ личные посторонніе разсчеты. Это былъ весьма существенный пунктъ, гдѣ двѣ литературныя школы или направленія впослѣдствіи окончательно перестали понимать другъ друга.

Гоголю пришлось испытать на себѣ удобства и неудобства этихъ отношеній. Его матеріальныя обстоятельства почти всегда были не блестящи; онъ вѣчно нуждался въ деньгахъ; когда они бывали, онъ самъ распоряжался ими не совсѣмъ благоразумно; въ позднѣйшіе годы онъ нерѣдко обращалъ ихъ на филантропію. Друзья указали ему одинъ путь для поправленія своихъ дѣлъ,—путь, къ которому онъ потомъ много разъ обращался. Новая обнародованная переписка прибавляетъ еще нѣсколько свѣдѣній къ фактамъ, извѣстнымъ изъ біографіи. Напримѣръ:

Въ іюнѣ 1836 г., уже въ первую поѣздку за границу, Гоголь пишетъ изъ Гамбурга къ Жуковскому: «Не знаю, какъ благодарить васъ за хлопоты ваши доставить мнѣ отъ императрицы на дорогу. Если это сопряжено съ неудобствами, или сколько нибудь неприлично, то не старайтесь объ этомъ» и проч. Онъ надѣется обойтись собственными средствами.

Въ октябрѣ 1837 г., онъ пишетъ къ Жуковскому изъ Рима: «Я получилъ данное мнѣ великодушнымъ нашимъ государемъ вспоможеніе. Благодарность сильна въ груди моей», и проч.

Въ апрѣлѣ 1839 г., въ письмѣ къ Жуковскому изъ Рима, онъ описываетъ свое безденежье и продолжаетъ: «Я думалъ, думалъ и ничего не могъ придумать лучше, какъ прибѣгнуть къ государю. Онъ милостивъ; мнѣ памятно до гроба то вниманіе, которое онъ оказалъ къ моему Ревизору. Я написалъ письмо, которое прилагаю» и проч. Онъ *совѣтуетъ* предложить на высочайшее прочтеніе «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» и «Тараса Бульбу», какъ такія произведенія, которыя могутъ дать о немъ «правильное понятіе»,—именно произведенія, какъ видимъ, совер-

Digitized by Google

шенно удаленныя отъ всякаго непріятнаго столкновенія съ дѣйствительностью...

Въ 1842-мъ, по выходѣ «Мертвыхъ Душъ», онъ ожидаетъ опять «милости» [1]). Далѣе, Жуковскій въ январѣ 1845 пишетъ къ г-жѣ Смирновой: «Вамъ бы надобно о немъ (о Гоголѣ) позаботиться у царя и царицы... Онъ въ безпрестанной зависимости отъ завтрашняго дня. Подумайте объ этомъ; вы лучше другихъ можете *характеризовать Гоголя съ его настоящей лучшей стороны*. По его *комическимъ твореніямъ* могутъ въ немъ видѣть совсѣмъ не то, что онъ есть. У насъ смѣхъ принимаютъ за грѣхъ, слѣдовательно всякій насмѣшникъ долженъ быть великій грѣшникъ».

Въ апрѣлѣ того же года, Жуковскій пишетъ г-жѣ Смирновой о скорѣйшей высылкѣ назначенныхъ Гоголю денегъ. Ему было назначено на три года отъ Государя по 1,000 рублей, и отъ Наслѣдника по тысячѣ франковъ.

Итакъ далѣе [2]).

Гоголю потомъ ставили въ упрекъ это исканіе милостей, выпрашиванье денегъ, которое получило особенно странный видъ, когда появилась въ свѣтъ «Переписка»—проповѣдь мистическаго аскетизма, общественнаго застоя и приниженія. Странное совпаденіе фактовъ заставляло недоумѣвать и сомнѣваться о личномъ характерѣ Гоголя, о полномъ безкорыстіи его дѣйствій.—Но теперь можно видѣть, что дѣло было здѣсь не столько въ личномъ характерѣ, сколько въ цѣломъ взглядѣ на вещи, который былъ имъ усвоенъ. Правда, въ характерѣ Гоголя нельзя не видѣть непріятно поражающей черты—какой-то искательности, особеннаго желанія имѣть друзей въ аристократическомъ мірѣ; и хотя эта искательность конечно слишкомъ обыкновенное дѣло, но въ писателѣ такой силы можно бы желать больше независимости и свободы отъ подобныхъ искушеній. Правда также, что желая выпросить денегъ, Гоголь могъ бы не употреблять (по крайней

---

[1]) Въ письмѣ къ Плетневу: „Я къ вамъ съ корыстолюбивой просьбой... Узнайте, что дѣлаютъ экземпляры „Мертвыхъ Душъ", назначенные мною къ представленію... Въ древнія времена, когда былъ въ Петербургѣ Жуковскій, мнѣ *обыкновенно* что-нибудь слѣдовало. Это мнѣ теперь очень, очень было бы нужно" и проч. Изд. Кулиша V, стр. 499. Записки, I, стр. 322.

[2]) См. къ этому оффиціальную переписку, напечатанную въ «Сѣв. Почтѣ», 1865 г. Послѣ выхода „Выбранныхъ Мѣстъ", Гоголь напротивъ пишетъ Плетневу: „...Ни отъ кого не бери подарковъ и постарайся отъ этого вывернуться" — но совѣтуетъ „смѣло брать", если предложатъ деньги на вспомоществованіе тѣмъ, кого Гоголь встрѣтитъ идущихъ на поклоненіе св. мѣстамъ. Изд. Кулиша VI, 272. Записки II, 69.

Digitized by Google

мѣрѣ самъ) такихъ средствъ, какъ рекомендація тѣхъ, а не другихъ своихъ произведеній, для произведенія того, а не другого впечатлѣнія. Но вообще, если онъ искалъ себѣ средствъ на упомянутой дорогѣ, это не было *такое* попрошайничество, какъ о томъ думали; онъ просто слѣдовалъ понятіямъ кружка, въ которомъ жилъ. Литература въ глазахъ кружка, а затѣмъ и въ глазахъ Гоголя вовсе не имѣла значенія такой независимой идеальной общественной силы, какое приписывалось ей новыми литературными поколѣніями; литература, какъ поэзія («поэзія есть добродѣтель», по словамъ Жуковскаго) и поученіе, служа народному просвѣщенію, служила прямо цѣлямъ государства,—такъ что занятіе литературой было со стороны писателя такая же «служба», какъ всякая другая. Такъ думалъ еще Карамзинъ. Начавши заниматься исторіей государства россійскаго, онъ желалъ быть именно «исторіографомъ», получалъ за то жалованье (правда, скромное), чины и кресты, и приступая къ печати, непремѣнно хотѣлъ, чтобы книга издана была на казенный счетъ... Въ кружкѣ Пушкина было очень принято патріархальное представленіе, что литературная дѣятельность, даже не исторіографія, можетъ и должна быть поощряема подобнымъ образомъ, и что если поощреніе замедлялось, его можно было искать и выпрашивать. Карамзинъ по крайней мѣрѣ писалъ книгу, первую въ своемъ родѣ, дѣйствительно съ точки зрѣнія государственной, оффиціальной. Теперь стали думать, что юмористическіе разсказы, комедіи—также «служба», и, слѣдовательно, также могутъ требовать оффиціальнаго поощренія... Это было странно, но это было искреннее убѣжденіе не только друзей, но и Гоголя [1]). Вниманіе, оказанное высшими сферами «Ревизору» въ то время, какъ въ чиновничьей публикѣ раздавались вопли противъ него,—утверждало Гоголя въ этомъ мнѣніи. Впослѣдствіи, сильное впечатлѣніе, имъ произведенное, начинающаяся слава, удостовѣряли Гоголя, что дѣло его крупное дѣло, и онъ окончательно увѣрился, что призванъ обличать

---

[1]) Вотъ его собственныя слова въ „Авторской Исповѣди“:—ему надо было объяснить себѣ цѣль своего труда („Мертвыхъ Душъ“), чтобы онъ самъ возгорѣлся къ нему любовью,—„словомъ, чтобы почувствовалъ и убѣдился самъ авторъ, что, творя творенье свое, онъ исполняетъ именно тотъ долгъ, для котораго онъ призванъ на землю, для котораго именно даны ему способности и силы, и что исполняя его, онъ *служитъ въ то же самое время* такъ же *государству* своему, *какъ бы онъ дѣйствительно находился въ государственной службѣ*. Мысль о службѣ у меня никогда не пропадала... Какъ только я почувствовалъ, что на поприщѣ писателя могу *сослужить также службу государственную*, я бросилъ все... чтобы обсудить... какъ произвести такимъ образомъ свое творенье, чтобы доказать, что я былъ также гражданинъ земли своей и хотѣлъ служить ей“. Изд. Кулиша III, стр. 502—503.

Digitized by Google

пороки и злоупотребленія, именно въ видахъ правительства и для государственной пользы.

Въ этихъ и подобныхъ понятіяхъ Гоголь несомнѣнно многое заимствовалъ прямо отъ своихъ друзей. Вступая въ пушкинскій кругъ, онъ встрѣтилъ въ немъ уже вполнѣ сформированные, опредѣленные взгляды. Онъ естественно имъ подчинился; другихъ понятій онъ тогда ни отъ кого не слыхалъ. Онъ принялъ понятія кружка, и считалъ свои произведенія вполнѣ подходящими подъ ихъ теорію; друзья его, хотя замѣчали высокія достоинства его произведеній, также не предвидѣли въ нихъ ничего особеннаго и такого, что вносило бы въ литературу какой-нибудь совсѣмъ новый, имъ неизвѣстный элементъ.

Въ самомъ дѣлѣ, по первымъ произведеніямъ Гоголя можно было и не предвидѣть этого. «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» (1831—1832) была очень живая, веселая книга, съ богатымъ юморомъ, изображавшая малорусскій бытъ. Въ общественномъ смыслѣ это была вещь безразличная, не поднимавшая никакого вопроса, хотя, собственно говоря, и въ ней было уже новое, именно любящее отношеніе къ народу, безъ всякаго искусственнаго романтизма. «Вечера» были параллельны тому литературному движенію, которое въ эти годы стало обращаться къ изученію народной жизни, — обращаться не всегда вѣрно, но уже не свысока, не съ сознаніемъ превосходства, а съ теплымъ сочувствіемъ. Гоголь около этого времени именно увлекался малороссійской стариной и народной поэзіей, дѣля это увлеченіе съ Максимовичемъ, и безъ сомнѣнія не мало содѣйствовалъ народно-этнографическому изученію возбужденіемъ сочувствія и любопытства къ живому народному быту. *Этотъ* интересъ Гоголя едва ли былъ совершенно раздѣляемъ петербургскими друзьями Гоголя.

Въ «Арабескахъ» (1835) юморъ Гоголя коснулся новыхъ сторонъ жизни, и уже въ полную силу его глубокаго таланта. Здѣсь явились «Записки Сумасшедшаго». Въ слѣдующемъ году появился «Ревизоръ» въ печати и на сценѣ. Гоголь достигалъ вершинъ своего творчества, и вліяніе, предстоявшее ему въ литературѣ, уже начало теперь обозначаться. Гоголь становился для новыхъ литературныхъ поколѣній представителемъ иного, болѣе глубокаго значенія литературы.

Но такъ ли думали о немъ его друзья, и самъ Гоголь предполагалъ ли эту, болѣе широкую цѣль и смыслъ своихъ произведеній? Друзья его думали не такъ. Высоко цѣня Гоголя, они не видѣли въ его трудахъ той особенной значительности, которая обнаружилась вскорѣ ихъ обширнымъ вліяніемъ на всю литера-

Digitized by Google

туру. «Ревизоръ» былъ для нихъ прекрасная комедія, отличная картина русскихъ нравовъ, одушевленная желаніемъ указать пороки и злоупотребленія; но для нихъ, и для самого Гоголя осталось непонятно общественное значеніе его произведеній. Дѣло въ томъ, что дѣйствительный смыслъ этихъ произведеній, вытекавшій изъ ихъ поэтической правды, шелъ гораздо дальше того, что Гоголь и его друзья предполагали по своему литературному и общественному образу мыслей. Этотъ образъ мыслей былъ чисто и совершенно консервативный, дѣйствіе сатиры Гоголя было далеко не консервативное; и въ этомъ-то Гоголь и его друзья не отдавали себѣ яснаго отчета [1]).

«Нѣтъ, кажется, сомнѣнія — говоритъ авторъ цитированной выше статьи,—что до того времени, когда начало въ Гоголѣ развиваться такъ-называемое аскетическое направленіе, онъ не имѣлъ случая пріобрѣсти ни твердыхъ убѣжденій, ни опредѣленнаго образа мыслей. Онъ былъ похожъ на большинство полуобразованныхъ людей, встрѣчаемыхъ нами въ обществѣ. Объ отдѣльныхъ случаяхъ, о фактахъ, попадающихся имъ на глаза, судятъ они такъ, какъ велитъ имъ инстинктъ ихъ натуры. Такъ и Гоголь, отъ природы имѣвшій расположеніе къ болѣе серьёзному взгляду на факты, нежели другіе писатели тогдашняго времени, написалъ «Ревизора», повинуясь единственно инстинктивному внушенію своей натуры: его поражало безобразіе фактовъ, и онъ выражалъ свое негодованіе противъ нихъ; о томъ, изъ какихъ источниковъ возникаютъ эти факты, какая связь находится между тою отраслью жизни, въ которой встрѣчаются эти факты, и другими отраслями умственной, нравственной, гражданской, государственной жизни, онъ не размышлялъ много. Напримѣръ, конечно рѣдко случалось ему думать о томъ, есть ли какая-нибудь связь между взяточничествомъ и невѣжествомъ, есть ли какая-нибудь связь между невѣжествомъ и организаціей различныхъ гражданскихъ отношеній. Когда ему представлялся случай взяточничества, въ его умѣ возбуждалось только понятіе о взяточничествѣ, и больше ничего;

---

[1]) Этотъ общественный смыслъ и для его другихъ почитателей раскрылся не вдругъ. Бѣлинскій, съ перваго раза высоко поставившій Гоголя, въ первыхъ его произведеніяхъ восхищается только чисто-художественными, отмеченными достоинствами. Г. Тургеневъ, который еще помнитъ появленіе „Ревизора“, замѣчаетъ, что ему, какъ, вѣроятно, вообще его сверстникамъ, въ то время еще не было понятно все значеніе геніальной комедіи.—Это и естественно; потому что значеніе ея опредѣлилось тѣмъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое она сдѣлала на общество, а впечатлѣніе опредѣлилось не вдругъ. Надобно замѣтить однако, что при всемъ томъ Бѣлинскій, еще при жизни Пушкина, видѣлъ въ Гоголѣ новый начинающійся періодъ русской литературы.

Digitized by Google

ему не приходило въ голову понятіе безправности и т. п. Изображая своего городничаго, онъ, конечно, и не воображалъ думать о томъ, находятся ли въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ чиновники, кругъ власти которыхъ соотвѣтствуетъ кругу власти городничаго и контроль надъ которыми состоитъ въ такихъ же формахъ, какъ контроль надъ городничимъ. Когда онъ писалъ заглавіе своей комедіи «Ревизоръ», ему вѣрно и въ голову не приходило подумать о томъ, есть ли въ другихъ странахъ привычка посылать ревизоровъ; тѣмъ менѣе могъ онъ думать о томъ, изъ какихъ формъ вытекаетъ потребность посылать въ провинціи ревизоровъ. Мы смѣло предполагаемъ, что ни о чемъ подобномъ онъ и не думалъ, потому что ничего подобнаго не могъ онъ и слышать въ томъ обществѣ, которое такъ радушно и благородно пріютило его, а еще менѣе могъ слышать прежде, нежели познакомился съ Пушкинымъ. Теперь, напримѣръ, Щедринъ вовсе не такъ инстинктивно смотритъ на взяточничество.... онъ очень хорошо понимаетъ, откуда возникаетъ взяточничество, какими фактами оно поддерживается, какими фактами оно могло бы быть истреблено... Гоголь видитъ только частный фактъ, справедливо негодуетъ на него, и тѣмъ кончается дѣло. Связь этого отдѣльнаго факта со всею обстановкою нашей жизни вовсе не обращаетъ на себя его вниманія».

Эта связь ускользала отъ Гоголя и его друзей или не привлекала ихъ вниманія, или они сами иной разъ не хотѣли ея видѣть; но ее старалось отыскать и отыскивало новое литературное направленіе, и въ этомъ различіи заключается существенная черта ихъ отношеній. Новое направленіе (направленіе Бѣлинскаго и его друзей) вообще получило въ своемъ развитіи болѣе серьёзную закваску, довольствуясь фактомъ, оно искало его причины и вскорѣ нашло ее въ соображеніяхъ, которыхъ никогда не дѣлала пушкинская школа (или дѣлала слишкомъ поверхностно), направлявшая Гоголя; не довольствуясь негодованіемъ на отдѣльный фактъ, новое направленіе негодовало на его причины, и искало средствъ устранить ихъ,—отсюда и возникалъ цѣлый образъ мыслей, совершенно опредѣленный, относившійся недовѣрчиво къ настоящему, горячо стремившійся къ лучшимъ формамъ общественной жизни. Это былъ образъ мыслей, очень далекій отъ мнѣній Гоголя. Тѣмъ не менѣе, Гоголь сталъ великой опорой этого образа мыслей и опорой новаго направленія. Онъ дѣйствовалъ какъ художникъ, какъ поэтъ; его теоретическія мнѣнія могли быть неудовлетворительны, но ихъ не было видно въ его произведеніяхъ,—онъ говорилъ картинами нравовъ, а эти картины были такъ

Digitized by Google

вѣрны, онъ раскрывалъ фальшивыя и вредныя стороны нашего быта съ такой силой, что для новаго направленія эти произведенія были въ высшей степени сочувственны: онѣ исполняли половину его задачи, какъ наглядное изображеніе, которое давало уже матеріалъ для размышленія тому, кто захотѣлъ бы подумать о томъ серьёзнѣе. Самъ Гоголь не выводилъ изъ своихъ трудовъ тѣхъ заключеній, какія изъ нихъ слѣдовали и какія были выводимы новымъ направленіемъ; онъ былъ не въ силахъ вывести этихъ заключеній, или, по своимъ теоретическимъ понятіямъ, вывелъ бы ихъ ошибочно (какъ это и случилось впослѣдствіи): въ этомъ и сказывалась разница двухъ поколѣній, пушкинскаго, въ которомъ онъ воспитался, и поколѣнія сороковыхъ годовъ. Это были двѣ ступени общественнаго сознанія: Гоголь только воспринималъ и указывалъ извѣстныя мрачныя стороны жизни; новое направленіе отыскивало ихъ смыслъ, причину и думало о средствахъ ихъ удаленія [1]).

Такъ это было въ первое время дѣятельности Гоголя. Мы увидимъ, что и до конца ея онъ не пріобрѣлъ другой точки зрѣнія. Съ болѣе зрѣлыми годами, у Гоголя является потребность выяснить себѣ начала той дѣятельности, которая до тѣхъ поръ шла у него только въ силу инстинктивной потребности его поэтической природы; къ этому опредѣленію вызывалъ его успѣхъ его произведеній, ихъ несомнѣнное и для него не вполнѣ понятное дѣйствіе на общество. Но привычки мысли были сдѣланы. Притомъ, отправившись вскорѣ за границу, откуда онъ продолжалъ связи только съ людьми своего первоначальнаго круга, онъ оставался внѣ умственныхъ вліяній, наростающихъ въ литературѣ, и внѣ непосредственнаго вліянія жизни—такъ что его теоретическія разсужденія остались совершенно на прежней почвѣ. Изъ нихъ потомъ и стали развиваться, безъ всякихъ другихъ внушеній, тѣ странныя мнѣнія, какими Гоголь отличался впослѣдствіи.

---

[1]) Та же неясность и нерѣшительность обнаруживались и въ литературныхъ мнѣніяхъ Гоголя. Онъ дѣлилъ съ пушкинской школой понятія объ искусствѣ (съ которымъ потомъ онъ впалъ въ свои печальныя заблужденія), дѣлилъ тогда ея литературныя отношенія, имѣлъ однихъ союзниковъ и враговъ. Въ извѣстной статьѣ о „движеніи журнальной литературы“ въ пушкинскомъ «Современникѣ» (1836) онъ ловко и умно разоблачалъ Сенковскаго, онъ не любилъ натянутаго романтизма Кукольника, презиралъ дѣятелей „Сѣверной Пчелы“,—но этими отрицательными взглядами почти и кончалась его журнальная программа... Бѣлинскій высказалъ большое сочувствіе этой статьѣ, но тогда же замѣтилъ неполноту ея взглядовъ. См. Соч., т. II, стр. 269 и слѣд. См. мнѣнія Гоголя о Кукольникѣ — изд. Кулиша, V, 152, 173, 323, еще съ 1832 года; о Сенковскомъ и «Библіотекѣ для Чтенія», въ 1834, — Кулиша, V, стр. 194—195, 225; о Гречѣ и Булгаринѣ, съ 1833 года,—Кулиша, V, стр. 172, 323, 324.

Digitized by Google

Если онъ сталъ понимать свое отношеніе къ обществу нѣсколько высокомѣрно, какъ отношеніе учителя нравственности, христіанскаго моралиста, то это представленіе мы встрѣтимъ у него еще въ пору «Ревизора», слѣдовательно въ самую свѣжую пору его дѣятельности, и основныя идеи «Переписки» были готовы уже теперь, а въ этой книгѣ онѣ получили только свою окончательную отдѣлку, свою самую рѣзкую форму. Отъ своей основной точки зрѣнія Гоголь шелъ путемъ довольно естественнымъ и логическимъ. Если онъ призванъ исправлять людскіе пороки, если онъ проповѣдникъ нравственности, то ему нужно прежде всего подумать о самомъ себѣ и изучить себя, нужно, чтобы было твердо его собственное убѣжденіе; чтобы осуждать чужіе недостатки и пороки, надо осудить и свои собственные. Путь къ такъ-называемому аскетизму и ко всѣмъ странностямъ «Выбранныхъ Мѣстъ» былъ уже готовъ.

Въ этомъ не трудно убѣдиться, внимательнѣе всмотрѣвшись въ развитіе понятій Гоголя. Вновь изданный матеріалъ дастъ для этого нѣсколько любопытныхъ подробностей.

Онъ уже издавна высказывалъ, что чувствуетъ въ себѣ какую-то великую силу, какой не дано другимъ; ожидалъ, что сдѣлаетъ что-то высокое и особенное; это было инстинктивное сознаніе таланта [1]). Но первыя ожиданія были еще неясны, и сначала онъ думалъ удовлетворить своимъ побужденіямъ службой. Только послѣ первыхъ литературныхъ опытовъ для него стало ясно, что его призваніе—литература. И здѣсь онъ думалъ сперва, что можетъ быть ученымъ, педагогомъ, историкомъ, этнографомъ. Его опыты въ этомъ направленіи показали въ немъ довольно плохого ученаго, но обнаруживали несомнѣнныя достоинства художественныя. Наконецъ, поэтическій элементъ его природы взялъ окончательно верхъ надъ всѣми другими интересами, какіе Гоголь себѣ пріискивалъ. Это произошло уже довольно поздно: Гоголь былъ тогда уже авторомъ «Ревизора».

---

[1]) Въ «Авторской Исповѣди» онъ самъ говоритъ: «...Въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о моемъ будущемъ (а задумываться о будущемъ *я* началъ рано, въ ту пору, когда всѣ мои сверстники думали еще объ играхъ), мысль о писательствѣ мнѣ никогда не всходила на умъ, хотя *мнѣ всегда казалось*, что я сдѣлаюсь *человѣкомъ извѣстнымъ*, что меня ожидаетъ *просторный кругъ дѣйствій*, и что я *сдѣлаю* даже что-то *для общаго добра*» (изд. Кулиша, III, 499).

Эти слова совершенно справедливы; доказательствомъ могутъ служить его самыя ранніе письма, съ пребыванія въ лицеѣ и въ самую первую пору его литературной дѣятельности.

Digitized by Google

Этотъ извѣстный фактъ чрезвычайно любопытенъ тѣмъ, что показываетъ, какъ много въ поэтической дѣятельности Гоголя было именно инстинктивнаго и безсознательнаго. Его умъ и фантазія были уже готовы къ творчеству, но онъ еще не зналъ, куда направить ихъ. Онъ бросается на исторію, и съ своими ничтожными средствами, едва прочитавъ нѣсколько переводныхъ учебниковъ, онъ уже составляетъ широкіе планы историческаго труда; едва ознакомившись съ источниками малороссійской исторіи, онъ начинаетъ писать исторію Малороссіи, и бросаетъ, потому что, пока онъ писалъ начало, планъ его выросъ еще шире. Въ его историческихъ статьяхъ нѣтъ настоящихъ историческихъ знаній, но набросаны смѣлыя рельефныя картины; въ исторіи его занимало созданіе живыхъ образовъ.

Любопытно въ этомъ отношеніи письмо его къ г. Погодину (въ то время онъ съ нимъ много переписывался объ исторіи), отъ 20-го февраля 1833-го года [1]). Тутъ цѣлый рядъ плановъ. Онъ задумывалъ издать какую-то книгу, въ родѣ географическаго сборника для юношескаго чтенія, но дѣло не пошло: «...я не знаю, отчего на меня нашла тоска... Корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе». Тоска нашла, конечно, потому, между прочимъ, что Гоголь взялся за дѣло ему совершенно чужое и постороннее.

Послѣ педагогіи, онъ жалуется на исторію [2]). «Какъ-то не такъ теперь работается!... Едва начинаю, и что нибудь совершу изъ исторіи, уже вижу собственные недостатки. То жалѣю, что не взялъ шире, *огромнѣе* объему, то *вдругъ* зиждется *совершенно новая* система и рушитъ старую. Напрасно я увѣряю себя, что это только начало, эскизъ, что оно не нанесетъ пятна мнѣ... Чортъ побери пока трудъ мой, набросанный на бумагѣ. До другаго *спокойнѣйшаго* времени!»

Этого времени онъ не дождался, исторія осталась втунѣ, потому что онъ нашелъ наконецъ свое настоящее дѣло. Письмо продолжаетъ такъ: «*Я не знаю, отчего я теперь такъ жажду современной славы*. Изъ глубины души такъ и рвется наружу. Но я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего. *Я не писалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи*".

Такъ, наконецъ, Гоголь доходитъ до того, что́ именно и составляло главный коренной предметъ его безсознательныхъ стрем-

---

[1]) У Кулиша, V, стр. 174 — 176, оно поставлено подъ 1833-й г. и напечатано не вполнѣ; болѣе полный текстъ въ Р. Арх., 1872.

[2]) Гоголь вообще думалъ, что его занятія *однородны* съ занятіями г. Погодина! См. напр. письмо 1833 г., у Кулиша, V, стр. 166.

Digitized by Google

леній. Онъ еще и теперь не чувствуетъ, что эта «комедія» именно и мѣшала ему при занятіяхъ педагогіей, заставляла вываливаться изъ рукъ корректурный листокъ, заставляла его посылать «къ чорту» исторію, которою онъ такъ, повидимому, дорожилъ, наводила на него тоску, отбивала отъ работы.

О комедіи онъ разсказываетъ слѣдующее. «Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда (въ Петербургъ), *не выходила изъ головы моей*, но до сихъ поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой, толстой тетради: «Владиміръ 3-й степени», и *сколько злости, смѣха и соли!*»

Очевидно, что здѣсь были всѣ помышленія писателя. Эта комедія никогда не была кончена Гоголемъ [1]), но въ высшей степени любопытно видѣть, въ этихъ подробностяхъ, ту внутреннюю работу, которая происходила въ Гоголѣ. «Владиміръ 3-й степени» былъ предшественникомъ «Ревизора». Гоголь, едва проживши въ Петербургѣ три-четыре года, уже покидаетъ свою прежнюю поэтическую область, и выбравъ новый кругъ наблюденій, съ удивительной мѣткостью попадаетъ на тѣ предметы, которые были наиболѣе характеристической чертой времени. Комедія должна была вращаться на интересахъ бюрократіи, и «сколько злости, смѣха и соли» уже предвидѣлъ писатель въ ихъ изображеніи. Въ самомъ дѣлѣ, бюрократія едвали когда доходила у насъ до такого могущества, до такой виртуозности, какъ именно въ тѣ времена... Но Гоголь предвидѣлъ трудности своего плана:

«Но вдругъ остановился,—продолжаетъ онъ,—увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ. А что́ изъ того, когда пьеса не будетъ играна: драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неконченное произведеніе? *Мнѣ больше ничего не остается*, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ бы даже квартальный не могъ обидѣться. Но что́ комедія безъ правды и злости! Итакъ, за комедію не могу приняться. Примусь за исторію — передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожи изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и—исторія къ чорту! И вотъ почему я сижу при *лѣни мыслей*.»

Затѣмъ онъ опять заводитъ съ г. Погодинымъ рѣчь о Бёттигерѣ: «Бёттигера... прочелъ въ переводѣ. Имѣется ли у него и новая исторія, или только одна древняя?... Не будетъ ли еще

[1]) О ней—въ «Бесѣдахъ моск. общества росс. словесности», вып. 3, 1871.

Digitized by Google

чего-нибудь у васъ историческаго, переведеннаго университетскими?..»

Написанъ былъ и явился на сценѣ «Ревизоръ». Извѣстно, какихъ тревогъ стоила Гоголю эта пьеса. Въ «Разъѣздѣ» онъ мастерскими сценами изобразилъ, почти исключительно невѣжественныя, мнѣнія и впечатлѣнія публики, и наконецъ свои высокія понятія объ искусствѣ. Враждебные крики, встрѣтившіе комедію въ публикѣ, глубоко огорчали его. Въ его письмахъ за это время мы находимъ выраженія глубокаго огорченія.

«Мочи нѣтъ,—пишетъ онъ въ апрѣлѣ 1836-го г. къ Щепкину. Дѣлайте съ нею что хотите, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ говорить такъ о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на пьесу... Еслибы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истины — и противъ тебя возстаетъ, и не одинъ, а цѣлыя сословія...»

«Ѣду за-границу, тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники,—пишетъ онъ къ г. Погодину въ маѣ 1836 г. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ, долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ. Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ-же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь, когда видишь, какъ ложно, въ какомъ невѣрномъ видѣ ими все принимается. Частное принимать за общее, случай за правило! Что сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилемъ...»

Гоголь какъ будто самъ умаляетъ значеніе своей комедіи,—представляетъ какъ «частное», какъ «случай» то, въ чемъ именно и заключается широкій, типическій смыслъ комедіи, что́ произвело ея большое и шумное дѣйствіе. Онъ какъ будто хочетъ оправдать свою смѣлость, извинить свою сатиру; мы увидимъ, что онъ дѣйствительно, по своему понятію объ общественныхъ предметахъ, и не предполагалъ за своей комедіей того обширнаго

Digitized by Google

значенія, какое она пріобрѣтала на самомъ дѣлѣ, по своему вліянію на лучшую часть общественнаго мнѣнія.

Но рядомъ съ этимъ онъ чувствуетъ однако, что въ пріемѣ «Ревизора» выражается характеръ массы общества, степень ея умственнаго развитія, что эта степень очень низменная и жалкая. Его мысли надо было сдѣлать еще одинъ шагъ, и онъ самъ увидѣлъ бы, что «Ревизоръ» и получилъ такой пріемъ именно потому, что выведено не «частное» и не «случай», а типическое явленіе, указать которое значило указать жалкое состояніе нашей общественности и нашихъ внутреннихъ порядковъ.

Въ другомъ письмѣ отъ мая 1836 г. онъ пишетъ: «Грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицу, грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими же опороченнаго и оплеваннаго писателя [1]) дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водитъ за носъ; грустно, когда видишь, *въ какомъ* еще *жалкомъ состояніи* находится у насъ *писатель*. Всѣ противъ него... И кто же говоритъ? Это говорятъ — опытные люди, которые должны бы имѣть насколько-нибудь ума, чтобы понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными и которыхъ свѣтъ, по крайней мѣрѣ русскій свѣтъ, называетъ образованными. Выведены на сцену плуты, и всѣ въ ожесточеніи... Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, *признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы*. Столица щекотливо оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ; что же бы сказала столица, если бы выведены были хотя слегка ея собственные нравы... какъ тогда заговорятъ мои соотечественники!»

Въ концѣ письма уже обозначается тема, на которую теперь направлялись мучительныя мысли Гоголя. «Ѣду разгулять свою тоску, — говоритъ онъ, — глубоко *обдумать свои обязанности авторскія*, свои будущія творенія, и возвращусь... вѣрно освѣженный и обновленный. *Все*, что ни дѣлалось со мною, все *было спасительно* для меня. Всѣ *оскорбленія*, всѣ *непріятности* посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ *на мое воспитаніе*, и нынѣ я *чувствую*, что *неземная воля* направляетъ путь мой. Онъ вѣрно необходимъ для меня» [2]).

Эти слова были написаны ровно за десять лѣтъ до изданія «Выбранныхъ Мѣстъ», написаны Гоголемъ, только-что издавшимъ «Ревизора» и еще не написавшимъ «Мертвыхъ Душъ». Одного

---

[1]) Авторъ разумѣлъ, вѣроятно, нападенія «Сѣверной Пчелы».

[2]) Изд. Кулиша, V, стр. 254—255, 269 и слѣд.

Digitized by Google

этого письма было бы достаточно, чтобы показать, что въ Гоголѣ вовсе не совершалось такого особеннаго «перелома», какой находили въ «Выбранныхъ Мѣстахъ» и вооружившіеся противъ него прежніе почитатели, и его собственные піэтистическіе и консервативные друзья. Въ приведенныхъ словахъ были уже всѣ задатки его дальнѣйшихъ мнѣній: человѣкъ, упорно занятый своими идеями, онъ развивалъ ихъ съ страстнымъ увлеченіемъ, и всѣ послѣдующія крайности его становятся понятны. Въ періодъ времени отъ «Ревизора» до «Мертвыхъ Душъ» въ его мнѣнія не вошло никакихъ совсѣмъ новыхъ элементовъ, которые могли бы измѣнить и направить иначе его взгляды въ теоретическихъ вопросахъ: онъ остается съ прежними общественными понятіями,—которыя такъ мало съ самаго начала соотвѣтствовали широкому объему его сатиры,—но эти понятія были таковы, что еслибы онѣ были высказаны Гоголемъ въ литературѣ, какъ высказывались имъ въ письмахъ къ друзьямъ, онѣ безъ сомнѣнія произвели бы то же самое впечатлѣніе въ 1842-мъ, какое произвели въ 1847-мъ году. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣйствіе было сильнѣе потому, что фактъ былъ слишкомъ неожиданный, заявленія сдѣланы были въ слишкомъ рѣзкой формѣ, съ слишкомъ большой нетерпимостью, и шли отъ писателя, къ которому по его созданіямъ давно привыкли относиться совершенно иначе, предполагать у него совсѣмъ иное теоретическое содержаніе.

Выѣхавши за-границу, Гоголь въ письмѣ къ Жуковскому отъ іюня 1836 г., изъ Гамбурга, говоритъ о своей внутренней жизни въ слѣдующихъ выраженіяхъ, въ которыхъ уже нельзя не замѣтить съ одной стороны явнаго мистическаго элемента, съ другой—высокаго понятія о самомъ себѣ и своихъ произведеніяхъ, понятія, очень близкаго къ его позднѣйшему, непріятному и иногда, должно сказать правду, довольно нелѣпому высокомѣрію.

«Мнѣ ли не благодарить Пославшаго меня на землю! Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, не видимыхъ, не замѣтныхъ для свѣта, исполнена жизнь моя! Клянусь, я *что-то* сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ. *Львиную силу* чувствую въ душѣ своей и замѣтно слышу переходъ свой изъ дѣтства, проведеннаго въ школьныхъ занятіяхъ, въ юношескій возрастъ. Въ самомъ дѣлѣ, если разсмотрѣть строго и справедливо, что́ такое все написанное мною до сихъ поръ? Мнѣ кажется какъ будто я разворачиваю давнюю тетрадь ученика, въ которой на одной страницѣ видно нерадѣніе и лѣнь, на другой нетерпѣніе и поспѣшность, робкая, дрожащая рука начинающаго и смѣлая замашка шалуна, вмѣсто буквъ выводящая крючки, за

Digitized by Google

которую (которые) бьютъ по рукамъ. Изрѣдка, можетъ быть, выберется страница, за которую похвалитъ развѣ только учитель, провидящій въ нихъ зародышъ будущаго. Пора, пора, наконецъ, заняться дѣломъ».

Небрежное отношеніе къ прежнимъ трудамъ тѣмъ болѣе возвышаетъ труды предстоящіе. Онъ положительно считаетъ себя особымъ, избраннымъ человѣкомъ. «О, какой непостижимо изумительный смыслъ имѣли всѣ случаи и обстоятельства моей жизни! Какъ спасительны были для меня всѣ непріятности и огорченія... Никакое развлеченіе, никакая страсть не въ состояніи была на минуту овладѣть моею душою и отвлечь меня отъ моей обязанности. Для меня нѣтъ жизни внѣ моей жизни, и нынѣшнее мое удаленіе изъ отечества, оно *послано свыше*, тѣмъ же великимъ Провидѣніемъ, ниспославшимъ все на *воспитаніе мое*. Это великій переломъ, великая эпоха моей жизни»...

Итакъ, если былъ какой-нибудь «переломъ» въ дѣятельности Гоголя, онъ совершился, по его собственнымъ словамъ, въ эпоху «Ревизора». Онъ произошелъ вслѣдствіе непріятностей и огорченій по поводу «Ревизора», и «великой эпохой» было именно то, что Гоголь нашелъ необходимымъ думать о своихъ «авторскихъ обязанностяхъ». Онъ въ первый разъ почувствовалъ необходимость опредѣлить свой образъ мыслей и свое отношеніе къ обществу. Мы увидимъ дальше, какъ онъ опредѣлилъ ихъ.

Съ отъѣзда за границу Гоголь занятъ исключительно «Мертвыми Душами». Въ изданной теперь перепискѣ есть нѣсколько новыхъ упоминаній объ этомъ трудѣ, о которомъ Гоголь постоянно говоритъ какъ о высшей задачѣ своей жизни. Въ письмѣ Жуковскому изъ Парижа, въ ноябрѣ 1863 г., онъ говоритъ: «Если совершу это твореніе, такъ какъ нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжетъ! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится въ немъ! Это будетъ первая моя порядочная вещь; вещь, которая вынесетъ мое имя». Далѣе, онъ намекаетъ на какой-то новый планъ, который остается очень неясенъ: «...Еще новый Левіаѳанъ затѣвается. Священная дрожь пробираетъ меня заранѣе, какъ подумаю о немъ; слышу кое-что изъ него... божественныя вкушу минуты... но... теперь я погруженъ весь въ Мертвыя Души». Въ томъ же письмѣ онъ опять говоритъ объ ожидаемой враждѣ соотечественниковъ: «Огромно, велико мое твореніе, и не скоро конецъ его. Еще возстанутъ противъ меня новыя сословія и много разныхъ господъ; но чтожъ мнѣ дѣлать! Уже судьба моя враждовать съ моими земляками. Терпѣніе! *Кто-то Незримый пишетъ передо мною* могуществен-

Digitized by Google

нымъ жезломъ. Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня, и потомки тѣхъ же земляковъ моихъ, можетъ быть, съ глазами влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни»... [1]).

Очевидно, что Гоголь уже съ этого времени (1836) стоялъ на мистической точкѣ зрѣнія, которую потомъ стали считать въ немъ новой чертой, которую его собственные друзья называли спасительнымъ, нужнымъ «переломомъ». Отъ мысли, что кто-то Незримый пишетъ передъ нимъ могущественнымъ жезломъ, очень нетрудно перейти къ «душевному дѣлу», которое онъ связывалъ потомъ съ своими произведеніями, и ко всѣмъ странностямъ его позднѣйшаго образа мыслей. Словомъ, сущность его мистическихъ и консервативныхъ теорій принадлежитъ не времени около появленія «Переписки», а еще времени «Ревизора».

Такимъ образомъ, во внутреннемъ развитіи Гоголя, собственно говоря, не было никакого «перелома», и мнимая перемѣна, которую увидѣли въ немъ по «Выбраннымъ Мѣстамъ», состояла только въ различныхъ ступеняхъ одного и того же образа мыслей, съ которымъ онъ является при самомъ началѣ своей дѣятельности. До этой книги Гоголь никогда не высказывалъ своихъ теоретическихъ мнѣній, и объ нихъ не имѣли понятія; теперь онъ ихъ высказалъ, и особенно въ рѣзкой, угловатой формѣ, въ минуту особенной экзальтаціи, и книга показалась настоящей измѣной

---

[1]) Вотъ еще нѣсколько образчиковъ того, въ какомъ тонѣ Гоголь говорилъ о „Мертвыхъ Душахъ“ въ письмахъ къ друзьямъ:

1841, мартъ: онъ сравниваетъ себя съ глиняной вазой — „конечно эта ваза теперь вся въ трещинахъ, довольно стара и еле держится, но въ этой вазѣ теперь заключено *сокровище*“.

Тогда же, на простой вопросъ, не можетъ ли онъ прислать статьи для журнала, онъ говоритъ: „Нѣтъ, клянусь, грѣхъ, тяжкій грѣхъ отвлекать меня! Только одному невѣрующему словамъ моимъ и недоступному мыслямъ высокимъ (!) позволительно это сдѣлать. Трудъ мой великъ, мой *подвигъ* спасителенъ. Я умеръ теперь для всего мелочнаго; и для *презрѣннаго* ли (!) журнальнаго пошлаго занятья ежедневнымъ дрязгомъ я долженъ совершать *непрощаемыя преступленія*“, т.-е. отвлекаться отъ работы надъ „Мертвыми Душами“. Вслѣдъ затѣмъ онъ однако замѣчаетъ: „но статья будетъ готова и недѣли черезъ три выслана“. Затѣмъ опять: „обнимите Погодина и скажите ему, что я плачу, что не могу быть полезнымъ ему со стороны журнала, но что онъ, если у него бьется русское чувство любви къ отечеству (!), онъ долженъ требовать, чтобъ я не давалъ ему ничего“.

1842, мартъ, о своемъ трудѣ: „Онъ важенъ и великъ, и вы не судите о немъ по той части, которая готовится теперь предстать на свѣтъ (если только будетъ конецъ ея *непостижимому* странствію). Это больше ничего какъ только *крыльцо* къ тому *дворцу*, который во мнѣ строится“. См. изд. Кулиша, V, стр. 437, 438, 465.

Digitized by Google

Гоголя его прежнимъ (предполагаемымъ) убѣжденіямъ... Болѣзнь, безъ сомнѣнія, играла роль въ его экзальтаціи; она усилила его религіозность до фанатизма и галлюцинацій, дала его мнѣніямъ пэтистическую окраску; но сущность его взгляда на общественные предметы и собственную дѣятельность всегда была одна и та же. Въ постепенномъ развитіи его мнѣній можно отличить три періода. Въ началѣ, это была чисто поэтическая дѣятельность, слѣдовавшая безсознательно побужденіямъ его таланта, и рядомъ съ тѣмъ усвоеніе общественныхъ взглядовъ отъ его друзей Пушкинскаго круга. Этотъ періодъ кончается «Ревизоромъ». Успѣхъ «Ревизора» и первое столкновеніе съ «невѣжественнымъ» обществомъ произвели на него сильное впечатлѣніе; онъ сталъ думать о своихъ «авторскихъ обязанностяхъ», и при большомъ всегдашнемъ самомнѣніи и всегдашней религіозности понялъ свою дѣятельность какъ исполненіе *свыше* данной задачи. Онъ считаетъ себя учителемъ и пророкомъ, авторскій трудъ свой — священнымъ, великимъ трудомъ; въ немъ уже развивается мистическій пiэтизмъ, но чисто поэтическія внушенія еще сопротивляются резонерству, и онъ издаетъ первый томъ «Мертвыхъ Душъ». Этимъ заканчивается второй періодъ. Только зоркій глазъ Бѣлинскаго увидѣлъ въ «лирическихъ мѣстахъ» поэмы признаки неблагопріятные. Успѣхъ «Мертвыхъ Душъ» окончательно утвердилъ Гоголя въ тѣхъ мнѣніяхъ о своей роли, какія возъимѣлъ онъ уже давно. Свою авторскую работу онъ считаетъ теперь настоящей «службой», а себя— такъ-сказать государственнымъ моралистомъ: *второй* томъ «Мертвыхъ Душъ» долженъ былъ представить какія-то откровенія личной и государственной нравственности. Между тѣмъ, отчасти неувѣренный въ своемъ знаніи русскаго общества, немного забытаго въ «прекрасномъ далекѣ», отчасти «подталкиваемый друзьями» (нетерпѣвшими новой литературы), Гоголь издалъ «Выбранныя Мѣста», гдѣ высказалъ свою общественную философію съ высокомѣріемъ и нетерпимостью фанатика и избалованнаго человѣка, со всѣми крайностями своей мистической религіи и узкаго, довольно нелѣпаго консерватизма. Ошибку свою онъ вскорѣ понялъ, но исправить ее былъ уже не въ состояніи; резонерство уже подавляло его поэзію, и второй томъ «Мертвыхъ Душъ» остался нерѣшеннымъ вопросомъ...

Таковы были общія черты исторіи Гоголя; обратимся къ подробностямъ.

Отправившись разгулять тоску, опечаливаясь враждой и невѣжествомъ соотечественниковъ, обдумывая свои авторскія обязанности, работая надъ новымъ произведеніемъ, Гоголь, повидимому,

Digitized by Google

ни разу не подумалъ о томъ, откуда же идетъ это невѣжество и какъ слѣдуетъ къ нему относиться. Невѣжество было несомнѣнно, и конечно прискорбно; но можно было видѣть, что оно началось не со вчерашняго дня, и что вѣроятно есть какія-нибудь сильныя причины, которыя поддерживали такое положеніе вещей. Гоголь скорбѣлъ, что соотечественники не понимали обличенія общественныхъ недостатковъ; но онъ не видѣлъ, что это общество, возстававшее противъ него, было въ конецъ испорчено, и что причина порчи заключается не въ однихъ недостаткахъ частныхъ лицъ, но въ самыхъ условіяхъ ихъ гражданскаго быта. Гоголь не видѣлъ, что онъ могъ бы не огорчаться враждой *этого* общества, что эту вражду могло бы перевѣсить горячее сочувствіе другой части общества, для которой его сатира являлась началомъ нравственнаго освобожденія, и для которой одной, собственно говоря, сатира его имѣла свое поэтическое и воспитывающее значеніе. Къ сожалѣнію, Гоголь и впослѣдствіи не видѣлъ, что въ обществѣ уже началось раздвоеніе, что возникали новыя понятія объ общественныхъ порядкахъ,—и нелѣпымъ образомъ сталъ даже нападать на своихъ почитателей... Мы видѣли, что его собственныя представленія объ общественныхъ порядкахъ были очень ограниченныя; онъ изображалъ явленія, не понимая ихъ причинъ, и теперь, когда онъ сталъ обдуманно выбирать свой путь для дѣйствія на общество, онъ выбралъ путь странный и невозможный. Не думая объ общихъ основаніяхъ жизни,—даже находя ихъ настоящимъ совершенствомъ,—Гоголь предполагалъ, что все дѣло только въ объясненіи людямъ истинной, христіанской нравственности. Онъ думалъ въ своихъ произведеніяхъ достичь именно этой цѣли, привести каждаго къ личному исправленію, и ему казалось, что тогда все будетъ сдѣлано, и все будетъ хорошо: исправится личная нравственность, и чиновники не будутъ брать взятокъ, судьи справедливо судить, помѣщики благодѣтельствовать крестьянъ и т. д. Ему не приходило въ голову, что отъ взятокъ и произвола чиновниковъ можно избавиться только измѣненіемъ самой администраціи и предоставленіемъ обществу какой-нибудь самостоятельности; что справедливаго суда можно было достигнуть только введеніемъ хорошихъ судебныхъ учрежденій и порядковъ, что для устройства крестьянъ надо было прежде всего освободить ихъ отъ помѣщиковъ и т. д. Иначе, вся проповѣдь нравственности уподоблялась бы проповѣди извѣстнаго повара коту-васькѣ, и по всей вѣроятности, столько же была бы успѣшна. Въ перепискѣ Гоголя не находится и слѣда, чтобы мысль его когда-нибудь принимала такое направленіе.

Digitized by Google

Къ счастію, въ эти годы (1836—42) поэтическая сила Гоголя была еще такъ велика, что ее не могло останавливать и совращать съ пути начинавшееся мистическое резонерство. Его фантазія еще сохранила свою независимость и подъ его перомъ создавались картины русской жизни, изумительныя по своему поэтическому значенію и по своей *вѣрности*.

Въ 1842 вышли «Мертвыя Души». Извѣстно, съ какимъ восторженнымъ сочувствіемъ книга была встрѣчена въ литературѣ. Гоголю надо было не понимать тогдашняго положенія литературы, чтобы много заботиться о нападеніяхъ, которыя шли только отъ Полеваго, Сенковскаго, «Сѣверной Пчелы». Тѣ партіи, между которыми уже начало тогда дѣлиться господство въ литературѣ, приняли книгу Гоголя съ одинаковымъ сочувствіемъ и восхищеніемъ. Три разные лагеря считали Гоголя своимъ, и его успѣхъ— успѣхомъ своей партіи или своихъ мнѣній. Во-первыхъ, его друзья, знавшіе подноготную его личной жизни и его труда: Плетневъ, Жуковскій, кн. Вяземскій и проч. Плетневъ помѣстилъ въ своемъ «Современникѣ» статью [1]), которая была одной изъ лучшихъ статей, явившихся тогда въ защиту и объясненіе «Мертвыхъ Душъ». Начинавшійся славянофильскій кружокъ принялъ Гоголя съ тѣмъ же чувствомъ: семья и кружокъ Аксаковыхъ восхищался Гоголемъ; «Москвитянинъ» помѣстилъ хвалебную (хотя нелѣпую) статью Шевырева; Константинъ Аксаковъ издалъ особой брошюрой настоящій панегирикъ, извѣстный сравненіемъ Гоголя съ Гомеромъ, — и почему-то непринятый г. Погодинымъ въ «Москвитянинѣ». Наконецъ, для Бѣлинскаго и его цѣлаго круга «Мертвыя Души» были многозначительнымъ явленіемъ, утверждавшимъ въ литературѣ новую эпоху.

Изъ этого всеобщаго сочувствія Гоголь, повидимому, извлекъ очень немного для своихъ теоретическихъ мнѣній; напротивъ, онъ, кажется, еще сильнѣе двинулся на ту дорогу, которая грозила самой серьёзной опасностью его поэтической дѣятельности. Онъ уже начинаетъ усиленно доспрашиваться у своихъ друзей и знакомыхъ искренняго мнѣнія объ его книгѣ, доискивается въ особенности осужденій, предполагая найти въ нихъ самую настоящую правду, всего больше интересуется ими и въ печати. Напротивъ, онъ повидимому очень мало замѣтилъ то, что́ было сказано его защитниками и поклонниками новаго литературнаго на-

---

[1]) Онъ скрылъ свое имя подъ буквами С. Ш. и подписью «Житомиръ»; онъ хотѣлъ этимъ устранить отъ статьи личное нерасположеніе къ нему его литературныхъ противниковъ.

Digitized by Google

правленія. Можно думать даже, что къ нему уже въ это время перешло предубѣжденіе противъ направленія Бѣлинскаго, господствовавшее между его друзьями Пушкинскаго круга. Изъ его писемъ не видно, чтобы взглядъ Бѣлинскаго былъ имъ оцѣненъ...

Въ отзывахъ Бѣлинскаго, кромѣ всего ихъ тона, одна подробность не сходилась между прочимъ съ отзывами другихъ панегиристовъ и защитниковъ Гоголя. Бѣлинскій обратилъ вниманіе на извѣстныя «лирическія мѣста» и высказался противъ нихъ: онъ угадывалъ, что есть въ нихъ что-то ложное, и дѣйствительно, «лирическія мѣста» были отчасти отголоскомъ тѣхъ мнѣній Гоголя, которыя онъ собралъ потомъ въ цѣлую систему въ «Перепискѣ».

Съ появленіемъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ» Гоголь начинаетъ заботиться о продолженіи труда. Въ «Авторской Исповѣди» и въ нѣсколькихъ письмахъ о «Мертвыхъ Душахъ» (въ «Выбранныхъ Мѣстахъ изъ переписки»), Гоголь самъ собираетъ и разсказываетъ всѣ тѣ недоумѣнія, которыя имъ овладѣвали, тѣ мысли, къ которымъ онъ приходилъ. Вмѣсто того, чтобы слѣдовать только непосредственнымъ внушеніямъ своего таланта, онъ всю заботу полагаетъ теперь на то, чтобы *теоретически* опредѣлить своему труду планъ, дать ему цѣль, разсчитать его дѣйствіе. Эти теоретическія опредѣленія стоили ему величайшихъ усилій, и понятно, что поэтическая свобода исчезла, и что въ его трудъ неизбѣжно должны были войти внѣшнія соображенія, посторонніе разсчеты. Гоголь необходимо долженъ былъ явиться передъ публикой не такъ, какъ прежде — независимымъ поэтомъ, но долженъ былъ выдти въ роли мыслителя, теоретика. Понятно, что для *этой* роли онъ не могъ найти *права* въ своей поэзіи; что его теорію должно было судить по ея доказательствамъ, по ея критикѣ... Что́ же привело Гоголя къ его теоретическимъ вопросамъ? Причины этой тревожной заботливости надо искать въ различныхъ обстоятельствахъ. Прежде всего, въ религіозныхъ сомнѣніяхъ. Религіозность Гоголя теперь больше и больше усиливалась, и онъ тѣмъ больше сталъ бояться соблазна въ тѣхъ урокахъ, которые думалъ давать людямъ въ своихъ произведеніяхъ. Съ другой стороны, онъ, кажется, отвыкалъ отъ русской жизни. Въ 1836 году, проживши нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, Гоголь замѣчаетъ, что провинція «уже слабо рисуется въ его памяти». Повидимому, теперь и многое другое стало рисоваться слабѣе, и Гоголь, живя за-границей, ради своего нездоровья, и вообразивъ, что можетъ писать о Россіи только въ Римѣ, старается, съ наивной серьёзностью, подкрѣпить свои воспоминанія о русской

Digitized by Google

жизни тѣми свѣдѣніями, какихъ онъ сталъ просить теперь у своихъ пріятелей. Наконецъ,—и это одно изъ самыхъ сильныхъ побужденій, какія являлись въ это время у Гоголя,—онъ сталъ думать, что его «Мертвыя Души» должны стать для русскаго общества своего рода кодексомъ морали, личной и гражданской нравственности. Въ успѣхѣ «Мертвыхъ Душъ» онъ увидѣлъ указаніе, что всякое слово, сказанное имъ, будетъ убѣдительно, и что теперь именно пришло ему время явиться въ роли учителя и «пророка». Онъ думалъ, что теперь именно онъ можетъ исполнить свою «службу» и вообразилъ себя чѣмъ-то въ родѣ государственнаго моралиста. Такому моралисту конечно неприлично заниматься однимъ глумленіемъ; консервативные друзья внушали, что его смѣхъ можетъ быть вреденъ, что русская жизнь представляетъ и свои свѣтлыя, высокія стороны, и Гоголь рѣшилъ (немного заднимъ числомъ), что первый томъ его занятъ смѣшными и мрачными сторонами русской жизни, а второй представитъ ея высокія и идеальныя стороны.

Между тѣмъ его мистицизмъ развивался больше и больше, не встрѣчая никакой сдержки со стороны его друзей; онъ уже съ 1842 года и раньше принимаетъ тонъ наставника и «руководителя душъ». По мѣрѣ того, какъ усиливался піэтизмъ, тонъ его становится повелительнѣй и высокомѣрнѣе. «Мертвыя Души» шли туго; въ 1845 онъ сжегъ второй томъ, вѣроятно не съумѣвши соединить въ немъ своей поэзіи и своей государственной морали. Между тѣмъ, ему, кажется, хотѣлось скорѣе дать обществу свои уроки, попробовать на немъ свою силу, — и съ другой стороны вызвать книгой отзывы самого общества, которые онъ считалъ нужными для своей работы. Въ 1846 году онъ рѣшился издать «Переписку». Въ немъ уже окончательно созрѣло убѣжденіе, что его «дѣло — душа и прочное дѣло жизни», что онъ «рожденъ вовсе не за тѣмъ, чтобъ произвесть эпоху въ области литературной». Намѣреваясь дать своимъ читателямъ «прощальную повѣсть», онъ утверждалъ, что «долгъ писателя не одно доставленіе пріятнаго занятія уму и вкусу: строго взыщется съ него, если отъ сочиненій его не распространяется какая-нибудь польза душѣ и не останется отъ него ничего въ *поученье* людямъ».

«Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ друзьями» — такая странная книга, что все еще любопытно изслѣдовать, какъ могъ дойти до изданія ея писатель, стоявшій во главѣ нашей литературы. Этотъ писатель въ одно прекрасное утро явился передъ публикой съ отреченіемъ отъ своихъ прежнихъ произведеній, съ осужденіемъ тѣхъ, кто ими увлекался, съ высокомѣрной, надутой

Digitized by Google

проповѣдью, наполненной темнымъ мистицизмомъ, при которомъ онъ не считалъ неприличнымъ и нѣсколько выраженій, порядочно площадныхъ. Гоголь издалъ книгу, убѣдившись, по его словамъ, что его письма приносили людямъ гораздо больше пользы, чѣмъ его сочиненія.

«Переписка» Гоголя есть не только любопытный фактъ его личной исторіи, но и фактъ въ исторіи нашей общественной мысли. Въ личности Гоголя столкнулись два стремленія, двѣ стороны этой мысли: его инстинктъ велъ его по той дорогѣ, гдѣ были истинные задатки общественнаго самосознанія и лучшіе интересы нашей образованности; но по своимъ понятіямъ, полученнымъ въ средѣ его друзей, онъ всего меньше сочувствовалъ этимъ интересамъ, былъ, какъ его друзья, консерваторомъ самаго незамысловатаго рода и поклонникомъ оффиціальной народности. По свойствамъ образованія своего, Гоголь не въ состояніи былъ выбиться изъ понятій своей среды и кончилъ тѣмъ, что возсталъ противъ того, что́ было истинно великимъ дѣломъ его жизни; онъ приходилъ къ нравственному самоубійству. Мы указывали выше, какъ «Ревизоръ», «Мертвыя Души» были приписываемы себѣ тремя различными кружками литературы; за «Переписку» стоялъ только одинъ изъ нихъ, кружокъ его собственныхъ друзей, бывшій кружокъ Пушкина. Химическое сродство обнаружилось.

Дѣйствительно, книга не была только личнымъ дѣломъ Гоголя, и не лежала только на его исключительной отвѣтственности: она, косвенно, выражала мнѣніе цѣлаго класса людей, можно сказать, цѣлой партіи. Гоголь особенно любилъ входить въ отношенія съ людьми аристократическаго круга, оказывая, по выраженію Павлова, «особенное радушіе и самую человѣколюбивую склонность къ такъ-называемымъ свѣтскимъ людямъ» [1]), и должно къ сожалѣнію сказать, что своей книгой онъ давалъ критикамъ поводъ указывать, кромѣ страннаго піэтизма, и на слишкомъ одностороннее направленіе его сочувствій въ предметахъ общественныхъ.

Вѣроятно, бо́льшая часть писемъ, заключающихся въ «Выбранныхъ Мѣстахъ», писалась къ этимъ свѣтскимъ людямъ, муж-

---

[1]) Павловъ находилъ эту склонность «знаменательной», положившей отличительную печать на всю книгу Гоголя. „Можетъ быть, повѣсть ваша (т.-е. прощальная повѣсть)— говоритъ онъ въ письмѣ къ Гоголю—займется однимъ ихъ спасеніемъ. И это понятно, и это извинительно: они кружатся среди міра, въ вихрѣ соблазновъ и прельщеній... чье сердце не возскорбитъ о жертвахъ суеты? Кому не захочется избавить ихъ отъ этой напасти? Кто, истративъ на нихъ всѣ драгоцѣнности своей любящей души, не позабудетъ другихъ, *не свѣтскихъ* существъ, и не станетъ отзываться объ нихъ съ такимъ пренебреженіемъ, какимъ наполнены всѣ ваши письма?“

Digitized by Google

чинамъ и дамамъ; письма писались въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и по мнѣнію Гоголя, приносили пользу, и притомъ гораздо больше, чѣмъ приносили его сочиненія. Очевидно, письма не встрѣчали возраженій, — едва ли бы Гоголь сталъ печатать вещи, подвергнутыя спору и опровергаемыя; что возраженій не было, объ этомъ можно судить и по тому рѣшительному, проповѣдническому тону, который наконецъ выработалъ себѣ авторъ писемъ. Когда Гоголь требовалъ свои письма у корреспондентовъ для помѣщенія ихъ въ эту коллекцію, очевидно никто не дѣлалъ никакихъ замѣчаній по этому поводу, напр. о какомъ-нибудь несогласіи съ авторомъ, неудобствѣ его совѣтовъ, рѣзкости тона и т. п. Когда Гоголь, составивши сборникъ, высылалъ его для печатанія въ Петербургъ, его тамошніе друзья, первые ознакомившіеся со всѣмъ страннымъ характеромъ книги, не думали остановить Гоголя отъ поступка, во всякомъ случаѣ слишкомъ поспѣшнаго, отъ публикаціи, ошибки которой онъ самъ потомъ ясно увидѣлъ... Гоголь даже прямо упоминалъ потомъ о «подталкиваньяхъ» его друзей. Они безпрекословно отпечатали рукопись Гоголя, находили книгу въ порядкѣ вещей, полезной и даже необходимой...

Изданіе держалось въ большомъ секретѣ, но слухи о новой книгѣ Гоголя быстро распространились; даже московскіе друзья Гоголя испугались ихъ [1]). Появленіе ея произвело не только въ кружкѣ Бѣлинскаго, но и въ кружкѣ Аксаковыхъ чувство негодованія и печали о погибающемъ талантѣ. Явились статья Бѣлинскаго въ «Современникѣ», письма къ Гоголю Н. Ф. Павлова, и пр. и пр.

Какъ приняли книгу Гоголя ближайшіе его друзья? Повидимому, Жуковскій только былъ въ ней чѣмъ-то невполнѣ доволенъ,—конечно частностями. Плетневъ, въ маѣ 1847, когда уже многое было высказано въ печати по поводу «Переписки», пишетъ къ Жуковскому: «Въ книгѣ Гоголя я не нахожу такихъ ошибокъ, какія вамъ представляются. Она только *оригинальна* какъ самъ Гоголь и *все*, имъ издаваемое. Наша публика конечно не привыкла къ такимъ явленіямъ и потому приведена въ *недоумѣніе* [2]). Но *благо*, ею произведенное, не двусмысленно. Я

[1]) С. Т. Аксаковъ говоритъ: „Въ концѣ 1846 года... дошли до меня слухи, что въ Петербургѣ печатается „Переписка съ Друзьями“; мнѣ даже сообщили по нѣскольку строкъ изъ разныхъ ея мѣстъ. Я *пришелъ въ ужасъ* и немедленно написалъ къ Гоголю большое письмо, въ которомъ просилъ его отложить выходъ книги хотъ на нѣсколько времени“. Зап. о жизни Гоголя, II, стр. 95.

[2]) Плетневъ ошибался; недоумѣнія о *содержаніи* книги не было у людей, имѣвшихъ опредѣленный взглядъ на вещи, у Бѣлинскаго, у Павлова, даже у Аксаковыхъ; недоумѣніе было развѣ только о томъ, *какъ* человѣкъ могъ дойти до подобнаго содержанія.

Digitized by Google

знаю многихъ, которые *восхищены* этою новостью». Плетневъ находитъ только недостатки въ языкѣ: «Не думаю, чтобы когда-нибудь дошелъ онъ до той исправности въ выраженіяхъ, которая отличаетъ школу Карамзина отъ новѣйшихъ русскихъ писателей»...

Итакъ, книга была хоть куда. Жуковскій, хотя и находилъ въ ней нѣкоторые недостатки, но и онъ былъ въ полномъ удовольствіи отъ статьи кн. Вяземскаго, написанной въ защиту Гоголя. «Статью твою о Гоголевой книгѣ — пишетъ Жуковскій къ кн. Вяземскому въ іюлѣ 1847 — я читалъ съ необыкновеннымъ удовольствіемъ. Многое даже меня глубоко тронуло... Мастерски написанная статья. Вотъ истинная критика».

Статья кн. Вяземскаго [1]) изображала книгу Гоголя именно какъ переломъ въ его дѣятельности, и притомъ нужный переломъ. Эта статья является именно какъ мнѣніе ближайшихъ друзей Гоголя, какъ объясненіе ихъ общаго взгляда на его литературную дѣятельность, и потому любопытно прослѣдить ея главнѣйшія положенія.

«*Она была нужна,*—говоритъ критикъ словами самого Гоголя. Это лучшая похвала книгѣ. Такъ нуженъ былъ *переломъ*. Переломъ этотъ тѣмъ полезнѣе, что противодѣйствіе истекло изъ той же силы, которая *невольно*, но не менѣе того, всеувлекательнымъ стремленіемъ, дала *пагубное* направленіе». Авторъ винитъ въ этомъ и самого Гоголя, а главное — его почитателей, на которыхъ и обрушиваетъ все негодованіе. На Гоголѣ, по его мнѣнію, лежала обязанность открыто и торжественно разорвать «съ частью своего прошедшаго»—или съ тѣмъ, что́ ему придали его поклонники и подражатели. Самъ по себѣ, Гоголь великое дарованіе, онъ занимаетъ свѣтлое и высокое мѣсто въ литературѣ, но—«какъ родоначальникъ *школы*, во что́ хотѣли возвести его, онъ былъ не только не у мѣста, но даже *вреденъ*». Самъ по себѣ, его голосъ имѣлъ полезное значеніе, но поклонники его все испортили. Гоголь рано или поздно долженъ былъ «опомниться», и на его крутой поворотъ, который теперь столькихъ людей удивилъ и «сбилъ съ толку», всего больше подѣйствовали его *бѣшеные приверженцы*. Отъ своихъ хулителей, людей безвкусныхъ, Гоголь не могъ научиться ничему; онъ оставилъ безъ вниманія брань, но чрезмѣрныя и ложныя похвалы не могли не навесть унынія на него. «Въ нѣкоторыхъ журналахъ имя Гоголя сдѣлалось альфою и омегою всякаго литературнаго разсужденія. Въ духовной нищетѣ своей многіе непризванные писа-

[1]) „Языковъ. Гоголь", въ „Спб. Вѣдомостяхъ", 1847, № 90 и 91, 24 и 25 апрѣля.

Digitized by Google

тели кормились этимъ именемъ, какъ единымъ насущнымъ хлѣбомъ своимъ». Гоголю должны были опротивѣть его творенія. Въ похвалахъ и идолопоклонствѣ, которыхъ онъ былъ предметомъ, были вещи, которыя должны были неминуемо «растревожить и напугать его здравый умъ и добросовѣстность». «Его хотѣли поставить главою какой-то новой литературной школы, олицетворить въ немъ какое-то *черное* литературное знамя (?!). Такимъ образомъ съ больныхъ головъ на здоровую складывали всѣ несообразности, всѣ нелѣпости, провозглашаемыя нѣкоторыми журналами. На его душу и отвѣтственность обращали всѣ грѣхи, коими ознаменовались послѣдніе года нашего литературнаго паденія. Какъ тутъ было не одуматься, не оглядѣться? Какъ писателю *честному* не осыпать головы своей пепломъ и не отказаться съ досадою отъ торжества, устроеннаго непризванными и непризнанными [1]) руками? Всѣ эти ликторы и глашатаи, которые шли около него и за нимъ съ своими хвалебными восклицаніями и праздничными факелами, именно и озарили въ глазахъ его опасность и ложность избраннаго имъ пути. Съ благородною рѣшимостью и откровенностью онъ тутъ же *круто своротилъ* съ торжественнаго пути своего и спиною обратился къ своимъ поклонникамъ. Теперь, оторопѣвъ, они не знаютъ за что́ и приняться. Конечно, положеніе ихъ непріятно и забавно. Но что же дѣлать? Сами накликали и накричали они бѣду на себя».

Фактъ изложенъ здѣсь не совсѣмъ точно. Литературное направленіе, съ котораго «своротилъ» Гоголь, вовсе не было въ такомъ отчаянномъ положеніи. У людей этого направленія не было колебаній; они высказались о книгѣ Гоголя очень скоро и самымъ категорическимъ образомъ, потому что смыслъ и теоретическія нити новой книги Гоголя были для нихъ довольно ясны: статья Бѣлинскаго о «Выбранныхъ Мѣстахъ» появилась въ первой послѣдовавшей книгѣ его журнала; затѣмъ письма Павлова въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Обѣ эти вещи были такого рода, что едва ли не всего больше заставили оторопѣть самого автора «Выбранныхъ Мѣстъ»...

Далѣе, авторъ статьи не удивляется, что «Гоголь попалъ въ руки литературнымъ шарлатанамъ», но удивляется, какъ даже умные и добросовѣстные судьи сбились съ пути благоразумія въ оцѣнкѣ трудовъ Гоголя. Это — славянофилы. Авторъ не понимаетъ, какъ могли увлекаться Гоголемъ люди, которые отказываются отъ чужеземнаго вліянія и хотятъ, чтобы мы напротивъ

[1]) Непризванными и непризнанными — кѣмъ?

Digitized by Google

шли своимъ путемъ, росли въ своихъ началахъ [1]), потому что картины *своего* у Гоголя мрачны и грустны. Самъ авторъ статьи дѣлаетъ слѣдующее любопытное и справедливое признаніе: «Онъ преслѣдуетъ, онъ за живое задираетъ *не однѣ* наружныя и прививныя болячки: нѣтъ, онъ *проникаетъ въ глубь*, онъ выворачиваетъ всю природу, всю душу и не находитъ ни одного здороваго мѣста. Жестокій врачъ, онъ растравливаетъ раны, но не придаетъ больному ни бодрости, ни упованія. Нѣтъ, онъ приводитъ къ безнадежной скорби, къ страшному сознанію». (Авторъ не видѣлъ только, что здѣсь-то и было могущественное вліяніе Гоголя,—оно могло причинять скорбь, но вмѣстѣ и возбуждало къ исканію иного, лучшаго порядка идей и вещей).

Авторъ признаетъ, что такой взглядъ, какъ личный и отдѣльный взглядъ, можетъ имѣть нѣкоторую вѣрность, хотя условную и одностороннюю,— но сдѣлать изъ него цѣлое воззрѣніе, основаніе цѣлаго направленія—значитъ придти къ хаосу противорѣчій и ложныхъ выводовъ.

Этотъ хаосъ, по его мнѣнію, и разрѣшается книгой Гоголя.

Впрочемъ авторъ находитъ, что были нѣкоторые недостатки въ книгѣ Гоголя. «Переломъ былъ нуженъ, но, можетъ быть, не такой внезапный и крутой,» — собственно по неразвитости публики и критиковъ. «Самая истина, если хочетъ доходить до насъ, должна подчинять себя нѣкоторымъ условіямъ, соразмѣрять дѣйствіе свое съ ограниченностью нашей воспріимчивости, щадить наше упрямство, наши слабости и дурныя привычки». По мнѣнію автора, многихъ разсердило также то, что книга была для нихъ совершенно неожиданна. «Уже за нѣсколько лѣтъ предъ симъ началось въ Гоголѣ *духовное преображеніе*. Объ этомъ знали только нѣкоторые *пріятели, повѣренные его сердечныхъ исповѣдей*. Для нихъ появленіе книги Гоголя—совершеніе ожиданнаго событія.» Книга застала публику и критику въ расплохъ. «Вообще журнальная критика по поводу новой книги Гоголя явила странныя требованія. Казалось ей, будто она и мы всѣ имѣемъ крѣпостное право надъ нимъ, какъ будто онъ приписанъ къ такому-то участку земли, съ которой онъ не воленъ былъ сойти. На эту книгу смотрѣли какъ на возмущеніе, на изъявленіе предательства и неблагодарности»... Авторъ «Выбранныхъ

---

[1]) Авторъ не принялъ въ соображеніе, что для славянофиловъ изображеніе отрицательной стороны русской жизни было также аргументомъ въ защиту ихъ мнѣній: у нихъ не было никакого пристрастія къ *той* Россіи, которую изображалъ Гоголь. Кромѣ того, они не были вовсе нечувствительны къ художественной правдивости и силѣ произведеній Гоголя.

Digitized by Google

Мѣстъ» изливаетъ свои сокровеннѣйшія тайны и страданія, а его самопроизвольно судятъ, разбираютъ, такъ ли онъ плачетъ, не противорѣчитъ ли онъ себѣ — «какъ будто скорбь можетъ всегда разсчитывать слова свои.» Авторъ статьи впрочемъ не хочетъ и говорить о тѣхъ критикахъ, «о которыхъ говорить нечего», а обращается къ тѣмъ судьямъ, на мнѣніе которыхъ должно обратить вниманіе. И изъ нихъ многіе погрѣшили недостаткомъ справедливости: «Гоголь только тѣмъ предъ вами и виноватъ, что вы не такъ мыслите, какъ онъ. Мы чувствуемъ и толкуемъ о независимости, о свободѣ понятій, а въ насъ нѣтъ даже и терпимости. Кто только мало-мальски несовершенный нашъ единомышленникъ... мы готовы закидать его каменьями.» (Авторъ забылъ, что недостатокъ терпимости показанъ былъ прежде всего самимъ Гоголемъ, потому что «Переписка» далеко не отличалась «терпимостью», а напротивъ крайней заносчивостью и не совсѣмъ въ хорошую сторону,—и эта заносчивость впередъ оправдывала его критиковъ).

Авторъ соглашается однако самъ, что ошибки были, что переломъ былъ слишкомъ «крутъ», что, напр., «завѣщаніе» было не совсѣмъ умѣстно, что практическія мнѣнія Гоголя не совсѣмъ основательны... «Практическій человѣкъ (въ Гоголѣ) отсталъ. Взглядъ его не всегда свѣтелъ и вѣренъ. Когда дѣло идетъ о житейскомъ, онъ не всегда прямо глядитъ ему въ лицо, а съ угла умозрительной точки, какъ, напримѣръ, въ письмахъ: *Русскій помѣщикъ, сельскій судъ и расправа*, а частью и въ другихъ письмахъ. Не все то сбыточно, что́ желательно. Недостаточно написать прекрасныя идилліи и мечтательные проекты о неразрывномъ мирѣ, чтобы возвратить золотой вѣкъ на землѣ.» Авторъ считаетъ и мнѣнія Гоголя объ Одиссеѣ «благонамѣреннымъ мечтаніемъ».

Вообще, однако, авторъ статьи находитъ, что если и есть недостатки въ книгѣ Гоголя, они искупаются ея общимъ достоинствомъ; это — «не что иное какъ *соринки*, которыя легко смести однимъ движеніемъ пера. Но цѣлое есть чистая, свѣтлая храмина.» Авторъ сравниваетъ ее съ извѣстной книгой Сильвіо Пеллико объ обязанностяхъ человѣка, и духовное состояніе Гоголя таково, что человѣку, не исключительно преданному суетнымъ потребностямъ, нельзя не позавидовать этому состоянію. — Но на вопросъ, надо ли желать, чтобы Гоголь совсѣмъ оставилъ прежнюю дорогу, шелъ далѣе исключительно по своей новой дорогѣ, авторъ отвѣчаетъ: «Скажу не запинаясь: нѣтъ! Я увѣренъ, что между прежнимъ Гоголомъ и нынѣшнимъ можетъ послѣдовать и

Digitized by Google

послѣдуетъ прекрасная сдѣлка, полезная мировая. Онъ умѣрилъ и умирилъ въ себѣ человѣка: теперь пусть умѣритъ и умиритъ въ себѣ автора. Пускай передастъ онъ намъ все нажитое имъ въ эти послѣдніе годы въ сочиненіяхъ,.. чуждыхъ этой исключительности, этого ожесточенія, съ которыми онъ донынѣ преслѣдовалъ пороки и смѣшныя слабости людей, не оставляя нигдѣ добраго слова на миръ, нигдѣ не видя ничего отраднаго и ободрительнаго. Гоголь во многихъ мѣстахъ книги своей кается въ *безполезности* всего написаннаго имъ: это невѣрно. Написанное имъ не *безполезно*, а напротивъ, принесло свою пользу; но оно частью *вредно*, потому что многими было худо понято и употреблено во зло. Онъ первый, особенно «Мертвыми Душами», далъ осѣдлость у насъ литературѣ укорительной, желчной... Всѣ за нимъ, надбавляя надъ подлинникомъ, бросились унижать, безобразить человѣка и общество, злословить ихъ, доносить на нихъ»...

Итакъ, авторъ статьи совершенно подтверждалъ и одобрялъ отреченіе Гоголя отъ прежнихъ произведеній; и солидарность Гоголя съ друзьями была заявлена несомнѣнно [1])... Не знаемъ, весело ли было петербургскимъ друзьямъ Гоголя увидѣть, что защиту «Переписки» одно время взяла на себя «Сѣверная Пчела»: она также хвалила книгу и радовалась, что самъ Гоголь подтверждалъ теперь ея давнишнее мнѣніе о ничтожествѣ «Мертвыхъ Душъ» и «Ревизора»... [2]). Но авторъ статьи «Спб. Вѣдомостей» нѣсколько ошибался въ своихъ надеждахъ на переломъ. На *новой* дорогѣ талантъ очевидно покидалъ Гоголя, и Гоголь еще не совсѣмъ покинулъ *старую*, истинную, дорогу своего таланта; мы увидимъ дальше, что онъ еще не покончилъ съ «пагубнымъ» направленіемъ и имѣлъ случай убѣждаться въ ошибочности мнѣній «Переписки».

Дальше мы укажемъ любопытное письмо Гоголя по поводу этой статьи. Книга, такимъ образомъ, для обѣихъ сторонъ дѣлалась полемъ битвы, гдѣ два направленія встрѣтились уже съ открытой враждой. Но прежде, чѣмъ слѣдить далѣе за этимъ столкновеніемъ, возвратимся въ самой книгѣ, — именно къ тѣмъ письмамъ, которыя не вошли въ первоначальное изданіе по цензурнымъ причинамъ и были напечатаны только не такъ давно. Онѣ тѣмъ любопытнѣе, что ближе раскрываютъ именно общественные взгляды Гоголя. Выше указано, каковы эти взгляды были

---

[1]) Новѣйшее подтвержденіе того же см. въ «Р. Арх.», 1866, стр. 1081—82.

[2]) „Сѣверная Пчела“ и Сенковскій терпѣть не могли „Мертвыхъ Душъ“ и „Ревизора“.

Digitized by Google

съ самаго начала. Теперь, ко времени изданія «Выбранныхъ Мѣстъ», они въ сущности своей нисколько не измѣнились, но стали значительно рѣзче и опредѣленнѣе, и Гоголь, прежде никогда о нихъ не считавшій нужнымъ и говорить, теперь возвращается къ нимъ нѣсколько разъ, и въ выраженіяхъ, не оставляющихъ никакого сомнѣнія.

Въ письмѣ о лиризмѣ нашихъ поэтовъ Гоголь словами Пушкина объясняетъ свои политическія понятія. «Какъ вообще Пушкинъ былъ уменъ во всемъ, что ни говорилъ въ послѣднее время своей жизни»,—замѣчаетъ Гоголь и приводитъ слова его, опредѣляющія значеніе полномощнаго монарха. «Зачѣмъ нужно, — говорилъ онъ,—чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ и даже выше самаго закона? Затѣмъ, что законъ — дерево; въ законѣ слышитъ человѣкъ что-то жестокое и не братское. Съ однимъ буквальнымъ исполненіемъ закона не далеко уйдешь (!); нарушить же, или не исполнить его никто изъ насъ не долженъ; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая законъ, которая можетъ явиться людямъ только въ одной полномощной власти. Государство безъ полномощнаго монарха — автоматъ: *много, много*, если оно достигнетъ того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? *Мертвечина*. Человѣкъ въ нихъ вывѣтрился до того, что и *выѣденнаго яйца* не стоитъ», и т. д. Нельзя не видѣть, что политическое устройство Россіи, опредѣляется здѣсь слишкомъ произвольно, и сравненіе съ Соединенными Штатами, употребленное какъ доказательство, болѣе чѣмъ неудачно. Гоголь принялъ изреченіе Пушкина буквально и не прибавилъ къ нему никакого своего аргумента, болѣе основательнаго. Они оба зашли, кажется, дальше, чѣмъ сами высшія сферы того времени, потому что, какъ говорятъ, эти послѣднія хорошо видѣли разницу положенія и отдавали больше справедливости Соединеннымъ Штатамъ. Понятно, что при этомъ Гоголь былъ ревностнымъ почитателемъ status quo во всѣхъ подробностяхъ его теоріи (нѣкоторые практическіе недостатки онъ видѣлъ, и объяснялъ ихъ по-своему), и полагалъ даже, что Европа придетъ къ намъ учиться. Въ статьѣ «Страхи и ужасы Россіи», писанной къ какой-то графинѣ, Гоголь утверждаетъ: «Въ то время, когда на однихъ концахъ Россіи еще доплясываютъ польку и доигрываютъ преферансъ, уже незримо (!) образовываются на разныхъ поприщахъ истинные мудрецы жизненнаго дѣла. Еще пройдетъ десятокъ лѣтъ, и вы увидите, что Европа пріѣдетъ къ намъ не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости (!),

Digitized by Google

которой не продаютъ больше на европейскихъ рынкахъ»... [1]). Въ письмѣ къ гр. А. П. Т—му (1845), Гоголь такъ разсуждаетъ о тѣхъ недостаткахъ, которые онъ видѣлъ все-таки въ нашей администраціи. Это разсужденіе наивно до послѣдней степени. «Мы съ вами еще не такъ давно разсуждали о *всѣхъ должностяхъ*, какія *ни есть* въ нашемъ государствѣ. Разсматривая каждую въ ея законныхъ предѣлахъ, мы находили, что онѣ именно то, что́ имъ слѣдуетъ быть, *всѣ до единой* какъ бы свыше созданы для насъ (!), съ тѣмъ, чтобы отвѣчать на *всѣ* потребности нашего государственнаго быта, а всѣ сдѣлались не тѣмъ отъ *того*, что *всякъ*, какъ бы нанерерывъ, ста́рался или разрушать предѣлы своей должности, или даже вовсе выступить изъ ея предѣловъ. Всякій, *даже честный и умный человѣкъ* (!), старался хотя на одинъ вершокъ быть полномочнѣй и выше своего мѣста, полагая, что онъ этимъ-то именно облагородитъ и себя и свою должность. Мы перебрали тогда всѣхъ чиновниковъ отъ верху до низу, но *секретарей* позабыли, а они-то именно больше всѣхъ стремятся выступить изъ предѣловъ своей должности. Гдѣ секретарь заведенъ только въ качествѣ писца, тамъ онъ хочетъ сыграть роль посредника между начальникомъ и подчиненнымъ. Гдѣ же онъ поставленъ дѣйствительно какъ нужный посредникъ между начальникомъ и подчиненнымъ, тамъ онъ начинаетъ важничать» и проч. Въ этомъ Гоголь и видитъ всю бѣду, совпадая съ мнѣніемъ Акакія Акакіевича, что секретари ненадежный народъ.

Съ такимъ немудренымъ запасомъ общественной философіи вышелъ Гоголь изъ своихъ размышленій, бесѣдъ съ друзьями, переписки съ корреспондентами, и съ этимъ запасомъ онъ считалъ возможнымъ явиться передъ обществомъ въ роли строгаго учителя. Не будемъ перечислять другихъ образчиковъ ея, разсѣянныхъ въ «Перепискѣ»,—этихъ странныхъ наставленій копить деньги и дѣлить ихъ на кучки, говорить мужику: «неумытое рыло», и т. д., и т. д. Все это друзья благословляли его печатать; все это они считали «нужнымъ» и «полезнымъ переломомъ», хотя «нѣсколько крутымъ»!

У Гоголя не видимъ мы и признака мысли о тѣхъ общественныхъ вопросахъ, которые уже довольно ясно представлялись образованнымъ людямъ того времени, и на которые обратила вниманіе даже строго-консервативная высшая сфера. Гоголь настаиваетъ только на авторитетѣ, а всѣ недостатки, какія видѣлъ въ

---

[1]) Ср. также, по поводу этихъ мнѣній Гоголя, письмо его къ Жуковскому, отъ апрѣля 1839.

Digitized by Google

теченіи дѣлъ, сваливаетъ на исполнителей, хотя бы это были даже «честные и умные люди». У него нѣтъ и мысли о возможности улучшенія самыхъ учрежденій, объ измѣненіи въ отношеніяхъ сословій, о воспитаніи въ обществѣ бо́льшей моральной и гражданской самодѣятельности. То́, чѣмъ исполнены были умы и сердца лучшихъ людей того времени, что́ впослѣдствіи стало основаніемъ общественнаго преобразованія, это было ему совершенно чуждо,— онъ ничего не читалъ и не слышалъ объ этомъ; взамѣнъ того, онъ проповѣдуетъ старую, безжизненную мораль, созданную печальными временами и ничтожествомъ общественной жизни. Самъ авторъ статьи «С.-Петерб. Вѣдомостей» не могъ одобрить его крѣпостническо-идеальныхъ разсужденій о «русскомъ помѣщикѣ» и проч... Гоголь не чувствуетъ, какъ странно читать у него же слѣдующія строки о томъ, почему Пушкинъ при жизни не высказывалъ своихъ политическихъ привязанностей: «Никому не говорилъ онъ при жизни о чувствахъ, его наполнявшихъ, и поступалъ умно. Послѣ того, какъ вслѣдствіе всякаго рода холодныхъ газетныхъ возгласовъ, писанныхъ слогомъ номадныхъ объявленій, и всякихъ сердитыхъ, неопрятно-запальчивыхъ выходокъ, производимыхъ всякими квасными и неквасными патріотами, перестали вѣрить у насъ на Руси искренности всѣхъ печатныхъ изліяній, — Пушкину было опасно выходить. Его бы какъ разъ назвали подкупнымъ, или чего-то ищущимъ человѣкомъ»... Откуда же могло взяться такое состояніе цѣлаго общества?

Вскорѣ послѣ выхода «Выбранныхъ Мѣстъ» явилась въ «Современникѣ (№ 2, 1847 г.) статья Бѣлинскаго, первый энергическій протестъ противъ идей, заявленныхъ Гоголе́мъ, противъ отреченія его отъ прежнихъ произведеній, противъ подобнаго употребленія своего авторитета [1]). О личныхъ отношеніяхъ Бѣлинскаго и Гоголя очень мало извѣстно; но они не были люди незнакомые. Гоголь прежде обращался къ нему раза два въ нужныхъ случаяхъ [2]), зналъ, *какъ* относится къ нему Бѣлинскій и *почему* онъ такъ къ нему относится. Статья Бѣлинскаго не могла поэтому не представлять для него особеннаго интереса. И сколько можно судить по его характеру, она вѣроятно произвела на него самое сильное впечатлѣніе,—онъ не проговаривается о ней никому изъ своихъ обыкновенныхъ корреспондентовъ и друзей, отъ которыхъ прежде держалъ въ секретѣ самыя сношенія свои съ Бѣлинскимъ. Статья Бѣлинскаго повела за собой извѣст-

[1]) См. сочин. Бѣлинскаго, т. XI, стр. 80—103.

[2]) См. воспоминанія г. Анненкова.

Digitized by Google

ную переписку между ними. Гоголь написалъ первое письмо, и, еще не имѣя отвѣта Бѣлинскаго, писалъ къ князю Вяземскому любопытное письмо, (отъ іюня 1847 г.), по поводу его статьи въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Въ этомъ письмѣ мы встрѣтимъ черты, едва ли не внушенныя чтеніемъ статьи Бѣлинскаго; это — мысль о необходимости разъяснять для общества «государственные» предметы, т.-е. внутренніе общественные вопросы; кромѣ того — нѣсколько неожиданное *заступничество* Гоголя въ пользу его новыхъ враговъ въ литературѣ.

«Ваша статья... о Языковѣ и обо мнѣ,—пишетъ онъ,—кромѣ всѣхъ тѣхъ достоинствъ и свойствъ, которыя принадлежатъ особенности собственно вашего ума, меня очень тронула тѣмъ чувствомъ соучастія, которое принадлежитъ только одной нѣжной и любящей душѣ. Одно только меня остановило: мнѣ кажется, что выразились вы *нѣсколько сурово* о нѣкоторыхъ моихъ нападателяхъ, *особенно о тѣхъ*, которые прежде меня выхваляли. Мнѣ кажется *вообще*, мы судимъ ихъ слишкомъ неумолимо. *Богъ знаетъ, можетъ быть*, въ существѣ многіе изъ нихъ добрые люди и влекутся *даже* нѣкоторымъ, *хотя отдаленнымъ*, желаніемъ добра: но кого не увлекаетъ самолюбіе, нѣкоторой успѣхъ» и пр.

Намъ кажется, что въ этихъ словахъ уже отражалось тайное сознаніе Гоголя, что «нападатели» во многомъ были правы; но онъ боится заявить это сознаніе и передъ самимъ собой, и передъ своимъ корреспондентомъ (который вѣроятно былъ въ числѣ людей, не знавшихъ о секретныхъ свиданіяхъ), и обставляетъ предположеніями и оговорками.

Гоголь говоритъ дальше, что, быть можетъ, ихъ самихъ обвинятъ въ гордости, когда они «жестоко оттолкнули» хулителей, когда, быть можетъ, имъ нуженъ былъ «совѣтъ» (онъ думалъ, что нуженъ былъ ихъ «совѣтъ», напр. Бѣлинскому!); что онъ самъ не рѣшается говорить сурово, такъ какъ видитъ, что «положенье всѣхъ въ нынѣшнее время страшно трудно и, къ кому ни приглядишься ближе, всякъ пораждаетъ къ себѣ состраданье». Имъ овладѣваетъ «жалость» къ людямъ страдающимъ или заблуждающимся и отъ недостатка *любви* «всѣ статьи *наши* [1]) не вносятъ надлежащаго примиренія».

Эти послѣднія слова могли быть совершенно искренни, и если даже, не высказывая настоящей своей мысли, Гоголь хотѣлъ только косвенно навести своего корреспондента на что-то такое,

---

[1]) Вѣроятно, Гоголь не хотѣлъ сказать прямо: статья «С.Петербургскихъ Вѣдомостей».

Digitized by Google

чего ему хотѣлось,—во всякомъ случаѣ, очевидно, что у Гоголя являлись новыя мысли, вовсе не въ духѣ «перелома»; какъ будто онъ втайнѣ сознавалъ справедливость возраженій, и въ немъ являлась потребность «примиренія». Но онъ еще не оцѣнилъ всей трудности примиренія, не видѣлъ, какъ далеко лежали корни раздора, съ чьей стороны должны быть сдѣланы уступки, на чьей сторонѣ была бо́льшая общественная неправда. Передъ нимъ начинаетъ мелькать слабый проблескъ дѣйствительныхъ общественныхъ вопросовъ,—но его пониманіе все еще только догадка, спутанная его привычными понятіями.

«...Мнѣ кажется,—пишетъ онъ далѣе,—что теперь, въ нынѣшнее время, болѣе нужны не статьи *нападательныя* [1]) или защитительныя, которыя невольнымъ образомъ обратятся на чью-нибудь личность и выставятъ на сцену насъ самихъ, сколько статьи *уяснительныя* многихъ важныхъ вопросовъ, относящихся къ тѣмъ вѣчнымъ истинамъ, которыя, хотя покуда еще и не раздаются въ обществѣ, но къ которымъ поворотъ однако же неминуемо долженствуетъ наступить. Я разумѣю здѣсь собственно тѣ истины, о которыхъ могутъ сказать только *люди государственные*. Если о нихъ не раздадутся теперь здравыя опредѣленія, годныя укрѣпить хотя нѣкоторыхъ, или дать имъ знать по крайней мѣрѣ приблизительно, чего держаться, то ихъ пойдутъ скоро коверкать вовсе не-государственные люди и могутъ сбить всѣхъ (?) съ толку. Вы видите, что нѣкоторое поползновеніе къ тому уже обнаруживается. Даже и я, человѣкъ вовсе не государственный, заговорилъ о томъ. Итакъ, есть какое-то повѣтріе, которому всѣ подвергаются равномѣрно. Тѣмъ болѣе теперь нуженъ голосъ мастеровъ того ремесла, въ которое впутываются люди посторонніе.»

Словомъ, Гоголь начиналъ видѣть, что въ обществѣ возникаетъ интересъ къ тѣмъ предметамъ, которые онъ называетъ «государственными», т.-е. просто интересъ къ общественнымъ дѣламъ, но онъ все-таки думаетъ, что человѣку не-государственному непозволительно говорить объ этихъ дѣлахъ; онъ для нихъ человѣкъ «посторонній»... Гоголь полагалъ, что здѣсь нуженъ голосъ «мастеровъ государственнаго ремесла», и ждалъ такихъ разъясненій отъ кн. Вяземскаго, котораго считалъ имѣющимъ все, что́ для этого нужно...

Между тѣмъ, онъ ожидалъ отъ него своей рукописи «Выбран-

---

[1]) Какова была статья «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»; но Гоголь забылъ уже, что сами «Выбранныя Мѣста» были сами вещь очень нападательная.

Digitized by Google

ныхъ Мѣстъ» съ его замѣчаніями [1]), — «потому что съ моей стороны все-таки нужно что-нибудь сказать, хотя разумѣется поприличнѣй и въ такой мѣрѣ, въ какой позволительно сказать *не-государственному* человѣку. Нужно, чтобы мы все-таки (?) питали любовь къ своей государственности, а не летали мысленно по всѣмъ землямъ, говоря о Россіи; чтобъ чувствовали по крайней мѣрѣ, что строенье новаго исходитъ изъ духа самой земли, изъ находящихся среди насъ матеріаловъ». Эта послѣдняя мысль, какъ будто отзывающаяся мнѣніями славянофильскихъ друзей Гоголя, брошена однако какъ-то случайно и недоконченно.

Мы не будемъ излагать переписку Гоголя съ Бѣлинскимъ, и упомянемъ только объ общемъ тонѣ ея. Переписку началъ Гоголь, по прочтеніи статьи Бѣлинскаго въ «Современникѣ»; Бѣлинскій, находившійся тогда за-границей, отвѣчалъ (15-го іюня 1847 г.) длиннымъ письмомъ, гдѣ высказалъ все, накипѣвшее у него на душѣ и чего не могъ онъ сказать въ печатной статьѣ [2]). Переписка закончилась новымъ письмомъ Гоголя.

Въ первомъ письмѣ Гоголь выражаетъ свое прискорбіе по поводу статьи Бѣлинскаго,—не потому, что ему прискорбно было униженіе его, а потому, что въ ней слышится голосъ разсерженнаго человѣка. Онъ не понимаетъ, за что вдругъ всѣ разсердились на него—восточные, западные, неутральные. «Это правда,—говоритъ Гоголь,—я имѣлъ въ виду *небольшой щелчокъ* каждому изъ нихъ, считая это *нужнымъ*, испытавши надобность его на собственной кожѣ (всѣмъ намъ нужно побольше смиренія)», но онъ никакъ не думалъ, чтобы *щелчокъ* вышелъ такъ грубъ, неловокъ и оскорбителенъ. Затѣмъ онъ объясняетъ, что не легко судить книгу, гдѣ замѣшалась собственная душевная исторія человѣка; укоряетъ Бѣлинскаго за «оплошные выводы»; оправдывается отъ обвиненія въ пристрастіи и своекорыстіи, и наконецъ снова выражаетъ прискорбіе, что противъ него питаетъ озлобле-

---

[1]) Гоголь былъ недоволенъ тѣмъ, что цензура много исключила изъ «Выбранныхъ Мѣстъ» и поручалъ своимъ друзьямъ приготовить новое изданіе, уже вполнѣ. Онъ желалъ этого, полагая, что многія нападенія происходили оттого, что книга явилась не въ полномъ составѣ; что „по клочку, обгрызенному цензурой, о ней нельзя судить". Онъ въ особенности просилъ кн. Вяземскаго пересмотрѣть книгу, исключить изъ нея то, что было въ ней рѣзкаго и проповѣдническаго, вообще сгладить, смягчить и дополнить, какъ только онъ найдетъ нужнымъ. „Не будемъ считаться мыслями,—говоритъ онъ при этомъ, — онѣ не наши и не принадлежатъ намъ; онѣ посылаются Богомъ" и проч. См. письмо отъ 28-го февраля 1847 г. Въ письмѣ отъ іюня 1847 г. онъ проситъ о присылкѣ просмотрѣнной рукописи, которую теперь хотѣлъ еще дополнить самъ по „государственнымъ" предметамъ.

[2]) См. Вѣстн. Евр. 1872, іюль, стр. 439—443.

Digitized by Google

ніе человѣкъ, котораго онъ все-таки считалъ за добраго человѣка.

Отвѣтъ Бѣлинскаго — болѣе или менѣе извѣстенъ. Это безъ сомнѣнія самое характеристическое изъ всего, что написано Бѣлинскимъ, и самый рѣзкій протестъ изъ всѣхъ, какіе вызвала книга Гоголя. Онъ яркими красками изображаетъ Гоголю смыслъ его книги въ тогдашнемъ положеніи русскаго общества — объясняетъ ему, почему онъ имѣлъ такое великое значеніе для этого общества и такихъ страстныхъ поклонниковъ: въ немъ видѣли одного изъ великихъ вождей страны на пути сознанія, развитія, прогресса. «Теперь же,—говоритъ Бѣлинскій,—я не въ состояніи дать вамъ ни малѣйшаго понятія о томъ негодованіи, которое возбудила ваша книга во всѣхъ благородныхъ сердцахъ, ни о тѣхъ вопляхъ дикой радости, которые издали при появленіи ея всѣ враги ваши, и не-литературные — Чичиковы, Ноздревы, Городничіе... и литературные, которыхъ имена хорошо вамъ извѣстны.» Онъ успокоиваетъ Гоголя, что «щелчки» неспособны были бы возбудить въ немъ это негодованіе, хотя и «щелчки» своимъ же почитателямъ и друзьямъ за ихъ привязанность—дѣло не совсѣмъ христіанское и смиренное. Онъ объясняетъ Гоголю, что главный источникъ негодованія противъ «Переписки» и ея автора — само содержаніе книги: въ то время, какъ лучшіе люди общества начинаютъ сознавать недостатки и несправедливости существующихъ порядковъ, когда они всѣми силами души стремятся къ улучшенію общественныхъ отношеній, къ уничтоженію крѣпостного права, тѣлесныхъ наказаній и пр., и пр., — въ это время великій писатель — «является съ книгою, въ которой во имя Христа и церкви учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ болѣе денегъ, учитъ ихъ ругать побольше... И это не должно было привести меня въ негодованіе?... Да еслибы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки...» Бѣлинскій объясняетъ, какъ опасно довольствоваться наблюденіями надъ русской жизнью изъ «прекраснаго далека», изъ котораго можно видѣть предметы какими угодно. Въ концѣ письма онъ еще разъ объясняетъ Гоголю, что споръ между ними вовсе не личный споръ оскорбляемыхъ самолюбій. «Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей личности, но о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но даже и васъ; тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о русскомъ обществѣ, о Россіи. И вотъ мое послѣднее заключительное слово: если вы имѣли несчастіе съ гордымъ смиреніемъ отречься отъ вашихъ истинно великихъ произведеній, то теперь вамъ должно съ искрен-

Digitized by Google

нимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги, и тяжкій грѣхъ ея изданія въ свѣтъ искупить новыми твореніями, которыя бы напомнили ваши прежнія [1]).»

Отвѣтъ Гоголя на это письмо свидѣтельствуетъ о сильномъ душевномъ упадкѣ. «Я не могъ отвѣчать на ваше письмо, говоритъ онъ. Душа моя изнемогла, все во мнѣ потрясено; могу сказать, что не осталось чувствительныхъ струнъ, которымъ не было бы нанесено пораженіе, еще прежде, нежели я получилъ ваше письмо. Письмо ваше я прочелъ почти безчувственно, но тѣмъ не менѣе былъ не въ силахъ отвѣчать на него. Да и что мнѣ отвѣчать? Богъ вѣсть, можетъ быть въ вашихъ словахъ есть часть правды»... Онъ высказываетъ свои недоумѣнія: онъ получилъ уже около пятидесяти писемъ о своей книгѣ, и нѣтъ двухъ человѣкъ, мнѣнія которыхъ были бы согласны, а между тѣмъ на всякой сторонѣ есть люди благородные и умные. Онъ убѣждается только, что не знаетъ Россіи, что многое въ ней измѣнилось и что ему нельзя издать двухъ строкъ о Россіи — «до тѣхъ поръ покуда пріѣхавши въ Россію не увижу многаго собственными глазами и не пощупаю собственными руками». Онъ не уступаетъ однако всей правды своему противнику, думаетъ, что и онъ можетъ быть о многомъ въ заблужденіи, и пр.

Письмо Бѣлинскаго, очевидно, произвело на Гоголя очень сильное впечатлѣніе. Кромѣ приведеннаго письма, которое было получено Бѣлинскимъ, былъ еще другой отвѣтъ Гоголя, гораздо болѣе обширный, но, кажется, оставшійся непосланнымъ. Въ бумагахъ Гоголя нашлось послѣ его смерти письмо, изорванное въ мелкіе клочки, изъ которыхъ многіе были потеряны, такъ что біографъ и издатель Гоголя, П. А. Кулишъ, только съ трудомъ могъ составить изъ нихъ отрывочное изложеніе [2]). Это и есть отвѣтъ Бѣлинскому, гдѣ Гоголь старался по всѣмъ пунктамъ опровергнуть обвиненіе и оправдать свою книгу и свой образъ

---

[1]) Бѣлинскій двумя словами упомянулъ въ своемъ письмѣ и о защитѣ „Выбранныхъ Мѣстъ“ въ „Спб. Вѣдомостяхъ“. Къ автору этой защиты онъ уже издавна не былъ расположенъ. См. соч. Бѣл, т. II, стр. 272 (статья о „Современникѣ“, 1836 г.).

[2]) Это письмо напечатано г. Кулишомъ въ „Запискахъ о жизни Гогола“, II, 108—113, и въ «Сочин. и Письмахъ Гоголя», т. VI, стр. 379 — 387. Но г. Кулишъ ошибается, повидимому, полагая, что именно объ этихъ „оправдательныхъ статьяхъ“ идетъ рѣчь въ письмѣ Гоголя отъ 10 іюня 1847 къ Плетневу. Письмо Бѣлинскаго, сколько мы знаемъ, помѣчено 15-го іюля 1847 г.; стало-быть, объ «оправдательныхъ статьяхъ» не могло еще идти рѣчи. Въ письмѣ къ Плетневу подразумѣвается, вѣроятно, „Авторская Исповѣдь“, потому что въ ней именно Гоголь хотѣлъ изложить „повѣсть своего писательства“. А „оправдательныя статьи“ вовсе не заключаетъ этой повѣсти, и все содержаніе ихъ—отвѣты и возраженія на письмо Бѣлинскаго.

Digitized by Google

мыслей, и гдѣ относится къ Бѣлинскому гораздо суровѣе и рѣзче, нежели въ посланномъ письмѣ.

До сихъ поръ остается неизвѣстно, который изъ двухъ отвѣтовъ написанъ раньше: писалъ-ли Гоголь свой длинный отвѣтъ тогда, когда успѣлъ оправиться отъ первыхъ тяжелыхъ впечатлѣній, произведенныхъ письмомъ Бѣлинскаго, и уже тогда собралъ всѣ свои аргументы, чтобы отвергнуть обвиненія, слишкомъ его затронувшія; или же, какъ думаютъ другіе, онъ началъ-было длиннымъ обличеніемъ Бѣлинскаго, но не въ силахъ былъ довести его до конца, бросилъ его, и въ сознаніи своей безпомощности послалъ ему ту короткую записку, о которой мы сейчасъ говорили. Но такъ или иначе, въ своемъ длинномъ отвѣтѣ Гоголь говоритъ другимъ тономъ, и самъ выступаетъ обвинителемъ противной стороны. Отвѣчая Бѣлинскому, Гоголь долженъ былъ въ первый и чуть ли не единственный разъ говорить о томъ рядѣ вопросовъ, которые занимали тогда людей другихъ мнѣній и которые были ему выставлены Бѣлинскимъ. Поэтому, отвѣтъ Гоголя сталъ изложеніемъ его понятій о русской общественной жизни, объ ея тогдашнемъ положеніи и требованіяхъ.

Это и были его обычныя мнѣнія, какія могли образоваться въ средѣ его круга. Гоголь старается быть доказательнымъ, дѣлаетъ иногда возраженія, отчасти справедливыя; но въ цѣломъ аргументація его далеко не убѣдительна, и несмотря на рѣзкія фразы, которыя онъ еще употребляетъ, диктаторскій тонъ «Переписки» очевидно подорванъ.

«Съ чего начать мой отвѣтъ на ваше письмо, если не съ вашихъ же словъ: «опомнитесь, вы стоите на краю бездны!» Какъ далеко вы сбились съ прямого пути! въ какомъ вывороченномъ видѣ стали передъ вами вещи! въ какомъ грубомъ, невѣжественномъ смыслѣ приняли вы мою книгу!» и пр.,—такъ начинаетъ Гоголь свое обличеніе. На эту первую фразу Бѣлинскій справедливо могъ бы сказать, что самая книга его была такова, что ея смыслъ дѣйствительно могъ выходить невѣжественнымъ. Гоголь сожалѣетъ потомъ, что Бѣлинскій вдался въ «этотъ омутъ политической жизни», оставивъ свое прекрасное дѣло — «показывать читателямъ красоты въ твореньяхъ нашихъ писателей, возвышать ихъ душу до пониманья всего прекраснаго... и такимъ образомъ невидимо дѣйствовать на ихъ души». Самъ Гоголь до того удалился отъ интересовъ общественной жизни, что дѣятельность Бѣлинскаго кажется ему политическимъ омутомъ! Онъ не думаетъ о томъ, что творенья писателей получаютъ свой интересъ только въ связи съ жизнью, и съ этимъ «омутомъ»; онъ забываетъ, что его

Digitized by Google

собственныя произведенія имѣли великій смыслъ именно тѣмъ, что рисовали эту дѣйствительную, неподкрашенную жизнь, и повторяетъ эстетическую теорію своихъ друзей, которые говорили, что поэзія—«даръ неба», не имѣющая отношенія къ земнымъ предметамъ и къ пошлой дѣйствительности. «Дорога эта (показываньe красотъ) привела бы васъ къ примиренію съ жизнью, дорога эта заставила бы васъ благословлять все въ природѣ». Но Гоголь самъ испыталъ, что поэзія не есть одно эпикурейское наслажденіе, что въ ней могутъ высказываться самая тяжелая скорбь и личная и общественная...

Онъ отвѣчаетъ потомъ на слова Бѣлинскаго о томъ, что нашему обществу нужна цивилизація. «Вы говорите, что спасенье Россіи въ европейской цивилизаціи; но какое это безпредѣльное и безграничное слово! Хоть бы вы опредѣлили, что такое нужно разумѣть подъ именемъ европейской цивилизаціи! Тутъ и фаланстьеры (?), и красные, и всякіе (?), и всѣ другъ друга готовы съѣсть, и всѣ носятъ такія разрушающія, такія уничтожающія начала, что трепещетъ въ Европѣ всякая мыслящая голова и спрашиваетъ невольно: гдѣ наша цивилизація? Пустой призракъ явился въ видѣ этой цивилизаціи»... На это можно было бы развѣ только подивиться, что Гоголь, проживши такъ долго въ Европѣ, ухитрился не увидѣть европейской цивилизаціи, и дожидался, «хоть бы ему опредѣлили ее». Ясно, что объ этихъ «фаланстьерахъ», «красныхъ» и «всякихъ» онъ имѣлъ очень смутныя представленія, и что вообще его представленія объ европейской жизни были также смутны...

Гоголь справедливо возражалъ на рѣзкое черезъ мѣру заключеніе Бѣлинскаго о степени религіозности русскаго народа. Справедливо могъ онъ заявлять объ отсутствіи постороннихъ видовъ при изданіи его книги, объ одномъ желаніи опредѣлить свои собственные взгляды и узнать характеръ русскаго общества, хотя самъ онъ соглашается, что книга «была издана въ торопливой поспѣшности», что онъ «попалъ въ излишества». Но странно читать его упреки Бѣлинскому, что тотъ «получилъ легкое журнальное образованіе», что «не кончилъ даже университетскаго курса»,—потому что его собственное образованіе было конечно еще легче; или упреки, что нельзя судить о русскомъ народѣ тому, кто «прожилъ вѣкъ въ Петербургѣ»,—какъ будто судить о немъ слѣдовало тому, кто прожилъ вѣкъ въ Римѣ. На слова Бѣлинскаго о необходимости уничтоженія крѣпостного права, Гоголь говоритъ, будто слова Бѣлинскаго о помѣщикѣ отзываются временами Фонвизина: «съ тѣхъ поръ много, много измѣнилось въ Россіи, и

Digitized by Google

теперь показалось многое другое». Очевидно, этотъ вопросъ не существовалъ для Гоголя.

«Многіе—продолжаетъ онъ—видя, что *общество* идетъ дурной дорогой, что порядокъ дѣлъ безпрестанно запутывается, думаютъ, что преобразованьями и реформами, обращеньемъ на такой и на другой ладъ можно поправить міръ... Мечты!» Общество, продолжаетъ Гоголь, слагается изъ единицъ; пусть каждая единица исполняетъ свой долгъ, пусть вспомнитъ человѣкъ о своемъ *небесномъ гражданствѣ*, и покуда каждый не будетъ сколько-нибудь жить жизнью небеснаго гражданства, до тѣхъ поръ не исправится и земное гражданство. Если мы всѣ будемъ исполнять свои обязанности, все пойдетъ хорошо: «владѣльцы разъѣдутся по помѣстьямъ; чиновники увидятъ, что не нужно жить богато (!), перестанутъ брать взятки; а честолюбецъ, увидя, что важныя мѣста не награждаютъ ни деньгами, ни богатымъ жалованьемъ...» (въ рукописи недостаетъ нѣсколькихъ словъ) вѣроятно сдѣлается образцомъ добродѣтели... Очевидно, между прочимъ, что по мнѣнію Гоголя, одно предположеніе, что «владѣльцы разъѣдутся по помѣстьямъ», совершенно разрѣшаетъ крестьянскій вопросъ.

Въ письмѣ, какъ мы сказали, видно раздраженіе противъ Бѣлинскаго и желаніе, въ защитѣ своихъ мнѣній, обвинить самого Бѣлинскаго въ нелѣпыхъ мнѣніяхъ и въ несправедливости къ Гоголю. Но по собственнымъ словамъ Гоголя, онъ самъ «напалъ и нападаетъ» на свою книгу, — странно было послѣ того удивляться, что на нее нападалъ Бѣлинскій. Партизаны Гоголя и въ то время (какъ напр. авторъ статьи «Спб. Вѣдомостей»), и впослѣдствіи винили его противниковъ за нетерпимость, за грубое обращеніе съ тѣмъ, что́ было, хотя и не вполнѣ правымъ, но искреннимъ и глубокимъ убѣжденіемъ Гоголя, стоившимъ ему сильныхъ душевныхъ страданій. На всѣ эти обвиненія можно привести слова, сказанныя по другому поводу однимъ изъ друзей Бѣлинскаго. «Безпощадная потребность разбудить человѣка является только тогда, когда онъ облекаетъ свое безуміе въ полемическую форму, или когда близость съ нимъ такъ велика, что всякій диссонансъ раздираетъ сердце и не даетъ покоя» [1]). Таково именно было отношеніе Бѣлинскаго къ Гоголю въ этомъ случаѣ. Защитники Гоголя совсѣмъ забываютъ о характерѣ самой книги, вызывавшей нападенія. Высокомѣрный тонъ Гоголя при-

---

[1]) Эти слова сказаны Герценомъ по поводу мистицизма И. В. Кирѣевскаго; первый говоритъ, что у него не доставало духу спорить противъ этого мистицизма, и затѣмъ дѣлаетъ приведенное замѣчаніе.

Digitized by Google

давалъ невыносимо рѣзкое удареніе его мнѣніямъ; его самодовольство надо было принимать за самодовольство цѣлой системы, и это именно вызывало столь же суровый отпоръ. Не надо далѣе забывать, что Гоголь во всеуслышаніе и съ этимъ высокомѣріемъ проповѣдывалъ и такія вещи, противъ которыхъ было немыслимо спорить въ литературѣ. Наконецъ, эти проповѣди исходили отъ писателя, сильно возбудившаго общественную мысль своими прежними произведеніями, и употреблявшаго при этомъ тотъ авторитетъ, какой доставили ему эти произведенія, имъ теперь отвергаемыя и осуждаемыя.

Изъ всего содержанія мнѣній Гоголя, высказанныхъ имъ и въ книгѣ и въ частной перепискѣ, очевидно, что это были мнѣнія, отличавшія систему оффиціальной народности. Соединеніе такихъ мнѣній въ одномъ лицѣ, съ высокимъ поэтическимъ талантомъ, создавшимъ нѣкогда «Мертвыя Души» и «Ревизора», производило и этотъ разрывъ Гоголя съ его школой и почитателями, и мучительную нравственную борьбу, совершавшуюся въ самомъ Гоголѣ. Чѣмъ же кончилась эта борьба?

Относительно принциповъ этотъ споръ давно рѣшился. Черезъ два-три года по смерти Гоголя, для общества наступилъ новый періодъ, когда несостоятельность системы, которую онъ защищалъ съ такимъ увлеченіемъ, бросалась въ глаза. Но въ ту пору личная борьба Гоголя осталась неконченной, неразрѣшенной.

Гоголь до самаго конца остался въ противорѣчіи между своими теоретическими понятіями и внушеніями его поэтической природы. Всѣ послѣдніе годы жизни онъ работалъ надъ вторымъ томомъ «Мертвыхъ Душъ», но не удовлетворялся, и истреблялъ написанное. Изданные потомъ отрывки сохранились только случайнымъ образомъ. Передъ смертью онъ совершилъ еще одно сожженіе—послѣдній актъ его борьбы. Есть однако возможность угадывать отчасти, въ какомъ направленіи шли его мысли.

Во время изданія «Переписки» у его почитателей возникло опасеніе, почти увѣренность, что талантъ Гоголя погибъ невозвратно. Не только почитатели его въ смыслѣ Бѣлинскаго, но и кружокъ Аксаковыхъ [1]) испугались за Гоголя. Эти сомнѣнія дошли до Гоголя, и въ его письмахъ, 1847 года, нѣсколько разъ повторяются увѣренія, что онъ не измѣнялъ своему прежнему направленію (онъ уже начиналъ понимать дѣйствительную стран-

---

[1]) Изд. Кулиша, VI, 420 и др.

Digitized by Google

ность своей книги и возможность опасеній). Въ январѣ 1847 г. онъ говоритъ С. Т. Аксакову, который былъ въ числѣ людей, очень смущенныхъ появленіемъ «Переписки» и не скрывалъ этого отъ Гоголя: «Въ письмѣ вашемъ замѣтно большое безпокойство обо мнѣ... Вновь повторяю вамъ еще разъ, что вы въ заблужденіи, подозрѣвая во мнѣ какое-то новое направленіе. Отъ ранней юности у меня была *одна дорога*, по которой иду. Я былъ только скрытенъ, потому что былъ неглупъ,—вотъ и все». Какъ бы онъ ни объяснялъ теперь эту *одну* дорогу, это уже не было похоже на категорическое отреченіе отъ прежнихъ трудовъ въ «Перепискѣ». Относительно книги, Гоголь уже сознается въ излишней поспѣшности, но ссылается также и на «неблагоразумныя *подталкиванья* со стороны друзей» — что, вѣроятно, совершенно справедливо.

Въ письмѣ къ Шевыреву, въ мартѣ 1847 года, онъ, между прочимъ, увѣряетъ его: «Покуда не заговоритъ общество о тѣхъ предметахъ, о которыхъ говорится въ моей книгѣ, мнѣ физически невозможно двинуть свою работу». Такъ онъ объясняетъ книгу теперь, и въ это время ему, вѣроятно, въ самомъ дѣлѣ хотѣлось узнать состояніе общества, въ которое прежде онъ мало вникалъ и которое, во время жизни за границей, еще больше для него затемнялось. Гоголь не зналъ, что общество, т.-е. литература, уже высказывались объ этихъ предметахъ, сколько могли, и онъ могъ бы понять высказанное, еслибъ потрудился. Въ это же время пишетъ онъ другому корреспонденту: «.... Такъ какъ вы питаете искренно доброе участіе ко мнѣ и къ сочиненіямъ моимъ, то считаю долгомъ извѣстить васъ, что я отнюдь *не перемѣнялъ направленія* моего. Трудъ у меня все одинъ и тотъ же, все тѣ же «Мертвыя Души», и одна изъ причинъ появленія нынѣшней моей книги была — *возбудить* ею тѣ *разговоры и толки* въ обществѣ, вслѣдствіе которыхъ непремѣнно должны были высказаться многія мнѣ незнакомыя стороны современнаго русскаго человѣка»... Это—тѣ же слова, какъ въ предъидущемъ письмѣ. Гоголь, очевидно, придумываетъ post facto оправданіе для своей книги, забывая, что въ книгѣ онъ не вызывалъ толки и разговоры, а напротивъ, диктаторски рѣшалъ и проповѣдовалъ. Онъ косвенно сознавался, что слишкомъ поспѣшно произносилъ свои приговоры о «незнакомыхъ сторонахъ русскаго человѣка».

Въ апрѣлѣ 1847 года онъ пишетъ опять къ Шевыреву: «Слово о моемъ отреченіи отъ искусства. Я не могу понять, отчего поселилась эта *нелѣпая мысль* объ отреченіи моемъ отъ своего та-

Digitized by Google

ланта и отъ искусства [1]), тогда какъ изъ моей же книги можно бы, кажется, увидѣть было... какія страданія я долженъ былъ выносить изъ любви къ искусству»... Онъ говоритъ, что сталъ только «строже» къ своему искусству; это слово, конечно, слишкомъ неопредѣленно, и если эта «строгость» была причиной осужденія прежнихъ произведеній, то она именно и должна была поселить «нелѣпую мысль»; но дальнѣйшія, уже не преднамѣренныя слова письма убѣждаютъ, что Гоголь еще сохранялъ прежнія свойства своего взгляда. Объясняя, какъ выше, необходимость изданія своей книги, чтобы заставить русское общество высказаться, онъ говоритъ: «Одно средство—выпустить заносчивую, задирающую книгу, которая заставила бы встрепенуться всѣхъ. Повѣрь, что русскаго человѣка, покуда не разсердишь, не заставишь заговорить. Онъ все будетъ лежать на боку и требовать, чтобы авторъ попотчивалъ его чѣмъ-нибудь *примиряющимъ съ жизнью* (какъ говорится). Бездѣлица! какъ будто можно *выдумать* это примиряющее съ жизнью. Повѣрь, что какое ни выпусти художественное произведеніе, оно не возъимѣетъ теперь вліянія, если нѣтъ въ немъ именно тѣхъ вопросовъ, около которыхъ ворочается нынѣшнее общество»... Это было совершенно справедливо.

Въ это же время Гоголь пишетъ къ Щепкину съ обыкновенными назойливыми заботами о томъ, чтобы «Ревизоръ» исполнялся какъ можно лучше, пишетъ подробныя наставленія и пр. [2]).

Нѣсколько позднѣе, въ августѣ 1847 года, Гоголь пишетъ опять о своемъ направленіи и къ С. Т. Аксакову, съ которымъ онъ уже не могъ говорить, какъ съ другими, съ точки зрѣнія «Переписки». «Да,—говоритъ онъ,—книга моя нанесла мнѣ пораженье: но на это была воля Божія... Я получилъ много писемъ очень значительныхъ, гораздо значительнѣе всѣхъ печатныхъ критикъ. Несмотря на все различіе взглядовъ, въ каждомъ изъ нихъ, также какъ и въ вашемъ, есть своя справедливая сторона... Къ чему вы также повторяете *нелѣпости*, которыя вывели изъ моей книги *недальнозоркіе*, что я отказываюсь въ ней отъ званія писателя, перемѣняю призваніе свое, направленіе и тому подобные пустяки? Книга моя есть законный и правильный ходъ моего образованія внутренняго... Опрометчивая, а по вашему *несчастная*, книга вышла въ свѣтъ. Она меня покрыла позоромъ, по словамъ вашимъ. Она мнѣ точно позоръ, но благодарю Бога за

---

[1]) Гоголь, повидимому, въ самомъ дѣлѣ не понималъ того, что́, однако, было слишкомъ ясно сказано въ „Перепискѣ“.

[2]) Изд. Кулиша, VI, стр. 324, 325, 353, 362, 375.

Digitized by Google

этотъ позоръ»: онъ не увидѣлъ бы безъ нея ни своего самоослѣпленія, не объяснилось бы многое, что́ ему нужно было знать для «Мертвыхъ Душъ»...

Перечитывая все это нельзя не видѣть, что послѣдствія «Переписки» были неожиданны и тяжелы для Гоголя. Эта книга была для него пробнымъ камнемъ, и то, что́ пришлось ему услышать по ея поводу, произвело въ немъ сильное нравственное потрясеніе. Онъ продолжаетъ свою религіозную заботливость о «душевномъ дѣлѣ», но въ его мнѣніяхъ произошла несомнѣнно большая путаница. Съ первыхъ голосовъ, услышанныхъ имъ по поводу книги, онъ понялъ, что надѣлано много ошибокъ, что его высокомѣрный тонъ не оправдывается ничѣмъ и становится просто неприличенъ и страненъ. Онъ съ первыхъ словъ отказывается отъ этого высокомѣрія, даже въ выраженіяхъ, черезъ мѣру унизительныхъ, но старается спасти свои главныя идеи и оправдать внутреннія побужденія. Самое рѣзкое изъ этихъ оправданій—то, которое предназначалось быть отвѣтомъ Бѣлинскому: очень вѣроятно, что письмо Бѣлинскаго подѣйствовало на него всего сильнѣе. Особенно тяжелы были ему опасенія, что онъ потерянъ для искусства; онъ нѣсколько разъ принимается увѣрять своихъ друзей, что это несправедливо. Эти увѣренія могли быть двусмысленны, когда онъ обращался къ Шевыреву и другимъ подобнымъ друзьямъ, восхищавшимся «Перепиской», но когда онъ увѣрялъ въ этомъ С. Т. Аксакова, очевидно, онъ могъ говорить о своей вѣрности именно и только тому направленію, которое Аксаковъ одобрялъ. Съ первыхъ отзывовъ онъ понялъ, что общественный вопросъ рѣшается не такъ легко, какъ ему казалось, и онъ уже находитъ нужнымъ, чтобы «мастера ремесла» объясняли публикѣ «государственные» вопросы. Но эти письма 1847 года обнаруживаютъ нетвердость теоретическихъ представленій, о которыхъ пришлось теперь говорить Гоголю. Онъ столько услышалъ вещей, ему незнакомыхъ, что не могъ овладѣть ими, и колеблется между разными настроеніями и мыслями: то ему кажется, что онъ хотѣлъ и долженъ былъ внести «примиреніе»; то онъ самъ видитъ, что «примиряющаго» не выдумаешь, когда его нѣтъ въ жизни; то онъ обрушивается на своихъ обвинителей; то жалуется на подталкиванья друзей; то коритъ самого себя и защищается только тѣмъ (слишкомъ сильнымъ, но въ сущности неубѣдительнымъ) аргументомъ, что «всѣ люди могутъ ошибаться»; то, наконецъ, падаетъ духомъ и въ безвыходномъ состояніи своей мысли пишетъ только: «душа моя изнемогла; все во мнѣ потрясено!»

Digitized by Google

Гоголь былъ дѣйствительно въ безпомощномъ состояніи. Въ немъ боролись два теченія самой жизни, два общественныя направленія: одному онъ принадлежалъ всѣми побужденіями своего таланта; къ другому влекли его теоретическія соображенія, какимъ онъ могъ научиться въ своемъ кругу, къ которымъ велъ его возраставшій мистицизмъ, а также вѣроятно и личные разсчеты. Онъ самъ безъ сомнѣнія былъ серьезнѣе всѣхъ своихъ друзей пушкинскаго круга, и какъ бы ни мало возбуждали сочувствія тѣ мысли, къ какимъ онъ приходилъ въ это время, онъ безъ сомнѣнія выдерживалъ изъ-за нихъ тяжелую внутреннюю борьбу. Никому изъ его друзей не приходилось переживать страшныхъ недоумѣній, какія заставляли его истреблять свой многолѣтній трудъ; не разумѣя истинныхъ основъ его таланта, они только, «подталкивали» его въ томъ направленіи, въ которомъ онъ пришелъ къ своей, по истинѣ «несчастной» книгѣ.

«Переписка» наглядно разъясняетъ ту странную область, въ которой блуждали мысли Гоголя въ послѣднемъ періодѣ его жизни. Трудно опредѣлять годами, когда въ немъ является та или другая мысль. Мы уже замѣчали, что, собственно говоря, его послѣднее направленіе весьма естественно вытекало изъ его прежняго содержанія, что зерно его странныхъ заблужденій лежало въ его давнишнихъ понятіяхъ; его ошибка была въ томъ, что онъ не переработалъ ихъ тѣми средствами, которыя были для него возможны— болѣе серьезнымъ образованіемъ и болѣе близкимъ изученіемъ наростающихъ нравственныхъ потребностей общества. Увлеченный успѣхомъ, избалованный и приводимый въ заблужденіе друзьями, онъ вообразилъ, что можетъ рѣшать вопросы,—которые вовсе ему не были по силамъ, и бросается въ дешевый дидактизмъ; друзья— «подталкивали».

Въ сороковыхъ годахъ въ немъ больше и больше развивается мистицизмъ. Это была старая черта его мыслей и характера, и мы видѣли, что она довольно ясно высказывается еще въ письмахъ 1836 года. *До изданія* перваго тома «Мертвыхъ Душъ» мистицизмъ уже развился въ Гоголѣ самымъ очевиднымъ образомъ. Онъ видитъ въ своей личной судьбѣ непосредственную волю и вмѣшательство Провидѣнія; вслѣдствіе того, приписываетъ себѣ сверхъестественныя силы; вслѣдствіе того видитъ въ своемъ трудѣ настоящее откровеніе [1]). Мистицизмъ не былъ, такимъ образомъ,

[1]) Вотъ нѣсколько образчиковъ этого мистицизма и его мнѣній о продолженіи „Мертвыхъ Душъ“, до изданія перваго тома и послѣ.

1840, декабрь, въ письмѣ С. Т. Аксакову: „Много *чуднаго* совершилось въ моихъ мысляхъ и жизни... Дальнѣйшее продолженіе (М. Душъ) выясняется въ головѣ

Digitized by Google

причиной перемѣны Гоголемъ своего направленія, какъ иногда думали; мистицизмъ дѣйствовалъ на общественныя мнѣнія Гоголя только косвеннымъ, второстепеннымъ образомъ. Онъ сообщилъ Гоголю то высокомѣрное представленіе о себѣ, какъ избранномъ орудіи Провидѣнія, — которое придало его мнѣніямъ такую вопіющую рѣзкость и нетерпимость; кромѣ того, ставя на первомъ планѣ «небесное гражданство», мистицизмъ дѣлалъ Гоголя еще менѣе понятливымъ къ настоящему, земному гражданству, и слѣ-

---

моей чище, величественнѣе, и теперь я вижу, что, можетъ быть, со временемъ выйдетъ *кое-что колоссальное*" (Кул. V, 426).

1841, мартъ, къ нему же: «Да, другъ мой, я глубоко счастливъ. Несмотря на мое болѣзненное состояніе... я слышу и знаю дивныя минуты. Созданіе *чудное* творится и совершается въ душѣ моей... Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка; никогда *не выдумать ему такого сюжета* (!)», и пр. (Кул., V, 436).

1841, августъ, къ А. С. Данилевскому: «...О, вѣрь словамъ моимъ! *Властью высшею* облечено отнынѣ мое слово. *Все* можетъ разочаровать, обмануть, измѣнить тебѣ, но не измѣнитъ мое слово». (Кул., V, 447).

1842, февраль, къ Н. М. Языкову: „...Чувствую съ каждымъ днемъ и часомъ, что нѣтъ выше удѣла на свѣтѣ, какъ званіе монаха... Здоровье мое сдѣлалось значительно хуже». (Кул., V, 459).

1842, апрѣль, къ Н. Д. Бѣлозерскому: «...Я теперь больше гожусь для монастыря, чѣмъ для жизни свѣтской». (Кул. V, 468).

1843, ноябрь, въ письмѣ къ Языкову, уже полное господство мистицизма. Гоголь даетъ ему наставленіе о молитвѣ, которой подчиняется все поэтическое творчество. Это цѣлый длинный трактатъ: „...Вотъ какія произойдутъ чудеса. Въ первый день еще ни ядра мысли нѣтъ въ головѣ твоей (!!); ты просишь просто о вдохновеніи. На другой или на третій день ты будешь говорить не просто: «Дай произвести мнѣ», но уже: «Дай произвести мнѣ въ такомъ-то духѣ». Потомъ, на четвертый или пятый: «съ такою-то силой». Потомъ окажутся въ душѣ вопросы: какое впечатлѣніе могутъ произвести задумываемыя творенія и къ чему могутъ послужить? И за вопросами въ ту же минуту (!) послѣдуютъ отвѣты, которые будутъ *прямо отъ Бога* (!)», и проч. (Кул. VI, 32).

1844, февраль, къ Шевыреву, о мистическомъ искусствѣ «уходить въ себя»,— которому Гоголь уже научился (Кул. VI, 44), и т. д.

1844, декабрь, къ г-жѣ Смирновой, о своихъ прежнихъ сочиненіяхъ: «они всѣ писаны давно, во времена глупой молодости» и пр. (Кул. VI, 147. Записки о жизни Гоголя, II 43).

1845, іюль, къ ней же: «Я не люблю моихъ сочиненій, доселѣ бывшихъ и напечатанныхъ, особенно Мерт. Душъ... Вовсе не губернія и не нѣсколько уродливыхъ помѣщиковъ, и не то, что имъ приписываютъ, есть предметъ М. Душъ. Это покамѣсть еще *тайна*, которая должна была вдругъ, *къ изумленію всѣхъ*, раскрыться въ послѣдующихъ томахъ», и пр. (Кул. VI, 204).

1846, май, къ Языкову, по поводу нѣмецкаго перевода Мертв. Душъ: «Дай только Богъ силы отработать и выпустить второй томъ. Узнаютъ они (нѣмцы) тогда, что у насъ есть много того, о чемъ они никогда не догадывались и чего мы сами не хотимъ знать». (Кул. VI, 249).

Digitized by Google

довательно тѣмъ болѣе воспріимчивымъ ко всякимъ консервативнымъ толкамъ.

Рядомъ съ мистицизмомъ, но независимо отъ него является у Гоголя другой рядъ мыслей, который главнымъ образомъ и привелъ странныя мнѣнія, принятыя за «переломъ», за перемѣну направленія. Увлеченный успѣхомъ «Мертвыхъ Душъ», Гоголь сталъ думать, что ему необходимо выяснить свои нравственныя и общественныя основанія. Онъ увидѣлъ себя во главѣ литературы: за исключеніемъ немногихъ старыхъ враговъ, литературныя партіи соединялись въ общемъ удивленіи предъ его произведеніями, и онъ сталъ думать, что ему слѣдуетъ достойнымъ образомъ поддержать это положеніе. «Мертвыя Души» стали представляться ему ему въ перспективѣ, какъ цѣлый кодексъ морали, который онъ дастъ отъ себя обществу въ поученіе и руководство. Въ началѣ, это могло быть и вѣроятно было совершенно наивное и добросовѣстное желаніе,—въ которомъ Гоголь забылъ только одно: необходимость свободы для его таланта, невозможность для него никакихъ постороннихъ вмѣшательствъ, соображеній и стѣсненій. Мистическое настроеніе укрѣпило его въ убѣжденіи, что онъ—призванный учитель общества. Впослѣдствіи, эти постороннія соображенія—дидактическая цѣль, поставленная имъ для своего труда — и извратили все его дѣло. Вмѣсто чисто-поэтическаго труда, у него началась работа теоретическая, которая была ему совершенно непосильна. Эта работа направилась на двоякаго рода предметы: на общія разсужденія о человѣческой природѣ, и на особенныя свойства и потребности русскаго общества.

Его моральный кодексъ долженъ былъ обнять всѣ стороны русскаго человѣка, и хорошія и дурныя (пріятели уже замѣчали ему, что онъ слишкомъ исключительно говоритъ о послѣднихъ); Гоголь рѣшилъ, что ему нужно опредѣлить высокое и низкое въ нашей природѣ, наши недостатки и достоинства; а чтобы опредѣлить природу русскаго человѣка, слѣдуетъ узнать природу и душу человѣка вообще.

«Съ этихъ поръ,—говоритъ онъ,—человѣкъ и душа человѣка сдѣлались больше, чѣмъ когда-либо, предметомъ моихъ наблюденій. Я оставилъ на время все современное; я обратилъ вниманіе на узнанье тѣхъ *вѣчныхъ законовъ*, которыми движется человѣкъ и человѣчество вообще. Книги законодателей, душевѣдцевъ и наблюдателей за природой человѣка стали моимъ чтеніемъ. *Все* (?), гдѣ только выражалось познанье людей и души человѣка, отъ исповѣди свѣтскаго человѣка до исповѣди анахорета и пустынника, меня занимало, и на этой дорогѣ, нечувствительно, почти

Digitized by Google

самъ не вѣдая какъ, я пришелъ ко Христу, увидѣвши, что въ немъ ключъ къ душѣ человѣка... *Повѣркой разума* повѣрилъ я то, что́ другіе понимаютъ ясной вѣрой и чему я вѣрилъ дотолѣ какъ-то темно и неясно», и пр. [1]). Мы скажемъ дальше, насколько удовлетворительна могла быть «повѣрка разума»; довольно замѣтить теперь, что путемъ этой повѣрки, путемъ теоретическихъ разсужденій, Гоголь съ другой стороны подходилъ къ тому же мистицизму.

Второй предметъ, занявшій Гоголя, было собственно русское общество, его особенности, его настоящее и его потребности. Отношеніе Гоголя къ этому вопросу усложнялось различными обстоятельствами. Прежде мы упоминали, что Гоголь искони, съ семьи и лицея, воспитался въ наивномъ патріархальномъ консерватизмѣ, который потомъ еще усилился авторитетомъ его друзей въ пушкинскомъ кружкѣ: его общественная философія была готова уже въ эту пору. Его произведенія были по своей сущности, если не прямымъ протестомъ противъ господствовавшей рутины понятій, то сильнымъ возбужденіемъ общественной мысли противъ этой рутины; но этого не сознавали ясно ни Гоголь, ни сами его друзья. Только послѣ они увидѣли, что дѣйствіе произведеній Гоголя на публику выходитъ не совсѣмъ то, какого они ожидали; оно переходило мѣрку, которая имѣлась у нихъ для «изящной словесности». Самъ Гоголь, по всей вѣроятности, долженъ былъ чувствовать извѣстное внутреннее удовлетвореніе отъ обширнаго вліянія своихъ произведеній (выше упомянуто объ его секретныхъ свиданіяхъ съ Бѣлинскимъ), но едва ли могъ относиться искренно къ своимъ почитателямъ изъ новой литературной школы, и потомъ больше и больше долженъ былъ вторить своимъ ближайшимъ друзьямъ. Для этихъ друзей имя Бѣлинскаго было цѣлью самой искренней и самой полной ненависти; они должны были внушать свои взгляды и Гоголю и возстановлять его противъ его почитателей новаго направленія:— по крайней мѣрѣ Гоголь ясно говоритъ о «подталкиваньяхъ» друзей при изданіи имъ «Выбранныхъ Мѣстъ». Гоголю указывали, что его сочиненіямъ дается превратный смыслъ, что эти сочиненія, къ сожалѣнію, слишкомъ останавливаются на темныхъ отрицательныхъ сторонахъ русскаго общества, что́ и давало поводъ къ превратнымъ истолкованіямъ, и онъ еще разъ убѣждался, что ему не должно ограничиваться темными сторонами, а слѣ-

[1]) Изд. Кулиша, III, 505 („Авторская Исповѣдь"). Записки о жизни Гоголя, II, 168, принимаютъ эту „повѣрку разума" буквально...

Digitized by Google

дуетъ также изобразить лучшія, высшія свойства и достоинства русскаго человѣка...

Наконецъ, присоединяются щекотливыя отношенія къ властямъ. Выше упомянуто, какъ онъ съ самаго начала связалъ тѣсныя отношенія съ людьми извѣстнаго круга и полу-оффиціальнаго значенія; какъ онъ, ради своей литературной «службы», считалъ себя въ правѣ на прямыя пособія со стороны властей, и черезъ друзей своихъ добивался этихъ пособій довольно назойливо. Теперь понятіе о литературной «службѣ» развилось вполнѣ. Онъ «почувствовалъ, что на поприщѣ писателя можетъ также сослужить службу государственную»; обдумывая свое сочиненіе, чувствовалъ, что оно «можетъ дѣйствительно принести пользу», и чѣмъ дальше, тѣмъ больше видѣлъ, что ему «*не случайно* слѣдуетъ взять характеры, какіе попадутся», но должно выставить кромѣ низкихъ, и высшія свойства русской природы. «Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ начали говорить, что я смѣюсь не только надъ недостаткомъ, но даже цѣликомъ и надъ самымъ человѣкомъ, въ которомъ заключенъ недостатокъ, и не только надъ всѣмъ человѣкомъ, но и надъ мѣстомъ, надъ самою должностію, которую онъ занимаетъ *(чего никогда я даже не имѣлъ и въ мысляхъ)*, я увидалъ, что *нужно съ смѣхомъ быть очень осторожнымъ*» и пр. [1]). Въ самомъ дѣлѣ, литературный чиновникъ, литературное «значительное лицо», какимъ Гоголю должно было считать себя съ этой точки зрѣнія, не могло уже предаваться смѣху, которому бы вторила легкомысленная толпа, незнающая высшихъ соображеній: Гоголь думалъ размѣрять и раздавать, по заслугамъ, свой смѣхъ и свои одобренія, какъ наказаніе и награду — съ точки зрѣнія государственной пользы. Это было конечно заблужденіе, но оно было еще тѣмъ прискорбнѣе, что Гоголь безъ сомнѣнія руководился при этомъ и своими личными отношеніями къ властямъ. Онъ не былъ въ этихъ отношеніяхъ наивенъ [2]), и мы видѣли выше, какъ въ одной просьбѣ о деньгахъ онъ рекомендуетъ указать начальству именно *тѣ*, а не *другія* изъ своихъ сочиненій, слѣдовательно очень соображалъ, что *другія* могутъ быть начальству не совсѣмъ симпатичны. Заявляя свои *права* на пособія и милости, онъ понималъ, что на него за то ложатся извѣстныя *обязанности*, что онъ долженъ отплатить именно начальству за эти милости. И онъ принялся отплачивать [3]): отсюда — осторож-

---

[1]) „Авторская Исповѣдь", Кул. т. III, 503 — 504.

[2]) Повторимъ опять ссылку на характеристику, сдѣланную г. Анненковымъ.

[3]) Въ 1842, онъ пишетъ кн. Дондукову-Корсакову, что „ни въ какомъ случаѣ не

Digitized by Google

ное обращеніе со смѣхомъ, отсюда—изображеніе высшихъ, лучшихъ свойствъ русской природы, отсюда — тѣ идеально-добродѣтельныя, образцовыя лица, которыми онъ сталъ населять продолженіе «Мертвыхъ Душъ».

Въ такихъ направленіяхъ шли мысли Гоголя въ его послѣднемъ періодѣ. Этотъ періодъ начался гораздо раньше изданія перваго тома «Мертвыхъ Душъ», но на первомъ томѣ еще не успѣло отразиться вліяніе этихъ мыслей, — онѣ еще не успѣли до такой степени овладѣть имъ, и присутствіе этихъ мыслей можно замѣтить развѣ только въ такъ-называемыхъ «лирическихъ мѣстахъ». На второмъ томѣ ихъ вліяніе было очевидно...

Извѣстно, какимъ результатомъ оно отразилось на продолженіи «Мертвыхъ Душъ». Почитатели Гоголя не даромъ опасались гибели таланта. Постороннія соображенія совершенно спутали работу Гоголя, и тамъ, гдѣ выступала его тенденція, поэзія удалялась...

Художественный писатель можетъ конечно вводить этотъ теоретическій элементъ въ свою работу, можетъ сообщать ей обдуманную сознательную тенденцію, — но при этомъ необходимо, чтобы самая тенденція была его полнымъ искреннимъ убѣжденіемъ, чтобы она была вѣрна лучшимъ интересамъ жизни. Въ какомъ положеніи былъ Гоголь въ этомъ случаѣ; чѣмъ оправдывалась его тенденція; какія средства имѣлъ онъ, чтобы вѣрно понять положеніе общества и лучшіе интересы его, которымъ должно служить искусство?

Мы замѣтили, что теоретическая работа, имъ предпринятая, была ему непосильна. Въ самомъ дѣлѣ, предположивъ, что онъ не вмѣшивалъ сюда никакого грубаго матеріальнаго разсчета, — онъ былъ очень мало, даже вовсе не приготовленъ къ правиль-

---

позволилъ бы себѣ написать ничего противнаго правительству, уже и такъ меня глубоко облагодѣтельствовавшему".

Въ 1845, въ письмѣ къ гр. Уварову, онъ выражаетъ сожалѣніе, что хотя въ основаніи его труда легла добрая мысль, но она выражена не зрѣло и *не такъ бы слѣдовало:* „не даромъ большинство приписываетъ ему скорѣе *дурной* смыслъ, чѣмъ хорошій"; онъ соболѣзнуетъ, что „въ неоплатномъ долгу" — у правительства; надѣется на будущій трудъ, предметъ котораго „не чуждъ былъ и вашихъ собственныхъ (гр. Уварова) помышленій", утѣшается мыслью, что современемъ, когда трудъ будетъ конченъ, власть скажетъ о немъ: „этотъ человѣкъ умѣлъ быть благодарнымъ и зналъ, чѣмъ высказать мнѣ свою признательность".

Въ 1846, въ письмѣ къ г-жѣ Смирновой объясняетъ, почему не представлялся государю, который былъ тогда въ Римѣ: „Государь долженъ увидѣть меня тогда, когда я на своемъ скромномъ поприщѣ сослужу ему такую службу, какую совершаютъ другіе на государственныхъ поприщахъ". (Кул. V, 461, VI, 173, 233).

Digitized by Google

ному рѣшенію вопросовъ, въ зависимость отъ которыхъ онъ самъ поставилъ теперь свою работу. Онъ корилъ Бѣлинскаго недостаточностью образованія, но его собственное было еще недостаточнѣе. «Я началъ поздо свое воспитаніе, — говоритъ самъ Гоголь, — въ такіе годы, когда другой человѣкъ уже думаетъ, что онъ воспитанъ», и дѣйствительно, у него было запасено слишкомъ немного матеріала для правильныхъ сужденій объ общественной жизни, которую онъ хотѣлъ разъяснить соотечественникамъ; «силъ много, но умѣнья править этими силами мало» [1]). Въ «Авторской Исповѣди» онъ говоритъ: «...Надобно сказать, что я получилъ въ школѣ воспитаніе довольно плохое, а потому и не мудрено, что мысль объ ученьи пришла ко мнѣ въ зрѣломъ возрастѣ. Я началъ съ такихъ первоначальныхъ книгъ, что стыдился даже показывать и скрывалъ всѣ свои занятія» [2]). И справедливость этого признанія вполнѣ подтверждается указаніями его біографіи и сочиненій. Правда, онъ говоритъ (и его біографъ довѣрчиво повторяетъ его слова), что онъ изучалъ книги законодателей и душевѣдцевъ, но чтеніе подобныхъ книгъ безъ опредѣленной, т.-е. научной методы можетъ вести къ самымъ грубымъ заблужденіямъ, — а существованіе методы у Гоголя болѣе чѣмъ сомнительно, когда онъ читалъ законодателей и душевѣдцевъ рядомъ съ «первоначальными книгами». Въ сочиненіяхъ его вовсе не замѣтно результатовъ этого чтенія, и вся его философія ограничилась самымъ обыкновеннымъ піэтистическимъ консерватизмомъ, въ родѣ философіи Шевырева... Долгая жизнь въ Европѣ повидимому нисколько не познакомила его съ дѣйствительнымъ состояніемъ европейской образованности [3]), и напр. пониманіе итальянской жизни, въ которой ему нравилась живописная сторона консервативно-неподвижнаго быта, можетъ служить образчикомъ его взглядовъ — тамъ, гдѣ онъ еще пріобрѣлъ какое-нибудь знакомство съ жизнью. Другія страны были ему знакомы не болѣе, чѣмъ обыкновенному туристу; онъ по слухамъ, отъ своихъ же пріятелей, имѣлъ нѣкоторыя представленія о томъ, что́ тамъ творится, и эти представленія были крайне неясны; къ Германіи онъ питалъ чуть не ненависть [4]): не любя Германіи, онъ и не зналъ ея. Языками онъ владѣлъ и, вѣроятно, пользовался мало;

---

[1]) Въ письмѣ 1847, изд. Кул. VI, 392, 393.

[2]) Изд. Кулиша, III, 505. Ср. письмо къ Шевыреву, 1844, тамъ же VI, 121; и Записки о жизни Гоголя I, 23 — 24.

[3]) Ср. воспоминанія г. Анненкова, г. Арнольди и др.

[4]) См. напр. его отзывы еще въ болѣе свѣтлую пору, 1839—40 г., у Кул. V, 374, 408; и отъ 1844 г., VI, 136.

Digitized by Google

по-нѣмецки едва ли могъ читать. Европейская литература вѣроятно также мало ему была любопытна и извѣстна, какъ европейская жизнь; въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ онъ упоминаетъ о ней, видны только произвольныя ходячія фразы, не совсѣмъ правильно приложенныя [1]). Наконецъ, люди, расположенные судить о Гоголѣ благопріятно, утверждаютъ, что онъ, имѣя «претензію знать все лучше другихъ», собственно говоря имѣлъ очень неясныя представленія о самой русской жизни. «Онъ не зналъ нашего гражданскаго устройства, нашего судопроизводства, нашихъ чиновническихъ отношеній, даже нашего купеческаго быта»; «онъ не обращалъ вниманія на внѣшнее устройство Россіи, на всѣ малыя пружины, которыми двигается машина»; «Гоголь не желалъ научиться чему-нибудь отъ другихъ и не любилъ никакихъ противорѣчій—такъ поступалъ онъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось важныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ въ наукѣ, въ искусствѣ, или даже какомъ-нибудь новомъ изобрѣтеніи ума человѣческаго» и проч. [2]). По словамъ того же автора, Гоголь въ этихъ предметахъ былъ чистый самоучка, и какъ обыкновенно бываетъ, самоучка, не знавшій дѣла какъ слѣдуетъ, но самолюбивый и упрямый: онъ или отыскивалъ вещи давно извѣстныя, или впадалъ въ чистыя фантазіи и грубыя ошибки. Такъ, не говоря о множествѣ странныхъ притязаній и практическихъ совѣтовъ, какими преисполнена «Переписка», онъ даже въ предметахъ литературныхъ терялъ подъ ногами всякую почву. Довольно было бы указать въ «Выбранныхъ Мѣстахъ» пророчества объ «Одиссеѣ», которой онъ предвѣщалъ роль какого-то откровенія не только для общества, но даже для «народа» (!): такъ спутывались у него самыя простыя понятія о литературѣ,—если не было здѣсь слишкомъ грубой лести Жуковскому. Такъ онъ рѣшаетъ споры между европеистами и славянофилами, предпочитая тѣмъ и другимъ Шевырева, и пожалуй Вигеля [3]); такъ онъ находитъ, что у насъ совершенно возможна полная свобода мысли [4]), и т. д.

Всѣ эти и подобные недостатки въ теоретическомъ образованіи могли не вредить и не вредили Гоголю, пока онъ слѣдовалъ

---

[1]) Напр. когда онъ говоритъ въ „Перепискѣ", будто къ такимъ писателямъ, какъ Гёте, Шиллеръ, Бомарше, Лессингъ,—„даже не перешли и отголоски того, что бурлило и кипѣло у тогдашнихъ писателей-фанатиковъ (?), занимавшихся вопросами политическими" и проч. Кул. III, 381.

[2]) Воспоминанія Л. Арнольди, стр. 69—71.

[3]) См. «Выбранныя Мѣста», и также изд. Кулиша VI, 267, 408—409.

[4]) Въ письмѣ къ Языкову, Кул. VI, 449.

Digitized by Google

непосредственнымъ влеченіямъ своего таланта, но когда онъ поставилъ на первомъ планѣ именно свои теоретическія разсужденія, его паденіе было неминуемо. Онъ самъ, напротивъ, думалъ, что великое созданіе еще впереди, и что оно изумитъ всѣхъ своими неожиданными красотами и открытіями. Онъ такъ былъ убѣжденъ въ этомъ, что поторопился издать «Выбранныя Мѣста», какъ образчикъ тѣхъ откровеній, которыя предстояли читателю во второмъ томѣ. Самый фактъ изданія «Выбранныхъ Мѣстъ» съ этими ожиданіями достаточно показываетъ, какъ мало зналъ Гоголь состояніе русскаго общества. Никто изъ его друзей не подумалъ, въ теченіе долгой переписки до этого, сдѣлать Гоголю никакого указанія; даже Аксаковы поддались впечатлѣнію отъ его мистически-диктаторскихъ писемъ.

Пріемъ «Переписки» въ литературѣ сильно озадачилъ и поразилъ Гоголя. Тутъ только сталъ онъ подозрѣвать громадность своей ошибки,—но передѣлывать себя было уже трудно...

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще слишкомъ мало матеріала, по которому можно было бы опредѣлить дальнѣйшій ходъ мыслей Гоголя. Повидимому, онъ убѣдился прежде всего, что изъ «прекраснаго далека» не совсѣмъ удобно изучать общество и надѣлять его своими поученіями; съ возвращенія изъ Іерусалима, онъ уже не покидалъ Россіи, и ревностно работалъ надъ «Мертвыми Душами». Исторія ихъ до сихъ поръ еще темна. Извѣстные теперь тексты представляютъ предварительную, еще не законченную работу, притомъ со многими пропусками противъ того, что онъ читалъ своимъ друзьямъ около 1849 года. Друзья, слышавшіе тогда его чтеніе [1]), были отъ него въ восторгѣ, который конечно еще мало ручается за дѣйствительное достоинство произведенія Гоголя; эти друзья,—за исключеніемъ Аксаковыхъ,—восторгались и «Перепиской». Но если мы не знаемъ послѣдняго текста второго тома, то мы имѣемъ три предварительныхъ текста; они даютъ нѣкоторую возможность судить объ общемъ характерѣ работы Гоголя, которая, повидимому, и до конца сохраняла много общаго съ этими предварительными текстами.

Второй томъ «Мертвыхъ Душъ», за нѣкоторыми различіями подробностей въ разныхъ текстахъ, представляетъ именно отраженіе тѣхъ мыслей, какія занимали Гоголя въ послѣднемъ періодѣ его жизни, и которыя мы старались прослѣдить. Въ немъ остался слѣдъ обѣихъ сторонъ его внутренней жизни,—и свобод-

---

[1]) Они названы въ Зап. о жизни Гоголя, II, стр. 226—230, 249.

Digitized by Google

ные порывы таланта, и вялыя попытки провести придуманную тенденцію. Разсказъ явно ведется съ цѣлью убѣдить читателя въ той морали, которую излагала «Переписка». Главная тема — «прочное дѣло жизни». Надо бросить всякія теоріи, особенно вольнодумныя; пусть всякій довольствуется своимъ положеніемъ, исполняетъ свои обязанности,—тогда достигнется частное и общее благосостояніе. Не нужно слишкомъ заботиться о школѣ, она мало помогаетъ, даже сбиваетъ съ толку: человѣкъ, учившійся «на мѣдные гроши», но составившій себѣ большое состояніе своего рода кулачествомъ, добываніемъ денегъ даже изъ всякой дряни—кажется Гоголю однимъ изъ достойнѣйшихъ типовъ русскаго общества. Не нужно никакихъ преобразованій—все и безъ того хорошо; надо только, чтобы исполнялись законы, чтобы каждый жилъ по-христіански, избѣгалъ губительной роскоши и т. п. Въ числѣ новыхъ лицъ, выведенныхъ во второмъ томѣ, являются, и должны были занять большую роль, между прочимъ, такія лица, которыя должны были представлять «лучшія свойства русскаго человѣка» и служить идеалами. Это—добродѣтельный откупщикъ и милліонеръ Муразовъ, добродѣтельный генералъ-губернаторъ, трудолюбивый Костанжогло. Муразовъ—милліонеръ и вмѣстѣ христіанскій подвижникъ, добродѣтельно добывшій милліоны на откупахъ; генералъ-губернаторъ, говорящій своимъ подчиненнымъ буквально такія нравственно-мистическія и длинныя рѣчи, какими преисполнена «Переписка»; «дивное созданіе Улинька»; съ другой стороны наказаніе порока, въ лицѣ Чичикова, козни чиновниковъ, обращеніе «вѣрующаго» кутилы на подвигъ добра, съ помощью благодѣтельнаго откупщика, — все это такія безжизненныя, натянутыя фигуры, все это такъ фальшиво, что бросается въ глаза явное и жалкое паденіе таланта, загнаннаго на совершенно ему несвойственную дорогу — точно, вмѣсто Гоголя, читаешь «нравственно-сатирическій романъ» тридцатыхъ годовъ...

Въ самомъ дѣлѣ, философія Гоголя не шла дальше этого.— Въ отдѣльныхъ мѣстахъ, гдѣ Гоголь оставался самимъ собой, у него и здѣсь являются черты, достойныя прежняго времени; но въ цѣломъ, второй томъ «Мертвыхъ Душъ» представлялъ что-то тяжелое, натянутое, фальшивое и скучное.—И это была «тайна», съ которой онъ носился передъ своими друзьями,—«чудное созданіе», «нѣчто колоссальное», «сокровище»,—которымъ онъ надѣялся поразить русское общество и сослужить государственную службу! Это былъ пресловутый «переломъ», отъ котораго пришли въ восторгъ его петербургскіе друзья, обрадовавшись, что

Digitized by Google

Гоголь наконецъ торжественно «отрекался» отъ своихъ почитателей [1]).

Первая редакція второго тома по всѣмъ вѣроятіямъ современна «Перепискѣ»—совершенно та же тенденція, много сходства даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ; это—тенденція, которую сталъ выработывать себѣ Гоголь въ «прекрасномъ далекѣ», на основаніяхъ, вынесенныхъ изъ понятій его друзей пушкинскаго круга, ими поощренныхъ и поддержанныхъ [2]).

Вторая редакція составлялась повидимому довольно долго, и позднѣе «Переписки». Нѣкоторыя подробности несомнѣнно принадлежатъ тому времени, когда Гоголь велъ переписку съ Бѣлинскимъ. Одинъ критикъ [3]) вѣрно замѣтилъ, что передѣлывая одно мѣсто въ 1-й главѣ 2-го тома, Гоголь очевидно имѣлъ въ виду Бѣлинскаго. Именно, въ описаніи сосѣдей Тентетникова, ему надоѣдавшихъ, вмѣсто «брандера-полковника, мастера и охотника на разговоры обо всемъ», во второй редакціи является «рѣзкаго направленія недоучившійся студентъ, набравшійся мудрости изъ современныхъ брошюръ и газетъ», и этому студенту приписывается уже не «живое и ловкое», а «европейски открытое» обращеніе. Далѣе, «начитавшійся всякихъ брошюръ, недокончившій учебнаго курса эстетикъ» упоминается въ числѣ членовъ противузаконнаго общества, — черты, которыя упомянутый критикъ справедливо считалъ направленными противъ Бѣлинскаго. Въ доказательство можно было бы еще прибавить, что подобными чертами Гоголь хотѣлъ уколоть Бѣлинскаго еще тогда, когда писалъ свой длинный обличительный отвѣтъ ему, оставшійся непосланнымъ [4]).

Кажется, полный «переломъ». Но петербургскіе пріятели Гоголя жестоко ошиблись, предполагая, что Гоголь можетъ сдѣлать въ этомъ направленіи что-нибудь, достойное прежней славы его таланта. Фальшивая тенденція, подложенная въ эту работу, давала только жалкіе результаты. Но, повидимому, эти пріятели

---

[1]) Ср. въ «Запискахъ о жизни Гоголя» I, 337, гдѣ исторія мнѣній Гоголя объясняется какъ «ясновидѣніе земной жизни» и «тоска по иной лучшей жизни»...

[2]) Идеалъ Костанжогло былъ издавна въ мысляхъ Гоголя; пусть сравнитъ читатель разсужденія Гоголя (во 2-мъ томѣ «Мертвыхъ Душъ») о помѣщичьемъ хозяйствѣ, напр. съ его разсужденіями въ письмѣ къ его пріятелю А. С. Данилевскому, въ августѣ 1841. (Кул. V, 446—447. Это точно отрывокъ изъ 2-го тома).

[3]) Г. Чижовъ, въ «Вѣстникѣ Европы» 1872, іюль, стр. 432—439.

[4]) Ср. „нынѣшнія легкія, брошюрки (?), написанныя Богъ вѣсть кѣмъ", или «современныя брошюры, писанныя разгоряченнымъ умомъ, совращающимъ съ прямаго взгляда», и т. п. Кулиша VI, 384, 386. По всей вѣроятности, Гоголь имѣлъ весьма слабое представленіе о томъ, что могли говорить эти «брошюры».

Digitized by Google

ошиблись и въ прочности «перелома». Правда, Гоголь вѣроятно до послѣдняго времени сохранилъ вражду къ новому образу мыслей [1]), но онъ начиналъ сознавать и свои ошибки. Сначала, опытъ съ «Выбранными Мѣстами», потомъ пребываніе въ Россіи показывали ему, что онъ слишкомъ поторопился съ своими рецептами для русскаго общества. Друзья продолжали передъ нимъ преклоняться [2]) и только помогали его самолюбію; но при всемъ упрямствѣ въ своихъ фантастическихъ идеяхъ, онъ уступалъ времени, и тонъ его писемъ значительно измѣняется.

Къ сожалѣнію, мы имѣемъ очень мало свѣдѣній о направленіи мнѣній Гоголя за это время, и о послѣдней переработкѣ 2-го тома. Его ближайшіе друзья, Шевыревъ, NF, и т. д. восхищались 2-мъ томомъ; и это восхищеніе конечно еще мало ручалось за его достоинства. Но Гоголь читалъ 2-й томъ и Аксаковымъ, которые вовсе не были поклонниками «Переписки». Когда Гоголь сталъ въ первый разъ читать у нихъ «Мертвыя Души», С. Т. Аксаковъ пришелъ въ невольное смущеніе, опасаясь—увидѣть паденіе таланта Гоголя; самъ Гоголь смѣшался, понявши его мысль; но чтеніе 1-й главы второго тома привело Аксаковыхъ въ полный восторгъ. Когда С. Т. Аксаковъ, по просьбѣ Гоголя, сообщилъ ему нѣсколько замѣчаній о прочитанномъ, Гоголь очевидно былъ ими обрадованъ: «Вы замѣтили мнѣ,—говорилъ онъ,—именно то, что́ я самъ замѣчалъ, но не былъ увѣренъ въ справедливости моихъ замѣчаній. Теперь же я въ нихъ не сомнѣваюсь, потому что то же замѣтилъ другой человѣкъ, *пристрастный* ко мнѣ». Пристрастіе состояло въ томъ, что Аксаковъ-отецъ считалъ «Переписку» позорной книгой, и сказалъ объ этомъ Гоголю.

Черезъ нѣсколько времени Гоголь прочелъ у Аксаковыхъ ту же главу во второй разъ: «мы были поражены удивленіемъ,—передаетъ С. Т. Аксаковъ,—глава показалась намъ еще лучше и *какъ будто написана вновь*». До лѣта 1850 г., Гоголь прочелъ имъ четыре главы.

Повидимому талантъ еще не покидалъ Гоголя, и служилъ ему, когда онъ давалъ ему просторъ и свободу. Онъ пробивался во 2-мъ томѣ при всѣхъ нелѣпостяхъ его тенденціи. Даже въ самую темную пору «Переписки», талантъ—какъ будто противъ его собственной воли—указывалъ ему истинныя свойства русской дѣйствительности, и у Гоголя вырывались признанія, очень мало

[1]) См. напр. письмо къ Жуковскому отъ конца 1849 г., въ изд. Кулиша, VI, 496.
[2]) Объ ихъ странныхъ отношеніяхъ къ Гоголю см. воспоминанія г. Н. Берга.

Digitized by Google

похожія на весь тонъ его мыслей, и хотя, замѣтивъ ихъ, онъ спѣшитъ прибавить къ нимъ піэтистическій комментарій, онъ не можетъ скрыть ихъ грустной правды. «Вотъ уже почти полтораста лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ (говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ «Переписки»), какъ государь Петръ I прочистилъ намъ глаза чистилищемъ просвѣщенія европейскаго, далъ въ руки намъ всѣ средства и орудія для дѣла,—и до сихъ поръ остаются такъ же пустынны, грустны и безлюдны наши пространства, такъ же безпріютно и непривѣтливо все вокругъ насъ, точно какъ будто бы мы до сихъ поръ еще не у себя дома, не подъ родною нашею крышею, но гдѣ-то остановились безпріютно на проѣзжей дорогѣ, и дышетъ намъ отъ Россіи не радушнымъ, роднымъ пріемомъ братьевъ, но какою-то холодною, занесенною вьюгой почтовой станціею, гдѣ видится одинъ ко всему равнодушный станціонный смотритель, съ черствымъ отвѣтомъ: «Нѣтъ лошадей!» Отчего это? Кто виноватъ?» [1]) Но Гоголь не въ состояніи объяснить себѣ этого явленія, не подозрѣваетъ, что виноваты въ немъ условія нашей жизни, стѣсненіе образованія, отсутствіе общественности, словомъ, тѣ самыя вещи, которыя онъ самъ тутъ же возводитъ въ апотеозу... И во 2-мъ томѣ также, тенденціозныя сплетенія не разъ прерываются совсѣмъ инымъ тономъ, иными мыслями и картинами. Такъ, Гоголь заставляетъ своего генералъ-губернатора говорить чиновникамъ назидательно-піэтистическую рѣчь, совершенно невозможную, но картина русскаго управленія въ этой рѣчи поражаетъ своей правдой и можетъ напомнить настоящаго Гоголя...

Наконецъ, изданные недавно варіанты 2-го тома [2]) представляютъ третью редакцію, быть можетъ ту самую, о которой Гоголь въ 1850 говорилъ М. А. Максимовичу, что съ нея «туманъ сошелъ» (съ первой главы). Въ разсказѣ являются новые эпизоды, а изъ прежнихъ исчезаютъ тѣ подробности, которыя Гоголь разсчитывалъ для своихъ тенденціозныхъ цѣлей. Такъ, нѣтъ здѣсь удивительной школы, гдѣ преподавалась «наука жизни»; герой романа уже не предается мечтаніямъ о патріархальномъ

---

[1]) Выбран. Мѣста, въ изд. Кулиша, III, стр. 402. То же впечатлѣніе онъ повторяетъ въ «Авторской Исповѣди». Говоря о своемъ желаніи изучить Россію, онъ замѣчаетъ: «Провинціи наши... меня изумили... Тамъ даже имя Россія не раздается на устахъ... Словомъ, во все пребываньe мое въ Россіи, Россія у меня въ головѣ разсѣивалась и разлеталась. Я не могъ никакъ ее собрать въ одно цѣлое; духъ мой упадалъ, и самое желанье знать ее ослабѣвало». Тамъ же, III, стр. 514. Бѣлинскій замѣтилъ эти противорѣчія съ остальнымъ содержаніемъ «Переписки», — въ своей статьѣ по поводу этой книги.

[2]) Въ «Р. Старинѣ», 1872.

Digitized by Google

значеніи и высокомъ смыслѣ помѣщичьей власти, и въ немъ скорѣе можно видѣть человѣка съ новыми понятіями. Какъ прежде, въ изображеніи «недоучившагося студента» Гоголь хотѣлъ отомстить Бѣлинскому за статью и за письмо, такъ здѣсь напротивъ замѣтно вліяніе письма Бѣлинскаго: напримѣръ, Бѣлинскій нѣсколько разъ повторяетъ мысль о необходимости пробуждать въ народѣ чувство «человѣческаго достоинства», и Гоголь сообщаетъ теперь своему герою эту самую мысль, которой не было и признака въ прежнихъ редакціяхъ. Самъ «недоучившійся студентъ» уже не находится въ числѣ сосѣдей Тентетникова... Такимъ образомъ, можно думать, что послѣднія работы Гоголя надъ вторымъ томомъ уже отступали отъ направленія «Переписки» въ другую, лучшую сторону; ему объяснялись хоть нѣкоторыя стороны новаго образа мыслей, къ которому онъ, вмѣстѣ съ петербургскими друзьями, относился прежде съ такимъ высокомѣріемъ и враждой.

«Переломъ», отъ котораго эти друзья ожидали новой, высшей дѣятельности Гоголя, не удавался; но талантъ Гоголя былъ дѣйствительно надломленъ—и его физическимъ истощеніемъ, а еще болѣе той ложью понятій, которую въ теченіе столькихъ лѣтъ Гоголь въ себѣ воспитывалъ, а друзья усердно поддерживали. Мудрено предположить, чтобы Гоголь въ состояніи былъ вынести происходившую въ немъ борьбу и снова дѣйствовать въ литературѣ съ его прежнею силою; напротивъ, и сожженіе второго тома передъ смертью было вѣроятно результатомъ этого мучительнаго сознанія, послѣднимъ порывомъ его прежняго свободнаго поэтическаго чувства.

Печальная литературная судьба Гоголя показала, какъ сильно измѣнилось состояніе литературы. Прошло только пятнадцать лѣтъ со смерти Пушкина, въ кругѣ котораго Гоголь получилъ главныя основанія своихъ общественныхъ понятій, — и когда Гоголь захотѣлъ построить изъ нихъ систему въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ и дѣйствовать въ ихъ смыслѣ на новое общество, его предпріятіе рушилось самымъ жалкимъ образомъ. Гоголь остался великимъ именемъ въ литературѣ — по тѣмъ произведеніямъ, которыя создавалъ свободной силой своего таланта, подъ живыми, хотя и несознаваемыми, вліяніями дѣйствительности; но исторія литературы считаетъ его паденіемъ тотъ періодъ, когда, отказавшись отъ прежней дѣятельности, онъ сталъ проповѣдовать общественную философію, отжившую свое время еще въ тридцатыхъ годахъ.

А. Пыпинъ.

Digitized by Google

КОМУ И КАКЪ

РАЗРАБОТЫВАТЬ ПСИХОЛОГІЮ?

I.

Психическая жизнь подчинена непреложнымъ законамъ; въ этомъ смыслѣ психологія можетъ быть положительной наукой. — Но она дѣлается ею только тогда, когда найдена возможность доказать непреложность законовъ не только въ отношеніи къ цѣлому, но и къ частностямъ. — Въ ряду всѣхъ міровыхъ явленій только два отдѣла ихъ могутъ быть сопоставлены по сходству съ фактами психической жизни человѣка: психическая жизнь животныхъ и нервныя дѣятельности въ тѣлѣ, какъ самого человѣка, такъ и въ тѣлѣ животныхъ, изучаемыя физіологіею.—Оба ряда явленій, будучи по содержанію проще психическихъ явленій у человѣка, могутъ служить средствомъ къ разъясненію послѣднихъ. — Сопоставленіе конкретныхъ психическихъ явленій у животныхъ и человѣка есть сравнительная психологія. — Сопоставленіе же психическихъ явленій съ нервными процессами его собственнаго тѣла кладетъ основу аналитической психологіи, такъ какъ тѣлесныя нервныя дѣятельности до извѣстной степени уже расчленены.—Такимъ образомъ, оказывается, что психологомъ-аналитикомъ можетъ быть только физіологъ.

Всякій, кто признаётъ психологію неустановившейся наукой, долженъ неизбѣжно признать вмѣстѣ съ этимъ, что у человѣка нѣтъ никакихъ спеціальныхъ умственныхъ орудій для познаванія психическихъ фактовъ, въ родѣ внутренняго чувства или психическаго зрѣнія, которое, сливаясь съ познаваемымъ, познавало бы продукты сознанія непосредственно, по существу. Въ самомъ дѣлѣ, обладая такимъ громаднымъ преимуществомъ передъ науками о матеріальномъ мірѣ, гдѣ объекты познаются посредственно, психологія, какъ наука, не только должна была бы идти впереди всего естествознанія, но и давно сдѣлаться безгрѣшною въ своихъ

Digitized by Google

выводахъ и обобщеніяхъ. А на дѣлѣ мы видимъ еще нерѣшеннымъ споръ даже о томъ, *кому* быть психологомъ и *какъ* изучать психическіе факты?

Кто признаетъ психологію неустановившейся наукой, долженъ признать далѣе, что объекты ея изученія, психическіе факты, должны принадлежать къ явленіямъ въ высшей степени сложнымъ. Иначе, какъ объяснить себѣ ужасающую отсталость психологіи въ дѣлѣ научной разработки своего матеріала, несмотря на то, что разработка эта началась съ древнѣйшихъ временъ,—раньше, чѣмъ, напр., стала развиваться физика и особенно химія?

Съ другой стороны, всякій, кто утверждаетъ, что психологія, какъ наука, возможна, признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что психическая жизнь вся цѣликомъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые отдѣлы ея должны быть подчинены столько же непреложнымъ законамъ, какъ явленія матеріальнаго міра, потому что только при такомъ условіи возможна *дѣйствительно научная* разработка психическихъ фактовъ.

По счастію, этотъ жизненный вопросъ психологіи рѣшается утвердительно даже такими психологическими школами, которыя считаютъ духовный міръ отдѣленнымъ отъ матеріальнаго непроходимою пропастью. Да и можно-ли въ самомъ дѣлѣ думать иначе? Основныя черты мыслительной дѣятельности человѣка и его способности чувствовать остаются неизмѣнными въ различныя эпохи его историческаго существованія, не завися въ то же время ни отъ расы, ни отъ географическаго положенія, ни отъ степени культуры. Только при этомъ становится понятнымъ сознаніе нравственнаго и умственнаго родства между всѣми людьми земного шара, къ какимъ бы расамъ они ни принадлежали; только при этомъ становится для насъ возможнымъ понимать мысли, чувства и поступки нашихъ предковъ въ отдаленныя эпохи. Единственный камень преткновенія въ дѣлѣ принятія мысли о непреложности законовъ, управляющихъ психическою жизнью, составляетъ такъ-называемая произвольность поступковъ человѣка. Но статистика новѣйшаго времени бросила неожиданный свѣтъ и въ эту запутанную сферу психическихъ явленій, доказавъ цифрами, что нѣкоторыя изъ дѣйствій человѣка, принадлежащихъ къ разряду наиболѣе произвольныхъ (напр., вступленіе въ бракъ, самоубійство и пр.), подчинены опредѣленнымъ законамъ, если разсматривать ихъ не на отдѣльныхъ лицахъ, а на массахъ, притомъ за болѣе или менѣе значительные промежутки времени. Впрочемъ, и независимо отъ этихъ драгоцѣнныхъ указаній статистики, нетрудно убѣдиться съ общей точки зрѣнія, что даже по отношенію къ отдѣльнымъ

Digitized by Google

лицамъ произвольность никогда не достигаетъ размѣровъ, нарушающихъ опредѣленную правильность, законность человѣческихъ дѣйствій. Прислушайтесь, напр., къ суду общественнаго мнѣнія о поступкахъ отдѣльныхъ личностей — одинъ приписывается средѣ, другой воспитанію, третій характеру, и только въ поступкахъ сумасшедшаго часто бываетъ трудно отыскать тѣ мотивы, изъ которыхъ дѣйствіе вытекало бы какъ послѣдствіе; но и здѣсь такіе мотивы конечно есть, только связь ихъ съ дѣйствіями другая, чѣмъ у нормальнаго, и потому поступокъ лишенъ характера разумности. Подчиненность людскихъ дѣйствій опредѣленнымъ законамъ очень рѣзко высказывается еще въ нашей способности создавать художественные литературные типы самыхъ разнообразныхъ характеровъ. Типы эти оттого именно и кажутся намъ истинными, правдивыми, что всѣ ихъ дѣйствія строго вытекаютъ изъ данныхъ ихъ характера, изъ условій среды и пр.

Итакъ, основное условіе для того, чтобы психологія могла сдѣлаться положительной наукой, не только дѣйствительно существуетъ, но уже издавна сознается всякимъ мыслящимъ человѣкомъ.

Этимъ дана однако только возможность науки, дѣйствительное же ея возникновеніе начинается съ того момента, когда непреложность явленій можетъ быть доказана, а не только предчувствуема, притомъ не только по отношенію къ цѣлому, т.-е. въ общихъ чертахъ, но и къ частностямъ. Всякій простолюдинъ сознаётъ, напр., роковую связь между пламенемъ и сгораніемъ при его посредствѣ горючихъ предметовъ; но это не научное знаніе, а лишь сырой матеріалъ для науки. Послѣдняя должна расчленить цѣльное явленіе до возможныхъ предѣловъ, свести сложныя отношенія на болѣе простыя, и если ей это удается въ значительной степени, тогда предчувствуемая непреложность превращается въ научную очевидность. Этимъ же путемъ должна идти и психологія. Прежде всего она должна выработать общіе принципы, какъ расчленять, анализировать психическое явленіе.

Такъ какъ мы признали психологію наукой неустановившейся, то для выясненія способа рѣшенія ея первой задачи удобнѣе всего будетъ встать на такую точку зрѣнія, какъ будто бы научной разработки психическихъ фактовъ не существовало вовсе. Вставъ на такую точку зрѣнія, читатель долженъ глубоко проникнуться аксіомой, лежащей въ основѣ всякаго *созидающагося* человѣческаго изученія (этимъ путемъ шла даже математика),—

Digitized by Google

восходить съ цѣлью изученія отъ простого къ сложному, или что то же, объяснять сложное болѣе простымъ, но никакъ не наоборотъ. Затѣмъ ему уже станетъ самому ясно, что дальнѣйшимъ шагомъ изученія должно быть сопоставленіе, сравненіе изучаемыхъ сложныхъ фактовъ съ другими, болѣе простыми, но похожими на нихъ въ томъ или другомъ отношеніи. Пусть же читатель переберетъ въ своемъ умѣ самъ всѣ разнообразные роды и виды явленій на земной поверхности, въ сферѣ неорганическаго міра, въ растеніяхъ, животныхъ и наконецъ въ средѣ человѣческаго общества, и попытается сравнить психическія проявленія человѣка съ каждой изъ группъ явленій поочередно. Всякій мыслящій человѣкъ найдетъ, что психическая жизнь отдѣльнаго человѣка имѣетъ нѣчто похожее на себя только въ психическихъ проявленіяхъ у животныхъ, и затѣмъ пойметъ, что элементами психической жизни отдѣльныхъ людей опредѣляются явленія ихъ общественной жизни. Нечего и говорить, что первая группа явленій (т.-е. психическія проявленія у животныхъ), въ смыслѣ сложности, стоятъ книзу отъ психической жизни человѣка, какъ единицы, а вторая, наоборотъ, кверху.

Явно, что исходнымъ матеріаломъ для разработки психическихъ фактовъ должны служить, какъ простѣйшія, психическія проявленія у животныхъ, а не у человѣка.

Но, можетъ быть, сходство между психическими проявленіями у человѣка и животныхъ есть лишь чисто внѣшнее, въ сущности же разница между ними такъ громадна, что приравнивать ихъ другъ къ другу невозможно? Такое убѣжденіе у множества людей существуетъ и по сіе время, и оно конечно совершенно основательно, пока дѣло касается, такъ сказать, количественной стороны явленій — здѣсь разница въ самомъ дѣлѣ неизмѣримо велика. Но убѣжденіе въ качественномъ различіи между психической организаціей человѣка и животныхъ нельзя считать научно доказаннымъ; это продуктъ предчувствія, а не научнаго анализа фактовъ, такъ какъ у насъ нѣтъ, какъ науки, ни сравнительной психологіи животныхъ, ни психологіи собственно человѣка.

Но положимъ даже, что сходство въ психической организаціи человѣка и животныхъ идетъ лишь до извѣстнаго предѣла, за которымъ между ними начинаются различія по существу. И въ этомъ случаѣ раціональный путь для изученія психическихъ явленій у человѣка долженъ былъ бы заключаться въ разработкѣ сходныхъ сторонъ и въ предоставленіи рѣшенія дальнѣйшихъ вопросовъ будущему, если въ настоящемъ не имѣется налицо никакихъ прицѣпокъ для анализа ихъ.

Digitized by Google

Въ этомъ отношеніи очень поучительнымъ примѣромъ можетъ служить историческое развитіе физіологіи.

Сходства и различія явленій человѣческаго тѣла съ явленіями матеріальнаго міра оффицировали умъ человѣческій приблизительно такимъ же образомъ, какъ оффицируютъ его въ настоящее время сходства и различія психическихъ и соматическихъ проявленій у человѣка; и результатомъ этого было возникновеніе физіологическихъ школъ, не менѣе противоположныхъ другъ другу по направленію, чѣмъ школы идеалистовъ и матеріалистовъ въ психологіи. Одинъ оффицировался преимущественно двигательною стороною въ жизненныхъ проявленіяхъ тѣла и примыкалъ къ стану ятро-механиковъ, объяснявшихъ всю жизнь чисто механически; другой поражался химическою стороною явленій и переходилъ въ лагерь ятро-химиковъ; наконецъ, были люди, которые останавливались предпочтительно передъ тѣми сторонами жизни, которыми она рѣзко отличается съ виду отъ всего видимаго въ матеріальномъ мірѣ, и эти образовали третью группу физіологовъ, такъ-называемыхъ виталистовъ, которые считали животное тѣло одареннымъ особыми «живыми силами», неимѣющими ничего подобнаго въ матеріальномъ мірѣ. Первыя два направленія, возникнувъ въ формѣ, доходившей въ деталяхъ часто до смѣшного, были тѣмъ не менѣе родоначальниками современнаго опытнаго физико-химическаго направленія физіологіи, тогда какъ второе не играетъ въ этой наукѣ уже ни малѣйшей роли. И это становится сразу понятнымъ, если принять во вниманіе, что въ грубыхъ представленіяхъ ятро-механиковъ и ятро-химиковъ скрывались все-таки здоровые зачатки научнаго направленія, стремящагося *объяснить сложное простѣйшимъ,* тогда какъ изъ воззрѣній виталистовъ, выдѣлявшихъ природу человѣческаго тѣла изъ сферы всего болѣе простого, могло выдти развѣ одно удивленіе передъ фактомъ, но никакъ не расчлененіе его на простѣйшіе элементы. И въ настоящее время еще очень многія изъ физіологическихъ явленій тѣла остаются абсолютно загадочными (напр. оплодотвореніе яйца, развитіе зародыша, передача видовыхъ и индивидуальныхъ особенностей по наслѣдству и пр.); но ни единому физіологу и въ голову не приходитъ *объяснять* ихъ принятіемъ особыхъ силъ,—рядомъ съ такими нерѣшаемыми вопросами ставятъ обыкновенно лаконическое «не знаемъ».

Такъ бы слѣдовало поступать, очевидно, и въ разбираемомъ нами случаѣ. Къ сожалѣнію, представить хотя бы приблизительную оцѣнку важности сравнительнаго изученія психическихъ проявленій у животныхъ и человѣка въ настоящее время невозможно,

Digitized by Google

потому что сырой матеріалъ для этого хотя уже и готовъ (съ одной стороны, сумма наблюденій надъ животными, собранныхъ подъ общимъ именемъ «нравы и обычаи животныхъ», съ другой— такъ-называемая практическая психологія), но серьёзныя попытки къ сравнительной разработкѣ едва лишь начались. Легко понять, впрочемъ, что такое изученіе было бы особенно важно въ дѣлѣ классификаціи психическихъ явленій, потому что оно свело бы можетъ быть многія сложныя формы ихъ на менѣе многочисленные и простѣйшіе типы, опредѣливъ кромѣ того переходныя ступени отъ одной формы къ другой. Возможно, напр., что сравнительная психологія внесла бы болѣе естественную систему въ классификацію различныхъ видовъ чувства (чувство въ тѣсномъ смыслѣ, аффектъ, страсть) и изгладила бы ту глубокую пропасть, которая отдѣляетъ для человѣческаго сознанія разумъ отъ инстинкта, обдуманное дѣйствіе отъ невольнаго и проч.

Но, съ другой стороны, легко понять, что путемъ сравненія между собою конкретныхъ фактовъ большей и меньшей сложности въ самомъ счастливомъ случаѣ можно достичь лишь полнаго сведенія сложной конкретной формы на простую, но никакъ не расчленять послѣднюю. Значитъ, въ нашемъ случаѣ передъ изслѣдователемъ возникалъ бы новый вопросъ о способахъ расчленять конкретныя, психическія явленія у животныхъ. Средствъ для этого, подобныхъ тѣмъ, которыя употребляетъ физіологія для анализа явленій животнаго тѣла, къ сожалѣнію у насъ нѣтъ, и главнѣйшая причина этому заключается въ томъ, что одна изъ наиболѣе выдающихся сторонъ психическихъ явленій,—сознательный элементъ, можетъ подлежать изслѣдованію только на самомъ себѣ, при помощи самонаблюденія.

Итакъ, сравнительно-психологическій методъ не можетъ заключать въ себѣ исходныхъ точекъ для *аналитическаго* изученія психическихъ явленій, и мы принуждены обратиться за ними къ другимъ источникамъ.

Но съ чѣмъ же сравнивать психическія явленія человѣка? Идти кверху, къ болѣе сложному,—нельзя; книзу, рядомъ съ ними, стоитъ нерасчленяемая для человѣка психическая жизнь животныхъ, а за нею начинается уже область матеріи. Неужели сравнивать психическую жизнь съ жизнью камней, растеній, или даже тѣла человѣка? — Извѣстно, что въ прошломъ величайшіе умы сравнивали тѣлесную и духовную жизнь человѣка и находили обыкновенно только глубокія различія между ними, а не сходства. Дѣло, дѣйствительно, было такъ; философы прежнихъ вре-

Digitized by Google

менъ стояли—и совершенно законно—по отношенію къ психическимъ фактамъ на точкѣ зрѣнія виталистовъ по отношенію къ явленіямъ тѣла; но это происходило оттого, что физіологіи въ то время не существовало, и тѣлесныя явленія не были настолько расчленены, чтобы аналогія нѣкоторыхъ изъ нихъ съ психическими дѣятельностями могла броситься въ глаза. Теперь же другое дѣло: физіологія представляетъ цѣлый рядъ данныхъ, которыми устанавливается родство психическихъ явленій съ такъ-называемыми нервными процессами въ тѣлѣ, актами чисто-соматическими.

Вотъ главнѣйшія изъ этихъ данныхъ [не нужно забывать, что когда какая-нибудь мысль доказывается цѣлымъ рядомъ доводовъ, то доказательность нужно искать въ суммѣ доводовъ, а не въ отдѣльныхъ фактахъ!]:

1) Самые простѣйшіе изъ психическихъ актовъ требуютъ для своего происхожденія опредѣленнаго времени и тѣмъ бо́льшаго, чѣмъ сложнѣе актъ (см. учебники физіологіи).

2) Психическая дѣятельность требуетъ для своего происхожденія анатомо-физіологической цѣлости головного мозга (общеизвѣстно)·[1]).

3) Зачатки, или по крайней мѣрѣ, зачатки психической дѣятельности, съ которыми родится человѣкъ, развиваются, очевидно, изъ чисто-матеріальныхъ субстратовъ, яйца и сѣмени (общеизвѣстно).

4) Черезъ посредство этихъ же матеріальныхъ субстратовъ передаются по родству очень многія изъ индивидуальныхъ психическихъ особенностей, и иногда такія, которыя относятся къ разряду очень высокихъ проявленій, напр., наслѣдственность извѣстныхъ талантовъ (общеизвѣстно).

5) Ясной границы между завѣдомо соматическими, т.-е. тѣлесными, нервными актами и явленіями, которыя всѣми признаются уже психическими, не существуетъ ни въ одномъ мыслимомъ отношеніи.

6) Физіологія, оставаясь на своей почвѣ, т.-е. изучая явленія въ тѣлѣ въ связи съ устройствомъ послѣдняго, доказала въ новѣйшее время тѣсную связь между всѣми характерами данныхъ представленій и устройствомъ соотвѣтствующихъ, чувствующихъ снарядовъ или органовъ чувствъ (см. учебники физіологіи).

Изъ этихъ пунктовъ только 5-й требуетъ детальнаго развитія,

---

[1]) Сопоставивъ 1-й и 2-й пунктъ, выходитъ, что психическая дѣятельность, какъ всякое земное явленіе, происходитъ во времени и пространствѣ.

Digitized by Google

всѣ же прочіе давно стали или достояніемъ науки, или даже проникли въ публику. Чтобы доказать 5-й пунктъ, мнѣ будетъ достаточно доказать родство соматическихъ нервныхъ процессовъ съ низшими формами дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ, потому что дѣятельности эти уже со временъ Локка признаются всѣми если не исключительными, то главными источниками психическаго развитія.

Съ дѣятельностями органовъ чувствъ можно сопоставлять только тѣ изъ нервныхъ процессовъ тѣла, которые происходятъ по типу такъ-называемыхъ рефлексовъ, потому что только послѣдніе имѣютъ общую существенную сторону съ первыми — возникать не иначе, какъ изъ внѣшняго возбужденія чувствующей поверхности, всегда входящей въ составъ дѣйствующаго аппарата. По счастію, нервные акты рефлекторнаго типа представляютъ огромнѣйшее большинство случаевъ въ тѣлѣ (немногіе случаи уклоненія отъ этого типа принадлежатъ къ разряду фактовъ наименѣе изслѣдованныхъ), такъ что аналогія можетъ быть проведена въ очень широкихъ размѣрахъ.

Въ рефлексѣ физіологія отличаетъ, соотвѣтственно устройству рефлекторнаго аппарата, три главныхъ момента: возбужденіе чувствующей поверхности, дѣятельность центра и проявленіе возбужденія въ сферѣ рабочихъ органовъ тѣла, мышцъ и железъ. Первый моментъ я буду называть иногда для краткости началомъ акта, второй серединой, а внѣшнее проявленіе концомъ. При такой тройственности состава явленія, рефлексы можно сопоставлять съ дѣятельностями органовъ чувствъ въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) со стороны общей физіономіи актовъ; 2) со стороны ихъ общаго значенія въ тѣлѣ (сравненіе общее); 3) со стороны осложненія явленія новыми элементами помимо трехъ основныхъ; и, наконецъ 4) со стороны связи между началомъ и серединой актовъ съ одной стороны, серединой и концомъ съ другой (частныя сравненія, которыми опредѣляется въ то же время относительное значеніе всѣхъ трехъ элементовъ рефлекса въ отдѣльности).

Внѣшняя физіономія рефлексовъ опредѣляется только началомъ и концомъ ихъ, такъ какъ середина недоступна непосредственному наблюденію. Щипните, напр., лапку обезглавленной лягушкѣ, она тотчасъ же отдернетъ ногу—это рефлексъ; влейте въ ротъ сильно наркотированной собакѣ немного уксусу, у нея тотчасъ же начинаетъ отдѣляться слюна; махните рукой передъ глазомъ животнаго—произойдетъ миганіе; вставьте палецъ въ ротъ новорожденнаго—онъ начинаетъ сосать и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ за внѣшнимъ толчкомъ на чувствующую поверхность

Digitized by Google

(въ приведенныхъ примѣрахъ по порядку слѣдуютъ: кожа, слизистая оболочка рта, слизистая оболочка глаза, слизистая оболочка губъ), *неизбѣжно* слѣдуетъ проявленіе въ мышцахъ или железахъ, выражающееся движеніемъ или отдѣленіемъ сока; притомъ во всѣхъ случаяхъ внѣшнее проявленіе является актомъ, цѣлесообразнымъ въ смыслѣ доставленія тѣлу какихъ-нибудь положительныхъ услугъ. Такъ, отдѣленіе слюны не иначе какъ вслѣдъ за раздраженіемъ поверхности той полости, въ которую поступаетъ пища, есть актъ полезный въ экономическомъ отношеніи—имъ предотвращается безполезное расходованіе пищеварительнаго сока; отраженное миганіе служитъ средствомъ для охраны глаза; отраженное сосаніе служитъ для ребенка средствомъ къ принятію пищи и пр. Подъ эту рамку укладываются всѣ безъ исключенія извѣстные случаи рефлексовъ, напр., отраженное чиханіе и кашель, какъ средство выталкивать постороннія тѣла, попавшія въ носъ или горло; рвота, какъ средство опоражнивать переполненный желудокъ; сокращеніе зрачка, какъ средство умѣрять силу свѣта, падающаго въ глазъ; отраженное сокращеніе жома въ концѣ прямой кишки, какъ средство задерживать въ кишкѣ ея содержимое, и пр. и пр. Такимъ образомъ, рефлексъ въ его типической формѣ является цѣлесообразнымъ движеніемъ [въ смыслѣ доставленія тѣлу какихъ-нибудь пользъ], вытекающимъ роковымъ образомъ изъ внѣшняго толчка на опредѣленную часть снаряда, носящую названіе чувствующей поверхности.

Поднимаясь отсюда кверху, мы переносимся въ область низшихъ и высшихъ органовъ чувствъ. Отнеситесь опять совершенно объективно къ самымъ обычнымъ продуктамъ дѣятельности этихъ органовъ. Что же мы видимъ?—Животное пускаетъ въ ходъ обоняніе, слухъ, зрѣніе и кожныя ощущенія, чтобы обезпечить себя отъ голода, холода и непріятелей. Но уши, глаза, носъ и кожа не сами по себѣ достигаютъ этихъ частныхъ цѣлей, они служатъ для животнаго лишь руководителями въ дѣлѣ—самая цѣль достигается разнообразнѣйшими формами движенія. Голодъ заставляетъ животное идти на добычу, но направленіе его поискамъ даютъ органы чувствъ. Стóитъ хоть немного вдуматься въ огромную область относящихся сюда фактовъ [такъ какъ они общеизвѣстны, то я считаю безполезнымъ вдаваться въ примѣры], совокупность которыхъ обозначаютъ именемъ дѣятельностей, вытекающихъ изъ чувства самосохраненія, и всякій найдетъ въ нихъ тѣ же элементы, какъ въ рефлексахъ: и здѣсь начало акта есть возбужденіе чувствующихъ снарядовъ (ощущеніе голода, жажды, холода, вліянія на глазъ, уши и носъ), а конецъ—движенія. Какъ

Digitized by Google

въ первомъ случаѣ движеніе цѣлесообразно въ смыслѣ доставленія тѣлу пользъ, такъ и здѣсь пользами тѣла, его охраной отъ всякихъ невзгодъ, исчерпывается всеобщее значеніе движеній. Разница между приведенными выше случаями рефлексовъ и продуктами чувства самосохраненія лишь та, что тамъ движеніе служитъ, такъ-сказать, розничнымъ цѣлямъ организма — запираетъ какую-нибудь одну трубку или, наоборотъ, прочищаетъ ее, съужаетъ и расширяетъ отверстіе (зрачекъ, гортанная щель), сохраняетъ чистымъ или прозрачнымъ то, что должно быть таковымъ (отдѣленіе слезъ и миганіе по отношенію къ сохраненію прозрачности роговой оболочки), тогда какъ здѣсь, т.-е. дѣятельностями, вытекающими изъ голода, холода, зрительныхъ, слуховыхъ и обонятельныхъ ощущеній, обезпечиваются валовыя выгоды тѣла, сохраненіе его цѣликомъ.—Разница очевидно количественная и уже никакъ не существенная; а между тѣмъ, кто усомнится въ томъ, что изъ чувства самосохраненія родятся дѣятельности со всѣми существенными характерами психическихъ актовъ? Беру въ примѣръ случай, когда человѣкъ бѣжитъ съ испуга, завидѣвъ какой-нибудь страшный для него образъ, или заслышавъ угрожающій ему звукъ. Если разобрать весь актъ, то въ немъ оказывается зрительное или слуховое представленіе, затѣмъ—сознаніе опасности, и наконецъ—цѣлесообразное дѣйствіе: всѣ элементы разсужденія, умозаключенія и разумнаго поступка; а между тѣмъ это очевидно психическій актъ низшаго разряда, имѣющій вполнѣ характеръ рефлекса.

Значитъ, со стороны внѣшней физіономіи и общаго значенія въ тѣлѣ, рефлексы и низшія формы дѣятельностей органовъ чувствъ могутъ быть приравнены другъ другу.

Но вѣдь въ сравниваемыхъ нами явленіяхъ кромѣ начала и конца есть еще середина, и возможно, что именно изъ-за нея они и не могутъ быть приравнены другъ другу. Если въ самомъ дѣлѣ сопоставить другъ съ другомъ, напр., миганіе и только что упомянутый случай испуга, то можно, пожалуй, даже расхохотаться надъ такимъ сопоставленіемъ. Въ миганіи мы ни сами на себѣ, ни на другихъ не видимъ ничего, кромѣ движенія, а въ актѣ испуга, если его приравнивать рефлексу, серединѣ соотвѣтствуетъ цѣлый рядъ психическихъ дѣятельностей. Разница между обоими актами, какъ крайними членами ряда, дѣйствительно громадна, но есть очень простое средство убѣдиться, что и въ нормальномъ миганіи есть всѣ существенные элементы нашего примѣра испуга, не исключая и середины. Дуньте человѣку или животному потихоньку въ глазъ—оно мигнетъ сильнѣе нормаль-

Digitized by Google

наго, а человѣкъ ясно почувствуетъ дуновеніе на поверхность своего глаза. Это ощущеніе и будетъ среднимъ членомъ отраженнаго миганія. Онъ существуетъ и при нормальныхъ условіяхъ, но такъ слабъ, что не доходитъ, какъ говорится, до сознанія. Значитъ, чувствованіе является среднимъ членомъ уже въ крайне элементарныхъ простыхъ случаяхъ рефлексовъ, и наблюденія даютъ поводъ думать, что у нормальнаго, необезглавленнаго, животнаго вообще, едва ли есть въ тѣлѣ рефлексы, которые при извѣстныхъ условіяхъ не сопровождались бы чувствованіемъ. Слѣдовательно послѣднее, какъ средній членъ рефлексовъ, есть правило, и въ этомъ смыслѣ сопоставленіе ихъ съ дѣятельностями высшихъ органовъ чувствъ и серединами становится съ общей точки зрѣнія тоже законнымъ — и тамъ и здѣсь средніе члены акта, какъ виды чувствованія, по природѣ сродны другъ съ другомъ. Права на такое сопоставленіе выясняются еще болѣе, если обозрѣть сразу всю массу рефлексовъ и распредѣлить ихъ въ группы по значенію чувствованія въ процессѣ и по степени его сложности. Въ первомъ отношеніи рефлексы распадаются на двѣ большія группы. Въ однихъ сознательное чувствованіе не играетъ въ актѣ повидимому никакой существенной роли, что́ доказывается уже тѣмъ, что они могутъ происходить и при безсознательномъ состояніи человѣка, а у животныхъ и послѣ обезглавленія — это простѣйшія формы нервныхъ актовъ, цѣль которыхъ (служеніе тѣлу) достигается вполнѣ уже при такой организаціи снаряда, которой обезпечивается лишь роковое появленіе цѣлесообразнаго движенія. Въ другихъ рефлексахъ чувствованіе является наоборотъ необходимымъ факторомъ, опредѣляющимъ то начало, то ходъ, то конецъ всего акта. Достаточно будетъ напомнить читателю въ видѣ примѣровъ позывъ на выведеніе мочи и кала, какъ моментъ, опредѣляющій опорожненіе пузыря и прямой кишки; голодъ и жажду, какъ обезпеченіе періодическаго поступленія въ тѣло пищи и питья; чувство насыщенія, какъ моментъ, опредѣляющій величину пищевого прихода и пр. При полномъ отсутствіи сознанія всѣ эти акты невозможны, и слѣдовательно сознательный элементъ является въ самомъ дѣлѣ необходимымъ факторомъ. Отсюда до средняго члена въ низшихъ формахъ дѣятельностей органовъ чувствъ уже одинъ шагъ, потому что именно здѣсь опредѣляющее значеніе чувствованія для движенія и выражается съ наибольшею яркостью. Глаза, уши и носъ, какъ мы уже сказали выше, суть не что иное, какъ регуляторы движеній. Стало быть и въ этомъ направленіи отъ самыхъ

Digitized by Google

низкихъ формъ рефлексовъ до дѣятельностей органовъ чувствъ существуютъ переходы, градаціи, а не противуположности.

Та же самая постепенность высказывается и со стороны сложности, или правильнѣе, расчленяемости чувствованія. Начинаясь почти безсознательными проявленіями (ощущенія при миганіи и нормальномъ отдѣленіи слезъ, мышечное чувство, нормальныя ощущенія изъ полости живота и пр.), оно переходитъ въ ясносознаваемыя, но способныя лишь къ количественнымъ колебаніямъ формы (перхота при кашлѣ, щекотаніе въ носу при чиханіи, позывъ на мочу и калъ, чувство голода, холода и жажды и пр.). Затѣмъ, въ сферѣ низшихъ органовъ чувствъ является уже расчленяемость ощущенія, выражающаяся въ томъ, что оно видоизмѣняется съ измѣненіемъ импульсовъ, дѣйствующихъ на чувствующій снарядъ не только количественно, но и качественно; и эти измѣненія отражаются даже на характерѣ двигательной реакціи. Кто не знаетъ, что мы отличаемъ разные запахи и вкусы и что они вызываютъ, смотря по качеству, различныя реакціи? — Такъ, отвратительный вкусъ или запахъ могутъ вызвать рвоту, а пріятное ощущеніе—улыбку удовольствія. Кто не знаетъ, далѣе, специфическую гримасу отъ кислаго вкуса? Въ высшихъ органахъ чувствъ эта качественная видоизмѣняемость ощущеній соотвѣтственно видоизмѣненію внѣшнихъ импульсовъ достигаетъ наконецъ громадныхъ размѣровъ. Не даромъ человѣкъ говоритъ, что на свѣтѣ нѣтъ двухъ песчинокъ, совершенно похожихъ другъ на друга. До такихъ страшныхъ размѣровъ можетъ доходить эта способность глаза! А между тѣмъ въ чемъ тутъ дѣло?—Соотвѣтственно разбираемымъ различіямъ между дѣятельностями разныхъ чувствующихъ снарядовъ, анатомія открываетъ страшныя различія въ самой организаціи послѣднихъ. Тамъ, гдѣ ощущеніе неспособно къ расчлененію, чувствующая поверхность устроена сравнительно очень просто, въ носу и полости рта посложнѣе, а въ глазѣ и ухѣ мы имѣемъ до такой степени сложную механику, что многое остается въ нихъ еще неразгаданнымъ и доселѣ.

До сихъ поръ проводимая мною аналогія оказывается, какъ читатель видитъ, серьёзною; но посмотримъ, не прекратится ли она, какъ только мы переступимъ въ сферѣ дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ ту черту, которая отдѣляетъ инстинктивныя дѣйствія, вытекающія изъ чувства самосохраненія, отъ дѣйствій болѣе высокаго порядка, въ которыя замѣшивается воля. Извѣстно, что этотъ агентъ придаетъ дѣятельностямъ человѣка характеръ, всего менѣе похожій на машинообразный характеръ, который выраженъ особенно рѣзко на высшихъ степеняхъ пси-

Digitized by Google

хическаго развитія; и потому можно думать, что этотъ агентъ властвуетъ исключительно въ высшихъ сферахъ, или, по крайней мѣрѣ, имѣетъ только въ нихъ свои корни. Для рѣшенія этого вопроса возьмемъ миганіе. Представимъ себѣ, что человѣку попадаетъ въ глазъ соринка. Спрашивается, можетъ ли это усиленное раздраженіе слизистой оболочки глаза, вызывающее нормально лишь миганіе, служить источникомъ произвольныхъ дѣйствій человѣка, которыя приписываются волѣ? Конечно, да. Отсюда могутъ вытечь, во-первыхъ, сознательно-разумныя движенія съ цѣлью удаленія соринки — продукты активной стороны воли, съ другой стороны, человѣкъ опять-таки сознательно-разумно можетъ побѣдить спазмъ глазныхъ вѣкъ (усиленное мигательное движеніе) изъ-за мысли, что глазъ всего лучше оставить въ покоѣ — продукты подавляющей стороны воли. Подобные примѣры всякому легко выстроить самому для случая кашля, чиханія, позыва на мочу и проч. Не явно ли послѣ этого, что передъ волей рефлексъ и продуктъ дѣятельности высшихъ органовъ чувствъ равны, и что она столько же легко, хотя, конечно, и не такъ разнообразно можетъ опредѣляться къ дѣятельности и чувствованіями низшаго порядка?

Значитъ, и со стороны вмѣшательства въ акты единственнаго посторонняго имъ агента, воли, рефлексы и низшія формы дѣятельностей органовъ чувствъ не представляютъ существенныхъ различій, а однѣ лишь количественныя градаціи.

По изложеннымъ до сихъ поръ даннымъ уже легко выстроить три ряда градацій соотвѣтственно тремъ членамъ рефлекторнаго акта.

Въ сферѣ рефлексовъ натуральные толчки, вызывающіе явленіе, отличаются крайнимъ однообразіемъ, потому что цѣли, которыя достигаются отраженнымъ движеніемъ, сравнительно очень просты (захлопнуть входное отверстіе, куда не должны попадать постороннія тѣла, задержать на время жидкое содержимое въ какомъ-нибудь мѣшкѣ, прочистить трубку и проч.). Сообразно съ этимъ, устройство чувствующихъ поверхностей часто разсчитано только на то, чтобы она возбуждалась однимъ механическимъ соприкосновеніемъ. И въ этихъ предѣлахъ всѣ мыслимые раздражители могутъ быть, конечно, очень разнообразны, потому что прикасаться могутъ не только твердыя и жидкія тѣла, но даже газы. Но однообразіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, заключается не въ этомъ, а въ томъ, что—попадетъ ли, напримѣръ, въ глазъ соринка каменная, деревянная, стеклянная или желѣзная, а между жидкостями и газами щелочь, кислота, эѳиръ, хлоръ и проч. —

Digitized by Google

ощущеніе и его двигательный эффектъ всегда будутъ одинаковы. Въ сферѣ же органовъ чувствъ натуральные толчки являются, по мѣрѣ восхожденія отъ вкуса къ зрѣнію, все болѣе и болѣе разнообразными. Напримѣръ, тѣ же самыя соринки, дѣйствуя на глазъ зрительнымъ образомъ, уже очень рѣзко отличаются другъ отъ друга; глазъ найдетъ разницу не только между желѣзной и деревянной соринкой, но даже между двумя однородными со стороны состава. И тѣмъ не менѣе, всѣ внѣшніе толчки, вызываютъ ли они рефлексъ, или дѣятельность высшаго органа чувствъ, глаза, остаются одинаковыми и по природѣ, и по своему значенію. Въ первомъ отношеніи это физическія, химическія или смѣшанныя вліянія на чувствующія поверхности нашего тѣла, а во второмъ—производящія причины явленій.

Относительно среднихъ членовъ мы уже прямо можемъ сказать, что это продукты организаціи чувствующихъ снарядовъ, такъ какъ данныя для такого вывода выяснены были выше; но установка значенія ихъ по отношенію къ крайнимъ членамъ акта требуетъ небольшихъ разъясненій. Извѣстно изъ обыденной жизни, что не всякое впечатлѣніе на высшіе органы чувствъ доходитъ до сознанія,—для этого, какъ говорится, нужно вниманіе. Изъ этого можно было бы, пожалуй, заключить, что средній членъ не всегда роковымъ образомъ слѣдуетъ за первымъ, но это было бы большой ошибкой. Анализъ условій невнимательности всегда показываетъ, что въ ту минуту, какъ глазъ долженъ былъ бы видѣть или ухо слышать,—или сознаніе занято какимъ-нибудь болѣе сильнымъ представленіемъ, или не существуетъ условій для того, чтобы глазъ могъ присматриваться или ухо прислушиваться. Это доказывается еще и тѣмъ, что совершенно аналогичные факты существуютъ и въ сферѣ рефлексовъ. Когда человѣкъ занятъ, напримѣръ, сильно какимъ-нибудь дѣломъ или мыслью, онъ можетъ не ощущать позыва на мочу, голода, соринки въ глазу и проч., но стóитъ, какъ говорится, обратить вниманіе въ сторону этихъ простыхъ голосовъ, и ощущеніе сознается совершенно отчетливо. Значитъ, связь между первымъ и вторымъ членами роковая. Что же касается до связи второго съ третьимъ, то она исчерпывается слѣдующею мыслью: чувствованіе повсюду имѣетъ значеніе регулятора движенія, другими словами, первое вызываетъ послѣднее и видоизмѣняетъ его по силѣ и направленію. Для случаевъ, когда возбужденіе чувствующаго снаряда кончается движеніемъ, такое значеніе второго члена относительно третьяго вытекаетъ съ очевидностью изъ изложенныхъ выше данныхъ. Въ низшихъ формахъ рефлексовъ, гдѣ ощущеніе неспособно къ каче-

Digitized by Google

ственнымъ видоизмѣненіямъ, регуляція эта можетъ быть только количественная, а въ высшихъ формахъ, сверхъ того, и качественная. Но какъ понимать тѣ случаи, когда возбужденіе чувствующаго снаряда, давая средній членъ, не выражается, однако, извнѣ никакимъ движеніемъ? Тутъ, повидимому, извращается самая природа рефлекса, остающагося безъ третьяго члена. Ничуть не бывало—и здѣсь, за среднимъ членомъ, остается все-таки значеніе регулятора движенія, потому что въ этихъ случаяхъ изъ ощущенія родится возбужденіе не двигательныхъ снарядовъ тѣла, а наоборотъ, ихъ тормазовъ. Легко понять въ самомъ дѣлѣ, что безъ существованія тормазовъ въ тѣлѣ, и съ другой стороны безъ возможности приходить этимъ тормазамъ въ дѣятельность путемъ возбужденія чувствующихъ снарядовъ (единственныхъ возможныхъ регуляторовъ движенія!), было бы абсолютно невозможно выполненіе плана той «*самодвижности*», которою обладаютъ въ столь высокой степени животныя. Тормазы эти, какъ показываетъ физіологія, существуютъ, и они-то и приходятъ въ дѣятельность въ тѣхъ случаяхъ, когда рефлексъ или низшая форма дѣятельности органа чувствъ остается какъ-бы безъ третьяго члена. Управленіе этими снарядами сознаніе приписываетъ, какъ извѣстно, волѣ.

Что касается, наконецъ, до градаціи въ характерахъ трехъ членовъ, то она опредѣляется изъ слѣдующаго. Въ низшихъ формахъ рефлексовъ вся двигательная механика родится уже готовой на свѣтъ (новорожденный умѣетъ уже сосать, чихать, кашлять и проч.), а въ высшихъ формахъ нашего ряда третьими членами являются, по крайней мѣрѣ, у человѣка, лишь заученныя движенія, напримѣръ, движеніе глазъ при смотрѣніи, ходьба, употребленіе рукъ, какъ хватательныхъ орудій или рычаговъ и проч. Правда, движенія эти заучиваются въ очень раннемъ возрастѣ, когда о разумѣ не можетъ быть и рѣчи; съ другой стороны, у нѣкоторыхъ животныхъ даже и эти движенія родятся готовыми на свѣтъ, но все же у человѣка разница между обѣими формами очевидна. Насколько велика разница между ними мы увидимъ впослѣдствіи, теперь же замѣтимъ, что и въ средѣ рефлексовъ есть такіе, которые способны къ извѣстнаго рода культурѣ, обученію. Такъ, извѣстно, что новорожденныхъ можно дрессировать въ дѣлѣ сосанія груди и испусканія мочи, пріучивъ ихъ совершать эти отправленія въ опредѣленное время, при опредѣленныхъ условіяхъ; значитъ, въ дѣлѣ заучаемости, движенія высшаго разряда все-таки не стоятъ совсѣмъ особнякомъ.

Послѣднее, что намъ приходится сказать, касается общаго значенія третьихъ членовъ рефлекса. Его мы уже знаемъ — это

Digitized by Google

движенія сплошь цѣлесообразныя въ смыслѣ доставленія тѣлу какихъ-нибудь пользъ; но въ низшихъ формахъ пользы эти, такъ сказать, розничныя, а въ высшихъ — валовыя, служащія всему тѣлу разомъ.

Итакъ, нѣтъ ни единой мыслимой стороны, которою низшіе продукты дѣятельности органовъ чувствъ существенно отличались бы отъ рефлекторныхъ процессовъ тѣла, — всѣ разницы между ними чисто количественнаго свойства. Отсюда же необходимо слѣдуетъ, что соматическіе нервные процессы и низшія формы психическихъ явленій, вытекающія изъ дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ, родственны между собою по природѣ.

Если встать теперь на точку зрѣнія Локка относительно источниковъ психической жизни, раздѣляемую лишь съ немногими ограниченіями всѣми современными психологическими школами, то выходило бы, что соматическіе нервные процессы родственны со всѣми вообще психическими явленіями, имѣющими корни въ дѣятельностяхъ органовъ чувствъ, къ какому бы порядку явленія эти ни принадлежали. Но на пути къ этому строго-логическому и въ то же время вѣрному заключенію стоитъ одинъ очень распространенный предразсудокъ, и его необходимо устранить. Спросите любого образованнаго человѣка, что́ такое психическій актъ, какова его физіономія,—и всякій, необинуясь, отвѣтитъ вамъ, что психическими актами называютъ тѣ неизвѣстные по природѣ душевныя движенія, которыя отражаются въ сознаніи ощущеніемъ, представленіемъ, чувствомъ и мыслью. Загляните въ учебники психологіи прежнихъ временъ— то же самое: психологія есть наука объ ощущеніяхъ, представленіяхъ, чувствахъ, мысли и пр. Убѣжденіе, что *психическое* лишь то, что *сознательно*, другими словами, что психическій актъ начинается съ момента его появленія въ сознаніи и кончается съ переходомъ въ безсознательное состояніе,—до такой степени вкоренилось въ умахъ людей, что перешло даже въ разговорный языкъ образованныхъ классовъ. Подъ гнетомъ этой привычки и мнѣ случалось иногда говорить о среднемъ членѣ того или другого рефлекса, какъ о психическомъ элементѣ или даже какъ о психическомъ осложненіи рефлекторнаго процесса, а между тѣмъ я, конечно, былъ далекъ отъ мысли обособлять средній членъ цѣльнаго акта отъ его естественнаго начала и конца. Но можетъ быть въ психической жизни, за предѣлами ея низшей инстанціи,

Digitized by Google

чувственности, психическіе акты и въ самомъ дѣлѣ принимаютъ форму процессовъ, происходящихъ исключительно въ сознаніи?— Вѣдь не даромъ же человѣкъ способенъ мыслить, закрывши глаза, заткнувъ уши, не употребляя, однимъ словомъ, въ дѣло ни одного изъ органовъ чувствъ. А слѣпой, потерявъ зрѣніе въ зрѣлые годы, развѣ лишается способности думать образами, вспоминать все видѣнное въ жизни? Психологи прежнихъ временъ, а за ними и всѣ образованные люди повидимому правы—психическіе акты высшаго порядка и начинаются, и кончаются въ сознаніи.

Если бы это было такъ, то выводъ, поставленный выше былъ бы очевидно невозможенъ или по крайней мѣрѣ поспѣшенъ; но по счастью не трудно убѣдиться, что въ мысли, о которой теперь идетъ рѣчь, должно лежать величайшее заблужденіе [1]). Допустимъ въ самомъ дѣлѣ, что мысль эта справедлива. Какое значеніе пріобрѣтаютъ тогда рѣчь и письмена, служащія внѣшнимъ выраженіемъ мысли, и вся вообще внѣшняя дѣятельность человѣка, выражающаяся движеніями, или, какъ принято говорить, поступками? Съ нашей точки зрѣнія, эти явленія могутъ быть безъ малѣйшей натяжки приравнены тремъ членамъ психическихъ актовъ низшаго порядка; а съ точки зрѣнія разбираемой мысли это будутъ случаи воздѣйствія души на тѣло. Что́ дѣлается съ тѣмъ легіономъ случаевъ въ практической жизни, изъ которыхъ даже обыденное сознаніе выводитъ заключеніе, что такой-то сознательный поступокъ человѣка есть продуктъ его матеріальной обстановки или нравственной среды, въ которой онъ живетъ, другой—продуктъ вліянія окружающихъ лицъ или голоса чувственности? Въ виду того, что всѣ эти вліянія такъ или иначе, но въ концѣ концовъ входятъ въ человѣка все-таки черезъ посредство чувствующихъ снарядовъ, по нашему это будутъ импульсы къ актамъ, эквивалентные первымъ членамъ низшихъ формъ психической дѣятельности, а по мнѣнію «обособителей психическаго» это случаи воздѣйствія матеріи и тѣла на душу.

Что же разумнѣе, попытаться ли проводить нашу аналогію и за предѣлы чувственности, въ виду того, что есть тьма случаевъ, когда психическая дѣятельность является похожей, ну, хоть даже съ виду, на рефлекторные акты [въ виду особенно того, что психологи прежнихъ временъ не имѣли возможности проводить такой аналогіи, за отсутствіемъ физіологіи въ ряду знаній!] или, остановясь на какой-нибудь отдѣльной формѣ психической дѣятельности, въ родѣ приведенныхъ примѣровъ, разорвать изъ-

[1]) Детальныя доказательства см. ниже, въ 3-й главѣ.

Digitized by Google

а ея внѣшняго вида на части то, что связано природой (т.-е. оторвать сознательный элементъ отъ своего начала, внѣшняго импульса, и конца—поступка), вырвать изъ цѣлаго середину, обособить ее и противупоставить остальному, какъ «психическое» «матеріальному»? И добро бы эта противуестественная операція производилась уже послѣ того, какъ были истощены всѣ средства сохранить цѣлое—ничуть не бывало—сначала производилась операція, а потомъ начинались поиски, какъ бы склеить разорванное. И чего-то не придумывалось съ этой цѣлью. Одинъ говорилъ, что между психическими и матеріальными процессами, связанными между собою во времени, не существуетъ причинной связи, а только параллельность, соотвѣтствіе;—другой, что нервная система есть органъ однихъ матеріальныхъ проявленій души;—третій, что духовное и матеріальное начала хотя и различны, но не противуположны другъ другу и пр. Нужно ли говорить, что все это не болѣе, какъ логическія или даже діалектическія увертки, которыми можно въ самомъ счастливомъ случаѣ удовлетворить только спекулятивный умъ, но никакъ не разрѣшать такіе ярко-реальные вопросы, какъ факты, такъ-называемыя взаимодѣйствія души и тѣла. Въ мысли же о родственности нервныхъ и психическихъ процессовъ всѣ эти факты содержатся, наоборотъ, какъ часть въ цѣломъ.

Итакъ, если бы даже половина, три-четверти, девять-десятыхъ случаевъ высшихъ продуктовъ психической дѣятельности не имѣло съ виду ничего общаго съ явленіями рефлекторнаго типа, то и тогда изъ-за $^1/_{10}$ сходныхъ случаевъ аналогія должна была бы проводиться за предѣлы чувственности—это требованіе разума, науки. Но мы знаемъ, что это не такъ: воззрѣніе Локка, что корни всего психическаго развитія лежатъ въ дѣятельностяхъ органовъ чувствъ, признается, какъ сказано было, съ незначительными ограниченіями всѣми психологическими школами. Значитъ, для аналогіи и здѣсь широкое поле.

Но что же пріобрѣтетъ отъ этого психологія, какъ наука? То, что пріобрѣтается вообще умомъ человѣческимъ изъ сопоставленія *неизвѣстнаго сложнаго* съ болѣе простымъ и болѣе извѣстнымъ (т.-е. расчлененнымъ) *схожимъ*;—то, что вообще даетъ аналогія въ наукѣ. А кто же не знаетъ могучести этого умственнаго средства? Кому, какъ не аналогіи обязаны мы, напр., самыми блестящими теоріями физики, приравнявшими тепло свѣту, то и другое чисто механическому движенію частичекъ? Въ нашемъ случаѣ аналогія есть единственное средство расчленить кон-

Digitized by Google

кретные психическіе факты, отнестись къ нимъ аналитически. Правда, физіологія нашла средство подступить къ изученію психическихъ фактовъ и болѣе прямымъ образомъ, изслѣдуя строеніе органовъ чувствъ и сопоставляя съ анатомическими данными различныя стороны ощущеній, производимыхъ этими органами; но понятно, что это частный случай въ общей системѣ приложенія физіологическихъ данныхъ къ разработкѣ психическихъ явленій—случай, который выясняетъ лишь связь извѣстныхъ характеровъ второго члена рефлекса съ устройствомъ чувствующаго снаряда. Въ предлагаемой же мною системѣ заключаются элементы для всесторонняго изученія цѣльныхъ актовъ съ ихъ началами, серединами и концами.

Дѣло идетъ, какъ читатель, конечно, понимаетъ, на то, чтобы передать аналитическую разработку психическихъ явленій въ руки физіологіи. Права ея въ этомъ направленіи уже настолько выяснены всѣмъ предыдущимъ, что въ данную минуту мнѣ остается подвести развѣ одни итоги.

Всѣ психическіе акты, совершающіеся по типу рефлексовъ, должны *всецѣло* подлежать физіологическому изслѣдованію, потому что въ область этой науки относится непосредственно начало ихъ, чувственное возбужденіе извнѣ, и конецъ — движеніе; но ей же должна подлежать и середина—психическій элементъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, потому что послѣдній оказывается очень часто, а можетъ быть и всегда, не самостоятельнымъ явленіемъ, какъ думали прежде, но интегральной частью процесса. Въ болѣе общей формѣ мысль эта имѣетъ слѣдующій видъ: наука, вѣдѣнію которой подлежатъ моменты, опредѣляющіе психическіе акты и внѣшнія проявленія послѣднихъ, должна очевидно заниматься и выясненіемъ условій зависимости психическихъ явленій отъ опредѣляющихъ моментовъ съ одной стороны, и внѣшнихъ проявленій отъ психическихъ элементовъ съ другой.

Согласно такой программѣ, вѣдѣнію физіологіи должны подлежать и случаи психическихъ актовъ, уклоняющіеся по внѣшнему характеру болѣе или менѣе рѣзко отъ типа рефлексовъ, потому что, на основаніи опыта всѣхъ наукъ (по крайней мѣрѣ естественныхъ), причину всякаго уклоненія явленія отъ основного типа естественно искать прежде всего не въ вмѣшательствѣ новыхъ факторовъ, а въ формѣ зависимости уже извѣстныхъ, особенно если эта форма такъ сложна, какъ въ психическихъ процессахъ. Возможно, конечно, что изученіе явленія съ этой точки зрѣнія

Digitized by Google

поведетъ къ отрицательнымъ результатамъ, или даже приведетъ изслѣдователя къ выводамъ прямо противоположнымъ ожидаемымъ; но такой пріемъ въ дѣлѣ изученія остается все-таки единственно-раціональнымъ, а слѣдовательно неизбѣжнымъ.

Что касается до надежности тѣхъ рукъ, въ которыя попадетъ психологія, то въ нихъ, конечно, никто не усомнится;—порукой въ этомъ тѣ общія начала и та трезвость взгляда на вещи, которыми руководится современная физіологія. Какъ наука о дѣйствительныхъ фактахъ, она позаботится прежде всего отдѣлить психическія реальности отъ психологическихъ фикцій, которыми запружено человѣческое сознаніе по сіе время. Вѣрная началу индукціи, она не кинется сразу въ область высшихъ психологическихъ проявленій, а начнетъ свой кропотливый трудъ съ простѣйшихъ случаевъ; движеніе ея будетъ черезъ это, правда, медленно, но за то выиграетъ въ вѣрности. Какъ опытная наука, она не возведетъ на степень непоколебимой истины ничего, что не можетъ быть подтверждено строгимъ опытомъ; на этомъ основаніи въ добытыхъ ею результатахъ гипотетическое будетъ строго отдѣлено отъ положительнаго. Изъ психологіи исчезнутъ, правда, блестящія, всеобъемлющія теоріи; въ научномъ содержаніи ея будутъ наоборотъ страшные пробѣлы; на мѣсто объясненій въ огромномъ большинствѣ случаевъ выступитъ лаконическое «не знаемъ»; сущность психическихъ явленій, насколько они выражаются сознательностью, останется во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ непроницаемой тайной (подобно, впрочемъ, сущности всѣхъ явленій на свѣтѣ);—и тѣмъ не менѣе психологія сдѣлаетъ огромный шагъ впередъ. Въ основу ея будутъ положены вмѣсто умствованій, нашептываемыхъ обманчивымъ голосомъ сознанія, положительные факты, или такія исходныя точки, которыя въ любое время могутъ быть провѣрены опытомъ. Ея обобщенія и выводы, замыкаясь въ тѣсные предѣлы реальныхъ аналогій, высвободятся изъ-подъ вліянія личныхъ вкусовъ и наклонностей изслѣдователя, доводившихъ психологію иногда до трансцендентальныхъ абсурдовъ, и пріобрѣтутъ характеръ объективныхъ научныхъ гипотезъ. Личное, произвольное и фантастичное замѣнится чрезъ это болѣе или менѣе вѣроятнымъ. Однимъ словомъ, психологія пріобрѣтетъ характеръ положительной науки.

И все это можетъ сдѣлать одна только физіологія, такъ какъ она одна держитъ въ своихъ рукахъ ключъ къ истинно-научному анализу психическихъ явленій.

Digitized by Google

II.

Критическая оцѣнка матеріала, изъ котораго должна строиться психологія.—Выясненіе общихъ критеріевъ для отличенія психическихъ реальностей отъ психическихъ фикцій.—Классификація психологическихъ задачъ.

Показавъ, кому быть психологомъ, я обращаюсь теперь къ другой половинѣ своей задачи—къ выясненію пути, которому нужно слѣдовать въ разработкѣ психическихъ фактовъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, вопросъ о матеріалѣ, изъ котораго должна строиться психологія.

Такимъ матеріаломъ всегда служила и служитъ по преимуществу та сумма психологическихъ самонаблюденій и наблюденій надъ другими людьми изъ сферы обыденной жизни, которая извѣстна всякому подъ общимъ именемъ практической или обыденной психологіи. При скромности тѣхъ цѣлей, которыми задается физіолого-психологъ, матеріалъ этотъ болѣе чѣмъ достаточенъ со стороны обширности; кромѣ того, онъ обладаетъ двумя очень рѣдкими свойствами,—общедоступностью и сподручностью, дѣлающими его крайне удобнымъ для употребленія. Расширять въ настоящее время сферу изслѣдованія за его предѣлы было бы, по моему мнѣнію, дѣломъ не только безполезнымъ, но даже вреднымъ, потому что опытъ всѣхъ положительныхъ наукъ, да, полагаю, и опытъ обыденной жизни указываютъ на то, что прочность всякихъ выводовъ зависитъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, главнѣйшимъ образомъ не отъ богатства матеріала, а отъ степени его разработанности, такъ какъ послѣднею прямо опредѣляется его пригодность для употребленія. Разработанностью же нашъ матеріалъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, вообще не отличается.

Если присмотрѣться внимательнѣе къ тому, что собрано человѣкомъ въ дѣлѣ самонаблюденія, при сравнительно маленькой помощи со стороны науки (или правильнѣе, со стороны лицъ, лишь болѣе настойчиво размышлявшихъ о психическихъ явленіяхъ чѣмъ другіе), то оказывается, что весь матеріалъ носитъ на себѣ всѣ признаки *самоизученія*. Въ самомъ дѣлѣ, житейская или практическая психологія, во-первыхъ, устанавливаетъ, на основаніи ясно-сознаваемыхъ различій, не только виды, но и роды психическихъ явленій; другими словами, она выясняетъ объекты познанія и классифицируетъ ихъ. Затѣмъ практическая психологія подмѣчаетъ всѣ главнѣйшія условія, которыми опредѣляется возникновеніе, ходъ и конецъ психическихъ актовъ, т.-е. уже *изучаетъ* психическія явленія;—наконецъ, дѣло завершается тео-

Digitized by Google

ріей или, правильнѣе, нѣсколькими теоріями происхожденія психическихъ явленій. Объяснимъ все это примѣрами.

Уже простолюдинъ умѣетъ отличать психическій актъ, происходящій при смотрѣніи на что-нибудь, отъ размышленій о томъ же предметѣ, что выражается въ словахъ *видѣть* и *думать*. Немного образованія нужно и для того, чтобы понять, что между актомъ реальнаго видѣнія предмета и воспоминаніемъ о немъ должно существовать родство. Еще маленькое усиліе мысли, и третьей родственной формой является представленіе объ общихъ признакахъ родственныхъ предметовъ—понятіе. Рядомъ съ этими элементами всякаго мышленія, сознаніе отличаетъ душевныя движенія совершенно другого характера, которымъ придаетъ родовое имя *чувства* (чувство удовольствія или отвращенія, ожиданіе, страхъ, радость, тоска, печаль, восторгъ и пр.), и въ то же время распредѣляетъ въ различныя группы, соотвѣтствующія видамъ и разновидностямъ, руководствуясь при этомъ то степенью ихъ напряженности (чувство и страсть), то большею или меньшею ясностью (спокойное чувство и аффектъ), то общимъ характеромъ реакцій, вызываемыхъ ими въ тѣлѣ (чувство возбуждающее и гнетущее) и пр. Въ деталяхъ эта классификація не можетъ не представлять, конечно, крупныхъ недостатковъ, такъ какъ непосредственное наблюденіе скользитъ лишь по самой поверхности явленій; но въ общемъ, особенно по отношенію къ установкѣ родовыхъ признаковъ, она вѣрна. Кто не знаетъ въ самомъ дѣлѣ, что чувство отличается отъ представленія или мысли стремительностью, субъективностью, неспособностью расчленяться, что на этомъ основаніи оно не поддается прямому описанію на словахъ, несмотря на рѣзкость, съ которою часто сознается и пр.

Этими двумя основными формами (умъ и чувство) резюмируется для самосознанія вся чисто духовная сфера человѣка, если отбросить въ сторону внѣшнее проявленіе ея, т.-е. поступки. И нужно признаться, въ этой части своей задачи, т.-е. въ установленіи родовъ и видовъ психическихъ процессовъ, практическая психологія оказывается часто очень тонкой наблюдательницей.

Съ неменьшимъ успѣхомъ подмѣчаетъ она условія происхожденія психическихъ явленій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно будетъ указать на *память*, какъ основное условіе всей психической жизни; на *вниманіе*, какъ необходимое условіе, чтобы актъ пришелъ въ сознаніе; на анализъ обстоятельствъ, вызывающихъ воспоминаніе, опредѣляющихъ сочетаніе представленій, бо́льшую или ме́ньшую яркость чувства и пр. Сюда же относятся наблюденія надъ связью между различными психическими актами и

Digitized by Google

поступками человѣка, выражающіяся главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что одинъ рядъ проявленій признается инстинктивнымъ, роковымъ, другой сознательно-разумнымъ, одинъ невольнымъ, другой произвольнымъ и пр.

До сихъ поръ практическій психологъ остается на почвѣ наблюденія, и если по временамъ съ нимъ и случаются грѣхи, то винить его можно развѣ лишь въ томъ, что онъ иногда слишкомъ довѣрчиво относится къ голосу самосознанія, забывая вѣчно-поучительный примѣръ вращенія вокругъ земли солнца. Но отсюда сознаніе начинаетъ уже теоретизировать, т.-е. силится объяснить себѣ самую суть происхожденія психическихъ актовъ. Спросите, напримѣръ, любого человѣка, принадлежащаго къ такъ-называемому образованному сословію, но не занимающагося науками, что́ онъ думаетъ о происхожденіи мысли и чувства; и вы навѣрно получите отвѣтъ, что способностью мыслить мы обязаны *уму*, а способностью чувствовать—*чувству*, или чувствительности. А многіе прибавятъ, можетъ быть и теперь, что умъ сидитъ въ головѣ, а чувство въ сердцѣ. Спросите его далѣе, что́ ему извѣстно о связи между мыслями и желаніями съ одной стороны, и поступками человѣка съ другой,—и онъ навѣрно отвѣтитъ вамъ, что такъ какъ человѣкъ воленъ поступать и согласно своимъ мыслямъ и желаніямъ, и наперекоръ имъ,—значитъ, между ними и поступками должна стоять особая *свободная сила*, которая и называется волей. Такою же *объясняющею* силою является у него въ теоретической части *воображеніе*, сочетающее, и иногда очень прихотливо, различныя представленія между собой; въ такую же силу превращается и *память*, бывшая до тѣхъ поръ неопредѣленнымъ условіемъ сохраненія впечатлѣній; то же продѣлывается съ *вниманіемъ* и пр. Въ концѣ же концовъ выходитъ, что образованный человѣкъ *объясняетъ* различныя стороны психическихъ актовъ совершенно также, какъ объясняетъ дикарь непонятныя ему явленія физической природы; вся разница между ними въ томъ, что у одного производящая причина есть созданная его воображеніемъ *сила*, а у второго эта причина—какой-нибудь духъ.

Изъ такого взгляда на психологическій матеріалъ вытекаетъ уже сама собою необходимость строго отличать конкретныя продукты наблюденій отъ всего, что́ носитъ на себѣ характеръ теоретическихъ умствованій или поползновеній объяснять суть дѣла. Но этимъ, къ несчастью, не дается еще возможности различать во всѣхъ случаяхъ обѣ категоріи фактовъ другъ отъ друга, такъ какъ въ основѣ теорій практической психологіи лежатъ часто вѣрно схваченные факты, а съ другой стороны, теоріи эти не-

Digitized by Google

рѣдко имѣютъ на первый взглядъ очень осмысленную логическую форму, несмотря на то, что въ основѣ ихъ лежатъ положительныя фикціи. Главнѣйшимъ, если не исключительнымъ, источникомъ ошибокъ послѣдняго рода служитъ пагубная привычка людей забывать фигуральность, символичность рѣчи и принимать діалектическіе образы за психическія реальности, т.-е. *смѣшивать номинальное съ реальнымъ, логическое съ истиннымъ*. Чтобы сдѣлать для читателя понятными средства къ устраненію этихъ золъ, я принужденъ разобрать дѣло на примѣрахъ.

Очень нагляднымъ примѣромъ ложнаго толкованія вѣрныхъ фактовъ можетъ служить ученіе практической психологіи о волѣ. Въ основѣ его лежатъ слѣдующія наблюденія. У человѣка родится одинъ разъ извѣстное желаніе сдѣлать что-нибудь, и онъ, какъ-бы повинуясь его голосу, удовлетворяетъ это желаніе соотвѣтственнымъ поступкомъ; другой разъ это же самое желаніе, подъ вліяніемъ ли другихъ опредѣляющихъ мотивовъ или какъ будто по капризу, не выражается никакой внѣшней реакціей, никакимъ поступкомъ; и, наконецъ, въ третьемъ случаѣ за желаніемъ возникаетъ дѣйствіе не только несоотвѣтственное требованіямъ желанія, но даже прямо противоположное имъ. Въ послѣднемъ случаѣ характеръ поступковъ можетъ видоизмѣняться отъ человѣка къ человѣку (и даже у одного и того же человѣка при разныхъ условіяхъ) до чрезвычайности; но, во-первыхъ, видоизмѣняемость эта имѣетъ всегда для нормальнаго человѣка опредѣленныя границы, за которыми поступокъ становится уже безумнымъ, продуктомъ умопомѣшательства, невмѣняемымъ проявленіемъ несвободной воли; во-вторыхъ, случай, когда поступокъ прямо противорѣчитъ требованіямъ желанія, остается все-таки наиболѣе рѣзкимъ и рѣшительнымъ въ дѣлѣ установленія теоріи воли. Въ угоду этой теоріи я даже усилю факты, отбросивъ для послѣднихъ двухъ случаевъ вмѣшательство опредѣляющихъ мотивовъ, тогда воля становится очевидно еще независимѣе, являясь исключительнымъ дѣятелемъ въ дѣлѣ опредѣленія поступка. Въ этой формѣ нашъ примѣръ получаетъ слѣдующій видъ: въ первомъ случаѣ изъ желанія родится цѣлесообразное дѣйствіе, во второмъ—реакціи никакой не происходитъ, въ третьемъ—дѣйствіе противорѣчитъ по смыслу мотиву.

Если относиться къ этимъ фактамъ объективно (а это есть единственно-научный способъ относиться къ явленіямъ), то наблюденіе не открываетъ въ нихъ абсолютно ничего новаго, кромѣ только-что перечисленныхъ элементовъ, и въ этомъ смыслѣ я не дѣлаю ни малѣйшей натяжки, сопоставляя избранный мною пси-

Digitized by Google

хологическій примѣръ съ слѣдующимъ рядомъ явленій изъ физическаго міра. Огонь, какъ извѣстно, можетъ согрѣвать тѣла, можетъ и не согрѣвать ихъ (напр., тающій ледъ или снѣгъ), и наконецъ можетъ производить охлажденіе, если между нимъ и тѣлами находится сильно испаряющаяся жидкость. Факты эти общеизвѣстны со стороны условій ихъ происхожденія, и потому никому не приходитъ въ голову снабжать огонь способностью видоизмѣнять изъ самого себя или при посредствѣ особаго свободнаго дѣятеля производимые имъ эффекты, но стóитъ вообразить себѣ, что человѣкъ не знаетъ этихъ промежуточныхъ условій, видя только съ одного конца огонь, а съ другого его дѣйствіе, и аналогія между обоими примѣрами будетъ вовсе не шуточная. Дѣло и заключается именно въ томъ, что въ запутанныхъ явленіяхъ съ вмѣшательствомъ воли отъ обыденнаго человѣческаго сознанія ускользаютъ условія, опредѣляющія тотъ или другой характеръ дѣйствій, и оно, вмѣсто того, чтобы отнестись къ фактамъ объективно, научнымъ образомъ, создаетъ особую ничего необъясняющую силу. Не естественнѣе ли во всѣхъ подобныхъ случаяхъ искать разъясненія дѣла въ формѣ той связи, которая несомнѣнно существуетъ между начальной причиной явленія и его концомъ?

Съ этой точки зрѣнія всѣ теоріи обыденной психологіи, насколько въ основѣ ихъ лежатъ реальные факты, должны разсматриваться на ряду съ неопредѣленными условіями происхожденія той или другой формы явленій.

Такое отношеніе къ фактамъ, какъ ничего не предрѣшающее, нисколько не можетъ вредить разъясненію ихъ, а между тѣмъ, будучи принято какъ принципъ, оно сразу устраняетъ тьму недоумѣній въ дѣлѣ практической оцѣнки психическихъ фактовъ со стороны ихъ реальности.

Въ примѣръ же злоупотребленія рѣчью я возьму нѣсколько отрывковъ изъ философствованій обыденной психологіи о природѣ человѣка.

1) Человѣкъ, какъ отдѣльное звено въ мірозданіи, какъ замкнутое въ себя цѣлое, можетъ быть противуположенъ всему остальному въ мірѣ, обособленъ отъ всего, что находится внѣ его. Въ этомъ смыслѣ человѣкъ есть особь, недѣлимое (цѣлое), единица.

2) Если обозрѣть всю сумму явленій, происходящихъ въ человѣкѣ, то онъ оказывается состоящимъ изъ двухъ началъ, дѣйствующихъ не по однимъ и тѣмъ же законамъ.

3) Какъ существо тѣлесное, *онъ* подчиненъ законамъ матеріальнаго міра, какъ существо духовное, *онъ* стоитъ внѣ ихъ.

Digitized by Google

4) Тѣлесною стороною *онъ* рабъ матеріи, духовною—онъ властелинъ ея.

5) Человѣкъ властенъ не только надъ своимъ тѣломъ, управляетъ не только своими поступками, но власть его распространяется даже на мысли, желанія, страсти и пр.

6) Въ этомъ смыслѣ человѣкъ есть существо свободное, опредѣляющее дѣйствія изъ самого себя.

Если прочитать всѣ эти тирады, то сразу онѣ кажутся простыми, понятными, соотвѣтствующими цѣлому ряду общеизвѣстныхъ фактовъ и даже нелишенными нѣкоторой послѣдовательности, насколько природа человѣка можетъ быть опредѣлена рядомъ афоризмовъ. Но стóитъ только вдуматься въ реальную подкладку перечисленныхъ положеній и взвѣсить, насколько слова соотвѣтствуютъ дѣлу, и большинство афоризмовъ превращается въ рядъ абсурдовъ. Въ самомъ дѣлѣ, — понятіе о человѣкѣ, какъ недѣлимомъ, особи, единицѣ, по самому смыслу этихъ наименованій не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ абстракціей отъ фактовъ его *физической* обособленности въ природѣ; стало быть, во всѣхъ случаяхъ, когда говорится о человѣкѣ, какъ недѣлимомъ цѣломъ, единицѣ, подъ словомъ *человѣкъ* нельзя разумѣть ничего другого кромѣ его физической природы. Съ этой точки зрѣнія всѣ послѣдующіе афоризмы, въ которыхъ подлежащимъ является слово «человѣкъ», были бы очевидными абсурдами. Такъ, второе положеніе превратилось бы въ невозможное уравненіе: тѣлесная форма человѣка=самой себѣ+душа; а остальныя—въ непередаваемую на словахъ безсмыслицу. Но, положимъ, что понятію *человѣкъ* соотвѣтствуетъ сочетаніе души и тѣла; тогда уже во всѣхъ случаяхъ и слѣдуетъ принимать, что человѣкъ=душѣ+тѣло.

Съ этой точки зрѣнія 1-е положеніе было бы невозможно, 3-е и 4-е были бы нелѣпостью [потому что одно и то же *нѣчто* не можетъ въ одно и то же время быть подчинено извѣстнымъ законамъ и стоять внѣ ихъ, быть рабомъ матеріи и въ то же время властелиномъ ея]; а 5-е имѣетъ вообще смыслъ только какъ образъ, потому что власть предполагаетъ всегда два субъекта—властвующаго и подчиняющагося, и слѣдовательно въ нашемъ случаѣ пришлось бы отъ суммы, состоящей изъ души и тѣла, оторвать, въ качествѣ подчиненнаго, не только все тѣло, но и часть души. Какъ ни смѣла подобная операція, но она очень часто производилась надъ бѣдной природой человѣка... по счастью только на словахъ!

Вообще же грѣхи, извѣстные всѣмъ подъ общимъ именемъ игры въ слова, проистекаютъ главнѣйшимъ образомъ изъ того

Digitized by Google

обстоятельства, что человѣкъ, будучи способенъ производить надъ словами, какъ символическими знаками предметовъ и ихъ отношеній, тѣ же самыя умственныя операціи, какъ надъ любымъ рядомъ реальныхъ предметовъ внѣшняго міра, переноситъ продукты этихъ операцій на почву реальныхъ отношеній. Бываютъ, напр., случаи, что въ психологію переносятся крайніе продукты отвлеченія или обобщенія, и тогда въ наукѣ появляются въ видѣ реальностей пустые абстракты въ родѣ «бытія», «сущности вещей» и пр. Другой разъ умъ, подкупаясь расчленяемостью рѣчи, безконтрольно принимаетъ соотвѣтственную расчленяемость и по отношенію къ реальнымъ процессамъ, обозначаемымъ словомъ; отсюда происходитъ столь частое смѣшеніе логическихъ сторонъ мышленія съ психологическими и вообще смѣшеніе логическаго (на словахъ) съ истиннымъ. Наконецъ, бываютъ даже такіе случаи, когда человѣкъ, додумавшись, какъ говорится, до чортиковъ, начинаетъ прямо облекать въ психическую реальность какую-нибудь невинную грамматическую форму; сюда относится, напр., знаменитая по наивности и распространенности игра въ «я». Понятно однако, что всѣ эти грѣхи становятся грѣхами только потому, что перенесеніе фактовъ и выводовъ изъ области именъ въ область реальныхъ предметовъ дѣлается безконтрольно, за неимѣніемъ у обыденнаго сознанія никакихъ общихъ критеріевъ для опредѣленія истинныхъ психическихъ реальностей. Въ самомъ дѣлѣ, естественныя науки развиваются тоже при посредствѣ слова, облекающаго въ опредѣленную форму всѣ ихъ выводы и обобщенія, а между тѣмъ игра въ слова здѣсь почти невозможна, и этимъ онѣ обязаны конечно тому обстоятельству, что діагностическіе признаки матеріальныхъ реальностей прочно установлены.

Явно, что и въ нашемъ случаѣ слово перестанетъ быть источникомъ ошибокъ, какъ только наука установитъ ясно и опредѣленно общіе признаки психическихъ реальностей.

Такимъ образомъ, вопросъ объ общихъ пріемахъ критической оцѣнки матеріала, поставляемаго обыденной психологіей, заканчивается вопросомъ, что́ нужно разумѣть подъ психической реальностью, которая одна можетъ и должна быть объектомъ психологическаго изслѣдованія.

Этотъ вопросъ я раздѣлю на двѣ половины. Въ первой постараюсь показать, *что́ слѣдовало бы* изучать, какъ психическую реальность, а во второй—*что́ можно* изучать какъ таковую.

Digitized by Google

Выше, проводя параллель между нервными и психическими актами, я старался доказать ихъ родство между собою, съ цѣлью доказать возможность разработки послѣднихъ, по аналогіи съ первыми. При этомъ рѣчь шла почти исключительно о внѣшнихъ признакахъ актовъ, объ элементахъ явленій того и другого рода; но за такой аналогіей проявленій предполагались конечно и болѣе существенныя сходства — аналогіи производящихъ причинъ. Другими словами, если въ нервномъ актѣ существеннымъ и единственно-реальнымъ является сумма тѣхъ матеріальныхъ процессовъ, которые происходятъ въ томъ или другомъ отдѣлѣ нервной системы, то и въ психическихъ актахъ единственно реальнымъ можетъ быть только соотвѣтственная сторона фактовъ. Въ этомъ смыслѣ психическая реальность получила бы крайне опредѣленную, такъ сказать, осязательную форму и дѣло отличенія психической реальности отъ психологической фикціи сдѣлалось бы такимъ же легкимъ, какъ, напр., для физика дѣло отличенія свѣтового эфира отъ воздуха. Къ несчастью, свѣдѣнія наши о нервныхъ процессахъ [1]), даже для случая наиэлементарнѣйшихъ рефлексовъ, почти равны нулю. Мы знаемъ лишь матеріальную форму, въ сферѣ которой происходитъ явленіе, нѣкоторыя изъ условій его нормальной видоизмѣняемости, умѣемъ воспроизводить явленіе искусственно съ тѣмъ или другимъ характеромъ, знаемъ какую роль играетъ въ цѣльномъ явленіи та или другая часть снаряда и т. д.; но природа тѣхъ движеній, которыя происходятъ въ нервѣ и нервныхъ центрахъ, остается для насъ до сихъ поръ загадкой. Поэтому разработка, или по крайней мѣрѣ выясненіе, этой стороны нервныхъ и психическихъ явленій принадлежитъ отдаленному будущему; мы же осуждены вращаться въ сферѣ проявленій. Тѣмъ не менѣе мысль о психическомъ актѣ, какъ процессѣ, движеніи, имѣющемъ опредѣленное начало, теченіе и конецъ, должна быть удержана какъ основная, во-первыхъ, потому, что она представляетъ собою въ самомъ дѣлѣ крайній предѣлъ отвлеченія отъ суммы всѣхъ проявленій психической дѣятельности, предѣлъ, въ сферѣ котораго мысли соотвѣтствуетъ еще реальная сторона дѣла; во-вторыхъ, на томъ основаніи, что и въ этой общей формѣ она все-таки представляетъ удобный и легкій критерій для провѣрки фактовъ; наконецъ, въ-третьихъ, потому,

[1]) Слово „нервный процессъ“ съ этой минуты не нужно смѣшивать съ словомъ „нервное явленіе“; послѣдній терминъ я буду употреблять для обозначенія внѣшнихъ проявленій нервной дѣятельности, а подъ первымъ стану разумѣть недоступный нашимъ чувствамъ частичный (молекулярный) процессъ въ сферѣ нервовъ и нервныхъ центровъ.

Digitized by Google

что этой мыслью опредѣляется основный характеръ задачъ, составляющихъ собою психологію, какъ науку о психическихъ реальностяхъ. Въ первомъ смыслѣ, т.-е. какъ основа научной психологіи, мысль о психической дѣятельности съ точки зрѣнія процесса, движенія, представляющая собою лишь дальнѣйшее развитіе мысли о родствѣ психическихъ и нервныхъ актовъ, должна быть принята за исходную аксіому, подобно тому, какъ въ современной химіи исходной истиной считается мысль о неразрушаемости матеріи. Принятая, какъ провѣрочный критерій, она обязываетъ психологію вывести всѣ стороны психической дѣятельности изъ понятія о процессѣ, движеніи. Если это удается по отношенію ко всѣмъ типическимъ формамъ (конечно, сначала на простѣйшихъ примѣрахъ) психической дѣятельности, напр. по отношенію къ различнымъ сторонамъ чувствованія и мышленія, съ ихъ внѣшними проявленіями, значитъ исходная точка вѣрна. Въ этомъ случаѣ все наиболѣе сложное, неподходящее подъ принятую рамку, должно быть смѣло оставлено подъ вопросомъ для будущаго.

Наконецъ, въ смыслѣ опредѣленія общаго характера задачъ, нашъ принципъ требуетъ, чтобы психологія, подобно ея родной сестрѣ физіологіи, отвѣчала только на вопросы, *какъ* происходитъ то или другое психическое движеніе, проявляющееся чувствомъ, ощущеніемъ, представленіемъ, невольнымъ или произвольнымъ движеніемъ, *какъ* происходятъ тѣ процессы, результатомъ которыхъ является мысль и пр.

Теперь всѣ главнѣйшія орудія изслѣдованія у насъ налицо, и можно уже приступить къ дѣлу. Съ чего однако начать, гдѣ копнуть въ томъ безконечно разнообразномъ матеріалѣ, который составляетъ психическую жизнь? Для перваго приступа казалось бы лучше всего взять психическую дѣятельность какого-нибудь одного человѣка за маленькій промежутокъ времени, напр. за одинъ день, и хоть присмотрѣться къ ея внѣшней физіономіи. Кто не знаетъ эту картину? Если имѣть въ виду только ту сторону ея, которою она отражается въ сознаніи, то психическая жизнь является родомъ волшебнаго фонаря съ безпрерывно мѣняющимися образами, изъ которыхъ каждый держится въ полѣ зрѣнія много-что секунду или доли ея, мелькая иногда какъ тѣнь и обыкновенно уступая мѣсто другому образу, безъ всякаго темнаго перерыва. Это есть непрерывная цѣпь смѣняющихъ другъ друга ощущеній, чувствъ, мыслей и представленій, принимающая

Digitized by Google

то звуковую, то образную или другую форму, цѣпь до такой степени сплоченная, что сознаніе отличаетъ въ ней пустые промежутки лишь съ крайнимъ трудомъ, притомъ въ исключительныхъ случаяхъ. И цѣпь эта тянется въ такой формѣ ежедневно, отъ пробужденія до засыпанія; самый сонъ не всегда прерываетъ ее, замѣняя дневные образы ночными грёзами. Если же присматриваться къ тѣмъ вліяніямъ, которыя дѣйствуютъ на человѣка въ теченіи дня извнѣ, и сопоставить ихъ съ продуктами сознанія, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ между ними можно открыть болѣе или менѣе легко причинную связь (когда, напр., человѣкъ думаетъ непосредственно о видѣнномъ, слышимомъ, осязаемомъ и пр.), но чаще, т.-е. для большинства звеньевъ цѣпи, такой связи открыть непосредственно невозможно, такъ что они являются съ виду какъ-бы самобытными продуктами сознанія. Не менѣе сложнымъ и запутаннымъ представляется отношеніе между продуктами сознанія и явленіями въ двигательной сферѣ: въ теченіе всего дня въ тѣлѣ замѣчается непрерывный рядъ движеній, которыя тоже смѣняютъ другъ друга обыкновенно безъ ощутимыхъ промежутковъ, и одни изъ нихъ появляются какъ-то безцѣльно, машинально, а между тѣмъ стоятъ въ очевидной связи съ душевными движеніями (мимика лица и тѣла); другія принадлежатъ явственно къ заученнымъ движеніямъ и цѣлесообразны по отношенію къ опредѣляющимъ ихъ въ данную минуту мотивамъ, а между тѣмъ и въ нихъ чувствуется какая-то машинальность (сюда относятся, напр., всѣ заученныя комбинаціи движеній ремесленника); третьи служатъ непосредственнымъ воплощеніемъ того, что происходитъ въ сознаніи (рѣчь); четвертыя появляются наоборотъ безъ всякаго повода и отношенія къ нему (привычныя движенія) и пр. и пр. Все же взятое вмѣстѣ представляетъ такую пеструю и запутанную картину безъ начала и конца, которая во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ крайне мало приглашающаго начать изслѣдованіе съ нея [1]). Въ самомъ счастливомъ случаѣ человѣкъ вынесетъ изъ разсматриванія ея только недоумѣніе, представляетъ ли психическая жизнь одинъ цѣльный актъ, тянущійся безъ перерыва всю жизнь съ сравнительно маленькими промежутками ночного затемнѣнія сознанія, или картина эта есть результатъ сплоченія въ цѣпь отдѣльныхъ звеньевъ, совершавшихся нѣкогда въ тѣлѣ въ формѣ одиночныхъ актовъ.

---

[1]) Тѣмъ не менѣе въ Германіи нашлись-таки люди (Гербартъ и его послѣдователи), которые приняли эту картину за исходный пунктъ изслѣдованія и взялись распутать ее.

Digitized by Google

Такое недоумѣніе не можетъ по счастью продолжаться долго. Есть очень простой способъ убѣдиться въ томъ, что изъ обоихъ воззрѣній вѣрно только послѣднее. Для этого стоитъ лишь разсматривать картину психической дѣятельности не за одинъ только день, а за большой промежутокъ времени. При этомъ оказывается, что въ ряду образовъ, повторяющихся изо-дня въ день съ утомительнымъ однообразіемъ, выскакиваетъ вдругъ нѣчто новое, какое-нибудь образное представленіе, чувство, мысль, положенная на слова, и т. д. Дѣлается провѣрка и выходитъ, что новый гость, втѣснившійся въ картину, есть пріобрѣтеніе дня — встрѣча новаго лица, вызванныя имъ ощущенія, новая мысль, прочитанная въ книгѣ и т. д. Еще поучительнѣе сравненіе картинъ психической дѣятельности у образованнаго человѣка и простолюдина: у перваго она богата и образами и красками, а у второго все содержаніе ея вертится почти исключительно вокругъ вопросовъ о матеріальномъ существованіи. Еще одинъ шагъ книзу, и вы встрѣчаетесь съ сознаніемъ ребенка, которое, какъ извѣстно, представляетъ родъ канвы, на которой мало-по-малу выводятъ узоры реальныя встрѣчи съ внѣшнимъ міромъ и воспитаніе. Не ясно ли послѣ этого, что дневная картина психической дѣятельности взрослаго человѣка должна была слагаться мало-по-малу изъ отдѣльныхъ актовъ, возникавшихъ въ различные моменты существованія?

Послѣдній выводъ дѣлаетъ уже совершенно очевиднымъ, что дневная картина психической дѣятельности человѣка не можетъ быть взята за исходный объектъ изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе взглядъ на нее все-таки полезенъ, потому что изъ него естественно вытекаетъ слѣдующая группировка задачъ нашей науки:

1) Психологія должна изучать исторію возникновенія отдѣльныхъ элементовъ картины;

2) изучать способъ сплоченія отдѣльныхъ элементовъ въ непрерывное цѣлое; и наконецъ—

3) изучать тѣ пружины, которыми опредѣляется каждое новое возникновеніе психической дѣятельности послѣ существовавшаго перерыва.

Или, переводя эти образы на болѣе научный языкъ:

1) Психологія должна изучать исторію развитія ощущеній, представленій, мысли, чувства и пр.

2) Затѣмъ, изучать способы сочетанія всѣхъ этихъ видовъ и родовъ психическихъ дѣятельностей другъ съ другомъ, со всѣми послѣдствіями такого сочетанія (приэтомъ нужно однако напередъ имѣть въ виду, что слово сочетаніе есть лишь образъ); и наконецъ—

Digitized by Google

3) изучать условія воспроизведенія психическихъ дѣятельностей.

Явленія, относящіяся во всѣ три группы, издавна разсматриваются во всѣхъ психологическихъ трактатахъ [1]); но такъ какъ въ прежнія времена «*психическимъ*» было только «*сознательное*», т.-е. отъ цѣльнаго натуральнаго процесса отрывалось начало (которое относилось психологами для элементарныхъ психическихъ формъ въ область физіологіи) и конецъ, то объекты изученія, несмотря на сходство рамокъ у насъ, все-таки другіе. Исторія возникновенія отдѣльныхъ психическихъ актовъ должна обнимать и начало ихъ, и внѣшнее проявленіе, т.-е. двигательную реакцію, куда относится между прочимъ и рѣчь. Въ ученіи о сочетаніи элементовъ психической дѣятельности необходимо обращать вниманіе и на то, что́ дѣлается съ началами и концами отдѣльныхъ актовъ. Наконецъ, въ третьемъ ряду задачъ должны изучаться условія репродукціи опять-таки цѣльныхъ актовъ, а не одной середины ихъ.

Теперь читатель, конечно, въ правѣ ожидать отъ меня, чтобы я доказалъ на дѣлѣ примѣнимость изложенныхъ общихъ началъ къ аналитическому изученію *всѣхъ* главнѣйшихъ сторонъ психическихъ дѣятельностей; иначе меня справедливо можно было бы упрекнуть въ томъ, что я, колебля вѣру въ старые пути науки и какъ-бы указывая на новые, не беру на себя однако труда доказать, что по этимъ новымъ путямъ наука дѣйствительно можетъ двигаться. Это я и постараюсь сдѣлать, но съ слѣдующей оговоркой.

Въ «Рефлексахъ головного мозга» я уже пытался разъ примѣнить эти самые принципы къ разработкѣ всѣхъ главнѣйшихъ формъ психической дѣятельности, но такъ какъ въ сочиненіи много разъ настойчиво говорилось, что всѣ явленія разбираются только со стороны способа ихъ происхожденія, то у читателя, знакомаго съ содержаніемъ этой книги, могла до сей поры совершенно справедливо держаться въ головѣ мысль, что этотъ этюдъ въ самомъ счастливомъ случаѣ могъ доказать только приложимость физіологическихъ аналогій къ чисто внѣшней сторонѣ психическихъ дѣятельностей. Теперь же, когда выяснены причины, почему психологія, какъ наука, можетъ касаться въ настоящее время именно только этой стороны явленій, взглядъ на дѣло дол-

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, во вторую группу задачъ относится такъ-назив. процессъ ассоціаціи психическихъ дѣятельностей, а въ третью—процессъ репродукціи.

Digitized by Google

женъ очевидно измѣниться. Научная психологія, по всему своему содержанію, не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ рядомъ ученій о происхожденіи психическихъ дѣятельностей. Съ этой точки зрѣнія всѣ выводы въ «Рефлексахъ головного мозга», которые я продолжаю считать вѣрными, получаютъ значеніе доказательствъ примѣнимости представленныхъ мною теперь общихъ началъ. Смотря на дѣло такимъ образомъ, я могъ бы слѣдовательно отвѣтить на совершенно законное требованіе читателя указаніемъ на то, что уже было прежде сдѣлано мною. Но я поступлю иначе.

Мысль о возможности подвести всѣ главнѣйшія формы психической дѣятельности подъ типъ рефлекторныхъ процессовъ я развивалъ въ «Рефлексахъ головного мозга» на постепенно усложняющихся частныхъ примѣрахъ, причемъ моими руководящими мыслями были слѣдующія соображенія: очень многіе случаи психическихъ явленій носятъ явственный характеръ рефлексовъ, стало быть позволительно предположить, что когда психическій актъ является безъ всякаго выраженія извнѣ (движеніемъ), или, наоборотъ, двигательный конецъ его усиленъ, случаи эти могутъ быть подведены подъ рефлексы съ угнетеннымъ, или, наоборотъ, усиленнымъ концомъ. Первому случаю оказалась соотвѣтствующею мысль, второму—аффектъ, страстное движеніе. Когда эта цѣль была достигнута, мнѣ уже оставалось только выяснить на примѣрахъ понятіе о произвольности движеній, и основная цѣль была достигнута.

Ту же самую основную мысль я буду развивать и теперь, но иначе. Я стану слѣдить исторически за психическимъ развитіемъ человѣка (конечно, единичнаго), съ его рожденія на свѣтъ, постараюсь подмѣтить главнѣйшія фазы его (т. е. развитія) въ томъ или другомъ періодѣ и вывести всякую послѣдующую фазу изъ предыдущей. Такимъ образомъ, ходъ мысли, какъ болѣе общій, будетъ обнимать явленія полнѣе, и гипотетическіе выводы прежняго труда подкрѣпятся новыми доводами. Приэтомъ я считаю, однако, нужнымъ оговориться, что не коснусь здѣсь ни природы такъ-называемой ассоціаціи впечатлѣній, или, правильнѣе, рефлексовъ, ни природы репродукціи ихъ, такъ какъ эти явленія выяснены были мною прежде и прибавить въ этомъ отношеніи что-нибудь существенно новое я не могу. Прошу только читателя держать въ умѣ, что ассоціація есть результатъ частаго повторенія нѣсколькихъ послѣдовательныхъ рефлексовъ, а репродукція любого психическаго акта — не что иное, какъ фотографическое повтореніе одного и того же процесса при количественно измѣненныхъ условіяхъ возбужденія чувствующаго снаряда.

Digitized by Google

III.

Въ младенчествѣ и дѣтскомъ возрастѣ всѣ психическія явленія носятъ характеръ рефлексовъ.—Единственные, очень крупные переломы въ послѣдующемъ психическомъ развитіи составляютъ: развивающаяся мало-по-малу мыслительная способность и произвольность дѣйствій.—Анализъ мышленія, какъ процесса, въ связи съ его реальными субстратами, показываетъ, однако, что въ акты мышленія не приходитъ никакихъ новыхъ элементовъ, помимо тѣхъ, которыми опредѣляется переходъ конкретнаго ощущенія изъ состоянія слитности въ болѣе и болѣе расчлененную форму; и такъ какъ опытъ ясно указываетъ на то, что начало процесса расчлененія ощущеній падаетъ на младенческій возрастъ и что процессъ идетъ отсюда безъ существенныхъ измѣненій вплоть до случаевъ отвлеченнаго мышленія, то этимъ доказывается, что мыслительная дѣятельность не представляетъ перелома ни съ какой существенной стороны въ ходѣ психическаго развитія человѣка. — Физіологическій анализъ произвольныхъ движеній и перенесеніе данныхъ этого анализа на психологическую почву приводитъ къ тому же результату и въ отношеніи произвольности человѣческихъ дѣйствій.

Вопросъ о томъ, происходятъ ли всѣ психическія дѣятельности по типу рефлексовъ или нѣтъ, рѣшается съ общей точки зрѣнія утвердительно, если можно доказать, что исходныя формы, изъ которыхъ выростаетъ вся психическая жизнь, представляютъ акты, совершающіеся по этому типу, и что природа процессовъ не извращается и во всѣ послѣдующія фазы психическаго развитія.

Чтобы рѣшить первую половину мысли, я приглашаю читателя вдуматься серьёзно въ основное требованіе разума отъ всякой науки, *чтобы она изучала реальности*, и взглянуть съ этой точки зрѣнія, гдѣ и въ чемъ лежитъ начало психическаго развитія человѣка. Отвѣтъ ясенъ: начало падаетъ на младенческій возрастъ и можетъ лежать только въ различныхъ внѣшнихъ возбужденіяхъ чувствующихъ снарядовъ тѣла. Психологія, какъ наука о реальностяхъ, не можетъ отступать отъ такого воззрѣнія ни на іоту, потому что внѣ чувственныхъ вліяній съ ихъ двигательными послѣдствіями новорожденный не представляетъ ничего, кромѣ чистыхъ рефлексовъ (сосаніе, чиханіе, кашель, смыканіе глазъ и проч.). Никому, конечно, и въ голову не придетъ приписывать новорожденному даже настроеніе духа (не говоря уже о болѣе расчлененныхъ психическихъ образованіяхъ), когда онъ молчитъ или плачетъ; всякая кормилица знаетъ, что причина этому лежитъ или въ кишкахъ, или въ кожныхъ ощущеніяхъ. Впрочемъ, защищаемая мною мысль извѣстна обыденному сознанію еще съ другой стороны: оно знаетъ, что нигдѣ зависимость психическаго содержанія отъ окружающей реальной обстановки не выражается

Digitized by Google

съ такою поразительною яркостью, какъ на дѣтяхъ, и что зависимость эта длится не дни, а годы. Далѣе, всякому образованному человѣку извѣстно, что изъ реальныхъ встрѣчъ ребенка съ окружающимъ матеріальнымъ міромъ и складываются всѣ основы его будущаго психическаго развитія.

Стало-быть, исходныя психическія дѣятельности должны представлять со стороны начала актовъ (чувственное возбужденіе) сходство съ рефлексами.

О среднемъ членѣ акта, т.-е. о сознательномъ элементѣ, у новорожденнаго не можетъ быть собственно и рѣчи, но ничто не говоритъ и противъ того, чтобы возбужденіе чувствующихъ снарядовъ не отражалось въ его сознаніи ощущеніями со всѣми основными дифференціальными характерами ихъ, присущими тому или другому чувствующему снаряду (качественныя различія боли, свѣта, звука и проч.); ощущенія эти не могутъ, однако, не быть слитыми, потому что новорожденный не умѣетъ ни смотрѣть, ни слушать, ни осязать и проч.

Но каковъ конецъ рефлексовъ у новорожденнаго? Казалось бы, что если у взрослаго движеніе можетъ вытекать изъ возбужденія любого óргана чувствъ и нерѣдко выражается такими сложными актами, какъ ходьба, рѣчь и проч., то въ основѣ этихъ будущихъ проявленій должна лежать какая-нибудь преформированная связь между каждымъ чувствующимъ снарядомъ и чуть не всѣми двигательными аппаратами тѣла (нервно-мышечные снаряды). Она можетъ быть и есть уже при рожденіи, но даже у взрослаго связь эта не настолько прямá и непосредственна, какъ въ аппаратахъ, производящихъ чистые рефлексы, потому что при обыкновенныхъ условіяхъ, напримѣръ, ходить заставляетъ взрослаго человѣка не ощущеніе свѣта, или звукъ самъ по себѣ, а зрительное или слуховое представленіе. Стало-быть и удивляться нечего, что ребенокъ, неимѣющій представленій, не начинаетъ двигать руками или ногами, когда на него подѣйствуетъ звукъ или свѣтъ. Только у животныхъ, способныхъ ходить тотчасъ или вскорѣ по рожденіи, непрямая связь, о которой идетъ рѣчь, должна быть вполнѣ прирожденною, у человѣка же она можетъ быть въ этотъ періодъ много-что намѣченной. Поэтому-то возбужденія óрганов чувствъ у новорожденнаго и не выражаются извнѣ двигательными послѣдствіями ни въ туловищѣ, ни въ конечностяхъ. Въ теченіи цѣлыхъ недѣль тѣло новорожденнаго представляетъ родъ инертной массы, и если въ ней замѣчаются по временамъ движенія, то они имѣютъ характеръ какъ-бы случайный и угадать ихъ источникъ нѣтъ возможности.

Digitized by Google

А между тѣмъ уже въ этотъ ранній періодъ въ тѣлѣ ребенка, и именно въ сферѣ глазъ, начинаетъ появляться особый родъ отраженныхъ движеній, вызываемыхъ свѣтомъ. Движенія эти быстро комбинируются въ стройную систему, и въ концѣ концовъ ребенокъ, какъ говорится, выучивается смотрѣть, т.-е. сводить зрительныя оси на предметѣ и передвигать глаза при такомъ положеніи осей вслѣдъ за движеніями предмета или съ одной точки неподвижнаго образа на другую. Это есть внѣшняя, видимая половина *умѣнья смотрѣть*, къ которой присоединяется еще умѣнье приспособлять глазъ къ разстояніямъ, невыражающееся извнѣ никакими ощутимыми признаками, но обусловливаемое, подобно первой половинѣ, дѣятельностью мышцъ. Такъ какъ эти движенія *изучиваются* ребенкомъ самостоятельно, лишь съ крайне малымъ участіемъ матери или кормилицы, то весь процессъ имѣетъ для насъ особенную важность.

Извѣстно, что если ребенокъ лежитъ постоянно въ свѣтлой комнатѣ такимъ образомъ, что свѣтъ падаетъ на его глаза съ боку, то онъ можетъ сдѣлаться косымъ, и именно въ сторону свѣта. Объяснить это можно только тѣмъ, что источникъ свѣта заставляетъ глазъ двигаться въ направленіи къ себѣ [1]). *Актъ*, очевидно, *рефлекторный*, хотя уже на этой ступени развитія явленія умъ нашъ склоненъ видѣть въ немъ проявленіе *инстинктивнаго стремленія* ребенка къ свѣту. Если бы ощущеніе свѣта оставалось неизмѣннымъ при возбужденіи имъ любой части сѣтчатки, то движенію глаза не было бы ни малѣйшей причины видоизмѣняться при продолжающемся вліяніи свѣта. Но этого условія нѣтъ; средняя часть сѣтчатки, лежащая прямо насупротивъ зрачка (такъ-называемое желтое пятно), ощущаетъ свѣтъ во всѣхъ отношеніяхъ тоньше. Стало-быть, когда, при передвиженіи глаза, свѣтъ падаетъ на это мѣсто, возникаютъ условія для видоизмѣненія движенія. Видоизмѣненіе мыслимо только въ двухъ направленіяхъ: оно должно или усилиться, или ослабѣть. Природа выбрала послѣднее—глазъ останавливается въ движеніи. Второй рефлексъ, въ которомъ концомъ акта является тормаженіе существовавшаго движенія.

---

[1]) На лягушкахъ съ отнятыми полушаріями (часть головного мозга), непредставляющихъ ни одного изъ явленій съ характеромъ сознательно-произвольныхъ актовъ, я замѣчалъ очень часто слѣдующее: если такую лягушку посадить спиной къ окну и оставить въ покоѣ на нѣсколько часовъ, то спустя болѣе или менѣе долго, она повертывается лицомъ къ свѣту и остается въ этомъ положеніи уже неопредѣленное время.

Digitized by Google

На этой фазѣ явленіе однако можетъ и не остановиться. При продолжающемся вліяніи свѣта, вслѣдъ за покоемъ можетъ вѣроятно снова развиться движеніе, потому что всѣ хорошо изслѣдованные въ физіологіи случаи рефлексовъ показываютъ, что движенія этого рода, при непрерывно-продолжающемся возбужденіи чувствующаго нерва, принимаютъ характеръ періодичности. При развившемся такимъ образомъ вторичномъ, третичномъ и т. д. движеніи могутъ повториться всѣ условія первичнаго, т.-е. опять сведеніе зрительныхъ осей на той же или на другой точкѣ свѣтового образа; и такимъ образомъ актъ будетъ представлять нерерывистый рядъ послѣдовательныхъ сведеній осей на одну или нѣсколько точекъ предмета.

Но гдѣ же условіе для полнаго окончанія акта? Оно лежитъ въ утомляемости зрительнаго снаряда, прекращающей движеніе и дающей возможность проявиться въ сознаніи продуктамъ возбужденія другихъ органовъ чувствъ.

По тому же типу совершаются и аккомодативныя движенія, потому что и здѣсь для каждаго даннаго случая отстоянія предмета есть только одна степень сокращенія мышцъ, при которой образъ видится вполнѣ ясно. На этомъ моментѣ существовавшее движеніе вѣроятно временно и останавливается, чтобы развиваться затѣмъ вновь.

Вся эта картина, соотвѣтствуя конкретнымъ фактамъ, наблюдаемымъ на взросломъ человѣкѣ при актѣ смотрѣнія, имѣетъ въ свою пользу сверхъ того одну поразительную аналогію изъ сферы спинно-мозговыхъ рефлексовъ: если раздражать обезглавленной лягушкѣ чувствующій нервъ кожи умѣренно сильно, то вслѣдъ за началомъ раздраженія развивается сравнительно сильное и продолжительное движеніе, тогда какъ за усиленнымъ раздраженіемъ первымъ послѣдствіемъ бываетъ не движеніе, а покой въ положеніи, предшествовавшемъ раздраженію.

Передвиганіе сведенныхъ зрительныхъ осей вслѣдъ за двигающимся образомъ уже труднѣе поддается объясненію. Здѣсь впервые встрѣчается серьёзная необходимость прибѣгнуть къ какому-то активному стремленію со стороны ребенка сохранить, удержать въ ясности мелькающій въ полѣ зрѣнія образъ. Въ чемъ заключается это стремленіе, какова его физіологическая подкладка, мы не знаемъ; но всякій чувствуетъ конечно нѣкоторое родство этого факта съ приведеннымъ выше рефлексомъ, который для обыденнаго сознанія представляется тоже инстинктивнымъ стремленіемъ къ свѣту. Разница между ними можетъ быть такая же, какъ между первымъ голодомъ новорожденнаго, когда онъ не

Digitized by Google

сосалъ еще груди, и послѣдующими приступами того же чувства. Во всякомъ же случаѣ по аналогіи съ фактами послѣдующихъ періодовъ развитія можно предположить, что зрительныя ощущенія уже въ этотъ ранній періодъ начинаютъ заключать въ себѣ источникъ наслажденій для ребенка.

Легко понять однако, что представленный мною анализъ далеко не объясняетъ всего явленія (умѣнье смотрѣть) въ его совершенной формѣ. Анализъ коснулся лишь основныхъ чертъ факта, но изъ него нѣтъ ни малѣйшей возможности вывести тѣхъ сторонъ явленій, которыми такъ рѣзко характеризуется всякое *заученное движеніе*, именно легкости, быстроты и машинальной правильности (не только со стороны опредѣленности движенія, но и со стороны достиженія цѣли съ наименьшею затратою силы) его происхожденія; а между тѣмъ сочетанныя движенія глазъ характеризуются всѣми этими свойствами въ высшей степени, по крайней мѣрѣ уже никакъ не меньше сочетанныхъ движеній ходьбы, или любыхъ заученныхъ въ зрѣломъ возрастѣ (желающіе познакомиться подробнѣе съ этою стороною смотрѣнія могутъ обратиться къ учебникамъ физіологіи). Достаточно будетъ сказать, что присущая всякому, даже необразованному человѣку, легкость перцепціи всѣхъ пространственныхъ отношеній видимыхъ предметовъ, т.-е. ихъ очертанія, величины, отстоянія отъ глазъ и пр., опредѣляется именно *заученностью* глазныхъ движеній.

Въ основу всякаго заученія наблюденіе кладетъ, по аналогіи съ явленіями на взрослыхъ, частоту повторенія акта въ одномъ и томъ же направленіи и справедливо выводитъ отсюда, какъ послѣдствіе, легкость и машинальную правильность его происхожнія; но большую или меньшую приспособленность движенія къ его цѣли (снаровку, ловкость) оно приписываетъ для многихъ заученныхъ движеній (напр. ручная ремесленная техника) руководству разума. Послѣднее въ нашемъ случаѣ очевидно невозможно, и потому физіологія принуждена принять въ отношеніи глаза, что та сторона умѣнья смотрѣть, которая выражается умѣньемъ двигать глазами съ наименьшей затратой силы (эту сторону мы будемъ съ этой минуты повсюду называть *снаровкой*), есть продуктъ прирожденной организаціи двигательнаго снаряда.

Такимъ образомъ, почвой, условіемъ для полнаго развитія сочетанныхъ движеній глазъ является опредѣленная организація зрительнаго снаряда, съ его двигательнымъ придаткомъ; моментомъ, вызывающимъ это развитіе, — способность глаза двигаться подъ вліяніемъ свѣта и, наконецъ, условіемъ усовершенствованія движенія—повтореніе фото-моторнаго акта (свѣтового рефлекса).

Digitized by Google

Я намѣренно вдался въ подробное описаніе такого маленькаго факта, какъ заученныя движенія глазъ, по слѣдующей причинѣ: развитіе ихъ, несмотря на то, что оно происходитъ безъ всякаго разумнаго руководства со стороны воспитателя, можетъ служить типическимъ примѣромъ всѣхъ заученныхъ движеній и въ то же время совмѣщаетъ въ себѣ всѣ существенные элементы развитія любой психической дѣятельности. Тутъ сказывается въ самомъ дѣлѣ и связь между матеріальнымъ устройствомъ снаряда и продуктами его дѣятельности, и вмѣшательство памяти, и наконецъ послѣдствія частой репродукціи актовъ; а между тѣмъ все дѣло состоитъ въ частомъ повтореніи рефлексовъ, гдѣ моментомъ, регулирующимъ движенія, является чувствованіе.

Теперь посмотрите на ребенка черезъ полгода по рожденіи, когда онъ выучился смотрѣть, слушать и дѣйствовать руками, какъ хватательнымъ орудіемъ. У него уже много успѣло сложиться привычныхъ ощущеній, которыми опредѣляется его настроеніе духа (акты рефлекторнаго характера); темное неопредѣленное стремленіе къ свѣту превратилось въ наслажденіе яркими образами и красками; видъ блестящаго предмета, вызывая радость, заставляетъ двигаться не только глаза, но и все тѣло; ребенокъ поворачиваетъ голову на звукъ, тянется къ звенящему колокольчику, прыгаетъ и кричитъ отъ радости, схватываетъ рукой все что можетъ и всякую дрянь суетъ себѣ въ ротъ. Однимъ словомъ, по мѣрѣ того, какъ въ сознаніи начинаютъ проясняться, дифференцироваться, зрительныя и слуховыя ощущенія, въ центральной нервной системѣ какъ будто начинаютъ прокладываться новые пути отъ этихъ аппаратовъ ко всѣмъ двигательнымъ снарядамъ тѣла, не исключая и голоса. Можно ли не назвать всѣ эти акты рефлекторными? — а между тѣмъ только изъ нихъ и слагается жизнь ребенка въ эту эпоху развитія.

Но вотъ, ребенка начинаютъ учить ходить и въ немъ начинаютъ замѣчаться начатки рѣчи. Неужели и эти искусства пріобрѣтаются со стороны ребенка машинально?—относительно акта ходьбы это не подлежитъ сомнѣнію. Все обученіе со стороны воспитателя ограничивается тѣмъ, чтобы поддерживать сначала ребенка при его попыткахъ стоять, потомъ поддерживать его при попыткахъ двигать въ стоячемъ положеніи ногами, наконецъ прислонять ребенка къ неподвижнымъ предметамъ, какъ къ точкамъ опоры для туловища. Вся же существенная сторона механики передвиженія тѣла поперемѣнной перестановкой ногъ принадлежитъ самому ребенку. Но откуда же берется у него способность къ такой механикѣ? Спросите себя, почему взрослый человѣкъ

Digitized by Google

при свободной ходьбѣ машетъ совершенно безполезно, а между тѣмъ совершенно правильно и періодично обѣими руками, и почему движенія рукъ и ногъ смѣняются у него въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ движенія переднихъ и заднихъ ногъ при ходьбѣ у любого четвероногаго?—Отвѣтъ едва ли будетъ сомнителенъ: весь нервно-мышечный аппаратъ ходьбы долженъ быть данъ человѣку въ общихъ чертахъ готовымъ, и то, что мы называемъ заученіемъ, не есть созиданіе вновь цѣлаго комплекса движеній, а лишь регуляція прирожденныхъ, примѣнительно къ почвѣ, по которой происходитъ движеніе. Регуляція же эта, какъ показываетъ физіологическій анализъ, заключается въ выясненіи тѣхъ ощущеній, которыми сопровождается передвиженіе по твердой поверхности, служащей опорой для ногъ. Бываютъ болѣзненные случаи, когда человѣкъ теряетъ способность сознавать эти ощущенія, и ходьба становится невозможной.

И искусство произносить заученныя слова, когда ребенокъ видитъ предметъ или слышитъ знакомый звукъ, или вообще получаетъ знакомое уже ощущеніе, пріобрѣтается въ сущности тѣмъ же путемъ. Подобно тому какъ у попугая, котораго учатъ говорить, почвой для пріобрѣтенія искусства служитъ наклонность птицъ выражать ощущенія крикомъ, такъ и у ребенка основнымъ условіемъ способности къ рѣчи служитъ центральная связь между зрительнымъ и слуховымъ аппаратомъ, съ одной стороны, и всѣмъ комплексомъ движеній, участвующимъ въ образованіи голоса и рѣчи, съ другой. Но одна эта связь, какъ показываютъ глухонѣмые, можетъ вести лишь къ нестройнымъ отрывистымъ крикамъ; въ рѣчь же крики превращаются, какъ опять показываютъ тѣ же глухонѣмые, только подъ регулирующимъ контролемъ слуха. Правда, въ настоящее время, когда механическія условія рѣчи извѣстны, выучиваютъ говорить и глухонѣмыхъ, но при этомъ руководителями движеній зубъ, челюстей, языка и нёба служатъ для глухонѣмого зрительныя впечатлѣнія; стало быть и въ этомъ случаѣ процессъ остается прежнимъ. Нужно однако замѣтить, что помимо всѣхъ тѣхъ условій, которыми опредѣляется выясненіе слухового ощущенія и легкость переноса движеній съ зрительнаго и слухового аппаратовъ на органы голоса и рѣчи, въ процессѣ развитія способности говорить принимаетъ участіе со стороны ребенка еще одинъ важный факторъ: инстинктивная звукоподражательность. Выясненный въ сознаніи звукъ или рядъ звуковъ служитъ для ребенка мѣркой, къ которой онъ подлаживаетъ свои собственные звуки и какъ будто не успокоивается до тѣхъ поръ, пока мѣрка и ея подобіе не станутъ тожде-

Digitized by Google

ственны. Физіологическихъ основъ этого свойства мы не знаемъ, но въ виду того, что подражательность вообще есть свойство, присущее всѣмъ безъ исключенія людямъ, притомъ пронизываетъ всю жизнь, и въ зрѣломъ возрастѣ, въ страшно сильной дозѣ [оно лежитъ въ основѣ общественности вообще, играетъ важную роль въ развитіи національнаго характера, ею обусловливается стадность людскихъ дѣйствій, рутина и пр.]; легко понять, что для людей она имѣетъ всѣ характеры родового признака, въ томъ самомъ смыслѣ, какъ обезьянамъ приписывается зрительно-мышечная, а птицамъ слухо-мышечная подражательность. Съ другой стороны, если принять, что, при извѣстныхъ условіяхъ, возбужденія высшихъ органовъ чувствъ стремятся неудержимо (въ сознаніи это обстоятельство должно отражаться именно въ формѣ какого-то стремленія) вылиться въ звукъ или слово, и основное условіе для того, чтобы движеніе могло произойти именно въ этомъ, а не въ другомъ направленіи, уже готово (я разумѣю въ нашемъ случаѣ выясненіе слухового ощущенія); если принять далѣе во вниманіе, что помимо ярко выяснившейся въ сознаніи слуховой мѣрки нѣтъ ничего, кромѣ смутныхъ измѣнчивыхъ слѣдовъ отъ собственныхъ звуковъ, то становится до извѣстной степени понятнымъ, что ребенку ничего не остается болѣе, какъ подлаживаться подъ нее. Одна только эта мѣрка остается въ сознаніи яркою и вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнною, все остальное смутно и измѣнчиво. Въ актѣ есть очевидно нѣкоторое сходство съ заученіемъ глазныхъ движеній подъ вліяніемъ условія доставленія сознанію наиболѣе свѣтлыхъ образовъ, хотя въ послѣднемъ случаѣ актъ и не заключаетъ въ себѣ для обыденнаго сознанія никакихъ элементовъ подражательности.

Вооруженный умѣньемъ смотрѣть, слушать, осязать, ходить и управлять движеніями рукъ, ребенокъ перестаетъ быть, такъ сказать, прикрѣпленнымъ къ мѣсту и вступаетъ въ эпоху болѣе свободнаго и самостоятельнаго общенія съ внѣшнимъ міромъ. Послѣдній продолжаетъ дѣйствовать на него прежними путями, т.-е. черезъ органы чувствъ, слѣдовательно акты по прежнему возбуждаются толчками извнѣ; но вліянія падаютъ уже на иную почву. Уже одно то, что ребенокъ пріобрѣлъ подвижность тѣла, даетъ ему возможность анализировать впечатлѣніе, подобно тому, какъ въ зрѣломъ возрастѣ человѣкъ, желающій познакомиться съ какимъ-нибудь предметомъ, недовольствуется однимъ взглядомъ на него, а осматриваетъ предметъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, подъ разными углами. Но къ этому присоединяется еще болѣе тонкая аналитическая способность глазъ, выучившихся

Digitized by Google

смотрѣть, которая даетъ въ общихъ чертахъ то же самое, что и подвижность всего тѣла. Въ этомъ отношеніи крайне поучительно прислушаться къ разсказамъ слѣпорожденныхъ, которымъ было возвращено зрѣніе въ зрѣлые годы, какъ они видѣли окружающій міръ въ первые дни послѣ операціи. Несмотря на то, что у этихъ людей были уже ясны въ головѣ всѣ пространственныя представленія объ окружающихъ ихъ предметахъ, добытыя путемъ осязанія, все поле зрѣнія казалось имъ наполненнымъ какимъ-то однимъ сплошнымъ образомъ, который какъ будто касался ихъ глазъ, и они даже боялись двигаться изъ опасенія наткнуться на тотъ или другой образъ. И передъ глазомъ, выучившимся смотрѣть, общая картина поля зрѣнія все та же, но она членораздѣльна, объекты вынесены на разныя отстоянія отъ глаза, пустые промежутки между предметами сознаются какъ таковые и пр. Однимъ словомъ, глазъ, выучившійся смотрѣть, расчленяетъ плоскостную картину поля зрѣнія во всѣхъ трехъ измѣреніяхъ, въ высоту, ширину и глубь; и такая способность расчленять относится не только къ цѣльной картинѣ, но и къ каждому изъ ея образовъ въ отдѣльности. Помощникомъ глаза въ дѣлѣ пространственнаго анализа на близкихъ разстояніяхъ является рука. Хватательные рефлексы съ глаза развиты въ эту пору у дѣтей до несносной степени, но дѣло не ограничивается уже тѣмъ, чтобы схватить предметъ, рука повертываетъ его, обнаруживая такимъ образомъ передъ глазомъ разныя стороны предмета.

Гельмгольтцъ, одинъ изъ величайшихъ современныхъ умовъ, человѣкъ, которому психологическое ученіе о развитіи пространственныхъ представленій обязано едва ли не болѣе чѣмъ кому-нибудь другому, резюмируя все, что можетъ дать наблюденіе относительно развитія пространственнаго видѣнія, говоритъ, что представленія о величинѣ, удаленіи, очертаніяхъ и тѣлесности предметовъ *развиваются* какъ-бы *путемъ безсознательныхъ умозаключеній*. И это не фигура, не образъ—впослѣдствіи мы убѣдимся въ этомъ, когда увидимъ, изъ какихъ реальныхъ элементовъ слагается то, что называется въ общежитіи умозаключеніемъ. Въ настоящую же минуту достаточно будетъ замѣтить, что реальная подкладка процесса развитія представленій изъ ощущеній есть лишь частое возбужденіе чувствующаго снаряда при мѣняющихся условіяхъ со стороны перцепирующаго органа. Это единственно-возможное крайнее обобщеніе фактовъ, касающихся процесса развитія названныхъ образованій.

Таковы въ разбираемую эпоху развитія средніе члены психическихъ актовъ, поскольку послѣдніе вызываются реальными воз-

Digitized by Google

бужденіями чувствующихъ снарядовъ. Но такими же являются они и въ репродуцированныхъ актахъ (когда ребенокъ вспоминаетъ видѣнное, слышанное и пр.), такъ какъ представленія не расчленились еще въ эту пору до степени понятій [не нужно забывать при этомъ, что всякій репродуцированный актъ, въ смыслѣ процесса, представляетъ лишь копію реальнаго возбужденія съ разницею только въ началахъ обоихъ актовъ, да и то количественною!].

Теперь посмотримъ, каковы крайніе члены процессовъ въ эту эпоху, и въ какомъ отношеніи они стоятъ къ среднимъ членамъ. Кто не знаетъ, что ребенокъ пускаетъ въ ходъ всѣ заученныя имъ движенія, и пускаетъ въ ходъ съ непостижимой для взрослаго энергіей? Въ эту минуту его тянетъ къ себѣ блестящій предметъ, и онъ бѣжитъ къ нему, но на дорогѣ промелькнула передъ глазами муха, и онъ ловитъ ее; тамъ пискнула птица, и это уважительный предлогъ, чтобы обратить энергію въ другую сторону; вдали замычала корова, и онъ останавливается, чтобы промычать и т. д. и т. д. И, однако, черезъ всю эту безтолковую и безустанную суетню тянется всегда одинъ и тотъ же мотивъ: ребенку *хочется* забрать себѣ въ руки все, что онъ ни видитъ и ни слышитъ, его *тянетъ* ко всѣмъ предметамъ то самое чувство, которое замѣчалось и тогда, когда онъ сидѣлъ еще на рукахъ у матери или няньки, только теперь это чувство опредѣлилось яснѣе, какъ слѣдъ отъ болѣе яркаго наслажденія. Хотите убѣдиться, насколько сильны эти стремленія въ ребенкѣ — уведите его съ прогулки и заставьте силкомъ просидѣть хоть часъ неподвижно. Долго неудовлетворяемое стремленіе къ движенію какъ будто заряжаетъ нервную систему, и тогда достаточно самаго ничтожнаго толчка, чтобы чувство перелилось, какъ говорится, черезъ край и выразилось криками, плачемъ, чуть не судорогами.

Переведя всѣ эти факты на физіологическій языкъ, выходитъ, что въ эту пору развитія продукты возбужденій высшихъ органовъ чувствъ имѣютъ, по преимуществу, страстный характеръ, что въ репродуцированной формѣ они оставляютъ на душѣ стремительный слѣдъ, въ видѣ желанія обладать источниками наслажденій и что стремленія эти представляютъ мотивы, опредѣляющіе внѣшнюю дѣятельность. Слѣдовательно, акты, начинаясь внѣшними возбужденіями чувствующихъ снарядовъ, протекаютъ по знакомымъ уже намъ путямъ, связывающимъ чувствующіе аппараты съ механизмами ходьбы, ручныхъ движеній, голоса и рѣчи.

Digitized by Google

Дальнѣйшіе, но уже и единственные, крупные шаги въ психическомъ развитіи человѣка составляютъ первые проблески ума или мыслительной способности и зачатки свободной воли. Ребенокъ начинаетъ сознавать предметы внѣшняго міра не только въ ихъ обособленности, но и со стороны взаимныхъ отношеній, какъ цѣльныхъ предметовъ другъ къ другу, такъ и частей каждаго отдѣльнаго предмета къ своему цѣлому. Пониманію ребенка открываются чрезъ это тѣ пружины матеріальнаго бытія, которыми связываются объекты внѣшняго міра и которыя составляютъ всю основу какъ обыденнаго, такъ и научнаго міросозерцанія. Изъ элементарныхъ размышленій ребенка выростаетъ мало-по-малу та грандіозная цѣль знаній, которая, начинаясь самымъ поверхностнымъ расчлененіемъ конкретныхъ фактовъ матеріальнаго міра, увѣнчивается точнымъ, непогрѣшимымъ математическимъ знаніемъ. Другая же сторона развитія заключается въ томъ, что человѣкъ мало-по-малу эманципируется въ своихъ дѣйствіяхъ отъ непосредственныхъ вліяній матеріальной среды; въ основу дѣйствій кладутся уже не одни чувственныя побужденія, но мысль и моральное чувство; самое дѣйствіе получаетъ черезъ это опредѣленный смыслъ и становится поступкомъ. Для человѣка является возможность выбора между способами дѣйствія, и въ этомъ смыслѣ его называютъ въ теоріи всегда нравственно - свободнымъ существомъ.

Я постараюсь теперь опредѣлить, изъ какихъ именно элементовъ слагаются въ дѣйствительности акты мышленія, если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія процессовъ.

За исходный пунктъ при рѣшеніи этого вопроса мы должны принять ту общую точку зрѣнія, съ которой логика смотритъ на мысль, или, точнѣе, на словесный образъ ея, и затѣмъ стараться найти, какія реальныя подкладки соотвѣтствуютъ всѣмъ логическимъ элементамъ мысли поочередно. Съ логической стороны, во всякой мысли есть непремѣнно двѣ вещи, два объекта, сопоставленные другъ съ другомъ. Объектами этими могутъ быть крайне разнообразныя вещи въ психическомъ отношеніи: сопоставляться могутъ два дѣйствительно отдѣльныхъ предмета, или одинъ и тотъ же предметъ, но въ двухъ различныхъ состояніяхъ; далѣе—цѣльный предметъ съ своей частью и, наконецъ, части предметовъ другъ съ другомъ. Еще большее разнообразіе представляютъ тѣ направленія, въ которыхъ производится сопоставленіе и которыми опредѣляется весь характеръ послѣдняго элемента мысли — умозаключенія, а черезъ него и такъ-называемое содержаніе всей мысли. Въ простѣйшихъ случаяхъ результатъ сопоставленія огра-

Digitized by Google

ничивается *констатированіемъ* раздѣльности двухъ объектовъ мысли, въ другихъ случаяхъ изъ сопоставленія вытекаетъ или сходство, или различіе между ними — обширная категорія мыслей, содержаніемъ которыхъ является сравненіе; въ третьихъ случаяхъ сопоставленіе даетъ въ результатѣ каузальную связь между объектами, причемъ одинъ является причиной, а другой послѣдствіемъ и т. д. Въ этомъ смыслѣ фразы въ родѣ «дерево зелено, камень твердъ, человѣкъ стоитъ, лежитъ, дышетъ, ходитъ» и пр. заключаютъ въ себѣ уже всѣ существенные элементы мысли: 1) *раздѣльность двухъ объектовъ*; 2) *сопоставленіе ихъ другъ съ другомъ* (въ сознаніи), и 3) *умозаключеніе* (въ приведенныхъ примѣрахъ оно останавливается на степени констатированія отдѣльности объектовъ мысли).

Главная задача наша должна, слѣдовательно, заключаться въ томъ, чтобы указать, какія психическія реальности соотвѣтствуютъ тремъ основнымъ логическимъ элементамъ мысли.

Вопросъ этотъ я буду разбирать на одной только формѣ мышленія, именно на мысляхъ, содержаніемъ которыхъ является *сравненіе*, такъ какъ эта категорія наиболѣе обширна, реальныя подкладки мысли находить здѣсь всего легче, и такъ какъ, наконецъ, *сравненіе* играетъ первенствующую роль даже въ ряду научнаго мышленія [1]).

Образчикомъ мыслительныхъ процессовъ этого рода могутъ служить тѣ безчисленные случаи изъ обыденной практической жизни и даже науки, гдѣ человѣкъ прибѣгаетъ къ сопоставленію и сравненію предметовъ ради оцѣнки ихъ сходствъ и различій во всевозможныхъ отношеніяхъ. При этомъ оцѣночнымъ орудіемъ служатъ впечатлѣнія отъ предметовъ на органы чувствъ и сопоставляются другъ съ другомъ всегда однородныя впечатлѣнія — зрительныя съ зрительными, осязательныя съ осязательными и проч. Взрослый человѣкъ можетъ, впрочемъ, производить совершенно такую же оцѣнку предметовъ и при условіи, когда передъ нимъ въ данную минуту нѣтъ реальныхъ мѣрокъ, которыя онъ могъ бы прикладывать къ оцѣниваемому предмету (оцѣнка

---

[1]) Не менѣе интересна и важна форма мыслительныхъ процессовъ, въ которыхъ содержаніемъ мысли является причинная связь между ея объектами. Но представить въ настоящую минуту картину ея развитія (конечно, съ точки зрѣнія нашихъ принциповъ) невозможно, потому что въ основѣ ея лежитъ главнѣйшимъ, если не исключительнымъ образомъ, способность человѣка отдѣлять въ сознаніи себя отъ своихъ дѣйствій, способность, развивающаяся изъ сопоставленія себя въ состояніи покоя съ собою въ состояніи дѣйствія. Объ этихъ же частныхъ случаяхъ расчлененія конкретныхъ формъ рѣчь можетъ быть лишь въ трактатѣ о произвольныхъ движеніяхъ.

Digitized by Google

разомъ формы, окрашенности предметовъ или ихъ величины, цѣнка рукою вѣса и проч.); но и въ этихъ случаяхъ мѣрка есть только умственная, въ формѣ репродуцированнаго представленія о томъ самомъ реальномъ предметѣ, который выбранъ былъ ы за мѣрку, если бы былъ на лицо. Извѣстно далѣе, что реальное сопоставленіе можно дѣлать не только между двумя, но и между множествомъ предметовъ; однако, процессъ отъ этого нисколько не измѣняется, потому что сравненіе дѣлается все-таки попарно, стало-быть вмѣсто одного акта является только цѣлый ряд ихъ. При этомъ въ умственной сферѣ для случая, когда сопоставляются два реально-раздѣльныхъ предмета (напримѣръ, два камня, два дерева и проч.), *сопоставленію* въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ послѣдовательное происхожденіе двухъ впечатлѣній, раздѣленное между собою во времени и пространствѣ (глазъ переходитъ послѣдовательно съ одного предмета на другой!); значитъ, при этомъ не происходитъ никакого особаго умственнаго процесса. Но какъ понимать случаи, когда въ мысли сопоставляются другъ съ другомъ предметъ и его свойство (дерево зелено, большое и пр.)? И въ этихъ случаяхъ процессъ остается тѣмъ же. Въ самомъ дѣлѣ, непремѣннымъ, исходнымъ условіемъ для мыслей такого рода должна быть способность человѣка расчленять конкретное ощущеніе; эта способность должна быть уже готовой, прежде чѣмъ начинается мысль. Но она, какъ извѣстно, развивается въ очень ранній возрастъ—когда у ребенка ощущеніе, расчленяясь, переходитъ на степень представленія. Разъ же эта способность пріобрѣтена, тогда для сознанія уже все равно, лежатъ ли рядомъ два дѣйствительно отдѣльныя впечатлѣнія (по реальнымъ субстратамъ), или два однородныя, но полученныя при разныхъ условіяхъ перцепціи. Что касается наконецъ до случая, когда сопоставляется одно реальное впечатлѣніе съ репродуцированнымъ старымъ, то и здѣсь есть очевидно реальное условіе раздѣльности объектовъ мысли, такъ какъ репродуцированный актъ является вслѣдъ за реальнымъ. Теперь посмотримъ, что соотвѣтствуетъ второму элементу мысли, сравненію. И здѣсь случай сравненія двухъ реально-отдѣльныхъ предметовъ даетъ наиболѣе ясные отвѣты, особенно если имѣть въ виду сравненіе предметовъ зрительное. При этомъ глазъ продѣлываетъ на каждомъ предметѣ ту самую систему движеній, которая обыкновенно употребляется имъ въ дѣло съ цѣлью выясненія тѣхъ или другихъ сторонъ зрительныхъ ощущеній; смѣривъ (движеніемъ) одинъ предметъ въ длину или ширину, глазъ перебѣгаетъ къ другому предмету съ тою же цѣлью, кривое очертаніе или уголъ срав-

Digitized by Google

ниваетъ съ кривымъ очертаніемъ и угломъ, пятно съ пятномъ и пр. Однимъ словомъ, умственные образы предметовъ какъ-бы накладываются другъ на друга, подобно тому, какъ въ геометріи ученикъ накладываетъ фигуры треугольниковъ, чтобы доказать ихъ равенство.

Но то же самое имѣетъ мѣсто и въ случаяхъ сопоставленія реальнаго впечатлѣнія съ репродуцированнымъ сходнымъ, хотя обыденное сознаніе и не въ силахъ открыть здѣсь этихъ реальныхъ субстратовъ. Дѣло въ томъ, что если ребенокъ можетъ уже думать, мыслить зрительно, это значитъ онъ уже умѣетъ смотрѣть и зрительныя ощущенія уже расчленены у него до степени представленій (такъ какъ оба акта, заучиванье смотрѣнія и расчлененіе ощущенія идутъ рядомъ; см. учебники физіологіи). При этомъ условіи, если взглядъ на реальный предметъ репродуцируетъ въ сознаніи сходный старый образъ (воспоминаніе о видѣнномъ прежде), то вмѣстѣ съ этимъ вторымъ членомъ рефлекса репродуцируется и его третій членъ, заключающійся въ движеніи глазъ (которое въ цѣломъ составляетъ умѣнье смотрѣть). Это-то репродуцированное, или что то же, привычное движеніе, вызванное въ 1001-й разъ, и есть реальный субстратъ сравненія при оцѣнкѣ свойствъ предметовъ, разсматриваемыхъ въ одиночку. Но сознанію извѣстенъ, сверхъ того, еще одинъ результатъ сопоставленія предметовъ—это выступаніе всѣхъ вообще несходствъ предметовъ тѣмъ болѣе рѣзкое, чѣмъ быстрѣе другъ за другомъ слѣдуютъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, сравниваемыя впечатлѣнія. Это *явленіе* такъ-наз. *контраста*, въ силу котораго свѣтъ кажется свѣтлѣе послѣ тьмы, холодъ холоднѣе послѣ тепла, маленькое становится еще меньшимъ рядомъ съ большимъ, дурное дѣлается почти красивымъ и даже отвратительное можетъ превратиться въ источникъ наслажденія. Что касается до вывода, или умозаключенія, то самонаблюденіе не открываетъ никакого соотвѣтствующаго ему особаго процесса — сознаніе лишь констатируетъ найденныя сходства или различія. Другое дѣло, содержаніе умозаключенія — оно опредѣляется тѣмъ направленіемъ, которое принимаетъ въ данную минуту констатированіе. Констатируется, напр., различіе отдѣльнаго признака (части цѣлаго) въ связи съ цѣлымъ— это будетъ реальный субстратъ мыслей, которыми опредѣляется вообще качество или состояніе предмета: *дубъ* зеленъ, *алмазъ* твердъ, *Петръ* сидитъ, *Иванъ* ходитъ и пр. Констатируются наоборотъ сходныя черты сравниваемыхъ предметовъ — являются реальные субстраты мыслей, въ которыхъ всѣ члены по отношенію другъ къ другу прежніе, но гдѣ предметъ является уже бо-

Digitized by Google

лѣе расчлененнымъ, отъ него, какъ говорится, отвлечена часть и возведена на степень *понятія;* въ этомъ смыслѣ человѣкъ говоритъ: *дерево* зелено, *камень* твердъ, *человѣкъ* сидитъ, ходитъ. Но дробленіе можетъ идти и далѣе, оно можетъ коснуться не цѣльнаго предмета, но одного изъ его признаковъ. Сознаніе констатируетъ (не нужно забывать, что эти слова фигура!), напр., рядомъ съ различіями какого-нибудь признака (дерево зелено, желто, буро и пр.) сходныя черты въ самомъ признакѣ — это будетъ такое же отвлеченіе части отъ цѣлаго, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, и реальные элементы мысли будутъ опять прежніе, но въ нихъ является расчлененнымъ уже и признакъ; въ этомъ смыслѣ говорится: дерево *окрашено* (второй членъ въ мысли *камень твердъ* остается неизмѣннымъ на томъ основаніи, что ощущеніе твердости, какъ продуктъ нерасчленяемаго чувства, дробиться не можетъ, подобно чувству холода, голода, позыва на мочу и пр.), человѣкъ *неподвиженъ* или *двигается.*

Сопоставленіе болѣе и болѣе раздробленныхъ представленій неизбѣжно ведетъ къ тому, что объектами сравненія становятся уже не конкретныя формы, а отдѣльные признаки ихъ. Отсюда же является возможность сравненія между собою крайне отличныхъ другъ отъ друга формъ (напр., человѣка съ деревомъ, камнемъ и пр.). Черезъ это рядъ мыслей выростаетъ до необозримыхъ размѣровъ, и единственный ясно сознаваемый предѣлъ подобныхъ сравненій можетъ лежать только въ устройствѣ тѣхъ орудій (въ нашемъ случаѣ, конечно органовъ чувствъ), которыми дробится представленіе на отдѣльные элементы. Наука показываетъ однако, что и этотъ предѣлъ не абсолютенъ: гдѣ органъ чувствъ съ его природными свойствами отказывается отъ службы, она вооружаетъ его искусственными средствами анализа, и при помощи ихъ опять начинается исторія дробленія конкретныхъ фактовъ и сопоставленія цѣлаго съ частями, или однѣхъ только частей между собою. Исторія эта повторяется изъ вѣка въ вѣкъ въ наукѣ, и тамъ, гдѣ исчерпается предѣлъ сравненій, обусловленныхъ даже искусственнымъ изощреніемъ органовъ чувствъ и исчерпываются самыя средства къ дальнѣйшему изощренію орудій дробленія — тамъ предѣлъ науки о реальномъ мірѣ. И во всей этой безконечно-длинной цѣпи мыслей, добываемыхъ путемъ сравненія, реальные субстраты мышленія, какъ процесса, остаются очевидно одинаковыми; исходное условіе есть расчлененіе конкретнаго представленія, соотвѣтственно аналитической способности органа чувствъ, расчлененіе, которымъ дается возможность остановиться на какой-нибудь одной сторонѣ представленія; а другой

Digitized by Google

и послѣдній моментъ можно обозначить словомъ соизмѣренія расчлененнаго представленія съ репродуцированнымъ по закону ассоціаціи прежде бывшимъ сходнымъ представленіемъ (умственная мѣрка) или съ другимъ реальнымъ впечатлѣніемъ, когда сравниваются между собою два реальные объекта. Первый случай есть основной, исходный, на которомъ у ребенка изощряется способность сравнивать между собою реальные предметы и выводить умозаключенія. Доказательствомъ этому служитъ то, что вся пространственная сторона видѣнія (представленія о величинѣ, удаленіи, тѣлесности предметовъ и пр.), которая можетъ быть выражена на словахъ рядомъ мыслей совершенно тождественныхъ съ приведенными примѣрами, развивается, какъ уже было упомянуто, по Гельмгольтцу, какъ-бы путемъ безсознательныхъ умозаключеній.

Доведя анализъ разбираемой формы мышленія до этой степени, я уже могу формулировать самую суть тѣхъ реальныхъ процессовъ, которые лежатъ въ ея основѣ.

Повтореніе одного и того же рода возбужденій чувствующаго снаряда при мѣняющихся условіяхъ перцепціи ведетъ неизбѣжно къ расчлененію ощущеній, которымъ опредѣляется превращеніе ихъ въ *представленія*. Рядомъ съ этимъ неизбѣжно умножаются условія репродукціи впечатлѣній по такъ-называемому закону сходства, а результатомъ каждой такой репродукціи является сопоставленіе въ сознаніи сходственныхъ образованій. Когда же въ тѣлѣ репродуцируется какой-нибудь психическій актъ, это значитъ просто на-просто, что актъ повторяется весь цѣликомъ, слѣдовательно, для случая зрительнаго представленія, воспроизводятся и тѣ движенія, которыя обыкновенно употребляются глазомъ при разсматриваніи предмета. Эти-то движенія, падая теперь на реальный образъ, и представляютъ реальный субстратъ того, что мы выражаемъ словомъ соизмѣренія представленій со стороны формы, длины предметовъ и пр. Со стороны процесса въ сознаніе не вносится этими актами абсолютно ничего новаго — они представляютъ повтореніе старыхъ пріемовъ смотрѣть, слушать, осязать въ приложеніи лишь къ данному новому реальному случаю; но понятно, что ни одно такое соизмѣреніе не можетъ остаться безъ результатовъ—міровой опытъ показываетъ, что всякое детальное познаніе даже чисто внѣшнихъ признаковъ предмета всегда предполагаетъ частое повтореніе возбужденій органа чувствъ сходственными объектами. Мы, напр., привыкли смотрѣть на лицо европейца и легко замѣчаемъ очень тонкія черты въ выраженіи лица, а негры, напр., или китайцы, которыхъ мы видимъ рѣдко, кажутся намъ до такой степени похожими другъ на друга, что мнѣ по

Digitized by Google

крайней мѣрѣ случалось смѣшивать по лицу негритянку-дѣвушку съ негромъ-юношей; значитъ, отъ меня ускользнули даже тѣ крупныя черты, которыми отличаются лица различныхъ половъ въ юношескомъ возрастѣ.

Если принять только-что развитую точку зрѣнія, то оказывается, что случай сравненія двухъ реальныхъ объектовъ нисколько не отличается по содержанію отъ случая соизмѣренія реальнаго объекта съ репродуцированнымъ представленіемъ, принятымъ за мѣрку. Въ ту самую минуту, какъ я взглянулъ на первый предметъ, у меня уже репродуцируется прежній сходственный образъ со всею заученною механикою разсматриванія, и происходитъ первое соизмѣреніе; затѣмъ глазъ переходитъ ко второму предмету и въ сознаніи репродуцируется только-что пережитый актъ—второе соизмѣреніе. Черезъ это-то и становится понятнымъ, какимъ образомъ повтореніе реальныхъ впечатлѣній отъ отдѣльныхъ предметовъ, рядомъ съ репродукціей предшествовавшихъ сходныхъ, можетъ представлять шаблонъ, на которомъ изощряется способность сравнивать между собою реальные предметы.

Итакъ, въ основѣ актовъ мышленія, содержаніемъ которыхъ является сравненіе, наблюденіе не открываетъ ничего кромѣ частаго возбужденія чувствующихъ снарядовъ и связанной съ нимъ репродукціи предшествовавшихъ сходныхъ впечатлѣній съ ихъ двигательными послѣдствіями.

Прежде, чѣмъ перейти ко второму переломному пункту психическаго развитія, я считаю необходимымъ остановиться на приложеніи выработанныхъ точекъ зрѣнія къ двумъ частнымъ случаямъ наиболѣе отвлеченнаго мышленія, именно къ математическому и метафизическому мышленію.

Первый случай представляется особенно поразительнымъ съ слѣдующей стороны. Математика, какъ наука аналитическая о пространственныхъ и количественныхъ отношеніяхъ, не можетъ не дробить своихъ исходныхъ конкретныхъ представленій, и она дробитъ ихъ сильнѣе всякой естественной науки, доводя представленіе о пространствѣ до понятія о математической точкѣ, неимѣющей никакихъ измѣреній, и вообще представленіе о величинѣ до понятія о безконечно-малыхъ величинахъ; а между тѣмъ операція дробленія совершается здѣсь безъ посредства всякаго вооруженія или изощренія нашихъ органовъ чувствъ, подобнаго, напр., микроскопу въ дѣлѣ изслѣдованія мелкихъ формъ, или магнитной

Digitized by Google

стрѣлкѣ въ дѣлѣ опредѣленія электрическихъ движеній и пр. Операція эта совершается очевидно въ умѣ (одна изъ многочисленныхъ причинъ, почему математика называется чисто умозрительной наукой), и стало быть умъ какъ-бы опережаетъ наши органы чувствъ, заходитъ глубже ихъ въ пространственныя и количественныя отношенія. Какъ же помирить подобные факты съ только-что развитымъ воззрѣніемъ, по которому исходнымъ матеріаломъ мышленія долженъ быть анализъ реальныхъ впечатлѣній подъ контролемъ органовъ чувствъ, и какъ объяснить себѣ особенно то обстоятельство, что именно математическое-то мышленіе, имѣющее дѣло съ чистыми абстрактами, и непогрѣшимо, тогда какъ предполагаемый корень его, реальное мышленіе (правильнѣе, мышленіе о реальностяхъ), кишитъ промахами и ошибками? Съ виду все это вѣрно, но на дѣлѣ всѣ корни математическаго мышленія въ сказанномъ направленіи лежатъ все-таки въ реальностяхъ. Не трудно замѣтить, во-первыхъ, что дробленіе пространства до математической точки и всякой вообще величины до понятія о безконечно-маломъ вовсе не представляетъ операцій трудныхъ въ умственномъ отношеніи — на нихъ способны люди не только мало знакомые съ математикой (какъ, напр., я), но и дѣти. Съ другой стороны понятно, что съ этими понятіями, взятыми въ отдѣльности, никто, даже самый первый математикъ на свѣтѣ, не можетъ связывать никакихъ опредѣленныхъ представленій, значитъ и въ этомъ отношеніи всѣ люди равны. Взятая въ отдѣльности, математическая точка понятна только со стороны ея *логическаго* происхожденія: это есть матеріальная точка безъ ея *существенныхъ* аттрибутовъ, т.-е. измѣреній въ трехъ направленіяхъ, какъ будто пустая форма безъ содержанія (фигура!), но въ сущности антитезъ не только всему пространственному, но и всему реальному (понятіе «пространственное» всегда заключается въ понятіи о «реальномъ», какъ часть въ цѣломъ)—*ничто*. Логическое происхожденіе «математической точки» особенно легко понять на томъ основаніи, что ее можно получить и прямымъ переносомъ процесса умственнаго дробленія съ реальныхъ объектовъ (разумѣется, пространственныхъ) на *словесный образъ* или *словесное опредѣленіе* матеріальной точки. Для математика она есть такая величина, которая представляетъ одно только свойство или аттрибутъ—измѣримость въ трехъ направленіяхъ; аттрибуты вещей мы можемъ отдѣлить умственно отъ самой вещи (это выдѣленіе и выражается именно словомъ);—отдѣляетъ ихъ въ данномъ случаѣ и получается прежній (?!) объектъ—точка, но уже безъ аттрибута. Понятіе о «безконечно-маломъ» еще болѣе обще, чѣмъ

Digitized by Google

предыдущее, но происхожденіе его то же самое—это есть антитезъ всему конечному, реальному въ сторону дробленія, величина, какъ говорятъ, приближающаяся къ нулю, но въ сущности *самый нуль, ничто*. Но какъ же математика можетъ мыслить и мыслить непогрѣшимо, имѣя дѣло съ пустыми абстрактами? Дѣло въ томъ, что она никогда не употребляетъ эти понятія въ дѣло, взятыми отдѣльно, а вводитъ ихъ въ анализъ, какъ логическое условіе; въ этомъ смыслѣ говорится, что всякая конечная величина въ безконечное число разъ больше всякой безконечно-малой, математическая линія имѣетъ одно только измѣреніе, непрерывное движеніе есть безконечно быстрый рядъ безконечно малыхъ отдѣльныхъ толчковъ и пр. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ умозаключеній непосредственно чувствуется отголосокъ реальности (напр., расчлененіе непрерывности движенія), а въ другихъ высказывается способность ума переносить продукты анализа, а черезъ это и самый анализъ, съ формъ болѣе сложныхъ или конкретныхъ на формы болѣе простыя, обобщенныя (напр., случай происхожденія линіи изъ движенія точки и пр.). Наиболѣе поразительные примѣры послѣдней способности представляетъ опять-таки математика. Раздѣливъ, напр., всѣ величины условно на двѣ категоріи, положительныхъ и отрицательныхъ, она чисто логически переноситъ всѣ дѣйствія съ одной категоріи на другую, и продуктомъ такого переноса является между прочимъ понятіе о мнимыхъ величинахъ, которое, будучи взято въ отдѣльности, представляетъ абсурдъ, невозможность, а принятое, какъ логическое условіе, представляетъ средство для анализа. Что касается до непогрѣшимости выводовъ математическаго мышленія, то условіе ея лежитъ очевидно не въ какой-нибудь особенности логическаго метода, употребляемаго математиками—наука представляетъ безчисленные примѣры абсурдовъ, до которыхъ умъ человѣческій доходилъ однако строго логически,—а въ свойствахъ матеріала, и именно въ чрезвычайной простотѣ его. Самымъ яркимъ доказательствомъ этого могутъ служить тѣ случаи изъ области физическихъ конкретныхъ фактовъ, которые допускаютъ уже приложеніе къ нимъ математическаго анализа. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, явленіе должно быть расчленено до степени нерасчленяемыхъ болѣе факторовъ, и тогда они входятъ въ анализъ явленія въ формѣ *совершенно опредѣленныхъ* условій, которыя могутъ давать *только опредѣленные* выводы или умозаключенія. Условіемъ для того, чтобы погасить зажженную свѣчку, нужно повидимому только дунуть на нее; но въ этой общей формѣ условіе оказывается далеко неопредѣленнымъ въ смыслѣ роковой зависимости отъ него поту-

Digitized by Google

ханія пламени—нужно дунуть съ извѣстной силой, съ извѣстнаго разстоянія, да еще, чтобы въ свѣтильнѣ не было такихъ веществъ, которыя примѣшиваютъ къ фосфорному составу обыкновенныхъ спичекъ, если хотятъ сдѣлать ихъ способными горѣть на вѣтру и пр. Вотъ эти-то частныя условія и являются въ математическомъ явленіи абсолютно-опредѣленными, вслѣдствіе ихъ дальнѣйшей нерасчленяемости.

Корни метафизическихъ ученій лежатъ въ совершенно естественномъ и потому совершенно законномъ стремленіи (мы даже знаемъ физіологическія основы его) человѣка выдѣлять умственно изъ конкретныхъ фактовъ отдѣльные признаки ихъ и классифицировать послѣдніе на болѣе или менѣе существенные, болѣе или менѣе постоянные. На этомъ зиждется всякая классификація въ наукѣ; а извѣстно, что если классификація раціональна, то она заключаетъ уже въ себѣ всѣ существенные выводы науки; слѣдовательно по цѣли, въ этихъ предѣлахъ, метафизика имѣла бы законное право быть. Но она дѣлаетъ къ несчастью огромный грѣхъ уже своимъ послѣдующимъ шагомъ: вмѣсто того, чтобы дробить свои объекты въ предѣлахъ реальнаго (подобно, напр., зоологу, создающему типъ позвоночныхъ и безпозвоночныхъ животныхъ) и останавливаться въ своихъ заключеніяхъ на добытыхъ только такимъ образомъ фактахъ, она выходитъ изъ мысли, что во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, т.-е. по отношенію ко всѣмъ главнымъ отдѣламъ человѣческаго міросозерцанія (внѣшній міръ, душа человѣка и пр.) умъ человѣческій можетъ зайти за предѣлы познанія посредствомъ органовъ чувствъ (*познаніе посредственное* въ отличіе отъ *познанія непосредственнаго*—умомъ, или путемъ *чистаго умозрѣнія*), подобно тому, какъ математикъ чисто умозрительно доходитъ до понятій о математической точкѣ безконечности въ ту и другую сторону, о положительныхъ, отрицательныхъ и мнимыхъ величинахъ и пр. Задавшись такою мыслью, какъ возможностью, метафизикъ долженъ отвернуться отъ всего непосредственно видимаго, слышимаго и осязаемаго, т.-е. отъ міра реальныхъ впечатлѣній, и перенестись въ болѣе тонкую область *представленій* о реально-видѣнномъ, слышанномъ и пр. въ міръ мыслей. Что же это за міръ? Мысль всегда сохраняетъ въ большей или меньшей степени черты своего первоначальнаго образа, т.-е. реальнаго впечатлѣнія, но она не фотографическій снимокъ съ него; — по мѣрѣ того, какъ мысль восходитъ по ступенямъ, удаляющимъ ее все болѣе и болѣе отъ первоначальнаго источника, она становится, такъ сказать, болѣе и болѣе неосязаемою, отъ нея какъ-бы отваливается что-то постороннее и въ концѣ

Digitized by Google

концовъ остается родъ квинтъ-эссенціи предмета. Этотъ абстрактъ отъ всего чувственнаго, уже не дѣлимый болѣе, идея, и есть *сущность вещей* метафизиковъ — коренное свойство предметовъ (родъ ихъ души), открываемое только путемъ *непосредственнаго познанія*, доступное только чистому умозрѣнію. Наука о подобнаго рода сущностяхъ и есть метафизика.

Прежде, чѣмъ слѣдить по указанному пути за ходомъ метафизической мысли, я считаю необходимымъ привести два общеизвѣстныхъ историческихъ примѣра, чтобы показать, къ какимъ плодамъ приводитъ метафизика.

Извѣстно, что явленія внѣшняго міра издавна разработывались и опытно, и чисто-умозрительно, т.-е. съ философской стороны. Оба эти направленія, изъ которыхъ послѣднее всегда мѣтило проникнуть въ самую глубь вещей, а второе скромно ограничивалось тѣмъ, что дается болѣе или менѣе изощренными органами чувствъ, существовали рядомъ чуть не до нашихъ дней. Философское направленіе увѣнчалось и вмѣстѣ съ тѣмъ закончилось общеизвѣстной германской натуръ-философіей, а опытное продолжается и доселѣ. Натуръ-философія, по своему значенію для жизни человѣчества, едва ли превышаетъ бредъ больного, давно уже забытый всѣми, а опытное естествознаніе, врываясь въ жизнь и обусловливая часто самыя формы ея, представляетъ въ то же время яркую картину постепеннаго расширенія и углубленія нашихъ свѣдѣній о внѣшнемъ мірѣ.—Умозрительный методъ привелъ къ абсурду, а опытное направленіе мало-по-малу достигаетъ именно той цѣли, которую ставитъ себѣ метафизика— проникать болѣе и болѣе въ глубь явленій.

Въ исторіи разработки психическихъ явленій чисто умозрительный методъ господствовалъ, какъ извѣстно, еще сильнѣе, потому что основы для приложенія естественно-научнаго метода къ разработкѣ этой области въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ выяснились лишь въ самое недавнее время. Умозрѣніе работало въ Европѣ со временъ греческой цивилизаціи по наше время, а серьёзное приложеніе естественнаго метода къ разработкѣ психическихъ фактовъ началось со времени открытія Уитстономъ стереоскопа, т.-е. съ 1838 года [1]). Метафизическая школа договорилась, въ лицѣ своихъ крупныхъ представителей послѣдняго времени, до нелѣпостей, принимаемыхъ за таковыя не одними натуралистами, а приложеніе естественно-научнаго метода дока-

[1]) Стереоскопъ открытъ имъ собственно въ 1833 г., но теорія стереоскопа, которая и имѣла то значеніе, о которомъ говорится здѣсь, появилась въ 1838 году.

Digitized by Google

зало уже несомнѣннымъ образомъ, что развитіе представленій изъ ощущеній стоитъ въ прямой связи съ матеріальной организаціей чувствующихъ снарядовъ. — Шагъ громадный, если принять во вниманіе, что отсутствіе свѣдѣній именно относительно этого пункта и было главнѣйшею причиною процвѣтанія метафизическихъ воззрѣній на психическую жизнь.

Но въ чемъ же причина, что метафизическая разработка явленій приводитъ въ концѣ концовъ къ абсурду? — Лежитъ ли фальшь въ самой логической формѣ метафизическаго мышленія, или только въ объектахъ его?

Логическую сторону мышленія мы уже знаемъ: она заключается въ сопоставленіи двухъ объектовъ [которыми могутъ быть или двѣ отдѣльныя конкретныя формы, или цѣлая форма съ своей частью, или наконецъ части одной и той же или двухъ отдѣльныхъ формъ] и въ соизмѣреніи ихъ со стороны сходства, различій, причинности и пр. Кромѣ того, мы умѣемъ узнавать какъ-бы чутьемъ всякую, по крайней мѣрѣ крупную, фальшь въ логической сторонѣ мышленія, что выражается и словами: «выводъ нелогиченъ», «мысль непослѣдовательна» и т. п. Въ подобныхъ грѣхахъ метафизику упрекнуть нельзя: еслибъ они въ ней были, то ученія ея не могли бы такъ долго властвовать надъ умами — метафизическія системы поражаютъ наоборотъ именно своею логическою стройностью, рядомъ съ всеобъемлемостью задачъ. Значитъ, грѣхъ долженъ лежать въ самыхъ метафизическихъ объектахъ. Обстоятельство это для насъ въ высокой степени важно: оно показываетъ сразу, что реальная подкладка умственныхъ процессовъ остается одна и та же, мыслю ли я, оставаясь на почвѣ реальности, или уношусь въ метафизическія области чистыхъ абстрактовъ.

Но какая же фальшь можетъ быть въ метафизическихъ объектахъ?

Когда метафизикъ, съ цѣлью болѣе глубокого познанія, отворачивается отъ міра реальныхъ впечатлѣній, представляющихъ для него родъ оскверненія *сущностей предметовъ* нашими органами чувствъ, и бросается по необходимости (больше броситься некуда) въ міръ идей и понятій, притомъ съ мыслью, что *наиболѣе идеальное*, или что то же, *наименѣе реальное*, по содержанію и есть *самое существенное*, онъ по необходимости встрѣчается съ абстрактами, и забывая, что это дроби, т.-е. условныя величины, нимало не задумываясь, объективируетъ или обособляетъ ихъ въ *сущности*. Поступая такимъ образомъ, метафизикъ — это я говорю съ глубочайшимъ убѣжденіемъ, безъ малѣйшаго

Digitized by Google

преувеличенія — дѣлаетъ $^1/_2 = 1$, $^1/_{10} = 1$, $^1/_{20} = 1$ и т. д. Онъ поступаетъ абсолютно такъ же, какъ еслибы математикъ вздумалъ обособлять математическую точку или мнимую величину, переставъ придавать имъ условное значеніе. Но это еще не все:— условныя величины въ математикѣ, даже въ обособленной формѣ, все-таки представляютъ ясно чувствуемыя отвлеченія отъ реальностей, тогда какъ предѣльные объекты метафизики, или сущности, суть продукты расчлененія уже не реальныхъ впечатлѣній, а словесныхъ выраженій ихъ. Этотъ второй смертный грѣхъ метафизики, вѣрнымъ образомъ котораго можетъ быть случай смѣшенія имени, клички, простого звука съ самой вещью— Петра съ человѣкомъ—имѣетъ корни въ свойствахъ рѣчи и въ отношеніи человѣческаго ума къ ея элементамъ.

Какъ внѣшнее воспроизведеніе представленія или мысли, рѣчь представляетъ родъ звуковой фотографіи, которою воспроизводится, при посредствѣ опредѣленныхъ, но чисто условныхъ знаковъ, расчлененность представленій. Смотрю я, напр., на дерево, и изъ общаго впечатлѣнія выдѣлился въ сознаніи цвѣтъ его листьевъ—выраженіемъ этого расчлененія являются два условныхъ звуковыхъ знака *«дерево зелено»*. Вижу я далѣе, что дерево лежитъ на землѣ; въ этой цѣльной картинѣ выяснены четыре элемента: дерево, его положеніе, земля и касаніе дерева съ землей; стóитъ только нарисовать эту картину на бумагѣ, и всякій убѣдится, что дѣло опредѣляется дѣйствительно четырьмя элементами, и что всѣ они, въ смыслѣ частей картины, однозначущи другъ съ другомъ. Звуковой фотографическій снимокъ съ картины будетъ *«дерево лежитъ на землѣ»* — опять четыре члена, соотвѣтственно четыремъ опредѣляющимъ элементамъ картины. Фотографичность чувствуется далѣе въ самомъ расположеніи звуковъ: главная фигура стоитъ впереди, аттрибутъ ея на второмъ мѣстѣ, затѣмъ слѣдуетъ граница, отдѣляющая главную фигуру отъ побочной, и наконецъ вторая фигура. Теперь я подведу къ послѣднимъ двумъ образамъ любого смышленаго человѣка и попрошу его раздѣлить ихъ на главные составные элементы. Отвѣтъ въ самомъ удачномъ случаѣ будетъ таковъ: въ зрительной картинѣ есть только двѣ вещи, дерево и земля, потому что только ихъ можно отнять дѣйствительно другъ отъ друга, а въ звуковой фотографіи—четыре дѣйствительно отдѣльныхъ члена, четыре слова. Куда же дѣвалась фотографичность? Дѣло въ томъ, что расчлененіе всякаго зрительнаго представленія (выдѣленіе изъ цѣлаго представленія части въ формѣ свойства, положенія предмета и пр.) есть расчлененіе фиктивное, умственное, нисколько не соотвѣтствующее, напр., разрѣзыванію огурца на части, тогда какъ

Digitized by Google

звуковая фотографія, или рѣчь, по самой природѣ своей членораздѣльна. Такую непараллельность между реальною основою мысли и ея звуковой фотографіей, со стороны дѣйствительной раздѣльности объектовъ, очевидно слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, когда производятся умственныя операціи надъ мыслями, чтобы не смѣшать *реальное* съ *фиктивнымъ*; а между тѣмъ это обстоятельство очень часто, и конечно совершенно невольно, упускается изъ виду, вслѣдствіе нашей привычки (пріобрѣтаемой уже съ дѣтства) думать словами даже о такихъ предметахъ, которые дѣйствуютъ на насъ путемъ зрѣнія или осязанія. И это происходитъ тѣмъ легче, что есть множество случаевъ, гдѣ словесная мысль и ея реальная подкладка не параллельны между собой и со стороны умственный расчлененности (примѣръ: связка, copula, какъ логическій элементъ рѣчи, которой часто не соотвѣтствуетъ ничего реальнаго, напр., во фразѣ: кошка *есть* животное). Но и этимъ не исчерпывается еще источникъ заблужденій, данный свойствами рѣчи. Выше было замѣчено, что въ зрительной картинѣ дерева, лежащаго на землѣ, всѣ четыре опредѣляющіе элемента, *какъ части картины*, равнозначущи другъ съ другомъ; звуковые же элементы, *какъ части рѣчи*, нѣтъ. Для глаза всѣ элементы суть, такъ сказать, существительныя, а тѣ же элементы въ рѣчи суть: два существительныхъ, глаголъ и предлогъ. Новая разница, да повидимому капитальная! Спросите человѣка, наклоннаго къ метафизикѣ, отчего это? Онъ навѣрно заговоритъ такъ: «всякое реальное впечатлѣніе, въ сравненіи съ мыслью, грубо, неподвижно, а рѣчь есть родная дочь мысли; поэтому и она въ десятки разъ тоньше и подвижнѣе зрительныхъ образовъ. Посмотрите на литературу и живопись! Одна воспроизводитъ лишь крупныя черты психической жизни, а другая способна передавать малѣйшую складку, малѣйшій оттѣнокъ въ самой мысли!» и пр. и пр. Цѣлый рядъ недомолвокъ, приравненій части цѣлому, и потому цѣлый рядъ ошибочныхъ заключеній. Дѣло заключается здѣсь въ слѣдующемъ.

Человѣкъ способенъ анализировать словесныя формы мыслей въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Раздѣляя мысль на отдѣльныя слова, онъ можетъ относиться къ послѣднимъ, какъ къ роду особей (звуковой анализъ первой степени), имѣющихъ по отношенію къ слуху то же самое значеніе, какъ камень, дерево, солнце и пр. къ глазу. Особи эти онъ можетъ расчленять съ чисто звуковой стороны (слоги и азбучные звуки, какъ продукта звуковаго анализа 2-й и 3-й степени), и затѣмъ сопоставлять ихъ другъ съ другомъ по ихъ смыслу въ рѣчи—граммати-

Digitized by Google

ческая классификація словъ. Дальнѣйшій анализъ падаетъ уже на мысль, взятую цѣликомъ. Здѣсь можетъ изучаться самое построеніе мысли изъ словъ, содержаніе ея и пр. Анализъ послѣдняго рода входитъ уже въ область логики. Но, помимо всѣхъ этихъ общеизвѣстныхъ по результатамъ операцій, умъ человѣческій способенъ еще обобщать клички предметовъ, или ихъ отношеній безъ малѣйшаго отношенія къ обобщенію самыхъ предметовъ и ихъ отношеній. Такъ, во фразахъ: «стая птицъ, табунъ лошадей, стадо коровъ»—слова: *стая, табунъ* и *стадо* равнозначны и суть *видовыя* клички извѣстнаго отношенія, а слово *сборище,* которое можно приложить ко всѣмъ случаямъ, будетъ *родовой* кличкой того же отношенія. Иванъ, Сидоръ, Степанъ суть видовыя клички служителей въ какомъ-нибудь трактирѣ, а *человѣкъ* или *гарсонъ* суть родовыя клички тѣхъ же субъектовъ. Случаи эти, собственно говоря, всегда очень легко отличить отъ словъ, которымъ соотвѣтствуютъ дѣйствительныя обобщенія или понятія: здѣсь общее относится къ частному всегда, какъ часть къ цѣлому (напр., слову «животное», поскольку въ основѣ его лежитъ отвлеченіе части отъ цѣлаго, — «то, что дышетъ, что чувствуетъ, что самодвижно—есть животное»—соотвѣтствуетъ реальный процессъ отвлеченія), тогда какъ видовая и родовая кличка по своему содержанію совершенно тождественны. Такъ, *человѣкъ* есть родовая кличка въ отличіе отъ Ивана, Петра; птица—родовая кличка въ отличіе отъ галки, воробья и пр. Правда, и въ этихъ случаяхъ есть какъ будто нѣчто въ родѣ отвлеченія—я могу нарисовать контурами: человѣка, птицу, рыбу, дерево,—но вѣдь всякій понимаетъ, что когда я говорю: человѣкъ ходитъ, птица летаетъ, рыба плаваетъ, съ объектами мыслей связываются никакъ не контуры предметовъ — отвлеченія формы отъ цѣлаго зрительнаго образа—а реальности, обозначаемыя условнымъ собирательнымъ именемъ.

Понятно, что изъ такого отношенія ума человѣческаго къ элементамъ могутъ вытекать крайне разнообразныя компликаціи, если хоть на минуту упустить изъ виду ея оригинальность, условность. Для разъясненія дѣла я приведу два примѣра, одинъ простой, а другой болѣе сложный.

Когда я говорю: «у Сидора Ивановича такого-то золотое сердце»,—всякій понимаетъ сразу всю глубину безсмыслія, если понимать слова буквально: у клички сердца быть не можетъ, сердце не можетъ быть золотымъ и пр. Но если я сопоставляю, наприм., такія мысли: «синее есть цвѣтъ, красное есть цвѣтъ и зеленое есть цвѣтъ», и вздумаю утверждать, что цвѣтъ есть по-

Digitized by Google

нятіе по отношенію ко всякому частному случаю окрашенія, то это не будетъ уже казаться такимъ абсурдомъ, какъ вышеприведенная фраза, а между тѣмъ это абсурдъ—цвѣтъ есть лишь родовая кличка для всякаго частнаго случая окрашенія. Разсуждаю далѣе: «на землѣ всѣ *предметы*, рядомъ съ цвѣтомъ, имѣютъ еще форму, величину» и пр. Что такое здѣсь слово предметъ? Опять родовая кличка для зрительныхъ объектовъ, потому что *предмета* даже нарисовать нельзя, подобно *человѣку, птицѣ* и т. п. Иду далѣе: «форма, цвѣтъ и величина по отношенію къ *предмету* составляютъ его *свойства*». Мысль совершенно вѣрная и вполнѣ соотвѣтствующая дѣйствительности, если подъ словами «предметъ и свойства» разумѣть не понятія, а родовыя клички, — но страшный абсурдъ, если разумѣть за этими словами продукты расчлененія реальностей.

Теперь попробуйте произвесть надъ фразой «всякій предметъ имѣетъ свойства» такого рода умственныя операціи: всѣ свойства въ предметахъ, цвѣтъ, очертанія, величина, измѣнчивы, но самый предметъ отъ этого не измѣняется—большой и малый камень остаются камнемъ, сѣрый и голубой опять камнемъ, круглый и пирамидальный тоже и т. д. и т. д. — значитъ, свойствами камня не исчерпывается все его содержаніе. Вся операція произведена повидимому логически, а между тѣмъ вы уже въ метафизикѣ; и весь грѣхъ произошелъ, во-первыхъ, отъ того, что вы въ самомъ началѣ фразы обособили свойства въ реальности и противупоставили ихъ предметамъ безъ свойствъ, т.-е. абсурдамъ, опять какъ реальностямъ; другими словами, смѣшали Ивана съ Петромъ.

Но будто бы метафизики въ самомъ дѣлѣ до такой степени запутываются въ своихъ обобщеніяхъ, что теряютъ способность отличать номинальное отъ реальнаго? Между метафизиками было, какъ извѣстно, множество людей съ громаднымъ умомъ. Я и не утверждаю, что они были приведены къ описанному заблужденію исключительно свойствами рѣчи. Свойства эти только способствовали заблужденію, главный же грѣхъ метафизики заключается, какъ уже было сказано, въ убѣжденіи, что человѣкъ можетъ познавать окружающій его міръ помимо органовъ чувствъ и безусловно. Послѣднее убѣжденіе до того распространено между людьми и кажется до такой степени истиннымъ, что я принужденъ сказать нѣсколько словъ объ источникѣ этого самообмана.

Человѣкъ есть опредѣленная единица въ ряду явленій, представляемыхъ нашей планетой, и вся его даже духовная жизнь, насколько она можетъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія,

Digitized by Google

есть явленіе земное. Мысленно мы можемъ отдѣлять свое тѣло и свою духовную жизнь отъ всего окружающаго, подобно тому, какъ отдѣляемъ мысленно цвѣтъ, форму или величину отъ цѣлаго предмета, но соотвѣтствуетъ ли этому отдѣленію дѣйствительная отдѣльность? Очевидно нѣтъ, потому что это значило бы оторвать человѣка отъ всѣхъ условій его земного существованія. А между тѣмъ исходная точка метафизики и есть обособленіе духовнаго человѣка отъ всего матеріальнаго — самообманъ, упорно поддерживающійся въ людяхъ яркой характерностью самоощущеній. Разъ этотъ грѣхъ сдѣланъ, тогда человѣкъ говоритъ уже логически: такъ какъ все окружающее существуетъ помимо меня, то оно должно имѣть опредѣленную физіономію существованія помимо той, въ которой реальность является передо мной при посредствѣ воздѣйствія ея на мои органы чувствъ. Послѣдняя форма, какъ посредственная, не можетъ быть вѣрна, истина лежитъ въ самобытной, независимой отъ моей чувственности формѣ существованія. Для познанія этой-то формы у меня и есть болѣе тонкое, нечувственное орудіе — разумъ. Въ этомъ ряду мыслей всѣ, за исключеніемъ послѣдней, абсолютно вѣрны, но послѣдняя и заключаетъ въ себѣ ту фальшь, о которой идетъ рѣчь: отрывать разумъ отъ органовъ чувствъ, значитъ отрывать явленіе отъ источника, послѣдствіе отъ причины. Міръ дѣйствительно существуетъ помимо человѣка и живетъ самобытной жизнью, но познаніе его человѣкомъ помимо органовъ чувствъ невозможно, потому что продукты дѣятельности органовъ чувствъ суть источники всей психической жизни.

Какъ резюмé только-что оконченныхъ и нѣсколько растянувшихся разсужденій о реально-психической подкладкѣ актовъ мышленія, я выставляю слѣдующія положенія:

1) Начáла мышленія совпадаютъ по времени съ процессомъ расчлененія слитыхъ ощущеній, даваемыхъ младенцу органами чувствъ, потому что и въ это уже время всѣ необходимыя для мышленія реально-психическіе элементы, расчлененность конкретныхъ, слитыхъ ощущеній и акты репродукціи пережитаго, перечувствованнаго, совершаются уже въ тѣлѣ.

2) Когда ребенокъ выучился смотрѣть и слушать, дѣло расчлененія зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній подвинулось уже значительно впередъ. Первыми объективными признаками расчлененности могутъ служить симптомы, по которымъ мать догадывается, что ребенокъ начинаетъ узнавать ея голосъ или лицо. На этой ступени развитія реально-психическіе элементы наипро-

Digitized by Google

стѣйшихъ мыслей, содержаніемъ которыхъ служитъ констатированіе рѣзкихъ свойствъ въ предметѣ, вѣроятно уже готовы.

3) Но когда ребенокъ начинаетъ проявлять явные признаки способности различать разстоянія предметовъ (когда онъ, напр., хватаетъ мать за носъ, не вытягивая тѣла, и тянется къ болѣе удаленнымъ предметамъ), тогда въ немъ происходятъ уже акты, носящіе абсолютно всѣ основные характеры зрительной мысли— тутъ есть и сравненіе, и умозаключеніе; — акты, про которые Гельмгольцъ и сказалъ именно, что они носятъ на себѣ характеры безсознательныхъ умозаключеній [1]).

4) По мѣрѣ умноженія случаевъ возбужденія чувствующаго снаряда одними и тѣми же или сходственными предметами, различныя стороны ощущенія выясняются все болѣе и болѣе, такъ какъ при этомъ постоянно измѣняются въ какомъ-либо отношеніи условія перцепціи; черезъ это для сознанія получаются тѣ же самые результаты, которые даются взрослому разсматриваніемъ предмета не съ одной стороны, а съ многихъ.

5) Но рядомъ, или точнѣе вслѣдъ за каждымъ новымъ реальнымъ впечатлѣніемъ репродуцируется роковымъ образомъ предшествовавшій сходный актъ, слѣдовательно въ сознаніи происходитъ всякій разъ по необходимости сопоставленіе двухъ среднихъ членовъ, и изъ нихъ тотъ, который репродуцированъ, слѣдовательно болѣе старый, болѣе знакомый, принимается за родъ умственной мѣрки. Примѣръ.—Я привыкъ видѣть человѣка безъ пятнышка на носу, и вдругъ вижу это пятнышко; оно всегда крайне сильно оффицируетъ меня. Отчего это? Оттого, что я соизмѣряю старый знакомый образъ, принятый за норму, съ новымъ реальнымъ впечатлѣніемъ.

6) Въ зрительныхъ актахъ, представляющихъ субстратъ вполнѣ сформированной мысли, содержаніемъ которой бываетъ сравненіе,

---

[1]) Изъ физіологіи извѣстно, что въ дѣлѣ опредѣленія отстояній предметовъ отъ собственнаго тѣла, человѣкъ руководствуется даже при самомъ быстромъ взглядѣ на предметы степенью сведенія зрительныхъ осей, или прямѣе, силою мышечнаго ощущенія, сопровождающаго сокращеніе мышцъ, поворачивающихъ оба глаза кнутри. При этомъ къ чисто зрительному ощущенію присоединяется мышечное чувство, какъ оцѣночный элементъ, и величиною послѣдняго какъ-бы опредѣляется умозаключеніе о степени удаленія предмета. Сходство этого акта съ разумной оцѣнкой удаленія предметовъ высказывается еще рѣзче въ томъ обстоятельствѣ, что извѣстный геометрическій способъ опредѣлять положеніе отдаленной точки по данной базѣ и угламъ, которые образуются прямыми, соединяющими точку съ концами базы, есть не что иное, какъ маленькое видоизмѣненіе того же акта: база соотвѣтствуетъ прямой, соединяющей центры обоихъ глазъ, а эквивалентомъ силы мышечныхъ сокращеній являются углы при концахъ базы.

Digitized by Google

мы знаемъ и реальный субстратъ послѣдняго элемента.—Это есть репродуцированная мышечная механика смотрѣнія, являющаяся какъ конецъ репродуцированнаго акта. Она падаетъ теперь на реальный образъ, и происходитъ *реальное* соизмѣреніе, въ родѣ накладыванія треугольниковъ другъ на друга.

7) Умозаключенію не соотвѣтствуетъ никакого реальнаго субстрата; но содержаніе его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и содержаніе всей мысли, опредѣляется тѣмъ, какими сторонами сопоставляются другъ съ другомъ реальные факторы мысли [не нужно забывать, что этими факторами могутъ быть одинъ предметъ и то или другое его качество или состояніе, два цѣльныхъ предмета, или наконецъ качества или состоянія двухъ предметовъ]. Сопоставляется, напр., реальное впечатлѣніе отъ цѣлаго образа съ репродуцированнымъ сходнымъ какимъ-нибудь признакомъ, выходитъ констатированіе послѣдняго въ цѣломъ; сопоставляются два несходныхъ факта, слѣдующихъ другъ за другомъ постоянно и неизбѣжно во времени,—содержаніемъ мысли является казуальная связь между объектами мысли и пр.

8) Процессъ мышленія не измѣняется ни на іоту, ни при сравненіи многихъ реальныхъ объектовъ между собой, ни при сопоставленіи объектовъ раздробленныхъ уже при помощи научныхъ средствъ, хотя продуктами такого мышленія является уже вся наука о реальномъ мірѣ.

9) Онъ не измѣняется и для случаевъ математическаго мышленія, въ которомъ объектами мысли часто являются даже такія абстракціи, которыя представляютъ продукты дробленія, заходящіе за предѣлы аналитической способности органовъ чувствъ.

10) Процессъ остается наконецъ неизмѣннымъ и для случаевъ даже ошибочнаго философскаго мышленія, когда объектами мысли являются не реальности, а чистѣйшія фикціи. Дѣло объясняется тѣмъ, что правильныя по себѣ операціи мышленія производятся здѣсь надъ правильно произведенными продуктами дробленія словесныхъ выраженій мысли, которымъ не соотвѣтствуетъ однако въ ихъ обособленности ничего реальнаго.

Для выясненія послѣдняго вопроса, съ которымъ намъ придется имѣть дѣло, вопроса о произвольности человѣческихъ дѣйствій, необходимо выяснить прежде всего тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ физіологія смотритъ на произвольныя движенія.

Наука эта до сихъ поръ дѣлитъ всѣ движенія, происходящія въ тѣлѣ, на двѣ большихъ группы: такія, которыя безусловно не

Digitized by Google

подчинены волѣ, и движенія, на которыя воля можетъ дѣйствовать. Въ такой общей формѣ дѣленіе совершенно справедливо, потому что въ тѣлѣ существуютъ, напр., движенія кишекъ, сокращеніе желчнаго пузыря, мочеточниковъ, матки и пр., о самомъ существованіи которыхъ мы узнаемъ лишь путемъ научнаго изслѣдованія. Но дѣло становится далеко не такимъ простымъ, если вы станете искать общихъ принциповъ такой классификаціи. Старый принципъ, анатомическій, по которому волѣ подчиняются однѣ рубчатыя мышцы, а гладкія нѣтъ, негоденъ: сердце выстроено, напр., изъ рубчатыхъ волоконъ и не подчинено волѣ, а мышца, выгоняющая мочу изъ мочевого пузыря, относится къ разряду гладкихъ, а между тѣмъ подчиняется ей. Другой принципъ этой классификаціи могъ бы быть таковъ: въ категорію абсолютно неподчиненныхъ волѣ движеній должны относиться такія, которыми достигаются чисто растительныя цѣли организма, процессы, которыми обезпечивается матеріальная сохранность тѣла—такіе акты, какъ движеніе крови, передвиженіе пищи по длинѣ кишекъ, изліяніе въ кишечную полость пищеварительныхъ соковъ и пр. Такіе процессы выгодно въ самомъ дѣлѣ вырвать изъ-подъ вліянія воли и придать ихъ совершенію характеръ роковой машинообразности, потому что въ послѣдней лежитъ самая надежная порука, что процессы будутъ совершаться правильно и постоянно наперекоръ всякимъ пертурбаціямъ извнѣ. Какъ ни основательно кажется съ виду такое воззрѣніе, но и оно не можетъ быть возведено на степень безусловнаго принципа въ дѣлѣ классификаціи движеній. Въ самомъ дѣлѣ, дыхательная механика и акты такъ-называемаго принятія пищи (схватываніе ея руками, перенесеніе въ ротъ, жеваніе и пр.), какъ процессы, имѣющіе значительную долю въ дѣлѣ обезпеченія тѣлу всего его вещественнаго прихода, должны были бы совершаться съ этой точки зрѣнія абсолютно машинально, не подчиняясь волѣ нисколько, а между тѣмъ всякій знаетъ, что это не такъ. Третій и послѣдній изъ возможныхъ принциповъ упомянутой классификаціи можетъ быть формулированъ такъ: волѣ могутъ подчиняться такія только движенія, которыя сопровождаются какими-нибудь ясными признаками для сознанія. Съ этой точки зрѣнія движенія рукъ, ногъ, туловища, головы, рта, глазъ и пр., какъ акты, сопровождающіеся для сознанія ясными ощущеніями (смѣсь кожныхъ съ мышечными), притомъ какъ движенія доступныя видѣнію, могутъ подчиняться волѣ. Съ этой же точки зрѣнія можетъ быть объяснена подчиненность ей мочевого пузыря, различныя состоянія котораго отражаются въ сознаніи ясными ощущеніями; далѣе,

Digitized by Google

подчиненность волѣ голосовыхъ связокъ, такъ какъ ихъ состояніямъ соотвѣтствуютъ различные характеры голосовыхъ звуковъ и пр.; однимъ словомъ, всѣ движенія, недоступныя непосредственному наблюденію черезъ органы чувствъ, но сопровождающіяся косвенно ясными ощущеніями.

Третій принципъ оказывается такимъ образомъ годнымъ; но изъ него не вытекаетъ еще никакого яснаго представленія о томъ, —чѣмъ же отличается произвольное движеніе отъ непроизвольнаго?

Анализируя, наоборотъ, произвольныя движенія въ отдѣльности, физіологія наталкивается сразу на слѣдующій крупный фактъ. Число произвольныхъ движеній, производимыхъ человѣкомъ руками, ногами, головой и туловищемъ въ дѣйствительности, сравнительно съ числомъ возможныхъ движеній, опредѣляемымъ анатомическимъ устройствомъ скелета и его мышцъ, представляется до чрезвычайности ограниченнымъ. Есть въ тѣлѣ такія мышцы, которыя у громаднаго большинства людей вовсе не приходятъ въ дѣятельность, напр., мышцы, двигающія ушами или головной кожей. Въ другихъ мѣстахъ мышцы могутъ комбинироваться только въ извѣстномъ направленіи, но не наоборотъ; напр., сводить глаза легко, а разводить ихъ за предѣлы параллельности осей умѣютъ лишь рѣдкіе, двигать же одинъ глазъ кверху, а другой книзу едва ли кто умѣетъ вообще. Та же исторія съ круговымъ движеніемъ ноги въ одну сторону, а руки соотвѣтствующей стороны въ противоположную, или случай повертыванія предплечія кнаружи, а плеча внутрь и пр. При обособленности тѣхъ путей, которыми передаются волевые импульсы мышцамъ (нервныя волокна), слѣдовало бы ожидать, что одно и то же простое движеніе, напр., сгибаніе руки или ноги, можетъ совершаться на множество разныхъ ладовъ, а мы видимъ совершенно противное. Кто не знаетъ, что воля властна надъ дыханіемъ, а между тѣмъ попробуйте произвесть вдыханіе или выдыханіе одной только половиной грудной клѣтки—анатомически это возможно, потому что встрѣчается въ дѣйствительности при болѣзняхъ, а воля не въ силахъ сдѣлать этого.

Отчего же это происходитъ? Причинъ на это не одна, а нѣсколько. Жизнь не создаетъ для человѣка изъ рода въ родъ условій, чтобы онъ упражнялъ мышцы уха или подкожныя на головѣ, и онѣ остаются изъ рода въ родъ безъ упражненія, все равно какъ человѣкъ никогда бы не додумался до умѣнья плавать, еслибы не было воды на свѣтѣ. Наоборотъ, въ самомъ основномъ планѣ организаціи человѣка должна лежать идея самодвижности, способность схватывать предметы руками, отталкивать ихъ

Digitized by Google

отъ себя и пр. Безъ этихъ способностей человѣкъ не могъ бы удержаться на землѣ; значитъ, уже при самомъ рожденіи на свѣтъ, въ его нервно-мышечныхъ снарядахъ должны лежать условія для развитія тѣхъ движеній, которыми обезпечивается его матеріальное существованіе. Въ этомъ смыслѣ выше и было сказано мною, что нервно-мышечный снарядъ смотрѣнья, ходьбы и даже рѣчи до извѣстной степени уже готовъ при рожденіи. На физіологическомъ языкѣ это значитъ: въ тѣлѣ есть прирожденныя, опредѣленныя нервно-мышечныя сочетанія, которыя дѣйствуютъ сначала всегда цѣликомъ, т.-е. цѣлою группою нервовъ съ ихъ мышцами разомъ; но затѣмъ, подъ вліяніемъ условій, создаваемыхъ жизнью, группы эти могутъ расчленяться въ большей или меньшей степени. Такъ, сгибаніе всѣхъ пальцевъ руки разомъ можетъ перейти, подъ вліяніемъ схватыванія рукою болѣе и болѣе мелкихъ предметовъ, въ сгибаніе пальцевъ парами или каждаго въ отдѣльности; а подобнаго расчлененія дыхательной механики даже на двѣ половины можетъ и не случиться, такъ какъ въ жизни нѣтъ условій, при которыхъ человѣку было бы цѣлесообразно дышать одной половиной груди. Оттого-то и выходитъ, что совершенно параллельно цѣлямъ, достигаемымъ тою или другою формою движеній, одно совсѣмъ отсутствуетъ, хотя для движенія есть всѣ анатомическія условія, другія совершаются не иначе, какъ большими массами разомъ (дыхательныя движенія), третьи достигаютъ, наоборотъ, значительной расчлененности (движенія пальцевъ и голосовыя движенія при рѣчи и въ пѣніи), четвертыя происходятъ именно въ этомъ, а не въ другомъ направленіи (круженье рукою и ногою въ одну сторону, а не наоборотъ) и пр. И всѣ эти характеры относятся къ произвольнымъ движеніямъ! Не ясно ли послѣ этого, что всякое произвольное движеніе есть eo ipso движеніе, заученное подъ вліяніемъ условій, создаваемыхъ жизнью. Въ такой общей формѣ послѣдній выводъ можетъ быть, впрочемъ, выведенъ и гораздо проще: у ребенка, при его рожденіи на свѣтъ, кромѣ абсолютно непроизвольныхъ движеній (сосаніе, глотаніе, дыханіе, кашель, чиханіе и пр.) нѣтъ никакихъ правильно комбинированныхъ движеній—всѣ они заучиваются въ дѣтствѣ мало-по-малу (смотрѣнье, ходьба, рѣчь, схватыванье всею рукою или отдѣльными пальцами, употребленіе руки, какъ рычага и пр.), и именно эти-то движенія и становятся по преимуществу произвольными, хотя взрослый человѣкъ имѣетъ возможность производить произвольно и невольные акты сосанья, глотанья, дыханія, кашля и пр.

Digitized by Google

Съ неменьшею яркостью выступаетъ и то обстоятельство, что воля властна далеко не въ одинаковой степени надъ разными формами произвольныхъ движеній. Иногда она является какъ-бы совсѣмъ полновластной; въ другихъ случаяхъ произвольное движеніе возможно, или по крайней мѣрѣ значительно облегчается только въ присутствіи какого-нибудь привычнаго внѣшняго условія, при которомъ движеніе происходитъ нормально; и, наконецъ, есть случаи, гдѣ воля властна лишь надъ самою поверхностью явленія. Примѣрами перваго рода могутъ служить акты сгибанія и разгибанія туловища, рукъ и ногъ; примѣрами второго—произвольное сведеніе зрительныхъ осей безъ и при посредствѣ реальнаго образа, также произвольное глотаніе, возможное только до тѣхъ поръ, пока есть что проглотить, именно слюну во рту и пр. Наконецъ, типическимъ примѣромъ послѣдняго рода можетъ служить отношеніе воли къ дыхательнымъ движеніямъ: мы можемъ, какъ всякій знаетъ, остановить ихъ въ любой моментъ и видоизмѣнять какъ со стороны глубины, такъ и ритма; но все это мы можемъ дѣлать лишь на очень короткое время, затѣмъ прерванныя или видоизмѣненныя дыхательныя движенія возстановляются въ нормальной формѣ наперекоръ всякимъ волевымъ усиліямъ съ нашей стороны. Между этими-то крайностями и лежатъ предѣлы произвольности нашихъ движеній. Во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ форма вліянія воли остается, однако, одинакова—она можетъ вызывать, прекращать, усиливать и ослаблять движеніе,—и только степень ея власти, повидимому, крайне различна. Какъ же объяснить себѣ подобныя разницы? На это физіологія въ силахъ дать самый опредѣленный отвѣтъ. Всѣ произвольныя движенія, какъ заученныя, или представляющія родъ искусственнаго воспроизведенія натуральныхъ актовъ (напр., произвольное глотаніе и произвольное дыханіе), пріобрѣтаютъ отъ частоты повторенія характеръ *привычныхъ движеній*, и черезъ это на нихъ отражаются всѣ условія привычки. Такъ, хотя сгибаніе пальцевъ рукъ и развивается подъ вліяніемъ реальнаго условія схватыванія болѣе и болѣе мелкихъ предметовъ, но актъ очень часто повторяется въ жизни и безъ существованія схватываемаго объекта, оттого и *пустое*, такъ сказать, сгибаніе пальца дѣлается мало-по-малу привычнымъ. Смотрѣть же и глотать мы привыкли исключительно подъ условіемъ существованія реальнаго субстрата для смотрѣнья и глотанья, все равно какъ мы привыкли ходить подъ вліяніемъ чувства опоры подъ собою; значитъ, когда этихъ реальныхъ руководителей нѣтъ, то и процессъ со-

Digitized by Google

вершается или съ трудомъ, или не совершается вовсе. Что же касается до дыхательныхъ движеній, то здѣсь мы имѣемъ случай рокового происхожденія явленія, которое можетъ видоизмѣняться подъ вліяніемъ воли лишь незначительно именно потому, что оно въ основѣ роковое.

Этою-то привычностью произвольныхъ движеній и объясняется для физіолога то обстоятельство, что внѣшніе импульсы къ нимъ становятся тѣмъ болѣе неуловимы, чѣмъ движенія привычнѣе. Эта же неуловимость внѣшнихъ толчковъ къ движенію и составляетъ, какъ всякій знаетъ, главный внѣшній характеръ произвольныхъ движеній. Послѣ этого переверните предыдущую мысль, и изъ нея непоколебимо выйдетъ, что движенія пальцевъ руки, какъ наиболѣе привычныя, должны казаться намъ наиболѣе произвольными.

Нужно впрочемъ замѣтить, что воля относится поверхностнымъ образомъ не къ однимъ только дыхательнымъ движеніямъ, гдѣ дѣло объясняется тѣмъ, что основы явленія роковыя; такое же отношеніе существуетъ, строго говоря, для всѣхъ вообще случаевъ *сложныхъ* заученныхъ движеній, хотя бы послѣднія и не были вовсе связаны съ такими жизненными вопросами тѣла, какъ дыханіе. Возьмемъ, напр., ходьбу. Разъ она заучена (а заучается она въ дѣтствѣ!), воля властна въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вызвать ее, останавливать на любой фазѣ, ускорять и замедлять, но въ детали механики она не вмѣшивается, и физіологи справедливо говорятъ, что именно этому-то обстоятельству ходьба и обязана своей машинальной правильностью. Въ самомъ дѣлѣ, стóитъ только думать во время ходьбы о каждомъ моментѣ движенія, и ходьба становится несвободной, натянутой. Та же исторія повторяется, какъ извѣстно, на всѣхъ движеніяхъ, заучаемыхъ даже въ зрѣломъ возрастѣ (ручная ремесленная техника, игра на музыкальныхъ инструментахъ и пр.); она повторяется, наконецъ, на самой рѣчи. Въ виду особенной важности послѣдней въ психической жизни человѣка, я принужденъ здѣсь остановиться, прежде чѣмъ формулирую общій выводъ изъ только-что развитыхъ соображеній.

Съ цѣлью выясненія вопроса, я стану проводить параллель между рѣчью и ходьбой съ различныхъ точекъ зрѣнія. Извѣстно, что рѣчь всякаго человѣка представляетъ какую-нибудь звуковую характерность; одинъ растягиваетъ слова, другой говоритъ слишкомъ быстро, третій шепелявитъ, картавитъ, говоритъ вмѣсто *ш*—*с* и пр. Когда эти свойства сдѣлались отъ долгаго упражненія привычными, то воля уже не властна измѣнять ихъ въ рѣчи,

Digitized by Google

хотя человѣкъ и остается способнымъ произносить отдѣльно *р* или *м* правильнымъ образомъ. Совершенно то же замѣчаемъ мы и на ходьбѣ: походка можетъ быть тяжелая, медленная и быстрая, одинъ ходитъ плавно, другой подскакиваетъ, третій сѣменитъ ногами и пр. И здѣсь заставьте человѣка сдѣлать надъ собой усиліе въ теченіи двухъ-трехъ шаговъ, оказывается, что онъ можетъ избѣжать своихъ привычныхъ пороковъ въ ходьбѣ, но на короткое лишь время, потому что вмѣшательство воли связываетъ свободу движенія и превращаетъ въ положительный трудъ такую вещь, которая, будучи предоставлена самой себѣ, идетъ какъ по маслу. Извѣстно далѣе, что въ правильную рѣчь я могу вставлять по произволу какіе угодно звуки (говорить, напр., по херамъ) или извращать слоги; аналогичное можно сдѣлать и съ походкой, напр., подпрыгивать или присѣдать въ опредѣленный тактъ при правильной ходьбѣ, встряхивать въ извѣстный періодъ шага ногою, ходить задомъ и пр. Ко всѣмъ такимъ вещамъ можно путемъ долгаго упражненія привыкнуть до такой степени, что трудно уже будетъ говорить и ходить правильно, но пока привычки не сдѣлано, подобное вмѣшательство воли прекращается обыкновенно очень быстро. Стало быть, съ чисто внѣшней стороны степень подчиненности волѣ рѣчи и ходьбы въ самомъ дѣлѣ одинакова. Но, посмотримъ, идетъ ли такая параллельность между обоими процессами и вглубь отъ поверхности явленій. За этой поверхностью во всякомъ заученномъ движеніи лежитъ, какъ первая инстанція, та первая связь движенія съ регулирующимъ его чувствованіемъ, которая хотя и ускользаетъ отъ обыденнаго сознанія, но которую можно доказать самымъ очевиднымъ образомъ. Извѣстно, что человѣкъ можетъ заучить наизусть по слуху длинные стихи на совершенно непонятномъ ему языкѣ, все равно, какъ онъ заучиваетъ пѣсню безъ словъ. Когда человѣкъ декламируетъ эти стихи, реально онъ повторяетъ въ 1001-й разъ то, что дѣлалъ прежде; въ сознаніи при этомъ, рядомъ съ движеніемъ, нѣсколько опережая его, льется звуковой слѣдъ отъ стиховъ, сохраненный въ памяти. Пока слѣдъ этотъ безъ прорѣхъ, рѣчь льется плавно, но чуть въ звуковомъ слѣдѣ встрѣтился недочетъ въ звукахъ (забыто слово), происходитъ перерывъ и въ движеніи. Властна ли воля надъ этими забытыми звуками? — прямо, очевидно, нѣтъ: забытое мы вспоминаемъ всегда окольными путями. Теперь посмотримъ на ходьбу. Хожу я, напр., въ эту минуту. Это значитъ, я повторяю въ 1.000,001-й разъ то, что дѣлалъ прежде. При этомъ рядомъ съ ходьбой у меня тянется въ сознаніи тоже опредѣленная пѣсня, но выстроенная не изъ звуковъ, а изъ нѣмыхъ для слуха, но

Digitized by Google

ясныхъ для сознанія, кожно-мышечныхъ ощущеній [1]). Пока въ этой пѣснѣ нѣтъ недочетовъ (чувственныхъ), движеніе идетъ правильно, но вотъ нога, размахнувшаяся впередъ, вмѣсто того, чтобы ступить въ данное мгновеніе на полъ, попадаетъ въ неглубокую яму — недочетъ въ чувствованіи, и человѣкъ спотыкается [2]). Неужели аналогія неполная? Разница только въ томъ, что если человѣкъ при ходьбѣ видитъ ту яму, въ которую ему приходится ступить, или то возвышеніе, черезъ которое нужно перешагнуть, то онъ способенъ принаровить ходьбу и къ этимъ случайностямъ. Дѣло здѣсь однако въ томъ, что ходьба заучивается и на такіе частные случаи, но уже подъ контролемъ глаза (а у слѣпыхъ посредствомъ осязанія, при помощи палки, ощупывающей землю), тогда какъ въ заучиваніи пѣсни или стиховъ глаза нипричемъ, — значитъ, выручать изъ бѣды слухъ не могутъ. Но вѣдь въ рѣчи и за предѣлами только-что разобранной инстанціи есть еще нѣчто—это связь ея съ мыслительными процессами. Когда человѣкъ разсказываетъ то, что онъ видѣлъ, или вообще, что у него отложено въ памяти въ формѣ мыслей, въ головѣ его должны идти параллельно голосовымъ движеніямъ мыслительные процессы. Этотъ случай, повидимому, совершенно отличенъ отъ случая декламаціи стиховъ на незнакомомъ языкѣ. И да, и нѣтъ. Если человѣкъ передаетъ въ первый разъ на словахъ только-что пережитое имъ зрительное впечатлѣніе и говоритъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ отдѣльные члены видѣнной имъ картины ложились на его душу, это значитъ, что параллельно словамъ течется репродуцированное зрительное впечатлѣніе въ формѣ образовъ. Но когда человѣкъ сталъ разсказывать о томъ же самомъ, уже подумавъ о видѣнномъ, — а думать, какъ извѣстно, можно и словами, — то возможно, что при разсказѣ (о видѣнномъ!) въ сознаніи репродуцируется словесная фотографія образа, а не самый образъ. И, конечно, въ послѣднемъ случаѣ процессъ будетъ тотъ же, что и при рецитированіи непонятныхъ стиховъ, если отбросить въ сторону тѣ побочныя страстныя осложненія, которыми характеризуется разсказъ о прочувствованномъ и тотъ по-

---

[1]) Если вообразить себѣ, что сокращенія мышцъ при ходьбѣ сопровождались бы совершенно параллельными имъ звуковыми явленіями, какъ въ голосѣ, то самой знакомой намъ пѣсней была бы пѣсня ходьбы; и это доказывается ясно тѣмъ, что уже при той ограниченности звукового осложненія, которое представляетъ намъ ходьба при нормальныхъ условіяхъ (мы слышимъ звуки только въ моментъ ставленія ногъ на полъ), мы все-таки часто узнаемъ по звуку ходьбу знакомаго намъ человѣка.

[2]) Говорятъ, что то же самое бываетъ съ музыкантами, когда они играютъ знакомую имъ вещь на разстроенномъ инструментѣ.

Digitized by Google

рядокъ разсказа, который управляется ходомъ мыслей. Этотъ-то ходъ мыслей и есть новый элементъ противъ случая декламаціи заученныхъ стиховъ, но надъ нимъ воля, какъ всякій знаетъ, не имѣетъ уже абсолютно никакой власти. Если мы обратимся теперь къ ходьбѣ, то въ ней не видимъ ничего подобнаго послѣднему элементу, и аналогія кончается на томъ, что какъ на рѣчи, такъ и на походкѣ, могутъ отражаться лишь страстныя осложненія мысли, дѣлающія оба рода движеній то порывистыми или плавными, то быстрыми или медленными и пр.

Итакъ, анализъ всѣхъ заученныхъ сложныхъ движеній показываетъ въ самомъ дѣлѣ, что при условіи, когда они совершаются правильно—а это, конечно, норма въ жизни!—процессъ носитъ на себѣ такой характеръ, какъ будто пущена въ ходъ какая-нибудь опредѣленная, стройная механика (при этомъ уму невольно такъ и напрашивается, какъ образъ, органъ, наигрывающій музыкальную пьесу); при этомъ для воли остается, *какъ возможность*, только пусканье въ ходъ механики, замедленіе или ускореніе ея хода, или наконецъ остановка машины, но ничего болѣе.

Но какъ же помирить съ этимъ полновластіе воли надъ такими простыми формами движеній, какъ сгибаніе или разгибаніе, напр., пальцевъ рукъ?—Неужели эти случаи составляютъ исключеніе изъ общаго правила? Очевидно, нѣтъ, потому что по способу развитія и они столько же заученныя движенія, какъ любое сложное; стало быть и здѣсь, во всѣхъ деталяхъ сгибанія и разгибанія пальца, опредѣляющую роль можетъ играть одна только привычность движенія, а за волей остается возможность лишь начинать и кончать движеніе или видоизмѣнять его быстроту.

Такая же схема дѣйствія воли приложима отъ *a* до *z* и къ тѣмъ произвольнымъ вставкамъ, которыя она можетъ дѣлать въ правильно-сочетанныя движенія (когда я говорю, напр., по херамъ, извращаю слоги, трясу при ходьбѣ ногами, хожу задомъ и проч.). Импульсы къ такимъ вставкамъ выходятъ изъ воли, но возможность вставки дается одной только привычкой, упражненіемъ. Всякій понимаетъ, напр., что вставлять въ рѣчь звукъ *херъ* гораздо легче между цѣльными словами, чѣмъ между слогами словъ, извратить слоги легче въ двусложныхъ словахъ, чѣмъ въ многосложныхъ и проч. Но, съ другой стороны, всякій знаетъ, что привычка побѣждаетъ и эти трудности; тогда же рѣчь съ вставками пріобрѣтаетъ опять тотъ самый характеръ машинообразной правильности и легкости, какою отличается нормальная рѣчь безъ вставокъ.

Такъ какъ на этомъ пунктѣ чисто-объективный или физіоло-

Digitized by Google

гическій анализъ обрывается, то я принужденъ резюмировать все до сихъ поръ сказанное, прежде чѣмъ перейти въ психологическую область явленій. Вотъ эти общіе выводы:

1) Всѣ элементарныя формы движеній рукъ, ногъ, головы и туловища, равно какъ всѣ комбинированныя движенія, заучаемыя въ дѣтствѣ, ходьба, бѣганье, рѣчь, движенія глазъ при смотрѣніи и пр., становятся подчиненными болѣе уже послѣ того, какъ они заучены.

2) Чѣмъ заученнѣе движеніе, тѣмъ легче подчиняется оно волѣ и наоборотъ (крайній случай—полное безвластіе воли надъ мышцами, которымъ практическая жизнь не даетъ условій для упражненія).

3) Но власть ея во всѣхъ случаяхъ касается только начала, или импульса къ акту, и конца его, равно какъ усиленія или ослабленія движенія; самое же движеніе происходитъ безъ всякаго дальнѣйшаго вмѣшательства воли, будучи реально повтореніемъ того, что дѣлалось уже тысячи разъ въ дѣтствѣ, когда о вмѣшательствѣ воли въ актъ не можетъ быть и рѣчи.

Съ этими-то данными я и перехожу въ психическую область.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ ученіями о произвольности, или прямо противуположными нѣкоторымъ изъ только-что сдѣланныхъ выводовъ, или съ такими, къ которымъ наши выводы относятся, какъ глухіе, отрывистые отголоски къ цѣльной, стройной мелодіи. Кого увѣришь въ самомъ дѣлѣ, что первый нашъ выводъ всецѣло приложимъ и къ движеніямъ, заучаемымъ въ зрѣломъ возрастѣ, напр., къ ручной художественной или ремесленной техникѣ, гдѣ заученіе совершается подъ вліяніемъ ясно-сознаваемыхъ разумныхъ цѣлей и гдѣ отъ *доброй воли* самого учащагося зависитъ весь успѣхъ дѣла. Какъ можно втиснуть безконечно-разнообразную картину произвольности человѣческихъ дѣйствій въ такую тѣсную безжизненную рамку, какъ нашъ третій выводъ? Воля властна пускать въ ходъ въ каждомъ данномъ случаѣ не только ту форму движенія, которая ему наиболѣе соотвѣтствуетъ, но любую изъ всѣхъ, которыя вообще извѣстны человѣку. Мнѣ хочется плакать, а я могу пѣть веселыя пѣсни и танцовать; меня тянетъ вправо, а я иду влѣво; чувство самосохраненія говоритъ мнѣ: «стой, тамъ тебя ожидаетъ смерть», а я иду дальше. Воля не есть какой-то безличный агентъ, распоряжающійся только движеніемъ—это дѣятельная сторона разума и моральнаго чувства, управляющая движеніемъ во имя того или другого, и часто наперекоръ даже чувству самосохраненія. Притомъ, въ дѣлѣ установленія понятія о волѣ вовсе не важно то, вмѣшивается ли она въ механическія детали заученнаго сложнаго

Digitized by Google

движенія, а важна глубоко сознаваемая человѣкомъ возможность вмѣшаться въ любой моментъ въ текущее само собой движеніе и видоизмѣнить его или по силѣ, или по направленію. Эта-то ярко сознаваемая возможность, выражающаяся въ словахъ «я хочу и сдѣлаю», и есть та неприступная съ виду цитадель, въ которой сидитъ обыденное ученіе о произвольности.

Я разберу всѣ три вопроса по порядку.

Чтобы рѣшить первый изъ нихъ, нужно очевидно съумѣть разложить весь процессъ заучиванія какого-нибудь ремесленнаго или художественнаго ручного производства на составные моменты, и затѣмъ смотрѣть, какое участіе принимаетъ воля въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. При всякомъ заучиваніи нужно: 1) чтобы рука предварительно обладала извѣстной степенью поворотливости, чтобы она умѣла повернуться въ любую сторону, сгибаться и разгибаться во всѣхъ сочлененіяхъ и пр.; 2) чтобы она слушалась во всѣхъ этихъ движеніяхъ глаза (что, впрочемъ, понимается само собою, такъ какъ всѣ движенія рукъ заучиваются всегда подъ контролемъ глаза); 3) чтобы человѣкъ умѣлъ подражать показываемой ему формѣ движенія; 4) чтобы онъ умѣлъ отличать хорошій результатъ правильнаго движенія отъ дурного результата неправильнаго, и, наконецъ, 5) чтобы онъ упражнялся какъ можно болѣе подъ контролемъ достиженія нормальнаго результата. Относительно перваго пункта воля властна въ томъ же самомъ смыслѣ и въ тѣхъ же самыхъ размѣрахъ, какъ и относительно всѣхъ заученныхъ въ дѣтствѣ элементарныхъ движеній рукъ вообще (т.-е. она можетъ ихъ начать, остановить, усилить, ослабить, но не болѣе), потому что первый урокъ техническаго производства представляетъ по самой сути дѣла не болѣе какъ приложеніе уже заранѣе выработанной ручной механики къ новому частному случаю. Во второмъ и третьемъ пунктѣ воля нипричемъ; но она играетъ важную роль въ умѣньи произвесть болѣе или менѣе новую форму движенія, къ которому рука не была еще пріучена до начала уроковъ. Въ этихъ случаяхъ ей приходится очевидно дѣлать то же самое, какъ въ случаѣ, когда человѣкъ въ первый, второй и т. д. разъ въ жизни начинаетъ вставлять въ привычную рѣчь звукъ *херъ* между словами, или искусственно прискакивать во время ходьбы. Чѣмъ сложнѣе это непривычное движеніе, или чѣмъ оно быстрѣе, тѣмъ труднѣе заучиваніе, потому что контролирующему глазу при этомъ работы все больше и больше. Поэтому-то въ сложныхъ производствахъ существуютъ школы для рукъ, при посредствѣ которыхъ онѣ постепенно переходятъ отъ движеній простыхъ къ болѣе сложнымъ. Но разъ всѣ существен-

Digitized by Google

ныя стороны движенія схвачены, другими словами, человѣкъ запомнилъ послѣдовательный рядъ ихъ, и глазъ, или глазъ вмѣстѣ съ слухомъ наметались въ дѣлѣ контролированія движеній—во все это воля не вмѣшивается однако ни на волосъ! — обученіе можно считать законченнымъ. Остальное довершается самостоятельной практикой, частотой упражненія, причемъ воля является опять-таки агентомъ, управляющимъ началомъ упражненія, его остановками и степенью быстроты—не болѣе.

Итакъ, при заучиваньи сложныхъ движеній въ зрѣломъ возрастѣ, въ самомъ процессѣ заучиванья [1]) воля хотя и принимаетъ участіе, но въ томъ же самомъ смыслѣ и въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ она относится у взрослаго человѣка къ любому заученному движенію. Другими словами, за ней и здѣсь остается сознаваемая человѣкомъ возможность вмѣшаться въ любую минуту въ движеніе, и видоизмѣнить его въ томъ или другомъ отношеніи. Значитъ, нашъ 1-й пунктъ рѣшается, собственно говоря, ниже, вмѣстѣ съ 3-мъ.

Для выясненія 2-го пункта въ ученіи обыденной психологіи о произвольности человѣческихъ дѣйствій, я принужденъ разобрать дѣло на двухъ параллельныхъ примѣрахъ.

Представимъ себѣ двухъ стариковъ, мирно отживающихъ свой вѣкъ на отдыхѣ отъ практической дѣятельности. Оба они умны, добры, честны, получили одинаковое образованіе и смотрятъ даже на жизнь приблизительно одинаковымъ образомъ. Добро для одного—добро и въ глазахъ другого, помощь ближнему въ нуждѣ для обоихъ пріятный долгъ, снисходительность къ маленькимъ слабостямъ окружающихъ—какъ для одного, такъ и для другого привычная вещь и т. д. И живутъ эти старики приблизительно одинаковымъ образомъ, культивируя, какъ говорится, на практикѣ тѣ добродѣтели, которыя вытекаютъ изъ ихъ ясно-спокойныхъ міросозерцаній. Если судить объ этихъ старикахъ по ихъ дѣйствіямъ, это будутъ два совершенно равнозначущихъ въ нравственномъ отношеніи типа: всякій скажетъ, что черезъ всю ихъ жизнь проходитъ неизсякаемое доброжелательство къ людямъ. И такой приговоръ въ глазахъ всякаго мало-мальски умнаго человѣка не измѣнится и не можетъ измѣниться на волосъ, хотя бы характеры у обоихъ стариковъ были различны, и одинъ дѣлалъ бы добро мягко, деликатно, всегда съ добродушной улыбкой, а дру-

[1]) Здѣсь рѣчь можетъ идти конечно только о томъ, какое участіе принимаетъ воля въ самомъ процессѣ развитія ручной техники, безъ отношенія заученія къ тѣмъ практическимъ цѣлямъ въ жизни, которыя достигаются ремесломъ.

Digitized by Google

гой, дѣлая то же самое, оставался бы съ виду крайне равнодушнымъ, или даже хмурилъ брови. Нравственная однозначность обоихъ типовъ опредѣляется при сказанныхъ условіяхъ не формой, въ которой тотъ или другой дѣлаетъ добро, а тѣмъ ненарушимымъ постоянствомъ, съ которымъ оно дѣлается ими обоими. Если бы меня подвели къ обоимъ типамъ, то я, необинуясь, сказалъ бы, что для меня самое дорогое въ ихъ нравственномъ существѣ—ихъ привычка къ добру, потому что только она ясно говоритъ мнѣ, что эти старики добро не только дѣлали и дѣлаютъ, но будутъ и впредь дѣлать. Въ этомъ-то отношеніи они и равны другъ другу. Но, положимъ, что старики дожились до такой прекрасной старости разными путями. Одинъ всю жизнь провелъ безъ бурь, въ довольствѣ, окруженный любовью, и выучился дѣлать добро на окружающихъ его примѣрахъ. Для этого человѣка то чувство нравственнаго удовлетворенія, которое сопровождаетъ всякое доброе дѣло, было съ самаго дѣтства воспитателемъ его поступковъ, руководителемъ его дѣйствій. Мудрено ли, что при такихъ исключительно благопріятныхъ условіяхъ это чувство—безспорно, родъ нравственнаго наслажденія—превратилось мало-по-малу (отъ частаго воспроизведенія) въ потребность, и въ старости, на отдыхѣ, когда умъ освободился отъ милліоновъ практическихъ дрязгъ, оно стало господствующимъ въ дѣлѣ опредѣленія отношеній старика къ людямъ. У такого человѣка добрыя дѣла вытекаютъ изъ моральнаго чувства сами собою, роковымъ образомъ, безъ малѣйшихъ усилій съ его стороны. И если-бы меня спросили, насколько воля вмѣшивается въ поступки этого старика, я, признаюсь откровенно, былъ бы въ большомъ затрудненіи, какъ отвѣтить. Зачѣмъ ей сюда вмѣшиваться, когда поступокъ и имѣетъ цѣну въ глазахъ людей именно тѣмъ, что на его происхожденіи лежитъ печать привычности, печать роковой связи съ моральнымъ чувствомъ, изъ котораго онъ вытекаетъ? Конечно, еслибы старикъ захотѣлъ, онъ могъ бы и не дѣлать добра, но сталъ ли бы отъ такой возможности нравственный образъ его болѣе высокимъ? Сомнѣваюсь; по-моему идеалъ лежитъ въ сторону такого опредѣленія: «онъ не можетъ не дѣлать добра». Во всякомъ случаѣ и къ этому доброму старику очевидно приложимъ нашъ будущій 3-й пунктъ (т.-е. за старикомъ остается волевая возможность и не дѣлать того, что говоритъ моральное чувство), слѣдовательно мы распрощаемся съ нимъ позже, а теперь обратимся къ другому, болѣе суровому. Этотъ былъ, наоборотъ, искушенъ жизнью. Ему приходилось много бороться, добывая себѣ на ясную старость ту матеріальную обстановку, которая дастъ

Digitized by Google

возможность культивировать мирныя добродѣтели. Жизнь развертывалась передъ нимъ болѣе отрицательной стороной, чѣмъ положительной. Первый старикъ воспитался на благословеніяхъ, улыбкахъ, слезахъ благодарности, а этотъ чаще видѣлъ слезы отъ голода и слышалъ проклятія. Тотъ зналъ о злѣ на землѣ больше по наслышкѣ, а этотъ испытывалъ его и на своихъ плечахъ; тамъ не было никакихъ искушеній въ сторону зла, здѣсь же приходилось рисковать чуть не жизнью, чтобы отстоять добро. И несмотря на все это, такой человѣкъ превращается подъ старость въ типъ нѣсколько угрюмаго, сдержаннаго, но въ сущности такого же добраго и хорошаго старика, какъ первый. Какъ могло это случиться? Въ обыденной жизни говорятъ такъ: человѣкъ этотъ долженъ былъ обладать двумя вещами: сильно развитымъ моральнымъ чувствомъ (хорошимъ сердцемъ) и сильнымъ характеромъ или сильной волей; и къ этому прибавляютъ даже, что чѣмъ сильнѣе жизненная борьба, тѣмъ сильнѣе воля у человѣка, который выходитъ изъ нея нравственно чистымъ. Такъ толкуютъ люди, и мы до такой степени свыклись съ послѣдней мыслью, что она кажется намъ непоколебимою. Но правда ли это? Вѣдь если я вступаю въ борьбу нравственно-чистымъ и выхожу изъ нея такимъ же, не достаточно ли снабдить человѣка для достиженія этой цѣли, вмѣсто суммы: нравственное чувство + воля, однимъ только нравственнымъ чувствомъ въ усиленной степени. Вѣдь мы знаемъ, что когда человѣкъ идетъ на смерть, въ головѣ у него всегда какая-нибудь страшно-сильная мысль или какое-нибудь крѣпкое чувство, убѣжденіе, вѣрованіе, изъ-за которыхъ смерть становится не страшной, или по крайней мѣрѣ изъ-за которыхъ онъ мирится съ нею. Правда, бываютъ случаи, когда человѣкъ стоически встрѣчаетъ смерть изъ-за одного только чувства покорности судьбѣ; но, во-первыхъ, даже это чувство можетъ быть фанатизировано, во-вторыхъ, здѣсь нѣтъ активнаго движенія на встрѣчу смерти, какъ въ случаѣ борьбы. Съ другой стороны, ни обыденная жизнь, ни исторія народовъ не представляютъ ни единаго случая, гдѣ одна холодная, безличная воля могла бы совершить какой-нибудь нравственный подвигъ. Рядомъ съ ней *всегда стоитъ, опредѣляя ее*, какой-нибудь нравственный мотивъ, въ формѣ ли страстной мысли или чувства. Значитъ, даже въ самыхъ сильныхъ нравственныхъ кризисахъ, когда по ученію обыденной психологіи волѣ слѣдовало бы выступить всего ярче, она одна, сама по себѣ, дѣйствовать не можетъ, а дѣйствуетъ лишь во имя разума или чувства. Другими словами, безличной холодной воли мы не знаемъ; то же, что считается продуктомъ ея со-

Digitized by Google

извѣстной дѣятельности съ чувствомъ и разумомъ, можетъ быть прямо выводимо изъ послѣднихъ. Но, конечно, и здѣсь, если обезличить волю, она принимаетъ характеръ присущей человѣку возможности дѣйствовать такъ или иначе. Нашъ второй старикъ борется, напр., съ искушеніемъ и выходитъ изъ него чистымъ; моральное чувство тянетъ его впередъ, а искушеніе назадъ; первое сильнѣе, и человѣкъ идетъ въ сторону морали—это моя философія. Обыденная же психологія говоритъ: нѣтъ, между моральнымъ чувствомъ и поступкомъ нужно вставить въ середину безличную волю, потому что голосъ самосознанія ясно говоритъ мнѣ, что я воленъ слушаться и голоса искушенія, и голоса морали; иду я въ сторону послѣдней—воля сильна, иду въ противную—я слабъ... Опять 3-й пунктъ, къ разбору котораго мы наконецъ и приступаемъ.

Ребенокъ уже въ очень раннемъ возрастѣ выучивается отдѣлять себя въ сознаніи отъ всего окружающаго (процессъ развитія этого явленія изложенъ довольно обстоятельно въ «Рефлексахъ головного мозга»), видимаго глазами или осязаемаго руками. Когда онъ реагируетъ на ласки, обращенныя лично къ нему иначе, чѣмъ на ласки, обращенныя къ какому-нибудь стоящему по близости предмету, доступному его видѣнію, это значитъ, что раздѣленіе до извѣстной степени уже выяснилось. Этотъ аналитическій процессъ идетъ своимъ чередомъ впередъ, а между тѣмъ анализъ начинаетъ падать и на свою собственную особу, уже отдѣленную отъ окружающаго міра. Когда ребенокъ на вопросъ «что дѣлаетъ Петя?» отвѣчаетъ отъ себя совершенно правильно, т.-е. соотвѣтственно дѣйствительности: «Петя сидитъ, играетъ, бѣгаетъ», анализъ собственной особы ушелъ уже у него на степень отдѣленія *себя* отъ своихъ дѣйствій. Что это такое, и какъ это происходитъ? ребенокъ множество разъ получаетъ отъ своего тѣла сумму самоощущеній во время стоянья, сидѣнья, бѣганья и пр. Въ этихъ суммахъ, рядомъ съ однородными членами, есть и различные, спеціально характеризующіе стоянье, ходьбу и пр. Такъ какъ состоянія эти очень часто перемежаются другъ съ другомъ, то существуетъ тьма условій для ихъ соизмѣренія въ сознаніи. Продукты послѣдняго и выражаются мыслями: «Петя сидитъ или ходитъ». Здѣсь *Петя* обозначаетъ, конечно, не отвлеченіе изъ суммы самоощущеній постоянныхъ членовъ отъ измѣнчивыхъ, потому что эта операція удается плохо даже взрослому, но мысли все-таки соотвѣтствуетъ ясное уже и въ умѣ ребенка отдѣленіе своего тѣла отъ своихъ дѣйствій. Затѣмъ, а можетъ быть и одновременно съ этимъ, ребенокъ начинаетъ отдѣлять въ

Digitized by Google

сознаніи отъ прочаго тѣ ощущенія, которыя составляютъ позывъ на дѣйствія — ребенокъ говоритъ: «Петя хочетъ ѣсть, хочетъ гулять» и пр. Въ первыхъ мысляхъ выражается безразлично состояніе своего тѣла, какъ цѣльное самоощущеніе; здѣсь же сознана раздѣльность уже двухъ самоощущеній, пищевого голода и его удовлетворенія съ одной стороны, гуляльнаго голода и ходьбы на воздухѣ (съ массой ощущеній, отличныхъ отъ комнатныхъ) съ другой. Такъ какъ эти состоянія могутъ происходить при сидѣньи, при ходьбѣ и пр., то должно происходить соизмѣреніе и ихъ другъ другомъ въ сознаніи. Въ результатѣ выходитъ, что Петя то чувствуетъ пищевой голодъ, то гуляльный; то ходитъ, то бѣгаетъ:—во всѣхъ случаяхъ *Петя* является тѣмъ общимъ источникомъ, внутри котораго родятся ощущенія и изъ котораго выходятъ дѣйствія. Если бы тѣло ребенка было устроено такимъ образомъ, чтобы онъ могъ сознавать очень ясно тѣ внѣшніе импульсы, которые предшествуютъ ощущеніямъ, то онъ, конечно, пересталъ бы считать свое тѣло источникомъ ихъ, и не сталъ бы говорить: «Петя хочетъ гулять», а долженъ былъ бы сказать импульсъ *a*, *b* или *c* зоветъ Петю гулять, подобно тому, какъ онъ совершенно правильно говоритъ: «мама зоветъ гулять», когда импульсомъ къ желанію служитъ голосъ матери. Тогда сознаніе ребенка расчленяло бы совершающіеся въ немъ трехчленные рефлексы правильнымъ образомъ на внѣшній импульсъ, ощущеніе и дѣйствіе. Для него же внѣшній импульсъ ускользаетъ, и онъ анализируетъ только два послѣднихъ члена; но такъ какъ они всегда являются связанными для его сознанія съ его собственной особой, то онъ и ставитъ напередъ *себя*, Петю, какъ обозначеніе мѣста ощущенія или дѣйствія (совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ онъ говоритъ: «дерево стоитъ, собака бѣжитъ» и пр.).

Когда два послѣднихъ члена въ рефлексахъ такимъ образомъ расчленены, и вмѣсто перваго ошибочно поставлена собственная особа, для ребенка начинаетъ мало-по-малу выясняться та связь, которая существуетъ между членами; другими словами, слитое сначала ощущеніе отъ своего тѣла, повторяясь безпрерывно при мѣняющихся условіяхъ перцепціи (то сидитъ, то лежитъ, то ходитъ; то голоденъ, то ѣстъ и пр.), переходитъ мало-по-малу въ расчлененное представленіе; а когда начинаетъ выясняться и связь между членами представленія, послѣднее переходитъ въ мысль. Вотъ здѣсь-то и имѣетъ мѣсто случай развитія мыслительной формы, содержаніемъ которой является каузальная связь между объектами мысли,—случай, о которомъ я уже упоминалъ

Digitized by Google

выше, говоря о развитіи мыслительной способности вообще. Нужно ли говорить, что при этой умственной операціи *Петя*, или можетъ быть уже *я*, что впрочемъ все равно, ошибочно ставится, какъ причина, а дѣйствіе тѣла какъ послѣдствіе? Притомъ ребенокъ дѣлаетъ сразу двѣ ошибки. Вмѣсто того, чтобы выводить изъ анализа факта «*я захотѣлъ гулять и пошелъ*» очевидную зависимость ходьбы, какъ дѣйствія, отъ желанія, онъ оставляетъ средній членъ безъ вниманія, перескакиваетъ черезъ него—это первая ошибка; а другая заключается въ томъ, что началомъ, источникомъ акта, онъ считаетъ себя, а не внѣшній импульсъ, вызвавшій желаніе. Источникъ послѣдней ошибки мы видѣли уже выше; что же касается до источниковъ первой, то они заключаются, я полагаю, въ слѣдующемъ: при той быстротѣ, съ которой смѣняются ощущенія у ребенка, и ихъ сравнительной неопредѣленности, весьма естественно думать, что желаніе, какъ актъ, предшествующій дѣйствію, по своей летучести очень часто имъ просматривается; съ другой стороны, ребенокъ дѣлаетъ тьму движеній съ чужого голоса, по приказанію матери или няньки; образы послѣднихъ, по необходимости, должны представляться ему какими-то роковыми силами, вызывающими въ немъ дѣйствія, и разъ это сознано, мѣрка переносится и на случаи дѣйствій, вытекающихъ изъ своихъ собственныхъ внутреннихъ побужденій, причемъ эквивалентомъ приказывающей матери или няньки можетъ быть только *я*, а никакъ не смутное желаніе, неимѣющее съ матерью и нянькою ничего общаго.

Итакъ, на этомъ уровнѣ психическаго развитія ребенокъ оцѣниваетъ причину своихъ дѣйствій одинъ разъ правильно, относя ее къ приказанію матери, а другой разъ ложно, считая ею самого себя; но при этомъ, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ дѣлается ошибка въ томъ отношеніи, что проглядывается средній членъ.

Но, можетъ быть, послѣдующія эпохи развитія приносятъ съ собою условія для исправленія такихъ капитальныхъ ошибокъ въ оцѣнкѣ источниковъ собственныхъ дѣйствій? Судите сами. Ребенокъ долгіе годы остается подъ вліяніемъ чужой воли, значитъ пріуроченіе силы, опредѣляющей дѣйствія, къ человѣческому образу не только не ослабляется, но съ каждымъ днемъ крѣпнетъ. Съ другой стороны, внѣшніе импульсы, которыми опредѣляются дѣйствія, совершающіяся якобы по собственной иниціативѣ, становятся наоборотъ все болѣе и болѣе неуловимы, потому что репродукція актовъ, по мѣрѣ ихъ учащенія, становится легче и легче. Въ-третьихъ, по мѣрѣ движенія психическаго развитія впередъ, въ

Digitized by Google

жизни все болѣе и болѣе умножаются случаи рефлексовъ съ затормаженнымъ концомъ, даже при болѣе или менѣе сильномъ позывѣ на дѣйствіе (стремительность, страстность второго члена). При этомъ на душѣ происходитъ борьба мотивовъ, тянущихъ человѣка въ разныя стороны, и если мотивъ тормазящій одинъ разъ побѣдилъ, а другой нѣтъ, то изъ соизмѣренія такихъ случаевъ получаются для сознанія новые и крайне яркіе доводы въ пользу отдѣленія *себя* отъ дѣйствія. Значитъ, условія для того, чтобы относить первоначальную причину дѣйствій въ себя, не только не ослабѣваютъ, а наоборотъ усиливаются. Да къ этому присоединяется еще непомѣрно частое употребленіе въ дѣло словесныхъ мыслей, начинающихся словомъ *я*, какъ причиной, и кончающихся какимъ-нибудь дѣйствительнымъ глаголомъ, какъ послѣдствіемъ. Но ошибка проглядыванія среднихъ членовъ, т.-е. внутреннихъ побужденій къ дѣйствіямъ, съ ходомъ развитія впередъ становится конечно менѣе и менѣе частой. Въ концѣ концовъ обыденное сознаніе очень мѣтко называетъ эти побужденія, въ параллель приказывающему внѣшнему голосу, внутренними голосами, и для многаго множества случаевъ допускаетъ даже ихъ опредѣляющее значеніе въ дѣлѣ выбора дѣйствій (человѣкъ повинуется голосу страсти, разсудка и пр.); и тѣмъ не менѣе оно остается при мысли, что первоначальная причина ихъ лежитъ все-таки въ *я*. Откуда же такое противорѣчіе?

Дѣло въ томъ, что мы пріучаемся вкладывать въ *я* не только причину и возможность какъ совершающихся въ данную минуту, такъ и всѣхъ вообще знакомыхъ намъ дѣйствій, но относимъ къ *я*, какъ къ причинѣ, даже самое бездѣйствіе (я хочу и дѣлаю, хочу и не дѣлаю, могу дѣлать и дѣлаю, могу не дѣлать и не дѣлаю, могу дѣлать и не дѣлаю, могу не дѣлать и дѣлаю). Попробуйте, напр., усомниться въ могучести какого-нибудь 5-лѣтняго гражданина, который имѣетъ слабость воображать себя богатыремъ—онъ отправится съ величайшимъ спокойствіемъ и самоувѣренностью хоть къ шкафу, чтобы доказать свою силу. Это ли не сознаніе что «онъ можетъ?» Кто же впрочемъ не знаетъ, что самые самонадѣянные люди на свѣтѣ,—дѣти, и что это свойство переходитъ даже въ юношескій возрастъ. Понятно, далѣе, что если ребенку кажется, будто онъ можетъ сдѣлать чуть не все на свѣтѣ въ положительную сторону, тѣмъ легче вообразить ему себя всемогущимъ въ отрицательную. Чтобы согнуть палецъ, нужно все-таки усиліе, но не согнуть его и усилія нѣтъ, а между тѣмъ ребенокъ вѣдь не можетъ не чувствовать, что не ходитъ, не сгибаетъ пальцевъ никто другой, какъ *онъ самъ*—причина

Digitized by Google

всѣхъ своихъ дѣйствій и состояній. Правда, въ дѣтствѣ просторъ къ ничего-недѣланью значительно ограниченъ голосомъ матери, няньки или учителя, но вѣдь всякій лишній шагъ противъ приказанія остановиться есть уже *мощь не дѣлать*, выслѣживанье мухи за урокомъ строгаго учителя — то же самое. Та же мысль скрывается, очевидно, за всѣми тѣми невинными хитростями, которыми ребенокъ старается увернуться отъ того, къ чему его принуждаютъ. Когда же за ребенкомъ перестаютъ слѣдить шагъ за шагомъ, случаи для упражненія мощи въ запретную сторону все умножаются, и на душѣ не можетъ не остаться отъ такихъ упражненій слѣда въ формѣ мысли: «если хочешь, то приказывающаго голоса можно и не слушаться». Легко понять, что воля ребенка здѣсь нипричемъ, онъ не дѣлаетъ того, что ему велѣно, потому что голосъ болѣе сильный зоветъ его въ другую сторону; но разъ онъ привыкъ всѣ дѣйствія приписывать себѣ, какъ причинѣ, и фактъ непослушанія не можетъ составлять исключенія изъ общаго правила, тѣмъ болѣе, если за такимъ фактомъ слѣдуетъ внушеніе его провинившемуся тѣлу. Въ школѣ принудительнымъ элементомъ, сверхъ образа или голоса учителя, является еще урокъ—иго двойное, но за то у школьника есть уже *право* по временамъ *не дѣлать, не слушаться голоса*. Тотчасъ послѣ уроковъ за порогомъ школы бойкій школьникъ, сознающій свое право, свою мочь не слушаться, можетъ поднять насмѣхъ того самаго учителя, передъ которымъ онъ дрожалъ за минуту. Въ этомъ періодѣ жизни мочь положительно значитъ для человѣка слѣдовать слѣпо тѣмъ голосамъ, которые его манятъ въ поле, на лугъ, бѣгать, играть, бросать камнями въ прохожихъ, гоняться за собакой, а мочь отрицательно—увернуться отъ назойливаго голоса матери или учителя. Но вотъ въ душѣ школьника начинаетъ происходить какой-то переломъ: голоса перваго рода начинаютъ блѣднѣть, на мѣсто нихъ промелькнетъ въ головѣ то образъ Александра Македонскаго въ латахъ и шлемѣ, о которомъ онъ слышалъ въ школѣ, то разсказъ какъ живетъ муравей, пчела, то картинка изъ книги, и рядомъ съ этимъ изъ голоса матери и даже учителя начинаютъ какъ будто исчезать докучливые тоны, хотя они продолжаютъ по-прежнему приказывать. Это періодъ крайне важный въ жизни — эпоха, когда въ душу всего легче вложить такіе голоса, какъ чувство долга, любовь къ правдѣ и добру. Вкладываніе это, какъ слѣдуетъ, совершается къ несчастію лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, а еще рѣже тѣ—когда вкладываніе длится черезъ всю юность. Но за то при такихъ исключительныхъ условіяхъ и развиваются тѣ прелестные типы, которые со-

Digitized by Google

всѣмъ забываютъ, что они могутъ не дѣлать того, что говоритъ имъ разумъ или сердце, и дѣлаютъ поэтому всякое доброе дѣло непосредственно, легко, безъ усилій, съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ, что дѣло иначе и быть не можетъ. Обыкновенно же развитіе идетъ въ жизни не такъ. На юношѣ и на взросломъ человѣкѣ повторяется исторія ребенка: множество разъ онъ слушается въ своихъ поступкахъ тѣхъ внутреннихъ голосовъ, которые говорятъ ему приблизительно такъ, какъ говорила бы въ дѣтствѣ кроткая мать или строгій, умный отецъ; но часто, и, повидимому, при тѣхъ же условіяхъ, дѣлается совсѣмъ обратное; и тогда прежній образъ дѣйствій приходитъ на память не только за тѣмъ, чтобы возбудить боль въ сердцѣ, но и за тѣмъ чтобы укрѣпить завѣщанную дѣтствомъ мысль, что человѣкъ можетъ не слушаться то того, то другого голоса. При этомъ забывается только слѣдующая маленькая вещь: если кто не слушается одного голоса, то только потому, что онъ слушается другого.

Дѣйствія наши управляются не призраками, въ родѣ разнообразныхъ формъ *я*, а мыслью и чувствомъ. Между ними у нормальнаго человѣка всегда полнѣйшая параллельность: внушенъ, напр., поступокъ моральнымъ чувствомъ — его называютъ благороднымъ; лежитъ въ основѣ его эгоизмъ — поступокъ выходитъ разсчетливымъ; продиктованъ онъ животнымъ инстинктомъ — на поступкѣ грязь. Даже у сумасшедшихъ между этими членами цѣльныхъ актовъ есть соотвѣтствіе. Въ этомъ-то смыслѣ сознательно-разумную дѣятельность людей и можно приравнять двигательной сторонѣ нервныхъ процессовъ низшаго порядка, въ которыхъ средній членъ акта, чувствованіе, является регуляторомъ движенія въ дѣлѣ доставленія послѣднимъ той или другой пользы тѣлу.

И. Сѣченовъ.

Одесса.—15-го февраля 1873.

Digitized by Google

„ULTIMO“

ПОВѢСТЬ

I *).

Свѣжій мартовскій вѣтерокъ подувалъ все болѣе и болѣе порывисто по узкимъ улицамъ маленькаго городка, стучалъ въ ставни и гудѣлъ въ дымовыхъ трубахъ. И всякій разъ, какъ онъ со свистомъ и воемъ проносился мимо одного углового дома,— Томасъ Кемпе поднималъ глаза съ конторки и укоризненно посматривалъ на свою дочь Христіану, приготовлявшую ужинъ отцу на небольшомъ кругломъ переддиванномъ столѣ.

— Все готово, папа́, садись кушать себѣ спокойно, произнесла дѣвушка.

— Спокойно! пробормоталъ старикъ; хорошо спокойствіе! слышишь! Вонъ тамъ, наверху, уже два раза вѣтеръ чуть-было не сорвалъ ставень. Буря того и гляди обрушитъ мнѣ весь домъ на голову, а я оставайся спокойнымъ! хорошо спокойствіе!... А поѣздъ-то отходитъ черезъ часъ!

Онъ съ отчаяніемъ сдернулъ съ своего маленькаго и тупого носика очки, сквозь которыя гнѣвно взглянулъ еще разъ на Христіану, бросилъ ихъ на кучу писемъ, и сталъ рыться въ бумагахъ.

— Я все это приведу въ порядокъ послѣ, сказала Христіана;

*) Въ объясненіе тѣхъ пропусковъ и вставокъ, которыя читатель можетъ замѣтить при сравненіи нашего перевода съ появившимся текстомъ въ фельетонѣ одной нѣмецкой газеты, мы должны прибавить, что какъ пропуски, такъ и вставки сдѣланы самимъ авторомъ въ листахъ, которые онъ намъ доставилъ вмѣсто текста, приготовленнаго имъ для отдѣльнаго изданія.

Digitized by Google

я могу также написать письмо и къ Видекопфу съ Сыновьями насчетъ крупы; я вѣдь знаю, въ чемъ дѣло.

— Ну, вотъ тебѣ разъ! вскричалъ Кемпе, вмѣсто всякаго отвѣта, и съ невѣроятнымъ проворствомъ сползъ съ своего высокаго табурета и бросился черезъ дверь въ лавку, откуда раздался отчаянный дѣтскій крикъ, покрываемый оглушительнымъ хохотомъ мужского голоса. Христіана побѣжала за отцомъ и увидѣла, стоя въ дверяхъ, какъ отецъ дралъ за уши Августа, мальчика при лавкѣ, продолжавшаго орать во все горло,—а затѣмъ скатился по винтовой лѣстницѣ, ведшей изъ лавки прямо въ погребъ.

— Господинъ Эммерихъ, да что же такое случилось? спросила Христіана;—послушайте, вы напрасно смѣетесь, когда видите, что отецъ такъ разстроенъ.

— Вы правы, отвѣчалъ молодой человѣкъ изъ-за прилавка, немедленно переставъ смѣяться; — но это было такъ потѣшно. Фридрихъ разливалъ въ погребѣ *Zeltinger* и зажегъ пучокъ соломы, чтобы растопить смолу. Солома ярко вспыхнула, а этотъ принялся орать, точно домъ загорѣлся. Ну какъ тутъ не расхохотаться!... Но, конечно, еслибы я зналъ, что вы...

Эммерихъ провелъ краснокожими руками по кудрявымъ волосамъ, откашлянулся, но не успѣлъ онъ докончить своей фразы и только бросилъ нѣжный взглядъ на молодую дѣвушку, стоявшую въ дверяхъ, какъ лысая голова принципала уже показалась изъ-за рѣшетки винтовой лѣстницы. Къ счастію Эммериха, въ эту самую минуту раздался рѣзкій звонокъ у дверей лавки. Вошло нѣсколько покупателей; Эммерихъ съ Августомъ поспѣшили къ ихъ услугамъ...

— Пожалуйста, папа́, пойдемъ къ себѣ; супъ совсѣмъ простынетъ, сказала Христіана.

Кемпе усѣлся наконецъ за столъ и проглотилъ ложки двѣ супа съ видомъ человѣка, который только-что сердился, и не безъ причины, но тѣмъ не менѣе рѣшилъ и на этотъ разъ, — какъ-то бывало зачастую, преложить гнѣвъ на милость. Христіана, усѣвшаяся напротивъ, давно привыкла все читать на добромъ старомъ лицѣ, отлично изучила всякое его выраженіе и хорошо знала, что́ значитъ, когда на узкомъ, лысомъ лбу появится красная полоса, а жидкія сѣдыя брови, нависшія надъ мигающими глазами, начнутъ подергиваться, тонкія же губы задрожатъ. Но сегодня она стала втупикъ: сегодня впервые, въ теченіи долгихъ лѣтъ, поведеніе отца казалось ей загадочнымъ, настолько же загадочнымъ, насколько поѣздка въ Лейпцигъ, которую онъ вдругъ затѣялъ за обѣдомъ. Что́ бы это означало? Старикъ вообще съ

Digitized by Google

такимъ трудомъ отрывался отъ дома и отъ дѣлъ, да и то лишь въ крайнихъ случаяхъ... Въ послѣдніе три года, онъ не ѣздилъ даже и на ярмарку, а прежде посѣщалъ ее аккуратно.—Эта яма мнѣ опротивѣла, говаривалъ онъ обыкновенно, и Христіана не думала спрашивать: почему? А между тѣмъ... дѣла шли обычнымъ порядкомъ; сегодня, какъ и всегда, она прочитала ему полученныя письма и отвѣтила на многія, по его указаніямъ.

— Не можешь ли ты мнѣ сказать, папа́? спросила она внезапно... и испугалась звука собственнаго голоса. Она совсѣмъ не хотѣла объ этомъ говорить, но слова сорвались съ языка нечаянно.

— Что такое? возразилъ Кемпе; въ чемъ дѣло?

— А въ томъ, что прежде, сколько мнѣ извѣстно, у тебя, папа́, не бывало никакихъ секретовъ отъ меня, и меня тревожитъ твое молчаніе.

— А-а! никакихъ секретовъ! а развѣ у тебя нѣтъ секретовъ отъ меня? Молчаніе... тревожитъ... да, да! Твое молчаніе меня также тревожитъ; вотъ уже прошла недѣля, а ты все еще не объяснила мнѣ, почему ты отказала Вейкерту.

— Но развѣ ты у меня спрашивалъ объ этомъ, папа́? Да и зачѣмъ тебѣ спрашивать о томъ, что ты такъ же хорошо знаешь, какъ и я сама?

— Что́ я знаю? ничего я не знаю! вскричалъ старикъ, бросая свою ложку на тарелку и отталкивая тарелку отъ себя;— ровно ничего! кромѣ развѣ того, что ты хочешь должно быть остаться старой дѣвой на всю жизнь; можно ли ожидать, что знатный господинъ докторъ, послѣ того, какъ онъ промоталъ твои деньги...

— Папа́!

По блѣдному лицу дѣвушки разлился яркій румянецъ до самаго корня густыхъ, пепельно-свѣтлыхъ волосъ, заплетенныхъ безъискусственно въ толстыя косы и скрученныхъ надъ энергическимъ широкимъ лбомъ. Она привстала съ своего стула, но тотчасъ же снова опустилась на него и сказала голосомъ, которому тщетно старалась придать твердость:

— Ты обѣщалъ не отзываться такъ о Конрадѣ, это не измѣнитъ дѣла, а мнѣ больно тебя слушать. И... и я не желала бы даже, чтобъ было иначе, потому что вижу, что иначе и быть не можетъ. Конраду такъ много дѣла; въ большомъ городѣ, гдѣ господствуетъ такая сильная конкурренція, трудно составить себѣ практику; а Конрадъ стоитъ теперь на хорошей дорогѣ...

— Какъ бы да не такъ! закричалъ Кемпе, бросая салфетку на диванъ и поспѣшно протискиваясь между столомъ и диваномъ;—

Digitized by Google

у меня кусокъ останавливается въ горлѣ, когда я долженъ выслушивать такія вещи, которымъ ты сама совсѣмъ не вѣришь; на твоемъ мѣстѣ, я постыдился бы морочить своего старика-отца, который желаетъ тебѣ добра, который день и ночь думаетъ лишь о счастіи своего единственнаго дѣтища... Оставь меня! Я могу управиться одинъ! мнѣ не нужно твоей помощи!

Онъ надѣлъ фуражку съ широкимъ козырькомъ и тщетно пытался обмотать вокругъ шеи длинный, красный, шерстяной шарфъ, и все же кончилъ тѣмъ, что далъ—по старой привычкѣ—Христіанѣ распутать всѣ узлы и аккуратно завязать шарфъ.

— Спасибо; хорошо; спасибо, спасибо!—ворчалъ онъ.

Христіана опиралась обѣими руками на его плечи; онъ посмотрѣлъ на нее, ожидая обычнаго прощальнаго поцѣлуя, но она не поцѣловала его; ея голубые глаза твердо глядѣли на отца, и онъ опустилъ свои поспѣшно.

— Папа́, сказала она... и голосъ, который во всякое другое время звучалъ для старика лучше всякой музыки, теперь показался ему какимъ-то страшнымъ... Папа́, скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, что съ Конрадомъ ничего не случилось.

— Что́ съ нимъ можетъ случиться! вотъ глупости! какое мнѣ до него дѣло! Я больше не хочу ничего о немъ слышать! у меня довольно своихъ дѣлъ! Мнѣ все равно! вотъ уже два года, какъ ты совершеннолѣтняя, и прошелъ уже слишкомъ годъ, какъ твои деньги лежатъ безъ всякаго оборота у Гольдгеймера... Богъ наказалъ! Богъ наказалъ!...

Старикъ вырвался у дочери еще при первыхъ словахъ, рѣзко имъ сказанныхъ, и забѣгалъ вокругъ комнатки, словно ему нужно было собирать изъ всѣхъ угловъ свои вещи, между тѣмъ, какъ онѣ уже съ обѣда лежали на готовѣ.

— Вотъ твои очки, замѣтила Христіана; твоя ермолка лежитъ въ лѣвомъ карманѣ, а табакерка и носовой платокъ въ правомъ. Плащъ твой понесетъ Августъ, а калоши тебѣ слѣдуетъ теперь же надѣть; вотъ правая, позволь мнѣ тебѣ помочь!

Она опустилась передъ нимъ на колѣни, и онъ почувствовалъ внезапно, какъ двѣ горячихъ слезы скатились на его руки.

— Дитя мое, дорогое, дорогое, несчастное дитя мое!—зарыдалъ старикъ, охватывая ее своими руками.

— Скажи, папа́! съ Конрадомъ ничего не случилось? я увѣрена въ этомъ!—прошепталъ старику на ухо тихій голосъ.

Сказать ей всю правду? Тихій голосъ снова зазвучалъ, какъ грозное предостереженіе, словно ея устами вѣщала ему совѣсть, но онъ такъ твердо рѣшился, такъ все строго разсчиталъ...

Digitized by Google

— Сигналъ подаютъ! сигналъ подаютъ! — закричалъ Августъ своимъ пронзительнымъ голосомъ, раскрывая дверь настежъ, между тѣмъ какъ Эммерихъ выбивалъ маршъ на стеклѣ слухового оконечка, черезъ которое онъ сообщался съ своимъ принципаломъ.

— Такъ и есть! такъ и есть!—проворчалъ старикъ, вскакивая со стула, словно наэлектризованный; я пропущу поѣздъ, благодаря всѣмъ этимъ разговорамъ; ничего нѣтъ важнаго, ровно ничего! дѣло идетъ объ изюмѣ, который поставляютъ Ликъ и Сыновья. Мнѣ предстоитъ съ ними сдѣлка, весьма щекотливая сдѣлка... и пожалуйста, чтобы ставни наверху приколотили покрѣпче, да чтобы Фридрихъ не зажигалъ свѣчей въ погребѣ, и...

— Будь покоенъ, папа́; я за всѣмъ присмотрю; прощай, папа́!

— Прощайте, хозяинъ; счастливаго пути, хозяинъ!

Дверь съ трескучимъ звонкомъ захлопнулась за старикомъ и мальчикомъ, который несъ за нимъ вещи на близлежащій дебаркадеръ желѣзной дороги. Эммерихъ, проводившій уѣзжающаго съ нижайшими поклонами до самыхъ дверей, повернулся на каблукахъ и увидѣлъ, что предметъ его страсти, идеалъ всѣхъ его мечтаній, стоитъ въ лавкѣ недвижимо, съ поникшими очами, съ блѣднымъ лицомъ... отъ страха? отъ ожиданія? Ужели наступилъ роковой моментъ? ужели пришла пора разыграть трогательную сцену, которую онъ ежедневно обдумывалъ въ своей мансардѣ, въ теченіе цѣлыхъ двухъ съ половиною мѣсяцевъ? Броситься къ ея ногамъ съ распростертыми объятіями и съ тѣмъ страстнымъ выраженіемъ въ лицѣ, дѣйствіе котораго неотразимо, и воскликнуть съ тѣмъ удивительнымъ чувствомъ, на какое онъ былъ способенъ: «О, королева, все же жизнь прекрасна!»

Но прежде, чѣмъ Эммерихъ успѣлъ угомонить свое страстное сердце настолько, чтобы быть въ состояніи откашлянуться—и что́ было совсѣмъ необходимо—она, не поднимая даже глазъ на него, медленно повернулась, медленно переступила черезъ четыре ступеньки, которыя вели въ жилыя комнаты, и исчезла за стеклянной дверью, съ зеленой, жестоко непрозрачной занавѣской... точно Гретхенъ, при выходѣ изъ церкви! Эммерихъ вздохнулъ, съ отчаяніемъ запуская обѣ краснокожія руки въ густыя кудри:—Охъ! ужъ эти мнѣ нервы! злополучные нервы!

Digitized by Google

II.

Христіана возстановила въ комнатѣ порядокъ, нарушенный сборами къ отъѣзду отца, убрала со стола, разставила стулья по мѣстамъ, затѣмъ подошла къ конторкѣ, чтобы привести въ порядокъ бумаги, написать письмо къ Видекопфу съ Сыновьями насчетъ крупы и разнести изъ черновой книги, — которую ей передалъ, по ея требованію, Эммерихъ въ слуховое окошечко, — дневную почту по различнымъ книгамъ. Она методически выполнила все это, не просчитавшись и не описавшись ни разу, но за то вполнѣ механически, потому что во все это время въ головѣ ея роились мысли, одна другой печальнѣе, пока она прислушивалась къ стонамъ и завыванію вѣтра на дворѣ, или къ рѣзкому звонку у дверей лавки. Затѣмъ она вытерла перо, сняла клеенчатые нарукавники, надѣваемые изъ предосторожности, чтобы сберечь платье, тщательно сложила ихъ, взяла въ руки лампу, вышла изъ комнаты и уже только на лѣстницѣ вспомнила, зачѣмъ отправляется. Она прошла на чердакъ, приперла стучавшее слуховое окно, и вотъ, минуту спустя, снова сидѣла въ комнатѣ, за своимъ небольшимъ письменнымъ столомъ; лампа стояла передъ ней. Она подперла рукой голову и думала, думала... и мысли были все такія печальныя, такія невыразимо-печальныя; и на дворѣ стоналъ и вылъ вѣтеръ, а колокольчикъ у дверей лавки пронзительно взвизгивалъ время отъ времени.

И чѣмъ долѣе сидѣла она такимъ образомъ и старалась выяснить себѣ истину, тѣмъ темнѣе становилось у нея въ головѣ и тѣмъ глуше билось сердце въ груди. Изъ этого лабиринта представлялся только одинъ исходъ! неужели это должно случиться? неужели это можетъ случиться? да это страшнѣе самой смерти! Умереть за него... да развѣ она задумалась бы, хотя бы на минуту! Да развѣ она не призывала смерти въ то время, какъ еще могла молиться,—смерти, которая освободила бы ее отъ этой пытки и развязала бы ему руки? Но жить, жить, чего добраго, еще долгіе, долгіе томительные годы! безъ цѣли и надежды! подобно духу, разставшемуся съ тѣломъ и бродящему въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ нѣкогда жилъ и дѣйствовалъ, а теперь прислушивается, не вспоминаетъ-ли кто о немъ, хотя во снѣ... Это тяжко, да, очень тяжко! Тяжко и жестоко, какъ послѣднее письмо, которое онъ написалъ ей, недѣлю тому назадъ, въ отвѣтъ на то, въ которомъ она поздравляла его съ днемъ рожденія! Если бы

Digitized by Google

ее ударили ножемъ въ сердце, то и тогда ей не было бы такъ больно! Чего же она еще медлитъ, на что надѣется?

Она поспѣшно вытащила ключикъ, который носила на цѣпочкѣ вокругъ шеи, отперла одинъ изъ ящиковъ письменнаго стола, чтобы вынуть изъ него одно письмо, которое въ немъ лежало. Но въ то время, какъ она нагибалась надъ нимъ, ящикъ, изъ котораго она не вынула ключика, послѣдовалъ за ея движеніемъ и изъ него высыпалось все, что въ немъ хранилось, на письменный столъ.

Тамъ было—кромѣ вышеупомянутаго письма—восемь пачекъ писемъ. Каждая пачка завернута была въ бумагу, на которой былъ выставленъ годъ и заботливо связана красной шелковой лентой. Всѣ пачки перемѣшались между собой, и она хотѣла было уложить ихъ обратно въ ящикъ, но не могла удержаться, чтобы не привести въ порядокъ. Ей незачѣмъ было разсматривать пачки, она знала каждую по ея объему и вѣсу. Внушительная первая пачка—ея любимая—помѣчена была 1849 г., а на другихъ, все еще внушительныхъ, хотя и не такихъ объемистыхъ и тяжелыхъ, значились 1850 и 1851 гг. А затѣмъ, изъ году въ годъ пачки становились все меньше, все легче, и послѣдній годъ въ цѣлыхъ три мѣсяца принесъ только одно единственное письмо... страшное письмо!

Она съ судорожной поспѣшностью схватила его и снова уронила, словно пальцы ея коснулись раскаленнаго желѣза; черезъ минуту она уже развязала ленту, которая охватывала первую пачку и развернула одно изъ писемъ... первое попавшееся... они всѣ ей были одинаково милы и дороги. Оно было написано на простой сѣрой бумагѣ и плохія чернила совсѣмъ уже пожелтѣли. Всякому другому чтеніе его показалось бы весьма затруднительнымъ; она же могла прочитать каждое слово съ закрытыми глазами. Но теперь глаза ея не были закрыты; они были широко раскрыты; сухъ и горячъ былъ ихъ пристальный взглядъ, какъ у человѣка, который глядитъ въ лицо дорогого покойника; и вотъ этими широко-раскрытыми, сухими и горячими глазами читала она:

«Наконецъ-то, наконецъ! Раненый олень, за которымъ цѣлый день гналась по скаламъ заливающаяся пронзительнымъ воемъ стая охотничьихъ собакъ, котораго лютыя борзыя цѣлый день гоняли по валежнику и колючимъ терніямъ,—этотъ оленъ вдругъ перепрыгнулъ черезъ широкій оврагъ, и спасенъ! Спасенъ! Кто знаетъ, что заключается въ этомъ словѣ? Кто? Я вправѣ это

Digitized by Google

спросить! и вижу тебя, вижу, какъ этотъ листокъ дрожитъ у тебя въ рукахъ, въ то время какъ твои милые глазки пробѣгаютъ эти строки, а твой милый голосъ радостно восклицаетъ: онъ спасенъ, онъ спасенъ! Да, моя милочка, ты это знаешь и одна ты! и больше никому не надобно этого знать, потому что больше никто не заботится о бѣдномъ бѣглецѣ. Но твой добрый, честный отецъ, твоя кроткая, набожная мать? Ахъ, дорогая, я знаю это: они также радуются, что клевреты тирана не захватили меня въ Дрезденѣ, и что я не долженъ въ настоящую минуту мотать шерсть въ Вальдгеймѣ... но развѣ они простятъ мнѣ когда-нибудь, что я возсталъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ нашего короля, помазанника Божія... что я объявилъ войну самому Богу; но какому богу, лицемѣрному, изолгавшемуся, жестокому богу юнкеровъ и патеровъ—и буду воевать пока у меня хватитъ голоса, чтобы кричать: вы лжете и обманываете, да! вы лжете и обманываете!

«Я вижу задумчивое выраженіе твоего милаго личика, которое такъ идетъ тебѣ, и слышу, какъ ты тихо, совсѣмъ тихо и растерянно спрашиваешь: что же выйдетъ изъ всего этого? Милочка моя! такъ вопрошали еще апостолы въ минуту малодушія, но Богъ, въ котораго они вѣрили, былъ живъ и не покидалъ ихъ! и не покинетъ онъ и насъ... добрый, великій, сіяющій Богъ свободы и любви... если мы съумѣемъ крѣпко вѣрить.

«Безъ того ничего, конечно, не будетъ, дорогая! да и сильная же и истинная должна быть вѣра, одушевляющая молодого человѣка въ растрепанной блузѣ и разорванныхъ сапогахъ, который здѣсь, въ этой бѣдной лачужкѣ бѣдной швейцарской деревеньки, при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца, пишетъ это письмо, на бумагѣ, которою обязанъ великодушію своихъ хозяевъ—старой, совсѣмъ высохшей старушкѣ, и ея сыну, который всякій разъ улыбнется, какъ взглянетъ на меня, и у котораго, сдается мнѣ, голова несовсѣмъ въ порядкѣ! Сильна, говорю я, должна быть его вѣра, если, не взирая ни на что и ни на кого, онъ не сомнѣвается, что наступитъ такое время, когда единственная бѣлокурая дочка почтеннаго бюргера и торговца съѣстными припасами Томаса Кемпе, Христіана, станетъ законной женой вышеупомянутаго молодого человѣка. Только одно обстоятельство смущаетъ меня: что моя тетушка Мартина имѣла глупость умереть и еще бо́льшую глупость назначить тебя,—вмѣстѣ съ полудюжиной другихъ племянниковъ и племянницъ, своей наслѣдницей! Десять тысячъ талеровъ приходятся на одну твою долю!

Digitized by Google

«Это мнѣ вовсе не нравится, моя милочка! Равенство и равенство! Тебѣ извѣстны мои принципы и... моя гордость, говоришь ты? Пусть такъ... надо же, чтобы у всякаго было что-нибудь свое! у того молодого человѣка, который отнюдь не намѣревается убивать и поджигать, но въ потѣ лица своего, зарабатывать свой хлѣбъ, въ должности школьнаго учителя... свой свободный, вполнѣ свободный хлѣбъ. Дорогая, мнѣ хочется сказать тебѣ вмѣстѣ съ Сыномъ Іосифа изъ Назарета: раздай нищимъ и ступай за мной! Въ силахъ ли ты это сдѣлать? о, да, еслибы только у тебя нашлось необходимое мужество! и развѣ человѣкъ не вправѣ дѣлать то, что въ его силахъ?»...

Христіана опустила листокъ и устремила въ пространство широко-раскрытые, пылавшіе глаза. Она сто разъ читала его, но теперь ей казалось, что она какъ будто впервые прочла. «Человѣкъ вправѣ дѣлать то, что въ его силахъ!» Да, это такъ! То была его поговорка, поговорка человѣка, который былъ такъ силенъ и такъ смѣлъ, что смѣлость и сила другихъ людей казались, по сравненію, слабыми попытками карлика на ряду съ гигантскими усиліями великана. Развѣ она не удивлялась въ то время, да и теперь, какъ онъ принялся изучать медицину въ Цюрихѣ, не взирая на свои скудныя школьныя познанія, и прислалъ ей черезъ нѣсколько лѣтъ свой докторскій дипломъ «честно завоеванный, хотя я ни одного слова въ немъ не понимаю». Какъ онъ потомъ поѣхалъ въ Парижъ и три мѣсяца позже писалъ: «счастіе мнѣ улыбнулось! и благодаря всего одной операціи! пол-Парижа посѣтило мое скромное жилище, въ пятомъ этажѣ улицы *de L'Ouest!* Пріѣзжай, моя милочка, пріѣзжай! теперь я больше не боюсь твоего капитала и со всѣми его процентами, которые я уже поглотилъ, но далѣе не стану пожирать!»

А дальше! дальше! дальше онъ преодолѣлъ еще и не то; онъ отказался отъ Парижа и вѣрной, блестящей будущности, когда старый упрямый отецъ, робкая мать, страдавшая неизлечимой болѣзнью, не захотѣли отпустить его. Онъ вернулся въ отечество, гдѣ ему, конечно, не грозила больше тюрьма, благодаря амнистіи, но за то грозило средневѣковое цеховое иго, наказавшее молодого ученаго — дружбы котораго искали первѣйшіе парижскіе авторитеты,—всевозможными экзаменами, начиная съ гимназическаго, къ которому бывшему школяру пришлось готовиться съизнова, отъ перваго латинскаго склоненія до греческаго синтаксиса включительно. Онъ и это преодолѣлъ.

Digitized by Google

Она закрыла лицо обѣими руками; долго сдерживаемыя слезы хлынули ручьемъ...

— Да, онъ преодолѣлъ! Но это стоило мнѣ его любви, произнесла она, рыдая, и я по-дѣломъ наказана. Я не должна была принимать этой жертвы, не должна была осуждать его на эту барщину. Горе мнѣ,—я это сдѣлала! и жестоко наказана за это. Письмо не было бы никогда написано, еслибы не это!

— Но оно написано! вскричала она, вскакивая съ мѣста и отводя отъ лица бѣлокурые волосы, которые распустились и покрыли горячее, залитое слезами лицо,—и я еще медлю! какъ будто мало одного отвѣта! Нѣтъ, я не хочу даже его читать. Въ его строкахъ ничего не прочтешь; онѣ такъ вѣжливы, такъ гладки, такъ холодны... такъ холодны, потому что она такъ молода, такъ хороша, потому что онъ ее такъ горячо любитъ!

Трепетъ пробѣжалъ у нея по всему тѣлу. Въ печкѣ, къ которой она невольно обратила взоръ, еще тлѣли уголья отъ огня, разведеннаго ею давеча, чтобы согрѣть отцовскія дорожныя вещи, и вотъ вспыхнуло яркое пламя... Почти не сознавая, что́ она дѣлаетъ, она все выбросила, все, что было въ ящикѣ, на тлѣющіе уголья.

— Все кончено, проговорила она.

Она подошла къ конторкѣ отца, на которой привыкла всегда писать свои письма. Когда она вынимала изъ ящика листъ бумаги, ей бросилась въ глаза записка, которую отецъ ея навѣрное положилъ туда по ошибкѣ. Записка была писана его рукой и—она тотчасъ же это увидѣла—заключала списокъ различныхъ порученій, которыя ему слѣдовало выполнить. Такую памятную записку онъ имѣлъ обыкновеніе составлять передъ каждой своей поѣздкой. Старикъ будетъ очень жалѣть, что позабылъ свою записку, хотя очки и память еще хорошо служили ему. Быть можетъ ей удастся отправить эту записку съ одиннадцати-часовымъ поѣздомъ, тогда онъ рано получитъ ее. Однако, если онъ въ самомъ дѣлѣ позабылъ что-нибудь... «3 рубашки, 2 воротника» и т. д... это все съ нимъ;—2-е, «въ вагонѣ сѣсть спиной къ локомотиву»... Надѣюсь, что это ему удалось;—3-е, «остановиться у «Зеленой березы» и спросить № 12 (въ № 11 дымило въ послѣдній разъ, а дерево кровати сверлилъ древоточецъ); 4-е, немедленно повидаться съ нотаріусомъ Вейкертомъ (который меня ждетъ): a) переговорить о векселѣ по востребованію въ 4000 тал. и о томъ, не потребуется ли по закону согласіе Христ..? b) во всякомъ случаѣ немедленно забрать скупленные векселя, такъ какъ, 5-е, на слѣдующее утро наступитъ ultimo; 6-е, С. Ф. Ликъ и

Digitized by Google

Сыновья (послѣдній изюмъ на 5% порченный); 7-е, Вейсъ и ком. сапожной ваксы (больше глянца); 8-е, позавтракать (умѣренно); затѣмъ прямо, 9-е (пріемные часы 9—11), къ доктору и приставить пистолетъ къ груди: *aut? aut?* (*NB! NB!* не давать себя запугать!!) Въ случаѣ счастливаго исхода (на который едва смѣю надѣяться), 10-е, написать къ Христ... (*per express*); въ противномъ случаѣ, 11-е, прямо къ Гольдгеймеру съ векселемъ и раскрыть глаза на счетъ любезнаго зятюшки *in spe*»...

Эммерихъ сидѣлъ, запустивъ одну руку въ свои кудри за прилавкомъ и мрачно глядѣлъ на мальчика, приклеивавшаго ярлыки въ «Цельтингеру», который онъ только-что принесъ изъ погреба. Нервы Эммериха окончательно успокоились; но случай невозвратно миновалъ... Трагизмъ его существованія въ томъ самомъ и заключался, что его нервы и случай никогда не могли поладить другъ съ другомъ, никогда.

— Господинъ Эммерихъ!

Приказчикъ вскочилъ и увидѣлъ, что она стоитъ въ дверяхъ на верхней ступенькѣ и знакомъ приглашаетъ его войти. Сердце его забило тревогу; неужели великая минута должна наступить уже сегодня вечеромъ, теперь, когда его нервы, послѣ страшнаго предшествовавшаго раздраженія, еще не вполнѣ окрѣпли?

— Господинъ Эммерихъ, сказала Христіана, я должна выѣхать въ Лейпцигъ съ одиннадцати-часовымъ поѣздомъ; отецъ забылъ одну бумагу, которая ему понадобится завтра рано поутру; да онъ и безъ того ожидаетъ меня къ полудню. Важныя письма, которыя бы пришли, оставляйте безъ отвѣта... я во всякомъ случаѣ вернусь завтра вечеромъ. Пусть Фридрихъ проводитъ меня на желѣзную дорогу. Поняли меня?

Выраженіе лица Эммериха дѣлало этотъ вопросъ необходимымъ. Понялъ-ли онъ ее? Эммерихъ спрашивалъ себя отъ этомъ безустанно, когда вернулся за прилавокъ, и принялся расхаживать до одурѣнія на маленькомъ пространствѣ, которое оставляли свободнымъ бутыли съ сиропомъ и ящики съ черносливомъ. Понялъ-ли онъ ее? Долженъ-ли онъ понимать ея слова буквально? долженъ-ли онъ перевести ихъ на языкъ любви, страсти и нервовъ? Чего добраго! Лейпцигъ совсѣмъ не Лейпцигъ, а какая-нибудь маленькая хижина, ожидающая счастливую влюбленную чету? И не называла-ли она Фридриха, который долженъ былъ проводить ее на желѣзную дорогу, вмѣсто Леопольда-Теодора Эммериха? Понялъ-ли онъ ее?!

Эммерихъ все еще продолжалъ вопрошать себя объ этомъ, когда одиннадцати-часовый поѣздъ давно уже несся, подъ покро-

Digitized by Google

вомъ бушующей ночи. Старая дама, которая ѣхала изъ Дрездена и до сихъ поръ сидѣла одна въ своемъ купѐ, очень обрадовалась, когда къ ней подсѣла попутчица. Она немедленно завела интимную бесѣду о путешествіяхъ вообще и о цѣли и смыслѣ своего путешествія въ частности. Но молодая особа, которая только-что сѣла въ вагонъ, отвѣтивъ скромнымъ, кроткимъ голосомъ на первые вопросы, завернулась въ пальто, надвинула капишонъ на глаза, и уснула.

Или по крайней мѣрѣ притворилась, что спитъ,—такъ подумала про себя старая дама, когда до тонкаго слуха ея долетѣло изъ-подъ капишона что-то весьма похожее на подавленное рыданіе. Старая дама сама не знала, отчего у нея не хватаетъ духа спросить, о чемъ горюетъ молодая особа; такимъ образомъ, въ купѐ снова воцарилась тишина, и поѣздъ несся все съ той же быстротой по широкой, озаренной луной, равнинѣ, подъ покровомъ бушующей ночи.

III.

Въ тотъ самый часъ, какъ Томасъ Кемпе выѣхалъ изъ дому, въ квартирѣ банкира Гольдгеймера въ Лейпцигѣ, двое слугъ дѣятельно разставляли на столахъ и на каминахъ зажженныя лампы и зажигали свѣчи въ канделябрахъ. Слуги исполняли свое дѣло методически-спокойно, переходя изъ одной комнаты въ другую и едва перекидываясь словечкомъ-другимъ. А фрейлейнъ Рикхенъ, экономка, которая прошла вслѣдъ за ними, чтобы убѣдиться, что все въ порядкѣ, не находила для себя никакого дѣла; и хотя она подвинула одно кресло немного впередъ, а другое—назадъ, провела рукой по бархатной салфеткѣ, покрывавшей столъ, переложила диванную подушку съ одного мѣста на другое, но все это она дѣлала затѣмъ только,—какъ замѣтилъ Жакъ Францу,—чтобы «выставиться передъ барыней», которая только-что вышла изъ своей уборной въ красную гостинную и шла ей на встрѣчу по длинной анфиладѣ комнатъ.

— Готовы ли вы, Рикхенъ? спросила госпожа Гольдгеймеръ.

— Совсѣмъ готовы, сударыня. Позвольте, сударыня... одну минуту!

Рикхенъ стала позади своей барыни и принялась поправлять красную бархатную ленту, которая была надѣта на ея черныхъ волосахъ; Францъ подмигнулъ съ усмѣшкой Жаку въ то время, какъ они проходили мимо этой группы и толкнулъ его локтемъ.

Digitized by Google

— А что? развѣ Матильда опять наглупила?—спросила г-жа Гольдгеймеръ.

— Какъ водится, сударыня... Вотъ такъ!

— Скоро-ли будетъ готова Mélanie?

— Барышня сейчасъ будутъ готовы.

— Баринъ еще не вернулся?

— Карета въѣхала во дворъ нѣсколько минутъ тому назадъ; да, вотъ, она еще тамъ. Баринъ во всякомъ случаѣ въ своей конторѣ... Слышите?

Барыня приложила ухо къ отверстію разговорной трубы, которая была проведена изъ конторы мужа въ ея будуаръ.

— Ты одна, Лучія?—послышалось изъ трубы.

— Да, Гвидо! а что?

— Я желалъ бы поговорить съ тобой.

— Прошу васъ, любезная Рикхенъ, сходите, узнайте, готовали Mélanie.

Экономка немедленно исчезла.

— Что понадобилось отъ меня мужу? — спросила себя г-жа Гольдгеймеръ, опускаясь въ одно изъ креселъ, стоявшихъ передъ каминомъ, и разсѣянно разсматривая свои маленькія, бѣлыя ручки, усѣянныя кольцами;—онъ былъ сегодня за обѣдомъ очень не въ духѣ; эти мужчины такъ страшно капризны, а мы, бѣдныя женщины... Ахъ! вотъ и ты, милый Гвидо!

Черезъ дверцу, скрытую обоями, быстро прошмыгнула сухопарая фигура ея мужа и заняла мѣсто въ креслѣ рядомъ съ ней. Лицо его уже не глядѣло такъ сердито, какъ за обѣдомъ. Онъ повернулся къ ней, обогрѣвъ сначала руки надъ пылающимъ каминомъ.

— Ты опять выѣзжалъ?

— Страшно много дѣла; завтра—*ultimo*. Завтра утромъ открывается подписка на новый выпускъ акцій Харьковско-Азовской, Юго-Восточной и полудюжины другихъ желѣзныхъ дорогъ, которыя продаются у меня и у Зильбермана; само собою разумѣется, съ дурацкой преміей. Я необходимо долженъ былъ переговорить съ Зильберманами, а такъ какъ они было отказались пріѣхать на сегодняшній вечеръ... но съ какимъ вкусомъ ты сегодня одѣта, изящно и просто... то я хотѣлъ повидаться съ самимъ Зильберманомъ, которому я сказалъ, что у насъ вовсе не балъ, а такъ-себѣ вечеръ за-просто... будетъ немножко музыки, да вотъ развѣ молодежь протанцуетъ польку, а затѣмъ и баста!

— Но они, конечно, пріѣдутъ?

Digitized by Google

— Я имъ сказалъ, что ты въ отчаяніи, что Mélanie въ отчаяніи...

— Что́ такое, Гвидо!..

Гольдгеймеръ быстро повернулъ голову по направленію къ сосѣдней комнатѣ; но то былъ слуга; Гольдгеймеръ придвинулъ кресло поближе къ женѣ и сказалъ тихимъ, выразительнымъ голосомъ:

— Да, въ отчаяніи, и ты сдѣлаешь мнѣ такое удовольствіе, скажешь что-нибудь въ этомъ родѣ Зильберманамъ, когда они пріѣдутъ, и ты—и Mélanie также.

— Но мы вовсе не въ отчаяніи! *au contraire!*

— Можетъ быть, но у меня есть свои причины...

— Само собой разумѣется! у васъ всегда отыщутся всякія причины,—отвѣчала жена, пожимая круглыми плечиками.

— Разумѣется, всегда!—возразилъ Гольдгеймеръ;—а тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ! Но всего лучше то, что тебѣ такъ же хорошо извѣстны эти причины, какъ и мнѣ. Словомъ, дальше такъ идти не можетъ! Зильберманы потеряли всякое терпѣніе, и ихъ сегодняшній отказъ былъ, какъ я тотчасъ это сообразилъ, демонстраціей. Mélanie слишкомъ худо обращалась вчера съ Евгеніемъ; самъ-то онъ довольно терпѣливъ; но Зильберманъ объявилъ, что съ него довольно! Я узналъ это не отъ него... онъ былъ нѣмъ, какъ рыба; а также и не отъ Евгенія, который не показывался, но отъ нея самой. Я къ ней почти силой ворвался, потому что сначала она не хотѣла меня принять. Она умная и добрая женщина, съ которой легко столковаться, если только пожелаешь. Остается только захотѣть и быть доброй и умной—что́ для тебя не трудно—и завтра все будетъ покончено.

— Но Mélanie любитъ доктора,—отвѣчала госпожа Гольдгеймеръ, которая сидѣла въ креслѣ съ полузакрытыми глазами;—и онъ право такъ милъ, да и ты всячески отличаешь его, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ тебя лечитъ, ты собственно сталъ совсѣмъ здоровъ; я могу сказать, впервые...

— За это онъ получилъ весьма приличный гонораръ, а всѣ твои дальнѣйшія размышленія просто на-просто фразы, которыхъ я не могу и не хочу больше слушать. Я не хочу, чтобы Mélanie сдѣлала себя несчастной на всю жизнь изъ-за романической любви, которая можетъ надоѣсть ей черезъ день. Я не хочу, чтобы этотъ бѣглый докторъ, сынъ голоднаго школьнаго учителя, который самъ былъ учителемъ и долженъ былъ бы голодать, еслибы его родственники, или какъ ихъ тамъ...

Digitized by Google

— Но откуда ты знаешь все это, — спросила Гольдгеймеръ, вставая съ нѣкоторой живостью.

— Отъ нашего стараго Крепельмана, которому не грѣхъ было бы сообщить мнѣ объ этомъ и раньше. Онъ случайно находился сегодня въ моемъ кабинетѣ, когда вошелъ докторъ Вильдъ. Я увидѣлъ съ перваго взгляда, что они другъ друга знаютъ; со второго, что встрѣча не особенно пріятна для обоихъ, хотя докторъ, въ виду полнѣйшей невозможности избѣжать встрѣчи, подалъ старику руку, и спросилъ его, какъ онъ поживаетъ.—Я давно уже знакомъ съ нимъ, замѣтилъ докторъ, когда старикъ ушелъ и тотчасъ же свернулъ разговоръ на другое. Но когда онъ ушелъ, я позвалъ старика и...

— Мнѣ очень любопытно узнать...

— Разумѣется, не больше, чѣмъ мнѣ; но есть-ли возможность вывѣдать что-либо отъ этого стараго молчальника! Я даже удивляюсь, что онъ и настолько-то проговорился. Онъ, конечно, знаетъ больше и не особенно лестное для доктора... И такого-то человѣка долженъ я взять себѣ въ зятья! Да еще, вдобавокъ, онъ будетъ презирать меня съ высоты своего христіанскаго величія за то, что я его озолочу... и неужели наша Mélanie должна креститься, съ тѣмъ, чтобы также презирать своего отца и свою мать?

Гольдгеймеръ вскочилъ съ мѣста и принялся бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ маленькими, неслышными шажками. Его поблекшее, смуглое и безбородое лицо казалось еще темнѣе обыкновеннаго при тускломъ свѣтѣ лампы съ абажуромъ, а черные глаза сверкали, какъ молнія изъ-подъ густыхъ бровей. Его женѣ было не по-себѣ отъ взгляда этихъ сверкающихъ глазъ, такъ что она съ облегченіемъ вздохнула, когда рядомъ, въ залѣ, послышались шаги; но узнавъ твердые, хотя и быстрые шаги, она снова испуганно взглянула на мужа.

IV.

— Здравствуйте, любезный докторъ, сказалъ громко Гольдгеймеръ, идя на встрѣчу и съ большимъ радушіемъ протягивая руку высокому мужчинѣ, который показался въ дверяхъ;—вы меня просто пристыдили, какой вы прыткій! Вотъ вы уже въ полномъ парадѣ, а я все еще не успѣлъ сбросить рабочаго костюма.

Digitized by Google

— Я пришелъ рано, отвѣчалъ докторъ Вильдъ, наклоняя свою высокую фигуру, чтобы поцѣловать руку, которую, улыбаясь, протягивала ему жена Гольдгеймера, сидя въ креслахъ; —слишкомъ рано, но я хотѣлъ сдержать слово, которое далъ нѣсколько легкомысленно нашимъ дамамъ, и переговорить о небольшомъ представленіи, которое мы затѣяли на сегодняшній вечеръ....

— Превосходно! закричалъ Гольдгеймеръ, потирая руки; я только-что объ этомъ думалъ.... но у васъ ужъ вѣрно все готово, колдунъ вы этакій! Практика, лекціи, сочиненіе ученыхъ книгъ, писаніе салонныхъ пьесъ.... настоящій графъ Сенъ-Жерменъ, который выѣхалъ на почтовыхъ въ одинъ и тотъ же моментъ изъ четырехъ городскихъ заставъ! Ну, я не стану мѣшать; да кромѣ того, мнѣ еще нужно облечься во фракъ. *Au revoir, au revoir!*

И Гольдгеймеръ, улыбаясь и махая рукой, изчезъ въ дверь, которая вела въ спальню и гардеробную обоихъ супруговъ.

— Ну, скорѣй, скорѣй, покажите, что вы принесли? что у васъ готово, нашъ милый другъ, сказала Гольдгеймеръ.—Навѣрное, что-нибудь очень хорошенькое, что-нибудь остроумное! Да развѣ можетъ быть иначе, если вы что-нибудь затѣете.

— Гдѣ m-lle Mélanie? спросилъ Вильдъ, оставаясь стоять возлѣ камина, и, облокотясь рукой на его доску, онъ глядѣлъ по направленію къ залѣ—я желалъ бы....

Его большіе, строгіе, голубые глаза засвѣтились, когда онъ заслышалъ шелестъ женскаго платья, но онъ не перемѣнилъ своей позы, пока стройная воздушная дѣвушка не подошла близко къ нему и не протянула ему обѣ руки.

— Здравствуйте! отчего вы такъ пристально на меня смотрите, развѣ я вамъ не нравлюсь?

Онъ не выпускалъ ея маленькихъ ручекъ; его сіяющіе, голубые глаза покоились на ней съ нѣжностью и оглядывали ее съ ногъ до головы. Въ блестящихъ сѣрыхъ глазахъ засвѣтилась благодарность; затѣмъ длинныя, темныя рѣсницы опустились и очаровательная кокетливая улыбка заиграла вокругъ прелестнаго маленькаго ротика.

— Однако.... я чуть-было не сказала: дѣти! вскричала г-жа Гольдгеймеръ.

— Но, вѣдь, вы такъ и сказали, возразилъ Вильдъ, выпуская руки дочки и съ живостью поворачиваясь къ матушкѣ.

— Ну, да вѣдь и нельзя же васъ не назвать дѣтьми, промолвила г-жа Гольдгеймеръ уклончиво; вы тратите драгоцѣнное

Digitized by Google

время на комплименты, а намъ нельзя терять ни одной минуты, если мы только хотимъ прослушать то, что нашъ другъ измыслилъ на сегодняшній вечеръ. Онъ былъ вчера такимъ таинственнымъ; я убѣждена, онъ приготовилъ нѣчто весьма оригинальное.

— И вы не ошибаетесь, отвѣчалъ докторъ, пододвигая дочери стулъ и усаживаясь самъ;—это импровизація, о которой—да и можетъ ли быть иначе, скажете вы, m-lle Mélanie,—я не имѣлъ ни малѣйшаго предчувствія, божусь вамъ, всего какой-нибудь часъ тому назадъ: это длинный рядъ живыхъ картинъ, текстъ для которыхъ продиктованъ мною, въ то время, какъ я одѣвался, моему писцу, который случайно зашелъ ко мнѣ. Само собой разумѣется, что это ни больше ни меньше, какъ самые злополучные вирши, въ родѣ слѣдующихъ...

Онъ вынулъ изъ кармана нѣсколько листковъ бумаги и началъ читать:

Безъ подготовки, и какъ есть,
Представиться имѣю честь!

— И такъ далѣе и такъ далѣе. Интродукція, прелюдія; дальше идетъ уже тема:

Мудрецъ какой-то, иль зоилъ,
Давно съ вояжемъ путь сравнилъ.
Какъ превосходно сравнено!
Какъ все подмѣчено умно!
И жить и ѣздить, напримѣръ,
Вдвоемъ удобнѣй не въ примѣръ:
И для вояжа, и чтобъ жить,
Всѣмъ нужно золота добыть.
Острякъ къ тому бы могъ сказать—
Вѣдь эта тема—благодать—
Кто не ломается, ну тотъ
Себѣ пресчастливо живетъ;
А кто помажетъ колесо,
Тотъ и катится хорошо.
Посмотримъ же, messieurs, mesdames,
Какъ нашей жизни макадамъ
Усѣянъ лѣтомъ и зимой
Различныхъ путниковъ толпой;
Несется все, и старъ, и младъ,
И бѣденъ кто, и кто богатъ....

— Прелестно, прелестно! воскликнула дочь, хлопая въ ладоши. Я уже вижу, къ чему все это клонится! Сначала мы увидимъ дѣтскую колясочку. Не такъ-ли?

— Точно такъ, отвѣчалъ докторъ Вильдъ съ улыбкою, которая удивительно какъ скрашивала его строгое лицо.

Digitized by Google

Въ такихъ же стихахъ докторъ дѣйствительно изобразилъ далѣе, какъ въ началѣ жизненнаго пути катится плетеная колясочка, а въ ней дитя съ розовыми щечками. Оно нетвердо на ногахъ, но за то шибко бѣгаетъ. Здоровый мальчуганъ цѣлой головой переросъ дѣвочку: она отлично понимаетъ это и крѣпко уцѣпилась ручонками за молодца, будущаго королевскаго вѣрнаго мушкетера. Прохожіе любуются ими. Это—картина безмятежнаго покоя, поэзія человѣческой весны, лучше которой не съумѣетъ придумать ничего самъ Оскаръ Плеттъ, знаменитый издатель иллюстрированныхъ дѣтскихъ книгъ.

— Восхитительно, восхитительно! перебила снова Mélanie, не сводя сверкающихъ глазъ съ чтеца.—Дальше, пожалуйста, дальше! Это дѣти двухъ сосѣдей, не правда-ли? и онъ любитъ ее?

— Онъ любитъ ее! воскликнулъ докторъ Вильдъ, улыбаясь;— развѣ онъ можетъ не любить ее?!

Слѣдовала другая картина. Годы дѣтства проносятся быстро; младенецъ превратился въ ребенка, незнающаго страха, особенно если дочь сосѣда, Катя, милостиво согласится покататься на его санкахъ.. .

— Итакъ, далѣе, mesdames, произнесъ докторъ:—затѣмъ у насъ явится телѣга, на которую забралась молодежь, возвращаясь съ пикника, разстроеннаго дождемъ; а тамъ свадебная карета, и наконецъ, естественно....

Докторъ опять взялся за стихи, изображавшіе, какъ на разукрашенной палубѣ парохода тѣ же дѣйствующія лица плывутъ въ солнечный день внизъ по старому Рейну; и весело улыбаются молодой женщинѣ горы и зáмки, лѣса и долины; и видитъ онъ, какъ горы и зáмки, лѣса и долины отражаются въ глазахъ молодой женщины.

— Вольный переводъ Гейне, mesdames,—комментировалъ докторъ; но не забудьте—это импровизація. Дальше будетъ внутренность вагона желѣзной дороги, гдѣ сидитъ семейство, ѣдущее въ Ишль или Баденъ-Баденъ. Затѣмъ открытое ландо на Корсо; на задней скамейкѣ сидятъ родители, а напротивъ ихъ дочери; рядомъ галопируютъ конюхи на гордыхъ коняхъ; въ заключеніе же мы представимъ прогулку, подобную той, которую мы видѣли въ первой картинѣ, но только теперь не героиня катается, а слуга везетъ героя въ изящномъ креслѣ на колесахъ; рядомъ съ нимъ пожилая дама; оба они толкуютъ о юныхъ годахъ и о томъ, неужели инвалидъ, который такъ неутомимо за копѣйку вертитъ шарманку,—неужели это тотъ самый инвалидъ, который нѣкогда на этомъ самомъ мѣстѣ поцѣловалъ дѣвушку. При

Digitized by Google

этомъ пожилая дама наклонилась и поцѣловала старика отъ души:

Страсти умчатся, любовь остается при насъ—
Этой сентенціей мы заключаемъ нашъ сказъ.

Докторъ свернулъ листокъ.

— Боже мой, какъ это будетъ мило, проговорила m-me Гольдгеймеръ. Вы меня простро растрогали; дайте мнѣ вашу руку, удивительный вы человѣкъ! Но какимъ образомъ думаете вы изобразить все это въ лицахъ? я не могу себѣ этого представить; тутъ потребуется столько аксессуаровъ.

— Вовсе никакихъ, возразилъ Вильдъ, почтительно прижимая къ губамъ протянутую ему руку; — вовсе никакихъ! Весь юморъ этой вещицы будетъ заключаться именно въ томъ, что все вышеописанное будетъ совершаться на глазахъ у нашей публики. Мы недавно снискали себѣ великую славу своими живыми картинами; наша Лорелей, наша Леонора и проч... все это было вполнѣ великолѣпно; но за то какія издержки, сколько приготовленій! говорили злые языки. Этого они не скажутъ на этотъ разъ. Мы покажемъ имъ, что наше богатство состоитъ не въ однихъ богатыхъ костюмахъ. Не такъ-ли, m-lle Mélanie?

Дѣвушка подняла длинныя рѣсницы.

— Наше богатство! повторила она. Что можемъ мы сдѣлать, какъ не съ благодарностью подбирать тѣ крошки, которыя падаютъ съ вашего стола? и которыя вы легкой, щедрой рукой смегаете съ него!

— Это отзывается упрекомъ, m-lle Mélanie.

— Дѣти... теперь я право не могу звать васъ иначе... вставила г-жа Гольдгеймеръ; подумайте однако, что импровизація импровизаціей, а все-таки слѣдуетъ непремѣнно многое обдумать заранѣе. Кого выберемъ мы въ дѣйствующія лица?

— Для второстепенныхъ лицъ кое-кого изъ нашей молодежи. Затѣмъ поднимемъ занавѣсъ—это будетъ идти очень живо. Прологъ въ стихахъ, а также и тѣ стихи, которые сопровождаетъ текстъ, нашъ театральный другъ превосходно прочтётъ — онъ сегодня играетъ только въ одной первой пьесѣ. Что же касается героевъ, которые натурально должны оставаться все одни и тѣ же при всѣхъ метаморфозахъ, то я полагаю, что m-lle Mélanie, если я усердно попрошу ее...

— Я, конечно, постараюсь выполнить мою роль, какъ только съумѣю.

— Когда такъ, то день... я хотѣлъ сказать вечеръ — нашъ; потому что, какъ замѣтилъ Гёте, «легко слѣдовать за колесницей,

Digitized by Google

которою управляетъ сама фортуна», и теперь я не сомнѣваюсь, что подпоручикъ Гербертъ съумѣетъ добиться, хотя бы только *succès d'estime*.

— Онъ такой ничтожный, замѣтила дѣвушка.

— Но представительный, ловкій, и пудра отлично пристанетъ къ его чернымъ, курчавымъ волосамъ.

— А вы... вы сами.

— Я? m-lle Mélanie! Боже мой! я буду вездѣ понемножку: на сценѣ, передъ сценой, за роялемъ, когда придется наполнить чѣмъ-нибудь антрактъ, котораго, надѣюсь, не будетъ; enfin, какъ домовой, постараюсь быть полезнымъ по возможности... это роль скромная, но кто-нибудь долженъ же взять ее на себя.

Mélanie отвѣчала разсѣянной улыбкой; она думала о своей собственной ролѣ, о томъ: можно-ли изъ нея что-нибудь сдѣлать. Самымъ блестящимъ мѣстомъ будетъ конечно картина на палубѣ рейнскаго парохода: молодая женщина подъ руку съ молодымъ мужемъ—она не разъ воображала себя въ такой картинѣ... въ сѣромъ дорожномъ платьѣ... платье должно быть нѣсколько свѣтлѣе ея глазъ... сѣрая соломенная шляпа съ сѣрымъ вуалемъ... и все такихъ оттѣнковъ, чтобы глаза ея оставались самыми темными... Молодой мужъ рисовался ей не такъ отчетливо; онъ имѣлъ черты то того, то другого изъ ея поклонниковъ, и такъ было и въ настоящую минуту. То былъ и не милый, но живой подпоручикъ Гербертъ, то былъ и не тотъ стройный мужчина, который стоялъ теперь облокотясь на каминъ. За то на одну минуту образъ мужа мелькнулъ такъ ясно, что она даже испугалась; ей предстала маленькая, черномазенькая фигурка Евгенія Зильбермана, въ перчаткахъ ея любимаго цвѣта, которыя онъ носилъ, чтобы доказать ей свою любовь, и съ вѣчнымъ pince-nez, блестящія стекла котораго бывали постоянно обращены на нее.

— Вы что-то задумались, m-lle Mélanie? Можетъ быть вамъ не нравится моя идея, скажите прямо. Для меня она не представляетъ ровно никакой цѣны, если прелестнѣйшая изъ нашихъ фей не особенно рада привести ее въ исполненіе.

— Ахъ, любезный докторъ, какъ можете вы быть такъ злы! я увѣрена, что не только я... что всѣ мы будемъ очень веселиться, не правда ли, мама́?

— О, разумѣется, разумѣется! отвѣчала г-жа Гольдгеймеръ, которая не спускала въ послѣднюю минуту глазъ съ хорошенькаго лица дочери.

— Разумѣется! безъ всякаго сомнѣнія; но—могу ли я говорить вполнѣ откровенно? Гербертъ—онъ, конечно, милый, без-

Digitized by Google

обидный человѣкъ, но господа офицеры... объ этомъ будутъ говорить вездѣ, въ клубахъ, на парадѣ, въ обществѣ...

— О чемъ это будутъ говорить, осмѣлюсь спросить? произнесъ Гольдгеймеръ, выходя съ самой невиннѣйшей физіономіей изъ-за двери, за которою онъ слышалъ послѣдній разговоръ отъ слова до слова.

— *We want a hero*, возразилъ докторъ, смѣясь; но только герой отнюдь не долженъ быть героемъ...

— Для прелестной маленькой пьески, которую сочинилъ нашъ другъ, добавила г-жа Гольдгеймеръ.

— Понимаю, замѣтилъ банкиръ, понимаю! Если такъ, то возьмите Евгенія Зильбермана—его никто еще отродясь не принималъ за героя.

Быстрый, какъ молнія, взглядъ выразительныхъ глазъ Вильда перелетѣлъ отъ дочери къ матери, и отъ матери къ дочери. Обѣ опустили рѣсницы; щеки матери покрылись густымъ румянцемъ; нѣжное личико дочери какъ будто слегка поблѣднѣло.

— За исключеніемъ, быть можетъ, его самого, проговорилъ Вильдъ съ чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ насмѣшки, не спуская глазъ съ дочери банкира.

— Разумѣется, кромѣ его самого, возразилъ Гольдгеймеръ, переставивъ вазу на каминѣ съ одного мѣста на другое; кто въ дѣйствительности никогда не бывалъ героемъ, тотъ долженъ же хотя воображать себя такимъ. Это выведетъ насъ всѣхъ изъ затрудненія... а меня изъ двойного. Дѣло въ томъ,—я не стану скрывать этого отъ нашего друга, — я обязанъ оказать въ нѣкоторомъ родѣ удовлетвореніе—если можно такъ выразиться — Зильберману, по случаю одного маленькаго, дѣлового недоразумѣнія, вина котораго падаетъ не совсѣмъ на него. А для Зильбермановъ—мужа и жены—такое удовлетвореніе было бы пріятно. Хотите сдѣлать мнѣ удовольствіе...

Въ залѣ рядомъ зашуршали дамскія платья и заскрипѣли мужскіе сапоги. Черезъ минуту маленькій салонъ наполнился посѣтителями, еще минута—и гости толпились въ залѣ, а черезъ десять—вся анфилада пріемныхъ комнатъ была биткомъ набита нарядной толпой.

Digitized by Google

V.

Разговоры были особенно оживлены сегодня вечеромъ. Завтрашнее *ultimo* обѣщало быть весьма интереснымъ, и изъ Берлина прибыли извѣстія, которыя, если бы они подтвердились, могли имѣть невообразимыя послѣдствія. Мимо солидныхъ финансистовъ, важныхъ чиновниковъ и высшаго ранга офицеровъ, толковавшихъ о матеріяхъ важныхъ, сновала веселая молодежь. Очевидно, что происходило нѣчто такое, что должно было оставаться секретомъ, хотя всѣ были посвящены въ этотъ секретъ, и даже многіе изъ пожилыхъ дамъ и кавалеровъ поочередно скрывались за зеленой портьерой, прикрывавшей широкія двери, которыя вели въ корридоръ. Между тѣмъ терпѣніе остальныхъ гостей, непосвященныхъ въ тайну и перебравшихся, почти случайно, изъ остальныхъ комнатъ въ желтую залу, подвергалось не особенно жестокому наказанію. Не прошло и десяти минутъ, какъ прологъ былъ уже прочитанъ однимъ любимымъ комикомъ, пріятелемъ дома, которому охотно повѣрили, что онъ — «безъ подготовки», когда онъ съ патетическимъ жестомъ указалъ на свой фракъ и разомъ на лавровый вѣнокъ изъ зеленой бумаги, которымъ украсили его лысину.

Общество не успѣвало приходить въ себя отъ смѣха, вызываемаго этимъ забавникомъ; можно сказать даже, что оно какъ будто принимало участіе въ представленіи, такъ какъ дѣйствующія лица предоставили широкое поле для фантазіи зрителей. Стулъ изображалъ дѣтскую колясочку, а минуту спустя лошадь; два ряда стульевъ, разставленныхъ въ такомъ порядкѣ, что ихъ можно было принять за экипажъ, запряженный лошадьми, переставливались минуту спустя такъ, чтобы изображать собой вагонъ желѣзной дороги. Скомканные листы бѣлой бумаги шли за комки снѣга. Свертки изображали спеленованныхъ младенцевъ, труба отъ самовара, занесенная, должно быть, прямо изъ кухни, представляла собой трубу парохода. Нѣкоторыя изъ картинъ вызывали такой дружный хохотъ, что комику приходилось прерывать свое чтеніе. И совсѣмъ тѣмъ, когда зеленая занавѣсъ взвилась въ послѣдній разъ — надъ четой, судьбу которой зрители прослѣдили съ перваго утренняго восхода до послѣдняго вечерняго заката, — то въ шумной залѣ внезапно воцарилась тишина, мертвая тишина, послѣ чего шумные аплодисменты и громкія похвалы привѣтствовали дѣйствующихъ лицъ, которыя теперь смѣшались съ остальнымъ обществомъ. Они всѣ выполнили свою

Digitized by Google

роль превосходно; но пальма первенства, разумѣется, принадлежала дочери хозяина. Какимъ прелестнымъ *baby* была она! какимъ привлекательнымъ подросткомъ съ великолѣпными, длинными, темными локонами! Какой красавицей казалась она въ миртовомъ вѣнкѣ и подвѣнечномъ вуалѣ! а въ костюмѣ новобрачной... она была просто восхитительна!

— Между нами будь сказано, еслибы обратить сцену въ дѣйствительность... онъ-то довольно ничтоженъ рядомъ съ ней, этотъ добрый Евгеній!—Онъ будетъ мужемъ своей жены!—Какъ?—Онъ кажется очень сильно влюбленъ; но при существующихъ обстоятельствахъ... совсѣмъ безнадежно!—Вы полагаете, что докторъ?—Ну да, разумѣется!

Такіе толки слышались между посѣтителями, и, конечно, самый поверхностный наблюдатель вскорѣ открылъ бы, что между стройнымъ докторомъ и хорошенькой дѣвушкой существуетъ великая симпатія. Въ то время, какъ общество осыпáло его комплиментами, какъ автора и распорядителя, онъ приписывалъ всю честь героинѣ, которая, въ свою очередь, увѣряла, что вся заслуга на сторонѣ доктора Вильда, что вся честь и слава принадлежитъ ему... Въ эту минуту, когда общество тѣснилось вокругъ нихъ, они дѣйствительно были похожи на жениха съ невѣстой, о помолвкѣ которыхъ только-что возвѣстили гостямъ, и вотъ—они принимаютъ поздравленія.

Это самое говорилъ маленькій, черномазый господинъ, который стоялъ поодаль отъ другихъ вмѣстѣ съ хозяиномъ дома, въ дверяхъ красной залы; и потомъ прибавилъ тономъ горькой ироніи:

— Вообще, я благодаренъ вамъ за то, что вы пригласили насъ лично присутствовать при этомъ маленькомъ семейномъ торжествѣ.

— Вы несправедливы ко мнѣ, любезный Зильберманъ, отвѣчалъ поспѣшно Гольдгеймеръ; — чтó могъ я, чтó могли мы еще сдѣлать какъ не передать главную роль Евгенію!

— Главную роль! хороша главная роль!—возразилъ другой. —Кто теперь красуется рядомъ съ вашей дочерью? кто теперь разговариваетъ съ вашей дочерью? Когда будетъ помолвка? Вы скомпрометтируете дѣвушку, если это еще продолжится.

Зильберманъ хотѣлъ отойти; Гольдгеймеръ, поблѣднѣвшій при его послѣднихъ словахъ, положилъ ему руку на плечо и сказалъ:

— Неужели вы собираетесь уѣзжать?

— Разумѣется, что мнѣ тутъ дѣлать!

— Любезный Зильберманъ, повѣрьте, что я въ самомъ непріятномъ положеніи.

Digitized by Google

— Я это знаю. Вамъ приходится уплатить завтра крупную сумму.

— Не то. Я уже позаботился объ этомъ; да, наконецъ, въ худшемъ случаѣ, вы...

— Увѣрены-ли вы въ этомъ?

Черные глаза его собесѣдника засверкали; Зильберманъ коснулся того самаго пункта, который его особенно интересовалъ.

— Вы мнѣ обѣщали, любезный Зильберманъ!

— Вы тоже мнѣ многое обѣщали, любезный Гольдгеймеръ!

— Я сдержу свое обѣщаніе.

— Когда?—Срокъ моему обѣщанію наступаетъ завтра утромъ; ваше же опять отложится въ долгій ящикъ. Хотите устроить дѣло такимъ образомъ: я дамъ вамъ завтра утромъ сто тысячъ, или сколько тамъ вамъ понадобится, а вы объявите вашу дочь невѣстой моего сына. Вотъ мой ультиматумъ, а теперь...

— Вы не уѣдете.

— Вы хотите сказать...

— Я согласенъ.

Оба банкира подали другъ другу руки. Гольдгеймеръ долго продержалъ въ своей рукѣ руку собрата. Многіе пожилые господа и дамы повернулись теперь въ ихъ сторону: Гольдгеймеръ желалъ, чтобы его видѣли рука объ руку съ Зильберманомъ.

— Что такое сейчасъ между вами происходило? — спросила г-жа Гольдгеймеръ на ухо у мужа, когда нѣсколько минутъ спустя общество шло ужинать.

— Я послѣ скажу тебѣ. Теперь же сдѣлай такъ, чтобы Mélanie сѣла за одинъ столъ съ Евгеніемъ! Умоляю тебя!

Ужинъ, сервированный на маленькихъ столикахъ, за которыми могло сѣсть человѣкъ шесть-семь и за которымъ шампанское лилось рѣкой, былъ чрезвычайно оживленъ. Онъ прошелъ бы спокойно, даже для самого Гольдгеймера, который видѣлъ, что его дочь сидѣла съ Евгеніемъ за однимъ столомъ, а докторъ Вильдъ съ какой-то модной красавицей за другимъ, еслибы не безтактность одного изъ гостей,—а отъ безтактности, какъ сказалъ Гольдгеймеръ своей сосѣдкѣ, г-жѣ Зильберманъ,—никогда нельзя считать себя обезпеченнымъ, даже въ самомъ хорошемъ обществѣ.

Какой-то молодой, но уже женатый банкиръ, видѣвшій въ своемъ громадномъ богатствѣ дипломъ на упражненіе, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, природнаго дара слова, нашелъ нужнымъ высказать благодарность, испытываемую обществомъ, къ тѣмъ, которые доставили ему такое высокое и чистое наслажденіе. И въ то время, какъ онъ прославлялъ заслуги док-

Digitized by Google

ора Вильда и героини въ этотъ славный вечеръ, и переплеталъ ихъ имена въ пестрыхъ, фантастическихъ аллегоріяхъ, а все общество, поднявшись съ своихъ мѣстъ и чокаясь бокалами, провозглашало здоровье «талантливаго импрессаріо и его прекрасной примадонны», которымъ теперь ничего больше не оставалось, какъ тоже чокнуться бокалами—глаза доктора, сверкая, остановились на краснѣвшей дѣвушкѣ, и затѣмъ съ торжествомъ обошли всѣхъ присутствующихъ, которыхъ стройная фигура его превышала цѣлой головой.

Но иное выраженіе можно было прочитать на лицѣ доктора когда, полчаса спустя, онъ стоялъ въ библіотекѣ, опершись локтемъ на доску камина и опустивъ глаза въ полъ. Онъ былъ одинъ въ высокомъ, слабо освѣщенномъ покоѣ; все общество ринулось въ бѣлую залу, гдѣ кружились пары, уносимыя вихремъ польки, которую исполнялъ на фортепіано, какъ умѣлъ, одинъ изъ виртуозовъ общества. Звуки долетали и до библіотеки, но сдавленные и заглушенные, какъ-бы маня доктора, уединившагося отъ остальнаго общества подъ вліяніемъ какой-то безотчетной грусти, охватившей его среди пиршества, среди тріумфа. Имъ овладѣло такое ощущеніе, какое ему случалось до сихъ поръ испытывать лишь при пробужденіи отъ глубокаго сна: ему представилось, что все, что творится вокругъ него, не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ нему, что вся эта пестрая картина, развертывающаяся передъ его глазами, не взирая на свой блескъ и сверкающее великолѣпіе, есть не что иное, какъ тѣнь, миражъ, которая должна разсѣяться и исчезнуть черезъ минуту.

Онъ бросился въ кресло, передъ каминомъ, въ которомъ тлѣли еще уголья подъ густымъ слоемъ золы. Такое ощущеніе было, конечно, результатомъ мимолетнаго физическаго состоянія: острая анемія большого мозга, ослабленіе энергіи въ *nervus sympathicus*, или нѣчто въ этомъ родѣ; но подобныя вещи не должны случаться, когда человѣкъ находится почти у цѣли, давно желанной, окруженной всякими препятствіями, дорогой цѣли! Неужели чрезмѣрное напряженіе поглотило всѣ силы? Развѣ цѣль не оправдывала чрезмѣрнаго напряженія, беззавѣтнаго развитія силъ? Развѣ то не было вершиной Альпъ, свѣтлой какъ эѳиръ, на которой онъ стоялъ такъ часто, охватываемый одиночествомъ и въ то же самое время не чувствуя себя одинокимъ—ея образъ прокрадывался къ нему повсюду, черезъ ущелья, пропасти, каменные утесы. Всюду, даже сюда!

Онъ обвелъ глазами покой, убранный съ рѣдкимъ вкусомъ... богатыя рѣзныя дубовыя полки, уставленныя книгами въ велико-

Digitized by Google

лѣпныхъ переплетахъ; столы, покрытые глобусами, изъ которыхъ каждый былъ въ своемъ родѣ произведеніе искусства. Наконецъ, глаза его остановились на прекрасной головѣ Минервы, улыбавшейся ему изъ своей ниши. Горькая усмѣшка искривила его ротъ. «Паллада, Аѳина! прошепталъ онъ, не твое ли дуновеніе слышу я въ своихъ волосахъ? Развѣ ты не знаешь, что твои герои никогда не слушаются твоихъ предостереженій? и воля Зевса всегда совершается!»...

— Mélanie!

Она показалась изъ-за складокъ наполовину задернутой гобеленовой занавѣси, отдѣлявшей библіотеку отъ небольшого коридора, колебалась съ минуту и затѣмъ бросилась къ нему; онъ поспѣшилъ ей навстрѣчу. Стройная, очаровательная фигура впервые очутилась въ его объятіяхъ, впервые почувствовалъ онъ прикосновеніе нѣжныхъ, свѣжихъ, какъ роса, губокъ. И все это на одинъ мигъ, пролетѣвшій, какъ молнія, сверкнувшая пламенемъ, и блаженный, какъ райская вѣчность. Блескъ нѣжныхъ очей, едва слышный шопотъ розовыхъ устъ, произнесшихъ его имя, пожатіе маленькой, бѣлой ручки, шелестъ платья... все это исчезло, и вотъ онъ снова стоитъ одинъ, облокотясь на каминъ. Сердце его стучало, онъ провелъ рукой по лбу, по вискамъ, въ которыхъ бились жилы, точно хотѣли лопнуть, и протянувъ сильныя руки, произнесъ: «Моя, моя! слышишь ли ты, Паллада, моя! по волѣ Зевса, который гораздо могущественнѣе тебя! А надъ нимъ опять тяготѣетъ судьба, которой онъ долженъ покориться... какъ и всѣ мы... какъ и ты... какъ я и она... Судьба! вотъ кто соединяетъ меня съ нею... а теперь: будь, что будетъ!»

Послышались чьи-то быстрые шаги. Не отецъ ли это, который быть можетъ видѣлъ, какъ его дочь прокралась въ библіотеку? Если бы то былъ онъ! все рѣшилось бы разомъ.

То былъ не Гольдгеймеръ, а слуга, искавшій доктора. За докторомъ прислали; вотъ визитная карточка.

Слуга съ почтительной миной и уваженіемъ поднесъ серебряный подносъ, на которомъ лежала карточка.

— Что прикажете передать, господинъ докторъ?

— Я сейчасъ буду!

Жакъ поклонился и вышелъ. Онъ исполнилъ свое порученіе не спѣша; но Вильдъ зналъ, что случай спѣшный, да и не въ его принципахъ было не слѣдовать по первому призыву туда, гдѣ нуждались въ его помощи.

— Вы уѣзжаете,—сказалъ ему встрѣтившійся Гольдгеймеръ.

— Я долженъ ѣхать... баронесса Гальденъ...

Digitized by Google

— Счастливецъ! вы скоро завладѣете всей нашей аристократіей! И назадъ не пріѣдете? Но мои дамы будутъ неутѣшны, совсѣмъ неутѣшны! Итакъ, до свиданія, любезный докторъ, до свиданія!

Гольдгеймеръ очень спѣшилъ, но слова его звучали крайне ласково; Вильдъ задержалъ въ своихъ рукахъ руку, которую тотъ хотѣлъ отнять.

— Извините! можете ли вы удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ завтра утромъ... скажемъ, въ 12 часовъ!

— Но, любезный докторъ, развѣ я когда-нибудь не былъ дома для васъ... правда, что завтра *ultimo*, и я буду страшно занятъ... однако...

— Такъ я пріѣду—отвѣчалъ Вильдъ.

Онъ не замѣтилъ, что лицо Гольдгеймера приняло при этомъ особенное, полу-смущенное, полу-мрачное выраженіе. Глаза доктора были устремлены на дочь, которая въ настоящую минуту исполняла въ кадрили съ своимъ танцоромъ *balancez aux places*. Кавалеръ ея, повидимому, сбился; она грозила ему пальчикомъ, лукаво улыбаясь. Въ эту минуту кавалеръ обернулся; то былъ Евгеній Зильберманъ. Она не замѣтила прихода Вильда; она не глядѣла на него и въ настоящую минуту, хотя онъ стоялъ какъ разъ напротивъ, и всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, у самой двери. Онъ медлилъ уходить; и вотъ она очутилась, во время фигуры *en avant deux*, какъ разъ рядомъ съ нимъ; и все-таки не видѣла его.

Но тѣмъ явственнѣе видѣлъ онъ ея смѣющееся, раскраснѣвшееся отъ танцевъ, прелестное личико, ея темно-сѣрые глаза, которые лукаво слѣдили изъ-подъ длинныхъ, шелковыхъ рѣсницъ за выраженіемъ восторга, написанномъ на лицѣ у ея кавалера.

Такой представлялась она ему и тогда, когда онъ шелъ отъ ложа больной къ себѣ черезъ старый, угрюмый городъ. Луна, взошедшая-было не задолго до полуночи, уже снова пряталась за высокія, темныя крыши. Свѣжій вѣтерокъ дулъ вдоль пустыхъ улицъ, въ которыхъ громко отдавались его шаги. Онъ шелъ, погруженный въ свои мысли, и чуть-было не столкнулся съ небольшимъ человѣчкомъ, который бѣжалъ ему на встрѣчу, обѣими руками придерживая свою фуражку, не взирая на то, что онъ уже повязалъ поверхъ нея шарфъ, прикрывавшій наполовину его лицо.

— Извините, почтеннѣйшій!—вскричалъ человѣчекъ, и черезъ секунду скрылся за угломъ.

Вильдъ остановился въ недоумѣніи. Худенькая фигурка, тороп-

Digitized by Google

ливые, безпокойные шажки, слезливый голосокъ, раздавшійся изъ-подъ шарфа и даже самъ этотъ толстый шарфъ... Что понадобилось здѣсь этому старикашкѣ... и какъ разъ теперь! А если то былъ не онъ, то почему именно теперь... И воскресли въ его памяти образы былыхъ дней, тѣхъ дней, о которыхъ онъ не хотѣлъ вспоминать, которые должны были быть изглажены изъ его памяти, если только онъ хотѣлъ съ твердостью встрѣтить завтрашній день, съ той твердостью, съ какой онъ только-что глядѣлъ въ глаза смерти, у которой онъ вырвалъ жертву изъ когтей.

Высоко надъ нимъ прозвучали среди завываній вѣтра звуки церковнаго колокола: разъ! два!

— Что я толкую про завтра! завтра уже наступило! и слава Богу! Ожидающій меня приговоръ раздражаетъ мои нервы. Но если бы судьба и рѣшила противъ меня, то я раздѣляю мнѣніе того храбраго кондотьера, который предпочиталъ конецъ съ ужасами, чѣмъ ужасы безъ конца.

VI.

Хлопотливое утро выдалось для Конрада Вильда. Послѣ нѣсколькихъ часовъ безпокойнаго, прерываемаго страшными грёзами сна, въ 5 часовъ утра, долженъ былъ онъ снова отправиться къ роженицѣ. Тамъ снова пришлось ему напрягать всѣ свои умственныя и физическія силы, пока наконецъ и тутъ онъ не остался побѣдителемъ, и могъ сказать молодому супругу, что теперь — насколько человѣку дано предсказывать — онъ можетъ ручаться за жизнь матери и ребенка.

Конрадъ, вернувшись домой, не легъ спать, а прямо сѣлъ за письменный столъ, спѣша докончить статью, которую онъ обѣщалъ доставить въ одинъ ученый журналъ сегодня къ полудню. Онъ зналъ, что рукопись не опоздаетъ, если онъ пошлетъ ее въ редакцію сутками позже, но онъ привыкъ пунктуально выполнять свои обязательства, а потому продолжалъ работать, хотя это было ему тяжело. Наконецъ, онъ выпустилъ перо изъ рукъ и принялъ сильную дозу лекарства изъ своей домашней аптечки, которое должно было успокоить его возбужденные нервы.

Онъ потушилъ лампу и, стоя у окна, горячими, утомленными глазами, созерцалъ картину сѣренькаго утра. Ночная буря угомонилась, хотя вѣтеръ съ ропотомъ продолжалъ гнать передъ собой мутныя, сѣрыя тучи... на сѣверъ, въ страну тумановъ, въ страну смерти! Какъ говоритъ Спиноза? сильный человѣкъ всего

Digitized by Google

менѣе думаетъ о смерти!... Значитъ, я сегодня слабый, очень слабый человѣкъ! Сегодня? развѣ я уже не былъ слабымъ человѣкомъ тогда, когда уступилъ мелкимъ душонкамъ и допустилъ загнать себя сюда на каторгу для того, чтобы убѣдиться черезъ короткое время, что я взвалилъ на себя такую обузу, которая повлечетъ за собой вовсе не тотъ конецъ, котораго она ожидала, а совсѣмъ, совсѣмъ другой.

Печальная улыбка мелькнула на мрачномъ блѣдномъ лицѣ. Онъ подошелъ къ своему письменному столу и вынувъ изъ него бумагу, развернулъ: то былъ полисъ одного англійскаго общества страхованія жизни, въ которомъ онъ застраховалъ свою жизнь. Въ числѣ статутовъ общества, онъ подчернулъ нѣкоторые параграфы, и его глаза остановились на тѣхъ строкахъ, въ которыхъ гарантировалась уплата страховой суммы законнымъ наслѣдникамъ самоубійцы, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы онъ въ теченіи двухъ лѣтъ принадлежалъ къ членамъ общества.

— Совсѣмъ не то! — повторилъ онъ. Этотъ конецъ не въ моемъ вкусѣ, но... то, чего отъ меня требуютъ, еще меньше мнѣ по вкусу.

Онъ нагнулся надъ столомъ и написалъ длинный рядъ цифръ, одну подъ другой, которымъ, наконецъ, подвелъ итогъ. Сумма превышала на пятьсотъ или на шестьсотъ талеровъ сумму, обозначенную въ полисѣ.

— Однако, долги шибко возросли съ тѣхъ поръ, какъ я подводилъ имъ счетъ въ послѣдній разъ; но все же они съ избыткомъ покроются, если продать съ молотка все мое имущество. Хотя бы оно пошло за безцѣнокъ — то и тогда... Однѣ книги стоютъ вдвое. Наличныхъ денегъ, конечно, они не найдутъ здѣсь; какъ бы не позабыть запастись ими сегодня.

Онъ позвонилъ; слуга принесъ ему кофе; на подносѣ лежалъ счетъ, который Іоганнъ, согласно инструкціямъ своего барина, подавалъ ему въ концѣ каждаго мѣсяца. Одинъ грошъ смущалъ Іоганна; онъ не былъ увѣренъ, переплатилъ ли онъ его, или же недодалъ.

— Хорошо, сказалъ Конрадъ Вильдъ, и когда слуга уже вышелъ изъ комнаты, замѣтилъ про себя: — мнѣ кажется, что я скорѣе бы укралъ милліонъ, чѣмъ задолжать одинъ грошъ этому честному малому... И развѣ это будетъ воровствомъ? Развѣ я не заслужилъ ея любви, когда потратилъ на нее свои лучшія силы, какъ честный человѣкъ? И развѣ человѣкъ не дѣлается лучше, умнѣе, добрѣе, помимо своей воли, когда онъ видитъ передъ собою такое прелестное, талантливое, милое созданіе? Да и кто

Digitized by Google

зажегъ эту страсть въ моей душѣ, какъ не она сама, осыпавшая меня всякими ласками? какъ не ея кроткіе, любящіе глаза, которые постоянно преслѣдовали меня, и если отворачивались на минуту, то лишь затѣмъ, чтобы снова вернуться, точно пара голубковъ, которые, не успѣвъ приподняться съ земли, снова складываютъ свои крылышки и опускаются клевать сладкое зерно? Нѣтъ, нѣтъ! Я не воръ и не обманщикъ... а развѣ самъ жертва обмана! И какъ легко поддаться обману, когда сердце является сообщникомъ; и какъ безконечно трудно заблуждаться тамъ, гдѣ оно молчитъ,—нѣтъ! гдѣ оно возмущается и вопитъ: не хочу, не могу, не взирая на вашу жалкую, лавочную мораль, не взирая на вашу накрахмаленную, мѣщанскую добродѣтель, которая умываетъ руки надъ отщепенцами, надъ клятвопреступниками, надъ предателями. А теперь... конецъ со всѣмъ этимъ отнынѣ и во вѣки! Будь проклята та минута, когда тѣнь сомнѣнія омрачила мнѣ душу.—Развѣ есть уже посѣтители?

— Нѣсколько человѣкъ уже дожидаются въ пріемной, возвѣстилъ Іоганнъ; приходила также одна дама и настоятельно просила переговорить съ господиномъ докторомъ; она приходила не за медицинскимъ совѣтомъ. Я и отправилъ ее во-свояси, добавилъ Іоганнъ; когда онѣ приходятъ не за совѣтомъ, то я уже знаю, что̀ это значитъ. Господинъ докторъ готовъ приманить въ домъ всѣхъ нищихъ. Я объявилъ, что доктора нѣтъ дома, и баста!

Вильдъ едва слушалъ то, что его слуга бормоталъ себѣ подъ носъ, пока не убралъ кофейный приборъ и не ушелъ съ нимъ въ спальную. Онъ отворилъ дверь въ пріемную, чтобы впустить паціентовъ; за первымъ послѣдовалъ второй, третій, четвертый, и такъ шло въ теченіе двухъ цѣлыхъ часовъ безъ перерыва, и каждый уходилъ удовлетворенный, успокоенный, утѣшенный. И никто не подозрѣвалъ какъ смутно, безпокойно, безутѣшно было во все это время на душѣ у врача, который такъ терпѣливо внималъ жалобамъ, такъ добросовѣстно выслушивалъ и выстукивалъ больныхъ, съ такой неизмѣнной вѣжливостью провожалъ каждаго, богатаго, какъ и бѣднаго, до дверей, и затѣмъ взглядомъ большихъ, строгихъ глазъ и привѣтливымъ движеніемъ руки приглашалъ новаго войти въ его кабинетъ.

Всѣмъ было извѣстно, что докторъ Вильдъ аккуратно держится своихъ пріемныхъ часовъ; поэтому публика спѣшила нахлынуть въ теченіе перваго часа, во второй появлялись уже два или три отсталыхъ, больше изъ пріѣзжихъ, а съ послѣднимъ ударомъ одиннадцати часовъ послѣдній посѣтитель спѣшилъ уда-

Digitized by Google

литься. Такимъ образомъ, пріемная, наконецъ, совсѣмъ опустѣла, и когда Вильдъ заглянулъ, то въ ней никого не было, кромѣ богато-одѣтой, важной дамы — какой-то польской графини, которой пришлось дожидаться добрыхъ полчаса, къ ея величайшему изумленію — а поэтому онъ нѣсколько удивился, когда, минуту спустя, провожая обратно графиню и вручивъ ей карточку одного изъ своихъ собратовъ, увидѣлъ въ пріемной маленькаго человѣчка, который стоялъ въ дверяхъ и, при стукѣ отворявшихся дверей, съ живостью повернулся и пошелъ на встрѣчу Вильду.

— Я пришелъ...

— Извините! — отвѣчалъ Вильдъ, провожая даму до дверей пріемной, и тамъ простился съ ней на французскомъ языкѣ. Затѣмъ онъ медленными шагами подошелъ къ маленькому человѣчку, совсѣмъ смутившемуся и словно приросшему къ своему мѣсту, и сказалъ ему спокойнымъ, дѣловымъ тономъ, какимъ онъ говорилъ съ своими паціентами:—Сдѣлайте одолженіе, войдите сюда.

Маленькій человѣчекъ опустилъ приподнятую правую руку, затѣмъ лѣвую, потеребилъ толстый, красный шарфъ, и вошелъ въ дверь, которую отворилъ передъ нимъ Вильдъ.

— Чему я долженъ приписать честь вашего посѣщенія, господинъ Кемпе? — произнесъ Вильдъ, и послѣ нѣкоторой паузы, въ продолженіе которой взоры маленькаго человѣчка съ изумленіемъ и любопытствомъ блуждали по комнатѣ, добавилъ:—У меня весьма мало свободнаго времени.

— Вѣрю, отвѣчалъ Кемпе, вѣрю; вы устроились здѣсь очень хорошо, очень хорошо; въ дрезденскомъ дворцѣ не лучше, чѣмъ у васъ.

— Вы, конечно, предприняли путешествіе сюда не затѣмъ, чтобы сдѣлать мнѣ это интересное замѣчаніе.

— Нѣтъ, конечно нѣтъ, конечно нѣтъ, возразилъ Кемпе; но когда видишь подобную обстановку, то невольно сдѣлаешь такое замѣчаніе. Такая обстановка должна стоить страсть сколько денегъ!

— Но—я позволю себѣ еще разъ замѣтить вамъ, что у меня мало свободнаго времени—какая цѣль вашего посѣщенія?

Маленькому человѣчку стало, повидимому, не по себѣ отъ этого вопроса. Онъ завертѣлся на стулѣ, дергая съ смущеніемъ толстый красный шарфъ, который отъ этого только туже затягивался.

— Цѣль моего посѣщенія? Эхъ, господинъ—господинъ докторъ, да, вотъ какъ я долженъ васъ звать, хотя я и вашъ крестный отецъ и всегда добросовѣстно выполнялъ свои обязанности

Digitized by Google

по отношенію къ вамъ—да и послѣ того я, кажется, ничего не опустилъ, а даже дѣлалъ больше, чѣмъ многіе другіе на моемъ мѣстѣ; хоть и говорю все это вовсе не изъ похвальбы, но повторяю, и всегда буду повторять, что на то была Божія воля! И я никакъ не могу сказать, чтобы моя дорогая покойница иначе къ вамъ относилась, чѣмъ подобаетъ честной женщинѣ и христіанкѣ, даже и тогда, когда она не захотѣла отпустить наше дитя слишкомъ за двѣсти миль въ нечестивый, иноземный Вавилонъ; а что касается моей Христіаны... моей бѣдной, несчастной Христіаны...

Старикъ обтеръ бумажнымъ носовымъ платкомъ лысый лобъ и провелъ имъ по глазамъ, которые замигали, какъ только что онъ произнесъ имя своей дочери. Вильдъ подперъ голову рукой и не поднималъ глазъ, даже и тогда, когда Кемпе умолкъ. Ему было жалко старика... онъ охотно избавилъ бы его отъ этой горести, но это было невозможно.

Какъ сказать ему объ этомъ?

Онъ всталъ и подошелъ къ окну, какъ это онъ всегда дѣлалъ, когда мысль измѣняла ему, и языкъ не находилъ подходящаго выраженія.

По другой сторонѣ пустой почти улицы шелъ господинъ, который надвинулъ шляпу на самыя брови и поднялъ воротникъ пальто. Господинъ этотъ шелъ тихими шагами, какъ человѣкъ, который поджидаетъ другого, и вотъ... въ эту самую минуту онъ повернулся и бросилъ украдкой взглядъ на окно, но завидя доктора, надвинулъ шляпу еще ниже и, направившись къ ближайшему перекрестку, исчезъ за угломъ.

Но зоркіе глаза Вильда уже успѣли разглядѣть его.

Мрачная улыбка озарила его лицо и голосъ его зазвучалъ рѣзко и грубо, когда онъ остановился съ скрещенными руками передъ маленькимъ человѣчкомъ, который все еще продолжалъ тереть свой вздернутый носикъ:

— Ну, и чтожъ, вѣроятно молодецъ Вейкертъ научилъ васъ, какъ перейти къ дѣлу послѣ такого трогательнаго вступленія?

— Вейкертъ!—вскричалъ старикъ съ испугомъ, вскакивая съ своего мѣста.

— Онъ самый! Или, быть можетъ, онъ совсѣмъ случайно расхаживаетъ на часахъ подъ моими окнами, въ то время, какъ вы здѣсь читаете мнѣ нотацію, долженствующую перейти въ угрозы, какъ скоро вы замѣтите, что слезы и стенанія не помогаютъ! Неправда-ли, многоуважаемый господинъ Кемпе, мои слова кажутся вамъ жесткими; но вы сами въ этомъ виноваты. Еслибы

Digitized by Google

вы пришли одни—я и тогда, разумѣется, бы высказалъ вамъ то, что должно быть высказано, но мнѣ было бы это тяжелѣе, и я высказалъ бы это вамъ гораздо мягче. Теперь же, когда вы велѣли этому человѣку сопровождать васъ, чѣмъ, разумѣется, не ограничиваются его услуги; теперь, когда вы допустили въ это дѣло, — которое, какъ ни тяжело оно для насъ всѣхъ, все же наше семейное дѣло, которое никого, кромѣ насъ, не касается,— вмѣшаться человѣку, про котораго вамъ извѣстно, что онъ плутъ и мерзавецъ и мой злѣйшій врагъ... теперь, господинъ Кемпе, я полагаю, что мы можемъ начать прямо съ конца, и позвольте мнѣ объявить вамъ, что я никогда не женюсь на вашей дочери ни теперь, ни позже; а затѣмъ будьте такъ добры, объясните мнѣ, какія условія посовѣтовалъ вамъ Вейкертъ предъявить мнѣ на этотъ случай.

Маленькій человѣкъ какъ будто сталъ еще меньше въ то время, какъ глаза доктора метали на него молніи. Его лысая голова, какъ будто защищаясь отъ непогоды, совсѣмъ ушла въ складки краснаго шарфа; онъ соскользнулъ со стула, на которомъ сидѣлъ, и стоялъ передъ Конрадомъ, дрожа всѣми членами.

— Итакъ, вы не хотите жениться на Христіанѣ?—произнесъ онъ наконецъ.

— Я, кажется, довольно ясно сказалъ вамъ это.

— И... и даже въ томъ случаѣ, если мы... если я стану преслѣдовать васъ судомъ за нарушеніе вашего обѣщанія?

— Представьте себѣ,—даже и въ томъ случаѣ.

— И... и вамъ извѣстно, что вы задолжали мнѣ въ продолженіи этихъ восьми лѣтъ тысячу талеровъ, а моей Христіанѣ цѣлыхъ три тысячи, не считая процентовъ. Вы конечно не станете требовать, чтобы...

— Боже меня упаси! напротивъ того, я надѣюсь въ самомъ непродолжительномъ времени заплатить вамъ и вашей дочери всю вышеупомянутую сумму, съ процентами и процентами на проценты. Вы вѣдь не потребуете жидовскихъ процентовъ?

— Въ самомъ непродолжительномъ времени, говорите вы, когда же именно?

— Можетъ быть, завтра; можетъ быть, даже сегодня... во всякомъ случаѣ, навѣрное черезъ шесть или восемь недѣль.

Докторъ Вильдъ подошелъ къ письменному столу и началъ рыться въ своихъ бумагахъ; онъ проговорилъ послѣднія слова спокойнымъ голосомъ, черезъ плечо. Кемпе принялся шарить въ верхнемъ карманѣ своего сюртука, не спуская при этомъ глазъ съ Вильда, какъ будто бы для него было крайне важно не при-

Digitized by Google

вѣкать его вниманія. Наконецъ, онъ благополучно добылъ очки и толстый портфель, а изъ этого послѣдняго вынулъ, изъ числа другихъ бумагъ, одинаковаго формата, длинную, узкую полосу, которую, осторожно приблизившись къ столу, почти подсунулъ подъ руку Вильда.

— Имѣя въ виду, что въ животѣ и смерти Богъ волёнъ— промолвилъ онъ.

— Не стѣсняйтесь,—возразилъ Вильдъ, бросивъ бѣглый взглядъ на бумагу: четыре тысячи и т. д. да еще «по предъявленію»?— очень хорошо. Вотъ возьмите!

Онъ подписалъ свое имя на векселѣ и протянулъ документъ Кемпе, который сложилъ его съ остальными, такого же формата.

— И вотъ все, о чемъ намъ нужно было переговорить?

— Да... то-есть... пробормоталъ Кемпе.

— Если такъ, честь имѣю кланяться.

Докторъ внезапно отвернулся. Кемпе, который только-что было вынулъ изъ портфеля другія бумаги, торопливо уложилъ ихъ обратно и едва не выронилъ изъ рукъ самаго портфеля... Черезъ нѣсколько секундъ онъ уже стоялъ на улицѣ и искалъ глазами Вейкерта, который куда-то исчезъ и вышелъ къ нему навстрѣчу изъ-подъ воротъ одного дома на улицѣ, которая перекрещивалась съ той, на которой жилъ Вильдъ.

— На томъ мѣстѣ было такъ вѣтряно, — проговорилъ Вейкертъ. Ну, что?

— Это ужасный человѣкъ,—возразилъ Кемпе, казавшійся совсѣмъ разстроеннымъ;—ужасный человѣкъ!

По узкому лицу нотаріуса пробѣжала насмѣшливая улыбка.

— Немного рѣзокъ? такъ? Вѣдь я предупреждалъ васъ объ этомъ, но мы скоро обуздаемъ молодца. Что́ онъ сказалъ насчетъ векселя по предъявленію? Ничего? Ну, да все равно, онъ подписалъ его. Ну, а какъ насчетъ другихъ?

— Другихъ? Я... я совсѣмъ ему ихъ не показывалъ... Я...

Нотаріусъ остановился и поглядѣлъ въ блѣдное, разстроенное лицо Кемпе: — Вы не показывали ихъ ему? Боже мой, да въ своемъ ли вы умѣ! Сейчасъ-же ступайте къ нему!

— Ни за что въ мірѣ!—закричалъ Кемпе такъ громко, что на него оглянулись нѣсколько прохожихъ.

— Тише!—замѣтилъ нотаріусъ.—Насъ слышатъ посторонніе люди. Если такъ, то отдайте ихъ мнѣ; я съ радостью предъявлю ихъ ему.

— Да какъ же,—возразилъ маленькій человѣчекъ;—это будетъ не по-христіански радоваться такому дѣлу. Да онъ и то сейчасъ

Digitized by Google

догадался, что вы замѣшаны въ дѣлѣ; я жалѣю, что послушался вашего совѣта.

— Какъ угодно, — отвѣчалъ нотаріусъ, — а такъ какъ вы больше не нуждаетесь въ моихъ услугахъ...

Онъ приподнялъ шляпу; Кемпе придержалъ его за полу сюртука и заговорилъ жалобнымъ голосомъ:

— Скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, что мнѣ дѣлать съ остальными векселями?

— Раскурите ими трубку,—отвѣчалъ нотаріусъ съ насмѣшливой усмѣшкой. Честь имѣю...

Но пройдя нѣсколько шаговъ онъ снова вернулся къ маленькому человѣчку, все еще не трогавшемуся съ мѣста, и сказалъ:

— Вы конечно не заслуживаете этого отъ меня, ни вы, ни ваша дочь. Но я добрый, глупый, не себялюбивый человѣкъ и не могу видѣть, что вы торчите тутъ, точно ракъ на мели. О чемъ вы сокрушаетесь! Онъ не хочетъ жениться на Христіанѣ... я объ этомъ сожалѣю, очень сожалѣю, но вѣдь я вамъ это предсказывалъ. Нельзя получить всего разомъ, но вы получите по крайней мѣрѣ свои деньги. Развѣ вы не понимаете... но неужели мнѣ опять повторять вамъ! Ѣдемъ!

— Куда!

Нотаріусъ кликнулъ извощика: въ контору Гольдгеймеръ и Сыновья, въ...

— Знаю,—отвѣчалъ извощикъ.

VII.

Для Гвидо Гольдгеймера утро тоже прошло въ треволненіяхъ, отчасти самаго тяжелаго свойства. Обыкновенно онъ показывался не раньше одиннадцати часовъ въ своемъ кабинетѣ, изъ котораго одна дверь съ матовыми стеклами вела въ контору, а другая въ сѣни дома. Сегодня же управляющій дѣлами, Самуэли, конторка котораго приходилась какъ разъ возлѣ стеклянной двери, заслышалъ принципала съ десяти часовъ, но напрасно ждалъ призыва. Онъ рѣшилъ подождать еще пять минутъ и затѣмъ самому постучаться: сегодня было такъ много дѣла.

Тѣмъ временемъ Гольдгеймеръ торопливо шагалъ по комнатѣ отъ камина, расположеннаго въ глубинѣ, на которомъ стояли великолѣпные часы и вплоть до большого венеціанскаго зеркала, помѣщавшагося въ простѣнкѣ между двумя окнами. По временамъ онъ останавливался и пристально глядѣлъ въ пестрый узоръ тол-

Digitized by Google

стаго турецкаго ковра, или механически принимался рыться въ бумагахъ, лежавшихъ на его письменномъ столѣ, или же заглядывалъ въ газеты, лежавшія на другомъ столѣ, и затѣмъ снова начиналъ свою прогулку, отъ камина къ зеркалу. Остановившись противъ часовъ, стрѣлка которыхъ съ жестокимъ равнодушіемъ подвигалась впередъ, онъ придумывалъ планъ, отъ котораго отказывался минуту спустя, и летѣлъ разсматривать въ зеркалѣ свою мрачную физіономію. Онъ былъ въ страшномъ положеніи. Въ двѣнадцать хотѣлъ быть Вильдъ,—самъ онъ, конечно, не выйдетъ къ нему и... этого онъ настоятельно потребовалъ отъ дочери... она также не покажется, но какой изъ этого толкъ! Полчаса позднѣе подъѣдетъ кабріолетъ Зильбермановъ; отецъ и сынъ выйдутъ изъ экипажа; отецъ направится въ его кабинетъ, а сынъ пойдетъ къ дамамъ. Пять минутъ позже Евгеній появится въ кабинетѣ, чтобы извѣстить обоихъ отцовъ, что его предложеніе принято, и затѣмъ всѣ трое поѣдутъ на биржу... обдѣлывать свои общія дѣла. Но... что будетъ, если Mélanie въ самомъ дѣлѣ откажетъ Евгенію, какъ она грозилась это сдѣлать и повторяла свою угрозу, не взирая на все краснорѣчіе отца, съ какимъ онъ изображалъ ей свое положеніе... и даже въ болѣе черныхъ краскахъ, чѣмъ того требовала дѣйствительность. И жена его присутствовала при этомъ и только и умѣла, что прижимать носовой платокъ къ глазамъ, да приговаривать:—Не мучь наше дитя! а затѣмъ:—Неужели ты рѣшишься такъ огорчить своего отца! и потомъ снова хныкала. Охъ, ужъ эти женщины! эти женщины! и зачѣмъ это имъ дано столько правъ! и зачѣмъ это спрашиваютъ ихъ мнѣнія, точно у нихъ есть воля, разумная воля! Но не можетъ быть, чтобы она въ самомъ дѣлѣ такъ поступила! его Mélanie, его умная Mélanie, которая была себѣ на умѣ, и такъ прекрасно понимала всякіе дѣловые вопросы, которые онъ иногда задавалъ ей шутя... неужели она могла рѣшиться... изъ романической фантазіи...

Гольдгеймеръ, который бѣгалъ, подгоняемый этими мыслями, точно звѣрь въ клѣткѣ, вдругъ остановился и топнулъ ногою. Я ненавижу его, этого высокомѣрнаго человѣка съ гордыми голубыми глазами... этого длинноногаго, широкоплечаго нѣмца, который смотритъ на насъ, какъ на рабовъ, какъ на низшую расу, и воображаетъ, что оказываетъ намъ необыкновенную честь, когда обращается съ нами какъ съ равными! Ему равными! да самъ-то онъ кто такой, что осмѣливается глядѣть на насъ свысока! Добро бы еще былъ дворянинъ, юнкеръ, предки котораго мучили и тиранили нашихъ предковъ!.. тогда, пожалуй, можно было бы найти нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что можешь сказать: госпо-

Digitized by Google

динъ баронъ, или господинъ графъ, конечно, я поступаю противно своимъ принципамъ и убѣжденіямъ, но такъ какъ вы не можете жить безъ Mélanie... и такъ далѣе... это все же было бы пріятнѣе! А то, какой-нибудь учительскій сынъ, какой-нибудь демократишка, атеистъ, плутъ!.. этотъ человѣкъ непремѣнно плутъ... откуда онъ беретъ средства для жизни? еслибы только мнѣ узнать объ его прошломъ, объ его отношеніяхъ... но теперь уже поздно... слишкомъ поздно! Мнѣ слѣдовало спохватиться объ этомъ полгода тому назадъ... Половина одиннадцатаго!—Что вамъ нужно?

Самуэли, безплодно стучавшійся нѣсколько разъ въ дверь, рѣшился отворить ее, не дожидаясь разрѣшенія войти, такъ какъ ему предстояло покончить кучу важныхъ дѣлъ, и онъ не могъ рѣшить ихъ одинъ.

Самуэли никакъ не могъ сегодня понять своего принципала. На его докладъ о томъ, что въ кассѣ не достаетъ добрыхъ трехсотъ тысячъ для уплаты разницы и платежей по купонамъ двухъ русскихъ и трехъ американскихъ желѣзныхъ дорогъ,—Гольдгеймеръ раздражительно отвѣчалъ:—Это мнѣ такъ же хорошо извѣстно, какъ и вамъ! А на остальные вопросы, которые, если и не были такими жгучими, но все же были очень важны, или вовсе не отвѣчалъ, или же пожималъ плечами и нетерпѣливо вскрикивалъ:—Еще что! еще что! зачѣмъ вы приходите ко мнѣ съ этими пустяками! еще что! еще что!

— Мнѣ больше нечего докладывать въ настоящую минуту, отвѣчалъ Самуэли, собирая свои бумаги, кромѣ того, что я выдалъ сегодня Христіанѣ Кемпе изъ Вурцена десять тысячъ талеровъ, причитающихся ей съ прошлаго марта мѣсяца, вмѣстѣ съ процентами за послѣдніе три года. О личности этой дамы засвидѣтельствовалъ Крепельманъ, но я и безъ того хорошо ее помнилъ, такъ какъ она уже была разъ съ отцомъ своимъ въ конторѣ, три года тому назадъ. Старый Кемпе представилъ при этомъ случаѣ кредитивъ на имя доктора Вильда, которымъ впрочемъ докторъ совсѣмъ не воспользовался...

— И вы только теперь говорите мнѣ объ этомъ! вскричалъ банкиръ, вскакивая съ своего мѣста; въ своемъ ли вы умѣ?

Самуэли охотно возразилъ бы, что принципалу слѣдовало бы самому себѣ задать этотъ вопросъ; но онъ воздержался и пошелъ звать старика Крепельмана или Крепельменхена, какъ его въ шутку называли молодые конторщики.

— Идите къ нему немедленно, сказалъ Самуэли; онъ зоветъ васъ, полагаю, чтобы спросить насчетъ капитала Кемпе; я понять не могу, чего онъ отъ васъ хочетъ; быть можетъ, вы знаете?

Digitized by Google

Но для Самуэли остался неразрѣшеннымъ вопросъ о томъ: знаетъ ли объ этомъ или нѣтъ маленькій сухопарый человѣчекъ, который пристально поглядѣлъ на него изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ и густыхъ бровей, тусклыми голубыми глазами. По крайней мѣрѣ, онъ не отвѣчалъ ни слова, но спокойно дописалъ свою фразу, вытеръ перо, слѣзъ съ высокой табуретки и прошелъ черезъ длинныя сѣни конторы къ стеклянной двери, которую — къ невыразимому удивленію Самуэли—отворилъ для него самъ Гольдгеймеръ.

— И такъ поступаютъ со мной люди, которые служатъ уже сорокъ лѣтъ въ моей конторѣ, встрѣтилъ его банкиръ.

— Сорокъ два года, если вы говорите про меня, возразилъ старикъ, и батюшка вашъ всегда дружески обращался со мной.

Смуглое лицо Гольдгеймера покраснѣло.

— Я вовсе не намѣренъ обращаться съ вами недружелюбно, любезный Крепельманъ,—прошу васъ, сядьте; но я нахожу, что вы поступаете со мной не совсѣмъ подружески, — принимая во вниманіе, что вы такой старый, довѣренный сотрудникъ — и не хотите помочь мнѣ разъяснить дѣло, которое, какъ вамъ извѣстно, такъ близко меня касается. Вы столкнулись вчера у меня съ докторомъ Вильдомъ; я увидѣлъ по первому взгляду, что вы знаете другъ друга, и что встрѣча не особенно пріятна для васъ обоихъ. Когда докторъ ушелъ, я позвалъ васъ къ себѣ и попросилъ пересказать мнѣ все, что вы про него знаете. Что я разспрашивалъ васъ не изъ празднаго любопытства, любезный Крепельманъ — это вы хорошо сознавали и сообщили мнѣ... должно думать, подъ вліяніемъ неожиданной встрѣчи... кое-какія подробности. Между прочимъ вы упомянули о томъ, что нашъ старинный пріятель, Кемпе, относился къ доктору, какъ къ родному сыну, и о томъ, что докторъ всѣмъ ему обязанъ; но когда я заявилъ о своемъ удивленіи, что докторъ никогда не упоминалъ въ моемъ присутствіи о такомъ близкомъ ему лицѣ, то вы пожали плечами, и я больше не могъ вытянуть изъ васъ ни единаго слова:— Вы-молъ ничего не знаете, и пусть я самъ спрошу у доктора; вы-де не видали Кемпе цѣлыхъ три года... о дочери ни слова... а сегодня утромъ вы проводили молодую особу къ намъ, помогли ей получить деньги... что долженъ я объ этомъ думать, господинъ Крепельманъ? я всегда васъ считалъ такимъ честнымъ, порядочнымъ человѣкомъ... конечно и до сихъ поръ считаю...

— Я не вижу, чтобы мои поступки доказывали противное, пробормоталъ старикъ.

— Вы не хотите меня понимать, возразилъ банкиръ, пере-

Digitized by Google

водя поспѣшно глаза съ неподвижнаго лица старика на часы, стрѣлка которыхъ двигалась съ жестокой быстротой,—или же въ самомъ дѣлѣ не понимаете меня: вы давно уже вдовецъ и, сколько мнѣ извѣстно, никогда не имѣли дѣтей. А поэтому вы и не понимаете, что я, какъ отецъ, желаю узнать, что́ за человѣкъ...

— Не судите, да не судимы будете! пробормоталъ старикъ.

— Очень хорошо, очень вѣрно! но только ко мнѣ непримѣнимо, любезный Крепельманъ! да я вовсе и не желаю судить, я желаю только получить ясное, опредѣленное понятіе о человѣкѣ; а когда онъ при этомъ... но къ чему стану я скрывать отъ васъ, довѣреннаго друга моего дома, то обстоятельство...

— О которомъ знаетъ пол-города, пробормоталъ старикъ.

— Ну да, тѣмъ меньше! Итакъ, если человѣкъ скрываетъ отъ насъ свое прошлое, насколько его можно скрыть; когда онъ никогда не упоминаетъ объ имени своего стараго друга и благодѣтеля, когда съ своей стороны эти друзья, эти благодѣтели, наполовину отвертываются отъ этого человѣка, какъ вы, напримѣръ, ясно это показываете; когда добрый Кемпе, который прежде пріѣзжалъ всегда во время ярмарки, чтобы лично регулировать свои дѣла, не показываетъ носа вотъ уже цѣлыхъ три года, то-есть, какъ разъ столько времени, сколько докторъ знако́мъ въ моемъ домѣ... а этотъ послѣдній — я совсѣмъ-было забылъ объ этомъ, да Самуэли мнѣ напомнилъ,—вовсе не предъявляетъ кредитива и даже никогда не упоминаетъ о томъ, что онъ выданъ ему старикомъ на нашъ домъ, и выданъ, разумѣется, не ради шутки; а m-lle Кемпе съ своей стороны какъ разъ въ настоящую минуту вынимаетъ капиталъ, завѣщанный ей теткой и срокъ уплаты которому наступилъ уже годъ тому назадъ, и вынимаетъ его, не предваривъ насъ объ этомъ заблаговременно... Ну, согласитесь, любезный Крепельманъ, что не нужно особенной проницательности для того, чтобы сложить изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ исторію, въ которой докторъ играетъ роль, отнюдь не возбуждающую къ нему довѣрія. Я, разумѣется, вынужденъ предоставить вамъ на выборъ: помочь мнѣ, да или нѣтъ, распутать нѣкоторыя темныя обстоятельства этого дѣла, и даже въ томъ случаѣ, если вы откажетесь оказать мнѣ эту услугу—на которую я имѣю, кажется, нѣкоторыя права—ну, что же? Тогда ваше молчаніе будетъ для меня весьма многознаменательно, и я, разумѣется, перетолкую его такъ, какъ мнѣ будетъ удобнѣе. Будетъ ли то удобнѣе для самого доктора—это другой вопросъ, на который мнѣ отвѣчать не приходится.

Банкиръ вскочилъ съ своего мѣста, лицо его пылало. Когда

Digitized by Google

онъ началъ свою рѣчь, то самъ не зналъ, куда она заведетъ его; а теперь ему казалось, что онъ напалъ на настоящій слѣдъ, что самаго незначительнаго указанія будетъ ему достаточно для того, чтобы разъяснить себѣ все дѣло? Черные глаза его не отрывались отъ старика, который, подперевъ сѣдую голову морщинистой рукой и погруженный въ глубокое раздумье, неподвижно сидѣлъ передъ нимъ въ креслахъ. Но вотъ старикъ поднялъ голову; глаза его были красны и свѣтились страннымъ, дикимъ блескомъ, какъ показалось Гольдгеймеру и—странно и дико—прозвучали первыя его слова; можно было бы подумать, что старикъ разговариваетъ самъ съ собой:—Я не могу, онъ не сдержалъ... но онъ нѣкогда боролся за свободу, страдалъ, и такъ до сихъ поръ добръ къ бѣднымъ... и... и...

Взглядъ его и голосъ стали крѣпче; онъ повидимому только теперь опомнился, что́ онъ говоритъ и съ кѣмъ говоритъ.

— А если она сама, до которой это ближе всѣхъ касается, отказывается отъ него... совсѣмъ отказывается; если она, благородное созданіе, нарочно пріѣхала сюда нынѣшней ночью, чтобы сказать ему объ этомъ, чтобы расчистить съ его пути тѣ бревна, которыя положены ея роднымъ отцомъ... что́ можемъ мы сказать, что́ можемъ мы сдѣлать, чтобы помѣшать союзу, который этотъ ангелъ благословляетъ?

Старикъ вышелъ изъ кабинета; банкиръ поглядѣлъ ему въ слѣдъ мрачными глазами.

— Лицемѣръ! Подумать только, что приходится терпѣть около себя подобныхъ людей, которые сорокъ лѣтъ ѣдятъ вашъ хлѣбъ, и все-таки остаются вашими врагами. Скажите, какія штуки: боролся за свободу... добръ къ бѣднымъ! та-та-та! вздоръ! чепуха! Дураки, дураки! Вѣчно остаются дураками, хотя бы дожили до лѣтъ Маѳусаила! А тутъ еще эта барышня! благородное, видите, созданіе, отказывается отъ него, молодчика! Недостаетъ только, чтобы она сама явилась сюда и привела его къ Mélanie, и соединила бы ихъ руки! Какъ могъ я такъ опростоволоситься, и надо же, чтобы за него распиналась покинутая Эльвира... эта порода людей неизлечима! и зачѣмъ ей понадобились ея деньги? расчистить съ его пути бревна, положенныя ея роднымъ отцемъ...

Гольдгеймеръ, снова забѣгавшій по комнатѣ, вдругъ остановился:—Ея родной отецъ! Ну хоть онъ противъ него! Деньги замѣшаны въ дѣло? Значитъ, существуютъ старыя обязательства, долги... я всегда говорилъ: практика его не настолько еще велика! Еслибы можно было поймать его на этомъ! еслибы открыть

Digitized by Google

что-нибудь такое, что можетъ скомпрометтировать господина доктора... хоть пустякъ какой-нибудь, который бы можно было раздуть, въ особенности, если самъ старикъ... устроитъ патетическую сцену... ахъ! я дуракъ!

Банкиръ ударилъ себя по лбу.

— Слишкомъ поздно! я не могу вызвать его сюда теперь изъ-подъ полу; но я далъ бы...—Что нужно?

Жакъ принесъ визитную карточку. Онъ объявилъ господину, который пришелъ, что баринъ едва-ли можетъ принять его въ настоящую минуту, но этотъ господинъ такъ настаивалъ...

Банкиръ взглянулъ на карточку: нотаріусъ Вейкертъ?—Съума вы сошли? Зачѣмъ вы не проводили тотчасъ же этого господина въ контору?

Я предлагалъ ему идти въ контору, сударь; говорилъ ему, что сюда принимаете вы только по частнымъ дѣламъ; но онъ сказалъ, что пришелъ по частному дѣлу; онъ написалъ на оборотѣ нѣсколько словъ.

Гольдгеймеръ перевернулъ карточку: «Прошу убѣдительнѣйше позволенія переговорить наединѣ нѣсколько минутъ по иску господина Томаса Кемпе на доктора В...»

Радостное изумленіе выразилось на лицѣ банкира. Устремивъ на Жака черные глаза, метавшіе молніи, онъ вскричалъ:

— Ну, что-жъ вы тутъ торчите? попросите этого господина покорнѣйше пожаловать сюда... слышите!

Фр. Шпильгагенъ.

Digitized by Google

МАГОМЕТАНСКОЕ
РЕЛИГІОЗНОЕ ДВИЖЕНІЕ
ВЪ ИНДІИ.

X.

Англичане въ Индіи держатъ себя вообще очень далеко отъ туземцевъ и, подобно римскимъ правителямъ провинцій временъ Августа, всегда избѣгаютъ благоразумно всякаго вмѣшательства въ дѣла вѣры управляемыхъ ими народовъ; но за то измѣна, прикрытая какимъ-нибудь религіознымъ вопросомъ, можетъ совершенно свободно и безпрепятственно распространяться по всей странѣ. Ваггабиты это знаютъ и этимъ пользуются; притомъ они такъ ловки, что за ними трудно было бы не только услѣдить, но даже отгадать ихъ присутствіе. Система, введенная ими для сбора податей, весьма проста, но вполнѣ дѣйствительна и совершенна. Большая часть Бенгаліи, раздѣлена ими на округа; въ каждомъ такомъ округѣ извѣстное количество селъ составляютъ фискальную группу, находящуюся въ вѣдѣніи старшаго сборщика податей, который, въ свою очередь, для каждаго селенія опредѣляетъ особаго сельскаго сборщика. Большею частію въ каждомъ селеніи полагается только одинъ сборщикъ податей, но въ нѣкоторыхъ, гдѣ населеніе слишкомъ велико, имъ помогаютъ муллы, которые лично и черезъ своихъ помощниковъ вѣдаютъ еще и свѣтскія дѣла секты. Кромѣ того, существуетъ особое должностное лицо, на попечительствѣ котораго лежитъ обязанность доставлять по-

Digitized by Google

сыльныхъ для опасной корреспонденціи и для передачи собранныхъ приношеній. Подати, или приношенія, имѣютъ слѣдующіе виды: первый, такъ-называемый законный, съ самаго основанія секты предназначенъ былъ для поддержанія священной войны, и состоитъ изъ $2^1/_2$%, взимаемыхъ со всякаго имущества, находящагося во владѣніи, въ теченіи луннаго года. Подать эта, собираемая, впрочемъ, только съ тѣхъ, у которыхъ имущество превосходитъ извѣстную цѣнность, весьма скоро оказалась недостаточною для предназначенной цѣли, такъ что одинъ изъ калифовъ (Унайатъ-Али) присоединилъ къ ней и добровольныя приношенія, собираемыя въ пользу бѣдныхъ при мечетяхъ во время рамазана, и такимъ образомъ деньги, предназначенныя для пропитанія несчастныхъ, обратились въ источникъ для поддержанія грабежей и убійствъ. Желая еще болѣе увеличить средства секты, этотъ же самый калифъ учредилъ особаго рода подать, отъ которой не избавляются даже и самые бѣдные люди: именно, при каждомъ принятіи пищи повелѣвалось каждому правовѣрному откладывать одну горсть риса, и по пятницамъ собранный такимъ образомъ рисъ передавать сборщику податей. Этимъ способомъ образовались весьма значительные склады провіанта, впослѣдствіи публично продаваемаго для увеличенія кассы возстанія. Впрочемъ, предусмотрительные калифы постоянно заботились о томъ, чтобы кромѣ положенныхъ податей, на которыя они смотрѣли какъ на законныя и имъ вполнѣ принадлежащія, былъ бы данъ какъ можно большій просторъ всѣмъ добровольнымъ приношеніямъ, и рѣдко проповѣдники этимъ не пользовались. Отъ времени до времени, кромѣ того, производились чрезвычайные сборы, въ особенности во время путешествій самихъ калифовъ или извѣстныхъ проповѣдниковъ. Главные сборщики податей разъ въ годъ объѣзжали мѣста, ввѣренныя ихъ попеченію, и чрезвычайно строго наблюдали за тѣмъ, чтобы все должное было заплачено сполна и не было бы никакихъ недоимокъ.

Легко понять, какъ такого рода организація опасна для правительства, сколько она уже причинила зла и сколько еще причинитъ въ будущемъ. Въ теченіи послѣднихъ семи лѣтъ, почти постоянно приходилось судить измѣнниковъ одного за другимъ, и кромѣ того каждая экспедиція на границахъ влекла за собою всякій разъ необходимость учрежденія во внутренности страны особыхъ государственныхъ генеральныхъ судовъ. Въ настоящее время во всѣхъ тюрьмахъ Индіи содержатся люди, собранные съ самыхъ отдаленныхъ провинцій и ожидающіе суда за открытую измѣну или за подготовленіе къ тому. Послѣ неудачной экспе-

Digitized by Google

диціи 1863 года, назначенъ былъ на слѣдующій годъ въ Умбаллѣ, подъ предсѣдательствомъ сэра Герберта Эдуардса, государственный судъ. Одиннадцать человѣкъ мусульманъ, великобританскихъ подданныхъ, судились за государственную измѣну; между ними были духовные, принадлежавшіе къ первостепеннымъ мѣстнымъ фамиліямъ, богатѣйшій городской мясникъ въ Делли и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько лѣтъ сряду поставщикъ мяса на всю регулярную британскую армію, городской маклеръ изъ Тансвара, солдатъ-сипай, странствующій проповѣдникъ, управляющій домомъ въ Патнѣ, и наконецъ простой землепашецъ. Судъ, продолжавшійся весьма долго, открылъ чрезвычайно много замѣчательныхъ фактовъ и далъ довольно ясное понятіе о страшной силѣ и превосходной организаціи и администраціи ваггабитской секты.

Подсудимые принадлежали ко всѣмъ слоямъ общества, нѣкоторые изъ нихъ обладали огромнымъ состояніемъ, были люди отлично образованные и во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательные какъ по уму, такъ по той необыкновенной энергіи и тому таланту, съ которыми они вели дѣло возстанія. Оказалось, что вся страна заражена доктринами ихъ ученія, но ничѣмъ непоколебимая преданность сектаторовъ, конечно, не дала возможности дойти до полной истины; скорѣе они соглашались перенести всѣ ужасы казни, чѣмъ выдать кого-нибудь изъ своихъ. Для сношеній между собою у нихъ оказался особый секретный языкъ, ключъ къ которому впрочемъ удалось открыть во время суда. Главные подсудимые были приговорены къ смерти, но британское правительство поступило весьма благоразумно не утвердивъ приговора и замѣнивъ его пожизненною каторгою: въ случаѣ казни преступниковъ, оно тѣмъ въ глазахъ народа даровало бы имъ мученическій вѣнецъ, обезсмертило бы ихъ имена и еще болѣе содѣйствовало бы къ распространенію фанатизма.

Судъ этотъ доказалъ тоже, какое ничтожное вліяніе на распространеніе ваггабизма имѣли экспедиціи, предпринимаемыя отъ времени до времени въ горы. Внутренніе раздоры между сектаторами дѣйствительно давали иногда нѣсколько лѣтъ отдыха на границахъ, но за то въ это время они особенно усердно проповѣдывали священную войну въ самомъ сердцѣ британскихъ владѣній. Въ Восточной Бенгаліи нѣтъ округа гдѣ бы измѣна не пустила глубокаго корня, и все мусульманское населеніе по Гангу, отъ Патны до берега моря, усердно откладывало и вѣроятно продолжаетъ откладывать свои приношенія для поддержанія пограничныхъ мятежныхъ колоній.

Кромѣ того, открытъ былъ еще одинъ весьма многознамена-

Digitized by Google

тельный фактъ. Тигу-Майанъ, какъ мы уже сказали, въ 1831-мъ году съ большимъ успѣхомъ проповѣдывалъ въ восточныхъ округахъ прилегающихъ къ Калькуттѣ. Послѣдователи его, принявшіе названіе фаразовъ, сами называли себя новыми мусульманами и хотя во многомъ сходились съ ученіемъ ваггабитовъ, въ сущности все-таки составляли отдѣльную религіозную секту. Въ 1843 году, число ихъ такъ увеличилось, что, вслѣдствіе донесенія мѣстнаго начальства, правительство принуждено было обратить особое вниманіе на этихъ новыхъ преобразователей, проповѣдывавшихъ уже не одну священную войну, но и всеобщее равенство и уничтоженіе всѣхъ существующихъ порядковъ и различій между людьми. Оказалось, что ваггабиты, замѣтя возрастающую ихъ силу и вѣрно оцѣнивъ ея будущее значеніе, черезъ одного изъ своихъ калифовъ, именно того самаго, который судился за государственную измѣну въ 1864 году, дѣйствовали такъ удачно, что соединили обѣ секты въ одну, такъ что въ послѣднія 13 лѣтъ ихъ находили и на поляхъ битвы, и въ судахъ и, однимъ словомъ, вездѣ рядомъ съ ваггабитами.

Съ 1864-го по 1868-й годъ, тратились громадныя суммы денегъ на полицейскія средства, и несмотря на это правительство въ 1868-мъ году все-таки вовлечено было въ дорогую горную экспедицію. Понятно, что мильярды фунтовъ стерлинговъ, затраченные на желѣзныя дороги, каналы, фабрики и прочее обязываютъ Англію заботиться о сохраненіи своего могущества въ Индіи, и не только потеря его, но даже временная утрата тамъ вліянія была бы для нея равносильна самому страшному бѣдствію. Главное, въ настоящее время чрезвычайно важно для Англіи и конечно болѣе всего способствуетъ къ поддержанію ея владычества именно то, что между мусульманскимъ населеніемъ существуютъ религіозные раздоры, и ваггабиты, на которыхъ многіе правовѣрные смотрятъ какъ на отъявленныхъ раскольниковъ, имъ быть можетъ еще болѣе ненавистны, чѣмъ даже невѣрные. Аресты, суды, политическія гоненія, казни и прочее убѣдили мусульманъ въ опасности соединенія съ фанатическою сектою, и въ самое послѣднее время нѣкоторые изъ нихъ, вслѣдствіе вліянія ихъ муллъ и ученыхъ, рѣшались для собственнаго же спокойствія формальнымъ протестомъ отъ нея отдѣляться. Самые энергическіе предводители ваггабитовъ частью погибли, частью арестованы и ожидаютъ суда, а отчасти и вслѣдствіе удаленія отъ нихъ массы ихъ единовѣрцевъ, стали бояться слишкомъ дѣятельно продолжать свою пропаганду, такъ что фанатическая секта внутри Индіи, по крайней мѣрѣ наружно, какъ будто бы начала подавать надежды

Digitized by Google

на ослабленіе, а быть можетъ даже и на распаденіе. Но за то пограничныя колоніи, какъ онѣ сами по себѣ и ни ничтожны, продолжаютъ существовать и угрожать спокойствію сосѣдей, и несмотря на кажущееся ничтожество опасны уже тѣмъ, что могутъ послужить къ соединенію мусульманъ въ какую-нибудь огромную религіозную коалицію. Въ прошломъ году, туземная пресса Британской Индіи сильно занималась вопросомъ о возможности другой Афганской войны, и, конечно, если бы такого рода несчастіе постигло бы Англію, то заранѣе можно опредѣлить ту роль, которую при этомъ будутъ играть пограничныя колоніи, но никакъ нельзя предвидѣть, чтó въ это время сдѣлаютъ внутри Индіи ваггабитскіе заговорщики.

XI.

Конечно, ваггабитамъ не удалось растянуть по всей Бенгаліи свои сѣти и именно вслѣдствіе довольно серьёзнаго сопротивленія со стороны ихъ единовѣрцевъ. Не говоря уже о той ненависти, которая существуетъ между различными мусульманскими сектами и которая развита у нихъ не менѣе сильно, чѣмъ у послѣдователей Христа, присутствіе ваггабита есть всегда угроза для людей зажиточныхъ или пользующихся вообще какими бы то ни было преимуществами. Революціонеры въ политикѣ, равно какъ и въ дѣлахъ совѣсти, они не довольствуются быть только реформаторами или реорганизаторами, какъ были, напримѣръ, Лютеръ и Кромвель, но они, безпощадные разрушители всего стараго, и въ теоріяхъ о свободѣ и равенствѣ идутъ, конечно, далѣе, чѣмъ кто-либо до сихъ поръ. Въ теченіи послѣдняго пятидесятилѣтія, всякій мулла съ дюжиною акровъ земли прикрѣпленной къ мечети, хранитель какой-нибудь гробницы [1]), землевладѣлецъ и вообще всякій собственникъ, упорно возставали противъ сектаторовъ, а между 1813-мъ и 1830-мъ годами ни одинъ ваггабитъ, безъ опасенія лишиться жизни, не смѣлъ открыто показываться на улицахъ Мекки, и даже въ настоящее время онъ подвергается тамъ публичнымъ оскорбленіямъ или насиліямъ.

Всякое броженіе умовъ въ религіозномъ или политическомъ смыслѣ всегда опасно для существующихъ властей, а ваггабиты, какъ коммунисты и краснѣйшіе изъ всѣхъ республиканцевъ, страшны не только для властей, но и для всѣхъ тѣхъ, ко-

[1]) Въ Индіи у богатыхъ мусульманъ существуетъ обычай жертвовать, смотря по состоянію, небольшое количество земли для содержанія ботомольца, которому поручается хранить гробницу умершаго родственника.

Digitized by Google

торые пользуются какими бы то ни было преимуществами. Въ самомъ началѣ ихъ появленія въ Индіи, при Саидъ-Ахматѣ, рука ихъ одинаково тяжело падала какъ на невѣрныхъ, такъ равно и на мусульманъ, сопротивлявшихся ихъ принципамъ. Во время возстанія около Калькутты, они совершенно равно и безъ всякаго въ этомъ отношеніи пристрастія жгли и разоряли жилища, принадлежащія какъ ихъ богатымъ единовѣрцамъ, такъ и языческимъ индусамъ, первымъ даже доставалось отъ нихъ хуже, ибо кромѣ ихъ имущества они отъ нихъ отбирали еще и дочерей, которыхъ отдавали въ замужство за послѣдователей своего ученія [1]). Понятно послѣ этого, что такого рода секта не можетъ пользоваться сочувствіемъ привилегированныхъ и зажиточныхъ классовъ, хотя въ Бенгаліи въ этомъ случаѣ представляется довольно замѣчательное исключеніе. Представители цѣлаго промысла, одного изъ важнѣйшихъ и богатѣйшихъ тамъ, именно скорняки и кожевенники, были и продолжаютъ быть постоянно на ихъ сторонѣ. Происходитъ это отъ слѣдующихъ причинъ: скорняки и кожевенники пользуются глубочайшимъ презрѣніемъ индусовъ; они налагаютъ свои «нечестивыя» руки на трупы священныхъ животныхъ, коровъ и богатѣютъ отъ ихъ убійствъ. Люди эти считаются нечистыми отъ рожденія, внѣ всякой касты, и ни честность, ни способности, ни богатство не могутъ возвысить ихъ до общественнаго уваженія. Презрѣнное положеніе это они переносятъ съ равнодушіемъ, свойственнымъ азіатамъ, и зная всю невозможность для нихъ выдти изъ-подъ этого гнета, никогда и не пытаются дѣлать напрасныя усилія, чтобы отъ него освободиться. Они очень хорошо знаютъ, что если поклонники Брамы получили бы власть хотя только на одинъ день, то они были бы ихъ первыми жертвами, и на этомъ основаніи сблизились съ мусульманами вообще, неимѣющими никакихъ предразсудковъ касательно ихъ ремесла, и ваггабитами въ особенности, тѣмъ болѣе что въ послѣднихъ, долженствующихъ постоянно вести войну противъ невѣрныхъ, то-есть ихъ гонителей, они видятъ надежный залогъ своего личнаго существованія. Такимъ образомъ, обширная кожевенная торговля Индіи перешла почти исключительно въ руки ваггабитовъ и дала имъ возможность сдѣлаться богатѣйшими представителями одной изъ главнѣйшихъ отраслей вывозной торговли края и располагать громадными капиталами. Но, конечно, могущество ихъ происхо-

---

[1]) Изъ оффиціальнаго донесенія о калькуттскомъ возмущеніи видно, что тамъ собралось 80,000 человѣкъ, признавшихъ между собою полное равенство и уничтожившихъ всякое различіе кастъ или преимуществъ рожденія и состоянія.

Digitized by Google

дитъ не отъ этихъ причинъ, а главнѣйшимъ образомъ отъ того сочувствія, которое оказываютъ имъ массы простого народа. Принципы ихъ, какъ религіозные, такъ и политическіе, въ высшей степени примѣнены къ удовлетворенію любимыхъ надеждъ и упованій нисшихъ классовъ народа. Конечно, между ними есть многія тысячи людей, интересующихся политикою, насколько это необходимо для возстановленія всей чистоты мусульманской вѣры, и отъ полноты души преданные тому, что они считаютъ спасеніемъ своихъ единовѣрцевъ. Эти люди не знаютъ жалости къ себѣ, но за то и не имѣютъ пощады къ другимъ и смотрятъ на самопожертвованіе, какъ на одну изъ первѣйшихъ обязанностей человѣка. Обыкновенно этого рода фанатики отличаются особенно благочестивою и во всѣхъ отношеніяхъ безупречною жизнью и такъ глубоко убѣждены въ правотѣ своего ученія, что ни выгоды, ни угрозы и никакія блага не въ состояніи заставить свернуть ихъ съ избраннаго ими пути.

Вообще, быть ваггабитомъ дѣло далеко не легкое. Во-первыхъ, каждый сектаторъ долженъ непремѣнно жертвовать ежегодно не малое количество денегъ для поддержанія своей религіи, а во-вторыхъ, отъ него требуется еще и дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ или въ распространеніи пропаганды, такъ что въ теченіе всей жизни онъ подвергается постоянно какому-нибудь болѣе или менѣе значительному риску. Нескончаемыми поборами и различными требованіями, ваггабиты разорили цѣлыя тысячи семействъ и въ послѣднее время держали въ страхѣ все сельское населеніе. Молодые мусульмане, наэлектризованные ихъ пропагандою, стремились бѣжать на границы и жертвовать собою для спасенія родины и водворенія истинной вѣры, такъ что ни одинъ отецъ семейства не могъ считать себя обезпеченнымъ и находился въ постоянномъ страхѣ неожиданно лишиться сына. Молодые люди, отправлявшіеся въ фанатическія колоніи, рѣдко возвращались домой; бо́льшая часть изъ нихъ погибала отъ меча или отъ различныхъ болѣзней, но за то въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда имъ удавалось вернуться на родину, они обыкновенно преобразовывались въ самыхъ отъявленныхъ враговъ ваггабитовъ и, разоблачая ихъ обманы, корысть и прочее и тѣмъ охлаждая увлеченіе ихъ послѣдователей, причиняли сектѣ гораздо болѣе вреда, чѣмъ всѣ административныя преслѣдованія и суды, учреждаемые правительствомъ.

Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, ваггабиты становились все болѣе и болѣе требовательными и не довольствовались однимъ нравственнымъ вліяніемъ надъ массами народа и собираемыми день-

Digitized by Google

гами, а требовали отъ своихъ соотечественниковъ обязательнаго, дѣятельнаго и непремѣнно личнаго участія въ священной войнѣ. Естественно, что люди, занимающіе нѣкоторое положеніе въ обществѣ и денежно достаточно обезпеченные, были черезъ это поставлены въ весьма критическое положеніе; исполнить это требованіе значило, кромѣ всевозможныхъ рисковъ, подвергать себя еще опасности быть уличеннымъ въ измѣнѣ и преданнымъ суду, а отказать—влекло за собою не менѣе страшное обвиненіе въ лицемѣріи и вѣроотступничествѣ. Въ прежнее время, посредствомъ денежныхъ пожертвованій можно было почти безъ всякой личной опасности участвовать въ общемъ заговорѣ, но при настоящемъ развитіи системы административныхъ изгнаній изъ края и арестовъ, а также болѣе строгаго надзора со стороны правительства, открытіе и этого преступленія влечетъ за собою тяжелое наказаніе, такъ что зажиточные люди стали даже съ большею осторожностью и то весьма умѣренно отдавать въ мечеть свои приношенія для поддержанія священной войны. Настоящіе фанатики дѣлаютъ все, чтобы возбудить ненависть народа и презрѣніе къ богатымъ и вліятельнымъ людямъ, которые, изъ боязни невѣрнаго правительства, уклоняются отъ обязанностей, налагаемыхъ на нихъ вѣрою, и для сохраненія собственнаго спокойствія, служа вмѣстѣ Богу и маммонѣ, измѣняютъ дѣлу освобожденія ислама и угнетенной родины.

Нѣкоторое время привилегированные классы мусульманскаго населенія молчаливо переносили эти обвиненія, и поддержанные духовенствомъ, не менѣе ихъ самихъ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ, довольствовались тѣмъ, что въ защиту себѣ, отъ времени до времени, выпускали въ свѣтъ какую-нибудь ученую брошюру. Но впослѣдствіи, литературная ихъ дѣятельность получила большее развитіе, и первое, что они начали оспаривать, это ваггабитскій догматъ, обязывающій каждаго правовѣрнаго вести войну противъ великобританскаго правительства, и издали по этому вопросу не только массу различныхъ диссертацій, но и цѣлую фалангу оффиціальныхъ рѣшеній, написанныхъ первостепенными представителями мусульманскаго духовенства и имѣющихъ въ народѣ значеніе закона. Они добились даже до того, что высшее духовенство въ Меккѣ, послѣ тщательнаго обсужденія дѣла, признало возможнымъ не требовать отъ индѣйскихъ мусульманъ опасной и тяжелой необходимости возставать противъ англійской королевы.

Коранъ прямо говоритъ, что правовѣрные обязаны силою оружія распространять исламъ по всему міру, давая покореннымъ

Digitized by Google

народамъ выборъ между обращеніемъ въ истинную вѣру, вѣчнымъ рабствомъ или смертью. Обязанность эта ясно выражена въ священнѣйшей мусульманской книгѣ и безъ всякаго измѣненія перешла и въ первостепенныя индѣйскія сочиненія, такъ что понятно послѣ этого, какого громаднаго таланта потребовалось со стороны заинтересованныхъ лицъ, чтобы взять на себя смѣлость опровергать главнѣйшій принципъ Магомета и успѣть дать ему совершенно другое значеніе. Но какъ бы то ни было, ударъ, нанесенный этимъ ваггабизму, чрезвычайно чувствителенъ, и если онъ обезпечиваетъ спокойствіе мусульманъ-аристократовъ, то онъ еще болѣе оказываетъ англичанамъ неоцѣненную услугу и, конечно, положительно содѣйствуетъ къ поддержанію ихъ владычества въ Индіи. Трудно достаточно преувеличить ту опасность, которая постигла бы англичанъ, въ случаѣ если бы вопросъ объ обязанности возстанія и веденія священной войны разрѣшенъ былъ бы учеными Индіи и Мекки въ противоположномъ смыслѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, оцѣнивая всю важность значенія этого факта, нельзя не придти къ тому заключенію, что могущество Англіи упирается въ Индіи на весьма шаткихъ началахъ. Мусульмане, по корану, обязаны вѣрностью только до тѣхъ поръ, пока правительство не нарушаетъ законы данные Магометомъ, въ противномъ же случаѣ они отъ нея самимъ Богомъ освобождаются; въ Индіи, въ старинные годы, были примѣры кровопролитнѣйшихъ возстаній противъ мусульманскихъ государей, и одно изъ нихъ противъ Акбара, сильнѣйшаго и могущественнѣйшаго изъ великихъ моголовъ, когда-либо царствовавшихъ въ Индіи, почти довело его до потери престола, только вслѣдствіе того, что джаунпурскіе муллы и ученые объявили возстаніе противъ него законнымъ. Слѣдовательно, тѣ же самые люди, которые по личнымъ своимъ интересамъ находятъ теперь священную войну незаконною и взялись это доказать, основываясь на книжныхъ авторитетахъ, въ случаѣ перемѣны обстоятельствъ всегда найдутъ возможность измѣнить свои прежнія рѣшенія и уволить британскихъ подданныхъ отъ той вѣрности, которую въ настоящее время они считаютъ для нихъ обязательною.

Рѣшая вопросъ объ обязанности возстанія и веденія священной войны, обѣ главныя мусульманскія секты, шіиты и суннитъ, пришли совершенно къ одинаковому заключенію.

Шіиты, несмотря на то, что они составляютъ только одну десятую часть, то-есть меньшинство всего мусульманскаго населенія, тѣмъ не менѣе приняли также весьма дѣятельное участіе въ разрѣшеніи общаго магометанскаго вопроса. По ихъ вѣрованію, до окончательнаго утвержденія исламизма должны разновременно

Digitized by Google

появиться на землѣ двѣнадцать имамовъ, потомковъ великаго пророка. Одиннадцать такихъ имамовъ уже прошли, остается явиться только послѣднему; до его же пришествія міръ обреченъ на страданія и различныя тяжелыя испытанія, а истинная вѣра—на гоненія и притѣсненія со стороны суннитовъ, христіанъ и другихъ еретиковъ. Пришествію послѣдняго имама должны предшествовать различныя знаменія, и Богъ, повелѣвъ ему идти по землѣ для обращенія всѣхъ людей въ истинную вѣру, дастъ и людямъ возможность узнать его и отличить отъ другихъ смертныхъ. Іисусъ Христосъ въ это время сойдетъ также съ небесъ, и учинивъ великую дружбу съ имамомъ, усердно будетъ помогать ему въ утвержденіи истинной вѣры. До этого же времени шіиты находятъ, что всякія человѣческія попытки утвердить исламъ, какъ-то возстанія, войны и проч., ни къ чему не поведутъ и не достигнуть великой цѣли. Затѣмъ, объясняя значеніе собственно слова «жигадъ», то-есть священная война, они доказываютъ, что основываясь на словахъ святыхъ книгъ, только при семи извѣстныхъ условіяхъ война эта можетъ быть законною и слѣдовательно угодною Богу. Условія эти слѣдующія: 1) Присутствіе истиннаго имама и его благословеніе; 2) достаточное число опытныхъ воиновъ, оружія и прочаго необходимаго для веденія войны; 3) священная война должна быть общею, какъ противъ враговъ истинной вѣры, такъ и противъ нарушителей спокойствія; 4) участвующій въ ней долженъ обладать полнымъ разумомъ, не быть сумасшедшимъ, больнымъ, слѣпымъ или увѣчнымъ; 5) имѣть разрѣшеніе родителей; 6) не быть несостоятельнымъ должникомъ, и 7) имѣть достаточно денегъ для обезпеченія собственныхъ своихъ нуждъ, а равно и существованія своего семейства. Всѣ несогласные съ этими условіями формальнымъ актомъ признаны шіитами за раскольниковъ наравнѣ съ ваггабитами, фараизами и другими, по ихъ мнѣнію, изувѣрами, искажающими смыслъ толкованій священныхъ книгъ и только способствующихъ къ удаленію своихъ послѣдователей отъ милости всемогущаго Бога. Первое и непремѣнное условіе для законнаго права веденія священной войны, по ихъ доводамъ, должно быть личное присутствіе и благословеніе истиннаго имама; всякое же возмущеніе безъ его разрѣшенія неугодно Богу, а слѣдовательно не можетъ имѣть успѣха и должно быть преслѣдуемо какъ нарушеніе закона и порядка.

До какой степени искренни въ этомъ случаѣ мнѣнія шіитовъ, сказать трудно, но если взять въ соображеніе, что они, за исключеніемъ Персіи, другими мусульманами вездѣ одинаково презираемы и нетерпимы, то слѣдуетъ полагать, что чувство собствен-

Digitized by Google

наго сохраненія должно дѣлать изъ нихъ весьма преданныхъ и вѣрныхъ подданныхъ Великобританіи. Они хорошо знаютъ и твердо убѣждены въ томъ, что если сунниты, индусы или въ особенности ваггабиты когда-нибудь захватятъ власть и бразды правленія, то религіозныя преслѣдованія, отъ которыхъ они при англійскомъ правительствѣ отдохнули, возобновятся съ тою же страшною силою и яростью, отъ которыхъ они въ прежнее время такъ много и такъ горько страдали.

Сунниты, составляющіе большинство мусульманскаго населенія въ Индіи, въ послѣднее время оказались болѣе другихъ ревностными въ распространеніи того принципа, что коранъ нисколько не обязываетъ ихъ къ возстанію или веденію священной войны противъ правительства англійской королевы. Для поддержанія этого довода они, послѣ безчисленныхъ преній, наконецъ обнародовали черезъ посредство своихъ и мекскихъ муллъ два оффиціальныхъ рѣшенія (фатва), предназначенныхъ служить толкованіемъ нѣкоторыхъ словъ корана и имѣющихъ силу закона. Магометанское литературное общество въ Калькуттѣ соединило въ одно цѣлое эти два суннитскіе взгляда на дѣло возстанія и оказало этимъ дѣйствительную услугу какъ зажиточнымъ мусульманамъ, такъ и въ особенности англичанамъ. Трудъ этотъ въ высшей степени интересенъ и служитъ доказательствомъ той громадной ловкости и способности, которыми обладаютъ мусульмане для судебныхъ изворотовъ. Это есть полнѣйшій тріумфъ адвокатуры, ибо два отдѣльныхъ силлогизма, истекающіе изъ двухъ совершенно противоположныхъ началъ, вслѣдствіе искусства подбора аргументовъ подведены такъ, что приходятъ къ одному и тому же желаемому заключенію. Такъ, ученые Сѣвернаго Индустана, издавшіе одно такое рѣшеніе, начинаютъ съ того, что безспорно признаютъ Индію страною непріятеля (Dár-ul-Harb) и выводятъ изъ этого, что, слѣдовательно, религіозное возстаніе было бы въ ней, какъ въ странѣ неправовѣрной, незаконно; калькуттскіе же ученые, поддержанные Меккою, издавъ другое, наоборотъ признаютъ Индію страною ислама (Dár-Ul-Islam) и на этомъ основаніи приходятъ къ тому же самому заключенію, что всякое религіозное возстаніе было бы въ ней противно корану, то-есть тоже незаконно. Конечно, такого рода толкованія при томъ уваженіи, какое мусульмане имѣютъ къ ихъ духовенству, представляютъ большое политическое значеніе и выгоды для правительства уже тѣмъ, что служатъ препятствіемъ къ опасному для всеобщаго спокойствія соединенію послѣдователей пророка въ одно религіозное цѣлое. Кромѣ того, онѣ не менѣе сим-

Digitized by Google

натичны и высшимъ классамъ магометанскаго общества, ибо избавляютъ ихъ отъ тяжелой необходимости лично участвовать въ пополненіи рядовъ пограничныхъ фанатиковъ. Однако слѣдуетъ замѣтить, что рѣшенія эти, къ сожалѣнію, не имѣютъ особеннаго вліянія на массу простого народа, котораго фанатизмъ съ одной стороны и надежда на лучшее будущее съ другой все-таки увлекаютъ на сторону ваггабитовъ. Но за то принадлежащіе къ высшимъ классамъ общества, даже и между сектаторами, рады имѣть теперь предлогъ освободить себя отъ участія въ заговорѣ. Авторитетъ суннитскихъ ученыхъ далъ имъ возможность выдти изъ весьма серьёзнаго затрудненія и, конечно, не они будутъ стараться, въ настоящее время, подвергать особенной критикѣ акты, представляющіе имъ такъ много выгодъ, такъ что въ этомъ отношеніи, какъ уже было сказано выше, магометанское литературное общество въ Калькуттѣ, черезъ собраніе и изданіе этихъ толкованій, дѣйствительно нанесло тяжелый ударъ ваггабизму.

Докторъ Гёнтеръ, подробно разбирая аргументы, служившіе ученымъ Индіи и Мекки къ разрѣшенію вопроса о возстаніи и священной войнѣ, въ смыслѣ противоположномъ ученію ваггабитовъ, входитъ въ чрезвычайно интересныя подробности и доказываетъ, основываясь на историческихъ данныхъ и текстахъ различныхъ мусульманскихъ священныхъ книгъ, что несмотря на всю блистательную и кажущуюся убѣдительность этихъ аргументовъ, они все-таки въ высшей степени натянуты и при самомъ небольшомъ усиліи могутъ получить совершенно другое значеніе,—а потому приходитъ къ заключенію, что ударъ, нанесенный ваггабитамъ этими преніями и послѣдовавшими за ними оффиціальными рѣшеніями, есть только временный, такъ что, по его мнѣнію, настоящее затишье въ религіозномъ движеніи нисколько не служитъ доказательствомъ того, что вопросъ возстанія рѣшенъ окончательно, и вслѣдствіе этого положеніе англичанъ въ Индіи измѣнилось бы къ лучшему. Я не вхожу въ разборъ этой части сочиненія доктора Гёнтера и перехожу къ указанію причинъ неудовольствія всѣхъ вообще мусульманъ на британское правительство.

XII.

Причины эти чрезвычайно важны, ибо онѣ-то именно и не даютъ никакой гарантіи въ будущемъ для сохраненія спокойствія въ краѣ, болѣе всего содѣйствуютъ ваггабитамъ въ распространеніи идей возстанія и служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что

Digitized by Google

владычество англичанъ въ Индіи все еще непрочно и постоянно зависитъ отъ всевозможныхъ случайностей.

Какъ бы ни смотрѣть на Индію, какъ на страну ли ислама (Dár-ul-Islam), или непріятеля (Dár-ul-Harb), вслѣдствіе признанія послѣднихъ толкованій за фатва (то-есть имѣющихъ силу закона), мусульмане, безъ всякаго опасенія погубить свои души и лишиться блаженства будущей жизни, должны въ настоящее время, по собственному же приговору, спокойно и мирно жить подъ властью британской короны. Но, по корану, вѣрность къ какому бы то ни было правительству для правовѣрныхъ обязательна только до тѣхъ поръ, пока оно исполняетъ всѣ принятыя имъ на себя обязательства и уважаетъ ихъ права и религію. Въ случаѣ же если правительство нарушаетъ одно изъ связывающихъ его условій, вмѣшивается въ духовныя или гражданскія дѣла или препятствуетъ въ исполненіи обрядовъ указанныхъ пророкомъ, то всякое обязательство со стороны правовѣрныхъ прекращается, и тогда только силою ихъ можно принуждать къ повиновенію, но вѣрности или спокойствія отъ нихъ требовать болѣе невозможно. Нельзя не отнести къ славѣ англичанъ въ Индіи одинъ весьма важный фактъ, именно тотъ, что они замѣнили военное занятіе страны и тиранническое диктаторство всѣхъ прежнихъ завоевателей мирнымъ и ограниченнымъ гражданскимъ управленіемъ, принаровленнымъ къ нуждамъ и интересамъ края и поддержаннымъ расположеніемъ и сочувствіемъ къ нему народа. Но всякая серьёзная обида, нанесенная мусульманамъ, сдѣлаетъ это мирное управленіе совершенно невозможнымъ. Даже небольшіе промахи въ администраціи обратятся въ этомъ случаѣ въ политическія ошибки, могущія имѣть страшныя послѣдствія, ибо по закону пророка они влекутъ за собою освобожденіе отъ вѣрноподданства, то-есть измѣну, возстаніе и священную войну.

Къ сожалѣнію, британское правительство въ теченіи многихъ лѣтъ своего управленія сдѣлало не одну, а безчисленное количество непростительныхъ ошибокъ и, конечно, никакая власть никогда не обвинялась своими подданными болѣе серьёзно, чѣмъ въ настоящее время англичане въ Индіи.

Все сказанное до сихъ поръ неопровержимо доказало два факта: во-первыхъ, существованіе мятежныхъ фанатическихъ оплотовъ на границахъ британскихъ владѣній и, во-вторыхъ, существованіе хронической измѣны, распространенной по всей Индіи. Безъ сомнѣнія, невозможно требовать, чтобы англичане вели переговоры или заключали договоры съ мятежными своими подданными. Но не въ этомъ дѣло; Англія довольно сильна, могу-

Digitized by Google

щественна и вполнѣ въ состояніи справиться съ мятежниками, но для этого она должна стараться отдѣлить ихъ отъ спокойныхъ людей и привязать послѣднихъ къ себѣ такъ, чтобы въ нихъ имѣть опору, а въ случаѣ нужды даже и защиту противъ нарушителей всеобщаго спокойствія. Правительство не имѣетъ право быть глухимъ къ обвиненіямъ, возводимымъ на него бенгальскими мусульманами, тѣмъ болѣе, что такого рода равнодушіе влечетъ за собою неминуемую опасность. Мусульмане же утверждаютъ, что всѣ честныя средства къ существованію отняты отъ ученыхъ и образованныхъ людей ихъ вѣроисповѣданія; что введенная система воспитанія совершенно не соотвѣтствуетъ ихъ требованіямъ и послужила только къ тому, что довела ихъ до нищеты и всеобщаго презрѣнія; что упраздненіе казіевъ, съ незапамятныхъ временъ утверждавшихъ брачные договоры и вѣдавшихъ гражданскимъ судопроизводствомъ правовѣрныхъ, повергло тысячи семействъ въ конечное разореніе; что запрещеніемъ исполнять нѣкоторые обряды, установленные пророкомъ, англичане губятъ ихъ души и лишаютъ надежды на блаженство въ будущей жизни. Но болѣе всего они жалуются на произвольное толкованіе смысла и искаженіе самыхъ религіозныхъ мусульманскихъ учрежденій и на то право, которое присвоили себѣ англичане пользоваться принадлежащими имъ капиталами, пожертвованными и собранными для воспитательной цѣли. Кромѣ этихъ болѣе серьёзныхъ причинъ неудовольствія, существуетъ еще безчисленное количество другихъ, которыя быть можетъ непонятны холодному уму британца, а между тѣмъ чрезвычайно чувствительны для жителей Индустана. Они говорятъ, что англичане обязаны своимъ положеніемъ въ Бенгаліи призыву довѣрившихся имъ и царствовавшихъ тогда мусульманскихъ государей; но впослѣдствіи, когда они сами замѣнили существующую власть, то въ тріумфѣ своемъ не оказали ни малѣйшей пощады къ ихъ же призвавшимъ мусульманамъ и совершенно безжалостно затоптали прежнихъ своихъ союзниковъ въ грязь; однимъ словомъ, они обвиняютъ британское правительство въ недостаткѣ къ нимъ сочувствія, отсутствіи всякаго великодушія, похищеніи и неправильномъ употребленіи принадлежащихъ имъ денегъ, и вообще за всѣ великія бѣдствія, обрушавшіяся на страну въ теченіе ихъ столѣтняго владычества.

Въ настоящее время отъ низшихъ чиновниковъ до занимающихъ высшія должности всѣ сознаютъ, что правительство не исполнило своихъ обязательствъ относительно магометанскихъ подданныхъ королевы. Мусульмане Индіи въ числѣ слишкомъ трид-

Digitized by Google

цати милліоновъ вопіютъ на тотъ общій упадокъ, который постигъ ихъ подъ британскимъ владычествомъ, и на то, что они, еще такъ недавно покорители и единственные правители страны, доведены до того, что теперь лишены въ ней даже средствъ къ честному существованію. Англичане отвѣчаютъ на это, что это происходитъ только отъ ихъ перерожденія, то-есть собственнаго нравственнаго упадка; но забываютъ, что если этотъ упадокъ и дѣйствительно существуетъ, то онъ есть послѣдствіе ихъ политической системы и того невниманія и гнёта, которые такъ упорно и въ теченіе уже столькихъ лѣтъ надъ ними тяготѣютъ. Передъ тѣмъ какъ страна перешла въ руки англичанъ, мусульмане исповѣдывали ту же самую вѣру, ѣли ту же самую пищу и во всемъ обыденномъ жили также, какъ и живутъ теперь. Слѣдовательно, если при этихъ условіяхъ раса ихъ была тогда способна къ прогрессу, а это былъ положительный и признанный фактъ, то нѣтъ никакихъ причинъ полагать, что при тѣхъ же самыхъ неизмѣненныхъ обстоятельствахъ, они вдругъ стали бы показывать признаки нравственнаго разложенія. Мнѣніе это тѣмъ болѣе несправедливо, что и донынѣ они отъ времени до времени выказываютъ свое прежнее сильное чувство любви къ независимости и ту способность къ военнымъ предпріятіямъ, которая дѣлала ихъ столь предпріимчивыми въ былое время и давала ихъ расѣ преимущество надъ всѣми другими населяющими Азію.

Конечно, мусульмане, по должной справедливости къ правамъ индусовъ, не могутъ исключительно пользоваться прежнею своею монополіею государственнаго управленія. Этотъ старинный источникъ богатства не можетъ болѣе существовать, и они должны помириться съ мыслью повиноваться власти, непризнающей между своими подданными различія, происходящаго отъ цвѣта кожи или вѣры. Они это, впрочемъ, отлично понимаютъ и нисколько на это не жалуются, но претендуютъ на то, что они совершенно исключены отъ всякаго участія въ управленіи страны ими когда-то покоренной. Имъ не обидно, что они въ Бенгаліи, гдѣ магометанское населеніе преобладаетъ, поставлены на одинаковую ногу съ индусами, но имъ, какъ потомкамъ племени, имѣющаго великое прошлое, обидно, что индусы принимаются на службу, а именно они лишены этого средства существованія и отличія, ибо всюду и постоянно къ ней не допускаются. Нельзя не согласиться, что претензія эта вполнѣ справедлива, и никто не можетъ отнять отъ нихъ права говорить правительству, что при владѣніи тридцатью милліонами мусульманами оно обязано знать, что́ оно съ ними хочетъ дѣлать.

Digitized by Google

Населеніе восточной и южной Бенгаліи почти исключительно принадлежитъ къ послѣдователямъ закона пророка и какъ высшіе, такъ и низшіе классы исповѣдываютъ тамъ одну и ту же вѣру. Языкъ, извѣстный подъ именемъ бенгальскаго, не есть коренное нарѣчіе и замѣтно отличается отъ говора въ сѣверной Индіи или Персіи, но тѣмъ не менѣе, благодаря дѣятельности мусульманъ, до такой степени выработался, что въ настоящее время имѣется на немъ громадная духовная и гражданская литература. Вездѣ въ этой части Бенгаліи встрѣчаются остатки бывшаго могущества мусульманъ, и полуразвалившіяся мечети, фонтаны и дома ихъ падшей аристократіи, разбросанные по всей странѣ, служатъ лучшимъ доказательствомъ отжившаго величія. Потомки какихъ-нибудь князей, приговоренные по недостатку воспитанія и недопущенію на службу къ невыносимой бездѣятельности, теперь сурово и гордо убиваютъ горе и скуку среди своихъ непокрытыхъ дворцовъ и заросшихъ садовъ. Разоренные дома ихъ наполнены сыновьями и дочерьми, внуками, племянниками и племянницами, и ни одинъ изъ этой голодной толпы не имѣетъ даже надежды найти какія-нибудь занятія, могущія дать ему средства избавиться отъ нищеты и гнетущей его тоски. Безрадостно тянется для нихъ жизнь въ обвалившихся верандахъ или протекающихъ бесѣдкахъ, и время все глубже и глубже ввергаетъ ихъ въ безвыходную пропасть долговъ; конецъ же этому обыкновенно тотъ, что сосѣдній индусъ-ростовщикъ завладѣваетъ остатками имѣнія и тѣмъ однимъ разомъ отнимаетъ отъ нихъ и положеніе, и послѣднее состояніе.

Худшаго положенія, чѣмъ то, въ которомъ находятся высшіе классы бенгальскихъ мусульманъ, придумать нельзя: у нихъ отнято все, а взамѣнъ не дано ничего. Доступъ къ различнымъ отраслямъ государственной администраціи, какъ-то: финансы, полиція, суды и прочее, для нихъ болѣе не существуетъ. Даже армія, составлявшая всегда ихъ элементъ, окончательно для нихъ недоступна [1]). Лѣтъ сто тому назадъ, бенгальскій мусульманинъ не могъ сдѣлаться нищимъ, а теперь наоборотъ, даже имѣющій

[1]) Въ англійской регулярной арміи нѣтъ ни одного офицера, принадлежащаго къ мусульманскому населенію страны, который имѣлъ бы королевскій патентъ на чинъ. Адъютантъ вице-короля Хидайатъ-Али есть единственное исключеніе; впрочемъ и онъ, несмотря на многія оказанныя имъ услуги, пользуется только почетнымъ чиномъ капитана, по патенту мѣстнаго правительства. Мусульмане не принимаются на службу иначе какъ простыми рядовыми въ туземные полки и никакого повышенія ожидать не могутъ, даже почти нѣтъ примѣровъ, чтобы кому-нибудь изъ нихъ удавалось получить хотя почетное, имѣющее только мѣстное значеніе званіе офицера.

Digitized by Google

состояніе почти не можетъ избавиться отъ конечнаго разоренія. Не говоря о придворной службѣ, бывшей всегда средствомъ къ обогащенію, главные источники могущества и благосостоянія мусульманъ истекали изъ командованія войсками, сбора податей и занятія юридическихъ или административныхъ должностей. Въ настоящее время, какъ уже сказано выше, армія для нихъ совершенно закрыта; боязнь образовать хорошихъ офицеровъ, которые при первомъ же возстаніи примѣнили бы пріобрѣтенныя на службѣ познанія для дѣйствія противъ своихъ же учителей, служила постояннымъ препятствіемъ къ допущенію ихъ въ войска, и теперь даже опасеніе это еще такъ развито, что англичане продолжаютъ упорно держаться принятой системы и отдаляютъ мусульманъ отъ званія, которое тѣ привыкли считать наслѣдственнымъ и для себя обязательнымъ.

Другой источникъ богатства мусульманской аристократіи состоялъ въ сборѣ поземельныхъ и другихъ доходовъ. Требованіе отъ покореннаго народа платежа повинностей было прямымъ послѣдствіемъ побѣды, и завоевателямъ доставался не только доходъ, но еще и выгодная обязанность его сбора. Нельзя впрочемъ не упомянуть о томъ, что въ Индіи отношенія мусульманъ къ туземному коренному населенію основаны были гораздо болѣе на политическихъ принципахъ, чѣмъ на деспотическихъ законахъ корана Магомета. Гордые пришельцы, сохраняя для себя только высшія финансовыя должности, пренебрегали подробностями сбора податей и предоставляли непосредственныя сношенія съ производителями своимъ индусскимъ чиновникамъ. Система финансоваго управленія не была основана на какихъ-нибудь положительныхъ законахъ, а на силѣ, которою располагали покорители; индусы постоянно старались заплатить менѣе, чѣмъ отъ нихъ требовали, а мусульмане—получить болѣе чѣмъ слѣдовало имъ, и всѣ между ними недоразумѣнія рѣшались не судебнымъ порядкомъ, а остріемъ меча.

Англичане вначалѣ сохраняли этотъ общепринятый въ мусульманскомъ мірѣ способъ сбора доходовъ, но впослѣдствіи постепенно его измѣнили и наконецъ ввели ту систему, которая существуетъ теперь, и совершенно удалили всѣхъ мусульманъ отъ участія въ дѣлѣ, въ которомъ они дѣйствительно не могли быть болѣе терпимы. При этой реформѣ правительство не могло оставить безъ должнаго вниманія и вопросъ о правѣ владѣнія землею и терпѣть, чтобы индусы по старому продолжали бы, кромѣ государственной подати, платить еще такую же и мусульманскому дворянству, привыкшему смотрѣть на Индію какъ на свою соб-

Digitized by Google

ственность, добытую силою оружія, а на ея жителей какъ на арендаторовъ или работниковъ, трудъ которыхъ долженъ идти на поддержку ихъ роскоши и тунеядства. Понятно, что англичане, изъ чувства человѣколюбія, должны были прекратить эти уродливыя отношенія, оскорблявшія всякую справедливость, и разрѣшить поземельный вопросъ на такихъ началахъ, которыя признали бы какъ мусульманъ, такъ и индусовъ, равноправными для владѣнія землею.

Поземельный вопросъ стоилъ огромныхъ денегъ правительству, но разрѣшенъ былъ вполнѣ удачно, а съ европейской точки зрѣнія и совершенно справедливо, такъ что мусульмане, которые въ сущности никогда не были собственниками въ нашемъ смыслѣ этого слова, а пользовались доходами съ земли только черезъ то вліяніе, которое они имѣли на дѣйствительныхъ владѣльцевъ, получили въ вѣчную собственность извѣстные, смотря по занимаемому ими положенію, болѣе или менѣе значительные надѣлы; затѣмъ индусы были признаны также собственниками, необязанными платить за занимаемыя ими земли никому другому, кромѣ правительства. Насколько эта важнѣйшая реформа оказала выгодныя послѣдствія на индусовъ, настолько же она послужила къ окончательному разоренію мусульманской аристократіи. Непривыкшіе къ труду, изнѣженные развратомъ и жившіе въ роскоши и нѣгѣ, мусульмане, не будучи совершенно къ тому подготовлены воспитаніемъ, оказались вполнѣ неспособными къ поддержкѣ своего благосостоянія собственною работою и скоро стали дѣлать огромные шаги по пути разоренія. Въ настоящее время они страшно упрекаютъ въ этомъ англичанъ, но всякій согласится, что упрекъ этотъ совершенно неоснователенъ, и пойметъ, что никакое образованное государство въ мірѣ не рѣшилось бы терпѣть систему налоговъ, обогащающую нѣсколькихъ людей и угнетающую массу трудолюбиваго населенія. Но мусульмане не хотятъ этого понять и видятъ въ дѣйствіяхъ правительства только свое разореніе и утрату преимуществъ, добытыхъ ими когда-то силою меча.

Занятіе высшихъ и низшихъ юридическихъ и гражданскихъ должностей составляло не менѣе важный источникъ благосостоянія мусульманской аристократіи. Вначалѣ, должности эти были исключительною монополіею ихъ расы, и даже довольно долго при англійскомъ правительствѣ они сохраняли преимущество засѣдать съ правомъ голоса въ англійскихъ судахъ; но впослѣдствіи, при постепенномъ изгнаніи изъ судопроизводства закона Магомета, вмѣстѣ съ нимъ стали удаляться и они, а должности ихъ

Digitized by Google

замѣщаться индусами. Въ гражданской администраціи случилось то же самое: мѣста занимаемыя прежде мусульманами стали предпочтительно отдаваться индусамъ, такъ что если взглянуть теперь на оффиціальный списокъ должностныхъ лицъ Бенгаліи, гдѣ, какъ извѣстно, преобладаетъ магометанское населеніе, то окажется, что изъ 2111 чиновниковъ—1338 англичане, 681 индусы и только 92 мусульмане, и тѣ между прочимъ занимаютъ самыя ничтожныя мѣста. Сто лѣтъ тому назадъ, мусульмане занимали всѣ важнѣйшія должности въ государствѣ, и индусы съ благодарностью принимали второстепенныя мѣста, которыя тѣ имъ предоставляли, а англичане имѣли единственными представителями коммерческихъ факторовъ или дѣлопроизводителей въ магометанскихъ же конторахъ.

Въ настоящее время все измѣнилось до такой степени, что въ нѣкоторыхъ управленіяхъ съ трудомъ можно даже найти человѣка, который былъ бы въ состояніи прочесть что-нибудь на языкѣ бывшихъ властителей страны, и единственныя должности, на которыя имъ еще можно претендовать въ гражданской администраціи, не превышаютъ положенія привратника, разсыльнаго или сторожа. Такое систематическое удаленіе мусульманъ отъ всякой коронной службы, истекающая изъ этого невозможность для ихъ высшихъ классовъ сохранить свое значеніе въ краѣ и посредствомъ занятія административныхъ должностей имѣть хотя небольшое вліяніе на ходъ управленія родиною, возбуждаютъ между ними страшнѣйшее неудовольствіе противъ британскаго правительства, и въ этомъ они совершенно правы. У нихъ нѣтъ никакой будущности, и понятно, что вѣрно оцѣнивая свое положеніе, они кричатъ противъ системы угнетающей ихъ и низводящей до окончательной нравственной гибели.

Digitized by Google

XIII.

Спрашивается, кто же въ этомъ виноватъ? Быть можетъ, индусы всегда были лучше одарены природою, чѣмъ мусульмане, и требовали только поприща для того, чтобы примѣнить свои способности? Или, быть можетъ, мусульмане имѣютъ столь много средствъ къ существованію внѣ дѣятельности оффиціальной жизни, что, будучи заняты своими собственными дѣлами, равнодушны къ государственнымъ должностямъ и предоставляютъ ихъ индусамъ? Но при знаніи обстоятельствъ къ такого рода заключеніямъ придти невозможно. Индусы несомнѣнно народъ съ дарованіями, но признать за ними такого рода способности, которыя давали бы имъ право на исключительное занятіе всѣхъ должностей въ администраціи, положительно несправедливо и совершенно противорѣчило бы ихъ прошлому. Выше было замѣчено, что мусульмане, вслѣдствіе недостатка воспитанія, не въ состояніи съ успѣхомъ заниматься сельскими дѣлами; то же самое можно замѣтить и относительно другихъ занятій, такъ что всѣ выгоднѣйшія профессіи, какъ-то медицинская, адвокатская и другія перешли въ руки индусовъ и почти совершенно у нихъ отняты. Слѣдовательно, должна же быть какая-нибудь причина, которая довела мусульманъ до того, что лишила ихъ всякой дѣятельности какъ въ государственной администраціи, такъ равно и въ частной жизни. Извѣстно, что когда страна перешла во власть Англіи, то они составляли тамъ высшую породу людей, и не только по отважности или бывшей славѣ ихъ оружія, но и по тѣмъ административнымъ талантамъ и развитію наукъ, которые отличали ихъ отъ другихъ жителей Индіи. Безпристрастная справедливость заставитъ каждаго близко ихъ знающаго сказать, что они далеко не лишены интеллектуальныхъ способностей; лѣнь, въ которой ихъ упрекаютъ, также не есть принадлежность ихъ характера и, кромѣ того, честолюбіе и постоянно угнетающая ихъ бѣдность принуждаютъ ихъ искать дѣятельности и занятій, могущихъ улучшить ихъ положеніе.

Правительство покрыло всю Бенгалію школами, и что школы эти вѣроятно хороши, можно заключить изъ того, что ежегодно изъ нихъ выходятъ развитые и хорошо приготовленные индусы, съ успѣхомъ продолжающіе потомъ свое образованіе въ университетахъ и впослѣдствіи завладѣвающіе всѣми путями, ведущими къ почестямъ и богатству. А между тѣмъ, вліяніе этихъ же са-

Digitized by Google

мыхъ школъ на мусульманъ совершенно другое, и они не только не служатъ къ развитію между ними образованія, но напротивъ того, скорѣе закрываютъ имъ всякій доступъ къ какой бы то ни было карьерѣ. Слѣдовательно, во внимательномъ разборѣ вопроса о воспитаніи должно заключаться объясненіе того факта, что мусульмане удалены почти отъ всякаго рода дѣятельности и какъ будто приговорены погибнуть въ тунеядствѣ и нищетѣ.

Дѣло въ томъ, что система общественнаго образованія, введенная англичанами, пробудившая порабощенныхъ индусовъ отъ вѣкового сна и возбудившая въ ихъ неподвижныхъ массахъ благородныя побужденія, ненавистна мусульманамъ, нисколько не соотвѣтствуетъ ихъ требованіямъ и совершенно противоположна какъ ихъ традиціямъ, такъ и ихъ религіи.

Подъ мусульманскимъ владычествомъ индусы покорялись своей судьбѣ точно также покорно, какъ они это дѣлаютъ и теперь. Въ прежнее время для службы требовалось знаніе персидскаго языка, въ настоящее время необходимъ англійскій, и индусы смиренно изучали тогда точно также, какъ они это дѣлаютъ и теперь, нарѣчіе одинаково для нихъ чуждое, но необходимое, какъ средство для достиженія извѣстнаго рода цѣлей.

Мусульмане находятся въ совершенно другомъ положеніи. До водворенія англійской власти, они составляли не только политическую, но и интеллектуальную силу Индіи. У нихъ существовала своя собственная система воспитанія, которая, быть можетъ, была хуже введенной теперь, но, тѣмъ не менѣе, несравненно выше всѣхъ извѣстныхъ въ то время въ Азіи, содѣйствовавшая имъ въ развитіи между ихъ молодежью какъ умственныхъ, такъ и физическихъ способностей и въ приготовленіи тѣхъ дѣятелей, которыми страна тогда изобиловала. Въ теченіе первыхъ 75-ти лѣтъ британскаго владычества, мусульманскія школы сохранялись въ неизмѣнномъ видѣ, англичане имъ покровительствовали и были того мнѣнія, что окончаніе въ нихъ образованія было необходимо для тѣхъ, которые посвящаютъ себя въ будущемъ для государственной службы. Но со введеніемъ школъ, устроенныхъ по англійскому образцу, и какъ только школамъ этимъ удалось подготовить новое поколѣніе людей, старая мусульманская система воспитанія была отброшена, и результатомъ этого вышло то, что всякій доступъ мусульманамъ къ какой бы то ни было общественной дѣятельности оказался вдругъ прекращеннымъ. Конечно, будь мусульмане дальновиднѣе, они должны были бы признать силу совершившагося факта и примѣниться къ своему новому положенію, но они этого не сдѣлали, и оно отчасти понятно — почему.

Digitized by Google

Воспоминаніе ихъ могущества было еще такъ свѣжо, что они не были въ состояніи смиренно покориться судьбѣ и забыть свои старыя традиціи. Система воспитанія, введенная англичанами, была ими отвергнута съ негодованіемъ, главнѣйшимъ образомъ потому, что она не представляла имъ никакихъ преимуществъ надъ индусами, надъ которыми они такъ долго властвовали, ненавидѣли какъ идолопоклонниковъ и презирали какъ порабощенную и низшую расу. Религія поддерживала народное предубѣжденіе противъ нововведенія, и долго вопросъ о возможности магометанскому мальчику, безъ опасенія погубить свою душу, посѣщать общественную школу, оставался нерѣшеннымъ. Если бы англичане ввели свою систему воспитанія и проводили ее черезъ посредство англійскихъ учителей, то мусульмане далеко не сдѣлали бы изъ этого вопросъ религіи, ибо хотя они и не любятъ христіанъ, но не презираютъ ихъ до такой степени, какъ индусовъ, и видятъ въ ученіи Христа удалившуюся отъ истины и еретическую религію, но все-таки боговдохновенную. Но несчастіе состояло въ томъ, что правительство ввело въ общественныя школы англійскій и индустанскій языки, а мѣста учителей замѣстило индусами, такъ что мусульмане этотъ промахъ объяснили распространеніемъ язычества черезъ посредство ненавистныхъ имъ язычниковъ.

Три чрезвычайно важныя обстоятельства служатъ препятствіемъ къ распространенію образованія между мусульманами, при помощи общественныхъ и сельскихъ школъ. Первое, какъ уже сказано, индусы-учителя и индустанскій языкъ; второе то, что ни одна изъ этихъ школъ не учитъ языкамъ, необходимымъ мусульманамъ какъ въ общественной жизни, такъ и для совершенія ихъ религіозныхъ обрядовъ; такъ, напримѣръ, арабскій или персидскій, безъ знанія которыхъ правовѣрные не могутъ даже молиться, тамъ совершенно не проходятся; и въ-третьихъ, школы эти чисто свѣтскія, реальныя, оставляютъ всякое религіозное образованіе въ сторонѣ и, слѣдовательно, не даютъ ни малѣйшаго понятія ни о коранѣ, ни о другихъ священныхъ книгахъ.

Англичане никогда не хотѣли обратить должнаго вниманія на школы и устроить ихъ на такихъ началахъ, чтобы получаемое въ нихъ воспитаніе могло быть примѣнимо и одинаково полезно какъ мусульманамъ, такъ и индусамъ. Въ отдаленіи мусульманъ отъ источника даруемаго имъ просвѣщенія, они видѣли только упорство и суевѣріе закоренѣлыхъ изувѣровъ, но не понимали, что у магометанъ вѣра фанатическая и страшно требовательная составляетъ всю основу жизни, и что всякая система

Digitized by Google

воспитанія, не соединяющая религіозное и свѣтское образованіе вмѣстѣ, никогда у нихъ не примѣнится и всегда имъ будетъ ненавистна. А такъ какъ съ этимъ нельзя не согласиться, ибо это есть неоспоримый фактъ, то послѣ этого понятно, что мусульмане страшно нападаютъ на англичанъ и обвиняютъ ихъ въ обращеніи вносимыхъ ими на воспитаніе дѣтей денегъ исключительно на пользу однихъ только индусовъ. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе чувствителенъ, что правительство, введя систему образованія, несоотвѣтствующую потребностямъ мусульманъ и развивая и поддерживая ее на счетъ доходовъ, собираемыхъ для этой цѣли со всѣхъ жителей Индіи безразлично, кромѣ того еще лишило мусульманъ и тѣхъ капиталовъ и земель, которые издавна существовали у нихъ, какъ фонды для поддержки ихъ собственныхъ старыхъ школъ. Въ прежнее время въ Бенгаліи всякая значительная фамилія содержала на свой счетъ въ центрѣ своихъ помѣстій учебное заведеніе, въ которомъ какъ ея дѣти, такъ и дѣти бѣдныхъ сосѣдей получали даровое воспитаніе. Съ утратою значенія и богатства мусульманской аристократіи, школы такія сократились въ числѣ, а остающіяся, за неимѣніемъ надлежащихъ средствъ къ существованію, стали приходить въ весьма быстрый упадокъ, такъ что этотъ способъ воспитанія дѣтей скоро совершенно прекратился. Но утрата этихъ учебныхъ заведеній хотя и была чувствительна для мусульманъ, все-таки еще не лишила ихъ всякихъ средствъ для воспитанія дѣтей, у нихъ оставались другія школы, точно также хорошія и дававшія тоже даровое воспитаніе. Съ незапамятныхъ временъ существовалъ обычай жертвовать капиталы и земли для постройки и содержанія мечетей и школъ; обычай этотъ былъ такъ вкорененъ, что почти всѣ великолѣпныя постройки въ краѣ обязаны ему своимъ происхожденіемъ. По убѣжденію магометанъ, порочная жизнь и цѣлый рядъ преступленій вполнѣ искупаются предсмертнымъ пожертвованіемъ такого рода, и на этомъ основаніи всякій правовѣрный, имѣвшій возможность распорядиться чѣмъ бы то ни было, считалъ для себя непремѣнно обязательнымъ это сдѣлать. Мусульмане, какъ покорители и распорядители страны, нисколько не стѣснялись въ раздачѣ такимъ образомъ земель, которыя въ сущности принадлежали имъ, или, лучше сказать, захватывались ими только по праву сильнаго, а не на основаніи какого-нибудь документа, и, конечно, злоупотребляли своею властью. Когда Индія перешла въ вѣдѣніе англичанъ и лѣтъ 50 спустя былъ поднятъ поземельный вопросъ, то оказалось, что четверть всѣхъ земель, принадлежащихъ госу-

Digitized by Google

царству, находилась въ рукахъ мусульманъ. Англичане нашли это невыгоднымъ, и съ 1772 по 1828 годъ производили тщательныя разслѣдованія этого дѣла, но долго колебались и не рѣшались на какія-нибудь крутыя мѣры, пока, наконецъ, достаточно окрѣпши, не пришли къ тому заключенію, что земли эти слѣдуетъ возвратить коронѣ, и дѣйствительно, начиная съ 1828 г. по 1836 годъ, мѣра эта постепенно приводилась въ исполненіе. Послѣдствіемъ этого была страшная паника, и всякій мусульманинъ сталъ дрожать за то, что́ онъ считалъ своею собственностью; сотни аристократическихъ семействъ были въ конецъ разорены, а школы, только и существовавшія вслѣдствіе владѣнія такими незаконно пожертвованными имъ землями, черезъ отнятіе ихъ получили смертельный ударъ.

Съ точки зрѣнія юридической, владѣніе чужою собственностью есть насильственный захватъ, но съ другой стороны, давность этого владѣнія должна была бы быть принята въ соображеніе, тѣмъ болѣе, что самые законы Индіи и въ особенности положеніе мусульманъ въ краѣ, могли достаточно извинить послѣднихъ какъ въ этомъ захватѣ, такъ равно и въ неимѣніи документовъ на право владѣнія. Но англичане были въ этомъ случаѣ безжалостны и, конечно, дѣйствія ихъ тогда не мало содѣйствовали къ развитію той глубочайшей ненависти, которую питаютъ къ нимъ разоренные мусульмане, лишенные черезъ это однимъ разомъ и состоянія, и школъ для воспитанія дѣтей.

Отнятіе незаконно занимаемыхъ земель можетъ еще быть юридически объяснено, но присвоеніе нѣкоторыхъ капиталовъ, неоспоримо принадлежащихъ мусульманамъ, со стороны англичанъ дѣйствительно непростительно и вызываетъ противъ нихъ между послѣдователями пророка сильнѣйшія негодованія. Мусульмане доказываютъ, что если бы британское правительство не злоупотребляло властью и не обращало пожертвованныя съ извѣстною цѣлью деньги на предметы, конечно не имѣвшіеся въ виду жертвователями, то въ настоящее время они имѣли бы превосходнѣйшія учебныя заведенія въ Бенгаліи и конечно не были бы доведены до того печальнаго положенія, въ которомъ находятся теперь.

Въ 1806 году умеръ одинъ богатѣйшій мусульманинъ и оставилъ огромное состояніе на благотворительныя учрежденія, между которыми первое мѣсто должна была занять обширная коллегія для дарового воспитанія бѣдныхъ дѣтей магометанской вѣры. Между исполнителями его завѣщанія вышли недоразумѣнія, тя-

Digitized by Google

нувшіяся до 1810 года и превратившіяся наконецъ въ судебное дѣло. Правительство, чтобы его прекратить, взяло имѣніе въ опеку и приняло на себя исполненіе завѣщанія умершаго богача, но вмѣсто того чтобы, согласно его волѣ, устроить мусульманскую школу, обратило оставленныя имъ деньги на учрежденіе англійской коллегіи, то-есть высшаго христіанскаго учебнаго заведенія, куда мусульмане, вслѣдствіе различныхъ вышеописанныхъ причинъ, почти не поступаютъ. Училище это, одно изъ лучшихъ въ Индіи, существуетъ и теперь исключительно на проценты съ капитала, оставленнаго названнымъ мусульманиномъ, даетъ отличное воспитаніе молодымъ англичанамъ и индусамъ, вполнѣ раціональное и практическое, но не учитъ ни арабскому, ни персидскому языкамъ и не жертвуетъ даже ни одной минуты въ годъ для преподаванія религіи пророка [1]). И такихъ примѣровъ весьма много, такъ что понятно послѣ этого, что мусульмане правы, обвиняя правительство въ похищеніи принадлежащихъ имъ капиталовъ, и конечно никогда не простятъ дѣйствія, которыя они считаютъ за верхъ злоупотребленія силы.

Но этимъ далеко еще не кончаются всѣ причины существующаго неудовольствія на настоящихъ властителей страны.

Жалуясь на то, что англичане отняли у нихъ всякія средства къ честному существованію, мусульмане обвиняютъ ихъ еще и въ покушеніи погубить души ихъ и лишить блаженства въ будущей жизни. Всѣ религіи допускаютъ извѣстное число праздниковъ, то-есть особенные дни, предназначенные для совершенія духовныхъ обязанностей. Магометане, какъ и всѣ другіе, съ тѣмъ же чувствомъ любви относятся къ своимъ торжественнымъ днямъ, и быть можетъ гораздо болѣе прочихъ дорожатъ исполненіемъ обрядовъ, требуемыхъ отъ нихъ кораномъ. Въ большей части Индіи англичане уважали это чувство, но въ нижней Бенгаліи магометане въ послѣднее время такъ были упущены изъ вида, что религіозныя ихъ потребности и обычаи были постепенно забыты, а праздники наконецъ совершенно уничтожены. Въ прошломъ году, общество мусульманскихъ адвокатовъ обратилось къ правительству съ прошеніемъ по этому предмету и указывало на то, что число праздничныхъ дней, допускаемыхъ закономъ, достигаетъ

---

[1]) Правительство, вслѣдствіе жалобъ мусульманъ, устроило для удовлетворенія ихъ при коллегіи небольшую отдѣльную школу, въ которой преподаются арабскій и персидскій языки, а также и законъ пророка. Но уступка эта нисколько не успокоила мусульманъ, ибо капиталъ, оставленный на коллегію, приноситъ 5250 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, и англичане, удерживая на свое заведеніе 5000 фунтовъ, только остальные отдаютъ на содержаніе мусульманскаго отдѣленія.

Digitized by Google

ежегодно у христіанъ до 62-хъ, а у индусовъ до 52-хъ. Мусульманамъ же между тѣмъ даровано всего 11 дней въ году тогда, когда прежде правительство признавало ихъ 21. Все, что общество осмѣливалось просить, это то, чтобы правительство по крайней мѣрѣ не убавляло тотъ минимумъ праздниковъ, которые имъ оставлены были теперь. Прошеніе это вызвано было указомъ, постановляющимъ, чтобы мусульманскіе праздники, допускаемые въ судахъ, не превосходили числомъ и были тѣ же самые, какіе допущены въ другихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Но дѣло въ томъ, что въ другихъ государственныхъ учрежденіяхъ не признаются вовсе никакіе мусульманскіе праздники, а просто начальнику каждаго управленія даровано право, служащаго у него магометанина увольнять отъ занятія по службѣ для совершенія его религіозныхъ обязанностей, но съ тѣмъ чтобы отпуски эти не превосходили 12-ти дней въ году; работа же въ это время не прекращается, и управленія остаются открытыми. Мусульманскіе адвокаты доказывали, что подобная система не можетъ быть примѣнена къ судамъ, ибо если во время магометанскихъ праздниковъ они будутъ открыты и въ нихъ будутъ разбираться дѣла, касающіяся мусульманъ, безъ участія ихъ адвокатовъ, только на томъ основаніи, что одна изъ тяжущихся сторонъ можетъ принадлежать націи, непризнающей мусульманскихъ торжественныхъ дней, то всякая справедливость этимъ будетъ нарушена, и судъ рискуетъ быть совершенно пристрастнымъ. Однимъ словомъ, указъ этотъ вопреки обычая, существовавшаго 72 года, уничтожалъ совершенно мусульманскіе торжественные праздники и обращалъ дни, назначенные для удовлетворенія религіозныхъ требованій и передъ этимъ признаваемые закономъ, просто въ обыкновенныя отлучки, зависящія отъ произвола начальника [1]).

Остается разсмотрѣть еще одно весьма важное обвиненіе, взводимое на британское правительство. Мусульмане жалуются, что англичане не только удалили ихъ отъ всякаго участія въ юридической дѣятельности, но еще лишили ихъ казіевъ, необходимыхъ имъ въ частной жизни, а также и для исполненія духовныхъ требъ. При магометанскомъ правительствѣ и весьма долго при англійскомъ, казіи соединяли въ себѣ все судопроизводство по уголовнымъ, гражданскимъ и духовнымъ дѣламъ. Первые

[1]) Впрочемъ, въ настоящее время, по распоряженію лондонскаго кабинета, указъ этотъ отмѣненъ, такъ что теперь мусульмане пользуются нѣсколькими праздничными днями въ году, но все-таки не въ томъ количествѣ, какъ они этого желали и какъ требуетъ это ихъ законъ.

Digitized by Google

судебные уставы, писанные англичанами для Индіи, вполнѣ признавали важность ихъ значенія, и до сихъ поръ еще сохранился въ сводѣ законовъ длинный рядъ указаній, относящихся до ихъ обязанностей. Вообще казіи до такой степени необходимы для внутренней жизни мусульманъ, что муллы и ученые, рѣшавшіе вопросъ о священной войнѣ, признали, что Индія останется страной ислама (Dár-ul-Islam) до тѣхъ поръ, пока сохранятся въ ней казіи, и наоборотъ, превратится въ страну непріятеля (Dàr-ul-Harb), съ того времени, когда должность эта перестанетъ существовать. Къ сожалѣнію, близкое знакомство съ магометанскими народными чувствами пріобрѣтено англичанами весьма недавно и то только вслѣдствіе тѣхъ кровавыхъ изъявленій неудовольствія, которыя въ послѣднее время такъ часто нарушали спокойствіе страны. Въ 1863 году, одинъ изъ правителей провинцій возбудилъ вопросъ о возможности упраздненія должности казія, и правительство послѣ нѣкоторыхъ колебаній, несмотря на сильнѣйшій протестъ со стороны бомбейскаго начальства, одобрило этотъ проектъ и издало указъ о приведеніи его въ исполненіе, такъ что въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ большая и постоянно увеличивающаяся часть мусульманскаго населенія была лишена лица, необходимаго для совершенія брачныхъ и другихъ не менѣе важныхъ обрядовъ и духовныхъ церемоній. Съ самаго начала, упраздненіе казіевъ еще не было такъ чувствительно, ибо занимавшіе эти должности оставлены были на мѣстахъ до выбытія ихъ черезъ смерть или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, но такъ какъ новыхъ назначеній рѣшено было болѣе не дѣлать и вакантныя мѣста впредь болѣе не замѣщать, то вскорѣ бо́льшая часть общинъ очутилась безъ казіевъ. Главныя обязанности казіевъ состояли въ утвержденіи духовныхъ завѣщаній, совершеніи браковъ и исполненіи нѣкоторыхъ чисто религіозныхъ обрядовъ. Упраздненіе этой должности имѣло первымъ послѣдствіемъ наводненіе судовъ всевозможными бракоразводными дѣлами въ такомъ количествѣ и столь запутанными, что самые образованные и дѣятельные судьи постоянно были затрудняемы въ справедливомъ ихъ рѣшеніи. Всѣ жалобы на невѣрность женъ обыкновенно не могли быть разрѣшаемы, по главнѣйшему затрудненію доказать не невѣрность, а дѣйствительность самаго брака и, слѣдовательно, правъ мужа. Похищеніе невѣстъ ставило судей въ такое же затрудненіе, ибо невозможно было доказать, съ какою цѣлью совершился увозъ, съ цѣлью ли добыть себѣ жену, или наложницу; первое по магометанскимъ обычаямъ допускаемо, а второе непростительно. Затрудненія, встрѣчаемыя при доказатель-

Digitized by Google

ствѣ законности брака еще болѣе усложняли дѣла о наслѣдствахъ и подавали поводъ къ тяжбамъ и страшнѣйшимъ злоупотребленіямъ. Едва ли можно допустить, чтобы магометанская жизнь могла сложиться по правиламъ ихъ вѣры тамъ, гдѣ не существуетъ настоящаго законнаго казія. Не только иные обряды требуютъ его утвержденія, но постоянно возникаютъ такіе мелкіе религіозные вопросы, которые могутъ быть разрѣшены только черезъ его посредство. Если въ общинѣ не существуетъ подобное лицо, заинтересованное въ сохраненіи порядка, то этимъ самымъ уже дается большой просторъ дѣйствіямъ людей злонамѣренныхъ, и это такъ справедливо, что теперь доказано и не подлежитъ никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что успѣхъ религіознаго движенія ваггабитовъ очень много обязанъ отсутствію казіевъ, то-есть лицъ, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ и могшихъ противодѣйствовать вліянію ихъ ученія. Въ политическомъ отношеніи, англичане сдѣлали громадную ошибку, упустивши изъ вида, что признаніе назначеннаго ими казія служило бы выраженіемъ полнаго признанія со стороны мусульманъ и законности британскаго правительства, ибо въ Индіи лица для занятія этихъ должностей никогда не избирались народомъ, а всегда назначались только тою властью, которую жители признавали за законную и имѣющую на то неоспоримое право. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящее время, вслѣдствіе иниціативы бывшаго вице-короля графа Майо, признавшаго уничтоженіе должности казія одною изъ величайшихъ правительственныхъ ошибокъ, дѣло это вновь поднято, и есть надежда, судя по сочувствію къ нему лондонскаго кабинета, что весьма въ скоромъ времени оно будетъ разрѣшено удовлетворительно.

XIV.

Въ заключеніе скажемъ вмѣстѣ съ докторомъ Гёнтеромъ, что настоящее положеніе англичанъ въ Индіи во всѣхъ отношеніяхъ тяжелое, опасное и непрочное; но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ глубоко убѣжденъ, что все это могло бы измѣниться къ лучшему, если бы англичане, чистосердечно сознавъ всѣ свои ошибки, приняли надлежащія мѣры для ихъ исправленія. Корень всего зла происходитъ съ одной стороны отъ умственнаго застоя и недостатка образованія у мусульманъ, а съ другой—отъ слишкомъ недостаточнаго знанія ихъ исторіи, обычаевъ и религіи со стороны англичанъ. Если бы правительство примѣнило воспитаніе, даваемое

Digitized by Google

мое въ общественныхъ школахъ, къ мусульманскимъ требованіямъ, то нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онѣ посѣщались бы ими и послужили бы, конечно, лучшимъ средствомъ къ примиренію и сближенію всѣхъ національностей. Достаточно одного поколѣнія, чтобы измѣнить положеніе Индіи, и изъ слишкомъ тридцати-милліоннаго населенія сдѣлать если не совершенно преданныхъ, то по крайней мѣрѣ не враждебныхъ подданныхъ.

Общественныя школы должны быть устроены на такихъ началахъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не лишать мусульманъ возможности, черезъ посредство единовѣрцевъ, изучать ихъ вѣру и языки, необходимые какъ для внутренней ихъ жизни, такъ и для совершенія религіозныхъ обрядовъ. Просвѣщеніе сдѣлаетъ, безъ всякаго сомнѣнія, изъ нихъ менѣе слѣпыхъ послѣдователей ислама. Разумное воспитаніе должно имѣть на нихъ такое же вліяніе, какое оно имѣло на индусовъ, которые еще такъ недавно были самые суевѣрные люди въ мірѣ, а теперь стали болѣе или менѣе равнодушны къ религіознымъ вопросамъ и даже склонны къ принятію христіанства. Вѣротерпимость, какъ первое практическое послѣдствіе пріобрѣтеннаго въ школѣ, отличаетъ грядущее поколѣніе послѣдователей Брамы и Будды отъ отжившаго и отживающаго и прекратила, какъ непремѣнно прекратитъ и у мусульманъ, преступленія, возстанія и кровавые ужасы, совершавшіеся во имя лживаго ученія фанатической и варварской религіи.

Правительство должно быть сильно, ибо безъ этого оно не можетъ быть уважаемо, но не на штыки и страхъ преслѣдованій и казней должна упираться эта сила, а на тѣхъ чувствахъ любви и довѣрія, которыя должны питать къ нему его подданные. На этомъ основаніи, англичане обязаны вникнуть во всѣ причины, возстановляющія противъ нихъ мусульманъ, и не только удовлетворить ихъ справедливымъ требованіямъ, но лишить ихъ и въ будущемъ необходимости желать перемѣны правительства, или, какъ они теперь говорятъ, низверженія угнетающаго ихъ ненавистнаго ига.

Сознаться въ ошибкѣ не стыдно, но поддерживать ее, вопреки истины и справедливости, непростительно, а въ политикѣ— въ высшей степени опасно: такого рода упорства кончаются обыкновенно кровавыми развязками.

Въ настоящее время правительство имѣетъ трудную задачу въ Индіи, и много осторожности и такта нужно, чтобы вернуть сочувствіе мусульманскаго населенія. Кромѣ общаго неудовольствія, пустившаго глубокіе корни въ народонаселеніи, присоединилось еще, для усложненія дѣла, религіозное движеніе, грозящее разру-

Digitized by Google

шить и безъ того уже не слишкомъ прочное зданіе. Силою остановить его и побѣдить невозможно: слово побѣждается словомъ, а не мечемъ, и притомъ смерть за вѣру, во всѣ вѣка, всегда очищала въ глазахъ современниковъ даже самую порочную жизнь. «Правительство должно это помнить—заключаетъ Гёнтеръ и рекомендуетъ англичанамъ постоянно имѣть въ виду фактъ изъ своей, христіанской исторіи: Георгій Каппадокійскій, говоритъ онъ, сперва ведшій порочную жизнь презрѣннаго паразита, потомъ бывшій неисправнымъ и недобросовѣстнымъ поставщикомъ мяса на римскія войска и, наконецъ, порочнымъ священникомъ, черезъ насильственную смерть за вѣру получилъ вѣнецъ святости и преобразился въ Георгія, чтимаго и поклоняемаго теперь всею Англіею.» Справедливость, вниманіе къ нуждамъ народа и просвѣщеніе, сдѣлаютъ больше, чѣмъ мечъ и эшафотъ, а такъ какъ настоящее правительство, какъ кажется автору, это поняло, то онъ и выражаетъ надежду, что положеніе дѣлъ въ Индіи измѣнится, и мусульмане, изъ собственныхъ же выгодъ, впослѣдствіи станутъ спокойно переносить владычество могущественной Англіи.

Гр. П. Кутайсовъ.

Лондонъ, 17/29-го января 1873 г.

Digitized by Google

ОПЫТЪ ПОСТРОЕНІЯ СОЦІОЛОГІИ

А. Стронинъ, его „Методъ“ и „Политика“.

I.

«Новаторство есть открытіе новаго инстинкта или мнѣнія, оно есть то же, что въ физіологіи зачатіе, рожденіе. Характеристическая особенность его заключается въ томъ, что оно непремѣнно сопряжено со страданіемъ. Мѣра и степень этого страданія могутъ быть безконечно различны, отъ смертной казни онѣ могутъ ниспадать до простого непониманія новатора, какъ, напримѣръ, случилось это съ Шекспиромъ, Ньютономъ или, въ наши времена, съ О. Контомъ, но такъ какъ самосохраненіе (общества) навсегда останется самосохраненіемъ, то оно всегда будетъ противопоставлять препятствія и всякому будущему новаторству, а препятствія эти всегда будутъ отзываться страданіемъ на личностяхъ новаторовъ, каковы бы ни были его относительныя формы».

Въ этихъ отрывкахъ, извлеченныхъ нами изъ новой книги г. Стронина [1]), авторъ имѣлъ прежде всего въ виду великаго, названнаго имъ человѣка, котораго имя только теперь пріобрѣтаетъ заслуженное признаніе и извѣстность, когда давно уже истлѣли его кости. Отношеніе г. Стронина къ Огюсту Конту, перваго и лучшаго періода его дѣятельности, заканчивающагося

[1]) „Политика, какъ Наука“. Спб. 1872, стр. 228—233.

Digitized by Google

1842 годомъ, т.-е. изданіемъ послѣдняго тома «Курса положительной философіи», есть прежде всего отношеніе ученика къ учителю, у котораго ученикъ зажигаетъ свой свѣточъ, заимствуетъ исходную точку своего міросозерцанія.—«О. Контъ, по словамъ предисловія къ «Политикѣ» (стр. 7) есть зодчій, положившій вѣчный и незыблемый фундаментъ обществовѣдѣнію; онъ такой Аристотель обществознанія, какимъ первый былъ для естествознанія». Какъ приготовленіе къ «Политикѣ», г. Стронинъ совѣтуетъ прежде всего читателю прочесть и усвоить себѣ 50-ю лекцію «Курса положительной философіи», какъ несомнѣнное достояніе политической науки. Но, изображая невыгоды новаторства, г. Стронинъ, по всей вѣроятности, относилъ мысленно эти невыгоды и къ самому себѣ. Хотя онъ позитивистъ и контистъ, но въ контизмѣ онъ новаторъ, безконечно отличный отъ тѣхъ приверженцевъ О. Конта, которые съ сектаторскою нетерпимостью, остановившись на «Курсѣ положительной философіи», отвергаютъ все то, что не согласуется съ этимъ евангеліемъ, и которые заявляютъ себя едва-ли не единственными хранителями настоящаго Контова ученія. У Конта, какъ извѣстно, начерченъ только планъ будущей науки соціологіи, доказаны ея необходимость и преподаны нѣкоторыя наставленія, какъ ее созидать. Г. Стронинъ задался мыслью науку эту строить по частямъ; онъ убѣжденъ, что мы засидѣлись слишкомъ долго на сыромъ матеріалѣ, что въ настоящее время пора не только выдѣлывать и обжигать кирпичи, но и выводить стѣны, выводить общіе законы для науки, вмѣсто того, чтобы подбирать одни наблюденія, да факты. Такъ какъ г. Стронинъ питаетъ величайшее неуваженіе къ такъ-называемой академической наукѣ; такъ какъ онъ не обращаетъ никакого вниманія на способъ и порядокъ, по которымъ распредѣлено въ настоящее время обширное поле знанія, между отдѣльными спеціальностями; такъ какъ для него, какъ будто бы вовсе не существуютъ тѣ заборы, которыми каждая спеціальность обнесла свой участокъ, то очевидно, что идеи г. Стронина не могутъ и разсчитывать на скорый и радушный пріемъ, тѣмъ болѣе, что онѣ настолько же парадоксальны, насколько оригинальны. Г. Стронинъ имѣетъ отвращеніе къ общепринятымъ пріемамъ и протореннымъ путямъ; онъ, какъ піонеръ, врубается въ неизвѣданную чащу лѣса, отыскивая новыя точки зрѣнія; онъ не отступаетъ ни предъ какими выводами, вытекающими изъ предвзятыхъ посылокъ, какъ бы странны ни казались эти выводы,—а выводы иногда дѣйствительно странны и дики, такъ что небольшого труда стóитъ представить ихъ въ забавномъ видѣ. Въ г. Стронинѣ

Digitized by Google

замѣчательна нетолько оригинальность замысловъ, но и настойчивость, съ которою онъ преслѣдуетъ цѣль и задачу своей жизни: выстройку соціологіи, какъ онъ ее понимаетъ, по частямъ. Въ 1869 году появилась первая его книга: «Исторія и методъ», въ прошедшемъ году издана «Политика, какъ наука», нынѣ, какъ заявлено авторомъ, онъ работаетъ надъ обширнымъ сочиненіемъ, посвященнымъ исторіи, которое будетъ такимъ же продолженіемъ «Политики», какимъ «Политика» была въ отношеніи къ «Методу». Такъ какъ «Политика» есть опытъ приложенія «Метода», то предположивъ изложить критически содержаніе «Политики», мы должны коснуться сначала книги о «Методѣ». Содержаніе этого перваго труда г. Стронина заключается въ слѣдующемъ.

II.

Есть громадная разница между группою наукъ, въ полномъ смыслѣ слова точныхъ, т.-е., математическихъ и естественныхъ, и областью наукъ, которыя можно до сихъ поръ называть неточными, каковы: психологія, обществовѣдѣніе, философія. По одной сторонѣ мы видимъ настоящіе законы, аксіомы, выведенныя изъ безчисленнаго множества методически совершаемыхъ наблюденій, по другой сторонѣ,—сколько головъ, столько теорій, никакой аксіомы, а одно только записываніе и описываніе фактовъ. Правило Конта: *savoir pour prévoir* еще непримѣнимо вовсе, реформы производятся ощупью, царитъ одно вдохновеніе и при отсутствіи знанія обществомъ руководятъ одни инстинкты, которые, какъ извѣстно, бываютъ всякіе, и хорошіе, и дурные, напримѣръ, тѣ, которые заставляютъ общество кидаться попеременно изъ революціи въ реакцію и изъ реакціи въ революцію. Давно пора въ обществовѣдѣніи искать неизмѣнныхъ законовъ, добираться до аксіомъ, въ противномъ случаѣ насъ подавитъ сырой матеріалъ. Спрашивается: какими путями можно дойти до открытія законовъ? Общее мнѣніе приписываетъ нынѣшнее процвѣтаніе естествовѣдѣнія автору книги «Novum Organon», Бэкону, и его индуктивному методу, отъ частностей восходящему къ общимъ понятіямъ и добывающему эти общія понятія посредствомъ самаго постепеннаго, самаго трезваго и осторожнаго отвлеканія. Не всякая наука имѣетъ одинаковые съ другими способы и средства изслѣдованія. Наиболѣе дедуктивная изъ наукъ, математика, началась съ индукціи, посредствомъ которой она добыла свои аксіомы—истины столь очевидныя, что умъ можетъ ихъ повѣрять и убѣ-

Digitized by Google

кдаться въ нихъ ежеминутно внѣшними чувствами. Въ естественныхъ наукахъ познавательныя средства, коими распоряжается индукція, уже менѣе надежны; они состоятъ въ производствѣ физическихъ опытовъ, причемъ наблюдатель воспроизводитъ явленія, уединяетъ ихъ, исключая все несущественное отъ существеннаго, и изощряетъ дѣятельность внѣшнихъ чувствъ искусственными снарядами. Чѣмъ выше будемъ подвигаться по лѣстницѣ наукъ отъ простыхъ, восходя къ сложнѣйшимъ, тѣмъ слабѣе становиться будутъ основанія, по которымъ изъ частностей мы заключаемъ объ общемъ, такъ что на высотѣ общественной исторіи или соціологіи, у насъ въ рукахъ останется только то, что авторъ называетъ *обсерватикою*—наблюденія надъ преходящими явленіями, кои не могутъ повториться. У наблюдателя нѣтъ снаряда ни для приближенія безконечно далекаго (вѣка до-историческіе), ни для увеличенія безконечно малаго и близкаго (настоящая минута). Изолированіе явленій бываетъ въ этой области самое неточное, оно—подобіе настоящаго изолированія и заключается въ томъ, чтобы, изучая какой-либо общественный элементъ, брать его въ томъ именно обществѣ, гдѣ это начáло преобладало въ жизни и положило на ней свое клеймо (методъ Бокля). Индукція есть способъ познанія вѣрный, но медлительный: она движется точно ползкомъ. Ея достоинство въ томъ, что каждое положеніе и обобщеніе можно тотчасъ повѣрить, но ея обобщенія и законы бываютъ только эмпирическіе. Усматривая, что одно существовало всегда въ пространствѣ съ другимъ, или, что одно слѣдовало всегда во времени за другимъ, индукція заключаетъ, что и напередъ такъ будетъ. Такимъ-то образомъ древніе жрецы предсказывали день и часъ затмѣнія свѣтилъ, не зная причинъ его, а можетъ быть предполагая, что каждое предыдущее затмѣніе есть собственно причина всякаго послѣдующаго, пока не былъ открытъ, посредствомъ смѣлой дедукціи, раціональный законъ обращенія планетъ вокругъ солнца, и потомъ еще болѣе коренной законъ тяготѣнія космическихъ тѣлъ, послѣ чего индукція, поступивъ въ помощницы дедукціи, сдѣлалась полезнѣйшимъ средствомъ повѣрки истинъ, предвосхищенныхъ дедукціею. Со времени Бэкона естественныя науки ушли шибко впередъ и изъ индуктивныхъ сдѣлались въ весьма значительной степени дедуктивными, чему онѣ и обязаны блистательнѣйшими своими открытіями, лучшими своими теоріями; когда эти теоріи будутъ повѣрены и превратятся въ аксіомы, естествознаніе уподобится математикѣ и займется, главнымъ образомъ, дѣланіемъ частныхъ выводовъ изъ общихъ истинъ или аксіомъ. Индукція и дедукція столь же не-

Digitized by Google

разрывно связаны другъ съ другомъ, какъ впечатлѣніе и рефлексъ, какъ нервы чувства и нервы движенія, какъ наука и искусство; въ общемъ итогѣ мышленія онѣ всегда въ полнѣйшемъ равновѣсіи, но въ каждомъ періодѣ исторіи мышленія преобладаетъ то одна, то другая. Чѣмъ сильнѣе преобладаетъ одна, тѣмъ съ большею достовѣрностью можно предсказать, что въ слѣдующемъ затѣмъ періодѣ будетъ господствовать другая. Взаимное ихъ содѣйствіе въ образованіи наукъ подлежитъ слѣдующему закону: въ младенчествѣ знанія дедукція почти опережала индукцію, какъ метафизическая философія опережала положительную; дедукція толкала впередъ науку, строя смѣлыя догадки. Самыя смѣлыя и богатыя ипотезы ни къ чему однако не послужатъ, если не будутъ поддержаны индукціею, которая необходима какъ средство повѣрочное, для обработки и претворенія ипотезъ въ аксіомы. Индукція преобладаетъ во второмъ періодѣ наукъ, самомъ производительномъ, но коль скоро дойдетъ она до аксіомъ и утвердится на нихъ, то отношеніе способовъ изслѣдованія мѣняется и наступаетъ дедукція завершенія, тѣмъ отличающаяся отъ дедукціи почина, что эта послѣдняя ставила общіе законы въ видѣ неповѣренныхъ догадокъ, а первая изъ утвердившихся аксіомъ выводитъ нескончаемые вереницы результатовъ. Математика и астрономія давно вступили въ періодъ дедукціи завершенія. Химія, физика, біологія обрѣтаются въ періодѣ индуктивномъ самосильнѣйшаго творчества, склоняются уже однако къ дедукціи завершенія. Наоборотъ, въ соціологіи, по причинѣ наибольшаго осложненія явленій и наибольшей неточности способовъ изслѣдованія, настоящая наука едва зарождается; самое полезное для нея средство въ настоящую минуту заключалось бы въ дедукціи почина, но эта дедукція не можетъ донынѣ развернуть своихъ крыльевъ потому, что замыкаясь въ средѣ данныхъ, исключительно соціологическихъ, она одними этими данными хотѣла пробавляться и довольствоваться. Такія тощія общія понятія и начала, каковы идея прогресса, законы свободы и равенства, максимація счастія и тому подобное, истощены до послѣдней капли во всевозможныхъ философіяхъ исторіи. Обыкновенный пріемъ, употребляемый въ этого рода работахъ, состоялъ въ томъ, что брали какое-нибудь одно человѣческое свойство, отправленіе, явленіе, иногда даже непосредственное чувство, и растягивали его въ безконечность на все прошлое и будущее человѣчества, вслѣдствіе чего въ обществознаніи не только нѣтъ такихъ аксіомъ, какъ въ математикѣ, но даже и такихъ теорій, какими изобилуютъ физика, химія, физіологія,—а кишатъ одни противо-

Digitized by Google

ноложныя мнѣнія, изрекаемыя со всѣмъ увлеченіемъ страстей, затрогиваемыхъ общественными вопросами. Такъ какъ, продолжая вращаться въ этомъ заколдованномъ кругу, мы не дойдемъ никогда ни до какого подобія аксіомы, то для созданія соціологіи необходимо прибѣгнуть къ тому роду дедукціи, который еще не примѣнялся къ обществовѣдѣнію, между тѣмъ какъ онъ-то и обѣщаетъ, по мнѣнію г. Стронина, дать самые богатые результаты. Этотъ родъ дедукціи есть *аналогика;* онъ состоитъ въ перенесеніи въ обществовѣдѣніе готовыхъ законовъ и аксіомъ, признанныхъ въ другихъ областяхъ знанія и въ изслѣдованіи. Не тѣ ли самые законы управляютъ жизнью народовъ, судьбами государствъ, которые проявляются въ движеніяхъ небесныхъ свѣтилъ и въ развитіи каждаго растенія и каждаго животнаго? Съ давнихъ временъ науки дѣлали одна у другой такія заимствованія, которыя всегда давали самые цѣнные результаты, вели къ величайшимъ открытіямъ въ лѣтописяхъ науки. Заимствуемый законъ объяснялъ сразу цѣлые ряды явленій или фактовъ, которыхъ связи ни между собою, ни съ этимъ закономъ никто и не подозрѣвалъ. Такія приложенія законовъ одной науки къ области другой бывали чаще всего дѣломъ вдохновенія, но есть возможность совершать открытія методически и безъ вдохновенія, исходя изъ предположенія, что нѣтъ въ мірѣ явленій, которыя бы не управлялись законами, что законы эти во всѣхъ наукахъ, если не тожественны, то аналогичны, подобны, соотвѣтственны, такъ какъ всѣ науки находятся между собою въ тѣснѣйшемъ родствѣ. Аналогичность законовъ пропорціональна близости родства между науками, близость родства измѣряется мѣстомъ, занимаемымъ каждою наукою въ общей классификаціи ихъ, донынѣ же нѣтъ классификаціи, которая была бы лучше и совершеннѣе Контовой, основанной на старшинствѣ происхожденія и простотѣ содержанія, и состоящей въ томъ, что первою въ ряду наукъ является математика—наука пространства и времени; за нею механика и астрономія—науки движенія; затѣмъ, физика и химія—науки силъ и матеріи; далѣе, біологія—наука жизни органической со своими подраздѣленіями на жизнь растительную и животную; наконецъ, соціологія — наука жизни общественной. Каждая предыдущая наука, будучи обще и проще, входитъ своими законами въ каждую изъ послѣдующихъ. Элементы наукъ математическихъ и естественныхъ, по перенесеніи ихъ въ обществовѣдѣніе, дадутъ начало разнымъ наукамъ соціальнымъ. Г. Стронинъ предлагаетъ цѣлую схему соціальныхъ наукъ, имъ собственно изобрѣтенную, которая по своей сложности, по странности и содержанія своего

Digitized by Google

и терминологіи, едва-ли можетъ кому-либо понравиться, но она-то и важности не имѣетъ никакой. Для насъ интересно собственно знать, не какъ называться будутъ соціальныя науки, но доказалъ ли г. Стронинъ возможность примѣненія и превосходство своего метода выводной аналогики въ области обществовѣдѣнія? Для поясненія этого предмета мы позволимъ себѣ сдѣлать изъ книги «Объ Исторіи и Методѣ» нѣсколько выписокъ и извлеченій (190—301 стр.).

III.

Въ механикѣ сила опредѣляется скоростью движенія помноженною на массу; то же бываетъ и въ жизни общественной. Сотня людей образованныхъ въ уровень съ эпохою, произведетъ дѣйствіе на массу въ десять разъ меньшее, нежели тысяча. Если вся эта сотня скоплена въ одномъ пунктѣ, напр., столицѣ, то она можетъ здѣсь произвести движеніе, котораго не произведетъ и тысяча людей, разсѣянныхъ по всему государству. Въ механикѣ есть законъ сохраненія движенія центра тяжести, по которому центръ тяжести бомбы или гранаты, разорванной на лету, продолжаетъ быть одинъ и тотъ же для всѣхъ осколковъ и движется по той-же параболѣ, по которой двигался до разрыва. Такъ же точно послѣ разрыва французскаго монархизма, всѣ осколки этой бомбы: конвенты, директоріи, консульства продолжали описывать параболу монархизма, продолжали его работу — централизацію. Ежеминутно можно повѣрять въ обществѣ законы тренія и сопротивленія среды; для человѣка такая среда — государство; для государства — человѣчество. Сопротивленіе среды тѣмъ больше, чѣмъ больше поверхность движущагося тѣла, обращенная въ сторону движенія. Неорганизованныя тѣла, двигаясь всею массою, плашмя, развиваются очень трудно и медленно; съ появленіемъ дѣленія на классы, высшій—управляющій, и низшій—управляемый, скорость движенія усиливается, когда значительный, утонченный, хотя еще тупой конецъ аристократіи превращается въ остроконечіе монархіи, вслѣдствіе чего тѣло получаетъ форму конуса, самую удобную для быстраго движенія. Космическая сила тяготѣнія становится въ общественной средѣ общительностью. Влеченіе частей человѣчества къ единенію прямо пропорціонально массамъ притягающихся тѣлъ. Можно доказать почти математически, что оно растетъ пропорціонально квадратамъ разстояній, какъ въ пространствѣ, такъ и во времени. Половину законовъ физики можно бы

Digitized by Google

перенести цѣликомъ въ соціологію, и законъ параллелограмма силъ, и законъ инерціи, и законъ рычага. Машинамъ физики соотвѣтствуютъ учрежденія общественныя въ соціологіи; машина не создаетъ силы, но примѣняетъ ее къ производству извѣстной работы, напримѣръ, къ поднятію тяжести. Чѣмъ длиннѣе плечо рычага, тѣмъ бо́льшую работу можно произвести тою же силою. Въ обществѣ есть, положимъ, извѣстная сила знанія, извѣстный запасъ нравственности, энтузіазма или суевѣрія и порочности. Если мы возьмемъ машину суда и продолжимъ плечо гласности, тогда посредствомъ этого снаряда подѣйствуютъ въ извѣстномъ смыслѣ на общество знаніе, честность и всѣ присущія обществу скрытыя силы, хорошіе инстинкты, которымъ льститъ гласность, которые она вызываетъ наружу. Наоборотъ, негласность суда стала бы плечомъ рычага, на который бы дѣйствовали невѣжество, лицемѣріе, своекорыстіе и всѣ пороки, избѣгающіе свѣта, гласности. Вѣсу и центру тяжести тѣла соотвѣтствуютъ въ обществѣ власть и правительство. Отъ помѣщенія этого центра тяжести вверху или внизу общества, отъ количества точекъ опоры, то-есть, общественнаго сознанія націи, зависитъ устойчивость тѣла, прочность правительствъ или зависимость ихъ отъ преторіанцевъ, отъ заговорщиковъ, отъ черни столичной. Переходъ силъ теплоты въ движеніе и движенія въ теплоту наблюдается и въ обществѣ, напримѣръ, въ отношеніяхъ мысли къ дѣлу, правительственной опеки къ самоуправленію. Всѣ физическія силы сводятся въ концѣ концовъ къ простѣйшей—движенію, такъ точно и всѣ общественныя силы сводятся къ самой простой, мускульной, военной, къ праву сильнѣйшаго, къ праву кулачному, составляющему неизбѣжную подкладку всякаго общественнаго строя, будь онъ плодомъ самой высокой цивилизаціи. Контъ, Г. Спенсеръ, Д. С. Милль заимствовали отъ физики дѣленіе соціологіи на статику и динамику. Даже акустика воспроизводится въ институтѣ цензуры: звукъ теряется на открытомъ воздухѣ, въ безпредѣльномъ пространствѣ, но онъ усиливается въ ограниченномъ со всѣхъ сторонъ, получая резонансъ. Образованіе народовъ въ исторіи подлежитъ всѣмъ законамъ химическихъ соединеній. Въ историческіе народы сплачиваются племена, имѣющія между собое извѣстное химическое сродство, въ извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ паяхъ (во всѣхъ слояхъ или только въ верхнихъ) и при извѣстномъ нагрѣваніи, при довольно высокой температурѣ. Этому нагрѣванію соотвѣтствуетъ, по мнѣнію г. Стронина, знаніе, просвѣщеніе—сравненіе неудачное, сомнительное; успѣхи знанія могутъ порою исправлять функцію масла, вливаемаго въ огонь племенныхъ распрей и

Digitized by Google

усобицъ (напримѣръ, въ нынѣшней Австріи), нисколько не содѣйствуя сліянію племенныхъ элементовъ въ одну историческую націю. Нагрѣваніе, которымъ обусловливается образованіе не только соединенія, но даже простого сплава разнородныхъ элементовъ, происходило большею частью при освобождающихъ скрытый теплородъ великихъ потугахъ, при внезапныхъ и дружныхъ напряженіяхъ воли. Случалось, что въ критическую минуту соединялись въ народѣ партіи для проведенія возрождающей, спасительной реформы; племена братались, забывая рознь для отраженія общей опасности, или дружились для пріобрѣтенія общими усиліями славы и добычи. Еще больше аналогіи существуетъ между всякимъ существомъ органическаго міра, начиная съ гриба и инфузоріи и кончая человѣкомъ, и между обществомъ, та же преемственность формъ, та же наслѣдственность, та же борьба за существованіе, тотъ же естественный подборъ родичей, то же безконечное и вѣчное эксплуатированіе слабѣйшаго сильнѣйшимъ, съ тою только разницею, что эксплуатированіе современемъ перемѣщается и дѣлается тоньше, благороднѣе; сначала властвуетъ аристократія физической силы, потомъ аристократія возраста, породы, потомъ преобладаніе переходитъ къ аристократіи экономической, къ поземельной собственности, капиталу; нынѣ на смѣну капиталу подымается трудъ и въ отдаленномъ будущемъ виднѣются даже будущія формы этой аристократіи психологической: аристократія геніальности, накопленнаго знанія или учености и метода. Въ каждомъ животномъ организмѣ различаются процессы растительные, совершающіеся непрерывно, напримѣръ, процессъ питанія и процессы животные (чувства и движенія) съ перемежающимися періодами дѣятельности и отдыха. Растительный процессъ общества заключается въ жизни его экономической, животный процессъ въ жизни общества интеллектуальной, моральной и политической съ ея очередями акцій и реакцій. Здѣсь намъ приходится разстаться съ авторомъ; мы не намѣрены слѣдовать за нимъ въ область анатоміи человѣческаго тѣла и общества. Каждой части тѣла, каждой почти кости, каждому нерву и мускулу соотвѣтствуютъ, по его словамъ, извѣстные общественные органы такого же числа и состава. Воображеніе окрыляетъ аналогику г. Стронина и увлекаетъ его Богъ-вѣсть куда. Вмѣсто метода, во всякомъ случаѣ рискованнаго, ипотетическаго, является простое остроуміе, игра сравненіями. Авторъ, конечно, можетъ защищаться тѣмъ, что онъ предлагаетъ не аксіомы, а только систематическій рядъ предположеній, которыя индукція можетъ принять или отвергнуть. Индукціи придется работать надъ ними долго, въ концѣ

Digitized by Google

ея работы виднѣется вдали общая цѣль и будущность не одной соціологіи, но и всѣхъ вообще наукъ, даже философіи, которую преждевременно хотѣли похоронить. Эта цѣль представляется приблизительно въ слѣдующемъ видѣ.

Аналогика заставляетъ насъ повѣрять ея коренное положеніе о тождествѣ или подобіи общественныхъ скоропреходящихъ явленій съ явленіями, которыя естествоиспытатель можетъ повторять по произволу. Аналогика пополняетъ въ извѣстной степени общій недостатокъ точности, присущей общественнымъ наукамъ, вводя въ изслѣдованія, совершаемыя помощью одной лишь обсерватики, начало опыта, имѣющее то преимущество, что оно, во-первыхъ, воспроизводитъ по произволу наблюдаемый фактъ, и, во-вторыхъ, уединяетъ его, освобождая отъ всѣхъ несущественныхъ, случайно соединенныхъ съ нимъ элементовъ. Спрашивается: имѣетъ ли соціологія способъ, соотвѣтствующій изолированію? Г. Стронинъ убѣжденъ, что этотъ способъ существуетъ, и что онъ былъ употребляемъ съ успѣхомъ сознательно Боклемъ и безсознательно многими другими. Есть и теперь наука, недавно развѣнчанная и низведенная съ престола, которая служила складочнымъ мѣстомъ соціологическихъ изолированій—это философія. Наслѣдница богословія, антологическая философія, или такъ-называемая метафизика, дѣйствовала всегда такимъ образомъ, что подмѣтивъ въ природѣ внѣшней или душѣ какой-нибудь законъ, начало, явленіе: матерію, силу, духъ, идею, чувство, волю, она возводила это начало въ міровое начало, въ суть всего сущаго. Отсюда эти матеріализмы, спиритуализмы, пантеизмы, атеизмы, которые нынѣ считаются демонетизированными, вслѣдствіе того, что потрясена до основанія вѣра въ какіе бы то ни было абсолюты. Всѣ эти *измы* не что иное, однако, какъ систематическое изолированіе въ области мысли отдѣльныхъ элементовъ дѣйствительности, и представленіе ихъ съ помощью діалектики въ такой полнотѣ и послѣдовательности, съ какими они никогда не существовали въ дѣйствительности, и съ такою притомъ односторонностью, которая ведетъ къ абсурдамъ. Тысяча геніальныхъ умовъ трудились надъ созданіемъ философскихъ системъ, изъ которыхъ ни одна не годится какъ безусловная истина, но всякая полезна, какъ изолированіе извѣстнаго начала. Всѣ философскія системы походятъ на банки, наполненныя спиртомъ въ кунсткамерѣ, въ которыхъ плаваютъ анатомическіе препараты. Когда философія перестанетъ быть изслѣдованіемъ абсолюта, а возьмется за изученіе однихъ вещей скончаемыхъ и условныхъ, когда она откажется отъ притязаній на то, чтобы все знать, и превратится въ одну діалектику, въ

Digitized by Google

искусство дѣлать логическіе препараты, изолировать отдѣльные начала и элементы, когда она будетъ работать съ полнымъ сознаніемъ, что ея предположенія не суть нѣчто дѣйствительное, не суть нѣчто безусловно-истинное, что это такія же отвлеченности и искусственныя подставки, какъ точка и линія въ математикѣ, какъ матерія и сила въ естественныхъ наукахъ, тогда она и поможетъ выстроиться соціологіи, а потомъ, можетъ быть, она и совсѣмъ поглощена будетъ соціологіею. По достиженіи соціологіею совершеннолѣтія, отъ нынѣшней философіи останется немногое: наука о человѣкѣ — *антропософія*, и въ ней собственно только наука о строеніи души — *психологія*, послѣднее звено, котораго недоставало въ классификаціи Конта, конецъ и вѣнецъ организованнаго знанія. Мѣсто психологіи будетъ по необходимости послѣднее, потому что того требуетъ законъ постепенности въ знаніи, законъ перехода отъ болѣе общаго къ болѣе частному, отъ содержащаго къ содержимому, отъ звѣздъ къ землѣ, отъ общества къ отдѣльному человѣку. Въ настоящее время психологія походитъ на космическое туманное пятно, она моложе соціологіи, которая сама въ свою очередь только-что зарождается. Психологія пробавлялась донынѣ либо мелкими средствами личнаго самосознанія, либо метафизическими фантазіями на темы о безусловномъ добрѣ, истинѣ, красотѣ. Группа наукъ психологическихъ только тогда начнетъ, по мнѣнію г. Стронина, развиваться, когда соціологія успѣетъ окрѣпнуть и выработаться, потому что легче изучать вселенную, нежели микрокосмъ души, и легче познавать законы, которыми управляется цѣлое общество, нежели законы жизни и дѣятельности отдѣльнаго человѣка.

Книга г. Стронина о «Методѣ» въ теченіи трехъ лѣтъ отъ ея изданія мало была распространена въ публикѣ, для которой вообще всякая методологія представляется чѣмъ-то сухимъ, непривлекательнымъ, наставленіемъ, какъ производить будущія изслѣдованія, которымъ посвятятъ себя, конечно, немногіе. Притомъ, достоинство методологіи опредѣляется прежде всего тѣмъ, какою окажется она на практикѣ, при примѣненіи къ дѣлу метода. Г. Стронинъ предлагаетъ теперь опытъ примѣненія своего метода къ частицѣ соціологіи—политикѣ. Обойдя растительный процессъ жизни общества, получившій уже свою научную обработку въ политической экономіи, г. Стронинъ изучилъ нервную систему общества, законы общественныхъ впечатлѣній и рефлексовъ, законы настроенія общественнаго въ его причинахъ, проявленіяхъ и послѣдствіяхъ. Проводниками его въ этой области являются Аристотель, О. Контъ и Бокль, котораго г. Стронинъ величаетъ

Digitized by Google

Геродотомъ будущей науки исторіи.—Задача избранная имъ немалая; насколько успѣшно ея разрѣшеніе, о томъ читатель можетъ судить по слѣдующимъ параграфамъ, которые докажутъ, что, въ большинствѣ случаевъ, теорія несравненно легче приложенія ея на практикѣ.

IV.

Слѣдуя Конту, позитивисты дѣлятъ всякую науку объ организмахъ, значитъ и соціологію, на *статику*, излагающую законы равновѣсія, и *динамику*, излагающую законы движенія, иными словами, на науку о строеніи организма и науку о его функціяхъ. Желая въ введеніи къ «Политикѣ» начертить статику общества, дать понятіе о его строеніи, г. Стронинъ видимо увлекся задачею примѣнить во что бы то ни стало математику къ соціологіи. Онъ могъ бы составить анатомическій очеркъ строенія общественнаго на основаніи данныхъ исключительно соціологическихъ, къ чему богатымъ матеріаломъ послужили бы вскрытія историческихъ труповъ и наблюденія надъ живущими теперь общественными группами, но онъ предпочелъ изобразить графически общество въ видѣ геометрическихъ фигуръ, которыя не только на государство, но вообще ни на что въ свѣтѣ непохожи. Общество самаго высшаго порядка или государство можетъ быть представлено въ видѣ конуса. Горизонтальный разрѣзъ этого конуса изображается чертежомъ, въ которомъ малыя клѣточки семьи группируются въ большіе круги—роды, общины, тѣ бо́льшіе круги еще въ бо́льшія—земли, страны; наконецъ, всѣ круги вмѣщаетъ въ себѣ и опоясываетъ наибольшій кругъ—государство. Состоящая изъ мелкихъ клѣточекъ ткань этого поперечнаго разрѣза даетъ наглядное понятіе объ отношеніи селъ, городовъ и столицъ, причемъ большое значеніе имѣетъ положеніе столицы въ центрѣ площади разрѣза или близъ самой окружности. Вертикальный разрѣзъ конуса образуетъ треугольникъ, который можетъ быть разсѣкается двумя линіями, параллельными его основанію, на три яруса или классы: верхній—аристократія, котораго главная примѣта собственность; средній—тимократія, котораго главная примѣта капиталъ, и нижній трудовой ярусъ или демократія. Двѣ наклонныя линіи, проведенныя отъ вершины треугольника къ его основанію, прорѣзываютъ всѣ три главные класса и образуютъ по три части въ каждомъ; а именно, въ господствующемъ верхнемъ: законодательство, судъ и администрацію; въ среднемъ—предводителей въ дѣятельности экономической, арендаторовъ, мануфактуристовъ и

Digitized by Google

банкировъ, и въ нижнемъ, рабочемъ, земледѣльцевъ, ремесленниковъ и торговцевъ. Клѣточки разрѣзаннаго такимъ образомъ на 9 частей треугольника изображаютъ сумму главныхъ членовъ общества, но не самъ его разумъ, не интеллигенцію общественную. Подобно тому, какъ нервная сѣть проникаетъ во всѣ части тѣла, такъ что нервныя нити присущи каждому мускулу, хотя сильнѣйшее сосредоточеніе всей нервной системы имѣетъ мѣсто въ мозгу, общественная интеллигенція проникаетъ насквозь весь общественный конусъ и присуща каждой клѣточкѣ продольнаго и поперечнаго разрѣза, такимъ однако образомъ, что наибольшія массы этой интеллигенціи расположены въ верхнемъ ярусѣ, гдѣ законодательство сплетается съ администраціею и судомъ. Основная мысль этого геометрическаго чертежа дѣтски проста, забавна и даже смѣшна. Она напоминаетъ миѳологическую химеру льва-козла-змѣи, такъ странны сложенные въ ней элементы математическіе съ физіологическими; она указываетъ на то, что авторъ забрелъ въ такія дебри, гдѣ и витаютъ только одни чудовища да не былицы. Собирательный человѣкъ есть предметъ невидимый, отвлеченный; если бы намъ удалось обозрѣть разомъ весь аѳинскій народъ, собравшійся на вѣче, или все населеніе Франціи съ его размѣщеніемъ на территоріи, то эти картины не доставили бы намъ никакого понятія о строеніи государства или народа аѳинскаго или французскаго, какъ не доставили бы намъ никакого понятія объ организаціи общества пчелинаго или муравейнаго всевозможные разрѣзы поперечные и продольные муравейника или улья. Отвлеченный предметъ нельзя срисовать, какъ нельзя изобразить кругомъ, треугольникомъ или иною фигурою добро или любовь. Притомъ, если авторъ задался мыслью живописать общество, какъ организмъ, непосредственно сосѣдствующій съ царствомъ животныхъ и растеній и весьма далеко отстоящій отъ области геометрическихъ фигуръ, то ему бы слѣдовало, при составленіи атласа обществъ, взять за основаніе работъ не геометрическую фигуру, но какое-либо органическое тѣло, напримѣръ, тѣло человѣка съ большимъ мозгомъ и мозжечкомъ, со всѣми парами нервовъ, съ лёгкими, почками и печенью. Будь авторъ немного смѣлѣе и послѣдовательнѣе, онъ бы никакъ не ограничился одними скромными догадками въ припискахъ на стр. 247, 302 и 326 о подобіи формы общества съ формою человѣческаго тѣла, но онъ бы составилъ цѣлый иллюстрированный атласъ въ этомъ родѣ, съ изображеніемъ общественныхъ ногъ, рукъ, печени и лёгкихъ. Ближайшее знакомство со строеніемъ человѣческаго тѣла избавило бы его отъ отождествленія интелли-

Digitized by Google

генціи съ сѣтью нервныхъ волоконъ, расходящихся по тѣлу. Нервы дѣйствительно расходятся по тѣлу и служатъ проводниками ощущеній и движеній, но именно никто не выдавалъ ихъ за органы мышленія,—сіе послѣднее считается функціею мозга. Уподобленіе общества тѣлу человѣка помогло бы автору совершить болѣе правильное расчлененіе общественнаго организма. Вмѣсто тощихъ девяти клѣточекъ треугольника, изъ коихъ три верхніе наполнены содержаніемъ, при помощи Аристотеля (власти законодательная, судебная и исполнительная), а шесть остальныхъ, при содѣйствіи политической экономіи, мы бы имѣли три или четыре десятка органовъ, потому что неменьшее число ихъ открыла столь пренебрегаемая авторомъ эмпирическая обсерватика. Мы не имѣли бы дѣленія органовъ по ярусамъ, но собственно и ярусовъ-то нѣтъ, потому что всякій общественный органъ имѣетъ развѣтвленія свои и внизу и вверху, въ семьѣ, общинѣ и сословіи. Изъ сопоставленія фактовъ, извлеченныхъ изъ любого учебника, авторъ убѣдился бы, что въ обществѣ бываетъ не то, что въ физіологіи, что одна и та же функція, напримѣръ, мышленіе или правленіе, можетъ быть исправляема попеременно разными органами общественными. Ог. Контъ замѣтилъ, что умственная жизнь общества проходитъ три періода: религіозный, метафизическій и научный. Въ первомъ, мыслителями являются жрецы, правителями—воины; во второмъ, во главѣ мышленія становятся философы, а во главѣ правленія—юристы; съ теченіемъ времени мышленіе и правленіе опошлились, доставшись въ руки литераторовъ и адвокатовъ, иными словами, фразеровъ и софистовъ, но впослѣдствіи вожатыми общества сдѣлаются люди, обладающіе высшимъ положительнымъ знаніемъ и крупные промышленники. Мы можемъ спорить съ Контомъ и о господствѣ ученыхъ, и о господствѣ промышленниковъ, но мы никакъ не въ состояніи опровергнуть главную мысль его, заключающуюся въ томъ, что тѣ же функціи въ обществѣ могутъ быть исправляемы разными органами поочередно, между тѣмъ у г. Стронина нѣтъ даже и полнаго перечня этихъ органовъ; у него нѣтъ не только органовъ, чередующихся при отправленіи одной и той же функціи, но не имѣется даже важныхъ органовъ, неизмѣнно исправляющихъ одну и ту же функцію. Въ атласѣ г. Стронина нѣтъ вовсе такой функціи, какъ религія, ни органа ея, духовенства, нѣтъ даже отведеннаго особаго помѣщенія для организованной вооруженной силы народа, между тѣмъ, какъ уже Аристотель далъ особое мѣсто состоянію воиновъ. Въ послѣдующихъ частяхъ своей книги авторъ сравниваетъ войско съ костною системою въ тѣлѣ чело-

Digitized by Google

вѣка; въ концѣ оказывается, что война есть судебная подъ-функція функціи правленія, значитъ, что самъ органъ, исправляющій эту подъ-функцію, есть подъ-органъ правительства и одинъ изъ видовъ суда; слѣдовательно, что его, пожалуй, надо бы помѣстить постоемъ въ верхнемъ ярусѣ общественнаго конуса, гдѣ отведена уже квартира аристократіи, но гдѣ и сама аристократія до того стѣснена, что пришлось вытѣснить и зачислить въ праздношатающіеся ту часть ея, которая не посвящаетъ себя спеціально ни законодательству, ни суду, ни администраціи. Хорошо размѣщеніе силъ, при которомъ подъ самою крышею, въ верхнемъ этажѣ, помѣщены самыя большія тяжести! Зданіе обвалилось бы тотчасъ, какъ обваливались и падали не разъ правительства, опиравшіяся на одно регулярное войско. Еслибы авторъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ впередъ въ сравненіи общества съ тѣломъ человѣка, то онъ бы открылъ при нѣкоторыхъ сходствахъ громадныя несходства въ сравниваемыхъ предметахъ. Тѣло человѣка имѣетъ опредѣленное число органовъ, которые всѣ уорганизованы и развиваются почти равномѣрно, такимъ образомъ, что каждому возрасту человѣка соотвѣтствуетъ извѣстная степень развитія всѣхъ органовъ. Г. Стронинъ сознаетъ, что не то бываетъ съ обществами, что будущія общества, которыя сложатся изъ соединенія цѣлыхъ расъ, будутъ громаднѣе теперешнихъ государствъ и будутъ обладать бо́льшимъ числомъ ярусовъ и бо́льшимъ числомъ клѣточекъ въ обоихъ разрѣзахъ, и продольномъ и поперечномъ, значитъ, что и органовъ у нихъ будетъ не въ примѣръ болѣе противу настоящаго. Г. Стронинъ признаетъ, что въ обществахъ и современныхъ, и уже умершихъ, органы не развивались и не развиваются одновременно и равномѣрно, есть органы выработанные, организованные и есть другіе неорганизованные, въ зачаточномъ состояніи, указанные природою, аморфные. По мнѣнію г. Стронина, только правительство, а послѣ него костная система общества, массовая его сила, то-есть войско, вполнѣ организованы и служатъ образцомъ для выработки всѣхъ остальныхъ членовъ, для совмѣщенія, разнообразія живого существа съ единствомъ мертвой машины. Слабѣе сплоченъ механизмъ гражданскаго управленія или бюрократія. Скорѣе другихъ устраиваются группы, соприкасающіяся съ правительствомъ, напримѣръ, вѣроисповѣданія, политическія партіи, даже заговорщики и агитаторы. Изъ вѣроисповѣданій, одно римско-католическое выработало организацію, которая и составляетъ весь секретъ его прочности, но наука, искусство и всѣ отрасли промышленности пребываютъ въ хаотическомъ состояніи броженія; отсутствіе организаціи дѣлаетъ

Digitized by Google

ихъ совершенно безсильными въ отношеніи правительства. Европа страдаетъ нынѣ отсутствіемъ надлежащей организаціи труда. Громадная сила присуща всякому узелку, всякой клѣточкѣ устраивающейся матеріи. Современемъ всѣ члены общества получатъ организацію, такъ что вовсе не будетъ атомовъ въ состояніи броженія. Есть еще черта, отличающая общество отъ высшихъ животныхъ организмовъ, но одинаково замѣчаемая какъ въ обществахъ, такъ и въ растеніяхъ и пресмыкающихся животныхъ: самостоятельность частей въ недѣлимомъ, вслѣдствіе чего каждая часть продолжаетъ жить, когда недѣлимое распалось. Когда червь разсѣченъ на части, каждая часть движется еще и шевелится; точно также и послѣ паденія государства живутъ и движутся составныя его части: историческая нація, области, общины, сословія, семьи и, наконецъ, отдѣльныя лица, причемъ каждая частица дѣйствуетъ по тѣмъ законамъ, которые проявлялись въ жизни распавшагося государства. По замѣчанію г. Стронина, общества дѣлятся на централизованныя и децентрализованныя. Первая форма соотвѣтствуетъ потребности нарощенія, вторая потребности сохраненія, возможно бо́льшаго сопротивленія вліяніямъ окружающей среды. Прочнѣйшая и, въ этомъ отношеніи, совершеннѣйшая форма общества—федеративная, та именно, которая совмѣщаетъ самое большее разнообразіе съ единствомъ, всего менѣе похожа на форму человѣка. Чтобы совсѣмъ покончить съ атласомъ г. Стронина, мы соглашаемся съ нимъ, что есть несомнѣнныя сходства между мірами матеріи неорганической и органической, есть сходство между растеніемъ, животнымъ и человѣкомъ, есть сходство между человѣкомъ физическимъ и нравственнымъ, есть, наконецъ, сходство между нравственнымъ человѣкомъ отдѣльнымъ и собирательнымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы утверждаемъ, что въ изученіи этихъ сходствъ и подобій мы не далеко ушли отъ Мененія Агриппы и его притчи о членахъ тѣла и желудкѣ, и что книга г. Стронина не только не уясняетъ этихъ сходствъ и подобій, но окончательно весь вопросъ запутываетъ, потому что, напередъ предполагая одни только сходства, не замѣчаетъ рѣжущихъ глаза несходствъ и отличій. Платонъ догадывался по аналогіи, что міръ земной есть живое исполинское животное. Г. Стронинъ усматриваетъ по аналогіи совершенное сходство общества съ конусомъ. Одно предположеніе сто́итъ другого, съ тою только разницею, что Платонъ выдавалъ свою догадку за истину, а г. Стронинъ играетъ и забавляется только догадкою, не выдавая ее за истину. Идея Платона не повела къ уразумѣнію строенія земли, такъ точно и идея г. Стронина не поведетъ

Digitized by Google

къ уразумѣнію строенія общества и отношенія его частей. Все это статическое введеніе въ «Политику» несостоятельно по ошибочности основного замысла. Отъ явленій въ пространствѣ перейдемъ къ явленіямъ во времени, къ фактамъ динамическимъ, къ послѣдовательности общественныхъ отправленій, составляющихъ настоящее содержаніе «Политики».

V.

Эта часть труда вышла несравненно удачнѣе. Причину не трудно угадать. Автору помогла помимо его сознанія и воли, та самая психологія, которую Контъ исключилъ изъ числа наукъ, но которую г. Стронинъ помѣстилъ на самомъ концѣ, какъ науку позднѣйшую, слѣдующую за соціологіею, къ которой и не слѣдуетъ вовсе прибѣгать для построенія соціологіи. Предметъ психологіи—мысли и поступки людей; и тѣ, и другіе слѣдуютъ одни за другими въ извѣстномъ порядкѣ; съ незапамятныхъ временъ начались надъ ними научныя наблюденія и опыты, ихъ разсѣкали, складывали, разлагали и раздѣляли на классы главнымъ образомъ при посредствѣ того внутренняго чувства самосознанія, самосозерцанія или психическаго зрѣнія, къ которому такъ недовѣрчиво относится авторъ въ своемъ «Методѣ». Собрано матеріалу столько, что его достало на объясненіе если не всѣхъ функцій психическихъ, то по крайней мѣрѣ самой важнѣйшей изъ нихъ—функціи мышленія, и на образованіе нѣкоторыхъ соціологическихъ представленій. Понятія разума, чувства, воли, умственнаго и физическаго труда, добродѣтелей и способностей, переносимы были на цѣлые классы людей, на состоянія, сословія, и собирательный человѣкъ созидался на образъ и подобіе столь же, какъ онъ, невидимаго нравственнаго человѣка. Съ другой стороны, основное единство физическаго и нравственнаго человѣка столь велико, зависимость второго отъ перваго столь безусловна, что обѣ науки, физіологія и психологія человѣка, сближаются и почти неразрывно соединяются въ безчисленномъ множествѣ точекъ. Физіологія человѣка есть, какъ извѣстно, частица біологіи или общей физіологіи животныхъ и растеній; историки вовсе не заглядывали въ этотъ міръ физіологіи, пробавляясь отжившею, отвлеченною спиритуалистическою психологіею Декарта, которая разсматривала душу, какъ нѣчто отдѣльное отъ тѣла, и не догадывалась даже, что микрокосмъ сознанія есть только освѣщенная солнцемъ вершина громадной горы жизни психической, то-есть, что значительная часть психическихъ

Digitized by Google

процессовъ совершается внѣ нашего самосознанія, которое пользуется уже готовыми результатами этой безсознательной работы. Достоинство и заслуга опыта г. Стронина заключаются въ томъ, что онъ вникнулъ въ жизнь царствъ растительнаго и животнаго и, процѣдивъ законы этой жизни сквозь фильтръ психологіи, примѣнилъ ихъ къ обществу. Въ общественной жизни онъ различаетъ три процесса: *біологическій*, свойственный всѣмъ организмамъ; *соціологическій*, свойственный всѣмъ общественнымъ функціямъ, какъ экономическимъ, такъ и политическимъ; наконецъ, процессъ спеціально *политическій*.

А. *Біологическій процессъ жизни и смерти.*—Нѣтъ ничего вѣчнаго во вселенной; доказано, что земля наша падетъ когда-то на солнце, но задолго до того на ней прекратится, вслѣдствіе охлажденія, всякая органическая жизнь. Еще раньше того человѣчество дойдетъ до конца своихъ судебъ и своего развитія. Надъ нимъ повисъ неумолимымъ рокомъ физіологическій законъ скрещиванія породъ. Вырожденіе грозитъ неминуемо всѣмъ династіямъ и всѣмъ аристократіямъ, избѣгающимъ неровныхъ браковъ. Когда, вслѣдствіе повторенія однихъ и тѣхъ же соединеній, выработанъ неподвижный типъ въ родѣ, народѣ, племени, они мельчаютъ и теряютъ способности, даровитость. Родъ облагороживается мезаліансами; народъ можетъ продолжать свое существованіе, вливая кровь плебейскую въ свои политическіе классы. Человѣчество въ общемъ своемъ составѣ имѣетъ обильнѣйшіе источники обновленія крови. Въ одной Европѣ сколько можетъ быть неиспробованныхъ донынѣ племенныхъ сочетаній, а останутся еще въ видѣ запасовъ Америка, со своими бѣлыми людьми, измѣненными вслѣдствіе климатическихъ вліяній, племена монгольское, малайское, негрское. Съ теченіемъ времени однако всѣ соединенія будутъ исчерпаны, и престарѣлое человѣчество станетъ въ концѣ концовъ весьма образованнымъ, но неподвижнымъ и дряхлымъ Китаемъ.

Всякій организмъ растетъ, цвѣтетъ и вянетъ. Три главные періода жизни назовемъ *прогрессомъ*, когда организмъ растетъ и слагается, *застоемъ*, когда слаганіе и разлаганіе уравновѣшиваются, и *регрессомъ*, когда беретъ верхъ разлаганіе. Чѣмъ больше государство, чѣмъ обильнѣе въ немъ источники скрещиванія породъ, тѣмъ дольше каждый періодъ его жизни. Сверхъ физіологической причины смерти—прекращенія скрещиваній, авторомъ намѣчена другая — психологическая, которой связь съ первою имъ необъяснена: исчерпаніе до тла политическихъ идеаловъ. Отъ этихъ двухъ причинъ изживаются и народы, и учрежденія. Застояв-

Digitized by Google

шаяся съ Гракховъ, римская республика склоняется книзу въ лицѣ Марія, Помпея, Цезаря. Застоявшееся со временъ Иннокентія III папство разлагается въ глазахъ нашихъ до того, что теряетъ половину самого себя — свою свѣтскую власть. Королевская власть процвѣтаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и застаивается отъ XVI до XVIII столѣтій, среднее сословіе процвѣтаетъ въ застоѣ въ XIX столѣтіи; но регрессъ его уже предвозвѣщенъ движеніями рабочаго класса. Человѣчество, вообще взятое, несомнѣнно сильно растетъ еще и быстро прогрессируетъ, вслѣдствіе чего вездѣ прогрессивныя политическія партіи брали верхъ надъ регрессивными; всѣ эвпатриды, патриціи и палаты лордовъ были побиваемы демосомъ. Желая изучить регрессъ и убѣдиться въ томъ, что прогрессивное движеніе бываетъ всегда перемежающееся, надо проходить исторію по частямъ, но и въ промежуткахъ прогресса, въ прорывахъ мертваго отдыха и застоя, какая пластическая сила! Въ промежуткѣ IX—VII вѣка до Рождества Христова, между паденіемъ Востока и процвѣтаніемъ Греціи, неизвѣстно какимъ образомъ базилейсы и касты превратились въ аристократіи и въ тимократіи, съ раздѣленіемъ народа по податямъ. Въ темномъ промежуткѣ среднихъ вѣковъ неизвѣстно какимъ образомъ рабство превратилось въ колонатъ и крѣпкое землѣ состояніе. Можно довольно точно опредѣлить границы трехъ періодовъ. Конецъ прогресса знаменуется *прекращеніемъ* общественныхъ *потребностей*, или вслѣдствіе того, что идеалы изжились, или еще чаще вслѣдствіе того, что оказалась невозможность удовлетворить потребностямъ. Въ семъ послѣднемъ, самомъ обыкновенномъ случаѣ, потребность либо напрягается по мѣрѣ встрѣчаемаго сопротивленія и производитъ революцію, которая протягиваетъ прогрессъ на нѣкоторое время, но истощаетъ непомѣрно средства организма, либо она заглушается на мѣстѣ, атрофируется, вслѣдствіе чего является застой, потому что потребности имѣютъ свою естественную очередь и насыщаются по очередному порядку: сначала экономическая, потомъ политическая, потомъ опять экономическая и такъ дальше. Въ Перикловыхъ Аѳинахъ исчерпанъ былъ до послѣдней капли демократическій идеалъ, дошедшій не только до полнаго уравненія гражданъ, но и до замѣщенія всѣхъ должностей по жребію, вслѣдствіе чего Аѳины пали безъ пелопоннезской войны и безъ Македоніи. Идеалъ римскихъ прогрессистовъ былъ несравненно шире и состоялъ въ пріобщеніи къ государству всего плебса и всѣхъ итальянскихъ союзниковъ не только политически, но и экономически, посредствомъ аграрныхъ законовъ. Еще шире былъ идеалъ французскій, но потребность вве-

Digitized by Google

денія средняго сословія въ жизнь политическую была безразсудно задержана при двухъ Лудовикахъ и Регенствѣ, вслѣдствіе чего вспышка этой потребности имѣла столь неудержимую вулканическую силу, что сорокъ лѣтъ (1789—1830) ушли на то только, чтобы насытить эту потребность и ввести этотъ разлившійся потокъ въ его русло. Но насыщеніе потребности было слишкомъ запоздалое: неуспѣло среднее состояніе достигнуть господства, какъ уже набѣгали съ ужасающею быстротою двѣ другія передержанныя волны—потребностей уравненія всего народа въ политическихъ правахъ—и облегченія участи рабочаго пролетаріата,—обѣ въ нелѣпыхъ отъ несвоевременной выработки формахъ всеобщей подачи голосовъ и коммунизма. Напоромъ этихъ волнъ объясняется и ломкость буржуазной іюльской монархіи, и новый взрывъ 1848 г. Нѣтъ организма, который бы устоялъ противъ такого многократно повторяющагося тифа. Гораздо раньше воцаренія Наполеона III, Франція готова была къ паденію. Среди послѣдней прусско-франкской войны, нужда экономическая вспыхнула еще разъ кровавымъ пламенемъ парижской коммуны 1871 г., но была тотчасъ же задавлена. Циркуляръ Жюля-Фавра, приглашающій европейскія державы къ облавѣ противъ Интернаціола, является надгробною надписью французскаго прогресса (87 стр.). Всякій элементъ, даже самый прогрессивный, перестаетъ быть таковымъ, когда дойдетъ до полнаго господства и не будетъ возбуждаемъ подавленною имъ въ конецъ оппозиціею. Прогрессивнѣйшая сила—ученость, можетъ сдѣлаться тормазомъ, когда, сосредоточившись въ маломъ числѣ избранныхъ, будетъ только капитализироваться, не размѣниваясь посредствомъ популяризаціи знаній, не разсыпаясь между массами народа.

Застой отличался прекращеніемъ потребностей и непоявленіемъ никакихъ новыхъ идеаловъ. По весьма оригинальному, но недостаточно доказанному мнѣнію г. Стронина, регрессъ знаменуется воскрешеніемъ мертвыхъ идеаловъ прошедшаго. Во главѣ движенія становятся ретрограды, люди стараго покроя, любители и хвалители добрыхъ старыхъ временъ. Съ тѣхъ поръ неподвижность становится добродѣтелью, заслугою, и совпадаетъ съ либерализмомъ. Послѣ Гракховъ Римъ пятится назадъ до олигархіи посредствомъ Leges Cornéliae и до царскихъ временъ въ Цезарѣ и Августѣ. Живымъ примѣромъ регресса является современная Франція. Ж. де-Местръ, Шатобріанъ, романтики, подогрѣваютъ средневѣковые идеалы, іюльская монархія кончается тѣмъ, что общество дѣлаетъ шагъ назадъ въ цезаризмъ, а послѣ цезаризма она вѣроятно сдѣлаетъ еще одинъ шагъ назадъ чрезъ республику

Digitized by Google

къ бѣлымъ лиліямъ и Шамбору. Нѣтъ никакой возможности остановиться на консервативной республикѣ и жить со дня на день безъ всякихъ идеаловъ, такъ только, чтобъ жить. Французскіе прогрессисты, люди заинтересованные въ сохраненіи республики, не вѣдаютъ чего хотятъ, а потому не удержатъ, а тѣмъ болѣе не повернутъ впередъ, катящуюся назадъ подъ гору государственную колесницу. Всякое шествіе впередъ бываетъ поочередно двумя ногами, то политически, то экономически. Всеобщая подача голосовъ была политическимъ шагомъ впередъ, но не было сдѣлано затѣмъ никакого экономическаго шага впередъ, при отсутствіи котораго темная чернь готова плевать на свободу слова, преподаванія, печати, на самоуправленіе, и является слѣпымъ орудіемъ тиранніи. Что же предлагаютъ французскіе Гракхи? фаланстеръ или народный банкъ, выдающій безпроцентныя ссуды, коммуну или децентрализацію? Сколько головъ, столько умовъ, идеалы неясные, требуютъ много вещей за разъ и притомъ неподходящихъ. Можно ли послѣ того удивляться, что колесница покатится назадъ съ усиленною скоростью чрезъ всѣ ступени политическихъ самоубійствъ къ избирательному цензу и Шамбору, къ папству и абсолютизму, и еще дальше къ королямъ-тунеядцамъ Меровингамъ, къ колыбели государства. Передержанная буржуазная потребность не успѣла еще насытиться, когда была обогнана другою, демократическою потребностью; обѣ столкнулись въ убійственной борьбѣ, недопускающей никакихъ мировыхъ сдѣлокъ. Теорія г. Стронина можетъ и не вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ причинъ бѣдствій Франціи, но во всякомъ случаѣ она объясняетъ паденіе Франціи несравненно лучше книги Э. Ренана (De la réforme intellectuelle et morale. Paris. 1871), который утверждаетъ, что народъ французскій былъ побитъ и приниженъ потому, что совсѣмъ потерялъ привычку народовъ, управляемыхъ монархизмомъ по историческому праву (Пруссіи) подчинять безпрекословно правительствамъ по ихъ указамъ свою жизнь, свое имущество, не разспрашивая и не повѣряя этихъ указовъ.

Періодомъ регресса заканчивается жизнь, послѣ чего за физіологіей слѣдуетъ патологія, судьбы смерти, послѣдовательность разложенія. Авторъ различаетъ три функціи смерти, которыя вяжутся съ функціями жизни въ одно непрерывное кольцо: *вырожденіе, перерожденіе* и *возрожденіе*. Характеристика ихъ слабѣе характеристики функцій жизни; она состоитъ въ слѣдующемъ. Въ періодѣ вырожденія внѣшнія вліянія одолѣваютъ организмъ, который видимо разсыпается и разлагается механически. Грецію поглощаетъ Македонія, папство теряетъ многія страны, оторван-

Digitized by Google

ныя отъ него протестантизмомъ, королевская власть ограничивается введеніемъ отвѣтственности министровъ. Изъ государствъ въ такомъ состояніи разложенія обрѣтается нынѣ Австрія. Ее исключили изъ Германіи, отняли сѣверную Италію, послѣ чего она сама собою раскололась на двѣ половины и сдѣлалась Австро-Венгріею. Ей грозитъ новый расколъ: чешскій вопросъ, федерализмъ, выкопанныя древнія права короны св. Вячеслава. Изъ ея настоящаго положенія нѣтъ выхода; централизація отдаляетъ агонію, но готовитъ матеріалы революціи; федерація подготовляетъ разборъ, выдѣляя заранѣе каждому изъ выжидающихъ вступленія въ наслѣдство сосѣдей его часть. Разборъ совершится или путемъ войны или путемъ трактатовъ, причемъ г. Стронинъ, горячій панславистъ, сулитъ бо́льшую часть наслѣдства Россіи и предсказываетъ, что несмотря на все нежеланіе дѣлать новыя завоеванія, она не въ состояніи будетъ не откликнуться на зовъ за помощью братьевъ чеховъ. Вырожденіе становится перерожденіемъ, когда внѣшній факторъ, довершающій разложеніе, начинаетъ дѣйствовать не издали, а вблизи, внѣдряется въ организмъ и перерабатываетъ разложившіяся части химически, какъ бродило. Обыкновенно общество гибнетъ отъ того именно качества, которое составляло нѣкогда его главную силу: Греція отъ искусства, Римъ отъ завоеваній, Польша отъ аристократизма. Врагъ, поселившись въ организмѣ, внутри его, находитъ союзниковъ; напротивъ того, погибающая нація рѣшается на отчаянныя средства и съ каждымъ новымъ усиліемъ поражаетъ сама себя болѣе и болѣе. Въ каждомъ историческомъ трупѣ водятся черви, изъ его остатковъ образуются новые живые организмы, наступаетъ періодъ возрожденія, которое, кончая первый круговой оборотъ жизни, переходитъ непосредственно въ прогрессъ, то-есть, въ начало новаго оборота.

VI.

В. *Соціологическій процессъ, дѣленіе и единеніе труда, акціи и реакціи.*—Всякій разъ, когда люди образуютъ союзы, сочетанія, либо экономическія, либо политическія, имѣетъ мѣсто явленіе, сообщающее этому общенію людей его неизмѣнно коническую форму: *соединеніе и раздѣленіе труда.* Это начало общественной жизни открыто впервые экономистами, которые изучали его однако весьма односторонне, и изслѣдуя одну сторону этого закона—раздѣленіе, не обращали вниманія на другую—соединеніе. Первое указаніе на громадное значеніе принципа и его примѣнимость ко всей жизни

Digitized by Google

общественной, сдѣлано Контомъ. Г. Стронинъ даетъ дальнѣйшее развитіе идеи Конта, причемъ онъ приводитъ столько примѣровъ и обнаруживаетъ такое діалектическое искусство, что эта часть его «Политики» можетъ считаться основательнѣйшею и лучшею. Первый законъ, выводимый имъ изъ факта единенія и дѣленія труда, есть законъ *непосредственнаго подчиненія*, по которому части соединяются въ непосредственно слѣдующую общность, а цѣлое распадается на непосредственно слѣдующія частности безъ всякихъ скачковъ, правильно, органически. Никогда родъ не раздѣляется на подъ-классы и подъ-виды, перескакивая черезъ классы и виды; никогда подъ-виды не создаютъ рода, не бывъ предварительно соединены въ виды. И въ историческихъ событіяхъ, и въ идеяхъ наблюдается неизмѣнная постепенность перехода отъ бэконовскихъ axiomata minora къ media, и потомъ къ superiora. Прежде всего появляется, напр., фетишизмъ: обожаніе извѣстнаго дуба, холма, рѣки; потомъ обожаніе отвлеченностей: лѣса, огня, воды; потомъ послѣ саббеизма вполнѣ отвлеченныя идеи; мудрость (Аѳина), красота (Афродита) и т. д., изъ среды которыхъ выдвинулся рокъ (фатумъ, ананкэ), изображающій собою переходный мостъ отъ политеизма къ монотеизму. Наоборотъ, монотеизмъ раздѣлился сначала на древній (еврейскій) и новый; сей послѣдній на христіанство и исламъ, христіанство на восточное и западное, западное на католицизмъ и протестантизмъ. Такъ единятся и дѣлятся наука и искусство, всякая работа экономическая и общественная. Видовъ много, родовъ мало, но они господствуютъ и управляютъ. Синтезъ общества, чинопачаліе соединеній и раздѣленій составляетъ самую типическую черту общественнаго устройства.

На ряду съ закономъ подчиненія существуетъ другой, законъ *соподчиненія* однородныхъ частей, опредѣляющій ихъ старшинство и очередь при всѣхъ соединеніяхъ и раздѣленіяхъ. Когда родъ дѣлится на виды или классы по праву возраста, по старшинству, первое мѣсто занимаютъ и скорѣе развиваются виды и формы простѣйшіе, грубѣйшіе, болѣе общіе. Такимъ-то образомъ наука о природѣ является прежде науки о человѣкѣ. Въ естествовѣдѣніи сначала науки неорганической природы, потомъ органической. Въ природѣ органической выдѣляется видъ—математика, который дѣлится еще на Востокѣ на два подъ-вида: науку времени, чиселъ, ариѳметику и науку пространства, фигуръ, геометрію. Второй видъ наукъ неорганической природы появляется впервые въ Греціи, гдѣ и развился одинъ его подъ-видъ: наука силъ—физика, но другому подъ-виду: наукѣ матеріи—химіи, пришлось дожидаться среднихъ вѣковъ. Человѣкъ и общество еще перемѣшаны у Аристо-

Digitized by Google

теля. Нынѣ «humaniora» уже подраздѣлились на соціологію и психологію, соціологія на статику и динамику, изъ коихъ старшинство подобаетъ статикѣ, что доказывается быстрымъ успѣхомъ географіи и статистики, между тѣмъ какъ динамическая наука—исторія, занята до сихъ поръ живописью и портретированіемъ, и нисколько не думаетъ объ отысканіи общихъ законовъ развитія и аксіомъ. Изъ двухъ частей государствъ прежде всего устраивается классъ управляющихъ, между тѣмъ какъ классъ управляемыхъ остается неустроеннымъ, аморфнымъ. Въ классѣ управляющихъ первый чередъ принадлежитъ монархизму, потомъ аристократизму, потомъ демократизму. Нѣтъ во всѣхъ обществахъ права, которое было бы безспорнѣе права старшинства, первородства, но наоборотъ, при соединеніи труда младшіе члены семьи, клана, вида, всегда и непремѣнно низводятъ съ престола и оттѣсняютъ, затираютъ своихъ старшихъ собратій. Всѣ соединенія совершаются не въ старшихъ, а въ младшихъ подъ-видахъ и подъ-классахъ. Ариѳметика съ геометріей соединяются въ физикѣ и химіи, химія съ физикой въ физіологіи. На соединеніи всѣхъ старѣйшихъ наукъ въ соціологіи построена система Конта, на немъ основанъ и методъ аналогики г. Стронина. На этомъ основаніи г. Стронинъ проповѣдуетъ соединеніе всѣхъ славянскихъ племенъ въ младшемъ изъ нихъ—русскомъ, преобладаніе славянъ въ Европѣ; онъ даже предсказываетъ соединеніе всѣхъ христіанскихъ исповѣданій въ православіи.

Оба закона: подчиненія и соподчиненія, изъ которыхъ послѣдній подраздѣляется еще на законъ старшихъ и законъ младшихъ видовъ, суть законы эмпирическіе и нуждаются въ раціональномъ объясненіи, которое одно только и можетъ убѣдить насъ въ томъ, что это соединеніе, чтобы раздѣлиться, и это раздѣленіе, чтобы тотчасъ же потомъ соединиться, не есть напрасная работа и совсѣмъ не похоже на химическія соединенія тѣлъ и химическія разложенія тѣлъ на составные элементы. Соединяющіе свой трудъ общественные элементы не пропадаютъ въ цѣломъ, соединеніе и раздѣленіе труда совсѣмъ не имѣютъ соотвѣтствующихъ имъ явленій ни въ неорганической природѣ, ни въ біологіи. Великое начало соединенія и раздѣленія труда есть начало исключительно только соціологическое; основаніе его психологическое: понятіе о цѣли и средствахъ. Люди соединяются для достиженія общими усиліями общей цѣли, и раздѣляются для достиженія той же цѣли разными путями и средствами. Понятія о цѣли и средствахъ живьемъ взяты изъ психологіи и перенесены въ соціологію, что и составляетъ второе заимствованіе, сдѣланное авторомъ отъ пси-

Digitized by Google

хологіи, такъ какъ первое заключалось во введеніи въ процессъ жизни и смерти обществъ идеи объ исчерпаніи идеаловъ. Какъ душа и тѣло, какъ дедукція и индукція, такъ соединеніе и раздѣленіе труда составляютъ группу, которой характеристическая черта есть неизмѣнная парность обоихъ элементовъ. Ихъ равновѣсіемъ обусловливается здоровье общества. Одинъ элементъ связываетъ и уплотняетъ общество до окостѣненія, другой разрѣшаетъ его и разсыпалъ бы его въ песокъ, вотъ почему этотъ элементъ и преобладаетъ въ концѣ лѣтъ, наканунѣ разложенія. Въ среднихъ вѣкахъ былъ избытокъ соединенія, быстрая кристаллизація, нынѣ раздѣленіе доходитъ до безобразія, до нелѣпости, у каждаго своя вѣра, совсѣмъ нѣтъ признанной философіи, одна часть науки не вѣдаетъ о другой, цвѣтетъ ученость мелко-травчатая, академическая. Въ искусствѣ техника совсѣмъ подавляетъ идею, международная политика проповѣдуетъ догматъ невмѣшательства, а политическая экономія формулу: laissez faire, laissez passer! Эксцессъ въ одномъ направленіи влечетъ за собою поворотъ въ другую сторону, который начинается нынѣ на нашихъ глазахъ.

Великое начало соединенія и раздѣленія труда порождаетъ цѣлую теорію мѣняющихся дней и ночей, бодрствованія, чередующагося со сномъ. Общественный корабль не скользитъ по гладкой поверхности водъ, но прорѣзываетъ путь, то подымаясь на волнахъ, то погружаясь въ бездны. Во всякомъ возрастѣ, въ стадіяхъ прогресса, застоя или регресса, линія движенія волнообразна; она состоитъ изъ *акцій* и *реакцій*, причемъ замѣчательно то, что въ стадіи прогресса и всякая акція бываетъ прогрессивна, какъ напряженіе по направленію слаганія роста, соединенія труда, реакція же имѣетъ всѣ признаки ретроградности; напротивъ того, въ стадіи регресса всякая акція, будучи напряженіемъ по направленію къ распаденію, къ разложенію, отличается ретроградностью; напротивъ того, реакція бываетъ ознаменована лучшими началами — либерализмомъ. Въ періодѣ прогресса великими акціями бываютъ союзы классовъ, состояній, народовъ, государствъ; въ періодѣ регресса акціями бываютъ одни дѣленія, напримѣръ, Діоклеціаново или Ѳеодосіево. Насъ бѣситъ реакція, однако она столь же нужна, какъ сонъ, какъ пищевареніе; она усвоиваетъ организму, разжевывая ихъ, всѣ пріобрѣтенія, гуртомъ добытыя въ моменты сильной исторической акціи. Высота и размѣры волнъ акціонно-реакціонныхъ неодинаковы, бурныя волны начала прогресса мельчаютъ и превращаются въ легкую зыбь въ періодѣ застоя, послѣ чего онѣ опять болѣе сильны и могучи въ періодѣ реакціи. Видимыми факторами колебаній, подъема на высоту и

Digitized by Google

соскользанія внизъ, являются политическія партіи, руководимыя споконъ-вѣку болѣе слѣпымъ инстинктомъ, нежели ясными убѣжденіями. Авторъ насчитываетъ пять такихъ партій: радикалы, либералы, консерваторы, ретрограды и обскуранты. Партіи борются чаще всего и прежде всего открытою физическою силою; если потомъ борьба силою превращается въ борьбу числомъ, то только потому, что самъ числовой разсчетъ предопредѣляетъ, куда неминуемо будетъ клониться побѣда и располагаетъ слабѣйшихъ числомъ къ добровольному отказу отъ борьбы. Потомъ дѣлается еще одно усовершенствованіе: партіи начинаютъ мотивировать свои убѣжденія, возникаетъ общественное мнѣніе. Но въ этомъ мотивированіи бываетъ всегда несравненно болѣе инстинктивнаго, нежели сознательнаго; страсть подтасовываетъ мотивы; лишь только инстинктъ усилился, возгорѣлась страсть, спорщики прибѣгаютъ къ кулаку, вспыхиваетъ междоусобная война или совершаются политическія преступленія. Даже въ спокойныхъ промежуткахъ между взрывами борьба политическихъ мнѣній запечатлѣна страстностью и поминутно уклоняется отъ главнаго вопроса, причемъ забывается самъ предметъ спора: польза или безполезность извѣстной мѣры, закона, учрежденія и кончается личностями, т.-е. тѣмъ, что спорщики поносятъ себя взаимно, называя другъ друга глупцами или подлецами. Люди, чаще стоящіе у кормила правленія—консерваторы, менѣе разборчивы въ средствахъ, не пренебрегаютъ инсинуаціями, метятъ въ жизнь и свободу противниковъ. Люди, добивающіеся власти—прогрессисты, разятъ своихъ противниковъ, обличая ихъ въ нравственномъ ничтожествѣ, въ нравственномъ развратѣ, сами же стараются представляться лучшими, болѣе честными людьми. Въ томъ и заключается великое значеніе нравственности въ исторіи, что борьба партій умами кончается всегда борьбою доблестями и сердцами. Умственное превосходство, политическая геніальность бываетъ удѣломъ либераловъ въ стадіи прогресса и ретроградовъ, въ стадіи регресса. Обыкновенно сталкиваются другъ съ другомъ ближайшія партіи, либералы съ ретроградами, но бываютъ случаи, когда радикализмъ и обскурантизмъ соприкасаются надъ головами либераловъ, консерваторовъ и ретроградовъ, и либо заключаютъ другъ съ другомъ чудовищные союзы на погибель среднихъ партій, либо тузятъ себя и уничтожаютъ. Такіе случаи доказываютъ всегда болѣзненное состояніе общества; тогда-то и проявляется во всей наготѣ неразуміе политическихъ инстинктовъ, которые увлекаютъ обскурантовъ къ террору и тиранніи, радикаловъ къ заговорамъ, преступленіямъ и революціямъ. Г. Стронинъ — злѣйшій против-

Digitized by Google

никъ великихъ событій, великихъ переворотовъ и даже великихъ царствованій. У людей, по мнѣнію его, какъ у дѣтей, такъ и тянутся руки къ огню, который свѣтитъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жжетъ. Всякій заговоръ понижаетъ уровень общества на всю ту потребность, которая сказалась въ заговорѣ и которая умолкаетъ потомъ, бывъ подавлена, такъ что потомъ, послѣ длиннаго перерыва, необходимо пропагандировать ее опять. Съ этой точки зрѣнія г. Стронинъ жестоко осуждаетъ декабристовъ (195). Революція никогда ничего не создаетъ, часто она кончается регрессомъ; но если она и не перейдетъ въ регрессъ, вся ея работа состоитъ только въ взорваніи на воздухъ препятствія, загородившаго обществу путь развитія, послѣ чего организмъ поправляется медленно, пока не возстановитъ до-революціоннаго равновѣсія и не начнетъ функціонировать, отправляясь съ того пункта, въ которомъ застигла его задержка, устраненная революціею. Необыкновенно живое и мѣткое изображеніе общественныхъ катастрофъ, ихъ причинъ, хода и послѣдствій, составляетъ одну изъ лучшихъ частей книги г. Стронина.

VII.

С. *Спеціально-политическій или правительственный процессъ.*—Раздѣливъ жизнь обществъ на возрасты прогресса, застоя и регресса, и каждый возрастъ на дни и ночи, или на акціи и реакціи, авторъ ставитъ вопросъ, какою послѣдовательностью движеній общество создаетъ и развиваетъ свои политическіе продукты. До сихъ поръ онъ дѣлалъ только набѣги на психологію, теперь онъ совсѣмъ переѣзжаетъ на психологическую почву съ багажемъ и пожитками. Вся жизнь души человѣка содержится между предѣлами полученнаго впечатлѣнія и вызваннаго имъ рефлекса. Между этими предѣлами лежатъ длинные ряды мыслей, чувствованій и желаній. Человѣкъ обновляется ежеминутно впечатлѣніями, пріобрѣтаетъ новыя привычки мышленія и воли, такъ что, по истеченіи извѣстнаго времени, то же лицо, не переставая быть собою, является отличнымъ отъ прежняго человѣкомъ. То же повторяется и въ обществѣ. На всѣхъ ступеняхъ общественной пирамиды размѣстились мыслящіе атомы, составляющіе *интеллигенцію* общества, элементъ жизни созерцательной, служащіе проводниками впечатлѣній. Есть также въ обществѣ масса, въ нравственномъ отношеніи пассивная, и дѣятельная только въ экономическомъ, готовая поддаваться всевозможнымъ рефлексамъ, вызваннымъ воспріятыми впечатлѣніями,—назовемъ ее *граждан-*

Digitized by Google

ствомъ. Наконецъ, посерединѣ между этими двумя факторами помѣстился третій—*правительство*, снабженный задерживающими впечатлѣнія аппаратами и недопускающій, чтобы впечатлѣнія переходили автоматически въ рефлексы. Эти три фактора соотвѣтствуютъ тремъ главнымъ функціямъ души (мышленіе, чувство, воля) и совершаютъ сообща одно дѣло, состоящее въ *инкорпораціи*, то-есть, во введеніи въ плоть и кровь общества новыхъ, свѣжихъ элементовъ, и въ *экскорпораціи*, или въ изверженіи негодящихся уже старыхъ продуктовъ. Одна и та же пища, переработанная поочереди каждымъ изъ трехъ факторовъ, становится совершенно особымъ на видъ продуктомъ. Интеллигенція вырабатываетъ политическія *идеи*, правительство—*право*, а гражданство — *нравы*. Вся тайна общественной гигіены заключается въ томъ, чтобы новыя политическія понятія претворялись правильно и постепенно въ права, а права столь же постепенно въ нравы, такъ чтобы организмъ обновлялся во всѣхъ частяхъ постоянно, мало-по-малу. Каждая задержка процесса присвоиванія новаго элемента на одной ступени развитія, безъ перехода въ другую, угрожаетъ болѣзнью, которая, если затянется и превратится въ хроническую, влечетъ за собою бунты, тиранніи, заговоры и всякія катастрофы. Несомнѣнно, что уже въ XIV-мъ столѣтіи Франція имѣла свои états généraux, и что въ ней зарождались тогда идеи объ ограниченной монархіи. Эти идеи не могли войти въ законы вслѣдствіе быстраго и безмѣрнаго развитія абсолютизма. Въ теченіе трехъ вѣковъ возрасталъ напоръ прибывающихъ идей, при совершенномъ застоѣ въ правахъ, пока идеи не поднялись до высоты запружающей теченіе ихъ плотины, и прорвали эту плотину посредствомъ революціи, единственная задача, которая составила устраненіе застоя въ одномъ только фазисѣ политическаго процесса—законодательномъ. Но такъ какъ идеи накоплялись въ теченіе трехъ вѣковъ, и набрались ихъ цѣлые легіоны, то и стали онѣ тѣсниться разомъ и выталкивать другъ друга. Весь трагизмъ теперешняго положенія Франціи заключается именно въ этомъ фактѣ перевершенія въ идеяхъ при недовершеніи правъ. Бываютъ случаи, что реформа появляется прежде всего въ законахъ, которымъ еще не соотвѣтствуютъ ни идеи, ни нравы; таковы были реформы Іосифа II-го въ Бельгіи и Венгріи, которыя пропали безслѣдно вслѣдствіе того, что въ идеяхъ интеллигенціи не встрѣтили поддержки, а напротивъ того, испытали отпоръ со стороны нравовъ. Въ весьма здоровыхъ и крѣпкихъ организмахъ, напримѣръ, въ Англіи бывали случаи, что идея, не имѣя доступа въ уплотнившійся до крайности законъ, просачивалась по-

Digitized by Google

мимо него прямо въ обычай и создавала свободу печати, отвѣтственность министровъ, гласность парламентскихъ преній и тому подобныя учрежденія, совсѣмъ лишенныя донынѣ законодательной санкціи, но императорскій Римъ поплатился жизнью за подобнаго рода опытъ, допустивъ христіанству вливаться прямо въ нравы помимо преслѣдующаго христіанъ закона. Творчество политическое имѣетъ свою постепенность и свои *предѣлы*. Нравы не могутъ идти дальше идей и законовъ, не могутъ ихъ опережать. Ростъ идей возможенъ только на извѣстной степени матеріальнаго благосостоянія, наконецъ, все вмѣстѣ: нравы, права и идеи обусловливаются строеніемъ общества, его анатоміею. Бываютъ утопіи, нигдѣ и никогда неприложимыя, напр. коммунистическія. Бываютъ нововведенія, которыя совсѣмъ негодятся для извѣстныхъ организмовъ. Реформа немыслима, если она не имѣетъ многихъ точекъ соприкосновенія съ существующимъ порядкомъ и многихъ точекъ опоры въ прошедшемъ. Жизнеспособность реформы пропорціональна ея мелочности, спеціальности. Легче пересоздать департаментъ въ министерствѣ, нежели всю администрацію или все судоустройство, или воспитать всю интеллигенцію въ народѣ, но попытка пересоздать вдругъ заразъ и всю экономію, и всю политику, могла бы быть отнесена или къ сумасшествію, или къ полному незнанію первѣйшихъ началъ соціологіи.

VIII.

Каждый изъ трехъ главныхъ политическихъ факторовъ совершаетъ особымъ путемъ процессъ инкорпораціи и экскорпораціи соотвѣтствующихъ ему продуктовъ. Въ области интеллигенціи, то-есть совокупности людей, ведущихъ жизнь наиболѣе созерцательную, особенно преданныхъ религіи, наукѣ, искусству, починъ движенія принадлежитъ *новаторамъ*—открывателямъ новыхъ инстинктовъ или мнѣній, которыхъ обыкновенный удѣлъ страдальчество. За ними слѣдомъ идутъ *пропагандисты*, распространители новой идеи, и совершается эстетическій процессъ этой идеи, облеченіе ея въ простыя и красивыя формы. Новаторъ обыкновенно одинокъ, но популяризаторы являются десятками и сотнями, пока идея не снищетъ себѣ популярности. Какъ только умственная почва вѣка вспахана пропагандою, совершается послѣдній актъ воплощенія идеи — *агитація*, которая часто ведетъ счастливыхъ смѣльчаковъ побѣдною дорогою на самую вершину правительственнаго Капитолія, гдѣ и кончается задача идеи, въ смыслѣ политическаго про-

Digitized by Google

укта. Мотивированныя мнѣнія и инстинкты, отлитые пропагандою ь идеалы, дѣлаются законопроектами и поступаютъ въ вѣдѣніе торого политическаго фактора — правительства. Служа посредни-омъ между идеею и правомъ, интеллигенціею и гражданствомъ, равительство исправляетъ функцію согласующаго движенія моз-ечка. Оно есть органъ общественный, преимущественно эстети-ческій. Оно подраздѣляется на три подъ-органа, соотвѣтствующіе ой же троицѣ психическихъ способностей или дѣятельностей, еоретической, практической и эстетической; а именно: на *зако-юдательство, судъ* и *администрацію*. Всѣ три подъ-органа мѣютъ дѣло съ правомъ; ихъ функціи—правоопредѣленіе, право-удіе и правленіе. Спрашивается: что же такое *право?* На этотъ опросъ авторъ даетъ отвѣтъ столь, повидимому, циническій, столь ротивный всѣмъ общимъ мѣстамъ и возводимымъ въ аксіомы по-ложеніямъ современнаго либерализма, что это опредѣленіе не можетъ е вызвать многочисленныхъ протестовъ. Становясь на точку зрѣнія Ірудона въ наименѣе популярномъ изъ его сочиненій: «La guerre et la paix», г. Стронинъ утверждаетъ, что споконъ-вѣку и до-ынѣ право было и будетъ одно: право кулачное, право сильнѣй-шаго. Онъ уничтожаетъ работу Гуго Гроція и его послѣдовате-лей, работавшихъ три вѣка надъ тѣмъ, чтобы заковать въ кандалы чудовище — войну, чтобы обратить физическую силу въ рабыню божественной метафизической идеи права. Г. Стронинъ обожаетъ войну, дѣлаетъ ее органомъ величайшей и превыше всѣхъ дру-гихъ стоящей международной справедливости. Сущность этой по-зитивистической переработки правовѣдѣнія заключается въ слѣ-дующемъ.

Въ началѣ исторіи приказывалъ, господствовалъ, распоряжался другими, значитъ, издавалъ законы тотъ, кто былъ физически сильнѣе. Физическая сила доставляла обладающему ею довольство и досугъ, много вещей и рабовъ. Освобождая отъ необходимости физическаго труда, богатство породило науку и искусство. Богат-ство и знаніе замѣнили собою отчасти и физическую силу, потому что открыли возможность заимствовать ее у другихъ, пользоваться ею какъ орудіемъ. Соединенные элементы силы, богатства и знанія составляютъ всю суть и основаніе всякой прежней и бу-дущей аристократіи, то-есть, господствующаго сословія, опредѣляю-щаго права, издающаго законы въ своемъ интересѣ. Современемъ массы народа обогащались и раздобылись средствами; полагаясь на свою цѣпкость и численное превосходство, онѣ завладѣвали властью, передѣлывали кодексы, дѣлались участниками права сильнѣйшаго, посредствомъ своихъ выборныхъ делегатовъ. Слу-

Digitized by Google

чалось иногда, что власть была переносима въ среду, которая не обладала ни знаніемъ, ни богатствомъ, напр., въ 1848 г., во Франціи, посредствомъ введенія sufrage universel, но подобный переносъ никогда не удавался и приносилъ пользу одной только тиранніи. Право не перестало быть правомъ сильнѣйшаго; законъ положительный не измѣнилъ и нынѣ своей природы, онъ обязателенъ подъ страхомъ принужденія, наказанія. Даже и въ самой Англіи министръ не потому не нарушаетъ конституціи, что не желаетъ возбуждать противъ себя общественнаго мнѣнія, но потому, что ему пришлось бы жутко отъ примѣненія къ нему argumenti baculini. Если когда-нибудь народы перестанутъ воевать, такъ это потому, что можно будетъ напередъ разсчитать побѣду, какъ можно разсчитать въ Англіи послѣдствія наложенія податей, неразрѣшенныхъ парламентомъ. Когда агитація сдѣлала свое дѣло и большинство въ господствующемъ состояніи убѣдилось, что его интересъ требуетъ осуществленія извѣстнаго идеала, тогда начинаетъ дѣйствовать первый — законодательный подъ-органъ правительства, который расширяетъ или съуживаетъ этотъ идеалъ, примѣняя его ко всѣмъ условіямъ настоящаго и прошедшаго. Въ выработкѣ законопроекта принимаютъ участіе особыя правительственныя коллегіи, коммиссіи, потомъ онъ перерабатывается еще разъ въ еще бо́льшихъ собраніяхъ, парламентахъ, сеймахъ, государственныхъ совѣтахъ, наконецъ, онъ окончательно утверждается и дѣлается обязательнымъ закономъ. Какъ будетъ исполняемъ этотъ законъ, добровольно или понудительно? Въ томъ главный вопросъ, въ томъ источникъ всѣхъ будущихъ его нарушеній, значитъ, источникъ необходимости суда и наказанія. Откуда проистекаетъ преступленіе? Отъ свободной воли человѣка — отвѣчаютъ богословы, психологи старой школы и почти всѣ криминалисты; но есть и возражатели, которые, замѣтивъ, что нѣтъ дѣйствія безъ причины, и что въ причинахъ дѣйствій, мотивахъ есть строгая послѣдовательность и правильность, отвергаютъ свободу воли; эта свобода, по ихъ мнѣнію, есть не что иное, какъ оптическій обманъ чувства психическаго зрѣнія, самообольщеніе, самосознанія. Г. Стронинъ обходитъ вопросъ о свободѣ воли, хотя лично онъ весь на сторонѣ ея противниковъ, и строитъ все уголовное право на слѣдующемъ фундаментѣ, который на этотъ одинъ разъ оказывается непсихологическимъ. Законъ никогда не выражаетъ собою общественное мнѣніе всего народа, онъ только мнѣніе сильнѣйшаго, то-есть большинства въ господствующемъ классѣ. Часто законъ не только не соотвѣтствуетъ даже и этому-то мнѣнію, но поставленъ въ противность ему и наперекоръ. Если бы законъ и со-

Digitized by Google

вершенно совпадалъ съ общественнымъ мнѣніемъ, онъ можетъ расходиться съ жизнью, съ законами отправленій общественнаго организма, потому что общественное мнѣніе есть прежде всего мнѣніе господствующей партіи, а партіи руководимы слѣпыми инстинктами и ошибаются даже и тогда, когда мотивируютъ свои убѣжденія. Сообразимъ еще пестроту состава общества, историческія наслоенія въ немъ, неравномѣрность просвѣщенія, ума, привычекъ въ этихъ слояхъ; тогда мы поймемъ, что полнѣйшая правда закона всегда относительна, или есть еще правда самой жизни, что эта правда закона неприложима ко множеству конкретныхъ отношеній и случаевъ. Допустимъ, что законы писанные идеально хороши, что законодательство идетъ въ уровень съ общественнымъ мнѣніемъ, что общественное мнѣніе руководствуется наукою, то-есть, открытыми уже и логически осмысленными законами организма, однако статистика занесетъ многія преступленія въ свои лѣтописи, и отдѣльное лицо будетъ все-таки протестовать противъ указовъ общества, даже самыхъ раціональныхъ, даже такихъ, какъ, напримѣръ: не убивай, не похищай, не поджигай! Можно уменьшить до minimum'а, но нельзя вполнѣ устранить несогласія положительнаго закона съ общественнымъ мнѣніемъ, мнѣнія съ правилами развитія организма, то-есть, съ правдою, наконецъ, самой правды съ настоящею дѣйствительною жизнью, которая только отражается въ правдѣ науки, какъ въ зеркалѣ. Отсюда роковая необходимость *суда* и *наказанія*, во внутреннихъ, и войны во внѣшнихъ отношеніяхъ государства. Ежеминутно падающій вслѣдствіе своихъ органическихъ недостатковъ, законъ долженъ быть ежеминутно возстановляемъ и поднимаемъ посредствомъ слѣпой силы, принужденія, реакціи со стороны возмущающихся преступленіемъ юридическихъ инстинктовъ общества. Неразуміе юридическаго судебнаго инстинкта въ обществѣ столь же очевидно, какъ очевидны недостатки всякаго положительнаго закона, однако ему нельзя проявляться иначе, нѣтъ у общества иного средства противодѣйствовать нарушенію закона, и изъ двухъ золъ это зло еще лучшее. Соціологія возникаетъ только теперь, а жизнь течетъ изъ вѣка въ вѣкъ и всегда должна была, немедля и не входя въ причины событій, разрѣшать труднѣйшіе вопросы, о «моемъ» и «твоемъ», о «должномъ» и «не должномъ». Ей не приходилось сложа руки ждать ничего неопредѣляя, отказываясь отъ власти, давать волю страстямъ массы, готовой всегда прибѣгнуть къ жестокому насилію. Во всякомъ случаѣ лучше разрубить затрудненіе коекакъ, обогнать фактъ подставивъ теорію, опереться на догадкѣ и издать законъ, поддерживаемый судомъ и подлежащій усовершен-

Digitized by Google

ствованію. Притомъ въ судѣ — подъ-органѣ правительства, нелишенномъ значительной доли интеллигенціи, инстинктъ правосудія бываетъ всегда двойной, состоящій изъ двухъ стремленій: одного къ осужденію, наказанію, другого — къ помилованію, примиренію, прощенію. Дѣйствіе преступника можетъ быть и не вмѣнено ему, не поставлено ему въ вину. Очищеніе отъ вины покупалось тогда на деньги, нынѣ оно выкупается заслугами, возрастомъ, вреднымъ вліяніемъ среды, вообще стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Функція суда срединная, центральная; достойнѣйшую ея часть всегда составляла царственная прерогатива помилованія. Продуктъ суда — *правосудіе*, не то безусловное, измышленное философами, но реальное, состоящее въ уравненіи дѣянія съ подлежащимъ закономъ, то-есть съ тѣмъ правомъ сильнѣйшаго, въ которомъ окопались, точно въ крѣпости, соединенные союзники: сила физическая, богатство и знаніе. Судъ есть гарнизонъ этой крѣпости, и исполняетъ свою обязанность мало заботясь о психическихъ цѣляхъ наказанія, устрашенія, предупрежденія, исправленія, которыя не суть ни причина, ни источникъ суда.

Что́ въ обществѣ судъ и приговоръ, то въ международныхъ отношеніяхъ война и побѣда. Войнѣ присущи тотъ же драматизмъ, какъ и судебному процессу, тѣ же стремленія къ осужденію и извиненію, такъ же точно какъ и въ процессѣ вѣсы побѣды склоняются къ тому, кому благопріятствуютъ сила, богатство и знаніе. Сходство между судомъ и войною поразительное, но судъ былъ безмѣрно идеализированъ общественнымъ мнѣніемъ; ради красиваго узора достойныхъ и мягкихъ формъ судоговоренія оно забываетъ про грубую канву, на которой шитъ узоръ, между тѣмъ какъ война есть та же канва, но обращенная къ намъ изнанкою съ рваными концами шелку и шерсти. Война требуетъ страшныхъ приготовленій, богатства, экономіи, организаторскихъ способностей; духа единенія народа съ войскомъ — патріотизма. Всякая армія есть двойной экстрактъ народа и государства. Въ войнѣ высшая организація всегда побѣждаетъ низшую, причемъ конечно побѣда идетъ въ прокъ человѣчеству.

Третій подъ-органъ правительства — *администрація*, посвященъ поддерживанію права, исполненію закона. Г. Стронинъ умалчиваетъ о томъ, что въ кругъ ея вѣдомства входитъ попеченіе о благосостояніи гражданъ, посредствомъ банковъ, учрежденій земледѣльческихъ, промышленныхъ, коммерческихъ и содѣйствіе развитію просвѣщенія посредствомъ школъ; онъ пропускаетъ всю ту благотворную дѣятельность, посредствомъ коей администрація связана множествомъ звеньевъ съ экономическою жизнью

Digitized by Google

народа и вліяетъ на ходъ этой жизни. Ограниченная однимъ исполненіемъ существующихъ законовъ, тощая и обрѣзанная, администрація походитъ на челнокъ въ рукахъ ткача; она снуетъ ежеминутно въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, внѣдряя въ общество законы популярные безъ суда, непопулярные при помощи суда или доводя до правительства результаты своихъ наблюденій, поставляя его въ извѣстность о несходствѣ жизни съ предписаніями закона, а также указывая законодательству на факты жизни непредусмотрѣнные закономъ. Такимъ образомъ, конецъ дѣятельности администраціи стекается съ началомъ дѣятельности законодательства, и всѣ три функціи правительства образуютъ непрерывный кругъ. Онѣ и дополняютъ взаимно одна другую. Если законъ устарѣлъ или ретроградeнъ, судъ съузитъ или расширитъ его посредствомъ искуснаго толкованія. Судъ регулируетъ также и администрацію, оставляя безъ послѣдствій ея иски, оказывающіеся несостоятельными, или привлекая ее къ отвѣтственности; законодательство можетъ ежеминутно перестроить и администрацію и судъ.

«Политика» г. Стронина кончается теоріею функцій *гражданства*, то-есть той густой массы, которой не проникаетъ сплошь ни одна идея, въ которую всякій законъ внѣдряется медленно и съ трудомъ, но изъ которой ни одного разъ усвоеннаго предмета нельзя исключить безъ того, чтобы онъ не оставилъ многочисленныхъ корешковъ. Гражданство есть преимущественно сила физическая и экономическая, а не политическая, это матерія приводимая въ движеніе интеллигенціею посредствомъ правительственныхъ аппаратовъ. Она не дѣлится въ политическомъ отношеніи ни на какіе органы и всѣ ея функціи крайне просты и элементарны, и состоятъ въ *привычкѣ* и *отвычкѣ*. Вгоняя въ народъ новыя права и обязанности, администрація достигаетъ того, что дѣяніе, предписанное закономъ, совершается наконецъ безсознательно, автоматически, что оно обращается въ рутину, въ нравъ, вторую природу человѣка. Какъ только человѣкъ усвоилъ себѣ этотъ нравъ, какъ только онъ его возлюбилъ, то тотчасъ же этотъ нравъ освѣщается лучемъ красоты, эстетическаго творчества и отливается онъ въ обрядъ, обычай. — Подвинутый еще на одну ступень изъ области поэзіи въ область чистаго мышленія, нравъ изъ обычая превращается въ *преданіе*, святыню народа, замѣняющую ему не разъ науку и служащую неистощимымъ родникомъ, изъ котораго интеллигенція почерпаетъ свои идеи. Такимъ образомъ, опять и въ послѣдній разъ мы видимъ, что жизнь вращаетъ исполинскимъ колесомъ: интеллигенція беретъ изъ преданія идеи, кото-

Digitized by Google

рыя, бывъ крещены духомъ вѣка, претворяются сначала въ права, а потомъ въ обычаи и преданія. Скоро ли и какимъ образомъ совершается полный круговой оборотъ идей, правъ, преданій и опять идей?—на эти вопросы «Политика» даетъ только самые общіе, приблизительно точные отвѣты.

Изъ всѣхъ продуктовъ политической жизни самые разрѣженные и, такъ сказать, газообразные суть идеи; гораздо плотнѣе права, которыя можно назвать жидкими продуктами жизни, и всего плотнѣе и тверже—нравы. Идеи блещутъ всѣми цвѣтами радуги: гдѣ ихъ много, тамъ игра этихъ цвѣтовъ порождаетъ оптическій обманъ, вслѣдствіе котораго наблюдателю кажется, что политическая жизнь богата и полна, а между тѣмъ она можетъ быть бѣдна, можетъ произращать одни пустоцвѣты безъ сѣмянъ. Франція импонировала такимъ мнимымъ богатствомъ гуманнѣйшихъ идей, пока не убѣдились, что само накопленіе этихъ идей есть болѣзненный признакъ въ организмѣ, который былъ весьма даровитъ, но истощился отъ всякаго рода излишествъ; что этому накопленію идей соотвѣтствуетъ страшная рутина практики, потому что нѣтъ возможности мѣнять ежегодно и даже ежедневно свои законы, а тѣмъ болѣе нравы. Быстрое движеніе и частое измѣненіе законовъ не можетъ быть также несомнѣннымъ показателемъ высоты развитія общества; вспомнимъ только несмѣтное количество нашихъ бумажныхъ реформъ, начиная съ Петра Великаго, изъ коихъ немногія оказали вліяніе на измѣненіе основъ политической жизни, поражающей своею худобою, и только недавно начавшей наполняться болѣе обѣщающимъ содержаніемъ. Настоящее мѣрило народнаго развитія—это нравы народа, которыхъ нельзя заимствовать извнѣ, но необходимо самому выработать, послѣ чего они могутъ существовать цѣлые вѣка, несмотря ни на какія усилія, направленныя къ разложенію ихъ со стороны законодательства, при содѣйствіи ему даже и физической силы. Нравы суть продукты политическіе всего болѣе децентрализованные, но и они распространены неравномѣрно и не по всему обществу. Есть обычаи, которые отъ начала міра не проникли до сихъ поръ въ низшіе слои общества, есть преданія преходящія и ломкія, свойственныя одной только аристократіи, то-есть, тому классу общества, который всего склоннѣе къ новизнамъ, и который въ своей погонѣ за новизнами готовъ совсѣмъ оторваться отъ тяжелыхъ на подъемъ народныхъ массъ. Эти соображенія приводятъ автора къ уразумѣнію великаго значенія *средняго состоянія*, связывающаго верхъ и низъ общества, состоянія умѣренно прогрессивнаго, хранящаго преданія, но воспрі-

Digitized by Google

имчиваго также къ идеямъ. Круговой оборотъ продуктовъ въ жизни политической бываетъ всегда пропорціоналенъ величинѣ общества, его массивности. Коренной недостатокъ всякаго громаднаго организма заключается въ томъ, что онъ развивается страшно медленно и требуетъ много времени на выработку идей, законовъ и преданій. Это и заставляетъ автора признать относительное превосходство *федерализма*, какъ такой именно формы, которая, при всей громадности цѣлаго, даетъ возможность крови обращаться быстрѣе въ каждомъ изъ членовъ этого цѣлаго.

IX.

Возрастаніе средняго состоянія и федерализмъ — таковы два окончательные вывода, которыми г. Стронинъ заключаетъ свою теорію и два пожеланія, которыми онъ напутствуетъ свою книгу, отдавая ее на судъ общественнаго мнѣнія. Книга изобилуетъ оригинальными взглядами, неожиданными и поразительно новыми сопоставленіями и сравненіями, но есть въ ней порядочная доза недоказаннаго и страннаго. Оставляя въ сторонѣ мелочи, постараемся формулировать болѣе крупныя возраженія, которыя можно сдѣлать почтенному труду.

Взявъ въ руководство методъ аналогики, г. Стронинъ строитъ систематическія догадки; предположивъ, что всякій законъ космическій повторяется и въ біологіи и въ соціологіи, онъ сталъ примѣнять законы пространства, геометрическія аксіомы къ тому, что лишено пространства, къ явленіямъ духа общественнаго. Онъ открылъ стройныя подобія, составилъ чудовищный атласъ, негодящійся къ употребленію, совсѣмъ не воспользовавшись притомъ богатымъ запасомъ матеріаловъ, собранныхъ исторіею или такъ-называемою имъ эмпирическою обсерватикою историческихъ событій. Г. Стронинъ не исполнилъ обязательствъ взятыхъ имъ на себя въ «Исторіи и Методѣ»; онъ ничѣмъ не подтвердилъ на опытѣ правильности своего взгляда на мѣсто, которое по его началамъ должна занимать психологія. Куда дѣвать психологію? По этому вопросу, составляющему яблоко раздора въ лагерѣ позитивистовъ между Литтре и Д. Ст. Миллемъ, г. Стронинъ высказался такимъ образомъ, что психологія слѣдуетъ за соціологіею и есть послѣдняя наука, значитъ, что соціологію можно построить не прибѣгая къ помощи психологіи. Оказалось на опытѣ, что это невозможно. Уже въ біологическомъ процессѣ общества, г. Стронинъ двояко объясняетъ смерть обществъ, біологически и

Digitized by Google

психологически: доведеніемъ до конца работы скрещиванія породъ и исчерпаніемъ общественныхъ идеаловъ. Оба рѣшенія не только лишены всякой раціональной связи, но они и не совпадаютъ одно съ другимъ. Исторія изобилуетъ примѣрами народовъ, скончавшихся либо отъ недостатка въ идеалахъ, либо отъ другихъ вполнѣ естественныхъ причинъ, гораздо прежде нежели смѣшались ихъ племенные элементы, гораздо прежде, чѣмъ выработался, а можетъ быть и потому, что недовольно скоро выработался у нихъ одинъ общій типъ отъ скрещенія составныхъ элементовъ (Финикія, Карѳагенъ, древняя Персія). Замѣтимъ мимоходомъ, что вводя въ біологическій процессъ новый факторъ — идеалы, авторъ долженъ былъ формировать законъ ихъ образованія и отживанія, чего онъ не сдѣлалъ. Въ соціологическомъ процессѣ г. Стронинъ основалъ все начало соединенія и раздѣленія труда на психологическихъ понятіяхъ о цѣли и средствахъ Наконецъ, въ политическомъ процессѣ авторъ раздѣлилъ факторовъ жизни политической на подобіе функцій души: разума, чувства и воли.

Остановимся на минуту на біологическомъ процессѣ. Началомъ и причиною застоя, послѣ котораго наступаетъ сначала упадокъ, а потомъ и смерть общества, авторъ считаетъ неудовлетвореніе общественной потребности, которая или изуродовала организмъ, замолкая, атрофируясь, или истощила его, потрясая его революціями. Это объясненіе не вполнѣ согласно съ понятіемъ объ обществѣ, какъ объ организмѣ, который долженъ старѣться, хотя бы никогда не хворалъ, хотя бы ни одна его органическая потребность не была подавлена. Изъ положеній автора надлежало бы заключить, что такой совершенно правильно развивающійся организмъ пользовался бы даромъ похожимъ на безсмертіе, однако это немыслимо, потому что всякій организмъ кончается, даже и безъ болѣзни, причемъ можно сильно поспорить, имѣетъ ли односторонность развитія такую непосредственную связь съ недолговѣчностью, какую предполагаетъ авторъ. Есть односторонніе и увѣчные организмы между людьми, которые доживаютъ почти до Маѳусаиловыхъ лѣтъ. Къ этому же ложному выводу о безсмертіи мы можемъ придти еще другимъ путемъ: ничто не препятствуетъ народу обновлять до безконечности свои идеалы, то-есть, получать все новыя и новыя впечатлѣнія отъ окружающей среды, образовать изъ нихъ понятія и наряжать эти понятія въ чувственныя формы. При некончающейся во всю жизнь впечатлительности организма не можетъ быть окончательнаго исчерпанія всѣхъ идеаловъ безъ остатка, развѣ пришлось бы допустить, что поражены

Digitized by Google

параличемъ вдругъ окончательно всѣ нервы ощущеній, то-есть вся интеллигенція народа.

Начало и конецъ стадіи прогресса опредѣлены далеко не точно, еще бо̀льшая путаница выходитъ съ разграниченіемъ застоя и регресса. Остроумная догадка о воскресеніи народныхъ идеаловъ виситъ на воздухѣ ничѣмъ неподтвержденная, недоказанная. Нельзя серьёзно относиться къ такой діалектической игрѣ понятіями, какую представляетъ предположеніе, что римскій цезаризмъ есть поворотъ Рима назадъ къ временамъ Тарквинія и тому под.; наоборотъ, можно доказать противное, а именно, что народы сильно прогрессирующіе углублялись иногда въ свое историческое прошедшее для извлеченія оттуда народныхъ преданій, необходимыхъ для разрѣшенія задачъ современности. Обращеніе народа къ своей исторіи для заимствованія оттуда идеаловъ не есть непремѣнный показатель регресса; напротивъ того, оно можетъ иногда служить доказательствомъ крѣпости организма, который при выработкѣ понятій изъ впечатлѣній поочередно, то хватаетъ и присвоиваетъ себѣ чужое, то отворачивается съ омерзѣніемъ отъ чужого и пытается выводить все содержаніе своей жизни изъ исключительныхъ особенностей своей личности. Эти два поочередныя стремленія, одно къ космополитическимъ рукожатьямъ и объятіямъ, другое къ уединенію, къ дикому возлюбленію самого себя, съ пожертвованіемъ всего патріотизму, вызываютъ появленіе волнообразной линіи акцій и реакцій едва ли не въ большей степени, нежели фактъ соединенія и раздѣленія труда, положенный авторомъ въ исключительное основаніе акцій и реакцій. Вся эта глава о соединеніи и раздѣленіи труда была бы согласна съ истиной, если бы развитіе организма было только внутреннее, если бы оно совершалось, такъ сказать, подъ воздушнымъ колоколомъ, безъ всякаго вліянія окружающей среды, которое иногда мѣшаетъ развитію, а иногда служитъ могущественнѣйшимъ стимуломъ и производитъ совершенный поворотъ не только въ чувствахъ, но и въ самыхъ понятіяхъ. Патріотизмъ есть громадная скрытая сила, которая освобождается, превращается въ живую и пылаетъ только въ короткія минуты борьбы и опасности. Тогда-то и совершаются мгновенно такія перемѣны, такія акціи и реакціи, которыхъ объясненія напрасно бы мы искали въ мѣрныхъ движеніяхъ общественнаго сложенія и разложенія, анализа и синтеза.

Въ политическомъ процессѣ г. Стронинъ является психологомъ, но психологомъ одностороннимъ и неполнымъ. Неизвѣстно, куда у него дѣвались функція чувства, аффекты простые и пре-

Digitized by Google

вратившіеся отъ повторенія въ привычки, то-есть, страсти? Изъ всѣхъ чувствъ выдѣлено одно—эстетическое, и приписано правительству, а въ правительствѣ особенно войнѣ и суду. Несомнѣнно, что процессъ чувства есть самый темный и сложный вопросъ современной психологіи, но безъ него нельзя себѣ объяснить, почему общество откликается только на нѣкоторыя идеи вѣка и отвращается отъ остальныхъ, почему изъ громаднаго запаса мертваго знанія оно выбираетъ тѣ, а не другія идеи, которыя и становятся ферментомъ, живыми политическими идеалами; нельзя также объяснить и образованіе политическихъ партій — явленіе, которое исключено авторомъ безъ всякаго повода изъ политическаго процесса съ перенесеніемъ его въ соціологическій, гдѣ оно совсѣмъ неумѣстно, въ начало соединенія и раздѣленія труда. Политическія партіи суть факторы, которыхъ произведеніемъ является само правительство. Совокупность всѣхъ партій и составляетъ гражданство, не то пассивное и сгущенное въ одну безформенную массу, какимъ оно представляется автору, но раздѣленное на отряды, знающее наизусть свои преданія, чуткое на кличъ интеллигенціи и вліяющее такимъ образомъ на историческія судьбы общества. Хотя бы нѣкоторые или даже и всѣ классы народа не обладали правами политическими, ихъ настроеніе и сочувствіе производятъ сильнѣйшее давленіе на правительство. Если бы г. Стронинъ былъ болѣе основательный психологъ, то онъ не поражалъ бы насъ своимъ одностороннимъ и грубымъ натурализмомъ, мѣтко схватывающимъ инстинкты, но не оставляющимъ почти мѣста въ жизни сознательной идеѣ; отъ него ускользаетъ весь переходъ инстинкта въ идею. По его мнѣнію, политическія партіи какъ были слѣпыя, дѣйствующія по инстинкту, такъ такими и навсегда останутся. То же можно бы сказать и о каждомъ отдѣльномъ лицѣ, однако извѣстно, что въ зрѣломъ возрастѣ человѣка и общества разсудокъ беретъ верхъ надъ аффектами и инстинктомъ, и что бывали политики, предводители партій, которые математически вѣрно разсчитывали будущія событія, значитъ, что и въ политикѣ не вездѣ и не для всѣхъ инстинктъ служитъ единственнымъ проводникомъ. То же можно сказать и о судебномъ инстинктѣ. Г. Стронинъ думаетъ, что онъ совсѣмъ покончилъ съ уголовнымъ правомъ, указавъ на его первоначальный источникъ—инстинктъ, но на инстинктѣ нельзя ничего построить, даже если допустимъ, что этихъ инстинктовъ два: одинъ, клонящійся къ суровости, и другой къ смягченію. Изъ инстинкта нельзя вывести систему наказанія, а такъ какъ умъ нашъ ищетъ раціональной системы наказанія, то онъ берется по необходимости за изученіе

Digitized by Google

послѣдствій, вытекающихъ изъ наказанія, какъ для общества, такъ и для самого преступника, значитъ, прибѣгаетъ къ психологіи. Въ своемъ источникѣ право есть несомнѣнно порожденіе силы и вѣрнѣйшее отраженіе господства силы, богатства и знанія, но дальнѣйшая переработка его обществомъ, толкованіе, приложеніе и обобщеніе видоизмѣняютъ это право, безъ всякаго переноса власти изъ класса въ классъ и даже среди глубокаго застоя. Эти вліянія растягиваютъ право, подкладываютъ подъ первобытное и грубое проявленіе воли самыя умныя и тонкія предположенія и теоріи, такъ что оно переполняется совсѣмъ новымъ содержаніемъ и дѣлается чѣмъ-то совершенно отличнымъ отъ прежняго. Безъ всякой перемѣны въ законѣ отношенія общественныя, нравственныя и юридическія дѣлаются нѣжнѣе, мягче, что̀ и подмѣтили древніе и средневѣковые писатели, и что они приписывали изнѣженности, какъ послѣдствію долгаго мира. Это постепенное размягченіе суроваго обычая, эта гуманность, выдѣляющаяся вслѣдствіе долгаго общежитія и просачивающаяся безсознательно въ практику и въ толкованіе закона, хотя бы буква закона была самая суровая, составляютъ то, что̀ у Стронина представлено вторымъ подъ-видомъ судебнаго инстинкта, стремленіемъ къ невмѣненію. Мы уже указали на то, что авторъ страшно обрѣзалъ администрацію, исключивъ изъ нея вліяніе на экономію общества полицейскихъ и финансовыхъ установленій, искусно завѣдуемыхъ администраціею. Въ книгѣ г. Стронина ощущается вообще недостатокъ теоріи взаимнодѣйствія процессовъ экономическаго и политическаго. Авторъ догадывается, что всякій шагъ впередъ экономическій вызываетъ новый шагъ впередъ политическій, и что общество движется точно человѣкъ, на ходу дѣйствующій поочередно обѣими ногами. Эта истина брошена въ видѣ остроумнаго сравненія, но не развита съ надлежащею обстоятельностью.

Мы покончили съ общею частью труда г. Стронина, съ его теоріею; но въ книгѣ есть еще двѣсти страницъ, посвященныхъ спеціально Россіи; къ этому-то эпилогу намъ придется теперь обратиться.

X.

Создавъ посредствомъ дедукціи систему политики, которой анатомическая или статическая часть весьма слаба, а динамическая исполнена догадокъ, требующихъ подтвержденія, г. Стронинъ долженъ бы былъ провѣрить свои теоріи на дѣлѣ, то-есть, начертить исторію человѣчества или какой-либо части человѣчества, извѣстной группы

Digitized by Google

народовъ, или хотя-бы одного народа и доказать, что человѣчествомъ или народомъ пройдены всѣ тѣ процессы, которые составляютъ содержаніе «Политики». Безъ историческаго труда, который обѣщанъ г. Стронинымъ, его теорія виситъ на воздухѣ и остается блистательнымъ фейерверкомъ. Но нетерпѣливое его желаніе перейти тотчасъ къ практическимъ результатамъ, столь велико и увѣренность въ непреложности предугаданныхъ и неповѣренныхъ законовъ столь сильна, что отложивъ представленіе доказательствъ, онъ нынѣ же задается мыслью дать на основаніи началъ своей политики діагностику и прогностику сегодняшней Россіи, иными словами, сдѣлавъ скачекъ изъ науки въ искусство, онъ берется по фактамъ текущей политики опредѣлить возрастъ, степень и особенности развитія Россіи и предсказать ея судьбы, формулировать какъ ближайшее будущее, такъ и самое отдаленное. Всякому свойственно гадать о будущемъ, но иное дѣло угадывать, иное же дѣло знать будущее и предрѣшать его вѣщимъ духомъ во имя науки, на основаніи законовъ, выведенныхъ изъ прошедшаго. Эта титаническая задача не была по силамъ ни одной философіи исторіи, едва-ли она удалась и г. Стронину. Послѣднія 200 страницъ его книги, посвященныя Россіи, конечно весьма пикантны, онѣ прочтутся съ любопытствомъ даже тѣми людьми, которые не одолѣютъ его теоріи; на этихъ страницахъ выводятся люди близко знакомые, затрогиваются свѣжія раны, изъ которыхъ еще сочится кровь, и высказываются смѣло, а порою и рѣзко, прочувствованныя многими изъ насъ задушевныя думы, еще не обратившіяся въ былое, изображается наглядно живая дѣйствительность настоящей минуты. Строго-научнаго мало въ этихъ опредѣленіяхъ и предсказаніяхъ, по всей вѣроятности немногимъ больше, чѣмъ въ предсказаніяхъ старинныхъ календарей о погодѣ на грядущій годъ. Вѣроятности выводовъ препятствуетъ то, что въ основаніяхъ заключеній настоящіе факты перемѣшаны съ гражданскими убѣжденіями автора, то-есть, что авторъ въ законы русской политики возводитъ чувства, его одушевляющія, которыя онъ желалъ бы видѣть руководящими будущностью отечества. Таковы, напримѣръ, его теорія русскихъ завоеваній, оставляющихъ будто-бы неприкосновенными своеобразности инкорпорируемыхъ земель; таковы его идеи о сплоченіи въ единицы цѣлыхъ расъ человѣчества, о панславизмѣ и паневропеизмѣ подъ русскимъ знаменемъ, о славянско-русской политикѣ, съ точки зрѣнія которой славянскій съѣздъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ 1867 г. представляется чуть-ли не міровымъ событіемъ и началомъ новой эры (стр. 492). Увлеченіе г. Стронина своими идеями столь велико, что въ будущей

Digitized by Google

возможной германско-славянской борьбѣ онъ предлагаетъ, какъ средство одолѣть противниковъ нравственнымъ превосходствомъ, введеніе воинскаго чиноначалія по выборамъ (485), и предрекаетъ открытіе въ тактикѣ такого клинообразнаго построенія войскъ, по закону разсѣченія среды остроконечіями, которое дастъ опять перевѣсъ холодному оружію надъ огнестрѣльнымъ. Подобные прогностики могли бы смѣло стать на ряду съ самыми фантастическими предвѣщаніями знаменитаго Фурье. Г. Стронинъ мыслитель весьма радикальный, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ человѣкъ сердечный и патріотъ до мозга костей, пропитанный преданіями національной исторіи, которыя такимъ образомъ укладываются съ радикализмомъ; что самымъ радикальнымъ выходитъ у него непремѣнно и почти всегда завѣтное національное, и предполагаемое имъ соединеніе всѣхъ христіанскихъ церквей въ младшей изъ нихъ— православіи, и соединеніе всѣхъ славянъ въ самомъ младшемъ племени — русскомъ, и соединеніе всей Европы подъ началомъ ославянившейся Россіи, словомъ, осуществленіе на радикальной канвѣ славянофильскаго идеала, съ тою только разницею отъ московскаго славянофильства, что оно гуманнѣе, безобиднѣе; что оно ведетъ не къ съѣденію и переваренію всей славянщины, а потомъ пожалуй и Европы, здоровымъ великороссійскимъ желудкомъ, но клонится къ тому, чтобы каждой особи славянской и даже не-славянской, дать мирно жить въ нѣдрахъ гигантскаго государства, допускающаго величайшее разнообразіе частей. Хотя за взглядами г. Стронина мы не признаемъ научности, тѣмъ не менѣе они остроумны, глубокомысленны и заслуживаютъ того, чтобы быть принятыми если не къ руководству, то по крайней мѣрѣ къ свѣдѣнію, вотъ почему мы постараемся передать вкратцѣ ихъ содержаніе.

XI.

Никогда и нигдѣ—въ такомъ родѣ разсуждаетъ г. Стронинъ— за исключеніемъ Новаго Свѣта—Сѣверной Америки, не было еще демократизма подобнаго твоему, мужицкое государство съ 55 милліонами на 80 землевладѣльцевъ. И что́ въ сравненіи съ этою колоссальною гущею наша буржуазія изъ какихъ-нибудь 500 т. человѣкъ, подраздѣляющаяся еще притомъ на два непохожіе одинъ на другой пласта. Одинъ пластъ крупной буржуазіи— еврейско-нѣмецкій, полипомъ вросъ въ общественное тѣло, захватилъ коммерцію, биржу, а отчасти и оффиціальную или такъ-называемую академическую науку; другой пластъ—мелкой буржуа-

Digitized by Google

зіи, отдѣленный отъ аристократіи нѣмецко-еврейской стѣной, тоже мужичій, только побогаче; онъ плаваетъ въ демократизмѣ какъ въ своемъ соку и не выработалъ, да и не выработаетъ никогда буржуазнаго духа узкаго разсчета, довольства малымъ, умѣренности. Столь-же насквозь демократична и интеллигенція русская отъ основанія вплоть до самой вершины общественнаго конуса. Въ одномъ изъ ея факторовъ—религіи, духовенство выросло все изъ народа и только во времена монгольскія пополнялось аристократіею, которая потомъ перестала въ него опускаться. Кромѣ этого духовенства имѣется еще своя особая интеллигенція, вполнѣ самородная и простонародная, выросшая какъ ягода въ лѣсу и неимѣющая ничего себѣ подобнаго—это расколъ. Въ другомъ факторѣ — наукѣ, корку академическую нѣмецкаго наслоенія пробивали съ Ломоносова головами своими недюжинные люди, все почти кровные демократы. Въ одномъ только искусствѣ аристократія приняла участіе съ честью и славою (Пушкинская плеяда), но далеко не вся. Г. Стронинъ допускаетъ двѣ русскія аристократіи: одну по образу монголовъ, хуже и ниже всякаго вельможества, и другую, по образцу Европы, которая отличается тѣмъ, что оставаясь аристократіею по крови, братается по духу съ демократизмомъ; процѣдившись сквозь демократическій фильтръ въ церкви, въ школѣ, въ русской конструкціи жизни, она не только прогрессивнѣе всякой аристократіи въ Европѣ, не исключая англійской, но въ ущербъ своимъ интересамъ, она столь-же по духу радикальна, какъ и самый отъявленный демократизмъ. «Аристократизма мы не знали, говоритъ авторъ, въ другихъ формахъ какъ невѣжественныхъ» (355), а такъ какъ жизнь сложилась такимъ образомъ, что и буржуазности намъ не видать, то намъ остается только нашъ демократизмъ, который мы должны пронести дальше, сдѣлать и просвѣщеннымъ, и сознательнымъ. Къ тому же результату приводитъ изученіе государства въ пространственномъ отношеніи по горизонтальному разрѣзу. Наша малая сравнительно съ объемомъ государства столица пять разъ мѣняла мѣсто, и усѣлась на дальнемъ сѣверѣ, на самой периферіи государства; наши расползающіеся во всѣ стороны города похожи на деревни, но за то села безподобны по своей густотѣ, по плотности, по объему. Никогда тебѣ не сравниться ни съ Англіею и Франціею, странами великихъ столицъ, ни съ Германіею, буржуазнымъ міромъ городовъ, о деревенская страна, предрасположенная судьбою къ децентрализаціи, несмотря и вопреки всей нынѣшней централизаціи правительства. Залогомъ децентрализаціоннаго строя служитъ твой колоссальный объемъ все еще воз-

Digitized by Google

растающій, какъ катящаяся глыба снѣгу. Когда ты устоишься и почувствуешь потребность промѣнять строй пригодный для приращенія на строй наиболѣе пригодный для сохраненія, тогда и начнется разсредоточеніе съ умноженіемъ и уразноображеніемъ политическихъ органовъ, служащее показателемъ высшей организаціи.

Мы уже указывали, почему не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы долгота дней націи исключительно обусловливалась запасомъ неиспробованныхъ скрещиваній, но мы не можемъ не согласиться съ авторомъ, что скрещиванія составляютъ источникъ обновленія, и что Россія страшно богата въ этомъ отношеніи, потому что къ помѣси славянскаго съ финскимъ, образовавшей великорусское ядро катящейся глыбы, пристало почти все русское, да и многое славянское, что даже общій русскій типъ еще неустановился, что любая окраина Россіи есть цѣлая этнографическая казна. Теперь близорукіе централисты сѣтуютъ на эту пестроту окраинъ, они хотѣли бы многое разомъ урѣзать и вытравить, но придетъ время, когда интеллигенція и правительство убѣдятся, что подобное отношеніе къ своему собственному цѣннѣйшему добру то же, что самоизувѣченіе себя, и постигнутъ возможность продлить жизнь и прогрессивность цѣлаго на многіе вѣка покровительствомъ помѣсямъ и случиваніемъ племенъ и сословій.

Никто въ мірѣ не оспариваетъ, и злѣйшіе враги и завистники признаютъ, что молодое созданіе еще растетъ и въ ширь и въ высь, и въ пространство и въ населеніе; но много лѣтъ имѣетъ оно за собою, а такъ какъ въ мірѣ нѣтъ ничего вѣчнаго, то можно принять за вѣроятное, что уже подходитъ къ концу періодъ роста и что чѣмъ не запаслась, чего не пріобрѣла въ смыслѣ коренныхъ качествъ нація, того уже и не видать ей. Трудъ ея жизни состоялъ въ политическихъ соединеніяхъ и раздѣленіяхъ, изъ которыхъ первыя преобладали надъ послѣдними. Слабость инстинкта соединенія была сначала поразительная, много времени прошло, пока образовалась первая государственная клѣточка; едва стали нарощаться на эту клѣточку роды одинъ за другимъ, какъ явилось раздѣленіе въ видѣ удѣльности, которое уничтожило почти всю работу соединенія, пока случайность внѣшняя и иго татарское не дало инстинкту соединенія рѣшительнаго перевѣса надъ инстинктомъ раздѣленія, и не повело племя самое ковкое, безличное, тягучее, къ тѣмъ инкорпораціямъ, присоединеніямъ, завоеваніямъ, которыхъ конецъ впереди, потому что для автора дѣло рѣшеное: коль скоро есть пангерманизмъ, то будетъ пан-

Digitized by Google

славизмъ, а дальше и паневропеизмъ подъ гегемоніею Россіи. Какъ ни открещиваются всякій разъ отъ завоеванія всѣ наши партіи, идти впередъ приходится не по охотѣ, а по неволѣ, не преднамѣренно, а необходимо, подобно Вѣчному Жиду, потому что въ сердцѣ самой Европы оказываются союзники, братья, подобно чехамъ, простирающіе къ намъ руки, и придется идти на Дунай и Карпаты, и за Альпы и Рейнъ, пока не дойдемъ до Атлантическаго океана.... (386). Чегожъ жалѣть, помогай Богъ, дай только намъ побольше аппетиту на этотъ богатырскій пиръ горою! Жаль, что не обозначено приблизительно, въ какой годъ отъ Рождества Христова совершится это побѣдное шествіе до Атлантическаго океана, съ бубнами и литаврами; вѣроятно еще не скоро, потому что если романскія племена, съ Франціею во главѣ, спустились уже книзу по дугѣ прогресса, Англія стоитъ на кульминаціонномъ пунктѣ этой дуги, а Германія подвигается вверхъ по другому концу ея, то для Россіи кульминаціонный пунктъ еще весьма далекъ (366). Искренно жаль разрушать эти милыя грёзы, эти розовыя надежды, а между тѣмъ, однако, грунтъ, на которомъ онѣ построены, столь шатокъ, что онѣ не могутъ не провалиться. Основаніе ихъ состоитъ въ такомъ розовомъ, аркадскомъ представленіи у автора о завоеваніяхъ вообще и русскихъ въ особенности, которое никакъ и ничѣмъ не оправдывается въ дѣйствительности. По мнѣнію г. Стронина, соединенія романскія отличались быстротою, порывистостью, грандіозностью и непрочностью (Карлъ Великій, Иннокентій III, Карлъ V, Наполеонъ I). Германскія—совершались настойчиво, преемственно, клонились къ совершенному обезличенію побѣжденныхъ, къ уподобленію ихъ себѣ—способъ отличный, но для малыхъ только пространствъ и при условіи большихъ временъ. Русскій способъ завоеванія не похожъ на романскій; завоеванія совершались не порывисто, не внезапно, безъ завоевательно-настроенныхъ государей, безъ особенно геніальныхъ полководцевъ, точно въ видѣ прибоя волны морской. Русскій способъ завоеванія не похожъ и на германскій, но воспроизводитъ римскій; онъ никогда не вытравлялъ систематически племенныхъ и національныхъ особенностей. «Никогда,—говоритъ г. Стронинъ, въ словахъ, которымъ мы бы хотѣли отъ всей души вѣрить,—мы не набрасывались ни на вѣру, ни на языкъ побѣжденныхъ, мы не набрасывались на нихъ даже съ религіозною и политическою пропагандою исподоволь. Миссіонерство наше слабо, школа наша и донынѣ не существуетъ, нашъ чиновникъ и до сихъ поръ не политикъ» (380). Все, что дѣлается на западной окраинѣ подъ именемъ обрусенія, представ-

Digitized by Google

лается автору случайностью, налетѣвшимъ шкваломъ мелкой завистливости, подражательностью или отрыжкою гнилой старины. Въ доказательство, что методъ русскій есть воспроизведеніе римскаго, то-есть, что онъ не мѣшаетъ побѣжденнымъ оставаться собою, приводятся въ прошедшемъ сеймъ польскій 1815—1830 гг., автономія остзейской окраины, конституція Финляндіи, въ далекомъ будущемъ федеральный союзъ не изъ губерній, а изъ великихъ земскихъ единицъ, отмежеванныхъ какъ географіею, такъ и исторіею: Великороссія сѣверо-западная славянскаго типа, Великороссія финскаго типа, можетъ быть еще Великороссія татарскаго типа, двѣ Малороссіи на Днѣпрѣ и за Днѣпромъ, Бѣлоруссія, Новороссія, Остзейскій край и Польша съ Финляндіею, Кавказомъ, Туркестаномъ, Сибирью; наконецъ, въ настоящемъ признаки, изъ которыхъ можно заключить, что это прошлое поведетъ къ этому будущему. Такимъ признакомъ г. Стронинъ считаетъ земскую реформу, которая когда-нибудь введется и на окраинахъ, фактъ, раздутый журналистикою, но тѣмъ не менѣе дѣйствительный, русскихъ сепаратизмовъ; наконецъ, русскій отвѣтъ на требованія земской автономіи — генералъ-губернаторства или намѣстничества, установленія, учрежденныя, повидимому, для единообразія, а между тѣмъ укрѣпляющія въ сущности разнообразіе и служащія зародышемъ децентрализаціи. Это блистательное открытіе римско-русскаго метода завоеваній не выдерживаетъ повѣрки и оказывается личнымъ гуманнымъ пожеланіемъ автора, возведеннымъ въ законъ русской исторіи. Если бы г. Стронинъ потрудился заглянуть въ исторію глубже, въ до-петровскую эпоху, то онъ бы нашелъ тамъ методъ завоеваній, открытый еще политикою московскихъ вѣнценосцевъ, посредствомъ котораго такъ основательно прикрѣплены, напримѣръ, сѣверныя народоправства, что не осталось въ нихъ уже никакихъ другихъ воспоминаній и живыхъ преданій великой старины. Способъ этотъ весьма успѣшный, въ смыслѣ закрѣпленія пріобрѣтеній, хотя и дорого оплачиваемый вѣковымъ безплодіемъ вспаханной такимъ образомъ почвы, состоялъ въ томъ, чтобы демократизировать общество, оставивъ некультурные слои народа нетронутыми, но снять у нихъ съ плечъ разомъ всѣ культурныя, аристократическія наслоенія и замѣстить ихъ заѣзжими людьми и пришлыми элементами изъ центра государства. Понятно, что при такомъ истребленіи мѣстныхъ аристократій и при неимѣніи у себя иного аристократизма, кромѣ того, который проявляется «въ невѣжественныхъ формахъ», государство насколько выиграло въ отношеніи безопасности, настолько проиграло въ отношеніи чувства индивидуализма, ко-

Digitized by Google

тораго роковую потерю оплакиваетъ г. Стронинъ, на всю нашу будущность (401). Не разнообразіе и не богатство задатковъ нашего федерализма, но совсѣмъ иныя причины произвели то, что отдѣльный человѣкъ слабъ и малъ въ этомъ могучемъ, но весьма до сихъ поръ однообразномъ цѣломъ. Съ Петра Великаго измѣнились значительно и пріемы завоевательные; въ Европу прорубались окошки, простирались руки къ культурѣ, которая вся выросла изъ аристократизма, проявлявшагося тамъ не въ однихъ только невѣжественныхъ формахъ; отсюда автономія остзейскаго края, Финляндіи, конгрессоваго королевства западныхъ и юго-западныхъ губерній; отсюда попытки развести у себя дома, сверхъ аристократіи по образцу монгольскому, аристократію по нѣмецкому и даже по польскому образцу; отсюда самыя широкія уступки всевозможнаго происхожденія барству, даже иногда во вредъ интересамъ низшихъ некультурныхъ слоевъ населенія. Извѣстно, съ какою силою проявилъ себя инстинктъ демократическій, возвращаясь разомъ къ преданіямъ древне-московскимъ завоеванія Новгорода и Пскова. Русско-римскаго метода завоеваній, такимъ образомъ, не было въ Россіи и нѣтъ, а есть два крайніе пріема и между ними никакой средины: либо лелѣять и пересаживать къ себѣ всякое барство, либо срѣзывать всякую культурность до основанія. Разводить барство не значитъ возращать индивидуализмъ. Срѣзывать культурный слой не значитъ подготовлять панславизмъ и паневропеизмъ, не значитъ даже создавать въ покоренной странѣ прочную русскую партію, которая не образуется никогда посредствомъ однихъ аграрныхъ законовъ, и возможна въ демократическомъ направленіи только посредствомъ возрощенія мѣстной культуры изъ мѣстныхъ же сѣмянъ, съ глубокимъ уваженіемъ къ привычкамъ, преданіямъ и особенностямъ политически объединяемой земли. Самъ же авторъ говоритъ: «безъ духа сепаратизма, безъ принципа автономичности частей, нѣтъ теперь духа соединительности, нѣтъ теперь Рима для міра» (396), но дѣло въ томъ, что вопросъ только поставленъ, задача не рѣшена, методъ не открытъ, а пока онъ не будетъ открытъ, можно повременить съ торжественнымъ маршемъ за Рейнъ къ Атлантическому океану.

Вся часть, сильнѣйшая въ «Политикѣ» о раздѣленіи и соединеніи труда, вышла слабѣйшею въ прогностикѣ и діагностикѣ Россіи; она темна и непослѣдовательна. Почти такая же оцѣнка приходится на долю опредѣленія числами изгибовъ и размѣровъ волнообразной линіи русскихъ акцій и реакцій. Вполнѣ вѣрно то, что богатырь, засидѣвшись сиднемъ четыре вѣка, и потративъ

Digitized by Google

ихъ на изобрѣтеніе метода собиранія земель, сдѣлалъ потомъ исполинскій прыжокъ при Петрѣ, послѣ котораго пришлось долго отдыхать; что и затѣмъ онъ подвигался внезапными и раздѣленными временемъ прыжками, что непостепенность развитія превратилась въ хроническую болѣзнь и всякій разъ, то разражается цѣлая буря прогресса, то наступаетъ мертвенное затишье застоя, среди котораго приходится начинать съизнова десять разъ начатое дѣло, попорченное потомъ и брошенное. Но, соглашаясь на то, что русскія волны еще не могутъ превратиться въ легкую зыбь, мы никакъ не раздѣляемъ того безнадежно-пессимистическаго взгляда автора, по которому каждой акціи и реакціи отмежевано не меньше 30 лѣтъ, взгляду, по которому мы должны ублажать себя только тѣмъ, что еще лѣтъ десятокъ или полтора мы будемъ обрѣтаться въ періодѣ убывающей акціи, потомъ опустимся еще на 30 лѣтъ въ темную глубь какой-то гигантской реакціи. Наша интеллигенція, по мнѣнію г. Стронина, вымерла до-тла, нигдѣ нѣтъ ни капли таланта, творчества; наша правительственная жизнь мельчаетъ, двѣ-три реформы, податная, военная—и конецъ; за то кипитъ жизнь экономическая, но и она, пробушевавъ, завянетъ,—тогда-то и начнется настоящая реакція; мы нынѣ видимъ одни только цвѣточки и не вкушали еще ягодокъ. Въ то время, когда всѣ нынѣшнія учрежденія будутъ мало-по-малу уходить въ тряскую почву, всасываться ею, намъ будетъ предстоять одно утѣшеніе: реакціи во внутренней политикѣ будутъ соотвѣтствовать акція во внѣшней, уже отдохнувшей, громъ побѣдъ, гроза завоеваній, а среди реакціи экономической будетъ собираться съ силами интеллигенція наша, не новый, не бывалый до нынѣ расцвѣтъ, но самобытное русское творчество. Самъ г. Стронинъ признаетъ, что Павловская реакція длилась всего четыре года, наверстывая интенсивностью то, что теряла въ экстенсивности, значитъ и въ будущемъ могутъ быть реакціи покороче; что и волны акціи неровны; такъ, между двумя громадными прогрессіями Петра I и Александра II, помѣстились двѣ гораздо меньшія: Екатерины II и Александра I. Ошибочность прогностики о продолжительности акцій и реакцій въ Россіи проистекаетъ у автора изъ того, что онъ уединяетъ народъ русскій и разсматриваетъ его совсѣмъ внѣ всякой связи съ Европой. Опредѣлять волны жизни по одной внутренней работѣ, по соединенію и раздѣленію труда у себя дома, можно бы только тогда, еслибы государство было на дальнемъ острову, внѣ всякаго общенія съ остальнымъ человѣчествомъ, чего нельзя допустить даже въ отношеніи Англіи, которая все-таки испытываетъ на себѣ вліяніе

Digitized by Google

жизни общеевропейской. Въ Россіи, вслѣдствіе ея молодости, воспріимчивости, подражательности, заимствованія главныхъ мотивовъ жизни извнѣ, всѣ европейскія акціи и реакціи имѣютъ громадное вліяніе, какъ факторъ, опредѣляющій вмѣстѣ съ внутреннимъ соединеніемъ и раздѣленіемъ труда очередь русскихъ акцій и реакцій, а такъ какъ акціи и реакціи европейскія вовсе не совпадаютъ съ русскими, то всякое опредѣленіе числами лѣтъ акцій и реакцій въ Россіи, по однимъ русскимъ дѣламъ и отношеніямъ, есть ни къ чему неведущая кабалистика, невнушающая никакого къ себѣ довѣрія. Вѣра въ скоро-грядущій періодъ завоеваній и побѣдъ, какъ ничѣмъ не мотивированная и только непосредственная, не подлежитъ даже повѣркѣ критики. Напротивъ того, совсѣмъ непонятно, какъ могутъ упадокъ въ интеллигенціи, застой въ законодательствѣ и истощеніе экономическое породить завоеванія и подготовить расцвѣтъ интеллигенціи; скорѣе можно предполагать, что мы будемъ побиты, но бывъ побиты, воспрянемъ, и поумнѣемъ, и пріободримся. Наши пораженія были всегда плодотворнѣе побѣдъ, на этомъ основаніи у насъ прóпасть пессимистовъ, которыхъ девизъ: чѣмъ хуже—тѣмъ лучше, и такъ какъ нація обрѣтается еще въ періодѣ роста, въ теченіи коего идетъ ей все впрокъ и побѣда и пораженія, то наши пессимисты оказывались совершенно правыми въ большинствѣ случаевъ.

Исторію и характеристику политическихъ партій г. Стронинъ начинаетъ съ никонцевъ и старообрядцевъ, и ведетъ ее вплоть до западниковъ и славянофиловъ сороковыхъ годовъ. На нашихъ глазахъ случилось превращеніе:—одна изъ партій прогрессивныхъ получила кличку, которая будетъ ея крещеніемъ и останется за нею всю будущую жизнь, кличку «нигилизма и нигилистовъ», между тѣмъ, какъ наши консерваторы еще не раздобылись на соотвѣтствующее имъ названіе. Партій во всей Россіи только двѣ, и онѣ скорѣе соціальныя, нежели политическія; главное основаніе дѣленія до сихъ поръ: «за мужика, или противъ мужика»; второстепенныя суть: сепаратизмъ и централизаторство, вѣрованіе во все или ни во чтó невѣрованіе, полный спиритуализмъ или матеріализмъ, искусство для исскусства или реализмъ. Между этими крайностями нѣтъ ни посредствующихъ оттѣнковъ, ни компромиссовъ. Современемъ явятся эти посредствующія звенья, но непреходящимъ отличіемъ всѣхъ нашихъ будущихъ партій будетъ все-таки ихъ не политичность, а общественность, ихъ соціальная подкладка, ихъ стояніе на великихъ, общечеловѣческихъ вопросахъ, а не на мѣстныхъ и національныхъ, чтó вполнѣ и соотвѣтствуетъ духу націи, призванной ко всемірному владыче-

Digitized by Google

ству и привыкшей вмѣщать въ себѣ всѣ политическія формы, отъ финляндской до самоѣдской.

Перехожу къ впечатлѣніямъ и рефлексамъ, къ процессу инкорпорацій и экскорпорацій. Всѣхъ главныхъ впечатлѣній авторъ насчитываетъ четыре: удѣльной жизни (до 1/2 XIII); монгольское (1/2 XIII—1/2 XV); впечатлѣніе завоеваній (1/2 XV—1/2 XIX), и заходящее въ завоевательный періодъ, совмѣщающееся съ нимъ, впечатлѣніе Европы (1/2 XVII—1/2 XIX). Какъ совпаденіе европейскаго періода съ завоевательнымъ, такъ и то обстоятельство, что съ 1/2 XVII в. завоеванія дѣлались на счетъ Европы, указываетъ на то, что авторъ произвольно раздвоилъ на два впечатлѣнія одинъ и тотъ же фактъ, проявляющійся только двумя различными, обусловливающими себя взаимно сторонами. Никакое впечатлѣніе не можетъ пропасть, пока не экскорпорировано, ни одно не могло быть въ конецъ экскорпоривано, вотъ почему въ насъ шевелятся донынѣ рефлексы жизни удѣльно-вѣчевой. Въ этой жизни сложились двѣ противоположныя привычки: жить сообща, міромъ, и жить въ разсыпную, землями. Экскорпорировать ихъ взялся помонгольскій монархизмъ, но не настолько, чтобы ихъ извести; они есть и напрашиваются въ жизнь. Режимъ земскій изъ общества ушелъ въ правительство въ видѣ генералъ-губернаторствъ и намѣстничествъ; режимъ мірской ушелъ изъ аристократіи къ мужикамъ, притаился и теперь вдвигается опять чрезъ открытую дверь земскихъ учрежденій, самоуправленія губерній. Другое впечатлѣніе, монгольское, не довольно проклятое русскими историками, потрясло всю нервную систему общества, заставило всѣхъ толпами бѣжать въ монахи, заставило аристократію слагаться по монгольскому типу, дало ей развиваться не вверхъ, а только внизъ, на счетъ народа, пріуготовило его закрѣпощеніе, наконецъ, отрѣзало насъ отъ Европы такъ, что и теперь не легко ее догнать, и что никогда, во вѣки вѣковъ, несовмѣстить намъ европейскаго индивидуализма съ нашимъ мірскимъ режимомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, оно создало монархизмъ, безчисленными корнями проникшій до самой подпочвы. Тираннія Грознаго, прекращеніе династіи, послужили только блистательною повѣркою крѣпости принципа, невѣроятной его прочности. Романовскій монархизмъ потянулъ къ Европѣ и началъ новый періодъ жизни, завоевательный въ физическомъ, подражательный въ цивилизаціонномъ отношеніи, въ которомъ г. Стронинъ усматриваетъ дѣйствіе двухъ впечатлѣній, потому что рефлексами его являются два качества, повидимому, несогласимыя:—гордость и смиреніе, изъ которыхъ гордость отмежевала себѣ внутреннюю

Digitized by Google

политику и даетъ себя больно чувствовать порою побѣжденнымъ, напр., полякамъ, а смиреніе знаменуетъ собою внѣшнюю политику и проявляется не только въ отсутствіи всякаго шовинизма, но и въ порядочной дозѣ самоуниженія передъ равными и высшими иностранцами. Отъ завоеваній выработался въ великорусскомъ племени тонъ повелительный, но эта гордость относится всегда къ массѣ, безъ разложенія ея на личности, безъ сознанія личнаго достоинства. Съ другой стороны, уваженіе къ иностранному доходитъ до подобострастія, до раболѣпства, но оно снабдило русскаго человѣка и драгоцѣннымъ качествомъ, безъ котораго нѣтъ ни владычества всемірнаго, ни даже роли всемірно-исторической: склонностью къ самоосужденію, безпощадною критикою надъ самимъ собою, безъ всякихъ умалчиваній. Общій ходъ русской исторіи до сихъ поръ таковъ, что наибольшей экскорпораціи подвергался духъ индивидуализма, а наибольшая инкорпорація досталась духу стадности, безличности, государственности, что вся жизнедѣятельность направлена была въ правительственную роль; развитіе стало совершаться правительственнымъ починомъ, скачками, усвоеніемъ европейскихъ обычаевъ, прежде чѣмъ поспѣли европейскіе законы, и усвоеніемъ европейскихъ правъ, прежде чѣмъ привились европейскія идеи. Составляя совершенную противоположность Франціи, которая страдала перевершеніемъ идей при застоѣ въ учрежденіяхъ, Россія страдаетъ хроническимъ недовершеніемъ идей, вслѣдствіе чего подъ прогрессивное нововведеніе, опережающее вѣкъ, подкапываются нравы, и оно можетъ быть столь же легко урѣзано, сколь легко дано. Отсюда возможность ввести разомъ не только классическое, но и восточное преподаваніе, ввести не только префектскую, но и сатрапскую власти (450), ограничить какъ угодно земскія учрежденія, судъ присяжныхъ, законы о печати; одного того нельзя сдѣлать, и въ этомъ одномъ наталкиваемся на предѣлъ политическаго творчества: нельзя экскорпорировать пропитывающій всю организацію русскаго общества демократизмъ, невозможно аристократизировать это общество.

Объявивъ русскую интеллигенцію въ настоящую минуту вполнѣ несостоятельною, отказавъ ей и въ новаторствѣ и въ агитаторствѣ, низведя ея современную работу до самой вялой и мелкой пропаганды идей, давно положенныхъ въ ротъ и десять разъ пережеванныхъ, г. Стронинъ не высоко ставитъ и наличныя средства подъ-органовъ, исправляющихъ функціи правительственныхъ процессовъ: законодательства, администраціи и суда. Увеличивающаяся трудность разработки законодательныхъ вопросовъ, возра-

Digitized by Google

стающая по мѣрѣ осложненія жизни, повела къ палліативнымъ средствамъ усиленія законодательныхъ установленій, къ кабинетному выслушиванію экспертовъ, къ сондированію земства и печати, а между тѣмъ наличная зрѣлость общества для мотивированія законоположеній въ представительномъ собраніи столь мала, что авторъ отрицаетъ возможность добыть изъ народа достаточный персоналъ, который бы могъ трезво, толково и полезно разсуждать о нуждахъ и дѣлахъ общегосударственныхъ. Нѣтъ худа безъ добра; нераздѣленіе законодательной власти съ аристократіей, невозможность раздѣлить ее нынѣ съ еврейско-нѣмецкой тимократіей поведетъ къ тому, что она будетъ раздѣлена съ демократіей, когда эта демократія сдѣлается мало-мальски грамотна и знающа. Еще пройдетъ одно поколѣніе, и власть, сама идя на встрѣчу дѣйствительной потребности, призоветъ общество высказаться чрезъ представителей по вопросамъ о дѣлахъ государственныхъ. Вѣроятно, при этомъ случаѣ не будетъ никакихъ конституціонныхъ уговоровъ, а просто съ одной стороны свобода мнѣній, съ другой вниманіе къ новому органу законодательства только совѣщательному, въ основу котораго вѣроятно ляжетъ давно взлелѣянный славянофилами антиевропейскій идеалъ земскаго собора; идеалъ этотъ облечется, вѣроятно, въ форму единаго народнаго вѣча, а если и раздѣлится на думы, земскую и боярскую, то подъ условіемъ никакъ не наслѣдственности въ думѣ боярской, и вѣроятно даже не выборности, а просто назначенія. Обновленный судъ нашъ вышелъ, какъ Минерва во всеоружіи изъ головы Зевса, на первыхъ порахъ онъ поражалъ новизною, обычай, нравы спѣшили въ немъ на помощь закону писанному, каждая буква учрежденія была переполнена духомъ. Нынѣ, когда новое учрежденіе вдвинулось плотно въ жизнь и сдѣлалось популярнымъ, прошедшее беретъ свое, задними ходами возвращаются и втискиваются опять и произволъ, и грубость, и взятки, и неравенство и халатное отношеніе къ дѣлу. Теперь едва возможно угадывать будущія судьбы судебной реформы, но если судъ будетъ совершенствоваться, то это усовершенствованіе будетъ клониться, во-первыхъ, къ тому, чтобы дать больше гарантій личности, уравновѣшивая защиту съ обвиненіемъ, во-вторыхъ, чтобы еще больше ослабить вмѣняемость. Никакіе законы не возмогутъ водворить суровость и взыскательность, когда нравы мягки какъ воскъ, когда въ нихъ нѣтъ мстительности, злорадства при видѣ казни, когда въ нихъ утвердилась равнозначительность преступленія съ несчастіемъ. Что́ бы ни толковали наши юристы и публицисты, уголовное противодѣйствіе преступленію не будетъ уси-

Digitized by Google

ливаться, а будетъ ослабѣвать путемъ расширенія суда по совѣсти на счетъ суда по закону, путемъ смягчающихъ обстоятельствъ, смягченія наказаній и помилованія, путемъ преобразованія мѣстъ заключенія. То же незлобіе, та же наклонность къ невмѣненію замѣтны и въ отношеніяхъ Россіи къ внѣшнимъ врагамъ ея, лишенныхъ мелкой завистливости и злопамятованія, хотя при этомъ общество не забываетъ ни на минуту о высокомъ значеніи вооруженной силы и вполнѣ солидарно съ верховною властью въ ея милитаризмѣ. Что касается до администраціи, то она отличается отъ всякой другой въ Европѣ гораздо большею дозою произвольности, которую она почерпаетъ дважды: отъ историческаго, традиціоннаго автократизма и отъ самого общества, на днѣ котораго лежитъ полная произвольность власти (крестьянская семья). Внизу подъ нами — океанъ произвола, неограниченность власти отца надъ сыномъ, мужа надъ женою, мужчины надъ женщиною, всякаго физически сильнѣйшаго надъ физически слабѣйшимъ. Этотъ произволъ есть тѣневая сторона нашей демократіи, возмущающая, отвратительная; она насъ относитъ ко временамъ первобытнымъ, предшествовавшимъ образованію феодальнаго порядка. Изъ демократіи этотъ произволъ заносится и въ законодательство, и въ судъ, и даже въ интеллигенцію. Между тѣмъ эта интеллигенція только и есть наша надежда и спасеніе. Она одна, дѣйствуя обратнымъ токомъ на умы и нравы, можетъ мало-по-малу экскорпорировать произволъ, составляющій канатную канву нравовъ. Она замѣняетъ въ Россіи среднее состояніе и спаиваетъ низъ общества съ готовою оторваться вершиною. Задача ея не высокая, роль ея не казистая: популяризація знаній, долбленіе окаменѣлой массы крестьянства каплями воды, проведеніе до низу общества самыми тонкими струями продуктовъ политическихъ. Школа, — вотъ единственный завѣтъ будущаго. Безъ школы, безъ образованія, безъ страшныхъ, сверхъестественныхъ усилій со стороны интеллигенціи наша демократія не только не пойдетъ на смѣну буржуазіи, но застынетъ мертвымъ, летаргическимъ сномъ; всѣ ея силы и счастливыя предрасположенія обратятся въ слабость, и организмъ пораженъ будетъ въ самомъ его центрѣ, потому что русскій демократизмъ есть тотъ конецъ Аріадниной нити, на которомъ свитъ весь русскій политическій клубокъ; безъ демократизма общество не дойдетъ до разрѣшенія ни одной изъ предстоящихъ ему задачъ. — Таковы послѣднія заключенія автора.

В. Спасовичъ.

Digitized by Google

ПЕЙЗАЖЪ

и

ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ЖИВОПИСИ.

Между художниками если не установилось, то весьма распространилось мнѣніе, что пейзажъ составляетъ низшій родъ живописи, сравнительно съ жанромъ, живописью исторической и даже баталической. Пейзажъ является для этихъ родовъ не болѣе, какъ аксессуаромъ. Въ то же время пейзажъ представляетъ, повидимому, меньше трудностей въ техникѣ. Вѣроятно, всѣмъ извѣстно, что пейзажи Айвазовскаго исполняются талантливымъ авторомъ въ нѣсколько дней, даже въ нѣсколько часовъ. Но всѣ знатоки согласны, кажется, въ томъ, что эти пейзажи представляютъ не болѣе, какъ эскизы, въ которыхъ фантазія художника съ замѣчательнымъ мастерствомъ набрасываетъ такія гармоническія сочетанія линій красокъ и тоновъ, которые въ природѣ не существуютъ и вѣроятно не могутъ существовать.

Но эти картины нравятся публикѣ, и въ этомъ явленіи скрывается одна изъ загадокъ эстетическихъ наслажденій. Никто не будетъ оспаривать красоты въ этихъ яркихъ, блестящихъ фантазіяхъ, но эта красота является чѣмъ-то чисто внѣшнимъ, подобно тѣмъ декораціямъ, которыя соблазняютъ эффектомъ красокъ, смѣлостью рисунка, силой освѣщенія.

Въ противоположность этой внѣшней сторонѣ, въ пейзажѣ являются другія, глубже лежащія и точно также неразъясненныя стороны, а между тѣмъ онѣ придаютъ пейзажу тотъ характеръ

Digitized by Google

серьёзной живописи, который можетъ поставить его на ряду съ жанромъ и исторической картиной. Но прежде этихъ сторонъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о техникѣ пейзажа.

Многимъ изъ пейзажистовъ удается передать весьма вѣрно прозрачность воды, отраженіе въ ней, прозрачность и глубину воздуха, тона облаковъ и даже свѣтовые эффекты. Немногіе способны рисовать траву, кусты и въ особенности деревья. Эти послѣднія представляютъ намъ большія затрудненія со стороны техники, потому что въ нихъ мы видимъ самые сложные предметы изъ всѣхъ тѣхъ, которые входятъ въ составъ пейзажа. Пейзажисту необходимо передать всю эту сложность, все расположеніе партій, вѣтвей и весь комплектъ листьевъ такимъ образомъ, чтобы письмо его не было ни сухо, ни вычурно. При всякомъ масштабѣ пейзажа (за исключеніемъ, разумѣется, масштаба декорацій) всѣ эти почти неуловимыя подробности должны быть переданы въ миніатюрѣ. Если жанристъ нерѣдко затрудняется передать вѣрно детали комнаты въ миніатюрѣ, то задача его такъ или иначе можетъ быть исполнена, тогда какъ при передачѣ деревьевъ, игры свѣта на листьяхъ, различныхъ ихъ отблесковъ и тоновъ, художникъ нерѣдко долженъ остановиться и признать здѣсь полное безсиліе искусства.

Кромѣ этихъ внѣшнихъ трудностей, съ которыми приходится бороться пейзажисту, есть много другихъ, касающихся сущности дѣла. Въ противуположность задачамъ жанриста, которыя могутъ быть всегда опредѣлены и ясно поставлены, задачи пейзажиста являются чѣмъ-то совершенно неопредѣленнымъ. Когда дѣло касается этихъ задачъ, то можно встрѣтить весьма разнорѣчивыя, иногда довольно странныя сужденія. Рѣчь здѣсь идетъ прежде всего о такъ-называемыхъ «мотивахъ», и этотъ терминъ художники опредѣляютъ различно. Одни желаютъ видѣть въ мотивѣ метеорологическія аксессуары пейзажа, то-есть утро или вечеръ, ясную погоду или бурю и т. п. Другіе идутъ дальше, они желаютъ видѣть въ мотивѣ гармоническое соединеніе этихъ аксессуаровъ съ составомъ самого пейзажа. Такъ, напр., соединеніе голыхъ угрюмыхъ скалъ съ вечернимъ освѣщеніемъ или съ бурной погодой, или соединеніе какой-нибудь цвѣтущей, такъ сказать, играющей мѣстности, богатой растительностью, съ яснымъ и яркимъ освѣщеніемъ.

Въ такихъ сочетаніяхъ нѣкоторые художники желаютъ даже видѣть мысль пейзажа или мысль самого художника, выраженную въ той именно формѣ, которая для нея можетъ считаться болѣе удобною. Существуютъ и такіе художники, которые въ каждомъ

Digitized by Google

пейзажѣ видять отпечатокъ индивидуальности самого художника, и оригинальностью пейзажа измѣряютъ его достоинства. Найдется не мало также поклонниковъ совсѣмъ другого взгляда, такихъ пейзажистовъ, которые проповѣдуютъ рабское подражаніе природѣ и всю силу пейзажа ищутъ въ фотографической вѣрности копіи съ оригинала. Наконецъ, въ противуположность этому взгляду существуютъ пейзажисты «классики», которые готовы измѣнить природу по личному вкусу, только бы пейзажъ вышелъ красивъ и изященъ. Но въ чемъ же заключается эта красота и изящество? Это вопросъ очевидно общій, т.-е. касающійся всѣхъ родовъ живописи и вмѣстѣ съ тѣмъ это старый, знаменитый вопросъ о классицизмѣ и реализмѣ.

Классицизмъ имѣетъ въ своей области только одну положительную сторону, до отрицательной стороны въ художествѣ и вообще въ эстетикѣ ему нѣтъ дѣла. Онъ стремится воспроизвести или создать самыя красивыя пропорціи или отношенія въ краскахъ, тонахъ, линіяхъ и во всемъ составѣ пейзажа. Такое стремленіе вполнѣ естественно, законно и даже полезно, но пейзажисты принимаются за него чисто внѣшнимъ, рутиннымъ образомъ. Они забываютъ, или имъ вовсе неизвѣстно, что каждая черта, каждый тонъ пейзажа имѣютъ свое внутреннее значеніе. Онъ обусловливается жизнью, составомъ предметовъ, всѣми тѣми явленіями, которыя даютъ ту или другую форму всѣмъ частямъ пейзажа. Если художникъ придаетъ сѣверному пейзажу южное небо, то какъ бы ни былъ красивъ этотъ пейзажъ, онъ не будетъ классическимъ, и никакія эстетическія внѣшнія отношенія не выкупятъ здѣсь неправды внутренняго содержанія. То же самое будетъ, если художникъ, рисуя южный пейзажъ, придастъ ему однотонность или остановится на двухъ-трехъ яркихъ тонахъ, бьющихъ въ глаза, но гармонически-комбинированныхъ. При южномъ освѣщеніи и небѣ мы встрѣчаемъ, даже при мглистомъ, наполненномъ парами воздухѣ, удивительное разнообразіе въ тонахъ, въ ихъ сочетаніи. Но это разнообразіе вовсе не дѣлаетъ пейзажа пестрымъ; оно придаетъ ему только удивительную полноту и законченность во всѣхъ его деталяхъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ этой полноты и законченности, тамъ нѣтъ правды, тамъ требованіе эстетики удовлетворяютъ только внѣшнимъ, грубымъ образомъ, и художникъ старается замаскировать этотъ недостатокъ неопредѣленностью, незаконченностью, бойкостью кисти, контрастами свѣта, тѣни и красокъ. Примѣръ такихъ картинъ представляютъ картины Айвазовскаго.

Болѣе сложныя отношенія представляютъ картины школы

Digitized by Google

Калама. Въ нихъ мы также видимъ классицизмъ, т.-е. стремленіе къ положительной сторонѣ пейзажа, привязанность къ красотѣ линій и тоновъ, но въ этой школѣ мы встрѣчаемся не съ одной внѣшностью. Во многихъ случаяхъ отношенія чисто формальныя сливаются съ внутреннимъ содержаніемъ предмета. Но не рѣдко этимъ внутреннимъ содержаніемъ жертвуютъ въ пользу красоты, хотя эта красота является условною и ложною.

Всѣ такіе пріемы выходятъ изъ одного, совершенно невѣрнаго предположенія. Художники обыкновенно считаютъ природу способною на безконечныя комбинаціи въ частяхъ. Правда, они держатся въ извѣстныхъ предѣлахъ и не изображаютъ деревьевъ выше горъ и облаковъ, но тѣмъ не менѣе даже въ пейзажахъ Калама мы можемъ встрѣтить самыя произвольныя обращенія съ природными условіями. Въ его швейцарскихъ видахъ нерѣдко можно замѣтить несоразмѣрность первыхъ и вторыхъ плановъ съ горами, заканчивающими перспективу картины. Въ этихъ дальнихъ планахъ геніальный художникъ иногда группировалъ горы въ такихъ относительно малыхъ размѣрахъ, которые въ швейцарской природѣ вовсе не встрѣчаются.

Нѣкоторые цѣнители желаютъ видѣть въ пейзажахъ Каламовской школы «романтизмъ», но что́ такое этотъ романтизмъ въ живописи? Не будетъ ли это аффектація, чрезмѣрное усиленіе тѣхъ сторонъ, которые могутъ сильно, но непрочно возбуждать эстетическое чувство, какъ громкая реторическая фраза, какъ шумиха словъ, которой поражаетъ слушателя ораторъ или зрителя актеръ, владѣющій только внѣшними средствами. Мнѣ кажется это отчасти вѣрнымъ, но въ то же время нельзя, повидимому, сомнѣваться и въ томъ, что въ романтизмѣ лежитъ сильное, увлекающее чувство, глубину котораго трудно опредѣлить.

Если мы будемъ разсматривать внутреннюю сторону классицизма въ живописи, то мы невольно придемъ къ убѣжденію, что она вполнѣ законна и естественна. Дѣйствительно, гдѣ мы встрѣчаемъ наиболѣе благопріятныя условія для красоты пейзажа?— На югѣ, въ Италіи, Испаніи, Греціи, Крыму, гдѣ южный климатъ умѣряется моремъ, гдѣ онъ обусловливаетъ болѣе или менѣе роскошную растительность, гдѣ самыя горы представляютъ намъ отчасти удобства, отчасти разнообразіе условій жизни. На югѣ мы видимъ красивыя южныя сосны, пинны, лавры, мирты, кипарисы, алои, роскошные виноградники и плющи. Однимъ словомъ, мы видимъ массу растеній, дающихъ пейзажу роскошный, праздничный видъ. При этомъ самое освѣщеніе неба или моря принимаетъ красивые, теплые и чистые тоны.

Digitized by Google

Но почему же намъ нравятся эти красивыя линіи и краски? ютому, что въ нихъ выражается свобода и сила жизни, ея удобва, ея разнообразіе. Мы можемъ даже удобства человѣческой изни мѣрить этими красивыми отношеніями. Правда, эти удобва можно назвать примитивными, но тѣмъ не менѣе, тамъ гдѣ и соединяются, выигрываютъ и всѣ другія стороны, развитыя цивилизаціей и выросшія на этихъ примитивныхъ условіяхъ изни.

Съ другой стороны, всѣ эти красивыя отношенія въ линіяхъ, нахъ, формѣ и размѣрахъ предметовъ дѣйствуютъ на человѣство развивающимъ образомъ. Они воспитываютъ въ насъ чувво изящнаго, т.-е. они пріучаютъ глазъ къ болѣе правильнымъ сложнымъ пропорціямъ. Неразвитому вкусу нравятся яркія раски и грубыя комбинаціи ихъ. Онъ удовлетворяется сочетаіемъ первичныхъ цвѣтовъ во всей ихъ рѣзкости. Въ окраскѣ редметовъ у нашего простого народа, точно также какъ и у таръ, нерѣдко встрѣчается смѣшеніе яркихъ цвѣтовъ: краснаго, елтаго, зеленаго или краснаго, зеленаго и голубого. У прежихъ живописцевъ всѣхъ школъ мы видимъ яркую синеву неба. о же самое встрѣчается почти у каждаго начинающаго, немѣлаго пейзажиста. Но съ развитіемъ эстетическаго чувства го пристрастіе къ яркимъ цвѣтамъ, рѣзко раздражающимъ глазъ, счезаетъ. Они становятся для него также непріятны, почти боѣзненны, какъ всѣ сильныя свѣтовыя ощущенія. Отрѣшившись ть этихъ сильныхъ раздражителей, глазъ начинаетъ различать хъ составныя части. Онъ видитъ не простые цвѣта, но ихъ ттѣнки, переходы и вмѣстѣ съ тѣмъ получается возможность ѣхъ болѣе или менѣе сложныхъ комбинацій этихъ тоновъ, котоые представляются для него совершенно новыми, болѣе пріятыми, можетъ быть, въ силу самой ихъ сложности. Эти комбиіаціи будутъ эстетическими, по крайней мѣрѣ для современнаго періода человѣчества.

То же самое, что мы видѣли въ краскахъ, приложимо къ стетическимъ пропорціямъ формъ, линій и т. д. Разсматривая рисунки начинающихъ рисовать и въ особенности дѣтей, мы видимъ въ этихъ рисункахъ грубые очерки тѣхъ сторонъ предметовъ, которые поражаютъ глазъ прежде всѣхъ другихъ. Въ этихъ неумѣлыхъ очеркахъ ребенокъ не только не можетъ передать, но даже не видитъ тѣхъ отношеній, которыя мы называемъ эстетическими. Съ возрастомъ и навыкомъ, глазъ развивается и начинаетъ видѣть эти отношенія. Но они мѣняются съ возрастомъ человѣчества, и тотъ типъ красоты, который считался у грековъ и рим-

Digitized by Google

лянъ за идеалъ совершенства, теперь можетъ встрѣтить нѣкоторыя весьма существенныя поправки. Во всякомъ случаѣ остается здѣсь неизмѣннымъ одинъ принципъ весьма существенный и физіологическій или біологическій. Подъ именемъ красиваго, изящнаго, или вообще всего того, что доставляетъ намъ такъ-называемое эстетическое наслажденіе, мы можемъ понимать такое сочетаніе линій, красокъ, формъ, звуковъ и тому подобныхъ возбудителей чувствъ, которое вызываетъ въ насъ стремленіе или къ чисто физіологическимъ, или психологическимъ удобствамъ, дѣлающимъ жизнь пріятною и правильною [1]).

Для объясненія этого опредѣленія мы возьмемъ сравненіе. Человѣкъ правильно организованный во всѣхъ частяхъ его тѣла, т.-е. представляющій такія пропорціональныя отношенія, при которыхъ всѣ его органы дѣйствуютъ свободно и ни одинъ не преобладаетъ въ развитіи надъ другими,—такой человѣкъ въ то же время покажется намъ и болѣе красивымъ, если только глазъ нашъ можетъ легко отличить эстетическія или правильныя пропорціи отъ неправильныхъ. То же самое мы видимъ и въ пейзажѣ. Деревья и вся растительность его только тогда будутъ красивы, когда всѣ части ихъ будутъ полны жизни, сильны, здоровы. Вставши на эту точку зрѣнія искусство, понятно, должно производить только правильныя, красивыя, классическія формы.

Въ реализмѣ мы встрѣчаемъ совершенно противоположное. Тамъ мы имѣемъ дѣло или только съ одними отрицательными сторонами, или съ ихъ преобладаніемъ надъ положительными. Задача реалиста въ ея тѣсной и конкретной формѣ воспроизвести мѣстность съ фотографической точностью. Но самая мѣстность выбирается здѣсь въ силу индивидуальнаго вкуса. Притомъ ни одинъ пейзажъ не переносится прямо на полотно. Каждый компонуется. Измѣняются контуры, одно обрѣзывается, другое прибавляется, третье выбрасывается. И все это дѣлается съ цѣлью, чтобы пейзажъ былъ, какъ говорятъ художники, «интереснѣе». Въ сущности здѣсь перерабатывается натура, натура неприбранная, неукрашенная, та, которая встаетъ передъ полотномъ художника на каждомъ шагу во всякое время. Все это—желаніе подойти къ классицизму, хотя издали. Но есть также въ этомъ свои серьёзныя стороны.

---

[1]) За этимъ опредѣленіемъ скрывается другое, неизбѣжно вытекающее изъ него. Если мы будемъ понимать подъ словомъ «прогрессъ» стремленіе всѣхъ организмовъ придти посредствомъ осложненій ихъ организаціи къ болѣе полнымъ и гармоничнымъ отношеніямъ со всѣми явленіями природы, то понятно, что движенія эстетическія въ этомъ стремленіи будутъ играть весьма видную роль.

Digitized by Google

Для жителя сѣверной бѣдной природы самый лучшій пейзажъ будетъ тотъ, который воспроизводитъ ее съ фотографической вѣрностью, со всей грустной перспективой ея сѣрыхъ тоновъ, съ ея бѣдными плоскими линіями и однообразными предметами. Очевидно, что источникъ такого вкуса лежитъ въ сторонѣ отъ эстетическихъ отношеній, если подъ именемъ ихъ мы будемъ понимать разнообразіе красокъ и формъ въ полныхъ гармоническихъ сочетаніяхъ. Тѣмъ не менѣе изъ этихъ субъективныхъ или даже племенныхъ, національныхъ потребностей вкуса необходимо вытекаютъ условія для характера именно того пейзажа, который удовлетворяетъ этимъ потребностямъ.

Здѣсь лежитъ источникъ безконечнаго разнообразія этихъ личныхъ потребностей. Для зрителя не важно, чтобы пейзажъ былъ классическимъ или реальнымъ, чтобы онъ производилъ природу во всей ея правдѣ, или былъ чрезвычайно красивъ. Для него важно то, чтобы онъ отвѣчалъ его внутреннимъ стремленіямъ, его личному вкусу. Какъ бы ни былъ красивъ пейзажъ южной природы, житель сѣвера, никогда невидавшій ни южной растительности, ни яркихъ красокъ, будетъ имъ любоваться, но истинная прелесть для него будетъ скрыта въ нашей сѣверной природѣ.

Между національными потребностями мы остановимся теперь на одной и разсмотримъ, что́ такое русскій пейзажъ?

Наши художники подъ именемъ «русскаго» пейзажа изображаютъ обыкновенно плоскую мѣстность, прикладывая къ ней въ видѣ діагноза русскую церковь, избы, мужиковъ, парней. Неужели русскій пейзажъ не имѣетъ въ себѣ ничего характернаго? Правда, на томъ пространствѣ, на которомъ раскинута Россія, можно встрѣтить самыя разнообразныя мѣстности, со всевозможными мотивами. Въ этихъ мѣстностяхъ мы можемъ найти то голыя, песчаныя или полынныя, то ковыльныя или полныя роскошной растительности, луговыя, и даже саксауловыя степи, можемъ найти прибрежья сѣвернаго и южнаго морей, прибрежья плоскія, нагорныя, скалистыя и т. д. Можемъ встрѣтить и живописные острова южнаго берега Финляндіи, и пловучіе острова, покрытые красивыми группами деревьевъ, на прудахъ и озерахъ юго-восточной Россіи. Можемъ найти тундры, непроходимые лѣса и болота, даже цѣпи горъ могутъ представить самые разнохарактерные типы по колориту и рисунку. Возьмите, напр., Кавказъ и Тіань-Шань или Алтай. Даже сѣверный, средній и южный Уралъ представляютъ громадную разницу для пейзажа. Гдѣ же въ этомъ чуть ли не безконечномъ разнообразіи характерность?

Digitized by Google

Гдѣ тѣ общія черты, которыя могутъ быть приняты собственными, типическими для русскаго пейзажа?

Разсматривая сравнительно различныя мѣстности Европы и Россіи, имѣющія сходный характеръ, мы можемъ найти нѣкоторыя различія. Такъ, напр., на Кавказѣ мы не встрѣтимъ того разнообразія контуровъ и той обстановки пейзажа, которыя мы находимъ въ швейцарскихъ Альпахъ. Еще менѣе имѣютъ сходства съ нашими горными цѣпями горы Италіи, въ особенности южной, вулканическія горы ея острововъ съ ихъ рѣзкими острыми вершинами, съ ихъ своеобразной растительностью. Вообще, въ южной Италіи поражаетъ въ пейзажѣ полное, гармоническое отношеніе его составныхъ частей. Тамъ какъ будто по заказу соединяются вмѣстѣ и плывучесть, округлость линій и эстетическое расположеніе холмовъ, горъ, растеній, и колоритность и сила южнаго солнца. Вотъ почему художнику-итальянцу странно слышать, что какой-нибудь художникъ южной Германіи, Франціи или Россіи, принужденъ компоновать пейзажъ. Для итальянца чуть не каждый уголокъ Сициліи или окрестностей Неаполя представляютъ готовую картину, къ которой только въ немногихъ случаяхъ приходится прикомпоновать первый планъ. Вслѣдствіе этого вполнѣ понятно то благотворное вліяніе, которое можетъ оказывать природа южной Италіи на развитіе нашихъ молодыхъ пейжазистовъ. Тамъ передъ каждымъ изъ нихъ развертывается живая книга, которая говоритъ для него языкомъ вполнѣ понятнымъ, если только внутри самого художника присутствуетъ эстетическое чувство.

Подъ вліяніемъ окружающей природы складывается характеръ человѣка и цѣлаго народа. Эта давно уже высказанная истина сдѣлалась теперь общимъ мѣстомъ. Перевертывая ея выраженіе мы должны сказать, что по характеру народа мы должны отыскивать характеръ той мѣстности, въ которой онъ развился и сложился, и вотъ въ этомъ-то характерѣ и лежатъ типическія особенности всякаго національнаго, и въ томъ числѣ и русскаго пейзажа.

Чтобы опредѣлить двѣ главныхъ стороны, andante и allegro, русскаго характера я беру мастерской очеркъ Тургенева: «Пѣвцы» и по немъ опредѣляю характеръ самого пейзажа. Залихватскій типъ рядчика Якова Турки, типъ смѣшанный, скрещенный изъ славянской и тюркской крови. Но обѣ эти народности до нѣкоторой степени развивались подъ одинаковыми условіями. Тамъ и здѣсь степной характеръ мѣстности, однообразіе равнинъ отразилось почти въ одинаковыхъ размѣрахъ. Тамъ и

Digitized by Google

здѣсь слышится неопредѣленная тоска, заунывность или разгулъ дикой, неограниченной воли. Въ русской пѣснѣ эти особенности выражены рѣзче. Это характеръ племени. Въ пѣснѣ Якова рядника чувствуется этотъ разгулъ, раздолье, эта безграничная свобода, гдѣ человѣкъ какъ-будто сливается съ безличными стихійными силами природы. Это allegro невольно охватываетъ слушателей. Оно родное ихъ характеру, оно тянетъ его на просторъ необузданной воли, на свободу своеобразнаго самоотреченія, молодечества, ухарства, гдѣ жизнь копѣйка, гдѣ для «лыцарской души» разливанное море по колѣно.

Пѣсня другого Якова, пѣсня andante, представляетъ другую крайность того же характера. Это другой конецъ одной и той-же скалы. Въ ней также слышится безпредѣльность свободы, но свободы, которая влечетъ къ себѣ серьёзными симпатіями. Тамъ грусть безконечной привязанности, тамъ осмысленные, болѣе сложные аккорды. «Русская, правдивая, горячая душа, говоритъ Тургеневъ, звучала и дышала въ этомъ голосѣ, и такъ и хватала васъ за сердце, хватала прямо за его русскія струны... Онъ дрожалъ, но той едва замѣтной внутренней дрожью страсти, которая стрѣлой вонзается въ душу слушателя, и безпрестанно крѣпчалъ, твердѣлъ и расширялся. Помнится, я видѣлъ однажды вечеромъ, во время отлива на плоскомъ песчаномъ берегу моря, грозно и тяжко шумѣвшаго вдали, большую бѣлую чайку. Она сидѣла неподвижно, подставивъ шелковистую грудь алому сіянію зари, и только изрѣдка медленно расширяла свои длинныя крылья на встрѣчу знакомому морю, на встрѣчу низкому багровому солнцу».

Таково andante русской пѣсни. Въ немъ слышится неопредѣленный просторъ суроваго, широкаго моря, въ немъ чувствуется сіяніе розовой зари любви, любви ко всему, что нуждается въ этомъ неопредѣленномъ чувствѣ. Наконецъ, въ этихъ безконечно-заунывныхъ могучихъ звукахъ слышится тотъ полётъ бѣлой, быстрокрылой чайки, которая носится надъ волнами житейскаго моря, слышится звукъ той горячей русской души, которая находитъ себѣ отголосокъ только въ безпредѣльномъ и безконечномъ...

Таковъ характеръ русской пѣсни; таковъ долженъ быть характеръ русскаго пейзажа. Безконечныя равнины, холмистыя или совершенно плоскія, степныя, тѣ равнины, которыя породили и русскую богатырскую удаль, и русскую горячую, безпредѣльную симпатію. Онѣ должны опредѣлять характеръ пейзажа. Безпредѣльность—его непремѣнное условіе. Горизонтъ его сливается съ небомъ. Онъ уходитъ въ ту безконечную даль, въ которую стре-

Digitized by Google

мится русская пѣсня. Цѣлая перспектива холмовъ, то обнаженныхъ, то обросшихъ кустарниками, съ оврагами, лѣсами, съ долом, въ которомъ вьется маленькая, узенькая болотистая рѣчонка. Вотъ одна изъ мѣстностей русскаго пейзажа.

Цѣлая перспектива лѣсовъ или боровъ, хвойныхъ, угрюмыхъ, съ ихъ безконечнымъ разнообразіемъ заостренныхъ пирамидальныхъ вершинъ, то поднимающихся цѣлыми группами, островами, то встающихъ цѣльной зубчатой стѣной. Вотъ другая картина, чисто русской природы.

Разъ мнѣ случилось быть на вершинѣ одной изъ довольно высокихъ горъ Сѣвернаго Урала. Широкая панорама лѣсовъ, большею частью хвойныхъ, развернулась передо мной. Внизу, у подошвы горы, сквозь столѣтнія лиственницы блестѣло широкою гладью «черное озеро». За нимъ тянулись безконечные лѣса, терявшіеся на горизонтѣ въ сѣдомъ еще неулегшемся туманѣ, а надъ всей картиной было опрокинуто холодное блѣдно-голубое небо. Сколько было разнообразія въ этой простой, величавой картинѣ, разнообразія въ контурахъ, въ едва замѣтныхъ, неуловимыхъ оттѣнкахъ тоновъ! Здѣсь невольно чувствовалась какая-то безконечная ширь, могущество суровой, дикой природы, которая всецѣльно отразилась на угрюмомъ складѣ сѣвернаго крестьянина, на его звѣриныхъ, многотрудныхъ промыслахъ, на его заунывныхъ пѣсняхъ, полныхъ глубокаго, поэтическаго чувства.

Всѣмъ, кому случалось разъѣзжать по Руси, знакомы эти равнины, поросшія мелкимъ хвойнымъ лѣсомъ, березникомъ или осиной:

Ель, да песокъ, березнякъ, да осина—
Не весела ты, родная картина.

Но подъ вліяніемъ этой картины сложился духъ русскаго народа. Она ему дѣйствительно «родная». Это чисто природныя мѣстности, гдѣ она, сама природа, распоряжается лѣснымъ хозяйствомъ. Дикія, безплодныя, необработанныя, незасѣянныя, онѣ поражаютъ громадными площадями, пустыннымъ однообразіемъ, нетронутой свѣжестью. То сухія, слегка холмистыя, съ небольшими оврагами, то совершенно низменныя, ровныя, сырыя, болотистыя — онѣ разбросаны на огромное разстояніе, почти повсюду и на сѣверѣ, и въ средней Россіи, и даже на югѣ. Въ солнечный-ли яркій и жаркій полдень, въ тихій-ли, ясный вечеръ, въ сырой-ли дождливый день—онѣ развертываются передъ художникомъ широкимъ полотномъ, съ богатыми поэтическими мотивами, съ самыми разнообразными тонами.

Digitized by Google

Въ жаркій полдень, когда свѣтъ теплыми, яркими, желтыми пятнами падаетъ на песчаные бугры и осыпи, накаленные солнцемъ — какія легкія, прозрачныя тѣни ложатся вокругъ молодыхъ сосенъ и елей! Еще несложившіяся пирамидальныя деревца, разбросанныя группами, колками, по песчаной равнинѣ, уходятъ въ перспективу, гдѣ надъ синѣющимъ лѣсомъ, на горизонтѣ лежатъ неподвижныя кудрявыя, ярко-блестящія облака. Сколько разнообразія здѣсь въ цвѣтѣ травъ, въ контурахъ ихъ партій, какой красивый контрастъ съ ихъ зеленью представляютъ большія шапки блѣдно-зеленаго оленьяго моха. Песчаная дорожка съ глубокими колеями, съ пнями и кочками, вьется по самой серединѣ этого лѣска, уходитъ въ синюю даль перспективы; а на первомъ планѣ она пересѣкаетъ грязное, почти голое болотцо. Небольшая стайка куропатокъ или дикихъ клинтуховъ подошли къ этой грязной лужицѣ...

Хорошъ такой пейзажъ и въ ясный вечеръ. По небу на горизонтѣ еще стелются синія тучи, пролившіяся дождемъ. Мѣстами теплый, красновато-желтый свѣтъ заходящаго солнца падаетъ рѣзкими пятнами на ихъ клубящіеся контуры. Мѣстами онъ позолотилъ верхушки самыхъ высокихъ сосенъ и елокъ, а остальное все въ тѣни, въ самыхъ нѣжныхъ, прозрачныхъ тонахъ, отъ которыхъ вѣетъ какой-то теплой свѣжестью. Зайчикъ выскочилъ изъ этихъ колковъ и присѣлъ на пустынную дорожку, около лужицы, зорко смотритъ широко-разставленными глазами и насторожилъ, поводитъ во всѣ стороны чуткими, длинными ушами...

Еще лучше кажется подобная картина въ сѣрый, дождливый день, когда низко стелются, задѣваютъ разорванными клочками за верхушки деревьевъ тяжелыя облака. Почти сплошное небо угрюмо опрокинулось надъ панорамой молодого лѣса. Сырой, мглистый воздухъ, дождь чувствуется во всей картинѣ. Глубокія рытвины полны водой, въ которой отражается сѣрое небо и только прыгающія капли дождя мѣшаютъ этому отраженію, рябятъ поверхность. Какая-то фигурка плетется грустно по дорожкѣ, тонетъ въ грязи, фигурка закутанная въ рогожу, какъ попъ въ ризу.

Хороша, наконецъ, эта безконечная панорама лѣсовъ, въ особенности смѣшанныхъ изъ хвои и березняку, поздней осенью, въ тѣ дни, когда облака плывутъ безконечными вереницами, мѣняя контуры почти каждое мгновеніе. И сколько разнообразія въ этихъ переливахъ тоновъ сѣрыхъ, синихъ, красноватыхъ, желтыхъ! Какими чудными контрастами ложатся отъ нихъ наносныя тѣни на группы деревьевъ, какими яркими пятнами выдѣ-

Digitized by Google

ляются пожелтѣвшія березы отъ темной бархатной зелени пихтъ и елей.

А русскія рѣки? Широкія въ мелководьѣ, еще болѣе широкія въ полую воду, съ ихъ громадными равнинами поёмныхъ луговъ, богатыхъ своеобразными озерами...

Но трудно, почти невозможно, передать всѣхъ мотивовъ широкаго русскаго пейзажа. Почему-же не берутся за него наши художники? Почему онъ мельчаетъ, дробится въ какіе-то этюдики? Кто́ и что́ виновато здѣсь? Образованіе-ли, требующее какой-то несознанной, переданной завѣщаніемъ и рутиной классической красоты, образованіе подавляющее въ художникѣ его природныя, даже самыя могучія симпатіи, или въ нашемъ художникѣ не нашлось еще тѣхъ широкихъ силъ, которыя поставили бы его въ уровень съ его стремленіями, которыя дали бы ему возможность создать его родной пейзажъ русской природы?

Н. Вагнеръ.

Digitized by Google

НА ПЕРЕПУТЬИ

РОМАНЪ *).

Пришла весна,—не та весна, когда таетъ снѣгъ и проноситъ ледъ, когда сырость и холодъ чередуясь одѣляютъ щедро всяческими недугами, когда по дорогамъ нѣтъ проѣзда, а по немощеннымъ улицамъ маленькаго городка нѣтъ прохода,—а настоящая весна, зеленая, шумная, благоуханная. У насъ подъ окнами былъ небольшой палисадникъ; трава въ немъ зазеленѣла, верба готова была распуститься, и я съ наслажденіемъ глядѣла на яркую молодую зелень, начиная чувствовать сильное желаніе подышать деревенскимъ воздухомъ. Я вспомнила, что и Васильевъ совѣтовалъ мнѣ увезти на лѣто дѣтей въ деревню, гдѣ они скорѣе поправятся. Мнѣ ужъ надоѣла Синегорская жизнь — эта скучная старосвѣтская идиллія съ грязненькой подкладкой, — идиллія, которая вначалѣ меня немного забавляла. Мужъ не препятствовалъ мнѣ въ моемъ желаніи уѣхать. Въ Калинову посланы были нужныя распоряженія, и рѣшено, что послѣ пасхи я выѣду со всѣми дѣтьми, а мужъ будетъ пріѣзжать къ намъ, когда будетъ позволять служба.

Былъ вечеръ вербнаго воскресенья. Я съ дѣтьми сидѣла за чайнымъ столомъ; мужъ былъ на имянинахъ у исправника. У дверей позвонили.

— Кто тамъ?—спросила черезъ дверь няня, не торопясь отпирать: она всегда брала эту предосторожность, опасаясь почему-то впустить недобраго человѣка.

См. выше: янв. 35; февр. 625; мар. 151 стр.

Digitized by Google

— Свои,—отвѣчалъ веселый знакомый голосъ.—Я чуть не выронила чайника изъ рукъ.

— Сергѣй Михайловичъ!—узнала няня и поспѣшила отворить, слегка нахмурясь,—вспомнивъ вѣроятно свои съ нимъ схватки во время болѣзни дѣтей.

— Какъ же вамъ ѣздилось? — спросила я, послѣ первыхъ привѣтствій.

— Хорошо ѣздилось,—отвѣчалъ онъ съ той улыбкой, которая у него означала хорошее настроеніе и нисколько не относилась къ словамъ. — Дѣло я кончилъ отлично, время провелъ сносно, дорога хорошая,—словомъ, все хорошо! Только подъѣзжая къ дому бумажникъ потерялъ, да въ немъ, слава Богу,—только три рубля было.

— Ну, и слава Богу!—произнесла я, невольно поддаваясь тому же ясному и радостному настроенію. — Ну, а скажите-ка, вы не соскучились по насъ?

— Нѣтъ, когда я крѣпко занятъ, я не способенъ соскучиться по комъ бы то ни было; я даже какъ-то мало помню все постороннее,—отвѣчалъ онъ.

Меня немножко кольнуло такое откровенное признаніе.

Дѣти между тѣмъ пошли спать, а люди ужинать. Настала та тишь, которая такъ дорога людямъ, весь день преслѣдуемымъ дѣтскимъ шумомъ и суматохой, общей всѣмъ домамъ, гдѣ не ведутъ правильной жизни. Мы сидѣли вдвоемъ въ гостинной.

— Знаете-ли?... я давно хочу что-то вамъ сказать, — проговорила я.

— Скажите,—тихо и ласково произнесъ онъ.

— Я хочу хорошенько объяснить вамъ причину, по которой я желала вашего отъѣзда...—начала я.

— Вы мнѣ ее объяснили давно,—улыбаясь замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, шутки въ сторону! — живо проговорила я, смущаясь при воспоминаніи о той шуткѣ, на которую онъ намекнулъ.—Вотъ теперь я хочу это выяснить: видите-ли...

Онъ хотѣлъ сказать что-то, но промолчалъ, а я затруднялась продолжать: какъ-то щекотливо казалось мнѣ признаваться, что мужъ дескать ревнуетъ или можетъ приревновать...

— Вы слишкомъ часто у насъ бывали... — продолжала я, все еще не находя настоящихъ словъ.—Здѣсь, въ уѣздномъ городѣ, того и гляди сплетутъ что-нибудь... Вотъ вы сами предупреждали меня, что у Мальвины Осиповны языкъ скверный. Ну, вы понимаете, какъ легко такой особѣ выдумать Богъ-знаетъ

Digitized by Google

что. А ужъ другіе-то постараются распространить... Ну, и вѣдь можетъ дойдти и до мужа...

— А Александръ Семеновичъ вѣроятно посмѣялся бы, еслибъ въ добрый часъ это ему извѣстно стало, а въ недобрый часъ— далъ бы хорошенькаго нагоняя Осиповнѣ, и я бы съ своей стороны прибавилъ, — сказалъ Васильевъ съ убѣжденіемъ, хоть и улыбаясь.

— Кто знаетъ, такъ ли бы это было!—тихо усомнилась я.

— Непремѣнно такъ. Я и представить себѣ не могу, чтобъ было иначе.

Я покачала головой съ невольнымъ сомнѣніемъ, а онъ пристально поглядѣлъ на меня и задумался.

— А можетъ быть вы и правы,—проговорилъ онъ потомъ. —Я не взялъ въ разсчетъ, что всякій смотритъ на вещи съ своей точки зрѣнія... Но, во всякомъ случаѣ, я надѣюсь, еще ничего такого не выходило?

— Нѣтъ, ничего,—поспѣшно произнесла я.

— Ну, такъ и не выйдетъ ничего, — съ увѣренностью сказалъ онъ:—я за это ручаюсь.

— А мы съ вами все-таки будемъ друзьями,—порѣшила я подавая ему руку.

— Непремѣнно,—выговорилъ онъ, пожимая мою руку просто, и—мнѣ показалось—холодно, и сейчасъ же посмотрѣлъ на часы.

— Однако поздно,—замѣтилъ онъ.—Пора и домой. Только вотъ еще два слова: я разъ какъ-то наговорилъ вамъ разнаго вздора — помнится; пожалуйста извините меня. Со мной этакое случается.

— Никакого вздора вы мнѣ не говорили,—сказала я.—А вотъ сознайтесь-ка, что вы плохой отгадчикъ: какъ-то разъ вы съ увѣренностью утверждали, что отгадали о чемъ я думаю, а между тѣмъ я вижу ясно, что вы ничего не поняли!...

Онъ посмотрѣлъ на меня въ недоумѣніи.

— Вотъ теперь я васъ совсѣмъ не понимаю,—тихо и медленно выговорилъ онъ.—Можетъ быть я и тогда ошибся... Впрочемъ, все это пустяки...

— Пустяки!—повторила я.

— Разумѣется, пустяки! — подтвердилъ онъ, стоя уже за дверью.

Digitized by Google

На Ѳоминой я выѣхала въ Калинову.

Были послѣдніе дни апрѣля, но весна стояла уже въ полномъ цвѣту такъ, какъ она обыкновенно у насъ бываетъ только въ половинѣ мая. Въ полѣ было хорошо, все предвѣщало рѣдкій урожай. Народъ говоритъ, что рожь тогда хороша, когда на весенняго Егорія въ ней можетъ спрятаться ворона; теперь какая угодно ворона могла спрятаться въ густой, зеленой ржи. Дѣти были чрезвычайно веселы дорогой; все занимало ихъ: и черная лента дороги, и ярко-зеленые ковры молодой зелени по сторонамъ, и еще темный, но уже начинающій зеленѣть лѣсъ, и скотъ на лугахъ, и деревушки по пути. Я тоже была очень рада поѣздкѣ и ѣхала въ такомъ довольномъ настроеніи, какого давно не помнила. Двѣ послѣднія недѣли предъ отъѣздомъ еще усилили мое желаніе удалиться изъ Синегорска. На Страстной пріѣхалъ новый полковой командиръ Деревянкинъ. Будто оправдывая свое прозваніе *великопостнаго*, онъ не пропустилъ ни одной службы въ церкви и въ то же время началъ принимать полкъ съ такою поспѣшностью, расходуя на это такъ много времени, что всѣ недоумѣвали, когда же онъ ѣстъ, спитъ и отдыхаетъ? Мужъ возвращался домой послѣ своихъ съ нимъ свиданій всегда не въ духѣ.

Дорогой мелькомъ припоминались мнѣ послѣдніе дни въ городѣ: ничего отраднаго въ нихъ не было. Я смотрѣла по сторонамъ и думала, какъ устроить свою жизнь въ Калиновой. Теперь у меня было больше досуга: деревенское хозяйство перешло на руки жены приказчика; въ свободное время я предполагала читать, заниматься.

— Василій Ивановичъ!—сказала я передъ отъѣздомъ нашему полковому библіотекарю, — дайте мнѣ побольше книгъ въ деревню.

— Сдѣлайте одолженіе, Катерина Александровна, берите хоть цѣлый возъ, предложилъ онъ. У насъ прежнихъ журналовъ никто не читаетъ; и въ новыхъ-то одну беллетристику разрѣзываютъ. Не знаю право, для чего они эту библіотеку завели? Только мнѣ обуза...

Мы подъѣхали къ своему дому. Какимъ низенькимъ и старенькимъ показался мнѣ онъ даже послѣ нероскошныхъ домовъ Синегорска! Онъ напоминалъ собой столѣтнюю старушку, которая живетъ себѣ благополучно, а потомъ, въ одинъ прекрасный день, возьметъ, да и умретъ своею смертью. Мнѣ жутко было войти подъ его ветхую кровлю; мнѣ казалось, вотъ-вотъ онъ обрушится на насъ, *умретъ своею смертью*! А дѣти очень обрадо-

Digitized by Google

вались деревнѣ и сейчасъ же отправились съ нянькой въ садъ на лугъ, въ рощу. Я уложила спать меньшого сына и вышла на балконъ. Садъ уже зеленѣлъ; старыя липы еще стояли темныя и мрачныя, но молодыя деревья покрывались уже мелкой листвой. Я задумалась. «Сколько лѣтъ этотъ самый садъ мѣнялъ свой уборъ на моихъ глазахъ»! подумала я. Мнѣ вспомнилось мое прошлое, далекое и недавнее... Давно я порывалась отсюда, хоть куда-нибудь, лишь бы отсюда! припомнила я. А теперь я такъ точно порывалась изъ Синегорска... Все не сидится на мѣстѣ, съ грустной ироніей подумала я!

Лѣтомъ дѣти мнѣ менѣе надоѣдали: у нихъ вѣчно были свои дѣла то на гумнѣ, то въ саду, то во дворѣ; Наташа всюду ковыляла за ними на своихъ коротенькихъ ножкахъ, держась то за руку няньки, то за ея передникъ. При мнѣ оставался меньшой сынъ, но и на него весна и деревня дѣйствовали благотворно: онъ былъ гораздо покойнѣе, чѣмъ въ Синегорскѣ—словомъ, у меня было достаточно свободнаго времени для чтенія.

Но я читала слишкомъ страстно и поспѣшно. Мозгъ мой не въ состояніи былъ переваривать разомъ то великое множество пищи, которое я ему задавала... Иногда мнѣ казалось, что я мѣшаюсь въ умѣ. «Кто сошелъ съ ума: я или тѣ, которые пишутъ?» спрашивала я у себя. Мужъ пріѣзжалъ ко мнѣ часто, хоть и не надолго. Разъ, въ добрую минуту, я такъ увлеклась, что вдругъ заговорила съ нимъ о всѣхъ моихъ новыхъ недоумѣніяхъ... Я сама чувствовала, что говорю со страстью, съ убѣжденіемъ. Мужъ слушалъ меня терпѣливо (онъ всегда дѣлался очень добръ послѣ разлуки), но какъ только я замолкла, заговорилъ о томъ, какая жила новый полковой командиръ и какъ онъ нагрѣлъ руки около князя.

— Намъ-то онъ пока мягко стелетъ, да ужъ я вижу, что жестко будетъ спать, продолжалъ онъ, и началъ подробно разсказывать, какъ онъ принималъ полкъ, гдѣ и какіе нашелъ безпорядки и сколько лишняго долженъ былъ приплатить ему князь, изъ желанія покончить скорѣе процедуру сдачи полка такой *сквалыгѣ*, какъ Деревянкинъ. Я все это прослушала, удивляясь между тѣмъ самой себѣ, что вздумала пуститься сегодня въ такія изліянія...

Я опять стала чаще и чаще думать о Васильевѣ. Въ послѣднія двѣ недѣли я съ нимъ только разъ и видѣлась, и то на первый день пасхи, на нѣсколько минутъ и въ большомъ обществѣ. Онъ слишкомъ усердствовалъ въ своемъ желаніи не давать повода сплетнямъ и пересаливалъ такъ, что опять-таки подавалъ этотъ поводъ: мнѣ казалось, что мужъ находитъ страннымъ его исчезновеніе

Digitized by Google

послѣ такой короткой дружбы... Но на эту дружбу я теперь смотрѣла не такъ, какъ тогда, когда просила Васильева уѣхать. Теперь я боялась другого—боялась, что совсѣмъ покончилась эта дружба. Мнѣ вздумалось, почему же не написать къ Васильеву. Эта мысль безпрестанно являлась въ моей головѣ, и наконецъ, въ одинъ прекрасный лѣтній день, уже въ концѣ іюля, письмо было готово. Оно было самое обыкновенное, и я написала его сразу.

Но мнѣ нужно было еще сказать, что это письмо должно остаться въ секретѣ для всѣхъ, не исключая и мужа,—и вотъ тутъ-то я запнулась! Передъ своею совѣстью я была права, но какъ взглянетъ на это мужъ—мнѣ было хорошо извѣстно. Я не хотѣла вызывать семейныя бури. «И безъ нихъ хорошо», думала я. Но сознаваться постороннему человѣку, что я хочу обманывать мужа—было трудно и щекотливо. Я однакожъ вынудила себя дописать письмо и высказала прямо, что какая ни есть простая и невинная вещь это письмо, а мужъ мой можетъ посмотрѣть на это иначе, и потому я предпочла бы, чтобъ онъ о немъ вовсе не зналъ. Я долго не рѣшалась отправить письмо, однакожъ отправила.

Пришелъ августъ съ его жаркими днями и прохладными ночами. Дѣти прослѣдили самолично всю процедуру уборки и возы хлѣба, и Миша съ Лидой и нянькой не разъ отправлялись въ поле на пустомъ возу, который затѣмъ съ тріумфомъ конвоировали пѣшкомъ, когда онъ возвращался нагруженный золотистыми снопами. Одна за другой воздвигались высокія, стройныя скирды хлѣба на гумнѣ, и ужъ не мало ихъ воздвиглось. По этимъ скирдамъ я, съ помощью Лиды, учила Мишу счету. Въ саду стали собирать послѣднія яблоки и сливы, когда, по обоюдному согласію съ Александромъ, рѣшено было уѣхать намъ въ Снегорскъ. Дѣти опять прыгали отъ радости, и я была довольна, хотя опять не безъ горечи подтрунивала надъ своею неусидчивостью.

Въ двадцатыхъ числахъ сентября мы пустились въ путь. Опять былъ ясный, теплый день, какъ и въ прошломъ году; опять дѣти дивились разноцвѣтному убору деревьевъ въ лѣсу и просились выдти изъ экипажа, какъ только онъ ѣхалъ шагомъ, и потомъ бѣгомъ пускались въ погоню за длинными, тонкими нитками паутины, летавшей въ воздухѣ. Дорога была отличная; мы ѣхали скоро и пріѣхали рано. Александръ перемѣнилъ квартиру и за-

Digitized by Google

лъ небольшой каменный домикъ, наискось отъ Бѣлостоцкихъ. Ы заняли по-прежнему.

Впрочемъ не совсѣмъ по-прежнему; въ отсутствіи семьи, лександръ, тяготясь непривычной тишиной въ домѣ, созывалъ ъ себѣ гостей при первой возможности. Они повадились по вечерамъ къ намъ и при мнѣ; если былъ дома мужъ,—почти неремѣнно являлось къ намъ нѣсколько человѣкъ играющихъ и еиграющихъ. Мнѣ это надоѣдало, и я иногда съ трудомъ выдерживала роль вѣжливой хозяйки, однакожъ выдерживала. Вскорѣ ю пріѣздѣ моемъ пришелъ и Васильевъ. Это было утромъ; мужъ ылъ дома, но запершись въ кабинетѣ диктовалъ писарю какую-о бумагу. Я встрѣтила Васильева одна и была этому очень рада: не могла и не хотѣла скрывать моего радостнаго чувства.

— Такъ мы будемъ друзьями? тихо спросила я, подавая ему руку.

— Конечно, рѣшительно выговорилъ онъ, глядя на меня ю-прежнему ласково, но въ то же время съ чѣмъ-то въ родѣ любопытства и даже изумленія.

— Вы будете приходить къ намъ по вечерамъ иногда? все также тихо спрашивала я, но заслыша шаги мужа, поспѣшила перемѣнить разговоръ.

— Ну, какъ живете-можете, Сергѣй Михайловичъ? спросилъ его Александръ.

— Да я думаю такъ же, какъ и всѣ, отвѣчалъ тотъ. Послѣ долгаго затишья предвижу непогоду и готовлюсь встрѣтить и выдержать ее съ честью.

— И хорошо дѣлаете, что готовитесь, — сказалъ мужъ. А развѣ у васъ тоже показались признаки скорой непогоды?

— Ну, господа! вы говорите, какъ оракулы: со стороны и разобрать нельзя,—замѣтила я.

— Мы другъ друга понимаемъ, да и ты — я думаю—насъ понимаешь,—сказалъ мужъ. Такъ какъ-же, Сергѣй Михайловичъ?

— Признаки-то показались-ли? Очень показались,—отвѣчалъ Васильевъ. Судите сами—время стоитъ хорошее, мѣстность здѣсь здоровая, а больныхъ не перечесть: втрое больше, чѣмъ весною. Какія же могутъ быть этому причины, кромѣ дурного содержанія?... Потомъ, въ лазаретѣ... Правда, я при князѣ запасся медикаментами на цѣлый годъ, да что́ въ нихъ проку, когда больныхъ и выздоравливающихъ приходится кормить одной овсянкой?... Начнешь говорить ему, что солдаты будутъ умирать, какъ осенью мухи, при такомъ содержаніи въ лазаретѣ, а онъ въ отвѣтъ: «смотрите, говоритъ, за вашими фельдшерами, они у васъ

Digitized by Google

плутуютъ». Какого чорта можно сплутовать при такихъ нищенскихъ средствахъ!...

Я потихоньку улыбнулась, несмотря на то, что въ словахъ его ничего не было смѣшного: но я до сихъ поръ никогда не видѣла его въ такомъ азартѣ.

— Вамъ сплотиться слѣдовало-бы, дѣйствовать сообща,—замѣтила я.

— Какъ тутъ сообща дѣйствовать съ такими господами, какими Богъ надѣлилъ нашъ полкъ!—съ жаромъ возразилъ Александръ. Посмотрите вы на Бѣлостоцкаго: ужъ какъ, я думаю, на сердцѣ кошки скребутъ, когда обрѣзываютъ у насъ справки до послѣдней невозможности, а вѣдь точно собачонка впередъ забѣгаетъ, и хвостомъ виляетъ, и такими-то умильными глазками посматриваетъ! «Бейте, дескать, колотите! а я все-таки къ вамъ со всею моею собачьею преданностью!» Да и одинъ-ли Бѣлостоцкій? Онъ только больше другихъ въ глаза бросается: слишкомъ ужъ глупъ и слишкомъ откровененъ въ своей подлости.

— А вотъ кончится срокъ нанятому дому подъ лазаретъ (князь вѣдь за годъ впередъ заплатилъ)... Посмотримъ, куда-то насъ тогда упрячутъ?—замѣтилъ Васильевъ.

— Должно быть въ доброе мѣсто, — сказалъ Александръ. Куда же вы, Сергѣй Михайловичъ? можетъ быть пообѣдали бы вмѣстѣ.

— Нѣтъ, благодарю. Я обѣщалъ обѣдать у судьи: тамъ сынишка имянинникъ, котораго я какъ-то отъ воспаленія вылечилъ...

— А вы бываете нынче у судьи?—спросила я, немного съ удивленіемъ.

— Какъ же, бываю,—отвѣчалъ онъ. Долго я крѣпился, не заводилъ ни съ кѣмъ близкаго знакомства, да нѣтъ! нельзя этакъ прожить въ одиночку!...

У меня—не знаю отчего—будто сердце упало.

Въ полку между тѣмъ шло глухое броженіе и замѣтно было серьёзное безпокойство. Молодежь только подсмѣивалась надъ ханжествомъ Деревянкина и его недавноприбывшей супруги и надъ ихъ мелочною, доходящею до скаредности, разсчетливостью, но солидные люди имѣли болѣе серьёзные поводы къ недовольству. Кто не жилъ полковою жизнью или близко не присматривался къ ней на досугѣ, гдѣ-нибудь въ уѣздномъ городкѣ или деревенскомъ захолустьѣ — для того не совсѣмъ понятна роль и значеніе полкового командира въ этомъ небольшомъ міркѣ. Извѣстно, что, до послѣднихъ реформъ по военному вѣдомству, пол-

Digitized by Google

вой командиръ — начальникъ полка со властью почти неограченной, былъ въ то же время и подрядчикомъ, доставлявшимъ ражъ для лошадей, одежду и продовольствіе для солдатъ и неёвшимъ по этой части надъ собою никакого контроля. Въ вѣстные сроки онъ получалъ отъ казны на содержаніе полка ньги по справочнымъ цѣнамъ, бывшимъ всегда гораздо выше нъ нормальныхъ (на этотъ счетъ заранѣе принимались мѣры, агодѣтельно отзывавшіяся на карманахъ кое-какихъ уѣздныхъ астей). На эти деньги полковой камандиръ долженъ былъ соржать полкъ; но обыкновенно онъ сдавалъ подрядъ эскадронмъ командирамъ, оставляя однакожъ себѣ извѣстную, часто вную часть излишка противъ цѣнъ нормальныхъ. Изъ этихъ вныхъ частей составлялись, иногда, очень серьёзныя состоянія. то касается эскадронныхъ и ротныхъ командировъ, у нихъ тоже тавался кое-какой излишекъ; болѣе честные изъ нихъ удѣляли сть его для улучшенія содержанія солдатъ; болѣе алчные заирали его весь себѣ, но случались и такіе молодцы, которые, ерхъ этого излишка, отхватывали себѣ добрую сумму и урѣвали до нельзя солдатскій паекъ и фуражъ; такими, впрочемъ, къ товарищи нѣсколько гнушались. При князѣ эта дѣлёжка роисходила самымъ безобиднымъ образомъ, чтобъ не отставать ъ заведеннаго порядка (князь уважалъ старые полковые обычаи преданія, каковы бы они ни были, и какъ будто даже не могъ не позволялъ себѣ относиться къ нимъ критически), онъ оставялъ себѣ кое-какую малость, но всю ее еще съ прибавкой отавалъ солдатамъ. За то онъ требовалъ, чтобъ и люди и лошади одержаны были какъ слѣдуетъ, и косо смотрѣлъ на тѣхъ, кто ишкомъ уже заботился о своемъ карманѣ. Но теперь вѣтеръ одулъ съ другой стороны. Деревянкинъ оттягалъ уже себѣ львиую часть излишка и готовился наложить руку и на остальное. Загребистая лапа!» басомъ опредѣлялъ подполковникъ Таракаовъ, который постоянно молчалъ и выговорить слово рѣшался олько въ крайнемъ случаѣ, за что́ и былъ подозрѣваемъ нѣкоорыми въ большомъ глубокомысліи. Я тогда не совсѣмъ ясно азумѣла механизмъ полкового хозяйства и какъ-то разъ попроила мужа объяснить мнѣ его суть,—выслушала его объясненіе, опустила руки.

— Да какая-же это гадость! — брезгливо выговорила я. Нежели-же нельзя уничтожить такую гнусную систему? Неужели о сихъ поръ не нашлось ни одного человѣка, который разобличилъ бы ее и не сталъ ей подчиняться?

— Положимъ—нашелся-бы такой, да что́ вышло бы проку?—

Digitized by Google

возразилъ мужъ. Все это споконъ-вѣку заведено и всѣмъ извѣстно—и публикѣ, и высшимъ властямъ; разоблачать это не-нерѣ вѣмъ. Но, положимъ, нашелся бы Донъ-Кихотъ, который купилъ бы для полка все, слѣдуемое по смѣтѣ, а излишекъ представилъ бы въ казну—ты думаешь, лучше было бы солдату? Смѣта вѣдь составлена въ слишкомъ общихъ чертахъ: того ему было бы много, другого бы не было вовсе: солдатъ бы бѣдствовалъ. А самого Донъ-Кихота товарищи по должности, да и начальство, тотчасъ бы выжили. Вотъ и все!...

— Это ужасно! Александръ! ты не знаешь, сколько же именно мы заѣдаемъ солдатскаго хлѣба!—съ мучительнымъ усиліемъ выговорила я.

— Ни куска,—твердо выговорилъ мужъ. Я самъ дѣлюсь съ ними тѣмъ, что у меня остается отъ покупки фуража. Что у меня солдаты содержатся лучше, чѣмъ у другихъ—ты это знаешь вѣроятно.

Но я этимъ не удовлетворилась: мнѣ все-таки не давала покоя мысль, что мы пользуемся солдатскими средствами. Правда, я знала, что они у мужа хорошо содержатся; знала я и то, что мы проживали очень немного: въ Синегорскѣ жизнь была очень дешева, а мы жили только-что безбѣдно. Эти сборища по вечерамъ стоили малость; да они мало-по-малу становились рѣже къ зимѣ. Но мнѣ вдругъ вспало на мысль — а если мужъ потихоньку копитъ себѣ деньгу? Онъ не запирался отъ меня; его ключи всегда были у меня. Мнѣ совѣстно было прямо пойти свидѣтельствовать его ящики, но если мнѣ случалось открывать ихъ по другой надобности, я ничего не оставляла въ покоѣ, все перерывала въ боязливомъ ожиданіи напасть на слѣды экономій (я, какъ видите, еще не отвыкла лицемѣрить съ собой). Но капиталы не отыскивались и я начинала понемногу убѣждаться, что ихъ и нѣтъ, и быть не можетъ. Мнѣ совѣстно дѣлалось передъ мужемъ за мои подозрѣнія, совѣстно было взглянуть ему въ глаза, и въ этомъ настроеніи я скоро стала замѣчать, что стынетъ мое негодованіе на него, на его готовность мириться съ окружающею мерзостью. Я начинала соглашаться, что есть своя доля правды въ его взглядѣ на дѣло. «Что подѣлаютъ отдѣльныя личности, коли такъ плоха вся система, споконъ-вѣку заведенная? И если ужъ такъ плоха она, а мы не въ силахъ измѣнить ее — что же остается, какъ не выбирать изъ двухъ золъ—меньшее!» Но мнѣ ужасно обидно было такъ часто сталкиваться съ необходимостью мириться съ такими вещами, съ которыми не хотѣлось бы мириться; тѣмъ сильнѣе говорило во мнѣ явно несбыточное желаніе

Digitized by Google

йти отсюда куда-нибудь, уйти отъ этихъ дрязгъ и низостей, плыть изъ этой грязной и мелкой лужи въ болѣе широкое русло иной жизни, которой я не знала, но которую рисовала себѣ такими свѣтлыми, радужными красками!...

Разъ вечеромъ зашелъ къ намъ Васильевъ. Я наливала чай въ столовой; дѣти были въ дѣтской, а мужъ съ Тараканoвымъ и полковымъ квартирмейстеромъ толковали о своихъ дѣлахъ въ кабинетѣ.

— Что вы такъ рѣдко къ намъ заглядываете? — тихо и съ упрекомъ спросила я.

— Вамъ не угодишь: то́ часто, то́ рѣдко! —улыбаясь замѣтилъ онъ.—А гдѣ Александръ Семеновичъ?

— Тамъ,—произнесла я, указывая головой на дверь въ кабинетъ.

Онъ прошелъ туда, а я, заслышавъ отворившуюся изъ сѣней дверь, выглянула въ переднюю, кого еще Богъ принесъ,—и къ ужасу своему увидѣла Мальвину Осиповну съ супругомъ. Она въ послѣднее время рѣдко ко мнѣ показывалась—очень возгордилась, что жена Деревянкина до сихъ поръ съ ней одной только познакомилась.

— Здравствуйте, ma chère! — нѣсколько покровительственно заговорила она, припадая, однако, цѣловаться со мною съ прежнимъ жаромъ. — А у васъ прехорошенькая квартирка: гораздо лучше прежней. Александръ Семеновичъ дома? А! такъ у васъ гости?—произнесла она подозрительно заглядывая въ кабинетъ.— А Сергѣй Михайловичъ здѣсь? Онъ, наконецъ, начинаетъ показываться въ люди... Здравствуйте, Александръ Семеновичъ! здравствуйте, messieurs!—привѣтствовала она всѣхъ.—Ну, Сергѣй Михайловичъ! вы рѣшительно исправляетесь: скоро сдѣлаетесь совсѣмъ свѣтскимъ молодымъ человѣкомъ. Я вами очень, очень довольна!

Васильевъ едва замѣтно нахмурился и ничего не отвѣчалъ. Мальвина Осиповна усѣлась къ столу, мужчины возлѣ стола, также и дѣти, изъ которыхъ Миша съ почтеніемъ, смѣшаннымъ со страхомъ, посматривалъ на невѣроятные усы и бакенбарды Тараканова... Разговоръ невязался; одна Мальвина Осиповна болтала какой-то вздоръ, кстати и некстати приплетая туда Деревянкиныхъ и усиливаясь дать замѣтить свою съ ними короткость. Наконецъ, не помню кто изъ мужчинъ заговорилъ о полковыхъ дѣлахъ.

— А я очень радъ, что свидѣлся съ вами, Семенъ Степановичъ!—сказалъ Васильевъ Бѣлостоцкому.—Я къ вамъ давно сби-

Digitized by Google

рался, да никакъ не сберусь... Хотѣлъ спросить васъ, не пожертвуете ли вы что-нибудь для улучшенія содержанія больныхъ вашего эскадрона? Александръ Семеновичъ и Дмитрій Гавриловичъ (онъ указалъ на Тараканова) малую толику на этотъ предметъ удѣляютъ, а вашимъ больнымъ обидно — я думаю — овсянкой питаться, когда тѣ говяжій бульонъ ѣдятъ.

Бѣлостоцкій смутился и оглянулся на жену, словно звалъ ее на выручку. Мальвина Осиповна сверкнула своими кошачьими глазками.

— Я удивляюсь, Сергѣй Михайловичъ, какъ это вы умѣете вѣчно примѣшать эти служебныя дрязги ко всякому разговору! — выговорила она пока еще кислосладкимъ тономъ. — Всякому изъ насъ хотѣлось бы пріятно провести вечеръ, поболтать весело, посмѣяться...

— И мнѣ хотѣлось бы этого, — перебилъ Васильевъ, — да не могу я проводить весело вечеръ, когда днемъ нѣсколько разъ наталкиваюсь на всяческія безобразія...

— И знаете ли, Сергѣй Михайловичъ! вы этимъ компрометтируете Павла Ѳедоровича — наставляла она. — Онъ долженъ содержать лазаретъ и неужели онъ — такой христіанинъ — неужели онъ допуститъ, чтобъ больнымъ чего не доставало! А вы, будто для нищихъ, для нихъ выпрашиваете.

— Да потому, что они хуже нищихъ, — началъ-было Васильевъ.

— Не повѣрю! не повѣрю! — энергично возопила Мальвина Осиповна. И притомъ — отчего *вы* объ этомъ хлопочете? вамъ, по настоящему нѣтъ до этого дѣла? Это дѣло...

— Вотъ въ томъ-то и штука, что онъ передалъ лазаретъ въ мое вѣдѣніе, — возразилъ Васильевъ. А впрочемъ, я не съ вами говорилъ объ этомъ и все это до васъ не касается, — спохватился онъ.

— Это очень любезно, очень вѣжливо! — съ сарказмомъ произнесла она.

— Да, не мѣшайтесь въ чужія дѣла, не напрашивайтесь на непріятности! — посовѣтовалъ ей онъ. Вѣдь этакъ вы можете такую бѣду себѣ нажить, что и раскаяваться будете — да поздно будетъ.

Она взглянула на мужа, потомъ на всѣхъ насъ, будто ища союза и помощи, но Бѣлостоцкій барабанилъ пальцами объ спинку стула, Александръ крошилъ сухарь въ чай Мишѣ, я перетирала чашки, квартирмейстеръ шутилъ съ Лидою, а Таракановъ глубокомысленно курилъ, — словомъ, никто не показывалъ ни малѣйшаго желанія вмѣшаться въ перебранку.

Digitized by Google

— Вотъ и испорченъ вечеръ!—вздохнула она. А я разсчитывала провести его пріятно!.. Что-жъ, поѣдемъ домой, Simon!

Я не нашла возможнымъ ее удерживать: очень ужъ противна она мнѣ казалась. Прощаясь съ нею, я подумала, что она уѣзжаетъ нестолько потому, что ее разогорчилъ Васильевъ, сколько изъ боязни, чтобъ не спасовалъ ея мужъ, не согласился бы дать пособіе больнымъ солдатамъ.

— Теперь прямо къ Деревянкину махнетъ: еще вѣдь рано,— замѣтилъ Александръ. То-то наплететъ!..

— Это всенепремѣнно?—подтвердилъ даже и Таракановъ.

— Эка карга проклятая! Никто не умѣетъ такъ разозлить меня, какъ она!—выбранился Васильевъ.

— Она и такъ васъ въ безсердечіи упрекаетъ,—засмѣялась я.

— Она долго и усердно доискивалась — есть-ли сердце у Сергѣя Михайловича,—очень усердно!—значительно подмигнулъ квартирмейстеръ.

— Неужели?—изумилась я, и взглянувъ на Васильева, расхохоталась. Всѣ послѣдовали моему примѣру. Онъ сдѣлалъ гримасу.

Въ эту зиму опять предположены были танцовальные вечера въ клубѣ; на этотъ разъ обыватели хлопотали о нихъ еще болѣе военныхъ. Жена судьи привезла изъ института дочь, окончившую курсъ, нѣкоторыя помѣщичьи дочери и жены намѣрены были веселиться; исправница выписала какихъ-то родственницъ дѣвушекъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ множество модныхъ нарядовъ собственно для себя,—словомъ, зима обѣщала быть веселою и оживленною. Когда Мальвина Осиповна и другіе лизоблюды начали упрашивать Деревянкину украсить эти вечера своимъ присутствіемъ, та отвѣчала, что вообще она не охотница до свѣтскихъ развлеченій, но на эти вечера пріѣдетъ когда-нибудь взглянуть.

Она скоро познакомилась со всѣми въ городѣ (она не хотѣла никого обидѣть, какъ объяснила намъ Мальвина Осиповна). Была она у всѣхъ уѣздныхъ и полковыхъ дамъ; была даже у меня, несмотря на то, что я когда-то была актрисой; была и у жены инвалиднаго, несмотря на то, что, по словамъ Мальвины Осиповны, она была весьма легкаго поведенія... Деревянкина оказалась высокой, тощей особой, лѣтъ за сорокъ, съ лицомъ старой дѣвы и манерами старой ханжи. Одѣвалась она скромно, можно сказать, бѣдно, и осуждала тѣхъ, кто заботился о своемъ туалетѣ. Мальвина Осиповна припрятала свои пышныя сѣтки, какъ только познакомилась съ нею.

Digitized by Google

— Это ваши дѣти? — спросила у меня Деревянкина, взглянувъ на дѣтей. Святое бремя, но какая великая отвѣтственность?— торжественно добавила она. Подойдите, душенька, ко мнѣ! — позвала она Лиду.

Но дѣти, которымъ она съ перваго взгляда не понравилась, одинъ за другимъ вылетѣли изъ комнаты; она холодно посмотрѣла имъ вслѣдъ и вѣроятно подумала (такъ по крайней мѣрѣ мнѣ пришло въ голову), что такими-то именно должны быть дѣти бывшей актрисы. Меня къ себѣ за-просто она не принимала, какъ это обыкновенно водится при первыхъ знакомствахъ въ провинціи. А я была и рада этому! мнѣ не до нея было: у меня были мои дѣти, мои книги, мои тревоги и сомнѣнія, мои домашнія хлопоты...

Въ прошломъ году танцовальные вечера начались на святкахъ; теперь съ ними поторопились — назначили первый вечеръ въ половинѣ ноября, въ день заговѣнъ. Деревянкина осудила это распоряженіе: въ постъ-де веселиться неприлично, и объявила, что до святокъ не выѣдетъ въ клубъ. Несмотря на это, все общество ожидало перваго вечера съ большимъ нетерпѣніемъ.

Наконецъ, вожделѣнный день насталъ!.. Мужъ уѣхалъ изъ дому рано: ему нужно было заѣхать къ Тараканову, который пріѣхалъ только-что изъ эскадрона и остановился въ гостинницѣ. Дѣти въ тотъ день много гуляли и катались по первому снѣжку, и утомленные моціономъ улеглись спать рано, въ исходѣ восьмого часа. Пользуясь минутами невозмутимой тишины и покоя, я усѣлась съ книгой въ спальной, какъ раздался звонокъ и послышались хорошо знакомые мнѣ легкіе, и вмѣстѣ твердые шаги. Я закрыла книгу и вышла къ Васильеву.

— Что-жъ это вы не пошли въ клубъ?—удивилась я. Вѣдь сегодня первый танцовальный вечеръ.

— Въ самомъ дѣлѣ? а я и забылъ,—отвѣчалъ онъ. То-то— гляжу—на улицахъ оживленіе необыкновенное... А вы опять не будете ѣздить?

— Что́ мнѣ тамъ дѣлать?—спросила я.

— А знаете—это напрасно: все-таки развлеченіе!—проговорилъ онъ.

— О, это развлеченіе хуже самой скуки,—возразила я. Скучаешь по крайней мѣрѣ не стѣсняясь — въ домашнемъ платьѣ, сидя спокойно или лежа; а туда нужно вырядиться, болтать со всѣми, быть любезною!.. Ну, а скажите-ка однако: очень удивило васъ мое письмо?—храбро спросила я, помолчавъ.

— Да, удивило! — немедля отвѣчалъ онъ. Сначала я даже

Digitized by Google

не зналъ, какъ объяснить себѣ его, а потомъ—мнѣ кажется—я понялъ.

— Что-же вы поняли?—живо спросила я.

— Вы вѣроятно передъ тѣмъ... повздорили нежножко съ Александромъ Семеновичемъ, улыбаясь отвѣчалъ онъ.

— Что́ вамъ это вздумалось?

— Иначе я ничего не могу понять,—тихо проговорилъ онъ. Вы тамъ жалуетесь на одиночество, говорите—какъ тяжела вамъ жизнь, а мнѣ кажется вы—самая счастливая женщина въ мірѣ.

— Я? вы не шутите?

— Да, вы! У васъ мужъ, который такъ васъ любитъ... вѣдь это видно. У васъ дѣти... началъ высчитывать онъ.

— А это все, что нужно для счастія!—съ ироніей замѣтила я.

— Что-же еще нужно женщинѣ?—съ убѣжденіемъ произнесъ онъ, и задумался.

Я между тѣмъ пристально взглянула на него: его лицо было серьёзно и выражало тревожное недоумѣніе...

— Впрочемъ, семейныя дѣла судить Богъ—говорятъ благоразумные люди, — сказалъ онъ наконецъ. Я, съ своей стороны, очень радъ былъ бы дружбѣ съ вами, но... мнѣ кажется — вы теперь уже очень умѣренно ее желаете.

— Какъ такъ?—спросила я.

— Такъ. Въ минуту грусти или раздраженія вы почему-то вспомнили обо мнѣ, но эта минута прошла—и мы съ вами теперь встрѣчаемся совершенно равнодушно, какъ люди совсѣмъ посторонніе.

— Еще бы намъ иначе встрѣчаться при... здѣшней публикѣ!—замѣтила я.

— Правду сказать — я все это время наблюдалъ васъ, изучалъ... продолжалъ онъ, не слушая меня. И мнѣ кажется — я васъ теперь хорошо знаю.

— Ну, и что-жъ?—спросила я очень заинтересованная.

— Вы... какъ бы это сказать?.. У васъ... Вы скоро увлекаетесь и скоро остываете...

— Хорошо-же вы меня поняли?—съ упрекомъ проговорила я.

— Какъ умѣлъ,—отвѣчалъ онъ, слегка улыбаясь. Иначе я рѣшительно не могу объяснить себѣ тѣ переходы...

Но онъ не договорилъ; опять зазвенѣлъ колокольчикъ, и я услышала голосъ и шаги мужа.

— Что́ это вы такъ рано изъ клуба?—удивился Васильевъ, раскланиваясь съ мужемъ. Да вы нездоровы! — догадался онъ,

Digitized by Google

взглянувъ на Александра. Вотъ — значитъ, я здѣсь кстати. Что съ вами—скажите?

Я сама видѣла, что на Александрѣ лица нѣтъ.

— Нѣтъ... ничего... глухо и съ разстановкой выговорилъ онъ. Должно быть угорѣлъ въ нумерѣ у Тараканова,—прибавилъ онъ, спустя минуту.

— А! такъ нѣтъ-ли у васъ уксуснаго эѳира, Катерина Александровна?—заботливо проговорилъ Васильевъ. Или вотъ пошлите въ аптеку.

— Нѣтъ, нѣтъ!—досадливо перебилъ Александръ.—Мнѣ теперь ничего не нужно: мнѣ уже лучше... прибавилъ онъ, тяжело усаживаясь въ кресло и закидывая голову назадъ.

— Лучше? да, вѣдь вы скоро на воздухъ вышли... А все-же вамъ прилечь бы теперь. Право, ложитесь, Александръ Семеновичъ! нужды нѣтъ, что еще рано. Вѣдь эта головная боль послѣ угара — ужасно мучительная вещь! — посовѣтовалъ Васильевъ, и сталъ прощаться.

Когда онъ вышелъ, я взглянула опять на мужа: онъ былъ страшно блѣденъ, лицо его судорожно подергивалось.

— Въ самомъ дѣлѣ — ты прилегъ бы, Александръ, — тихо выговорила я съ заботливостью и вмѣстѣ съ какимъ-то безотчетнымъ страхомъ...

— Прилягу! — глухо произнесъ онъ такимъ страннымъ тономъ, что я замолкла.

— А вотъ—скажите-ка мнѣ: это у васъ заранѣе условлено было? — спросилъ онъ голосомъ, въ которомъ слышалась не то угроза, не то допросъ.

— Что условлено?—спросила въ свою очередь и я.

— Вотъ она, невинность-то какая! — съ злымъ сарказмомъ проговорилъ онъ. — Свиданіе-то это таинственное — давно было условлено?

— Ты съума сошелъ, Александръ?

— Да, я сошелъ съума, — согласился онъ. Я давно сошелъ съума: тогда, когда поднялъ васъ изъ грязи и задумалъ сдѣлать честную женщину, честную жену и мать изъ отставной актрисы! Развѣ вы могли отрѣшиться отъ своего прошлаго? Вы держались, пока были на привязи, взаперти—въ деревнѣ...

— Замолчи, Александръ! Ты раскаешься послѣ,—съ мольбой въ голосѣ говорила я.

— Я? раскаюсь?—вскричалъ онъ. Я не въ томъ раскаюсь: мнѣ слѣдовало бы раздавить васъ!—глухо добавилъ онъ и замолкъ, словно задыхаясь.

Digitized by Google

Я вдругъ почувствовала въ себѣ рѣшимость и живость — встала и заговорила почти спокойно и твердо.

— Ты можешь раздавить меня: у тебя на это хватитъ силы, — сказала я. Ты можешь оскорблять меня, сколько тебѣ угодно: вѣдь я женщина, и еще твоя жена. Но пока ты не раздавилъ меня — я не хочу болѣе подвергаться твоимъ оскорбленіямъ. Я не стану жить въ одномъ домѣ съ тобою...

— И къ чорту! къ чорту!.. такъ изступленно закричалъ онъ, что я въ ужасѣ отступила назадъ, а прикурнувшій на скамьѣ въ передней деньщикъ испуганно вскочилъ и появился въ дверяхъ со всклокоченными волосами и совершенно растеряннымъ видомъ.

Я не помню, долго-ли я простояла тутъ на мѣстѣ, безъ словъ, безъ мысли, едва дыша... Плачъ меньшого сына въ дѣтской разбудилъ меня; я, шатаясь, вышла, прошла къ себѣ и не раздѣваясь бросилась въ постель...

Не знаю, спалъ-ли мужъ въ эту ночь, но я не спала. Мнѣ живо вспомнилось, какъ сдѣлали мнѣ такую же обиду восемь лѣтъ назадъ... Да, именно такую же: она была мягче выражена, но сущность ея оставалась та же. И я перенесла ее—я ее простила и забыла. Я испугалась тогда неизвѣстности и опасностей, предстоявшихъ мнѣ послѣ разрыва!... И вотъ когда пришлось расплачиваться!..

Утромъ мужъ не вышелъ къ чаю. Дѣти побѣжали провѣдать его и возвратились испуганные, съ извѣстіемъ, что папа̀ боленъ. Я прислушалась: онъ какъ будто стоналъ въ кабинетѣ. Когда я вошла туда, онъ безъ подушки лежалъ на диванѣ, въ такомъ жалкомъ, безпомощномъ видѣ! Я съ усиліемъ вынудила себя прикоснуться къ нему: у него былъ жаръ. Я послала за Беренсомъ—его не было въ городѣ. За Васильевымъ я не рѣшилась послать и сама съ нянею и деньщикомъ обложила его горчишниками и ежеминутно мѣняла холодные компрессы на горячемъ лбу. Къ утру ему стало лучше. Очнувшись, онъ смотрѣлъ на меня сначала дико и странно, но мало-по-малу взглядъ его смягчался и, наконецъ, его глаза стали слѣдить за мною уже съ выраженіемъ мольбы... Я дѣлала свое дѣло молча, но съ неумолимою рѣшимостью, по выздоровленіи его, вмѣстѣ съ дѣтьми уѣхать въ деревню.

— Ты простишь меня, Катя?—робко, умоляющимъ голосомъ, спросилъ, наконецъ, онъ.

Я не отвѣчала: у меня ни за что не нашлось бы слова въ отвѣтъ.

Digitized by Google

— Катя! Катя! — молилъ онъ, напрасно стараясь схватить мою руку. Неужели ты не понимаешь, какъ ты мнѣ дорога? Вѣдь оттого я такъ сумасшествую! Катя! ты пожалѣешь меня?...

Но въ моей душѣ не было состраданія: въ ней все замерло, кромѣ чувства обиды и озлобленія... И чѣмъ робче, чѣмъ горячѣе онъ молилъ меня о примиреніи, тѣмъ, казалось, меньше я была способна примириться... Такъ какъ онъ выздоровѣлъ, я ушла къ себѣ и заперлась... Дѣти смутно чувствовали, что въ домѣ происходитъ что-то необычайное и притихли. Три раза въ сутки мнѣ неизбѣжно приходилось встрѣчаться съ мужемъ: за обѣдомъ, за утреннимъ и вечернимъ чаемъ; эти встрѣчи требовали отъ меня большого усилія и принужденія; подать ему стаканъ чаю или тарелку супу казалось мнѣ подвигомъ. У себя въ комнатѣ я стала понемногу укладываться и собираться и послала нарочнаго къ Калинову, чтобы приготовили домъ и протапливали его къ моему пріѣзду.

Но среди этихъ хлопотъ и сборовъ, которыми отчасти я хотѣла заглушить тяжелое воспоминаніе, иногда неожиданно мнѣ вспоминалось какое-нибудь слово Васильева, звукъ его голоса, какая-нибудь черта его лица и потомъ вслѣдъ затѣмъ другой голосъ, другія слова, другое лицо, съ тѣмъ звѣрскимъ выраженіемъ, которое я на немъ недавно видѣла. У меня захватывало дыханіе при этомъ сравненіи... Чтобы прогнать эти воспоминанія, я начинала усиленно хлопотать о своемъ переѣздѣ; но это только еще болѣе утомляло меня, а мозгъ также болѣзненно-напряженно работалъ... Мнѣ приходилъ потомъ на мысль Петербургъ, та широкая, полная борьбы и интереса жизнь, которую, я думала, ведетъ тамъ мыслящее общество... То были странныя, безсвязныя, горячечныя грёзы! Не слышно было отрезвляющаго голоса разсудка, — и результатомъ всего этого оказалось то, что въ одно прекрасное утро я не въ состояніи была встать съ постели: странная слабость смѣнила мое лихорадочное возбужденіе. Мужъ испугался, и вѣрно онъ въ самомъ дѣлѣ устыдился своего поведенія и раскаялся: онъ немедленно послалъ за Васильевымъ.

Васильевъ рѣшительно сталъ въ-тупикъ: позвать-то его позвали, но объяснить ему, отчего приключилась мнѣ моя болѣзнь, не хватало духа у мужа; у него не хватало духа даже коротко сказать доктору, что болѣзнь моя имѣла психическую причину, что я перенесла сильное огорченіе. Впрочемъ, онъ и самъ можетъ быть не сознавалъ этого въ должной мѣрѣ и въ должной

Digitized by Google

жности, а я предпочитала молчать при посѣщеніяхъ доктора и предоставляла говорить мужу. Мнѣ казалось, что я даже и не больна: правда, я не могла двигаться отъ слабости, но кромѣ этого, да безсонницы, у меня не было болѣзненныхъ симптомовъ. Васильевъ ломалъ-ломалъ голову, и порѣшилъ на какомъ-то нервномъ страданіи. Онъ прописалъ мнѣ успокоивающія и укрѣпляющія средства.

Странно сказать: еслибъ не было при мнѣ почти постоянно моего мужа, видъ котораго наводилъ на меня тяжелое чувство, эти дни крайняго разслабленія были бы для меня хорошимъ временемъ. Мнѣ нравилось лежать такъ, безъ движенія, почти безъ мысли, съ тѣми отрывочными свѣтлыми грёзами, которыя вдругъ появлялись, какъ только я оставалась одна, и вдругъ потомъ исчезали. Я не скоро замѣтила, что и дѣти стали какъ-то необыкновенно тихи и благонравны. Даже то сильное чувство къ Васильеву, которое внезапно нахлынуло въ мою душу послѣ той страшной ночной сцены, приняло совсѣмъ иной характеръ въ этотъ періодъ жизни полусознательной. Я ждала появленія Васильева съ тихою радостью; мнѣ казалось, я чувствовала заранѣе его приближеніе, и когда онъ входилъ ко мнѣ и сидѣлъ въ моей комнатѣ, перекидываясь словами съ мужемъ, я прислушивалась къ звукамъ его голоса, не слыша словъ, въ какой-то сладкой истомѣ не замѣчая, что онъ говоритъ не одинъ, что вмѣстѣ съ его голосомъ слышится другой, который мнѣ непріятенъ, почти страшенъ... Подчасъ мнѣ казалось, что я вѣкъ пролежала бы такъ, въ этомъ странномъ полузабытьи. Разъ, когда мужа не было въ комнатѣ, пришли ко мнѣ старшія дѣти; я посадила ихъ возлѣ себя и приласкала—какъ вдругъ у Лиды показались слезы на глазахъ.

— Что съ тобой, моя дѣвочка! Что это ты, дитя мое!—спрашивала я, заглядывая въ ея большіе, влажные глазки, которые она старалась отъ меня спрятать. Дѣвочка припала ко мнѣ и зарыдала.

— Ты не умрешь, мама́? Мамочка? ты будешь жить съ нами,—говорила она, прижимаясь ко мнѣ. Миша тоже началъ всхлипывать и тоже заплакалъ, и я вдругъ почувствовала, что у меня выступаютъ слезы на глаза, и чрезъ минуту рыдала — рыдала также, какъ дѣти. Тутъ была—въ этихъ слезахъ моихъ—и горечь недавней обиды, и жалость къ дѣтямъ, и что-то въ родѣ раскаянія въ томъ, что я забывала ихъ въ эти тяжелые дни, что ихъ не было со мною въ тѣхъ мечтахъ моихъ, которыми я теперь жила... Мужъ пришелъ на эту сцену. Онъ не смѣлъ по-

Digitized by Google

дойти къ нашей группѣ и стоялъ въ сторонѣ, блѣдный и растерянный, какимъ я его никогда не видѣла. Еслибъ было возможно примиреніе между нами — оно состоялось бы теперь. Но я нисколько не смягчилась, глядя на него. Я отерла слезы, поцѣловала дѣтей и, повернувшись къ стѣнѣ, опять впала въ то состояніе полузабытья, въ которомъ жила все это время.

Но съ этого дня мнѣ стало легче. Помогли-ли мнѣ лекарства, или этотъ кризисъ мнѣ помогъ—эти облегчающія слезы,— не знаю, но я почувствовала себя крѣпче, стала вставать съ постели, спать по ночамъ, даже читать понемногу. Я привыкла къ присутствію мужа, какъ къ чему-то тяжелому, обидному, но неизбѣжному; иногда я перекидывалась съ нимъ нѣсколькими словами о дѣтяхъ, или о домашнихъ дѣлахъ. Оказалось, что ѣхать въ Калинову мнѣ совершенно невозможно: тамъ совсѣмъ развалились старыя печи, какъ только стали топить ихъ по моему приказанію. Я не слишкомъ огорчилась: на меня напала какая-то апатія, какое-то нравственное отупѣніе. Мужъ ходилъ, какъ въ воду опущенный. Васильевъ все еще посѣщалъ меня, какъ больную, хоть и не слишкомъ часто; вѣроятно, чтобъ показать и доказать свое раскаяніе и довѣріе ко мнѣ, мужъ не стѣснялся уходить изъ дому, когда ждали доктора. Мнѣ часто приходилось принимать его одной.

— Какъ вы себя чувствуете? спросилъ онъ меня. Хорошо? Ну, и слава Богу! Что вы это читаете?

Я сказала, и, подъ вліяніемъ неостывшаго впечатлѣнія отъ чтенія, начала со всѣмъ жаромъ негодованія говорить о тѣхъ лицахъ, которыя въ жару спора своимъ излишнимъ увлеченіемъ и безтактностью роняли общее дѣло. Онъ выслушалъ меня внимательно и съ большимъ удивленіемъ...

— Удивительная у васъ способность увлекаться! проговорилъ онъ. Ну, можно-ли такъ близко принимать къ сердцу вещи, васъ некасающіяся. Ну, и пусть ихъ! Чтó вамъ до нихъ?

— Какъ вы такъ говорите! Это касается всѣхъ! начала я съ жаромъ.

— Постойте—не волнуйтесь, не горячитесь! шутя остановилъ онъ меня, и взявъ пузырекъ на столѣ, началъ отсчитывать въ рюмку лавровишневыя капли.

— Нѣтъ, не нужно! отстранила я рукой лекарство; я не буду волноваться. Но, скажите, Бога ради, неужели въ самомъ дѣлѣ вы такъ равнодушны ко всему этому? Неужели вамъ не кажется интереснымъ слѣдить за жизнью нашего общества, знать, чтó оно думаетъ, чѣмъ живетъ, что ему предстоитъ?...

Digitized by Google

— Гмъ! Во-первыхъ, вы, мнѣ кажется, смѣшиваете два разнородныя понятія: общественная жизнь, и общественныя дрязги. Во-вторыхъ,—я слѣжу за своимъ дѣломъ, которому посвятилъ себя, оно затрогиваетъ такъ много отраслей знанія. Рядомъ съ этимъ все то, что *вы* называете общественной жизнью, кажется мелочью и пустяками!... Потомъ, у меня полковой лазаретъ на рукахъ и большая практика. Слѣдить за болѣзнями, облегчать страданія людей, мнѣ кажется, гораздо отраднѣе и полезнѣе для общества, чѣмъ читать всякіе пустяки...

— Но, какъ хотите, это такая односторонность...

Онъ пожалъ плечами.

— Что-жъ дѣлать? возразилъ онъ. Всеобъемлющихъ умовъ, всеобъемлющихъ натуръ мало, да и есть-ли онѣ!

Въ другой разъ Васильевъ опять пришелъ ко мнѣ въ отсутствіи мужа, но въ моей спальнѣ дружно и шумно играли дѣти. Я сидѣла на постели и машинально слѣдила за ними.

— Вамъ хорошо сегодня? Это видно и по лицу, и вотъ поэтому, указалъ онъ, съ улыбкой, на дѣтей.

Онъ сѣлъ въ кресло возлѣ кровати и сталъ съ разсѣянной улыбкой смотрѣть, какъ играли дѣти. Мы просидѣли нѣкоторое время молча.

— Какъ бы это и куда бы это уйти?! вдругъ выговорила я, словно изъ души у меня внезапно вырвался этотъ полу-вопросъ и полу-мольба.

Онъ встрепенулся и посмотрѣлъ на меня испуганными глазами. «Вѣрно подумалъ, что я начинаю бредить или съ ума сходить!» пришло мнѣ на мысль. Въ тотъ разъ скоро пришелъ мужъ, и Васильевъ долго просидѣлъ съ нимъ вдвоемъ въ кабинетѣ.

Черезъ нѣсколько дней, по утру, мнѣ показалось что-то холодно и сыро; на дворѣ валилъ мокрый снѣгъ большими хлопьями. Я велѣла затопить у себя печь, усѣлась въ большое кресло передъ огнемъ и скоро согрѣлась. Я сидѣла такъ долго, не то дремля, не то мечтая, какъ услышала, что пришелъ Васильевъ, и будто проснулась.

— Что это—опять слабое лихорадочное состояніе! изумился и обезпокоился онъ. Почему бы это? вы не можете отыскать причину?

— Нѣтъ, не могу, тихо и нехотя проговорила я.

Мнѣ уже нѣсколько наскучила возня съ моею болѣзнію, въ которую я не вѣровала... Онъ немного помолчалъ.

— Не ладится что-то мое леченіе, сказалъ онъ потомъ то-

Digitized by Google

номъ, въ которомъ слышалось не то огорченіе, не то досада. Я замѣчаю—вы не хотите быть откровенной со мною, а это бы нужно было для успѣха леченія. Вообще—ни леченіе, ни предположенная дружба наша—не клеятся, прибавилъ онъ съ улыбкой, и въ то же время, все-таки, съ упрекомъ.

— Да, наша дружба врядъ-ли склеится, замѣтила я.

— Почему-же? Что ей теперь мѣшаетъ? спросилъ онъ.

— По крайней мѣрѣ — врядъ-ли склеится въ томъ видѣ, какъ я недавно желала, продолжала я съ убѣжденіемъ.

— Какія-же теперь оказываются препятствія? повторилъ онъ.

— Препятствія важныя, можетъ быть, непреодолимыя. А я тогда не могла взять ихъ въ разсчетъ... Оказывается, что я васъ люблю, также тихо и медленно сказала я, и даже не удивилась, что мнѣ не стыдно и не страшно, что я говорю такую необычайную вещь такъ спокойно.

Онъ измѣнился въ лицѣ.

— Вы шутите, или... началъ онъ.

— Или схожу съ ума—вы хотите сказать? договорила я за него. Но въ эту минуту явились дѣти. Лида объявила, что готовъ кофе, что Миша нарисовалъ карандашомъ носъ и глаза куклѣ, которую няня сшила для Наташи изъ лоскутковъ полотна. Я выслушала все это полу-сознательно, такъ же полу-сознательно взглянула на куклу и засмѣялась, взяла чашку кофе и предложила другую Васильеву.

— Берегите себя, сказалъ онъ, какъ-бы не замѣтивъ моего предложенія, торопливо простился и ушелъ.

Между тѣмъ, я укрѣплялась, и жизнь моя начала входить въ прежнюю колею, кромѣ, впрочемъ, отношеній моихъ къ мужу. Я стала опять понемногу хозяйничать, изрѣдка выходила къ гостямъ, начала учить читать Лиду. Съ Васильевымъ мнѣ долго уже не случалось оставаться наединѣ; да онъ и рѣже бывалъ у насъ: у него опять поднялась война изъ-за помѣщенія подъ лазаретъ, съ тою разницею противъ прежняго, что у него не было такого надежнаго союзника, какъ князь, а былъ, вмѣсто того, новый важный противникъ—Деревянкинъ. Мальвина Осиповна что-то давно къ намъ не жаловала. Послѣ я узнала, что на первомъ танцовальномъ вечерѣ она, во всеуслышаніе, замѣтила Александру, что очень удобно имѣть друзей дома: вотъ, дескать, Александру Семеновичу нечего стѣсняться, что жена одна и скучаетъ; я, молъ, уѣзжая, видѣла, какъ прошелъ къ ней Васильевъ. Мужъ

Digitized by Google

никогда не вспоминалъ послѣ объ этомъ; но она, вслѣдъ затѣмъ, насплетничала что-то у Деревянкиныхъ по части полковыхъ дѣлъ, и когда это открылось, мужъ громогласно объявилъ, что если она покажется когда-нибудь къ намъ, онъ покажетъ ей, чѣмъ ворота запираютъ. При этомъ случился молоденькій офицерикъ, бывшій у нея на побѣгушкахъ, онъ, вѣроятно, и передалъ ей это. А между тѣмъ, пришли святки. Какъ-то, на другой день послѣ танцевъ въ клубѣ, собрались къ намъ кое-кто; пришелъ и Васильевъ. Начали толковать о вчерашнемъ вечерѣ; посмѣиваясь вспоминали, какъ торжественно появились туда Деревянкины съ Бѣлостоцкими въ видѣ свиты; разбирали, кто изъ дамъ какъ былъ одѣтъ и кто интересенъ.

— А Сергѣй-то Михайловичъ какъ вчера отличался! вспомнилъ казначей.

Я вопросительно взглянула на Васильева.

— Да, въ плясъ пустился, смѣясь выговорилъ онъ. Одну кадриль протанцовалъ съ судейской дочерью, другую съ самой исправницей; чуть-было потомъ и Деревянкину не пригласилъ. Куда ни шло, думаю!

— Ну, и весело вамъ было? спросила я.

— Ничего, отвѣчалъ онъ. Сначала я боялся перепутать фигуры, но, однакожъ, обошлось благополучно.

— А Неонила Марковна, воля ваша, лучше всѣхъ вчера была! безапелляціонно заявилъ Сатинъ, говоря о судейской дочери.

— Да, она не дурна, согласился и Васильевъ.

— Нѣтъ, господа! Любовь Яковлевна лучше, возразилъ казначей, называя жену инвалиднаго. Неонила Марковна хорошенькая—что и говорить, но у Любовь Яковлевны такія плечики, такая фигура, такія ямочки на щекахъ, что все отдай,—и то мало!

— Чтожъ вы не отстаиваете своего мнѣнія? съ легкой ироніей спросила я у Васильева.

— Что мнѣ его отстаивать! Я по этой части не знатокъ и не любитель даже, смѣясь и не замѣчая ироніи, отвѣчалъ онъ. Имъ и книги въ руки! указалъ онъ на офицеровъ.

— Да, господа! вчерашній вечеръ хорошо удался: какъ-то дальше будетъ! замѣтилъ кто-то.

Начались соображенія, какъ будетъ дальше. Кто-то объявилъ, что подъ новый годъ будутъ въ клубѣ сестры Громовы, мѣстныя красавицы, дочери богатаго помѣщика. Сатинъ сказалъ, что и предсѣдатель управы хотѣлъ бывать въ клубѣ съ женой, но пе-

Digitized by Google

рессорился съ мѣстною администраціей, и потому не будетъ... я скоро перестала слушать—надоѣло. «Читать некогда и не стоитъ! не безъ горечи думала я о Васильевѣ, а танцовать кадрили съ исправницей и судейской дочерью—время находится!» Гости наши разошлись поздно: была тема для разговоровъ—вчерашній вечеръ. и заговорились и засидѣлись.

Слѣдующіе дни прошли какъ-то незамѣтно и безразлично; я ихъ и не помню. Но мнѣ очень памятенъ остался канунъ новаго года. Цѣлый день прошелъ по всегдашнему, но вечеромъ дѣти что-то очень долго не ложились спать: развеселились, затѣяли шумныя игры, наряжались. Я не хотѣла имъ препятствовать, а мужъ былъ въ клубѣ. Только-что улеглись онѣ потомъ, я тоже легла въ постель и взяла просмотрѣть новую книгу, присланную мнѣ передъ вечеромъ. Книга меня заинтересовала:—я зачиталась, какъ въ сосѣдней комнатѣ раздались тяжелые шаги моего мужа.

— Катя! новый годъ пришелъ, сказалъ онъ, подходя къ моей постели. Знаешь старинную примѣту: какъ кто встрѣтитъ новый годъ, такъ и проведетъ его?

Я молчала и не поднимала глазъ отъ книги.

— Забудемъ прошлогоднія дрязги и встрѣтимъ новый годъ друзьями! умолялъ онъ. Я былъ виноватъ передъ тобой, но ты, вѣдь, жестоко уже наказала меня... Забудемъ все и попробуемъ быть счастливыми!

— Нѣтъ, нѣтъ! будьте вы одни счастливы, какъ вамъ угодно; а я не хочу этого счастія!...

Я не считалъ тебя безсердечною, Катя!.. началъ онъ.

— Мало ли чѣмъ вы меня считали и не считали! съ злымъ сарказмомъ перебила я. То, что было, уже не возвратится, а такъ какъ вы все еще не хотите понять меня, я сегодня за-одно ужъ объяснюсь съ вами разъ навсегда, порѣшила я, оборотясь къ нему и глядя на него во всѣ глаза. Я не уйду отъ васъ: мнѣ некуда уйти... Т.-е., я ушла бы, не задумываясь; но оставить вамъ дѣтей или взять ихъ съ собою на вѣрную погибель отъ нищеты — я одинаково не могу. Да, такъ я останусь здѣсь. Но я буду у васъ нянькой, экономкой, учительницей, всѣмъ, чѣмъ хотите, но вашей женой — никогда! Слышите ли? никогда и ни за что въ свѣтѣ!..

— Не можетъ быть, чтобъ это было твое послѣднее слово, Катя! настаивалъ онъ. Не можетъ быть, чтобъ послѣ стольких лѣтъ привязанности—такой привязанности, какъ моя—мы разошлись бы изъ-за нѣсколькихъ словъ, изъ-за минуты сумасшествія?

Digitized by Google

— Нѣтъ! мы разойдемся не изъ-за одной минуты, возразила я. Мы давно начали расходиться. Неужели вы не замѣчали, какъ рвались одна за другой тѣ нити, которыя насъ связывали? А *тогда* все порвалось, все! Теперь между нами все рѣшено и покончено, ничего не осталось общаго!..

— А дѣти? Катя, дѣти! напомнилъ онъ.

— Дѣти? Я остаюсь здѣсь — вотъ какъ дороги мнѣ дѣти! отвѣчала я. Не подходите ко мнѣ! оставьте меня! съ ужасомъ и отвращеніемъ закричала я, когда онъ хотѣлъ взять мою руку. Не прикасайтесь ко мнѣ—или я разбужу весь домъ!.. Онъ сталъ, какъ вкопанный... Его поблѣднѣвшее лицо стало принимать мало-по-малу угрожающее выраженіе: столько изступленной злобы выразилось на немъ, что мнѣ стало страшно.

— Счастливъ твой богъ, что возлѣ тебя теперь ребенокъ! глухо проговорилъ онъ, указывая на Наташу, которая всегда спала со мною. Ты говоришь—все между нами кончено. Ну, я согласенъ, и не будь ее—я покончилъ бы и съ тобою, и съ собою...

Онъ повернулся и невѣрными шагами вышелъ изъ комнаты.

Съ того дня я стала бояться моего мужа. Я съ усиліемъ входила въ комнату, гдѣ онъ былъ вмѣстѣ съ другими, и ни за что не вошла бы туда, гдѣ онъ былъ одинъ. На ночь я запиралась со всѣхъ сторонъ и спала плохо. Не знаю, что было бы со мною; можетъ быть я совсѣмъ извелась бы отъ слабости и крайняго истощенія организма безпокойствомъ и безсонницею, еслибъ не помогли обстоятельства.

Нашъ полкъ былъ расположенъ довольно тѣсно въ ближайшихъ къ городу селахъ. Въ самомъ Синегорскѣ и его богатыхъ предмѣстьяхъ стоялъ эскадронъ мужа; по ту сторону рѣчки, въ богатомъ селѣ, которое также можно было назвать его предмѣстьемъ (оно было менѣе чѣмъ въ одной верстѣ отъ него), стоялъ эскадронъ Бѣлостоцкаго. Городское населеніе находило этотъ постой для себя очень стѣснительнымъ и несправедливымъ и давнымъ-давно хлопотало, чтобъ расположили полкъ попросторнѣе. Эти хлопоты и ходатайства наконецъ увѣнчались успѣхомъ; предписано было вывесть изъ города эскадронъ, и чуть ли не стараніями Деревянкина назначена ему стоянка въ 50-ти вер. отъ города. Въ селѣ, куда шелъ эскадронъ, не было подходящей квартиры для большой семьи; рѣшено было, что я съ дѣтьми останусь до весны въ Синегорскѣ. Мужъ посердился, побранилъ Деревянкина, но день выхода эскадрона на новую стоянку былъ назначенъ. Онъ отправился.

Въ день отъѣзда его минуло три недѣли нашему послѣднему

Digitized by Google

съ нимъ объясненію. Первое время послѣ него, онъ смотрѣлъ на меня съ страшнымъ озлобленіемъ, но подъ конецъ сталъ понемногу смягчаться. Онъ видѣлъ, конечно, что я таяла, какъ свѣчка; можетъ быть ему жаль меня стало. Наканунѣ его отъѣзда вечеромъ у насъ были гости, и въ томъ числѣ Васильевъ; они пришли проститься съ мужемъ. Я замѣтила, что Васильевъ долго смотрѣлъ на меня, не то изумленнымъ, не то испуганнымъ взглядомъ.

— Вы вѣрно опять нездоровы: ужасно вы измѣнились! замѣтилъ онъ, глянувъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Александръ.

— За чаемъ я кашлянула раза два.

— Какъ вы нехорошо кашляете! сказалъ онъ, качая головой.

— Простудилась, выговорила я. Дня три назадъ ходила въ лавки и продрогла; съ тѣхъ поръ кашляю.

— Да, простуда легко находитъ случай привязаться къ разслабленному организму, тихо замѣтилъ онъ.

— А вы мнѣ какихъ-нибудь капелекъ дайте или порошечковъ, слегка улыбаясь попросила я.

— Хорошо, я дамъ вамъ легкое средство, согласился онъ; но вамъ нужно беречься, очень серьёзно беречься.

Мужъ прислушивался издали къ этому разговору. Мнѣ показалось, что онъ его немного встревожилъ.

На другой день онъ выѣхалъ. Я съ дѣтьми пришла проститься съ нимъ.

— До свиданія! отрывисто проговорилъ онъ, хотѣлъ еще что-то сказать, но молча протянулъ мнѣ руку.

Я поспѣшно подала свою, не безъ внутренняго содроганія.

Какъ красенъ міръ Божій показался мнѣ, когда я осталась одна! какъ уютенъ домъ нашъ, какъ свѣтелъ день и какъ все приняло радостный видъ!.. Я даже и забыла, что меня считаютъ больной, что мнѣ нужно лечиться...

— Какъ ваше здоровье? Какъ вашъ кашель? спросилъ меня какъ-то вскорѣ послѣ того Васильевъ короткимъ, дѣловымъ тономъ.

Я разсказала что̀ и ка́къ. Онъ покачалъ головой.

— Мнѣ кажется—вы очень легко относитесь къ этому предмету, серьёзно замѣтилъ онъ. Не пришлось бы вамъ пожалѣть впослѣдствіи.

— Чтожъ—чахотка мнѣ угрожаетъ, что ли? спросила я.

— Не чахотка именно, а многія серьёзныя болѣзни начинаются такими—повидимому—пустяками. Мнѣ жаль, что вы не хотите быть со мной откровенной въ томъ, въ чемъ вамъ слѣдовало бы быть откровенной...

Digitized by Google

Онъ сдѣлалъ сильное удареніе на этомъ «слѣдовало бы».

— Что же такое я отъ васъ скрываю? спросила я, пожимая плечами.

— Вы избѣгаете говорить со мной о вашемъ здоровьи: чуть я заговорю о немъ, вы спѣшите перемѣнить разговоръ.

— Спрашивайте. Я скажу вамъ все, что вамъ покажется нужно знать, предложила я.

— Мнѣ прежде всего нужно выслушать у васъ грудь, сказалъ онъ.

— Слушайте, согласилась я.

Онъ прилегъ ко мнѣ на грудь; я опустила голову и его волосы почти касались моего лица. Я вдругъ почувствовала, что у меня сердце бьется съ страшною силою и напрасно старалась затаить учащенное дыханіе... Онъ поднялся съ взволнованнымъ лицомъ, и тяжело дыша, молча откинулся на спинку кресла.

— Я не нашелъ ничего особенно неблагопріятнаго, послѣ нѣкотораго молчанія неровнымъ голосомъ заговорилъ онъ, усиливаясь попасть въ свой дѣловой тонъ. Вы можете принимать то же средство и раза два въ день успокоительныя капли, которыя недавно принимали. Но вамъ нужно беречься — это я вамъ повторяю! Вамъ нужно многое измѣнить въ своемъ образѣ жизни.

— Напримѣръ? лѣниво освѣдомилась я.

— Напримѣръ — нельзя вамъ вести такую сидячую жизнь, какую вы ведете. Она много вліяетъ на ваше настроеніе: у васъ такія неровности характера, вы такъ легко раздражаетесь — все это въ значительной степени зависитъ отъ вашей сидячей жизни. Кромѣ моціона, я посовѣтовалъ бы вамъ еще развлеченіе.

«Я слышала уже все это!» съ тоской подумала я, оборачиваясь къ скрыпнувшей двери. То вошла Лида, и усѣвшись возлѣ меня, стала внимательно слѣдить за нашимъ разговоромъ.

— А еще не мѣшало бы вамъ значительно меньше читать. Ужасъ—какое множество книгъ у васъ всегда здѣсь! указалъ онъ на столъ.

— Да вѣдь это мое единственное развлеченіе, замѣтила я.

— Оно не совсѣмъ подходящее для васъ; вамъ слѣдовало бы поискать другихъ, посовѣтовалъ онъ.

— Какихъ же бы, напримѣръ? полюбопытствовала я.

— Разумѣется — здѣсь ихъ трудно найти, но все же... Познакомились бы съ кѣмъ-нибудь, предложилъ онъ.

— Съ судейшей и исправницей, подсказала я.

— Да хоть бы и съ ними, согласился онъ очень серьёзно.

Digitized by Google

— Вотъ ужъ славное развлеченіе! сказала я. Что же мнѣ съ ними дѣлать-то познакомившись? что у меня съ ними общаго?

— Какъ что? слегка изумился онъ. Заботы о домѣ, о семьѣ...

— У коровы тоже есть заботы о семьѣ, раздражительно замѣтила я.

— Да, но корова заботится о семьѣ телятъ, а вы—о семьѣ людской, возразилъ онъ и пожалъ плечами;—должно быть—очень тяжело жить на свѣтѣ при такомъ презрѣніи къ людямъ, какъ у васъ! заключилъ онъ чуть не съ соболѣзнованіемъ. Вы кажется всѣхъ и все презираете?

— И васъ въ томъ числѣ? тихо спросила я.

— Можетъ быть и меня тоже, серьёзно отвѣчалъ онъ. Мнѣ подчасъ приходитъ на мысль, что вы *тогда*... хотѣли пошутить надо мною, едва слышно, но такъ же серьёзно добавилъ онъ.

— Изъ чего же вы заключили, что я людей презираю? Изъ того, что я не хочу знаться съ уѣздными барынями? Развѣ и вы презирали людей, когда не хотѣли сближаться съ здѣшнимъ чиновничьимъ кружкомъ?.. Но главный вопросъ Васильева я обошла.

— Я—другое дѣло, отвѣчалъ онъ разсѣянно, видимо думая о другомъ.—Странная вы женщина! прибавилъ онъ, вѣроятно отвѣчая на свои мысли.

— Мнѣ скорѣе кажется, что вы—странный человѣкъ! горячо проговорила я.

Онъ опять пожалъ плечами и сталъ прощаться.

— Какъ это такъ, мама! ты говоришь, что онъ странный, а онъ говоритъ, что ты странная... Кто же изъ васъ странный? спросила Лида очень серьёзно, почти озабоченно, и по-дѣтски, не дождавшись отвѣта, продолжала:

— А я забыла сказать, зачѣмъ я пришла сюда; пусти насъ погулять съ нянею на выгонъ. Степановъ говорилъ Мишѣ, что тамъ много-много дѣтей съ горъ катаются... Пусти, мамочка! просила она, заглядывая мнѣ въ глаза и ласкаясь.

— Ну, идите, согласилась я, отвѣчая на ея ласки.

Она выбѣжала въ припрыжку.

Чрезъ недѣлю я получила письмо отъ мужа. Видно онъ очень стосковался въ своемъ захолустьи,—одинъ, безъ семьи, безъ общества; видно также, что онъ очень тревожился обо мнѣ,—о моемъ здоровьи и моемъ настроеніи; видно, многое его томило и мучило: тонъ его письма былъ и тревожный, и скучный. Онъ начиналъ разспрашивать о дѣтяхъ, о домашнихъ дѣлахъ, и потомъ вдругъ переходилъ къ нашимъ теперешнимъ отношеніямъ,

Digitized by Google

съ жаромъ просилъ — молилъ меня о примиреніи. Я положила поскорѣе отвѣтить ему; но что́ писать ему по поводу обстоятельства, которое наиболѣе мучило и заботило его—я не знала: примириться съ нимъ такъ, какъ онъ хотѣлъ этого—я не могла...

— А вы что-то не въ духѣ? Что съ вами? спросила я Васильева.

— Да сейчасъ отъ Деревянкина... Отвели мнѣ опять подъ лазаретъ совсѣмъ ажурное помѣщеніе; пошелъ я къ исправнику: «Я—говоритъ—до этого не касаюсь; поручилъ предсѣдательствовать въ квартирной коммиссіи своему помощнику».—Я и къ помощнику: «чтожъ дѣлать—говоритъ—коли у насъ ни одного путнаго дома на очереди нѣтъ».—Нечего дѣлать—иду къ Деревянкину. «Бога ради—говорю—дайте средства хоть сколько-нибудь починить его—хоть обмазать глиной его кругомъ, какъ мажутъ хаты въ Малороссіи, да прикрыть соломой дырья въ соломенной крышѣ». Такъ и слышать не хочетъ: «Тамъ—говоритъ—никакихъ дыръ нѣту; еслибъ онѣ были, такъ свѣтились бы!» Какъ вамъ это нравится?... Ну, ужъ я ему и наговорилъ.

— Воображаю! засмѣялась я, живо представивъ себѣ эту сцену.

— Да еще толкуетъ, какъ Мальвина Осиповна: «Это-де не ваше дѣло, это дѣло Адама Ѳедоровича. Какъ будто не знаетъ, что Адамъ Ѳедоровичъ послѣдній годъ до полнаго пенсіона дослуживаетъ, ни во что не мѣшается и все на меня взвалилъ... Ну, ужъ службишку я себѣ выбралъ? При первой возможности—давай Богъ ноги! уберусь...

— Вотъ славно, если всѣ честные люди будутъ уходить, оставляя негодяевъ распоряжаться, какъ имъ нравится! замѣтила я.

— Что́ дѣлать? Сила солому ломитъ: ничему тутъ не поможешь, только себя уходишь... Буду проситься въ какой ни есть дрянненькій госпиталь, хоть самымъ младшимъ ординаторомъ... Тамъ все-таки покойнѣе будетъ. Кончу свою диссертацію: доктору медицины легче себѣ хорошее мѣсто пріискать. А потомъ... потомъ буду добиваться другой цѣли, прибавилъ онъ съ особеннымъ выраженіемъ.

— Какой же? Это не секретъ? спросила я съ живѣйшимъ интересомъ.

— Нѣтъ, не секретъ! Женитьбы, — отвѣчалъ онъ: женитьбы по сердцу... по разсудку, добавилъ онъ. Это главная цѣль моей жизни!

Я нѣсколько минутъ пристально смотрѣла — не шутитъ ли

Digitized by Google

онъ? Но онъ говорилъ серьёзно, даже какъ будто съ увлеченіемъ.

— Какое счастіе, продолжалъ онъ, внушить прочную привязанность хорошей женщинѣ, пользоваться ея заботой, окружить себя дѣтьми, воспитывать ихъ общими силами!... Это одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ прожить долго и благополучно!... И какой это вздоръ, что женитьба—та же лотерея. Вольно же бросаться очертя голову! Я выберу себѣ жену осмотрительно...

— По извѣстному рецепту, подсказала я.

— Да, отвѣчалъ онъ, какъ будто немного обидясь; я буду искать женщину, одаренную тѣми качествами, безъ которыхъ немыслимо семейное счастіе: женщину со здравымъ смысломъ, съ добрымъ сердцемъ, съ хорошимъ здоровьемъ и, слѣдовательно, съ ровнымъ характеромъ, женщину, способную къ самоотверженію... въ пользу дѣтей, конечно. Въ мою пользу самоотверженія я отъ нея не потребую: я скорѣе самъ готовъ всѣмъ пожертвовать для счастія жены! Я готовъ безропотно работать, какъ волъ, чтобъ доставить ей спокойствіе и удобство, чтобъ обезпечить семью...

Мы помолчали нѣсколько минутъ: онъ видимо былъ подъ свѣтлымъ впечатлѣніемъ счастливой мечты.

— А вы что это такъ задумались? ласково спросилъ, наконецъ, онъ меня. Я отвела руку и, поднявъ голову, долго и пристально съ грустью смотрѣла на него. Я чувствовала, что сейчасъ навернутся мнѣ слезы на глаза...

— Что̀ бы я далъ, чтобъ узнать — о чемъ вы теперь думаете? тихо произнесъ онъ такимъ голосомъ, который ясно выражалъ, что онъ взволнованъ и растроганъ.

— Зачѣмъ вамъ это? спросила я, и, кажется, невольный упрекъ зазвучалъ въ этомъ вопросѣ.

Онъ глядѣлъ на меня глазами, полными участія.

— Да что̀ вамъ до этого? повторила я, сквозь слезы. А вотъ я такъ дорого бы дала, чтобъ услышать, что все высказанное вами — вздоръ, что у васъ не такія мелкія цѣли, не такія будничныя мечты. Вы вѣрно шутили, вѣдь такъ!... Бога ради, не говорите никогда такъ, какъ вы сейчасъ говорили. Вѣдь вы шутили? Оставьте мнѣ эту послѣднюю иллюзію! Не отнимайте ее! выговорила я и чуть не зарыдала.

Онъ широко открылъ глаза и смотрѣлъ на меня изумленнымъ взглядомъ, не находя словъ... Онъ вѣрно опять усомнился, не сошла ли я съ ума.

— Вы все еще плохо поправляетесь, сказалъ онъ и поспѣшно простился со мною.

Digitized by Google

Только-что проснулась я на другое утро, няня съ таинственнымъ и значительнымъ видомъ подала мнѣ письмо, объявивъ, что его привезъ нарочный изъ Павловки — изъ того села, гдѣ стоялъ мужъ съ эскадрономъ. Адрессъ написанъ былъ незнакомымъ почеркомъ; я распечатала письмо—тотъ же почеркъ. Озадаченная и нѣсколько испуганная, я отыскала подпись; тамъ значилось «Андрей Медвѣдевъ»—имя единственнаго офицера, отправившагося съ мужемъ и эскадрономъ въ Павловку... Я поспѣшно пробѣжала его письмо; онъ писалъ, что недавно, пріѣхавъ отъ знакомыхъ помѣщиковъ, у которыхъ прогостилъ дня четыре, онъ засталъ Александра больнымъ, почти въ безсознательномъ состояніи. Къ счастію, Беренсъ случился въ то же время на слѣдствіи въ Павловкѣ; его тотчасъ пригласили къ мужу, и онъ обѣщалъ не оставлять его, пока не пріѣду я и не привезу съ собой другого доктора.

Письмо помѣчено было вчерашнимъ числомъ. Оно поставило меня въ большое затрудненіе: ѣхать было необходимо, и ѣхать какъ можно скорѣе; но собраться такъ неожиданно скоро было не легко. Еще мудренѣе мнѣ казалось рѣшить вопросъ о томъ, куда дѣвать дѣтей на время моего отсутствія, такъ какъ взять ихъ съ собою было невозможно: у мужа была маленькая квартирка въ двѣ комнатки, во флигелькѣ у священника; понятно, что нельзя было и думать помѣстить ихъ въ такой тѣсной квартиркѣ, когда притомъ въ ней лежалъ больной, можетъ быть тифозный. Я долго ломала голову надъ этимъ вопросомъ; наконецъ меня осѣнила благая мысль: завести ихъ къ тетушкѣ Авдотьѣ Марковнѣ, которая жила въ 30-ти верстахъ отъ Синегорска, по дорогѣ въ Павловку, немного въ сторону отъ почтоваго тракта. Такъ я это и порѣшила. Я послала за Васильевымъ; оказалось, что онъ уѣхалъ въ деревню къ предсѣдателю управы, у котораго сильно заболѣла жена; возвращенія его ждали только вечью. Нечего дѣлать—нужно было ѣхать безъ доктора.

Завезя дѣтей къ тетушкѣ, я выѣхала дальше.

— А вотъ она и Павловка!—полуоборотясь ко мнѣ прокричалъ Степановъ. Я выглянула: передо мной, при ясномъ свѣтѣ мѣсяца, темнѣя, раскидывалось большое село; кое-гдѣ лѣниво лаяли собаки, будто сами не вѣря, чтобъ это было нужно... Но вотъ блеснулъ огонекъ въ сторонѣ. «Не тамъ ли?»—подумалось мнѣ... Такъ и есть: сани завернули именно въ этотъ дворъ. Степановъ вскочилъ съ облучка и постучался; со свѣчей въ рукѣ показалась заспанная фигура деньщика и за нимъ усатое лицо Жеребцова—любимаго вахмистра Александра. Я вышла изъ са-

Digitized by Google

ней, еле ступая отъ утомленія; деньщикъ живо подхватилъ меня подъ руку. «Закачало васъ, сударыня!»—заботливо проговорилъ онъ. У меня не хватило храбрости предложить имъ тотъ вопросъ, который былъ у меня на умѣ. Мы вошли въ первую комнату; на диванѣ, совсѣмъ одѣтый, спалъ Медвѣдевъ. Шумъ отворившейся двери разбудилъ его; онъ вскочилъ съ дивана и сталъ поспѣшно оправлять растрепанные волосы. Я подошла къ нему и крѣпко, съ благодарностью, пожала ему руку, но все-таки ничего у него не спросила.

— Садитесь здѣсь, оправляя диванъ, шопотомъ проговорилъ онъ. Обогрѣйтесь: Александръ Семеновичъ уснулъ спокойнѣе прежняго. Не хотите ли чаю?

— Нѣтъ, не нужно! шопотомъ выговорила я, опускаясь на диванъ въ совершенномъ изнеможеніи.

Мнѣ совѣстно было утруждать собою этотъ истомленный людъ.

— А Беренсъ гдѣ? спросила я у Медвѣдева.

— Онъ въ домѣ у священника ночуетъ. Вы не привезли Васильева?

— Его не было въ Синегорскѣ, съ трудомъ отвѣчала я: меня не на шутку начала пронимать дрожь.

— О, да какъ же вы озябли!—проговорилъ Медвѣдевъ. Я, право, велю поставить самоваръ, настойчиво добавилъ онъ и пошелъ къ двери еле слышными шагами.

Въ то же время другая дверь,—та, что вела въ спальную Александра—немного отворилась: выглянулъ Жеребцовъ. Я позвала его рукой къ себѣ.

— Кто же сидитъ при немъ?—съ тою же дрожью и усиліемъ и также шопотомъ спросила я.

— Я-съ, ваше высоко... сударыня!—поправился онъ. Я денно и нощно при нихъ нахожусь.

Я поднялась, чтобъ идти къ больному, но едва устояла на ногахъ. Медвѣдевъ поддержалъ и довелъ меня. Александръ уже не спалъ; онъ метался на постели, съ открытыми глазами; при нашемъ входѣ Жеребцовъ поднялся со стула и отступилъ отъ кровати. Медвѣдевъ объяснилъ мнѣ, какъ и когда давать лекарство и, простившись со мною, вышелъ. Я предложила пойти отдохнуть и Жеребцову, но онъ отказался уйти, а постлавъ свою солдатскую шинель на полу за ширмами и бросивъ подъ голову фуражку, прикурнулъ тутъ же въ спальной, замѣтивъ мнѣ въ —ѣ объясненія или даже оправданія, что «у нихъ оченно страш- бредъ бываетъ». Я сѣла въ кресло и стала смотрѣть на вес- чое лицо мужа, съ страннымъ, дикимъ взглядомъ; ему, ка-

Digitized by Google

залось, было очень худо... И вдругъ мнѣ совершенно явственно пришла въ голову мысль, которая неясно и безсознательно шевелилась во мнѣ всю дорогу и весь день,—мысль, что если онъ умретъ—я буду свободна... Мнѣ стало совѣстно... Я хотѣла прогнать эту мысль, хотѣла заставить себя ни о чемъ больше не думать. Въ эту минуту мужъ вскрикнулъ что-то въ бреду, я взглянула на него и встрѣтилась съ его дикимъ взглядомъ. У меня морозъ пробѣжалъ по спинѣ... Но я продолжала смотрѣть на него; словно силы у меня не было отвести глаза въ другую сторону... Наконецъ, его лицо какъ-то странно измѣнилось на моихъ глазахъ... Я вздрогнула и очнулась. Сначала я боялась, что свалюсь съ ногъ отъ слабости и утомленія, но точно будто силы мои удвоились: я не чувствовала особенной слабости. Иногда мнѣ вспоминалось, что этого моего больного я ненавидѣла, когда онъ былъ здоровъ—ненавидѣла такъ, что, казалось мнѣ, рада была бы его смерти. Это было точно будто давно, очень давно!... Подчасъ мнѣ приходило въ голову, что я была бы отличной сестрой милосердія.

Когда Александръ, наконецъ, пришелъ въ себя, онъ взглянулъ на меня съ удивленіемъ и спросилъ гдѣ дѣти? Я отвѣтила ему и прибавила, что каждые два-три дня имѣю отъ кузинъ извѣстія о нихъ. Съ тѣхъ поръ онъ просто и безцеремонно сталъ пользоваться моими заботами, словно забылъ, что́ произошло между нами въ послѣднее время. Иногда онъ бывалъ раздражителенъ и требователенъ, но это очень рѣдко; вообще же говоря—онъ былъ больной очень сносный. Разъ, когда я готовила ему какое-то питье, онъ смотрѣлъ на меня долго и пристально, съ особымъ выраженіемъ во взглядѣ.

— Такъ они, слава Богу, совсѣмъ уже покончились—наши нелады, Катя! проговорилъ онъ вдругъ, взявъ мою руку и пожимая ее своими еще безсильными руками.

Я не отвѣчала, но у меня сердце упало. Мысль, что опять онъ начнетъ требовать у меня любви—эта мысль разомъ отняла у меня спокойствіе... Онъ сталъ чаще слѣдить за мной съ тревогой во взглядѣ.

— Ахъ, Катя, какъ ты измѣнилась! Какъ тебя уходила моя болѣзнь! проговорилъ онъ разъ съ нѣжнымъ сожалѣніемъ.

Я улыбнулась, съ горечью подумавъ, что меня не болѣзнь уходила, а выздоровленіе.

— Тебя вѣрно и отсутствіе дѣтей мучитъ, догадался онъ

Digitized by Google

потомъ. Съѣзди-ка и привези хоть Лиду и Мишу: все тебѣ по койнѣе будетъ. Какъ-нибудь размѣстимся здѣсь на время.

Я сейчасъ же согласилась, и дѣти скоро явились.

— Собирайтесь-ка въ Синегорскъ, господа! сказалъ мнѣ мужъ черезъ недѣлю, получивъ бумаги изъ полка. Я васъ провожу, оправлюсь совсѣмъ и вернусь опять на службу.

Но вышло иначе. Полковыя интриги достигли къ этому времени огромныхъ размѣровъ; мужъ принялъ сторону оппозиціи, и ему дали почувствовать необходимость перемѣнить полкъ.

— Какъ-же ты порѣшилъ, Александръ, спросила я, выслушавши его объясненіе съ начальствомъ.

— А ты, Катя, что мнѣ посовѣтуешь? въ свою очередь спросилъ онъ.

— Я не знаю, отвѣчала я съ нерѣшимостью. Ты, конечно, правъ, но, съ другой стороны...

Я недоговорила, но хотѣла сказать, что ему грустно было бы разстаться съ семьей и тяжело, затруднительно возить ее за собой, не говоря уже о томъ, какое вліяніе имѣла бы походная жизнь на мое здоровье... Кажется, мужъ догадался, что́ я хотѣла сказать и молча согласился со мною, что́ перемѣна полка пришлась кстати: нужно перемѣнить и жизнь.

Чрезъ нѣсколько дней онъ окончательно порѣшилъ, что поѣдетъ въ полкъ. Путь предстоялъ немалый, верстъ 300 слишкомъ. Прощаясь, онъ казался страшно убитымъ, а дѣти надрывали душу своимъ плачемъ! Я провожала его тоже со слезами и еще съ ѣдкой грустью, полною упрековъ себѣ. «Сколько женщинъ были бы вполнѣ счастливы съ этимъ человѣкомъ, и его сдѣлали бы счастливымъ!.. Зачѣмъ допустила я его связать свою жизнь съ моею? Зачѣмъ я не посторонилась во-время?» говорила я про себя, смутно чувствуя, что наша супружеская жизнь покончилась, и что, прощаясь съ нимъ, я отпускаю его на вѣчное одиночество, и себя осуждаю на то же.

Сначала онъ, какъ-будто, мечталъ перевезти насъ къ себѣ послѣ осенняго кампамента, но это оказалось неудобнымъ: полкъ передвинулся еще далѣе, стоянка была неудобная. Мало-по-малу онъ сталъ сживаться съ своею жизнью бобыля: съ полковымъ командиромъ онъ сошелся, съ товарищами тоже. Въ настоящую минуту онъ, кажется, привыкъ къ своей одинокой жизни и полюбилъ ее; можетъ быть онъ уже и не захотѣлъ бы перемѣнить ее на что другое. И слава Богу!...

А я прожила лѣто въ Калиновой; но остаться тамъ на зиму было невозможно; старый домъ былъ не то, что неудобенъ, а

Digitized by Google

аже опасенъ: вотъ-вотъ рухнетъ! Въ Синегорскѣ мнѣ угрожали епріятныя встрѣчи и тяжелыя воспоминанія... Я выбрала себѣ ля жизни сосѣдній городокъ, маленькій, весь потонувшій въ са-ахъ; онъ былъ еще глуше Синегорска, жизнь въ немъ была еще ешевле, а нравы патріархальнѣе. Земство, кстати, открывало дѣсь мужскую прогимназію изъ соболѣзнованія къ отцамъ семействъ, оторымъ слишкомъ далеко и убыточно было возить дѣтей въ алекій губернскій городъ. Я такъ и зажила: зиму здѣсь, лѣто— ъ Калиновой, не въ старомъ домѣ, а въ новой избѣ, раздѣлен-ой сѣнями на два большихъ покоя,—зажила тихо, глухо, одно-бразно, безъ свѣтлыхъ надеждъ впереди, безъ напрасныхъ по-ываній къ невѣдомому и несбыточному счастію, внушенныхъ мнѣ силою фантазіи и неподдержанныхъ ни образованіемъ, ни вос-итаніемъ воли, ни развитіемъ окружавшей среды.

Я начинаю мириться съ своею темной, монотонной, безрадо-стной жизнью, какъ примиряетъ сонъ послѣ тяжелаго дня, какъ мириться смерть... Подчасъ непріятно пробуждаютъ однѣ домашнія рязги и недостатокъ средствъ, но и ко всему этому я притерпѣ-лась. Я дошла, по крайней мѣрѣ, до того спокойствія, которое дозволило мнѣ отнестись къ пережитой мною жизни, какъ къ жизни кого-то посторонняго, и вотъ, быть можетъ, почему эту жизнь най-дутъ слишкомъ откровенною, чтобъ она могла заинтересовать со-бою читателя, привыкшаго къ эффектамъ; но развѣ жизнь женщины нашего общества и была интересна гдѣ-нибудь, кромѣ романовъ? Да и мы, женщины, въ это переходное время, стоя на перепутьи, интересовались также не жизнью, а одними романами. Но все же въ общей экономіи мы не останемся лишними, если позаботимся о томъ, чтобы воспитать своихъ дѣтей какъ можно лучше, т.-е. какъ можно меньше, не стѣсняя ихъ свободы, не скрывая отъ нихъ своей жизни, и покажемъ имъ эту жизнь всю, какъ есть, безъ прикрасъ, но и безъ клеветъ на нее, а себѣ съумѣемъ во-время сказать: «наша пѣсенка спѣта»!

Н. Дмитріева.

Конецъ.

Digitized by Google

ПРЕДѢЛЫ ПОЗНАНІЯ ПРИРОДЫ

Über die Grenzen des Naturerkennens. Ein Vortrag in der zweiten Sitzung der 45 Versammlung deutscher Naturforscher und Aerzte zu Leipzig, am 14 August 1872 gehalten von Profes. *Emil Du Bois-Reymond*. 1872.

Въ первомъ періодѣ развитія культуры въ древней Греціи преобладало поэтическое воззрѣніе на природу, создавшее множество миѳовъ: вся природа была населена тогда разными божествами, управлявшими ею, бо́льшая часть которыхъ заботилась объ услажденіи человѣческой жизни —

Поэзіи волшебной пеленою
Ликъ истины задернутъ былъ тогда...
Тогда вездѣ, во всемъ взоръ освященный
Слѣдъ божества плѣнительнаго зрѣлъ...
На томъ холмѣ рѣзвилась Ореада;
Дріада въ этомъ деревѣ жила,
Изъ урны той прелестная Наяда
Серебряный источникъ пролила...
Не приступалъ тогда скелетъ ужасный
Къ одру, на коемъ смертный угасалъ,
Но грустный геній, поцѣлуй свой страстный
Напечатлѣвъ, свой факелъ опускалъ [1]...

Въ этомъ первомъ періодѣ культуры, человѣчество понимало природу болѣе чувствомъ, чѣмъ мышленіемъ, больше обожало ее, чѣмъ знало, больше преклонялось передъ дѣйствіями ея про-

[1]) Соч. Шиллера, изд. Гербеля, «Боги Греціи».

Digitized by Google

цессовъ, чѣмъ анализировало ихъ. Разнымъ явленіямъ природы придавались человѣческія формы и свойства; такимъ образомъ, созерцаніе ея состояло преимущественно въ антропоморфизмѣ. Затѣмъ, съ этими воззрѣніями, передававшимися по преданію, вступили въ борьбу послѣдовательное мышленіе, анализъ всего существующаго и причинъ его бытія,—однимъ словомъ, возникла *философія*, отъ которой бѣжали прелестные образы боговъ и богинь, созданныхъ фантазіей и, по существовавшимъ вѣрованіямъ, до тѣхъ поръ владычествовавшихъ надъ природой.

Въ среднихъ вѣкахъ, древній миѳическій характеръ воззрѣнія на природу измѣнился въ мистическій, трансцендентальный, впрочемъ, близко подходившій къ первому. Конечно, мы говоримъ только объ общемъ характерѣ временъ, такъ какъ поэзія, мистицизмъ существуютъ еще въ наукѣ и въ жизни и понынѣ, не составляя, впрочемъ, отличительной черты нашего времени.

Въ среднихъ вѣкахъ преобладало религіозное, мистическое направленіе, которое отражалось и въ наукѣ; вмѣсто физики существовала магія, вмѣсто астрономіи—астрологія, вмѣсто химіи—алхимія; «грѣшное чтеніе сочиненій по физикѣ» было осуждаемо и влекло за собой наказаніе; кто переступалъ за тѣсную сферу тогдашняго естествознанія, тотъ былъ обвиняемъ въ связи съ нечистымъ духомъ и находилъ смерть на кострѣ. Ученость заключалась въ изреченіяхъ; схоластика давала готовые отвѣты на всѣ вопросы. И этотъ періодъ, отрицавшій роскошную культуру древняго міра, суровый, суевѣрный, ждавшій со дня на день свѣтопреставленія, преслѣдовавшій пытливость человѣческаго духа пытками инквизиціи и костромъ, спасавшій свое тѣло и душу въ монастыряхъ, въ аскетизмѣ, длился до половины XV-го столѣтія, и человѣчество до того отдалилось отъ своихъ древнихъ прототиповъ, что ему предстала необходимость *возрожденія* въ духовной жизни. Съ половины XV столѣтія, съ началомъ эпохи возрожденія наступаетъ періодъ положительнаго знанія; на классической же почвѣ Италіи возникло влеченіе къ наслажденію природой и къ изображеніямъ ея (у поэтовъ), а затѣмъ развилась и наклонность къ естествознанію, къ научному анализу природы. Прежде всего вниманіе было обращено на землю, на изслѣдованіе мѣста, занимаемаго ею въ мірозданіи, а затѣмъ и на самого человѣка, — явились Колумбъ, Галилей, Коперникъ, Гарвей, открывшій кровообращеніе въ животныхъ (1578—1657). Открытіе Колумба (1492) и слѣдовавшихъ за нимъ знаменитыхъ путешественниковъ расширили горизонтъ міросозерцанія, дали новый матеріалъ для естественно-научнаго изслѣдованія; но средства къ послѣднему еще

Digitized by Google

были очень ограниченны, еще недоставало метода изслѣдованія; эти средства были даны Галилеемъ, — основателемъ экспериментальной философіи (1564—1642). Честь попытки заставить природу говорить, разоблачать факты, выводить изъ послѣднихъ законы, которымъ подчинены явленія и процессы природы во всѣхъ ихъ фазахъ развитія, принадлежитъ Галилею. Такая же честь установленія метода къ изслѣдованію природы принадлежитъ и отцу положительной науки, Бэкону Веруламскому. Его сочиненіе «Новый органъ», появившееся въ 1620 г., открыло новую эру въ изслѣдованіи природы. Въ немъ излагается не философія природы, но реальное ученіе объ открытіи истинныхъ законовъ ея. Естествознаніе, говоритъ Бэконъ, можетъ почерпать свой матеріалъ только изъ опыта, который есть корень всякаго знанія. Такое свѣдѣніе, которое могло бы служить не произвольнымъ, но вѣрнымъ толкователемъ природы, пріобрѣтается только всестороннимъ наблюденіемъ и опытами, причемъ умъ судитъ только объ опытѣ, а опытъ рѣшаетъ вопросъ о самомъ предметѣ. Но не слѣдуетъ, однако, ограничиваться только явленіями, останавливаться только на нихъ однѣхъ, и недостаточно переходить отъ опыта къ опыту, отъ полученнаго путемъ опыта свѣдѣнія къ другому и т. д. Чувствами познается только оболочка, внѣшность природы, но мы должны стремиться познать причины явленій и даже причины причинъ, а для этого недостаточно однихъ только чувствъ и ума. Чувства слабы и легко заблуждаются; умъ, предоставленный самому себѣ, можетъ быть уподобленъ, въ изслѣдованіи этихъ вопросовъ, рукѣ безъ орудія; умъ наклоненъ къ предразсудкамъ и прежде всего долженъ быть освобожденъ отъ нихъ. Умъ наклоненъ спѣшить впередъ, переходя непосредственно отъ чувственнаго къ сверхчувственному, отъ частности къ общему; опытъ ему скоро наскучаетъ. Поэтому умъ долженъ быть поставленъ подъ руководство особаго *метода*, долженъ быть посредствомъ его обученъ искусству понимать предметы. Такой методъ или такое искусство есть *наведеніе* (индукція), но не то обычное наведеніе, которое тоже исходитъ изъ частнаго, но остается недолго въ области опыта, довольствуется немногими отдѣльными случаями, быстро восходитъ отъ чувственнаго къ особому, а отъ послѣдняго къ самымъ общимъ аксіомамъ и принимаетъ ихъ за незыблемыя основныя истины. Истинное наведеніе начинаетъ также съ частнаго и кончаетъ общимъ, но оно спокойно остается въ области опыта и покидаетъ ее только тогда, когда изслѣдуетъ ее вполнѣ; оно идетъ впередъ только постепенно, шагъ за шагомъ, осмотрительно анализируетъ, собираетъ, соединяетъ въ одно,

Digitized by Google

исключаетъ неидущее къ дѣлу, выводитъ изъ отдѣльныхъ, добытыхъ путемъ опыта, фактовъ, ихъ причины, дѣлаетъ предположенія, имѣющія болѣе обширное примѣненіе, и, наконецъ, изъ послѣднихъ выводитъ уже общія положенія. Оно то восходитъ на гору, то спускается долу, но всегда идетъ осторожно. Истинный естествоиспытатель уподобляется пчелѣ, собирающей свой матеріалъ съ полевыхъ и садовыхъ цвѣтовъ, но претворяющей его въ свою плоть; грубый эмпирикъ подобенъ муравью, который только сноситъ все въ одно мѣсто, собираетъ; но чисто-умозрительный изслѣдователь — это паукъ, который выпускаетъ свою ткань изъ самого себя. Сочиненіе Бэкона много способствовало возникновенію въ изслѣдованіи природы новой жизни, которая еще значительнѣе развилась впослѣдствіи отъ расширенія и дополненія метода ея виновника; напр., теперь уже нельзя согласиться съ словами Бэкона, что орудія изслѣдованія мало возвышаютъ силу чувствъ; эти слова, впрочемъ, были совершенно справедливы въ его время, когда орудій изслѣдованія природы было очень мало и они были несовершенны.

Здѣсь не мѣсто перечислять всѣ открытія, успѣхи въ области естественно-научной техники; но мы упомянемъ только о телескопахъ Гершеля, Росса, объ усовершенствованіи микроскопа (Гартнакъ), о громадныхъ успѣхахъ химіи, о разнородныхъ примѣненіяхъ пара и электричества, о термометріи, о спектральномъ анализѣ и проч. Далѣе, въ наше время весьма большую роль играютъ количественныя опредѣленія, которымъ Бэконъ придавалъ мало значенія, опять-таки потому, что въ его время не были извѣстны такіе чувствительные аппараты, тѣ химическіе методы, которыми количества вещества измѣряются въ наше время. Методъ Бэкона въ наше время значительно усиленъ соединеніемъ предложенной имъ индукціи съ *дедукціей*, которая связуетъ добытыя путемъ опыта истины, сравниваетъ результаты этой связи съ самою природою, для провѣрки дѣйствительно ли изслѣдователь шелъ по настоящему пути и не заблуждался ли онъ. Дедукція уподобляется повѣркѣ счета, сдѣланнаго индукціей, есть пробный камень истинности новаго пріобрѣтенія науки; путемъ дедукціи, напримѣръ, открыта планета Нептунъ астрономомъ Леверье, который указалъ на существованіе ея, основываясь на давно замѣченныхъ возмущеніяхъ планеты Урана. Ученіе Бэкона стало общимъ руководителемъ; въ основу науки имъ положенъ опытъ; естествоиспытатель начинаетъ свою работу снизу, съ частностей, но не всегда остается при нихъ, а восходитъ все выше и выше, не теряя, впрочемъ, подъ собою почвы; но иногда, за от-

Digitized by Google

сутствіемъ естественной прочной основы, онъ прибѣгаетъ къ *гипотезѣ*, которая въ свою очередь служитъ для него вспомогательнымъ средствомъ, новымъ исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ и болѣе объемлющихъ изысканій, а не мѣстомъ успокоенія послѣ совершонныхъ трудовъ. Гипотеза принесла много пользы въ опытныхъ наукахъ; она такъ необходима для нихъ, что не даромъ сказалъ Гёте: «Лучше имѣть плохую гипотезу, чѣмъ не имѣть никакой»; никакое научное открытіе не родится уже готовымъ, но возникаетъ послѣ ряда догадокъ, предположеній, бываетъ результатомъ постепеннаго предварительнаго развитія теоріи.

Наиболѣе совершенное созданіе въ современной наукѣ—теорія Дарвина, съ строгою постепенностью восходящая отъ мелкихъ частностей къ общимъ выводамъ, можетъ служить лучшимъ въ наше время примѣромъ примѣненія индуктивнаго метода.

Не поставляя себѣ задачею въ подробности представить здѣсь исторію прогресса естественныхъ наукъ въ послѣднемъ, продолжающемся еще теперь, періодѣ развитія ихъ,—періодѣ положительнаго знанія, мы бѣгло указали на характеръ этого періода. Благодаря громаднымъ успѣхамъ естествознанія въ новѣйшее время міросозерцаніе человѣка расширилось, человѣкъ относится къ природѣ и самому себѣ объективно, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ, благодаря тѣмъ же пріобрѣтеннымъ знаніямъ, развивается сознаніе своихъ силъ,—онъ начинаетъ критически относиться къ сферѣ своихъ знаній и вмѣстѣ съ тѣмъ приходитъ къ пониманію своей ограниченности, къ тому, что для его знаній существуютъ *предѣлы*. Такимъ образомъ, сознаніе этихъ предѣловъ является конечною идеей послѣ долгихъ предшествовавшихъ изслѣдованій, доказательствомъ прогресса положительнаго знанія, сфера котораго опредѣлилась. И это сознаніе, будучи далеко отъ того, чтобы повергать человѣка въ безутѣшное состояніе, или въ апатію, напротивъ, еще болѣе побуждаетъ его къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ и тѣмъ составляетъ противоположность трансцендентальному направленію, которое ублажаетъ метафизика идеями о безпредѣльности человѣческаго духа, и погружаетъ его въ блаженное созерцательное состояніе, уподобляющее его индійскому факиру. Здѣсь, правда, нѣтъ предѣловъ, но за то здѣсь большой просторъ для мечтаній, неимѣющихъ ни малѣйшей физической точки опоры.

Предѣлы человѣческаго знанія заключаются прежде всего въ свойствахъ его природы, затѣмъ въ условіяхъ, его окружающихъ, и, наконецъ, опредѣляются свойствомъ предметовъ его изслѣдова-

Digitized by Google

нія. Природа человѣка подчинена извѣстнымъ естественнымъ законамъ и, стало быть, уже въ силу этого условія ограничена въ извѣстной степени, такъ какъ она не можетъ проявлять своей дѣятельности внѣ этихъ законовъ. Если это относится къ цѣлому организму человѣка, то тоже самое можно сказать и объ отдѣльныхъ его частяхъ или органахъ. Въ условіяхъ же физическаго строенія человѣка и его тѣлесныхъ отправленій кроются причины ограниченности его умственной дѣятельности.

Приведемъ въ примѣръ нѣкоторыя частности, которыя заимствованы нами у Молешотта [1]). Количество пищи и напитковъ, которое употребляетъ взрослый человѣкъ въ теченіи рабочаго дня, равняется $3^1/_2$ килограммамъ; для превращенія этого количества пищи и питья въ кровь, въ тѣлѣ человѣка выдѣляется ежедневно не больше 23 килограммовъ разныхъ пищеварительныхъ жидкостей (слюны, желудочнаго сока, желчи и проч.); слѣдовательно, значительно большее количество пищи не могло бы раствориться въ данномъ количествѣ соковъ, не обогащало бы кровь и оставалось бы въ кишечномъ каналѣ безъ всякой пользы для мышцъ и нервовъ,—т.-е. для главныхъ органовъ, при помощи которыхъ человѣкъ работаетъ. Далѣе, претвореніе пищи въ кровь и плоть можетъ совершаться только при помощи вдыхаемаго нами кислорода воздуха, а взрослый человѣкъ вдыхаетъ ежедневно меньше одного килограмма кислорода; слѣд. предѣлы въ питаніи человѣка существуютъ и съ этой стороны, а вмѣстѣ съ питаніемъ ограничиваются какъ источники его силы, такъ и дѣятельность его тѣла. Для правильной дѣятельности всѣхъ органовъ тѣла необходимо, чтобъ кровь и внутренности тѣла имѣли опредѣленную и почти постоянную теплоту, образованіе которой зависитъ отъ пищи и кислорода; образующаяся теплота въ тѣлѣ служитъ источникомъ движенія вообще и механической работы тѣла въ частности; судя по количеству образующейся теплоты, а равно по объему работы сердца и мышцъ, человѣкъ не можетъ продолжать напряженной работы долѣе 10 часовъ. Наша зрительная способность ограничена не только силою преломленія въ прозрачныхъ средахъ нашего глаза, строеніемъ сѣтчатой оболочки глаза, но также и ея чувствительностью; вслѣдствіе того, человѣкъ невооруженнымъ глазомъ можетъ видѣть въ небесномъ пространствѣ только звѣзды 6-й величины, т.-е. не далѣе какъ на 600,000 поперечниковъ орбиты, описываемой землею вокругъ солнца; звѣзды же 7-й величины могутъ быть различаемы только по-

[1]) См. „Die Grenzen des Menschen". Vortrag von Jac. Moleschott.

Digitized by Google

средствомъ телескопа. Другой предѣлъ нашей зрительной способности состоитъ въ томъ, что мы ощущаемъ глазомъ только извѣстное число колебаній свѣта, которыми обусловливается ощущеніе извѣстнаго цвѣта (при наименьшемъ числѣ колебаній мы ощущаемъ красный цвѣтъ, при наибольшемъ — фіолетовый), но лучей свѣта, лежащихъ за фіолетовымъ (ультра-фіолетовыхъ), глазъ не въ состояніи ощущать, потому что они не производятъ цвѣтового впечатлѣнія вслѣдствіе того, что этимъ лучамъ соотвѣтствуетъ столь большая скорость колебаній, за которой не въ состояніи слѣдить сѣтчатая оболочка глаза. Познаваніе внѣшнихъ предметовъ посредствомъ зрѣнія затрудняется еще внутреннимъ свѣтомъ, который рождается въ самой сѣтчатой оболочкѣ глаза. Сложный глазъ бабочки, говоритъ Карлъ Фогтъ, видитъ предметъ иначе, чѣмъ человѣческій глазъ; у паука есть разные зрительные органы для зрѣнія вдаль и вблизи, у многихъ животныхъ вовсе нѣтъ органа зрѣнія, слѣдовательно, они ничего не воспринимаютъ посредствомъ зрѣнія; нельзя поэтому отрицать, что въ природѣ могутъ быть предметы, которые мы могли бы познать, но для познанія которыхъ нѣтъ соотвѣтственнаго чувства въ нашей организаціи,—слѣдовательно нѣтъ пути для познанія ихъ. Поэтому наше знаніе—относительно, оно есть только результатъ отношенія нашей организаціи къ предметамъ; законы природы, которые мы поставляемъ, суть только законы внутренней необходимости нашего матеріальнаго существованія по отношенію къ природѣ; поэтому они не суть общіе законы природы.

О воспринятіи впечатлѣній слухомъ можно сказать то же, что было сказано и о зрительныхъ впечатлѣніяхъ: если тѣло дѣлаетъ меньше 16 колебаній въ секунду, то эти колебанія не ощущаются человѣкомъ какъ звукъ; съ другой же стороны, если тѣло дѣлаетъ болѣе 48,000 колебаній въ секунду, то происходящій вслѣдствіе того звукъ такъ высокъ, что вообще не производитъ впечатлѣнія на слуховой нервъ человѣка; конечно, здѣсь возможны исключенія. Чувствами обонянія и вкуса мы ощущаемъ во внѣшнемъ мірѣ болѣе качественныя условія, чѣмъ количественныя, слѣдовательно они мало могутъ поучать умъ; въ сравненіи съ зрѣніемъ, слухомъ, осязаніемъ, эти два послѣднія чувства очень ограниченны.

Перейдемъ теперь къ отправленіямъ нервной системы и умственной дѣятельности. Если принять, что разстояніе между периферіей пальца, осязающаго какое-либо тѣло, и нервнымъ центромъ равняется метру, то оказывается, что раздраженіе, производимое осязаемымъ тѣломъ на палецъ, проходитъ по чувствую-

Digitized by Google

щему нерву съ быстротою 100 метровъ въ секунду (Валентинъ), 60 метровъ (Гельмгольцъ); по другимъ изслѣдователямъ эта скорость еще меньше; слѣдовательно процессъ ощущенія не такъ быстръ, какъ можно было бы ожидать, зная быстроту свѣта и электрическаго тока; да кромѣ того, встрѣчаетъ предѣлы и наша способность къ опредѣленію продолжительности ощущенія; быстрота проводимости въ двигательныхъ нервахъ человѣка еще незначительнѣе и равняется, среднимъ числомъ, 33,9 метрамъ (Гельмгольцъ и Бакстъ).

Вундтъ испыталъ на самомъ себѣ, что для полученія имъ чувственнаго ощущенія, которое могло бы превратиться въ явственное представленіе, необходима была по крайней мѣрѣ $^1/_8$ секунды. Всякій, дѣлавшій наблюденія надъ собою, можетъ убѣдиться, что умственные процессы совершаются далеко не съ быстротою молніи. Каждому извѣстно, сколько времени употребляютъ для своихъ открытій изслѣдователи, или какихъ умственныхъ напряженій стоили имъ эти открытія. Сверхъ того, сколько встрѣчается неблагопріятныхъ обстоятельствъ, мѣшающихъ изслѣдованію, напр. глазомъ, требующихъ напряженнаго и продолжительнаго вниманія, за которымъ наступаетъ опять препятствіе,—утомленіе, требующее отдыха, слѣдовательно, перерыва занятій; все это, напр., очень хорошо извѣстно занимающимся микроскопическими изслѣдованіями.

Если человѣкъ выражаетъ словесно свои представленія другимъ, то, по словамъ Молешотта, для произношенія имъ каждаго слога необходима $^1/_{10}$ секунды. Но самое простое понятіе можетъ быть выражено не меньше какъ тремя слогами, и человѣческій умъ, по своимъ свойствамъ, не въ состояніи слѣдить за рядомъ понятій, которыя воспринимаются органомъ слуха одно за другимъ, не будучи соединены никакою логическою связью. Если принять, что преподаватель въ теченіи часа выразитъ своимъ слушателямъ 300 понятій, то на каждую мысль придется 12 секундъ.

Однако, при ограниченности природы человѣка, примѣры которой мы только-что привели, ему свойственно стремленіе къ познаванію всего существующаго и причинъ его, и это стремленіе выражается въ непрерывныхъ изслѣдованіяхъ, число которыхъ постоянно возрастаетъ; съ ними же вмѣстѣ возрастаетъ и численность пріобрѣтаемыхъ свѣдѣній, совершенствуются орудія, при помощи которыхъ они пріобрѣтаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наши внѣшнія чувства; поэтому мы можемъ смѣло надѣяться, что по мѣрѣ совершенствованія и изощренія нашихъ внѣшнихъ

Digitized by Google

чувствъ и искусственныхъ орудій изслѣдованія, для насъ будутъ открываться новые предметы, и область нашего знанія будетъ болѣе и болѣе расширяться, но въ концѣ концовъ изслѣдователи все-таки встрѣтятъ предѣлы, за которыми уже не можетъ быть мѣста положительному знанію.

Разсужденію объ объективныхъ предѣлахъ познанія природы, представляющихся при изученіи ея, посвящена недавно появившаяся брошюра проф. Дюбуа-Рэмона: «О предѣлахъ познанія природы». Авторъ прежде всего задаетъ вопросъ, что такое *познаніе природы?* Онъ отвѣчаетъ на него слѣдующимъ образомъ: «Познаніе природы, или, говоря точнѣе, естественно-научное познаніе міра тѣлъ, при помощи и въ смыслѣ теоретической естественной науки, есть объясненіе измѣненій, происходящихъ въ мірѣ тѣлъ, движеніями атомовъ, которыя производятся центральными силами послѣднихъ, независимыми отъ времени, или объясненіе процессовъ природы механикой атомовъ. Гдѣ послѣднее удается, тамъ наша потребность въ причинности чувствуетъ себя пока удовлетворенною».

Если бы всѣ измѣненія въ мірѣ тѣлъ были сведены на движенія атомовъ, происходящія отъ дѣйствія ихъ постоянныхъ центральныхъ тѣлъ, то вселенная была бы разоблачена, познана въ естественно-научномъ отношеніи; тогда слова: «законъ и случай» были бы только другими названіями для механической необходимости; тогда была бы мыслима такая степень естествознанія, на которой весь процессъ міра могъ бы быть выраженъ въ одной математической формулѣ, по которой во всякое время были бы очевидны мѣсто, направленіе и скорость движенія каждаго атома вселенной. Лапласъ, въ своемъ сочиненіи: «Essai philosophique sur les probabilités» (2-me edition, 1814, стр. 3), сказалъ: «Мы должны смотрѣть на настоящее состояніе вселенной, какъ на эффектъ ея прежде бывшаго состоянія, и какъ на причину послѣдующаго. Тотъ умъ, который въ данный моментъ позналъ бы всѣ силы, оживляющія природу, и взаимныя отношенія существъ, ее составляющихъ; который бы, сверхъ того, былъ такъ обширенъ, что могъ бы подвергнуть эти данныя анализу, — тотъ умъ постигъ бы въ одной и той же формулѣ движенія самыхъ громадныхъ тѣлъ вселенной и движенія легчайшаго атома; ничто не осталось бы неизвѣстнымъ для такого ума: будущее и прошедшее были бы для него настоящимъ. Слабымъ подобіемъ такого ума представляется человѣческій умъ въ дѣлѣ усовершенствованія имъ астрономіи. Его открытія въ механикѣ и въ геометріи, вмѣстѣ съ открытіемъ всеобщаго тяготѣнія, дали ему возможность понять,

Digitized by Google

въ тѣхъ же самыхъ аналитическихъ выраженіяхъ, прошлыя и будущія состоянія системы міра. Примѣняя тотъ же методъ къ нѣкоторымъ другимъ предметамъ своихъ познаній, онъ подвелъ подъ общіе законы явленія, которыя составляли предметъ его наблюденій, и въ состояніи предвидѣть тѣ явленія, которыя должны обнаружиться при данныхъ условіяхъ. Всѣ усилія человѣческаго ума въ изысканіи истины стремятся непрестанно приблизиться къ тому высшему уму, понятіе о которомъ мы изложили выше, но отъ котораго человѣческій умъ будетъ безконечно далекъ. Это стремленіе свойственно человѣчеству и ставитъ его выше животныхъ, и его успѣхи въ этомъ отношеніи кладутъ печать на націи и вѣка и созидаютъ ихъ истинную славу». Даламберъ въ своемъ введеніи къ «Энциклопедіи» говоритъ: «Для того, кто могъ бы постичь вселенную *съ одной точки зрѣнія*, она была бы *единымъ* фактомъ и великою истиной». «Умъ человѣческій, повторяетъ Дюбуа-Рэмонъ, хотя будетъ всегда далекъ отъ такого совершеннаго познанія природы, отъ такого ума, однако отличается отъ послѣдняго только степенью; такимъ образомъ, умъ, изображенный Лапласомъ, представляетъ высшую мыслимую степень нашего собственнаго познанія природы; слѣдовательно, для того, чтобъ сколько-нибудь приблизиться только къ начаткамъ этого знанія, всѣ процессы природы должны были бы быть сведены на движенія вещественно-безразличнаго и безкачественнаго субстрата, который представляется намъ въ видѣ разнообразной матеріи, другими словами,—всѣ качества ея должны были бы быть объяснены распредѣленіемъ и движеніемъ ея самой. Это требованіе не противорѣчитъ ученію о чувствахъ, такъ какъ органы чувствъ и нервы приводятъ въ соотвѣтственныя имъ мозговыя области все одно и то же движеніе, причемъ не можетъ быть разницы между чувствующими и двигательными нервами; движеніе съ одного изъ нихъ, при искусственномъ срощеніи ихъ между собою, можетъ переходить на другой (см. объ опытахъ Вюльпіана, доказывающихъ двойственную проводимость нерва, т.-е. отъ обоихъ его концовъ); при срощеніи крестъ-на-крестъ зрительнаго и слухового нервовъ мы бы слышали глазомъ молнію, какъ громовые удары, и видѣли бы ухомъ громъ, какъ рядъ свѣтовыхъ впечатлѣній; поэтому чувственное впечатлѣніе, какъ таковое, возникаетъ только въ мозговыхъ областяхъ, въ чувствующемъ веществѣ мозга; въ нихъ только однородное вообще движеніе, происходящее во всѣхъ нервахъ, перелагается въ чувственное ощущеніе и, смотря по природѣ этихъ областей мозга, рождаются качества; поэтому извѣстныя слова: «и бысть свѣтъ», физіологически должны быть пони-

Digitized by Google

маемы иначе, такъ какъ свѣтъ сталъ лишь тогда только существующимъ, когда первая красная глазная точка инфузорія въ первый разъ могла отличить свѣтлое отъ темнаго. Безъ зрительнаго и безъ слухового чувствующаго вещества въ мозгу, этотъ блистающій яркими красками и полный звуковъ міръ, распространялся бы вокругъ насъ темною и беззвучною средой. Міръ теменъ и беззвученъ, т.-е. безкачественъ также и при механическомъ воззрѣніи на него, получаемомъ посредствомъ объективнаго созерцанія его,—воззрѣніи, которое вмѣсто звука и свѣта знаетъ только колебанія безкачественнаго первобытнаго вещества, ставшаго здѣсь вѣсомою матеріей, а тамъ—невѣсомою. Какъ ни основательны эти представленія вообще, но для примѣненія ихъ въ частностяхъ не сдѣлано еще ничего».

Выше опредѣленное авторомъ познаніе природы, пока удовлетворяющее нашей потребности въ причинности, собственно не удовлетворяетъ ей и не есть познаніе. Атомистическая теорія сводитъ, какъ было сказано выше, всѣ измѣненія въ мірѣ тѣлъ на постоянную сумму силъ и постоянное количество матеріи; такимъ образомъ, ничего не остается болѣе объяснять въ самыхъ измѣненіяхъ тѣлъ. Атомистическая теорія, въ извѣстныхъ границахъ, служитъ для нашихъ физико-математическихъ соображеній; она даже неизбѣжна; но если переступить за границы того, чего можно отъ нея требовать, то она становится метафизическимъ ученіемъ и ведетъ къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ, напр. къ противорѣчію между физическимъ и философскимъ атомами. Происхожденіе этихъ противорѣчій легко понятно, такъ какъ мы въ состояніи представить себѣ только то, что дѣйствуетъ на наши внѣшнія чувства, или на наше внутреннее чувство. Такимъ образомъ, при помощи атомистической теоріи мы не дѣлаемъ ни одного шага впередъ къ уразумѣнію существующаго и, дробя матерію на мельчайшіе атомы, въ концѣ концовъ мы сталкиваемся съ непреодолимымъ препятствіемъ, предѣломъ къ познанію природы, — съ вопросомъ о *сущности матеріи и силы;* сущность той и другой всегда останется для насъ непостижимою; прежде, чѣмъ были бы возможны первыя предположенія о происхожденіи, повидимому, разнообразныхъ тѣлъ изъ безразличной въ сущности матеріи, должно было бы сперва отыскать философскій камень, который бы превратилъ неразложенныя еще въ настоящее время вещества одно въ другое и произвелъ бы ихъ изъ высшаго основного, если не первобытнаго, вещества.

Но если предположить, что матерія и сила даны и извѣстны, то міръ тѣлъ становится тогда понятнымъ въ идеѣ. Отъ перво-

Digitized by Google

бытнаго туманнаго шара нашей планеты мы переходимъ къ постепенному ея дальнѣйшему образованію и, наконецъ, къ происхожденію условій, при которыхъ стало возможнымъ возникновеніе *жизни*. Все равно, гдѣ и въ какой формѣ она появилась сначала, — на глубокомъ-ли днѣ морскомъ, въ видѣ первобытной слизи животнаго *батибія*, или же при содѣйствіи солнца, испускавшаго еще больше ультра-фіолетовыхъ лучей и при еще болѣе высокомъ частичномъ давленіи углекислоты въ атмосферѣ, — такъ какъ при соединеніи неорганическихъ веществъ въ живыя существа дѣло идетъ прежде всего о движеніи, затѣмъ о болѣе или менѣе прочномъ установленіи равновѣсія между частицами и о началѣ обмѣна вещества или при помощи силъ, присущихъ самимъ частицамъ, или вслѣдствіе сообщеннаго имъ движенія извнѣ. Различіе между живымъ и мертвымъ, между растеніемъ и животнымъ, если брать только тѣлесныя отправленія послѣдняго, и кристалломъ, состоитъ въ слѣдующемъ: въ кристаллѣ матерія находится въ постоянномъ, неизмѣнномъ равновѣсіи, тогда какъ по органическимъ веществамъ протекаетъ токъ матеріи; поэтому она находится въ нихъ въ болѣе или менѣе динамическомъ равновѣсіи, то съ положительнымъ балансомъ, то съ балансомъ, равнымъ нулю, отрицательнымъ. Поэтому, кристаллъ, безъ воздѣйствія на него внѣшнихъ массъ и силъ, вѣчно остается тѣмъ, что онъ есть; существованіе органическаго вещества, напротивъ, зависитъ отъ извѣстныхъ внѣшнихъ условій, — стимуловъ, и ограничено извѣстнымъ временемъ; органическія существа измѣняютъ въ себѣ силы, находящіяся въ состояніи напряженія, въ живыя, дѣйствующія, и наоборотъ. Основного различія между силами въ кристаллѣ и органическомъ существѣ нѣтъ, но они несоизмѣримы между собой, подобно тому, какъ несоизмѣримо какое-либо архитектурное произведеніе, въ которомъ всѣ части подобны цѣлому, съ фабрикой, въ которую, съ одной стороны, поступаютъ уголь, вода, разные сырые матеріалы, и изъ которой, съ другой стороны, выходятъ углекислота, водяной паръ, дымъ, зола и продукты машинъ.

Первое появленіе живыхъ существъ на землѣ есть ни что иное, какъ трудная механическая проблема; если бы мы могли воспроизвести тѣ условія, при которыхъ нѣкогда произошли органическія существа, что́ мы можемъ теперь сдѣлать для нѣкоторыхъ кристалловъ, то и въ настоящее время точно также происходили бы органическія существа, по принципу актуализма, какъ они рождались и въ первобытное время, и здѣсь мы не столкнулись бы съ безусловнымъ препятствіемъ, и не здѣсь другая граница къ познанію природы. Эта другая препона, непостижимая для насъ

Digitized by Google

загадка, подобно сущности матеріи и силы, есть сущность *сознанія* (Bewusstsein). Авторъ съ намѣреніемъ употребляетъ слово «сознаніе», такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о фактѣ психическаго процесса даже самаго низшаго рода.

Какъ самая возвышенная душевная дѣятельность, такъ и первая степень сознанія — чувственное ощущеніе, говоритъ Дюбуа-Рэмонъ, необъяснимы матеріальными условіями и останутся таковыми навсегда, какіе бы прогрессы знанія ни сдѣлалъ человѣческій умъ. Съ первымъ ощущеніемъ удовольствія или боли у самаго простѣйшаго существа, въ началѣ животной жизни на землѣ, міръ сталъ вдвойнѣ непонятнѣе. При нашей неспособности вполнѣ постигнуть матерію и силу, наиболѣе совершенное знаніе ея, какого мы можемъ достигнуть, есть *астрономическое знаніе*. Астрономическимъ знаніемъ вещественной системы авторъ называетъ такое знаніе всѣхъ ея частей, ихъ взаимнаго положенія и ихъ движенія, что какъ то, такъ и другое можетъ быть вычислено въ каждое прошедшее и будущее время, съ такою же точностью, съ какою можетъ быть вычислено движеніе небесныхъ тѣлъ, при совершенствѣ наблюденій и теоріи. Авторъ полагаетъ, что мы въ состояніи были бы пріобрѣсти такія знанія о разнородныхъ матеріальныхъ процессахъ, какъ-то: о сокращеніи мышцъ, объ отдѣлительномъ процессѣ желѣзы, о свѣтѣ, издаваемомъ электрическимъ органомъ, о ростѣ и химизмѣ клѣточекъ, наконецъ, о происходящихъ матеріальныхъ процессахъ въ мозгу человѣка. При такомъ знаніи были бы совершенно ясны также и процессы, постоянно, слѣдовательно, необходимо совпадающіе по времени съ душевными процессами, и было бы высокимъ торжествомъ, если бы могли сказать, что при опредѣленномъ душевномъ процессѣ происходитъ въ опредѣленныхъ нервныхъ узлахъ и нервахъ опредѣленное движеніе опредѣленныхъ атомовъ; если бы, напр., мы знали, какое вращеніе атомовъ углерода, водорода, азота, кислорода, фосфора и другихъ атомовъ соотвѣтствуетъ блаженству, происходящему при слушаніи музыки, при чувственномъ наслажденіи, при страшной боли отъ поврежденія тройничнаго нерва. Но что касается самыхъ психическихъ процессовъ, то, при астрономическомъ знаніи органа души, они были бы для насъ такъ же непонятны, какъ и теперь; астрономическое знаніе мозга, самое совершенное, какое мы можемъ имѣть о немъ, открыло бы въ немъ только *движеніе матеріи*, которое отнюдь не объяснило бы происхожденія сознанія изъ какого-либо распредѣленія или движенія матеріальныхъ частичекъ, изъ механики мозговыхъ ато-

Digitized by Google

мовъ, и здѣсь—*другая* безусловная *граница* нашего познанія природы.

Несмотря на всѣ открытія въ области естествознанія, человѣчество, въ теченіе двухъ тысячъ вѣковъ, также мало подвинулось впередъ въ объясненіи душевной дѣятельности матеріальными условіями, какъ и въ пониманіи матеріи и силы, и никогда не познаетъ ихъ. Но приэтомъ авторъ замѣчаетъ, что вопросъ объ объяснимости душевныхъ процессовъ матеріальными условіями должно отличать отъ вопроса о томъ, не суть-ли эти процессы продукты матеріальныхъ условій. По поводу извѣстнаго заключенія Карла Фогта, что мысли стоятъ въ такомъ же отношеніи къ мозгу, какъ желчь къ печени, Дюбуа-Рэмонъ замѣчаетъ, что нельзя порицать это заключеніе, потому что Фогтъ представляетъ себѣ душевную дѣятельность продуктомъ матеріальныхъ условій мозга, но что въ этомъ заключеніи ошибочно то, что природа душевной дѣятельности будто бы понятна изъ строенія мозга такъ же, какъ процессъ отдѣленія (secretio) понятенъ изъ строенія желѣзы. Но въ области, лежащей между означенными выше границами познанія природы, естествоиспытатель можетъ распоряжаться и дѣйствовать полновластно, съ сознаніемъ своей силы, и съ полнымъ правомъ можетъ создавать путемъ индукціи свое собственное мнѣніе объ отношеніяхъ между духомъ и тѣломъ.

Мы обращаемъ вниманіе читателей на то, что Дюбуа-Рэмонъ въ своихъ разсужденіяхъ остается постоянно на естественно-научной почвѣ, устраняя отъ себя даже поверхностное разсмотрѣніе вопроса о томъ, не суть-ли наши душевные процессы результатъ матеріальныхъ условій; онъ только разбираетъ вопросъ объ образѣ происхожденія духовной жизни при посредствѣ этихъ условій, и приходитъ къ тому заключенію, что мы никогда не будемъ въ состояніи объяснить психическіе процессы этими условіями, напр., разными движеніями, группировками частицъ нервнаго вещества, и что доступнымъ для насъ могло бы быть только *движеніе* послѣднихъ. Слѣдовательно, не только нельзя упрекнуть Дюбуа-Рэмона въ матеріализмѣ, но, напротивъ, въ его рѣчи очевидно критическое отношеніе къ этому ученію: для него важенъ вопросъ, могутъ-ли рождаться психическіе процессы изъ матеріальныхъ условій, слѣдовательно, вопросъ о способѣ ихъ возникновенія и о томъ, будемъ ли мы когда-нибудь въ состояніи понять внутреннія условія этихъ процессовъ.

Дюбуа-Рэмонъ говоритъ, что объясненія Декарта, Лейбница и др. связи души съ тѣломъ и ихъ взаимодѣйствія не имѣютъ уже значенія въ глазахъ современныхъ естествоиспытателей вслѣд-

Digitized by Google

ствіе *дуалистическаго* начала, на которомъ эти объясненія построены, и потому остается мѣсто для сомнѣнія—не есть ли сознаніе просто дѣйствіе матеріи, не суть ли душа и тѣло, т.-е. матерія и сила, въ сущности одно и то же? Не можетъ ли вещество, при опредѣленныхъ условіяхъ, чувствовать, желать и мыслить? Дюбуа оставляетъ, конечно, эти вопросы открытыми, да они собственно и не составляютъ предмета его рѣчи, а между тѣмъ эти вопросы, поставляемые Дюбуа, служатъ все-таки невольнымъ, съ его стороны, выраженіемъ настоящаго направленія философіи природы и человѣка, такъ-наз., *монистической* философіи, составляющей противоположность дуалистической.

Начатки монистической философіи кроются еще въ глубокой древности (Демокритъ, 470 г. до Р. Х.); этого ученія придерживались затѣмъ нѣкоторые философы позднѣйшаго времени; какъ намёкъ на это ученіе, мы указываемъ и на приведенныя нами выше слова Даламбера, что вселенная, для тѣхъ, кто бы могъ понять ее съ *одной точки зрѣнія*, была бы *единымъ* фактомъ. Но какъ ни старо начáло монистическаго ученія, т.-е. ученія о единствѣ матеріи и силы, духа и тѣла, дуализмъ, составляющій противоположность ему, все-таки былъ его предшественникомъ. Начатки монизма совпадаютъ съ началомъ философіи какъ науки, тогда какъ дуалистическое воззрѣніе на природу человѣка такъ же древне, какъ древенъ родъ человѣческій, въ подтвержденіе чего мы приводимъ нѣкоторыя мѣста изъ замѣчательнаго сочиненія Тэйлора: «Первобытная Культура» [1]). Въ главѣ объ анимизмѣ (гл. XI, ч. II) авторъ, замѣняя этимъ слово «спиритизмъ» (общее ученіе о духовныхъ существахъ), говоритъ слѣдующее (Т. I, стр. 9, 11, 12): «Анимизмъ характеризуетъ племена, стоящія весьма низко на ступеняхъ человѣчества, и поднимается отсюда безъ перерывовъ, но глубоко видоизмѣненный, при переходѣ въ среду высокой современной культуры... Анимизмъ составляетъ, въ самомъ дѣлѣ, основу философіи религіи, какъ у дикарей, такъ и у цивилизованныхъ народовъ. Теорія о личной душѣ или духѣ у низшихъ расъ, т.-е. о томъ, что душа есть тонкій, невещественный человѣческій образъ, что она составляетъ причину жизни и мысли въ одушевленномъ ею существѣ, что въ ней сосредоточены сознаніе и воля послѣдняго, что она отдѣляется отъ тѣла и пр., настолько удовлетворительно объясняетъ факты, что она удержала свое мѣсто даже въ высшихъ слояхъ культуры. Хотя классическая средневѣковая философія во мно-

[1]) См. русскій переводъ этого сочиненія, Т. I.

Digitized by Google

гомъ измѣнила ее, она настолько сохранила слѣды своего первоначальнаго характера, что въ существующей теперь психологіи цивилизованнаго міра видны еще слѣды наслѣдства отъ первобытныхъ временъ... Смерть (стр. 28) представляетъ фактъ, который на всѣхъ степеняхъ культуры наводитъ мысль съ особенною силой, хотя и не всегда здраво, на психологическіе вопросы. Появленіе безтѣлесной души во всѣ времена считалось фактомъ, стоящимъ въ спеціальной связи съ отдѣленіемъ души отъ тѣла при смерти. Это видно изъ допущенія не только теоріи привидѣній, но и особаго ученія о смертной тѣни».

Въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, попеременно преобладали главнымъ образомъ два противоположныя другъ другу философскихъ ученія о природѣ человѣка: спиритуализмъ и матеріализмъ, имѣвшія большое вліяніе на науку о человѣкѣ вообще, но не принесшія существенной пользы по своей односторонности. Въ настоящее время эти оба ученія находятъ примиреніе въ монизмѣ,— ученіи, по которому матерія и сила составляютъ одно единое, нераздѣльно связаны другъ съ другомъ. Августъ Шлейхеръ говоритъ: «Направленіе мышленія въ новѣйшее время, очевидно, переходитъ въ монизмъ. Дуализмъ, понимать ли его какъ противоположность духа природѣ, содержанія—формѣ, сущности—явленію, или какъ бы ни захотѣли его опредѣлить, вполнѣ отжилъ для естественно-научныхъ воззрѣній нашего времени. Для монизма нѣтъ матеріи безъ духа (безъ опредѣляющей ее необходимости), равнымъ образомъ нѣтъ духа безъ матеріи, или скорѣе нѣтъ ни духа, ни матеріи въ обыкновенномъ смыслѣ, но только существуетъ одно единое, которое въ то же время и духъ, и матерія. Обвинять это воззрѣніе, основанное на наблюденіи, въ матеріализмѣ, было бы такъ же ошибочно, какъ и называть его спиритуализмомъ.» Проф. Геккель, въ своихъ публичныхъ лекціяхъ объ естественной исторіи творенія, заключая по извѣстнымъ фактамъ и явленіямъ природы, пришелъ къ убѣжденію въ единствѣ ея, именно въ совершенномъ единствѣ органической природы съ неорганическою. Для него вся природа оживлена, т.-е., проникнута божескимъ духомъ, закономъ, необходимостью. Въ силу своихъ убѣжденій онъ раздѣляетъ то воззрѣніе на міръ, которое называется *механическимъ* или *причиннымъ* и въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій такъ упрочилось въ нѣкоторыхъ областяхъ естествознанія, что не можетъ быть и рѣчи о противоположномъ ему воззрѣніи: естествоиспытатель, анализируя явленія природы, открываетъ въ нихъ необходимыя и неизмѣнныя дѣйствія физическихъ и химическихъ силъ, присущихъ веществу;

Digitized by Google

къ такому убѣжденію приходитъ физикъ, разсматривая явленія движенія электричества или магнетизма, паденіе тяжелаго тѣла, или колебанія свѣтовыхъ волнъ. Въ противорѣчіи съ этимъ воззрѣніемъ находилась до сихъ поръ біологія, какъ наука о такъ-называемыхъ живыхъ тѣлахъ природы; но въ современной физіологіи, — наукѣ о явленіяхъ движенія въ животныхъ и растительныхъ тѣлахъ, уже совершенно принято механическое воззрѣніе на эти движенія. Неизмѣримая заслуга Дарвина состоитъ въ установленіи механическаго воззрѣнія на происхожденіе животныхъ и растительныхъ формъ, чѣмъ подтвердилось мнѣніе о единствѣ органической и неорганической природы. Благодаря дарвиновой теоріи происхожденія, впервые стало возможнымъ доказать единство природы столь ясно, что механическопричинное объясненіе самыхъ сложныхъ органическихъ явленій, напримѣръ, происхожденія и устройства органовъ чувствъ, въ дѣйствительности не представляетъ для общаго уразумѣнія больше трудностей, чѣмъ механическое объясненіе какого-либо процесса въ природѣ, напримѣръ, землетрясенія, направленія вѣтра или морскихъ теченій. Благодаря теоріи Дарвина мы приходимъ къ крайне важному убѣжденію, что всѣ тѣла природы, которыя намъ извѣстны, равномѣрно оживлены, что противоположность, которую принимали между мірами мертвыхъ и живыхъ тѣлъ природы, не существуетъ. Если брошенный въ воздухѣ камень падаетъ, въ силу опредѣленныхъ законовъ, на землю, или если въ соляномъ растворѣ образуется кристаллъ, то эти явленія суть точно также механическія явленія жизни, какъ и ростъ или цвѣтеніе растеній, какъ размноженіе, или дѣятельность чувствъ у животныхъ, какъ ощущеніе или образованіе мыслей у человѣка. Въ этомъ возстановленіи единичнаго или монистическаго воззрѣнія на природу заключается высшая заслуга ученія Дарвина. Ученіе Дарвина примѣнено Гербертомъ Спенсеромъ къ психологіи; онъ показалъ, что психическая дѣятельность и умственныя способности могутъ развиваться и пріобрѣтаться только постепенно и вообще положилъ начало философіи, имѣющей своею реальною почвою сравнительную зоологію.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія о новѣйшей философіи природы, мы обращаемъ вниманіе только на то, что ею даны основы, исходные пункты для изученія природы, которыми можетъ удовлетвориться естествоиспытатель, не выходя изъ сферы реальнаго знанія. Такими исходными пунктами служатъ законы вѣчности матеріи и силы, составляющіе основу всего естествознанія, безъ которыхъ оно не могло бы существовать. Такою же

Digitized by Google

основою можетъ служить и ученіе о нераздѣльности вещества и силъ — монизмъ, и если сущность матеріи для насъ закрыта, то изслѣдованію при помощи нашихъ чувствъ подлежатъ ея качественность, дифференцированіе, переходъ изъ одной формы въ другую, съ проявленіемъ соотвѣтствующихъ силъ. Высшую форму вещества составляетъ, такъ-называемое, нервное вещество, обладающее способностью чувствовать и мыслить; никто не станетъ отвергать, что изъ него исходятъ мысли, но *какъ* именно онѣ образуются, это—вопросъ, предъ которымъ останавливается извѣстный физіологъ нашего времени Дюбуа-Рэмонъ. Но здѣсь важно то, что способъ изслѣдованія этой высшей формы вещества, неразрывно съ его дѣятельностью, остается тотъ же самый, какой мы примѣняемъ къ изслѣдованію другихъ формъ матеріи и силы, т.-е. объективный и, по своему принципу, индуктивный. Если человѣку, по его природѣ, тяжело сказать самому себѣ: «вотъ здѣсь предѣлъ, дальше котораго я не могу идти»,—то, съ другой стороны, путь до этого конечнаго предѣла далекъ, и человѣку еще предстоитъ обширное поле для будущихъ изслѣдованій, которыя, можетъ быть, будутъ болѣе и болѣе отдалять грань, отдѣляющую возможное для человѣка отъ невозможнаго и постижимое отъ непостижимаго.

С. Ловцовъ.

Digitized by Google

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ

По поводу мнѣнія пр. Любимова о пересмотрѣ Университетскаго Устава, въ „Рус. Вѣстн." 1873, февраль.

Вслѣдствіе министерскаго циркуляра, разосланнаго прошлою осенью, во всѣхъ русскихъ университетахъ пересматривался въ теченіи нынѣшней зимы университетскій уставъ 1863 года, и въ министерство былъ отправленъ обширный матеріалъ общихъ совѣтскихъ и факультетскихъ заключеній, а также особыхъ мнѣній отдѣльныхъ членовъ университетской корпораціи. Нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній проникали отъ времени до времени въ печать; но вообще журналистика отнеслась довольно равнодушно къ обсужденію нынѣ дѣйствующаго устава и возможныхъ реформъ университетской жизни. Такое равнодушіе не удивительно и не можетъ служить укоромъ для печати. Въ нормальномъ состояніи печать есть отраженіе общественнаго мнѣнія, а послѣднее волнуется и высказывается только въ томъ случаѣ, если существующіе порядки очень плохи и требуютъ законодательныхъ реформъ или, напротивъ, если есть основаніе думать, что предполагающіяся законодательныя мѣры могутъ вредно отразиться на судьбѣ существующихъ учрежденій. Но въ данномъ случаѣ нѣтъ ни того, ни другого повода. Какъ бы ни казались неудовлетворительны нѣкоторыя стороны университетской жизни передъ глазами строгой критики, основанной на идеальныхъ требованіяхъ, общественное мнѣніе не могло винить за это университетскій уставъ, а видѣло главную причину въ скудости ученыхъ силъ и средствъ страны, въ которой только 100 лѣтъ тому назадъ былъ основанъ первый университетъ. Съ другой стороны, общественное мнѣніе не могло думать, чтобы при пересмотрѣ устава 1863 года имѣлось въ виду отступить

Digitized by Google

отъ его существенныхъ принциповъ и нанести ущербъ университетской жизни и наукѣ. Но вотъ, недавно въ одномъ изъ журналовъ появилось пространное мнѣніе по поводу пересмотра университетскаго устава, составленное съ большими претензіями и въ очень полемическомъ тонѣ, и подписанное однимъ изъ профессоровъ московскаго университета—г. Любимовымъ. Что могло заставить автора выступить съ своимъ мнѣніемъ въ печати? Какъ всѣ мнѣнія отдѣльныхъ членовъ университетской корпораціи, такъ и мнѣніе г. Любимова предназначалось конечно для министерства, т.-е. должно было служить министерству матеріаломъ при пересмотрѣ устава. Но эта цѣль была уже достигнута тѣмъ, что г. Любимовъ подалъ свое мнѣніе въ совѣтъ московскаго университета, который долженъ былъ препроводить его вмѣстѣ съ мнѣніями другихъ членовъ и своимъ заключеніемъ въ Петербургъ. Такимъ образомъ, министерство имѣло полную возможность ознакомиться не только съ мнѣніемъ проф. Любимова, но и съ впечатлѣніемъ, которое оно произвело на совѣтъ московскаго университета [1]). Поэтому нужно думать, что г. Любимовъ, печатая свою записку, имѣлъ въ виду подѣйствовать на общественное мнѣніе и вызвать въ журналистикѣ разборъ и справедливую оцѣнку своихъ предложеній. Мы охотно предоставили бы другимъ эту оцѣнку, такъ какъ убѣждены, что дѣло не много выиграетъ отъ журнальной полемики—если бы г. Любимовъ не носилъ званія профессора московскаго университета. Не такія мнѣнія приписывало общество профессорамъ этого университета, и не такія рѣчи привыкло оно слышать отъ нихъ. Правда, никакая корпорація не можетъ принимать на себя отвѣтственность за мнѣнія отдѣльныхъ своихъ членовъ, но хотя въ теоріи всѣ съ этимъ согласны, въ дѣйствительности однако не всегда анализируются впечатлѣнія, и разглагольствованія самоувѣреннаго ритора нерѣдко принимаются за голосъ цѣлаго общества.

Мнѣніе, напечатанное г. Любимовымъ, недостойно обсуждаемаго въ немъ предмета не только по мыслямъ въ немъ высказаннымъ, но и по внѣшней формѣ. Какъ иначе назвать пошловато-игривый, глумящійся, вызывающій тонъ статьи, полемическіе пріемы автора, который поражаетъ ненавистный ему уставъ 1863 года не доводами, а подозрѣніями и намёками, наконецъ его напускной паѳосъ, заимствованный изъ газетъ, привыкшихъ спасать своихъ читателей отъ мнимыхъ золъ и вредныхъ вліяній. Если бы г. Любимовъ не зая-

---

[1]) Послѣ отдѣльныхъ возраженій, представленныхъ нѣсколькими профессорами, совѣтъ московскаго университета высказался *единогласно* противъ мнѣнія г. Любимова.

Digitized by Google

вилъ объ этомъ въ примѣчаніи къ своей статьѣ, никто бы не повѣрилъ, что такое литературное произведеніе было представлено совѣту одного изъ русскихъ университетовъ, и предназначалось для отправленія въ министерство народнаго просвѣщенія, и если бы г. Любимовъ не подписался подъ своимъ мнѣніемъ, никто бы не призналъ въ авторѣ представителя серьёзной науки. Безъ сомнѣнія, та муза, которая на этотъ разъ вдохновляла г. Любимова, родилась не на классической почвѣ и жила не на безмятежномъ изящномъ Олимпѣ, это муза позднѣйшихъ временъ, муза фельетонная, однимъ и тѣмъ же перомъ потѣшающая читателей описаніемъ масляничнаго гулянья и пугающая ихъ съ поддѣльнымъ негодованіемъ знаменитымъ крикомъ: „Катилина у воротъ Рима"!

Но забавно то, что г. Любимовъ, несмотря на свои фельетонные пріемы, становится на высокій пьедесталъ наблюдательнаго изслѣдователя и безпристрастнаго дѣльца. Онъ даетъ урокъ министерству за то, что оно не приступило къ „*предварительному изслѣдованію*, enquête, по-французски, а стало непосредственно вызывать мнѣнія„. Онъ презрительно глумится надъ многочисленными мнѣніями, поданными въ различныхъ русскихъ университетахъ, говоря, что упомянутымъ способомъ „получаются произвольныя теоретическія построенія, порожденныя болѣе или менѣе случайными отношеніями мысли къ предмету, обыкновенно подъ вліяніемъ симпатій и антипатій отчасти собственныхъ, отчасти чужихъ, къ какимъ желается приноровиться". Въ пылу обличенія онъ забываетъ, что его собственное мнѣніе, также *непосредственно вызванное*, подпадаетъ подъ ту же категорію теоретическихъ построеній и даже увлекается съ изумительнымъ безпристрастіемъ и непостижимой откровенностью до слѣдующей тирады — „такимъ способомъ получается обиліе трудовъ фантазіи, но не устраняются неудобства какъ мнѣній въ халатѣ, такъ мнѣній въ ливреѣ разной окраски»! Что это, наивность, или горькая иронія надъ своей судьбой? Какъ можно было ожидать чего-нибудь подобнаго въ нашъ индуктивный вѣкъ, особенно со стороны профессора опытной науки?

Г. Любимовъ начинаетъ свой фельетонный разборъ существующаго университетскаго устава съ высокоторжественнаго увѣренія, что онъ приступаетъ къ дѣлу въ качествѣ *наблюдателя безъ предвзятой системы*. Искренность этого увѣренія г. Любимовъ доказываетъ тѣмъ, что съ первыхъ же страницъ своей записки обнаруживаетъ странное и неестественное ожесточеніе противъ устава 1863 года. Ожесточеніе это вызвано гражданскимъ негодованіемъ противъ того времени, когда возникъ уставъ 1863 года. Въ пылу благороднаго негодованія г. Любимовъ увлекается до исторической *кривды*, облеченной въ

Digitized by Google

форму шаловливой остроты. Эпоха шестидесятыхъ годовъ характеризуется г. Любимовымъ въ самыхъ черныхъ краскахъ: „это было время, говоритъ онъ, канцелярскаго либерализма, разсуждавшаго такъ: не должны ли и мы, дабы не отстать отъ образованныхъ странъ, завести административнымъ путемъ на казенныя деньги маленькія партіи, небольшую оппозицію, помощью казенныхъ субсидій создать и поддержать оппозиціонные органы печати, завести свой рабочій вопросъ, даже, буде можно, маленькую революцію, конечно все для виду, безъ энергіи".

Мы конечно не станемъ обсуждать эпоху 60-ыхъ годовъ, столь близкую къ намъ, что каждый изъ читателей имѣетъ объ ней свои опредѣленныя понятія; мы не станемъ также называть тѣ литературные источники, изъ которыхъ г. Любимовъ почерпнулъ свои свѣдѣнія объ эпохѣ 60-хъ годовъ, такъ какъ этотъ родъ литературы слишкомъ памятенъ нашимъ современникамъ. Для насъ интересна та индукція, которая служила г. Любимову нитью, руководившею имъ въ его лабиринтѣ гражданскихъ опасеній: время 60-хъ годовъ было эпохой вредныхъ вліяній и идей, которыя должны быть истреблены. Уставъ возникъ въ эту эпоху. Слѣдовательно, уставъ вреденъ и долженъ быть отмѣненъ!

Каковъ бы ни былъ характеръ эпохи 60-хъ годовъ, университетскому уставу нечего стыдиться времени своего происхожденія. Онъ находится въ этомъ отношеніи въ слишкомъ хорошемъ обществѣ, которое можетъ его вполнѣ обезпечить отъ навѣтовъ г. Любимова и подобныхъ ему индуктивныхъ историковъ. Университетскій уставъ двумя годами моложе знаменитаго положенія о крестьянахъ и на два года старше устава, создавшаго гласное судопроизводство. Хотя главная вина университетскаго устава 1863 г. въ глазахъ г. Любимова заключается въ томъ, что онъ зародился въ злополучную эпоху, непользующуюся его сочувствіемъ; но за этимъ лирическимъ аргументомъ слѣдуютъ однако у него четыре другихъ обвиненія, повидимому, болѣе индуктивнаго свойства:

1) Уставъ 1863 г. далъ поводъ говорить, что университетамъ предоставлено самоуправленіе.

2) Уставъ узаконилъ систему невмѣшательства со стороны властей.

3) Уставъ расшаталъ всѣ отношенія.

4) Уставъ расширилъ дѣятельность совѣтовъ во вредъ ихъ спеціальному назначенію заниматься техническо-учебной частью.

Итакъ, г. Любимовъ упрекаетъ Уставъ въ томъ, что онъ далъ поводъ къ слухамъ, будто бы университетамъ дано самоуправленіе. Но никакіе уставы въ мірѣ, конечно, нельзя упрекать за тѣ слухи,

Digitized by Google

въ которымъ они могли подать поводъ. Г. Любимовъ доказываетъ, что наши университеты учреждены правительствомъ, черпаютъ главныя свои средства изъ государственнаго казначейства, въ своихъ рѣшеніяхъ, по сколько-нибудь важнымъ дѣламъ, связаны необходимостью начальственнаго разрѣшенія; не имѣютъ возможности распорядиться спеціальными средствами по-хозяйски, на нѣсколько лѣтъ; что профессора въ то же время чиновники, даже въ болѣе прямомъ смыслѣ, чѣмъ члены судебнаго вѣдомства (?) и т. д., и изъ этого глубокомысленно выводитъ, что университетамъ „не предоставлено самоуправленія, въ точномъ смыслѣ этого слова".

Оспаривая у русскихъ университетовъ самоуправленіе въ точномъ смыслѣ, г. Любимовъ борется съ вѣтряными мельницами. Перечисленіе доказательствъ, выставленныхъ имъ въ пользу мнѣнія, что университеты лишены самоуправленія, легко можно было бы пополнить. Г. Любимовъ могъ бы прибавить къ нимъ и то, что университеты лишены права высказывать въ печати свое коллективное мнѣніе по вопросамъ, близко касающимся ихъ, и даже лишены права возражать противъ пасквилей и оскорбительныхъ намёковъ—безъ начальственнаго разрѣшенія. Университетамъ, до сихъ поръ, была предоставлена полная свобода только въ одномъ случаѣ; въ одномъ только своемъ дѣйствіи университеты являлись въ качествѣ высшей инстанціи—въ присужденіи ученыхъ степеней. Всѣ остальныя дѣйствія университетовъ подлежатъ административному утвержденію. Поэтому, мы конечно не станемъ спорить съ г. Любимовымъ о томъ, дано-ли университетамъ самоуправленіе въ точномъ смыслѣ. Мы только не согласны съ его аргументаціей, будто бы университетамъ потому не могло быть дано самоуправленіе, что они учреждены правительствомъ и пользуются содержаніемъ отъ казны. Вѣдь французская академія, напр., также учреждена правительствомъ и также получаетъ содержаніе отъ казны, но это не мѣшаетъ ей быть гораздо болѣе независимой отъ центральной власти, чѣмъ русскіе университеты.

Церковь нигдѣ не была обязана своимъ происхожденіемъ государству и въ очень многихъ странахъ, относительно своихъ средствъ, была почти независима отъ него, а между тѣмъ, со времени среднихъ вѣковъ, государство вездѣ стремилось подчинить духовенство своему контролю. Тѣмъ менѣе могло государство освободить изъ-подъ всякаго контроля оффиціальныхъ представителей науки, призванныхъ воспитывать молодое поколѣніе. Подобное положеніе совершенно невозможно тамъ, гдѣ съ университетскимъ образованіемъ связаны гражданскія и политическія права. Что значило бы, по мнѣнію г. Любимова, предоставить университетамъ самоуправленіе

Digitized by Google

въ *точномъ смыслѣ* этого слова? Если онъ разумѣетъ подъ этимъ полное выдѣленіе университетовъ изъ государственной связи, созданіе нѣсколькихъ ни отъ кого независимыхъ корпорацій браминовъ, которые бы ставили свой авторитетъ выше авторитета государства, учрежденіе ордена *иллюминатовъ*, которые бы въ своихъ замкнутыхъ собраніяхъ опредѣляли, что́ считать истиной, кому заниматься распространеніемъ истины и кого возводить на высшія степени мудрости—г. Любимовъ не найдетъ ни одного приверженца среди русскихъ университетовъ, который бы пожелалъ раздѣлить съ нимъ его точныя понятія о самоуправленіи. На глазахъ же г. Любимова одинъ высшій учебный институтъ, учрежденный частными лицами и по своимъ средствамъ совершенно независимый отъ казны, сталъ, тотчасъ послѣ своего основанія, стремиться къ сліянію съ казеннымъ вѣдомствомъ. Онъ, такъ сказать, постепенно вросталъ въ министерство народнаго просвѣщенія и руководившія имъ лица не успокоились до тѣхъ поръ, пока англійскій образецъ не былъ перекроенъ на національный ладъ, пока директоры и преподаватели института не превратились въ классныхъ чиновниковъ и не были признаны органами министерства народнаго просвѣщенія. Все это однако не мѣшало имъ разумно понимать слово „самоуправленіе" и даже выговорить для института больше правъ, чѣмъ уставъ 1863 г. предоставилъ русскимъ университетамъ [1]).

Итакъ, дѣло вовсе не въ томъ, чтобы замкнуть университеты, оторвать ихъ отъ государственной почвы, изолировать ихъ, сдѣлать изъ нихъ привилегированную корпорацію. Вопросъ не въ самоуправленіи, а въ томъ, гдѣ провести черту между централизаціей и децентрализаціей. Вопросъ въ томъ, что́ предоставить чиновникамъ департамента, а что́ профессорамъ. Университеты нельзя противопоставлять министерству, ибо профессора, утвержденные правительствомъ, представляютъ собой также органы министерства народнаго просвѣщенія, какъ и чиновники этого вѣдомства, неимѣющіе ученыхъ степеней или оставившіе занятія, которыя доставили имъ эти ученыя степени. Итакъ, повторяю, опредѣлять отношенія университетовъ къ министерству народнаго просвѣщенія не значитъ проводить

---

[1]) Въ лицеѣ, основанномъ гг. Катковымъ и Леонтьевымъ, директоръ, его помощники и преподаватели университетскаго курса, сравненные въ правахъ службы съ экст. профессорами университета, избираются правленіемъ, состоящимъ пока изъ основателей. Но ни въ уставѣ, ни въ дополнительныхъ статьяхъ къ уставу лицея нѣтъ статьи, которая давала бы министерству право замѣстить, по истеченіи извѣстнаго срока, одну изъ этихъ должностей своимъ кандидатомъ или назначить сверхштатнаго преподавателя университетскихъ курсовъ, какъ это положено университетскимъ уставомъ.

Digitized by Google

границы между враждебными государствами. Весь вопросъ въ цѣлесообразномъ раздѣленіи труда; весь вопросъ въ томъ, что̀ предоставить коллективному обсужденію или, пожалуй, и рѣшенію профессоровъ, т.-е. ученыхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія, и что̀ предоставить другимъ, т.-е. административнымъ его органамъ.

Однимъ словомъ, г. Любимовъ завелъ рѣчь о самоуправленіи совершенно не кстати, по крайней мѣрѣ, *съ предвзятой мыслью*; его воображенію, настроенному со времени его сотрудничества въ „Русскомъ Вѣстникѣ" на классическій ладъ, навѣрно представлялась при этомъ картина изъ Иліады; ему представлялась благородная роль хитроумной Эриды, съумѣвшей во̀-время подкатить свое яблоко на Олимпъ.

Впрочемъ, мы считаемъ не лишнимъ напомнить г. Любимову, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ журналъ, въ редакціи котораго онъ принимаетъ дѣятельное участіе, смотрѣлъ совершенно иначе, можно сказать, діаметрально противоположнымъ образомъ, на университетское управленіе. Тогда „Русскій Вѣстникъ" не подвергалъ сомнѣнію вопросъ—дано-ли университетамъ *самоуправленіе въ точномъ смыслѣ* этого слова. Нѣтъ, онъ необинуясь (см. „Р. В." 1868 г., іюнь. 616 стр.) утверждалъ, что „недавняя реформа (т.-е. уставъ 1863 г.) возвратила нашимъ университетамъ самоуправленіе". „Русскій Вѣстникъ" приходилъ даже въ восторгъ отъ этого. „Какъ бы то ни было, восклицаетъ онъ, самоуправленіе есть благо. Это капиталъ, который въ первые годы можетъ не дать процентовъ, но современемъ, подобно поземельной рентѣ, можетъ удвоиться и утроиться самъ собою". Въ московскомъ университетѣ, помнимъ мы, введеніе новоустановленной системы было истиннымъ праздникомъ.

Теперь, по мнѣнію „Русскаго Вѣстника", университетамъ не дано самоуправленія. Но если это такъ, то второй упрекъ г. Любимова, будто бы новый уставъ узаконилъ *систему невмѣшательства* или, вѣрнѣе, *обязательнаго невниманія властей*, противорѣчитъ первому обвиненію и лишенъ всякаго смысла. Дѣйствительно, только человѣкъ, совершенно невникнувшій въ духъ устава и незнакомый съ исторіею русскихъ университетовъ за послѣдніе годы, можетъ говорить о невниманіи властей къ университетамъ. Всѣмъ извѣстно, что уставъ предоставляетъ министру возможность своимъ одобреніемъ или неодобреніемъ направлять дѣятельность совѣтовъ, утверждать и отвергать всѣхъ оффиціальныхъ представителей университетской корпораціи, ректора и декановъ; что отъ министерства не только зависитъ утвержденіе всѣхъ новыхъ профессоровъ и всѣхъ оставляемыхъ при должности, но что ему даже предоставлено право вводить въ совѣтъ университета совершенно постороннія лица, во-

Digitized by Google

преки желанію университета. Затѣмъ, министру не только предоставлены обширныя права относительно университетовъ, но на немъ лежитъ обязанность заботиться объ ихъ процвѣтаніи. Увѣреніе г. Любимова, будто бы министръ можетъ сказать, что, желая остаться вѣрнымъ духу устава, онъ не счелъ себя въ правѣ направлять или останавливать естественный ростъ живой организаціи—не болѣе какъ софизмъ, ни для кого не убѣдительный, и дѣйствительно, почти нѣтъ русскаго университета, который не могъ бы указать въ послѣдніе годы своей исторіи на прямое или косвенное вмѣшательство со стороны министерства. Не желая перечислять отдѣльные случаи, мы удовольствуемся указаніемъ на отмѣну той существенной статьи устава 1863 г., по которой оставленіе профессоровъ при должности обусловливалось избраніемъ двухъ третей. Если же это вмѣшательство со стороны министерства происходило не чаще, если избранныя совѣтомъ лица и оставленныя имъ при должности всегда утверждались, то это объясняется тѣмъ, что министерство одобряло выборы или не имѣло въ виду съ своей стороны лучшихъ людей вмѣсто избранныхъ.

Увѣреніе же г. Любимова, что если какой-нибудь университетъ придетъ въ упадокъ, то по существующему уставу нельзя отыскать лица, на которое можно было бы возложить нравственную отвѣтственность за это событіе, ибо и министръ, и попечитель, и ректоръ, и каждый изъ членовъ совѣта могутъ умыть себѣ руки и сослаться на коллективное управленіе большинства совѣта — все это только недоразумѣніе, происшедшее оттого, что г. Любимовъ, очевидно, не понимаетъ, что́ значитъ нравственная отвѣтственность, и смѣшиваетъ ее съ отвѣтственностью передъ начальствомъ или передъ судомъ. Мы можемъ увѣрить г. Любимова, что слова „умываю себѣ руки“ никогда ни съ кого не снимали нравственной отвѣтственности. И никакой профессоръ не можетъ оправдать себя указаніемъ на коллегіальность факультетскихъ и совѣтскихъ рѣшеній, если онъ будетъ, напримѣръ, поддерживать недостойнаго кандидата, или изъ личныхъ разсчетовъ заграждать достойнымъ молодымъ людямъ доступъ къ экзаменамъ и степенямъ, или даже если онъ будетъ проводить мнѣнія, недостойныя представителя науки, и подкапывать, такимъ образомъ, уваженіе къ наукѣ, безъ котораго дѣятельность университетовъ не можетъ быть плодотворна.

Итакъ, г. Любимовъ, не вѣря въ чувство „нравственной отвѣтственности“, видитъ одно спасеніе для университетовъ въ „вмѣшательствѣ властей“. Совершенно не такъ разсуждалъ „Русскій Вѣстникъ“ въ той статьѣ, которую мы уже приводили въ назиданіе профессора Любимова. „Русскій Вѣстникъ“ въ 1868 году горячо всту-

Digitized by Google

пился по поводу одного министерскаго назначенія за принципъ „невмѣшательства и невниманія властей",—онъ горько жаловался публикѣ на то, что власти воспользовались своимъ законнымъ правомъ. Министерское вмѣшательство произвело тогда на „Русскій Вѣстникъ", какъ онъ выражался, „впечатлѣніе весьма прискорбнаго свойства". Редакція этого журнала, къ которой принадлежалъ и г. Любимовъ, удивлялась „столь сильному дѣйствію власти", называла это „цензурой, тяжкой исправительной мѣрой", которая можетъ дурно отразиться на нравственности профессоровъ. „Можно ли ожидать,—замѣчалъ почтенный журналъ, уроки котораго профессоръ Любимовъ слишкомъ скоро забылъ,—можно ли ожидать, чтобы въ университетской корпораціи стояло высоко чувство достоинства, когда ея авторитету будутъ наносимы, прямо или косвенно, столь сильные удары?" „Русскій Вѣстникъ" не только порицалъ вмѣшательство властей, но онъ указывалъ на то, что оно можетъ быть основано на ошибочныхъ данныхъ и имѣть въ виду не пользу университета, а посторонніе интересы. „Всякое вмѣшательство, сказано на стр. 634, влечетъ за собою рано или поздно дурныя послѣдствія, если происходитъ изъ постороннихъ дѣлу соображеній и на основаніи невѣрныхъ или недостаточныхъ свѣдѣній". Мы предоставляемъ будущимъ индуктивнымъ историкамъ разрѣшить вопросъ, почему „Русскій Вѣстникъ" въ 1868 году такъ горячо отстаивалъ неприкосновенность университетскаго *самоуправленія*, а въ 1873 году такъ безпощаденъ къ нему; почему въ 1868 году онъ относился такъ враждебно и подозрительно къ вмѣшательству властей въ жизнь университетской корпораціи, а теперь только въ этомъ вмѣшательствѣ видитъ спасеніе для университета?

Третій упрекъ г. Любимова заключается въ томъ, будто бы уставъ 1863 года имѣлъ своимъ слѣдствіемъ расшатываніе отношеній. Это обвиненіе совершенно голословно и принадлежитъ къ числу тѣхъ риторическихъ фигуръ, которыя допускаются только въ іезуитскихъ учебникахъ. Неблагозвучное слово „расшатываніе" опирается на слѣдующихъ двухъ доказательствахъ: 1) Уставъ 1863 года предоставилъ факультетамъ и совѣтамъ право на извѣстныхъ основаніяхъ приглашать въ факультетское собраніе доцентовъ и другихъ преподавателей, не носящихъ званія профессоровъ. Уставъ хотѣлъ избѣгнуть излишней регламентаціи и предоставить самимъ университетамъ рѣшеніе столь несущественнаго въ ихъ жизни вопроса, какъ участіе доцентовъ въ факультетскомъ собраніи. Если бы изъ этой неопредѣленности устава вытекали какія-нибудь неудобства для университетовъ, то ничего не мѣшало имъ испросить у министерства болѣе точныхъ указаній. За этимъ совершенно ничтожнымъ аргументомъ

Digitized by Google

идетъ у г. Любимова другой, по его мнѣнію, болѣе страшный. Въ уставѣ 1835 года было сказано: „каждый университетъ, подъ главнымъ вѣдѣніемъ министра, ввѣряется особенному начальству попечителя". Въ уставѣ 1863 года сказано: „каждый университетъ, подъ главнымъ начальствомъ министра, ввѣряется попечителю». Изъ сличенія этихъ двухъ фразъ г. Любимовъ выводитъ заключеніе, что уставъ 1863 года расшатываетъ отношенія. Г. Любимовъ называетъ это *наблюдательнымъ методомъ*, мы видимъ въ этомъ *обиліе трудовъ фантазіи*.

Четвертое обвиненіе заключается въ томъ, что уставъ расширилъ кругъ дѣятельности совѣта, поручивши его вѣдѣнію также и хозяйственную и полицейскую часть. Г. Любимовъ жалуется, что вслѣдствіе этого дѣла технически-учебнаго свойства заняли второстепенное мѣсто, и что кипучая дѣятельность обнаружилась только въ дѣлахъ о столкновеніяхъ разнаго рода и въ вопросахъ партій и личныхъ интересовъ. Все это г. Любимовъ выводитъ изъ университетскихъ протоколовъ.

Вѣрность наблюдательнаго метода г. Любимова была не разъ подвержена сомнѣнію, даже на болѣе научной почвѣ; и въ данномъ случаѣ протоколы вовсе не доказываютъ, чтобы учебная часть въ университетѣ пострадала отъ хозяйственныхъ занятій совѣта, и чтобъ столкновенія въ совѣтѣ происходили по вопросамъ хозяйственнымъ. Мы бы не знали, почему наблюдательный методъ г. Любимова привелъ его именно къ такому выводу, еслибъ онъ самъ въ этомъ случаѣ не поспѣшилъ открыть намъ глаза. Онъ говоритъ: „необходимо, чтобъ преподаванію была доставлена благопріятная обстановка, удобныя аудиторіи, удобныя помѣщенія для лабораторіи и кабинетовъ, а также для лицъ, завѣдующихъ ими и руководящихъ занятіями студентовъ. Всего этого легче достигнуть, если хозяйственная часть университетовъ будетъ предоставлена особенному строительному комитету при округѣ". Г. Любимовъ, столь долго жившій на казенной квартирѣ, безъ сомнѣнія, вполнѣ компетентный судья въ вопросѣ, насколько удобная казенная квартира можетъ благодѣтельно повліять на преподаваніе. Кто не жилъ на казенной квартирѣ, тотъ не испыталъ этого вліянія и потому не пойметъ нѣжной заботливости г. Любимова объ удобномъ помѣщеніи во время пересмотра университетскаго устава. Очень можетъ быть, что, по мнѣнію г. Любимова, строительный комитетъ при округѣ будетъ внимательнѣе къ интересамъ казенныхъ квартирантовъ, чѣмъ совѣтъ университета; но мы сомнѣваемся, чтобы эта внимательность была въ интересахъ университета или казны. Г. Любимовъ говоритъ, что возможное сокращеніе всякаго рода формальнаго бумагописанія въ высшей степени жела-

Digitized by Google

тельно. Мы вполнѣ раздѣляемъ это желаніе, но полагаемъ, что сношенія лицъ, руководящихъ кабинетами и правленія съ новымъ строительнымъ комитетомъ только удвоятъ формальное бумагописаніе.

Что же касается до полицейской части, то г. Любимовъ жалуется, что учрежденіе университетскаго суда есть мертвая буква. Если это такъ, то можно сказать: слава Богу! Вовсе не желательно, чтобы университетскій судъ, разбирающій проступки студентовъ въ стѣнахъ университета и столкновенія ихъ съ профессорами, находился въ постоянной и непрерывной дѣятельности. Университетскій судъ существуетъ для исключительныхъ случаевъ, и слабая дѣятельность его свидѣтельствуетъ только въ пользу устава 1863 года.

Въ московскомъ университетѣ, впрочемъ, еще прежде было высказано желаніе, чтобы нѣкоторыя мелочныя дѣла, неимѣющія значенія для университета, были предоставлены вѣдѣнію правленія или немногочисленнаго собранія, составленнаго изъ членовъ совѣта. Совѣтъ не ходатайствовалъ объ этомъ предъ министромъ, чтобы не ломать устава, недавно введеннаго. Въ случаѣ же пересмотра устава было бы, конечно, желательно упростить дѣятельность совѣта. Этого можно было бы легко достигнуть, расширивъ административныя права ректора и правленія, предоставивъ, напримѣръ, имъ назначеніе лицъ, неизвѣстныхъ членамъ совѣта — чиновниковъ канцеляріи, библіотекаря и его помощниковъ, помощниковъ проректора, клиническихъ акушерокъ и т. п. Правленіе въ такомъ случаѣ можно было бы увеличить четырьмя членами, по одному съ каждаго факультета, которые бы поступали туда поочереди и мѣнялись ежегодно. Для того, чтобы эти депутаты факультетовъ принимали дѣйствительное участіе въ дѣлахъ правленія, необходимо было бы предоставить лицамъ, считающимъ себя неспособными къ дѣятельности правленія, право отказываться отъ очереди. Дѣла правленія должны были бы рѣшаться большинствомъ голосовъ, а для установленія контроля со стороны совѣта было бы достаточно предоставить меньшинству правленія право перенести дѣло въ совѣтъ.

Самый существенный вопросъ въ жизни университетовъ есть, безъ сомнѣнія, вопросъ о замѣщеніи каѳедръ. Касаясь этого вопроса, г. Любимовъ искажаетъ духъ устава 1863 года. Онъ говоритъ: «уставъ 1863 года указываетъ *одинъ* путь въ назначеніи профессоровъ и доцентовъ — избраніе совѣтомъ, по предложенію кого-либо изъ членовъ факультета, для котораго избирается лицо (путь конкурса, какъ извѣстно, практически не имѣетъ значенія [1]). Право

[1]) Въ этихъ словахъ г. Любимова заключается какъ-бы косвенное обвиненіе совѣтовъ въ томъ, что они не прибѣгаютъ къ конкурсу для замѣщенія открывающихся

Digitized by Google

министра назначать профессоровъ не отвергается абсолютно, но обставлено условіями, при которыхъ пользованіе правомъ имѣетъ видъ дѣйствія, направленнаго противъ университета по недовѣрію или въ наказаніе». На дѣлѣ вовсе не такъ. Замѣщеніе штатныхъ каѳедръ раздѣлено на три отдѣльныхъ дѣйствія и, согласно съ этимъ, распредѣлено между тремя органами. Предложеніе новаго лица предоставлено факультетамъ, или точнѣе, членамъ факультетовъ, оцѣнка посредствомъ баллотировки предоставлена совѣту, утвержденіе баллотировки, то-есть собственно назначеніе предоставлено министру или попечителю, его органу. Такое распредѣленіе совершенно нормально; ни министръ, никто изъ членовъ совѣта при министерствѣ не въ состояніи въ большинствѣ случаевъ лично судить о достоинствахъ кандидатовъ на профессорскія должности. Ихъ вниманіе можетъ быть только возбуждено исключительными обстоятельствами, если избрано лицо, очевидно недостойное, или если устраненъ болѣе достойный кандидатъ. Подобные случаи никогда не могутъ укрыться отъ внимательнаго министерства. Неправильности избранія всегда будутъ указаны результатомъ баллотировки или факультетскими протоколами, или газетными отзывами, или прямыми сношеніями заинтересованныхъ лицъ съ попечителемъ или министромъ. Уставъ 1863-го г. предоставилъ министерству возможность замѣстить постепенно даже всѣ каѳедры по своему усмотрѣнію; оно можетъ не утверждать избранныхъ баллотировкою кандидатовъ, а по прошествіи года со дня освобожденія каѳедры замѣстить ее своимъ кандидатомъ. Напрасно г. Любимовъ думаетъ, что общественное мнѣніе будетъ возмущено подобными дѣйствіями со стороны министерства. Общественное мнѣніе, конечно, можетъ быть введено въ заблужденіе различными органами печати; но въ нормальномъ положеніи общественное мнѣніе всегда будетъ только одобрять такія дѣйствія министерства, которыя, очевидно, клонились къ пользѣ преподаванія. Взглядъ, что вмѣшательство министерства въ выборы можетъ быть наказаніемъ университету, не принадлежитъ общественному мнѣнію, а былъ высказанъ въ русской печати, какъ мы видѣли, только тѣмъ органомъ, къ редакціи котораго принадлежитъ г. Любимовъ. При

вакансій. Но вѣдь конкурсъ можетъ имѣть значеніе лишь тамъ, гдѣ есть много желающихъ занимать вакантныя каѳедры и много кандидатовъ съ соотвѣтствующими учеными степенями. Этого-то именно и нѣтъ пока въ Россіи. Нѣкоторыя каѳедры остаются незамѣщенными не потому, что университеты не прибѣгаютъ къ конкурсу, а потому, что вслѣдствіе объявленія конкурса не выростутъ изъ земли неизвѣстные факультету ученые. Конкурсъ успѣшно примѣнялся къ тѣмъ случаямъ, гдѣ можно было дѣйствительно разсчитывать на конкурренцію, напримѣръ, при замѣщеніи мѣстъ лекторовъ французскаго и нѣмецкаго языковъ.

Digitized by Google

такой щепетильности по отношенію къ контролю министерства можно было бы ожидать, что г. Любимовъ потребуетъ новыхъ гарантій для независимости университетскихъ выборовъ; но совершенно наоборотъ, онъ требуетъ прямыхъ министерскихъ назначеній, отказавшись отъ прежней подозрительности „Русскаго Вѣстника", который въ 1868 году возбудилъ на своихъ страницахъ глубокомысленный вопросъ: „Развѣ административныя лица, облеченныя властью назначать людей на разныя должности и повышать ихъ по службѣ, обезпечены отъ всякихъ ошибокъ?" Впрочемъ, гарантіей противъ злоупотребленій при такомъ порядкѣ, г. Любимовъ выставляетъ общественное мнѣніе, впадая при этомъ въ тотъ либерализмъ, противъ котораго онъ такъ ополчился въ началѣ своей записки. Самъ онъ, впрочемъ, не твердо увѣренъ въ достаточности этой гарантіи, ибо говоритъ: „злоупотребленій при прямыхъ университетскихъ назначеніяхъ, когда есть хотя мало-мальски развитое общественное мнѣніе, едвали можно опасаться въ большей мѣрѣ и т. д.". Но вопросъ именно въ томъ, существуетъ ли это развитое общественное мнѣніе въ вопросахъ о замѣщеніи каѳедръ, и кого считать выраженіемъ этого общественнаго мнѣнія? Мы съ своей стороны предпочитаемъ, чтобы столкновенія по поводу выборовъ, если они неизбѣжны, происходили въ предѣлахъ университетской корпораціи, чѣмъ внѣ ея предѣловъ, на поприщѣ общественнаго мнѣнія и газетной полемики. И мы предпочитаемъ теперешній контроль со стороны министерства надъ дѣйствіями университетскихъ совѣтовъ относительно избранія профессоровъ—контролю надъ дѣйствіями министерства со стороны общественнаго мнѣнія, т.-е. (по понятіямъ г. Любимова) „Русскаго Вѣстника" и его сотрудниковъ. Но, ссылаясь на общественное мнѣніе, какъ на панацею противъ злоупотребленій со стороны министерства, г. Любимовъ указалъ только на отрицательныя выгоды новаго способа; какія же прямые доводы приводитъ онъ въ пользу замѣны баллотировки прямымъ министерскимъ назначеніемъ? Онъ указываетъ на мнѣніе меньшинства московскаго университета, состоявшагося при обсужденіи проекта устава 1863-го г.: 1) „Корпорація, которая не имѣетъ другихъ средствъ обновленія кромѣ собственнаго выбора, легко можетъ превратиться въ замкнутый кружокъ съ исключительнымъ направленіемъ и съ личными пристрастіями". Но для предупрежденія этого уставъ 1863-го г. и подчинилъ всѣ выборы университетскіе министерскому контролю и, предоставляя министру утвержденіе, низвелъ баллотировку собственно на степень рекомендаціи. 2) „Университетъ не есть частное общество, независимое отъ правительства, а государственное учрежденіе, установленное для государственныхъ цѣлей и получающее содержаніе отъ казны"—это неоспоримая истина, изъ которой

Digitized by Google

ничего не вытекаетъ для даннаго случая. 3) „Люди, пріобрѣтшіе громкую репутацію своими учеными трудами могутъ быть извѣстными и не-спеціалистамъ", — конечно, но каѳедры очень рѣдко замѣщаются людьми съ громкою репутаціей, обыкновенно же только людьми, которые имѣютъ составить себѣ свою репутацію. 4) „Министръ по своему положенію имѣетъ то преимущество, что стоитъ выше личныхъ столкновеній"—мы съ этимъ не споримъ, но министръ по своему положенію долженъ руководиться при замѣщеніи каѳедръ по всѣмъ существующимъ наукамъ и во всѣхъ русскихъ университетахъ указаніями людей, которые вовсе не безпристрастнѣе въ случаѣ личныхъ столкновеній, чѣмъ большинство членовъ совѣта и менѣе способны судить о достоинствѣ мѣстныхъ кандидатовъ. 5) „Примѣры европейскихъ университетовъ, гдѣ назначеніе профессоровъ предоставлено министерствамъ и примѣры обновленія русскихъ университетовъ этимъ же путемъ." За границей эта мѣра вызвана условіями и обставлена гарантіями, которыхъ нѣтъ въ Россіи. Въ германскихъ университетахъ нѣтъ опредѣленнаго штата профессоровъ и нѣтъ опредѣленнаго содержанія. Всякое новое лицо, особенно если оно имѣетъ за собой громкую репутацію, вступаетъ въ университетъ на особыхъ денежныхъ условіяхъ, переговоры же объ этихъ условіяхъ и опредѣленія ихъ естественно вызываютъ необходимость предоставить все дѣлопроизводство администраціи. Что этотъ способъ не устраняетъ пристрастія и столкновеній, доказывается исторіей всѣхъ университетовъ. Всѣ германскіе университеты переживали эпохи процвѣтанія и сравнительнаго упадка нерѣдко по винѣ завѣдывавшихъ ими лицъ. Если же административная опека не приводила къ худшимъ результатамъ, то это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что нѣмецкіе университеты глубже коренятся въ народной жизни; во-вторыхъ, многочисленностью ученыхъ силъ и сравнительной легкостью замѣщенія каѳедръ; въ-третьихъ, обычаями студентовъ, которые рѣдко проводятъ всѣ свои семестры въ одномъ только университетѣ, но имѣютъ возможность отправляться туда, куда ихъ привлекаютъ извѣстные профессора; въ-четвертыхъ, политическою раздробленностью Германіи, вслѣдствіе которой каждое государство старалось наперерывъ передъ другими о процвѣтаніи своего университета, и администраціи поставлено было при этомъ въ необходимость болѣе или менѣе руководствоваться общественнымъ мнѣніемъ, созданнымъ не газетами, а многочисленными спеціально-учеными органами. Что же касается до примѣровъ обновленія русскихъ университетовъ административнымъ путемъ, то рядомъ съ этимъ существуютъ примѣры противоположнаго характера. Не обращаясь къ суду исторіи, мы можемъ только сказать, что чѣмъ болѣе будетъ развиваться въ Россіи науч-

Digitized by Google

ная жизнь, тѣмъ менѣе русскіе университеты будутъ нуждаться въ административномъ обновленіи.

Съ избраніемъ профессоровъ тѣсно связанъ вопросъ объ оставленіи ихъ при должности, и во-вторыхъ, о доцентахъ и приватъ-доцентахъ. Въ Германіи, гдѣ нѣтъ опредѣленнаго штата профессоровъ, ученый остается при университетѣ, пока болѣзнь и старость не лишатъ его совершенно возможности преподаванія. Неудобство такого обычая устраняется тѣмъ, что рядомъ съ состарѣвшимся преподавателемъ дѣйствуютъ другія лица въ званіи экстраординарныхъ или ординарныхъ профессоровъ. Если бы наше министерство располагало лишнею сотней тысячъ рублей ежегодно, примѣненіе у насъ заграничнаго обычая устранило бы всякія неудобства. Но при ограниченности штатовъ только въ исключительныхъ случаяхъ становится возможнымъ имѣть двухъ профессоровъ по одному предмету, и это достигается лишь тѣмъ, что другія каѳедры остаются незамѣщенными или заняты только доцентами. И потому теперь нерѣдко приходится жертвовать или интересами лицъ, или интересами преподаванія, такъ какъ долголѣтнее замѣщеніе каѳедры однимъ лицомъ можетъ иногда вредно отражаться на самомъ преподаваніи, во всякомъ же случаѣ вредно тѣмъ, что заграждаетъ путь въ университеты молодымъ силамъ и даже заставляетъ ихъ избирать иную карьеру. Съ другой стороны, нельзя не войти въ положеніе многихъ заслуженныхъ лицъ, которымъ грозитъ послѣ долголѣтней службы забаллотировка и ничтожная пенсія, съ помощію которой невозможно прокормить семью. Уставъ 1863 г. имѣлъ въ виду исключительно интересы преподаванія, быстрое обновленіе лицъ, и потому обусловливалъ дальнѣйшее оставленіе профессоровъ въ университетѣ новымъ избраніемъ двумя третями. Эта мѣра была отмѣнена, вѣроятно, въ виду справедливаго вниманія къ интересамъ заслуженныхъ преподавателей. Но при теперешнемъ положеніи дѣла не обезпечены ни личные интересы, ни интересы преподаванія, такъ какъ только въ исключительныхъ случяяхъ можно ожидать отъ Совѣта выраженіе своего недовѣрія къ баллотирующемуся лицу, которое вслѣдствіе этого недовѣрія иногда лишается средствъ къ жизни. Поэтому единственное средство для избѣжанія указаннаго затрудненія заключается въ возвращеніи къ уставу 1835 года, по которому пенсія равнялась окладу, и такимъ образомъ уравнять и нынѣ пенсіи съ полнымъ окладомъ и вмѣстѣ лишить профессоровъ, продолжающихъ службу послѣ 25 лѣтъ, права получать пенсію при окладѣ. Тогда будутъ оставаться въ университетѣ только лица еще чувствующія въ себѣ призваніе къ преподаванію, а съ другой стороны Совѣтъ будетъ имѣть возможность строже разбирать достоинства баллотируе-

Digitized by Google

мыхъ. При этомъ конечно не слѣдуетъ забывать, что самое оставленіе при должности исключительно зависитъ отъ министерства, которое можетъ не утвердить переизбранное лицо, а въ случаѣ забаллотированія достойнаго по его мнѣнію профессора, назначить его сверхштатнымъ или даже штатнымъ.

Что же касается до доцентуры, то учрежденіе ея едва ли принесло ту пользу, которую можно было отъ нея ожидать. Она представляетъ тѣ неудобства, что Совѣты, избирая доцентовъ, часто не въ состояніи судить о преподавательскихъ достоинствахъ молодого магистра, а между тѣмъ избраніе доцента лишаетъ университетъ возможности привлечь къ преподавательской дѣятельности другихъ молодыхъ людей. Поэтому мы думаемъ, что было бы полезно предоставить магистрамъ право быть экстраординарными профессорами—(магистерскія и докторскія диссертаціи отъ сего только выиграютъ въ серьёзности), доцентуру же совершенно уничтожить. Штатная сумма, предназначенная для доцентовъ, значительно увеличенная, могла бы быть предоставлена въ распоряженіе факультетовъ подъ контролемъ Совѣта и попечителя съ тѣмъ, чтобы факультетъ имѣлъ право приглашать къ преподаванію различныхъ молодыхъ людей по разнымъ спеціальностямъ, а также выдавать вознагражденіе приватъ-доцентамъ въ случаѣ одобренія ихъ дѣятельности со стороны факультета. Такимъ образомъ, при каждомъ факультетѣ образовалась бы цѣлая семинарія молодыхъ болѣе или менѣе испытанныхъ преподавателей, изъ которыхъ бы избирались кандидаты на каѳедры. Такъ какъ такимъ образомъ число читаемыхъ въ университетѣ лекцій значительно бы увеличилось, то можно было бы необязательныя лекціи какъ профессоровъ, такъ и преподавателей и приватъ-доцентовъ перенести на вечерніе часы. На эти вечернія лекціи являлись бы студенты всѣхъ факультетовъ и это послужило бы къ поднятію уровня общаго образованія, которое теперь недоступно студентамъ нашихъ спеціальныхъ факультетовъ. Извѣстно, какое значеніе имѣютъ въ Германіи лекціи, предназначенныя для студентовъ безъ различія факультетовъ, и въ какой степени эти лекціи поддерживаютъ живую связь между различными отраслями наукъ, безъ которой университетъ недостоинъ своего названія. Для этой цѣли лекціи читаются отъ 7 часовъ утра до 7 вечера, и нѣтъ ни одного порядочнаго студента, который кромѣ своихъ спеціальныхъ лекцій не прослушалъ нѣсколько курсовъ по родственнымъ спеціальностямъ или по общеобразовательнымъ предметамъ.

Постараемся теперь сдѣлать выводъ изъ мнѣнія г. Любимова о необходимыхъ реформахъ университетскаго устава, насколько это возможно при неясности и увертливости этого мнѣнія. Въ пылу сво-

Digitized by Google

его негодованія противъ канцелярскаго либерализма, г. Любимовъ впалъ въ противоположную крайность. Узнавши, что предполагается пересмотръ устава, онъ счелъ долгомъ забѣжать впередъ, заявить не только въ Совѣтѣ, но и въ печати, что уставъ 1863 г. никуда не годится, что онъ вреденъ въ своихъ основаніяхъ, что его слѣдуетъ не только пересмотрѣть, но совершенно отмѣнить. Въ увлеченіи свой цензорской дѣятельности онъ готовъ даже вмѣстѣ съ уставомъ принести въ жертву и самые университеты—ибо къ этому клонятся предлагаемыя г. Любимовымъ реформы. Онъ предлагаетъ, скрывая свое мнѣніе за разными оговорками, уничтожить Совѣтъ, центральный органъ университетовъ, который служитъ связью для частей и даетъ жизненную силу цѣлому, подчинить университеты какому-то строительному комитету и раздробить университетъ на четыре чуждыхъ другъ другу спеціальныя школы. Онъ предлагаетъ замѣнить теперешнюю гласную и громкую *рекомендацію* кандидатовъ на профессорскія должности посредствомъ баллотировки Совѣта—какой-то другой рекомендаціей, которая должна имѣть значеніе простой формальности и не должна лишить заинтересованныхъ кандидатовъ возможности искать иныхъ посредниковъ между собой и министерствомъ. Насколько отъ этого выиграетъ наука, мы предоставляемъ судить читателямъ; но въ одномъ отношеніи разсчетъ г. Любимова вѣренъ: число людей раздѣляющихъ его убѣжденія должно увеличиться въ университетахъ, и если на этотъ разъ мнѣніе г. Любимова было *единогласно* отвергнуто въ Совѣтѣ московскаго университета, то при успѣшномъ развитіи его системы онъ въ будущемъ не подвергнется подобной опасности.

Отъ профессоровъ перейдемъ къ студентамъ. Въ своей запискѣ г. Любимовъ предлагаетъ отмѣнить курсовые экзамены и подвергать студентовъ прямо экзамену на степень, который долженъ производиться особой экзаменаціонной коммиссіей по опредѣленной напередъ и утвержденной министерствомъ программѣ.

Извѣстно, что уставъ 1863 г. предоставилъ совѣтамъ большой просторъ относительно экзаменовъ и контроля надъ занятіями студентовъ. Мѣра, предлагаемая г. Любимовымъ, давно предлагалась различными лицами, и если ни одинъ изъ университетовъ не рѣшился принять ее, то это объясняется неудобствами и затрудненіями, сопряженными съ отмѣной курсовыхъ экзаменовъ. Раздѣленіе преподавательскихъ и экзаменаторскихъ обязанностей, отмѣна курсовыхъ экзаменовъ и экзаменъ прямо на степень были бы въ высшей мѣрѣ желательны, и рано или поздно войдутъ въ обычай. Нѣкоторые факультеты уже теперь стремятся достигнуть этого нормальнаго положенія, вводя у себя необязательные курсы и подраздѣле-

Digitized by Google

нія факультетскихъ предметовъ на нѣкоторыя группы. Только неподготовленность большинства студентовъ заставила, напримѣръ, историко-филологическій факультетъ московскаго университета отказаться отъ своего первоначальнаго плана и ограничиться раздѣленіемъ, начиная только съ 4-го курса.

Вышеуказанная мѣра встрѣтила бы значительныя затрудненія, если бы получила силу всеобщаго постановленія. Во-первыхъ, какимъ образомъ составить экзаменаціонную коммиссію, откуда взять экзаменаторовъ помимо профессоровъ, особенно въ провинціи. А если коммиссія будетъ состоять изъ профессоровъ, читающихъ въ университетѣ, то экзаменъ естественнымъ образомъ получитъ прежній характеръ, т.-е. экзамена по литографированнымъ профессорскимъ лекціямъ, съ той только разницей въ ущербъ студентамъ, что имъ придется сдавать экзаменъ съ разу за четыре года и съ трудомъ добывать старыя лекціи. О программѣ для каждаго предмета, съ указаніемъ напечатанныхъ сочиненій, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ по многимъ предметамъ или вовсе нельзя указать напечатанныхъ сочиненій, или придется указывать на сочиненія на иностранныхъ языкахъ и заставлять студентовъ пріобрѣтать цѣлыя библіотеки. Экзаменъ по программѣ можетъ имѣть смыслъ только при большой строгости, иначе обратится въ формальность и сдѣлаетъ студентовъ еще болѣе равнодушными къ посѣщенію лекцій. Строгость же немыслима при неподготовленности значительнаго числа студентовъ и потребности въ лицахъ, окончившихъ университетскій курсъ для государственной службы. При отмѣнѣ курсовыхъ экзаменовъ лучшіе студенты выиграютъ и спеціализація между ними увеличится; большинство же проиграетъ и уровень общаго образованія еще болѣе понизится. Поэтому, нужно предоставить каждому университету и даже каждому факультету право по своимъ мѣстнымъ условіямъ рѣшать вопросъ объ отмѣнѣ курсовыхъ экзаменовъ и входить съ ходатайствомъ объ этомъ въ министерство.

Въ концѣ своей записки г. Любимовъ касается вопроса о платѣ за слушаніе лекцій и неудобствъ, проистекающихъ оттого, что университетамъ ежегодно приходится исключать за невзносъ платы нѣкоторое число студентовъ или же прибѣгать къ общественной благотворительности. Для устраненія этихъ неудобствъ г. Любимовъ предлагаетъ, между многими благими пожеланіями, одну только радикальную мѣру—„взимать при самомъ поступленіи въ университетъ плату за всѣ четыре года впередъ (!!!!), хотя и нѣсколько уменьшенную". Г. Любимовъ напоминаетъ при этомъ доктора, который, не зная какъ излечить болѣзнь, предложилъ удавить больного. Мы не станемъ распространяться о возмутительности такого высокаго ценза для

Digitized by Google

университетскаго образованія, который, дѣйствительно, придала бы взиманію платы тотъ *одіозный* характеръ, о которомъ говоритъ г. Любимовъ. Противъ бѣдности нѣтъ радикальныхъ средствъ, и общественную благотворительность нельзя регламентировать, какъ этого желаетъ г. Любимовъ. Университетамъ предоставлено по своему усмотрѣнію дѣлать недостаточнымъ студентамъ различныя облегченія. Московскій университетъ освобождаетъ отъ платы только тѣхъ изъ недостаточныхъ студентовъ, которые въ среднемъ баллѣ имѣютъ 4; можно было бы понизить этотъ баллъ и дѣлать льготы тѣмъ, которые по болѣзни были принуждены остаться на томъ же курсѣ: можно, какъ упоминаетъ г. Любимовъ, отсрочивать взиманіе платы до того времени, когда окончившій курсъ поступитъ на службу: можно устроить особое общество для вспомоществованія бѣднымъ студентамъ, подобное тому, какое существуетъ при ярославскомъ лицеѣ, или тому, какое нѣсколько лѣтъ тому назадъ имѣлось въ виду учредить въ Москвѣ — общество, которое бы сняло съ правленія и проректора заботы объ участи тѣхъ лицъ, которыя подлежатъ исключенію. Но все это не относится къ пересмотру устава, и весь этотъ вопросъ о недостаточныхъ студентахъ былъ возбужденъ г. Любимовымъ, чтобы бросить лишнюю тѣнь на уставъ 1863 года.

Спѣшимъ сдѣлать выводъ изъ всего вышесказаннаго. Если жизнь русскихъ университетовъ представляетъ нѣкоторыя неудовлетворительныя стороны, то за это нельзя винить уставъ 1863 г., который дѣйствуетъ всего только девять лѣтъ и среди обстановки, созданной уставомъ 1835 года. Можно сказать только, что нѣкоторыя статьи новаго устава страдаютъ неопредѣленностью (напримѣръ, статья о доцентахъ), а потому этотъ уставъ нуждается только въ пересмотрѣ чисто редакціоннаго характера. Если же бы министерство считало нужнымъ подвергнуть уставъ болѣе коренному пересмотру, то было бы желательно, чтобъ въ этомъ пересмотрѣ приняли участіе депутаты со стороны университетовъ, и чтобы проектъ пересмотрѣннаго устава былъ разосланъ на обсужденіе совѣтовъ. Во всякомъ случаѣ нужно надѣяться, что пересмотрѣнный уставъ сохранитъ за университетами двѣ существенныя черты устава 1863 г.: почетное и независимое положеніе университетовъ, и выборъ профессоровъ совѣтской баллотировкой. Эти два принципа необходимы для процвѣтанія русскихъ университетовъ. Внесеніе этихъ принциповъ въ уставъ 1863 г. было справедливой данью уваженія къ молодой русской наукѣ послѣ печальнаго періода пренебреженія ею; а потому уставъ 1863 г., какова бы ни была будущая судьба его, всегда останется отраднымъ явленіемъ въ исторіи русскаго просвѣщенія.

В. Герье.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое апрѣля, 1873.

Сессія дворянства петербургской губерніи.—Вопросъ о всесословной волости.—Проекты гг. Платонова и Савельева.—Основанія кн. Лобанова-Ростовскаго.—Мнѣніе уѣздной земской управы.—Порядокъ преній собранія.—Основанія проекта о воинской повинности.—Вопросъ объ организаціи арміи.—Сроки.—Изъятія и льготы.

Устройство учрежденій мѣстнаго самоуправленія, какъ и учрежденій государственныхъ въ разныхъ странахъ и въ разные моменты народной жизни, происходило двоякимъ путемъ: учрежденія или исторически развивались постепенно изъ зачатковъ древнихъ, почти до-историческихъ, какъ англійское графство и выросшая изъ той же органической клѣточки англійская конституція; или создавались цѣликомъ вновь, либо потому, что учрежденій извѣстнаго рода вовсе не было и въ зачаткѣ, либо потому, что прежняя форма такихъ учрежденій была снесена внезапною перемѣной въ политической жизни народа. Тотъ и другой путь учредительнаго творчества представляетъ и удобства и неудобства. О выгодахъ постепенной, медленной выработки учрежденій, то-есть, о естественности и прочности такой выработки, а также и о важныхъ неудобствахъ ея, именно той тугости, съ какою высшіе, руководящіе классы дѣлаютъ уступки низшимъ классамъ и допускаютъ ихъ къ участію въ управленіи, и той необыкновенной живучести, которая при этомъ ходѣ развитія высказывается иногда формами, очевидно, обветшалыми, даже дикими—нѣтъ нужды распространяться. Еще менѣе представляется надобности напоминать объ удобствахъ и невыгодахъ другого пути, пути, если можно такъ выразиться—одновременнаго строительства, напоминать, что только при коренной, одновременной перестройкѣ или постройкѣ возможно соблюденіе всѣхъ раціональныхъ условій, то-есть тѣхъ условій, которыя въ данное время представляются раціональ-

Digitized by Google

ными „лучшимъ людямъ“, но что за то подобныя постройки по большей части „не имѣютъ для себя подготовленной почвы“, „на дѣлѣ оказываются эфемерными“ и нерѣдко подвергаются „общей ломкѣ“.

Все это извѣстно-переизвѣстно, обо всемъ этомъ едва ли гдѣ болѣе чѣмъ въ Россіи за послѣднія лѣтъ пятнадцать было писано и говорено. Сравненіе англійской прочности съ французской непрочностью не менѣе надоѣло русскому читателю, какъ и безконечныя варіаціи на Гнейстовскую тему о важности мѣстнаго самоуправленія, какъ корня самоуправленія въ жизни государственной. Но тема гораздо менѣе избитая, „заигранная“, у насъ, и между тѣмъ начинающая все болѣе и болѣе пробиваться въ нашихъ совѣщаніяхъ и бесѣдахъ, есть мысль такого рода: что особенно трудно созданіе мѣстнаго самоуправленія тамъ, гдѣ его доселѣ не было, гдѣ приходится насаждать его по иностраннымъ примѣрамъ, и гдѣ, между тѣмъ, затрудненіе оказывается не столько въ томъ, какую именно иностранную форму перенять, какую признать болѣе раціональною, но прежде всего въ томъ, что *нѣтъ денегъ* для осуществленія какой-либо болѣе или менѣе превосходной изъ этихъ иностранныхъ формъ. Въ дѣйствительности, дѣло у насъ обстоитъ именно такъ, и главное наше затрудненіе именно таково, какъ сейчасъ сказано, то-есть, не имѣетъ отношенія къ политической философіи, и представляетъ нѣчто крайне вульгарное и даже мелкое по идеѣ, но никакъ не по реальному значенію: денегъ нѣтъ, страна бѣдна, населеніе обременено налогами, людей, живущихъ капиталомъ и занимающихся самоуправленіемъ изъ любви къ отечеству или изъ respectability у насъ нѣтъ! Назначать высокіе оклады за самоуправленіе—выйдетъ, пожалуй, что и все-то самоуправленіе окладовъ этихъ не стоитъ. Не назначать окладовъ—никто не пойдетъ служить; сдѣлать службу обязательною—все-таки станутъ уклоняться. Самоуправленіе и въ томъ видѣ, какъ оно есть, обходится уже достаточно дорого крестьянамъ. Въ газетѣ „Русскій Міръ“ недавно приводили о Тиганьчской волости, въ Кіевской губерніи, Каневскаго уѣзда, такой разсчетъ, основанный на данныхъ 1864 года, что волость эта, около 2500 крестьянъ мужескаго пола, получила въ годъ за полевыя и фабричныя работы до 55 т. рублей, на подати и сборы всякаго рода издержала до 18 т. рублей и пропила (по количеству потребленія и цѣнѣ градуса спирта) до 31½ тысячъ рублей. Цифры эти приводятся для доказательства, какимъ тяжкимъ бременемъ лежитъ на народѣ потребленіе вина. Послѣдняя цифра не внушаетъ довѣрія, такъ какъ добыть ее съ точностью весьма трудно и, сверхъ того, если сложить ее съ цифрою сборовъ, то выходитъ, что населеніе должно было содержать себя всего на

Digitized by Google

какіе-нибудь 5 т. рублей въ годъ, то-есть за 1 рубль на душу въ годъ, предполагая въ волости 5 т. душъ обоего пола, что, очевидно, нелѣпо. Но цифры заработковъ и въ особенности сборовъ могутъ быть опредѣляемы съ нѣкоторой достовѣрностью. Если ихъ принять, то изъ указаннаго газетою примѣра истекаетъ совсѣмъ не то поученіе, для какого онъ приводился; оказывается, что почти треть всего заработка волости уходила на уплату податей и сборовъ. Мы никогда не отрицали тягости пьянства для народа, не отрицали и факта, что пьянство возросло или возрастаетъ. Но изъ приведенныхъ цифръ ясно только одно, именно, что въ названной волости тягость податей и сборовъ сравнительно съ заработками чрезмѣрна. Представьте себѣ для уясненія, что землевладѣлецъ или чиновникъ, получающій въ годъ 3 т. рублей, обложенъ налогомъ въ размѣрѣ трети этого дохода. Вотъ гдѣ, повторяемъ, главное препятствіе къ осуществленію у насъ того или другого превосходнаго иноземнаго образца мѣстнаго самоуправленія.

Эта сущность дѣла пробивалась и въ преніяхъ чрезвычайной сессіи дворянства петербургской губерніи, въ прошломъ мѣсяцѣ, на которой обсуждался вопросъ объ устройствѣ всесословныхъ волостей. Къ сожалѣнію, однако, вся постановка вопроса не была сосредоточена около этого важнѣйшаго практическаго затрудненія, а наоборотъ, задумана была, такъ сказать, свысока, съ вершины теоретическихъ соображеній самаго отвлеченнаго и безплоднаго свойства, соображеній политической философіи и исторіи культуры, однимъ словомъ, съ тѣхъ общихъ мѣстъ, которыя мы резюмировали на первой страницѣ нашей бесѣды. Въ объяснительныхъ запискахъ, которыми сопровождались представленные собранію проекты, указывались всевозможные политическіе и экономическіе поводы къ переустройству нынѣшней волости: неудовлетворительность уѣздныхъ, земскихъ и административныхъ учрежденій, нераціональность общиннаго владѣнія, несовершенство нынѣшняго волостного управленія и суда, неудобство нынѣшняго разобщенія помѣщиковъ и крестьянъ, необходимость внесенія въ волость образованнаго элемента, политическая важность правильно устроеннаго самоуправленія, въ противоположность „деспотизму“ и „соціализму“, политическая необходимость для самого дворянства вступить въ ряды народа и сохранить почетную роль руководительства, приличную ему, какъ наиболѣе образованному сословію.

Такова была высота теоретическихъ соображеній, которыми обставлялись проекты. При обсужденіи же ихъ стала пробиваться сущность дѣла уже и въ то время, когда обсужденіе держалось еще въ области теоріи.

Digitized by Google

Дворянству указывали въ одно и то же время и на очевидность собственной его *выгоды*, и на необходимость съ его стороны *жертвы*. При дальнѣйшемъ обсужденіи оказалось, что большинство ораторовъ, а затѣмъ и самого собранія, стремясь къ установленію полной солидарности всѣхъ членовъ волости, въ то же время опасалось, что крестьянское большинство всесословной волости непремѣнно обратитъ эту солидарность въ чрезмѣрное обложеніе помѣщиковъ сборами, воспользуется, такъ сказать, распростертыми навстрѣчу ему братскими объятіями для того, чтобы запустить свои руки въ дворянскій карманъ. Это именно соображеніе показалось собранію убѣдительнѣе всѣхъ прочихъ, въ томъ числѣ и благодѣтельности самоуправленія по сравненію съ „деспотизмомъ" и „соціализмомъ", такъ какъ оба представленныхъ проекта были отвергнуты, а въ наказъ новой коммиссіи по тому же предмету дано было, по предложенію князя Лобанова-Ростовскаго, въ видѣ главнаго основанія, такое начало, чтобы „отклонить всякое предположеніе о всесословной волости *хозяйственной*, съ волостными *повинностями*", а вторымъ основаніемъ положено, чтобы новый проектъ ни въ какомъ случаѣ не предполагалъ увеличенія уѣздныхъ расходовъ.

Изъ этого рѣшенія собранія слѣдуетъ, что вся работа по составленію проектовъ о всесословной волости и три четверти, по меньшей мѣрѣ, всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ по поводу ихъ въ собраніи, были совершенно излишни. Если бы на первомъ мѣстѣ во всемъ этомъ вопросѣ могли стоять теоретическія соображенія, а не отсутствіе средствъ, то проектъ всесословной волости могъ бы быть импровизованъ въ нѣсколькихъ словахъ: учредить выборную волостную управу изъ грамотныхъ людей, получающихъ рублей 300 жалованья, волостного голову изъ лицъ кончившихъ курсъ уѣзднаго училища, съ жалованьемъ такимъ, какое получаетъ управляющій большого имѣнія, т.-е., примѣрно 1,500 рублей, а вмѣсто волостного суда учредить въ каждой волости мировой участокъ. Раціональнѣе такого устройства трудно что-нибудь придумать, а если дворянское собраніе здѣшней губерніи и дворянскія собранія другихъ губерній усмотрѣли бы въ этомъ устройствѣ ту опасность, что крестьянское большинство обратитъ всесословную волость въ оружіе для обремененія помѣщиковъ, для эксплуатаціи „тѣхъ, у кого нѣчто есть, тѣми, у кого этого нѣтъ"—какъ выразился одинъ изъ ораторовъ,—то въ такомъ случаѣ единственное, что можно бы сказать дворянству, было бы, что дворянскія представительства напрасно и разсматриваютъ вопросъ объ учрежденіи всесословной волости. Она есть не что иное, какъ полная солидарность всѣхъ жителей волостного околотка; затѣмъ, если дворянскія собранія станутъ все-таки заниматься сочиненіемъ

Digitized by Google

проектовъ о всесословной волости съ точки зрѣнія преимущественно опасенія эксплуатаціи помѣщиковъ крестьянами, то цѣль такихъ занятій будетъ вполнѣ ясна; будетъ ясно, что дворяне имѣютъ въ виду не слиться съ волостью, но подчинить себѣ волость.

Можно ли сказать это и теперь, въ примѣненіи къ бывшей чрезвычайной сессіи дворянства петербургской губерніи? Нѣтъ, это было бы несправедливо. Правда, „опасеніе", о которомъ упомянуто, играло не послѣднюю роль и въ рѣчахъ, и въ постановленіи собранія; но оно не было главной преоккупаціею его въ настоящемъ дѣлѣ. Это было видно какъ изъ проекта и записки г. Савельева, направленныхъ преимущественно въ смыслѣ сліянія и уравненія, такъ и изъ соображеній противъ присвоенія крупнымъ собственникамъ особыхъ преимуществъ, напримѣръ, правъ старостъ, высказанныхъ нѣсколькими лицами. Правда, собранію былъ представленъ другой проектъ, проектъ г. Платонова, которымъ предполагалось нѣкоторое единодержавіе волостного головы, которому присвоивались и званіе мирового судьи, и полицейская власть, и даже акцизный надзоръ,—но этотъ проектъ былъ отвергнутъ собраніемъ почти единогласно. Итакъ, нельзя сказать, что дворянство петербургской губерніи сознательно смотрѣло на устройство всесословной волости, какъ на удочку для улова крестьянской волости въ свои руки. Судя по преніямъ, слѣдуетъ скорѣе признать, что этотъ вопросъ засталъ здѣшнее дворянство врасплохъ, какъ большею частью у насъ всѣ вопросы застаютъ всякія собранія. Было тутъ и желаніе въ самомъ дѣлѣ улучшить нынѣшнее положеніе дѣла, создать нѣчто лучшее съ чисто-раціональной точки зрѣнія, и вмѣстѣ сознаніе, что лучшее устройство потребуетъ новыхъ расходовъ, а для расходовъ положительно нѣтъ средствъ. Былъ и естественный инстинктъ подражанія чужимъ примѣрамъ: то, что издавна, повидимому, такъ успѣшно дѣйствуетъ въ Англіи должно быть хорошо и для насъ; то, что Пруссія, несмотря на упоеніе своимъ государственнымъ могуществомъ, такъ спѣшитъ устроить у себя какъ можно раціональнѣе, должно быть необходимо и намъ. Было и убѣжденіе, что безъ окладовъ, какъ въ Англіи, у насъ служить не станутъ, а потому надо ввести обязательность службы, ибо на оклады нѣтъ средствъ. Сознавалось вмѣстѣ и то, что масса у насъ невѣжественна въ сравненіи съ массою народа въ Пруссіи и что, стало быть, нужна большая дóза опеки, но опять не такой опеки, которая вела бы къ эксплуатаціи, а такой идеальной опеки, которая опекала бы крестьянъ въ крестьянскомъ же интересѣ. Были и такія соображенія, что дворянству нынѣ не остается никакой роли, а между тѣмъ ему роль необходима; наконецъ, было, повторяемъ, замѣтно и поползновеніе къ установленію патримоніальной полиціи,

Digitized by Google

но сознанное не всѣми, не большинствомъ. Самая разнородность и если можно такъ выразиться, распущенность мнѣній и взглядов вызванныхъ этимъ вопросомъ въ дворянскомъ собраніи, едва-ли и доказывала болѣе всего тотъ фактъ, что дворянство у насъ вовс не существуетъ въ видѣ корпораціи одномышленниковъ, фактъ, к торый мы признаемъ утѣшительнымъ, но который естественно ли шаетъ дворянство всякой силы дѣйствія и заставляетъ самыя пре нія его идти въ разбродъ.

Проекты устройства всесословной волости, составленные один г. Платоновымъ, другой г. Савельевымъ, и бившіе предметомъ пре ній собранія, отвергнуты имъ оба; стало быть, достаточно будетъ охарактеризовать оба эти проекта нѣсколькими словами. Проект г. Платонова нужно отдать преимущество въ простотѣ самаго устройства и въ ясности той мысли, съ какой подобное устройство предлагалось. Уничтожить уѣздныя учрежденія въ томъ видѣ, какъ они существуютъ, то-есть отмѣнить земскій и судебный уѣздъ, оставив только одного исправника; затѣмъ земскую и судебную власти разбить по волостямъ, соединивъ ту и другую власть въ каждой волости въ лицѣ волостного головы, который будетъ изъ помѣщиковъ, потому что долженъ имѣть условія, соотвѣтствующія званію мирового судьи. Эту волость поставить лицомъ къ лицу непосредственно съ губерніею. Такимъ образомъ получались бы: губернія съ губернаторомъ, губернскимъ земскимъ собраніемъ изъ депутатовъ отъ волостей и губернскимъ мировымъ судомъ, и подъ нею—волость, съ исправникомъ и волостнымъ головою. Голова, разумѣется, былъ бы выборной, но какъ уже сказано, непремѣнно изъ помѣщичьяго класса. При головѣ была бы управа и, для контроля, дума, но дума эта собиралась бы только два раза въ годъ; наконецъ, въ волости былъ бы и особый волостной судья, изъ окончившихъ курсъ уѣзднаго училища, но судья этотъ, получая вознагражденіе въ 300 рублей, очевидно, былъ бы просто волостной писарь, подчиненный головѣ, который хотя тоже получалъ бы незначительное вознагражденіе, въ 400 рублей, но былъ бы человѣкъ достаточный, потому что долженъ бы былъ соединять въ себѣ условія мирового судьи. Цѣль всего этого устройства очевидна. Такъ какъ г. Платонову принадлежала и иниціатива самаго возбужденія вопроса о всесословной волости въ средѣ дворянства губерніи, то приходится признать, что возникла эта мысль именно съ цѣлью прибрать волость въ руки помѣщиковъ. Но это обстоятельство, повторяемъ, не даетъ еще справедливаго повода относиться съ недовѣріемъ и ко всему разсмотрѣнію этого дѣла въ средѣ здѣшняго дворянства. Одинъ изъ членовъ коммиссіи, г. Савельевъ объяснилъ, что проектъ г. Платонова при-

Digitized by Google

велъ коммиссію „въ содроганіе“, и отъ себя прибавилъ, что въ такой волости дѣло управленія обходилось бы дешево, но что каково въ ней было бы жить—это другой вопросъ. Хотя предводитель петербургскаго уѣзда, г. Безобразовъ, и отрицалъ фактъ, будто коммиссія выслушала проектъ г. Платонова „съ содроганіемъ“, и даже не находилъ въ этомъ проектѣ ничего способнаго приводить „въ содроганіе“, тѣмъ не менѣе всесословная волость, устроенная по мыслямъ г. Платонова, несмотря на свою простоту, дешевизну и ясность, не привлекла сочувствій собранія, которое и отвергло, почти единогласно, эту „платоновскую республику“ новаго рода.

Проектъ, г. Савельева не былъ такъ тенденціозенъ, какъ проектъ г. Платонова, и можно даже сказать вовсе тенденціозенъ не былъ. Правда, г. Савельевъ также имѣлъ въ виду предупредить предполагаемую эксплуатацію помѣщиковъ крестьянскимъ большинствомъ, но эту цѣль онъ полагалъ достигнуть не полновластіемъ волостного головы и не установленіемъ для этой должности ценза недоступнаго крестьянамъ. Голова, по мысли г. Савельева, могъ быть избираемъ изъ грамотныхъ людей, владѣющихъ тремя крестьянскими надѣлами. Но для устраненія чрезмѣрнаго преобладанія крестьянскаго элемента въ волости, представительство волости, волостной сходъ, образовывался изъ равнаго числа депутатовъ, отъ трехъ группъ: крупныхъ собственниковъ, мелкихъ собственниковъ и крестьянъ, а также опредѣленіемъ максимума для волостныхъ повинностей на единицу, подлежащую обложенію. Такимъ образомъ, волостной голова могъ бы быть и изъ крестьянъ. Наименѣе удовлетворительно въ этомъ проектѣ было предоставленіе всѣмъ лицамъ волости, подходящимъ подъ земскій избирательный цензъ, правъ старосты, то-есть, не только полицейской власти, но даже право штрафа и ареста. Минимумъ земскаго избирательнаго ценза, какъ извѣстно, составляетъ 200 десятинъ земли (въ здѣшней губерніи) или владѣніе другимъ недвижимымъ имуществамъ цѣною не ниже 15 т. р., или же промышленнымъ заведеніемъ съ оборотомъ производства не менѣе 6 т. рублей. Легко представить себѣ, какая масса полицейскихъ начальствъ возникла бы въ волости на основаніи проекта г. Савельева. И для чего, спрашивается, нужно предоставленіе крупнымъ землевладѣльцамъ полицейской власти? Если для того только, чтобы они могли охранять свои имѣнія отъ бродягъ и воровъ, то это и теперь доступно каждому въ своемъ имѣніи. Каждый у себя дома хозяинъ, и нѣтъ нужды присвоивать землевладѣльцу полицейской власти, такъ какъ нѣтъ нужды присвоивать ее каждому домовладѣльцу въ городѣ или каждому нанимателю квартиры въ квартирѣ. По отношенію къ волостному суду, проектъ г. Савельева предполагалъ

Digitized by Google

средній терминъ между нынѣшнимъ крестьянскимъ волостнымъ судомъ и простой замѣною его мировымъ судомъ. По мысли этого проекта, волостной судъ долженъ состоять изъ двухъ крестьянскихъ судей подъ предсѣдательствомъ мирового судьи. Но этотъ средній терминъ все-таки предполагаетъ, что въ каждой волости будетъ мировой судья, а вопросъ опять-таки, главнымъ образомъ, въ томъ и состоитъ, что волость не имѣетъ средствъ сама содержать мирового судью. Впрочемъ, мысль г. Савельева объ устройствѣ волостного суда имѣла то достоинство, что она имѣла цѣлью примирить условіе правильности суда съ своеобразными судебными понятіями, предполагаемыми въ народѣ. Съ этой цѣлью, авторъ проекта предполагалъ въ каждомъ уѣздѣ образовать особую коммиссію, которая въ полгода должна была бы собрать всѣ мѣстные юридическіе обычаи въ сводъ и представить его на утвержденіе правительства, такъ чтобы затѣмъ волостной судъ уже рѣшалъ дѣла на основаніи закона, а не неопредѣленныхъ понятій.

Такимъ образомъ, этотъ проектъ не подвергалъ ломкѣ существующія земскія учрежденія, какъ первый проектъ, но создавалъ въ волости новую земскую, всесословную единицу. Затѣмъ и представлялось опять то существеннѣйшее во всемъ дѣлѣ соображеніе, что устройство всесословной волости не только не уменьшило бы существующую тягость обложенія, но увеличивало бы ее, такъ какъ и волости предоставлялось бы право установлять сборы, впрочемъ, не свыше 5-ти процентовъ казенныхъ и земскихъ.

Собраніе, отвергнувъ оба изложенные проекта, приняло предложеніе князя Лобанова-Ростовскаго объ избраніи новой коммиссіи, для разсмотрѣнія вопроса о всесословной волости съ такими основными началами, которыя вотировались каждое отдѣльно и были утверждены собраніемъ, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ. Вотъ, въ краткомъ изложеніи, эти начала. Всесословная волость не должна имѣть хозяйственнаго характера, не должна установлять повинностей; новая коммиссія будетъ разработывать вопросъ объ учрежденіи только административныхъ и судебно-полицейскихъ волостныхъ старшинъ, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы уѣздные расходы не были увеличены; 2) чтобы во главѣ волости поставленъ былъ старшина *образованный*, по выбору уѣзднаго земства; 3) чтобы этому старшинѣ присвоены были права мирового посредника, станового, а частью и мирового судьи и судебнаго слѣдователя; 4) чтобы поземельное имущество, соотвѣтствующее земскому цензу, давало владѣльцамъ право полицейскихъ старостъ; 5) чтобы на волостной судъ была аппеляція къ участковому мировому судьѣ, по дѣламъ гражданскимъ; 6) чтобы уголовныя дѣла волостнымъ судамъ вовсе не подлежали, но разби-

Digitized by Google

рались только мировыми судьями; 7) чтобы лица, избранныя два раза въ почетные или участковые мировые судьи, а также въ предводители дворянства, получали *пожизненно* званіе почетныхъ мировыхъ судей, и 8) чтобы почетнымъ мировымъ судьямъ подлежало разбирательство въ волости дѣлъ уголовныхъ.

Вотъ тѣ начала, на основаніи которыхъ будетъ трудиться новая коммиссія. Собраніе утвердило эти начала, кромѣ двухъ послѣднихъ; важный предпослѣдній пунктъ оно отвергло, и тогда пунктъ послѣдній былъ взятъ авторомъ предложенія обратно, для дальнѣйшаго обсужденія его въ самой коммиссіи, которой членомъ избранъ и кн. Лобановъ-Ростовскій. Посмотримъ, къ чему придетъ коммиссія, но основанія, данныя ей, очевидно, соотвѣтствуютъ основной мысли того проекта г. Платонова, который заподозрѣнъ въ томъ, что привелъ „въ содроганіе" первую коммиссію. Вопросъ поставленъ такъ именно, чтобы власть въ волости сосредоточить въ рукахъ одного старшины, *образованнаго*, стало быть, во всякомъ случаѣ, не крестьянина. Если принята будетъ степень образованія средняго, то должность старшины будетъ доступна только помѣщикамъ, и то далеко не всѣмъ; если принята будетъ степень курса уѣзднаго училища, то должность старшины откроется и для нѣкоторыхъ изъ прежнихъ волостныхъ писарей, но все-таки не для крестьянъ. Всѣмъ землевладѣльцамъ предоставляется власть полицейская, отчего, по совершенно справедливому замѣчанію барона Фредрикса, въ волости „отъ множества начальствъ житья не будетъ". Установленіе аппеляціи по гражданскимъ дѣламъ отъ волостныхъ судовъ къ участковому мировому судьѣ, не имѣетъ смысла, такъ какъ мировой судья судитъ на основаніи судебныхъ уставовъ, а волостной судъ на основаніи обычая. Изъятіе уголовныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія волостныхъ судовъ само по себѣ вполнѣ раціонально, и въ этомъ отношеніи мы можемъ только повторить убѣжденіе, высказанное нами уже при разсмотрѣніи вопроса о крестьянскомъ волостномъ судѣ, что сужденіе уголовныхъ дѣлъ на основаніи обычаевъ ничѣмъ не можетъ быть оправдываемо, что обычай въ этой области расходится съ законодательствомъ только въ сторону дикости и грубости.

Подчинить дѣла уголовныя прямо участковымъ мировымъ судьямъ было бы весьма полезно, только бѣда все въ томъ же, что у волости денегъ нѣтъ на содержаніе отдѣльнаго участковаго мирового судьи. Но мысль у князя Лобанова-Ростовскаго была совсѣмъ иная; крупные землевладѣльцы и теперь уже, въ большинствѣ, бываютъ почетными мировыми судьями; вотъ этимъ-то почетнымъ мировымъ судьямъ, а не участковымъ, авторъ предложенія и предло-

Digitized by Google

жилъ передать вѣдѣніе дѣлъ уголовныхъ въ волости, изъявъ эти дѣла изъ волостныхъ судовъ. А для того, чтобы увеличить число почетныхъ мировыхъ судей и пріобрѣсть для каждой волости мирового судью, вполнѣ „благонадежнаго", съ особой, конечно, точки зрѣнія, князь Лобановъ и предложилъ ходатайствовать объ учрежденіи сословія *безсмѣнныхъ* мировыхъ судей, что́, очевидно, отняло бы у этого института главное его достоинство — то-есть, условіе избранія черезъ каждые три года. Мировой судья вовсе не потому внушаетъ довѣріе, что называется этимъ именемъ, но именно потому, что онъ—выборной на срокъ. Не будь этого, пожизненный мировой судья будетъ ничѣмъ не лучше судей стараго порядка. Баронъ Фредриксъ и по этому пункту справедливо замѣтилъ, что отъ установленія пожизненности судейскаго званія только одинъ шагъ до установленія наслѣдственности этого званія. Собраніе, утверждая предыдущія „основанія", очевидно, не отдавало себѣ яснаго отчета, къ чему клонится схема князя Лобанова, потому что, утвердивъ передачу уголовныхъ дѣлъ мировымъ судьямъ, оно затѣмъ отвергло мысль объ учрежденіи пожизненныхъ почетныхъ мировыхъ судей, а это обстоятельство такъ сломало комбинацію князя Лобанова, что затѣмъ уже послѣднее свое предложеніе, именно „почетные мировые судьи и вѣдаютъ дѣла уголовныя", онъ взялъ назадъ, т.-е., не подвергнулъ голосованію, а предоставилъ себѣ обсудить вновь, въ самой коммиссіи.

Мы склонны думать, что собраніе утвердило и прочія основанія, предложенныя княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ только потому, что, отвергнувъ прежніе проекты, не видѣло иного выхода, какъ назначить новую коммиссію. Въ письмѣ, напечатанномъ въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ", извѣстный нашъ публицистъ, князь А. Васильчиковъ, высказываетъ объ основаніяхъ или „пожеланіяхъ", принятыхъ собраніемъ, мнѣніе, совершенно сходное съ нашимъ, и видитъ въ нихъ „смѣлое и откровенное заявленіе пожеланій одного изъ дворянскихъ собраній Россійской имперіи". Но намъ кажется, что рѣшеніе собранія едва-ли можетъ быть принято въ смыслѣ заявленія его сознательныхъ стремленій къ подчиненію себѣ волости. Самая ломка, произведенная голосованіемъ въ предложенной комбинаціи, доказываетъ, что собраніе не обдумало ихъ, не уяснило себѣ ихъ значенія въ совокупности. Произошло же это оттого, что собраніе не имѣло и времени обсудить этихъ предложеній. Въ одномъ и томъ же засѣданіи они были прочтены три раза и потомъ вотированы. При этомъ, вмѣсто того, чтобы обсуждать предложеніе князя Лобанова сперва въ совокупности, а потомъ по статьямъ, собраніе прямо вотировало одинъ за другимъ отдѣльные пункты, и то почти

Digitized by Google

безъ преній, если не считать нѣсколькихъ краткихъ замѣчаній барона Фредрикса. Намъ показалось, что собраніе поступало въ этомъ случаѣ слишкомъ поспѣшно, слишкомъ легко, въ томъ соображеніи, конечно, что это еще только основанія для проекта, а потомъ, проектъ будетъ еще подлежать обсужденію, и можетъ быть не только передѣланъ, но и отвергнутъ. Весьма вѣроятно, что такова и будетъ судьба проекта, составленнаго новою коммиссіей. У насъ, какъ извѣстно, и въ общественныхъ собраніяхъ, и въ администраціи, чрезвычайно легко смотрятъ на трату времени и труда; поручая кому-либо работу, мы весьма мало заботимся о предварительномъ опредѣленіи основныхъ ея данныхъ, все въ той мысли, что это еще дѣло поправимое послѣ. А между тѣмъ, проходитъ время, тратится трудъ и тогда возникаютъ совсѣмъ новыя соображенія, возникаютъ обстоятельства, сперва упущенныя изъ вида, и трудъ ломается, иногда по нѣскольку разъ, и все-таки въ концѣ выходитъ нѣчто нестройное и въ значительной мѣрѣ случайное.

Вообще же, присутствуя въ нынѣшнихъ засѣданіяхъ дворянскаго собранія, можно было наблюдать въ немъ нѣкоторыя черты той неурядицы, какая свойственна всѣмъ нашимъ общественнымъ сходкамъ. Отдавая полную справедливость безпристрастію предсѣдателя и такту ораторовъ, мы должны однако замѣтить, что ходу преній и здѣсь недоставало правильности отъ несоблюденія или отсутствія тѣхъ общихъ правилъ, какія можно найти въ любомъ сеймовомъ регламентѣ. Если такія правила считаются обязательными въ собраніяхъ тѣхъ странъ, гдѣ само общество издавно сжилось съ общественными преніями и сами участники собраній инстинктивно соблюдаютъ условія, необходимыя для правильности преній, то тѣмъ болѣе такія обязательныя правила необходимы у насъ, гдѣ подобной привычки нѣтъ и всякое собраніе инстиктивно клонится, наоборотъ, къ полной безпорядочности, анархичности въ разсмотрѣніи дѣла. Мы говоримъ здѣсь не о такъ-называемыхъ „скандалахъ"; въ сессіи петербургскаго дворянства ихъ не было, если не считать случай, что одинъ членъ обидѣлся невниманіемъ слушателей и ушелъ прочь. Мы говоримъ именно о правильности разсмотрѣнія дѣла, безъ которой самыя рѣшенія бываютъ случайны. Приведемъ примѣръ изъ сессіи, о которой мы говорили. Г. Платоновъ, во время преній по проекту г. Савельева, сдѣлалъ предложеніе, чтобы собраніе вообще вопроса о всесословной волости не разсматривало. Будь у насъ извѣстны вездѣ принятыя правила сеймованія, предсѣдатель объявилъ бы, что это предложеніе, составляя такъ-называемый „предварительный вопросъ", должно разсматриваться прежде всѣхъ другихъ и прежде открытія самыхъ преній; что г. Платоновъ могъ

Digitized by Google

внести это предложеніе тогда, когда былъ первоначально возбужденъ вопросъ о всесословной волости, и передъ тѣмъ, какъ собраніе избрало для разсмотрѣнія его коммиссію, въ настоящее же время, могъ сдѣлать только одно — взять назадъ свой проектъ; если же онъ непремѣнно желалъ устранить проектъ г. Савельева предварительнымъ вопросомъ, то долженъ былъ сдѣлать это до открытія преній. Такимъ образомъ, предложеніе было бы устранено и могло бы быть возобновлено уже только по забаллотировкѣ наличныхъ проектовъ, если бы они приняты не были. Между тѣмъ, что́ же происходитъ: предсѣдатель, при каждомъ неожиданномъ требованіи или предложеніи, прежде всего теряется, потомъ начинаетъ какъ-бы отрицать пользу этого предложенія и, наконецъ, спрашиваетъ собраніе, т.-е. пускаетъ на голоса. Предложеніе г. Платонова, заключавшее въ себѣ предварительный вопросъ, предсѣдатель хотѣлъ поставить въ числѣ всѣхъ прочихъ предложеній, относившихся къ самой организаціи волости, и объявлялъ, что общія пренія открыты по всѣмъ этимъ вопросамъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ, нѣсколько дней могли бы длиться пренія о лучшемъ устройствѣ волости, и затѣмъ собраніе, принявъ предложеніе г. Платонова, признало бы, что эти пренія были совсѣмъ ненужны. По убѣжденію нѣкоторыхъ членовъ, предсѣдатель отказался отъ такой мысли, но за то пустилъ предложеніе г. Платонова на голоса, причемъ, вдобавокъ, назвалъ его проектомъ, такъ что многіе недоумѣвали, что́ они вотируютъ: проектъ г. Платонова о всесословной волости, или предложеніе его, чтобы этимъ вопросомъ вовсе не заниматься. Когда одинъ членъ потребовалъ баллотировки, вмѣсто обычнаго „прошу встать, прошу сидѣть", то предсѣдатель отвѣчалъ ему общими соображеніями о необязательномъ характерѣ рѣшеній собранія по настоящему дѣлу, между тѣмъ, какъ должно быть просто правило, что баллотировка производится по требованію столькихъ-то членовъ. У насъ она не можетъ происходить достаточно часто, именно по непривычкѣ нашей къ смыслу этихъ обрядовъ. Когда голосованіе происходитъ par assis et levé, то въ нашихъ собраніяхъ непремѣнно происходитъ сперва недоумѣніе, потомъ кто-нибудь сперва встанетъ и сейчасъ сядетъ. Въ одномъ изъ засѣданій нынѣшней сессіи мы видѣли, какъ одинъ почтенный членъ сперва всталъ и былъ сочтенъ, а послѣ, уставъ что-ли или передумавъ — сѣлъ до окончанія счета, и по всей вѣроятности былъ сочтенъ вновь. Число подавшихъ голоса за и противъ и отношеніе ихъ къ составу присутствія у насъ не объявляются, такъ что ошибка подобнаго рода весьма возможна. Желающихъ говорить о порядкѣ разсмотрѣнія смѣшиваютъ съ говорящими по сущности вопроса, между тѣмъ какъ первые должны говорить внѣ очереди. Одни пред-

Digitized by Google

ложенія разсматриваются цѣликомъ (проектъ г. Савельева), другія по пунктамъ (основанія кн. Лобанова-Ростовскаго), при чемъ остаются необсужденными въ своей совокупности и затѣмъ ломаются отверженіемъ какого-нибудь существеннаго пункта, какъ то уже и было объяснено выше. Необходимо каждому собранію усвоить себѣ какой-нибудь десятокъ правилъ, обезпечивающихъ правильность хода преній и устраняющихъ возможность рѣшеній чисто случайныхъ, а затѣмъ и вызываемаго ими иногда совершенно напраснаго труда.

Результатъ обсужденія вопроса о всесословной волости въ губернскомъ собраніи петербургскаго дворянства вышелъ пока отрицательный. Посмотримъ, что будетъ съ тѣмъ же вопросомъ въ средѣ здѣшняго губернскаго земства. Извѣстно, что губернская управа, на основаніи постановленія губернскаго же земскаго собранія въ декабрѣ 1870 года, составила проектъ устройства всесословныхъ волостей, разсмотрѣніе котораго было отсрочено въ прошлую сессію только потому, что не всѣ уѣздныя собранія еще высказались о немъ. Въ томъ докладѣ по этому предмету, который былъ представленъ управою губернскому собранію въ концѣ 1872 года, изложены мнѣнія доселѣ поступившія отъ уѣздныхъ земствъ. Изъ нихъ самое опредѣленное мнѣніе высказано управою петербургскаго уѣзда. Все населеніе уѣзда составляетъ 22,799 человѣкъ, въ томъ числѣ лицъ неподатныхъ сословій только 1399 (потомственныхъ дворянъ всего 251). Если же духовенство и иностранцевъ исключить изъ этой цифры, какъ немогущихъ занимать волостныхъ должностей, то останется лицъ привилегированныхъ сословій только 816, т.-е. 3,58% всего населенія. На основаніи этихъ данныхъ, уѣздная управа пришла къ убѣжденію, что при устройствѣ всесословныхъ волостей въ здѣшнемъ уѣздѣ въ нихъ неизбѣжно „преобладаніе крестьянъ надъ прочими сословіями, подчиненіе образованнаго меньшинства необразованному волостному головѣ, что уѣздная управа считаетъ вполнѣ нежелательнымъ“, и признаетъ, что „умственный и нравственный уровень необразованной массы можетъ быть возвышенъ только школою, проектированная же губернской управою реформа волостного управленія тутъ не поможетъ“. Что во всесословной волости будетъ преобладать большинство, т.-е. крестьяне, не только здѣсь, но и почти вездѣ въ Россіи, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться. При разсмотрѣніи дворянскихъ проектовъ по этому вопросу мы видѣли, къ какимъ искусственнымъ средствамъ приходится прибѣгать, чтобы устранить такое преобладаніе. Но намъ кажется, что съ мыслью о преобладаніи крестьянства, хотя и необразованнаго, слѣдуетъ примириться, потому что отрицать эту мысль въ Россіи значитъ отрицать принципы преобладанія большинства и равенства передъ зако-

Digitized by Google

номъ, то-есть основные принципы всѣхъ произведенныхъ у насъ реформъ. Затѣмъ, отъ народной школы, очевидно, зависитъ вся будущность; но сперва должна быть равноправность, а потомъ школа должна улучшить условія этой равноправности для образованныхъ людей. Иначе, мы становимся на ту извѣстную точку зрѣнія, что крестьянъ слѣдовало сперва сдѣлать образованными людьми, а уже потомъ освободить ихъ. Дѣло въ томъ, что школа все-таки и никогда не создастъ равенства въ степени образованія, стало быть осуществленіе равноправности гражданской должно совершиться независимо отъ успѣховъ школы и не ожидая ихъ.

Отъ обсужденія въ общественномъ собраніи одного изъ нашихъ народныхъ вопросовъ перейдемъ къ разсмотрѣнію въ административныхъ коммиссіяхъ другого вопроса, еще болѣе народнаго или лучше сказать всенароднаго характера, именно вопроса о преобразованіи воинской повинности и самого устройства нашей арміи. Читателямъ уже извѣстно, что коммиссіи, которыя разработывали этотъ вопросъ въ военномъ министерствѣ, окончили свои занятія, и что для дальнѣйшаго разсмотрѣнія этого дѣла во всемъ его объемѣ образовано особое присутствіе при государственномъ совѣтѣ на правахъ департамента. Въ общее собраніе государственнаго совѣта дѣло это поступитъ по всей вѣроятности нераньше осенней его сессіи, хотя, какъ слышно, и предполагается привесть новый законъ въ дѣйствіе уже съ будущаго года. Коммиссіями военнаго министерства выработаны два проекта: собственно о преобразованіи воинской повинности и объ устройствѣ ополченія. Сверхъ того, назначенъ особый комитетъ военной реформы, которому подлежитъ разсмотрѣніе вопроса, возникшаго независимо отъ преобразованія повинности, именно вопроса о самой организаціи дѣйствующихъ войскъ, о сохраненіи военныхъ округовъ или о замѣнѣ ихъ, по крайней мѣрѣ на западной границѣ, корпусами и постоянными главными штабами. Наконецъ, само собою разумѣется, что преобразованіе войскъ и устройство ополченія также связано съ вопросомъ объ устройствѣ не армій, но родовъ войскъ, изъ которыхъ будутъ составляться наши вооруженныя силы.

Итакъ, все это дѣло, въ его совокупности, крайне сложно. Уже самое преобразованіе воинской повинности на началахъ общеобязательности и краткосрочности службы касается всѣхъ сторонъ народнаго быта и всѣхъ средствъ государства. Этотъ вопросъ не спѣшный, такъ какъ еслибы намъ представилась война въ теченіи одного изъ ближайшихъ годовъ, то мы вели бы ее во всякомъ случаѣ прежнею, а не новою арміею. Значитъ, здѣсь спѣшить нечего, а между тѣмъ

Digitized by Google

здѣсь нужно самое осмотрительное и всестороннее разсмотрѣніе. Проектъ о воинской повинности, составленный коммиссіею военнаго министерства, не можетъ притомъ служить даже и сколько-нибудь обязательной программой, а только *поводомъ*, потому что отбываніе народомъ тягчайшей изъ повинностей есть вопросъ далеко выходящій за предѣлы военной спеціальности. Военные спеціалисты въ этомъ дѣлѣ могутъ быть компетентны только для выраженія нѣкоторыхъ условныхъ требованій, какъ-то о численности состава дѣйствующей арміи и запаса, и о минимумѣ срока состоянія въ рядахъ, какой можетъ быть допущенъ ихъ техническими условіями. Все остальное относится къ области соображеній политическихъ, финансовыхъ и хозяйственныхъ. Другое дѣло—вопросы о распредѣленіи служащихъ на категоріи дѣйствующей арміи, запаса и ополченія, о существованіи или недопущеніи отдѣльныхъ мѣстныхъ войскъ. Это—вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ только спеціалистами, но долженъ быть рѣшенъ ими окончательно уже позднѣе, послѣ того, какъ опредѣлятся самыя условія отбыванія повинности. Наконецъ, третій вопросъ, объ округахъ или корпусахъ, вопросъ чисто военный, имѣющій мало связи съ предыдущими и притомъ болѣе спѣшный, чѣмъ остальные; стало быть, его слѣдовало бы рѣшить сперва.

Мы настаиваемъ на необходимости точнаго разграниченія между этими элементами военнаго преобразованія, и на необходимости раздѣленія труда при разсмотрѣніи ихъ потому, что прежде всего желательно было бы избѣгнуть слишкомъ поспѣшнаго рѣшенія одной стороны дѣла, для ускоренія другого рѣшенія, не органически связаннаго съ первымъ. Не знаемъ, въ какой мѣрѣ одно присутствіе о воинской повинности будетъ имѣть возможность пройти всѣ приготовительныя работы по разнымъ сторонамъ дѣла и не будетъ ли оно вынуждено, самой сложностью предлежащей ей задачи, придать готовымъ уже внесеннымъ проектамъ болѣе окончательное значеніе, чѣмъ какое они должны бы имѣть. Наконецъ, желательно было бы и въ комитетѣ военной реформы избѣгнуть такого естественнаго смѣшенія въ столь сложномъ дѣлѣ, при необходимомъ участіи многихъ управленій, что, напримѣръ, вопросъ объ округахъ, во время преній обратился бы въ вопросъ о нынѣшней системѣ управленія военнаго министерства. Изъ того, напримѣръ, что военное министерство слишкомъ много издерживаетъ по отношенію къ средствамъ бюджета, и что требованія его постоянно возрастаютъ, вовсе еще не слѣдуетъ, что система округовъ дурна; или изъ того, что перевооруженіе обошлось намъ дорого, ровно ничего не слѣдуетъ относительно подраздѣленія войскъ на такія или иныя категоріи. Вотъ почему крайне важно опредѣлить сперва точную программу того порядка, въ какой

Digitized by Google

постепенности и при какомъ именно составѣ будутъ разсматриваться входящіе сюда вопросы и не полезно ли было бы какъ при присутствіи, такъ и при комитетѣ учредить особыя гражданскую и военную редакціонныя коммиссіи.

Обратимся теперь къ обзору собственно проекта о воинской повинности, то-есть тѣхъ главныхъ основаній его, выработанныхъ въ военномъ министерствѣ, какія получили общую извѣстность путемъ неоффиціальной печати, такъ какъ, къ сожалѣнію, основанія проекта доселѣ оффиціально опубликованы не были.

Перечислимъ кратко главныя черты проекта. Всѣ лица, достигшія 20-ти лѣтъ, призываются къ вынутію жребія, если не объявили желанія служить вольноопредѣляющимися. Вынувшіе жребій, освобождающій отъ службы, зачисляются въ ополченіе, прочіе поступаютъ въ ряды и будутъ состоять въ сухопутныхъ войскахъ на службѣ 15 лѣтъ, въ томъ числѣ 6 лѣтъ дѣйствительной службы и 9 лѣтъ въ запасѣ; сроки эти сокращаются временными отпусками, которые будутъ даваться для рядовыхъ послѣ пяти лагерныхъ сборовъ, то-есть 4 1/2 лѣта. На этомъ основаніи намъ говорятъ, что „для большинства назначается собственно только 4 1/2 года дѣйствительной службы подъ знаменами". Однако, временно-отпускные могутъ быть призываемы на службу во всякое время. Состоящіе въ запасѣ призываются только въ случаѣ войны. Отбывшіе службу подъ знаменами и въ запасѣ перечисляются въ ополченіе и состоятъ тамъ до 38-ми-лѣтняго возраста, т.-е. 3 года. Туда же, въ ополченіе, зачисляются прямо на все время съ 20-ти до 38-ми-лѣтняго возраста всѣ тѣ, кто при тиражѣ вынулъ жребій, освобождающій отъ службы. Ополченіе созывается только въ случаѣ войны, высочайшимъ манифестомъ, но противъ непріятеля выводятся только тѣ изъ ополченцевъ, которые моложе 27-ми лѣтъ. Изъ этихъ именно людей не только формируются части ополченія, но также пополняются дѣйствующія войска, когда запасъ ихъ истощенъ. Остальные же люди, числящіеся въ ополченіи, служатъ только для формированія его частей, то-есть такихъ частей, которыя будутъ нести внутреннюю службу.

Изъятіе отъ воинской повинности проектъ допускаетъ только для священнослужителей всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и для православныхъ псаломщиковъ, окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ и даже въ семинаріяхъ. Затѣмъ изъятіе условное, а именно освобожденіе отъ немедленнаго поступленія подъ знамена, но съ зачисленіемъ все-таки въ запасъ, то-есть въ армію же, но только на случай войны, допускается для врачей и преподавателей училищныхъ предметовъ. Льготы при прохожденіи службы проектомъ допу-

Digitized by Google

скаются, для вынимающихъ жребій, по образованію, по семейному и имущественному положенію. По образованію льготы даются двоякія: отсрочка призыва для воспитанниковъ учебныхъ заведеній и сокращеніе срока службы для кончившихъ курсы училищъ. Всѣ учебныя заведенія раздѣлены на четыре разряда: 1-й—университеты и высшія училища, 2-й—гимназіи и среднія училища, 3-й—прогимназіи, и 4-й—народныя училища. Кончившіе курсъ училищъ перваго разряда служатъ въ рядахъ 6 мѣсяцевъ, а затѣмъ перечисляются въ запасъ; кончившіе средній курсъ — въ рядахъ 1½ года, въ теченіе которыхъ, однако, должны быть два лагерныхъ сбора; кончившіе курсъ третьяго разряда — въ рядахъ 3 года, прошедшіе же курсъ народныхъ училищъ — въ рядахъ 4 года; затѣмъ всѣ, пробывшіе установленный срокъ въ рядахъ, зачисляются въ запасъ.

По семейному положенію льгота состоитъ въ постепенности призыва лицъ, относящихся къ тремъ разрядамъ по семейному положенію: къ первому разряду относятся единственные внуки, сыновья или братья-работники при дѣдѣ или бабкѣ, вдовѣ-матери или престарѣломъ отцѣ, наконецъ при сиротахъ. Этотъ разрядъ подлежитъ призыву позже всѣхъ и по имѣющимся разсчетамъ совсѣмъ служить не будетъ. Второй и третій разряды менѣе льготные, но все еще льготные, призываются одинъ послѣ другого, но только въ случаѣ, если для выполненія набора недостало людей, совсѣмъ непринадлежащихъ къ разрядамъ льготнымъ, то-есть, сыновей такой семьи, у которой сыновей нѣсколько и ни одинъ не состоитъ на службѣ, и не умеръ, состоя на службѣ. По имущественному положенію льгота заключается только въ отсрочкѣ на годъ призыва такимъ лицамъ, которые владѣютъ и лично управляютъ недвижимымъ имуществомъ или промышленнымъ и торговымъ заведеніемъ.

Приведенныя правила, изъятія и льготы относятся только къ лицамъ, вынимающимъ жребій. Но тѣмъ молодымъ людямъ, которые получили образованіе въ заведеніяхъ не ниже третьяго изъ указанныхъ выше разрядовъ училищъ, дозволяется поступать на службу вольноопредѣляющимися, не вынимая жребія, и для нихъ установляется особая льгота относительно сроковъ дѣйствительной службы, то-есть, состоянія въ рядахъ, въ мирное время. Вольноопредѣляющіеся перваго разряда (прошедшіе курсъ перворазрядныхъ училищъ) служатъ въ дѣйствующихъ войскахъ только 3 мѣсяца и по выдержаніи особаго испытанія и отбытіи одного лагернаго сбора, хотя бы въ то же время, могутъ быть, по прошествіи этого срока, производимы въ офицеры. Второй разрядъ даетъ право на годовой срокъ дѣйствительной службы и на тѣ же права по отбытіи его. Для третьяго разряда срокъ двухъ-лѣтній, но производство въ офицеры

Digitized by Google

только по прослуженіи еще третьяго года. Окончивъ эти сроки, вольноопредѣляющіеся перечисляются въ запасъ или продолжаютъ службу. Вольноопредѣляющіеся въ гвардіи и кавалеріи должны содержать себя на свой счетъ; вольноопредѣляющіеся, которые служатъ на свой счетъ, могутъ жить на вольныхъ квартирахъ. Цѣль учрежденія вольноопредѣляющихся указывается: желаніе „привлечь въ войска людей, могущихъ служить для пополненія корпуса офицеровъ".

Изъ перечисленія этихъ основаній проекта оказывается, что устройство воинской повинности предположено примѣнительно къ устройству ея въ Пруссіи. Но изъ двухъ началъ, на которыхъ основано прусское устройство, то-есть общеобязательности и краткосрочности службы, у насъ проектъ хочетъ осуществить только первое; срокъ состоянія въ войскахъ, то-есть въ дѣйствующей арміи и въ резервѣ, проектъ оставляетъ прежній, то-есть 15 лѣтъ. А между тѣмъ начала краткосрочности и общеобязательности службы тѣсно связаны одно съ другимъ, неотдѣлимы одно отъ другого. Если годовой контингентъ 20-ти-лѣтнихъ составляетъ 200 тысячъ человѣкъ, то, проведя строго общеобязательность и устранивъ краткосрочность, то-есть оставивъ нынѣшній общій срокъ, мы получимъ составъ дѣйствующей арміи и запаса вмѣстѣ въ 3 милліона человѣкъ. Намъ скажутъ, что ежегодные призывы будутъ дѣлаться не въ такомъ размѣрѣ, а въ половинномъ, не въ 200, а въ 100 тысячъ. Но вѣдь это и значитъ уменьшать общеобязательность на половину; съ какой цѣлью?—съ той, чтобы краткосрочность устранить совсѣмъ. Таковъ именно странный смыслъ произвольнаго сокращенія призыва и вмѣстѣ продленіе сроковъ: это есть отступленіе отъ обоихъ основныхъ началъ прусскаго устройства, отъ обоихъ тѣхъ принциповъ, для осуществленія которыхъ у насъ предпринимается военная реформа. Какой разсчетъ, спросимъ еще разъ, нарочно не проводить чрезъ службу одного изъ двухъ 20-ти-лѣтнихъ, а вмѣсто того, въ случаѣ войны, призывать въ ряды состоящаго въ запасѣ 34-хъ-лѣтняго человѣка, семьянина и хозяина?

Хвалители проекта, упомянувъ о сохраненіи имъ нынѣшняго общаго срока состоянія въ войскахъ, спѣшатъ прибавить, что изъ этихъ 15-ти лѣтъ 9 будутъ въ запасѣ, а *только* 6 и даже $4\frac{1}{2}$ „дѣйствительной службы". Но, во-первыхъ, 6 и $4\frac{1}{2}$ года состоянія въ рядахъ совсѣмъ не все равно. Тѣ $1\frac{1}{2}$ года, которые выигрываются посредствомъ временнаго отпуска послѣ $4\frac{1}{2}$ службы, все равно почти потеряны для дѣятельности человѣка, потому что онъ будетъ состоять въ полномъ распоряженіи военнаго министра, можетъ ежедневно ожидать призыва въ ряды, изъ-за сотенъ верстъ, для по-

Digitized by Google

полненія убыли или въ виду дипломатическихъ комплікацій, или наконецъ, просто потому, что главный штабъ пожелаетъ сдѣлать опытъ призыва временно-отпускныхъ въ такой-то губерніи, какъ онъ дѣлаетъ теперь. Спрашивается, возможно ли начать серьёзно какую-нибудь дѣятельность, когда находишься въ такомъ неопредѣленномъ положеніи? Примѣръ нашихъ нынѣшнихъ временно-отпускныхъ самъ доказываетъ это. Много ли отъ нихъ пользы для страны? Служить 4½ года и потомъ 1½ года быть въ отпуску, значитъ, терять 1½ года, или быть въ положеніи немного различнымъ отъ того, въ какомъ находятся солдаты отпускаемые осенью, послѣ лагернаго сбора, на „вольныя работы". Если бы наши спеціалисты утверждали, что 6-ти-лѣтній срокъ состоянія въ рядахъ необходимъ у насъ по техническимъ условіямъ, тогда мы не могли бы возразить ничего, могли бы развѣ замѣтить, что напрасно спеціалисты считаютъ русскаго вдвое глупѣе пруссака, который дѣлается отличнымъ солдатомъ при 3-хъ-лѣтнемъ пребываніи подъ знаменами. Но когда сами спеціалисты признаютъ, что пяти лагерныхъ сборовъ (4½ лѣтъ) совершенно достаточно для образованія изъ русскаго хорошаго солдата, то затѣмъ мы уже недоумѣваемъ, къ чему же срокъ состоянія въ рядахъ полагается 6-ти-лѣтній? Для пополненія убыли? Нѣтъ, отвѣтимъ сами, но для произвольнаго уменьшенія ежегоднаго призыва на половину; иначе, имѣя подъ знаменами 6 возрастовъ 200-тысячнаго призыва, мы получили бы постоянную армію (stehendes Heer) въ 1 мил. 200 т. человѣкъ, что́ и не нужно, и невозможно. Значитъ, краткосрочность устраняется именно для того, чтобы устранить общеобязательность, или наоборотъ: этимъ доказывается вмѣстѣ и неразрывность обоихъ этихъ началъ, и намѣреніе проекта, въ значительной мѣрѣ устранить оба эти начала изъ будущаго устройства русской арміи. Въ самомъ дѣлѣ, если при призывѣ въ 100 тысячъ, цѣлая половина (даже ⅔) возрастныхъ не призываются на службу, не проводятся чрезъ ряды, но зачисляются прямо въ ополченіе, то стало быть половина (или ⅔) ополченія будетъ вовсе негодна для дѣйствія и совершенно напрасно на нее разсчитывать. А вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ, который разъ уже попалъ на службу, будетъ прикрѣпленъ къ ней 6 лѣтъ подъ знаменами, то-есть вдвое долѣе, чѣмъ въ Пруссіи, да еще 9 лѣтъ въ запасѣ, то-есть опять вдвое долѣе, чѣмъ въ Пруссіи въ резервѣ. Въ результатѣ выйдетъ, что мы будемъ имѣть чрезмѣрную по численности постоянную армію, изъ людей закабаленныхъ на долгій срокъ, при чемъ повинность для нихъ будетъ крайне тяжела, ландвера вовсе имѣть не будемъ, а ополченіе наше, какъ состоящее въ большинствѣ изъ людей вовсе не прошедшихъ службы, будетъ

Digitized by Google

никуда негодно. Это-ли называется подражаніемъ прусскому устройству, введеніемъ у насъ прусской военной системы?

Для нагляднаго сравненія сопоставимъ дѣленіе и сроки службы у насъ и въ Пруссіи слѣдующимъ образомъ:

Stehendes Heer.	Reserve.	Landwehr 1-s Aufgebot.	2-s Aufgebot.	Landsturm.
3 г.	4 г.	4 г.	5 л.	до 49 лѣтъ.
Въ дѣйств. арміи.	Въ запасѣ.	Ополченіе.	Ополченіе.	
6 ($4^1/_2+1^1/_2$) л.	9 л.	1-е до 27 лѣтъ.	2-е до 38 лѣтъ.	

Итакъ, самое дѣленіе у насъ не соотвѣтствуетъ прусскому, и существенная разница состоитъ въ томъ, что наше ополченіе не соотвѣтствуетъ прусскому ландверу. Теперь примемъ нашъ запасъ за ландверъ перваго призыва, состояніе во временномъ отпускѣ за состояніе въ резервѣ, наконецъ, 1-й разрядъ нашего ополченія за ландверъ второго призыва. Тогда сравненіе представится въ слѣдующемъ видѣ:

Stehendes Heer.	Reserve.	Landwehr 1-s Aufgebot.	2-s Aufgebot.	Landsturm.
3 г.	4 г.	4 г.	5 л.	до 49 лѣтъ.
Въ дѣйств. арміи.	Въ отпуску.	Въ запасѣ.	Ополченіе.	Ополченіе.
$4^1/_2$ г.	$1^1/_2$ г.	9 л.	до 27 лѣтъ.	до 38 лѣтъ.

Взглядъ на эти сравнительныя цифры обнаруживаетъ то коренное различіе въ условіяхъ, среди которыхъ такое устройство возникло въ Пруссіи и возникаетъ у насъ. Сущность положенія въ Пруссіи была въ томъ, что 10 — 18-ти-милліонное государство, во-что бы то ни стало, хотѣло играть роль равную съ державами съ населеніями вдвое и втрое болѣе многочисленными. Вотъ почему прусское устройство разсчитано на то, чтобы имѣть какъ можно больше людей: повинность окончательно прекращается только въ 49 лѣтъ, то-есть послѣ 29-лѣтняго состоянія въ спискахъ. Въ одно время могутъ быть призваны къ оружію цѣлыхъ 16 возрастовъ людей, прошедшихъ чрезъ ряды арміи. У насъ условія совсѣмъ иныя: у насъ прежде всего—людей дѣвать некуда. И между тѣмъ, у насъ все-таки предполагаютъ и держать людей дольше подъ ружьемъ, чѣмъ въ Пруссіи, и вмѣстѣ выводить противъ непріятеля ту именно часть ополченія (до 27 лѣтъ), которая состоитъ изъ людей неслужившихъ, необученныхъ, однимъ словомъ, изъ мобилей, а не изъ ландвермановъ. Почему не ввесть просто прусское устройство, прусское подраздѣленіе, но примѣняясь къ многочисленности нашего народа, сократить у насъ общій срокъ службы противъ прусскаго, такъ какъ мы имѣемъ возможность дѣлать гораздо бо́льшіе ежегодные призывы? По строгой логикѣ, отъ различія нашего положенія съ условіями Пруссіи, кажется и невозможно сдѣлать иного вывода, какъ именно этотъ: ввести то же подраздѣленіе, но сократить общій срокъ службы.

Digitized by Google

Если за минимумъ для обученія у насъ признаются не 3, а 4½ года, то пусть такъ и будетъ срокъ дѣйствительной службы 4½ года; состояніе во временномъ отпуску при краткосрочности службы не имѣетъ смысла, состояніе въ резервѣ совсѣмъ не нужно, такъ какъ цифра призыва опредѣляется ежегодно, сообразно потребностямъ комплектованія постоянной арміи; затѣмъ запасъ сдѣлать прямо соотвѣтственнымъ ландверу, оставивъ состояніе въ немъ въ 9 лѣтъ, но раздѣливъ запасъ на два призыва, именно запасъ, а не ополченіе. Въ первомъ призывѣ запаса 4 года, во второмъ — 5 лѣтъ, совершенно какъ въ Пруссіи, а ополченіе пусть будетъ все однородно, и противъ непріятеля пусть вовсе не назначается, однимъ словомъ, пусть оно будетъ ландштурмомъ, но со срокомъ не до 49, какъ въ Пруссіи, а до 38, какъ предположено проектомъ. Тогда мы будемъ располагать во всякое время 13½ возрастами обученныхъ, прошедшихъ черезъ ряды людей, что совершенно достаточно и, при призывѣ въ 150 тысячъ, дастъ армію въ 1 мил. 950 тысячъ человѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не будемъ тогда нуждаться въ томъ, чтобы разсчитывать на необученную часть ополченія для дѣйствія противъ непріятеля. Мысль объ этомъ разрядѣ ополченія (до 27 лѣтъ) и мысль о 1½ годовомъ состояніи во временномъ отпуску, очевидно — представляютъ слабѣйшія стороны нынѣшняго проекта. Измѣненіе, на необходимость котораго мы указываемъ, имѣло бы между тѣмъ огромное значеніе для облегченія тягости воинской повинности. Прослуживъ 4½ года, человѣкъ могъ бы заняться дѣломъ, зная, что не будетъ оторванъ отъ занятій иначе, какъ въ случаѣ войны. Просостоявъ еще 4 года въ первомъ призывѣ запаса, онъ, имѣя 28½ лѣтъ, могъ бы обзавестись семействомъ, и въ случаѣ войны не былъ бы выводимъ въ поле, такъ какъ запасъ второго призыва если и собирается, то остается въ тылу дѣйствующей арміи; стало быть послѣ войны было бы меньше сиротъ, чѣмъ если всѣ до 35-лѣтняго возраста будутъ состоять въ запасѣ безразлично.

Обратимся теперь къ изъятіямъ и льготамъ. Въ прежнихъ нашихъ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ при самомъ возбужденіи вопроса о преобразованіи воинской повинности, мы доказывали, что изъятія должны быть допущены не по сословнымъ различіямъ, но по образованію; процентъ лицъ, получающихъ высшее образованіе въ Россіи, въ сравненіи съ числомъ населенія такъ ничтоженъ, что имъ невозможно ни усилить армію, ни поднять умственный и нравственный ея уровень: 1 на 1,000 не можетъ оказать ровно никакого вліянія. А между тѣмъ, чѣмъ меньше образованныхъ силъ въ странѣ, тѣмъ важнѣе сберегать ихъ и не ставить препятствій, перерывовъ, на пути ихъ развитія. Но льготы, предоставляемыя проектомъ образо-

Digitized by Google

ванію, нѣтъ сомнѣнія, значительны, и если уже полагаютъ необходимымъ безусловно не допускать полнаго изъятія, то можно, пожалуй, и удовлетвориться этими льготами. Но въ такомъ случаѣ спрашивается, на какомъ же основаніи проектомъ допущено полное, безусловное изъятіе для „псаломщиковъ", кончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ и даже въ семинаріяхъ? Мы понимаемъ отсрочку призыва для воспитанниковъ духовныхъ училищъ, какъ и другихъ училищъ; она и опредѣляется особо, при чемъ для духовныхъ училищъ допущены самыя долгія отсрочки; мы понимаемъ освобожденіе священнослужителей отъ службы. Но съ какой стати давать полное изъятіе еще псаломщикамъ, которыхъ вслѣдствіе того разведется видимо-невидимо? Этимъ путемъ множество людей, вовсе не особенно цѣнныхъ для государства, будутъ избѣгать службы и воспользуются такимъ изъятіемъ, котораго не предоставлено даже докторамъ университетовъ. Стóитъ кончить курсъ въ семинаріи и, освободившись отъ воинской повинности званіемъ псаломщика, потомъ заняться чѣмъ угодно. Богомольное купечество съ благодарностью приметъ исполненіе такой духовной повинности, вмѣсто отбыванія повинности военной; о сыновьяхъ лицъ духовнаго званія уже и не говоримъ: для нихъ это прямая дорога, и изъ псаломщиковъ они по-прежнему будутъ наводнять собою гражданскую службу. Итакъ, въ Россіи одна каста все-таки будетъ, каста привилегированная въ самомъ существенномъ изъ всѣхъ гражданскихъ условій. Только это будетъ не потомственное дворянство, а потомственное духовенство. Колѣно Іуды теряетъ привилегію, но она возстановляется въ пользу колѣна Левія. Неужели же Россія въ настоящее время ни въ комъ рѣшительно такъ не нуждается, какъ въ псаломщикахъ?

Затѣмъ, спросимъ, отчего предполагаемыя льготы по образованію, сокращая срокъ состоянія въ рядахъ, нисколько не касаются срока состоянія въ запасѣ? Для чего докторъ исторіи, магистръ технологіи непремѣнно должны въ теченіи цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ подлежать призыву къ оружію? Извѣстно чтó наши военные спеціалисты говорятъ противъ допущенія полнаго изъятія для лицъ высшаго образованія: мы не даемъ такихъ изъятій, 1) чтобы не нарушить принципа общеобязательности, но люди съ высшимъ образованіемъ будутъ служить въ дѣйствительности самые короткіе сроки, до 3 мѣсяцевъ, при чемъ отвлеченіе ихъ отъ ихъ занятій будетъ почти непримѣтно; 2) полнаго изъятія мы имъ не даемъ еще потому, что намъ нужны образованные люди для пополненія корпуса офицеровъ. Прекрасно! но первое требованіе будетъ вполнѣ достигнуто и въ томъ случаѣ, если, прослуживъ въ рядахъ нѣсколько мѣсяцевъ, люди съ высшимъ образованіемъ и въ запасѣ будутъ состоять скажемъ 2,

Digitized by Google

3 года; для чего же имъ, прослуживъ 3 мѣсяца въ рядахъ, состоять затѣмъ въ запасѣ цѣлыхъ 14 лѣтъ 9 мѣсяцевъ? Людей что́ ли у насъ мало, или число этихъ лицъ такъ значительно, что на нихъ приходится разсчитывать для пополненія рядовъ, въ случаѣ войны, какъ въ Германіи? Вовсе нѣтъ: людей и безъ того дѣвать некуда; всѣхъ подлежащихъ повинности и безъ того нѣтъ средствъ ни вооружить, ни содержать. А между тѣмъ, даже и профессоровъ и преподавателей всѣхъ учебныхъ заведеній проектъ предполагаетъ освободить только отъ поступленія въ ряды въ мирное время, но зачисляетъ ихъ въ запасъ на полный срокъ, то-есть на 15 лѣтъ. Такимъ образомъ, въ случаѣ войны, всѣ лица съ высшимъ образованіемъ и даже всѣ доктора медицины, всѣ врачи, всѣ профессора университетовъ и преподаватели, недостигшіе 35-лѣтняго возраста должны будутъ идти въ походъ. Развѣ это только одно соблюденіе принципа, развѣ это значитъ, что въ дѣйствительности они будутъ служить мало? Мы пока не знаемъ, какія должности будутъ давать право на исключеніе отъ призыва, но довольно и того, если огромное большинство пятнадцати возрастовъ людей съ высшимъ университетскимъ или техническимъ образованіемъ должно будетъ отправляться въ походъ: уже отсюда очевидно, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ дѣятельности въ странѣ война произведетъ полный застой и совершенную ломку.

Говорятъ — намъ нужны образованные офицеры. Но вѣдь Россія издерживаетъ спеціально на приготовленіе офицеровъ 4 милл. рублей въ годъ (смѣта гл. упр. воен. учебн. зав.), то-есть цѣлую треть всего итога смѣты министерства народнаго просвѣщенія. Намъ скажутъ, что рѣчь и идетъ о пополненіи офицеровъ не для постоянной арміи, а для запаса. Это такъ, но какихъ же офицеровъ запасъ получитъ изъ кандидатовъ университета, служившихъ въ рядахъ всего 3 мѣсяца, или изъ преподавателей, которые и вовсе въ рядахъ не служили, а прямо были зачислены въ запасъ? Очевидно не капитановъ, не ротныхъ командировъ, но только прапорщиковъ, субалтернъ-офицеровъ. Капитаны всегда и вездѣ будутъ непремѣнно воины по профессіи, а не по повинности. Весьма важно, конечно, для нравственнаго уровня корпуса офицеровъ, для облагороженія нравовъ и обычаевъ въ офицерской средѣ имѣть и субалтернъ-офицеровъ какъ можно болѣе образованныхъ. Но это можетъ примѣняться только къ постоянной арміи, а не къ запасу, который созывается только въ походъ, и всегда представитъ пеструю массу людей, между которыми нѣтъ ничего общаго, кромѣ мундира и знамени, и никакихъ общихъ понятій и нравовъ установиться не можетъ. Въ такой временной, походной арміи, офицеръ имѣетъ именно только боевую цѣну, и въ ней-то образо-

Digitized by Google

ванность и всякія качества субалтернъ-офицеровъ имѣютъ менѣе значенія, чѣмъ служебная опытность и снаровка унтеръ-офицеровъ, которые находятся въ гораздо большей связи съ солдатами, чѣмъ субалтернъ-офицеры. Въ такой походной арміи, лучшій унтеръ-офицеръ будетъ не магистръ химіи, а простой рядовой изъ постоянной арміи: лучшій субалтернъ-офицеръ будетъ не медикъ, а фельдфебель, прослужившій два срока въ постоянной арміи, хотя бы онъ плохо зналъ даже правописаніе. Офицеры же, командующіе частями, начиная съ роты и эскадрона, въ запасѣ во всякомъ случаѣ должны быть профессіональные. Какой, спрашивается, офицеръ кандидатъ университета, который, пробывъ на 22-мъ году жизни 3 мѣсяца въ рядахъ, и послѣ того 12 лѣтъ неслыхавшій барабана, незнакомый съ ружьемъ послѣдней системы, занимавшійся совсѣмъ инымъ дѣломъ, имѣющій семейство, вдругъ, 34-хъ лѣтъ отъ роду, призывается быть офицеромъ въ боевой арміи, то-есть въ мобилизованномъ запасѣ?

Изъ предшествующаго, по нашему убѣжденію, совершенно очевидно, что нѣтъ никакого серьёзнаго повода установлять равенство срока состоянія въ запасѣ для всѣхъ безъ исключенія, и что льгота по образованію должна заключаться не только въ сокращеніи срока состоянія въ рядахъ, но и въ соотвѣтственномъ сокращеніи срока состоянія въ запасѣ.

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое апрѣля, 1873.

Правительственный кризисъ въ Англіи. — Свойства кризиса. — Гладстонъ и Ирландія. — Пораженіе и возстановленіе правительства. — Дополненіе французской конституціи. — Новая конвенція съ Германіею. — Новая организація арміи.

Среди народнаго представительства Великобританіи и Ирландіи, во главѣ его, по обѣимъ сторонамъ спикера, сидятъ на противоположныхъ скамьяхъ, за однимъ столомъ, лицомъ къ лицу одно противъ другого, два готовыхъ правительства: одно, управляющее страною въ настоящее время, другое, готовое на смѣну перваго. Оба эти правительства состоятъ изъ людей наибольшаго авторитета въ странѣ, изъ людей опытныхъ въ дѣлахъ управленія. При наступленіи кризиса не происходитъ никакой пертурбаціи, не является сомнѣнія, въ чьи руки перейдетъ власть: джентльмены, сидящіе по лѣвой сторонѣ отъ спикера, переходятъ на правую его сторону, на министерскую скамью, а джентльмены, сидѣвшіе на этой скамьѣ, переходятъ на лѣвую сторону, и изъ правительства превращаются въ главный штабъ оппозиціи. Одни называютъ себя либералами, другіе консерваторами, хотя по континентальнымъ понятіямъ и тѣ и другіе — либералы. Но въ смыслѣ относительномъ, подраздѣленіе ихъ по этимъ названіямъ все-таки вѣрно. Дѣло въ томъ, что политическая жизнь націи есть постоянный процессъ развитія; но процессъ этотъ можетъ, сообразно потребностямъ даннаго времени, совершаться быстрѣе или медленнѣе. Превосходная политическая организація Англіи представляетъ машину, которая дѣйствуетъ вполнѣ согласно съ сознаніемъ, стремленіемъ націи, и имѣетъ въ себѣ регуляторы, которые, смотря по состоянію общественнаго мнѣнія, тотчасъ прибавляютъ или убавляютъ силу движенія. Страною правитъ общественное мнѣніе; органомъ его, полновластнымъ, державнымъ органомъ, служитъ палата

Digitized by Google

общинъ. Какъ только среди отправленій этого органа наступитъ такой моментъ, который покажетъ, что страна несогласна идти съ настоящимъ правительствомъ въ какой-либо важной мѣрѣ, или останавливаться вмѣстѣ съ тѣмъ передъ какою-либо важной мѣрою, замедляя ея,—кризисъ происходитъ и разрѣшается почти механическимъ образомъ. Такъ совершенна эта машина, дѣйствующая по совокупности законовъ нигдѣ не записанныхъ, но выработанныхъ жизнью и исторіею, проникшихъ понятія всей націи, что полная соотвѣтственность хода управленія волѣ націи достигается, повторяемъ, именно механическимъ образомъ. Нынѣшнее правительство въ одной важной мѣрѣ не получило при голосованіи большинства, или получило большинство ничтожное: краснорѣчивая цифра эта служитъ указателемъ долженствующей наступить перемѣны, какъ извѣстная цифра давленія на манометрѣ показываетъ необходимость убавить паровъ или прибавить ихъ. Увидавъ такую знаменательную цифру, джентльмены, сидящіе во главѣ правой, министерской стороны встаютъ и изъявляютъ намѣреніе перейти на лѣвую сторону. Противники ихъ, сидящіе насупротивъ, встаютъ одновременно и если признаютъ наличный градусъ давленія соотвѣтствующимъ ихъ силѣ дѣйствія, то переходятъ на министерскую скамью и принимаютъ власть. Такой переходъ означаетъ только то, что внѣшній, законодательный процессъ развитія отнынѣ будетъ совершаться нѣсколько быстрѣе или нѣсколько медленнѣе прежняго, сообразно состоянію атмосферы и потребностямъ страны, какъ они въ данную минуту сознаются общественнымъ мнѣніемъ. Переходъ этотъ, въ свою очередь, предназначается на короткое, по нашимъ понятіямъ, время, всего на два, три, много пять лѣтъ, такъ какъ между колебаніями въ общественномъ времени, естественно, не можетъ быть болѣе продолжительныхъ перерывовъ, а стало быть правительство и не можетъ существовать неопредѣленно долгое время. И при наступленіи перемѣнъ, въ Англіи перемѣняются именно *правительства,* а не министерства. Гладстонъ соотвѣтствуетъ Гранту. Правительства Англіи также временны, какъ и правительства Америки, и назначаются впередъ также только на время. Но разница съ американскими учрежденіями та, что въ Америкѣ временность смѣны опредѣлена закономъ, въ видѣ обязательнаго срока; въ Англіи же срокъ не опредѣленъ, и сама жизнь вызываетъ его наступленіе: срокъ наступаетъ въ тотъ самый моментъ, когда потребность страны продиктуетъ его. Эта конституціонная машина Англіи представляетъ еще ту черту совершенства, что еслибы, сверхъ ожиданій, показаніе регулятора или манометра, то-есть голосованіе палаты представилось сомнительнымъ, еслибы оказалось основаніе сомнѣваться въ томъ, что манометръ этотъ показалъ обще-

Digitized by Google

ственное сознаніе вѣрно, то въ самомъ механизмѣ есть условіе для ректификаціи: палата можетъ быть распущена правительствомъ, и затѣмъ уже непосредственно сама страна рѣшитъ вопросъ новыми выборами. Тогда правительство или пріобрѣтетъ вновь силу, недостававшую ему въ прежней палатѣ, или немедленно удалится безъ всякаго дальнѣйшаго колебанія. Вотъ нѣкоторое преимущество англійской организаціи передъ американскою. Въ Америкѣ, гдѣ смѣна правительства и представительства опредѣлена обязательными сроками, органъ народа не имѣетъ возможности удалить ранѣе срока правительство, уже несоотвѣтствующее желаніямъ страны; правительство же, если сомнѣвается въ дѣйствительномъ согласіи конгресса съ народомъ, не можетъ распустить представительства и должно уживаться до наступленія извѣстнаго срока съ такимъ парламентомъ, который тормазитъ всю его дѣятельность и явно выказываетъ ему свое недовѣріе. Такъ было съ преемникомъ Линкольна — Андрý Джонсономъ и боровшимся съ нимъ парламентомъ.

Въ 1868 году, когда, вслѣдъ за избраніемъ нынѣшней палаты общинъ, на основаніи новаго избирательнаго билля (1867 г.), образовалось нынѣшнее правительство съ Гладстономъ во главѣ, либеральный премьеръ поставилъ и объявилъ первой своей задачею вести политическое развитіе страны скорыми шагами къ устраненію главнаго внутренняго разлада въ Соединенныхъ Королевствахъ—разлада Ирландіи съ Великобританіею. Для устраненія „disaffection“ Ирландіи, Гладстонъ предпринялъ загладить слѣды того зла, которое было сдѣлано этой странѣ англо-саксонскимъ завоеваніемъ, протестантскимъ притѣсненіемъ, правительственной эксплуатаціею. Исходя изъ вполнѣ справедливой мысли, что въ нерасположеніи Ирландіи виновата Англія, а не сама Ирландія, нанесшій зло, а не потерпѣвшій, — Гладстонъ говорилъ: можно примирить Ирландію и необходимо должно примирить ее! Съ этой цѣлью, онъ предпринялъ устранить главнѣйшіе поводы къ жалобамъ ирландскаго народа: отмѣнить господство протестантской церкви въ странѣ католической, изгладить слѣды экспропріаціи туземнаго племени побѣдителями, посредствомъ такого измѣненія въ поземельныхъ законахъ, которое облегчало бы ирландскимъ фермерамъ дѣлаться собственниками своей земли; наконецъ, открыть католическому населенію доступъ къ высшему, университетскому образованію и открываемымъ академическими степенями карьерамъ такимъ образомъ, чтобы ирландскіе католики могли пользоваться этими преимуществами не нарушая своей религіозной совѣсти, не вступая въ коллегіи протестантскія.

Первыя двѣ части этой программы были исполнены Гладстономъ при энергической поддержкѣ Брайта, отмѣною въ Ирлан-

Digitized by Google

діи Establishment и проведеніемъ Irish land bill. Теперь предстоялю осуществить третью часть программы примиренія съ Ирландіею. Примиреніе само по себѣ, очевидно, необходимо, такъ какъ безъ него придется или сдерживать силою революціонныя движенія въ этой странѣ, или же согласиться на учрежденіе въ ней отдѣльнаго законодательства, отдѣльнаго парламента. Извѣстный ирландскій патріотъ, адвокатъ Боттъ, утверждаетъ, что Ирландія непремѣнно должна добиться отдѣльнаго парламента и безъ революціоннаго движенія, такъ какъ, съ одной стороны, англійскій парламентъ никогда не дастъ справедливаго вниманія ея нуждамъ, а съ другой стороны, если ирландскіе депутаты, сидящіе теперь въ этомъ парламентѣ, будутъ упорно вотировать противъ всякаго правительства, то они затруднятъ дѣло управленія въ Англіи и тѣмъ принудятъ ее отвести имъ особое мѣсто въ Дублинѣ.

Итакъ, то примиреніе съ Ирландіею, о которомъ хлопочетъ Гладстонъ, практически необходимо, если не хотятъ устроить въ Соединенныхъ Королевствахъ чего-либо въ родѣ австро-венгерскаго дуализма. Вотъ почему завершенію этого дѣла Гладстонъ придавалъ такую важность, вотъ почему онъ въ нынѣшней тронной рѣчи настаивалъ на необходимости принять ту новую мѣру для умиротворенія Ирландіи, которую онъ внесъ въ парламентъ. Мѣра эта и объявлена была существеннымъ трудомъ, предназначеннымъ нынѣшней сессіи, и рѣшимость гладстонова правительства „стоять или пасть" (stand or fall by it) вмѣстѣ съ этимъ законодательнымъ проектомъ, съ самаго начала не подлежала сомнѣнію.

Чтобы дать правильный взглядъ на самый проектъ Гладстона и встрѣченныя имъ возраженія, объяснимъ сперва, въ чемъ состоятъ жалобы ирландскихъ католиковъ по этому вопросу. Въ Ирландіи есть университетъ англиканскій, Trinity College, въ Дублинѣ, одаренный такими фондами, по свидѣтельству Гладстона, что учрежденіе это есть богатѣйшій университетъ въ мірѣ. Католики могутъ поступать туда учениками, но формула установленной присяги не даетъ имъ возможности получать тамъ степени. Есть еще Magee College, принадлежащій пресбитеріанамъ. Сверхъ того, есть въ Ирландіи еще чисто-свѣтскій университетъ, основанный правительствомъ прямо съ цѣлью исключить вліяніе на него какого-либо духовенства. Это такъ-называемый „королевскій университетъ" (Queen's University) съ тремя коллегіями, которыя находятся въ Бельфастѣ, Коркѣ и Гальвеѣ. Противъ этихъ учрежденій постоянно возставало католическое духовенство, именно на томъ основаніи, что они не вѣроисповѣдные, что религія изъ нихъ вовсе исключена, что они „разсадники атеизма". Эти учрежденія раздаютъ академическія степени, но находятся въ

Digitized by Google

совершенномъ подчиненіи у правительства. Вражда противъ нихъ католическаго духовенства сама по себѣ, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, едва ли была бы достаточна, чтобы устранять отъ нихъ католическое юношество. Фенійское движеніе показало, что католицизмъ въ Ирландіи всемогущъ только тогда, когда является защитникомъ и представителемъ патріотизма, но что ирландскій патріотизмъ сильнѣе даже ирландскаго католицизма. Но такъ какъ Queen's University и его коллегіи не то что „освобождены" отъ вліянія католицизма, но прямо направлены противъ національнаго духовенства и состоятъ въ полномъ распоряженіи англійскаго правительства, то понятно, что въ глазахъ ирландцевъ-патріотовъ эти учрежденія немногимъ отличаются отъ самихъ Trinity и Magee Colleges, которыя, какъ учрежденія вѣроисповѣдныя протестантскія, *открыто* враждебны ирландскому патріотизму, между тѣмъ, какъ королевскія учрежденія скрытно враждебны ему. Вотъ отчего главнымъ образомъ зависитъ тотъ фактъ, что ирландское католическое юношество пользуется послѣдними не много болѣе, чѣмъ первыми. Въ „королевскомъ университетѣ", и въ Trinity College вмѣстѣ взятыхъ, число студентовъ-католиковъ составляетъ всего одну седьмую или восьмую часть, между тѣмъ, какъ католики составляютъ громадное большинство населенія. Вотъ почему Гладстонъ, въ объяснительной рѣчи къ нынѣшнему своему проекту, могъ сказать, что „ирландскіе католики находятся, въ отношеніи къ университетскому обученію, въ положеніи бѣдственно-дурномъ, возмутительномъ" (miserably bad, scandalously bad) и привелъ фактъ, что „4 слишкомъ милліона ирландскихъ католиковъ успѣваютъ (succeed) ввести въ университетскій курсъ для полученія академическаго образованія всего 145 человѣкъ" (нынѣшняя цифра), а высшее спеціальное (профессіональное, въ томъ числѣ юридическое, медицинское и техническое) образованіе въ Ирландіи получаютъ всего 784 студента, между тѣмъ, какъ цифра ихъ составляетъ 4000 въ Шотландіи, которая имѣетъ вдвое меньшее населеніе. Католики сами имѣютъ въ Дублинѣ коллегію, которая называетъ себя Roman Catholic University, но эта коллегія не имѣетъ права давать академическихъ степеней.

Теперь понятно, въ чемъ состоятъ жалобы ирландцевъ. Какъ, говорятъ они, единственныя полноправныя коллегіи въ католической Ирландіи, коллегіи богатѣйшія и въ которыхъ религія занимаетъ подобающее ей мѣсто — суть коллегіи протестантскія! Католики же должны обучаться или въ нихъ, или въ такихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, на которыя общество не имѣетъ вліянія, изъ которыхъ религія совсѣмъ изгнана, и въ которыхъ наши сыновья должны, для

Digitized by Google

пріобрѣтенія академическихъ дипломовъ, слушать поученія прямо направленныя противъ ихъ вѣры. Чего же хотятъ ирландцы? Если послушать ирландскихъ епископовъ, то ирландскій народъ желаетъ учрежденія на государственный счетъ университета католическаго, съ отмѣною протестантской Trinity College. Требованіе это нераціонально. Слишкомъ очевидно, что чѣмъ свободнѣе университетъ отъ какихъ-либо вѣроисповѣдныхъ вліяній, тѣмъ лучше. Но, рядомъ съ этой теоретической истиной не надо упускать изъ виду и практической стороны вопроса: когда англійскія газеты говорятъ: смѣшно требовать, чтобы англійское правительство на казенныя средства создало католическое учрежденіе, нарушивъ тѣмъ какъ требованіе разума, такъ и соображеніе своего интереса, потому что учрежденіе это, по всей вѣроятности, стало бы враждебно Англіи, — то газеты эти совершаютъ такъ-называемое въ логикѣ petitio principii, то-есть считаютъ доказаннымъ то, что̀ требуется еще доказать. Слѣдовало бы сперва доказать, что никакого примиренія съ Ирландіею не нужно, что Ирландіею можно будетъ всегда управлять силою. Этотъ мотивъ и у насъ нерѣдко слышится, когда говорятъ: на *русскія* деньги содержатъ нѣмецкій университетъ въ Дерптѣ или польскій университетъ въ Варшавѣ. Дѣло въ томъ, что англійскія деньги, казенныя средства, настолько, насколько Ирландія участвуетъ своими податями въ бюджетѣ, суть въ дѣйствительности деньги *ирландскія*, и гораздо основательнѣе можно сказать, что нынѣ въ Ирландіи содержатся англійскія училища на ирландскія деньги. Что касается соображеній разумности, которыя безспорно должны идти въ разрѣзъ съ учрежденіемъ вѣроисповѣднаго университета, то соображенія эти въ равной мѣрѣ примѣнимы и къ англиканской Trinity College; если требованіе католиковъ объ отмѣнѣ этого учрежденія признается несправедливымъ, въ такомъ случаѣ нельзя назвать несправедливымъ требованіе ихъ объ учрежденіи полноправной католической коллегіи или университета. Ясно, что еслибы Ирландія имѣла свое законодательство, свой парламентъ, то такой именно университетъ и былъ бы учрежденъ. Стало быть, если идетъ рѣчь объ устраненіи такого сепаратизма примиреніемъ, то примиреніе и должно имѣть первой цѣлью оказать всякія снисхожденія національному чувству ирландцевъ, такъ что даже и соображенія чистой разумности должны являться уже только на второмъ планѣ: никто не можетъ силою заставлять другого принять то, что̀ самъ считаетъ разумнѣе, хотя бы и основательно, и сила все-таки остается силою.

Таково *истинное* положеніе этого вопроса, который и англійскими и континентальными газетами былъ, разумѣется, представленъ съ исключительной точки зрѣнія такихъ или иныхъ мѣстныхъ интере-

Digitized by Google

совъ. Истинное положеніе его, очевидно, было ясно для Гладстона, хотя и онъ въ своей вступительной рѣчи, длившейся три часа, и занявшей 10 столбцовъ мелкой печати въ „Times“, не могъ поставить факты въ ихъ безусловной наготѣ. Цѣлью проекта Гладстона было именно примиреніе. Примиренія онъ надѣялся достигнуть посредствомъ компромисса, а компромиссъ означаетъ обоюдныя уступки. Итакъ, Гладстонъ не предполагалъ зайти такъ далеко, чтобы удовлетворить желаніе ирландскихъ епископовъ, то-есть отмѣнить Trinity College и устроить католическій университетъ. Но онъ полагалъ отмѣнить нынѣшній, недостигающій цѣли Queen's University и одну изъ его коллегій, именно Гальвейскую, такъ какъ въ обоихъ этихъ учрежденіяхъ число студентовъ въ 1871-мъ году было всего 117, а расходъ казны составлялъ 10 т. фунтовъ. Вмѣсто правительственнаго университета онъ предлагалъ основать такой университетъ, University of Dublin, который оставался бы также совершенно свободнымъ отъ вѣроисповѣдныхъ вліяній, но имѣлъ бы самостоятельность и подлежалъ бы вліянію общества. Вокругъ этого университета, въ уставѣ котораго приняты были бы всѣ мѣры для охраненія свободы совѣсти, для обезпеченія религіознаго чувства какого бы то ни было толка отъ всякаго оскорбленія, группировались бы протестантская Trinity College, и дублинская католическая коллегія, и пресбитеріанская Magee College, и двѣ изъ нынѣшнихъ „королевскихъ“ коллегій (Queen's Colleges), именно тѣ, которыя находятся въ Бельфастѣ и Коркѣ. Чтобы дать этому университету самостоятельность и вмѣстѣ не упуская его совершенно изъ-подъ правительственнаго контроля, открыть, однако, и обществу доступъ ко вліянію на составъ и направленіе этого учрежденія, Гладстонъ предлагалъ устроить въ немъ совѣтъ управленія изъ членовъ, назначаемыхъ отъ разныхъ сторонъ и, сверхъ того, сенатъ изъ всѣхъ лицъ, которыя получили въ этомъ университетѣ ученыя степени. Итакъ, сенатъ могъ осуществиться только современемъ. Совѣтъ же Гладстонъ думалъ первоначально назначить такъ: 28 членовъ, назначенныхъ прямо парламентомъ по представленію правительства, по одному выборному члену отъ каждой изъ связанныхъ съ университетомъ коллегій, имѣющей не менѣе 50 матрикулированныхъ студентовъ, и по 2 отъ такой, которая имѣетъ ихъ не менѣе 150. Совѣтъ въ этомъ составѣ дѣйствовалъ бы съ января 1875 года по январь 1885 года; послѣ этого срока, вакансіи въ совѣтѣ замѣщались бы въ каждомъ году поочереди самыхъ вакансій, по избранію одной изъ четырехъ сторонъ: правительства, конференціи профессоровъ, сената и, наконецъ, самого совѣта. Чтобы обезпечить религіозное чувство этого смѣшаннаго, спеціально никакой религіи не принадлежащаго

Digitized by Google

учрежденія, проектъ Гладстона вовсе исключалъ изъ самого университета преподаваніе богословія, нравственной философіи (moral philosophy) и новѣйшей исторіи (modern history). Эти предметы могли бы преподаваться отдѣльно въ каждой коллегіи, но не въ университетѣ и для полученія академической степени никто не могъ бы, безъ своего согласія, быть подвергаемъ испытанію въ нихъ. При университетѣ полагалось 10 стипендій (fellow ships) по 200 фунтовъ въ годъ, 25 премій въ 50 фунтовъ каждая и 100 премій въ 25 фунтовъ каждая. Въ экзаменъ на полученіе стипендій или премій упомянутые два предмета также не должны были входить, чтобы не было повода оказывать предпочтеніе которому-либо изъ вѣроисповѣданій. Наконецъ, все съ той же цѣлью охраненія религіознаго чувства отъ оскорбленія со стороны другого исповѣданія, въ уставъ включено было правило, которое вызвало въ парламентѣ и печати всеобщій протестъ, именно: „съ 1 января 1875 года совѣтъ будетъ имѣть право допрашивать, дѣлать выговоры или наказывать временнымъ или полнымъ лишеніемъ должности (to question, reprimand, or punish by suspension, deprivation or otherwise) всякаго профессора, преподавателя, экзаменатора или иное лицо, имѣющее власть (authority) въ университетѣ, которое при исполненіи обязанностей своей службы въ университетѣ устнымъ словомъ, письменно или иначе (!), по мнѣнію совѣта намѣренно нанесло оскорбленіе (given offence) религіознымъ убѣжденіямъ кого-либо изъ членовъ университета (members of the university, здѣсь разумѣются и студенты)“. Расходъ на содержаніе профессоровъ, стипендіи и преміи исчислялся въ 50 т. фунтовъ ежегодно, которые предположено было покрывать слѣдующимъ образомъ: 12 т. фунтовъ брать у богатой Trinity Gollege (крайне непріятно для протестантовъ), подобно тому, какъ коллегіи въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ даютъ изъ своихъ средствъ пособія своимъ университетамъ; 10 т. фунтовъ изъ казны (т.-е. ту сумму, которая осталась бы свободною за упраздненіемъ гальвейской „королевской“ коллегіи и „королевскаго“ же университета въ Дублинѣ); 5000 фунтовъ изъ платы студентовъ при имматрикуляціи; остальныя же 20 т. фунтовъ изъ остатка отъ ликвидиціи фондовъ отмѣненной государственной дотаціи англиканской церкви въ Ирландіи (бывшій Established Church). Итакъ, главныя средства истекали бы изъ протестантскихъ источниковъ.

Вотъ сущность того билля, который былъ внесенъ Гладстономъ въ палату общинъ. Сказано уже выше, почему онъ считалъ проведеніе такого билля необходимымъ и почему отъ судьбы билля должна была зависѣть судьба правительства. Билль не прошелъ, потому что обѣ стороны вмѣсто того, чтобы смотрѣть на него практически, какъ

Digitized by Google

на примиреніе, стали одна на точку зрѣнія своихъ безусловныхъ требованій, другая на точку зрѣнія безусловно-раціональныхъ требованій. При такомъ отношеніи къ дѣлу обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ всегда проваливается компромиссъ, полумѣра, которая по практическимъ видамъ никогда не можетъ выдержать критики съ безусловной точки зрѣнія. Общественное мнѣніе въ Англіи возстало противъ проекта, въ особенности за тѣ ограниченія, которыя были вносимы для огражденія свободы совѣсти, ограниченія, составлявшія, съ раціональной точки зрѣнія, дѣйствительно слабѣйшую сторону билля. Профессоръ Фоусеттъ объявилъ въ парламентѣ, что ограниченія эти лишатъ достоинства самое преподаваніе въ новомъ дублинскомъ университетѣ. Профессоръ Плэферъ сказалъ въ парламентѣ же, что на этотъ университетъ будутъ смотрѣть съ презрѣніемъ (scorn) университеты всей Европы. Въ печати высказаны были вещи совершенно справедливыя сами по себѣ. Такъ, газета Pall-Mall, нападая преимущественно на тотъ пунктъ устава, которымъ предоставлялось право наказанія за мнѣнія, выраженныя съ каѳедры, что въ старину въ самой Англіи, въ силу именно такой власти едва не запретили знаменитому Дженнеру, открывшему оспопрививаніе, доказывать теорію вакцинаціи. „Еслибы, говорила таже газета, можно было спросить всю Европу, посредствомъ голосованія, кто изъ живущихъ на всемъ пространствѣ британскихъ острововъ наиболѣе способенъ занять профессорскую каѳедру, то, нѣтъ сомнѣнія, Европа отвѣтила бы—г. Дарвинъ. Никто изъ читавшихъ Дарвина не скажетъ, что онъ намѣренно оскорбляетъ религіозное чувство, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ человѣка, котораго вліяніе религіознаго чувства столь непреложно устранило бы отъ каѳедры, какъ именно г. Дарвина. Неужели же предоставлено будетъ какимъ-нибудь майнутскимъ бурсакамъ (въ Майнутѣ католическая семинарія) право изгонять Дарвина?“ Все это безусловно справедливо, но все это упускаетъ изъ виду самую цѣль билля—примиреніе, компромиссъ. Англичане превосходно сдѣлаютъ, проводя *у себя* безусловно раціональныя начала, и ирландцы прекрасно сдѣлали бы, еслибы приняли ихъ, но вѣдь цѣль билля прямо противоположна той мысли, чтобы англичане благодѣтельствовали ирландцамъ по своему усмотрѣнію, рѣшая сами за нихъ, что для нихъ лучше. Если ирландцы хотятъ просто католическаго университа, то-есть смыслъ предлагать имъ нѣчто такое, что нисколько не враждебно католицизму, нѣчто по существу своему нейтральное; но нѣтъ смысла отвѣчать имъ, что католическій университетъ нехорошъ, хотя это и правда, что мы-молъ лучше дадимъ вамъ такой университетъ, гдѣ будетъ Дарвинъ.

Но главная бѣда для проекта Гладстона возникла съ другой

Digitized by Google

стороны: католическіе прелаты самой Ирландіи возстали противъ него. Со слѣпымъ упорствомъ, столь свойственнымъ католицизму и его представителямъ вообще, они стали на безусловную точку своихъ крайнихъ требованій и отвергли уступки правительства. Какъ, восклицали они, вы хотите, чтобы по прежнему одни протестанты въ католической Ирландіи имѣли богатыя коллегіи, снабженныя музеями, библіотеками, стипендіями, всѣми средствами, и чтобы католики вступали въ состязаніе съ ними на университетскомъ полѣ, лишенные всѣхъ средствъ и пособій! Вы даете намъ какое-то чудовищное, неимѣющее пола существо, которое называете университетомъ, нѣчто такое, что вы сами принуждены сдѣлать посмѣшищемъ, посредствомъ разныхъ ограниченій, нѣчто все-таки отъ васъ же зависящее, а между тѣмъ ожидаете, что мы за такой даръ будемъ кланяться вамъ? Вы смѣете называть это уступкой, шагомъ къ примиренію; вы, саксонцы, расхитившіе всѣ средства Ирландіи, отнявшіе у нея землю, деньги и образованіе, вы бросаете намъ пенни неимѣющій чекана, сами смѣетесь надъ нимъ, и ждете, что мы нагнемся поднять его и поклонимся вамъ? Все это пустяки. Отдайте намъ наши деньги, и мы сами устроимъ себѣ, что намъ надо. Въ практическомъ переводѣ это означало: упразднитe богатыя протестантскія коллегіи въ Ирландіи, а на ихъ средства устройте или дайте намъ устроить католическій университетъ со всѣми необходимыми учебными пособіями.

Когда страстный протестъ неисправимаго католическаго духовенства противъ мѣры Гладстона сталъ фактомъ, то судьба мѣры, очевидно, уже была рѣшена. Одинъ изъ наиболѣе замѣтныхъ представителей той группы виговъ, которая наиболѣе близка къ консерваторамъ и неохотно слѣдуетъ за вождемъ „ударившимся въ радикализмъ", той самой группы, благодаря которой министерство, признавшее Гладстона своимъ главою, уже однажды пало, и изъ которой Гладстонъ впослѣдствіи взялъ своего министра финансовъ, Роберта Лоу — чѣмъ и ослабилъ ее—извѣстный ораторъ Горсменъ въ рѣзкой, неопровержимой по логикѣ рѣчи доказалъ, что такъ какъ билль Гладстона со всѣми своими несовершенствами имѣлъ смыслъ только какъ попытка къ примиренію съ Ирландіею, то теперь, когда Ирландія его отвергла, билль этотъ никакого смысла не имѣетъ. На это Гладстонъ отвѣчалъ одной изъ тѣхъ рѣчей, въ которыхъ ярко выступаетъ личность этого энергическаго, добросовѣстнаго, мыслящаго и упорнаго дѣятеля. Онъ утверждалъ, что билль имѣетъ прежній и весьма важный смыслъ, несмотря на оппозицію ирландскаго духовенства; что никогда онъ, Гладстонъ, не имѣлъ въ виду заслужить одобреніе духовенства, подойти подъ католическую ферулу;

Digitized by Google

что онъ предпринялъ дѣло нужное ирландскому народу, а не духовенству, и что англійское общество обязано исторіею, обязано всѣмъ, что упрекаетъ его въ прошломъ — идти къ примиренію съ Ирландіею; что таковъ именно смыслъ билля, и что передъ этой его цѣлью мало значатъ предъявленныя противъ него теоретическія соображенія. Эта рѣчь вполнѣ соотвѣтствовала темпераменту Гладстона и его роли, какъ онъ самъ ее понимаетъ. Мыслитель съ крѣпкимъ убѣжденіемъ и дѣятель съ непреклонной волею, онъ готовъ былъ провести свою мысль, свое убѣжденіе вопреки обѣимъ заинтересованнымъ сторонамъ, ссылаясь на народъ, котораго не слышно.

Но, если онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что въ Ирландіи билль не одобряетъ только духовенство, то онъ ошибся: ирландскіе члены палаты общинъ подали голоса *противъ* него; впрочемъ, едва-ли Гладстонъ самъ ожидалъ въ то время иного исхода, онъ только боролся до конца, всѣми силами, вѣрный своему характеру. Уже на одномъ банкетѣ, до голосованія передъ вторымъ чтеніемъ билля, на обѣдѣ въ честь 25-лѣтняго юбилея одного изъ членовъ либеральной партіи, представителя Кройдона (городъ близъ Лондона), г. Локкакинга, премьеръ какъ-бы читалъ отходную своему кабинету; въ его спичѣ уже перечислялись цѣли достигнутыя и звучала нота потребности въ отдыхѣ. Провести въ теченіи пяти лѣтъ десять парламентскихъ сессій, сидя почти безсмѣнно въ вестминстерской палатѣ, съ половины дня до глубокой ночи, такъ какъ ни одно сколько-нибудь важное дѣло не обходится безъ вопросовъ премьеру или его вмѣшательства; быть приготовлену отвѣчать на вопросы по всѣмъ дѣламъ, совершать иногда истинно-геройскіе подвиги напряженія нравственнаго и физическаго, чтобы покорить палату и въ то же время—совѣщаться съ товарищами, условливаться съ членами своей партіи; наконецъ, вести дѣло самого управленія—вотъ что вынесъ Гладстонъ за послѣдніе годы, вотъ каковъ трудъ англійскихъ министровъ. Какъ у нихъ хватаетъ силъ?—случилось намъ однажды спросить у одного изъ только-что дѣлавшихъ запросъ.—It's killing work, былъ отвѣтъ.

Видя, наконецъ, что билль нельзя провести безъ измѣненій, Гладстонъ поручилъ военному министру Кардвеллю „облегчить" для билля путь ко второму чтенію. Кардвелль въ своей рѣчи доказывалъ, что правительство совсѣмъ не придаетъ безусловнаго значенія всѣмъ статьямъ, что оно не имѣло въ виду соглашенія съ духовенствомъ, и что билль можетъ быть подвергнутъ измѣненіямъ при обсужденіи подробностей его въ „комитетѣ", то-есть въ томъ, такъ сказать, „разговорномъ" засѣданіи, которое наступаетъ въ палатѣ, когда со стола снята булава, и билль, „прочтенный во второй разъ", обсуждается въ деталяхъ. Лишь бы только состоялось второе чтеніе,

Digitized by Google

лишь бы билль былъ одобренъ въ принципѣ, а тамъ мы можемъ многое уступить, потому что ничѣмъ не связаны ни передъ кѣмъ,— вотъ что давала понять рѣчь военнаго министра. Противники билля могли объяснять рѣчь Кардвелля въ такомъ смыслѣ, что хотя первоначально билль и былъ предназначенъ къ тому, чтобы заслужить одобреніе ирландскаго духовенства, и въ то время правительство ничего не уступило бы изъ билля, что́ могло казаться благопріятнымъ католикамъ, но такъ какъ католики отвергли билль, то теперь правительство въ свою очередь готово отречься отъ нихъ, сознать свою ошибку и поступить сообразно полученному уроку, то-есть именно пожертвовать совершенно статьями, ограждавшими католиковъ, лишь бы билль прошелъ, то-есть лишь бы правительство не понесло пораженія. Еслибы Гладстонъ самъ ничего не прибавилъ къ рѣчи военнаго министра, то она такъ бы и была понята, и второе чтеніе билля навѣрное состоялось бы, а затѣмъ билль подвергся бы существеннымъ измѣненіямъ въ комитетѣ, но правительство все-таки избѣгло бы прямого пораженія; повѣривъ его обѣщанію уступокъ и допустивъ второе чтеніе, парламентъ тѣмъ самымъ выразилъ бы довѣріе правительству, и тогда никакого кризиса не могло бы произойти.

Такъ, навѣрное, поступилъ бы, въ подобныхъ обстоятельствахъ, почтенный джентльменъ „сидящій на другой сторонѣ" стола, то-есть Бенджаминъ Дизраэли. Такъ именно онъ провелъ билль объ избирательной реформѣ, растерявъ по дорогѣ всю сущность своего проекта, и, сохранивъ почти одно заглавіе своего проекта, хвастался потомъ побѣдой. Но такъ не могъ поступить Уилльямъ Гладстонъ. Онъ неспособенъ униженіемъ покупать себѣ побѣду. Поэтому, послѣ рѣчи Кардвелля, сознавая впечатлѣніе ею произведенное, Гладстонъ всталъ и объявилъ, что „объясненія данныя теперь правительствомъ слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что оно готово при разсмотрѣніи статей подвергнуть обсужденію достоинство ихъ (discuss propositions on their *merits*), а не въ томъ смыслѣ, что правительство будто бы признается въ ошибкѣ (that they were in *error*) и согласно передѣлать (alter) билль". Тогда Дизраэли съ своей всегдашней фехтовальной ловкостью тотчасъ усмотрѣлъ, какъ это объявленіе раскрыло грудь противника, и немедленно нанесъ ему тяжкій ударъ: „и такъ, сказалъ онъ, объясненія данныя правительствомъ сводятся лишь къ кому, что когда мы допустимъ второе чтеніе билля, то выиграемъ этимъ не болѣе, какъ согласіе правительства разсуждать съ нами о спорныхъ пунктахъ. Это должно сдѣлать насъ осторожными. Само собою разумѣется, что когда мы начнемъ обсуждать подробности, то будемъ обсуждать ихъ, иначе что же мы будемъ дѣлать?

Digitized by Google

значитъ, правительство нисколько не обязывается сдѣлать намъ уступки по существеннымъ пунктамъ, да это и понятно: если бы правительство согласно было измѣнить билль въ его сущности, то оно просто должно было бы взять его назадъ". Вотъ что сказалъ Дизраэли, не желая, конечно, и знать, какъ самъ онъ допускалъ всевозможныя искаженія своихъ биллей, чтобы только избѣгнуть пораженія.

Но рѣчь Дизраэли произвела большое впечатлѣніе, и не только на его приверженцовъ, но и на Гладстоновское большинство. Часть этого большинства давно устала слѣдовать за своимъ вождемъ, давно упрекаетъ его въ „радикализмѣ", какъ Горсменъ, или въ отсталости, какъ Дилькъ и Гербертъ, или въ личномъ деспотизмѣ, какъ всѣ, кого Гладстонъ не послушалъ. Онъ слишкомъ долго министръ, это очевидно, онъ истощилъ преданность своего лагеря.

При голосованіи по предложенію прочесть билль во второй разъ, за это предложеніе оказались 284 голоса, противъ — 287 голосовъ; билль былъ отвергнутъ и правительство потерпѣло полное пораженіе. Оппозиція громкими криками привѣтствовала этотъ результатъ и, по словамъ одного корреспондента, видно было, какъ нѣкоторые члены ея пожимали другъ другу руки, взаимно поздравляя себя. Дѣло было въ третьемъ часу ночи. Большинство трехъ голосовъ противъ правительства—повидимому, не особенно импонирующая цифра; но надо вспомнить, что у Гладстона въ палатѣ бываетъ постоянное большинство до 80-ти голосовъ. Итакъ, 80 голосовъ положительныхъ превратились въ 3 отрицательныхъ—вотъ цифровое значеніе результата. На другой день, у дворцовъ парламента собралась толпа. Гладстонъ пришелъ пѣшкомъ и при входѣ, а также проходя чрезъ древнюю „вестминстерскую залу" былъ привѣтствуемъ собравшеюся тамъ публикою. Въ палатѣ онъ объявилъ, что министерство просило королеву объ увольненіи и что просьба эта принята. На женскій вопросъ одного изъ членовъ—кто же будетъ новый премьеръ?—онъ возразилъ, что съ этимъ вопросомъ слѣдуетъ обратиться къ новому правительству. Само собою разумѣлось, что новое правительство должно было состоять изъ джентльменовъ, сидящихъ на другой сторонѣ палаты. Королева призвала Дизраэли, „по совѣту самого Гладстона"; иначе и быть не могло.

Но Дизраэли не удалось составить правительства. Между тѣмъ Гладстонъ, по соблюдаемому въ этомъ случаѣ обычаю, уѣхалъ за городъ и ждалъ тамъ рѣшенія. Прошло нѣсколько дней; говорили, что Дизраэли ждалъ пріѣзда лордовъ Дерби и Кэрнса и совѣщался съ членами своей партіи. На самомъ дѣлѣ, Дизраэли, вѣроятно, съ самаго начала не помышлялъ серьёзно о принятіи власти. Нынѣшней палатѣ остается законный срокъ еще до 1875 года, хотя, впрочемъ,

Digitized by Google

палата никогда не доживаетъ полнаго срока. Какъ управлять страною при палатѣ, въ которой большинство принадлежитъ противной партіи и хотя разстроилось по отдѣльному вопросу, но можетъ при всякомъ случаѣ превзойти правительственную партію 80-ю голосами? Съ другой стороны, если принять власть въ надеждѣ на благопріятный консерваторамъ результатъ новыхъ выборовъ, то-есть, въ предположеніи распустить палату, то избирательныя издержки и теперь такъ еще велики, что на распущеніе члены смотрятъ всегда какъ на жертву, а страна какъ на особое усиліе; жертва и усиліе оправдываются только чрезвычайнымъ обстоятельствомъ, необходимостью спросить мнѣніе страны по опредѣленному политическому вопросу, а не по одному только вопросу—кому быть министромъ. Гладстонъ имѣлъ бы поводъ распустить палату, еслибы считалъ возможнымъ спрашивать мнѣніе страны по вопросу объ ирландскомъ университетѣ. Но у Дизраэли никакого готоваго вопроса, стало-быть и повода къ тому, чтобы вопрошать страну, не было. Въ своихъ послѣдующихъ объясненіяхъ въ палатѣ, онъ даже объявилъ, что у консервативной партіи вовсе и нѣтъ программы мѣръ, такъ какъ сущность ея направленія въ томъ именно и состоитъ, чтобы охранять существующее. Въ свое время мы разбирали эту мысль, когда она была впервые высказана другимъ вождемъ партіи тори, маркизомъ Сэльсбэри; Дизраэли въ сущности только повторилъ ее. Правда, вскорѣ онъ же, въ другой рѣчи, объяснилъ, что никогда еще задача консервативной партіи не была такъ опредѣленна, какъ теперь, когда надламываются всѣ „національныя" учрежденія Великобританіи, когда угрожаетъ опасность и церкви, и поземельной собственности. Одно время говорили, что консервативное правительство могъ бы составить графъ Дерби. Нынѣшній графъ Дерби, доселѣ болѣе извѣстный у насъ подъ титуломъ лорда Стэнли, который онъ носилъ при жизни отца, уже бывалъ министромъ; онъ очень талантливый человѣкъ, и въ консерватизмѣ своемъ приближается къ либераламъ настолько, насколько либералъ Горсменъ близокъ къ консерватизму. Между принципами, политическими взглядами такихъ людей, какъ эти двое, можно сказать, нѣтъ различія, хотя каждый знаетъ *свою* сторону, *свою* партію и не можетъ перейти подъ чужое знамя. Отецъ графа Дерби, какъ извѣстно, былъ долгое время признаннымъ главой партіи тори, и это само уже даетъ сыну его нѣкоторый авторитетъ въ партіи, независимо отъ личныхъ его способностей. Но молодой лордъ Дерби не имѣетъ достаточно того, что́ старикъ Дизраэли имѣетъ въ изобиліи—смѣлости. Однимъ словомъ, консервативное правительство не состоялось, и оба вождя, Дизраэли и Гладстонъ, явились въ палату со своими объясненіями объ исходѣ ми-

Digitized by Google

нистерскаго кризиса. Дизраэли объяснилъ, что отказался потому, что не счелъ возможнымъ управлять при нынѣшнемъ составѣ палаты. Гладстонъ объяснилъ, что онъ „получилъ отъ ея величества такое сообщеніе, которое удостовѣрило его, что оппозиція, при настоящемъ случаѣ, не намѣрена составить правительства". Эти слова Гладстона были поняты въ такомъ смыслѣ, какъ будто онъ хотѣлъ дать понять, что Дизраэли предложилъ королевѣ распустить палату, но что *королева не согласилась* на это, и тогда Дизраэли устранился. Дизраэли тотчасъ всталъ снова, „чтобы разъяснить то, что иначе можетъ быть понято въ превратномъ смыслѣ (misconstrued). Когда королева спросила меня, готовъ ли я составить управленіе, то я отвѣчалъ, что хотя я и готовъ составить правительство, которое могло бы вести дѣла страны къ удовольствію ея величества, но не могу принять на себя вести управленіе при нынѣшней палатѣ общинъ". Извѣстно, что лицо монарха никогда не упоминается въ правильныхъ отправленіяхъ парламентской дѣятельности; особа монарха неотвѣтственна, а стало-быть къ нему нельзя относить никакого дѣйствія; корона всегда закрыта правительствомъ отвѣтственнымъ. Но вполнѣ понятно, что когда это правительство на время исчезаетъ, то корона открывается. Англійскія газеты много занимались тою мыслью, какую онѣ заподозрили въ объясненіяхъ Гладстона, именно будто королева сама могла хотѣть или не хотѣть чего-нибудь. Но въ концѣ онѣ вполнѣ удовлетворились объясненіемъ Дизраэли. „Pall-Mall" замѣтилъ по этому поводу: „Таинственныя выраженія, употребленныя гг. Гладстономъ и Дизраэли, на минуту произвели такое впечатлѣніе, будто лицо (the personage), которое теоретически служитъ центромъ и главной пружиной нашихъ учрежденій, пріобрѣло вновь нѣкоторую степень практическаго значенія (importance); но теперь, когда все, что было сказано въ палатѣ, подверглось точному учету, мы можемъ только, вмѣстѣ со всѣмъ обществомъ, поздравить ея величество со вполнѣ конституціоннымъ образомъ ея дѣйствія, состоявшаго въ томъ, что она спросила обоихъ джентльменовъ, серьёзно ли они думаютъ то, что говорятъ ей". Итакъ, Гладстонъ и все его правительство остались, но ослабленные пораженіемъ, остались, „но не прежніе". Замѣчательная черта нравовъ обнаруживается еще изъ объясненій Гладстона; оказывается, что когда королева сообщила ему поводы, въ силу которыхъ Дизраэли отказался составить правительство, то онъ, Гладстонъ, „воспользовался временемъ отъ пятницы до воскресенья для того, чтобы написать нѣсколько писемъ государынѣ, въ которыхъ подвергнулъ возраженія г. Дизраэли критическому разбору", доказывая, что Дизраэли слѣдовало составить правительство. Содержаніе одного изъ этихъ писемъ Гладстонъ прочелъ палатѣ.

Digitized by Google

Вмѣстѣ съ тѣмъ объяснивъ, что самъ желалъ отдыха и неохотно остался въ управленіи, онъ прибавилъ важное заявленіе, что не думаетъ распускать палату въ текущемъ году, развѣ если будетъ вынужденъ къ тому непредвидѣнными обстоятельствами; но что обѣщанія онъ этимъ никакого не даетъ, оставляетъ за собою полную свободу дѣйствій и прямо проситъ свою партію знать, что онъ не принялъ никакого обязательства передъ ними въ томъ смыслѣ, что парламентъ распущенъ не будетъ.

Въ положеніи Франціи за послѣдній мѣсяцъ произошли двѣ важныя перемѣны: временная конституція измѣнена и дополнена новыми законами объ отношеніяхъ президента республики къ собранію и заключена новая конвенція съ Германіею, которая ускоряетъ очищеніе французской территоріи отъ стоящихъ на ней германскихъ войскъ.

Такъ-называемая коммиссія Тридцати была назначена собраніемъ подъ вліяніемъ двухъ потребностей: потребности отразить посланіе, которымъ Тьеръ возобновилъ сессію и въ которомъ объявлялъ, въ осторожно составленныхъ выраженіяхъ, что республика есть фактъ, стало быть объ установленіи ея не слѣдуетъ разсуждать, или что фактъ этотъ уже не подлежитъ обсужденію; слова посланія имѣли тотъ и другой смыслъ; затѣмъ—потребности удовлетворить желанію Тьера о томъ, чтобы „придать республикѣ консервативный характеръ“ посредствомъ нѣкоторыхъ новыхъ учрежденій, въ числѣ которыхъ онъ предоставлялъ, къ удовольствію палаты, нѣсколько стѣснить условія всенароднаго избирательства, а за то, къ своему удовольствію, предполагалъ устроить вторую, верхнюю палату, посредствомъ которой можно было бы отдѣлаться отъ первой, такъ какъ, по мысли Тьера, второй палатѣ принадлежало бы право, въ согласіи съ правительствомъ, распускать первую, то-есть распустить нынѣшнюю. Для удовлетворенія такимъ двумъ потребностямъ, большинство и рѣшилось назначить коммиссію Тридцати, во-первыхъ, съ тѣмъ, чтобы напомнить Тьеру, что „бордоское соглашеніе“ продолжаетъ еще существовать, что нынѣшній порядокъ вовсе не имѣетъ характера окончательно принятой формы правленія, и что собранію принадлежитъ державная, учредительная власть; для того же, чтобы избавить собраніе отъ личнаго давленія, какое на нее производило доселѣ личное участіе Тьера въ преніяхъ и неоднократныя его угрозы выдти въ отставку—ограничить право его участія въ преніяхъ собранія и установить отвѣтственность министровъ. Во-вторыхъ, коммиссія Тридцати была назначена для выслушанія учредительныхъ проектовъ Тьера и приведенія ихъ въ такое равновѣсіе, чтобы кон-

Digitized by Google

сервативное большинство не дало ему болѣе, чѣмъ получить отъ него, и чтобы у второй палаты отнять главное ея назначеніе возможность сдѣлаться орудіемъ Тьера для распущенія нынѣшняго собранія.

Послѣ нескончаемыхъ переговоровъ, преній и объясненій съ Тьеромъ коммиссія представила наконецъ продуктъ своего „соглашенія" съ Тьеромъ. Докладчикомъ ея былъ герцогъ Брольи. Весь кодъ соглашенія и самый законъ, бывшій его послѣдствіемъ, представляли — въ теоріи — полное пораженіе Тьера. Сперва министръ юстиціи произнесъ рѣчь, которою правительство въ сущности отрекалось отъ той точки, на которую Тьеръ сталъ-было въ посланіи. Потомъ, самый проектъ закона былъ составленъ такъ, что онъ провозглашалъ полное право собранія дать Франціи иныя учрежденія, а въ отдѣльныхъ статьяхъ осуществлено ограниченіе участія Тьера въ преніяхъ, и у второй палаты впередъ отнята возможность быть орудіемъ къ распущенію нынѣшней. Вотъ текстъ новаго закона, въ томъ видѣ, какъ онъ состоялся окончательно: „Національное собраніе, сохраняя за собой въ неприкосновенности принадлежащую ему учредительную власть (pouvoir constituant), но желая сдѣлать улучшенія въ кругѣ дѣйствій органовъ власти, опредѣляетъ: *Ст. 1.* Первая статья закона 31-го августа 1871 года измѣняется нынѣ слѣдующимъ образомъ: президентъ республики сообщается съ собраніемъ посредствомъ посланій, которыя, за исключеніемъ открывающихъ сессіи, прочитываются на трибунѣ министромъ. Однако онъ и лично можетъ быть выслушиваемъ собраніемъ при обсужденіи законовъ, когда признаетъ это нужнымъ и предувѣдомитъ о томъ собраніе посланіемъ. Пренія, въ которыхъ президентъ республики желаетъ принять участіе, пріостанавливаются по полученіи посланія, и президентъ выслушивается на слѣдующій день, развѣ состоится отдѣльное постановленіе, что онъ будетъ выслушанъ въ тотъ же день. Послѣ его рѣчи, засѣданіе прекращается и пренія возобновляются только въ другое засѣданіе. Обсужденіе происходитъ внѣ присутствія президента республики. *Ст 2.* Президентъ республики обнародываетъ (promulgue) въ теченіе трехъ дней тѣ законы, которые признаны неотлагательными (urgentes), а другіе законы въ теченіе мѣсяца послѣ принятія ихъ собраніемъ. Въ теченіе трехдневнаго срока президентъ имѣетъ право потребовать посланіемъ, излагающимъ причины, чтобы такой законъ, который не проходилъ чрезъ троекратное чтеніе, былъ подвергнутъ обсужденію вновь. По законамъ, подлежащимъ формальности трехъ чтеній, президентъ республики имѣетъ право, послѣ второго чтенія, чтобы обсуждаемый проектъ заносимъ былъ на очередь для третьяго обсужденія не ранѣе, чѣмъ въ двух-

Digitized by Google

мѣсячный послѣ того срокъ. *Ст. 3* (не была въ первоначальномъ проектѣ коммиссіи и прибавлена во время преній). Предшествующая статья не примѣняется къ такимъ законодательнымъ мѣрамъ, которыя національное собраніе приметъ на основаніи своихъ учредительныхъ правъ, оговоренныхъ во вступленіи къ настоящему закону. *Ст. 4* (прежде 3-я). Запросы могутъ быть обращаемы только къ министрамъ, а не къ президенту республики. Когда обращенные къ министрамъ запросы или присланныя собранію петиціи относятся къ дѣламъ иностраннымъ, то президентъ республики будетъ имѣть право дать объясненія самъ. Когда же запросы или петиціи эти будутъ касаться политики внутренней, то одни министры будутъ отвѣтствовать за дѣйствія до нихъ относящіяся (qui les concernent). Однако же, и президентъ республики имѣетъ право быть выслушаннымъ, съ соблюденіемъ формъ опредѣленныхъ въ статьѣ 1-й, но только въ такомъ случаѣ, если совѣтъ министровъ, особымъ заключеніемъ, объявитъ, что возбужденные вопросы касаются общей политики правительства и потому имѣютъ связь съ отвѣтственностью президента республики, и если притомъ такое заключеніе совѣта было до открытія въ собраніи преній предварительно сообщено собранію вице-президентомъ совѣта министровъ. Выслушавъ заявленіе вице-президента совѣта, собраніе назначаетъ день для открытія преній. *Ст. 5.* Національное собраніе разойдется не ранѣе, какъ законодательно опредѣливъ (avoir statué): 1) устройство и способъ перехода властей законодательной и исполнительной; 2) учрежденіе и права второй палаты, которая вступитъ въ должность только послѣ того, какъ настоящее собраніе разойдется, и 3) избирательный законъ. Правительство представитъ собранію проекты законовъ по исчисленнымъ выше предметамъ".

Проектъ, составленный коммиссіею Тридцати, „по соглашенію" съ Тьеромъ, прошелъ въ собраніи безъ измѣненій, кромѣ оговоренной выше вставки, которая составила 3-ю статью закона. Самая эта вставка представила, очевидно, новое пораженіе для правительства, такъ какъ его veto не будетъ примѣняться, стало быть, къ важнѣйшимъ изъ актовъ собранія, именно къ актамъ учредительнымъ. Главнымъ образомъ статья эта направлена противъ всякой возможности Тьера остановить своимъ veto измѣненіе правленія, если бы большинство внезапно рѣшилось произвести такое измѣненіе. Но, въ болѣе широкомъ смыслѣ, это ограниченіе veto президента, устраненіемъ его отъ учредительныхъ проектовъ, можетъ быть истолковано и въ смыслѣ почти полнаго лишенія его права veto, такъ какъ всякій законъ самъ по себѣ уже есть учредительный актъ, учрежденіе. Въ теоріи—повторяемъ—весь ходъ дѣла и,

Digitized by Google

наконецъ, самый проектъ представляетъ полное пораженіе тьеровской политики въ томъ смыслѣ, какъ она была высказана въ его посланіи. Прямое, личное вліяніе его на собраніе стѣснено всякими формальностями (ихъ прозвали—chinoiseries) и собраніе, хотя предоставило ему veto, но только въ видѣ кратковременнаго пріостановленія законовъ, и то менѣе важныхъ; наконецъ, оно хотя и обѣщало Тьеру вторую палату, но именно только пообѣщало, да еще впередъ лишило его надежды найти въ ней исходъ изъ нынѣшняго положенія, а за то оговорило свое намѣреніе разойтись не прежде, какъ по устройствѣ властей и порядка ихъ перехода, то-есть, пожалуй,—учредивъ монархію?

Но это такъ только въ теоріи, на практикѣ же нѣчто совсѣмъ иное. Чтобы перемѣнить правленіе, надо имѣть въ рукахъ силу, которой у монархическаго большинства, раздѣленнаго на три партіи, нѣтъ; въ такомъ случаѣ и параграфъ не поможетъ. У Тьера же, сверхъ того veto, какое ему предоставлено теперь закономъ, есть, все-таки, другое, гораздо сильнѣйшее: онъ оказалъ странѣ такія услуги, что положительно признается единственнымъ человѣкомъ, который можетъ теперь управлять Франціею; пока онъ живъ—другой правитель немыслимъ. А между тѣмъ, грозить своей отставкой, въ случаѣ, если собраніе поступитъ такъ или иначе, Тьеръ, все-таки, можетъ—вотъ болѣе вѣрное veto.

По всей вѣроятности, самъ Тьеръ во всемъ новомъ законѣ усматриваетъ только одно: собраніе пообѣщало ему вторую палату, о которой онъ такъ заботился, и хотя палата эта можетъ осуществиться не ранѣе конца года, но что же въ томъ за бѣда, если Тьеръ къ концу года устроитъ дѣла такимъ образомъ, что собраніе разойдется и безъ иниціативы къ тому со стороны второй палаты? Разница теоріи съ практикою, или лучше—словъ съ дѣломъ, обнаружилась во всемъ блескѣ вскорѣ послѣ того, какъ былъ утвержденъ новый законъ. Объ этой коммиссіи Тридцати говорили мѣсяцы, пренія по ея проекту длились три недѣли. Но *забыли* и коммиссію, и пренія, и законъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ того, какъ узнали, что̀ тѣмъ временемъ *сдѣлалъ* Тьеръ. Чрезъ два дня по утвержденіи собраніемъ изложеннаго закона (13 марта), подписана была (15 марта) новая конвенція между французскимъ и германскимъ правительствами, конвенція, изъ которой усматривается, что Франція окончитъ уплату своей пяти-мильярдной контрибуціи до послѣдняго франка не позже 5 сентября нынѣшняго же года, и не позже двухъ недѣль послѣ этого срока, и послѣдній германскій солдатъ сойдетъ съ ея почвы. Извѣстіе это произвело въ Парижѣ такой восторгъ, въ которомъ совершенно утонули и память о ком-

Digitized by Google

миссіи Тридцати, и новый законъ, и само собраніе. Сила, авторитетъ Тьера возрасли до небывалой степени, и вопросъ о томъ, кто остался побѣдителемъ: онъ или собраніе, въ ихъ борьбѣ между собою, исчезъ, такъ какъ установилось всеобщее народное убѣжденіе, что судьба собранія рѣшена новою конвенціею, что по очищеніи территоріи собраніе принуждено будетъ разойтись. Собраніе поспѣшило поднести Тьеру патріотическое поздравленіе.

Обратимся теперь къ конвенціи. Изъ трехъ мильярдовъ, которые еще подлежали уплатѣ, одинъ, какъ извѣстно, былъ уплаченъ еще осенью. Въ настоящее же время уже уплаченъ и второй, такъ какъ бо́льшая часть его была уже выслана до 15-го марта, и къ 5-му мая (н. с.) должна была окончиться уплата его. Затѣмъ, остается третій и послѣдній (пятый мильярдъ всей контрибуціи), который и будетъ уплаченъ къ 5-му сентября весь. Между тѣмъ какъ трактатъ 29-го іюня 1872 года опредѣлялъ, что послѣдній платежъ по послѣднему мильярду можетъ послѣдовать даже до 1-го марта 1875 года, Тьеръ нашелъ въ финансовыхъ рессурсахъ Франціи средство окончить всю уплату на цѣлыхъ 1½ года ранѣе. Вотъ текстъ главныхъ статей конвенціи 15-го марта 1872-го года, дополняющей предшествующіе трактаты: 26-го февраля и 10-го мая 1871 года и 29-го іюня 1872 года. Франція обязуется остальные 500 милліоновъ изъ четвертаго полумильярда уплатить вмѣсто 1-го марта 1874 года (согласно послѣднему трактату) уже къ 10-му мая 1873-го года. Уплата производится суммами не менѣе 100 милл.; о передачѣ каждой германское правительство должно быть предварено за мѣсяцъ впередъ. Остальной затѣмъ мильярдъ уплачивается Франціею не къ 1-му марта 1875-го года (согласно послѣднему трактату), но уже въ 1873-мъ году въ четыре срока, по 250 милл. фр. каждый разъ, а именно 5-го іюня, 5-го іюля, 5-го августа и 5-го сентября; вмѣстѣ съ послѣднею частью будутъ уплачены германскому правительству и проценты, слѣдующіе съ 2-го марта 1873 года. Императоръ германскій и король Пруссіи обязуется дать своимъ войскамъ необходимыя повелѣнія, дабы округъ Бельфора и четыре департамента: Арденновъ, Вогезовъ, Мэрты-Мозеля и Мааса совершенно были очищены въ 4-хъ-недѣльный срокъ послѣ 5-го іюля, за исключеніемъ только крѣпости Вердёна, съ райономъ трехъ километровъ (верстъ) вокругъ. Крѣпость же Вердёнъ съ упомянутымъ райономъ будетъ очищена въ 14-ти-дневный срокъ съ 5-го сентября 1873 года. Содержаніе войскъ, стоящихъ во Франціи до полнаго очищенія, остается на обязанности Франціи. Число войска, которое будетъ занимать Вердёнъ, не превзойдетъ нынѣшней численности тамошняго гарнизона, именно 1000 человѣкъ. До очищенія Вердёна, округъ Бельфоръ и вышеупомянутые

Digitized by Google

четыре департамента, по выходѣ изъ нихъ германскихъ войскъ, будутъ считаться въ военномъ отношеніи территоріею нейтральной и не получатъ иныхъ войскъ, кромѣ гарнизоновъ,—нужныхъ для поддержанія порядка. Франція (въ теченіи этого времени) не будетъ строить или расширять тамъ укрѣпленій. Въ департаментахъ же занятыхъ германскими войсками, и въ округѣ Бельфора, е. в. императоръ германскій и король Пруссіи не велитъ возводить никакихъ укрѣпленій сверхъ существующихъ. Въ случаѣ неисполненія обязательствъ, въ настоящей конвенціи изложенныхъ, е. в. императоръ германскій и король Пруссіи удерживаетъ себѣ право вновь занять или не очищать указанные выше крѣпости и департаменты. Въ удостовѣреніе чего, уполномоченные обѣихъ сторонъ настоящую конвенцію подписали и приложили свои печати.—Въ Берлинѣ, 15-го марта. Виконтъ де-Гонтó-Биронъ. Бисмаркъ.

Обнародованіе этой конвенціи, повторяемъ, значительно измѣнило и внутренне политическое положеніе во Франціи. Сила Тьера возрасла, и окончательная побѣда его надъ собраніемъ не подлежитъ сомнѣнію; при жизни Тьера республика обезпечена. Но послѣ? Надо постоянно имѣть въ виду, что прочность республики и невозможность установленія монархіи во Франціи зависѣли и зависятъ отъ жизни трехъ людей, изъ которыхъ одному было 65 лѣтъ, другому 76 лѣтъ, а третьему 52½ года. Императоръ Наполеонъ (род. 20 апр. 1808 г.) уже сошелъ со сцены. Пока живъ Адольфъ Тьеръ (род. 16 апрѣля 1797 г.) республику низвергнуть не можетъ никакое большинство собранія; пока живъ Генрихъ, называемый „герцогъ бордосскій, графъ Шамборъ“ (род. 29 сентября 1820 г.), имѣющій легитимное право именоваться „Божіею милостію король Франціи и Наварры“, до тѣхъ поръ монархическая партія раздвоена, безсильна, и сильнѣйшая ея часть—орлеанская, не имѣетъ рѣшительно никакого права на престолъ. Но когда сойдутъ со сцены оба эти лица, тогда легитимнымъ королемъ сдѣлается графъ парижскій, и вся монархическая партія сплотится вокругъ него. Вопросъ будетъ тогда между нимъ и Гамбеттой, и если во Франціи самымъ популярнымъ дѣломъ будетъ возвращеніе утерянныхъ провинцій, то едва ли она не предпочтетъ ту форму правленія, которая представляетъ болѣе крѣпкую организацію для веденія войны на жизнь и на смерть; а такова именно была бы эта война для Франціи. Здѣсь кстати будетъ, въ заключеніе нашей статьи, упомянуть о проектѣ устройства арміи, внесенномъ недавно въ собраніе военнымъ министромъ. По этому проекту сухопутная армія состоитъ изъ дѣйствующихъ войскъ, войскъ мѣстныхъ (территоріальныхъ) и чрезвычайныхъ войскъ (партизанскихъ), которыя образуются при войнѣ и пользуются всѣми

Digitized by Google

международными правами войскъ регулярныхъ. Дѣйствующія войска раздѣляются на бригады, дивизіи и корпуса: 2 пѣхотныхъ полка составляютъ бригаду, и двѣ бригады и батальонъ стрѣлковъ — дивизію, три дивизіи—корпусъ, изъ которыхъ одна дивизія можетъ быть по обстоятельствамъ откомандирована. Соединеніе нѣсколькихъ корпусовъ составляетъ армію, которой дается главнокомандующій; но въ мирное время корпуса прямо подчинены военному министру. Кадры арміи составляютъ 144 пѣхотныхъ трехъ-баталіонныхъ полка, каждый съ однимъ резервнымъ баталіономъ; 36 стрѣлковыхъ баталіоновъ. Изъ этого составляются 36 дивизій, раздѣленныхъ на 12 корпусовъ; 72 конныхъ полка, раздѣленные на бригады и дивизіи, распредѣляются по корпусамъ; 40 полковъ артиллеріи, 4 полка инженерныхъ. Объ этомъ проектѣ мы упоминаемъ и для справки по усиленно разбираемому у насъ теперь вопросу объ организаціи арміи, такъ какъ отмѣна главныхъ штабовъ армій и дѣленія на корпуса послѣдовали у насъ именно по примѣру Франціи. Но справка эта можетъ служить въ пользу обѣихъ спорящихъ у насъ сторонъ: Франція думаетъ теперь возстановить корпуса, это правда; но она не предполагаетъ въ мирное время содержать главныхъ штабовъ, а подчиняетъ свои корпуса непосредственно *военному министру*.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24/12 марта, 1873.

Учредительскія плутни и соціальное движеніе.

Я намѣренъ остановиться сегодня главнымъ образомъ на томъ, что́ у насъ называется „Gründerschwindel“,—на продѣлкахъ учредителей различныхъ обществъ—зло, которое съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все бо́льшее и бо́льшее значеніе. Только мимоходомъ упомяну о политическихъ событіяхъ, весьма коротко, такъ какъ парламентская борьба настоящей минуты не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ занимающему насъ явленію. Главная часть парламентскихъ трудовъ касалась такъ-называемыхъ церковныхъ законовъ, существенныя статьи которыхъ благополучно прошли въ палатѣ депутатовъ и которыми въ непродолжительномъ времени займется палата господъ. Можно почти съ увѣренностью сказать, что законы будутъ приняты, потому что измѣненіе статей 15-й и 18-й конституціи, необходимое,

Digitized by Google

какъ базисъ для этихъ законовъ, вотировано было значительнымъ большинствомъ въ палатѣ господъ.

Значеніе этихъ законовъ въ извѣстномъ отношеніи преувеличено. Они, конечно, очень важны въ данную минуту, но лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ лекарство важно для больного. Въ рѣчи, которую Бисмаркъ произнесъ въ палатѣ господъ, чтобы побудить послѣднюю принять измѣненіе конституціи, онъ весьма справедливо замѣтилъ, что въ настоящей борьбѣ дѣло нейдетъ ни о вѣрѣ, ни о невѣріи, но „о вѣковой борьбѣ за власть между королями и духовенствомъ, которая восходитъ гораздо раньше, чѣмъ рожденіе Спасителя міра, о той борьбѣ, которую еще Агамемнонъ велъ въ Авлидѣ со своими жрецами и которая стоила ему дочери, о той борьбѣ, которая наполняетъ собой нѣмецкую исторію среднихъ вѣковъ до самаго распаденія Германской имперіи". Но во времена глубочайшей набожности, полнѣйшаго подчиненія свѣтскихъ властителей римской церкви, первые пользовались такими правами, которыя въ настоящее время были бы признаны крайнимъ насиліемъ надъ церковью. Карлъ Великій, признанный церковью святымъ, пользовался широкими правами надзора надъ епископами и аббатами. Генрихъ III, одинъ изъ благочестивѣйшихъ германскихъ императоровъ, низложилъ на своемъ пути въ Римъ троихъ тогдашнихъ папъ, которые препирались другъ съ другомъ, и посадилъ на апостольскій престолъ своего избранника, епископа Бамбергскаго. Въ позднѣйшія времена имперскіе суды въ Вѣнѣ и Вецларѣ рѣшали вопросы о назначеніи церковныхъ наказаній, а архіепископы зачастую отвергали претензіи римской куріи и жаловались на нихъ императорамъ. Въ настоящее же время епископъ находится въ такой же зависимости отъ Рима, какъ капелланъ отъ епископа, и вся эта громадная армія повинуется папѣ съ такой механической покорностью, которая врядъ ли знакома свѣтской арміи. Слѣдовательно, для того, чтобы не ввести „государство въ государствѣ" и совершенно нестерпимаго дуализма, свѣтское правительство необходимо должно пользоваться правомъ надзора и воспитывать духовенство въ національномъ духѣ. Въ этомъ отношеніи правительство нельзя упрекнуть ни съ какой стороны. Но если въ парламентской сферѣ шансы ультрамонтановъ неблагопріятны, за то нельзя сказать, чтобы они утратили всякія надежды. Ультра-консервативная партія дѣйствуетъ теперь рѣшительно за-одно съ ними, какъ это ясно выказалось при послѣднихъ дебатахъ въ палатѣ господъ и какъ то ежедневно проявляется въ рѣчахъ „Крестовой Газеты". Въ этихъ дебатахъ особенное вниманіе привлекъ на себя бывшій министръ-президентъ баронъ Мантейфель, не столько своими рѣчами, которыя были довольно незначительны, сколько тѣмъ авто-

Digitized by Google

ритетомъ, которымъ онъ еще пользуется въ извѣстныхъ кружкахъ. Онъ утверждалъ, что когда наступитъ роковой моментъ, то борьба завяжется не между королевской и духовной властями, но между свѣтской властью и пролетаріатомъ,—весьма странное мнѣніе, такъ какъ королевская власть, особенно въ Пруссіи, всегда опиралась на низшіе классы, въ началѣ въ борьбѣ съ дворянствомъ, а затѣмъ въ борьбѣ противъ буржуазіи. „Крестовая Газета" положительно утверждаетъ къ тому же, что обѣ церкви (евангелическая и католическая) имѣютъ одинаковые интересы, и что католическая церковь служитъ сильной опорой консервативному принципу. Это опровергается безчисленными историческими примѣрами, и потому не заслуживаетъ возраженія. Но дѣло въ томъ, что ультра-консерваторы еще тѣснѣе сблизятся съ ультрамонтанами, чѣмъ это было до сихъ поръ, а это обстоятельство не лишено значенія для будущихъ выборовъ, на которыхъ ультрамонтаны по всей вѣроятности одержатъ значительные успѣхи, такъ какъ они ведутъ свое дѣло стойко и ловко, и главное, пользуясь вліяніемъ духовенства на женщинъ. Ихъ ближайшая цѣль—вытѣснить изъ парламента всякаго католика, который не принадлежитъ къ партіи центра (то-есть ультрамонтанамъ). Ультрамонтаны и католики сливаются въ одно и дѣйствуютъ такъ ловко, что нѣсколько свободно-мыслящихъ католиковъ вынуждены были выйти изъ рейхстага и прусскаго ландтага, потому что не чувствовали себя въ силахъ выносить непріятности, которымъ подвергались. Другіе примкнули къ центру, какъ напр., графъ Ульрихъ Шафгочъ, объ исторіи котораго я уже упоминалъ въ прошломъ письмѣ. Графъ Шафгочъ въ юности былъ бѣднымъ ассесоромъ (такъ какъ онъ младшій сынъ, а фамильныя помѣстья заложены и перезаложены), когда ему сдѣлано было предложеніе жениться на дочери человѣка, по имени Годулла, который былъ бѣднымъ рудокопомъ, но разбогатѣлъ, благодаря удачнымъ спекуляціямъ, и оставилъ послѣ себя имущество, оцѣненное въ 6 милліоновъ талеровъ. Такое богатство оправдываетъ *mésalliance*, и графъ, женившись на дѣвушкѣ, которую сначала возвели въ дворянское достоинство (Шафгочи принадлежатъ къ числу бывшихъ владѣтельныхъ особъ, а бракъ этихъ послѣднихъ — считающихся *высшимъ* дворянствомъ — съ особою изъ нисшаго сословія [1]) недѣйствителенъ), вскорѣ затѣмъ произведенъ былъ въ камергеры. Онъ выбранъ былъ въ члены

[1]) Что подразумѣвать подъ словомъ «низшее сословіе»—на это суды смотрятъ разно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ признанъ былъ одинъ изъ такихъ браковъ дѣйствительнымъ, потому что жена высокороднаго дворянина, принадлежавшая къ числу театральныхъ хористокъ, могла доказать, что играла иногда въ незначительныхъ роляхъ и слѣдовательно была «артисткой».

Digitized by Google

рейхстага и примкнулъ въ „нѣмецкой имперской партіи", которая насчитываетъ нѣсколько свободно-мыслящихъ католиковъ въ своихъ рядахъ. Но, вдругъ перемѣнилъ направленіе, выдѣлился изъ партіи, принялъ участіе въ агитаціяхъ ультрамонтановъ, поддерживалъ ихъ деньгами и вносилъ денежные штрафы за редакторовъ ультрамонтанскихъ газетъ и проч. Поэтому неудивительно, что князь Бисмаркъ такъ энергично напалъ на него. Министерство рѣшило даже по этому случаю, что графъ долженъ быть удаленъ отъ двора, но такъ какъ у него большія связи, то дѣло пока замялось.

Церковные законы вызываютъ не меньшее ожесточеніе въ кругу строгихъ лютеранъ, которыхъ теперь принято называть „евангелическими ультрамонтанами", и не потому, чтобы евангелической церкви грозили особенныя ограниченія, благодаря этимъ законамъ: хотя они распространяются на обѣ церкви, или лучше сказать на всѣ религіозныя общины, но случаи ихъ примѣненія почти исключительно возможны лишь въ сферахъ католической церкви. Тѣмъ не менѣе трезвый, ясный, свѣтскій духъ этихъ законовъ возмущаетъ фанатиковъ евангелическаго лагеря, и они такого же мнѣнія о Фалькѣ, какого Шарлемеръ-Альстъ о Бисмаркѣ, то-есть, что онъ служитъ двумъ господамъ: прусскому королю и сатанѣ. Шарлемеръ-Альстъ упрекнулъ въ этомъ Бисмарка въ отвѣтъ на упрекъ, брошенный послѣднимъ ультрамонтанамъ, что они служатъ двумъ господамъ: королю въ Пруссіи и папѣ въ Римѣ.

Наравнѣ съ церковными законами, общественное мнѣніе занималось одно время вопросомъ, возбужденнымъ Ласкеромъ. Еще въ февралѣ Ласкеръ въ палатѣ депутатовъ коснулся подкуповъ, совершающихся по желѣзнодорожному дѣлу, въ такой мастерской рѣчи, которую, быть можетъ, рѣдко удавалось слышать въ парламентѣ вообще. Онъ дѣлалъ тяжкіе упреки министру торговли въ томъ, что при присужденіи желѣзнодорожныхъ концессій играла важную роль протекція; кромѣ того, онъ изобличалъ поведеніе учредителей, ихъ отвратительную манеру наживаться на счетъ публики и при этомъ особенно напиралъ на „Померанскую Центральную желѣзную дорогу", настоящимъ творцомъ которой является тайный совѣтникъ Вагенеръ, служащій въ государственномъ министерствѣ и довѣренное лицо Бисмарка, который самъ нисколько непричастенъ къ этому дѣлу. Мимоходомъ Ласкеръ задѣлъ еще два лица изъ высшей аристократіи, которые продали свои имена акціонернымъ компаніямъ—иначе нельзя выразиться. Одинъ изъ нихъ—принцъ Биронъ Курляндскій, котораго Ласкеръ упрекнулъ въ томъ, что онъ продалъ полученную имъ концессію за 100,000 талеровъ. Принцъ отрицалъ справедливость этого факта, но Ласкеръ подтвердилъ фактами свое показаніе. При этомъ

Digitized by Google

оказалось, что принцъ потребовалъ себѣ за концессію 100,000 талеровъ въ акціяхъ, но его партнеры прижали его: они предоставили въ его распоряженіе акціи, но *за деньги*, которыя принцъ имѣлъ тѣмъ менѣе охоты уплатить, что акціи стояли очень низко. Но главнымъ дѣломъ оказалось, какъ уже сказано, вагенеровское. Въ краткихъ словахъ оно заключается въ слѣдующемъ: Вагенеръ получилъ концессію на желѣзную дорогу отъ Вангерина до Коница (въ Померанія), которая получила громкое названіе Померанской Центральной желѣзной дороги. Для эксплуатаціи этой концессіи соединился онъ съ двумя банкирами и, втроемъ, они образовали учредительскій комитетъ. Основной капиталъ объявленъ былъ въ семь слишкомъ милліоновъ талеровъ, но когда дѣло дошло до подписки, то въ дѣйствительности подписались всего на 40,000 талеровъ, а вся остальная сумма была покрыта мнимыми подписями, что́ всегда возможно, такъ какъ законъ не требуетъ провѣрки подписей. Начиная съ этой минуты, учредители произвели цѣлый рядъ недобросовѣстныхъ операцій, цѣлью которыхъ было присвоить себѣ 40,000 талеровъ, въ видѣ вознагражденія за труды и изъ которыхъ Вагенеръ долженъ былъ получить половину. Подобныя вещи, а быть можетъ и худшія, совершались безчисленное множество разъ, но въ настоящемъ дѣлѣ характеристично то, что тутъ скомпрометтированъ высокопоставленный чиновникъ.

Когда Ласкеръ говорилъ свою рѣчь, то она была встрѣчена нѣмымъ молчаніемъ. Въ палатѣ депутатовъ засѣдаетъ много „учредителей", но ни одинъ не рѣшился возразить хотя бы однимъ словомъ оратору, и это было большой ошибкой, потому что Ласкеръ въ своей рѣчи хватилъ черезъ край. Онъ говорилъ какъ какой-нибудь философъ древности, какъ творецъ „*Omnia mea mecum porto*", или какъ человѣкъ, который, избравъ своимъ мѣстожительствомъ бочку, устранился отъ всякаго квартирнаго вопроса. Но еслибы всѣ люди думали такимъ образомъ, то громадные успѣхи цивилизаціи, добытые человѣчествомъ, были бы невозможны, и человѣчество погрузилось бы въ варварство, еслибы стремленіе къ пріобрѣтенію совсѣмъ угасло.

Но величайшая ошибка въ рѣчи Ласкера заключается въ томъ, что она задѣла всѣхъ, кто только когда-либо занимался какими-нибудь дѣлами и предпріятіями, и что поэтому всѣ оскорбленные сплотились въ одно цѣлое, и невиновные покрываютъ виновныхъ. Поэтому общее мнѣніе таково, что все это дѣло окончится ничѣмъ.

Объ этомъ дѣлѣ распускаются впрочемъ всякаго рода басни. Французскія газеты намекали даже, что два смертныхъ случая, которые могли быть весьма пріятны для Вагенера, никакъ не могли быть случайными,—точно мы живемъ въ такомъ столѣтіи, когда отрав-

Digitized by Google

леніе можетъ служить орудіемъ въ политикѣ. Вышеупомянутые смертные случаи, которые находятся въ нѣкоторой связи съ процессомъ, не могутъ имѣть никакого вліянія на его исходъ. Городской судья Эльснеръ фонъ-Гроновъ, который занесъ въ торговый регистръ Померанскую Центральную желѣзную дорогу, между тѣмъ какъ его предшественникъ отказывался сдѣлать это, давно уже хворалъ, и гнѣвъ, причиненный ему сильными нападками Ласкера, обусловилъ плохой оборотъ болѣзни. Вообще всѣ городскіе судьи сходятся во мнѣніи о покойномъ, который считался вполнѣ честнымъ человѣкомъ.

Загадочное отношеніе правительства къ дѣлу Вагенера объясняется весьма просто двумя слѣдующими мотивами: 1) сто разъ заявленнымъ принципомъ, не уступать давленію общественнаго мнѣнія (стóитъ только припомнить, что именно сильныя нападки со стороны палаты укрѣпляли положеніе министровъ Липпе и Мюлера, хотя эти послѣдніе давно уже обречены были паденію); и 2) то, что политическая дѣятельность Вагенера и его конфиденціальное положеніе поставили его въ возможность узнать много тайнъ, вслѣдствіе чего обращеніе съ нимъ требуетъ особенной осмотрительности. Поэтому вы можете принять за вѣрное, что Вагенеръ рано или поздно будетъ удаленъ съ своего поста, но этимъ все дѣло и ограничится, и онъ даже не будетъ терпѣть матеріальной нужды.

Возвращаясь къ основной идеѣ рѣчи Ласкера, а именно злоупотребленію учредителей, я долженъ замѣтить, что отнюдь не намѣренъ ихъ защищать. Къ несчастію совершенно справедливо, что въ финансовомъ мірѣ понятіе о купеческой чести почти совсѣмъ заглохло, и что даже именитые торговые дома ни мало не стыдятся обманывать публику. Но это происходитъ отчасти и потому, что публика, не взирая на всѣ предостереженія, дозволяетъ себя обманывать, и потому что ею самой овладѣла жажда къ легкой наживѣ. Кто теперь довольствуется небольшимъ процентомъ? Я самъ недавно былъ свидѣтелемъ, какъ въ одномъ кружкѣ зажиточныхъ и частію богатыхъ людей, трудно было достать залогъ, потому что почти ни у кого не было такихъ бумагъ, которыя принимаются правительствомъ. Человѣкъ долженъ обладать твердымъ характеромъ для того, чтобы довольствоваться $4^1/_2$ и 5%, когда онъ можетъ заработать на биржѣ въ одинъ день десять или больше. И такое повышеніе курсовъ, съ немногими промежутками, длится уже со времени окончанія войны. Пессимисты, люди осторожные, оказались въ дуракахъ и частію обѣднѣли, между тѣмъ какъ сангвиники, легкомысленные спекулянты обогатились, при чемъ многіе изъ нихъ составили колоссальныя состоянія. Одному изъ моихъ друзей пришлось недавно посѣтить одного директора департамента, одного министра мелкаго нѣмецкаго госу-

Digitized by Google

дарства и нѣсколькихъ депутатовъ, принадлежащихъ къ высшему дворянству. Всѣ они живутъ въ третьемъ этажѣ, а бельэтажи заняты банкирами. Это кончится нехорошо; безумная роскошь *parvenus* большое зло, потому что развиваетъ зависть въ бѣднякахъ. Но при всемъ томъ нельзя отрицать, что система экономической свободы сильно подвинула впередъ всю массу народонаселенія; что государства развиваютъ такую интенсивную силу, какой прежде никогда не проявлялось, что благодѣянія растущей культуры выпадаютъ на долю бѣднѣйшихъ и въ такомъ размѣрѣ, о какомъ прежде и непомышляли. Наконецъ, скажемъ и то, что до сихъ поръ никто еще не указалъ средства воспользоваться всѣми этими преимуществами, устранивъ при этомъ всѣ худыя ихъ стороны. Конечно, весьма возможно, что теперешнее положеніе дѣлъ принесетъ горькіе плоды впослѣдствіи, но есть ли такое положеніе въ мірѣ, которое бы не носило въ себѣ зародышъ погибели? Трезвая, суровая Спарта точно также пала, какъ и изысканныя, утонченныя, падкія къ наслажденію Аѳины.

Современное положеніе акціонернаго дѣла способствуетъ несомнѣнно развитію нравственной распущенности въ обществѣ. Недавно, торговая палата извѣстнаго промышленнаго саксонскаго города Хемница постановила приговоръ надъ акціонерными предпріятіями, который обратилъ на себя большое вниманіе въ торговыхъ кружкахъ и вызвалъ нѣсколько возраженій. Въ запискѣ, выработанной коммиссіей, прежде всего ставится вопросъ: содѣйствуютъ ли вообще акціонерныя предпріятія, при ихъ теперешнемъ развитіи, народному благосостоянію, интересамъ торговли и промышленности? и, если нѣтъ, то какъ слѣдуетъ дѣйствовать, чтобы достигнуть измѣненія принциповъ законодательства?

Относительно перваго вопроса, находимъ въ запискѣ слѣдующіе аргументы: владѣлецъ акціи освобожденъ отъ обязательства отвѣчать всѣмъ своимъ имуществомъ въ случаѣ неудачнаго исхода предпріятія; отдѣльные же предприниматели или члены торговаго товарищества ставятъ порукой успѣха своего дѣла все свое имущество и существованіе. Такимъ образомъ, акціонерное право уклоняется отъ общаго торговаго права и заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя закономъ установленныя привилегіи, какъ, напримѣръ, освобожденіе отъ личнаго ареста и легкую возможность перевода имущества. Несмотря на то всякая нападка на акціонерное дѣло считается за покушеніе на свободу экономическаго движенія. На этотъ упрекъ записка отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ:

1) Не слѣдуетъ злоупотреблять свободой для защиты негоднаго или отжившаго.

Digitized by Google

2) Нѣтъ свободы тамъ, гдѣ, при совершенно одинаковыхъ экономическихъ условіяхъ, одни отвѣчаютъ только деньгами, другіе же гражданскою смертью (здѣсь подразумѣвается банкротство, при которомъ акціонеръ теряетъ только нѣкоторую сумму денегъ, отдѣльный же предприниматель разоряется).

3) Свобода даетъ права, но и налагаетъ обязанности, даетъ самостоятельность, но требуетъ отвѣтственности. Сторонники же акціонерныхъ предпріятій требуютъ самостоятельности, но отстраняютъ отъ себя полную отвѣтственность.

Затѣмъ записка переходитъ къ вопросу, насколько результаты дѣятельности акціонерныхъ обществъ оправдываютъ дарованныя имъ привилегіи, приносятъ ли они пользу народному хозяйству, гарантируютъ ли интересы государства и общества?

Поле дѣятельности акціонерныхъ обществъ — крупныя и смѣлыя предпріятія. Между тѣмъ, въ послѣднее время, держа въ своихъ рукахъ крупныя предпріятія, они избѣгали рисковать, вводить новыя изобрѣтенія, примѣнять новыя открытія и охотнѣе держались проторенной дорожки. Несомнѣнно, что всякое производство въ широкихъ размѣрахъ удешевляетъ фабричные продукты и тѣмъ возвышаетъ общій уровень благосостоянія и способствуетъ просвѣщенію, но акціонерныя общества не достигли этого, какъ не достигли процвѣтанія находящихся въ ихъ рукахъ производствъ. Они страдаютъ тѣмъ же недугомъ, какимъ страдаютъ государственныя и общинныя промышленныя предпріятія,—необходимостью поручать управленіе дѣлами чиновникамъ. Опытъ же показываетъ, что, относительно веденія дѣлъ, чиновникъ только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ замѣнить владѣльца: свой собственный интересъ всегда сильнѣе чувства долга. Опытъ, сверхъ того, показываетъ, что только соревнованіе между производителями приводитъ къ общеполезнымъ результатамъ, акціонерныя же общества не обращаютъ вниманія на естественный ходъ развитія производства и даютъ ему даже часто совершенно ложное направленіе. Это обусловливается тѣмъ, что частный предприниматель, организуя всякое предпріятіе, справляется прежде всего съ потребностью общества, учредители же акціонерныхъ компаній сообразуются съ требованіемъ на биржѣ новыхъ бумагъ и съ возможностью, посредствомъ ажіотажа, сбыть свои акціи. До будущности предпріятія учредителямъ нѣтъ дѣла.

Все это можетъ, по словамъ записки, привести къ слѣдующимъ, вреднымъ въ экономическомъ отношеніи, послѣдствіямъ: повышенію процента, злоупотребленію капиталомъ, растратѣ капитала и монополіи.

Всѣ эти послѣдствія записка обстоятельно разбираетъ и под-

Digitized by Google

тверждаетъ фактами. Въ заключеніе, коммиссія приводитъ рядъ предложеній, изъ которыхъ нѣкоторыя были приняты торговой палатой, другія же измѣнены. Окончательное рѣшеніе, которое должно быть представлено союзному канцлеру и саксонскому правительству, гласитъ: 1) Отмѣна облигацій необходима, чтобы дать возможность частнымъ предпринимателямъ конкуррировать съ акціонерными обществами; 2) выпускъ временныхъ акціонерныхъ свидѣтельствъ ниже 40% не долженъ на будущее время допускаться; 3) статистика акціонернаго дѣла за послѣднія 25 лѣтъ должна быть составлена.

Правда, что хемницкая палата многое преувеличила, но многое изъ высказаннаго ею справедливо. Какъ я уже замѣтилъ выше, заявленіе палаты вызвало возраженія. Возраженія эти были сдѣланы со стороны лейпцигской торговой палаты, берлинскаго купечества и постояннаго комитета нѣмецкаго торговаго сейма. Лейпцигская палата замѣтила по этому поводу слѣдующее:

„Мы вполнѣ согласны, что въ области акціонерныхъ предпріятій встрѣчаются, во времена сильнаго общественнаго движенія, каковы два послѣдніе года, явленія весьма неутѣшительныя, достойныя сожалѣнія, и не закрываемъ глаза на опасность отъ могущаго произойти кризиса, который погубитъ не мало прочныхъ предпріятій, на ряду съ ненадежными, и который угрожаетъ народному благосостоянію.

„Мы не усматриваемъ никакой выгоды для промышленности въ томъ обстоятельствѣ, что многіе промышленныя предпріятія, незначительный объемъ которыхъ допускаетъ вполнѣ управленіе отдѣльными лицами или товариществами, безъ всякихъ причинъ превращаются въ акціонерныя компаніи; мы не видимъ въ этомъ выгоды тѣмъ болѣе, что подобная перемѣна должна худо отразиться на отношеніяхъ между рабочими и хозяевами“.

Здѣшній постоянный комитетъ нѣмецкаго торговаго сейма состоитъ изъ крупныхъ капиталистовъ. Онъ выбралъ коммиссію для обсужденія мнѣнія хемницкой палаты. Коммиссія представила обстоятельный отчетъ, который прежде всего старается доказать, что образованіе акціонерныхъ компаній есть такая форма ассоціаціи капитала, отъ которой современное общество не откажется. Мошенническія продѣлки учредителей свидѣтельствуютъ только о томъ, что послѣдніе два года были временемъ сильнѣйшихъ спекуляцій. До сихъ поръ ни одно акціонерное общество не подпало конкурсу, ни одинъ учредитель не приговоренъ къ наказанію. Спекуляціи и шарлатанство существовали на свѣтѣ раньше акціонерныхъ обществъ; вреднѣе это или нѣтъ именно въ формѣ акціонерныхъ обществъ, этого нельзя считать доказаннымъ. Коммиссія поставила себѣ вопросъ: нуждается ли акціонерный законъ въ серьёзномъ пересмотрѣ?

Digitized by Google

и пришла къ заключенію, что существующій законъ нуждается въ измѣненіи только трехъ важныхъ пунктовъ; но трехъ пунктовъ недостаточно для того, чтобы подписать пересмотръ всего закона; впрочемъ желательно знать мнѣніе объ этомъ предметѣ опытнаго юриста. Затѣмъ коммиссія предложила:

Заявленіе торговой и промышленной палаты въ Хемницѣ отвергнуть, заявивъ съ своей стороны, что постоянному комитету извѣстны нѣкоторыя злоупотребленія акціонерныхъ обществъ, но что онъ не раздѣляетъ мнѣнія, чтобы эти злоупотребленія обусловливались самою сущностью акціонернаго дѣла, а скорѣе ненормально развившимся спекулятивнымъ направленіемъ въ обществѣ.

Далѣе коммиссія предложила, на случай, если комитетъ сочтетъ своевременнымъ приступить къ пересмотру акціонернаго закона, слѣдующіе пункты на обсужденіе:

1) Каждый, кто подписалъ проектъ акціонернаго общества, отвѣчаетъ всѣмъ своимъ состояніемъ за его содержаніе.

2) Для полной уплаты акцій долженъ быть назначенъ въ статутѣ опредѣленный срокъ.

3) До полной уплаты выпускъ новыхъ акцій не дозволяется.

При обсужденіи этого предмета въ комитетѣ присутствовалъ, по приглашенію, извѣстный юристъ, который высказалъ мнѣніе, что акціонерный законъ 11-го іюня 1870 года имѣетъ большіе недостатки въ техническомъ отношеніи, и поздно или рано долженъ быть пересмотрѣнъ. Но всякій законъ, будучи введенъ въ дѣйствіе, въ теченіе первыхъ же лѣтъ ясно выказываетъ свои недостатки; не слѣдуетъ спѣшить исправленіемъ этихъ недостатковъ, потому что, по исправленіи ихъ, вскорѣ окажутся новые, и законоположеніе, такимъ образомъ, никогда не установится.

Съ юридической точки зрѣнія это можетъ быть и вѣрно, но на дѣлѣ акціонерный законъ можетъ тѣмъ временемъ привести къ такимъ результатамъ, отмѣнить которые уже будетъ невозможно. Экономическая свобода и могущество капитала производятъ во всѣхъ промышленныхъ странахъ одно и то же дѣйствіе, и прежде всего разверзаютъ все бо́льшую и бо́льшую бездну между очень бѣдными и очень богатыми. Въ данный моментъ это вліяніе, во всей его силѣ, потому только незамѣтно въ Германіи, что, вслѣдствіе чрезвычайнаго наплыва богатства, въ рабочихъ рукахъ очень нуждаются, вслѣдствіе чего послѣднія предъявляютъ чрезвычайныя требованія. Въ этомъ отношеніи обстоятельства могутъ скоро измѣниться, но начавшееся движеніе рабочаго сословія не прекратится, потому что оно очень живуче. Въ теченіе двухъ съ небольшимъ десятилѣтій Германія пережила два большихъ движенія въ рабочемъ классѣ, сначала ассо-

Digitized by Google

ціацію по принципу Шульце-Делича, затѣмъ соціальную демократію, въ настоящее время переживаетъ безпрерывныя забастовки. Система Шульце,—основанная на ассоціаціи и самопомощи, — безъ сомнѣнія, дала хорошіе результаты и приноситъ до сихъ поръ много пользы, но она не можетъ произвести общественной реформы. Соціально-демократическій лагерь, по смерти Лассаля, разбился на множество отдѣльныхъ фракцій, ведущихъ безконечные споры между собою и съ сторонниками системы Шульце.

Дарованіе всеобщей подачи голосовъ чрезвычайно способствовало развитію рабочаго движенія. Всякое расширеніе права голоса, говоритъ весьма умный депутатъ рейхстага, Бамбергеръ, въ своей, недавно появившейся книгѣ о рабочемъ вопросѣ [1]), выдвигаетъ впередъ вопросъ о положеніи рабочаго класса, и тамъ, гдѣ, какъ въ Германіи, существуетъ всеобщая подача голосовъ, такая зависимость весьма чувствительна. Такъ-называемый соціальный вопросъ существовалъ въ Германіи до 1866 года только въ литературѣ, если не принимать во вниманіе нѣкоторыхъ ремесленниковъ, вернувшихся изъ Франціи и Швейцаріи. Въ народномъ сознаніи онъ появился въ первый разъ вмѣстѣ съ сѣверо-германскимъ рейхстагомъ, въ которомъ, впервые съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ на свѣтѣ парламенты, за исключеніемъ короткаго французскаго эпизода отъ марта до іюня 1848 года, появились и подняли голосъ оффиціальные представители чистаго соціализма. Въ первомъ сѣверо-германскомъ рейхстагѣ засѣдали 6 соціалистовъ, въ настоящее время одинъ (Шрамсъ), второй (Бёбель) хотя и выбранъ снова, но отбываетъ наложенное на него въ прошломъ году наказаніе (см. мою корреспонденцію въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за прошлый годъ, стр. 872), и рейхстагъ не счелъ себя компетентнымъ въ этомъ случаѣ ходатайствовать о его освобожденіи, такъ какъ статья 31-я конституціи трактуетъ только о снятіи ареста по судебнымъ или гражданскимъ дѣламъ. Весьма вѣроятно, что такая убыль случайная и что слѣдующіе выборы дадутъ другіе результаты. Я придаю еще большее значеніе всеобщей воинской повинности, чѣмъ всеобщей подачѣ голосовъ, хотя вліяніе первой проявляется не такъ быстро, за то проникаетъ глубже. На это можно возразить, что всеобщая воинская повинность существуетъ въ Пруссіи съ 3-го сентября 1814 года; это вѣрно, но она была, можно сказать, призрачна при ничтожномъ годовомъ призывѣ и мирномъ времени; наиболѣе сказывалась всеобщая повинность на образованномъ сословіи и сельскомъ населеніи

[1]) Die Arbeiterfrage unter dem Gesichtspuncte des Vereinsrechts, von Ludwig Bamberger. Stuttgart. J. G. Cotta. 1873.

Digitized by Google

Теперь же годовой контингентъ больше, въ послѣднюю войну почти всякій годный къ службѣ былъ призванъ, и самая служба въ военное время имѣетъ, понятнымъ образомъ, совершенно другое вліяніе, чѣмъ въ мирное время. Качества, пріобрѣтаемыя на войнѣ: храбрость, презрѣніе къ смерти, дисциплина, умѣніе приказывать и слушаться, могутъ весьма ясно проявиться въ частной жизни, а также и въ рабочемъ движеніи.

Право стачекъ существуетъ въ Германіи съ 1869 года. § 152-й промышленнаго положенія, отъ 21-го іюня 1869 года, гласитъ: „Отмѣняются всѣ запретительныя и карательныя постановленія противъ промышленниковъ, ихъ товарищей, подмастерьевъ и фабричныхъ рабочихъ за взаимныя соглашенія и сборища, съ цѣлью достиженія лучшей заработной платы или болѣе выгодныхъ условій работы, въ особенности посредствомъ забастовокъ или разсчета рабочихъ". Для начала, нѣмецкіе рабочіе имѣли въ своемъ дѣлѣ образецъ въ англійскихъ *trades-unions*, существующихъ тамъ на самомъ дѣлѣ съ незапамятныхъ временъ, но оффиціально разрѣшенныхъ только въ 1824 году, когда всѣ до того времени существовавшія узаконенія противъ стачекъ были отмѣнены парламентомъ, такъ какъ, по выраженію коммиссіи, „несмотря на весьма частые приговоры къ наказанію, всѣ принудительныя мѣры въ дѣлѣ руководства промышленности оказались недѣйствительными и вредными какъ относительно рабочихъ, такъ и мастеровъ". Немедленнымъ послѣдствіемъ закона были многочисленныя забастовки, такъ что въ 1825 году онъ былъ отмѣненъ и замѣненъ новымъ, который хотя и удержалъ право стачекъ, но ограничилъ ихъ весьма предусмотрительными и сложными карательными постановленіями. Этотъ послѣдній законъ дѣйствовалъ до 1871 года.

Организація рабочихъ ассоціацій обыкновенно такова, что каждая отдѣльная отрасль промышленности образуетъ собой особое цѣлое. Вся ассоціація распадается на множество мѣстныхъ, существующихъ самостоятельно и обращающихся къ авторитету всей ассоціаціи только въ случаяхъ чрезвычайныхъ, или для разрѣшенія финансовыхъ вопросовъ. Во главѣ всей ассоціаціи стоитъ выбранный исполнительный комитетъ, располагающій нѣсколькими, умѣренно оплачиваемыми чиновниками, для веденія кассы и переписки. Генеральный совѣтъ изъ депутатовъ отъ мѣстныхъ ассоціацій составляетъ постоянное представительство ихъ при центральномъ управленіи. Стачки и взаимная поддержка деньгами, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, должны быть одобрены генеральнымъ совѣтомъ, хотя относительно стачекъ на практикѣ зачастую это не исполняется. Число членовъ всѣхъ ассоціацій съ точностью неизвѣстно, надо полагать, что оно не пре-

Digitized by Google

вышаетъ 200,000. Хотя одною изъ главныхъ цѣлей ассоціацій считается взаимная помощь въ старости, въ случаяхъ болѣзни или лишенія способности работать, тѣмъ не менѣе они тратятъ бо́льшую часть своихъ средствъ на забастовки, и на дѣлѣ забастовки оказываются ихъ главною цѣлью. Относительно пользы забастовокъ для рабочихъ существуютъ весьма различныя мнѣнія. Одни доказываютъ, что потери отъ продолжительныхъ забастовокъ не могутъ вознаграждаться даже значительнымъ повышеніемъ заработной платы, другіе приходятъ къ противуположному заключенію. Весьма умѣренный Рошеръ, не принадлежащій къ манчестерцамъ, склоняется къ первому мнѣнію. Онъ утверждаетъ [1]), что всякая забастовка весьма тяжело отражается на народномъ благосостояніи и наноситъ одинаковый вредъ какъ капиталистамъ, такъ и рабочимъ, потому что положеніе наемнаго рабочаго можетъ значительно улучшиться только въ томъ случаѣ, когда число рабочихъ будетъ увеличиваться съ меньшею быстротою, чѣмъ капиталы, потребные для производства наемной платы, а этого можно достигнуть только посредствомъ сбереженій.

Забастовка вальденбургскихъ горныхъ рабочихъ въ 1869 году была одною изъ интереснѣйшихъ въ Германіи. По опубликованіи промышленнаго положенія, Францъ Дункеръ (извѣстный демократическій депутатъ) и Максъ Гиршъ приступили къ образованію ассоціаціи въ Вальденбургѣ (Силезія). Горные рабочіе образовали мѣстную ассоціацію. Владѣльцы копей, почуявъ для себя опасность, потребовали, чтобы рабочіе немедленно оставили ассосіацію; рабочіе не исполнили ихъ требованія и были изгнаны изъ помѣщеній, которыя получали отъ хозяевъ. Работа была прекращена, и центральное управленіе, въ Берлинѣ, дѣлало всѣ возможныя усилія, собирало деньги во всей Германіи, чтобы первая забастовка увѣнчалась успѣхомъ. Только-что возникшія ассоціаціи жертвовали большія суммы (золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера въ Пфорцгеймѣ сдѣлали значительную ссуду, которую впослѣдствіи тщетно старались получить обратно), партія прогресса (Fortschritspartei), нуждающаяся въ рабочихъ при выборахъ и потому поддерживающая ихъ, предлагала крайнія мѣры; была сдѣлана даже попытка публичнаго займа въ видѣ купоновъ въ 15 зильбергрошей. Тѣмъ не менѣе всѣ рессурсы рабочихъ, прекратившихъ работу въ декабрѣ, истощились въ половинѣ января. Представитель центральнаго управленія, Максъ Гиршъ, выступилъ тогда посредникомъ, и управленіе было настолько безсовѣстно, что предложило рабочимъ выселеніе. Многіе послушались и впали въ страшную нищету, остальнымъ пришлось сдаться на волю

[1]) Die Grundlagen de Nationalökonomie. Neunte Auflage, S. 378 u. 384.

Digitized by Google

побѣдителя. Число рабочихъ, участвовавшихъ въ забастовкѣ, простиралось до 6,000. Несчастный исходъ этой забастовки сильно повредилъ развитію ассоціацій, главная цѣль которыхъ, хотя и не показанная на первомъ планѣ въ ихъ статутахъ, есть организація забастовокъ съ цѣлью достиженія высшей заработной платы. Успѣхъ забастовокъ зависитъ главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: отъ большей или меньшей потребности въ данной работѣ, и отъ большаго или меньшаго единодушія между капиталистами. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, здѣшнія забастовки достигли слѣдующихъ результатовъ. До первой забастовки каменьщиковъ и плотниковъ, лѣтомъ 1868 года, поденная плата за 11—12-часовую работу была 22½—30 зильбергрошей. Теперь они получаютъ за 9-часовую работу 1 талеръ 12½ зильбергрошей до 2 тал., то-есть на 100% больше при уменьшенномъ на 2 часа рабочемъ времени. Менѣе счастливы въ достиженіи своихъ требованій были сигарщики, которые послѣ трехъ забастовокъ получили всего около 10% прибавки. Первая забастовка портныхъ не удалась, но прошлогодняя принесла 25% надбавки, въ лучшихъ мастерскихъ; работающіе же по заказу (для большихъ торговыхъ домовъ, на вывозъ) ничего не добились. Сапожники двумя забастовками достигли 20% надбавки, позолотчики 25%, при 10-часовой работѣ, столяры 50%, при 9-часовой работѣ. Камнетесы, послѣ забастовки прошлымъ лѣтомъ, получили 33⅓% надбавки. Сѣдельщики и обойщики удовлетворились только частью своего требованія, 25% надбавки, при чемъ для нихъ была введена 10-часовая работа. Совсѣмъ не удались забастовки кузнецовъ въ 1871 году и рабочихъ на механическомъ заводѣ Пфлуга. Печатальщики достигли своихъ требованій почти безъ забастовокъ, маляры и пивовары—совсѣмъ безъ забастовокъ (послѣдніе 33⅓% надбавки, и обращеніе на „вы", вмѣсто „ты"). Часовщики, каретники, бочары, послѣ двухъ забастовокъ, получили 20% прибавки. Гончары достигли своихъ желаній почти безъ забастовокъ. Переплетчики, лакировальщики и серебряныхъ дѣлъ мастера также достигли увеличенія заработной платы на 25%. Недовольны въ настоящее время своимъ положеніемъ, кромѣ каменьщиковъ и плотниковъ, штукатурщики, маляры, столяры, портные, сапожники, шляпники, сортировщики сигаръ, токари, полировальщики мебели, и болѣе всѣхъ *наборщики*. Усилія приказчиковъ (положеніе которыхъ дѣйствительно худо) до сихъ поръ не привели ни къ какому результату. Среднее повышеніе заработной платы отъ 20—25% почти соотвѣтствуетъ общему повышенію цѣнъ, а потому вполнѣ справедливо, но такая колоссальная надбавка, какую получили каменьщики, ни съ чѣмъ несообразна и повлекла за собой весьма худыя послѣдствія. Въ весьма интерес-

Digitized by Google

ной статьѣ „О квартирномъ вопросѣ и его разрѣшеніи", докторъ Брухъ [1]) говоритъ, по поводу отмѣны запрещенія стачекъ и испытаній мастеровъ, слѣдующее: „первое привело къ забастовкамъ, которыя сдѣлали строительное ремесло весьма невѣрнымъ и опаснымъ дѣломъ; мастера-хозяева, для вознагражденія себя за рискъ, должны брать бо́льшія выгоды. Если же капиталистъ заключитъ со строителемъ контрактъ, который послѣдній обязанъ выполнить во что бы то ни стало, а рабочіе устроятъ стачку и выйдутъ изъ нея побѣдителями, то заключившій контрактъ разоренъ. Этотъ Дамокловъ мечъ, постоянно висящій надъ головами занимающихся постройками, заставилъ многихъ дѣльныхъ и солидныхъ мастеровъ отказаться отъ своего ремесла. Самъ работникъ сталъ другимъ, правда, болѣе самостоятельнымъ, за то болѣе грубымъ и заносчивымъ. Солидные принципы коммерческихъ предпріятій прежняго, стараго времени, не признаются новыми, неопытными мастерами, которые выростаютъ изъ земли, какъ грибы. Конкурренція ихъ между собой не понижаетъ цѣнъ.

Чрезвычайное повышеніе цѣнъ на землю и увеличеніе расходовъ по постройкѣ усиливаютъ еще больше квартирное бѣдствіе. Со страхомъ ожидаютъ наступленія лѣта, когда для работъ по канализаціи города и постройкѣ двѣнадцати рынковъ, проектированныхъ однимъ обществомъ, потребуется громадное число мастеровъ и рабочихъ. Но это не составляетъ главнаго момента въ рабочемъ движеніи. Весьма интересенъ очеркъ этого движенія, сдѣланный профессоромъ Гельдомъ, въ Боннѣ, въ недавно появившейся книгѣ, которая трактуетъ собственно о рабочей печати [2]), но при этомъ представляетъ живую картину нравственной жизни рабочаго міра. Слѣдуетъ замѣтить, что Гельдъ принадлежитъ къ школѣ *„Kathedersocialisten"* и относится весьма снисходительно къ худымъ сторонамъ всего движенія. Книга его начинается обзоромъ соціальныхъ партій нашего времени въ Германіи; изъ этихъ партій впрочемъ только одни соціалисты-демократы составляютъ опредѣленную партію. Рабочій вопросъ получилъ въ Германіи самостоятельное и большое значеніе въ началѣ прошлаго десятилѣтія, благодаря дѣятельности Шульце-Делича и Лассаля. Лассаль соединилъ, силой своего генія, разбросанные остатки революціонеровъ 1848 года и недовольный своимъ экономическимъ положеніемъ пролетаріатъ. Идеи его не были новы, но практическое значеніе его дѣятельности громадно, такъ какъ онъ первый далъ опредѣленную организацію рабочимъ массамъ, для дѣйствій общими

[1]) Berlin und seine Entwickelung. Städtisches Jahrbuch für Volkswirthschaft und Statistik. 6 Jahrgang.

[2]) Die deutsche Arbeiterpresse der Gegenwart, von Dr. A. Held, Professor in Bonn.

Digitized by Google

силами. Этимъ онъ положилъ основаніе движенію, продолжающемуся понынѣ. Несмотря на то, что вскорѣ послѣ его смерти партія его распалась и большинство отступило отъ его ученія во многихъ пунктахъ, вліяніе его ораторскаго таланта и агитаторскаго искусства продолжается до сихъ поръ; его основныя идеи, въ различныхъ видоизмѣненіяхъ, продолжаютъ жить въ массѣ рабочихъ, постоянно возрастающей. Шульце, дѣятельность котораго началась до Лассаля, имѣлъ за себя практическій успѣхъ; кромѣ того онъ находилъ большую поддержку весьма вліятельной, распространенной преимущественно въ среднемъ классѣ и въ концѣ концовъ восторжествовавшей партіи либераловъ. Агитація Лассаля, поставившая рабочій вопросъ на весьма опасный путь, способствовала популярности Шульце, въ которомъ многіе увидѣли спасителя общества.

Гельдъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что выраженія „самопомощь" и „помощь" со стороны государства, которыми обыкновенно обозначаютъ различіе между системами Шульце и Лассаля,—ничего не объясняютъ. Самопомощь у Шульце не исключаетъ покровительства законовъ и поддержки со стороны государства, система же Лассаля сама собой подразумѣваетъ самопомощь, такъ какъ Лассаль требуетъ для рабочихъ полнаго владычества въ государствѣ. Какъ ни велико разстояніе между этими двумя вождями, есть пункты, на которыхъ они сходятся. Такъ, оба они признаютъ, что всѣ невзгоды, происходящія отъ настоящей агитаціи въ обществѣ, отражаются главнымъ образомъ на неимущемъ рабочемъ классѣ, и чтобы это по возможности предотвратить, слѣдуетъ организовать ассоціаціи, т.-е. ограничить конкурренцію между отдѣльными личностями.

Практическій успѣхъ Шульце несомнѣненъ, ассоціаціи его растутъ въ числѣ. Изъ берлинскаго „Городского Ежегодника" за 1872 годъ видно, что во всей Германіи, со включеніемъ нѣмецкихъ провинцій Австріи, съ 1864 по 1870 г., число ссудныхъ и кредитныхъ обществъ возросло съ 890 до 1871, число магазинныхъ товариществъ съ 155 до 202, число продуктивныхъ товариществъ съ 28 до 74, число обществъ потребителей съ 97 до 739. Въ Берлинѣ это отношеніе неблагопріятно: за тотъ же періодъ времени число ссудныхъ и кредитныхъ обществъ увеличилось съ 25 до 29, число обществъ потребителей упало съ 16 до 7 и число всѣхъ вообще товариществъ уменьшилось съ 54 до 46. Причиной уменьшенія числа товариществъ послужила вѣроятно организація соціалистами-демократами рабочаго союза, который стремится достигнуть, для рабочихъ всѣхъ ремеслъ, повышенія заработной платы, сокращенія рабочихъ часовъ, отмѣны ночной и воскресной работы и еще многаго другого. Въ началѣ прошлаго года число членовъ рабочаго союза доходило до

Digitized by Google

14,000. Мѣстныя ассоціаціи, числомъ 28, насчитываютъ до 36,000 членовъ, изъ которыхъ бо́льшая часть принадлежитъ ассоціаціи рабочихъ-механиковъ.

Партія соціалистовъ-демократовъ имѣетъ чисто революціонный характеръ. Сторонники ея говорятъ, правда, о мирной, законной революціи. Но развѣ возможно посредствомъ законной революціи перевернуть все общество, сравнять различіе между сословіями? Конечно, нѣтъ; тутъ нужна революція въ настоящемъ смыслѣ этого слова, въ противуположность реформѣ, которая развивается постепенно изъ существующихъ порядковъ. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Лассаль говоритъ, что государство есть не что иное, какъ большая ассоціація бѣдныхъ классовъ. Это значитъ: преобладающее вліяніе образованнаго и имущаго класса должно уступить мѣсто господству массы. Но такъ какъ образованный классъ не будетъ дѣлать добровольныхъ уступокъ, то переворотъ долженъ быть сдѣланъ путемъ демократической революціи. Лассаль, говоритъ Гельдъ, въ своей программѣ рабочихъ, приписывая господствующимъ классамъ эгоизмъ, какъ присущее отъ природы качество,—которое въ низшемъ классѣ, напротивъ того, встрѣчается какъ исключеніе, уничтожаетъ само собой дѣленія общества на высшее и низшее. Принципъ порядка, необходимый во всякомъ обществѣ и поддерживаемый одною частью его, по чувству долга, долженъ погибнуть вмѣстѣ съ свободой, добытой революціей. Идея революціи есть передача власти путемъ насилія, идеи реформы—основанія вліятельной среды, въ силу долга и ко всеобщему благу. Кто считаетъ невозможнымъ, чтобы высшіе классы сознавали потребности низшихъ, кто не вѣритъ въ возможность постепеннаго повышенія уровня низшихъ сословій и требуетъ, чтобы всѣ сословія слились въ одинъ пролетаріатъ, долженствующій представлять собою человѣчество—тотъ революціонеръ, а не реформаторъ.

Шульце вполнѣ заслуживаетъ названіе реформатора. Онъ вселилъ нѣмецкому народу идею, что соціальная реформа возможна и необходима, реформа, въ которой образованные классы могутъ и должны принять участіе, безъ опасенія за свои права, и которая, будучи разумно принята рабочими, принесетъ имъ болѣе прочную пользу, нежели революціонерная агитація. Онъ сдѣлалъ эту идею популярной и доказалъ на практикѣ, что экономическая дѣятельность въ формѣ ассоціацій можетъ свободно развиваться, на ряду съ существующимъ порядкомъ вещей, при чемъ личная свобода, насколько она разумна и полезна, можетъ развиваться и крѣпнуть. Реформы необходимы для общества, потому что выступаютъ наружу новыя потребности, которымъ существующій порядокъ не удовлетво-

Digitized by Google

раетъ. Рабочая печать, глубоко изученная Гельдомъ, послужила ему матеріаломъ для оцѣнки отношеній между различными оттѣнками рабочихъ партій. Печать и жизнь двѣ вещи разныя—первая только отражаетъ въ себѣ идеи, руководящія жизнью, но, благодаря свободѣ, которой пользуется печатное слово, отраженіе это близко къ истинѣ. Рабочая печать насчитывала въ концѣ 1872 года въ Германіи, не менѣе 20-ти газетъ, съ 35,000 подписчиковъ, а именно слѣдующія: „*Correspondent*", „*Vorwärts*" и „*Helvetisch Typografia*"—всѣ три органы печатчиковъ; „*Correspondent*"—органъ нѣмецкихъ шляпниковъ, „*Botschafter*"—органъ сигарщиковъ и табачниковъ, „*Genossenschafter*"—органъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, „*Sprechsaal*" — органъ рабочихъ на фарфоровыхъ заводахъ, „*Gewerkverein*"— органъ нѣмецкой ассоціаціи (Гиршъ-Дункеръ), „*Volksstaat*"—въ Лейпцигѣ, „*Volkswille*"—въ Вѣнѣ, „*Demokratische Zeitung*"—въ Берлинѣ, „*Braunschweiger Volksfreund*", *Bürger und Bauerfreund*"—въ Кримичау, *Volksbote*"—въ Дрезденѣ, „*Freie Presse*"—въ Хемницѣ, „*Demokratische Blätter*"—въ Кёнигсбергѣ, „*Demokratisches Wochenblatt*"— въ Фуртѣ, всѣ послѣдніе суть органы основанной въ 1869 году въ Эйзенахѣ партіи рабочихъ соціалистовъ-демократовъ, наконецъ „*Neue Social-Demokrat*" — органъ общегерманскаго рабочаго общества въ Берлинѣ. Въ Швейцаріи издаются: „*Tagwacht*", „*Felleisen*" и „*Rütlianer*". Это внушительное число газетъ не даетъ еще полнаго понятія о томъ значеніи, какимъ пользуется рабочій вопросъ въ періодической печати. Дополненіемъ къ нимъ служатъ, во-первыхъ, летучіе листки, а во-вторыхъ, изданія, составляющія отрасли главныхъ органовъ. Періодическая литература, не имѣющая прямой связи съ рабочими, отводитъ также не мало мѣста рабочему вопросу.

Вышеприведенныя газеты (редактируемыя въ большинствѣ случаевъ самими рабочими) не ограничиваются обсужденіемъ однихъ соціальныхъ или экономическихъ вопросовъ, но сообщаютъ также и политическія новости, и появляются большею частью ежедневно, болѣе крупныя изъ нихъ имѣютъ фельетоны. Большинство этихъ газетъ держится взглядовъ соціалистовъ-демократовъ; наибольшее значеніе между ними имѣетъ „*Volkstaat*", органъ рабочей партіи соціалистовъ-демократовъ, появляющійся два раза въ недѣлю, въ Лейпцигѣ.

Программа этой газеты и другихъ выставляетъ, какъ *ближайшія* требованія рабочей партіи, слѣдующія: всеобщее, равное прямое избирательное право, начиная съ 20-ти-лѣтняго возраста; законодательство принадлежитъ народу (право предлагать и отвергать, какъ въ Швейцаріи), отмѣна всѣхъ привилегій сословія, имущества, рожденія и религіи; народная оборона вмѣсто постоянныхъ войскъ; отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви; отмѣна всѣхъ

Digitized by Google

законовъ о печати, обществахъ и стачкахъ; установленіе нормальнаго рабочаго дня; отмѣна всѣхъ непрямыхъ налоговъ и введеніе одного прямого, прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства.

Гельдъ приводитъ множество выписокъ изъ этихъ газетъ, которыя впрочемъ прошли безнаказанно. Правда, редакторовъ часто привлекаютъ къ суду, и они проводятъ въ тюрьмѣ не меньше времени, чѣмъ въ редакціи. Не стану приводить здѣсь самыхъ цитатъ и обращаюсь прямо къ выводамъ, къ которымъ пришелъ авторъ.

Стремленіе, говоритъ онъ, къ увеличенію заработной платы и сокращенію рабочихъ часовъ связано съ страстной завистью къ богатымъ, роскошь которыхъ и житейскіе пороки изображаются въ самомъ черномъ цвѣтѣ. Государство выставляется организаціей въ пользу привилегированныхъ, т.-е. богатыхъ: такая организація должна уступить мѣсто демократическому государству, которое одно въ состояніи выполнить великія задачи времени, обезпечить трудъ. Ненависть къ существующимъ общественнымъ и государственнымъ порядкамъ породила стремленіе разрушить основы государства и крайній матеріализмъ. Революціонное направленіе настоящихъ соціалистовъ-демократовъ лишено того высокаго полета, которымъ отличались революціонныя движенія, въ главѣ которыхъ стояли образованные люди. Демократія, къ которой они стремились, сводится въ настоящее время на одинъ вопросъ желудка.

Наиболѣе выдающаяся личность между соціалистами-демократами —это Марксъ. Этотъ человѣкъ лишенъ чувства національности. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ ставитъ французскую національность выше нѣмецкой, и смотритъ съ улыбкой на германское національное чувство собственнаго достоинства. Это направленіе сообщилось большинству нѣмецкихъ соціалистовъ-демократовъ. Они бросили идею о національномъ государствѣ, которое находится въ рукахъ капиталистовъ, несмотря на матеріализмъ нашего времени. Въ войнѣ 18⁷⁰/₇₁ годовъ, они видѣли, вмѣстѣ съ Марксомъ, только прологъ къ подавленію коммуны войсками обѣихъ сторонъ, въ пользу буржуазіи. На ряду съ отсутствіемъ національнаго чувства отсутствуетъ всякое чувство религіозности. Религія есть „опіумъ народа“; божественная религія должна уступить мѣсто религіи, основанной на соціалистическомъ міросозерцаніи. Проповѣдуется не религіозная терпимость, не какое-нибудь идеальное міросозерцаніе, философски разработанное, а просто, что религія должна быть замѣнена соціальными учрежденіями, обезпечивающими сбытъ и потребленіе. Позитивная религія отвергаетъ все, что выходитъ изъ круга матеріальныхъ интересовъ. Такимъ образомъ она втаптываетъ въ грязь всѣ наслѣдованные нами идеалы, свято почитавшіеся народомъ и продолжающіе

Digitized by Google

кить въ средѣ образованнаго класса. Единственная возвышенная черта, присущая соціалистамъ, это стремленіе къ братству, но и это стремленіе имѣетъ впереди только улучшеніе матеріальнаго благосостоянія. Матеріализмъ, проникнувъ въ низшіе слои народа, проводится имъ въ жизнь съ ужасающей послѣдовательностью, въ обществѣ происходитъ расколъ, потому что нѣтъ общихъ идей, которыя бы связывали сословія. Стремленіе къ улучшенію матеріальнаго положенія поглощаетъ все; для соціалистовъ-демократовъ не существуетъ другихъ стремленій, которыя бы онъ раздѣлялъ со всѣмъ народомъ, они отворачиваются отъ всего, что не можетъ прямо служить для ихъ матеріальныхъ цѣлей.

На трехъ пунктахъ сходятся всѣ оттѣнки рабочей печати: 1) ассоціація есть сила противупоставляемая капиталу; 2) замѣна рабочей платы участіемъ рабочихъ въ доходѣ,—цѣль, къ которой стремятся всѣ рабочіе, хотя и расходятся въ мнѣніяхъ на счетъ выбора средствъ для ея достиженія, и 3) уничтоженіе сословій. Послѣднее требованіе соціалисты-демократы сводятъ къ демократическому народному государству.

Сначала я намѣренъ былъ сильно напасть на Гельда и прочихъ „*Kathedersocialisten*“ за ихъ снисходительное отношеніе къ соціальному движенію. Кто воспитанъ въ понятіяхъ стараго времени, цѣнитъ образованіе и личную свободу, тому все соціальное движеніе должно внушать страхъ и отвращеніе. Но не то же ли самое повторяется при всякомъ великомъ соціальномъ переворотѣ? Стоитъ только припомнить себѣ слова Тацита, направленныя противъ возникавшаго христіанства, которое три вѣка спустя охватило всю великую Римскую имперію. Вообще, въ древности, лучшіе и благороднѣйшіе умы были склонны къ консерватизму, несмотря на то однако міръ не переставалъ идти впередъ, преобразовываться. Я не богатъ и имѣю всѣ основанія завидовать учредителямъ, экипажи которыхъ обрызгиваютъ меня грязью также, какъ и „рабочаго“, кототорый работаетъ навѣрно меньше меня; но, если бы захотѣли принудить меня вступить въ общество, гдѣ мнѣ доставляли бы работу и удовольствіе, гдѣ мнѣ пришлось бы идти въ тактъ бокъ-о-бокъ съ сотнями другихъ, гдѣ я долженъ бы былъ повиноваться болѣе или менѣе деспотической власти, распоряжающейся всѣми моими частными дѣлами, то я предпочелъ бы схватить игольчатое ружье и отстаивать существующій порядокъ. Но молодое поколѣніе смотритъ на это иначе, новыя идеи проникли въ молодыя головы и великія превращенія совершаются ежедневно, а потому слѣдуетъ остерегаться своихъ чувствъ. Соціально-демократической республики предстоитъ еще долгій путь. Пропаганда коснулась до сихъ поръ только

Digitized by Google

промышленныхъ рабочихъ, крупные же владѣльцы, мелкіе бюргеры, всѣ рабочіе, и имѣющіе хоть небольшую собственность, все сельское населеніе—относятся къ ней болѣе или менѣе враждебно.

Изъ личнаго опыта мнѣ извѣстно только положеніе дѣлъ между наборщиками. Вы входите въ наборную комнату. Отовсюду слышатся политическіе разговоры, конечно, самаго крайняго свойства. Вся политическая пресса, за исключеніемъ, разумѣется, рабочихъ органовъ, выдается за союзницу и рабыню капитала. „Бѣдный рабочій, изъ котораго капиталистъ высасываетъ кровь", „стачка—это единственное могучее орудіе работника"—вотъ фразы, безъ которыхъ разговоры не обходятся. Нерѣдко случается, что наборщики цензируютъ статьи и отказываются набирать тѣ, которыя имъ не нравятся.

Но, съ другой стороны, нельзя не удивляться силѣ общей организаціи. По первому лозунгу, всѣ рабочіе даннаго округа прекращаютъ работу, повергая себя и своихъ близкихъ, на неопредѣленное время, на тяжелыя лишенія. При этомъ важнѣйшимъ моментомъ является то, что ни одинъ рабочій не воспользуется этимъ обстоятельствомъ для полученія лучшаго мѣста, принадлежавшаго другому. Послѣднее случается, развѣ какъ исключеніе.

Признавая даже, что къ этому примѣшивается отчасти чувство страха, мести со стороны товарищей, нельзя не поражаться единодушіемъ, съ которымъ выступаетъ цѣлая организація.

Одна изъ послѣднихъ забастовокъ была забастовка наборщиковъ, которая, какъ извѣстно, получила свое начало въ Лейпцигѣ. Большинство наборщиковъ въ Германіи принадлежитъ къ „ассоціаціи наборщиковъ", которая существуетъ съ 1866 г. и развивалась весьма самостоятельно. Уже раньше, силой своего давленія, она вызвала цѣлый рядъ повышеній заработной платы и въ настоящее время можно встрѣтить наборщиковъ, которые при усиленной работѣ могутъ заработать до 20-ти талеровъ въ недѣлю, а это даже при теперешнихъ высокихъ цѣнахъ можетъ считаться значительнымъ заработкомъ. Средоточіемъ нѣмецкой книжной торговли и книгопечатанія по-прежнему остается Лейпцигъ, хотя Берлинъ оказываетъ ему сильную конкурренцію. Лейпцигъ сохраняетъ свое первенство, благодаря дешевымъ цѣнамъ, такъ какъ тамъ квартиры и жизнь гораздо дешевле, чѣмъ здѣсь. Въ январѣ лейпцигскіе наборщики потребовали новаго повышенія заработной платы въ $16^2/_3$% и пригрозили забастовкой, причемъ хозяева сговорились, если будетъ заключена стачка, разсчитать всѣхъ наборщиковъ, принадлежащихъ къ ассоціаціи. Какъ скоро наборщики узнали объ этомъ уговорѣ, такъ немедленно прекратили работы, даже не давъ законнаго предостереженія. Но хозяева, которые тоже имѣютъ ассоціацію типографовъ, но къ

Digitized by Google

которой еще добрая половина всѣхъ нѣмецкихъ типографовъ совсѣмъ не принадлежитъ, созвали, согласно статутамъ общества, довѣренныхъ людей, и когда эти послѣдніе одобрили ихъ поведеніе, то было порѣшено, что 8 марта, въ случаѣ, если бы стачка продлилась до тѣхъ поръ, всѣ хозяева, принадлежащіе къ ассоціаціи типографовъ, разсчитаютъ всѣхъ наборщиковъ, принадлежащихъ къ ассоціаціи наборщиковъ. Такъ и случилось. Въ Бреславлѣ наборщики въ одной типографіи прекратили работы въ этотъ день; владѣльцы другихъ типографій порѣшили оказать содѣйствіе своему собрату въ бѣдѣ и хотѣли прислать своихъ учениковъ и подмастерьевъ въ его типографію, но послѣдніе объявили, что въ такомъ случаѣ немедленно образуютъ стачку, и тогда всѣ издатели бреславльскихъ газетъ, которыхъ 6 числомъ, рѣшили выполнить давно задуманную мѣру: издавать газету сообща. Текстъ одинъ и тотъ же у всѣхъ шести и только заглавіе, имя редактора и типографа различествуютъ. Эта газета выходитъ съ 9-го марта въ числѣ 46,000 экземпляровъ (такъ велико общее число экземпляровъ у бреславльскихъ газетъ—весьма значительное для провинціальнаго города).

Въ настоящее время происходитъ общее собраніе типографовъ, на которомъ долженъ быть регулированъ вопросъ о тарифѣ. Это уже было давно порѣшено, но только назначенъ былъ болѣе отдаленный срокъ, и владѣльцы типографій объявили, что они признаютъ въ принципѣ повышеніе заработной платы, но наборщики пристали къ нимъ и объявили, что желаютъ узнать ихъ рѣшеніе черезъ сутки.

Такое положеніе дѣлъ нельзя назвать особенно пріятнымъ, но до сихъ поръ еще, за исключеніемъ реакціонернаго лагеря, въ которомъ вообще все движеніе политико-экономической свободы встрѣчало сильнѣйшую оппозицію,—еще не раздавалось ни единаго голоса за стѣсненіе или ограниченіе права стачекъ. Всѣ друзья экономической свободы говорятъ себѣ, что слѣдуетъ примириться со зломъ, и что рабочіе сами поймутъ современемъ, что стачки — обоюдоострое орудіе. Я того же мнѣнія. Я полагаю также, что грубость и необразованность, презрѣніе ко всему прекрасному и изящному, которое выказываютъ рабочіе съ соціально-демократическими убѣжденіями, не такъ страшно, какъ оно на видъ кажется, потому что одно уже существованіе такой значительной печати, которая частію редижируется съ большимъ искусствомъ, уже показываетъ довольно значительную степень образованія, а крупныя движенія никогда не отличаются мягкостью, напротивъ, весьма грубы и непривлекательны на видъ. Если образованные классы сами не сдадутся, если правительство не дезорганизируется и не потеряетъ головы, то нечего опасаться ни взрыва революціи, ни соціально-демократическаго боль-

Digitized by Google

шинства въ рейхстагѣ въ ближайшее десятилѣтіе. Но почва сильно поколеблена, старинныя, патріархальныя понятія все болѣе и болѣе улетучиваются изъ міра, а господствующая партія еще не выказала до сихъ поръ творческой способности. Она сдѣлала *tabula rasa* изъ стараго и, конечно, отжившаго экономическаго порядка, но какъ сложится новый—этого еще не знаетъ ни одинъ человѣкъ.

Возвращаюсь къ тому пункту, съ котораго я началъ, то-есть къ политикѣ, но не къ ультрамонтанамъ или Вагенеровскому дѣлу; нѣтъ, я слегка коснусь внѣшней политики, которая отмѣчена великимъ событіемъ, а именно: конвенціей 15-го марта, въ силу которой послѣдняя часть военной контрибуціи должна быть внесена 5-го сентября и затѣмъ вскорѣ произойти полное очищеніе территоріи. Эта конвенція вызвала во Франціи чрезвычайный восторгъ и съ одобреніемъ принята и здѣсь,—а это, конечно, величайшій успѣхъ, какого только можетъ заслужить договоръ между побѣдителемъ и побѣжденнымъ. Ласкеръ произнесъ сегодня въ рейхстагѣ блистательную рѣчь въ похвалу князю Бисмарку за его искусное веденіе дѣлъ, и нѣтъ сомнѣнія, что канцлеръ заслуживаетъ этой похвалы. Всѣ его разсчеты оправдались, и за нимъ остается безспорная слава, что онъ ничуть не злоупотребилъ своей властью надъ побѣжденнымъ, что онъ не проявлялъ своеволія, но постоянное и равномѣрное доброжелательство. Демократическія газеты толкуютъ всякій вздоръ о мотивахъ, которые вызываютъ покладливость Бисмарка, причемъ докладъ генерала Мантейфеля императору играетъ главную роль. Но мотивы эти очень просты. Во-первыхъ, канцлеръ убѣдился, безъ сомнѣнія изъ вѣрныхъ источниковъ, что французы не начнутъ войны въ скоромъ времени, иначе онъ могъ бы протянуть срокъ, такъ какъ въ настоящее время всякій лишній мѣсяцъ составляетъ выигрышъ въ виду окончанія постройки крѣпостей и сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Эльзасъ-Лотарингіи. Во-вторыхъ, вся Германія желаетъ, чтобы ея воины вернулись поскорѣе изъ Франціи домой, потому что нѣмецкая армія состоитъ не изъ наемщиковъ, а связана тѣсными узами съ народомъ. Во всякомъ случаѣ нравственный выигрышъ несомнѣненъ, потому что Бисмаркъ передъ цѣлымъ міромъ заявилъ о своемъ миролюбіи; вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе его относительно императора и рейхстага—превосходно.

Касательно его отношеній къ прусскому министерству и его намѣреній, покрывало таинственности все еще не приподнято. Всего вѣроятнѣе кажется мнѣ то, что Бисмаркъ находилъ, что прусскія собственно дѣла берутъ слишкомъ большой перевѣсъ надъ германскими, и что онъ пожелалъ дать благодѣтельный толчокъ этимъ по-

Digitized by Google

слѣднимъ и съ этою цѣлью пожелалъ устраниться отъ прусскихъ дѣлъ. Это до того естественно, что не можетъ возбуждать ни малѣйшаго удивленія. Въ компетентныхъ кружкахъ утверждаютъ также, что прусское министерство должно проводить болѣе консервативную политику, чѣмъ политика Бисмарка, и это довольно правдоподобно, но, съ другой стороны, для такой политики не представляется теперь никакого простора: при существующихъ обстоятельствахъ все тó, что по старымъ понятіямъ считалось консервативнымъ, при существующихъ обстоятельствахъ было бы реакціоннымъ, а министерство Роона не можетъ и не захочетъ быть реакціоннымъ. Къ тому же графъ Роонъ старъ и утомленъ. Желаніе его удалиться отъ дѣлъ было искреннее, и онъ только подчинился приказаніямъ короля, когда рѣшился принять на себя предсѣдательство въ совѣтѣ министровъ. Графъ Эйленбургъ тоже не изъ молодыхъ, Итценплицъ— старикъ, новые элементы (Кампгаузенъ, Фалькъ и отчасти Леонгардтъ) не имѣютъ ничего общаго со старыми и не столько отличаются отъ нихъ по своимъ политическимъ мнѣніямъ, чтó нельзя ожидать однороднаго дѣйствія и энергической иниціативы. Англичане весьма консервативный народъ, и совсѣмъ тѣмъ у нихъ время отъ времени происходитъ перемѣна министерства, и разумѣется не отъ нетерпѣнія, но потому что коллегіально составленное министерство постепенно измѣняется въ своей конституціи настолько, что перестаетъ удовлетворять. Въ Пруссіи должны проявиться такія же явленія, какъ и въ другихъ странахъ, въ которыхъ господствуетъ конституціонализмъ, и переходъ къ настоящей парламентской системѣ (при этомъ я подразумѣваю министерство, образовавшееся изъ парламентскаго большинства—по крайней мѣрѣ какъ правило, потому что исключенія бывали и въ Англіи) кажется мнѣ не очень отдаленнымъ. Нельзя повѣрить, чтобы столько именитыхъ, богатыхъ, способныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательныхъ людей, согласились нести бремя вѣчнаго парламента, еслибы у нихъ отнята была на вѣки цѣль всякаго благороднаго честолюбца—руководить судьбами своей страны.

Въ концѣ концовъ можно сказать, что Германія находится въ періодѣ быстраго развитія и прогресса. Благополучно оконченная война высвободила пропасть силъ, которыя еще бродятъ и ищутъ себѣ примѣненія. Совершенно гладко все не можетъ идти; сильныя бури могутъ еще перервать развитіе, но нельзя замѣтить, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, никакихъ симптомовъ апатіи или неисцѣлимой развращенности. Всеобщее образованіе, увеличеніе богатствъ, смягченіе нравовъ, безспорно, развиваются. Упоминаю объ

Digitized by Google

этомъ для того, чтобы читатели не подумали, что я набросалъ слишкомъ мрачную картину, указывая на тревожные симптомы въ нашемъ развитіи. Въ мірѣ не существуетъ совершенства, и при ближайшемъ разсмотрѣніи не въ одномъ солнцѣ можно усмотрѣть пятна!

К.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА

Трудъ женщины и условія его лучшей организаціи.

Le travail des femmes au XIX-me siècle, par *Paul Leroy-Beaulieu*. Ouvrage couronné par l'Académie des sciences morales et politiques. Paris, Charpentier et C-ie, 1873 (Женскій трудъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ, соч. *Поля Леруа-Больё*).

О женскомъ трудѣ писали и пишутъ очень много на всѣхъ европейскихъ языкахъ, но до сихъ поръ не было ни одного сочиненія, которое взглянуло бы на этотъ вопросъ съ чисто-научной точки зрѣнія, подкрѣпляя свои выводы всѣмъ опытнымъ матеріаломъ нашего времени. Газетныя статьи о женскомъ трудѣ, а также громадное большинство брошюръ и книгъ, вышедшихъ до сихъ поръ въ Англіи, Франціи и Германіи, имѣли въ виду исключительно агитаціонныя цѣли, и потому всѣ эти произведенія литературнаго рынка изобилуютъ сантиментальнымъ фразёрствомъ и односторонностью взглядовъ; многочисленные авторы всѣхъ этихъ сочиненій или преслѣдовали слишкомъ узкіе интересы того или другого агитаціоннаго общества, или смотрѣли на вопросъ подъ угломъ какихъ-либо политическихъ или соціальныхъ вліяній. За исключеніемъ знаменитаго сочиненія Джона Стюарта Милля „О подчиненности женщинъ", гдѣ, однако, вопросъ женскаго труда разбирается лишь между прочимъ, невозможно указать ни на одно сочиненіе, которое излагало бы женскій трудъ такъ, какъ требуетъ того экономическая наука. Поль Леруа-Больё сдѣлалъ попытку, и довольно удачную, наполнить этотъ пробѣлъ въ экономической литературѣ. Парижская академія нравственныхъ и политическихъ наукъ увѣнчала эту попытку своею наградою, и на этотъ разъ какъ нельзя болѣе кстати. Нѣкоторые промахи въ книгѣ Леруа-Больё существуютъ, и взглядъ автора на вмѣшательство государства въ экономическую жизнь страны слишкомъ ограниченъ и отзывается рутиною, но тѣмъ не менѣе авторъ прихо-

Digitized by Google

дитъ къ умнымъ, полезнымъ и практическимъ выводамъ, подкрѣпленнымъ массою интересныхъ фактовъ и твердою логикою. Съ его сочиненіемъ въ рукахъ, защитникъ женскаго труда можетъ смѣло вступить въ бой съ своими противниками, въ полной надеждѣ на торжество своего дѣла. Право женщины на трудъ подтверждено и доказано въ этой книгѣ столь вѣскими доводами, и практическими и теоретическими, что только одно упрямство можетъ найти ихъ недостаточно убѣдительными...

Авторъ дѣлитъ свой трудъ на три отдѣла, изъ которыхъ въ первомъ изложены теорія и практика заработной платы за женскій трудъ и положеніе промышленнаго образованія женщинъ во Франціи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ цивилизованнаго міра; во второмъ—идетъ дѣло о вмѣшательствѣ закона съ цѣлью воспретить или регламентировать женскій трудъ въ промышленности, а въ третьемъ—о средствахъ возвысить состояніе женщинъ и возстановить семейную жизнь въ рабочемъ сословіи. Хотя первые два отдѣла написаны также дѣльно, какъ третій, и имѣютъ не меньшій интересъ, мы займемся въ этой статьѣ преимущественно третьимъ отдѣломъ, такъ какъ въ немъ авторъ старается дать полное рѣшеніе вопроса о женскомъ трудѣ при помощи тутъ же рекомендуемыхъ средствъ.

Большинство людей, *интересующихся* вопросомъ женскаго труда, понимаетъ очень хорошо, что въ этомъ вопросѣ дѣло идетъ о томъ, какъ бы поднять заработную плату за женскій трудъ столь высоко, чтобы она обезпечивала за работницею всѣ ея человѣческія права на жизнь, и чтобы всѣ отрасли промышленности приняли такую организацію, при которой трудящаяся женщина могла бы работать въ хорошихъ гигіеническихъ условіяхъ, не отрываясь отъ домашнихъ дѣлъ въ своей семьѣ. Какъ этого достигнуть, какими средствами?.. Вотъ что смущаетъ умы сторонниковъ женскаго труда. Въ третьемъ отдѣлѣ книги Леруа-Болье указаны именно эти средства, въ которыя самъ авторъ вѣритъ вполнѣ: „теоретически (смѣло говоритъ онъ) задача рѣшена, по крайней мѣрѣ настолько, насколько возможно; что же касается до практическаго приложенія, оно должно стать предметомъ энергической пропаганды“ (стр. 458). Что особенно важно въ этомъ заявленіи автора—это то, что въ его планахъ и соображеніяхъ нѣтъ ничего утопическаго: всѣ учрежденія и законы, какіе нужны для достиженія его цѣлей, существуютъ уже въ настоящее время въ нѣкоторыхъ государствахъ, но только въ недоразвитомъ состояніи или въ слишкомъ малыхъ размѣрахъ, или въ формѣ первыхъ образцовъ. Но какъ законы, такъ и учрежденія, о которыхъ идетъ рѣчь, принялись удачно, вполнѣ практичны, и признаны полезными и справедливыми самою экономическою наукою и политическою практикою.

Digitized by Google

По сущности своей, планъ автора очень простъ, хотя требуетъ для своего исполненія весьма многихъ условій и очень долгаго и упорнаго труда со стороны всѣхъ, заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ, а кто же въ немъ не заинтересованъ?.. Вопросъ женскаго труда — вопросъ такой же большой важности для всего общества, какъ и вопросъ мужского труда: какъ тутъ идетъ дѣло о надежномъ обезпеченіи жизни, такъ и тамъ. Это общественный вопросъ, и онъ можетъ разрѣшиться лишь усиліями всего общества, всѣхъ его силъ, при дальнѣйшемъ развитіи цивилизаціи и всѣхъ нынѣшнихъ учрежденій, способствующихъ этому развитію.

Для удовлетворенія потребностей современной общественной жизни почти во всѣхъ отрасляхъ труда есть условія, невыгодныя какъ для матеріальнаго, такъ и для нравственнаго быта рабочихъ людей. Трудъ, при нынѣшней его организаціи, вездѣ сопряженъ съ тѣми или другими препятствіями, невыгодными для рабочаго человѣка въ гигіеническомъ или моральномъ отношеніи, и сама наука далеко еще не сдѣлала всѣхъ техническихъ усовершенствованій и приспособленій въ орудіяхъ и матеріалахъ производства, какіе необходимы для той правильной и систематической организаціи труда, при которой трудъ во всѣхъ отрасляхъ индустріи избавился бы отъ своихъ непривлекательныхъ и вредныхъ сторонъ. Только теперь, когда тамъ-и-сямъ нѣкоторые филантропы изъ фабрикантовъ успѣли, посредствомъ разныхъ остроумныхъ сочетаній въ архитектурной, технической и домашней организаціи своихъ фабрикъ, показать всѣмъ, кто хочетъ и умѣетъ видѣть, что машинное производство допускаетъ съ бо́льшею легкостью всѣ примѣненія, полезныя для здоровья и нравственности рабочихъ, чѣмъ трудъ кустарный и ручной,—только теперь введеніе машинъ въ производство и усовершенствованіе ихъ начинаетъ пріобрѣтать себѣ сторонниковъ не съ узкими стремленіями къ личной наживѣ, но съ широкими гуманными воззрѣніями въ соціальныхъ вопросахъ. При внимательномъ разсмотрѣніи вредныхъ сторонъ разныхъ отраслей труда оказывается, что главная причина несчастнаго положенія людей, занимающихся тою или другою профессіей, заключается именно въ самой профессіи, въ самихъ обстоятельствахъ, при которыхъ совершается профессія, и что невыгодныя обстоятельства эти могутъ быть устранены лишь при полномъ преобразованіи самого труда посредствомъ замѣны человѣческой силы машиною. Физическій трудъ, если онъ производится въ обширныхъ размѣрахъ, всегда будетъ служить помѣхою умственному развитію людей, и только самое обширное примѣненіе машинъ ко всѣмъ отраслямъ человѣческаго труда въ состояніи освободить людей

Digitized by Google

отъ исполненія обязанностей рабочаго скота. Леруа-Болье отлично понимаетъ это, и онъ правъ въ своихъ надеждахъ на машины въ его теоріи рѣшенія рабочаго вопроса. Техническія усовершенствованія съ примѣненіемъ пара, электричества и сжатаго воздуха могутъ весьма многое сдѣлать въ сферѣ организаціи труда, какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и въ нравственномъ.

Отправляясь далѣе отъ той аксіомы, что физическій, ручной трудъ, если онъ производится или отправляется съ излишнимъ усердіемъ, вреденъ для человѣка и въ физическомъ и въ умственномъ отношеніяхъ, нашъ авторъ становится сторонникомъ законовъ, имѣющихъ въ виду прекратить или по крайней мѣрѣ облегчить всѣ такія условія труда, которыя требуютъ отъ рабочихъ людей излишняго напряженія силы, и самыми лучшими изъ этихъ законовъ онъ считаетъ англійскіе, ограничивающіе число часовъ дневного труда на фабрикахъ, и не дозволяющіе ни женщинамъ, ни дѣтямъ, работающимъ на фабрикахъ, отправлять ночныя работы. Опытъ англійскаго законодательства доказалъ самымъ очевиднымъ образомъ, что крайне долгій рабочій день имѣетъ весьма вредное вліяніе не только на умственную жизнь, но и на физическія силы рабочаго, — это подтверждается всѣми оффиціальными данными парламентскихъ коммиссій и фабричныхъ инспекторовъ въ Англіи. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ о вліяніи законовъ, опредѣлившихъ число часовъ труда на англійскихъ фабрикахъ, инспекторъ Бэкеръ: „Въ 1830 году (то-есть, *до* законовъ) *фабричная нога* и *спинной горбъ* вошли въ поговорку и были протестующимъ фактомъ въ промышленныхъ округахъ Ланкашира и Йоркшира... Но съ тѣхъ поръ поговорка скончалась естественною смертью, а протесты перестали имѣть право на заявленіе. Теперь, во всѣхъ фабричныхъ округахъ едва-ли встрѣтите вы хотя одну изувѣченную ногу или горбатую спину, которая создалась вслѣдствіе фабричной работы, и которая не принадлежала бы какому-нибудь старику, образцу прежнихъ временъ. Лица, прежде блѣдныя и угрюмыя, теперь цвѣтутъ здоровьемъ и веселостью; формы изъ угловатыхъ стали полными и круглыми; бодрость замѣтна въ походкѣ и довольство въ осанкѣ. Физическое состояніе фабричныхъ женщинъ можно сравнить съ такимъ же состояніемъ матерей какихъ угодно деревень... Въ 1833 году, во всемъ Соединенномъ Королевствѣ на фабрикахъ работало до 200 тысячъ женщинъ. Это были несчастныя искудалыя созданія, съ печальною наружностью. По словамъ знаменитаго Лидскаго хирурга, доктора Смита, плечи ихъ были угловатыя, головы опущены, всѣ формы лишены той округлости, которая есть признакъ здороваго состоянія. Теперь этихъ женщинъ 400 тысячъ, и тотъ же самый хирургъ находитъ ихъ красивыми и цвѣтущими,

Digitized by Google

сильными и полными въ мышечной системѣ, веселыми и счастливыми, съ удивительными формами" (стр. 270, 271). Разумѣется, въ этой поразительной перемѣнѣ среди работающаго на фабрикахъ населенія не послѣднюю роль играли также разныя гигіеническія примѣненія въ самой матеріальной обстановкѣ фабрикъ, но тѣмъ не менѣе правительственные инспектора, зорко наблюдавшіе за тѣмъ, чтобы хозяева не могли эксплуатировать трудъ рабочихъ въ ущербъ физическаго здоровья послѣднихъ, оказали рабочимъ замѣчательную услугу...

Имѣя въ виду возможность широкаго примѣненія гигіены и удобства правительственнаго надзора на фабрикахъ, нашъ авторъ, основываясь все на той же аксіомѣ объ излишнемъ физическомъ трудѣ, истощающемъ тѣло и ослабляющемъ умъ, желаетъ самаго широкаго развитія крупной промышленности, личной ли или ассоціаціонной—все равно, лишь бы она способствовала быстрой замѣнѣ ручного труда машиннымъ. Въ первомъ отдѣлѣ своего труда, Леруа-Больё доказываетъ, съ неоспоримыми фактами въ рукахъ, что фабричная промышленность, со времени ея появленія и акклиматизаціи во Франціи, значительно улучшила положеніе рабочихъ людей во всѣхъ отношеніяхъ, но всего болѣе пользы она принесла именно женщинамъ, такъ какъ машины ослабили достоинство чисто физической силы и возвысили въ цѣнѣ ловкость и вообще умственныя способности работника. Сравнивая условія труда и заработную плату въ главныхъ отрасляхъ фабричнаго производства съ условіями труда и заработною платою въ кустарной промышленности и сельскомъ хозяйствѣ, Леруа-Больё фактически доказываетъ, что крупная фабричная промышленность представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма важныя преимущества (для рабочихъ) надъ другими, существующими въ наше время организаціями труда: при фабричной организаціи и гигіеническое положеніе рабочихъ лучше, и образованность выше, и воспитаніе ихъ дѣтей идетъ гораздо успѣшнѣе, и заработная плата вдвое выше, и число часовъ дневной работы меньше, и правительственный надзоръ удобнѣе и дѣйствительнѣе, и введеніе техническихъ улучшеній несравненно легче. Всѣ эти выводы подтверждены въ книгѣ массою фактовъ, собранныхъ во Франціи, Англіи и другихъ странахъ. Сверхъ того, авторъ въ особомъ историческомъ очеркѣ организаціи труда съ древнихъ временъ разбиваетъ окончательно всѣ увѣренія нѣкоторыхъ приверженцевъ „стараго порядка" и нѣкоторыхъ соціалистовъ, будто бы введеніе машинъ въ промышленность произвело весь нынѣшній пролетаріатъ;—напротивъ, всѣ дурныя условія труда, которыя обнаружились въ фабричной системѣ, существовали и прежде: и прежде городской рабочій и крестьянинъ жили никакъ не лучше нынѣшняго, хотя

Digitized by Google

трудились гораздо больше, да еще при болѣе вредной въ гигіеническомъ отношеніи обстановкѣ. Нѣкоторые противники фабричной системы утверждали еще, что однообразіе машиннаго труда вредно дѣйствуетъ на умственное состояніе рабочаго: Леруа-Больё отвергаетъ и это возраженіе, которое можетъ имѣть силу лишь въ примѣненіи къ крайне долгому рабочему дню. Когда урокъ не слишкомъ продолжителенъ, то однообразіе труда, „не только не съуживаетъ и не губитъ ума, но, напротивъ, даетъ ему отдохнуть и, требуя отъ него лишь механическаго вниманія, позволяетъ ему вдаваться въ постороннія мысли и размышленія. Такъ, вращая свой точильный камень и заработывая свое пропитаніе этимъ монотоннымъ трудомъ, Спиноза успѣлъ придумать философскую систему, которая, несмотря на свои погрѣшности, представляетъ намъ одно изъ чудесъ человѣческаго разума. Такъ, съ другой стороны, въ кругу практической дѣятельности, многіе рабочіе, воспитанные на прядильняхъ и у ткацкихъ станковъ, стали изобрѣтателями, или богатыми промышленниками, или просвѣщенными филантропами.“

Въ особой главѣ (стр. 395—410), о швейной машинѣ, авторъ собираетъ всѣ свои доводы въ пользу замѣны ручного труда машиннымъ, такъ что на этомъ примѣрѣ введенія машины въ производство, гдѣ прежде работали однѣ руки, довольно удобно оцѣнить достоинство авторскихъ соображеній о соціальномъ вліяніи машинъ. Онъ задаетъ себѣ слѣдующіе вопросы: — какое вліяніе имѣетъ машина на заработную плату машинныхъ работницъ и ручныхъ; каковы ея преимущества и неудобства относительно общаго здоровья и каково должно быть поведеніе благотворительныхъ людей, филантропическихъ обществъ и всѣхъ, кто занимается судьбою рабочихъ классовъ и—въ частности—судьбою бѣдныхъ женщинъ, при введеніи новой машины?...

Швейная машина, управляемая одною искусною работницею, дѣлаетъ не менѣе того, что́ приготовляютъ въ одинаковый промежутокъ времени шесть швей; вознагражденіе машинныхъ работницъ превышаетъ заработную плату ручныхъ, по крайней мѣрѣ, на одну треть, или на половину, а иногда и вдвое. Главный вопросъ здѣсь: не уменьшитъ-ли машина спросъ на работницъ въ швейномъ дѣлѣ? Этотъ страшный вопросъ являлся всякій разъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности, когда въ нихъ вводили машины; даже желѣзныя дороги возбуждали опасеніе, что развитіе ихъ нанесетъ гибельный ударъ коневодству и извозу; введеніе типографскаго станка произвело въ свое время не мало тревогъ въ душахъ переписчиковъ. Леруа-Больё относитъ крики противъ швейныхъ машинъ къ опасеніямъ того же рода. „Есть,—говоритъ онъ,—много тканей, которыя

Digitized by Google

остаются внѣ употребленія, потому что, по своему низкому достоинству, потребленныя на платье, онѣ не стоили бы издержекъ за выкройку и шитьё... Докторъ Арнштейнъ, въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ объ участіи Австріи на лондонской выставкѣ 1862 г., замѣчаетъ объ этомъ: „Швейныя машины умножатъ потребленіе ткацкихъ издѣлій; всѣ дешевыя произведенія изъ хлопка, которыя приготовляются теперь лишь въ маломъ количествѣ, потому что цѣны за шитье платья изъ нихъ превышаютъ цѣну всей матеріи, могутъ въ будущемъ расходиться въ обширныхъ размѣрахъ". Стóитъ только пораздумать хорошенько, бросить взоръ вокругъ себя и изучить существующія потребности, и вамъ легко убѣдиться въ томъ, что поле швейнаго промысла едва-ли не обширнѣе всѣхъ другихъ. Высокая цѣна произведеній служитъ единственнымъ препятствіемъ къ его полному расширенію. Всѣ ли достаточно одѣты и обладаютъ достаточно комфортабельною мебелью? конечно, нѣтъ, и именно потому, что мебель и одежда еще слишкомъ дороги. Понизится цѣна, и спросъ на эти предметы повысится въ громадной пропорціи. Стало бы больше рубахъ, больше платья, больше носовыхъ платковъ, больше занавѣсовъ, больше башмаковъ и т. д., если бы можно было пріобрѣтать эти вещи по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Швейная машина имѣетъ именно то вліяніе, что, повышая вознагражденіе своей работницѣ, понижаетъ цѣну приготовляемыхъ предметовъ"...

Швейная машина, какъ всѣ другія машины, служила предметомъ сильныхъ нареканій съ гигіенической точки зрѣнія, и въ ней, дѣйствительно, при прежнемъ устройствѣ, было нѣсколько вредныхъ приспособленій. Но, по мѣрѣ того, какъ врачи разоблачали опасныя стороны работы на швейной машинѣ, техники старались устранить всѣ опасности. Какъ было съ другими машинами, такъ случилось и съ швейною, и теперь есть уже такія швейныя машины, изъ которыхъ удалено все, что служило предметомъ самой жестокой гигіенической полемики. Сперва швейная машина была о двухъ педаляхъ, и работница работала на ней обѣими ногами, причемъ весь инструментъ приходилъ въ дрожаніе, которое, передаваясь по рукамъ въ грудную полость, оказывало вредное вліяніе на грудь и на весь организмъ работницы. Чтобы уничтожить дрожаніе инструмента, придумали машину съ одною педалью, но и работа одной педалью тоже имѣетъ свои дурныя стороны, и вотъ машину стали приводить въ движеніе пàромъ, а Казаль, французскій инженеръ, примѣнилъ электричество къ одинокимъ машинамъ и притомъ такъ, что это примѣненіе обходится владѣтельницѣ машины весьма дешево. Четырехъ элементовъ Бунзена достаточно для приведенія въ дѣйствіе двухъ швейныхъ машинъ Казаля, а каждый элементъ потребляетъ

Digitized by Google

въ часъ на десять сантимовъ (три копѣйки) цинка, не болѣе. Машины Казаля стоютъ во Франціи не дороже обыкновенныхъ. При помощи этой машины работница заработываетъ больше обыкновенной швеи, и нисколько не утомляется своею работою; мало того,— она даетъ возможность работницѣ работать у себя дома: „какъ въ прежнія времена—говоритъ Леруа-Больё—можно было видѣть въ нашихъ хижинахъ или мансардахъ отца, мать и дѣтей, усѣвшихся вокругъ ткацкаго станка и работающихъ каждый свою часть въ общемъ дѣлѣ, такъ и теперь, при помощи швейной машины, мать, дочери, бабка могутъ работать вмѣстѣ—кто за сметкой, кто за окончаніемъ вещи, кто за шитьемъ на машинѣ“.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ соціальное вліяніе машинъ на швей, авторъ приходитъ къ справедливому заключенію, что лучшимъ средствомъ къ улучшенію ихъ быта слѣдуетъ считать превращеніе ихъ въ работницъ на машинахъ: то-есть, „открыть имъ возможность выучиться работѣ на машинѣ и пріобрѣсти швейную машину въ свое распоряженіе“. Въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ и Германіи есть уже цѣлая группа обществъ, филантропическихъ, благотворительныхъ и религіозныхъ, члены которыхъ только тѣмъ и занимаются, что даютъ бѣднымъ дѣвушкамъ уроки на швейной машинѣ, или продаютъ имъ машины по дешевымъ цѣнамъ, или даютъ въ наемъ за скромное вознагражденіе. Авторъ называетъ дѣло этихъ обществъ „святымъ и благоразумнымъ“.

Такихъ же высокихъ и справедливыхъ похвалъ удостоиваются, со стороны Леруа-Больё, всѣ стремленія частныхъ лицъ и обществъ и самого государства дать женщинамъ бѣдныхъ классовъ ремесленное образованіе, соединенное съ курсомъ народной школы и домашняго хозяйства. Женщины потому получаютъ меньшую сравнительно съ мужчинами заработную плату, что обладаютъ болѣе слабымъ образованіемъ и потому еще, что имѣютъ, отчасти вслѣдствіе того же самаго недостатка, меньшій кругъ дѣятельности на рабочемъ рынкѣ. Слѣдовательно, все, что способствуетъ распространенію техническихъ свѣдѣній среди женщинъ рабочаго класса, даетъ женщинамъ возможность и раздвинуть поле своей дѣятельности и пріобрѣсти лучшее вознагражденіе за трудъ, по крайней мѣрѣ равное съ мужчинами. Само собою разумѣется, что Леруа-Больё стоитъ за распространеніе женскаго труда всюду, и въ матеріальной сферѣ дѣятельности, и въ умственной, наравнѣ съ трудомъ мужскимъ.

Въ современномъ французскомъ обществѣ на заработную плату женщинъ имѣетъ вредное вліяніе конкурренція тюремъ, монастырей и благотворительныхъ рабочихъ домовъ *(ouvroir)*, а также тайные заработки женщинъ средняго сословія. Леруа-Больё признаетъ этотъ

Digitized by Google

вредъ, но тѣмъ не менѣе онъ никакъ не желаетъ уничтожить работы во всѣхъ упомянутыхъ заведеніяхъ и работы болѣе или менѣе зажиточныхъ семействъ. Онъ желаетъ, напротивъ, преобразовать всѣ эти заведенія въ нѣчто схожее съ ремесленными школами, а отъ женщинъ средняго класса требуетъ гласности. Но послѣднее будетъ достигнуто лишь тогда, когда средній классъ во Франціи пріучится смотрѣть на «заработокъ» не съ точки зрѣнія праздной спѣси, а съ уваженіемъ, какъ къ результату честнаго труда. Что же касается до конкурренціи тюремъ, женскихъ монастырей и т. п., то вредъ, ими приносимый, можетъ быть совершенно уничтоженъ тѣми средствами, какія предлагаетъ нашъ авторъ. Главный вредъ эти заведенія приносятъ тѣмъ, что женщины, въ нихъ работающія, предаются, по большей части, занятіямъ такого рода, которыя и безъ того переполнены работницами и потому даютъ лишь крайне скудную заработную плату. Спрашивается, какая польза женщинамъ, работающимъ или пріучающимся къ работѣ во всѣхъ этихъ заведеніяхъ, отъ всѣхъ этихъ работъ и этого ученья, если, по выходѣ изъ заведенія, онѣ окажутся способными заниматься лишь такими отраслями производства, которыя даютъ наименьшее вознагражденіе, и притомъ столь малое, что его едва-едва хватаетъ на прокормленіе?... Въ тюрьмахъ, въ монастыряхъ, въ рабочихъ домахъ, — вездѣ женщинъ обучаютъ ручному шитью, и часто одному только шитью, а между тѣмъ именно ручныя швеи получаютъ, въ массѣ, самую низкую заработную плату, и благодаря этому обстоятельству, составляютъ главный контингентъ женщинъ, прибѣгающихъ за помощью въ общественные приказы призрѣнія, или погибающихъ въ проституціи, или въ преступленіяхъ противъ собственности и т. п. Такимъ образомъ, тюрьма, монастырь и благотворительный рабочій домъ — заведенія, по основной мысли своей предназначенныя для ослабленія нищеты и преступныхъ дѣяній, и имѣющія всѣ средства къ тому, чтобы дѣйствовать соотвѣтственно своимъ основнымъ цѣлямъ, являются пропагандистами какъ разъ того, что́ они должны были уничтожать! Представляя передъ собою всѣ эти заведенія вмѣстѣ, Леруа-Больё видитъ въ нихъ возможность «самымъ легкимъ способомъ основать во Франціи ремесленное образованіе дѣвушекъ». Дѣйствительно, ихъ очень много—больше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ на европейскомъ материкѣ, и между тѣмъ, увы, бо́льшая часть ихъ находится въ столь неумѣлыхъ рукахъ, что онѣ служатъ только разсадниками ручныхъ швей, то-есть конкуррентовъ тѣмъ же швеямъ на рабочемъ рынкѣ!...

Государство, какъ въ дѣлѣ тюремъ, такъ и въ дѣлѣ школы непосредственно, не сдѣлало ничего для рабочей французской жен-

Digitized by Google

щины. Оно завело только школы черченія въ разныхъ мѣстахъ Франціи, но и тѣ были снабжены столь ничтожными средствами, что по свидѣтельству директриссы одной изъ этихъ школъ, Отье (M-lle Hautier), ученицы въ ея школѣ не обучались ничему. Хорошо еще, что правительство второй имперіи не мѣшало частнымъ людямъ брать на себя обязанность поучить своихъ правителей, какъ слѣдуетъ учреждать ремесленное училище для дѣвицъ.

Въ маѣ 1862 года, въ Парижѣ образовалось общество для распространенія профессіональнаго образованія среди женщинъ. Первоначально оно состояло лишь изъ 50-ти членовъ съ ежегоднымъ взносомъ въ 25 франковъ каждый. «Съ этими комическими средствами и при помощи одной женщины съ умомъ и сердцемъ (дѣвицы Маршефъ-Жираръ), общество открыло 15-го октября 1862 года школу въ улицѣ Перль, въ которой сначала училось только 6 ученицъ; по прошествіи полугода школа имѣла 40 ученицъ и 105 подписчиковъ, и ей прислали въ даръ 4055 франковъ. Доходы, со включеніемъ платы за ученье по 8 франковъ въ мѣсяцъ, достигали 9000 франковъ. Въ концѣ 1864 года, то-есть, послѣ двухлѣтняго существованія, школа была переведена въ улицу дю-Валь-Сентъ-Катринь, и у нея было уже 146 ученицъ, да въ ея отдѣленіи, въ улицѣ Рошешуаръ, было 16, всего 162. Съ тѣхъ поръ успѣхи ея не прекращались... Кромѣ общаго образованія, которое преподавалось тамъ солиднымъ и существеннымъ образомъ, школа имѣла при своемъ основаніи три курса, или, вѣрнѣе, два курса и одну мастерскую: курсъ коммерческаго образованія, имѣвшій цѣлью подготовлять дѣвочекъ къ счетнымъ дѣламъ; курсъ черченія, въ которомъ обучали общему черченію въ такой мѣрѣ, чтобы ученицы пріобрѣтали возможность заняться тою или другою спеціальностью, гдѣ требуется художественный вкусъ, и швейную мастерскую, раздѣленную на двѣ: мастерскую дамскихъ модъ и мастерскую бѣлья. Увеличившіеся доходы и все повышавшееся число ученицъ дозволили расширить основу образованія и сдѣлать его болѣе спеціальнымъ и болѣе разнообразнымъ. Будучи не въ силахъ открыть разомъ столько мастерскихъ, сколько есть различныхъ приложеній черченія къ промышленности, школа стала сначала обучать гравировальному искусству на деревѣ, и въ этотъ курсъ тотчасъ же поступило десять ученицъ. Затѣмъ ввели живопись на фарфорѣ и другія отрасли промышленности съ артистическимъ вкусомъ: живопись на слоновой кости, на экранахъ, шторахъ и т. д. Принимая во вниманіе, сверхъ того, что мѣстонахожденіе промысловъ и наклонности ученицъ придаютъ промышленному искусству, можно сказать, почти безграничное разнообразіе, было рѣшено, что въ случаяхъ, когда нѣкоторыя ученицы пожелаютъ из-

Digitized by Google

учить ремесло, которое не преподается въ заведеніи, помѣщать ихъ въ спеціальныя мастерскія, не прерывая оказывать имъ покровительство и довѣріе, котораго ученицы заслужили во время курса общаго образованія». Кромѣ хорошаго образованія, и общаго и спеціальнаго, школа даетъ еще своимъ ученицамъ возможность, по окончаніи курса, сразу занять мѣсто въ той или другой мастерской, съ которыми заведеніе Маршефъ-Жираръ вступило въ личныя сношенія.

Таковъ образецъ, по которому Леруа-Болье хотѣлъ бы пересоздать всѣ благотворительныя для работницъ заведенія и основать обширную систему ремесленнаго образованія женщинъ во Франціи.

Перейдемъ теперь къ описанію тѣхъ фабричныхъ организацій женскихъ промысловъ, въ которыхъ нашъ авторъ видитъ образцы будущаго благодѣтельнаго для женщинъ устройства машинной промышленности. Цѣли, преслѣдуемыя этими различными организаціями различны, но во всѣхъ этихъ фабрикахъ то общее, что каждая изъ нихъ заботится о той или другой сторонѣ жизни работницъ: то семейныхъ потребностей, то хозяйственныхъ въ ихъ домашнемъ быту, то гигіеническихъ, то чисто нравственныхъ и т. п. Соединяя удачныя организаціи во всѣхъ этихъ отношеніяхъ съ потребностями того или другого фабричнаго производства, и съ обычаями той или другой мѣстности, можно преобразовать весь бытъ рабочей силы въ такомъ смыслѣ, что существованіе ея сдѣлается прочнымъ и мало зависимымъ отъ многихъ случайностей, которымъ она въ настоящее время подвержена. Леруа-Болье только этого и добивается, да и этой, повидимому, узкой задачи хватитъ, хотя бы для Франціи, на цѣлый вѣкъ.

Начнемъ съ описанія такъ-называемыхъ промышленныхъ пансіоновъ—*les internats industriels.*

Лѣтъ 35 тому назадъ, извѣстный политико-экономъ Мишель Шевалье обратилъ вниманіе Европы на американскій городъ Лоуелль, въ которомъ было тогда до 40 тысячъ жителей, изъ которыхъ 15 тысячъ принадлежали къ рабочему классу, и изъ нихъ 10,000 женщинъ. Громадное большинство этихъ женщинъ были молодыя дѣвушки изъ окрестныхъ деревень, отправившіяся на городскія работы въ видахъ собрать себѣ приданое въ 4, 5 или 10 лѣтъ. Онѣ жили группами по 10—15 человѣкъ въ небольшихъ домахъ, подъ покровительствомъ добросовѣстныхъ хозяекъ. Въ этихъ домахъ дѣвушки занимались хозяйствомъ по-очереди, заработывая свое содержаніе на фабрикахъ;—онѣ жили тамъ вообще свободно, хотя и подъ надзоромъ покровительницъ, и возвращались домой не только болѣе опытными въ жизни и съ нравственною энергіей, но и съ достаточною для заведенія своего собственнаго хозяйства суммою денегъ.

Digitized by Google

Примѣру Лоуелля послѣдовали многіе другіе города или отдѣльныя фабрики въ Соединенныхъ Штатахъ, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ промышленныя учрежденія Уилліяма Чэпина въ Лоренсѣ, въ штатѣ Массачузетсѣ. Интернатъ, устроенный Чэпиномъ для 825 женщинъ изъ 1700 работающихъ на фабрикѣ, произвелъ такое сильное впечатлѣніе на присяжныхъ, присуждавшихъ на парижской выставкѣ 1867 года преміи за проекты объ улучшеніи быта рабочихъ людей, что они нашли его достойнымъ ихъ поощренія. Здѣсь пансіонерками являются опять молодыя дѣвушки. Всѣ онѣ живутъ въ 17-ти отдѣльныхъ помѣщеніяхъ подъ надзоромъ женщинъ пожилыхъ, назначаемыхъ самимъ хозяиномъ фабрики. Помѣщенія дѣвушекъ состоятъ изъ меблированныхъ комнатъ, свѣтлыхъ и вентилируемыхъ, по одной на каждую пару работницъ. Заработная плата интернатокъ та же, что и другихъ женщинъ, но она дѣлится на три доли, изъ которыхъ одна удерживается за квартиру и столъ,—другая идетъ въ сбереженіе, которое выдается пансіонеркѣ въ случаѣ ея удаленія изъ заведенія, — третья же, послѣдняя доля, выдается ежемѣсячно каждой дѣвушкѣ на одежду, стирку и т. п. Дѣвушки пользуются полною свободою, но въ случаѣ злоупотребленій ею слѣдуетъ сперва выговоръ, а во второй разъ немилосердное изгнаніе. Къ этимъ пансіонамъ принадлежитъ огромная читальня, съ библіотекою въ 4000 томовъ и съ особыми залами для женскаго пола, которыя открыты ежедневно съ 6 часовъ утра и до 10 вечера; тамъ тепло и свѣтло, и по временамъ читаютъ лекціи о разныхъ предметахъ. При такой организаціи фабрики молодыя дѣвушки не только перестаютъ съ раннихъ лѣтъ быть бременемъ для бѣдныхъ родителей, но еще пріобрѣтаютъ образованіе и сберегаютъ копѣйку на черный день. Объ одной изъ нихъ разсказываютъ, что ей удалось своими сбереженіями дать возможность ея жениху, студенту медицины, окончить курсъ.

Во Франціи американская идея промышленнаго пансіона принялась довольно хорошо, но съ нѣкоторыми отклоненіями. Есть двѣ системы пансіоновъ. Въ одной дисциплина крайне суровая, такъ что молодыя дѣвушки живутъ на фабрикѣ точно въ монастырѣ; имъ запрещаютъ почти всякія сношенія съ внѣшнимъ міромъ, даже съ ихъ семьями, ихъ кормятъ въ заведеніи, а жалованье выдаютъ лишь однажды въ годъ. Типичнымъ заведеніемъ въ этомъ родѣ служитъ фабрика Бонне въ Жюжюрьё, въ Энскомъ департаментѣ, гдѣ монастырскимъ порядкомъ содержится до 400 работницъ, поступающихъ съ 13—15 лѣтъ: только разъ въ каждыя шесть недѣль имъ позволяютъ повидаться съ своими родственниками; ежегодно ихъ чистый заработокъ простирается до 80—150 франковъ.

Digitized by Google

перваго работы прекращаются до 2-хъ часовъ, и работница можетъ такимъ образомъ сходить за дѣтьми въ школу и приготовить обѣдъ для всей семьи. Съ 2-хъ часовъ работы продолжаются до половины пятаго, и рабочій день конченъ. Бартлитъ говоритъ, по свидѣтельству нашего автора, „что четырехлѣтній опытъ убѣдилъ его самымъ рѣшительнымъ образомъ, что юныя матери, работая поштучно при такой организаціи труда, по шести съ половиною часовъ ежедневно, заработывали столько, какъ еслибъ онѣ работали обычный рабочій день въ 10 часовъ; и онъ объясняетъ эту видимую аномалію улучшеніемъ ихъ здоровья, отсутствіемъ манкировокъ и опаздываній, рѣдкостью заболѣваній и большею энергіей въ работѣ" (стр. 442).

Нѣчто подобное Реддичской организаціи устроили сами работницы въ одной парижской мастерской шалей. Всѣхъ работницъ въ этой мастерской тридцать. Онѣ поняли, что слишкомъ долгій рабочій день вредно дѣйствуетъ на ихъ здоровье и, вмѣсто прибыльнаго заработка, только истощаетъ ихъ физическія и умственныя силы. Онѣ согласились между собою работать по двѣ вмѣстѣ за цѣлый день: одна утромъ, другая вечеромъ, и работа у нихъ пошла лучше, и здоровье не ослабѣвало. Леруа-Больё, основываясь на этомъ примѣрѣ и на организаціи въ Реддичѣ, а также на томъ общемъ фактѣ, что хорошая работница всегда сдѣлаетъ вдвое больше двухъ посредственныхъ въ одинаковый періодъ времени, полагаетъ, что фабричная организація, принявъ такое сокращеніе женскаго рабочаго дня, по крайней мѣрѣ для молодыхъ матерей, не потерпѣла бы никакою ущерба. Подъ качествами хорошей работницы прежде всего разумѣются именно ловкость и смѣтливость, и такія качества ума и тѣла проявляются всего лучше въ бодромъ, неутомленномъ организмѣ, и въ продолженіи всего того времени только, пока человѣкъ не усталъ ни физически, ни умственно; при шестичасовой работѣ бодрость тѣла и духа не покидаетъ женщину, при болѣе продолжительной, молодая мать сильно утомляется, и въ послѣднюю половину работъ дѣлаетъ обыкновенно менѣе, чѣмъ въ первую, при чемъ сегодняшнее излишнее утомленіе даетъ себя знать и завтра. Вредное дѣйствіе этихъ постоянныхъ излишествъ труда проявляется, отчасти, въ самой производительности труда, въ манкировкахъ, а часто и въ формѣ продолжительныхъ болѣзней: утомленная работница вообще болѣе предрасположена къ разнымъ болѣзнямъ, особенно лихорадочнаго свойства и къ эпидеміямъ, чѣмъ работница бодрая и веселая.

Но машинная промышленность можетъ примѣниться не только ко всѣмъ требованіямъ гигіены относительно сохраненія здоровья рабочаго населенія (сокращеніе рабочаго дня, плата поштучно), но

Digitized by Google

даже къ требованіямъ идеала хорошей рабочей семьи. Паръ и другія двигательныя силы, какъ доказано въ послѣднее время, могутъ быть доставлены въ дома самихъ рабочихъ, при чемъ вся внутренняя обстановка жилища не терпитъ никакого ущерба ни въ гигіеническомъ отношеніи, ни въ семейномъ. Вмѣсто того, чтобы строить громадныя фабрики, можно во многихъ отрасляхъ промышленной дѣятельности вводить паровой двигатель въ цѣлую колонію рабочихъ домовъ, въ каждомъ изъ которыхъ, или одна рабочая семья, или нѣсколько семействъ, или артель въ нѣсколько рабочихъ, могли бы работать у себя дома при полной семейной обстановкѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобное преобразованіе старой фабричной системы требуетъ большого труда, но новыя фабрики могутъ строиться на этотъ ладъ. Такія организаціи уже существуютъ, и дѣла ихъ идутъ хорошо. Одинъ изъ англійскихъ фабричныхъ инспекторовъ, Робертъ Бэкеръ, говоритъ въ своемъ отчетѣ за 1867 годъ, что онъ видѣлъ въ Ковентри, кромѣ крупныхъ ленточныхъ фабрикъ, около 400 домовъ, въ каждомъ изъ которыхъ мужчина и женщина, съ помощью иногда двухъ-трехъ другихъ рабочихъ, работали посредствомъ парового двигателя; это была или маленькая паровая машина, или приводъ съ сосѣдней большой фабрики. Тамъ есть большія фабрики, вокругъ которыхъ расположились цѣлыя колоніи рабочихъ семействъ, пользующихся въ своихъ домахъ паровымъ двигателемъ фабрики. Въ Голландіи образовалось цѣлое общество въ видахъ распространенія паровой силы во всѣ дома, кто только пожелаетъ.

Съ другой стороны, той же популяризаціи машиннаго двигателя начинаютъ помогать электричество и приборъ Ленуара. Мы упоминали выше объ удачномъ примѣненіи электричества къ швейнымъ машинамъ. Въ 1858 году, итальянецъ Понелли приложилъ электричество къ ткацкому станку Жакара, и теперь это приложеніе уже можно видѣть въ Парижѣ и Ліонѣ, во Франціи, но всего больше воспользовались этимъ изобрѣтеніемъ сами итальянцы, преимущественно въ Генуѣ. Какъ бы то ни было, самымъ удобнымъ приборомъ для рабочей семьи былъ бы двигатель Ленуара, такъ какъ онъ не громозденъ, быстро приходитъ въ движеніе и когда прекращаетъ работу, прекращаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ потреблять матеріалъ, посредствомъ котораго возбуждается дѣятельность привода. Къ сожалѣнію, именно потому, что приборъ Ленуара всего болѣе пригоденъ бѣднымъ людямъ, и всего менѣе для крупнаго производства, двигатель этотъ не пошелъ пока въ ходъ.

Семья рабочаго человѣка можетъ пріобрѣсти значительную пользу еще отъ многихъ другихъ условій, кромѣ организаціи труда. Самое жилище рабочаго, его пища и самое хозяйство требуютъ значитель-

Digitized by Google

ныхъ улучшеній, которыя могутъ быть внесены въ нее всѣми людьми и обществами, старающимися объ улучшеніи быта трудящихся классовъ; государство можетъ явиться на помощь въ качествѣ благодѣтельнаго кредитора. Въ Англіи, Франціи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ Европы есть не мало филантроповъ, которые употребляютъ значительные капиталы на устройство хорошихъ жилищъ для рабочихъ людей, другіе заботятся объ удешевленіи съѣстныхъ припасовъ или иныхъ потребностей небогатыхъ семействъ. Многого слѣдуетъ ожидать отъ включенія въ курсъ женской народной школы разныхъ ремеслъ, необходимыхъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Въ этомъ отношеніи Леруа-Больё обращаетъ наше вниманіе на рабочія школы въ Цюрихскомъ кантонѣ, въ Швейцаріи. Благодаря этимъ школамъ—говоритъ онъ—„въ кантонѣ почти нѣтъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя не умѣли бы шить, вязать, мѣтить, вышивать, стирать и гладить, а всѣ эти способности несомнѣнно весьма полезны въ семьѣ". Нашъ авторъ требуетъ еще преподаванія кухоннаго искусства и гигіены, особенно послѣдней, такъ какъ гигіеническія свѣдѣнія могутъ спасти рабочую семью отъ самыхъ главныхъ враговъ ея благосостоянія: болѣзней, гибельныхъ для здоровья предразсудковъ и шарлатанства знахарей...

Кромѣ частныхъ лицъ, благотворительныхъ обществъ и богатыхъ филантроповъ, на поприщѣ улучшенія быта рабочихъ людей—и женщинъ въ частности—трудились еще и сами рабочіе, устраивая свои разнообразныя ассоціаціи и учрежденія, но Леруа-Больё оставляетъ ихъ въ сторонѣ, такъ какъ онъ поставилъ себѣ главною цѣлью доказать, что само общество, если бы оно прониклось добрыми и вмѣстѣ съ тѣмъ благоразумными заботами касательно бѣдственнаго положенія трудящихся классовъ, могло бы удовлетворить всѣмъ потребностямъ послѣднихъ, не причиняя никакого ущерба никому, и только требуя нѣкоторыхъ пожертвованій со стороны классовъ, которые пользуются, съ большими выгодами для себя, трудомъ рабочихъ людей. Государство у Леруа-Больё стоитъ на самомъ заднемъ планѣ,—оно является лишь охранителемъ собственности и жизни рабочихъ, и лишь въ этомъ назначеніи своемъ ему присвоивается право надзора за гигіеническимъ состояніемъ фабрикъ и мастерскихъ. Но государство можетъ быть еще опорою опытныхъ дѣятелей въ улучшеніи быта бѣдныхъ классовъ—опорою нравственною, матеріальною и финансовою; оно можетъ, сверхъ того, употреблять свои средства—и оно обязано, какъ въ нравственномъ, такъ и въ финансовомъ отношеніи—къ распространенію, посредствомъ школы, всѣхъ тѣхъ полезныхъ свѣдѣній для рабочихъ людей, о которыхъ мы говорили выше. Если въ такихъ богатыхъ обществахъ, какъ французское и англійское, частная иниціатива не въ состояніи удо-

Digitized by Google

влетворить потребности бѣдныхъ классовъ даже въ томъ образованіи, которое имъ нужно для ихъ домашняго обихода и для наиболѣе выгоднаго примѣненія ихъ труда къ общественнымъ пользамъ, то въ бѣдныхъ странахъ объ удовлетвореніи этой потребности безъ государственной помощи и думать нечего. Мы понимаемъ отчасти опасеніе Леруа-Болье относительно государственнаго вмѣшательства въ такой странѣ, какъ Франція, такъ какъ во Франціи государственное вмѣшательство являлось всего чаще только помѣхою частнымъ филантропамъ въ ихъ стремленіи помочь бѣднымъ классамъ; само образованіе народа во Франціи казалось подозрительнымъ въ глазахъ господствовавшихъ тамъ правительствъ. Но не вездѣ въ правительственныхъ сферахъ существуютъ подобныя опасныя для народной массы, да и для самихъ правительствъ—какъ показываетъ политическій опытъ той же Франціи—подозрѣнія и заблужденія. Напротивъ, вездѣ, гдѣ правительство желаетъ основать свое могущество и прочность на добромъ согласіи съ народомъ, и гдѣ, слѣдовательно, оно можетъ только поощрять частный починъ во всемъ, что касается улучшенія матеріальнаго и нравственнаго быта народной массы,—тамъ государственное вмѣшательство непремѣнно примѣнится къ этому дѣлу улучшенія, но, разумѣется, въ извѣстныхъ границахъ, которыя могутъ быть опредѣлены въ каждомъ данномъ случаѣ разными практическими соображеніями.

Physics and Politics, or thoughts on the application of the principles of „natural selection“ and „inheritance“ to political society. By *Walter Bagehot*. London, Henry S. King et C°, 1872. (Естествознаніе и политика, или мысли о примѣненіи къ политическому обществу принциповъ «естественнаго подбора» и «наслѣдственности». Соч. *Уолтера Бэджхота*).

Дарвинъ разсказываетъ, что первая мысль о происхожденіи видовъ посредствомъ борьбы за существованіе явилась у него во время чтенія извѣстнаго политико-экономическаго этюда Мальтуса о принципѣ народонаселенія. Теперь въ политическомъ трудѣ Бэджхота мы видимъ ту же идею, но уже заимствуемую изъ естествознанія со всѣми дополненіями, которыя онъ получилъ въ сочиненіяхъ Дарвина, и примѣняемую къ политической и экономической жизни человѣческихъ обществъ. Въ естествознаніи дѣло шло о совершенствованіи растительнаго и животнаго міровъ, въ политикѣ идетъ вопросъ о совершенствованіи человѣка, о переходѣ его изъ до-историческаго въ государственнаго и, наконецъ, въ свободнаго. Само собою разумѣется, что между послѣднимъ совершенствованіемъ и первымъ есть много различій, но физическія причины остаются тѣ же: *наслѣдственность*

Digitized by Google

и *естественный подборъ*, дѣйствующіе въ борьбѣ людей за существованіе или за преобладаніе.

Но гдѣ типъ этого совершенствованія, и что́ такое прогрессъ вообще?... Замѣчательно, этотъ вопросъ не разрѣшенъ еще даже относительно животнаго міра. Что же касается до политическихъ сферъ въ разныхъ націяхъ, то почти каждая изъ нихъ имѣетъ свое мнѣніе о томъ, что́ совершенствуетъ націю и что́ ее деморализуетъ. Одинъ политикъ, напримѣръ, глубокомысленно признаетъ прогрессъ лишь съ „точками", а есть другіе политики, которые никакихъ точекъ не допускаютъ; иные хотятъ все „скакать", а другіе — идти „постепенно"; есть у насъ политики, которые весь прогрессъ Россіи заключаютъ въ томъ, чтобы всѣ вѣрили въ чорта, а есть и такіе, которые находятъ прогрессъ въ полномъ безвѣріи. Однимъ словомъ, что кому кажется лучшимъ и болѣе удобнымъ для самого себя, то́ именно выдаетъ онъ за самое вѣрное средство къ совершенствованію всѣхъ. Бэджхотъ разрѣшаетъ свои сомнѣнія на счетъ прогресса сравнительнымъ опредѣленіемъ того, что слѣдуетъ называть прогрессомъ. Онъ беретъ англичанина, какъ индивидуальность прогрессивную, и дикаго жителя Австраліи, и говоритъ: посмотримъ, чѣмъ англичанинъ сильнѣе и лучше австралійца; его преимущества и будутъ тѣ качества, которыя пріобрѣтаются путемъ прогресса. При этомъ сравненіи Бэджхотъ не принимаетъ во вниманіе ни религіи, ни нравственности, потому что вліяніе этихъ факторовъ на совершенствованіе человѣка довольно темно и многими авторитетами признано спорнымъ. Всѣхъ преимуществъ англичанина надъ австралійцемъ авторъ насчитываетъ только три. Во-первыхъ, англичане имѣютъ бо́льшую власть надъ силами природы: двадцать англичанъ съ ихъ орудіями и искусствомъ могутъ неизмѣримо сильнѣе и обширнѣе измѣнить матеріальный міръ, чѣмъ двадцать австралійцевъ. Далѣе, власть эта надъ природою простирается не внѣ организма только, но и внутри его: англичане не только обладаютъ лучшими орудіями, но и сами они машины болѣе превосходныя, чѣмъ австралійцы. Въ-третьихъ, наконецъ, цивилизованный человѣкъ умѣетъ пользоваться силами природы несравненно лучше дикихъ, относительно своего личнаго здоровья и довольства, онъ умѣетъ сберегать на старость, и наслажденія его болѣе тонкаго и продолжительнаго свойства. Но всѣ эти три отличія вращаются около одной и той же темы: власти человѣка надъ природою; сущность прогресса, такимъ образомъ, заключается въ возрастаніи умѣнья людей пользоваться силами природы для удовлетворенія своихъ личныхъ и общественныхъ потребностей. „Природа, подобно школьному учителю, даетъ свои лучшія награды ея высшимъ и наиболѣе свѣдущимъ классамъ". Какъ въ

Digitized by Google

мірѣ органическомъ вообще, такъ и въ человѣческомъ обществѣ, природа даетъ возможность совершенствоваться путемъ двухъ началъ: *наслѣдственности* и *естественнаго подбора*. Первое начало удерживаетъ въ потомкахъ и передаетъ все дальше тѣ физическія и умственныя качества, которыя наиболѣе полезны людямъ для борьбы съ силами природы, а второе обусловливаетъ гибель наименѣе способныхъ въ пользу развитія наиболѣе способныхъ для борьбы съ природой.

Но въ принципѣ наслѣдственности лежатъ зародыши и застоя человѣческаго, такъ какъ потомки, вмѣстѣ съ хорошими свойствами родительской натуры, получаютъ и дурныя. Если въ обществѣ людей какой-либо страны войдетъ въ обычай истреблять въ дѣтяхъ и вообще въ гражданахъ всѣ тѣ свойства человѣческой натуры, которыя наиболѣе полезны для борьбы съ природою, и лелѣять другія, которыя деморализуютъ, ослабляютъ человѣка въ этой борьбѣ, то такое общество, разумѣется, въ силу принципа наслѣдственности, лишится всякаго прогресса и впадетъ въ застой. Исторія доказываетъ, что явленіе застоя — явленіе самое частое, и только очень рѣдкія націи постоянно прогрессировали. Лишь въ самое послѣднее время явилась въ цивилизованномъ мірѣ идея о постоянномъ прогрессѣ и неуничтожаемости націй. Въ древности, напротивъ, всѣ страны хлопотали лишь объ удержаніи старыхъ обычаевъ и учрежденій, и никому не приходила даже мысль о возможности прогресса. Прогрессъ, слѣдовательно, не есть нѣчто непремѣнное въ жизни той или другой націи. Въ человѣкѣ есть природныя свойства, допускающія совершенствованіе его натуры въ смыслѣ общественнаго и политическаго прогресса, но эти свойства могутъ не развиться вовсе или остановиться на извѣстной степени развитія.

Несомнѣнно, что изученіе и опредѣленіе условій, какъ тѣхъ, при которыхъ нація можетъ постоянно пребывать въ прогрессѣ, такъ и тѣхъ, при которыхъ она впадаетъ въ застой, дѣло большой важности, и всякая попытка въ этомъ дѣлѣ, если она выполнена съ толкомъ и старательно, заслуживаетъ ревностнаго одобренія. Попытка Бэджхота принадлежитъ къ этому разряду, хотя нельзя сказать, чтобы она рѣшала вопросъ объ этихъ условіяхъ вполнѣ. Нѣтъ, и самъ авторъ не заявляетъ никакихъ притязаній на рѣшеніе столь трудной и обширной задачи. Онъ только показалъ, что такая попытка возможна и полезна, что на этомъ пути можно открыть обширное поле для политическихъ и соціологическихъ изслѣдованій. Мы постараемся передать здѣсь вкратцѣ всѣ важные выводы, къ какимъ пришелъ нашъ авторъ.

Онъ дѣлитъ все существованіе человѣка на три разныхъ періода:

Digitized by Google

у него есть жизнь до-историческая, и затѣмъ два періода исторической: вѣкъ борьбы и вѣкъ преній (или свободы)—preliminary age, age of conflict, age of discussion.

Что касается до-историческаго человѣка, то несомнѣнно, что онъ совершилъ громадный прогрессъ въ своемъ переходѣ отъ первобытнаго состоянія до того, когда онъ сталъ писать исторію. Въ настоящее время мы имѣемъ человѣка на самой низшей степени развитія лишь въ дикихъ племенахъ Австраліи. Примѣняя принципъ наслѣдственности къ развитію умственныхъ и физическихъ способностей до-историческаго человѣка, мы можемъ доказать, что онъ былъ способнѣе къ прогрессу, чѣмъ нынѣшніе дикіе люди: изъ него во всякомъ случаѣ выработался не только историческій человѣкъ вообще, но и человѣкъ свободный, цивилизованный. Дикія племена—это неудавшіеся выродки до-историческаго человѣка, достигшіе до извѣстнаго уровня развитія и затѣмъ застывшіе. Что же такое заставило ихъ застыть, остановиться, что помѣшало развиваться имъ дальше, какихъ качествъ до-историческаго человѣка лишились они, которыя дали возможность другимъ группамъ до-историческихъ людей продолжать свое совершенствованіе?..

Качества до-историческаго человѣка опредѣляются посредствомъ сравненія всей ихъ домашней и природной обстановки съ такою же обстановкою историческихъ людей. Вопросъ объ ихъ бытѣ съ особенною тщательностью и трудолюбіемъ обработанъ и отчасти систематизированъ двумя англійскими учеными: Лоббокомъ (Lubbock) и Тайлоромъ (Tylor), при чемъ не упущенъ изъ виду и принципъ наслѣдственности, примѣненіе котораго въ этой сферѣ навело изслѣдователей на весьма важныя размышленія и аналогическія догадки. Въ тотъ періодъ человѣческаго бытія жизнь была постоянною и притомъ непосредственною борьбою за существованіе, и человѣкъ могъ совершенствоваться, слѣдовательно, лишь развитіемъ въ немъ, путемъ наслѣдственности, тѣхъ физическихъ и умственныхъ свойствъ, которыя наиболѣе способствовали человѣку въ сохраненіи его существованія въ постоянной борьбѣ съ враждебными силами. Поэтому, въ немъ могли быть всѣ тѣ свойства дикихъ, которыя способствуютъ дальнѣйшему прогрессу, и ни одного изъ тѣхъ, которыя препятствуютъ ему: до-историческіе люди были, однимъ словомъ, тѣ же дикіе люди, но безъ упроченныхъ разъ навсегда обычаевъ дикихъ людей. „Подобно дикимъ, до-историческій человѣкъ обладалъ сильными страстями и слабымъ разсудкомъ; подобно дикимъ, онъ предпочиталъ жадное пользованіе быстрымъ наслажденіемъ наслажденію нѣжному и равномѣрному; подобно дикимъ, онъ не умѣлъ откладывать настоящее на будущее; подобно дикимъ, наконецъ, нравственное чув-

Digitized by Google

ство въ до-историческомъ человѣкѣ, было — если можно вообще говорить объ этомъ чувствѣ — лишь въ зачаточномъ состояніи, недоразвитое". Но за то у него не было, какъ у нынѣшнихъ дикарей, сложныхъ и странныхъ обычаевъ, особенныхъ и, повидимому, необъяснимыхъ правилъ для руководства въ продолженіи всей человѣческой жизни. Что у до-историческаго человѣка не было ни крѣпкаго разсудка, ни способности обладать своими страстями, ни нравственныхъ принциповъ — ничего такого, чѣмъ цивилизованный человѣкъ выше дикаго — это доказывается тѣмъ простымъ соображеніемъ, что эти качества, разъ пріобрѣтенныя, удерживаются въ силу принципа наслѣдственности и должны были, поэтому, быть у нынѣшнихъ дикарей, еслибъ прародитель ихъ, до-историческій человѣкъ, обладалъ ими. Все, чѣмъ до-историческій человѣкъ выше дикаря, заключается лишь въ отсутствіи въ немъ тѣхъ привычекъ и предразсудковъ, которые помѣшали дикимъ людямъ прогрессировать. Въ до-историческомъ человѣкѣ не было ни одного изъ тѣхъ свойствъ, которыми цивилизованный человѣкъ выше дикаря, но его натура была способна развить ихъ въ себѣ.

Какимъ же образомъ началось развитіе этихъ прогрессивныхъ свойствъ человѣка въ историческомъ періодѣ?.. Какъ вообще началось соединеніе людей въ племена, въ націи, въ государства?.. Этому началу должны были предшествовать, по мнѣнію Бэджхота, два факта: образованіе главныхъ человѣческихъ расъ — арійской, туранской, негра, красновожаго и австралійца, — и собраніе людей въ группы, подъ руководствомъ какого-нибудь болѣе или менѣе постояннаго вождя. Даны эти два условія,—и дальнѣйшее развитіе людей становится довольно яснымъ. Первымъ дѣломъ для этой цѣли является созданіе силы, способной творить обычаи, то-есть власти, которая могла бы вводить въ стадо первобытныхъ людей опредѣленныя, постоянныя правила жизни, для всѣхъ обязательныя, — правила, при помощи которыхъ власть могла бы основывать въ нѣкоторой степени свои разсчеты на будущее. Такая власть способна научить до-историческаго человѣка выгодности отсрочивать настоящее и мгновенное потребленіе тѣхъ или другихъ предметовъ наслажденія на будущее и продолжительное ихъ потребленіе. Само собою разумѣется, что первоначальная власть начала свои уроки бережливости, руководствуясь совсѣмъ другими побужденіями, но изъ уроковъ этого рода все-таки явилась способность людей дѣлать общественные запасы на будущее. Ученые прошлыхъ вѣковъ надѣляли, правда, до-историческихъ людей понятіями объ охраненіи собственности и жизни, но новѣйшія, болѣе серьёзныя и основательныя изслѣдованія доказали, что до-историческіе люди обучались бережливости подъ влія-

Digitized by Google

ніемъ совершенно другихъ цѣлей. Частной собственности тогда вовсе не было, а если и было что-либо подобное, то лишь въ родѣ той собственности, которую имѣютъ теперь маленькія дѣти, то-есть, съ которою имъ больно разставаться, но которую тѣмъ не менѣе удержать за собою они не въ состояніи. Что же касается до права на жизнь, жизнь всѣхъ членовъ въ до-историческихъ семейныхъ или родовыхъ группахъ была въ волѣ главы группы.

Самымъ важнымъ предметомъ въ первоначальныхъ обычаяхъ или законахъ являются обряды религіозные или лучше сказать, *обряды удачи*. Нѣтъ такого дикаго племени въ наше время, у котораго не было бы понятія объ удачѣ или неудачѣ, и который не соединялъ бы этого понятія съ какими-нибудь обрядностями, по той простой причинѣ, что въ его понятіи объ удачѣ или о счастіи, на первомъ планѣ стоитъ все его племя, а не онъ самъ. Дикій боится совершить что-нибудь такое, что могло бы навлечь „бѣду" на все его племя. Если, поэтому, въ его племени вожди установили какіе-нибудь обычаи въ память какихъ-либо своихъ личныхъ фантазій о совпаденіи того или другого явленія въ природѣ или домашнемъ быту съ удачами или неудачами всего племени, то эти обычаи или обряды соединяются въ умѣ дикаря съ счастіемъ его собственной личности, какъ единицы всего племени, и ему кажется, что неисполненіе того или другого обряда, установленнаго вождями, должно сопровождаться бѣдами для всего племени, и для него въ частности. Долгая санкція „обрядовъ удачи", переходившая изъ рода въ родъ, придавала имъ мало-по-малу сверхъестественное значеніе, и люди стали соединять съ ними мысль о томъ, что нарушеніе подобныхъ обрядовъ можетъ навлечь изъ неизвѣстныхъ источниковъ несказанный вредъ на все племя. Такъ создавались всѣ традиціонныя привычки и обычаи въ первобытныхъ племенахъ. Части этихъ племенъ отдѣлялись, уходили въ другія земли, и тамъ, подъ вліяніемъ другихъ удачныхъ или неудачныхъ предзнаменованій, составляли себѣ другіе „обряды удачи" и затѣмъ вводили свою жизнь въ другіе, соотвѣтственные обычаи; не будь этихъ отдѣленій и переселеній, тотъ или другой дурной обычай, дѣйствуя путемъ наслѣдственности, могъ бы привести къ гибели весь человѣческій родъ.

Различныя группы людей, разселенныя по разнымъ мѣстностямъ и создавшія среди себя разные обычаи, должны были приходить въ столкновеніе другъ съ другомъ, и вотъ, насталъ *періодъ борьбы*, который нельзя сказать чтобы не продолжался и въ наше цивилизованное время. Но теперь мы уже сознаемъ, что истребленіе людей войною дѣло дурное и нисколько не полезное общему благосостоянію цивилизованнаго міра. Тогда же, въ первыя историческія вре-

Digitized by Google

мена, война считалась—и совершенно справедливо — столь же выгоднымъ дѣломъ, какъ въ нашемъ XIX-мъ вѣкѣ считаютъ индустрію. Война воспитывала тогда въ людяхъ ихъ лучшія качества, обогащала побѣдителей, давала ихъ стремленіямъ и обычаямъ преобладаніе надъ обычаями покоренныхъ;—война, однимъ словомъ, создавала націи, превращая племенную жизнь въ государственную.

Война, для своего успѣха, требуетъ дисциплинарнаго повиновенія въ воинахъ, и разумъ и находчивость въ вождѣ. Первобытный человѣкъ, какъ извѣстно, не умѣлъ сдерживать свои страсти и отличался страшною раздражительностью, быстрыми переходами отъ гнѣва къ радости и т. п., смиренія и покорности въ немъ не было. Поэтому, чтобы дойти до воинской подчиненности, ему нужно было пройти трудную школу смиренія и покорности въ силу тѣхъ или другихъ обычаевъ. Чѣмъ лучше и скорѣе обычаи одного племени пріучали къ смиренію и покорности, тѣмъ это племя становилось болѣе способнымъ въ военномъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, побѣдители въ древнемъ мірѣ всегда бывали людьми болѣе смирными и послушными, чѣмъ побѣжденные, и каждое покореніе одного племени другимъ было, слѣдовательно, успѣхомъ цивилизаціи для всего человѣчества. Этотъ успѣхъ цивилизаціи представится намъ еще болѣе важнымъ, когда мы представимъ себѣ, что побѣдители являлись въ покоренную страну не только людьми болѣе способными къ дальнѣйшему развитію, но и вносили съ собою всѣ тѣ обычаи, подъ вліяніемъ которыхъ они успѣли преобразовать свою животную натуру въ лучшую, сравнительно съ натурою побѣжденныхъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду еще того важнаго обстоятельства, что только война, обогащая побѣдителя, могла дать послѣднему возможность воспользоваться своимъ досугомъ для свободныхъ размышленій, хотя бы о своемъ собственномъ искусствѣ, и что отъ этихъ именно размышленій пошла въ ходъ мыслительная способность человѣка.

Военное ремесло имѣетъ, однако, дурныя стороны, и ея дисциплина, если она слишкомъ суровая, да еще соединена съ вредными для человѣческаго развитія религіозными обрядами, можетъ, путемъ наслѣдственности, уничтожить въ людяхъ, подчиненныхъ этой дисциплинѣ, всякое стремленіе къ совершенствованію. Если подобный дисциплинарный духъ проникнетъ все воинственное племя, то оно застынетъ въ своихъ формахъ и, покоривъ другія племена, можетъ не слиться съ ними и не вовлечь ихъ въ себя; — оно останется въ такомъ случаѣ отдѣльнымъ сословіемъ среди покоренныхъ націй, отдѣльною *кастою*. Если затѣмъ другое племя, столь же строго дисциплинарное само по себѣ, покоритъ тѣ первыя племена вмѣстѣ съ

Digitized by Google

ихъ военною кастою, то первая военная каста, все оставаясь сама собою, должна будетъ составить другую, не-военную касту, которую будутъ составлять уже новые покорители... Такъ организуются *кастовыя націи*, также мало способные къ прогрессу, какъ племена нынѣшнихъ дикарей, ибо въ нихъ, въ этихъ кастахъ, дисциплина, вмѣстѣ съ другими обычаями касты, убила всѣ способности къ дальнѣйшему совершенствованію.

Какимъ же образомъ случилось, что однѣ націи, подъ вліяніемъ военной дисциплины, превратились въ кастовыя и перестали прогрессировать, а другія развивались дальше и додумались до свободнаго государства, основаннаго на взаимномъ согласіи гражданъ соблюдать законы, вышедшіе изъ общихъ преній объ общихъ интересахъ и общей дѣятельности? На этотъ важный вопросъ Бэджхотъ не даетъ категорическаго отвѣта, но тѣмъ не менѣе указываетъ на нѣсколько условій, необходимыхъ для развитія среди народа „правленія посредствомъ преній". Прежде всего онъ требуетъ крѣпкой семьи съ отцовскою властью, затѣмъ постепенное соединеніе такихъ семей въ роды или кланы, и клановъ въ націю, и, наконецъ, присоединеніе къ націи сосѣднихъ съ нею племенъ, развившихся на томъ же началѣ. Такъ какъ здѣсь и семьи, и кланы, и цѣлыя государства соединялись другъ съ другомъ на основаніи взаимныхъ соглашеній, то и правленіе у нихъ могло создаться лишь путемъ преній, такъ что общее обсужденіе разныхъ вопросовъ должно было стать обычнымъ. Само собою разумѣется, что число „открытыхъ" вопросовъ для обсужденія было у нихъ небольшое, и только съ большимъ трудомъ на арену преній пробивались сквозь путы обычая новые вопросы политической важности. Во всякомъ случаѣ, разъ установилось „правленіе посредствомъ преній", какъ ни слабо оно въ тѣ далекія времена, когда насильственныя наклонности людей едва начали смирѣть подъ вліяніемъ обычаевъ и воинской дисциплины, оно пошло впередъ болѣе или менѣе твердыми шагами, находя поддержку въ нравственной силѣ самого принципа свободнаго правленія. Пренія политическаго свойства — пренія, имѣющія цѣлью не матеріальное предпріятіе какое-нибудь, но принципъ дѣйствія въ цѣломъ рядѣ общественныхъ явленій, даютъ преимущество тѣмъ людямъ, которые обладаютъ наибольшею способностью мыслить о практическихъ задачахъ общественной жизни; мыслительныя способности при такомъ правленіи пріобрѣтаютъ, поэтому, право на самостоятельное и наиболѣе широкое развитіе, разумъ начинаетъ здѣсь пользоваться свободою и впервые создается понятіе о личной независимости человѣка. Но государства, въ которыхъ правленіе основано на преніяхъ, тоже могутъ лишиться прогрессивныхъ свойствъ и стать добычею

Digitized by Google

другихъ, если эти пренія замкнутся въ извѣстный кругъ вопросовъ, и если въ нихъ не принимаетъ хотя бы косвеннаго участія народный элементъ. Тогда это свободное правленіе лишается прочности, а лишь при прочномъ свободномъ правленіи просыпается, наконецъ, дремлющая изобрѣтательность человѣка, и его умъ постоянно волнуется вопросомъ, какъ-бы лучше устроить свой бытъ. Тогда,—и только тогда, свобода становится укрѣпляющею и развивающею силою для націй, а сама нація становится истинно прогрессивною.

Примѣромъ такой націи Бэджхотъ ставитъ, разумѣется, Англію...

Considérations sur la marche des idées et des événements dans les temps modernes. Par *M. Cournot*, ancien inspecteur général des études. Paris, Hachette et C-ie, 1872. (Разсужденіе о ходѣ идей и событій въ новыя времена, Соч. *М. Курно*). Въ двухъ томахъ.

Заглавіе и объемъ сочиненія Курно́ и званіе автора побуждаютъ ожидать отъ его труда чего-нибудь особенно интереснаго, но въ дѣйствительности сочиненіе Курно представляетъ лишь сборникъ фактовъ изъ разныхъ отраслей науки, связанныхъ между собою на живую нитку. Въ этихъ «размышленіяхъ» нѣтъ никакой руководящей нити, и трудно понять, что именно хотѣлъ сказать авторъ, хотя видно, что Курно обладаетъ обширными научными свѣдѣніями, что онъ придаетъ большое значеніе приложенію математики къ нравственнымъ знаніямъ; но всѣ его выводы формулированы такъ робко и такъ неопредѣленно, что невольно является подозрѣніе—вѣритъ ли самъ авторъ въ свои собственные выводы. Такъ, онъ доказываетъ, напримѣръ, что и *случайныя явленія* въ исторіи являются по извѣстнымъ законамъ, природнымъ или естественнымъ, то-есть, по необходимости, но вмѣстѣ съ тѣмъ, когда вопросъ заходитъ о психическихъ фактахъ, Курно хочетъ выдѣлить ихъ въ какую-то особенную сферу, въ которой нѣтъ мѣста законамъ физики и физіологіи. Такъ, онъ пускается въ предположенія о томъ, что неорганическія тѣла существуютъ сами по себѣ—по однимъ законамъ, а органическія—по другимъ; онъ знаетъ, что новѣйшая химія создаетъ органическія соединенія изъ неорганическихъ элементовъ, но такъ какъ химія не создала ни одного *живого* организма, то онъ отказывается заключить о возможности отождествленія жизненнаго процесса съ процессами химико-физическими. Далѣе, толкуя о теоріи Дарвина, онъ признаетъ, что возраженія Агассиса не могутъ разрушить ее, но такъ какъ человѣку не удалось еще намѣренно произвести новый видъ животныхъ или растеній, то и сама теорія Дарвина

Digitized by Google

становится для него сомнительною. Онъ не находитъ, правда, ничего оскорбительнаго въ томъ, что человѣкъ происходитъ отъ обезьяны, такъ какъ происхожденіе изъ куска земли тоже не представляетъ ничего возвышеннаго, но онъ опасается, что Дарвинова теорія можетъ значительно пошатнуть религію. Курно́ самъ свободно мыслитъ въ дѣлѣ религіи, но Дарвина переварить не можетъ. Однимъ словомъ, въ его „размышленіяхъ" можно найти всевозможные взгляды, но ничего опредѣленнаго, ничего твердаго. Онъ во всемъ сомнѣвается: и въ старыхъ преданіяхъ и въ новыхъ результатахъ науки; ему хочется вѣрить во что-то, но ни во что не вѣрится; онъ скептикъ не позитивистской школы, такъ какъ въ немъ есть притязанія добраться до сущности, до конечныхъ началъ вещей. Не слѣдуетъ думать, впрочемъ, что въ этой философіи *ни то—ни се* заключается что-нибудь оригинальное и новое. Нѣтъ, во Франціи были уже такіе философы, и одинъ изъ нихъ—умъ довольно крупный — далъ ей даже особое названіе: *эклектизмъ*. Это былъ Кузенъ, а Курно́ есть его послѣдователь.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о планѣ сочиненія Курно. Онъ называетъ «новыми временами» всѣ послѣдніе вѣка, начиная съ шестнадцатаго, и излагаетъ ихъ вѣкъ за вѣкомъ; въ изложеніе каждаго вѣка входятъ нѣсколько главъ: о состояніи точныхъ наукъ, о философскихъ ученіяхъ, о религіозномъ движеніи, о политическомъ состояніи Европы, объ юридическихъ и экономическихъ понятіяхъ и о политическихъ идеалахъ. Всѣ эти заглавія очень интересны, но такъ какъ и само дѣленіе на вѣка не имѣетъ подъ собою никакихъ серьёзныхъ основъ, да и самое изложеніе не одушевлено никакою опредѣленною мыслью, то весь планъ автора является чѣмъ-то страннымъ: точно Курно́ составилъ свой планъ только потому, что ему хотѣлось какъ-нибудь изложить свои факты, собираніе которыхъ хотя стоило много труда, однако взглядамъ самого автора никакой ясности не принесло.

Еще одна особенность. Курно́ выноситъ французскую революцію вонъ изъ общей исторіи его „вѣковъ" и даетъ ей особую „книгу". Но это выдѣленіе также не приводитъ ни къ какому важному открытію. Революція была продуктомъ своего времени и предыдущей цивилизаціи, и сама по себѣ не представляетъ новаго, особеннаго орудія для дальнѣйшаго развитія человѣчества. Революція есть весьма важное событіе, которое послужило къ распространенію идеи свободы по всѣмъ странамъ Европы, но сама она никакой идеи не выдумала, и потому не можетъ быть признана особымъ цивилизаціоннымъ періодомъ. Между тѣмъ Курно́ и въ этой „книгѣ" разсматриваетъ отдѣльно разныя отрасли знанія и политики, какъ будто безъ

Digitized by Google

французской революціи всѣ политическія и общественныя реформы того времени не могли произойти.

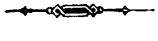
L'Histoire de France depuis les temps les plus reculés jusqu'en 1789, racontée à mes petits enfants, par *M. Guizot*. Tome second, illustré de 66 gravures sur bois par *Alph. de Neuville* (Исторія Франціи съ древнѣйшихъ временъ и до 1789, разсказываемая дѣтямъ *М. Гизо*, съ рисунками *Невилля*). Paris, 1873.

Въ этомъ, второмъ томѣ, Гизо разсказываетъ исторію Франціи начиная съ Филиппа Валуа и кончая Франсуа I, съ 1528-го года по 1575. Предполагается издать еще два тома, изъ которыхъ третій долженъ быть оконченъ къ рождественскимъ праздникамъ 1873-го года, а послѣдній къ тѣмъ же праздникамъ 1874-го. Рисунки Невилля очень хороши, и вообще изданіе дѣльно, хорошо, и нельзя сказать, чтобы очень дорого: 18 франковъ. Гизо излагаетъ свой предметъ съ талантомъ и знаніемъ дѣла, хотя съ извѣстными политическими и религіозными предразсудками. Но книга его, тѣмъ не менѣе, заслуживаетъ вниманія не дѣтей только, а всѣхъ вообще читателей, интересующихся исторіей такого народа, какъ французскій. Гизо не пускается въ какія-либо дѣтскія прибаутки и не читаетъ дѣтской морали, такъ что очевидно, что авторъ имѣлъ въ виду скорѣе взрослаго читателя и вообще молодежь, а не дѣтей. Главный предметъ нынѣшняго тома—это освобожденіе общинъ изъ-подъ феодальнаго подданства, это созданіе средняго класса, и Гизо пускается по этому поводу въ философско-политическія соображенія, которыя едва-ли доступны дѣтямъ. Такъ какъ эти соображенія могутъ служить ключемъ къ научнымъ понятіямъ Гизо объ исторіи Франціи, то изложивъ ихъ здѣсь, мы вмѣстѣ съ тѣмъ дадимъ отчетъ о главномъ содержаніи новаго сочиненія этого почтеннаго представителя доктринёрской школы.

Гизо видитъ во всей исторіи Франціи, во всѣхъ ея фазахъ „самымъ дѣятельнымъ и самымъ-рѣшительнымъ элементомъ французской цивилизаціи" третье сословіе—*Tiers-Etat*. „Если слѣдить за tiers-états въ его отношеніяхъ къ общему правительству страны—говоритъ нашъ авторъ—то мы увидимъ его сперва, въ продолженіи шести столѣтій, безустанно борющимся въ союзѣ съ королевскою властью противъ феодальной аристократіи, и успѣвающимъ установить на мѣсто аристократіи центральную и единую власть, чистую монархію, весьма близкую къ монархіи абсолютной. Но, одержавъ эту побѣду и совершивъ этотъ переворотъ, третье сословіе тотчасъ же начало но-

Digitized by Google

вую работу: оно нападаетъ на ту самую единую власть, основать которую само столько способствовало, и предпринимаетъ обратить чистую монархію въ монархію конституціонную. Съ какой бы точки ни смотрѣть на него въ этихъ обоихъ великихъ предпріятіяхъ столь различнаго свойства, изучать ли прогрессивное образованіе самого французскаго общества или французскаго правительства, — третье сословіе является самою могущественною и самою настойчивою изъ силъ, руководившихъ нашею цивилизаціей. Это единственный фактъ въ исторіи міра... Этотъ фактъ не только новъ, но онъ имѣетъ для Франціи совершенно особое значеніе; и это фактъ въ высшей степени французскій, существенно національный. Нигдѣ буржуазія не имѣла столь обширнаго, столь плодотворнаго призванія, какое ей досталось во Франціи. Общины были вездѣ, во всей Европѣ: въ Италіи, въ Испаніи, въ Германіи, въ Англіи, какъ во Франціи. Итальянскія общины были создателями славныхъ республикъ. Нѣмецкія общины стали вольными, самодержавными городами, у которыхъ была своя собственная исторія, и они оказали большое вліяніе на общую исторію Германіи. Англійскія общины вступили въ союзъ съ частью феодальной англійской аристократіи, составивъ съ нею Палату, которая господствуетъ надъ британскимъ правительствомъ, и такимъ образомъ уже съ раннихъ временъ сыграли могущественную роль въ исторіи своей страны. Но во Франціи населеніе общинъ, буржуазія, развилось наиболѣе полнымъ образомъ, съ наибольшимъ могуществомъ; въ своемъ развитіи оно кончило тѣмъ, что пріобрѣло въ обществѣ преобладаніе самое рѣшительное. Общины были во всей Европѣ, но только во Франціи третье сословіе можетъ считаться истиннымъ побѣдителемъ. Французское третье сословіе примкнуло къ революціи 1789 г., самой великой, разумѣется, — и Франція единственная страна, въ которой человѣкъ съ крупнымъ разумомъ могъ воскликнуть, въ припадкѣ буржуазной гордости: «Что́ такое третье сословіе?—«Все»!... (стр. 39—43).



Digitized by Google

КРИТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Траутшольдъ. Основы геологіи. Часть первая. Геогенія и геоморфія. 1872 г.

Въ вышедшей надняхъ книгѣ, подъ указаннымъ заглавіемъ, мы встрѣчаемъ первое руководство, написанное на русскомъ языкѣ [1]) и претендующее на оригинальность, съ тѣмъ же заглавіемъ „Основъ", подъ которымъ мы привыкли уже, по примѣру гг. Сѣченова и Менделѣева, встрѣчать учебники дѣйствительно достойные изученія.

Въ нашей литературѣ существуетъ полнѣйшій недостатокъ въ этомъ отношеніи, и его взялся пополнить г. Траутшольдъ, ординарный профессоръ Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи, какъ значится на оберткѣ. Вышедшая первая часть вмѣщаетъ въ себѣ всего 200 стр., но, по увѣренію автора, весь учебникъ будетъ равняться 600 страницамъ, и раздѣленъ на три части: первая заключаетъ геогенію и геоморфію, вторая будетъ вмѣщать палеонтологію, и третья—ученіе о формаціяхъ и краткій очеркъ исторіи развитія органическаго міра.

Въ предисловіи къ этой первой части авторъ знакомитъ насъ съ тою цѣлью, съ которою онъ написалъ этотъ учебникъ, т.-е., съ цѣлью принести студентамъ естественно-историческихъ факультетовъ, а также воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній книгу, которая служила бы первымъ подспорьемъ для знакомства съ геологіею. Цѣль, безспорно, хорошая; но такъ какъ г. Траутшольдъ состоитъ профессоромъ Петровской Академіи, то естественно, что книга его является почти обязательною для каждаго слушателя этой академіи. Въ видахъ этого мы и разсмотримъ учебникъ нѣсколько подробнѣе.

Уже на самыхъ первыхъ страницахъ „Введенія", въ числѣ тѣхъ примѣровъ, въ которыхъ авторъ знакомитъ читателя съ дѣятельностью нѣкоторыхъ геологическихъ явленій, поражаетъ отношеніе его къ изящной гипотезѣ Дарвина. Авторъ учебника выражается такъ: „къ числу несостоятельныхъ объясненій я отношу, напр., пониженіе дна морскаго подъ коралловыми рифами по мѣрѣ ихъ возростанія". Съ перваго взгляда уже можно видѣть, что г. Траут-

[1]) Исключая неоконченнаго руководства г. Леваковскаго, прекратившагося еще въ 1864 г.

Digitized by Google

шольдъ понимаетъ опусканіе дна моря отъ тяжести наростающихъ коралловъ. Допустимъ даже, что эта гипотеза не нравится автору, но она до такой степени просто и хорошо объясняетъ какъ форму: атоль, коралловыхъ островов и рифовъ, такъ и громадность отложеній строющихся коралловъ, что до сихъ поръ нѣтъ ни одной гипотезы, способной конкуррировать съ нею. Въ предисловіи авторъ, между прочимъ, говоритъ: „... но не пренебрегъ и гипотезами и теоріями—этими вожаками, ведущими лучшимъ и кратчайшимъ путемъ къ цѣли научныхъ изысканій и стремленій".

Намъ кажется, что цѣль учебника заключается въ томъ, чтобы по возможности безпристрастно, отодвинувъ себя на задній планъ, представить стройную картину какъ фактовъ, такъ и обобщенія ихъ, т.-е. гипотезы и теоріи. Дарвинъ нигдѣ и никогда не объяснялъ опусканіе дна моря отъ тяжести наростающаго коралловаго рифа, а видѣлъ въ этомъ послѣднемъ и въ опусканіи или въ поднятіи дна моря только случайное совпаденіе, при помощи котораго весьма удачно объяснилъ разнообразныя формы постройки коралловъ. Слѣдовательно, здѣсь нѣтъ у г. Траутшольда не только правильной передачи факта, но даже видно какое-то глухое, ничѣмъ не подтвержденное опроверженіе, высказанное при этомъ такимъ тономъ, которымъ нельзя говорить о мысляхъ, имѣющихъ научное значеніе.

Въ статьѣ „О составныхъ частяхъ твердой земной коры вообще", мы встрѣчаемся съ необыкновеннымъ фактомъ на первыхъ страницахъ (стр. 5), съ которыхъ обыкновенно наиболѣе всего перепадаетъ учащемуся. Вотъ какъ авторъ, котораго мы не смѣемъ заподозрить въ незнаніи, говоритъ: „... доломиты (углекислая магнезія) ... ". Мы бы готовы были допустить, что здѣсь недосмотръ, но на стр. 36 снова встрѣчаемъ слѣдующія слова: „... за нею слѣдуетъ углекислая магнезія, въ видѣ доломита". Неужели опять недосмотръ и невѣрность относительно такой распространенной горной породы, какою является доломитъ?

Кромѣ указанной выше невѣрности, встрѣча ихъ въ учебникѣ г. Траутшольда, представляетъ весьма частое явленіе. Такъ, напр., (стр. 15) онъ говоритъ: „Минералъ, который несомнѣнно огненнаго происхожденія,—это лава. Въ новѣйшихъ лавахъ кристаллическія образованія рѣдки". Итакъ, лава — минералъ; отсюда видно, что г. Траутшольдъ не отличаетъ горную породу отъ минерала, а послѣдними словами выписанной фразы совершенно извращаетъ существующій фактъ.

Не менѣе богаты подобными несообразностями и другія страницы, изъ которыхъ укажемъ, напр., 36-ю: „... въ несовершенныхъ

Digitized by Google

кристаллахъ, она (углекислая известь) представляетъ зернистый видъ и извѣстна подъ именемъ мрамора; наконецъ, онъ встрѣчается плотными массами". Изъ подобной выписки можно видѣть, что мраморъ не всегда встрѣчается въ видѣ плотныхъ массъ!

Не оставленъ безъ нѣкоторыхъ несообразностей и вопросъ о ледникахъ. Здѣсь особенно любопытны свѣдѣнія автора о моренахъ и о тѣхъ знакахъ, которые оставляютъ ледники на днѣ долинъ, по которымъ двигаются. Вотъ какъ повѣствуетъ объ этомъ г. Траутшольдъ: „Такъ какъ ледники заключаютъ въ себѣ по бокамъ куски щебня, то при движеніи они царапаютъ и полируютъ скалы..." Не останавливая вниманія читателя на „кускахъ щебня", ибо это неточность выраженія, простительная иностранцу, мы обратимъ вниманіе на то, что выводитъ изъ подобной фразы читающій, т.-е., что ледниковые шрамы должны быть только по бокамъ долины, а не подъ всѣмъ ледникомъ, какъ это доказано многочисленными наблюдателями.

Въ книгѣ г. Траутшольда есть вопросы не безъинтересные и для общежитія. Такъ, на стр. 71, онъ высказываетъ слѣдующую мысль: „съ тѣхъ поръ, какъ добывается каменный уголь, атмосфера получаетъ гораздо болѣе углекислоты, чѣмъ прежде..." Интересно знать, откуда почерпнуты эти свѣдѣнія авторомъ? или онъ забылъ, что топливо употреблялось людьми гораздо раньше разработокъ каменнаго угля? или забылъ, что окисленіе углерода происходило и происходитъ внутри земли?

Не менѣе интереса представляютъ намъ физическія свѣдѣнія автора (стр. 73): „Испареніе углекислоты происходитъ обыкновенно на склонахъ горъ, но они опасны человѣку только въ углубленіяхъ, гдѣ они могутъ смѣшиваться съ атмосферою". Слѣдовательно, по мнѣнію г. Траутшольда, на склонахъ горъ углекислота не смѣшивается съ воздухомъ. Странно, что главная причина опасности выдѣленія углекислоты въ низменныхъ мѣстахъ—это бо́льшій удѣльный вѣсъ ея, чѣмъ воздуха, совершенно ускользнулъ отъ вниманія автора.

Главы „Объ образованіи плутоническихъ и метаморфическихъ породъ" и „Объ образованіи осадочныхъ породъ", составляютъ самую плохую часть сочиненія г. Траутшольда. Начиная съ первыхъ строкъ, передъ читателемъ выясняется, насколько авторъ усвоилъ себѣ понятіе о петрографіи, т.-е. наукѣ о горныхъ породахъ. Смѣшивая, какъ мы видѣли раньше, понятія о минералѣ и горной породѣ, г. Траутшольдъ смѣшиваетъ также понятіе о составѣ горныхъ породъ со способомъ ихъ образованія. Та стройная схема, которую даютъ горнымъ породамъ гг. Ротъ, Циркель и др., повидимому,

Digitized by Google

совершенно незнакома г. Траутшольду. Тотъ методъ изслѣдованія ихъ, который оказалъ уже такія громадныя заслуги этому отдѣлу геологіи, именно методъ микроскопическаго изслѣдованія, совершенно пропущенъ г. Траутшольдомъ, какъ будто его и не существовало. Недостатки этого отдѣла тѣмъ болѣе непростительны, что въ наукѣ существуютъ дѣйствительно раціональные учебники петрографіи, которыми могъ бы вполнѣ пользоваться авторъ.

Но, помимо отсутствія системы въ этихъ двухъ главахъ здѣсь замѣчаются иногда до такой степени невѣрныя представленія, что встрѣча ихъ на страницахъ учебника наводитъ читателя на очень грустныя мысли, если вспомнить для кого онъ написанъ. Такъ, на стр. 79, авторъ, разсказывая о способѣ происхожденіи гнейса съ такою положительностью и авторитетностью, какъ бы онъ лично наблюдалъ его, сообщаетъ: „... (гнейсъ) образовалъ сперва затвердѣвшую верхнюю кору остывшей земли, причемъ составныя части его: ортоклазъ, кварцъ и слюда кристаллизовались подъ вліяніемъ теплоты горячаго ядра земли, и приняли подъ высокимъ давленіемъ сланцеватый видъ". Здѣсь или авторъ не вполнѣ выразилъ то, что хотѣлъ сказать, или не видалъ никогда гнейса, въ которомъ ни ортоклазъ, ни кварцъ никогда не являются сланцеватыми. Полосатость этой горной породы обусловливается отдѣльными скопленіями минераловъ, а не ихъ сланцеватымъ характеромъ, какъ это понимаетъ г. Траутшольдъ.

Пропускаемъ нѣсколько невѣрностей до 100 стр., на которой находимъ слѣдующее: „Всѣ горныя породы, болѣе или менѣе содержащія силикаты глинозема, растираясь доставляютъ глину, какъ, напримѣръ, весь полевой шпатъ плутоническихъ горныхъ породъ и глинистые сланцы осадочныхъ". Снова приходится обратиться къ автору съ вопросомъ: понимаетъ ли онъ происхожденіе глины изъ кристаллическихъ и метаморфическихъ горныхъ породъ посредствомъ механическаго процесса „*растиранія*", или, какъ всѣ геологи объясняютъ происхожденіе глинъ химическимъ процессомъ—разложеніемъ вышеупомянутыхъ горныхъ породъ? У геологовъ на это существуетъ цѣлый рядъ положительныхъ фактовъ, которые г. Траутшольдъ можетъ встрѣтить у нѣкоторыхъ, цитируемыхъ имъ же авторовъ.

Въ главѣ „Вулканическія явленія" весьма интересна характеристика вулкана, который г. Траутшольдъ „главнымъ образомъ" характеризуетъ: его положеніемъ, сосѣдствомъ большихъ массъ воды, горною породою, а также и выбрасываемыми изъ него веществами. Ни въ одномъ учебникѣ, не говоря уже о геологическихъ, но даже въ любомъ элементарномъ учебникѣ физической географіи, нельзя

Digitized by Google

встрѣтить такого оригинальнаго и вполнѣ невѣрнаго опредѣленія. Форма вулкановъ до того типична, что ею одною можно руководствоваться для характеристики какъ потухшихъ, такъ и дѣйствующихъ вулкановъ,—г. Траутшольдъ не задумался вполнѣ ее игнорировать. Другой не менѣе характерный признакъ дѣйствующихъ вулкановъ—это выбрасываніе какъ твердыхъ, такъ и газообразныхъ веществъ, авторомъ отодвинуты на послѣдній планъ въ сопровожденіи словъ „... а также и...“.

Въ числѣ многихъ старыхъ предразсудковъ, сохранившихся въ авторѣ „Основъ геологіи“, передалось также уже всѣми заброшенная теорія конусовъ поднятія Л. ф.-Буха (почему-то названная въ книгѣ, стр. 114, теоріею кратеровъ поднятія). При этомъ, вѣроятно не обдумывая самый фактъ, авторъ говоритъ, что конусы поднятія (у г. Траутшольда кратеры) узнаются тѣмъ, что слои „находятся въ наклонномъ положеніи“. Изъ существующихъ наблюденій гг. Пулье, Скропа, Фукса, Ляйеля и многихъ другихъ оказывается, что всѣ конусы, гдѣ только наблюдался внутренній составъ ихъ, сложены изъ наклонныхъ слоевъ: лавы, шлаковъ и пепла, — слѣдовательно, по характеристикѣ г. Траутшольда, всѣ они—конусы поднятія, и нѣтъ конусовъ изверженія! Выводъ совершенно противоположный тому, который принимаютъ въ настоящее время люди, знакомые съ вулканами и съ ихъ дѣятельностью.

Вулканическая дѣятельность мало знакома автору, а потому онъ говоритъ о ней иногда совершенно произвольно. Достаточно указать, напримѣръ, на то, что въ настоящее время выходъ пепла изъ вулкана считается вполнѣ хорошимъ признакомъ для того, чтобы судить о концѣ изверженія; авторъ, разсказывая объ этомъ, прибавляетъ слово „кажется“. Уже давно доказано, что Геркуланумъ и Помпея погибли отъ lava d'aqua,—авторъ говоритъ, что ихъ засыпалъ пепелъ и т. д.

Особенный интересъ представляетъ характеръ потока огненножидкой лавы, который, по словамъ автора: „ночью представляется огненнымъ потокомъ, днемъ въ видѣ каши или меда“. Какъ вышеуказанная характеристика остывшей лавы, такъ и огненно-жидкой, окончательно неудались г. Траутшольду. Чѣмъ каша похожа на медъ, и не хотѣлъ ли авторъ назвать вмѣсто каши размазню? Всякій, кому удалось видѣть расплавленную лаву, прежде всего найдетъ ее сходною съ расплавленнымъ чугуномъ или другимъ продуктомъ металлургическихъ операцій, но не съ кашей.

Примѣръ извращенія факта въ этой главѣ можно указать на стр. 126, гдѣ понятія о постороннихъ включеніяхъ въ лавахъ извращены самымъ непростительнымъ образомъ. Всѣ указанные недостатки

Digitized by Google

этой главы (изъ боязни утомить читателя мы пропустимъ еще нѣсколько курьёзовъ) можно было бы легко исправить, посовѣтовавъ г. Траутшольду взять какую-нибудь книгу о столь поучительномъ и интересномъ для геолога явленіи (для примѣра укажемъ на „C. W. C. Fuchs. Die vulcanischen Erscheinungen der Erde") и прочтя ее, написать заново, предложивъ тѣмъ, кто купилъ учебникъ, вымѣнять эту главу на новую.

Для завершенія нашего обзора фактическихъ невѣрностей и неточностей укажемъ еще на одно мѣсто (стр. 168), вполнѣ важное для выясненія извѣстныхъ геологическихъ представленій. „Положеніе пласта въ отношеніи къ меридіану называется *простираніемъ*, а *паденіемъ*—уголъ, образуемый извѣстнымъ пластомъ съ горизонтомъ". Изъ подобнаго опредѣленія „паденія пласта" намъ кажется ясно слѣдуетъ, что и самъ г. Траутшольдъ не имѣетъ опредѣленнаго представленія о томъ, что уголъ паденія пласта и направленіе его паденія, два понятія совершенно различныя у геологовъ.

Можно было бы указать массу элементарныхъ невѣрностей относительно фактическихъ данныхъ, но объёмъ статьи не позволяетъ намъ этого [1]). Остановимся теперь на нѣкоторыхъ, развиваемыхъ г. Траутшольдомъ гипотезахъ и теоріяхъ—этихъ „вожакахъ", какъ ихъ называетъ авторъ.

На стр. X, г. Траутшольдъ ставитъ въ полнѣйшее правило (впрочемъ, уже давно поставленное и исполняемое другими) слѣдующее: „... геологъ, желая объяснить явленія и факты, никогда не долженъ прибѣгать къ силамъ, для которыхъ современная ему природа не даетъ никакого мѣрила". Посмотримъ, насколько съ этой точки зрѣнія г. Траутшольдъ является самъ геологомъ, и какъ понимаетъ онъ только-что сказанное.

Развивая (на стр. 51) гипотезу образованія каменнаго угля, авторъ останавливается исключительно на одной, именно на образованіи каменнаго угля изъ растеній на мѣстѣ ихъ роста. Намъ кажется, что обязанность учебника не заключается только въ томъ, чтобы, слѣдуя догмату непогрѣшимости, проводить исключительно тѣ гипотезы, которыя намъ нравятся, но указывать и всѣ остальныя. Только тогда наша личная симпатія можетъ имѣть силу и вѣсъ, коль скоро мы критически разберемъ всѣ другія гипотезы, противорѣчащія нашимъ воззрѣніямъ, коль скоро мы докажемъ естественно-историческимъ путемъ (а не такими фразами: „Геппертъ показалъ")

---

[1]) Отсылаемъ желающихъ къ слѣдующимъ страницамъ „Основъ Геологіи": 32, 55, 62, 71, 73, 75, 92, 93, 96, 98, 100, 104, 110, 114, 116, 121, 124, 129, 157, 156, 162, 167, 171 и т. д.

Digitized by Google

ихъ несостоятельность. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ у г. Траутшольда; безапеляціонный, авторитетный тонъ учебника не допускаетъ сомнѣній; но такъ ли это въ дѣйствительности? Не прикрываемся ли мы только этимъ тономъ, не находя основательныхъ возраженій другимъ гипотезамъ?

Въ настоящее время существуетъ нѣсколько гипотезъ, объясняющихъ образованіе каменнаго угля: гипотеза образованія его изъ наземныхъ растеній (in situ и сплавами), и гипотеза образованія его изъ водорослей и др. морскихъ растеній. Никто изъ естествоиспытателей, намъ кажется, не будетъ сомнѣваться въ томъ, что скопленіе растительныхъ остатковъ возможно всѣми указанными способами, а если возможно это скопленіе, то естественно, что и каменный уголь могъ произойти различно. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, чтобы на основаніи положительныхъ фактовъ вполнѣ цѣлесообразно примѣнять къ данной мѣстности, къ данному случаю, одну изъ упомянутыхъ гипотезъ. Г. Траутшольдъ не придерживается индукціи, и первая попавшаяся ему на глаза гипотеза сейчасъ же (къ несчастію читателя) запечатлѣвается на страницахъ учебника. Вотъ для примѣра одна изъ такихъ гипотезъ: „Растительность каменноугольной формаціи средней Россіи представляла, вѣроятно, родъ торфяныхъ болотъ, родъ неглубокихъ водоёмовъ, расположенныхъ по близости моря. Страна эта находилась, быть можетъ, въ такомъ же положеніи, какъ теперь Голландія“. На какихъ естественно-историческихъ данныхъ построена эта гипотеза? Повидимому на томъ, что Голландія въ настоящее время защищена отъ моря высокими, искусственными берегами, устроенными не природою, а человѣкомъ. Гдѣ же здѣсь хоть тѣнь индукціи? Или г. Траутшольдъ нашелъ человѣка въ каменноугольную эпоху?—находка неожиданная и вполнѣ любопытная!.. или отношеніе его къ „вожакамъ“ вполнѣ непонятно и, упомянутое только на первыхъ страницахъ, на нихъ же и забылось? Для подтвержденія своихъ взглядовъ не слѣдовало бы г. Траутшольду и извращать факты, напр.: говоря о нашемъ нижнемъ горномъ известнякѣ, авторъ называетъ его (стр. 51) „небольшимъ слоемъ“.

Не менѣе любопытно отношеніе автора къ теоріи Бэра, которая, благодаря математическимъ доказательствамъ Бобинэ, извѣстна у геологовъ подъ именемъ закона Бэра. Желая опровергнуть этотъ законъ, авторъ объясняетъ высоту праваго берега рѣкъ, текущихъ по меридіану, также совершенно самостоятельно и вполнѣ гипотетично, не приводя ни одного естественно-историческаго факта.

Повидимому, въ этой области гипотезъ полётъ мысли г. Траутшольда не знаетъ предѣловъ, нѣтъ границъ его смѣлой фантазіи.

Digitized by Google

Такъ, на 57 стр. онъ вычислилъ, насколько повысились бы Уралъ, Финляндія и Олонецкая губернія, еслибы всѣ осадочныя образованія Европейской Россіи возстановить въ ихъ первоначальномъ, неразрушенномъ характерѣ. Цифру этого повышенія авторъ даетъ въ 5000 ф. Жаль, что не приведены основанія тому, да и самый разсчетъ, который такъ же, вѣроятно, былъ бы убѣдителенъ, какъ и приведенныя выше гипотезы!

Теоретическая сторона (если можно такъ назвать складъ въ вышеуказанномъ духѣ гипотезъ г. Траутшольда), также какъ и указанная выше фактическая, представляетъ громадный запасъ несообразностей. Сообщая (на стр. 63) о перенесеніи льдомъ рѣкъ камней, авторъ говоритъ: „Очень вѣроятно, что эрратическіе валуны средней и сѣверной Россіи перенесены такимъ же образомъ (т.-е. льдомъ) въ то время, когда русла рѣкъ не были еще до такой степени углублены, какъ теперь, и когда, вслѣдствіе болѣе высокого уровня моря, весенніе разливы занимали гораздо бо́льшія пространства, нежели теперь". Во-первыхъ, какъ извѣстно, въ рѣкахъ сѣверной и средней Россіи замѣчено обмеленіе, слѣдовательно, допустить предположеніе о томъ, что русла ихъ нынѣ глубже, чѣмъ прежде, нѣтъ никакого основанія. Во-вторыхъ, какимъ путемъ наши эрратическіе валуны, имѣющіе непосредственное коренное мѣсторожденіе на сѣверѣ, перенесены съ юга? Гдѣ здѣсь нежеланіе геолога „прибѣгать къ силамъ, для которыхъ современная ему природа не даетъ никакого мѣрила?"

Въ родѣ указаннаго отношенія автора къ происхожденію каменнаго угля, мы встрѣчаемъ подобное же отношеніе и къ происхожденію известняковъ (напр., стр. 94) и доломитовъ (стр. 96). Оба эти вопроса, повидимому, знакомы автору въ томъ состояніи, въ какомъ они находились во времена Л. ф.-Буха, а все, что сдѣлано относительно ихъ послѣ, остается неизвѣстнымъ автору „Основъ геологіи".

Продолжая прочитывать книгу, чѣмъ подвигаемся далѣе, тѣмъ болѣе замѣчаемъ, какъ авторъ сбрасываетъ съ себя надѣтую не кстати обузу въ видѣ „мѣрила" — это современныя геологическія явленія. На стр. 103 и 144, напр., уже ничто не стѣсняетъ автора, ни естественно-историческія основанія, ни предположенія, основанныя на индукціи,—имъ нѣтъ мѣста въ этой книгѣ. Захочетъ г. Траутшольдъ, чтобы вода, ни съ того ни съ сего, періодически затопляла сѣверную и среднюю Россію (стр. 103)—и вода затопляетъ; захочетъ ли онъ, чтобы вода прорвалась въ какой-либо замкнутый бассейнъ—и вода прорывается (стр. 143). Въ особенности странно отношеніе автора къ этому послѣднему примѣру, который до такой степени классическій для геологіи (это храмъ Сераписа близъ Пуццоли), такъ хорошо разобранъ, что новое, опять-таки рѣшительно ни на чемъ не осно-

Digitized by Google

ванное, доказательство г. Траутшольда является совершенно излишнимъ.

Отношеніе автора къ вѣковымъ поднятіямъ материковъ еще оригинальнѣе. Такъ, не допуская этого явленія, онъ снова возвращается ко временамъ Цельзія, т.-е. къ пониженію уровня океана. Свою мысль (подробнѣе развитую въ другомъ произведеніи) авторъ подтверждаетъ: переходомъ безводныхъ минераловъ въ водные; отсюда онъ полагаетъ, что вода океана постепенно, такъ сказать, всасывается материкомъ, т.-е. приблизительно изображаетъ изъ себя губку. Но, допуская такое предположеніе, авторъ забылъ, что и губка, напитываясь водою, увеличивается въ объёмѣ; слѣдовательно, если есть убыль уровня воды, окружающей губку, то рядомъ съ этимъ есть и поднятіе губки отъ увеличенія объёма. Допуская переходъ безводныхъ минераловъ въ водные, естественно предположить увеличеніе ихъ объёма, а рядомъ съ этимъ и поднятіе материковъ.

Изъ боязни утомить читателя мы, на стр. 175, считаемъ необходимымъ прекратить нашъ разборъ, тѣмъ болѣе, что и въ цѣломъ выпускѣ всего 200 страницъ.

Вышеуказанные факты не требуютъ комментаріевъ и говорятъ сами за себя. Учебникъ не даетъ ничего: факты, приводимые имъ, часто невѣрны и извращены, гипотезы — не выдерживаютъ ни малѣйшей критики.

Мы отнеслись бы, вѣроятно, нѣсколько снисходительнѣе къ этому первому, напечатанному на русскомъ языкѣ и съ примѣрами изъ геологіи Россіи учебнику. Но подробнѣе разобрать насъ заставило то обстоятельство, что авторъ предлагаетъ эту книгу, какъ нужную для повтореній и подготовки къ экзамену „студентамъ естественно-историческихъ факультетовъ и воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній". Предлагать подобную книгу значитъ, по нашему мнѣнію, осудить учащихся на чтеніе ни на чемъ неоснованныхъ измышленій, и на ознакомленіе съ невѣрными, а часто и извращенными фактами. Что дѣйствительно этотъ учебникъ можетъ принести матеріальный вредъ учащемуся, укажемъ для примѣра на студента, подготовившагося по „Основамъ геологіи" къ экзамену. У всякаго знающаго профессора онъ получитъ неудовлетворительную отмѣтку, которую, по справедливости, надо поставить г. Траутшольду, несмотря на то, что онъ самъ облеченъ въ званіе профессора.

Въ предисловіи авторъ уже заранѣе выпрашиваетъ себѣ извиненіе передъ критикою и даже говоритъ о томъ, что его, пожалуй, будутъ благодарить (но онъ отказывается); наконецъ, заключаетъ, что его не манили ни слава, ни одобреніе, ни награда, а онъ хотѣлъ принести пользу „усыновившимъ его соотечественникамъ". Вотъ

Digitized by Google

истинный смыслъ всего!.. Но мы не вѣримъ въ то, что г. Траутшольда не манила „награда". Г. Траутшольдъ—профессоръ; слушатели жаловались ему, что имъ не-почему готовиться къ экзамену; г. Траутшольдъ зналъ, что для геологіи Россіи нѣтъ учебника. Итакъ, развѣ это не награда, что „Основы геологіи" почти обязательно будутъ покупать слушатели Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи (цѣна первой части 1 р. 50 к.), а можетъ быть и студенты естественно-историческихъ факультетовъ?

Только судя по этому первому выпуску „Основъ геологіи" можно смѣло для пользы учащихся пожелать, чтобы не выходили остальные два. Такое пожеланіе нисколько не противно здравому смыслу, потому что геологія требуетъ основательной естественно-исторической подготовки, которая будетъ видна не только въ цѣломъ выпускѣ, но даже на первыхъ страницахъ, чего мы не видимъ у г. Траутшольда. Слѣдовательно, никто намъ не можетъ поручиться въ томъ, что г. Траутшольдъ успѣетъ пополнить свое естественно-историческое образованіе, и рядомъ съ этимъ не надѣлаетъ новыхъ ошибокъ и новыхъ несообразностей въ двухъ предполагаемыхъ выпускахъ.

А. И.

ВАРШАВСКІЯ ПИСЬМА

Письмо второе.

Въ томъ письмѣ [1]) я старался познакомить своихъ соотечественниковъ съ настоящимъ положеніемъ польской журналистики и съ тѣмъ новымъ въ ней движеніемъ, которое, если не ошибаюсь, оставалось вовсе не замѣченнымъ нашею публицистикой. Теперь позвольте мнѣ познакомить у насъ съ тѣмъ страннымъ впечатлѣніемъ, которое производитъ наша публицистика объ окраинахъ на человѣка, живущаго въ одной изъ этихъ окраинъ, который, слѣдовательно, можетъ не только читать, но и на мѣстѣ повѣрять, насколько сбыточны разсужденія той части нашей прессы, которая претендуетъ

[1]) См. выше: февр. 932 стр.

Digitized by Google

быть „патріотическою". „Искусственное обрусеніе поляковъ немыслимо и невозможно" — сказалъ въ рѣчи своей въ прошломъ году, на праздникѣ Кирилла и Меѳодія, самъ г. Лавровскій—бывшій ректоръ здѣшняго университета, что, впрочемъ, очевидно, для всякаго непредубѣжденнаго доктринера. Но не странно ли, что никто, ни даже самъ бывшій представитель здѣшней русской интеллигенціи, не желаетъ въ то же время сознать другой истины, именно: что сознаніе невозможности достиженія извѣстной цѣли и стремленіе къ этой цѣли находятся во взаимномъ противорѣчіи. Вполнѣ понимать недостижимость задачи и стремиться къ ея достиженію—чрезвычайно оригинальное признаніе! Странно слышать, какъ наши доктринеры утверждаютъ и отрицаютъ въ одно и то же время, и говорятъ: „хотя искусственное обрусеніе поляковъ немыслимо и невозможно", однако оно... мыслимо и возможно!? вотъ логика поистинѣ непостижимая.

Какъ въ самомъ дѣлѣ гармонируетъ съ программою нашихъ доктринеровъ увѣреніе г. Лавровскаго, что рускій дѣятель въ здѣшнемъ краѣ долженъ отличаться, между прочимъ, „уваженіемъ правъ совѣсти и народности другого лица", понять это тоже трудно. Противорѣчіе это возможно объяснить развѣ тѣмъ только, что и русскій „дѣятель" *(т.-е. чиновникъ)*, какъ изображаетъ его г. Лавровскій, есть какое-то лицо идеальное и всесовершенное. Дѣятельность его удовлетворяетъ „требованіямъ образованности, разума, совѣсти и вообще безупречной нравственности; исполненіе закона, уваженіе правъ совѣсти и народности другого лица, неуклонное слѣдованіе идеямъ правды и справедливости". Вотъ чѣмъ отличается этотъ идеальный „дѣятель!" Но въ томъ уголкѣ міра, въ которомъ бы завелись подобные дѣятели, оказался бы рай земной! Ахъ, господа доктринеры, вашими бы устами медъ пить и вашимъ бы языкомъ облизываться!

Недавно членъ англійскаго парламента г. Геронъ, одинъ изъ членовъ послѣдней сессіи международнаго статистическаго комитета, собиравшагося въ Петербургѣ, въ брошюрѣ своей „A visit to Russia", говоритъ, что по личному его наблюденію, въ бытность его въ Варшавѣ, польскіе крестьяне, сдѣлавшись собственниками, сдѣлались искренно преданными Россіи, но что во всемъ прочемъ наша польская политика есть сколокъ съ прусской политики по отношенію послѣдней къ Познани. Такъ какъ первый фактъ, замѣченный почтеннымъ статистикомъ, вполнѣ справедливъ и вѣренъ, то нужно допустить, что и второе наблюденіе, сдѣланное имъ, тоже вѣрно и справедливо. Итакъ, наша политика по отношенію къ царству польскому есть та же самая, что и политика Пруссіи по отношенію къ Поз-

Digitized by Google

нани, хотя мы славяне и поляки славяне, пруссаки же нѣмцы, и только познанцы славяне. Но чего же хочетъ и къ чему стремится нѣмецкая политика Пруссіи? Въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей, князь Бисмаркъ сказалъ прямо, что „невозможно примирить благодѣяній нѣмецкой культуры съ существованіемъ славянскихъ племенъ въ провинціяхъ, принадлежащихъ Пруссіи"... Простота, ясность и откровенность! Князь вовсе не говоритъ, какъ г. Лавровскій, о „слѣдованіи идеямъ правды и справедливости", ни „о уваженіи правъ совѣсти и народности другого лица", ни „о требованіи разума и совѣсти", ни „о безупречной нравственности", онъ говоритъ о невозможности примирить... Слѣдовательно... Безъ сомнѣнія, князь въ данномъ случаѣ глубоко сожалѣетъ о томъ, что онъ не родился десяткомъ столѣтій раньше, когда невозможность примиренія нѣмецкой культуры съ существованіемъ при-эльбскихъ и при-одерскихъ славянъ была рѣшена такъ просто и такъ рѣшительно... Приложимъ ли тогдашній методъ ассимиляціи въ настоящее время — объ этомъ руководители нѣмецкой политики умалчиваютъ. Во всякомъ случаѣ, мы встрѣчаемъ странные факты и явленія въ областяхъ, залитыхъ и заливаемыхъ Нѣмецкимъ моремъ. Не говоря уже о познанскихъ полякахъ, около Данцига и Кеслина но настоящее время живетъ ничтожное вендское племя, подъ именемъ *Кашубовъ* или *Кассубовъ*, едва ли простирающееся до 10 тыс., сохранившее свои нравы, преданія и говорящее славянскимъ нарѣчіемъ. Отчасти въ Саксоніи и отчасти въ Пруссіи живетъ также малочисленный сербо-лужицкій народъ (около 200 тыс. душъ), о которомъ недавно г. Алекс. Веселовскій, въ статьѣ своей: „Забытый славянскій уголокъ", помѣщенной въ одной изъ петербургскихъ газетъ, сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія: „Этотъ народъ съ рѣдкою энергіей и выдержкой съумѣлъ до нашихъ дней поддержать свою національность, *развить* свой языкъ и *создать* литературу, несмотря на неблагопріятнѣйшія условія, на постепенно обвивающую его все плотнѣе, точно змѣиными кольцами, сильную нѣмецкую стихію, на отсутствіе средствъ, которыя могли бы поддержать національныя начинанія, на разобщенность съ остальнымъ славянскимъ міромъ"... Итакъ, этотъ народецъ не желаетъ исчезнуть, не желаетъ отказаться отъ самого себя, отъ своего бытія, даже во имя нѣмецкой культуры, несмотря на свою отрѣшенность отъ остального славянскаго міра. При этомъ, устраняя всякія иллюзіи, необходимо еще сознать ту истину, что если узы единоплеменности во всякомъ случаѣ бываютъ сильны, то тѣ узы, которыя проистекаютъ изъ единства цивилизаціи и культуры—несравненно сильнѣе. Между тѣмъ, чувство народности

Digitized by Google

ее дня на день крѣпнетъ и развивается въ этомъ крохотномъ и безсильномъ славянскомъ племени, которое охотно усвоиваетъ себѣ плоды нѣмецкой культуры, но вовсе не желаетъ, не намѣрено, не можетъ отказаться отъ своего языка, т.-е. отъ самого себя. Относительно узъ единоплеменности нужно замѣтить, что вообще онѣ имѣютъ значеніе весьма условное и весьма относительное. „Оставьте насъ въ покоѣ, сказалъ одинъ изъ передовыхъ лужичанъ какому-то нашему оригиналу-славянофилу, когда тотъ, дѣля всю славянщину на провинціи, градоначальства и военачальства, соединенныя во едино узами единоплеменности и еще какими-то иными узами, горько сокрушался о томъ, что не знаетъ, что́ дѣлать съ Лужицей, отрѣзанной отъ общей семьи нѣмцами. „Ничего не нужно съ ней дѣлать, отвѣчали ему:—„не забывайте ее, но оставьте ее жить, какъ она хочетъ". Говоря о лужицкой письменности, г. Веселовскій умалчиваетъ объ одномъ весьма интересномъ фактѣ, доказывающемъ, что ассимиляція, поглощеніе одного народа другимъ, дѣло далеко не легкое... Объявивъ войну всякой не-нѣмецкой народности, обитающей въ провинціяхъ, принадлежащихъ Пруссіи, князь Бисмаркъ наткнулся на бѣднаго лужицкаго учителя, котораго зовутъ *Карлъ Мярка* (Karol Miarka) и который съ нѣкотораго времени издаетъ на своемъ языкѣ скромную, но сильную любовью къ родному, газету. Отставленный отъ нищенской своей должности сельскаго учителя, Карлъ Мярка не смутился и продолжаетъ издавать свою сѣрую газетку. Прибѣгали къ угрозамъ, пробовали обѣщаній—не подѣйствовало. Наконецъ, въ прошломъ году, этому отставному сельскому учителю предложено было... *сто тысячъ талеровъ*, лишь бы онъ отказался отъ изданія своей сѣрой газетки, да — *сто тысячъ талеровъ!* Какое колоссальное богатство для отставного сельскаго учителя! Но этотъ бѣдный учитель не пошелъ на сдѣлку и не пойдетъ на нее, очевидно, ни за какія сокровища: онъ издаетъ свою газету борясь со всею мощію нѣмецкаго насилія и вражды. Передъ этимъ фактомъ нѣмцы остановились въ нѣмомъ изумленіи: бреславская "Schlesische Volkszeitung", за ней клерикальная газета „Germania" и другія передавали въ свое время этотъ фактъ, не находя возможнымъ понять его и объяснить... Въ одной изъ варшавскихъ газетъ по этому поводу сказано было слѣдующее: „Дрожащею отъ волненія и благоговѣнія рукою заносимъ мы этотъ фактъ на страницы нашей лѣтописи. Вся земля славянская должна гордиться и будетъ гордиться именемъ „Карла Мярка".

Да, будетъ гордиться, но что же въ этомъ проку?... Могутъ-ли подобные факты подѣйствовать на политическихъ доктринеровъ, не

Digitized by Google

желающихъ понять, что если извѣстный народъ способенъ свыкнуться съ своимъ положеніемъ, отказаться отъ политической самостоятельности, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что онъ способенъ отказаться отъ своей индивидуальности, отъ своего языка, преданій и вѣрованій?... Исторія не представляетъ такого народа; напротивъ, она показываетъ, что даже самыя слабыя племена всегда упорно отстаиваютъ свою индивидуальность, свои обычаи, языкъ и преданія, во имя ихъ готовы на всякія жертвы и нерѣдко доходятъ до героизма. Если же, притомъ, народъ имѣетъ свою исторію, свою окрѣпшую цивилизацію, свою культуру, богато развитый языкъ и обширную литературу, то ассимиляція или поглощеніе подобнаго народа— вещь недостижимая, и всѣ труды и усилія, направленныя къ этой цѣли, могутъ повести только къ горькимъ разочарованіямъ и къ горькимъ послѣдствіямъ. Необходимы другіе пути.

Хладнокровному и безпристрастному наблюдателю не можетъ не казаться очевиднымъ, что, слѣдуя примѣру Пруссіи въ отношеніяхъ нашихъ къ польскому племени, мы дѣлаемъ серьёзную политическую ошибку. Политика Пруссіи истекаетъ изъ исконнаго и общаго стремленія нѣмцевъ къ поглощенію славянскихъ племенъ, ей апплодируютъ, ее поддерживаютъ всѣ нѣмцы, ее пропагандируетъ несмѣтное множество „національно-либеральныхъ“ органовъ. Но можетъ ли подобная политика возбудить сочувствіе славянства къ намъ? Напротивъ, она можетъ возбуждать къ намъ только нерасположеніе и недовѣріе— со стороны *всѣхъ славянскихъ племенъ*. Если послѣдствія подобной политики не обнаружились пока ощутительными фактами, то не подлежитъ сомнѣнію, что они не замедлятъ обнаружиться въ ближайшемъ будущемъ; впрочемъ, они замѣтны уже и въ настоящее время...

Необходимо отмѣтить одинъ крайне оригинальный фактъ, состоящій въ томъ, что наши доктринеры, шовинисты и славянолюбцы имѣютъ весьма своеобразный и чисто платоническій взглядъ на отношенія къ намъ не только народовъ славянскихъ, но и всѣхъ вообще народовъ. По мнѣнію нашихъ шовинистовъ, всѣ славяне и даже остальные народы о томъ только и думаютъ, какъ-бы уподобиться намъ и воспринять отъ насъ „здравыя ученія истины“. Выразитъ ли какая-либо заграничная газета сочувствіе къ намъ, возникнетъ-ли на Западѣ какое-либо религіозное или соціальное движеніе, во всемъ этомъ мы готовы видѣть очевидные признаки того, что европейскіе народы „обращаютъ полныя ожиданія очи на насъ“, желая намъ ассимилироваться... Сколько разъ, напр., англичане принимали православіе, какія блистательныя соображенія строили мы по поводу движенія старо-католиковъ, на конгрессъ которыхъ посы-

Digitized by Google

лали даже депутата, какимъ иллюзіямъ не предавались мы по поводу посѣщенія насъ „заатлантическими друзьями“ и проч. и проч. Нечего и говорить о томъ, что на извѣстное посѣщеніе славянами Москвы въ 1867 году мы смотрѣли какъ на рѣшительный актъ, которымъ они отрекались отъ самихъ себя, отъ своей индивидуальности, отъ своей исторіи, цивилизаціи и вѣрованій, и сливаясь съ нами, исчезали въ русскомъ морѣ!... Поразительная наивность и какая-то примитивная неоконченность взгляда! Точно мы одни можемъ любить свое, родное, дорожить имъ, цѣнить его, и никто иной не любитъ ничего своего, не дорожитъ имъ и не цѣнитъ его... Такой взглядъ на наши отношенія едва ли не ко всему остальному міру былъ бы весьма забавенъ по своей наивности, если бы онъ не былъ въ то же время крайне прискорбенъ и не велъ къ прискорбнымъ послѣдствіямъ. Засыпая въ подобномъ самообольщеніи, пренебрегая внутреннею культурною работою, не сосредоточивая и не напрягая всѣхъ усилій духа для внутренняго саморазвитія, не замѣчая того, что между нами, среди нашихъ же полей, лѣсовъ и болотъ живетъ множество инородческихъ племенъ, весьма мало или вовсе не ассимилировавшихся, мы увлекаемся всецѣло задачами „высокой политики“, устремляемся на гораздо болѣе насъ цивилизованныя и культурныя окраины и стараемся ихъ ассимилировать... Идемъ еще дальше, ассимилируемъ славянъ и не-славянъ, доходимъ до океановъ и переходимъ за океаны!... И вотъ, вмѣсто того, чтобы обратить культурную и ассимилирующую дѣятельность на живущихъ возлѣ самаго Петербурга чухонъ, мы устремляемся на Чехію; забывая объ олонецкихъ карелахъ, о казанскихъ татарахъ, о чувашахъ, пермякахъ, мордвѣ, зырянахъ, остякахъ и вогулахъ, мы помышляемъ объ обрусеніи всѣхъ славянъ, объ обращеніи въ православіе англичанъ и нѣмецкихъ старо-католиковъ и предаемся разнымъ инымъ иллюзіямъ и затѣямъ.

Само собою разумѣется, что больше всего страдаютъ отъ такой наивности нашей—во-первыхъ, мы сами, во-вторыхъ, братья-славяне.

Что наше недомысліе и наивность вредятъ особенно намъ самимъ—это становится особенно очевиднымъ, если слѣдить за нашею внутреннею дѣятельностію со стороны. Видя здѣсь вокругъ себя, на каждомъ шагу, живую, энергическую, производительную и культурную дѣятельность, упорный и неутомимый трудъ, вы не повѣрите, какъ странно и какъ непріятно встрѣчать многіе факты изъ нашей внутренней общественной жизни, свидѣтельствующіе о нашей вялости, апатіи, неумѣлости, объ отсутствіи какой бы то ни было самодѣятельности, разумной и практической иниціативы. Вы не можете

Digitized by Google

себѣ вообразить, какъ странно со стороны читать, напр., о томъ, что даже петербургское земское собраніе, въ прошедшую сессію, не могло собрать всѣхъ своихъ членовъ, что на многихъ иныхъ собраніяхъ большинство членовъ вовсе не собирается, что, напр., въ послѣднюю сессію екатеринославскаго земскаго собранія, какъ сообщено было въ свое время въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", внесенъ былъ даже проектъ измѣненія устава земскихъ собраній, имѣвшій цѣлью предотвратить на будущее время почти повальную неявку членовъ, который не былъ представленъ на утвержденіе правительства потому только, что представленіе это было бы равносильно признанію полной несостоятельности и незрѣлости представителей нашего земства... Не знаю, въ какомъ свѣтѣ все это представляется вамъ, но трудно представить, какъ тяжело, и грустно, и стыдно становится, когда слѣдишь за подобными фактами и явленіями со стороны, живя въ иной моральной сферѣ, свыкнувшись съ которой—привыкаешь признавать подобныя явленія едва вѣроятными и возможными. Невольно на устахъ мелькнетъ грустная улыбка при мысли о томъ, что эти члены, столь равнодушно относящіеся къ благотворнымъ для внутренняго общественнаго развитія задачамъ, предоставленнымъ обсужденію и рѣшенію земства, охотно взяли бы прогоны, процентную прибавку, надбавку и надбавку къ надбавкѣ и полетѣли бы безъ оглядки на „окраины", для подвиговъ „обрусенія", т.-е. на дѣятельность въ сущности вполнѣ безсодержательную, и потому безрезультатную... Никакого русско-культурнаго элемента наши „дѣятели" не вносятъ и не могутъ вносить въ прочно организованную и культурно-окрѣпшую жизнь европейскихъ нашихъ окраинъ, потому что не имѣютъ и не носятъ въ себѣ такого элемента; не сознаютъ даже, повидимому, необходимости создать его прежде у себя, дома. Такимъ образомъ, всѣ подвиги патріотизма и обрусенія, собственно говоря, такъ-таки и сводятся на исполненіе чисто-чиновническихъ функцій,—и дальше нейдутъ.

А что дѣлаетъ большинство органовъ нашей „патріотической" прессы? Всѣ эти органы преданы преимущественно интересамъ „высокой политики" и упражняются на тему о симпатіяхъ, объ обрусеніи и т. п., къ внутреннимъ же культурнымъ вопросамъ большею частію относятся съ непонятною легкостію и съ какимъ-то особеннаго рода дилеттантизмомъ. О томъ, что дѣлается у насъ дома, никто не имѣетъ постоянныхъ, вполнѣ вѣрныхъ и ясныхъ свѣдѣній, ни одинъ органъ такими свѣдѣніями серьёзно не занимается и не посвящаетъ имъ вполнѣ и исключительно всего своего вниманія. Свѣдѣнія о народныхъ школахъ, о народномъ хозяйствѣ, о произ-

Digitized by Google

водительномъ трудѣ народа, о его привычкахъ и нравахъ, о нуждахъ, требованіяхъ и условіяхъ его развитія и благосостоянія появляются въ нашихъ газетахъ большею частію случайно, на заднемъ планѣ, и если мы прибавляемъ иногда къ нимъ комментарій въ видѣ плача іереміина, такъ этого черезчуръ для насъ достаточно. Даже о дѣятельности нашихъ земскихъ собраній, отъ которой мы въ правѣ ожидать самыхъ плодотворныхъ результатовъ, наша патріотическая печать обыкновенно не знаетъ ничего или весьма мало. А между тѣмъ она отлично знаетъ о томъ, гдѣ ночуютъ варшавскіе нищіе; ей хорошо извѣстно — снабжены ли варшавскіе дворники полушубками и каковы эти полушубки; она скажетъ вамъ, когда варшавскіе торговцы закрываютъ и открываютъ свои лавки и т. п.; ко всѣмъ подобнымъ фактамъ она относится критически, разсматривая ихъ, разумѣется, съ точки зрѣнія обрусенія... Однимъ словомъ, мы всецѣло заняты мыслію о томъ, какъ бы обрусить едва ли не половину міра! Обрусить? Но что же это значитъ, въ чемъ же именно состоитъ актъ обрусенія и какія блага сулитъ онъ тѣмъ, кто долженъ подчиниться этой операціи? Обрусить чеховъ, сербовъ, кроатовъ, далматовъ — это значитъ устроить дѣло такъ, чтобы между ними и нами не было никакой разницы, чтобы они жили по нашему. Но завести такой порядокъ, не значитъ ли пожелать, чтобы въ Чехіи, Галичинѣ, Сербіи и пр. выборные члены общественныхъ учрежденій поступали по нашему, т.-е. по небрежности и апатіи не являлись бы къ своей должности? И вотъ какими дикими и несбыточными иллюзіями занимается большинство нашей прессы, отвлекая общественную мысль и вниманіе отъ вопросовъ внутреннихъ, отъ предметовъ существенно важныхъ, отъ задачъ и цѣлей полезныхъ, настоятельныхъ и достижимыхъ!..

Не менѣе страненъ и тотъ путь, которымъ мы стремимся къ обрусенію братьевъ-славянъ. Это — путь *благотвореній и милостынераздавательства*. Для этого существуетъ у насъ особый „Славянскій *благотворительный* комитетъ“... Невольно возникаетъ вопросъ: почему же именно „благотворительный“? Но братья-славяне не бѣднѣе насъ, напротивъ—многіе изъ нихъ гораздо богаче насъ и морально, и матеріально, такъ что было бы весьма наивно предполагать, что они готовы продать намъ свое культурное превосходство передъ нами за чечевичную похлебку, преподносимую имъ нами въ оскорбительной формѣ благотворенія и милостыни, въ которыхъ они большею частію вовсе не нуждаются. Сомнительное отношеніе къ намъ нѣкоторой части славянства, раньше или позже, сдѣлается общимъ, и поддерживается и усиливается въ чрезвычайной степени, отношеніемъ

Digitized by Google

нашимъ къ польскому вопросу, какъ фактическимъ оправданіемъ ихъ опасеній,—фактъ этотъ признать необходимо, какъ вполнѣ ясный и естественный. Въ этомъ смыслѣ вопросъ этотъ, очевидно, имѣетъ для насъ значеніе общеславянское въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Было бы излишне входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе этой именно стороны вопроса.

Чрезвычайно важенъ еще тотъ фактъ, что единство цивилизаціи гораздо крѣпче и сильнѣе всякаго единокровія и единоплеменности соединяетъ отдѣльные народы и племена. Устраняя всякую сентиментальность и всякія ребяческія и наивныя иллюзіи, мы должны признать за несомнѣнную истину, что западное славянство, связанное исторически общностію цивилизаціи съ Западомъ, гораздо ближе къ нему, чѣмъ къ намъ, такъ что, еслибы вслѣдствіе политическаго своего безсилія, или по инымъ причинамъ, оно принуждено было утратить, наконецъ, свою индивидуальность и органически слиться съ другимъ народомъ, то оно скорѣе подчинилось бы нѣмецкой ассимиляціи, чѣмъ нашей. Какъ ни горько въ этомъ сознаться, но въ неизбѣжности подобнаго исхода западно-славянскаго вопроса, если мы не измѣнимъ нашихъ отношеній къ нему, сомнѣваться невозможно, и только наша „святая простота“ можетъ не понимать этого. Мы видѣли уже, съ какою энергіей отстаиваетъ свою національность слабое лужицкое племя отъ преобладанія нѣмецкой стихіи; но притомъ мы видѣли, что оно вовсе не помышляетъ о насъ, и во избѣжаніе нѣмецкой ассимиляціи, вовсе не думаетъ подчиниться ассимиляціи нашей; напротивъ, оно проситъ, чтобы мы оставили его въ покоѣ, чтобы мы „оставили его жить такъ, какъ оно хочетъ“... Теперь послушаемъ, что говоритъ испытанный и закаленный чешскій патріотъ и историкъ Палацкій о судьбѣ своего народа. Въ предисловіи къ третьему тому своихъ историческихъ трудовъ, озаглавленному „Radhost“, онъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ современную политику и „практическую философію“ вѣка: „Цѣль ея — абсолютный эгоизмъ. Нравственное усовершенствованіе, сознаніе долга, самоотреченіе и самопожертвованіе во имя вѣры, надежды и любви— все это признается нынѣ мечтой. Въ дѣйствительности всѣ принципы и стремленія времени могутъ быть охарактеризованы выраженіемъ: „edle Raubthiertriebe“, т.-е. они являются облагороженными инстинктами кровожадныхъ звѣрей, олицетворяясь въ крайнемъ эгоизмѣ, хитрости, коварствѣ, вѣроломствѣ и насиліи. Къ несчастію, невозможно отвергать, что проповѣдуемое нашими побѣдоносными сосѣдями, теоретически и практически, правило: „Macht geht vor Recht“ (сила впереди права), находитъ себѣ болѣе и болѣе обширное приложеніе, угрожая не только снова ввергнуть Европу въ состояніе вар-

Digitized by Google

варства, но залить ее вскорѣ цѣлыми потоками крови. Тѣмъ не менѣе современные Чингисханы и Тамерланы не съумѣютъ убѣдить меня въ прочности результатовъ ихъ адскаго дѣла; исчезнетъ оно такъ же безслѣдно, какъ исчезли дѣла ихъ предшественниковъ, и только проклятіе народовъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, сохранитъ его отъ забвенія. Я не перестану утверждать и по отношенію къ тяжкому и несчастному положенію моего народа: пусть мрачныя тучи сгущаются надъ нашими головами, еще сильнѣе заволакивая собою весь горизонтъ, пусть „neznabohové“ (безбожники) еще съ бо́льшимъ вѣроломствомъ ищутъ средствъ къ нашему угнетенію и униженію,— я не взываю къ насилію за насиліе, я аппелирую къ недалекому будущему, въ которомъ уже древніе язычники усматривали возмездіе— въ грозномъ образѣ неумолимой Немезиды“... Такимъ жгучимъ языкомъ говоритъ слишкомъ семидесятилѣтній старецъ объ исконныхъ врагахъ своихъ, нѣмцахъ; но въ словахъ его звучитъ не голосъ страсти, а только голосъ несокрушимой энергіи и вѣры въ торжество правды и права. Однако, несмотря на „несчастное и тяжкое положеніе своего народа“, онъ прямо и ясно утверждаетъ, что о русской ассимиляціи тоже не можетъ быть рѣчи, и что надежды тѣхъ, которые думаютъ, что чехи откажутся когда-либо отъ своего языка и заговорятъ по-русски, суть не что иное, какъ „мечтанія, которыя и останутся мечтаніями“...

Въ концѣ истекшаго года въ Чехіи совершился многознаменательный фактъ: примиреніе младо-чеховъ съ старо-чехами, во имя борьбы съ нѣмецко-австрійскимъ централизмомъ. Здѣсь было бы излишне входить въ подробное разсмотрѣніе этого факта и въ тѣ причины, которыя раздѣляли до послѣдняго времени между собою чешскія народныя партіи. Какъ бы то ни было, но органъ старо-чеховъ, газета „Politik“, въ самый день новаго года заявилъ, что на будущее время онъ сохранитъ полнѣйшую солидарность съ органомъ младо-чеховъ „Narodni Listy“; заявленіе это высказано въ передовой статьѣ, имѣющей видъ манифеста. Въ статьѣ этой говорится, между прочимъ, что въ борьбѣ съ врагами своими, нѣмцами, чехи должны полагаться только на самихъ себя и искать спасенія въ своихъ собственныхъ силахъ... Очевидно, что чехи трезво глядятъ на свое положеніе и хорошо понимаютъ сущность нашихъ къ нимъ отношеній. Они поняли, наконецъ, что ожидать поддержки съ нашей стороны было бы напрасно, что за нашими *сочувствіями* скрываются предположенія и виды, которые ничѣмъ не лучше, а можетъ быть еще гораздо хуже и страшнѣе для чешской индивидуальности и самостоятельности, чѣмъ желанія, виды и стремленія по отношенію къ нимъ нѣмцевъ. Они понимаютъ, что было бы крайне глупо бросаться

Digitized by Google

изъ огня въ полымя, изъ кулька въ рогожку. Дѣйствительно, имъ остается одно: положиться на самихъ себя и искать спасенія въ собственныхъ силахъ.

Замѣчательно, что примиреніе чешскихъ народныхъ партій, въ лицѣ ихъ представителей, редактора газеты „Politik" Скрейшовскаго и редактора газеты „Narodni Listy" Грегра — совершилось... въ тюрьмѣ, куда бросила ихъ нѣмецкая месть и ненависть, и гдѣ они успѣли свидѣться и заключить союзъ на общую и единодушную борьбу съ врагами. Изъ-подъ обуха всегда сыплются искры.

Обращаюсь къ наблюденіямъ надъ текущею польскою жизнію. Я имѣлъ случай, въ прошедшій разъ, констатировать тотъ фактъ, что успѣхи поляковъ въ русскомъ языкѣ весьма значительны, благодаря, главнымъ образомъ, энергической дѣятельности мѣстнаго учебнаго вѣдомства, но что было бы весьма ошибочно выводить изъ этого обстоятельства какія-либо крайнія заключенія. Важнѣйшіе результаты, какихъ возможно только ожидать, будутъ состоять въ томъ, что поляки болѣе или менѣе будутъ ознакомлены съ русскимъ языкомъ, не переставая оставаться поляками, не переставая говорить и мыслить по-польски. Въ лингвистическомъ отношеніи — какъ ни страннымъ это можетъ показаться—правильному усвоенію поляками русскаго языка весьма много мѣшаетъ близость ихъ языка къ русскому. Не будучи самъ педагогомъ, я не могу судить о тѣхъ трудностяхъ, о той Сизифовой работѣ, какую должны преодолѣвать въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаватели русскаго языка,—несомнѣнно, что трудности эти должны быть весьма значительны и едва ли во всѣхъ отношеніяхъ преодолимы—что́ вполнѣ понятно и естественно. Обучать русскому языку польскаго ребенка или человѣка взрослаго—это все равно, что учить кого-либо играть на такомъ инструментѣ, на которомъ онъ давно уже играетъ, но играетъ по-своему, по особенной методѣ. Извольте переучивать скрипача играть не такъ, какъ онъ учился и привыкъ играть, заставьте его правою рукою перебирать по струнамъ, а лѣвою—водить смычкомъ, тогда какъ онъ привыкъ лѣвою рукою перебирать по струнамъ, а въ правой держать смычокъ. Конечно, можно добиться того, что игрокъ станетъ играть и одною и другою рукою, но не подлежитъ сомнѣнію, что лѣвою рукою онъ будетъ играть плохо и только по требованію обстоятельствъ, правою же всегда и во всѣхъ случаяхъ. Какъ бы то ни было, но, помимо всякихъ сравненій, которыя многое уясняютъ только, но ничего еще не доказываютъ, нужно признать, что успѣшное изученіе русскаго языка учащеюся польскою молодежью не должно вести насъ къ какимъ бы то ни было крайнимъ заключеніямъ. Между изученіемъ языка и усвоеніемъ его—разница громадная,—не слѣдуетъ

Digitized by Google

смѣшивать этихъ понятій. Еще менѣе ассимилирующаго значенія можетъ имѣть сама по себѣ наука и знаніе. Сама по себѣ наука—индифферентна, а знаніе—космополитично. Внося его въ наши европейскія окраины, мы не вносимъ его какъ нѣчто наше собственное, нѣчто неизвѣстное и чуждое окраинамъ; напротивъ—мы вносимъ то, что давно уже привилось на окраинахъ гораздо крѣпче и глубже, чѣмъ даже у насъ. Очевидно, что вліяніе русской науки и знанія, какъ науки общеевропейской, не можетъ имѣть особенной ассимилирующей силы, и въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ увлекаться никакими крайними иллюзіями. Что поляки должны изучать и знать русскій языкъ, какъ языкъ государственный, какъ языкъ могущественнаго единоплеменнаго и братскаго народа, съ которымъ судьба ихъ связана неразрывно и окончательно, противъ этого не спорятъ даже сами поляки; но, опять-таки, отъ знанія русскаго языка до усвоенія его и отреченія отъ своего языка, не менѣе богатаго, развитаго, имѣющаго обширную и старую литературу—разстояніе громадное. Первое желательно, возможно, совершается во-очію, послѣднее—немыслимо и неисполнимо. Прошло время всяческихъ иллюзій, холодная дѣйствительность заглянула въ глаза и отрезвила самыя пылкія головы, самые мечтательные умы... Отзываются разные голоса, звучащіе то раскаяніемъ, то жаждою братскаго примиренія, то мольбою забвенія. Глубже и глубже начинаетъ проникать въ сознаніе поляковъ та истина, что только Россія можетъ спасти ихъ, если... она этого захочетъ, и если, прибавимъ отъ себя, пойметъ она собственный свой интересъ и свое общеславянское призваніе. Государственное объединеніе и сліяніе большинства польскаго племени съ Россіей совершилось окончательно и безапелляціонно; но отъ насъ теперь зависитъ, отъ нашего отношенія къ польской народности, какъ къ этнографической единицѣ, съ ея языкомъ, культурою и ея вѣрованіями—такой исходъ и такое положеніе дѣла, чтобы поляки въ этомъ объединеніи нашли свое счастіе, остальное же славянство смотрѣло бы на нихъ съ завистью, а не съ сожалѣніемъ и опасеніями за собственную судьбу.

Изъ текущихъ мѣстныхъ новостей, которыя представляли бы особенный интересъ—не имѣется никакихъ. Говорить о старой новости, т.-е. о юбилейномъ праздникѣ Коперника, которое совершено было здѣсь въ истекшемъ февралѣ мѣсяцѣ — было бы поздно; но я не могу пройти молчаніемъ страннаго положенія, принятаго по отношенію къ этому празднеству нѣкоторыми изъ здѣшнихъ „дѣятелей-корреспондентовъ“... Въ порывѣ ничѣмъ несдерживаемаго усердія и тенденціознаго преувеличенія, они бросались во всѣ стороны, чтобы

Digitized by Google

разстроить это празднество. Писали въ газеты, доказывая, что Коперникъ былъ чехъ и даже нѣмецъ, но вовсе не полякъ, старались внушить кому слѣдуетъ, что поляки намѣрены устроить по поводу юбилея такую демонстрацію, какой еще не бывало и т. п. Предсказанія эти, разумѣется, не оправдались, демонстраціи никакой не было и быть не могло, чего не могли не знать и не предвидѣть сами „дѣятели-корреспонденты", если они имѣютъ хоть какое-либо понятіе о современномъ настроеніи польскаго общества. Когда демонстраціи не состоялось, дѣятели-корреспонденты усмотрѣли въ этомъ обстоятельствѣ почти личную для себя обиду и заговорили совсѣмъ ужъ безтолково и безсознательно. Я не стану входить въ тѣ побужденія и соображенія, которыми руководствуются дѣятели-корреспонденты, принимаясь строчить всякую невѣроятную дичь; но невозможно не спросить, какимъ образомъ примирить различныя абсурдныя и недобросовѣстныя проявленія дѣятельнаго усердія съ тѣми блистательными качествами русскаго дѣятеля, о которыхъ сказано въ началѣ нашего письма? Гдѣ же тутъ „удовлетвореніе требованіямъ разума, совѣсти и вообще безупречной нравственности", гдѣ тутъ „уваженіе правъ совѣсти и народности другого лица", гдѣ тутъ „неуклонное слѣдованіе идеямъ правды и справедливости"?... Въ дѣйствительности оказывается, что иные изъ этихъ дѣятелей имѣютъ весьма смутное понятіе не только о требованіяхъ разума и совѣсти, объ идеяхъ правды и справедливости, но даже о самыхъ простыхъ требованіяхъ разсудка и безпристрастія, и изъ идеальныхъ дѣятелей превращаются въ весьма обыкновенныхъ смертныхъ, съ тупымъ пониманіемъ и крайне узкимъ взглядомъ на дѣло. По-истинѣ, не знаешь—какъ и говорить съ этими забавными людьми: серьёзно разсуждать съ ними было бы смѣшно; смѣяться надъ ними—не стóитъ. Подобныя проявленія самодовольнаго маломыслія и дикой нетерпимости не должны, однако, вводить въ заблужденіе польскихъ нашихъ согражданъ и возбуждать въ нихъ недовѣріе къ намъ. Въ самой Россіи большинство мыслящихъ людей весьма далеко отъ какой бы то ни было солидарности съ безсмысленными похотями, присущими поддонкамъ вымирающаго нынѣ „славянофильства"... Любя свое родное, русскіе мыслящіе люди умѣютъ почтить и въ польскихъ согражданахъ своихъ все то, чтò они считаютъ для себя дорогимъ и священнымъ. Отсутствіемъ здраваго смысла могутъ страдать единицы, иногда весьма много единицъ, но въ массахъ онъ никогда не исчезаетъ и раньше или позже непремѣнно вступаетъ въ свои права.

Изъ проявленій мѣстной общественной жизни за послѣднее время

Digitized by Google

заслуживаютъ вниманія публичныя лекціи съ туманными картинами, устроенныя для ремесленнаго класса редакціями двухъ газетъ: «Opiekun Domowy» и «Gazety Przemysłowo-Rzemieslniczej» (Промышленно-Ремесленной), съ платою по 5 коп. за входъ. Лекціи эти (всѣхъ лекцій будетъ 10) читаются по воскреснымъ днямъ, въ 4 часа пополудни, и посѣщаются многочисленною публикою, такъ что уже въ субботу съ вечера всѣ билеты бываютъ обыкновенно разобраны на расхватъ. Первая лекція прочтена была въ залѣ Благотворительнаго общества, но зала оказалась тѣсною; для второй уже лекціи нужно было поискать болѣе обширнаго помѣщенія, которое и найдено въ такъ-называемомъ театрѣ Раппо, въ которомъ... еще недавно какой-то „*профессоръ*", называющій себя, по причинѣ страшной своей физической силы, *нѣмецкимъ дубомъ*, ломалъ ребра тѣмъ же варшавскимъ ремесленникамъ, которыхъ онъ вызывалъ на бой чрезъ газетныя рекламы... Денегъ собралъ нѣмецъ громадное количество! Въ этомъ же самомъ зданіи тѣ же ремесленники толпятся теперь въ качествѣ внимательныхъ слушателей общеполезныхъ и занимательныхъ чтеній. Вотъ программа этихъ лекцій: 1) „Чего можно достигнуть съ помощію науки"; 2) „Объ образованіи земного шара и о томъ, что было на немъ назадъ тому нѣсколько тысячъ лѣтъ"; 3) „О томъ, что́ всякій ремесленникъ можетъ сдѣлать для своихъ дѣтей"; 4) „О средствахъ къ пріобрѣтенію состоянія"; 5) „О жилищахъ для ремесленнаго класса"; 6) „Изъ исторіи ремеслъ"; 7) „О промышленныхъ выставкахъ" и т. п. Практическая польза подобныхъ чтеній очевидна, выборъ тэмъ очень удаченъ. Не слѣдуетъ забывать, что здѣшніе ремесленники большею частію люди грамотные, есть между ними и такіе, которые получили извѣстное систематическое образованіе, а если вѣрить фельетонисту „Варшавской Газеты", то въ числѣ варшавскихъ ремесленниковъ есть даже одинъ *магистръ философіи*, работающій какъ простой ремесленникъ за токарнымъ станкомъ.

Изъ литературныхъ новостей обратила на себя вниманіе здѣшней критики весьма замѣчательная книга подъ заглавіемъ: „O prawach kobiety" (О правахъ женщины), соч. Эдуарда Прондзинскаго, заключающая сводъ всѣхъ важнѣйшихъ взглядовъ и мнѣній по этому предмету, какіе высказаны въ новѣйшее время европейскою прессою, и критическій разборъ этихъ мнѣній. О характерѣ и направленіи этого сочиненія легко составить понятіе уже по тому, что здѣшніе прогрессивные журналы относятся къ нему очень сочувственно, а „старовѣрческіе" хранятъ глубокое, хотя и не глубокомысленное, молчаніе...

Digitized by Google

Другая литературная новость состоитъ въ томъ, что съ 1-го іюля сего года въ Варшавѣ будетъ выходить новая ежедневная газета, съ весьма разнообразною программою, обнимающею сферы: литературную, политическую, экономическую, торговую, промышленную и пр. Газета будетъ называться „Wiek“ (Вѣкъ) и выходить будетъ подъ редакціею г. *Левестама.* Читателямъ вашего журнала имя это отчасти извѣстно. Это—тотъ самый г. Левестамъ, который написалъ на степень магистра диссертацію: „Историческій очеркъ древне-скандинавской поэзіи скальдовъ“, на которую въ истекшемъ году, въ одной изъ книжекъ вашего журнала, профессоръ Веселовскій помѣстилъ такую сокрушительную рецензію... Быть можетъ, въ публицистикѣ г. Левестамъ будетъ счастливѣе; по крайней мѣрѣ, пожелаемъ ему того.

Варшава $^{6}/_{17}$ марта.

Л. Л.

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 12-го февраля 1873 года.

1) Выдано 150 руб. писателю, находящемуся въ бѣдственномъ положеніи.

2) Выдано 25 руб. вдовѣ писателя на воспитаніе ея дочери.

3) Выдано 150 руб. семейству покойнаго писателя.

4) Выдано 50 руб. писателю, находящемуся въ затруднительномъ положеніи.

5) Выслано 100 руб. больному, не имѣющему никакихъ средствъ къ жизни, писателю.

6) Изъявлена благодарность общества: П. Е. Басистову. за содѣйствіе комитету, и редакціи журнала „Недѣля", изъявившей намѣреніе печатать отчеты комитета въ своемъ издніи.

Отчетъ казначея за январь 1873 г.

Къ 1-му января въ кассѣ состояло 57,936 руб. 50 коп.—Въ январѣ поступило 4102 руб., въ томъ числѣ: 1) пожалованные Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ и Великою Княгинею Александрою Іосифовною 100 руб.; 2) взносы 49 членовъ 1000 руб.; 3) отъ министерства народнаго просвѣщенія 1000 руб.; 4) пожертвованія: а) изъ имущества покойнаго Б. И. Утина 1000 руб., б) отъ А. А. Краевскаго 600 руб., в) В. Н. Назарьева 100 руб., г) неизвѣстныхъ 300 руб.; 5) проданы три брошюры, пожертвованныя обществу, за 2 руб.—Израсходовано 2797 руб. 40 коп., въ томъ числѣ: 1) на пенсіи 647 руб.; 2) на воспитаніе 800 руб.; 3) на единовременныя пособія 10 лицамъ 950 руб.; 4) на ссуды двумъ лицамъ 400 руб.; 5) государственному банку за храненіе билетовъ 40 коп.—Къ 1-му февраля въ кассѣ 59,211 руб. 10 коп.

II. Подписка на памятникъ Пушкину.

(Отъ Высочайше учрежденнаго комитета).

При сборныхъ книжкахъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1872 г. пожертвованій поступило:

Отъ управляющаго экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ 98 руб. 42 коп. Отъ управляющаго акцизными сборами Тамбовской губерніи 508 руб. 55 коп., въ томъ числѣ отъ К. П. Пор-

Digitized by Google

жезинскаго 10 руб., отъ 3-хъ неизвѣстныхъ по 10 руб., отъ П. Танаева 15 руб., отъ Д. Черникова 10 р., отъ С. В. Маркова 10 руб., отъ Д. А. Гинзбурга 10 руб., отъ купца П. Н. Николаева 100 руб. Отъ уфимскаго губернскаго воинскаго начальника 22 руб. 65 коп. Отъ начальника Скулянскаго таможеннаго округа 28 руб. Отъ управляющаго акцизными сборами Витебской губерніи 151 руб. 30 коп.; въ томъ числѣ: отъ Е. Дуве 10 руб. и отъ неизвѣстнаго 10 руб. Отъ инспектора классовъ Закавказскаго дѣвичьяго института 121 руб. 15 коп. Отъ екатеринославскаго городского головы 25 руб. Отъ управляющаго московскою казенною палатою 141 руб. 47 коп.; въ томъ числѣ: отъ Н. Манерта 10 руб., отъ П. Кочубея 10 руб., отъ Д. Д. Казакова 10 руб. и отъ неизвѣстнаго 10 руб. Отъ инспектора классовъ кіевскаго института 33 руб. 80 коп. Отъ Екат. Вас. Зиновьевой 45 руб.; въ томъ числѣ: отъ Н. В. Зиновьева 25 руб., отъ Е. А. Сущова 10 руб. и отъ Е. В. Зиновьевой 10 руб. Отъ начальника Варшавской губерніи 143 руб. 24½ коп. Отъ генералъ-адъютанта Лутковскаго 20 руб.; въ томъ числѣ: отъ Лутковскаго 10 руб. и отъ Глинки 10 руб.; отъ начальника саратовской женской гимназіи 50 руб.

Кромѣ сего, при особыхъ объявленіяхъ, въ ноябрѣ и декабрѣ доставлено: отъ графа Э. Т. Баранова 236 руб. 10 коп.; отъ служащихъ при миссіи въ Тегеранѣ 152 руб. 65 коп. (43 червонца); отъ тверскаго губернатора 27 руб. 20 коп.—итого 1804 руб. 53½ коп.

Всего *по 1-е января 1873 года* состоитъ по счетамъ:

1) Государственнаго банка:		
а) капитала	46,361 р. — к.	
б) процентовъ, начисленныхъ банкомъ по 1873 г. . . .	5,400 р. 85 к.	
		51,761 р. 85 к.
2) С.-Петербургскаго учетнаго и ссуднаго банка:		
а) капитала	17,609 р. 60 к.	
б) процентовъ за 1872 г. .	667 » 21 »	
		18,276 р. 81 к.
Итого		70,038 р. 66 к.

Отъ редакціи.—На требованіе новыхъ подписчиковъ доставить имъ первыя три части семейной исторіи «Алексѣй Слободинъ», вышедшія въ прошедшемъ году, редакція увѣдомляетъ, что по полученію ею 1 рубля, она можетъ выслать въ теченіи апрѣля отдѣльные оттиски, около 15 печатныхъ листовъ.

М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОГО ТОМА.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

МАРТЪ—АПРѢЛЬ 1873.

Книга третья. — Мартъ.

стр.

Послѣдняя полоса.—Стих. ИВ. ЯКУНИНА 5

Преданія первоначальной русской лѣтописи.— XIII-XVII.—Окончаніе. — Н. И. КОСТОМАРОВА 7

Алексѣй Словодинъ. — Семейная исторія. — Часть пятая и послѣдняя. — П. АЛЬМИНСКАГО 61

Магометанское религіозное движеніе въ Индіи.—I-IX.—Г. К—ОВЪ 118

На перепутьи.—Романъ.—Часть вторая.—Н. ДМИТРІЕВОЙ 151

Моя поѣздка въ Бухару.—Путевыя наблюденія и замѣтки.—I-III. — Н. Ѳ. ПЕТРОВСКАГО 209

Канутъ.—Легенда.—Гр. А. К. ТОЛСТОГО 249

Практическая философія XIX-го вѣка. — Les discours de M. le Prince de Bismarck.—IV-VI.—А. Б. 257

Чувства и ихъ выраженія.—The expression of the emotions in Man and Animals, by Ch. Darwin.—Н. П. ВАГНЕРА. 316

Падучая звѣзда.—Стих. М. В—НОВА 334

Хроника.—Принципы страхованія имущества.—В. И. РАГОЗИНА 336

Внутреннее Обозрѣніе. — Зимняя сессія петербургскаго земскаго собранія. — Дороги, врачебная часть и учительская школа. — Высшіе женскіе курсы въ Москвѣ, учрежденные В. И. Герье. — Отставка московскаго городского головы и циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ. — Новый штатъ московскаго классическаго лицея. — Военно-окружная система и ея противники.— Генералъ Фадѣевъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». — Письмо изъ Москвы 357

Иностранное Обозрѣніе.—Испанскія партіи и республика 381

Корреспонденція изъ Парижа.—Франція по смерти Наполеона III.—Н. . 402

Новѣйшая Литература.— Пьеръ-Жозефъ Прудонъ, по его письмамъ.—P. J. Proudhon— Sa vie et sa correspondance, 1838—48. Par Sainte-Beuve. 419

Новыя Книги. — Histoire du Second Empire, par Taxile Delord. T. III-me. — L'instruction du peuple, par Emile de Laveleye. 437

Извѣстія.—I. Годовое собраніе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, 2-го февраля 1873 г.: отчетъ комитета и мнѣніе ревизіонной коммиссіи.—II. Общее собраніе членовъ общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи, 24-го декабря 1872 г. . . 445

Библіографическій листокъ.

Digitized by Google

Книга четвертая. — Апрѣль.

стр.

Пѣсни Мирзы-Шаффи, Фридриха Боденштедта.—В. В. МАРКОВА 457
Характеристики литературныхъ мнѣній, отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ.—Историческіе очерки.—VII.—Гоголь.—А. Н. ПЫПИНА 471
Кому и какъ разработывать психологію?—I-III.—И. М. СѢЧЕНОВА 548
«Ultimo».—Повѣсть.—I-VII.—ФР. ШПИЛЬГАГЕНА 629
Магометанское религіозное движеніе въ Индіи.—X-XIV.—Гр. П. И. КУТАЙСОВА 670
Опытъ построенія соціологіи.—А. Стронинъ, его «Методъ» и «Политика». —I-XI.—В. Д. СПАСОВИЧА 700
Пейзажъ и его значеніе въ живописи.—Н. П. ВАГНЕРА 753
На перепутьи.—Романъ. — Окончаніе. — Н. ДМИТРІЕВОЙ 765
Предѣлы познанія природы.—Ueber die Grenzen des Naturerkennens. von Em. Du Bois-Reymond.—С. П. ЛОВЦОВА 800
Хроника.—Университетскій вопросъ.— По поводу мнѣнія г. Любимова о пересмотрѣ университетскаго устава.—В. И. ГЕРЬЕ. 818
Внутреннее Обозрѣніе.—Сессія дворянства петербургской губерніи.—Вопросъ о всесословной волости.—Проекты гг. Платонова и Савельева.—Основанія кн. Лобанова-Ростовскаго.—Мнѣніе уѣздной земской управы.—Порядокъ преній собранія.—Основанія проекта о воинской повинности. —Вопросъ объ организаціи арміи.—Сроки.—Изъятія и льготы 837
Иностранное Обозрѣніе. — Правительственный кризисъ въ Англіи. — Свойства кризиса.—Гладстонъ и Ирландія.—Пораженіе и возстановленіе правительства.—Дополненіе французской конституціи.—Новая конвенція съ Германіею.—Новая организація арміи 861
Корреспонденція изъ Берлина. — Учредительскія плутни и соціальное движеніе.—К. 882
Новѣйшая Литература.—Трудъ женщины и лучшая его организація. — Le travail des femmes au XIX siècle, par Paul Leroy-Beaulieu . . . 906
Новыя Книги. — Physics and Politics, or thoughts on the application of the principles of „natural selection“ and „inheritance“ to political society. By Walter Bagehot. — Considérations sur la marche des idées et des événements dans les temps modernes. Par M. Cournot. — L'Histoire de France depuis les temps les plus reculés jusqu'en 1789, racontée à mes petits enfants, par M. Guizot 923
Критическая замѣтка. — Траутшольдъ. Основы геологіи. Часть первая. Геогенія и Геоморфія. 1873 г.—А. И. 935
Варшавскія письма.—Письмо второе.—Л. Л. 944
Извѣстія.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.— II. Подписка на памятникъ Пушкину 959
Библіографическій Листокъ.

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 3-ья.

МАРТЪ, 1873.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 3-ья. — МАРТЪ, 1873.

Стр.

I.—ПОСЛѢДНЯЯ ПОЛОСА.—Стих. **Ив. Якунина** 5

II.—ПРЕДАНІЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ.—XIII-XVII. Окончаніе.—**Н. И. Костомарова** 7

III.—АЛЕКСѢЙ СЛОБОДИНЪ. — Семейная исторія. — Часть пятая и послѣдняя.—**П. Альминскаго** 61

IV.—МАГОМЕТАНСКОЕ РЕЛИГІОЗНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ИНДІИ. — I-IX. — **Г. К—овъ** 118

V.—НА ПЕРЕПУТЬИ.—Романъ.—Вторая часть.—**Н. Дмитріевой** 151

VI.—МОЯ ПОѢЗДКА ВЪ БУХАРУ.—Путевыя наблюденія и замѣтки.—I-III.—**Н. О. Петровскаго** 209

VII.—КАНУТЪ.—Легенда.—Гр. **А. К. Толстаго** 242

VIII.—ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ XIX-го ВѢКА.—Les discours de M. le Prince de Bismarck.—IV-VI.—**А. Б.** 257

IX.—ЧУВСТВА И ИХЪ ВЫРАЖЕНІЯ. — The expression of the emotions in Man and Anymals, by Ch. Darwin.—**Н. Н. Вагнера** 316

X.—ПАДУЧАЯ ЗВѢЗДА.—Стих. **М. В—нова** 334

XI.—ХРОНИКА.—ПРИНЦИПЫ СТРАХОВАНІЯ ИМУЩЕСТВА.—**В. И. Рагозина** 336

XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Зимняя сессія петербургскаго земскаго собранія.—Дороги, врачебная часть и учительская школа.—Высшіе женскіе курсы въ Москвѣ, учрежденные В. И. Герье. — Отставка московскаго городского головы и циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ.— Новый штатъ московскаго классическаго лицея. — Военно-окружная система и ея противники.— Генералъ Фадѣевъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».—Письмо изъ Москвы 357

XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Испанскія партіи и республика 381

XIV.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА. — Франція по смерти Наполеона III.—**Н.** 402

XV.—НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Пьеръ-Жозефъ Прудонъ, по его письмамъ.—P. J. Proudhon—Sa vie et sa correspondance, 1838—48. Par Sainte-Beuve. 419

XVI.—НОВЫЯ КНИГИ.—Histoire du Second Empire, par Taxile Delord. T. III-me.—L'instruction du peuple, par Emile de Laveleye 437

XVII.—ИЗВѢСТІЯ.—I. Годовое собраніе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, 2-го февраля 1873 г.: отчетъ комитета и мнѣніе ревизіонной коммиссіи. — II. Общее собраніе членовъ общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи, 24-го декабря 1872 г. 445

XVIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—VI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы" въ 1873 г. прилагается особо.

Digitized by Google

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Стихотворенія Н. Некрасова. Часть пятая. Спб. 1873. 342 стр. Ц. 2 р.

Поэзія въ наше время рѣдкость, да и трудно становится быть поэтомъ для нашей эпохи. Н. А. Некрасовъ—литературный ветеранъ. Если онъ не остался для настоящаго времени тѣмъ, чѣмъ былъ для прежняго—то, надобно сознаться, и не легко, по многимъ причинамъ, высказать мечты и скорби современнаго человѣка; — но все же поэтъ умѣлъ коснуться предметовъ, полныхъ поэзіи и пробуждающихъ теплую симпатію. Книга его издана какъ продолженіе къ послѣднему собранію его стихотвореній и заключаетъ новые труды автора. Здѣсь помѣщены: поэма „Кому на Руси жить хорошо",—прологъ и пять главъ первой части; далѣе, „Стихотворенія, посвященныя русскимъ дѣтямъ"; поэма „Дѣдушка" (1857 годъ); „Недавнее время, очерки"; и наконецъ, „Русскія женщины", именно: „Княгиня Т—ая" и „Княгиня В—ая" (1826—1827 года). Для желающихъ пріобрѣсти предъидущія, уже распроданныя части „Стихотвореній" прибавимъ, что онѣ печатаются новымъ изданіемъ.

Военная Библіотека. Томы восьмой и девятый. Спб. 1872. стр. 745 и 346+188.

Изданіе „Военной Библіотеки" продолжая служить своей превосходной цѣли — ознакомленію нашихъ военныхъ съ новѣйшею западною литературою этой же спеціальности, посвятило восьмой томъ переводу лучшихъ нѣмецкихъ и французскихъ теоретиковъ и наблюдателей исключительно по кавалерійскому дѣлу, какъ-то: Денисона, Де-Брака, Риттера, Зигманна, Коломба и Лагюра. Девятый же томъ посвященъ цѣликомъ классическому сочиненію австрійскаго генеральнаго штаба, переведенному подъ редакціей полковника нашего генеральнаго штаба А. Станкевича: „Борьба Австріи противъ Пруссіи и Италіи въ 1866 году". Пока вышли первыя двѣ части австрійскаго подлинника. Г. Станкевичъ отдаетъ все преимущество австрійской работѣ предъ такою же работою прусскаго генеральнаго штаба о войнѣ 1866 года, изданною имъ два года тому назадъ. Въ Пруссіи не обратили никакого вниманія на участіе Италіи въ войнѣ и ограничились одною тактическою стороною дѣла; въ Австріи же приняли въ соображеніе и другіе элементы войны, и особенно административный.

Брака и значеніе женщины въ христіанствѣ. *А. Надеждина.* Спб. 1873. стр. 306. Ц. 1 р. 50 к.

Принимая во вниманіе, что разсужденіе г. Надеждина печатано съ разрѣшенія духовной цензуры, мы оставляемъ въ сторонѣ нѣкоторыя условныя идеи, высказанныя авторомъ по поводу занимавшаго его вопроса. Но какъ историкъ своего предмета, онъ весьма трудолюбиво собралъ въ предисловіи литературные факты, обнаруживающіе положеніе женщины внѣ христіанства; за то уже вовсе не какъ историкъ, онъ отнесъ феодальную эпоху и затѣмъ почти всю западную образованность до нашего времени къ общей категоріи съ язычествомъ, потому что въ средніе вѣка и нынѣ въ западной Европѣ „наряду съ христіанствомъ существовали и существуютъ явленія, или вовсе не-христіанскія, или только отмѣченныя его именемъ". Въ наше время критика требуетъ болѣе трезваго отношенія къ разнообразію половыхъ миѳій и [illegible] принимать многое, что, при точкѣ зрѣнія автора, остается ему непонятнымъ и заставляетъ его восклицать, по поводу, напримѣръ, рыцарства: „Что же это за комедія? какой же смыслъ имѣетъ рыцарство"? Очень жаль также, что авторъ не нашелъ возможнымъ посвятить болѣе двухъ не полныхъ страницъ положенію женщины на Руси. Самое разсужденіе трактуетъ объ общечеловѣческихъ правахъ и достоинствахъ женщины и о ея особенномъ значеніи въ различныхъ отношеніяхъ жизни—въ чистомъ христіанствѣ, или, какъ выражается авторъ, въ идеальномъ, евангельскомъ. Вездѣ много слѣдовъ большой эрудиціи автора, черпаннаго отвсюду, начиная съ бесѣдъ Златоуста до новѣйшаго романа „Madame Frainex", par Robert Halt; но эрудиція, къ сожалѣнію, не помѣшала многимъ идеямъ автора быть—„не отъ міра сего".

Основы физіологіи человѣка, *Л. Германна.* Перев. съ 4-го нѣмецк. изд. подъ ред. И. Сѣченова. Вып. 1-й. Одесса. 1873. стр. 194. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ, въ предисловіи объясняетъ, что въ его трудѣ, при описаніи человѣческаго организма, всюду будетъ подразумѣваться, хотя не доказанное, но весьма вѣроятное предположеніе, что „вообще въ живыхъ тѣлахъ дѣйствуютъ тѣ же силы и по тѣмъ же законамъ, какъ и въ тѣлахъ мертвыхъ, и что со временемъ удастся свести на химическіе и физическіе законы непонятые до сего времени процессы организаціи". Почтенное имя нашего профессора, наблюдавшаго за переводомъ, ручается вполнѣ, что оригиналъ не потерпѣлъ искаженій и потому можно смѣло пользоваться русскимъ переводомъ.

Элементарная геометрія для школъ и вообще для начинающихъ, *Ад. Дистервега.* 76 чертежей Перев. съ послѣдняго нѣмецк. изданія. Изд. 2-е. Спб. 1873. стр. 106. Ц. 30 коп.

Въ массѣ руководствъ по геометріи, книжка Дистервега отличается практичностью изложенія, и потому каждое опредѣленіе или положеніе у него сопровождается множествомъ задачъ, при разрѣшеніи которыхъ умъ обучающагося окончательно усвоиваетъ себѣ научныя истины. Не рѣдко также встрѣчаются объясненія, какъ пользуются геометріею въ практической жизни, при постройкахъ, измѣреніяхъ площади и т. п. Руководство дѣлится по главнымъ геометрическимъ свойствамъ тѣлъ и площадей, и въ концѣ помѣщенъ длинный рядъ задачъ для повторенія пройденнаго и испытанія силъ ученика.

Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра. *Н. Тихонравова.* М. 1873. стр. 35.

Русскій театръ родился въ одинъ годъ и почти въ одинъ день съ Петромъ Великимъ. Въ маѣ 1672 г., царь Алексѣй послалъ въ Курляндію за людьми, „которые бы умѣли всякія комедіи строить"; ихъ однако не дождались, и въ ноябрѣ того же года пасторъ московскій Грегори поставилъ для царя первую въ Россіи комедію объ Эсѳири или „Артаксерксово дѣйство". Характеристикѣ этого древняго русскаго театра, при ц. Алексѣѣ и Петрѣ В., въ его связи съ современною, западною сценою, г. Тихонравовъ и посвятилъ свою дѣльную и полную живого интереса рѣчь, прочтенную имъ на университетскомъ актѣ 13-го января. Это [illegible]

ОБЪ ИЗДАНІИ
„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“
ВЪ 1873-мъ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ТЬ КНИГЪ:

I.—**Въ С.-Петербургѣ:** 1) *Безъ доставки* на домъ **15** руб. **50** коп. — 2) *Съ доставкою* по городской почтѣ **16** р.

II.—**Въ Москвѣ:** 1) Съ пересылкою *чрезъ книжный магазинъ И. Г. Соловьева* **16** р. 2) Съ пересылкою *чрезъ Газетную Экспедицію* **17** р.

III. — **Въ губерніи:** Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію **17** р.

IV. — **Заграницею:** За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію къ вышеупомянутой цѣнѣ (17 р.) прилагается: a) **2** руб. — въ *Германію* и *Австрію;* b) **3** р.— въ *Бельгію, Нидерланды* и *Придунайскія Княжества;* c) **4** р. — во *Францію* и *Данію;* d) **5** р. — въ *Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію* и *Грецію;* e) **6** р.—въ *Швейцарію;* f) **7** р.—въ *Италію.*

---

1. — *ПОДПИСКА* принимается: a) отъ городскихъ подписчиковъ, въ Главной Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, въ С.-Петербургѣ, Невск. Пр., 30; b) Иногородные и иностранные высылаютъ по *почтѣ* исключительно въ Редакцію (Галерная, 20), съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имени, отчества, фамиліи и того *почтоваго учрежденія*, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

2. — *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ Редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить Редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой Конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а Редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные — въ городскіе 50 коп.

3. — *ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сноситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе. — Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала; въ противномъ случаѣ, Редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.—Точно также Редакція не можетъ удовлетворять жалобы тѣхъ подписчиковъ, которые, въ противность первому условію подписки, требуютъ высылки журнала на такія станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ *нѣтъ* почтовыхъ учрежденій.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невск. просп., 30.

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 4-ая.

АПРѢЛЬ, 1873.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 4-ая.—АПРѢЛЬ, 1873.

Стр.

I.—ПѢСНИ МИРЗЫ-ШАФФИ.—Фридриха Боденштедта.—**В. В. Маркова** 157

II.—ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ, отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ.—Историческіе очерки.—VII. Гоголь.—**А. Н. Пыпина** . . . 171

III.—КОМУ И КАКЪ РАЗРАБОТЫВАТЬ ПСИХОЛОГІЮ?—I-III.—**И. М. Сѣченова** . 54

IV.—ULTIMO.—Повѣсть.—I-VII.—**Фр. Шпильгагена** 629

V.—МАГОМЕТАНСКОЕ РЕЛИГІОЗНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ИНДІИ. — X-XIV.—**Гр. П. П. Кутайсова** 670

VI.—ОПЫТЪ ПОСТРОЕНІЯ СОЦІОЛОГІИ. — А. Стронинъ, его „Методъ" и „Политика".—I-XI.—**В. Д. Спасовича** 700

VII.—ПЕЙЗАЖЪ И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ЖИВОПИСИ.—**Н. Н. Вагнера** . . . 722

VIII.—НА ПЕРЕПУТЬИ.—Романъ.—Окончаніе.—**Н. Дмитріевой** 765

IX.—ПРЕДѢЛЫ ПОЗНАНІЯ ПРИРОДЫ.—Ueber die Grenzen des Naturerkennens, von Em. Du Bois-Reymond.—**С. И. Ловцова** 800

X.—ХРОНИКА.—УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ. — По поводу мнѣнія г. Любимова о пересмотрѣ университетскаго устава.—**В. И. Герье** 818

XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Сессія дворянства петербургской губерніи. — Вопросъ о всесословной волости. — Проекты гг. Платонова и Савельева. — Основанія кн. Лобанова-Ростовскаго. — Мнѣніе уѣздной земской управы. — Порядокъ преній собранія. — Основанія проекта о воинской повинности. — Вопросъ объ организаціи арміи.—Сроки.—Изъятія и льготы 837

XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Правительственный кризисъ въ Англіи.—Свойства кризиса.—Гладстонъ и Ирландія.—Пораженіе и возстановленіе правительства.—Дополненіе французской конституціи. — Новая конвенція съ Германіею.—Новая организація арміи 861

XIII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА. — Учредительскія плутни и соціальное движеніе.—**К.** 882

XIV.—НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Трудъ женщины и лучшая его организація.—Le travail des femmes au XIX-me siècle, par Paul Leroy-Beaulieu. 900

XV.—НОВЫЯ КНИГИ. —Physics and Politics, or thoughts on the application of the principles of „natural selection" and „inheritance" to political society. By Walter Bagehot.—Considérations sur la marche des idées et des événements dans les temps modernes. Par M. Cournot.—L'Histoire de France depuis les temps les plus reculés jusqu'en 1789, racontée à mes petits enfants, par M. Guizot 929

XVI.—КРИТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.—Траутмольдъ. Основы геологіи. Часть первая. Геогенія и Геоморфія 1873 г.—**А. Н.** 955

XVII.—ВАРШАВСКІЯ ПИСЬМА.—Письмо второе.—**Л. Л.** 964

XVIII.—ИЗВѢСТІЯ.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. —II. Подписка на памятникъ Пушкину. 976

XIX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—VI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы" въ 1873 г. см. наоборотъ

Digitized by Google

нство физическихъ силъ. Опытъ естественно-научной философіи, *А. Секки*. Перев. Ф. Павленковъ. Вятка. 1873. Стр. 504, съ 56 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Трудъ итальянскаго ученаго Секки пользуется чти десятилѣтнею извѣстностью, и новый русій переводъ его сдѣланъ со 2-го изданія на анцузскомъ языкѣ, просмотрѣннаго, однако, авромъ. Секки попытался примѣнить новѣйшую ханическую теорію теплоты къ другимъ физическимъ силамъ и невѣсомымъ агентамъ, и кимъ образомъ представилъ новый опытъ фисофіи естествознанія. Переводчикъ дополнилъ екки статьями Баркера: „О соотношеніяхъ ежду физическими и жизненными силами", и ндаля: „Роль воображенія въ развитіи естевенныхъ наукъ", но, къ сожалѣнію, не ограниился этимъ полезнымъ дополненіемъ и присоединилъ отъ себя довольно обширное и никому интересное „кавыкообразное неприличіе", къ выразился онъ самъ, а именно, взялъ на бя трудъ доказать, что его переводъ гораздо чше другихъ переводовъ, отъ которыхъ онъ елаетъ-молъ предохранить публику, а въ сущости зазываетъ ее въ свою лавочку, и зазываетъ довольно безцеремонно. На сколько такое мовосхваленіе основательно — предоставляемъ дить спеціалистамъ, а отъ себя замѣтимъ, о самое изданіе выполнено такъ хорошо и отетливо, какъ, безъ сомнѣнія, никогда еще не давались книги въ нашихъ провинціальныхъ пографіяхъ и при всемъ томъ весьма дешево.

консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокѣ. *Ф. Мартенса*. Спб. 1873. Стр. 599.

Господство произвола на Востокѣ давно уже звало тамъ необходимость такого ненормальаго учрежденія, какъ учрежденіе европейскихъ нсуловъ съ обширною судебною властью и рисдикціею по гражданскимъ и даже уголовмъ дѣламъ. Современная Турція и Египетъ есьма естественно стремятся избавиться отъ кого учрежденія государства въ государствѣ, о ихъ стремленія, и особенно Турціи, далеко ще не равняются прогрессу въ нихъ гражданвенности и законности, а потому трудъ г. Марнса, поставившій задачею рѣшить вопросы — асколько необходимы консульскія учрежденія а Востокѣ въ наше время и каковъ долженъ ть ихъ характеръ и функціи для дѣйствительаго огражденія лица и имущества европейцевъ а Востокѣ — весьма важенъ, тѣмъ болѣе, что пеціальная литература этого отдѣла междуароднаго права весьма скудна, и авторъ наелъ возможность воспользоваться для своего руда такими матеріалами, которые вообще малоступны.

чебникъ акушерства, со включеніемъ паталогіи беременности и родильнаго періода, д—ра К. Шредера. Пер. подъ ред. д—ра М. Горвица. Спб. 1872. Стр. 684. Ц. 4 р.

Сочиненіе Шредера, одно изъ послѣднихъ въ итературѣ этой спеціальности, выдержало въ ерманіи три изданія въ два года. Русскій переводъ съ послѣдняго изданія, въ виду назначеія его служить образцовымъ учебникомъ для ушателей Медико-Хирургической Академіи, набженъ примѣчаніями редактора къ оригиалу тамъ, гдѣ авторъ не считалъ нужнымъ вдаваться въ подробности или выражалъ исключительные взгляды на отдѣльные вопросы. Соглашаясь съ редакторомъ въ мысли о пользѣ подобныхъ переводовъ, мы готовы раздѣлить и его убѣжденіе въ справедливости нападокъ на переводы, „представляющіе до извѣстной степени эксплуатацію чужого труда и потворствующіе бездѣятельности тѣхъ, на обязанности которыхъ лежало бы составленіе руководствъ".

Наши сосѣди въ Средней Азіи. Хива и Туркменія. Изд. ред. жур. „Всем. Путеш.". Спб. 1873. Стр. 138.

Настоящая брошюра служитъ краткимъ сводомъ историческихъ, географическихъ и статистическихъ извѣстій о Хивѣ и Туркменіи, разсѣянныхъ преимущественно въ русской литературѣ и періодическихъ изданіяхъ. Въ послѣднее время maximum нашихъ отношеній къ Хивѣ выражался двумя милліонами рублей вывоза въ Хиву и однимъ—изъ Хивы. Въ заключеніе брошюры приводятся соображенія о значеніи Хивы, какъ предмета для дѣйствій нашихъ военныхъ операцій, съ большою картою.

Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра. Соч. *П. Знаменскаго*. Казань. 1873. Стр. 850.

Авторъ поставилъ себѣ задачею показать, какимъ образомъ еще до Петра В. началъ приходить въ упадокъ древній нашъ принципъ избранія церковно и священно-служителей прихожанами, злоупотребленный въ эпоху всеобщаго невѣжества, когда являлись отъ приходовъ даже безграмотные „въ попы ставитися". Это зло уступило мѣсто другому злу—наслѣдственности и замкнутости духовнаго сословія, которое реформою Петра В. и послѣдующимъ временемъ было только регламентировано и закрѣплено. Авторъ доходитъ до нашего времени, когда было приступлено къ радикальному преобразованію духовенства на началахъ болѣе близкихъ къ древнему принципу, а именно въ 1863 г. было заявлено оффиціально о необходимости „возбудить и поощрить самостоятельность и самодѣятельность приходскихъ обществъ", и о пользѣ приходскихъ совѣтовъ.

Сельскія постройки и земледѣльческая механика. Сост. *Лентовскимъ*. Съ 152 политипажами. Спб. 1872. стр. 210.

При отсутствіи сельскихъ архитекторовъ, мы не имѣли и никакихъ популярныхъ руководствъ для раціональнаго возведенія сельскихъ построекъ, чѣмъ богаты западныя литературы. Г. Мухортовъ воспользовался указаніемъ В. Эк. Общества на новое изданіе книги Лефура (Constructions rurales et Mécanique agricole. 1869). и при содѣйствіи сельскаго хозяина г. Лентовскаго не только перевелъ, но и приспособилъ къ Россіи изложеніе французскаго оригинала. Въ первой части разъяснены свойства строительныхъ матеріаловъ и ихъ употребленіе въ дѣло, а вторая часть объясняетъ вообще законы движенія, свойства различныхъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ двигательныхъ силъ, и наконецъ, описаніе машинъ. Для сельскихъ хозяевъ, не имѣющихъ часто съ кѣмъ посовѣтоваться, такое руководство можетъ оказать великія услуги

ОБЪ ИЗДАНІИ
„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“
ВЪ 1873-мъ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ть КНИГЪ:

I.—**Въ С.-Петербургѣ:** 1) *Безъ доставки* на домъ **15** руб. **50** коп. — 2) *Съ доставкою* по городской почтѣ **16** р.

II.—**Въ Москвѣ:** 1) Съ пересылкою *чрезъ книжный магазинъ И. Г. Соловьева* **16** р. 2) Съ пересылкою *чрезъ Газетную Экспедицію* **17** р.

III. — **Въ губерніи:** Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію **17** р.

IV. — **Заграницею:** За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію къ вышеупомянутой цѣнѣ (17 р.) прилагается: a) **2** руб. — въ *Германію* и *Австрію;* b) **3** р.— въ *Бельгію, Нидерланды* и *Придунайскія Княжества;* c) **4** р. — во *Францію* и *Данію;* d) **5** р. — въ *Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію* и *Грецію;* e) **6** р.—въ *Швейцарію;* f) **7** р.—въ *Италію.*

---

1. — *ПОДПИСКА* принимается: a) отъ городскихъ подписчиковъ въ Главной Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, въ С.-Петербургѣ, Невск. Пр., 30; b) Иногородные и иностранные высылаютъ по *почтѣ* исключительно въ Редакцію (Галерная, 20), съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имени, отчества, фамиліи и того *почтоваго учрежденія*, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

2. — *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ Редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить Редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой Конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а Редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные — въ городскіе [illegible] коп.

3. — *ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою, но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы. Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сноситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе. — Жалоба должна быть отправлена никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала; въ противномъ случаѣ, Редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.—Точно также Редакція не можетъ удовлетворять жалобы тѣхъ подписчиковъ, которые, въ противность первому условію подписки, требуютъ высылки журнала на такія станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ *нѣтъ* почтовыхъ учрежденій.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невск. просп., 30.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
REFERENCE DEPARTMENT

This book is under no circumstances to be taken from the Building

form 410

Digitized by Google

APR 12 1927

Digitized by Google

Digitized by Google